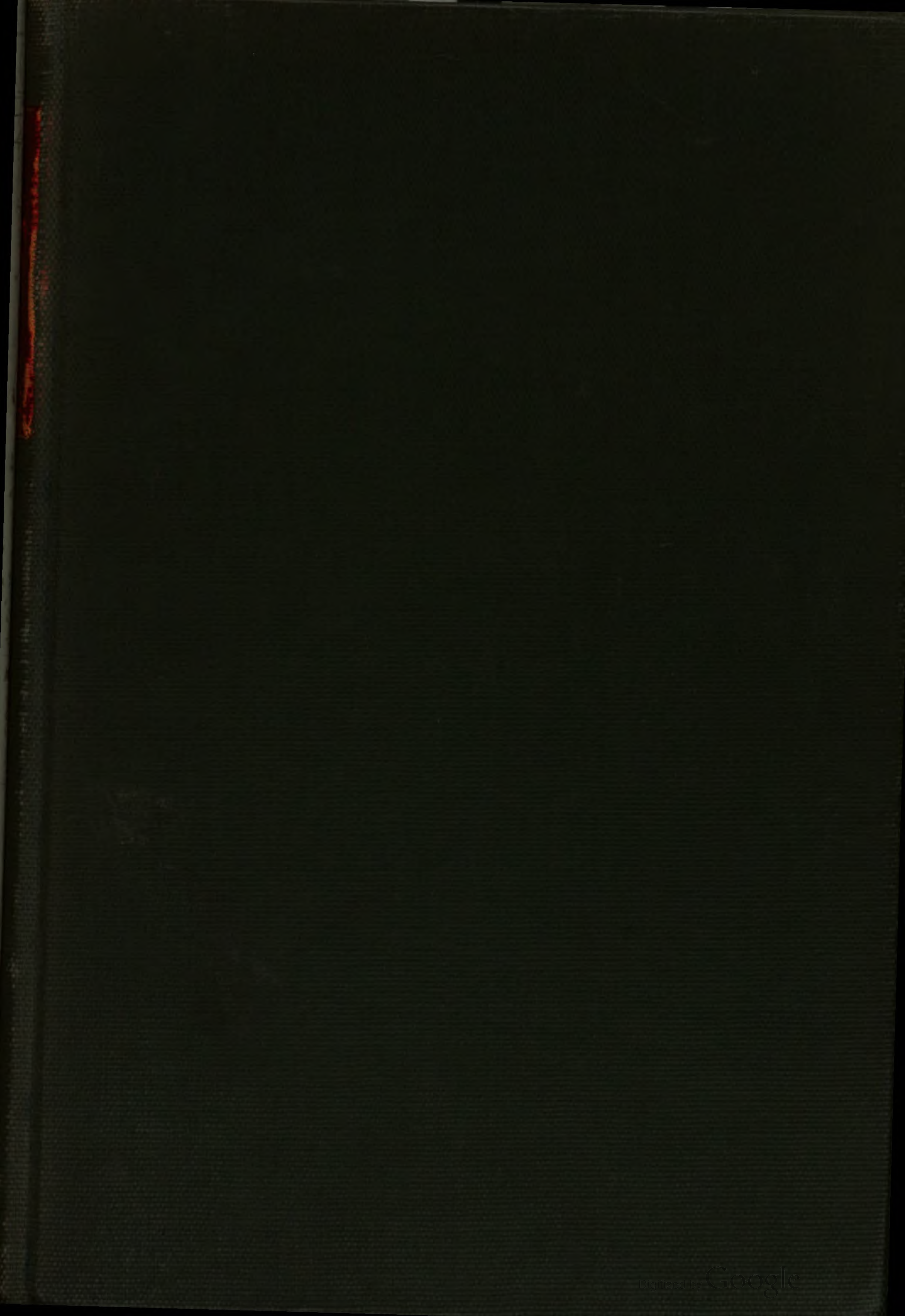

Ἰωάννου Β. Στετσων, υἱοῦ,
ἐκ τῶν ἀνθρωπολογικῶν
βιβλίων

9 vols

Годъ 1-й. Кн. I.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

1900 г., №. 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Сегодня, 30-го марта 1900 года, исполняется 25-лѣтіе дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ предсѣдателя его, проф. Д. Н. Анучина. Антропологическій Отдѣлъ, глубоко благодарный своему предсѣдателю за его неустанную энергію и труды, такъ много содѣйствовавшіе расширенію дѣятельности Отдѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространенію антропологическихъ знаній въ Россіи вообще, пожелалъ ознаменовать чѣмъ-либо 25-лѣтнее участіе въ Отдѣлѣ проф. Д. Н. Анучина. Снова возродившаяся мысль объ основаніи русскаго антропологическаго журнала, уже давно лелѣянная членами Отдѣла, на этотъ разъ получила реальное осуществленіе. Отдѣлъ не могъ избрать лучшей формы чествованія человѣка, всю свою жизнь отдавшаго беззавѣтному служенію наукѣ, какъ положивъ начало такому предпріятію, которое преслѣдовало бы тѣ же научныя цѣли, которымъ посвященъ цѣлый рядъ работъ и изслѣдованій юбиляра, которое такъ же, какъ и онъ, объединяло бы и сплачивало вокругъ себя въ дружной работѣ научныя силы и такъ же, по возможности, содѣйствовало дальнѣйшему расширенію антропологическаго изученія Россіи и

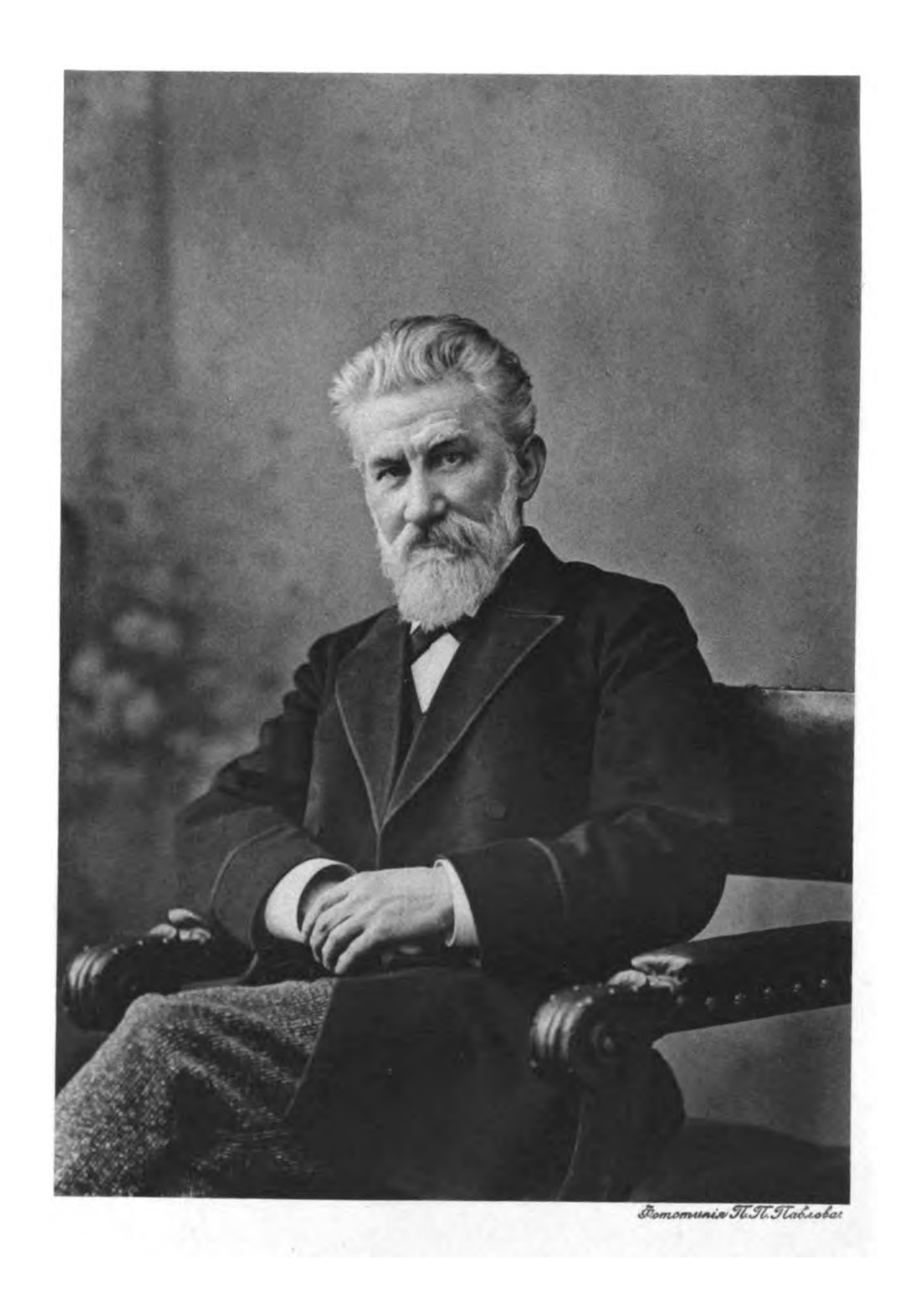
развитію въ ней антропологическихъ знаній. Отдѣлъ хорошо сознаетъ, какую трудную и отвѣтственную задачу онъ принимаетъ на себя, и выполненіе ея одними его членами едва ли было бы ему подъ силу; но то сочувствіе, которое Отдѣлъ встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ своему научному предпріятію, придаетъ ему бодрость и позволяетъ питать надежду, что за добрымъ починомъ не послѣдуетъ скорый конецъ.

Секретарь Антропологическаго Отдѣла

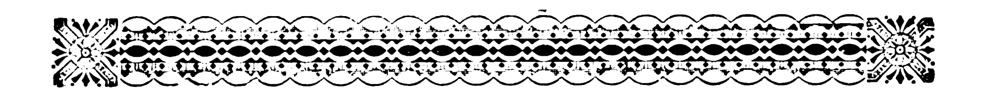
1900 г. 30-го марта.

Ал. Ивановскій.

Фототипія П. П. Павлова

Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.

(По поводу 25-лѣтія его дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи).

Дмитрій Николаевичъ родился 27-го августа 1843 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, родомъ изъ Глазовскаго уѣзда, Вятской губ., происходилъ изъ духовнаго званія; поступивъ изъ семинаріи въ военную службу и дослужившись до офицерскихъ чиновъ, онъ получилъ потомственное дворянство и окончилъ жизнь коллежскимъ асессоромъ въ отставкѣ. Мать Дмитрія Николаевича была родомъ изъ Галичскаго уѣзда, Костромской губ., дочь состоятельнаго крестьянина, получившая образованіе въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Д. Н. былъ младшимъ изъ шести дѣтей, большинство которыхъ умерло въ раннемъ возрастѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома, среднее—въ (4-й) Ларинской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1860 г., подготовившись изъ греческаго языка, поступилъ на историко-филологическій факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ слушалъ, въ числѣ прочихъ, лекціи Стасюлевича, Костомарова, Срезневскаго, Сухомлинова. Пробывъ въ университетѣ одинъ учебный годъ, сталъ страдать болѣзнью легкихъ и, по совѣту врачей, долженъ былъ взять отпускъ и уѣхать за-границу, гдѣ оставался въ теченіе двухъ лѣтъ. Возвратившись въ 1863 г. изъ-заграницы, Д. Н. поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета Московскаго университета и въ 1867 г. окончилъ курсъ кандидатомъ. Находясь въ университетѣ, болѣе всего интересовался зоологіей, особенно позвоночными: сочиненіе, поданное имъ при окончаніи курса проф. С. А. Усову, было озаглавлено «О генетическомъ сродствѣ видовъ р. Bison». Вмѣстѣ съ тѣмъ, еще студентомъ, Д. Н. сталъ интересоваться антропологіей и этнографіей, знакомясь съ литературой по этимъ отраслямъ знанія. Съ 1871 по 1874 г. онъ служилъ въ должности ученаго секретаря Императорскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, въ вѣдѣніи котораго находился московскій зоологическій садъ. Благодаря стараніямъ Д. Н., садъ въ то время обогатился массой африканскихъ животныхъ, присланныхъ въ даръ (при содѣйствіи графа Игнатьева, бывшаго тогда посломъ при Оттоманской Портѣ) египетскимъ хедивомъ, и многими экзем-

плярами животныхъ изъ Туркестана и киргизскихъ степей, доставленными тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ этого края К. П. фонъ-Кауфманомъ, также генераломъ Колпаковскимъ и др. Это обстоятельство послужило для Д. Н. поводомъ къ ближайшему изученію нѣкоторыхъ видовъ присланныхъ животныхъ, въ результатѣ котораго явилось нѣсколько научно-популярныхъ статей, помѣщенныхъ въ 1873—1876 годахъ въ сборникѣ «Природа», издававшемся проф. С. А. Усовымъ и Л. П. Сабанѣевымъ. Въ этомъ же сборникѣ въ 1874 г. была помѣщена большая статья Д. Н. объ антропоморфныхъ обезьянахъ (204 стр. съ 116 рис.), основанная на обстоятельномъ изученіи литературы предмета. Сдавъ въ 1873 г. экзаменъ на магистра зоологіи, Д. Н. занялъ въ 1874 г. мѣсто преподавателя естественной исторіи въ Екатерининскомъ институтѣ и мѣсто преподавателя географіи въ VI-ой московской гимназіи и въ частной гимназіи Репмана. Въ томъ же 1874 году 22-го ноября, по предложенію проф. А. П. Богданова, онъ былъ избранъ въ члены Общества Любителей Естествознанія и 30-го марта слѣдующаго 1875 года выступилъ въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла съ рефератомъ, который вслѣдствіе его обширности не могъ быть оконченъ въ одно засѣданіе и занялъ большую часть слѣдующаго засѣданія 27-го апрѣля. Рефератъ этотъ былъ посвященъ этнографіи Восточной Азіи и именно племени айновъ; вызванъ онъ былъ матеріаломъ, полученнымъ Обществомъ съ о-ва Сахалина (серія портретовъ айновъ, ихъ скелеты, черепа, предметы быта) и предоставленнымъ Д. Н. для обработки проф. А. П. Богдановымъ. Въ томъ же засѣданіи 30-го марта 1875 г. Д. Н. былъ избранъ секретаремъ Антропологическаго Отдѣла, и съ этого времени началась его ближайшая дѣятельность въ качествѣ члена Совѣта Общества. Сдѣланный въ двухъ засѣданіяхъ Отдѣла докладъ былъ затѣмъ обработанъ Д. Н. въ видѣ большой статьи, занявшей большую часть (184 стр. in-4°) II-го тома «Трудовъ» Антропологическаго Отдѣла (1876 г.). Въ томъ же году вышелъ подъ редакціей Д. Н. переводъ сочиненія Лёббока: «Доисторическія времена или первобытная эпоха человѣчества», со многими дополненіями редактора,—трудъ, доставившій ему званіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Въ 1876 г. Д. Н. былъ командированъ Московскимъ университетомъ за границу для спеціальной подготовки къ каѳедрѣ антропологіи, основанной тогда при университетѣ на капиталъ, пожертвованный К. Ф. Фонъ-Меккомъ. За границей Д. Н. пробылъ $2\frac{1}{2}$ года, до весны 1879 г., причемъ большую часть времени провелъ въ Парижѣ, слушая лекціи въ Антропологическомъ институтѣ и другихъ учрежденіяхъ и работая въ лабораторіи Брока́, но также посѣщалъ лекціи или занимался въ музеяхъ: въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Брюсселѣ. Въ 1878 г., по порученію Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Д. Н. устроилъ на Парижской всемірной выставкѣ русскій

антропологическій отдѣлъ и въ томъ же году, въ цѣляхъ ближайшаго ознакомленія съ доисторическими древностями, посѣтилъ многія мѣстности Франціи и Австріи, гдѣ при содѣйствіи извѣстныхъ археологовъ (Карталльяка, Шантра, Массена, Ванкеля и др.) произвелъ раскопки въ пещерахъ Дордони, въ гроттѣ Бизъ, въ дольменахъ деп. Ардеши, въ курганахъ деп. Юры, а также осмотрѣлъ многія пещеры Пиринеевъ и Моравіи, мегалитическіе памятники южной Франціи и т. д. Всѣ эти поѣздки позволили ему собрать значительныя коллекціи для устраивавшейся тогда Антропологической выставки въ Москвѣ; подробные же отчеты о своихъ поѣздкахъ были помѣщены имъ въ изданіяхъ Антропологическаго Отдѣла. По возвращеніи изъ-заграницы, Д. Н. принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ и описаніи Московской Антропологической выставки 1879 г. Въ январѣ 1880 г. Д. Н., въ званіи преподавателя, началъ первый въ Россіи курсъ по физической антропологіи и въ томъ же году защитилъ диссертацію на степень магистра зоологіи, подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ» (изд. въ «Трудахъ» Антроп. Отдѣла), послѣ чего былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ антропологіи. Диссертація эта была результатомъ продолжительныхъ занятій во многихъ иностранныхъ музеяхъ, а затѣмъ въ музеяхъ Петербурга и Москвы, включая въ ихъ число и новыя собранія Антропологической выставки. Лѣтомъ 1882 г., по порученію Московскаго и Петербургскаго Археологическихъ Обществъ и Русскаго Географическаго Общества, Д. Н. совершилъ поѣздку съ археологическою и этнографическою цѣлью въ Дагестанъ, отчетъ о которой былъ напечатанъ имъ затѣмъ въ «Извѣстіяхъ» Импер. Русск. Географическаго Общества 1884 г. Въ томъ же 1882 году (совмѣстно съ Н. Л. Гондатти) онъ занимался устройствомъ Антропологическаго музея въ зданіи Историческаго музея, причемъ помогалъ также графу А. С. Уварову въ размѣщеніи коллекцій русскихъ первобытныхъ древностей въ залахъ устраивавшагося тогда Историческаго музея. Завѣдуя съ тѣхъ поръ Антропологическимъ музеемъ, онъ могъ значительно пополнить его коллекціи и, при содѣйствіи, съ 1893 года, А. А. Ивановскаго, начать и въ большей мѣрѣ закончить ихъ каталогизацію. Въ 1884 г., съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, не признавшаго утвержденной ранѣе въ Московскомъ университетѣ каѳедры антропологіи, Д. Н., по предложенію историко-филологическаго факультета, былъ назначенъ на вновь открытую при этомъ факультетѣ каѳедру географіи и этнографіи съ оставленіемъ преподавателемъ антропологіи. Съ 1885 года въ теченіе трехъ лѣтъ онъ читалъ курсы по исторіи землевѣдѣнія, общему землевѣдѣнію, древней географіи, географіи и этнографіи Россіи, но съ 1888 года каѳедра географіи была переведена на физико-математическій факультетъ, на которомъ съ тѣхъ поръ и сосредоточилась исключительно дѣятельность

Д. Н., какъ профессора географіи и антропологіи. Рядъ изслѣдованій, напечатанныхъ Д. Н. въ 1886—89 гг., въ особенности же его трудъ «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи», послужилъ поводомъ къ избранію Д. Н. Московскимъ университетомъ, по иниціативѣ А. П. Богданова, докторомъ географіи honoris causa, послѣ чего въ 1891 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора.

Дѣятельность Д. Н. по Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, начавшаяся, какъ сказано выше, въ должности секретаря Антропологическаго Отдѣла, продолжалась съ 1881 г. въ званіи товарища предсѣдателя того же Отдѣла, а въ 1889 г. Д. Н. былъ избранъ вице-президентомъ Общества и въ 1891 г. президентомъ, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Въ 1890 г., по иниціативѣ Д. Н., было основано при Обществѣ Географическое Отдѣленіе, въ которомъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ и которое съ 1-го декабря того же года открыло свои засѣданія. Въ 1892 г. Д. Н. былъ приглашенъ въ генеральные секретари собравшейся въ Москвѣ XI сессіи Международнаго Конгресса по доисторической археологіи и антропологіи, и въ этомъ званіи редактировалъ два тома «Трудовъ» Конгресса. Кромѣ того, имъ была устроена въ то время первая въ Россіи Географическая выставка, которая оказалась настолько полною, что осуществленіе ея вызвало благодарственный адресъ со стороны Импер. Русскаго Географическаго Общества и благодарность отъ Совѣта Московскаго университета, а многочисленные экспонаты выставки дали возможность, отчасти путемъ полученія предметовъ въ даръ, а отчасти путемъ пріобрѣтенія на средства выставки, положить прочное начало университетскому Географическому музею. Въ 1894 г. былъ основанъ при Географическомъ Отдѣленіи журналъ «Землевѣдѣніе», издающійся нынѣ уже 7-ой годъ подъ редакціей Д. Н., который помѣстилъ въ немъ и рядъ собственныхъ статей. Кромѣ того, Отдѣленіемъ былъ изданъ одинъ томъ «Трудовъ» и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій (Г. Н. Потанина; сборникъ статей А. В. Потаниной; путешествіе Нансена); при Отдѣленіи основалась также Топографо-Геодезическая Коммиссія, издающая отдѣльно свои «Труды». Въ 1894 г. Д. Н. былъ избранъ предсѣдателемъ Антропологическаго Отдѣла Общества, которымъ съ тѣхъ поръ издано два тома своихъ «Трудовъ».

Одновременно съ дѣятельностью въ Обществѣ Любителей Естествознанія Д. Н. принималъ близкое участіе въ дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества, гдѣ въ 1885 г. состоялъ товарищемъ секретаря, потомъ секретаремъ, но къ концу того же года, по множеству другихъ своихъ занятій, долженъ былъ оставить эту должность; въ 1888 г. онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя Общества и состоитъ въ этомъ званіи по настоящее время. Выступая неоднократно съ рефератами

въ засѣданіяхъ Общества, Д. Н. помѣстилъ рядъ изслѣдованій и замѣтокъ въ издаваемыхъ Обществомъ «Древностяхъ», «Матеріалахъ по археологіи восточныхъ губерній» и «Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ редактировалъ нѣкоторые изъ томовъ «Древностей» и «Матеріаловъ», а послѣдніе два года (1898 и 1899) состоялъ также (вмѣстѣ съ профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ) редакторомъ «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ». Начиная съ 1881 г., онъ участвовалъ въ занятіяхъ всѣхъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, выступая на нихъ съ сообщеніями или занимая должности въ Ученомъ Комитетѣ съѣздовъ. На Тифлисскомъ съѣздѣ 1881 г. и Одесскомъ 1884 г. онъ состоялъ секретаремъ Отдѣленія Первобытныхъ Древностей, на Московскомъ, 1890 г.—предсѣдателемъ Ученаго Комитета съѣзда, на Виленскомъ 1895 г., Рижскомъ 1896 г. и Кіевскомъ 1899 г.—предсѣдателемъ Отдѣленія Первобытныхъ Древностей.

Кромѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ указанныхъ Обществъ и археологическихъ съѣздовъ, Д. Н. выступалъ также съ сообщеніями въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ, на Съѣздѣ французской ассоціаціи ученыхъ (1878 г.), въ Обществѣ Испытателей Природы, на международныхъ географическихъ съѣздахъ въ Бернѣ 1891 г., въ Лондонѣ 1895 г., въ Берлинѣ 1899 г. и на съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей и врачей (въ Петербургѣ 1879 г., тамъ же 1889 г., въ Москвѣ 1894 г., въ Кіевѣ 1898 г.), причемъ на Московскомъ съѣздѣ онъ былъ предсѣдателемъ секціи географіи, антропологіи и этнографіи. Въ 1897 г. ему было поручено завѣдываніе секціей антропологіи на XII Международномъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ. Сравнительно рѣдко приходилось Д. Н. выступать на публичныхъ лекціяхъ. Имъ было сдѣлано нѣсколько воскресныхъ объясненій въ Политехническомъ музеѣ, объясненій на Антропологической выставкѣ 1879 г. и на Географической 1892 г., одинъ семестръ читались имъ лекціи по географіи на женскихъ курсахъ проф. Герье, а также прочитаны были двѣ публичныя лекціи съ благотворительною цѣлью, одна въ 1882 г.—«Регрессивныя явленія при прогрессѣ культуры», другая въ 1887 г.—«О землетрясеніяхъ», и наконецъ въ 1897 г. прочитана была лекція въ Политехническомъ музеѣ: «Деньги и торговый обмѣнъ у менѣе культурныхъ народовъ». Подъ редакціей Д. Н. вышло нѣсколько крупныхъ научныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ, именно по доисторической археологіи сочиненія—Л ё б б о к а (1876) и Н и д е р л е (1898), и по географіи—Н а н с е н ъ, Путешествіе (1897) и Основы физической географіи З у п а н а (1900).

Въ 1887—1896 г. Д. Н. совершилъ нѣсколько поѣздокъ съ ученою цѣлью: въ 1887 г. имъ была посѣщена Пермская губернія для археологическихъ изслѣдованій, въ 1890 г.—истоки Волги, Днѣпра, Зап. Двины, Валдайскій и Демянскій уѣзды, въ 1891 г.—Кавказъ для ознакомленія

съ ледниками и Швейцарія съ тою же цѣлью, а въ 1894—95 гг. онъ принялъ участіе въ работахъ экспедиціи, организованной Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для изслѣдованія источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европ. Россіи, причемъ лѣтомъ 1894 г. занимался (съ тремя помощниками) обслѣдованіемъ истоковъ Зап. Двины, а лѣтомъ 1895 г. (также съ тремя помощниками) главнымъ образомъ изученіемъ озеръ въ верховьяхъ Волги и Зап. Двины. Результаты этихъ изслѣдованій были имъ обработаны въ одномъ изъ выпусковъ «Трудовъ» экспедиціи, изд. въ 1897 г. подъ редакціей ген. А. А. Тилло, а отчасти вошли въ статью, помѣщенную въ «Землевѣдѣніи» 1898 г. Послѣ того изслѣдованія озеръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи продолжались бывшими слушателями Д. Н.: А. А. Круберомъ, В. Н. Леоновымъ, Е. И. Луценко, В. В. Поздньшевымъ и П. Г. Игнатовымъ.

Въ 1896 г. Д. Н. былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію и началъ принимать участіе въ засѣданіяхъ отдѣленія и общихъ собраніяхъ, а также исполнять порученія Академіи по разбору представляемыхъ на преміи сочиненій и по обсужденію другихъ, возникавшихъ въ средѣ академіи вопросовъ, но въ 1898 г., не имѣя возможности переѣхать на жительство въ Петербургъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Академія оказала ему вниманіе избраніемъ его въ свои почетные члены.

Помимо ученой дѣятельности Д. Н. принималъ участіе и въ журналистикѣ. Еще въ 1877—78 годахъ имъ помѣщено было нѣсколько писемъ изъ-за границы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Московскомъ Обозрѣніи». Въ 1879—81 гг. онъ принималъ близкое участіе въ редакціи газеты «Русскій Курьеръ», а съ 1882 г. сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей», гдѣ съ 1897 г. состоитъ вторымъ редакторомъ. Кромѣ того, въ разное время имъ помѣщались статьи и замѣтки въ нѣскольких другихъ журналахъ и газетахъ. Въ 1892 г. подъ редакціей Д. Н. былъ изданъ на средства «Русскихъ Вѣдомостей» сборникъ «Помощь голодающимъ“.

Научная и общественная дѣятельность Д. Н. доставила ему многіе знаки вниманія отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и Обществъ. Кромѣ Императорской Академіи Наукъ Д. Н. состоитъ почетнымъ членомъ: Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (съ 1887 г.), Вашингтонскаго Антропологическаго Общества (съ 1883 г.), Антропологическаго Института Великобританіи (съ 1897 г.; ранѣе съ 1891 г. былъ членомъ-корр.), Антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи (съ 1895 г.), Антропологическаго Общества въ Мюнхенѣ (съ 1898 г.), Археологическаго Института въ Петербургѣ (съ 1883 г.), Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ (съ 1893 г.), Кіевскаго Общества Естествоиспытателей (съ 1894 г.), Императорска-

го Общества Естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ (съ 1900 г.), Императорскаго Уральскаго Общества Любителей Естествознанія (съ 1897 г.), Ростовскаго музея древностей (съ 1887 г.), Симбирской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи (съ 1897 г.). Онъ состоитъ также почетнымъ членомъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета (съ 1898 г.), membre associé étranger Парижскаго Антропологическаго Общества (съ 1893 г.; ранѣе съ 1877 г. былъ членомъ-корреспондентомъ) и постояннымъ членомъ Имп. Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній.

Изъ ученыхъ наградъ Д. Н. имѣетъ: серебряную и золотую медаль отъ Имп. Рус. Географическаго Общества, большую золотую медаль отъ Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, большую золотую медаль имени графа А. С. Уварова отъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества, золотой жетонъ отъ Имп. Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній, юбилейный жетонъ (1896 г.) отъ Имп. Рус. Географическаго Общества, двѣ благодарности отъ Совѣта Московскаго университета (одну въ 1886 г. за пожертвованіе значительнаго собранія книгъ для университетской библіотеки, другую въ 1892 г. за устройство Географической выставки и обогащеніе Географическаго музея), благодарственный адресъ отъ Совѣта Имп. Русскаго Географическаго Общества (за Географическую выставку 1892 г.), Palmes d'Officier d'Academie (1878) и кавалерскій крестъ ордена Почетнаго Легіона (1890) отъ французскаго правительства.

Д. Н. состоитъ дѣйствительнымъ членомъ, членомъ-корреспондентомъ или сотрудникомъ: Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (д. чл. съ 1875 г.), Имп. Московскаго Общества Испытателей Природы (д. чл. съ 1882 г., ранѣе съ 1872 г. былъ членомъ-корреспондентомъ), Имп. Русскаго Географическаго Общества (съ 1879 г.), Итальянскаго Общества Антропологіи и Этнологіи во Флоренціи (съ 1886 г.), Общества Антропологіи, Этнологіи и Первобытной Исторіи въ Берлинѣ (съ 1889 г.), Антропологическаго Общества въ Вѣнѣ (съ 1890 г.), Антропологическаго Общества въ Римѣ (съ 1894 г.). Имп. Русск. Археологическаго Общества въ Петербургѣ (съ 1883 г.), Психологическаго Общества при Московскомъ университетѣ (членъ-основатель), Императорскаго Московскаго Историческаго музея (съ 1889 г.), Финно-Угорскаго Общества въ Гельсингфорсѣ (съ 1891 г.), Финляндскаго Археологическаго Общества тамъ же (съ 1893 г.), Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ (съ 1888 г.), Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ (съ 80-хъ годовъ), Педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ (членъ-учредитель), Греческаго Ученаго Общества (Syllogos) въ Константинополѣ (съ 1884 г.), Крымскаго Горнаго Клуба (съ 1893 г.), Кавказскаго Отдѣла И. Рус. Географическаго Общества (съ 1881 г.), Учеб-

наго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній и Рязанской Губ. Ученой Архивной Коммиссіи.

Печатные труды Д. Н. Анучина.

1873 г. 1) Очерки Африканской фауны: I. «Секретарь» (Gypogeranus serpentarius). 28 стр. Сборн. «Природа», кн. 1, стр. 318—345 (съ хромолитографіей).

2) II. Орелъ-скоморохъ (Helotarsus ecaudatus). 16 стр. Тамъ-же, кн. 2, стр. 377—392 (съ хромолитографіей).

1874 г. 3) Антропоморфныя обезьяны и низшія расы человѣчества. 204 стр. съ 116 рис. и 2 табл. Сборн. «Природа», кн. 1, стр. 185—280; кн. 3, стр. 220—276 и кн. 4, стр. 81—141.

1875 г. 4) Сайга. 21 стр. «Природа», кн. 3, стр. 201—222 (съ хромолит. и рис.).

5) Лама и ея родичи. Тамъ-же, кн. 1, стр. 79—86 (съ 2 литогр.).

1876 г. 6) Редакція русскаго перевода сочиненія Леббока: «Доисторическія времена, или первобытная эпоха человѣчества» (съ приложеніемъ около $3^1/_2$ печатныхъ листовъ добавленій). II+498+VIII стр., изд. сбор. «Природа».

7) Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Племя айновъ. 184 стр. in-4°, съ таблицами и 43 рис. въ текстѣ. «Труды Антроп. Отдѣла О. Л. Естеств.», кн. 2. Приложеніе, стр. 79—204.

Содержаніе: I. Истор. свѣдѣнія о племени айновъ и сношеніяхъ съ нимъ русскихъ. II. Морфологическій очеркъ аинскаго племени. III. Матеріалы для анатоміи (остеологіи) айновъ. IV. Этнографич. особенности аинскаго племени и его отношенія къ племенамъ окружающимъ. Работа эта была резюмирована въ „Archiv für Anthropologie", Bd. X, S. 441—446, и въ „Revue d'Anthropologie" 1878, p. 148—152, 349—361. Проф. И. И. Мечниковъ обратилъ на нее вниманіе въ предисловіи къ русскому переводу Антропологіи Топинара, С.-Пб., 1879, стр. VIII. Проф. A. v. Török въ своей статьѣ „Ueber den Yezoer Ainoschädel etc." („Archiv für Anthropologie", Bd. XVIII, 1889, S. 87) выразился объ „Anutschin'sche Arbeit", что „die Monographie dieses hochverdienten Autors entschieden die allerbedeutendste ist, die bisher über die Ainorasse veröffentlicht wurde". Новѣйшій изслѣдователь айновъ, профессоръ Коганей (Токіо), имѣвшій въ своемъ распоряженіи сравнительно громадный матеріалъ, подтвердилъ наблюденія Анучина относительно особенностей скелета этого племени (Koganei, Beiträge zur physischen Anthropologie der Aino. I. Untersuchungen am Skelet. Токіо. 1893. S. 101, 103, 112).

8) Этнографическіе очерки Сибири. Русско-сибирская народность. «Ремесленная Газета», №№ 14, 15, 21, 22, 24 и 25.

9) Отзывъ о брошюрѣ Шантра, озаглавленной: «Projet d'une légende internationale pour les cartes archéologiques préhistoriques». «Тр. Антроп. Отд.", кн. 2, вып. 1, стр. 71—78.

10) (Д. А.) Барсъ. Сбор. «Природа», кн. 1, стр. 6—10 (съ хромолитографіей).

11) Какъ люди себя украшаютъ и уродуютъ. 48 стр. съ 6 рис. Тамъ-же, кн. 3, стр. 61—109.

12) Очерки полярной фауны. (Бѣлый медвѣдь и сѣверный олень). 57 стр., съ 2 хромолит. Тамъ-же, кн. 3, стр. 78—91 и кн. 4, стр. 47—90.

1877 г. 13) Этнографическіе очерки Балканскаго полуострова. 37 стр. Сборн. «Природа», кн. 1, стр. 132—168.

Въ концѣ сказано: «Окончаніе слѣдуетъ», но его не появлялось.

14) (Д. Н. А-ъ). О нѣкоторыхъ видахъ и формахъ самоуродованій. «Моск. Медиц. Газ.», №№ 9 и 10.

15) (Д. А-ъ.) Обзоръ современной литературы по краніологіи. Тамъ-же, №№ 23—29.

16) (Д. А-ъ). 50-й съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ. Тамъ-же, №№ 43—46.

1878 г. 17) Антропологическія и этнографическія собранія, русскія и иностранныя. Замѣтки во время заграничной командировки. (Музеи Петербурга, Берлина, Парижа; парижскіе курсы по антропологіи и т. д.). 72 стр. „Антрополог. Выставка". Т. 1., стр. 35—61, 129—146, 194—200 и т. II, стр. 55—58.

18) Лондонскія и германскія антропологическія собранія. 50 стр. in-4°. Тамъ-же. Т. I., стр. 215—228, 248—275, 300—308.

19) Поѣздка въ Саксонію и Богемію съ антропологическою цѣлью (и обзоръ вѣнскихъ антропол. и этнограф. музеевъ). 21 стр. in—4°. Тамъ-же. Т. I., стр. 369—384, 414—415, 418—420.

20) Sur les anomalies du ptérion. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris".

21) Sur la capacité moindre du crâne chez la femme. „Comptes rendus de l'Association pour l'avancement des Sciences". Session de Paris.

22) Отчетъ о поѣздкѣ къ доисторическимъ памятникамъ Франціи. 32 стр. in 4°. „Антроп. Выставка", т II, стр. 227—232, 255—261, 362—381.

Раскопки кургановъ въ деп. Юры (съ проф. Шантромъ). Экскурсіи въ деп. Ардеши (съ проф. Карталльякомъ); раскопки дольменовъ на плато Causses. Поѣздка по южной Франціи отъ Авинь-

она до Нарбонны съ цѣлью осмотра древностей. Раскопки въ пещерѣ Bize. Экскурсія въ Пиренеи (съ Гарригу и др.). Поѣздка къ пещерамъ долины р. Везеры и раскопки въ Laugerie Basse (съ г. Massenat).

23) (Д. А-нъ) Клодъ Бернаръ (некрологъ). «Моск. Мед. Газ.», № 9.

24) (Д. А-нъ) Законъ органическаго приспособленія въ примѣненіи къ медицинѣ. Тамъ-же, № 15.

25) (Д. А-нъ) Д-ръ Ціонъ, его диссертація и диспутъ въ Парижѣ. Тамъ-же, № 19.

26) (Д. А-нъ) Антропологія на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г. Тамъ-же, №№ 26, 27, 31 и 32.

1879 г. 27) По поводу реставраціи мамонта для Антропологической выставки. 17 стр. in-4°, съ 2 рис. «Антропол. Выставка», т. III, стр. 35—52.

28) Антропологія, ея задачи и методы (по поводу Антропологической выставки). «Русскія Вѣдомости», №№ 74—79.

29) Описаніе предметовъ Антропол. выставки. «Отдѣлъ доисторическихъ древностей», стр. 1—30, и «Отдѣлъ манекеновъ, бюстовъ и масокъ», стр. 1—8, также части палеонтологическаго и краніологическаго отдѣловъ. «Антр. Выставка». Т. III.

30) Рецензія на сочиненіе П. Полевого: «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. I. Древнѣйшій періодъ». 1879. «Критическое Обозрѣніе», № 24—25, стр. 1—14.

1880 г. 31) Антропологическіе очерки. Задачи современной антропологіи и ея отношенія къ другимъ наукамъ (вступительная лекція въ Московскомъ университетѣ). 18 стр. «Русская Мысль», мартъ, стр. 45—63.

32) Изслѣдованія надъ черепами и мозгами преступниковъ. «Рус. Мыс.», ноябрь, стр. 1—9.

33) Курсъ физической антропологіи (литографированный). 42 стр. in—4°.

Задачи и краткая исторія физич. антропологіи. Очеркъ сравнительной морфологіи расъ.

34) О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ. II+120 стр. in-4°, съ 104 рис. въ текстѣ. «Труды Антроп. Отдѣла». VI, 1880. («Изв. Общ. Люб. Ест.», т. 38, вып. 3).

Магистерская диссертація. Содержаніе этого труда было изложено подробно на нѣмецкомъ языкѣ проф. Stieda въ „Biologisches Centralblatt“, II. Bd. 1882—83. S. 38—51, 86—96, 117—132 и г. Мережковскимъ, на французскомъ языкѣ, въ „Revue d'An-

thropologie“ 1881 г. Нѣкоторые выводы этой работы вошли въ учебники антропологіи и анатоміи: Topinard, Eléments d'anthropologie, 1885, p. 790, 793—794, 797—798; Hovelacque et Hervé, Précis d'Anthropologie, 1887, p. 227—228, 231; Зерновъ, Рук. опис. анат., изд. 1890 г., ч. I, стр. 102, 104; Deniker, The Races of Man, 1900, p. 67—68 и др.

1881 г. 35) (Д—ъ). Научное обозрѣніе. «Рус. Мысль», ноябрь, стр. 1—17.

Содержаніе. Современный лозунгъ науки. — Особенность современнаго научнаго направленія.—Естествознаніе въ древности и въ средніе вѣка.—Эпоха возрожденія.— Новый методъ, указанный Бэкономъ.—Научныя пріобрѣтенія XVIII в.—Приложеніе индуктивнаго метода къ изученію человѣка.—Дедуктивныя воззрѣнія матеріалистовъ и связь ихъ съ міровоззрѣніемъ Декарта.—Сенсуализмъ и скептицизмъ.—Критика познавательныхъ способностей Канта. — Періодъ философскаго идеализма и торжества метафизики.—Натурфилософія Шеллинга и Окена.— Реакція фактической школы.—Позитивизмъ.- Новый расцвѣтъ матеріализма.—Ударъ, нанесенный ему закономъ сохраненія силы.—Выводы, къ которымъ приводитъ обобщеніе этого закона.—Новыя точки опоры эволюціонной теоріи.—Предѣлы познанія природы по Дюбуа-Реймону.—Возраженія Штрауса и Негели; гипотеза Геккеля.—Новѣйшее опредѣленіе Дюбуа-Реймономъ трудностей міровой проблемы. Ограниченность человѣческаго знанія, способнаго, однако, къ почти безконечному развитію.

1882 г. 36) Рецензія на сочиненіе гр. А. С. Уварова: «Археологія Россіи. Каменный вѣкъ». 2 т., 42 стр. «Жур. Мин. Нар. Просв.», февраль, стр. 359—460.

37) Рецензія на сочиненіе Г. Н. Потанина: «Очерки Сѣв.-Западной Монголіи». 16 стр. Тамъ-же, сентябрь, стр. 185—200.

38) Объ остаткахъ собаки, волка и лисицы изъ отложеній каменнаго вѣка на побережьи Ладожскаго озера. 27 стр. in-4°, съ двумя фототипич. таблицами; въ изданіи проф. А. А. Иностранцева: «Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера», стр. 55—81.

Въ этой работѣ были установлены двѣ породы собакъ каменнаго вѣка въ Россіи, названныя: Canis f. palustris ladogensis и Canis f. Inostranzevi.

1883 г. 39) Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Сибири. «Восточное Обозрѣніе», №№ 29—30.

40) Рецензія на книгу: Лихачевъ, Самоубійства въ Зап. Европѣ и Россіи. 20 стр. «Жур. Мин. Нар. Просв.», январь, стр. 164—183.

1884 г. 41) Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г. 93 стр. «Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.», т. XX, стр. 357—449.

42) В. Ѳ. Ковалевскій. (Некрологъ). 16 стр. «Отчетъ Москов. университета», за 1883 г., стр. 266—281.

Перепечатанъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ С.-Петербургскаго университета». Т. I, 1896, стр. 324—336.

43) Доисторическая археологія Кавказа. 37 стр. «Жур. Мин. Нар. Просв.», янв., стр. 201—237.

44) Научный обзоръ. Ученые съѣзды минувшей осенью заграницей и въ Россіи. «Рус. Мысль», ноябрь, стр. 36—42.

45) Научный обзоръ. Антропологія и этнографія. 31 стр. «Рус. Мысль», дек., стр. 170—201.

Вопросъ о древности человѣка и о переходныхъ формахъ между человѣкомъ и обезьянами; новѣйшія экспедиціи и изслѣдованія; вопросъ о прародинѣ арійцевъ.

46) О предшественникахъ Г. Е. Щуровскаго по предмету его каѳедры въ Московскомъ университетѣ. «Русск. Вѣстн.», 1884 г., т. 171, май, стр. 194—203.

Статья эта представляетъ рефератъ, читанный въ засѣданіи Общества Люб. Естествознанія 14 апрѣля 1884 г., посвященномъ памяти Г. Е. Щуровскаго, совмѣстно съ рефератами А. П. Богданова, Н. А. Попова, М. А. Толстопятова и А. П. Павлова. Всѣ эти рефераты были напечатаны въ «Русск. Вѣстникѣ» подъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминанія о Г. Е. Щуровскомъ».

1885 г. 47) О нѣкоторыхъ бронзовыхъ украшеніяхъ, найденныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ Черниговской губ. «Древности», изд. М. Арх. Общ., т. X. Протоколы, стр. 32—34.

48) О раскопкахъ кургановъ Нижегородскаго уѣзда. Тамъ-же, стр. 34—40.

49) Воспоминаніе о Г. Е. Щуровскомъ. «Извѣстія Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.», т. XXXIII, прилож. 1 и 2.

50) Къ вопросу о составленіи легенды для археологической карты Россіи по доисторической археологіи. «Древности», т. X, стр. 105—112.

51) Курсъ лекцій по исторіи землевѣдѣнія, читанныхъ на ист.-фил. факул. Моск. унив. въ весеннемъ семестрѣ 1885 г. (литографированный), 256 стр. in-4° и 1 листъ картъ.

Исторія расширенія пространственныхъ свѣдѣній о земной поверхности и измѣненія географическихъ представленій съ древнѣйшихъ временъ до открытія Америки Хр. Колумбомъ и проложенія морского пути въ Индію Васко-де-Гамой включительно.

1886 г. 52) Объ антропологическомъ типѣ гунновъ. «Труды Этнограф. Отдѣла О. Л. Е»., кн. VII, стр. 32—39.

53) Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи. «Труды VI Одесскаго Археолог. Съѣзда». I, стр. 1—34, съ фототип. таблицей и рис. въ текстѣ.

54) О нѣкоторыхъ своеобразныхъ каменныхъ издѣліяхъ изъ Вост. Сибири. Тамъ-же. Стр. 35—46, съ фототип. таблицей и 4 рис. въ текстѣ.

55) О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей. Тамъже. Стр. 235—252, съ фототип. таблицей и нѣсколькими рис. въ текстѣ.

56) Графъ А. С Уваровъ (біографич. очеркъ, съ портретомъ). Тамъже, стр. III—XX.

57) Антропологическая экскурсія въ Бологое. «Древности», т. X, вып. 2, стр. 64—68.

58) Курсъ лекцій по общему сравнительному землевѣдѣнію (литографированный), читан. въ 1885—86 г. на ист.-фил. фак. Моск. унив. 184 стр. in-4°.

59) Курсъ лекцій по древней географіи (литографированный), читан. въ первомъ полугодіи 1886—87 уч. года на ист.-фил. фак. Моск. унив. 260 стр. in 4° и 4 стр. картъ.

1887 г. 60) Ueber die Reste des Höhlen-Bären aus Transkaukasien. «Bull. de la Soc. des Naturalistes de Moscou». № 1, р. 216—221.

61) Ueber die Reste des Höhlen-Bären und des Menschen aus Transkaukasien. Тамъ-же. № 2, р. 375—377.

62) О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи. «Протоколы засѣданій Антропол. Отдѣла» («Извѣстія» Общества, т. XLIX, вып. 4) и отдѣльный оттискъ, 72 стр. съ 19 рис.

Работа эта была резюмирована проф. Stieda въ «Archiv für Anthropologie», Bd. XX, S. 355—360; о ней же была помѣщена рецензія въ „Revue d'Anthropologie» 1888, р. 375—376.

63) О землетрясеніяхъ. «Русск. Вѣд.», №№ 62, 68 и 82.

64) Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка въ Екатеринбургѣ и VII Археологическій Съѣздъ въ Ярославлѣ. «Русская Мысль», ноябрь, стр. 162—198.

65) С. А. Усовъ, какъ членъ Московскаго Археологическаго Общества и какъ археологъ-натуралистъ. 12 стр. in—4°. «Древности», т. XI. Приложеніе, стр. XVIII—XXIX.

Статья эта представляетъ рефератъ, читанный въ засѣданіи И. Моск. Археол. Общества, посвященномъ памяти С. А. Усова, совмѣстно съ рефератами о дѣятельности покойнаго по исторіи искусства и археологіи, доложенными профессорами А. Н. Шварцемъ и В. О. Ключевскимъ.

66) Лукъ и стрѣлы. Археолого-этнографическій очеркъ. 75 стр. in—4°, съ 73 рис. въ текстѣ. «Труды V Археолог. Съѣзда въ Тифлисѣ 1881 г.». М. 1887.

Работа эта обратила на себя вниманіе извѣстнаго этнолога H. Balfour, который въ своей статьѣ „On the Structure and Affinities of the composite Bow“ (въ «Journal of the Anthropological Institute», London, 1889, № 69) говоритъ, между прочимъ: «The most recent general paper on the subject is D. N. Anuchin's «Bows and Arrows» Mos. 1887. This contains a very interesting general account illustrated. I am much indebted to my friend Mr. W. L. Morfill for very kindly translating that portion which bears specially upon the subject of my paper etc». Резюме этой работы было помѣщено проф. Kern'омъ (Лейденъ) въ «Internationales Archiv für Ethnographie“, Bd. I. 1888. S. 167—170. Авторъ заключаетъ свою рецензію словами: „This paper is an able sketch and something more than this. Owing to the general clearness of the outlines and at the same time on account of the fulness of references it will prove a useful help to those as wish to study the subject».

67) Конспектъ лекцій по географіи Россіи, читанныхъ въ 1887 г. въ Моск. унив.; литографированный, 128 стр.

1888 г. 68) Кто вводитъ въ науку бóльшія недоразумѣнія? (Вопросъ и отвѣтъ проф. Д. Я. Самоквасову). «Русскія Вѣдомости», № 276.

69) Н. М. Пржевальскій (некрологъ). Тамъ-же, №№ 293, 294, 297 и 300.

70) (Д. А—нъ) Нѣмцы въ Африкѣ. Тамъ-же, №№ 336 и 338.

71) (Д.) Изъ области науки. (О землетрясеніи въ Вѣрномъ; значеніе вѣтра для центральной Азіи; космическая пыль; изслѣдованія Гренландіи и другихъ полярныхъ странъ). Тамъ-же, № 13

1889 г. 72) О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи (по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ имперіи за 1874—1883 гг.) сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ. Съ 10-ью раскраш. картами. 184 стр. «Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣленію Статистики», т. VII, вып. I.

За эту работу авторъ былъ удостоенъ золотой медали отъ И. Р. Географ. Общества. Подробное резюмэ этого труда на французскомъ языкѣ сдѣлалъ Léon Laloy въ „L'Anthropologie“, 1890. T. XII, p. 62—74. Квалифицируя эту работу, какъ «une oeuvre approfondie», онъ воспроизвелъ и одну изъ картъ распредѣленія роста по губерніямъ, съ нѣкоторымъ только видоизмѣненіемъ. Карта распредѣленія средняго роста по уѣздамъ Евр. Россіи была воспроизведена недавно William J. Ripley'емъ въ его сочиненіи «The Races of Europe», L. 1900, p. 348—349. Проф. L. Stieda изложилъ эту работу въ «Archiv für Anthrop.», B. XXVI, 1899, S. 526—530.

73) О задачахъ русской этнографіи. 35 стр. «Этнографическое Обозрѣніе», кн. I, стр. 1—35.

Статья эта была переведена на нѣм. яз. г. Aurich'омъ въ «Russische Revue». 1890, H. 1—2.

1890 г. 74) Ископаемый овцебыкъ (Ovibos fossilis Rüt). По поводу черепа ископаемаго овцебыка съ береговъ Лены, находящагося въ Зоологическомъ музеѣ Моск. универс. 10 стр. in—4°, съ 1 фот. табл. и 2 рис. въ текстѣ. «Труды Зоологич. Отдѣл.», т. VI, вып. 3 («Извѣстія» Общества, т. LXVII).

Статья эта была резюмирована J. D. въ «L'Anthropologie», 1891, p. 54—56.

75) Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. 146 стр. 4°, съ 44 рис. въ текстѣ. «Древности», т. XIV, стр. 81—226.

За этотъ трудъ авторъ былъ удостоенъ большой золотой медали имени графа А. С. Уварова отъ Имп. Русск. Археолог. Общества въ Петербургѣ, на основаніи подробной рецензіи академика Л. Н. Майкова. Содержаніе труда было изложено на нѣмецкомъ языкѣ проф. L. Stied'а въ «Archiv für Anthropologie», Bd. XXII, 1894, S. 456—464, на французскомъ языкѣ I. Deniker'омъ въ «Anthropologie», 1891, p. 723—725, и на англійскомъ—I. Oliver Wardrop'омъ въ «Journal of the Anthropological Institute», XXI, 1892, p. 321—329. Въ «Internation. Archiv für Ethnographie», Bd. III. 1890, S. 133—135, была помѣщена рецензія проф. Kern'а, который, называя статью «lehrreiche Abhandlung», замѣчаетъ: «Der Verfasser hat sich mit gutem Erfolge bestrebt, die betreffenden Thatsachen, wie sie uns in Geschichtsquellen überliefert sind, mit den Ergebnissen archäologischer Funde und den Berichten der Reisenden zu vergleichen, hat also die historische Methode mit der vergleichenden in Verbindung gebracht» etc. Проф. В. Ѳ. Миллеръ помѣстилъ обстоятельную рецензію о томъ-же трудѣ въ «Этнограф. Обозрѣніи», 1890 г., кн. V, стр. 175—183 Въ упомянутой выше рецензіи Деникера говорится, между прочимъ, что «le travail du savant russe abonde en renseignements prècieux de toute sorte en même temps qu' il donne des aperçus nouveaux sur plusieurs points de l'ethnologie comparée». Данныя о саняхъ въ похоронномъ обрядѣ вызвали появленіе статей: Ф. Бѣляшевскаго въ «Кіев. Старинѣ» 1893 г. и Th. Volkov, «Le Traineau dans ler rites funéraires de l' Ucraine» въ «Revue des traditions populaires» 1896 (съ 10 рис.), гдѣ приведены цѣнныя дополнительныя указанія.

76) Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе «О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ». Археолого-этнографическій этюдъ. 80 стр., 4°, съ 14 рис. въ текстѣ и фитотипич. таблицей (картой). «Древности», т. XIV, стр. 227—313.

Сущность этой работы была изложена А. Н. Пыпинымъ въ его статьѣ по исторіи этнографіи Сибири (см. его „Исторію русской этнографіи". IV. 1892, стр. 185—193). Проф. Кернъ, по-

мѣстившій рецензію объ этомъ трудѣ въ „Intern. Archiv für Ethnographie“, Bd. III. S. 208, указывая на задачу труда выдѣлить изъ стариннаго русскаго сказанія все имѣющее значеніе для этнографіи и исторіи землевѣдѣнія, говоритъ, что «dieser Aufgabe hat der Verfasser sich mit äusserster Sorgfalt unterzogen“ и что «der Aufsatz Prof. Anutschin's bietet manches wichtiges». J. Deniker, въ своей рецензіи о томъ же трудѣ въ «L'Anthropogie», II. 1891, p. 243—245, замѣчаетъ, что «le texte de quelques pages fournit à l'auteur l'occasion de commentaires nombreux et ingènieux... dans lesquels M. Anoutchin se révéle comme érudit de premier ordre et comme interprétateur de textes fort ingénieux». Въ «Petermann's Geogr. Mitteilungen» была помѣщена рецензія объ этой же работѣ проф. Brückner'a.

77) Отзывъ о книгѣ А. Н. Харузина: «Киргизы Букеевской орды» въ «Дневникѣ Антроп. Отд.», годъ 1-й, вып. 1-й («Извѣстія» Общества, т. LXVIII).

78) Изученіе психо-физическихъ типовъ. 11 стр. «Вѣстникъ Европы», май.

79) О совмѣстной работѣ русскихъ географовъ и этнографовъ 8 стр. «Труды VIII Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей».

80) Новѣйшая географическая литература вообще и бывшіе въ 1889 г. географическіе съѣзды. 43 стр. «Ежегодникъ», изд. И. Р. Геогр. Общ., I, стр. 229—272.

81) Историческій очеркъ дѣятельности русскихъ археологическихъ съѣздовъ. «Историческая записка о дѣятельности Имп. Моск. Арх. Общ.», стр. 82—113.

1891 г. 82) Столѣтіе «Писемъ русскаго путешественника». 50 стр. «Русская Мысль», іюль, стр. 1—31, и августъ, стр. 59—77.

83) Изъ поѣздки къ истокамъ Волги и Днѣпра. 44 стр. «Сѣверный Вѣстникъ», № 8 (августъ), стр. 119—162.

Въ этой статьѣ сообщены были первыя болѣе подробныя свѣдѣнія объ истокахъ Днѣпра и Зап. Двины, а также описанъ истокъ Волги, озеро Селигеръ, нѣкоторыя высшія точки Валдайской возвышенности, верхневолжскіе лѣса и обстановка въ нихъ лѣсного промысла.

84) Рудольфъ Вирховъ. Краткій очеркъ его дѣятельности и научныхъ заслугъ по поводу чествованія 1/13 окт. 1891 г. 70-лѣтней годовщины дня его рожденія. «Рус. Вѣдом.», № 269.

85) Изъ Парижа въ Тонкинъ чрезъ Сибирь и Тибетъ. (Путешествіе Бонвалло и пр. Генр. Орлеанскаго). Тамъ-же, № 35.

1892 г. 86) Sur les crânes anciens, artificiellement déformés, trouvés en Russie. «Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie». 11-ème session, a Moscou. T. I, p. 263—268.

87) L'epoque paléolithique dans les environs de la ville de Novgorod (добавленіе къ статьѣ г. Передольскаго). Ibid., p. 141—144.

88) Sur les restes de l'Ursus spelaeus et de l'Ovibos fossilis trouvés en Russie. Ibid., p. 241—248.

89) «Великоруссы». 16 стр. «Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона», 10 полут., стр. 828—843.

90) «Гальштадскій могильникъ». Тамъ-же, полут. 14.

91) «Географія» (исторія развитія и современныя задачи и подраздѣленія). Тамъ-же, 15 полут., стр. 377—390.

92) Рецензія на сочиненіе В. М. Михайловскаго «Шаманство». 7 стр. «Этногр. Обозрѣніе», № 2—3.

93) Quelques mots sur le plateau du Waldai et sur son prétendu point culminant, appelé «Popova Gora». 12 стр. Extrait du Compte Rendu du V-me Congrés intern. des sciences géographiques à Berne.

94) (X.) Международные научные конгрессы (1892 г.) въ Москвѣ и бывшія при нихъ выставки. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1892 г., кн. 12, стр. 53—71, и 1893 г., кн. 1, стр. 23—37.

95) Географическая выставка 1892 г. въ Москвѣ. Каталогъ выставки, съ введеніемъ. XVI+140 стр.

(Нѣкоторые отдѣлы этого каталога были составлены, впрочемъ, другими лицами).

1893 г. 96) Quelques données pour la craniologie de la population actuelle du gouvernement de Moscou. «Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie». 11-ème session, à Moscou. T. II, p. 279—286.

97) Notice sur quelques épées anciennes en bronze, trouvées dans la Russie méridionale et en Sibérie (avec 4 fig.). Ibid., p. 341—346.

98) Древній серебряный остяцкій идолъ, изображающій слона (съ 2 рис.). «Археологическія Извѣстія и Замѣтки», изд. Моск. Арх. Общ., №№ 3 и 4, стр. 93—101.

99) (Д. А.). Русская ассоціація для споспѣшествованія естественнымъ наукамъ. «Русск. Вѣд.», № 345.

100) «Германцы» (физическій типъ). «Гетеризмъ». «Гиляки». «Глобусъ», статьи въ «Энцикл. Слов.» Брокгауза и Ефрона, 16 полут.

101) «Голова» (человѣка). «Гольды». «Городища» (стр. 303—309). «Готтентоты». Тамъ-же, 17 полут.

102) «Гренландія» (стр. 619—624). «Греція» (физ. геогр.; стр. 628—634). «Греки» (антр.). «Гуанхи», «Гунны». Тамъ-же, 18 полутомъ.

103) «Даяки». «Деньги» (въ этнологич. отношеніи). Тамъ-же, 19 полутомъ.

104) «Деформаціи» (тѣла человѣка). «Дивьи люди». «Діаволъ» (въ этнолог. отношеніи). Тамъ-же, 20 полут.

105) «Доисторическая эпоха» (стр. 868—874). «Доисторическій человѣкъ». «Долихоцефалія». «Дольмены». Тамъ-же, 20 полутомъ и «Евреи» (въ антроп. отнош.), 21 полутомъ.

1894 г. 106) Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и задачахъ географическаго кружка въ Москвѣ. «Землевѣдѣніе», кн. I. стр. 1—16.

107) Добавленіе къ статьѣ Д. Н. Мамина-Сибиряка: «Гора Иремель». Тамъ-же, стр. 55—61.

108) О судьбѣ Колумба, какъ исторической личности, и о спорныхъ и темныхъ пунктахъ его біографіи. 62 стр. Тамъ-же, стр. 185—247.

109) О портретахъ Колумба. 10 стр· Съ 4 порт. Тамъ-же, стр. 247—256.

110) Географическій обзоръ: Африка. Тамъ-же, стр. 267—294.

111) Новыя экспедиціи на Памиръ. Тамъ-же, кн. I. стр. 294—301.

112) Отчетъ о бывшей лѣтомъ 1892 г. въ Москвѣ первой русской географической выставкѣ. Тамъ-же, кн. 1. Приложеніе, стр. 1—57, съ 3 фототип.

113) Шахъ-дагъ и Базардьюсъ (добавленіе къ статьѣ А. В. Пастухова: «Поѣздка по высочайшимъ селеніямъ Кавказа и восхожденіе на вершину горы Шахъ-дагъ»). «Землевѣдѣніе», кн. II, стр. 55—58.

114) Полярныя страны. Геогр. обзоръ. Тамъ-же, стр. 115—140.

115) Центральная Азія. (Геогр. обзоръ). «Землевѣдѣніе», кн. III, стр. 79—114.

116) Восточный Гинду-кушъ и горная болѣзнь (дополненіе къ ст. Н. Каспійскаго: «Восхожденія Конвея въ Каракорумѣ»). «Землевѣдѣніе», кн. IV, стр. 97—110.

117) Предварительный отчетъ рекогносцировочной экспедиціи 1894 г. по изслѣдованію верховьевъ Зап. Двины. С.-Пб. 63 стр.

118) «Европа». «Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона», 22 полут., 490—496 стр.

119) Europäisches Russland (обзоръ географ. литературы). «Geographsches Jahrbuch», Bd. XVII (23 стр.).

1895 г. 120) Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій. 108 стр., съ 28 рисунками и картами. «Землевѣдѣніе», кн. I, стр. 77—126 и кн. IV, стр. 65—124.

Работа эта (квалифицированная какъ eine sehr interessante Studie) составила предметъ рецензіи въ «Petermann's Geogr. Mitteilungen», 1896, Litteraturbericht, № 686.

121) Новѣйшее изученіе озеръ въ Европѣ и нѣсколько новыхъ данныхъ объ озерахъ Тверской, Псковской и Смоленской губерній. 27 стр., съ 13 рис. и діаграм. въ текстѣ. Тамъ-же, стр. 137—163.

122) (Д. А.) Очеркъ Кореи и ея отношеній къ Китаю и Японіи (съ картой Кореи). Тамъ-же, стр. 164—201.

123) Александръ Васильевичъ Елисѣевъ (некрологъ). «Землевѣдѣніе», кн. II—III, стр. 177—182.

124) Шестой международный географическій конгрессъ въ Лондонѣ. Тамъ-же, стр. 183—197.

125) Суша. Краткія свѣдѣнія по орографіи. Тамъ-же. Приложеніе, стр. 1—88.

126) Полувѣковой юбилей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. «Землевѣдѣніе», кн. IV, стр. 137—147.

127) Слѣды бронзоваго вѣка въ Прикамьѣ по раскопкамъ Ф. Д. Нефедова. «Археологическія Извѣстія и Замѣтки», изд. Москов. Археол. Общ., № 6, стр. 188—196.

128) Russisch-Asien (обзоръ литературы). «Geogr. Jahrbuch», Bd. XVIII (10 стр.).

129) Краткій предварительный отчетъ по изслѣдованіямъ верховьевъ Зап. Двины и Волги. С.-Пб. 20 стр.

130) Россія, ст. въ «Настольн. Энцикл. Словарѣ», изд. Гранатъ, т. VIII, стр. 4291—4301.

131) Амулетъ изъ человѣческой кости и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи. 16 стр. in—4°. «Труды IX Археол. Съѣзда» въ Вильнѣ. 1893. Т. I. М. 1895, стр. 283—298, съ 3 фототип. табл. и 14 рис. въ текстѣ.

Статья эта была резюмирована въ «Archiv für Anthropologie», въ «L'Anthropologie», въ «Globus» и въ «Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1896.

132) (Д.) Чешско-славянская этнографическая выставка въ Прагѣ. «Русск. Вѣд.», № 247.

133) «Кабилы», «Кава»—«Энцикл. Слов»., 26 полутомъ.

134) «Калмыки» (антроп.). «Каменный вѣкъ». «Каменныя бабы». «Каменныя орудія». «Камчадалы». «Канаки». «Каннибализмъ». Тамъ-же, 27 полутомъ.

135) «Карлики». «Карликовыя племена». «Карстъ». «Карты географическія», «Катрфажъ». «Каттигара». Тамъ-же, 28 полутомъ.

136) «Колумбъ». Тамъ-же, 30 полутомъ.

1896 г. 137) Общій характеръ Памира и его населеніе (съ картой). «Землевѣдѣніе», кн. I, стр. 137—140.

138) Императорское Русское Географическое Общество въ началѣ 1896 г. (Съ фототипіей). Тамъ-же, стр. 141—151.

139) Воды суши. Озера. «Землевѣдѣніе», приложеніе къ II-ой книгѣ, стр. 1—24.

140) Неизвѣстныя полярныя области. «Землевѣдѣніе», кн. III—IV, стр. 143—148; Восточная Манчжурія. Тамъ-же, стр. 149—157.

141) Новая Земля и новѣйшія ея изслѣдованія. Тамъ-же, кн. III—IV, стр. 158—163.

142) Сэръ Керзонъ объ изслѣдованіи Памировъ; Климатъ Верхоянска; Лобъ-Норъ по изслѣдованіямъ Свенъ-Гедина; Глубочайшая буровая скважина на землѣ. Тамъ-же, стр. 164—171.

143) Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи (по поводу статьи Ѳ. П. Кеппена: «Къ исторіи тарпана въ Россіи»). 75 стр. «Журн. Мин. Нар. Просв.», іюнь, стр. 223—269, и іюль, стр. 67—95.

144) Палестина. Общая характеристика страны и ея населенія, главнымъ образомъ по Т. Фишеру (съ 3 рис.). «Землевѣдѣніе», III—IV кн., стр. 1—18.

145) А. П. Богдановъ (Некрологъ). 17 стр., «Журн. Мин. Нар. Просв.», кн. 6.

146) (Д. А.) Пятидесятилѣтіе И. Р. Гегр. Общества. «Рус. Вѣд.», № 17.

147) (Д. А.) Малоголовые ацтеки. Тамъ-же, № 66.

148) (Н.) Символы власти и обрядъ коронованія у различныхъ народовъ. Тамъ-же, № 122.

149) (Д. А.) Прогрессъ и эволюція человѣка (по поводу книги Друммонда). Тамъ-же, № 145.

150) (Г.) Этнографическая выставка въ Ригѣ и современные латыши. Тамъ-же, № 265.

151) Фр. Нансенъ, его подвиги и открытія. Тамъ-же, № 284.

Была перепечатана въ журналѣ «Читатель».

152) «Лодки» (этнол.). «Энц. Слов.», 34 полутомъ. «Лопари». «Малайцы». Тамъ-же, 35 полутомъ.

153) «Малороссы» (въ антр. отнош.). «Манувріэ». «Маски». Тамъ-же, 36 полутомъ.

154) «Мечъ». Тамъ-же, 37 полутомъ. «Могилы». «Монголы» (антр.). «Мордва». Тамъ-же, 38 полутомъ.

155) «Московская губернія» (съ картою). Тамъ-же, 38 полутомъ.

1897 г. 156) Верхневолжскія озера и верховья Зап. Двины. Рекогносцировки и изслѣдованія 1894—1895 гг. Съ двумя листами батиметрическихъ картъ, четырьмя листами профилей и діаграммъ и 22 рис. въ текстѣ: V+156 стр. in—4°. «Труды экспедиціи для изслѣдованія источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Евр. Россіи, изд. подъ ред. нач. эксп., ген.-лейт. А. А. Тилло».

157) Манчжурія (страна и народъ по имѣющимся даннымъ). «Землевѣдѣніе» кн. I—II, стр. 101—127.

158) Анадырскій край. Тамъ-же, стр. 128—143.

159) Изъ гидрографическихъ наблюденій на сѣверѣ Россіи въ 1893—95 гг. «Землевѣдѣніе», кн. III - IV, стр. 139—143.

160) Редакція русскаго перевода книги Фр. Нансена: «Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи», съ прибавленіемъ двухъ статей: „Фр. Нансенъ“ и „Неизвѣстныя области“. 283+201 стр. съ таблицами, картами и рисунк. въ текстѣ. Изд. Геогр. Отд. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этногр.

161) Geographische Erforschungen in Russisch-Asien. „Geographisches Jahrbuch“, Bd. XX (16 стр.).

162) Егоръ Арсеньевичъ Покровскій (некрологъ); Константинъ Николаевичъ Иковъ (некрологъ); Анна Михайловна Раевская (некрологъ). „Труды Антроп. Отдѣла», т. XVIII (т. XC „Извѣстій“ Общества), стр. 505—514.

163) Отзывы объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ поляковъ А. Д. Элькинда, о заслугахъ Ф. Д. Нефедова, объ антропологическихъ трудахъ Ю. Д. Талько-Грынцевича, о трудѣ С. А. Вайсенберга «Die Südrussischen Iuden». Тамъ-же, стр. 480—481, 489—490, 501—504.

164) Археологическое значеніе „Мономаховой шапки“ по мнѣнію Н. П. Кондакова. „Археологич. Извѣстія и Замѣтки“, №№ 5—6, стр. 163—165.

165) Крупный новый трудъ по исторіи русскаго искусства и древностей (сочиненіе проф. Н. П. Кондакова): „Русскіе клады до-монгольской эпохи“. „Русск. Вѣд.“, № 105.

166) „Негры“. „Энц. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, 40 полут.

167) „Номады“. Тамъ-же, 41 полут., „Обрѣзаніе“, „Обычай“, „Одежда“ (кул.-ист.). Тамъ-же, 42 полут.

168) Озера. Тамъ-же, 42 полут.; „Орудіе“, „Остяки“. Тамъ-же, 43 полут.

1898 г. 169) Редакція русскаго перевода книги проф. Л. Нидерле: „Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель“. С.-Пб. 459 стр. Съ предисловіемъ (5 стр.) и примѣчаніями.

170) Новѣйшая классификація доисторическихъ эпохъ Г. де-Мортиллье. „Арх. Изв. и Зам.“, стр. 17—23.

171) Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. 42 стр. съ 19 рис. въ текстѣ. Тамъ-же, №№ 3 и 4, стр. 89—121.

172) Некрологи: Г. Д. Филимоновъ; Г. де-Мортилье; Г. I. Оссовскій. Тамъ-же, стр. 335—341.

173) Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношенiи. 13 стр. Сборникъ „Братская помощь пострадавшимъ въ Турцiи армянамъ“, 2-е изданіе.

Статья эта переведена Х. И. Кучукъ-Iоаннесовымъ на армянскій языкъ.

174) Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины. 56 стр. съ 21 рис. „Землевѣдѣніе“, кн. I—II, стр. 108—164.

Статья эта была резюмирована проф. Зупаномъ въ „Petermann's Geogr. Mitteilungen“ 1899, Litteratur-Bericht, № 686.

175) Новѣйшія изслѣдованія полярныхъ странъ. Тамъ-же, стр. 179—198.

176) Десятилѣтіе со дня кончины Н. Н. Миклухо-Маклая. Тамъ-же, стр. 222—229.

177) Данныя къ біографіи Н. М. Альбова. Тамъ-же, кн. III—IV, стр. 170—174.

178) Иссыкъ-куль. Тамъ-же, стр. 185—189.

179) Рецензія на сочиненіе И. Н. Смирнова: „Восточные финны“, (7 стр.) въ „Зап. Акад. Наукъ“.

180) „Пермяки“, „Энц. сл.“, 45 полут.; „Пещерный человѣкъ“, „Пещерныя жилища“, „Плугъ“. Тамъ-же, 46 полут.

181) „Полинезійцы“. Тамъ-же, 47 полут.; „Помѣси у человѣка“; тамъ же, 48 полут.; „Происхожденіе человѣка“, тамъ-же, 49 полут.

182) (Д. А-нъ). Рождественская елка, какъ отголосокъ глубокой старины. „Рус. Вѣд.“, № 5.

183) (Д. А.). Куба, ея прошлое и будущее. Тамъ-же, №№ 160—163.

184) Памяти Н. М. Пржевальскаго. Тамъ-же, № 236.

185) Предложеніе русскимъ владѣнія на берегахъ Африки. Тамъ-же, № 240.

1899 г. 186) Къ исторіи искусства и вѣрованій у Приуральской чуди. Чудскія изображенія летящихъ птицъ и миѳическихъ крылатыхъ существъ. 73 стр. in—4°, съ 3 фотот. табл. и 130 рис. въ текстѣ. „Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній“, изд. Имп. Москов. Археол. Общ., т. III, стр. 87—160.

187) О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ. 22 стр. in 4°, съ 5 рис. въ текстѣ. Тамъ-же, стр. 237—259.

188) А. С. Пушкинъ (антропологическій эскизъ). „Русскія Вѣдомости“, №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 192 и 209. (Отд. оттискъ 44 стр. въ 3 столбца).

189) Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье. „Тр. Антр. Отд.“, т. XIX, стр. 232—236.

190) Отзывы о трудахъ Н. Л. Геккера (Къ характеристикѣ физ. типа якут.), И. К. Тварьяновича (Матер. къ антроп. армянъ), Н. В. Гильченко (Вѣсъ головного мозга у народ. Россіи) и И. И. Майнова (Нѣкот. данныя о тунгузахъ). Тамъ-же, стр. 235—247, 250—252.

191) Отзывъ о рукописн. сочиненіи П. Т. Мацокина: „Антропол. этюдъ. Метисы Забайкалья“. 1898, 7 стр. «Зап. Имп. Акад. Наукъ».

192) Рецензія на французскій переводъ книги проф. И. Н. Смирнова о восточн. финнахъ. „Petermann's Geogr. Mitteilungen“. Litteratur-Bericht, № 166.

193) Discours a l'ouverture de la Session d'Anthropologie au XII Congrés intern. de médicine, a Moscou, le 8 (20) août 1897. «Com. Ren. du XII Congrès». Vol. II, Section I, p. 3—5.

194) «Расы». „Энц. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, 51 полут., стр. 356—360.

195) «Россія въ антропологическомъ отношеніи». Тамъ-же, 54 полут., стр. 128—139.

196) «Россія въ этнографическомъ отношеніи» (съ картой). Тамъ-же, 54 полут., стр. 139—152.

197) «Россія въ археологическомъ отношеніи». Тамъ-же, 55 полут., стр. 423—430.

198) VII международный географическій конгрессъ въ Берлинѣ. „Землевѣдѣніе“. IV, стр. 121—162.

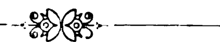
199) А. А. Тилло (некрологъ). Тамъ-же, стр. 163—170.

1900 г. 200) Редакція рус. перевода книги А. Зупанъ, Основы физической географіи. С.-Пб. IV+371 стр. Изд. картогр. зав. А. Ильина. Съ 263 рис. въ текстѣ и 20 хромолит. картами.

201) „Самоѣды“, „Энцикл. Слов.“, полут. 56, и „Свайныя постройки“, тамъ-же полут. 57. Въ приведенный списокъ не вошли сообщенія, доложенныя въ засѣданіяхъ Обществъ и съѣздовъ, но оставшіяся необработанными для печати и о которыхъ имѣются только краткія резюмэ или извѣстія въ соотвѣтственныхъ протоколахъ, какъ напр. «О дивьихъ людяхъ», «О древнѣйшихъ картахъ Сибири», «О древнѣйшихъ культурныхъ вліяніяхъ на русской почвѣ» на VIII Моск. арх. съѣздѣ; «Къ вопросу объ антропоморфизмѣ демоническихъ существъ въ народныхъ представленіяхъ и произведеніяхъ искусства», «О поѣздкѣ въ Пермскую губ. лѣтомъ 1887 г.» и др. въ засѣданіяхъ Моск. Арх. Общ.; «Объ этнограф. музеяхъ и выставкахъ, осмотрѣнныхъ въ заграничную поѣздку лѣтомъ 1895 г.», «Человѣкоподобный черепъ съ о-ва Явы» (Pithecanthropus erectus), „О ледникахъ Кавказа и Альповъ“; «Объ уродствахъ у человѣка въ антроп. отношеніи» и др. въ засѣ-

даніяхъ Общ. Люб. Естеств. и его Антр. Отдѣла и Географ. Отдѣленія; «Воспоминанія о С. А. Усовѣ» въ засѣданіи И. Общ. Испыт. Природы; сообщенія на международн. географическ. конгрессахъ и пр. Не указаны также многія научныя хроники, замѣтки, рецензіи, статьи по разнымъ вопросамъ, корреспонденціи, некрологи и т. д., помѣщенные въ разное время въ «Природѣ», „Запискахъ Учителя", „Порядкѣ", „Вѣстникѣ Европы", „Русской Мысли", „Русскомъ Курьерѣ", „Москов. Телеграфѣ", „Русскихъ Вѣдомостяхъ", „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ", „Землевѣдѣніи"; наконецъ, не упомянуто о трудахъ по редактированію нѣкоторыхъ изданій Общества Любит. Естествознанія, Московскаго Археологическаго Общества, трудовъ съѣздовъ или отдѣльныхъ ихъ секцій, сборниковъ, по участію въ составленіи „Программъ для самообразованія" (петербургскихъ и московскихъ), „Книги о книгахъ", изд. проф. И. И. Янжуломъ, и др.

Ал. Ивановскій.

Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.

Исторія развитія современной антропологіи можетъ быть раздѣлена на двѣ эпохи, одна съ 30-хъ или съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка, другая съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ XIX столѣтія. Въ 1735 г. вышло 1-е изданіе „Системы природы“ К. Линнея, въ которой человѣку впервые было отведено мѣсто въ зоологической системѣ, въ классѣ млекопитающихъ и отрядѣ приматовъ (Primates), какъ роду и виду Homo sapiens, съ подраздѣленіемъ его на 4—5 разновидностей. Впрочемъ, нѣкоторыя попытки подраздѣленія людей на виды (espèces) или расы (races) были сдѣланы еще до Линнея, въ 1684—1721 гг., болѣе же подробный обзоръ человѣческихъ породъ въ связи съ ихъ географическимъ распространеніемъ былъ представленъ только въ 1740 г. Бюффономъ, въ III томѣ его „Естественной исторіи животныхъ“. Въ своемъ описаніи Бюффонъ коснулся и вопросовъ о происхожденіи породъ, вліяніи среды, нѣкоторыхъ аномалій у человѣка и т. п., поэтому не безъ основанія Топинаръ и другіе французскіе антропологи считаютъ Бюффона отцомъ антропологіи, первымъ, кто сталъ болѣе подробно разсматривать человѣка, какъ естественно-историческій видъ. Не малое значеніе имѣли также работы Тейзона, Добантона, Гёнтера, Кампера, Уайта, Зёммеринга, въ особенности же Блуменбаха, положившихъ основаніе сравнительному изученію анатомическихъ особенностей человѣка сравнительно съ организаціей высшихъ животныхъ и стремившихся установить точнѣе различія въ тѣлесномъ строеніи человѣческихъ породъ. Съ другой стороны, возрастаніе свѣдѣній о т. наз. дикихъ или первобытныхъ народахъ, явившееся въ результатѣ наблюденій путешественниковъ въ отдаленныхъ областяхъ Полинезіи, Америки, Южной Африки, Сѣв. Азіи, вызвало въ XVIII вѣкѣ постановку вопросовъ о древнѣйшихъ стадіяхъ человѣческой культуры, о происхожденіи языка, наконецъ, о происхожденіи самого человѣка. Догадки, высказывавшіяся лордомъ Монбоддо, Ламетри, Де-Майллье, Гердеромъ, Кантомъ и др. относительно животнаго происхожденія человѣка, нашли себѣ болѣе полное вы-

раженіе въ гипотезѣ Ламарка (1809), какъ бы завершавшей собою этотъ революціонный періодъ въ исторіи науки о человѣкѣ.

Почти на самомъ рубежѣ двухъ вѣковъ основалось въ Парижѣ „Общество наблюдателей человѣка" (Société des observateurs de l'homme), занявшееся на первыхъ же порахъ выработкою методовъ наблюденій надъ дикими народами, но затѣмъ, повидимому, скоро прекратившее свое существованіе. Съ этого же времени начинаютъ появляться спеціальныя сочиненія по „естественной исторіи человѣка", въ которыхъ сводились имѣвшіяся тогда данныя о различіи типовъ, языковъ, бытовыхъ особенностей племенъ и дѣлались попытки классификаціи человѣческихъ разновидностей. Недостаточность данныхъ и отсутствіе опредѣленнаго критерія были однако причиною значительныхъ разногласій въ раздѣленіи племенъ, сводившихся одними изслѣдователями къ двумъ, тремъ, пяти породамъ, а другими къ 7, 11, 16 и большему числу расъ. При этомъ уже въ концѣ прошлаго вѣка обозначились два воззрѣнія, двѣ тенденціи: одни, моногенисты, стараясь согласовать религіозное преданіе съ данными науки, признавали происхожденіе человѣка отъ одной пары, видѣли въ его породахъ потомковъ однихъ и тѣхъ же прародичей, только видоизмѣнившихся съ теченіемъ времени въ разныхъ географическихъ областяхъ и распавшихся на различныя расы, способныя, однако, всѣ смѣшиваться между собою и давать плодущее потомство; другіе, полигенисты, основываясь на присутствіи характерныхъ особенностей породъ, передающихся въ ряду поколѣній, склонны были видѣть въ расахъ нѣчто аналогичное видамъ, т.-е. столь же обособленное по своимъ признакамъ и происхожденію. Это второе воззрѣніе (высказывавшееся, впрочемъ, нѣкоторыми мыслителями, напр. Дж. Бруно, Парацельсомъ, Пейрере, еще въ XVI и XVII вѣкахъ) получило и важное практическое значеніе въ виду вопроса о рабствѣ, такъ какъ оно давало право нѣкоторымъ, особенно американскимъ ученымъ, защищать научными доводами законность невольничества негровъ, что́, въ свою очередь, возмущая чувства гуманности, побуждало другихъ изслѣдователей къ критикѣ подобныхъ воззрѣній на основаніи болѣе обстоятельной оцѣнки расовыхъ признаковъ и указанія на многочисленные переходы между ними. Та же тенденція къ болѣе рѣзкому обособленію низшихъ расъ отъ высшихъ побудила другихъ мыслителей къ болѣе внимательному ознакомленію съ духовной и культурной жизнью народовъ, стоящихъ на сравнительно низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, чтобы и въ этихъ, психическихъ и соціальныхъ проявленіяхъ человѣческой природы найти доказательства ея общности и единства. Къ 30-мъ и 40-мъ годамъ относится возникновеніе въ Парижѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ спеціальныхъ „Обществъ Этнологіи", еще ранѣе полагаются основы сравнительному языкознанію, исторіи религіи, нѣсколько позже—исторіи культуры и наукѣ о культурѣ (Клеммъ). Къ концу пятидесятыхъ годовъ Вайтцъ въ своей

„Антропологіи первобытныхъ народовъ" дѣлаетъ уже солидную попытку „связать естественно-историческое познаніе человѣка съ историческимъ" и положить основы наукѣ, „долженствующей изучить человѣка въ состояніи его перехода отъ естественнаго, первобытнаго состоянія къ жизни общественной и культурной", а Бастіанъ въ своемъ трудѣ „Человѣкъ въ исторіи", сопоставляя многочисленныя аналогіи въ жизни и мысли различныхъ народовъ, стоящихъ на весьма неодинаковыхъ ступеняхъ цивилизаціи, открываетъ тѣмъ новый путь для построенія исторіи первобытной культуры, съ ея аналогіями и пережитками,—путь, которымъ въ болѣе близкое къ намъ время такъ плодотворно воспользовался Б. Тайлоръ.

Вообще, однако, эта первая эпоха въ исторіи научной антропологіи не была особенно для нея благопріятна. Попытки выяснить генезисъ человѣческаго типа путемъ его развитія изъ низшихъ формъ встрѣтили сильное противодѣйствіе въ теоріи постоянства органическихъ видовъ, пополучившей въ первой половинѣ XIX вѣка, благодаря авторитету Кювье, рѣшительное преобладаніе. Болѣе подробное ознакомленіе съ органическими формами способствовало лучшему выясненію типовъ строенія отдѣльныхъ группъ и установленію видовыхъ признаковъ, способныхъ нѣсколько варіировать по мѣстностямъ, особямъ и т. д., но въ главныхъ своихъ чертахъ унаслѣдуемыхъ цѣлыми рядами поколѣній. Съ другой стороны, накопленіе палеонтологическихъ данныхъ, остатковъ ископаемыхъ животныхъ и растеній, указало на еще большее различіе органическихъ формъ по геологическимъ эпохамъ и повело къ заключенію, что органическій міръ распадаясь на рядъ болѣе или менѣе обособленныхъ типовъ въ настоящемъ, расчленяется и въ прошедшемъ на серіи различныхъ между собою ископаемыхъ фаунъ (и флоръ), характерныхъ для послѣдовательныхъ геологическихъ періодовъ и разобщенныхъ между собою, какъ принималось въ то время, какими-то міровыми переворотами (катаклизмами). Эти перевороты, уничтожая все живое, смѣнялись новыми періодами созданія органическихъ формъ, располагавшихся снова по извѣстному, какъ выражались тогда, „плану" постепеннаго осложненія организаціи. Слѣдуя такой теоріи, натуралисты видѣли въ человѣкѣ отдѣльный типъ въ классѣ млекопитающихъ, явившійся въ результатѣ особаго творческаго акта, какъ вѣнецъ органическаго міра, въ послѣднюю, современную намъ біологическую эпоху. Разсуждать о происхожденіи человѣка при господствѣ такой теоріи выходило изъ предѣловъ науки; какъ отдѣльный родъ млекопитающихъ, человѣкъ представлялся вполнѣ обособленнымъ отъ остального органическаго міра и появившимся только послѣ „потопа", какъ послѣднее звено въ ряду созданій. Онъ могъ быть созданъ (какъ?—объ этомъ считалось ненаучнымъ разсуждать) въ одной или нѣсколькихъ парахъ, но вѣрнѣе, что его породы были вызваны „уклоненіями" отъ одного общаго первоначальнаго типа, которыя, въ свою очередь, были слѣдствіемъ распространенія людей въ раз-

личныя зоны и страны и испытаннаго тамъ ими постепеннаго вліянія климатическихъ и вообще физическихъ и физіологическихъ условій.

Такъ какъ главною задачей естественной исторіи того времени было составленіе классификаціи формъ, съ описаніемъ ихъ признаковъ, то и по отношенію къ человѣку цѣль естественно-историческаго изученія сосредоточивалась на классификаціи и описаніи человѣческихъ разновидностей. Но составленіе сколько-нибудь подробной классификаціи рода Homo сильно затруднялось расплывчивостью признаковъ расъ, невозможностью установить постоянныя, присущія всѣмъ особямъ извѣстной расы черты и существованіемъ множества переходныхъ или смѣшанныхъ типовъ, сглаживающихъ расовыя отличія. Все это не могло способствовать привлеченію къ антропологіи многихъ изслѣдователей, для которыхъ открывались въ то время другіе, болѣе благодарные пути изученія организмовъ. Усовершенствованіе микроскопа въ особенности дало возможность проникнуть глубже въ пониманіе строенія и развитія органическихъ формъ и подвинуть тѣмъ значительно впередъ морфологію, анатомію и эмбріологію, а успѣхи физики и химіи открыли новые пути и методы въ изученіи жизненныхъ явленій, въ обогащеніи новыми данными физіологіи организмовъ. Съ другой стороны, умноженіе свѣдѣній объ органическихъ формахъ въ отдаленныхъ странахъ и въ моряхъ, ознакомленіе съ массою новыхъ видовъ и типовъ, какъ еще живущихъ, такъ и уже вымершихъ, ископаемыхъ, раздвигала предѣлы изученія вширь, открывая необозримое поле для наблюденій и сравненій. Въ виду всѣхъ этихъ, постоянно обогащавшихся отраслей знанія, антропологія, въ смыслѣ изученія расъ, не способна была вызывать въ средѣ натуралистовъ столь же значительнаго и живого научнаго интереса.

Но именно успѣхи въ соприкасающихся областяхъ знанія и повели, къ концѣ концовъ, къ новому разцвѣту антропологической науки. Прогрессъ въ пониманіи геологическихъ явленій привелъ къ убѣжденію въ искусственности теоріи катаклизмовъ и въ большей вѣроятности постепеннаго измѣненія ея силами, дѣйствующими и въ настоящее время, хотя и проявлявшимися, можетъ быть, нѣкогда болѣе интенсивно, чѣмъ теперь. Сравненіе ископаемыхъ формъ съ нынѣ живущими указало на послѣдовательное осложненіе и спеціализацію типовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сохраненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Наконецъ, сравнительное изученіе строенія существующихъ формъ дало указанія на явственныя черты сходства между ними, открывающагося часто еще полнѣе изъ изученія эмбріональнаго развитія, а наблюденія надъ видами, склонными къ варіированію, и надъ образованіемъ породъ культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ навели на мысль о способности организмовъ къ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, которыя требовали только болѣе систематичнаго и внимательнаго ихъ изученія

съ точки зрѣнія условій и способовъ ихъ образованія, чтобы привести къ убѣжденію въ измѣнчивости органическаго міра, а слѣдовательно и въ возможности его постепенной эволюціи. Убѣжденіе это требовало однако солиднаго научнаго обоснованія, подтвержденія его возможно большимъ числомъ провѣренныхъ фактовъ, объясненія достаточно вѣроятной и полной теоріей, и это было дано великимъ ученіемъ Дарвина, съ которымъ сошелся въ выводахъ и другой извѣстный натуралистъ, Уоллесъ. Хотя въ своемъ „Происхожденіи видовъ" Дарвинъ и не остановился спеціально на исторіи происхожденія какого-либо отдѣльнаго вида, тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ значеніе своей теоріи для многихъ отраслей знанія, въ томъ числѣ и для антропологіи. Въ заключительной главѣ своего сочиненія, касаясь вѣроятныхъ послѣдствій принятія его теоріи, Дарвинъ выразился такъ: „Новый свѣтъ будетъ пролитъ на происхожденіе человѣка и на его исторію". Слова эти оказались пророческими. Моментъ появленія книги Дарвина (конецъ 1859 года) можетъ быть признанъ начальнымъ моментомъ новой эпохи въ развитіи антропологической науки.

Не одна, впрочемъ, теорія Дарвина дала толчокъ новому движенію науки о человѣкѣ. Оживленію ея содѣйствовали и другіе факты, отчасти случайные (хотя и они могли получить значеніе только вслѣдствіе подготовленности ученыхъ къ ихъ воспріятію), отчасти явившіеся въ результатѣ послѣдовательной работы научной мысли. Къ случайнымъ фактамъ могутъ быть отнесены: открытія слѣдовъ до-историческаго и ископаемаго человѣка, остатковъ его культуры, а отчасти и его самого (костей)—въ пещерахъ, древнихъ рѣчныхъ отложеніяхъ Франціи и Англіи, въ «кухонныхъ кучахъ» Даніи, свайныхъ постройкахъ швейцарскихъ озеръ и т. д.,—остатковъ, указавшихъ на древность человѣка въ Европѣ, на появленіе его здѣсь еще въ стадіи примитивной культуры и съ типомъ менѣе совершеннымъ въ древнѣйшихъ его представителяхъ. Эти факты положили основаніе палеонтологіи человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, древнѣйшей исторіи его матеріальной культуры; они вызвали также сравненіе ихъ съ фактами этнографіи, съ данными о бытѣ и культурѣ современныхъ или жившихъ еще недавно дикарей, а это сравненіе, съ примѣненіемъ къ нему идеи эволюціи, дало возможность положить новыя основы исторіи первобытной культуры и искать объясненія многихъ явленій современнаго народнаго быта въ прежнихъ, болѣе или менѣе раннихъ стадіяхъ культурнаго развитія. Самыя эти данныя о бытѣ и культурѣ менѣе цивилизованныхъ народовъ собирались, однако, съ давнихъ поръ, постепенно и послѣдовательно, соотвѣтственно успѣхамъ въ ознакомленіи съ отдаленными странами. Послѣдовательно же накоплялись, иногда извилистыми боковыми путями, и данныя для болѣе полнаго пониманія физическаго типа человѣка и его варіацій. Такъ, вошедшая одно время въ моду физіогномика смѣнилась френологіей, искавшей соотношенія между тѣлесной

формой и духовными качествами, а она, въ свою очередь, несмотря на всѣ ея странности и увлеченія, способствовала убѣжденію въ зависимости духовныхъ явленій отъ тѣлеснаго строенія, вызвала стремленіе къ болѣе обстоятельному изученію человѣческаго черепа и мозга. Въ значительной мѣрѣ подъ ея вліяніемъ были произведены первыя наблюденія надъ вѣсомъ мозга, формами мозговыхъ извилинъ, развитіемъ черепа, вліяніемъ на его форму физіологическихъ и патологическихъ факторовъ, а также было положено начало краніометріи, изобрѣтенію кефалометрическихъ инструментовъ, изученію физіономіи и т. д. Одновременно собирались при случаѣ наблюденія надъ анатомическими особенностями низшихъ расъ, дѣлались попытки уяснить пропорціональность частей человѣческаго тѣла, сопоставлялись данныя объ явленіяхъ наслѣдственности, метисаціи, типѣ помѣсей, сознано было значеніе среднихъ чиселъ и извѣстная правильность въ распредѣленіи отклоненій отъ нихъ, сперва, правда, лишь по отношенію къ статистическимъ даннымъ, но затѣмъ и къ антропометрическимъ (Кетлэ).

Виднымъ явленіемъ въ развитіи физической антропологіи явилось стремленіе къ установленію болѣе точныхъ и притомъ однородныхъ методовъ наблюденій, для замѣны, по возможности, описаній и субъективной оцѣнки признаковъ числовыми данными, измѣреніями, при помощи приспособленныхъ для того инструментовъ. Попытки примѣненія болѣе точнаго метода къ изученію варіацій формы черепа были сдѣланы еще Антельмомъ (кефалометръ), Клокѐ (лицевой уголъ), Ретціусомъ и Бэромъ (сравненіе ширины черепа съ его длиной). Но особенно введеніе такихъ методовъ сдѣлалось задачею возникшаго въ 1860 г. парижскаго антропологическаго Общества и, главнымъ образомъ, его инціатора и руководителя въ области физической антропологіи, П. Брока. Имъ были выработаны детальныя инструкціи для антропологическихъ наблюденій, составлены антропометрическія схемы, придуманы инструменты и скалы для опредѣленія размѣровъ тѣла и черепа, цвѣта волосъ и кожи и т. д. Живая дѣятельность молодого Общества, поставившаго на очередь многіе вопросы, касающіеся постоянства или измѣненія признаковъ расъ, ихъ смѣшенія, акклиматизаціи, детальнаго изученія формъ тѣла, древности человѣка и т. д., возбудила интересъ къ себѣ и за предѣлами Франціи. Въ 1861 г. состоялся въ Геттингенѣ съѣздъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ анатомовъ, интересовавшихся антропологическими вопросами, на которомъ было признано желательнымъ выработать однообразную схему наблюденій, основать спеціальный органъ антропологіи, а также Общество, которое бы разъ въ годъ устраивало съѣзды антропологовъ. Скоро возникли антропологическія Общества во Флоренціи (Общество антропологіи и этнологіи), въ Лондонѣ (соединившееся впослѣдствіи съ ранѣе существовавшимъ Этнологическимъ Обществомъ въ Антропологическій

институтъ), въ Берлинѣ (Общество антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи), въ Вашингтонѣ, а позже—въ Вѣнѣ, Ліонѣ, Брюсселѣ, Стокгольмѣ, Римѣ, Мюнхенѣ и т. д. Всѣ эти Общества стали принимать участіе въ разработкѣ антропологическихъ вопросовъ и издавать свои труды; кромѣ того, антропологія составила одну изъ секцій на ежегодныхъ съѣздахъ нѣмецкихъ натуралистовъ, британской, французской, американской и др. научныхъ ассосіацій, стала предметомъ отдѣльныхъ съѣздовъ въ Германіи, наконецъ вызвала международные конгрессы по доисторической археологіи и антропологіи. Какъ показываютъ уже названія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ Обществъ, антропологіи были приданы этими институтами широкіе предѣлы; Общества включили въ число своихъ членовъ анатомовъ, зоологовъ, палеонтологовъ, этнографовъ, археологовъ и т. д. Все, что можетъ содѣйствовать болѣе широкому и глубокому пониманію человѣка, какъ естественно-историческаго вида, въ его расахъ, племенахъ, типахъ и аномаліяхъ, въ его древности, первобытной культурѣ, зависимости отъ окружающихъ условій и т. д. и т. д.,—все это стало предметомъ изученія и обсужденія, сообщеній и вопросовъ. Участіе различныхъ спеціалистовъ могло только способствовать болѣе всестороннему освѣщенію антропологическихъ фактовъ, хотя, съ другой стороны, оно вызывало иногда стремленіе и къ образованію болѣе тѣсныхъ научныхъ кружковъ или болѣе спеціальныхъ органовъ, посвященныхъ, напр., доисторической археологіи, морфологіи человѣка, фольклору и т. д.

Возбужденіе усиленнаго интереса къ антропологическимъ вопросамъ сказалось прежде всего въ стремленіи къ пополненію имѣвшихся но нимъ свѣдѣній и къ собиранію новыхъ, болѣе точныхъ данныхъ для ихъ разъясненія. Особенное вниманіе было обращено на такъ наз. низшія расы въ отдаленныхъ странахъ, и многія изъ нихъ подверглись обстоятельному изученію на мѣстѣ ихъ родины, чрезъ посредство спеціальныхъ экспедицій, а равно были собраны коллекціи (портретовъ, скелетовъ, череповъ и т. д.) для болѣе подробнаго ознакомленія съ ихъ типомъ и анатомическимъ строеніемъ въ музеяхъ. Предметомъ такого подробнаго изученія были, напр., готтентоты и другія расы Ю. Африки, разныя племена негровъ, негритосы, ведды о-ва Цейлона, папуасы Новой Гвинеи, австралійцы, нѣкоторыя племена Малайскаго архипелага и полуострова, айны о-вовъ Іезо и Сахалина, туземцы Огненной земли, примитивныя племена Бразиліи и Сѣвера Америки и т. д. Мы имѣемъ теперь рядъ обстоятельныхъ монографій, съ массою таблицъ, посвященныхъ различнымъ расамъ и племенамъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта. Одновременно собирались болѣе систематическія свѣдѣнія относительно культурныхъ особенностей нецивилизованныхъ народовъ Австраліи, Меланезіи, Америки, Африки, Азіи и обрабатывались также въ спеціальныхъ монографіяхъ или въ описаніяхъ путе-

шествій. Добытые экспедиціями вещественные матеріалы, какъ скелеты, черепа и другіе анатомическіе препараты, а равно предметы быта, искусства, культа различныхъ народовъ, значительно обогатили имѣвшіеся уже ранѣе музеи (въ Парижѣ, Лондонѣ и т. д.) и вызвали основаніе новыхъ этнографическихъ и антропологическихъ музеевъ—въ Берлинѣ, Парижѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Дрезденѣ, Оксфордѣ, особенно же въ Америкѣ, гдѣ, кромѣ нѣсколькихъ музеевъ, возникло спеціальное правительственное учрежденіе, Этнологическое Бюро, для собиранія и разработки соотвѣтственныхъ данныхъ, особенно касающихся американскихъ индѣйцевъ. Коллекціи, поступившія въ общества и музеи, стали въ свою очередь предметомъ сравнительнаго изученія, и за послѣднія 35—40 лѣтъ наука обогатилась многими работами по сравнительной морфологіи расъ, краніологіи, палеонтологіи человѣка (цѣлая литература по ископаемымъ остаткамъ Pithecanthropus erectus) и по различнымъ вопросамъ этнологіи и первобытной культуры.

Такъ какъ антропологія имѣетъ дѣло съ безконечнымъ числомъ варіацій, съ громаднымъ разнообразіемъ типовъ, связанныхъ между собою постепенными переходами, то выясненіе этихъ типовъ представляетъ значительныя трудности. Каждая болѣе или менѣе обширная группа людей (народъ, племя) состоитъ изъ множества особей, разнящихся между собою въ большей или меньшей степени по своимъ физическимъ признакамъ и по особенностямъ своего психическаго склада. Останавливаясь на физическомъ типѣ, мы имѣемъ передъ собою различія въ цвѣтѣ кожи, въ видѣ и цвѣтѣ волосъ, въ величинѣ роста, пропорціяхъ тѣла, формѣ головы, чертахъ лица и т. д., иногда настолько характерныя, что они бросаются въ глаза и замѣчаются каждымъ, сколько-нибудь внимательнымъ наблюдателемъ. Для выясненія типа извѣстнаго народа или для выдѣленія присущаго ему ряда типовъ необходимо поэтому сравненіе возможно большаго числа особей, и притомъ сравненіе объективное, при помощи числовой мѣры или сопоставленія съ извѣстными нормами (скалами цвѣта, геометрическими формами, средними размѣрами и т. д.). Такія массовыя наблюденія не только необходимы для выясненія типовъ, ихъ варіацій и предѣловъ колебанія послѣднихъ, но и для того, чтобы уяснить самый характеръ измѣнчивости, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій наслѣдственности, развитія, смѣшенія съ другими типами, патологическихъ вліяній и т. д. Собираніе такихъ массовыхъ наблюденій всего удобнѣе въ культурныхъ странахъ, гдѣ призываемые къ воинской повинности, фабричные, ученики школъ, солдаты, обитатели пріютовъ, больницъ и т. д. представляютъ подходящій къ тому матеріалъ. Этими способами уже воспользовались въ Зап. Европѣ для выясненія, напр., географическаго распредѣленія роста, цвѣта волосъ и глазъ, отчасти также формъ головы и лица. Хотя данныя въ этомъ отношеніи и далеко еще не отличаются оди-

наковою полнотою для различныхъ европейскихъ странъ, тѣмъ не менѣе, они дали уже возможность составить первыя антропологическія карты для большей части Зап. Европы, изъ которыхъ начинаетъ уже выясняться распредѣленіе здѣсь различныхъ расовыхъ типовъ. Дополненіемъ къ этимъ даннымъ служатъ выводимыя изъ наблюденій надъ мертвымъ матеріаломъ, въ музеяхъ, который даетъ къ тому же возможность составить себѣ представленіе не объ однихъ только антропологическихъ типахъ современной эпохи, но отчасти и эпохъ предшествовавшихъ. Костяки, особенно черепа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и остатки волосъ, даже цѣлыя муміи (напр. въ Египтѣ) позволяютъ получать понятіе о величинѣ роста, пропорціяхъ тѣла, формѣ головы и лица, а иногда и цвѣтѣ волосъ у людей извѣстныхъ странъ въ различныя историческія и доисторическія эпохи, а слѣдовательно и пріобрѣсти данныя для сужденія о сходствѣ или различіи типовъ современнаго населенія съ типами, ему предшествовавшими, и о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подверглись послѣдніе въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго ряда вѣковъ.

Значеніе антропологіи, какъ отрасли естествознанія, имѣющей задачею изученіе коллективнаго человѣка, во всемъ разнообразіи его типовъ въ пространствѣ и времени, признавалось уже давно выдающимися мыслителямии и стало особенно очевиднымъ въ новѣйшее время. Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, недостаточная опредѣленность ея задачъ и границъ, а съ другой сведеніе нѣкоторыми ея содержанія къ узкой краніометріи—не могло не отразиться на ея положеніи въ системѣ наукъ, не вполнѣ выяснившемся еще и въ настоящее время. Въ Парижѣ, правда, имѣется уже давно спеціальная Антропологическая школа (при Ecole des Hautes etudes) съ 8—10 профессорами и лабораторіей и каѳедра антропологіи при Museum d'Histoire Naturelle; въ Мюнхенскомъ университетѣ уже лѣтъ 10 тому назадъ, основана каѳедра антропологіи (ординатура), занимаемая нынѣ проф. Ранке; въ Буда-Пештѣ тоже, занимаемая проф. Тёрекомъ; въ Цюрихѣ, гдѣ антропологія читалась ранѣе доцентомъ, съ прошлаго года учреждена отдѣльная ея каѳедра съ лабораторіей и съ отдѣльною степенью доктора антропологіи; въ Америкѣ имѣются три ординатуры антропологіи въ Кэмбриджѣ, Чикаго, Нью-Іоркѣ; въ Вѣнѣ основана недавно ординатура для доисторической археологіи; въ Берлинѣ поднятъ вопросъ объ основаніи каѳедръ этнологіи и антропологіи (только что назначенъ экстроординарный профессоръ Ф. Лушанъ), въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ, напр. лейпцигскомъ, читаются курсы по физической антропологіи или этнологіи, но въ общемъ, какъ замѣтилъ недавно въ своей рѣчи проф. Вальдейеръ, антропологія не получила еще, къ сожалѣнію, того же полнаго права гражданства въ системѣ высшаго образованія, какъ другія науки. Въ этомъ сказалось отчасти и отношеніе къ ней ея коллегъ, другихъ наукъ о человѣкѣ, имѣющихъ за собой большую историческую дав-

ность. Такъ, многіе анатомы еще недавно проявляли къ антропологіи скептическое и пренебрежительное отношеніе, хотя ея представителями были такіе ученые, какъ Бэръ, Гексли, Катрфажъ, Брока, Флауэръ, Эккеръ и др. Въ настоящее время это отношеніе измѣнилось: антропологическія задачи и работы не только стали признаваться анатомами, но самая анатомія стала пониматься лучшими ея представителями, какъ физическая антропологія, въ слѣдованіи цѣлямъ которой анатомія только и можетъ получить значеніе науки, т. е. стать не только описательной, но и изъясняющей дисциплиной. Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ анатомическихъ журналовъ, издаваемый подъ редакціей директора анатомическаго института въ Страсбургѣ, проф. Швальбе, носитъ названіе „Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie“ и ставитъ себѣ главными задачами: содѣйствовать антропологическими и эмбріологическими изслѣдованіями разъясненію великаго вопроса о происхожденіи человѣка и „выяснять морфологическимъ путемъ взаимное отношеніе человѣческяхъ расъ, ихъ тѣлесное развитіе, ихъ болѣе высокое или низкое положеніе“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ важность антропологіи будетъ сознана еще болѣе и что со временемъ она займетъ болѣе видное и достойное ея мѣсто, въ ряду предметовъ изученія и преподаванія, какъ наука, съ основами которой обязательно долженъ быть знакомъ не только біологъ, врачъ, историкъ, философъ, но до извѣстной степени и всякій образованный человѣкъ, сознающій необходимость и интересъ болѣе глубокаго, научнаго „познанія самого себя“.

Если антропологія и на западѣ принадлежитъ къ числу наукъ, начавшихъ обособляться сравнительно поздно и только въ послѣднее время получающихъ большее право гражданства, то въ Россіи, понятно, ея исторія должна быть еще короче. Первая эпоха ея развитія въ Зап. Европѣ, въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, отразилась у насъ весьма слабо. Въ числѣ первыхъ нашихъ профессоровъ были и ученики Линнея; „Естеств. исторія“ Бюффона была издана и въ русскомъ переводѣ; наши академики, преимущественно изъ нѣмцевъ, въ своихъ путешествіяхъ по Россіи обращали вниманіе и на различія типа и быта населяющихъ ее народовъ; то же дѣлали натуралисты и художники, участвовавшіе въ первыхъ русскихъ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ; нѣкоторые изъ служившихъ въ Россіи нѣмецкихъ врачей (особенно бар. Ашъ) содѣйствовали Блуменбаху доставленіемъ ему первыхъ череповъ различныхъ русскихъ инородцевъ; появлялись и кой-какія переводныя или составленныя по иностраннымъ источникамъ „Естественныя исторіи человѣка“ или описанія человѣческихъ породъ, въ ряду которыхъ можно отмѣтить „Краткое руководство къ познанію племенъ человѣческаго рода“, изданное (съ нѣсколькими таблицами) въ 1838 г. проф. Моск. унив. И. Ловецкимъ; тѣмъ не менѣе первыя самостоятельныя антропологическія работы стали появляться въ Россіи не ра-

нѣе 50-хъ годовъ, да и тѣ были обязаны сначала ученымъ нѣмцамъ, преимущественно К. Э. фонъ-Бэру.

Уроженецъ Прибалтійскаго края, затѣмъ профессоръ анатоміи и зоологіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, составившій себѣ извѣстность своими эмбріологическими работами (между прочимъ — открытіемъ человѣческаго яйца), наконецъ, академикъ С.-Петерб. Импер. Академіи наукъ, К. Э. фонъ-Бэръ еще въ 20-хъ годахъ интересовался вопросомъ „о происхожденіи и распространеніи племенъ“, а въ 1824 г. сталъ даже издавать „Лекціи по антропологіи“, 2-й томъ которыхъ долженъ былъ заключать въ себѣ исторію развитія и сравнительную антропологію племенъ (томъ этотъ однако не появился, а первый былъ посвященъ строенію и отправленіямъ человѣческаго тѣла, т. е. анатоміи и физіологіи человѣка). Переѣхавъ въ 1834 г. въ Петербургъ, въ званіи ординарнаго академика, Бэръ занимался сначала зоологическими работами, совершилъ въ 1837 г. путешествіе на Новую Землю и въ 1840 г. въ Лапландію, трудился въ качествѣ библіотекаря академіи и редактора „Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reichs“, читалъ (по-латыни) лекціи сравнительной анатоміи и физіологіи въ Медико-хирургической академіи (1841—1852) и т. д., и только въ 1845 г. появилась его первая краніологическая работа (описаніе черепа карагасса), въ Бюллетэнѣ Академіи. Въ 1851 г. онъ принялъ на себя составленіе главы о человѣкѣ въ „Русской фаунѣ“, издававшейся Ю. Симашко, и развилъ эту главу въ цѣлый трактатъ, подъ заглавіемъ „Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи“, 255 стр. съ 17 табл.,—первое оригинальное сочиненіе по антропологіи на русскомъ языкѣ (впрочемъ, и оно было написано Бэромъ по-нѣмецки и лишь переведено затѣмъ на русскій языкъ). Послѣ того, однако, Бэръ снова былъ отвлеченъ на нѣсколько лѣтъ участіемъ въ экспедиціи для изслѣдованія рыболовства въ Россіи и только въ 1858—59 гг. могъ отдаться болѣе спеціально антропологическимъ работамъ. Въ 1859—66 гг. были напечатаны, имъ по-латыни или по-нѣмецки, нѣсколько краніологическихъ мемуаровъ о черепахъ папуасовъ, калмыковъ, китайцевъ, ретороманцевъ и т. д. Въ 1861 г., по его иниціативѣ, состоялся упомянутый уже ранѣе съѣздъ нѣмецкихъ антропологовъ въ Геттингенѣ, о совѣщаніяхъ котораго имъ былъ составленъ отчетъ, изданный затѣмъ въ Германіи въ 1863 г. Въ 1865 г. онъ помѣстилъ въ „Натуралистѣ“ статью (на русскомъ языкѣ) „Мѣсто человѣка въ природѣ“, въ которой, бывшій сторонникъ прогрессивныхъ воззрѣній въ біологіи, выступилъ рѣшительнымъ противникомъ Дарвина и его теоріи. Обращали на себя вниманіе Бэра и вопросы доисторической археологіи. Еще въ 1839 г. онъ интересовался „лабиринто-образными каменными сооруженіями на русскомъ Сѣверѣ“ („вавилоны“ Лапландіи), а въ 60-хъ годахъ онъ одинъ изъ первыхъ познакомилъ русскую публику съ новыми данными о первоначальномъ со-

стояніи человѣка въ Европѣ. Если принять во вниманіе, что Бэру обязаны въ значительной степени нѣкоторыя организованныя Академіей наукъ экспедиціи (особенно Миддендорфа), давшія цѣнные антропологическіе и этнографическіе результаты, а также устройство академическаго антропологическаго музея, то заслуги его въ дѣлѣ развитія антропологіи въ Россіи станутъ еще болѣе очевидными.

Необходимо, однако, замѣтить, что всѣ главныя работы Бэра по біологіи и антропологіи были написаны имъ по-латыни или по-нѣмецки, и что до извѣстной степени это относится и къ замѣчательнымъ трудамъ другихъ изслѣдователей по антропологіи и этнографіи, изданныхъ академіей въ 50-хъ и 70-хъ годахъ (Миддендорфа, Кастрена, Шренка, Грубера и т. д.), хотя нѣкоторые изъ нихъ вышли и въ русскомъ переводѣ. Большее вліяніе въ дѣлѣ возбужденія и распространенія у насъ интереса къ этнографіи проявило И. Р. Географическое Общество своимъ отдѣленіемъ Этнографіи, дѣятельность котораго, направляемая въ первое время Бэромъ и Надеждинымъ, вызвала значительное собраніе этнографическихъ данныхъ изъ всѣхъ районовъ Россіи, а позже проявилась и въ организаціи спеціальныхъ этнографическихъ экспедицій, въ составленіи этнографической карты Евр. Россіи, въ изданіи спеціальнаго органа „Живая Старина“ и т. д. Открытіе отдѣловъ Общества въ Тифлисѣ, Иркутскѣ, Омскѣ, Кіевѣ (впослѣдствіи закрытаго), а недавно и въ Хабаровскѣ и въ Ташкентѣ, способствовало еще болѣе расширенію дѣятельности въ этомъ направленіи, которая иногда выражалась и въ собираніи данныхъ по физической антропологіи (Майновъ, Щаповъ) и доисторической археологіи (Поляковъ, Мережковскій). Съ 60-хъ годовъ, однако, этнографія получаетъ новый центръ въ Москвѣ, въ лицѣ Этнографическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при которомъ возникаетъ и другой, Антропологическій Отдѣлъ для спеціальной разработки физической антропологіи. Иниціаторомъ этого втораго отдѣла, какъ и всего, впрочемъ, Общества, былъ профессоръ А. П. Богдановъ, которому русская антропологія обязана вообще весьма многимъ. Зоологъ по спеціальности, А. П. живо заинтересовался и антропологіей въ томъ видѣ, какъ ея задачи были формулированы тогда Парижскимъ антропологическимъ Обществомъ, въ особенности же краніологіей, открывавшей, казалось, возможность путемъ измѣреній современныхъ и древнихъ череповъ опредѣлить точнѣе типъ извѣстнаго народа и уяснить его отношеніе къ типу предшествовавшаго населенія той же территоріи. А. П. задумалъ приложить этотъ способъ изслѣдованія къ выясненію типа великорусскаго племени, на первыхъ порахъ населенія Московской губерніи, и сталъ, съ одной стороны, собирать черепа изъ старинныхъ московскихъ кладбищъ (пользуясь случайными раскопками въ городѣ при закладкѣ фундаментовъ домовъ), а съ другой производить раскопки кургановъ Московской губерніи, впервые обративъ

вниманіе на сохраненіе находимыхъ въ нихъ костяковъ и череповъ. Въ результатѣ нѣсколькихъ лѣтъ раскопокъ имъ собранъ былъ значительный краніологическій матеріалъ, который далъ возможность составить понятіе о типѣ черепа у населенія Московской губерніи эпохи кургановъ (X—XI вв.) и объ отличіи этого типа отъ позднѣйшаго—эпохи кладбищъ XVII—XVIII вв. и современной. По иниціативѣ же, главнымъ образомъ, Богданова была устроена Обществомъ въ 1867 г. въ Москвѣ Этнографическая выставка, положившая затѣмъ основаніе этнографическому отдѣленію Румянцевскаго музея; имъ же были привлечены къ участію въ Антропологическомъ Отдѣлѣ первые его дѣятели, добыты средства для основанія при Москов. университетѣ каѳедры антропологіи, найдено лицо для занятія этой каѳедры, осуществлена, наконецъ, въ 1879 г., Антропологическая выставка, давшая поводъ и средства къ собранію многочисленныхъ антропологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ коллекцій, обогатившихъ московскіе музеи и положившихъ основаніе новому Антропологическому музею университета. Вызвавъ сношенія со многими иногородными, русскими и иностранными, научными дѣятелями, участіе которыхъ выразилось и въ пріѣздѣ въ Москву, гдѣ состоялись тогда два антропологическихъ съѣзда, выставка эта способствовала и дальнѣйшему движенію антропологіи въ Россіи, въ различныхъ ея научныхъ центрахъ.

Такъ, въ Петербургѣ, гдѣ уже въ 60-хъ годахъ занимался краніологическимъ изученіемъ великоруссовъ проф. Ландцертъ, а позже работали Майновъ (изучавшій мордву), проф. Иностранцевъ (собравшій и описавшій при содѣйствіи нѣсколькихъ спеціалистовъ остатки палеолитическаго человѣка и его культуры, найденные на южномъ берегу Ладожскаго озера), А. В. Елисѣевъ, И. С. Поляковъ и др., основывается въ 1887 г., при университетѣ, Антропологическое Общество, въ ряду дѣятелей котораго выдѣляются проф. Петри, гг. Никольскій, Коропчевскій и др., а въ 1893 г. другое Антропологическое Общество при Военно-медицинской академіи. Предсѣдатель этого послѣдняго, проф. А. И. Таренецкій, опубликовавшій уже ранѣе цѣнныя изслѣдованія по краніологіи великорусскаго населенія и племени айновъ, вызываетъ цѣлый рядъ антропологическихъ работъ (диссертацій) въ средѣ своихъ учениковъ-врачей, которые собираютъ матеріалы для болѣе точнаго познанія антропологическихъ типовъ осетинъ (Гильченко), кабардинцевъ (Вышегродъ), армянъ (Тварьяновичъ), кумыковъ (Свидерскій), бурятъ-селенгинцевъ (Шендриковскій), бурятъ-аларцевъ (Поротовъ), таранчей (Пайсель) и другихъ народностей. Въ Дерптѣ, съ конца 70-хъ годовъ выдѣляется дѣятельность профессора Л. К. Штиды, по иниціативѣ и подъ руководствомъ котораго произведенъ былъ рядъ антропологическихъ работъ (диссертацій) надъ эстами (Grube, Witt), ливами (Waldhauer), латышами (Waeber), литовцами (Brennsohn), евреями (Blechmann), малороссами (Diebold) и др. Послѣ перехода проф. Штиды

въ Кенигсбергскій университетъ, антропологическая дѣятельность въ Дерптѣ прекратилась, но въ послѣднее время она проявилась вновь въ Юрьевскомъ университетѣ въ лицѣ Р. Л. Вейнберга, занимающагося изслѣдованіемъ варіацій въ строеніи поверхности головного мозга и опубликовавшаго уже обстоятельныя монографіи о мозгѣ эстовъ, латышей и поляковъ. Самъ проф. Штида не перестаетъ и теперь слѣдить за русской антропологической литературой, и ему обязана русская наука подробными отчетами на нѣмецкомъ языкѣ (преимущественно въ „Archiv für Anthropologie“) о русскихъ антропологическихъ, а отчасти и археологическихъ и этнографическихъ работахъ. Въ Казани съ 70-хъ годовъ началъ работать Н. М. Маліевъ, собравшій антропологическія данныя о башкирахъ и вотякахъ и опубликовавшій матеріалы къ познанію формы черепа у различныхъ народностей восточной Россіи (русскихъ, татаръ, вотяковъ, черемисъ); въ 80-хъ годахъ онъ продолжалъ свои изслѣдованія, напечаталъ антропологическій очеркъ племени пермяковъ и составилъ обширную коллекцію расовыхъ череповъ въ анатомическомъ музеѣ Казанскаго университета. Къ сожалѣнію, съ переходомъ Маліева въ Томскъ, антропологическая дѣятельность въ Казани затихла, хотя она достигла тамъ значительнаго развитія по отношенію къ этнографіи и археологіи края, что доказываетъ Основаніе общества археологіи, исторіи и этнографіи и вышедшія въ его „Извѣстіяхъ“ цѣнныя работы, между которыми особенно обращаютъ на себя вниманіе монографіи о вотякахъ, пермякахъ, черемисахъ и мордвѣ проф. И. Н. Смирнова. Въ Харьковѣ въ 80-хъ годахъ сталъ заниматься краніологіей проф. М. А. Поповъ, въ ближайшее къ намъ время наблюденія надъ мѣстными антропологическими типами собирались проф. А. Н. Красновымъ. Въ Кіевѣ антропологическая дѣятельность проявилась покуда особенно въ археологическихъ изысканіяхъ; В. В. Хвойкѣ, проф. В. Б. Антоновичу и проф. П. А. Армашевскому наука обязана открытіемъ и описаніемъ замѣчательной находки слѣдовъ палеолитическаго человѣка совмѣстно съ остатками мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ, сдѣланной въ самомъ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ; проф. Антоновичъ вообще не мало потрудился для доисторической археологіи края, которая, впрочемъ, стала привлекать къ себѣ въ послѣдніе годы и другихъ дѣятелей, благодаря чему явилась даже возможность основанія въ Кіевѣ новаго музея древностей. Изъ другихъ провинціальныхъ дѣятелей слѣдуетъ указать на Талько-Грынцевича, Олехновича, Закревскаго, продолжавшихъ работу, начатую въ Краковѣ Майеромъ и Коперницкимъ по изслѣдованію антропологическихъ типовъ поляковъ и украинцевъ, на Эркерта и особенно д-ра Пантюхова, занимавшихся собираніемъ данныхъ по антропологическому изученію Кавказа, этнографія котораго представлена нынѣ уже массой матеріаловъ, опубликованныхъ въ рядѣ сборниковъ, особенно въ издаваемомъ уже болѣе 25 лѣтъ управленіемъ Кавказскаго

учебнаго округа; на Ядринцева, Маргаритова, Чугунова, Талько-Грынцевича и другихъ, работавшихъ въ Сибири, гдѣ въ послѣдніе годы состоялась даже специальная этнографическая экспедиція въ Якутскую область, на средства И. М. Сибирякова, и при участіи гг. Геккера, Богораза, Іохельсона, Майнова, Кона и другихъ, которыми были собраны цѣнные матеріалы, отчасти ожидающіе еще обработки и изданія; наконецъ, на гг. Пояркова, Мацѣевскаго, Яворскаго и др., занимавшихся антропологическими наблюденіями въ Средней Азіи.

Московскимъ ученымъ принадлежитъ видная доля участія въ этой коллективной работѣ по антропологическому изученію Россіи и вообще въ разработкѣ антропологическихъ вопросовъ. Оставляя въ сторонѣ этнографію, центромъ которой сдѣлался Этнографическій Отдѣлъ Общ. Люб. Ест., значительно развившій свою дѣятельность подъ предсѣдательствомъ В. Ѳ. Миллера, а также и до-историческую археологію, выдающимся дѣятелемъ которой былъ графъ А. С. Уваровъ, основавшій Моск. археологическое общество и русскіе археологическіе съѣзды, и останавливаясь спеціально только на физической антропологіи, нельзя не признать, что и по отношенію къ этой вѣтви естественно-историческаго изученія человѣка наука многимъ обязана дѣятельности московскихъ ученыхъ, главнымъ образомъ членовъ Антропологическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест. Въ изданіяхъ Отдѣла нашли себѣ мѣсто многочисленныя статьи А. П. Богданова по краніологіи различныхъ народностей Россіи и курганныхъ группъ многихъ губерній; въ тѣхъ же изданіяхъ, а отчасти въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ и др., были напечатаны работы Зографа, Воробьева, Анучина—о типѣ великоруссовъ; Гильченко — кубанскихъ казаковъ (малоруссовъ); Янчука, Икова—бѣлоруссовъ и литовцевъ: Элькинда—поляковъ; Икова, Элькинда—евреевъ; Данилова—персовъ; Лыжина—цыганъ; Елисѣева—финновъ; Кельсіева, Н. Харузина—лопарей; Зографа—самоѣдовъ; А. Харузина—киргизовъ; его же, Икова—южнобережскихъ татаръ; Назарова, Зографа, Никольскаго—башкиръ и мещеряковъ; Ивановскаго—монголовъ, турокъ; Анучина—айновъ; Рождественскаго — древняго населенія Рязанской губ.; Васильева—о размѣрахъ головы и лица у дѣтей въ школахъ Серпухов. уѣзда; Вейнберга—о строеніи головнаго мозга у эстовъ, латышей и поляковъ и др. Болѣе общихъ вопросовъ касались изслѣдованія: Богданова—о типѣ древне-славянскаго черепа (въ трудахъ XI межд. арх. конгресса), Рождественскаго—о величинѣ головы человѣка, Гильченко—о вѣсѣ головного мозга у различныхъ племенъ Россіи, Минакова—объ изслѣдованіи волосъ изъ древнихъ могилъ и о ненормальной волосатости, Анучина—объ аномаліяхъ челов. черепа, преимущественно въ ихъ распространеніи по расамъ, и—о географическомъ распредѣленіи роста въ Россіи, Элькинда—о краніологическихъ типахъ проф. Серджи. Внѣ связи съ Антроп. Отдѣломъ появились изслѣдованія проф. Зернова—о варіаціяхъ мозговыхъ

бороздъ и проф. Эрисмана и др.—о физическомъ развитіи фабричныхъ. Отдѣломъ составлялись и издавались инструкціи и схемы для антропологическихъ наблюденій, собирались данныя объ антропологическихъ признакахъ призываемыхъ къ воинской повинности, устраивались экспедиціи къ различнымъ народностямъ и въ разныя мѣстности Россіи и получались многія коллекціи для антропологическаго музея. Послѣдній обогащался и предметами помимо Отдѣла, получавшимися въ даръ отъ разныхъ учрежденій и лицъ, а также покупкою, и въ настоящее время является самымъ обширнымъ музеемъ этого рода въ Россіи, заключающимъ въ себѣ особенно богатые матеріалы по расовой краніологіи.

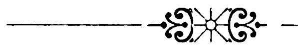
Въ дѣлѣ антропологическаго изученія Россіи принимали нѣкоторое участіе и иностранные ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ кавказскихъ и среднеазіатскихъ народностей, лопарей, самоѣдовъ, остяковъ, калмыковъ и др. (Ujfalvy, Virchow, Chantre, Sommier и т. д.). Въ послѣднее время иностранцы дѣлаютъ даже попытки систематизировать имѣющіяся данныя по антропологіи Россіи или установить ея краніологическіе типы на основаніи собственныхъ изысканій. Послѣдней задачей занимался проф. Серджи, коснувшійся ея въ нѣсколькихъ своихъ работахъ, въ томъ числѣ и въ изданномъ въ нынѣшнемъ году сочиненіи «Specie e varietà umane». На русскихъ данныхъ основывались Деникеръ и Ридлей, изъ коихъ первый воспользовался ими при составленіи своей краніологической карты Европы, а второй въ своемъ трудѣ «The Races of Europe» (1900), въ главѣ о славянахъ и восточной Европѣ. Иностранные ученые опережаютъ такимъ образомъ русскихъ въ систематизаціи нашихъ антропологическихъ данныхъ и въ сопоставленіи ихъ съ данными, добытыми для Зап. Европы. Правда, такая систематизація является покуда нѣсколько рискованною въ виду недостаточнаго еще числа свѣдѣній по отношенію ко многимъ группамъ населенія Россіи, но попытки такихъ обобщеній во всякомъ случаѣ указываютъ на тотъ интересъ, который вызываетъ теперь на Западѣ антропологія нашего отечества, и на то значеніе, которое ей предстоитъ въ разъясненіи многихъ важныхъ антропологическихъ вопросовъ. Сознаніе этого значенія должно дѣйствовать возбуждающимъ образомъ и на русскихъ ученыхъ, которые могутъ быть увѣрены, что, собирая болѣе полныя данныя о типѣ, бытѣ и до-историческихъ судьбахъ народностей Россіи, приводя эти данныя въ систему и подвергая ихъ научному анализу, они не только содѣйствуютъ успѣхамъ нашего собственнаго національнаго самопознанія, но и расширяютъ предѣлы познанія человѣчества вообще, его тѣлесныхъ и духовныхъ разновидностей, ихъ взаимной связи и соотношеній, ихъ зависимости отъ условій среды и времени и т. д. Больше подготовленныхъ и дѣятельныхъ работниковъ для умѣлаго собиранія матеріала и болѣе живого увлеченія, строгаго метода и широкаго кругозора

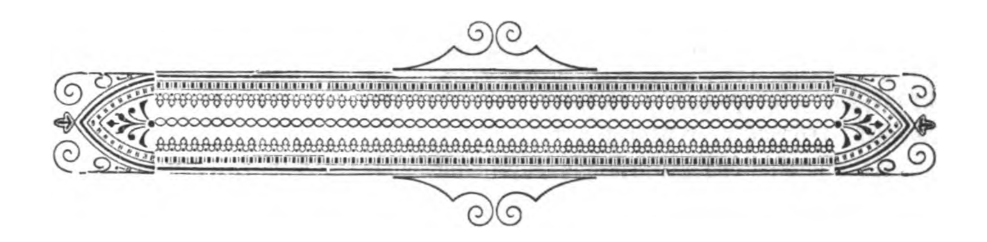
въ дѣлѣ компетентной его обработки,—вотъ чего можно пожелать русской антропологіи въ ея дальнѣйшихъ трудахъ и начинаніяхъ.

Русскимъ изслѣдователямъ представляется широкое поле—отъ Польши на западѣ до Амурской области и Камчатки на востокѣ, и отъ южныхъ народностей Закавказья, Средней Азіи и пограничныхъ владѣній Китая до заброшенныхъ на дальній Сѣверъ лопарей, самоѣдовъ, тунгузовъ и чукчей. Въ этихъ широкихъ предѣлахъ смѣняются многочисленные физическіе типы, разнообразныя условія быта, различныя стадіи культуры, смѣняются и въ пространствѣ, въ ихъ современномъ распредѣленіи, и во времени, въ ихъ появленіи въ теченіе вѣковъ. Цѣлый рядъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ связывается съ этими типами и культурами,—вопросовъ, которые требуютъ однако умѣлой постановки и подходящихъ методовъ для ихъ разрѣшенія. Возбуждаютъ къ себѣ интересъ и крайніе типы, обособленныя группы инородцевъ, вымирающія и изолированныя племена, но еще болѣе способна привлекать къ себѣ изслѣдователя преобладающая масса русской народности, распространившейся на громадное пространство и представляющей въ своемъ складѣ, говорѣ, бытѣ, духѣ многообразныя и любопытныя разновидности. Будучи славянскимъ въ своемъ языкѣ и культурно-исторической основѣ, но распространившись далеко къ востоку и сѣверу отъ своей вѣроятной первоначальной родины, русскій народъ уже рано пришелъ въ соприкосновеніе съ народностями финскими, тюркскими и иными, и отчасти подчинилъ ихъ и претворилъ въ себя, отчасти самъ подвергся ихъ антропологическому вліянію. Происходило не одно только столкновеніе и смѣшеніе, совершалось и антропологическое преобразованіе, эволюція новыхъ типовъ подъ вліяніемъ воздѣйствія однихъ элементовъ на другіе. На пространствѣ между арійскими племенами, славянами, нѣмцами на западѣ и урало-алтайскими на востокѣ образовался громадный народъ, представляющій собою какъ бы переходную ступень между тѣми и другими, но съ очевиднымъ преобладаніемъ западныхъ элементовъ. Сравнительный антропологическій анализъ долженъ уяснить намъ расовый составъ этого народа, установить его типы, показать ихъ отношеніе къ типамъ Запада и Востока. Такой же анализъ типовъ древняго населенія (на основаніи остатковъ изъ могилъ и т. д.) долженъ выяснить отношеніе ихъ къ современнымъ и между собою на всемъ пространствѣ древне-славянской и сосѣднихъ съ ней территорій. Части древняго населенія, извѣстныя намъ подъ различными названіями исчезнувшихъ народовъ и по скуднымъ свѣдѣніямъ о нихъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей, должны быть возстановлены мысленно въ главныхъ чертахъ ихъ физическаго типа и бытового склада, изъ указаній антропологіи и археологіи. Покуда работа въ этомъ направленіи, можно сказать, еще только началась; предстоитъ много усилій и трудовъ, чтобы продол-

жать ее плодотворно дальше и положить прочныя основы антропологическому познанію Россіи. Успѣхи въ этомъ направленіи будутъ стоять, очевидно, въ связи съ развитіемъ антропологіи вообще совокупными трудами иностранныхъ и русскихъ изслѣдователей. Нужно только пожелать, чтобы антропологическая наука получила въ Россіи болѣе прочное положеніе, чтобы множились средства и способы къ осуществленію ея задачъ, чтобы развивались кружки и органы, поставившіе ее цѣлью своей дѣятельности. Однимъ изъ такихъ органовъ предназначенъ быть и настоящій антропологическій журналъ; пожелаемъ же ему бодрой и живой дѣятельности въ этомъ направленіи и постараемся приложить сами дружныя усилія для его осуществленія, поддержанія и развитія.

Д. Анучинъ.

Великоруссы.

(Очеркъ физическаго типа).

Задача антрополога, желающаго дать характеристику физическаго типа великоруссовъ, представлялась бы не особенно сложной и трудной, если бы дѣло шло только о простой установкѣ признаковъ, которые опредѣляютъ общую физіономію великоруссовъ и отличаютъ послѣднихъ отъ ихъ ближайшихъ и болѣе далекихъ родичей и сосѣдей. Всѣ мы имѣемъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о „великорусскомъ типѣ“ и ежедневно говоримъ, что у А. чисто русскій типъ, Б. похожъ на татарина, В. калмыковатъ и т. д. У нашихъ первоклассныхъ писателей-романистовъ можно найти цѣлый рядъ индивидуальныхъ и собирательныхъ великорусскихъ типовъ. Тургеневъ даетъ даже сравнительное описаніе орловскаго и калужскаго мужика. Но какъ бы ярки и художественны ни были эти характеристики, онѣ далеко, конечно, не могутъ удовлетворить требованіямъ современной антропологіи; задача послѣдней по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ заключается не въ простомъ только описаніи и констатированіи тѣхъ или иныхъ физическихъ чертъ, но и въ *анализѣ* ихъ. Изучая данную народность, антропологъ долженъ по возможности показать происхожденіе каждаго отдѣльнаго признака, его распространеніе среди другихъ человѣческихъ группъ, значеніе его въ смыслѣ показателя степени родства изучаемой группы съ другими группами и т. д. Собирая всѣ изученные признаки въ одно цѣлое, антропологъ задается вопросомъ, представляетъ ли это цѣлое нѣчто компактное и однородное,—такъ называемый чистый типъ, а если нѣтъ, то какіе элементы вошли въ его составъ, какого они происхожденія и какъ они повліяли на производный сложный типъ. Въ этой части своей задачи антропологъ близко соприкасается съ задачами историковъ, этнографовъ, лингвистовъ, выясняя вмѣстѣ съ ними составные элементы племени. Входя въ вопросы прагматической исторіи, исторіи

культуры, этнографіи, соціологіи, политической экономіи, физіологіи, психологіи, географіи, геологіи и т. д., антропологъ можетъ и даже долженъ дѣлать попытки связать тѣ или другія особенности жизни, развитія и характера отдѣльныхъ человѣческихъ группъ съ особенностями физическаго ихъ строенія. Поэтому, приступая къ очерку физическаго типа великоруссовъ, необходимо коснуться, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, наиболѣе важныхъ указаній, почерпнутыхъ изъ соотвѣтствующихъ областей знанія.

Область, въ которой сложилось ядро великорусскаго населенія, не была достаточно защищена отъ набѣговъ вражескихъ племенъ ни морями, ни высокими непроходимыми горами: ни Уральскій хребетъ, ни Волга не представляли собою достаточныхъ огражденій со стороны Азіи, откуда преимущественно и шли на территорію современной Россіи волны различныхъ, пестрыхъ по своимъ этническимъ элементамъ, кочевыхъ племенъ. Не маловажную роль въ исторіи сложенія типа населенія играла также чрезвычайная лѣсистость страны, ограждавшая до нѣкоторой степени населеніе отъ окончательной гибели подъ давленіемъ проходившихъ здѣсь чуждыхъ народностей и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовавшая развитію любви къ вольной жизни мелкими общинами, долго не имѣвшими ни возможности, ни желанія сплочиваться въ большія соціальныя и политическія единицы. Дальнѣйшее разсмотрѣніе географическихъ условій и ихъ вліяній на населеніе завело бы насъ слишкомъ далеко, да оно и не вызывается прямыми потребностями нашей ближайшей задачи.

Первыя свѣдѣнія о томъ, какіе народы населяли область, занимаемую современными великоруссами, не заходятъ далеко въ глубь вѣковъ. Палеонтологія свидѣтельствуетъ, правда, о существованіи уже во второй половинѣ ледниковаго періода человѣка, ютившагося вблизи южныхъ границъ тающихъ ледниковъ, но мы ровно ничего не знаемъ ни о физическомъ его типѣ, ни о томъ, откуда онъ пришелъ и куда онъ исчезъ. Первыми болѣе достовѣрно извѣстными насельниками области, на которой сложилось впослѣдствіи великорусское племя (новгородскихъ земель, а потомъ такъ называемыхъ земель Владиміро-Суздальскаго края), были, повидимому, финны. Какъ давно сѣли они на эти земли — неизвѣстно. Изысканія финнологовъ показываютъ, однако, что около начала нашей эры у финновъ установилось уже болѣе или менѣе тѣсное, отразившееся на ихъ языкѣ, сосѣдство съ литовскими и германскими племенами. Доказано далѣе, что довольно распространенныя въ Россіи названія рѣкъ съ окончаніями на „ма“ и „ва“ — финскаго происхожденія, и самыя окончанія „ма“ и „ва“ составляютъ, по Веске, суффиксъ, означающій понятіе о рѣкѣ. Судя по области распространенія рѣкъ съ подобными названіями, финны занимали нѣкогда всю сѣверную и среднюю полосу современной Россіи, отъ низовьевъ Камы и прилегающей къ ней части Волги до Балтійскаго моря, а на западѣ и юго-западѣ—

до верховья и лѣвыхъ притоковъ Днѣпра, кончая Десною. На восточной окраинѣ этого района и по настоящее время живутъ два финскихъ племени— черемисы и мордва. Послѣдніе занимаютъ свои мѣста въ продолженіе многихъ вѣковъ, такъ какъ о нихъ (подъ названіемъ Mordens) упоминаетъ еще въ VI вѣкѣ готскій историкъ Iordanes. Тотъ же Iordanes упоминаетъ и о племени мери, хорошо извѣстномъ нашей начальной лѣтописи. Черемисы же и по настоящее время называютъ себя „мар" или „мäр" и представляютъ, быть-можетъ, прямыхъ потомковъ или же ближайшихъ родичей полумиѳической мери. Начальная лѣтопись упоминаетъ также о чуди, веси, муромѣ, мещерѣ, еми, угрѣ и многихъ другихъ финскихъ племенахъ.

Славянскія племена приходятъ въ соприкосновеніе съ финнами, насколько это можно судить по лингвистическимъ признакамъ, приблизительно около V—VII вѣка. Древнѣйшія изъ прослѣженныхъ областей населенія славянскихъ племенъ надо искать приблизительно въ Прикарпатьи, по верхнему теченію Вислы, въ теперешней Галиціи и въ Волынской губерніи. Болѣе достовѣрными становятся передвиженія славянъ приблизительно съ III—IV вѣка по Р. Х., когда они распространились на западъ къ Одеру, на югъ—къ Дунаю и на сѣверо-востокъ — вверхъ по Днѣпру и его притокамъ. Около V—VII вѣка послѣдняя вѣтвь проходитъ чрезъ области литовскаго населенія и соприкасается съ финскими племенами, съ которыми и вступаетъ въ самыя тѣсныя отношенія. Къ этому же приблизительно времени отъ славянскаго центра отдѣляется еще одинъ потокъ— на востокъ чрезъ Десну и Сеймъ къ Дону. Въ IX—X вѣкахъ славянскія племена окончательно утвердились въ Приднѣпровьи и начали оттуда свою колонизаторскую дѣятельность.

Рис. 1. Великоруссъ Московской губ., Богородскаго уѣзда.

Въ области будущаго ядра великорусскаго населенія осѣли, въ промежутокъ времени между IX и XII вѣками, на земли, занятыя финскими племенами, главнымъ образомъ новгородскіе (ильменскіе) славяне, близко родственные имъ кривичи, а также вятичи. Колонизація совершилась, повидимому, не сразу большими массами, а постепенно, мелкими партіями, отдѣльными островками. Встрѣчаясь съ мирными по природѣ финнами, новые насельники края должны были частью подавить и поглотить ихъ, частью же слиться съ ними, воспринять отъ нихъ нѣкоторыя физическія, лингвическія и психологическія черты, составивъ съ ними, наконецъ, одно цѣлое—великорусское племя.

Въ составъ современныхъ великоруссовъ входятъ, слѣдовательно, главнымъ образомъ славянскіе и финскіе элементы. Но, кромѣ того, не должны были остаться безъ вліянія (особенно на высшіе классы) и примѣси варяжской (норманской) крови, а также, вѣроятно, и монгольской. Послѣдняя, впрочемъ, не должна была оказать особенно сильнаго вліянія, такъ какъ во время великаго нашествія монголовъ татарскія орды, хотя и доходили до верховьевъ Оки и даже выше, но нигдѣ въ этихъ мѣстахъ долго не задерживались, спускаясь главнымъ образомъ на югъ, куда ихъ манило приволье черноморскихъ степей. Тѣмъ не менѣе, отрицать вліяніе монгольской крови такъ категорически, какъ дѣлаетъ это, напр., проф. Бѣляевъ, едва ли возможно. Борьба съ пограничными тюркскими племенами на востокѣ, затѣмъ самый фактъ прохожденія татарскихъ полчищъ чрезъ земли Владиміро-Суздальскаго края не могли, особенно при нравахъ того времени, не примѣшать хоть частичку монгольской крови. Кромѣ того, существовало много условій для косвеннаго вліянія этой послѣдней чрезъ притокъ получившихъ уже монгольскую кровь славянъ разореннаго юга, часть которыхъ переселилась оттуда на сѣверъ, въ земли Владиміро-Суздальскаго края.

Историческіе факты даютъ указанія на то, изъ какихъ элементовъ могъ сложиться физическій типъ современнаго великорусса. Слѣдуетъ, однако, помнить, что при изученіи физическаго типа историческими данными можно пользоваться только до извѣстнаго предѣла и съ извѣстными ограниченіями. Нельзя упускать изъ виду, что ни единство языка, ни единство племени, какъ этнографическаго, а тѣмъ болѣе политическаго цѣлаго, не гарантируютъ единства физическаго типа. Говорящій на финскомъ языкѣ, усвоившій себѣ всѣ обряды и обычаи финна для антрополога не всегда еще является настоящимъ финномъ. Языкомъ, обрядами, обычаями, а тѣмъ болѣе политическимъ строемъ могутъ объединяться племена, весьма различныя по своему физическому строенію, и наоборотъ— тождественныя въ физическомъ смыслѣ группы могутъ стать, въ силу историческихъ условій, чуждыми другъ другу по языку и по духу. Отсюда ясно, въ какія большія ошибки можемъ мы впасть, придавая при изученіи физическаго типа слишкомъ большое значеніе лингвистическимъ, этнографическимъ и политическимъ признакамъ.

Другимъ, болѣе надежнымъ, пособникомъ при изученіи элементовъ, составляющихъ физическій типъ даннаго племени, являются остатки прежнихъ поколѣній въ видѣ скелетовъ и, главнымъ образомъ, череповъ, находимыхъ въ могилахъ древнѣйшихъ временъ. Къ сожалѣнію, научно поставленныя раскопки древнихъ могильниковъ стали производиться не только у насъ, но и въ Зап. Европѣ въ сравнительно недавнее время, такъ что накопившійся до сего времени матеріалъ слишкомъ еще скуденъ и мало разработанъ; сверхъ того, и хронологическія даты находокъ не

всегда установлены достаточно точно; не всегда, наконецъ, съ большею или меньшею степенью вѣроятности можно опредѣлить, къ какому изъ исторически извѣстныхъ племенъ должны быть отнесены сдѣланныя находки.

Первый насельникъ сѣверной и центральной Россіи—упомянутый уже выше человѣкъ конца ледниковаго періода—не оставилъ по себѣ прочныхъ слѣдовъ, позволяющихъ сказать что-либо опредѣленное относительно физическаго его типа и принадлежности его къ той или другой расѣ. Затѣмъ слѣдуетъ громадный по времени перерывъ полной неизвѣстности, и только въ послѣднее время удалось констатировать въ полосѣ средней и сѣверной Россіи слѣды древнѣйшей культуры каменнаго и начала бронзоваго вѣка, культуры, принадлежащей, по мнѣнію археологовъ, скорѣе всего угорскимъ (финскимъ) племенамъ. Затѣмъ открывается все большее и большее число могильниковъ (но не кургановъ), относящихся, навѣрное, къ дославянской эпохѣ (приблизительно къ VI—VIII вѣкамъ) и принадлежащихъ, повидимому, также какимъ-то финскимъ племенамъ. Наконецъ, появляются курганы (могильныя насыпи). Нѣкоторые курганы IX—XI—XIII вѣковъ въ предѣлахъ средней и сѣверной Россіи принадлежатъ уже, судя по найденнымъ въ нихъ вещамъ, навѣрное славянамъ. Никоимъ образомъ нельзя, однако, сказать, что всѣ курганы принадлежатъ славянскимъ племенамъ (или, по крайней мѣрѣ, носятъ слѣды славянской или, точнѣе,—славяно-варяжской культуры); въ Нижегородской, напр., губерніи найдены курганы, принадлежавшіе, несомнѣнно, мордовскимъ князьямъ. Отъ болѣе поздней эпохи, начиная съ XII—XIII стол. и позже, мы имѣемъ теперь цѣлый рядъ раскопанныхъ старыхъ русскихъ кладбищъ христіанскаго періода. Для болѣе раннихъ эпохъ вплоть до курганной мы имѣемъ остатки костяковъ и череповъ въ количествѣ слишкомъ еще незначительномъ для того, чтобы составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное представленіе о физическомъ типѣ населенія того времени. Гораздо большее число остатковъ мы имѣемъ отъ эпохи кургановъ. Хронологически время курганной эпохи опредѣляется приблизительно IX—XIII в. Точно ли, что въ этихъ курганахъ хоронились представители славянскихъ племенъ (не въ смыслѣ языка и культуры, но въ смыслѣ антропологическомъ),—вопросъ, далеко еще не рѣшенный въ окончательной формѣ.

Изученіе остеологическихъ и, главнымъ образомъ, краніологическихъ остатковъ курганнаго населенія позволило установить пока слѣдующіе важнѣйшіе факты: на всемъ протяженіи отъ западной части Московской губ. и включительно до Новгородской и Олонецкой на сѣверѣ, до Черниговской, Могилевской губ., теперешней Галиціи и Германіи на западѣ и до Полтавской и Кіевской губ. на югѣ—жило одно, повидимому, племя (Богдановъ), главнѣйшими отличительными признаками котораго являются длинноголовость, длинное лицо (лептопрозопія) и, вѣроятно, высо-

корослость. Мѣстами это курганное племя являлось чисто долихоцефальнымъ или лишь съ незначительною примѣсью короткихъ череповъ (суджинскіе, напр., черепа, частью подольскіе, минскіе, ярославскіе, рязанскіе и т. д.), причемъ короткіе черепа принадлежали, повидимому, преимущественно женщинамъ; мѣстами же встрѣчаются болѣе значительныя примѣси брахицефаліи, но длинноголовые во всякомъ случаѣ вездѣ преобладаютъ, составляя 65—70% всѣхъ череповъ и выше. На основаніи изслѣдованій, произведенныхъ, главнымъ образомъ, въ Новгородской, Московской, Кіевской и Полтавской губерніяхъ, проф. Богдановъ отмѣчаетъ, что въ наиболѣе древнихъ курганахъ встрѣчаются исключительно или почти исключительно долихоцефальные черепа; но чѣмъ позже происхожденіе кургановъ, тѣмъ замѣтнѣе становится примѣсь брахицефальныхъ череповъ. На черепахъ, найденныхъ на старыхъ кладбищахъ (христіанскихъ) XII—XIII и позднѣйшихъ вѣковъ, примѣсь брахицефаліи уже значительна, и въ ближайшіе къ намъ вѣка брахицефалія является преобладающимъ типомъ находимыхъ при раскопкахъ череповъ. Для Московской губ., напр., имѣются слѣдующія данныя:

	Процентъ долихоцефаловъ.	Процентъ мезоцефаловъ.	Процентъ брахицефаловъ.
50 муж. кург. череповъ VIII—X в. .	88	2	10
100 чер. изъ боярск. кладб. XVI в. .	44	16	40
202 чер. изъ кладбищъ XV—XVII в. .	19	27	53
219 соврем. череповъ (по проф. Анучину изсл. на живыхъ—въ редукціи на черепъ)	24,1	35,4	40,4

До сихъ поръ мы не имѣемъ фактовъ, рѣзко противорѣчащихъ выводамъ проф. Богданова, и описанныя имъ отношенія существуютъ, повидимому, по всему тому району, гдѣ въ древнѣйшихъ курганахъ были находимы долихоцефальные черепа.

На востокѣ же, близь Уральскаго хребта и далѣе за нимъ—на протяженіи Сибири, жили племена, дающія уже въ самыхъ древнихъ курганахъ преобладаніе брахицефальнаго типа (тюркскія, а, можетъ быть, и финскія племена?); равнымъ образомъ и на сѣверѣ, въ теперешней Петербургской, въ части Новгородской губ., курганныя племена также носили нѣсколько иной характеръ, давая бóльшую примѣсь брахицефальнаго типа. На западѣ область долихоцефальнаго курганнаго племени простирается далеко за предѣлы современныхъ русскихъ владѣній, и длинноголовые древніе насельники Германіи, Австріи, Даніи, Швеціи едва ли отличались по своему типу сколько-нибудь рѣзко отъ длинноголоваго племени центральныхъ русскихъ кургановъ.

На основаніи этихъ данныхъ, проф. Богдановъ заключаетъ, что въ свое время не существовало ни пра-славянина, ни пра-германца, ни пра-датчанина и т. д., но на всемъ районѣ отъ западной половины Московской губ. и далеко въ глубь Европы жило одно и то же длинноголовое курганное племя, давшее различныя въ антропологическомъ смыслѣ современныя расы путемъ примѣсей народностей другого типа и путемъ видоизмѣненія первичнаго типа подъ вліяніемъ различныхъ условій жизни (главнымъ образомъ культуры). Большинство германскихъ ученыхъ держится того взгляда, что современное германское населеніе получило примѣсь брахицефальнаго типа, главнымъ образомъ, отъ древнихъ славянъ, которые, по ихъ мнѣнію, были типичными брахицефалами. Взглядъ на славянъ, какъ на брахицефаловъ, сближаетъ славянъ съ представителями высокорослой брахицефальной расы древней Европы (кельто-славянская вѣтвь арійской расы—Брока, Леббокъ, Тэйлоръ и др.).

Совершенно иначе смотритъ на дѣло много поработавшій надъ изученіемъ ископаемыхъ русскихъ череповъ проф. Богдановъ. По его мнѣнію, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ курганахъ, а потомъ и въ могилахъ XII—XV вѣковъ брахицефальные черепа не носятъ на себѣ чертъ, напоминающихъ монгольскій типъ (широколицость, выдающіяся скуловыя дуги, широкое носовое отверстіе и т. д.); слѣдовательно, въ появленіи коротко-головости примѣсь монгольской крови не могла играть видной роли. Съ другой стороны, нельзя признать и вліяпія короткоголовыхъ доисторическихъ расъ Европы по одному ужъ тому, что первые насельники средней части Зап. Европы—долихоцефалы дѣлались короткоголовыми постепенно въ разныхъ мѣстахъ и въ одно приблизительно время съ аналогичной перемѣною и на русской территоріи; нѣтъ, далѣе, никакихъ доказательствъ въ пользу массоваго распространенія брахицефаліи на русской территоріи въ направленіи съ юго-запада на сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ, т.-е. въ направленіи предполагаемаго движенія пришлыхъ славянскихъ племенъ. На основаніи этого, проф. Богдановъ полагаетъ, что брахицефалія появилась въ данномъ районѣ не подъ вліяніемъ пришлыхъ короткоголовыхъ племенъ, но развилась самостоятельно въ силу медленно совершавшагося видоизмѣненія длинныхъ череповъ курганнаго племени въ короткіе. Главнымъ факторомъ, модифицировавшимъ такимъ образомъ черепа, была культура. Переходъ отъ примитивной жизни, когда человѣкъ не ушелъ еще очень далеко въ своемъ образѣ жизни отъ животныхъ, къ условіямъ жизни болѣе культурнымъ долженъ былъ выразиться, прежде всего, въ ослабленіи чрезвычайнаго развитія мускулатуры; ослабленіе послѣдней должно было коснуться, между прочимъ, и затылочныхъ мышцъ, отчего развитіе затылочной части черепа, какъ области прикрѣпленія этихъ мышцъ, стало менѣе энергичнымъ, чѣмъ прежде. Черепъ вслѣдствіе этого долженъ былъ нѣсколько укоротиться въ передне-заднемъ направле-

нія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обусловленное потребностями культурной жизни развитіе лобныхъ долей мозга, а съ ними и черепа, повліяло на увеличеніе поперечныхъ размѣровъ головы и на компенсаторное ослабленіе развитія лицевыхъ костей, что, опять-таки, давало укороченіе передне-задняго діаметра (болѣе прямой, менѣе убѣгающій назадъ лобъ и менѣе выдающееся впередъ положеніе надбровныхъ дугъ, надпереносицы). Такимъ образомъ долихоцефальные черепа могли, по мнѣнію проф. Богданова, а также проф. Р. Вирхова и др. авторовъ, превращаться подъ вліяніемъ культуры въ брахицефальные. Относительно славянскихъ племенъ аналогичные съ мнѣніемъ Богданова взгляды были высказаны Poesch'емъ, а въ послѣднее время близко къ такому же взгляду подошелъ и пражскій ученый проф. Л. Нидерле, который рисуетъ первичнаго славянина (общаго родоначальника славянскихъ племенъ) свѣтловолосымъ, свѣтлоглазымъ, высокорослымъ долихоцефаломъ, утратившимъ свою долихоцефалію подъ вліяніемъ условій жизни и, главнымъ образомъ, культуры и измѣнившимъ въ значительной мѣрѣ и другія свои характерныя черты подъ вліяніемъ смѣшенія съ другими расами.

Представленіе о предкахъ славянъ, какъ о долихоцефалахъ, далеко еще не можетъ считаться вполнѣ твердо установленнымъ, и противоположный взглядъ, по которому славяне признаются широкоголовыми, имѣетъ также не мало сторонниковъ. Эти послѣдніе не допускаютъ прежде всего возможности перехода долихоцефаліи въ брахицефалію подъ вліяніемъ культуры. Если такой переходъ и мыслимъ, то въ данномъ случаѣ онъ долженъ совершиться на короткомъ сравнительно протяженіи времени, всего въ какихъ-нибудь 3—4 столѣтія; между тѣмъ, вся сумма нашихъ знаній объ эволюціи органическихъ формъ заставляетъ думать, что подобнаго рода процессы совершаются чрезвычайно медленно, въ очень большіе промежутки времени. Къ тому-же длинная и короткая формы человѣческихъ череповъ считаются очень постоянными и характерными признаками; онѣ могутъ быть прослѣжены даже у антропоидныхъ обезьянъ и являются, слѣдовательно, не второстепенными, сравнительно легко измѣняющимися, но наиболѣе устойчивыми признаками первой важности и значенія. Затѣмъ—существованіе и въ настоящее время долихоцефальныхъ племенъ, достигшихъ издавна высокой культуры (англичане, шведы), говоритъ не менѣе сильно противъ если не возможности, то во всякомъ случаѣ противъ обязательности культурныхъ измѣненій долихоцефальнаго типа.

Появленіе и возрастаніе въ числѣ короткоголовыхъ въ предѣлахъ современной центральной Россіи замѣчается приблизительно въ могильникахъ IX—XV вѣковъ, что соотвѣтствуетъ эпохѣ разселенія по этой области славянскихъ племенъ; здѣсь, слѣдовательно, факты благопріятствуютъ гипотезѣ о короткоголовости древнѣйшихъ славянъ. Но, допуская эту гипотезу, необходимо допустить и другую, именно, что длинные черепа кур-

ганнаго племени въ Россіи должны принадлежать, по всему вѣроятію, финскимъ племенамъ (проф. Таренецкій). Обращаясь же къ современнымъ финскимъ племенамъ, особенно къ тѣмъ, которыя являются наиболѣе вѣроятными потомками оттѣсненныхъ съ прежнихъ мѣстъ жительства финскихъ племенъ курганной эпохи, какъ-то къ мордвѣ, черемисамъ, зырянамъ, мещерякамъ, лопарямъ и т. д., мы найдемъ, что подавляющее большинство ихъ короткоголовы. Трудно, слѣдовательно, думать, что ихъ именно предкамъ принадлежатъ длинные черепа курганной эпохи. Иначе пришлось бы и для нихъ допустить переходъ изъ долихо- къ брахицефаліи, т. е. то, что противники взгляда на праславянъ, какъ на долихоцефаловъ, усиленно отрицаютъ по отношенію къ славянскимъ племенамъ. Есть, впрочемъ, и между современными финскими племенами длинноголовыя, какъ, напр., вотяки и вогулы. На этихъ послѣднихъ было обращено особое вниманіе изслѣдователей. Вогулы считаются прямыми потомками древней угры или югры, которая, по мнѣнію Европеуса (основанному, главнымъ образомъ, на изученіи географическихъ названій различныхъ урочищъ), населяла нѣкогда всю сѣверную и среднюю Россію. Имъ, слѣдовательно, могли принадлежать и длинные черепа кургановъ. Но, съ одной стороны, доказательства Европеуса въ пользу столь широкаго распространенія угры не отличаются достаточною убѣдительностью, а съ другой, нельзя ни совсѣмъ столкнуть съ насиженныхъ мѣстъ мерю, мещеру, мурому, давшихъ широкоголовое потомство, ни отождествить ихъ, въ смыслѣ физическаго типа, съ угорскими предполагаемыми долихоцефальными племенами (хотя Европеусъ не останавливается и передъ этимъ). Можно, конечно, предполагать, что въ районѣ современной центральной Россіи жили въ курганную эпоху (и раньше) и долихо- и брахицефальныя финскія племена, но что среди послѣднихъ были распространены способы погребенія, не давшіе возможности сохраненія останковъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ (сожиганіе, поверхностное зарываніе труповъ или оставленіе ихъ на поверхности земли и т. д,); но здѣсь мы войдемъ уже въ область ни на чемъ не основанныхъ предположеній и гипотезъ, не имѣющихъ никакой научной цѣнности. Болѣе положительныя данныя для рѣшенія вопроса заключаются въ факти-

Рис. 2. Великоруссъ Ярославской губ., Романовскаго уѣзда.

ческомъ матеріалѣ, получаемомъ при изученіи физическаго типа какъ самихъ великоруссовъ, такъ и тѣхъ народностей, ближайшіе предки которыхъ участвовали или могли участвовать въ созиданіи современнаго великорусскаго племени, главнымъ образомъ, слѣдовательно, финскихъ и тюрко-монгольскихъ племенъ. Если для изученія послѣднихъ кое-что и сдѣлано изслѣдователями (преимущественно русскими), то совсѣмъ иначе стоитъ дѣло по отношенію къ великоруссамъ, съ изученія которыхъ, казалось, и должны были бы начинаться первые шаги русскихъ изслѣдователей. Надо, правда, сказать, что изслѣдованіе инородческихъ племенъ проще въ томъ отношеніи, что большинство ихъ занимаетъ ограниченный районъ обитанія, вслѣдствіе чего общій типъ населенія, равно какъ и вся сумма составляющихъ его разновидностей, легче можетъ быть охвачена и объединена трудами одного изслѣдователя. Составъ же современнаго великорусскаго населенія, какъ показываютъ изслѣдованія, не является однородной компактной массой, но представляетъ извѣстныя и иногда довольно значительныя видоизмѣненія и отличія по различнымъ областямъ и губерніямъ. Но области или губерніи, къ которымъ пріурочиваются обыкновенно изслѣдованія, составляютъ только административныя единицы, ничего общаго, вѣроятно, не имѣющія съ тѣми условіями, которыя создали областныя отличія въ типахъ современныхъ великоруссовъ. Задача изслѣдованія осложняется, слѣдовательно, еще и тѣмъ, что опредѣленія областныхъ отличій не достаточно, необходимо опредѣлить еще и районы распространенія этихъ областныхъ типовъ. На ряду съ этимъ выдвигается вопросъ о причинахъ происхожденія областныхъ отличій, о выдѣленіи изъ нихъ общаго типа и т. д. Но сдѣланное до сихъ поръ въ этомъ направленіи русскими антропологами далеко не соотвѣтствуетъ сложности задачи. Единственнымъ объединяющимъ и захватывающимъ всѣ области современной Россіи является капитальный трудъ Д. Н. Анучина: «О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи» (по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ имперіи за 1874—1883 гг.). Дополненіемъ къ этой работѣ могутъ служить изслѣдованія взрослаго фабричнаго населенія, работающаго на московскихъ и подмосковныхъ фабрикахъ, произведенныя по почину московскаго губернскаго земства и объединенныя въ трудахъ проф. Эрисмана, д-ровъ Дементьева, Погожева и др., затѣмъ работа д-ра Снегирева и нѣкоторыя другія аналогичныя работы. Существуетъ, затѣмъ, сравнительно много работъ, касающихся роста, объема груди, нѣкоторыхъ другихъ измѣреній и вѣса дѣтей городскихъ и сельскихъ школъ различныхъ мѣстностей. Въ работахъ проф. Ландцерта, Маліева, Таренецкаго, д-ровъ Икова, Эмме, Рождественскаго мы имѣемъ полученныя при изслѣдованіяхъ на живыхъ и на черепахъ данныя относительно нѣкоторыхъ измѣреній и формы головы и лица населенія отдѣльныхъ мѣстностей; статья

проф. Анучина знакомитъ насъ съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, а также и съ формою головы (и головнымъ указателемъ) населенія Московской губерніи. Разсматривающими большее число признаковъ въ ихъ взаимной связи являются работы проф. Зографа (для Ярославской, Владимірской и Костромской губерній), пишущаго эти строки (для Рязанской губерніи) и самая позднѣйшая работа г. Талько-Грынцевича, изучившаго «семейскихъ», т.-е. старообрядцевъ, живущихъ своимъ тѣснымъ кругомъ со временъ патріарха Никона и выселенныхъ въ 1733—1767 гг. въ Сибирь (Забайкалье). Но трудомъ А. А. Ивановскаго и А. Г. Рождественскаго было показано, какъ мало можно довѣрять цифровымъ даннымъ, а слѣдовательно, и выводамъ проф. Зографа; моя работа разсматриваетъ только ростъ, главнѣйшіе размѣры головы и лица, затѣмъ цвѣтъ волосъ и глазъ, оставляя безъ разсмотрѣнія нѣкоторые другіе важные для опредѣленія типа признаки; наиболѣе полной является работа Талько-Грынцевича, изучившаго къ тому же населеніе, жившее замкнутою жизнью съ половины XVII вѣка, а потому съ этого, по крайней мѣрѣ, времени обезпеченнаго отъ примѣсей посторонней крови. Вотъ весь, приблизительно, матеріалъ, надъ которымъ мы можемъ въ настоящее время оперировать.

Начнемъ съ роста, какъ признака и наиболѣе изученнаго, и имѣющаго вмѣстѣ съ тѣмъ большое значеніе для характеристики расы. Обработанныя проф Анучинымъ данныя о ростѣ основаны на измѣреніяхъ конскриптовъ, причемъ ростъ лицъ, не принятыхъ за малымъ ростомъ, физической слабостью, болѣзнями, недостаточной возмужалостью и т. д., въ эти данныя не вошелъ. Установлено, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ростъ заканчивается гораздо позже, чѣмъ въ 21 годъ, что вмѣстѣ съ только-что упомянутыми исключеніями дѣлаетъ среднія цифры роста конскриптовъ нѣсколько болѣе низкими, чѣмъ ростъ взрослаго и вполнѣ возмужалаго населенія. При сравненіи цифръ проф. Анучина съ цифрами проф. Эрисмана оказывается, что для центральныхъ русскихъ губерній разница въ ростѣ конскриптовъ и вполнѣ возмужалаго населенія колеблется въ предѣлахъ отъ 8 до 16 mm.; таже разница (115 mm.) получается и при сравненіи съ моей цифрой для Рязанской губерніи. Въ общемъ, слѣдовательно, надо принять разницу, по крайней мѣрѣ, въ 12 mm., и для возмужалаго населенія цифры проф. Анучина должны быть повышены на эту величину.

Колебанія въ средней величинѣ роста по различнымъ уѣздамъ въ губерніяхъ, населенныхъ преимущественно великоруссами, лежатъ въ предѣлахъ отъ 1617—1618 mm. (нѣкоторые уѣзды Казанской, Костромской губ.) и до 1650 — 1655 (для отдѣльныхъ уѣздовъ Московской, Новгородской, Псковской, Петербургской губ.) и даже до 1657 mm. (Кашинскій у., Тверской губ.), а принимая во вниманіе и Сибирь—до 1670 mm. (Акшин-

скій окр., Забайкальской обл.). Разница достигаетъ такимъ образомъ солидной цифры въ 40 mm., а считая и Сибирь — даже въ 53 mm. Выводя средній ростъ для цѣлыхъ губерній, проф. Анучинъ получилъ слѣдующія данныя: наибольшей высокорослостью (въ среднемъ около 1650 mm.) отличаются губерніи: (Астраханская), Томская, Енисейская, Тобольская, Псковская (Воронежская)[1]). Ростъ около 1640 mm. даютъ губерніи: Петербургская, Московская, Пермская, Курская, Саратовская, Тверская, Самарская, Нижегородская, Архангельская, Орловская, Владимірская, Новгородская, Симбирская, (Калужская), Рязанская, Пензенская, Тамбовская. Сравнительно низкій ростъ (около 1630 mm.) даютъ: Тульская, Ярославская, (Смоленская), Вологодская, Олонецкая, Костромская, Вятская, (Уфимская), (Казанская). Наибольшее число губерній даетъ, слѣдовательно, средній ростъ около 1640 mm. или, принимая поправку для вполнѣ возмужалаго населенія,—около 1652 m.m., каковую величину и можно принять за среднюю, характеризующую великорусское населеніе en masse.

Давая карту распредѣленія роста по уѣздамъ, проф. Анучинъ замѣчаетъ, что, несмотря на большую пестроту цифръ, въ нихъ видна извѣстная правильность, которая выражается, прежде всего, въ томъ, что уѣзды, дающіе наиболѣе низкій ростъ, окружаются обыкновенно уѣздами съ болѣе высокорослымъ населеніемъ, за ними слѣдуютъ уѣзды съ еще болѣе высокорослымъ населеніемъ; пятна, указывающія на картѣ наиболѣе высокорослое населеніе, также опоясываются округами меньшей высокорослости. Существуютъ, словомъ, извѣстные очаги какъ высокорослости, такъ и малорослости. Если же взять за масштабъ болѣе крупныя различія въ ростѣ и игнорировать нѣкоторыя мелкія отступленія, то оказывается, что по всей Россіи могутъ быть отличены очаги и полосы бо́льшаго и меньшаго роста, охватывающіе большіе районы. Оставаясь въ предѣлахъ губерній и областей, заселенныхъ преимущественно великорусскимъ населеніемъ, можно отмѣтить слѣдующія явленія: очагомъ наиболѣе высокаго роста являются бо́льшая часть Псковской губ., юго-западные уѣзды Новгородской и примыкающіе сюда два южные уѣзда Петербургской губ. (Лугскій и Гдовскій). Чрезъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи, за исключеніемъ Пермской губ., тянется обширная полоса сравнительной низкорослости, испещренная на картѣ кое-гдѣ пятнами бо́льшей высокорослости. Южнѣе этой области, отъ границы Псковской и юго-западныхъ уѣздовъ Новгородской губ. (отъ границъ области высокорослости) тянется на востокъ чрезъ Тверскую, Московскую, Владимірскую, Нижегородскую губерніи полоса

[1]) Въ скобки заключены тѣ губерніи, къ основному великорусскому населенію которыхъ примѣшалось значительное количество другихъ, какъ славянскихъ, такъ и инородческихъ племенъ. Нѣкоторыя губерніи, населеніе которыхъ слишкомъ сильно смѣшано съ не-великорусскими племенами, исключены здѣсь совсѣмъ.

сравнительно высокаго (меньшаго, однако, чѣмъ для Псковско-Новгородской области) средняго роста. Еще южнѣе этой полосы тянется новая поперечная полоса низкорослости, идущая отъ восточной границы области, занятой бѣлоруссами, полѣщуками (Витебская, Минская, Могилевская, части Смоленской и Калужской губерній), чрезъ Орловскую, Калужскую, Смоленскую, западную часть Московской, Рязанскую, Тульскую, часть Тамбовской, особенно Пензенскую, Симбирскую и Казанскую губ. Особое, наконецъ, мѣсто занимаетъ Пермская губ., дающая сравнительно высокій ростъ и окруженная губерніями съ низкорослымъ населеніемъ. Входя въ объясненіе причинъ замѣчаемыхъ различій въ ростѣ, проф. Анучинъ, не придавая большого значенія географическимъ условіямъ, признаетъ возможность вліянія степени достатка населенія, профессіональныхъ его особенностей (на вліяніи которыхъ изъ русскихъ авторовъ особенно настаиваютъ проф. Эрисманъ, д-ръ Дементьевъ и нѣкоторые другіе), времени достиженія возмужалости, времени вступленія въ бракъ и т. д. Но главное и доминирующее надъ другими значеніе проф. Анучинъ придаетъ этническимъ условіямъ—расовому составу населенія.

Рис. 3. Великоруссъ Ярославской губ., Рыбинскаго уѣзда.

Широко пользуясь данными исторіи, лингвистики, этнографіи, проф. Анучинъ представляетъ себѣ дѣло такимъ образомъ: приписываемая греческими историками (Прокопіемъ, Ѳеофилактомъ, Ѳеофаномъ и др.) южно-русскимъ славянскимъ племенамъ высокорослость составляла, повидимому, отличительный признакъ и нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, подавшихся болѣе къ сѣверу, а въ особенности новгородскихъ (ильменскихъ) и ближайшихъ ихъ родичей — кривичей. Часть кривичей вмѣстѣ съ болѣе низкорослыми, близко родственными, по словамъ начальной лѣтописи, съ ляхами (т.-е. съ предками поляковъ—наиболѣе низкорослыхъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ) дреговичами, родимичами, сѣверянами, частью вятичами — образовали сравнительно низкорослое современное бѣлорусское населеніе. Высокорослость кривичей была, вѣроятно, ослаблена здѣсь болѣе низкимъ ростомъ другихъ вошедшихъ въ составъ славянскихъ группъ, а, можетъ-быть, также и смѣшеніемъ съ низкорослыми финскими племенами и, наконецъ, неблагопріятными условіями жизни въ бѣдной болотисто-лѣсистой мѣстности. Другая же часть кривичей и новгородскіе сляване встрѣтились около Ильменскаго озера и между нимъ и Чудскимъ озеромъ—съ высокорослыми финскими племенами (чудью, предками теперешнихъ высокорослыхъ эстовъ, той самой чудью, относительно которой сохранились какъ у русскихъ, такъ и у зы-

рянъ и самоѣдовъ преданія, какъ о гигантахъ и великанахъ). Благодаря такимъ условіямъ, высокорослость славянскихъ племенъ сохранилась здѣсь и до нашего времени и дала вышеупомянутый очагъ наиболѣе высокаго для всей Россіи средняго роста. Распространяя свою колонизаторскую дѣятельность на востокъ, чрезъ Тверскую, Московскую, Владимірскую и Нижегородскую губерніи, новгородскіе славяне и кривичи встрѣтили здѣсь финскія племена—чуди, веси, муромы, позднѣе югры,—племена, частью по крайней мѣрѣ, высокорослыя. Насколько можно судить по курганнымъ остаткамъ, здѣсь жило издревле высокорослое населеніе. Но часть не славянскаго населенія этой области могла быть, повидимому, и не высокорослой,—есть нѣкоторыя данныя считать за таковую югру. Современные мещеряки, доходившіе, повидимому, и до разсматриваемаго сейчасъ района,—невысоки ростомъ, невысоки и современные черемисы—предполагаемые потомки мери. Повліяло ли оттѣсненіе болѣе слабыхъ низкорослыхъ племенъ и ассимиляція съ болѣе высокими, бо́льшая ли устойчивость славянскаго типа, или, наконецъ, преобладаніе среди финскихъ племенъ высокорослыхъ надъ низкорослыми,--трудно сказать, но во всякомъ случаѣ высокорослость новгородцевъ и кривичей сохранилась и въ этомъ районѣ, нѣсколько, однако, въ меньшей степени, чѣмъ въ Новгородско-Псковскомъ районѣ. Колонизируясь далѣе на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, новгородскіе выходцы встрѣчались тамъ частью съ высокорослой чудью, частью же съ болѣе низкорослыми племенами—югры, лопи, позднѣе зырянъ и самоѣдовъ, давъ полосу современной низкорослости. Причины развитія ея кроются, вѣроятно, какъ въ преобладаніи низкорослыхъ финскихъ племенъ надъ высокорослыми, такъ и въ томъ, что позднѣе—въ XVI—XVII вѣкахъ—колонизаторы-славяне стянулись отсюда въ значительномъ количествѣ въ Пермскую губ. (къ Строгановымъ), а потомъ—и въ Сибирь, оставивъ на мѣстѣ не столько славянскія, сколько ославянившіяся финскія племена. Разселяясь преимущественно по большимъ рѣкамъ, дойдя, наконецъ, до побережья Бѣлаго моря и собравшись тамъ (ради богатства рыбнаго лова) въ болѣе значительномъ числѣ, новгородскіе выходцы оставили свой слѣдъ, сказывающійся и понынѣ въ замѣтныхъ на картѣ поуѣзднаго распредѣленія роста отдѣльныхъ пятнахъ большой высокорослости въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ (высокорослые поморы, сохранившіе не только ростъ, а вѣроятно, и другія характерныя черты славянскаго населенія, но являющіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и понынѣ главнѣйшими хранителями старорусскихъ былинъ, пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ). Сравнительно высокій ростъ современныхъ пермяковъ объясняется, вѣроятно, главнымъ образомъ упомянутымъ уже стягиваніемъ сюда въ XVI — XVII вѣкахъ новгородскихъ колонистовъ, наиболѣе подвижныхъ, энергичныхъ и сильныхъ, а потому и наиболѣе, вѣроятно, способныхъ къ стойкому сохра-

ненію своего физическаго типа. Такими же, вѣроятно, условіями, вмѣстѣ съ примѣсью значительной части казацкаго высокорослаго элемента, объясняется и высокорослость многихъ областей Сибири. Наконецъ, южная поперечная полоса низкорослости современнаго великорусскаго населенія сложилась при слѣдующихъ условіяхъ: на финскія племена, скорѣе низкорослыя, осѣли славянскія племена — частью кривичи, частью родимичи и вятичи, — по всей вѣроятности, сравнительно также низкорослые, давшіе въ результатѣ современное населеніе Калужской и Орловской губерній, родственное въ антропологическомъ смыслѣ съ современными бѣлоруссами.

Такимъ образомъ уже по одному изученію роста можно намѣтить зависимость измѣненій физическаго типа отъ тѣхъ разнообразныхъ элементовъ, которые вошли въ число производителей населенія того или другого района. Анализъ другихъ физическихъ признаковъ могъ бы дать возможность точнѣе опредѣлить, изъ какихъ ингредіентовъ и подъ какими вліяніями создались областные типы, могъ бы указать много деталей, ускользавшихъ до сихъ поръ отъ вниманія историка, этнографа, антрополога, но, къ сожалѣнію, за исключеніемъ свѣдѣній о ростѣ, мы очень мало знаемъ о колебаніяхъ физическихъ признаковъ по областямъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ наиболѣе постоянныхъ и характерныхъ расовыхъ признаковъ является форма головы, опредѣляемая чрезъ высчитываніе отношенія наибольшей ширины головы къ наибольшему ея длинному діаметру (головной указатель). По головному указателю великоруссы являются, какъ и всѣ славянскія племена, короткоголовыми (собственно подкороткоголовыми), но короткоголовость у нихъ выражена весьма умѣренно (головной указатель на живыхъ колеблется въ среднемъ отъ 81 до 83). Если же мы примемъ во вниманіе не среднія цифры, но число представителей въ изслѣдованныхъ группахъ длинно-, средне- и короткоголовыхъ, то сейчасъ же увидимъ, что длинноголовые элементы далеко не исчезли среди современнаго великорусскаго населенія. Мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы прослѣдить измѣненія въ формѣ головы по областямъ; къ тому же и тотъ матеріалъ, какой существуетъ, не вполнѣ однороденъ, такъ какъ содержитъ указанія то на форму головы съ мягкими покровами (изслѣдованія на живыхъ людяхъ), то на форму оголеннаго черепа. Но одна и та же голова даетъ однѣ величины головнаго указателя при измѣреніяхъ съ мягкими покровами и другія безъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ величина указателя обыкновенно меньше на 1—2 и болѣе. Авторы опредѣляютъ среднюю величину этого уменьшенія нѣсколько различно. Наиболѣе обстоятельно изслѣдовавшій вопросъ Брока даетъ величину уменьшенія въ двѣ единицы. Въ цѣляхъ бо̀льшаго однообразія имѣющихся на-лицо данныхъ я редуцировалъ, гдѣ это было возможно, величины указателей, полученныя на живыхъ, принявъ цифру Брока и передвинувъ соотвѣтственнымъ образомъ границы долихо-,мезо-

и брахицефаліи у живыхъ. Полученныя цифры заключаютъ въ себѣ чрезъ это нѣкоторыя погрѣшности, не столь, однако, большія, чтобы дѣлать цифры не пригодными для сравненія. Всѣ приводимыя ниже цифры будутъ соотвѣтствовать такимъ образомъ (съ нѣкоторымъ приближеніемъ) формамъ головы, получаемымъ при изученіи освобожденнаго отъ мягкихъ покрововъ черепа. Во всѣхъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ мѣстностяхъ современное великорусское населеніе даетъ рѣшительное преобладаніе брахицефальныхъ формъ, составляющихъ отъ ½ до ¾ всѣхъ случаевъ. Брахицефалія, слѣдовательно, является характернымъ признакомъ современнаго великорусса. Примѣсь длинноголовости, однако, постоянна и далеко не такъ мала, чтобы ее можно было игнорировать; въ отдѣльныхъ районахъ она доходитъ до 30% всѣхъ случаевъ. Существованіе отмѣченныхъ проф. Анучинымъ полосъ различныхъ категорій роста опредѣляется, главнымъ образомъ, повидимому, различіемъ этнологическихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось населеніе тѣхъ или другихъ районовъ. Интересной, поэтому, является попытка прослѣдить, не существуетъ ли по тѣмъ же полосамъ какихъ-либо различій и въ строеніи черепа. Къ сожалѣнію, на основаніи существующихъ данныхъ, можно скорѣе намѣтить только постановку вопроса, чѣмъ придти къ тѣмъ или другимъ выводамъ.

1. *Для области высокорослости* мы располагаемъ слѣдующими данными:

	Долихо-цефалы.	Мезоце-фалы.	Брахице-фалы.
Псковская губ. (13 наблюд. проф. Таренецкаго).	0	23%	77%
Новгородская (17 наблюд. его же)	12,6%	12,6%	64,7%
Петербургская (гл обр. Лугскій уѣздъ) (14 наблюд. его же).	14,3%	14,3%	71,4%

Но такъ какъ отдѣльные вывода для губерній основаны на слишкомъ небольшомъ числѣ наблюденій, соединимъ ихъ вмѣстѣ; тогда для всей области высокорослости (44 набл.) получаются слѣдующія цифры: долихоцефаловъ—11,4%, мезоцефаловъ—18,2% и брахицефаловъ—70,4%.

2. *Для области сравнительной высокорослости:*

	Долихо-цефалы.	Мезоце-фалы.	Брахице-фалы.
Московская г. (проф. Анучина). . . .	24.1%	35,5%	40,4%
» (д-ра Икова).	19,06%	17,46%	63,48%
Владимірская (проф. Зографа). . . .	23,5%?	24,7%?	51,8%?
Тверская (проф. Таренецкаго). . . .	0	22,5%	77,5%

Тверская губ. составляетъ рѣзкое исключеніе по полному отсутствію долихоцефаловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она представлена небольшимъ числомъ наблюденій (22), когда случайность можетъ играть слишкомъ широкую

роль. Выводя среднее для всего района сравнительной высокорослости, мы получаемъ: долихоцефаловъ—17,7%, мезоцефаловъ—25% и брахицефаловъ—58,2%. Процентъ долихоцефаловъ значительно увеличится, если исключить данныя для Тверской губ.; въ послѣднемъ случаѣ, долихоцефалы составляютъ 22,2%, мезоцефалы—25,9% и брахицефалы—51,9%.

3. *Для области сѣверной низкорослости.*

	Долихоцефалы.	Мезоцефалы.	Брахицефалы.
Архангельская губ. (18 набл. проф. Таренецкаго)	38,8%	11,2%	50%
Олонецкая (15 набл. его же).	26,6%	20%	53,2%
Вологодская (17 набл. его же). . . .	5.9%	35,3%	58.8%
Костромская (22 набл. его же)	22,7%	18,2%	59,1%
Ярославская (22 набл. его же). . . .	22,7%	19,7%	36,4%
Для всей области (84 набл.) .	26,2%	28 ..%	45,3%

Цифры проф. Зографа для двухъ губерній той же области даютъ въ среднемъ тѣ же результаты, но по отдѣльнымъ губерніямъ у него рѣзкія колебанія, иллюстрирующія его мысль о вліяніи монголовидныхъ элементовъ на жителей Костромской губ. (?):

	Долихоцефалы.	Мезоцефалы.	Брахицефалы.
Костромская губ.	10,2%?	16,3%?	73,5%?
Ярославская.	31,1%?	19,7%?	45,3%?

Въ цифрахъ проф. Таренецкаго обращаетъ на себя вниманіе малый процентъ долихоцефаловъ для Вологодской губ., что легко, впрочемъ, объяснимо, если мы примемъ во вниманіе незначительное число наблюденій, среди которыхъ легко могло сказаться въ рѣзкой степени вліяніе обитающихъ тамъ финскихъ, по преимуществу брахицефальныхъ племенъ.

4. *Для полосы южной низкорослости:*

	Долихоцефалы.	Мезоцефалы.	Брахицефалы.
Волжско-Камскій край (проф. Маліева).	22,99%	24,71%	52,31%
Рязанская губ. (В. В. Воробьева) . .	29,8%	28%	42,2%
Въ среднемъ долихоцефаловъ 26,3%			

Цифры въ общемъ довольно пестрыя; обращая, однако, вниманіе на процентъ долихоцефаліи по областямъ роста, мы видимъ, что:

1. Область высокорослости даетъ въ среднемъ . . 11,4% долихоц.
2. Примыкающая къ ней полоса сравнительно большого роста . . . . 22,2% »
   (16,7%) »
3. Область сѣверной низкорослости . . . . . . 26,2% »
4. Полоса южной низкорослости. . . . . 26,3% »

т.-е. тамъ, гдѣ распространена наибольшая высокорослость, процентъ долихоцефаловъ значительно меньше, причемъ болѣе высокорослое населеніе даетъ меньшій процентъ долихоцефаліи, чѣмъ полоса относительной высокорослости; полосы же сѣверной и южной низкорослости даютъ наибольшее число долихоцефаловъ. Интересно то обстоятельство, что «семейскіе» Талько-Грынцевича, будучи высокорослы, даютъ также небольшой сравнительно процентъ длинноголовыхъ (14%), не далеко ушедшій отъ процента длинноголовыхъ на черепахъ изъ московскихъ кладбищъ XV—XVII в. (19%), т.-е. той эпохи, когда «семейскіе» удалились изъ Россіи въ Сибирь. По сравненію съ большинствомъ другихъ славянскихъ племенъ у великоруссовъ распространеніе брахицефальнаго типа выражено слабѣе. Исключеніе составляютъ поляки, обладающіе большей, чѣмъ великоруссы, наклонностью въ долихоцефаліи и вмѣстѣ съ тѣмъ меньшимъ, по сравненію съ великоруссами, ростомъ. Бѣлоруссы, по средней величинѣ головного указателя, стоятъ очень близко къ великоруссамъ; малороссы даютъ большую величину головного указателя и выше великоруссовъ по росту; еще большимъ указателемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и большимъ ростомъ отличаются сербо-кроаты Адріатическаго побережья, чехи, словаки, сѣверогерманскіе славяне и т. д. Отмѣчается, слѣдовательно, извѣстный параллелизмъ между ростомъ и величиною головного указателя: тѣ изъ славянскихъ племенъ, ростъ которыхъ выше другихъ, являются въ то же время и большими брахицефалами. Мои изслѣдованія населенія Рязанской губ. показали, что и въ предѣлахъ одной и той же расовой группы существуютъ аналогичныя отношенія между ростомъ и головнымъ указателемъ, такъ какъ головной указатель для высокорослыхъ рязанцевъ оказывается нѣсколько большимъ, чѣмъ для низкорослыхъ.

Форма лица, подробное изученіе которой можетъ дать много интересныхъ фактовъ, изучена, однако, настолько мало, что объ областныхъ ея колебаніяхъ не приходится и говорить. Не останавливаясь, поэтому, долго на отдѣльныхъ цифрахъ, мы ограничимся общими, наиболѣе существенными, замѣчаніями. Отмѣтимъ, прежде всего, что абсолютные размѣры лица (какъ и головы) у великоруссовъ велики, но такіе размѣры составляютъ, повидимому, одну изъ отличительныхъ чертъ не однихъ только великоруссовъ, но и большинства другихъ, наиболѣе по крайней мѣрѣ родственныхъ имъ, славянскихъ группъ (бѣлоруссовъ, малороссовъ, поляковъ, латышей и др.). Этотъ признакъ отличаетъ славянскія группы отъ большинства другихъ арійцевъ, но не составляетъ исключительнаго ихъ достоянія, такъ какъ и у большинства урало-алтайскихъ и у нѣкототыхъ монгольскихъ племенъ онъ выраженъ въ еще болѣе рѣзкой мѣрѣ. Особаго вниманія заслуживаетъ ширина лица (наибольшая, между скуловыми отростками). Абсолютные ея размѣры велики. Талько-Грынцевичъ даетъ, правда, для «семейскихъ» ма-

лую величину (120,5 mm. (?) на живыхъ), но его цифра стоитъ одиноко. Рязанцы, напр., дали среднюю величину ширины лица въ 140,5 mm., и эта цифра очень близка къ цифрамъ, даннымъ для нѣкоторыхъ группъ малороссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, для кубанскихъ казаковъ и т. д. Большая ширина лица могла дать (да и давала) поводъ къ выраженію мнѣнія о нѣкоторой монголоидности славянскаго типа (его восточныхъ вѣтвей). Но такое мнѣніе основано на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что ширина лица у монгольскихъ племенъ всетаки больше, чѣмъ у славянскихъ, въ особенности при подсчетѣ не въ абсолютныхъ, а въ относительныхъ къ росту величинахъ (большинство монголовъ—низкорослы). Но главное различіе между монгольскими и славянскими племенами лежитъ въ томъ, что при большой ширинѣ лицо славянскихъ племенъ длинно (высоко), и отношеніе длины лица къ его ширинѣ (лицевой указатель) показываетъ, что славянскія племена, а въ числѣ ихъ и великоруссы обладаютъ продолговатымъ, удлиненымъ, а не круглымъ (низкимъ) лицомъ, или, выражаясь принятыми въ антропологіи терминами, великоруссы принадлежатъ, подобно большинству арійцевъ, скорѣе къ лептопрозопамъ, тогда какъ среди большинства урало-алтайскихъ и монгольскихъ племенъ распространена хамэпрозопія. Сопоставляя данныя относительно формы головы съ данными относительно формы лица, можно, слѣдовательно, охарактеризовать великоруссовъ, какъ брахицефаловъ съ наклонностью къ лептопрозопіи. Проф. Кольманъ по формамъ головы и лица устанавливаетъ 4 главныхъ типа (а принимая во вниманіе цвѣтъ волосъ и глазъ—8), а именно: 1) долихоцефалы—хамэпрозопы, 2) долихоцефалы—лептопрозопы, 3) брахицефалы—хамэпрозопы и 4) брахицефалы—лептопрозопы. Для Германіи, по мнѣнію Кольмана, главнымъ производящимъ типомъ является первый, т.-е. долихоцефалъ-хамэпрозопъ. Всѣ типы Кольмана встрѣчаются, конечно, и среди великоруссовъ; у «семейскихъ» самымъ частымъ типомъ является короткоголовый, узколицый. Какъ сочетаются эти типы въ другихъ мѣстностяхъ, не изучено. При изученіи рязанцевъ мнѣ удалось установить, что среди брахицефаловъ чаще встрѣчаются короткія (широкія) лица, среди долихоцефаловъ, обратно,—узкія; существуетъ, слѣдовательно, нѣкоторая наклонность къ сочетанію группъ брахицефало-хамэпрозопической и долихоцефало-лептопрозопической. Но значительное сравнительно число брахицефаловъ-лептопрозоповъ и не малый процентъ долихоцефаловъ среди рязанцевъ дѣлаютъ то,

Рис. 4. Великоруссъ Владимірской губ. и уѣзда.

что въ средней характеристикѣ они являются брахицефалами съ наклонностью къ лептопрозопіи, а не хамэпрозопіи.

Откуда получили великоруссы большую ширину лица, составляетъ ли она коренную черту славянскаго населенія, усиленную и подчеркнутую другими примѣсями, или же обратно—главнымъ образомъ обязана своимъ существованіемъ не славянскимъ элементамъ, сказать трудно. Напомнимъ, однако, что вотяки, вогулы (о возможной роли которыхъ въ созданіи великорусскаго типа говорились выше) отличаются большой шириной лица. У вотяковъ, напр., по измѣреніямъ проф. Маліева на черепахъ, ширина лица равна 138,8 mm., или у живыхъ (съ поправкою по Kollmann'у)—149,4. Но длина лица у нихъ сравнительно не велика, и великоруссы значительно превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Изъ другихъ размѣровъ головы слѣдуетъ обратить нѣкоторое вниманіе на величину вертикальной проэкціи головы, т.-е. разстояніе между точками верхушки головы и нижняго края подбородка, проэцированными на вертикальную плоскость при положеніи головы въ плоскости французской горизонтали. Этотъ размѣръ изученъ А. Г. Рождественскимъ на обширномъ матеріалѣ (свыше 1600 собств. наблюденій и масса литературныхъ данныхъ). Авторъ нашелъ, что какъ абсолютный (199,7 mm.), такъ и относительный къ росту (12,71%) размѣръ вертикальной проэкціи головы у великоруссовъ сравнительно не великъ; многія народности, въ особенности монголы, равно и нѣкоторыя изъ финскихъ племенъ, превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи значительно. Но, съ другой стороны, изслѣдованіе г. Рождественскаго показало, что величина головы въ вертикальной проэкціи не можетъ служить расовымъ признакомъ.

Колебанія этого размѣра находятся въ прямой зависимости отъ роста, и здѣсь авторъ формулируетъ слѣдующій законъ: абсолютная величина вертикальной проэкціи головы увеличивается съ ростомъ, но ея увеличеніе идетъ болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ ростъ, такъ что, будучи выраженной въ процентахъ роста, съ увеличеніемъ послѣдняго эта величина не возрастаетъ, а обратно—падаетъ. Въ то время, какъ у низкорослыхъ субъектовъ она составляетъ 13,04 процента роста, у высокорослыхъ она падаетъ до 12,43%. Впослѣдствіи мнѣ удалось подтвердить выводы г. Рождественскаго на моихъ рязанцахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мои данныя свидѣтельствуютъ о болѣе широкомъ распространеніи этого закона, такъ какъ ему подчиняются, повидимому, и всѣ изслѣдованныя мною измѣренія головы и лица, т.-е. длина, ширина головы и лица, горизонтальная окружность головы и т. д.

Мы пройдемъ молчаніемъ нѣкоторыя другія измѣренія головы и лица, измѣренія конечностей, туловища, объема груди и т. д., такъ какъ несмотря на большое значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ для характеристики типа, имѣющіяся налицо данныя безпорядочны, отрывочны

и не позволяютъ придти на основаніи ихъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ. Въ основу же нашей характеристики физическаго типа современныхъ великоруссовъ мы положимъ только разсмотрѣнныя уже нами величины роста, форму головы и лица, присоединивъ еще цвѣтъ волосъ и глазъ, къ разсмотрѣнію которыхъ сейчасъ и перейдемъ.

Изученіе цвѣта волосъ и глазъ имѣетъ очень большое значеніе для опредѣленія расовыхъ типовъ вообще; при изученіи же современныхъ великоруссовъ оно имѣетъ особое значеніе въ виду того, что до сихъ поръ въ точности не установлено еще, каковъ типъ первоначальныхъ славянскихъ племенъ—брюнетическій или же приближающійся къ типу блондиновъ.

По свидѣтельству историковъ, древніе славяне были свѣтловолосы. Ниже мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, насколько достовѣрны ихъ показанія и какъ слѣдуетъ понимать эти историческія свидѣтельства. Теперь же отмѣтимъ только, что изученіе большинства современныхъ славянскихъ племенъ, а въ томъ числѣ и великоруссовъ, показываетъ, что свѣтлый цвѣтъ волосъ и глазъ далеко не является у нихъ преобладающимъ. Мы не можемъ сказать что-либо опредѣленное о колебаніяхъ цвѣта волосъ великоруссовъ по областямъ, такъ какъ всѣ до сихъ поръ сдѣланныя въ этомъ направленіи изслѣдованія, за исключеніемъ изслѣдованія г. Талько-Грынцевича „семейскихъ", относятся по преимуществу къ области небольшой группы центральныхъ великорусскихъ губерній. Въ изслѣдованныхъ губерніяхъ процентъ свѣтлыхъ волосъ (бѣлокурыхъ цвѣта льна, соломенно-желтыхъ, золотистыхъ и свѣтлорусыхъ) колеблется въ узкихъ предѣлахъ отъ 41% и до 49%, процентъ же темныхъ волосъ (темнорусые, почти черные и черные) отъ 51% до 59%. Въ общемъ, слѣдовательно, нѣсколько больше половины всѣхъ великоруссовъ темноволосы. Какъ чистыхъ блондиновъ (бѣлокурые, льняные волосы), такъ и чистыхъ брюнетовъ (близкіе къ чернымъ) очень немного, не болѣе 8—10% въ сложности, остальные же 90% падаютъ на долю русыхъ волосъ различныхъ (отъ свѣтлаго до темнаго) оттѣнковъ. Такимъ образомъ по цвѣту волосъ великоруссы должны быть охарактеризованы какъ по преимуществу русоволосые. Изъ другихъ славянскихъ племенъ въ этомъ отношеніи очень близки къ великоруссамъ бѣлоруссы (52% темныхъ волосъ по Н. А. Янчуку). Малоруссы даютъ въ общемъ нѣсколько большій процентъ темноволосыхъ; наиболѣе же темноволосы западные и южные славяне. Изслѣдованіе остатковъ волосъ изъ московскихъ могилъ XVI—XVIII в. (П. А. Минакова) показываетъ рѣзкое преобладаніе темныхъ (темнорусыхъ) волосъ; бѣлокурыхъ между ними совсѣмъ не было найдено. Большой интересъ представляетъ отмѣчаемый многими наблюдателями фактъ очень постепеннаго развитія потемнѣнія волосъ славянскихъ племенъ съ возрастомъ,—среди дѣтей процентъ бѣлокурыхъ значительно больше, чѣмъ среди взрослаго населенія. Фактъ этотъ, под-

твержденный въ самое послѣднее время на большомъ цифровомъ матеріалѣ д-ромъ В. И. Васильевымъ (еще не напечатанная работа), на глазъ костатированъ очень давно. Интересно въ этомъ отношеніи показаніе архидіакона Павла Алепскаго, путешествовавшаго по Россіи вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, въ половинѣ XVII вѣка. Авторъ, прибывъ въ одно изъ селеній теперешней Кіевской губ., обратилъ вниманіе на многочисленность дѣтей и на свѣтлый цвѣтъ ихъ волосъ. „За большую бѣлизну волосъ на головѣ мы называли ихъ старцами“, пишетъ Павелъ Алепскій.

Цвѣтъ глазъ у современныхъ великоруссовъ даетъ для изслѣдованныхъ областей лишь незначительные предѣлы колебаній. Свѣтлые глаза (голубые, сѣрые, сѣро-голубые) даютъ отъ 40% и до 50%, а темные (свѣтло-каріе, темно-каріе, зеленые, черные) отъ 50% и до 60%; въ этомъ великорусы не отличаются сколько-нибудь рѣзко отъ малороссовъ, немного уступаютъ по проценту темноглазыхъ полякамъ и значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи западнымъ и южнымъ славянамъ. Наиболѣе распространеннымъ является у великоруссовъ сѣрый и карій (различныхъ оттѣнковъ) цвѣта глазъ, представленные приблизительно одинаковымъ числомъ наблюденій (небольшое преобладаніе карихъ); чисто черныхъ глазъ очень немного, немного и типичныхъ для блондиновъ-сѣверянъ голубыхъ глазъ (послѣднихъ 5—7%). Комбинируемъ теперь цвѣта волосъ и глазъ такимъ образомъ, что у насъ составятся три типа: 1) свѣтлый типъ (свѣтлые волосы и свѣтлые же глаза), 2) типъ брюнетическій (темные волосы и глаза) и 3) смѣшанный типъ (остальныя комбинаціи). При такихъ комбинаціяхъ преобладающимъ оказывается у великоруссовъ смѣшанный типъ, представляющій приблизительно около 60% всѣхъ наблюденій. Свѣтлый типъ (у рязанцевъ) даетъ 22,15% всѣхъ наблюденій, а темный немного меньше—39,39%. Надо, впрочемъ, помнить, что свѣтлый типъ далеко не соотвѣтствуетъ настоящимъ блондинамъ, такъ какъ въ составъ свѣтлаго типа входятъ субъекты съ сѣрыми глазами и свѣтлорусыми волосами, число же настоящихъ блондиновъ (бѣлокурые волосы и голубые глаза) у великоруссовъ ничтожно и составляетъ не болѣе, быть-можетъ, 1—2%. Процентъ смѣшаннаго типа цвѣта волосъ и глазъ представляетъ большой интересъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, насколько плотно спаялись вошедшіе въ составъ племени элементы: чѣмъ больше процентъ смѣшаннаго типа, тѣмъ составная группа однообразнѣе, тѣмъ, слѣдовательно, болѣе утратились въ ней черты первоначальныхъ производителей, уступившихъ мѣсто новообразованному смѣшанному типу. По сравненію съ другими славянскими элементами великоруссы представляютъ едва ли не самую большую степень смѣшенія (около 60% смѣшаннаго типа); немногимъ отличаются отъ нихъ и нѣкоторыя мало-

русскія группы и бѣлоруссы; поляки даютъ, повидимому, нѣсколько меньшее число представителей смѣшаннаго типа. Наименьшее число представителей этого типа даютъ, насколько это можно судить по имѣющимся до сихъ поръ изслѣдованіямъ, сербо-кроаты побережья Адріатическаго моря (Вейсбахъ). У нихъ смѣшанный типъ представляетъ только 26,5% всѣхъ наблюденій, сохранившійся же свѣтлый типъ даетъ 15,5%, тогда какъ темный типъ представленъ 58 процентами всѣхъ наблюденій (сильный аргументъ противъ представленія объ общемъ предкѣ славянскихъ племенъ, какъ о блондинѣ).

Говоря о формѣ головы великоруссовъ, мы имѣли уже случай упомянуть о существующемъ для славянскихъ племенъ соотношеніи между высокорослостью и брахицефаліей. Надо сказать, что оба эти фактора имѣютъ прямую связь и съ цвѣтомъ волосъ и глазъ. Изслѣдуя населеніе Рязанской губ., я могъ отмѣтить, что представители темнаго типа оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе высокорослыми и нѣсколько большими брахицефалами. Связь высокорослости съ темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ была отмѣчена и для другихъ славянскихъ группъ (Вейсбахомъ для сербо-кроатовъ, Элькиндомъ для поляковъ). Относительно же связи высокорослости съ брахицефаліей аналогичныхъ фактовъ до сихъ поръ не отмѣчалось. Но въ приведенной выше таблицѣ распредѣленія формъ головы великоруссовъ по районамъ различнаго ихъ средняго роста мы уже видѣли, что районы высокорослости даютъ наименьшее, а районы низкорослости наибольшее число долихоцефаловъ; для брахицефаліи, слѣдовательно, существуютъ какъ разъ обратныя отношенія, и наиболѣе высокорослые великоруссы оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе брахицефальными.

Рис. 5. Великоруссъ Вологодской губ., Кадниковскаго уѣзда.

До сихъ поръ мы разсмотрѣли только тѣ немногіе признаки физическаго типа великоруссовъ, относительно которыхъ у насъ имѣются болѣе полныя данныя. Въ нижепомѣщаемой таблицѣ мною собраны цифровыя данныя, касающіяся нѣкоторыхъ другихъ антропометрическихъ величинъ. Въ таблицѣ приводятся средне-ариѳметическія величины; тамъ, гдѣ стоятъ двѣ цифры, отмѣчены наименьшая и наибольшая изъ найденныхъ авторами среднихъ величинъ; тамъ, гдѣ стоитъ всего одна цифра, имѣется или одинъ только рядъ наблюденій, или цифры различныхъ рядовъ очень близки другъ къ другу.

		На живыхъ.	На скелетахъ.
1.	Ростъ конскриптовъ	1617—1670	
	„ вполнѣ возмужалыхъ . . .	пр. на 12 mm. болѣе.	
2.	Высота въ сидячемъ положенiи. .	52,7% роста	По Талько-Грынцевичу.
3.	„ на колѣняхъ	74,6% „	
4.	Длина ногъ	48,3% „	
5.	„ бедеръ	22,9% „	
6.	„ голеней	25,4% „	
	Черепъ.		
7.	Емкость		1312—1471 к.с.
8.	Гориз. окружность черепа	558—568	509—530
9.	Лобно-затылочная дуга	322—337	
10.	Наибольшiй длиннотный дiаметръ .	185,5—188,6 mm.	176—182
11.	Наибольшiй поперечный дiаметръ .	152,9—156,1	141—144
12.	Головной указатель.	81—83	79,5—82,7
13.	Бiаурикулярная дуга	356—359	320—331
14.	Высота черепа		131—138
15.	Указатель высоты черепа		74,4—77,1
	Лицо.		
16.	Полная длина лица	183	
17.	Ширина лица	120,5(?)—141	
18.	Лицевой указатель (отн. шир. лица къ его длинѣ, взятой безъ лобной части)	92—94	89—92
19.	Глазничный указатель		83—86,1
20.	Носовой указатель	65,4	46—50
21.	Величина головы въ вертик. проэкцiи.	199,7 mm. (12,71% роста.)	

На основанiи изученныхъ признаковъ, физическiй типъ современнаго великорусса можетъ быть охарактеризованъ въ слѣдующихъ чертахъ: русый, то въ болѣе свѣтлыхъ, то въ болѣе темныхъ оттѣнкахъ, съ приблизительно одинаково частымъ распространенiемъ темныхъ и свѣтлыхъ глазъ, великоруссъ обладаетъ ростомъ выше средняго и умѣренно выраженной круглоголовостью (суббрахицефалiя на границѣ съ мезоцефалiей); главнѣйшiе размѣры головы и лица его велики; лицо въ общемъ скорѣе длинно, чѣмъ широко; члены тѣла пропорцiональны, развиты хорошо; сложенiе нѣсколько коренастое (широкоплечъ) и крѣпкое.

Таковъ средній общій типъ великорусса. По отдѣльнымъ областямъ встрѣчаются извѣстныя колебанія, зависящія, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ неоднородности этническихъ элементовъ, примѣшанныхъ къ главному основному типу. Ростъ является, повидимому, однимъ изъ признаковъ, подвергшихся наиболѣе широкимъ колебаніямъ. Относительно же формы головы надо замѣтить, что процентъ коротко- и длинноголовыхъ подверженъ еще довольно замѣтнымъ колебаніямъ, но средняя форма головы держится очень устойчиво, съ довольно ограниченными колебаніями около средней цифры для головного указателя въ 82 (на живыхъ).

Среднія величины, получаемыя для отдѣльныхъ великорусскихъ группъ, слагаются изъ индивидуальныхъ наблюденій далеко не однороднаго характера: предѣлы колебаній для отдѣльныхъ индивидуальныхъ признаковъ повсемѣстно очень велики. Это обстоятельство указываетъ на то, что этническіе элементы, изъ которыхъ сложилось современное великорусское населеніе, не спаялись еще въ однообразный плотный конгломератъ, въ которомъ нельзя было бы отличить чертъ отдѣльныхъ его производителей. Общій же (средній) физическій типъ великорусса очень близокъ къ типу бѣлорусса, потомъ малоросса, да и, вообще говоря, съ большинствомъ славянскихъ племенъ онъ представляетъ очень много родственныхъ чертъ (общими признаками являются относительная высокорослость, преобладаніе темнаго цвѣта волосъ надъ свѣтлымъ, круглоголовость и т. д.). Отъ большинства германскихъ племенъ великоруссы отличаются болѣе темнымъ цвѣтомъ волосъ, очень малымъ распространеніемъ голубыхъ глазъ, большею короткоголовостью. Вліяніе монгольской и тюркской крови на общемъ типѣ великоруссовъ не отразилось очень замѣтно; по крайней мѣрѣ, на основаніи существующихъ въ настоящее время данныхъ, отмѣтить его съ очевидностью не удается. Отъ большинства чистыхъ монголовъ и тюрковъ современный великоруссъ отличается менѣе темнымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, меньшей брахицефаліей, болѣе длиннымъ лицомъ и болѣе высокимъ ростомъ. По сравненію съ большинствомъ финновъ великоруссъ болѣе темноволосъ и темноглазъ (еще издревле онъ прозвалъ чудь „бѣлоглазою“), выше большинства ихъ ростомъ (хотя существуютъ и сейчасъ высокорослые финны). Финскія племена, очевидно, должны были играть въ созиданіи великорусскаго племени видную роль. Если принять, что славянскіе элементы въ большинствѣ случаевъ были темноволосыми (русыми) брахицефалами, тогда на долю финскаго вліянія приходится отнести свѣтловолосость нѣкоторой части современныхъ великоруссовъ и ихъ долихоцефалію. Если же мы будемъ держаться теоріи, считающей славянъ бѣлокурыми долихоцефалами, тогда роль финновъ представится намъ нѣсколько иною. Надо, впрочемъ, помнить, что среди современныхъ финновъ есть и высокорослые и низкорослые, есть и долихо- и брахицефальныя племена; слѣдовательно, вліяніе финновъ могло сказаться и въ ту и

въ другую сторону, а очень можетъ быть, что оно и не было однообразнымъ. Разнообразіе физическаго типа финскихъ племенъ могло, какъ это мы уже видѣли отчасти при разсмотрѣніи данныхъ о ростѣ, оказать свое вліяніе на развитіе областныхъ отличій въ типѣ современныхъ великоруссовъ.

Расовые элементы, входящіе въ составъ отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, историческія условія развитія ихъ, вліянія окружающей природы и цѣлый рядъ другихъ факторовъ отражаются такъ или иначе на физическомъ строеніи человѣка. Въ особенностяхъ физическаго строенія отдѣльныхъ группъ мы имѣемъ такимъ образомъ цѣлую книгу, гдѣ точно и документально записана вся исторія эволюціи группы. Жаль только, что эта книга написана труднымъ и не всегда доступнымъ для насъ языкомъ. Кое-что мы умѣемъ прочитать, въ иныхъ страницахъ улавливаемъ болѣе или менѣе гадательно общій смыслъ, но еще больше страницъ непрочитанныхъ и даже еще не разрѣзанныхъ; по отношенію къ великорусскому типу въ частности преобладаютъ, къ сожалѣнію, послѣднія. Попытаемся же, однако, опредѣлить, что можемъ мы прочитать въ физическихъ особенностяхъ современнаго великорусскаго типа болѣе или менѣе точно и о чемъ можемъ догадываться, предполагать.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о вліяніи природы, среды, условій жизни, мы займемся, главнымъ образомъ, вопросомъ о расовомъ составѣ современныхъ великоруссовъ, поскольку, конечно, этотъ составъ опредѣляется изъ изученія физическихъ признаковъ. Прежде всего можно установить положеніе, что великоруссы, подобно подавляющему большинству современныхъ племенъ, не представляютъ изъ себя такъ называемой чистой расы, а являются продуктомъ смѣшенія нѣсколькихъ расъ. Здѣсь необходимо оговориться, что мы имѣемъ въ виду расу не съ точки зрѣнія исторической или этнографической, но съ чисто антропологической, т.-е. будемъ говорить не о нѣмцѣ или германцѣ, не о русскомъ или славянинѣ и т. д., но о высокорослыхъ и низкорослыхъ, о бѣлокурыхъ и брюнетическихъ, долихо- и брахицефалическихъ расахъ и т. д. Племена и народы создались подъ очень сложными условіями, объединяясь въ силу общихъ и мѣстныхъ причинъ языкомъ, вѣрованіями, политическимъ строемъ и представляя собой цѣльныя единицы съ сравнительно недавняго времени. Уходя въ глубь исторіи и далѣе—за ея предѣлы, мы не увидимъ уже ничего, напоминающаго современныя племена, но будемъ имѣть дѣло съ болѣе крупными единицами, объединяемыми (для современнаго, по крайней мѣрѣ, уровня знаній) исключительно физическими признаками и нѣкоторыми особенностями культуры. Наиболѣе постоянными и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе изученными признаками являются ростъ, форма головы и цвѣтъ волосъ и глазъ. Но свѣдѣнія относительно послѣднихъ признаковъ даны намъ историческими свидѣтельствами и не заходятъ, слѣдовательно,

далеко въ глубь времени, или же они основаны на не совсѣмъ достовѣрныхъ, подвергшихся измѣненіямъ, могильныхъ остаткахъ (волосы) Наблюденія показали, что, подъ вліяніемъ различныхъ химическихъ и физическихъ агентовъ, цвѣтъ волосъ можетъ мѣняться до неузнаваемости: темные волосы могутъ посвѣтлѣть и обратно. Правда, въ самое послѣднее время П. А. Минаковъ показалъ, что въ микроскопическомъ строеніи волоса (въ величинѣ, формѣ и расположеніи пигментныхъ глыбокъ) мы имѣемъ признакъ, позволяющій съ точностью возстановить первоначальный цвѣтъ измѣненныхъ волосъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Минаковъ установилъ, что остатки волосъ московскихъ могилъ XVI—XVIII в. принадлежали по преимуществу шатенамъ и темнымъ шатенамъ, а не бѣлокурымъ, какъ это принято было думать. Тѣмъ не менѣе, вопросъ слишкомъ еще недавно поставленъ на новую почву, другихъ аналогичныхъ изысканій еще не существуетъ, и показанія о цвѣтѣ волосъ первоначальныхъ (доисторическихъ) расъ Европы установленъ очень еще гадательно. Болѣе безспорными признаками являются форма головы и ростъ. Предполагается, что для всего человѣчества существовало двѣ основныхъ формы головы— долихо- и брахицефалія, мезоцефалія же является повсюду выраженіемъ смѣшенія этихъ двухъ формъ. Не всѣ, правда, авторы согласны съ этимъ положеніемъ; въ послѣднее время раздаются голоса противъ него: R. Virchow, А. Богдановъ, Sergi, A. Bloch, Л. Нидерле и др. утверждаютъ возможность развитія брахицефальнаго типа изъ долихоцефальнаго и обратно, а слѣдовательно, и созданіе промежуточнаго мезоцефальнаго типа подъ вліяніемъ условій жизни. Тѣмъ не менѣе, большинство изслѣдователей держится перваго взгляда; кромѣ того, возможность измѣненія формы головы подъ вліяніемъ внѣшней среды нисколько не исключаетъ существованія первоначально двухъ основныхъ формъ и полученія мезоцефалическихъ формъ и путемъ смѣшенія. Наконецъ, и у обезьянъ мы имѣемъ два основныхъ типа черепа—долихоцефальный (африканскія обезьяны) и брахицефальный (азіатскія обезьяны); при отсутствіи у нихъ скрещиваній, среди нихъ нѣтъ и мезоцефальнаго типа. Словомъ, всѣ данныя заставляютъ склоняться къ признанію первичныхъ двухъ типовъ головы—узкой-длинной и короткой-широкой. Удалось также прослѣдить и для роста измѣненія въ его величинѣ подъ вліяніемъ смѣшенія расъ (что не исключаетъ, конечно, измѣненій роста подъ вліяніемъ среды, условій жизни, профессіи и т. д.), и въ настоящее время есть много дан-

Рис. 6. Великоруссъ Тамбовской губ., Спасскаго уѣзда.

ныхъ, заставляющихъ допустить, что все безконечное разнообразіе въ ростѣ отдѣльныхъ человѣческихъ группъ произошло изъ смѣшенія расъ двухъ первоначальныхъ типовъ—высокорослаго и низкорослаго при участіи, конечно, модифицирующаго вліянія воздѣйствій извнѣ. Относительно цвѣта волосъ (и глазъ) принимаютъ также два главныхъ, основныхъ типа—свѣтлый (типъ блондиновъ) и темный (брюнетическій типъ). Мы имѣемъ такимъ образомъ для характеристики первичныхъ доисторическихъ расъ шесть главныхъ признаковъ: длинноголовость и короткоголовость, высокій и низкій ростъ и типъ блондиновъ и брюнетовъ. Можно, конечно, увеличить число такихъ признаковъ, но значеніе ихъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, формы лица, или нѣсколько сомнительно, или же мы не имѣемъ достаточнаго числа данныхъ для разсмотрѣнія ихъ en masse.

Какъ комбинировались указанные шесть признаковъ у различныхъ расъ и необходимо ли для объясненія комбинацій принимать 3—4 и болѣе первичныхъ основныхъ расъ, или же можно допустить, что нѣкоторые признаки, ростъ напр., модифицировались больше подъ вліяніемъ среды, чѣмъ подъ вліяніемъ расовыхъ элементовъ, и свести всѣ расы къ двумъ основнымъ первичнымъ корнямъ [1],—вопросъ спорный и рѣшаемый различными авторами различно. Судя по сохранившимся отъ наиболѣе древнихъ временъ остаткамъ череповъ и скелетовъ, въ Европѣ уже въ неолитическую эпоху обитали представители, по меньшей мѣрѣ, четырехъ расъ:

1) Низкорослые долихоцефалы слабаго сложенія, широко распространенные по территоріи теперешней Великобританіи, Франціи, Испаніи, Италіи, острововъ Средиземнаго моря, можетъ - быть, и въ Греціи и т. д. Предполагаемые прямые ихъ потомки, какъ-то: испанскіе баски, корсиканцы, представители нѣкоторыхъ округовъ Англіи, Ирландіи и т. д., до сихъ поръ малорослы, длинноголовы и принадлежатъ къ брюнетическому типу.

2) Высокорослые, умѣренные брахицефалы (черепной показатель въ среднемъ около 81),—раса, повидимому, широко распространенная по всей средней полосѣ Европы. Предполагаемые прямые ея потомки—кельты Цезаря и другихъ римскихъ историковъ—отличались мощнымъ сложеніемъ и, по историческимъ свидѣтельствамъ, свѣтлыми—огненными, рыжими (быть-можетъ, и русыми?) волосами. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ племени вышедшихъ изъ Азіи арійцевъ и ставятъ въ прямую связь съ ними какъ значительную часть современнаго населенія Франціи,

---

[1]) Говорилось (прежде съ большей настойчивостью, чѣмъ теперь) и объединствѣ происхожденія человѣческаго рода. Но и принятіе такой точки зрѣнія не исключаетъ всего вышесказаннаго. Разница будетъ только въ томъ, что первичныя двѣ или болѣе расы окажутся уже не первичными, но вторичными, происшедшими изъ одного общаго ствола.

Даніи, части Англіи, Германіи, такъ и современныя славянскія племена (кельто-славянская раса Broca, Тэйлора и др. авторовъ).

3) Высокорослая, крѣпкая физически, долихоцефальная раса, отличающаяся отъ первой изъ упомянутыхъ расъ не только ростомъ и физическимъ развитіемъ, но и формой черепа, который, будучи такъ же, какъ у первой расы, долихоцефальнымъ, является болѣе массивнымъ, болѣе низкимъ, съ убѣгающимъ лбомъ и меньшею емкостью и т. д. Эта раса занимала, повидимому, весь сѣверъ Европы; она является едва ли не самой древней изъ европейскихъ расъ; по предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, она, если и не развилась и зародилась здѣсь, на мѣстѣ, то во всякомъ случаѣ была первой насельницей занимаемаго района, явившись въ немъ съ того момента, какъ только этотъ районъ сталъ обитаемымъ по отступленіи отъ него ледниковъ. Съ этой расой изслѣдователи тѣсно связываютъ представленія о тевтонской расѣ, прямой, будто бы, ея наслѣдницѣ, а потому и приписываютъ ей свѣтлый цвѣтъ волосъ и голубые глаза (единственный для Европы типъ блондиновъ чистой крови). Эта раса должна была, по всей вѣроятности, играть не малую роль и въ образованіи современнаго великорусскаго населенія, съ райономъ котораго она, навѣрное, граничила, а, можетъ-быть, даже и занимала его.

Наконецъ, 4-ой прослѣженной расой доисторической Европы являются низкорослые, крѣпкіе по сложенію, рѣзкіе брахицефалы (черепной указатель въ среднемъ около 84—85). Эта раса едва ли была особенно распространена или, по меньшей мѣрѣ, была скоро вытѣснена, уничтожена, такъ какъ остатки ея представителей были найдены на ограниченномъ сравнительно районѣ, и если не считать отмѣченную Прунеръ-Беемъ нѣкоторую «лапоновидность» ея типа за доказательство сохраненія ея въ современныхъ лопаряхъ, единственными прямыми ея наслѣдниками принято считать современныхъ оверніцевъ (Франція—Овернъ, Дофинэ, Савойя и т. д.), принадлежащихъ къ брюнетическому типу.

Преемственная связь этихъ древнѣйшихъ расъ Европы съ современнымъ ея населеніемъ не можетъ быть доказана съ достаточной точностью и очевидностью. Въ настоящее время можно, однако, отмѣтить среди современнаго европейскаго населенія нѣкоторую концентрацію отдѣльныхъ, характеризующихъ доисторическія расы, признаковъ какъ разъ по тѣмъ областямъ, которыя заняты предполагаемыми потомками этихъ первичныхъ расъ. По отношенію къ формамъ головы это явленіе можетъ быть демонстрировано особенно отчетливо на картѣ, приложенной къ чрезвычайно интересному своду данныхъ о формѣ головы современныхъ европейцевъ, сдѣланному недавно виднымъ антропологомъ, д-ромъ J. Deniker'омъ. Откуда взялись первоначальныя расы Европы, каково ихъ происхожденіе, — вопросъ темный. Въ послѣднее время проф. Sergi, на основаніи выработаннаго имъ самимъ новаго метода изученія череповъ,

приложеннаго имъ съ величайшимъ трудолюбіемъ къ громадному количеству какъ современныхъ, такъ и ископаемыхъ череповъ, пришелъ къ слѣдующему выводу: всѣ виды и формы череповъ современнаго населенія Европы могутъ быть объяснены смѣшеніемъ двухъ главныхъ племенъ. Одно изъ нихъ, называемое имъ средиземноморскимъ племенемъ, вышло, по мнѣнію Sergi, изъ Африки и расселилось по островамъ и побережью Средиземнаго моря. Съ зоологической точки зрѣнія Sergi называетъ его Species eurafricana и считаетъ характерными для него эллипсоидную, овальную и пентагональную форму черепа (разновидности долихоцефальнаго типа по общепринятой классификаціи). Другое племя—Species eurasica—характеризуется платицефальною, сфеноидальною и сфероидальною формами черепа по терминологіи Sergi, или разновидностями брахи- и частью мезоцефальнаго типа—по общепринятой классификаціи. Это племя соотвѣтствуетъ арійцамъ другихъ авторовъ и пришло въ Европу, по мнѣнію Sergi, изъ Азіи. Трудъ проф. Sergi интересенъ для насъ, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что авторъ ввелъ въ свое изученіе болѣе тысячи русскихъ курганныхъ и позднѣйшихъ череповъ, хранящихся въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета. По словамъ Sergi, среди русскихъ череповъ встрѣчаются представители обѣихъ расъ, причемъ среди курганныхъ череповъ IX—XI вѣковъ нѣсколько преобладаютъ черепа эйрафриканской расы, тогда какъ среди череповъ изъ могилъ XVI—XVII в. оказывается, наоборотъ, нѣкоторое преобладаніе череповъ эйразіатской расы. Взглядъ Sergi не можетъ еще считаться ни доказаннымъ, ни общепринятымъ. Надо, однако, замѣтить, что по существу онъ не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ наиболѣе распространенными взглядами. Придавая первенствующее значеніе формѣ черепа, Sergi игнорируетъ различія въ ростѣ и сводитъ такимъ образомъ въ одну группу высокорослыхъ и низкорослыхъ брахицефаловъ другихъ авторовъ; то же дѣлаетъ онъ, слѣдовательно, и для долихоцефальныхъ расъ. Этимъ Sergi нисколько, конечно, не отрицаетъ существованіе 4-хъ вышеупомянутыхъ доисторическихъ расъ,—онъ утверждаетъ только, что высокорослость и низкорослость, различающія группы, явились вторично, какъ результатъ дальнѣйшаго видоизмѣненія основныхъ группъ подъ различными сложными вліяніями условій внѣшней жизни.

Послѣ столь длиннаго, но необходимаго для пониманія общаго положенія вопроса отступленія, вернемся къ нашимъ великоруссамъ. Физическій типъ великоруссовъ, какъ одного цѣлаго, не представляетъ, какъ это было уже неоднократно замѣчено выше, признаковъ чистой расы. Широкіе предѣлы колебаній величинъ головнаго указателя, наличность среди современнаго великорусскаго населенія какъ брахицефальныхъ, такъ мезо- и долихоцефальныхъ формъ, различные оттѣнки въ цвѣтѣ волосъ и глазъ, а до нѣкоторой степени и размахъ колебаній въ индивидуальныхъ вели-

чинахъ роста [1])—доказываютъ это положеніе съ несомнѣнной убѣдительностью. Существованіе довольно значительныхъ областныхъ различій позволяетъ заключить о томъ, что современный великорусскій типъ представляется не только смѣшаннымъ, но и не однороднымъ, недостаточно слившимся въ одно недѣлимое цѣлое.

Выше мы уже имѣли случай говорить о томъ, что если не всѣ, то нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, областныя отличія могутъ быть, повидимому, объяснены неодинаковыми этническими элементами, примѣшанными въ разныхъ областяхъ къ основному, доминирующему типу. Каковы же, однако, должны быть элементы, изъ которыхъ сложился физическій типъ современнаго великорусса? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ очень легокъ, если мы останемся въ предѣлахъ понятій чисто физическихъ, не группированныхъ признаковъ; задача станетъ значительно труднѣе, если мы попытаемся, сгруппировавъ по нѣскольку признаковъ вмѣстѣ, отнести такія группы на долю отдѣльныхъ гипотетическихъ производителей сложнаго современнаго типа. Еще труднѣе, почти непреодолимо трудною становится наша задача въ томъ случаѣ, если мы, оставивъ языкъ чистаго антрополога, заговоримъ языкомъ этнографа, лингвиста и историка, если, другими словами, вмѣсто опредѣленія физическаго типа производителей мы попытаемся отвѣтить (на основаніи, конечно, физическаго изслѣдованія) на вопросъ о томъ, какія племена, какіе народы участвовали въ созиданіи современнаго великорусскаго племени.

На первый вопросъ, въ простѣйшей его формѣ, можно отвѣтить категорически: въ созиданіи типа современнаго великорусса, навѣрное, участвовали и элементы свѣтлаго типа, и элементы брюнетическаго типа, и долихоцефальные и брахицефальные; весьма вѣроятно, что и высокорослые и низкорослые. Но въ какой группировкѣ были внесены эти отдѣльные элементы и сколько группъ могло участвовать въ созданіи современнаго типа? Здѣсь мы уже начинаемъ терять твердую почву. Смѣшеніе расъ началось очень давно, далеко за предѣлами историческихъ свѣдѣній, а потому ближайшіе производители великорусскаго типа были, навѣрное, сами уже въ достаточной мѣрѣ смѣшанными. Какъ бы поэтому ни велико было количество возможныхъ комбинацій признаковъ (особенно если принимать во вниманіе не только главные изъ нихъ, но и второстепенные), всегда возможно объяснить всю сумму комбинацій соединеніемъ двухъ исторически извѣстныхъ расъ. Таковъ, слѣдовательно, минимумъ, предѣлы же максимума участниковъ въ созданіи типа могутъ быть положены развѣ-что историческими соображеніями. По языку мы славяне, но это не опредѣляетъ, конечно, физическаго типа: славянскій языкъ могъ быть принятъ эле-

[1]) Изслѣдованные мною 325 рязанцевъ, напр., дали колебанія роста въ предѣлахъ отъ 1440 до 1900 mm.; даже болѣе, повидимому, однородный рядъ „семейскихъ“ г. Талько-Грынцевича далъ ту же амплитуду колебаній (1420—1860).

ментами, по существу далеко не славянскими. Исторія показываетъ, правда, что въ извѣстный періодъ времени во владѣніяхъ современныхъ великоруссовъ осѣли славянскія племена, никѣмъ съ тѣхъ поръ оттуда не вытѣсненныя. Славяне оказались сильнѣе аборигеновъ и духомъ и тѣломъ, они подчинили ихъ и дали имъ свой языкъ, вѣру; можно до нѣкоторой степени предполагать, что они были вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленнѣе аборигеновъ и оказали, слѣдовательно, преобладающее вліяніе на физическій типъ смѣшаннаго населенія. Отсюда, съ нѣкоторыми, конечно, оговорками, можно принять, что наиболѣе распространенныя среди современнаго великорусскаго населенія физическія черты являются чертами, свойственными славянскимъ племенамъ.

Главнѣйшими преобладающими чертами современныхъ великоруссовъ являются, какъ мы уже видѣли выше, относительная высокорослость, русый отъ свѣтлыхъ до самыхъ темныхъ оттѣнковъ цвѣтъ волосъ, сѣрый или сѣро-голубой цвѣтъ глазъ и умѣренно выраженная брахицефалія. Могутъ ли означенные признаки быть, дѣйствительно, приписаны славянскимъ племенамъ? На нашъ взглядъ—да. Надо, впрочемъ, признать, что многіе авторы смотрятъ на вопросъ иначе и рисуютъ славянина высокорослымъ долихоцефаломъ съ свѣтлыми волосами и глазами. Оставивъ въ сторонѣ высокорослость, какъ признакъ, приписываемый славянамъ единогласно, посмотримъ, на чемъ зиждутся мнѣнія о свѣтломъ типѣ и долихоцефаліи славянъ. Свѣтловолосыми рисуютъ намъ славянъ византійскіе, а частью и арабскіе историки. Но прежде всего далеко не установлено, что термины историковъ правильно переводятся словомъ „бѣлокурый“; многіе изъ нихъ, даже и болѣе, казалось бы, опредѣленный терминъ „ξανθός“ — желтый, золотистый, могутъ быть отнесены и къ русымъ волосамъ, которые никакъ не могутъ быть приняты за цвѣтъ волосъ блондиновъ. Здѣсь прежде всего могли играть роль какъ недостатокъ у историковъ терминовъ, подходящихъ къ нашимъ понятіямъ „шатенъ“, „свѣтлый шатенъ“, такъ и желаніе ихъ провести рѣзкую отличительную грань между поразившимъ ихъ непривычный глазъ цвѣтомъ волосъ чужеземцевъ и смуглымъ, темнымъ типомъ своихъ соотечественниковъ. Кромѣ того, описанія дѣлались въ большинствѣ случаевъ на память, безъ объекта наблюденія предъ глазами, а въ такихъ случаяхъ рѣзкій контрастъ съ привычными цвѣтами невольно заставлялъ впадать въ психологически вполнѣ понятныя и естественныя ошибки воспоминанія. Лучшее доказательство справедливости послѣдняго предположенія можно видѣть въ томъ, что по многимъ описаніямъ историковъ едва ли можно отличить цвѣтъ волосъ германскихъ племенъ отъ славянскихъ, а таковыя отличія существовали, вѣроятно, и въ то время, какъ существуютъ они и теперь. Словомъ, можно сказать съ увѣренностью только одно: древніе славяне по цвѣту волосъ (и глазъ) были свѣтлѣе представителей брюнетическаго типа южанъ;

очень можетъ быть, что они не уходили въ этомъ отношеніи далеко отъ современныхъ великоруссовъ, поляковъ и т. д., дающихъ наибольшій процентъ именно русыхъ, а не свѣтлыхъ волосъ. Будь славяне на самомъ дѣлѣ чистыми блондинами, этотъ типъ долженъ былъ бы уцѣлѣть въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ это замѣчается теперь какъ у великоруссовъ, такъ и у другихъ славянскихъ, особенно южно-славянскихъ племенъ, гдѣ этотъ типъ сводится теперь къ ничтожному числу представителей. Русый цвѣтъ является самъ по себѣ, конечно, не первичнымъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что и самые древніе изъ исторически извѣстныхъ славянскихъ племенъ (если, конечно, принять, что они, дѣйствительно, были русоволосыми) представляли уже смѣшанный типъ, въ произведеніи котораго играли извѣстную роль и представители брюнетическаго типа. Другое важное доказательство въ пользу скорѣе болѣе темнаго, чѣмъ болѣе свѣтлаго оттѣнка волосъ общаго всѣмъ славянамъ производителя мы видимъ въ упомянутой выше связи высокорослости и темнаго цвѣта волосъ, замѣчаемой какъ при сравненіи между собой отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, такъ и при сравненіи высокорослыхъ и низкорослыхъ группъ въ предѣлахъ одного и того же славянскаго племени (сербо-кроаты Вейсбаха, поляки Элькинда, мои рязанцы).

Еще менѣе устойчивы доказательства въ пользу долихоцефаліи древнихъ славянъ. Выше мы уже видѣли, что они зиждутся, главнымъ образомъ, на нахожденіи долихоцефальныхъ череповъ въ древнѣйшихъ русскихъ (а также и богемскихъ—Л. Нидерле) могильникахъ; при этомъ вещи, находимыя при покойникахъ, и способы погребенія позволяютъ археологамъ высказаться опредѣленно относительно принадлежности, нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, могильниковъ къ типу славянскихъ могилъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ доказаннымъ можетъ считаться только фактъ, что населеніе, погребенное здѣсь, приняло ту форму культуры, которая опредѣляется археологами, какъ славянская культура, что никоимъ образомъ не говоритъ еще о славянскомъ расовомъ типѣ самаго населенія. Совпаденіе же появленія брахицефальныхъ череповъ съ эпохой исторически доказаннаго разселенія славянскихъ племенъ, затѣмъ допускаемый, только съ большой натяжкой, сравнительно быстрый переходъ долихоцефаліи въ брахицефалію исключительно подъ вліяніемъ культуры—далеко не говорятъ въ пользу того, что древнѣйшіе долихоцефальные черепа принадлежатъ именно славянамъ, а не аборигенамъ страны не славянскаго происхожденія. Едва ли не самымъ сильнымъ возраженіемъ противъ долихоцефальнаго типа древнихъ славянъ является тотъ фактъ, что ни одно изъ современныхъ славянскихъ племенъ, за исключеніемъ, быть-можетъ, болгаръ, на которыхъ обыкновенно ссылаются защитники взгляда на славянъ, какъ на долихоцефаловъ, не отличаются преобладающимъ распространеніемъ долихоцефаліи. Но физическій типъ болгаръ мало изученъ;

если даже и вѣрно, что они являются по преимуществу долихоцефалами, то надо прежде всего помнить, что, придя въ сравнительно недавнее время изъ Азіи чрезъ сѣверо-востокъ Россіи, пройдя постепенно вплоть до теперешней области ихъ жительства, претерпѣвъ затѣмъ множество историческихъ мытарствъ, болгары меньше другихъ племенъ могутъ претендовать на званіе носителей наиболѣе сохранившагося славянскаго типа, да и самые выходцы изъ Азіи—волжско-камскіе болгары—не были въ сущности славянами. Фактъ малаго распространенія долихоцефаліи среди современныхъ славянъ весьма знаменателенъ. Выше мы уже говорили, что объясненіе его постепеннымъ переходомъ долихоцефаліи къ брахицефаліи подъ вліяніемъ однихъ только условій культурной жизни допустимо только съ большой натяжкой. До сихъ поръ, слѣдовательно, остается открытымъ вопросъ о томъ, являются ли предки славянъ брахицефалами съ болѣе или менѣе темнымъ оттѣнкомъ цвѣта волосъ и глазъ и сближаются, слѣдовательно, съ расой высокорослыхъ брахицефаловъ древней Европы, или же они могутъ быть съ бо́льшимъ правомъ названы прямыми потомками высокорослыхъ долихоцефаловъ курганнаго племени, болѣе, вѣроятно, родственнаго современнымъ германскимъ племенамъ. Изслѣдованіе физическаго типа современныхъ великоруссовъ даетъ мало фактовъ для рѣшенія вопроса въ ту или другую сторону. Мы знаемъ, однако, съ положительностью, что долихоцефалы представлены среди великоруссовъ небольшимъ сравнительно (не доминирующимъ во всякомъ случаѣ) процентомъ всего населенія, значительно уступающимъ числу брахицефаловъ. Затѣмъ я позволю себѣ упомянуть о моей личной, оставшейся пока еще одинокою, попыткѣ подойти къ рѣшенію вопроса слѣдующимъ путемъ: высокорослость составляетъ одинъ изъ наиболѣе общепризнанныхъ и безспорныхъ признаковъ исторически извѣстныхъ славянскихъ племенъ. Исходя изъ этого положенія, можно заключить, что, составивъ группу наиболѣе высокорослыхъ современныхъ великоруссовъ, мы будемъ имѣть въ этой группѣ большее число субъектовъ, сохранившихъ свой первоначальный славянскій типъ. Отобравъ изъ 325 изученныхъ мною рязанцевъ наиболѣе высокорослыхъ субъектовъ, я нашелъ, что эта группа отличается отъ общей массы большей брахицефальностью и большимъ процентомъ темно-волосыхъ и темноглазыхъ субъектовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и при сравненіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ между собою (великоруссовъ, малороссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, чеховъ, сербо-кроатовъ, славянъ германской короны) оказывается, что тѣ изъ группъ, которыя отличаются бо́льшимъ ростомъ, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе брахицефальную форму черепа и большее распространеніе темнаго цвѣта волосъ и глазъ. Отсюда неизбѣжно возникаетъ прямой и логичный выводъ: въ сложеніи физическаго типа большинства славянскихъ группъ, очевидно, въ числѣ другихъ участвовалъ какой-то одинъ общій производитель, отличающій-

ся высокимъ ростомъ, брахицефаліей и темнымъ (но не чернымъ) цвѣтомъ волосъ и глазъ. Примѣсь же долихоцефаліи, равно какъ и другія черты, отличающія другъ отъ друга отдѣльныя группы современныхъ славянъ, зависятъ отъ смѣшенія упомянутаго производителя съ другими расами, различными, быть-можетъ, для различныхъ славянскихъ группъ. Но что же можемъ мы сказать, на основаніи изученія физическаго типа современныхъ великоруссовъ, относительно этихъ другихъ примѣсей? Въ сущности говоря, очень немногое. Существованіе нѣкотораго процента долихоцефаліи говоритъ, конечно, за существованіе производителя долихоцефала; изученіе типа курганнаго населенія показываетъ, что этотъ долихоцефалъ населялъ страну раньше, чѣмъ появились въ ней брахицефалы; извѣстно также, что онъ отличался и высокимъ ростомъ. По типу своему онъ подходитъ, слѣдовательно, къ типу высокорослаго долихоцефала до-исторической Европы; но кто онъ былъ въ смыслѣ этнографическомъ и историческомъ, т.-е. тевтонъ, финнъ, монголъ и т. д.,—мы не знаемъ. Можно только сказать, что, вѣроятно, онъ не былъ монголомъ, такъ какъ большинство современныхъ монголовъ и низкорослo, и брахицефалично. Но среди современныхъ финновъ есть и низкорослыя и высокорослыя, и брахицефальныя и долихоцефальныя племена; слѣдовательно, этотъ производитель могъ быть въ равной мѣрѣ и тевтономъ и финномъ. Современные тевтоны являются представителями наиболѣе чистаго типа блондиновъ. Отобравъ, слѣдовательно, изъ современныхъ великоруссовъ группу высокорослыхъ блондиновъ, можно было бы изучить другіе отличительные признаки физическаго строенія этой группы и, сравнивъ ихъ съ признаками, характеризующими германскія расы, сказать, не являются ли наши блондины остатками представителей тевтонскаго типа. Но такія изслѣдованія до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не произведены. Изученный мной лично матеріалъ не былъ достаточно великъ для такихъ цѣлей по числу наблюденій, тѣмъ болѣе, что чистые блондины у насъ сравнительно рѣдки (никакъ не болѣе 3—5%).

Немногое можемъ мы сказать и о вліяніи монгольской и тюркской крови, допустимомъ во всякомъ случаѣ на основаніи историческихъ соображеній. На центральное великорусское населеніе вліяніе это едва ли было велико. Выше мы уже говорили о соображеніяхъ, въ силу которыхъ появленіе брахицефаліи у великоруссовъ никоимъ образомъ не можетъ быть приписано монгольскому вліянію. Въ частности, по отдѣльнымъ областямъ, вліяніе тюркско-монгольской крови могло, конечно, существовать и въ болѣе значительной мѣрѣ уже по одному тому, что въ нѣкоторыхъ областяхъ существуетъ и понынѣ соприкосновеніе великоруссовъ съ тюркско-монгольскими племенами; существовало оно, и въ бóльшей даже степени, чѣмъ теперь, и въ историческія времена. Даже и въ центрѣ великорусскаго населенія можно указать отдѣльные острова, гдѣ жило-

прежде да и сохранилось до сихъ поръ тюркское населеніе (касимовскіе татары и т. п.). Но монголы играли видную роль въ исторіи великорусскаго племени, и вопросъ объ ихъ вліяніи долженъ быть поставленъ шире; мы должны искать слѣдовъ монгольской крови не въ однихъ областныхъ типахъ, но во всей массѣ великорусскаго населенія, въ общемъ его физическомъ типѣ. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ монгольскаго типа является значительная ширина скулъ при относительно низкомъ лицѣ. Выше мы уже упомянули о томъ, что значительная ширина лица великоруссовъ, вообще говоря, не сближаетъ ихъ съ монголами, такъ какъ лицо великорусса вмѣстѣ съ тѣмъ и длинно (высоко). Но это справедливо до тѣхъ только поръ, пока рѣчь идетъ объ общемъ типѣ, о среднихъ величинахъ. Въ конкретныхъ же случаяхъ дѣло можетъ обстоять иначе и очень можетъ быть, что среди особенно широколицыхъ великоруссовъ найдутся носители и другихъ монгольскихъ чертъ. За неимѣніемъ другихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса, я обратился къ изслѣдованнымъ мною рязанцамъ и, выдѣливъ изъ нихъ группу лицъ особенно широколицыхъ, вычислилъ для этой группы среднія величины нѣкоторыхъ другихъ измѣреній. Но результатъ вычисленій не далъ никакихъ указаній на монголоидность типа представителей этой группы. Такъ, средній ростъ группы широколицыхъ (обладающихъ отношеніемъ ширины лица къ длинѣ всей лицевой линіи, отъ корня волосъ до подбородка, въ 82 и болѣе), состоящей изъ 36 человѣкъ, оказался равнымъ 1656,7 мм. вмѣсто 1651,3 для всѣхъ рязанцевъ, in toto, головной указатель—въ 81,94 вмѣсто 81,48 и, наконецъ, число представителей темнаго цвѣта волосъ и глазъ—11,1% вмѣсто 19,39% и свѣтлаго типа 36,1% вмѣсто 22,15%. Величина роста и головного указателя широколицыхъ дали только очень небольшую разницу съ общей массой рязанцевъ, причемъ ростъ широколицыхъ оказался немного даже больше (а не меньше, какъ слѣдовало бы ожидать, для монголоиднаго типа), головной же показатель немного побольше, но разница чрезвычайно ничтожна. Распредѣленіе же типовъ цвѣтности дало результатъ, прямо противоположный ожидаемому, а именно—замѣтное уменьшеніе темнаго типа и значительное преобладаніе свѣтлаго цвѣта волосъ и глазъ среди широколицыхъ. Слѣдовательно, тѣ данныя, какія имѣются налицо, указываютъ на сродство широколицыхъ великоруссовъ ни какъ не съ монголами (брюнетами), но скорѣе уже съ финнами или тевтонами (норманнами). Но тевтоны не отличаются особою шириною лица, а потому наша группа широколицыхъ скорѣе всего указываетъ на нѣкоторое сродство съ финнами, среди которыхъ встрѣчаются, между прочимъ, и группы высокорослыхъ, свѣтловолосыхъ и въ достаточной мѣрѣ широколицыхъ представителей. Впрочемъ, матеріалъ, вошедшій въ обработку, слишкомъ недостаточенъ по числу наблюденій, и единственно, что можно изъ него заключить, сводится къ утвержденію о недоказанности сколько-

нибудь рѣзкаго вліянія монгольскаго типа на современныхъ великоруссовъ. Для дальнѣйшаго же выясненія этого, какъ и многихъ другихъ вопросовъ намъ приходится терпѣливо ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій, собранныхъ и разработанныхъ по опредѣленной программѣ въ разныхъ областяхъ, заселенныхъ великоруссами.

Разъ зашла рѣчь о смѣшеніи славянскихъ племенъ съ инородческими, о степени вліянія этихъ послѣднихъ на чистоту типа современнаго великорусса, было бы несправедливо обойти молчаніемъ вопросъ о способности современныхъ великоруссовъ ассимилировать чуждые элементы и, въ свою очередь, подчиняться вліянію инородческихъ элементовъ. Всякій наблюдатель, которому приходилось бывать въ областяхъ, гдѣ великорусское населеніе соприкасается съ инородческими племенами, могъ, конечно, убѣдиться въ необыкновенной способности великоруссовъ не только мирно уживаться съ своими сосѣдями, но и поразительно быстро заимствовать у нихъ многіе обычаи, привычки, слова, выучиваться ихъ рѣчи. Способность русскихъ къ изученію языковъ давно уже вызываетъ у западныхъ европейцевъ чувство удивленія. Но изученіе языковъ и нѣкоторое приспособленіе къ нравамъ болѣе культурныхъ народовъ вызывается извѣстными потребностями человѣческаго духа и не заслуживаетъ еще того удивленія, какъ фактъ чрезвычайной приспособляемости великоруссовъ къ нравамъ и языку племенъ, стоящихъ даже ниже ихъ по культурѣ. Мнѣ лично приходилось многократно дѣлать наблюденія въ областяхъ соприкосновенія великоруссовъ съ татарами, калмыками, киргизами (въ Астраханской губ.), съ башкирами, черемисами, мордвою, чувашами и т. д. (въ Казанской губ.) и, наконецъ, съ поляками, нѣмцами (въ западныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ), и вездѣ можно было отмѣтить, что въ то время, какъ въ цѣломъ районѣ соприкосновенія не найдется ни одного, напр., киргиза, могущаго кое-какъ связать двѣ-три русскія фразы, чуть ли не половина русскихъ бѣгло говоритъ на киргизскомъ языкѣ и т. д. Но въ упомянутыхъ областяхъ русское населеніе все-таки является преобладающимъ и не имѣетъ необходимости вступать въ кровное родство съ иноплеменниками. Тамъ же, гдѣ великоруссы оказывались въ меньшинствѣ и были принуждены брачиться съ иноплеменниками, процессъ поглощенія русскихъ элементовъ выраженъ, повидимому, очень сильно. Такъ, еще Щаповъ отмѣчалъ сильное объякучиваніе русскаго населенія Якутской области. Во многихъ мѣстностяхъ потомки русскихъ давно забыли свой языкъ, одежду и приняли внѣшній видъ, а также, повидимому, и физическій типъ якутовъ. Новѣйшія изслѣдованія (И. И. Майнова, работой котораго, еще не вышедшей въ свѣтъ, я могъ пользоваться, благодаря любезности автора, въ рукописи) показываютъ, однако, что на ряду съ объякучиваніемъ русскихъ идетъ и обратный процессъ—обрусенія якутовъ. Оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ областяхъ наибольшаго

объякучиванія русскихъ физическій типъ славянъ является гораздо болѣе устойчивымъ, чѣмъ это можно было бы предположить съ перваго раза. Если метисы и являются, по даннымъ г. Майнова, и болѣе темноволосыми, и болѣе темноглазыми, чѣмъ великоруссы, однако болѣе высокій ростъ русскихъ упорно сохраняется и у метисовъ. Эти и аналогичныя имъ наблюденія имѣютъ большую цѣнность уже потому, что позволяютъ судить до нѣкоторой степени о томъ, что происходило въ тѣ отдаленныя времена, когда пришлыя славянскія племена столкнулись впервые съ аборигенами современной центральной и сѣверной Россіи. Судя по аналогіи съ явленіями, наблюдаемыми теперь, мы можемъ думать, что и въ доисторическую эпоху славянскіе пришельцы не вытѣснили и не разогнали окончательно аборигеновъ страны, но мирно уживались съ ними и дали новый средній типъ, воспріявъ нѣкоторыя чуждыя черты, но стойко сохранивъ и нѣкоторые основные свои признаки, среди которыхъ ростъ занимаетъ, повидимому, одно изъ первыхъ мѣстъ.

Для выясненія исторіи сложенія физическаго типа современнаго великорусса намъ остается желать дальнѣйшихъ въ этомъ направленіи работъ, которыя показали бы намъ, насколько эластичны основныя черты славянскаго типа. Много, впрочемъ, существуетъ и другихъ пробѣловъ, не дающихъ возможности высказаться съ желательной степенью опредѣленности относительно столь близкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь труднаго для насъ вопроса о самопознаніи. И если рядъ недомолвокъ и недостаточно обоснованныхъ предположеній вызоветъ у читающаго эти строки чувство горькой обиды, да не обвинитъ онъ за то русскихъ антропологовъ; пусть лучше онъ вспомнитъ, что наша наука слишкомъ еще юна, а историческій законъ судебъ таковъ, что мы всегда и во всемъ начинаемъ свои познанія съ области внѣшняго міра, великое же «Γνῶθι σαυτόν» приходитъ значительно позже, по накопленіи большихъ суммъ знаній внѣшняго міра.

Литература. I. Исторія, этнографія, лингвистика: *Анучинъ, Д. Н.,* Этнограф. очерки Сибири. „Ремесл. Газ.“ 1876; *онъ-же,* О задачахъ рус. этнографіи. «Этногр. Обозр.», 1889; *Барсовъ,* Очерки рус. истор. географіи, 2 изд., 1885 г.; *Бѣляевъ,* Какъ образовалось великорусское племя и какое сословіе принять представителемъ великорус. племеннаго типа. «Тр. О. Л. Е., А. и Э.», т. II; *онъ-же,* Краткія извѣстія о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи Моск. учебн. округа. Ibid., т. III; *онъ-же,* О великорус. племени. Ibid., т. VII; *Веске,* Славянофинскія культур. отношенія по даннымъ языка. «Изв. Казан. Общ. Арх., Ист. и Этн.», VIII, 1890; *Даль,* О нарѣчіяхъ великорус. языка. «Вѣст. И. Рус. Геогр. Общ.», 1852; *Довнаръ-Запольскій,* Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в., Кіевъ, 1891; *Европеусъ,* Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ сред. и сѣв. Россіи, 1874; *Ефименко,* Заволоцкая чудь, 1869; *Кеппенъ,* Матеріалы къ вопросу о первонач. родинѣ индо-европейскихъ и фин.-угорскихъ племенъ, 1886; *Корсаковъ,* Меря и Рязанское княжество; *Костомаровъ,* Двѣ

русскія народности, 1863; *Майновъ В.*, Пріоятская чудь. «Древ. и Нов. Россія», 1877, № 5; *Mikhola*, Berührung zwischen den westfinn. u. slavisch. Sprachen. Helsingf., 1894; *Милюковъ*, Очерки по исторіи рус. культуры, 2-е изд., 1896; *Пыпинъ*, Исторія рус. этнографіи, 1890—92: *Соловьевъ*, Исторія, т. I и др.; *Tomsen*, Den gotiske Sprogklassen indilydelse paa den finske, 1869 (нѣмец. пер. 1870); *онъ же*, Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, Кор., 1890; *Гр. Уваровъ*, Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ. «Тр. I Арх. съѣзда» и др. тр.; *Щановъ*, Ист.-географ. и этнограф. замѣтки о сибирск. населеніи. «Изв. Вост.-Сиб. Отд. И. Рус. Геогр. Общ.», III и слѣд. II. Курганы, могильники и ихъ населеніе: статьи въ «Тр. Антроп. Отд.», въ «Древностяхъ», «Матеріалахъ по археол. восточн. губерній» и «Археолог. Изв. и Замѣт.», издав. Москов. Археол. Общ., въ «Матер. по археол. Россіи», изд. Имп. Археол. Коммиссіей, въ «Трудахъ» археолог. съѣздовъ и въ «Congrès internat. d'archéol. préhistor. et d'anthrop.», 11-ème session, à Moscou, 1892. III. Физическіе типы современнаго населенія: *Анучинъ*, Великоруссы въ «Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона», полут. 10; *онъ-же*, Россія въ антропол. отношеніи. Ibid., полут. 54; *онъ-же*, Географич. распред. роста мужск. населенія Россіи. «Зап. И. Р. Геогр. О.», 1889; *онъ же*, Quelques données pour la craniologie de la population actuelle de gouver. de Moscou. «Cong. intern. d'arch. préhist. et d'anthr. à Moscou», 1892; *v. Baer*, Nachrichten über d. ethnogr.-craniolog. Sammlung der Kaiser. Acad. d. Wissensch., 1858; *Бензенгръ*, Объ антроп. женскаго населенія Москвы. «Тр. Антр. Отд.,» т. V; *Васильевъ*, Размѣры черепа и лица по отнош. къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпухов. у. Москов. г. Ibid., т. XIX; *онъ-же*, О цвѣтѣ волосъ и глазъ и пр. у тѣхъ же школьниковъ (неизданная работа); *Welcker*, Bau und Wachsthum des menschl. Schädels; *онъ-же*, Craniolog. Mittheilungen. «Arch f. Anthr.», 1866; *Воробьевъ*, Матеріалы къ антропол. великорусск. насел. нѣкотор. уѣздовъ Рязанской г. «Тр. Антр. Отд», т. XIX; *онъ-же*, О соотнош. между ростомъ и главнѣйшими размѣрами головы и лица (рукоп.); *Гереценштейнъ*, Физич. качества русскихъ новобранцевъ. Докладъ въ Военно-Санит. Общ. въ Петерб., 1888; *Hoeven*, «Müller's Archiv», 44; *Грязновъ*, Опытъ сравнит. изученія гигиенич. условій быта крестьянъ въ Череповецкомъ у., 1880; *Erismann*, Untersuchungen über d. körp. Entwick. d. Fabrikarbeiter in Zentr.-Russland. Tübingen, 1889; *Démentiev*, Influence de la race et des conditions higién. et social. sur le dévelop. physique de l'homme. «Cong. intern. d'arch. prèhist. et d'anthr. à M.», 1892; *Зографъ*, Антроп. изслѣд. насел. Владим., Костр. и Яросл. губ. «Тр. А. О.», т. XV; *Ивановскій и Рождественскій*, Насколько вѣрны выводы пр. Зографа и т. д. М., 1894; *Иковъ*, Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико- и малоруссами. «Тр. Антр. Отд.», т. XII; *Калюбакинъ*, Антропол. изслѣдов. надъ насел. нѣкотор. москов. фабрикъ. Ibid., т. IV; *Коперницкій*, Предвар. свѣдѣнія о краніолог. изслѣдованіяхъ надъ славян. черепами. «Изв. унив. Св. Владим.», 1861; *Красновъ*, Объ антропол. типахъ Харьков. у., Харьк., 1891; *Куликова*, О формѣ женск. черепа. «Тр. Антр. О.», т. V; *Landzert*, Beitrag zur Kenntn. d. Grossrussenschädels. «Bericht ü. d. Zusammenkunft einigen Anthropologen in Sept. 1861»; *Малiевъ*, Матер. для сравнит. антропологіи. «Тр. Общ. Естеств. при Казан. ун.», 1874; *онъ-же*, О строеніи русск. черепа. «Врачъ», 1882; *Майновъ, И.*, О смѣшеніи русскихъ съ якутами и о типѣ помѣсей (рукопись);

Минаковъ, О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ сред. Россіи. «Тр. Антр. Огд.», т. XIX; *Петровъ*, Сравненіе антроп. данныхъ о призывныхъ Курской г. Ibid., т. XVI; *Погожевъ*, Кирпично-гончарное производство Моск. у., М., 1881; *Проценко*, Антропол. этюды. «Зап. Общ. Естеств. въ Кіевѣ», т. II, 1872; *Retzius*, «Müller's Arch». 45; *Рождественскій*, О велич. головы человѣка. «Тр. Антр. Отд.», т. XVIII; *Tarenetsky*, Beiträge zur Craniol. d. gross. - russ. Bevölker. «Mém. de l'Acad. de Sc. de S.-Ptrsb.», 1884; *Талько-Грынцевичъ*, Къ антропол. великоруссовъ. Семейскіе. Томскъ, 1898; *Tarnovsky*, Étude anthropométr. sur les prostituées et les voleuses (russes), Paris, 1889; *Тихомировъ*, Объ антроп. выводахъ изъ измѣреній народонас. Тульск. г. «Тр. Антр. Огд.», т. V; *Эмме*, Антропологія и медицина, Полтава, 1882; *онъ-же*, О множественности антропол. средн. типовъ великорус. и малорус. череповъ и О соотнош. между цвѣтностью и формою черепа. «Тр. Антр. О.», т. VIII—IX, в. 3 и 4. IV. Расы древней и современной Европы и ихъ происхожденіе: *Deniker*, Les races de l'Europe. I. L'indice cephalique. Paris, 1899; *Kollmann*, Les races humaines de l'Europe et la question arienne. «Cong. int. d'archéol. et d'anth.», M., 1892; *Л. Нидерле*, Человѣчество въ до-историч. времена (рус. пер.), 1898; *Penka*, Die Herkunft der Arier. Wien, 1886; *онъ-же*, Origines Ariacae. Wien, 1883; *Poesche*, Die Arier. Jena, 1878; *Sergi*, Sur une nouvelle méthode de classification des crânes humaines. «Cong. intern. d'arch. et d'anthr. à M.», 1892; *онъ-же*, Sur les habitants primitifs de la Mediterranée. Ibid.; *Topinard*, De la race en anthropologie. Ibid.; *Тэйлоръ*, Происхожденіе арійцевъ и до-истор. человѣкъ (рус. пер.), 1897; *Элькиндъ*, О череп. типахъ проф. Серджи въ связи съ череп. указателемъ. «Тр. Антр. Отд». т. XIX.

В. В. Воробьевъ.

Волосы въ антропологическомъ отношеніи.

Формѣ и цвѣту волосъ придается, какъ извѣстно, большое значеніе въ классификаціи человѣческихъ расъ. Кто сравнитъ, напр., мягкіе, прямые бѣлокурые или русые волосы бѣлоруссовъ и великоруссовъ съ черными шерстистыми волосами папуаса и негра или прямыми, жесткими и черными волосами монгола, тотъ ясно пойметъ, какимъ важнымъ расовымъ признакомъ могутъ служить волосы.

Fr. Müller и Ed. Haeckel [1]) раздѣляютъ человѣчество на двѣ группы: шерстисто-волосыхъ (ulotriches) и гладковолосыхъ (lissotriches). Въ составъ первой группы входятъ двѣ подгруппы: пучковолосые (lophocomi) и руноволосые (eriocomi). Къ пучковолосымъ принадлежатъ готтентоты и папуасы, а къ руноволосымъ—кафры и негры. Гладковолосые дѣлятся на прямоволосыхъ (euthycomi) и кудрявоволосыхъ (euplocomi); къ первымъ принадлежатъ австралійцы, малайцы, монголы, арктики или гиперборейцы, а ко вторымъ—дравиды, нубійцы и средиземцы.

Pruner Bey [2]) впервые показалъ, что форма поперечнаго разрѣза волосъ головы также можетъ быть положена въ основу классификаціи человѣческаго рода. Авторъ установилъ три основныхъ формы:

1. Сильно сплюснутые волосы съ эллиптическимъ поперечнымъ разрѣзомъ, въ которомъ длинный діаметръ эллипса вдвое или большее число разъ превышаетъ короткій діаметръ. Сюда принадлежатъ волосы негровъ готтентотовъ и папуасовъ.

2. Волосы съ круглымъ или близкимъ къ круглому (т.-е. широкоовальнымъ) поперечнымъ разрѣзомъ. Такіе волосы имѣютъ китайцы, полинезійцы, малайцы, туранцы и первобытные обитатели Америки.

---

[1]) Haeckel. Natürl. Schöpfungsgeschichte. III Aufl. Berlin. 1873.

[2]) Pruner Bey. De la chevelure comme caractéristique des races humaines d'aprês des recherches microscopiques. „Mém de la Soc. d'Anthr. de Paris“. T. II (1863), III (1864).

3. Поперечный разрѣзъ имѣетъ видъ овала. Эта форма является промежуточной между первой и второй. Она характерна для волосъ арійскихъ народовъ.

Если принять длинный діаметръ овала въ поперечномъ сѣченіи головныхъ волосъ равнымъ 100, то короткій діаметръ выразится по Pruner Bey'ю слѣдующими цифрами:

у южно-американскихъ индѣйцевъ	= 95.
» перуанскихъ мумій	= 89.
» монголовъ	= 81—91.
» австралійцевъ	= 67—75.
» готтентотовъ	= 50—55.
» папуасовъ	= 34.

Такимъ образомъ, наиболѣе круглымъ оказывается поперечный разрѣзъ волоса у американскихъ индѣйцевъ, а наиболѣе уплощеннымъ—у папуасовъ.

Изслѣдованія Pruner Bey'я были провѣрены нѣкоторыми нѣмецкими учеными. Изъ нихъ Hilgendorf [1]) вовсе отрицаетъ значеніе поперечной формы волосъ, какъ расоваго признака.

Fritsch [2]) пришелъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, къ такимъ выводамъ: «Во всѣхъ головныхъ волосахъ встрѣчаются овальной формы поперечные разрѣзы. Эти разрѣзы преобладаютъ въ курчавыхъ волосахъ; въ гладкихъ же волосахъ форма поперечнаго разрѣза приближается къ круглой. Въ волосахъ эскимосовъ наблюдаются преимущественно круглые и угловатые разрѣзы, рѣже овальные; у негровъ—преимущественно овальные. Такого постоянства, какое желаетъ видѣть Pruner Bey въ формѣ поперечника, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Однако, это различіе формы является все-таки достаточно цѣннымъ для классификаціи».

Съ подобнымъ мнѣніемъ Fritsch'а соглашается въ общемъ Waldeyer. Въ его атласѣ [3]) находятся фототипическіе рисунки головныхъ волосъ евреевъ, германцевъ, негра и японца. При взглядѣ на эти рисунки можно придти къ заключенію, что, дѣйствительно, не имѣется никакой существенной разницы въ формѣ поперечнаго разрѣза волосъ у различныхъ расъ.

J. Ranke [4]) говоритъ: «Форма поперечнаго разрѣза волосъ безспорно является цѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія расъ.

---

[1]) Hilgendorf. Bemerkungen über die Behaarung der Ainos. „Mitteilung. d. deutsch. Gesellsch. f. Natur u. Völkerkunde Ostasiens", 1875.

[2]) Fritsch. „Zeitschr f. Ethnolog.", 1878, S. 241 u 1880, S. 283.

[3]) Waldeyer. Atlas der menschl. und. tierisch. Haare. 1884, табл. XII.

[4]) J. Ranke. „Человѣкъ" (рус. пер.), т. II, стр. 287.

Но въ виду частыхъ переходовъ одной формы въ другую, этотъ признакъ самъ по себѣ едва ли можетъ годиться во всѣхъ случаяхъ, какъ признакъ различія расъ». Waldeyer справедливо замѣчаетъ, что въ будущемъ, быть-можетъ, удастся усовершенствовать пригодность этого метода, измѣряя волосы не только на головѣ и бородѣ, но и различные отдѣлы одного и того же волоса, корень, стержень и верхній конецъ.

Несмотря на возраженія и замѣчанія Hilgendorf'а, Fritsch'а, Waldeyer'а и Ranke, положенія Pruner Bey'я остаются непоколебимыми въ основныхъ своихъ чертахъ.

По моимъ наблюденіямъ, въ головныхъ волосахъ великоруссовъ, якута, негровъ, арабовъ, индѣйцевъ Южной Америки и др., дѣйствительно, встрѣчаются въ одномъ и томъ же волосѣ поперечные разрѣзы различныхъ формъ, а именно: круглой, широко- и узкоовальной, почковидной, треугольника и четыреугольника съ притупленными углами и пр.; но характерныя для каждой расы формы поперечнаго разрѣза являются всегда значительно преобладающими.

Въ волосахъ негровъ (галласовъ и негровъ-кру) мнѣ пришлось, какъ и Waldeyer'у, видѣть поперечные разрѣзы близкіе къ круглому, причемъ эти формы встрѣчаются очень рѣдко на срединѣ волосяного ствола, а несравненно чаще вблизи верхушки и вблизи корня у отживающихъ волосъ, имѣющихъ ороговѣвшую колбообразную луковицу. Въ гладкихъ волосахъ великоруссовъ тонкая верхушечная часть волоса (никогда не стриженнаго) представляетъ круглую, или близкую къ круглой, форму поперечнаго разрѣза; на всемъ же остальномъ своемъ протяженіи стволъ волоса имѣетъ овальный поперечникъ, причемъ послѣдній чрезвычайно рѣдко смѣняется почкообразнымъ или треугольнымъ съ закругленными углами. Вблизи ороговѣвшей луковицы отживающихъ волосъ поперечный разрѣзъ дѣлается изъ овальнаго круглымъ или почти круглымъ.

Въ то время какъ у великоруссовъ поперечный разрѣзъ прямыхъ головныхъ волосъ имѣетъ преимущественно форму болѣе или менѣе правильнаго овала или эллипса, у негровъ же галласовъ и кру наиболѣе типичная и наичаще встрѣчающаяся форма поперечнаго разрѣза—это сплюснутый оваль или почка.

Въ виду сказаннаго мною, при изслѣдованіи волосъ нельзя довольствоваться небольшимъ количествомъ поперечныхъ разрѣзовъ, но изъ каждаго волоса нужно дѣлать ихъ десятки или сотни.

Типичныя для каждой расы формы волосяного поперечника встрѣчаются преимущественно въ средней части волосяного ствола. Верхушечный же конецъ волоса имѣетъ круглую, или близкую къ круглой, форму по-

перечнаго разрѣза. Такую же форму представляетъ и ближайшая къ луковицѣ часть ствола у отживающихъ и отжившихъ волосъ [1]).

Провѣряя данныя Pruner Bey'я, я изучалъ поперечные разрѣзы головныхъ волосъ у русскихъ, негровъ, якута, южно-американскихъ индѣйцевъ, а также головныхъ волосъ изъ древнихъ русскихъ кургановъ [2]).

На основанiи измѣренiя многочисленныхъ поперечныхъ разрѣзовъ (въ средней трети волосяного ствола), я опредѣлилъ волосной показатель (т.-е. отношенiе короткаго дiаметра овала къ длинному) слѣдующими цифрами въ процентахъ:

у негра галласа	$50._{7}$%
» негра кру	$55._{4}$
» араба съ рыжими волосами . .	$59._{8}$

У русскихъ (москвичей), съ гладкими прямыми волосами, показатель оказался больше, чѣмъ у негровъ, а именно:

у темнорусаго мальчика 7 лѣтъ . . .	$66._{6}$
» бѣлокурой дѣвочки 4 лѣтъ	$64._{8}$
» взрослой рыжеволосой дѣвушки . .	$61._{5}$
» свѣтлорусой женщины	$67._{4}$
» черноволосаго мужчины	$62._{5}$
» темнорусаго мужчины	$71._{6}$

Такимъ образомъ волосной показатель у моихъ москвичей колебался въ предѣлахъ $61,_{5}—71,_{6}$.

Я измѣрилъ поперечные разрѣзы 10 образцовъ прямыхъ волосъ изъ древнихъ кургановъ средней Россiи. Показатель ихъ колебался въ предѣлахъ $61,_{0}—73,_{3}$, въ среднемъ$=66,_{2}$.

Курганнымъ волосамъ, какъ и прямымъ волосамъ современныхъ москвичей, свойственны довольно правильныя овальныя формы поперечныхъ разрѣзовъ; почковидная же и треугольная встрѣчаются крайне рѣдко.

У двухъ русскихъ съ курчавыми волосами я опредѣлилъ волосно показатель въ $73,_{5}$ и $76,_{0}$. Слѣдовательно, ихъ волосы значительно отличаются отъ негрскихъ, у которыхъ, какъ сказано, показатель$=50,_{7}$ и $55,_{4}$. Въ курчавыхъ волосахъ русскихъ довольно часто попадаются разрѣзы въ формѣ треугольника съ сильно притупленными углами.

Очень близкими къ круглымъ я нашелъ волосы у якута и у индѣйцевъ Южной Америки.

---

[1]) Для дѣланiя поперечныхъ разрѣзовъ я заливаю волосы небольшими пучками (6—10 штукъ) въ бѣлый воскъ.

[2]) По матерiаламъ изъ Антропологическаго музея Московскаго университета.

У якута волосной показатель	=80,₂
„ мумiи перуанской	84,₁
„ парагвайца	86,₅

Волосы якута и парагвайца представляютъ на поперечномъ разрѣзѣ форму довольно правильнаго, широкаго овала или круга; почковидной же и треугольной формы я не наблюдалъ; но послѣдняя попадалась въ волосахъ перуанской мумiи.

Мои наблюденiя убѣждаютъ меня въ томъ, что изученiе формы поперечнаго разрѣза волосъ заслуживаетъ особеннаго вниманiя антропологовъ. Скептическое мнѣнiе нѣкоторыхъ авторовъ, увѣряющихъ, что форма волосяного поперечника едва ли можетъ служить расовымъ признакомъ, не имѣетъ, какъ я полагаю, должнаго основанiя. Многочисленныя и тщательныя изслѣдованiя въ этомъ направленiи, какъ нельзя болѣе, желательны.

Что касается толщины волосъ на головѣ, то въ этомъ отношенiи извѣстно очень немногое. Такъ, Baelz [1]) нашелъ, что у семи японцевъ, въ возрастѣ 25—35 лѣтъ, наибольшiй дiаметръ головныхъ волосъ колебался въ предѣлахъ 0,095—0,14 mm., а у нѣмцевъ—0,075—0,11 mm. Толщина волосъ японской женщины колебалась между 0,06 и 0,11 mm.

Henle нашелъ, что женскiй волосъ нѣсколько толще мужского, а Pfaff [2]) держится въ этомъ отношенiи совершенно противоположнаго мнѣнiя. Средняя толщина головныхъ волосъ у мужчинъ равна, по Pfaff'у, 0,08, а у женщинъ—0,06 mm.

У авторовъ, изслѣдовавшихъ толщину волосъ, не указывается, съ какой части головы они брали ихъ для сравнительнаго измѣренiя, а между тѣмъ толщина волосъ на разныхъ мѣстахъ головы различна. Такъ, у темнорусаго мальчика 4-хъ лѣтъ я опредѣлилъ среднюю толщину прямыхъ головныхъ волосъ:

	mm.	min.	max.
на лбу	0,06	(0,03	—0,08)
на темени и макушкѣ . . .	0,071	(0,035	—0,08)
въ нижней части затылка .	0,052	(0,03	—0,07)
на вискахъ.	0,065	(0,04	—0,10)

[1]) Baelz. Die körperl. Eigensch. der Japaner. „Mittheil. d. deutsch. Gesellsch. f. Nat.-und Völkerkunde Ostasiens", 1883, Februar.

[2]) Pfaff. Das menschliche Haar in seiner physiolog., patholog. u. forensisch. Bedeutung. II. Aufl. 1869.

У другого мальчика 4-хъ лѣтъ

(свѣтлорусые волосы)

на лбу . . . . 0,068 (0,03—0,09)
на темени и макушкѣ . . . 0,085 (0,04—0,12)
въ нижней части затылка. . 0,070 (0,04—0,10)
на вискахъ. . . . . 0,084 (0,04—0,11)

У мальчика 8 лѣтъ

(темнорусые волосы)

на лбу . . . . 0,08 (0,03 —0,11)
на темени и макушкѣ . . . 0,094 (0,055—0,14)
въ нижней части затылка . 0,087 (0,055—0,12)
на вискахъ. . . . . 0,091 (0,06 —0,11)

У женщины 20 лѣтъ

(русые волосы)

на лбу . . . . 0,080 (0,06 —0,10)
на темени и макушкѣ . . . 0,082 (0,065—0,105)
въ нижней части затылка. . 0,072 (0,05 —0,09)
на вискахъ. . . . . 0,081 (0,07 —0,10)

У женщины 28 лѣтъ

(свѣтлорусые волосы).

на лбу . . . . 0,088 (0,05 —0,105)
на темени и макушкѣ . . . 0,096 (0,06 —0,132)
въ нижней части затылка. . 0,076 (0,047—0,09)
на вискахъ. . . . . 0,093 (0,06 —0,12)

У другой женщины 28 лѣтъ

(свѣтлорусые волосы).

на лбу . . . . 0,073 (0,055—0,085)
на темени и макушкѣ . . . 0,074 (0,06 —0,085)
въ нижней части затылка. . 0,069 (0,05 —0,080)
на вискахъ. . . . . 0,070 (0,055—0,085)

У мужчины 28 лѣтъ

(темнорусые волосы).

на лбу . . . . 0,091 (0,04 —0,11)
на темени и макушкѣ . . . 0,096 (0,07 —0,12)
въ нижней части затылка. . 0,075 (0,04 —0,09)
на вискахъ. . . . . 0,083 (0,065—0,095)

У другого мужчины 28 лѣтъ

(темнорусые волосы)

на лбу	0,080	(0,06 —0,10)
на темени и макушкѣ . . .	0,092	(0,075—0,105)
въ нижней части затылка. .	0,071	(0,037—0,085)
на вискахъ.	0,081	(0,04 —0,10)

У мужчины 45 лѣтъ

(русые волосы съ просѣдью)

на лбу	0,075	(0,037—0,09)
на темени и макушкѣ . . .	0,082	(0,04 —0,11)
въ нижней части затылка. .	0,068	(0,04 —0,09)
на вискахъ.	0,076	(0,04 —0,10)

У женщины 45 лѣтъ

(темнорусые волосы съ просѣдью)

на лбу	0,077	(0,05 —0,102)
на темени и макушкѣ . . .	0,082	(0,05 —0,12)
въ нижней части затылка. .	0,072	(0,042—0,095)
на вискахъ.	0,075	(0,06 —0,11)

У мужчины 78 лѣтъ

(темнорусые волосы съ значительнымъ количествомъ сѣдыхъ)

на лбу	0,077	(0,04 —0,10)
на темени и макушкѣ . . .	0,064	(0,040—0,090)
въ нижней части затылка. .	0,074	(0,045—0,098)
на вискахъ.	0,073	(0,05 —0,082)

Такимъ образомъ, у изслѣдованныхъ мною лицъ самыми толстыми оказываются волосы на темени и макушкѣ; за ними идутъ волосы висковъ, лба и нижней части затылка. Нѣкоторое исключеніе представляетъ 78-лѣтній старикъ, у котораго порѣдѣвшіе волосы на темени тоньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ головы. Въ виду этого необходимо, при изслѣдованіи толщины волосяного ствола у различныхъ расъ, брать для сравненія волосы съ одинаковыхъ мѣстъ головы.

Стволъ отживающихъ волосъ, имѣющихъ ороговѣвшую или ороговѣвающую луковицу, представляетъ веретенообраз-

ную форму, которая особенно ясно замѣтна у короткихъ и толстыхъ волосъ, напр., у рѣсницъ. У послѣднихъ толщина быстро увеличивается отъ остроконечной верхушки по направленію къ срединѣ ствола, а отъ средины снова быстро и значительно уменьшается по направленію къ

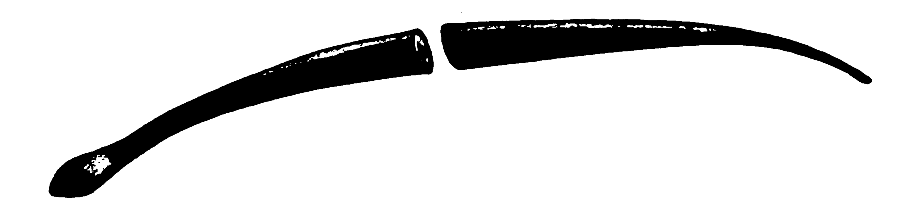

Рис. 1. Отжившій (выпавшій) волосъ изъ рѣсницъ (схематически).

Для примѣра приведу измѣреніе толщины двухъ отжившихъ волосъ,— одного изъ бровей и другого изъ рѣсницъ.

	Отживающій волосъ бровей, длиною въ 1,04 ctm.	Отживающій волосъ рѣсницъ, длиною въ 1,05 ctm.
Толщина верхушки	0,01 mm.	Толщ. верхуш.—0,015 mm.
Толщина ствола на 1 mm. отъ верхушки	0,03 mm.	Толщ. ствола на 1 mm. отъ верх.—0,035
на 2 mm.	0,06	0,053
„ 3 „	0,085	0,07
„ 4 „	0,011	0,09
„ 5 „	0,135	0,10
„ 6 „	0,14	0,11
„ 7 „	0,14	0,11
„ 8 „	0,13	0,105
„ 9 „	0,10	0,095
„ 10 ctm.	0,07	0,068

У жизнеспособныхъ волосъ, съ пуговкообразною не ороговѣвшею луковицею (Haarknopf), утонченія ихъ ствола вблизи корня обыкновенно не существуетъ, а если и существуетъ, то оказывается очень незначительнымъ. Для примѣра приведу измѣренія жизнеспособнаго головного волоса, длиною въ 16 ctm.

Толщина его верхушки	0,01	mm.
на 1 mm. отъ верхушки	0,18	„
„ 3 „ „	0,03	„
„ 5 „ „	0,04	„

на 8	mm.	отъ верхушки	. .	0,05	„
„ 1	ctm.	„	. .	0,055	„
„ 1,5	„	„	. .	0,065	„
„ 1,8	„	„	. .	0,07	„
„ 2,0	„	„	. .	0,075	„
„ 3,0	„	„	. .	0,075	„
„ 4,0	„	„	. .	0,075	„

Слѣдовательно, волосъ достигъ своей наибольшей толщины 0,075 mm. на разстояніи 2 ctm. отъ верхушки; затѣмъ, на протяженіи 12,3 ctm. эта максимальная толщина не измѣняется, и лишь на разстояніи 1,7 mm. отъ нижняго конца волоса она незначительно уменьшается (на 0,005 mm.).

Указанную разницу толщины волосяного ствола въ различныхъ мѣстахъ его протяженія необходимо имѣть въ виду при сравнительномъ изученіи волосъ у различныхъ расъ. Волосы слѣдуетъ измѣрять въ средней части ихъ ствола, гдѣ они достигаютъ maximum'а толщины.

Къ числу важныхъ расовыхъ признаковъ принадлежитъ также цвѣтъ волосъ. Черный и темнорусый цвѣтъ встрѣчаются у людей наичаще, свѣтловолосыхъ же несравненно меньше.

Часто черный цвѣтъ имѣютъ, по Waldeyer'у, австраліійцы, папуасы, самоанцы, жители Огненной земли, патагонцы, первобытные обитатели Южной Америки, гренландцы, эскимосы, сомали, сакалавы (большинство), кафры (большинство), суданцы (большинство), беджасы, берберійскіе народы (большинство), альфуры, тагалы, негритосы, андаманцы, никобары, ведды, яванцы, мадуры, даяки, бугисы, японцы (отчасти), айносы (отчасти), китайцы (отчасти), балти (Гималай), гиміары, сабеи, гальчи, таджики, башкиры, самоѣды, остяки.

Темнорусый (темнокаштановый) цвѣтъ до чернаго имѣютъ: канаки, маори, коинъ - коины, отчасти А-банту, негры, айносы, японцы и сѣверные китайцы; далѣе—персы, лопари, корелы, смѣшанное населеніе сѣверной и южной Россіи, босняки, далматинцы, греки, румыны, цыгане.

Смѣшанный цвѣтъ (т.-е. съ болѣе или менѣе значительной примѣсью свѣтлорусаго и бѣлокураго) встрѣчается у большинства европейскихъ народовъ, включая евреевъ, а также и жителей Марокко, таджиковъ и армянъ.

У армянъ чисто черные волосы встрѣчаются, по словамъ Пантюхова [1]), не болѣе, какъ у 16—20%. У имеретинъ, мингрельцевъ, бжедуховъ вполнѣ черные волосы составляютъ не болѣе 10%, а преобладаютъ темнорусые и русые.

---

[1]) Пантюховъ. „Расы Кавказа". Тифлисъ, 1900.

Деникеръ [1]) распредѣляетъ европейцевъ на шесть главныхъ и четыре второстепенныхъ расы. Главныя расы слѣдующія:

1. Блондины долихоцефалы, очень высокаго роста (1,73 m.), занимаютъ сѣверъ Европы, Британскіе острова, Скандинавію и побережья Балтійскаго моря. Это—раса кимвровъ или германцевъ. Деникеръ называетъ ее сѣверной расой.

2. Блондины суббрахицефалы, роста ниже средняго (1,64 m.), живутъ въ восточной Пруссіи, Бѣлоруссіи, частью въ центральной Россіи и Финляндіи.

3. Брюнеты долихоцефалы, очень малаго роста (1,61—1,62). Это—раса иберо-островная или средиземная. Живутъ на Иберійскомъ полуостровѣ, на Корсикѣ, въ Сардиніи, на югѣ Италіи и Франціи.

4. Брюнеты сильные брахицефалы, небольшого роста (1,63—1,64), занимаютъ крайній западъ Европы, а также распространяются по Севеннамъ, Альпамъ, сѣверу Италіи, Венгріи, Каринтіи, Моравіи, Галиціи, Подоліи. Это—раса кельтическая или кельто-славянская, рутенская.

5. Брюнеты субдолихоцефалы и мезоцефалы, роста выше средняго (1,66); живутъ по берегамъ отъ Гибралтара до Тибра. Это—береговая или атланто-средиземная раса Деникера.

6. Брюнеты брахицефалы, высокаго роста (168—172), живутъ въ Босніи, Далмаціи, Кроаціи, Албаніи, а также на Карпатахъ и въ Малороссіи.

Къ расамъ блондиновъ Деникеръ причисляетъ тѣхъ, между которыми брюнетовъ не болѣе 17%, а къ расамъ брюнетовъ, между которыми брюнетовъ болѣе 30%. Тамъ, гдѣ брюнетовъ отъ 17 до 30%, это, по Деникеру, расы среднія.

Среди великоруссовъ, по изслѣдованіямъ проф. Анучина и д-ра Воробьева, встрѣчается отъ 55,5 до 57% темноволосыхъ (темнорусыхъ и черныхъ); между бѣлоруссами, по Янчуку, 52% (въ Минской губ.) и 70% по Эйхгольцу (въ Смоленской губ.), а между малоруссами—отъ 54,3 до 83,3 (Гильченко, Коперницкій, Красновъ, Талько-Грынцевичъ и W. Diebold [2]).

При изученіи расовыхъ особенностей волосъ обращалось еще слишкомъ мало вниманія на микроскопическія свойства волося-

---

[1]) Деникеръ. „Bul. de le Soc. d'Anthr.", 1898.

[2]) Относящаяся къ этому вопросу литература подробно указана у В. В. Воробьева въ его статьѣ: „Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ." въ XIX томѣ „Трудовъ Антропологическаго Отдѣла". Москва, 1899.

ного пигмента, а именно его цвѣтъ, величину и густоту пигментныхъ зеренъ и ихъ расположеніе [1]).

Virchow (у Waldeyer'a l. c., стр. 60) впервые указалъ, что существуютъ расовыя различія въ расположеніи зернистаго пигмента. Такъ, у сакалавовъ послѣдній образуетъ въ корковомъ веществѣ волоса периферическое кольцо, въ то время какъ центральная часть волоса лишена пигментныхъ зеренъ. У зулусовъ же не наблюдается подобной локализаціи пигмента.

Въ человѣческихъ волосахъ зернистый пигментъ находится обыкновенно въ периферической части корковаго вещества (рис. 2), а въ центральныхъ частяхъ его и въ сердцевинѣ зерна или вовсе отсутствуютъ, или же находятся въ сравнительно незначительномъ количествѣ.

Рис. 2. Поперечный разрѣзъ темнорусаго волоса изъ головы взрослаго мужчины.

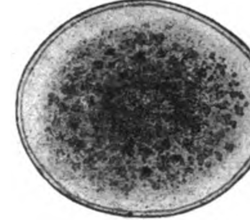

Рис. 3. Поперечный разрѣзъ волоса изъ головы орангъ-утана.

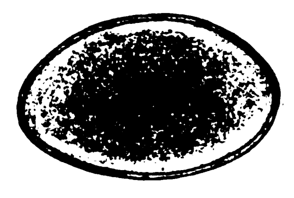

Рис. 4. Поперечный разрѣзъ волоса изъ головы рыжаго араба.

Гораздо рѣже встрѣчаются волосы, въ которыхъ зерна пигмента распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно по всему корковому веществу и сердцевинѣ. Въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія попадаются волосы съ центральнымъ расположеніемъ пигмента, т.-е. пигментныя зерна помѣщаются, главнымъ образомъ, въ сердцевинѣ и центральной части корковой субстанціи, а въ периферическихъ частяхъ послѣдней зеренъ вовсе нѣтъ или ихъ очень мало.

Центральное расположеніе зернистаго пигмента свойственно волосамъ животныхъ (рис. 3), а у человѣка я наблюдалъ подобное въ рыжихъ волосахъ араба (рис. 4). Центральное расположеніе зеренъ не свойственно, однако, всѣмъ рыжимъ волосамъ, такъ какъ у рыжихъ москвичей я находилъ пигментъ помѣщающимся въ периферическихъ частяхъ корковаго вещества.

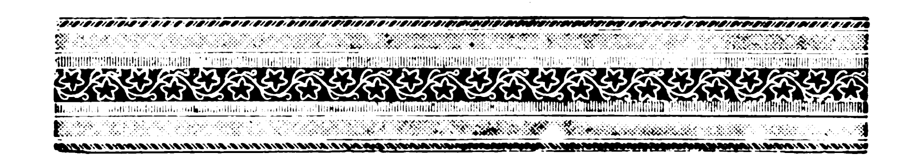
---

[1]) О величинѣ и цвѣтѣ пигментныхъ зеренъ я говорилъ въ моихъ статьяхъ: 1) „Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій"; 2) „О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ средней Россіи" въ XIX томѣ „Трудовъ Антропологическаго Отдѣла", и 3) О волосахъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Диссерт. Москва, 1894.

Итакъ, путемъ тщательнаго и цѣлесообразнаго изученія формы поперечнаго разрѣза волосъ, ихъ толщины, цвѣта, свойствъ и расположенія пигмента могутъ быть пріобрѣтены цѣнныя данныя для классификаціи человѣческаго рода. Полученныя же до настоящаго времени данныя еще очень недостаточны, иногда противорѣчивы и основаны, большей частью, на макроскопическомъ изученіи волоса, а не на микроскопическихъ его свойствахъ. Virchow справедливо говоритъ: „Я могу смѣло сказать, никого не затрогивая, что именно тѣ, которые пытались классифицировать различныя племена по формѣ волосъ, лично не производили изслѣдованія надъ волосами, будучи даже естествоиспытателями. Именно эта сторона изслѣдованія отличалась обыкновенно дилетантскимъ характеромъ“.

П. Минаковъ.

Изъ иностранной литературы.

Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица.

(G. Papillault—Quelques lois touchant la croissance et la beauté du visage humain. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris", 1899, fasc. 3).

Красота живого лица зависитъ въ значительной степени отъ той или иной формы костнаго черепа. Впечатлѣніе, производимое лицомъ молодого организма, значительно усиливается свѣжестью тканей, его окружающихъ, и округлостью формъ, въ связи съ большимъ или меньшимъ развитіемъ подкожнаго жира; но для наличности такого впечатлѣнія присутствіе перечисленныхъ качествъ во всякомъ случаѣ не существенно: мы одинаково любуемся и лицомъ старика, сохранившимъ красоту и благородство выраженія, несмотря на старческое измѣненіе кожи и ряды морщинъ.

Черепъ, какъ и живое лицо, можетъ представлять высшія и низшія формы, красивыя и некрасивыя. Не легко установить опредѣленный критерій для различенія этихъ формъ и чертъ морфологическаго превосходства. Нельзя, напр., считать признакомъ регресса поверхностное сходство нѣкоторыхъ анатомическихъ чертъ человѣка съ его гомологами изъ млекопитающихъ. Установить такой критерій, найти среду, способствующую развитію красоты человѣческаго лица, и есть задача предлагаемой статьи. Прежде чѣмъ приступить, однако, къ ея разрѣшенію, разсмотримъ отношеніе дѣтскаго черепа къ взрослому и этого послѣдняго къ наиболѣе близко стоящимъ животнымъ формамъ, другими словами, прослѣдимъ онтогенезъ и филогенезъ человѣческаго лица.

Уже при поверхностномъ взглядѣ можно видѣть, что взрослый черепъ не есть только увеличенный дѣтскій, сохранившій всѣ черты этого послѣдняго, что подтверждается и сравнительными измѣреніями, въ частности отношеніемъ среднихъ размѣровъ дѣтскаго лица къ взрослымъ, принятымъ за 100 *).

*) Papillault сравнивалъ 20 череповъ новорожденныхъ и 50 череповъ взрослыхъ, причемъ дѣтскіе черепа изслѣдовались въ свѣжемъ видѣ, во избѣжаніе искаженія формы, какъ слѣдствія высыханія неокостенѣвшихъ тканей. Показатель, вы-

Найденныя такимъ образомъ отношенія колеблются между 25 и 74. Minimum 25 характеризуетъ высоту os incisivum, т.-е. разстояніе отъ основанія носовой ости до альвеолярнаго края; разсматриваемая область лица новорожденнаго, слѣдовательно, достигаетъ лишь 0,25 ея величины у взрослаго и въ періодъ своего роста должна пріобрѣсти недостающія 0,75. Съ другой стороны, разстояніе между лобными буграми достигаетъ 0,74, и ребенку остается пріобрѣсти только 26 сотыхъ. Между этими двумя крайними отношеніями заключается рядъ другихъ.

Вся верхняя часть лица вообще выражена очень сильно въ зависимости отъ значительнаго развитія мозга. Кромѣ уже упомянутаго разстоянія лобныхъ бугровъ, мы имѣемъ въ этой области т. назыв. наименьшій лобный діаметръ, достигающій 60, наибольшій длиннотный—59, наиб. широтный—58 и ушную дугу равную 64. Межглазничное пространство, стоящее въ связи съ метопическимъ швомъ, существующимъ у новорожденнаго, представляетъ довольно значительное отношеніе—56, высота и ширина глазницъ—56 и 58. Всѣ остальные діаметры лица, характеризующіе боковыя и нижнія его части, дадутъ отношеніе меньше 50%; такъ, скуловой діаметръ (byzygomatique) падаетъ до 47, разстояніе сосцевидныхъ отростковъ—45; высота лица достигаетъ лишь 42 сотыхъ ея развитія у взрослыхъ, длина носа 38 и нижняя часть верхней челюсти—25.

Легко видѣть, что всѣ перечисленные діаметры распадаются на 2 группы: 1-ая находится въ зависимости отъ значительнаго развитія мозга, почему всѣ ея измѣренія сильно развиты; 2-ая охватываетъ области лица, совершенно не зависящія отъ механическаго дѣйствія мозгового расширенія, поэтому ребенку остается пройти еще болѣе половины пути, чтобы достигнуть размѣровъ взрослаго. Только одно измѣреніе должно быть исключено изъ этой классификаціи—это ширина носа, совершенно не зависящая отъ мозга и, однако, достигающая 51% взрослаго. Если на время не принимать во вниманіе этого единственнаго исключенія, объясненіе котораго будетъ дано впослѣдствіи, то зависимость относительно большаго развитія нѣкоторыхъ частей лица отъ мозгового расширенія несомнѣнна. Каковы же причины столь значительнаго объема мозга въ очень раннія стадіи развитія?

Въ онтогенетическомъ развитіи индивидуума можно разсматривать два періода: первый—дофункціональный, когда ткани и органы еще не получаютъ возбужденій, заставляющихъ ихъ функціонировать, и второй—функціональный, когда и тѣ и другіе начинаютъ реагировать на внѣшнія вліянія окружающей среды. Въ первомъ періодѣ послѣ оплодотворенія зародышевыя клѣтки размножаются тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ благопріятнѣе среда, въ которой онѣ помѣщены,

---

ражающій отношеніе различныхъ частей лица дѣтей и взрослыхъ, получался отъ раздѣленія цифры, выражающей размѣръ даннаго измѣренія на дѣтскомъ черепѣ, на соотвѣтствующую цифру для взрослыхъ и умноженія частнаго на 100 $\left(\frac{a.100}{A}\right)$.

и, наконецъ, группируются въ органы подъ вліяніемъ наслѣдственности и питательныхъ соотношеній. Второй періодъ наступаетъ не одновременно для всѣхъ органовъ одного и того же индивидуума: у человѣка, напр., онъ охватываетъ промежутокъ времени, по крайней мѣрѣ, въ 20 лѣтъ отъ первыхъ мѣсяцевъ внѣутробной жизни до момента появленія 3-го коренного зуба. Если наслѣдственности принадлежитъ въ первомъ періодѣ исключительная роль въ дѣлѣ развитія организма, то во второмъ періодѣ важное значеніе пріобрѣтаютъ функціональныя вліянія. Наслѣдственность, такимъ образомъ, даетъ первый толчокъ развитію, а вліянія функціонированія продолжаютъ и усиливаютъ его.

Взаимная тѣсная связь этихъ двухъ періодовъ обнаруживается въ томъ, что первый изъ нихъ какъ бы провизорный для второго; иначе, число и сила вліяній, обусловливаемыхъ функціонированіемъ органа, зависитъ отъ запаса веществъ дофункціональнаго періода. Съ другой стороны, уже въ дофункціональномъ періодѣ существуютъ различныя аналогіи между разнородными тканями организма. Однѣ изъ нихъ (костная ткань) относительно мало развиты въ зародышевомъ состояніи, другія (нервная ткань), наоборотъ, къ началу функціонированія уже обладаютъ значительнымъ объемомъ. Эти замѣчательныя отличія тканей зависятъ, несомнѣнно, отъ внутреннихъ свойствъ, обусловливающихъ ихъ развитіе. Кость имѣетъ почти неистощимый запасъ образующихъ элементовъ въ остеогенномъ слоѣ, клѣтки котораго превращаются, въ случаѣ надобности, въ остеобласты, способные размножаться. Наоборотъ, мозгъ, имѣющій уже у новорожденнаго относительно большой вѣсъ, не способенъ къ такому быстрому росту. Кость можетъ весьма энергично реагировать на пораненіе, потеря же нервнаго вещества ничѣмъ не вознаградима. Необходимо, слѣдовательно, чтобы организмъ еще до окончательной дифференцировки обладалъ полнымъ числомъ нервныхъ элементовъ, которые въ функціональномъ періодѣ получаютъ только болѣе совершенную дифференцировку, между тѣмъ какъ кость не нуждается въ запасѣ.

Въ подобную же связь съ общими свойствами ткани можно поставить большую ширину носа. Ширина костнаго носа зависитъ исключительно отъ развитія въ ширину os incisivum, дающей опору рѣзцамъ, и, слѣдовательно, отъ развитія самыхъ рѣзцовъ; у негровъ, напр., ширина носа=26,9 мм. при ширинѣ рѣзцоваго края верхней челюсти=28,3; у парижанъ, рѣзцы которыхъ имѣютъ ширину 26,9, ширина носа понижается до 24,2. Законность этихъ соотношеній тѣмъ правильнѣе, чѣмъ менѣе развита въ высоту os incisivum; поэтому у ребенка значительная ширина носа должна быть несомнѣнно связана съ относительно большими поперечными измѣреніями рѣзцовъ. Если рѣзцы еще не вышли на поверхность, то они уже заключаются въ толщѣ кости. Зубныя ткани—дентинъ и эмаль—образовываются почти цѣликомъ въ дофункціональный періодъ. Свойства мозговой и зубной ткани, такимъ образомъ, въ извѣстномъ отношеніи аналогичны; ихъ значительному, почти окончательному развитію въ дофункціональный періодъ соотвѣтствуетъ развитіе связанныхъ съ ними попе-

речныхъ размѣровъ лица новорожденнаго; въ частности раннее развитіе зубовъ влечетъ за собой расширеніе ossis incisivi, и, слѣдовательно, увеличеніе ширины костнаго носа.

Такимъ образомъ, можно считать доказанной связь между наиболѣе замѣчательными чертами морфологіи дѣтскаго лица и основными свойствами тканей. Установленныя соотношенія должны лечь въ основаніе для критики двухъ сравнительно-антропологическихъ методовъ. По первому изъ нихъ человѣкъ сравнивается съ близкими къ нему животными, причемъ, чѣмъ ближе онъ стоитъ къ этимъ послѣднимъ, тѣмъ болѣе низкой считается его организація. Второй методъ состоитъ въ сравненіи взрослыхъ человѣческихъ формъ съ дѣтскими; признакомъ низшаго типа въ данномъ случаѣ будетъ устойчивость дѣтскаго типа у взрослаго. На основаніи предыдущаго легко понять, что признаніе дѣтскаго типа низшимъ лишь потому, что органы взрослаго достигаютъ maximum'а своего функціональнаго значенія, есть результатъ недоразумѣнія. Функціональное развитіе можетъ служить критеріумомъ для опредѣленія морфологическаго значенія органовъ лишь взрослыхъ формъ. Дѣтскія формы, какъ это доказано, зависятъ въ своемъ ростѣ не отъ функціональныхъ вліяній, а отъ специфическихъ свойствъ тканей. *Законы, обусловливающіе онтогенезисъ, слѣдовательно, глубоко отличаются отъ подобныхъ же для филогенезиса.* Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы организмъ, обусловленный въ своемъ развитіи свойствами клѣтокъ, его составляющихъ, погруженный въ неизмѣнную и совершенно специфическую среду, имѣть развитіе, аналогичное такому, при которомъ каждое прогрессивное измѣненіе есть функціональное приспособленіе къ внѣшней средѣ?

Наоборотъ, методъ сравненія человѣка съ близкими къ нему животными формами не заключаетъ, подобно предыдущему, въ своей основѣ важныхъ заблужденій; однако, обычный кругъ его приложенія долженъ быть значительно суженъ, если принять въ соображеніе генезисъ, функціи и приспособленіе организмовъ къ средѣ. Кто рѣшится сказать, напр., что толстая и короткая верхняя конечность выше организована, чѣмъ длинная и тонкая, потому, что послѣдняя представляетъ нѣкоторое сходство съ рукой обезьяны? Если человѣка поставить въ новыя условія, къ которымъ онъ долженъ быстро приспособиться и которыя способны тѣмъ или инымъ путемъ дать ему преимущество въ борьбѣ съ другими животными, то и форма, выработанная новой средой, будетъ высшей, хотя бы нѣкоторые органы при этомъ атрофировались или ослабились.

Легко констатировать, что эти новыя условія, прогрессивно сгруппировываясь вокругъ человѣческаго предка, были главнымъ факторомъ его эволюціи. Лазящія животныя, родственныя намъ по происхожденію, развивались очень долго и съ трудомъ приспособлялись къ лазанію по деревьямъ, одно паденіе съ которыхъ могло быть смертельнымъ. При такихъ условіяхъ самка едва ли вполнѣ успѣшно могла заботиться о потомствѣ, если бы самецъ не пріобрѣлъ

инстинкта къ ея охраненію. Съ этого момента механизмъ подбора глубоко измѣняется въ пользу группъ и въ ущербъ отдѣльнымъ индивидуумамъ, и между этими группами въ пользу наиболѣе устойчивыхъ. Результатомъ новыхъ условій этой эмбріональной соціальной среды являются специфическія приспособленія и измѣненія органовъ. Такъ выработались, напр., вторичные половые признаки: самецъ, какъ представитель грубой силы, сохранилъ прежнія формы, между тѣмъ какъ самка подъ его покровительствомъ получила болѣе смягченныя формы, слабыя скулы, менѣе развитыя височныя мышцы и вообще аспектъ, приближающійся къ особямъ послѣдующимъ періодовъ. Первичная коммунальная форма, возникшая послѣ того, какъ отдѣльныя группы увеличились численно и образовали примитивный кланъ, имѣла еще большее значеніе для прогрессивной эволюціи нашихъ предковъ. По мнѣнію Летурно, всѣ важныя пріобрѣтенія, способствовавшія образованію человѣческихъ чертъ, развились со времени происхожденія клана. Общественныя вліянія прежде всего сказываются на мозгѣ: мозговыя клѣтки дифференцируются, какъ мы видѣли, только во второмъ періодѣ онтогенеза въ зависимости отъ функціональныхъ вліяній, или воспитанія, понимаемаго въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова. Если припомнить, какую важную роль играетъ общественное тѣло въ воспитаніи индивидуума, то легко согласиться, что мозгъ прежде всего соціальный продуктъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ увеличенія его объема, увеличивается связь самихъ общественныхъ группъ и влечетъ за собой глубокія морфологическія измѣненія во всемъ организмѣ.

Въ связи съ прогрессомъ мозга стоитъ, между прочимъ, уменьшеніе жевательныхъ органовъ у человѣка. На челюсти нельзя смотрѣть, какъ на аппаратъ, исключительно приспособленный для перетиранія пищи. Назначеніе ихъ—служить также естественнымъ орудіемъ борьбы, очень страшнымъ, если вспомнить клыки гориллы, и способнымъ обезпечить побѣду своему господину пока борьба ведется на чисто индивидуальной почвѣ. Будучи одаренъ разумомъ—плодомъ развитого мозга, человѣкъ можетъ прибѣгнуть къ искуству и изобрѣсти болѣе совершенныя и удобныя орудія, благодаря чему значеніе челюстей постепенно уменьшается. Искусство и разумъ могутъ развиться только въ общественной средѣ, слѣдовательно, и атрофію челюстей должно считать, какъ и мозгъ, общественнымъ пріобрѣтеніемъ.

Какъ то, такъ и другое играетъ первостепенную роль въ вышеупомянутомъ соціальномъ подборѣ; при этомъ можно разсматривать два послѣдовательныхъ процесса — органическій и психическій. Первый будетъ имѣть мѣсто, когда индивидуумы, лишенные естественной самозащиты, должны волей-неволей прибѣгнуть къ защитѣ общества. Второй имѣетъ болѣе обширное примѣненіе и способенъ объяснить болѣе тонкія измѣненія. Его сущность основывается на тѣсной зависимости всѣхъ органовъ отъ центральной нервной системы. Измѣненія мозговыхъ центровъ въ сторону ихъ развитія тѣмъ легче, чѣмъ менѣе интенсивны возбужденія чисто органическаго происхожденія. Такимъ образомъ,

по мѣрѣ атрофированія челюстей, нервные центры получаютъ менѣе органическихъ возбужденій, и индивидуумъ становится болѣе общественнымъ, а, слѣдовательно, и болѣе способнымъ къ выживанію въ борьбѣ за существованіе.

Замѣчательно, что подобный соціальный подборъ легко констатировать на извѣстныхъ до-историческихъ расахъ. Неандертальская раса, несмотря на значительный объемъ мозговой коробки, обладаетъ еще грубыми животными чертами и крупной нижней челюстью, и эпоха Мустье характеризуется, какъ извѣстно, слабымъ развитіемъ цивилизаціи. Наоборотъ, Шанселадскій человѣкъ, достигшій болѣе высокаго общественнаго развитія въ Мадлэнскую эпоху (характеризующуюся удивительнымъ расцвѣтомъ графическихъ искусствъ и тонкой индустріей), имѣетъ высокій лобъ, изящное лицо, слабую челюсть. Несомнѣнно, что раса Шанселадъ состояла изъ индивидуумовъ, физически болѣе слабыхъ, чѣмъ Неандертальскій человѣкъ, и, однако, этотъ послѣдній принужденъ былъ уступить мѣсто индивидуумамъ болѣе общественнымъ.

Такова тѣсная связь морфологіи человѣческаго лица со степенью сплоченности и цивилизаціи человѣческихъ сообществъ. Общественная среда образуетъ у взрослаго цивилизованнаго индивида нѣчто въ родѣ предохранительной оболочки, позволяющей ему потерять естественное орудіе самозащиты, что влечетъ за собой, въ свою очередь, еще большее развитіе общественности. Открывъ въ общественной средѣ новый факторъ развитія и красоты человѣческаго лица, мы пришли къ той цѣли, которую поставили въ началѣ этой статьи. Эта красота не создана нашей фантазіей, она имѣетъ реальное объективное значеніе, потому что обязана своимъ происхожденіемъ наиболѣе высокимъ функціямъ человѣчества—нравственнымъ и общественнымъ.

Е. Луценко.

Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи.

(1. Dr. Karutz—Ein Beitrag zur Anthropologie des Ohres. „Arch. f. Anthrop". Bd. XXVI. 1900. 2. Prof. Holl—Ueber die Lage des Ohres. „Mittheil. der anthrop. Gesellsch. in Wien". Bd. XXIX, 1899)

Наружное ухо долго игнорировалось антропологами, и если въ послѣднее время на него обращено нѣсколько большее вниманіе, чѣмъ прежде, то надо признаться, что первый толчокъ данъ былъ въ этомъ направленіи не чистыми антропологами, а антропологами-криминалистами и психіатрами. Большое значеніе, приписываемое нѣкоторыми изслѣдователями т. наз. дегенеративному уху, вызвало споры, повѣрочныя изслѣдованія, и тутъ только впервые выступилъ вопросъ и о расовыхъ формахъ уха. Однимъ изъ авторовъ, начавшихъ болѣе систематическую разработку вопроса о наружномъ ухѣ въ антропологическомъ отношеніи, является проф. Schwalbe, указавшій новые пути и методы изученія вопроса. Вплоть до самаго послѣдняго времени его работы оставались

единственными въ своемъ родѣ. Приведенная въ заголовкѣ работа д-ра Karutz'a составляетъ болѣе расширенную и пополненную новѣйшими данными главу изъ большой монографіи того же автора: «Studien über die Form des Ohres», помѣщенной въ «Zeitschrift für Ohrenheilkunde», Bd. XXX—XXXI, и посвященной анатоміи, сравнительной анатоміи, физіологіи уха и разсматривающей затѣмъ ухо, какъ признакъ расовый, физіономическій и дегенеративный. Собравъ имѣющіяся на-лицо литературныя данныя и присоединивъ къ нимъ нѣкоторыя личныя наблюденія и изслѣдованія, Karutz оперируетъ, такимъ образомъ, надъ большимъ сравнительно матеріаломъ.

Останавливаясь, главнымъ образомъ, на цитированной въ заголовкѣ работѣ Karutz'a, мы только вкратцѣ упомянемъ о томъ, что авторъ очень скептически относится къ дегенеративнымъ формамъ уха, утверждая, что, благодаря ошибкамъ въ методахъ изслѣдованій, мы не имѣемъ до сихъ поръ ни одной статистики, которая позволила бы намъ сказать съ положительностью, что тѣ или другія формы наружнаго уха, порознь или въ совокупности, дѣйствительно встрѣчаются среди преступниковъ и душевно-больныхъ чаще, чѣмъ среди нормальнаго населенія, настолько, чтобы онѣ могли характеризовать упомянутыя группы людей и быть ихъ отличительными особенностями. Вопросы о физіономическомъ значеніи уха имѣютъ, конечно, только историческій интересъ. Интересенъ взглядъ Karutz'a на генезисъ формы человѣческаго уха. Еще Дарвинъ высказалъ предположеніе о томъ, что ухо человѣка представляетъ рудиментарный органъ. Schwalbe показалъ, какимъ образомъ происходилъ процессъ редукціи длиннаго остроконечнаго уха большинства животныхъ въ форму человѣческаго уха. Ближайшей причиной редукціи является ослабленіе мускулатуры уха, утрачивающаго свою подвижность; въ силу какихъ причинъ подвижность уха стала излишней,—вопросъ темный. Предположеніе Дарвина и другихъ авторовъ о замѣнѣ подвижности уха большей подвижностью головы, отчасти же объ излишности ея въ силу измѣнившихся условій жизни,—не удовлетворительно прежде всего уже потому, что оно основано на значеніи наружнаго уха, какъ аппарата по-преимуществу акустическаго. Но такая роль его далеко не доказана,—люди, лишенные наружнаго уха, слышатъ едва ли хуже другихъ; нѣтъ основаній предполагать значительное пониженіе слуха и у животныхъ, лишенныхъ уха по случайности или при экспериментѣ; многія животныя, лишенныя наружнаго уха, обладаютъ очень тонкимъ слухомъ и т. д. Основываясь на сравнительно-анатомическихъ данныхъ, Karutz высказываетъ предположеніе, что главнѣйшей функціей наружнаго уха является прикрытіе, защита глубже лежащаго собственно слухового аппарата, такъ какъ оно развилось изъ простѣйшихъ формъ, представляющихъ простую дупликатуру кожи въ видѣ прикрывающей ушное отверстіе заслоночки, снабженной поднимающей мышцей. Сильно развитая ушная раковина могла, конечно, нести попутно и акустическую службу, но эта послѣдняя не является главнымъ назначеніемъ наружнаго уха. Внутреннее ухо, соединенное у животныхъ съ внѣ-

шней средой прямымъ, не изогнутымъ каналомъ, у человѣка и обезьянъ оказывается помѣщеннымъ глубоко и хорошо, слѣдовательно, защищеннымъ,—отсюда ненужность наружнаго уха, какъ защитительнаго аппарата.

Значенiе формъ наружнаго уха, какъ расовыхъ признаковъ, Karutz вполнѣ признаетъ. Наибольшими абсолютными размѣрами длины (высоты) уха обладаютъ, повидимому, монгольскiя племена, за ними слѣдуютъ расы азiатскаго происхожденiя—т. наз. «желтокожiя» расы, урало-алтайскiя племена, потомъ—арiйцы (европейцы) и наименьшими ушами обладаютъ чернокожiе. Составленная авторомъ на основанiи литературныхъ данныхъ таблица средней длины уха располагается въ указанномъ порядкѣ съ нѣкоторыми, однако, исключенiями, зависящими какъ отъ недостаточнаго числа наблюденiй, такъ еще и оттого, что стройность ряда нарушается игнорированiемъ различiй въ ростѣ различныхъ племенъ. Karutz, изслѣдовавъ уши 300 взрослыхъ нѣмцевъ (преимущественно солдатъ), нашелъ, что отношенiе средней величины ихъ уха къ росту равно 1:26,5. Предѣлы какъ индивидуальныхъ, такъ и расовыхъ колебанiй довольно значительны; для излѣдованныхъ авторомъ нѣмцевъ они заключены въ предѣлахъ отъ 1:20 и до 1:34 и болѣе. Дѣля всѣ уши на двѣ группы: 1) съ отношенiемъ къ росту отъ 1:20 и до 1:26,9 и 2)—отъ 1:27 и выше, Karutz высчитываетъ процентъ всѣхъ наблюденiй, падающихъ на эти группы по различнымъ племенамъ, и даетъ слѣдующую таблицу:

	1:20—1:26,7 въ %	1:27—1:34 и выше въ %
Монголы	$88._{4}$	$11._{4}$
Американцы (1-я серiя)	$83._{8}$	$16._{0}$
Финны	$78._{3}$	$21._{3}$
Хамиты	$71._{0}$	$28._{3}$
Малайцы	$65._{3}$	$34._{4}$
Микронезiйцы	$63._{2}$	$36._{2}$
Арiйцы	$60._{0}$	$40._{0}$
Папуасы	$42._{9}$	$53._{4}$
Американцы (2-я серiя)	$36._{9}$	$62._{6}$
Австралiйцы	$33._{3}$	$66._{6}$
Полинезiйцы	$31._{7}$	$67._{9}$
Сингалезы	$16._{6}$	$83._{2}$
Негры	$12._{6}$	$86._{6}$
Нильскiе негры	$3._{7}$	$96._{2}$
Бушмены	0	$100._{0}$

Позволю прибавить отъ себя, что длина уха представляетъ, повидимому, очень постоянныя расовыя отношенiя, такъ какъ, судя по собраннымъ мною литературнымъ указанiямъ относительно смѣшанныхъ тюрко - монгольскихъ пле-

менъ [1]), большая длина уха совпадаетъ у нихъ съ большей примѣсью монгольской крови.

Ширина уха изслѣдована меньше и, будучи выраженной въ отношеніи къ длинѣ уха, колеблется у различныхъ расъ въ среднемъ въ предѣлахъ отъ 1:1,8 и до 1:1,6. Сопоставляя двѣ группы: 1) уши съ отношеніемъ ширины къ длинѣ въ 1:1,8 и болѣе, и 2)—съ отношеніемъ 1:1,7 и менѣе и высчитывая процентъ наблюденій, падающихъ на эти группы по различнымъ племенамъ, Karutz могъ составить слѣдующую таблицу:

	1:1,8 и болѣе въ %	1:1,7 и менѣе въ %
Хамиты	$83._{2}$	$16._{6}$
Монголы	$81._{9}$	$18._{0}$
Арійцы	$60._{1}$	$39._{6}$
Папуасы	$37._{5}$	$62._{5}$
Негры	$22._{2}$	$77._{3}$

У монголовъ, слѣдовательно, самое длинное и узкое ухо, у негровъ—самое короткое и широкое. Другихъ измѣреній уха авторъ почти не касается.

Расовыя измѣненія въ посадкѣ уха, формѣ отдѣльныхъ его частей и другіе описательные признаки наружнаго уха изучены слишкомъ еще мало и не систематически; большинство авторовъ ограничивается отдѣльными замѣчаніями общаго характера, не прибѣгая къ цифровымъ подсчетамъ. Сдѣлать какіе-либо выводы отсюда очень трудно. Многіе изслѣдователи указывали, напр., на далекое отстояніе уха, какъ на признакъ, характерный для монгольскихъ и тюркскихъ племенъ (Пржевальскій, Зеландъ и др.), но имѣющіяся цифровыя данныя не служатъ подтвержденіемъ этого положенія; такъ, Вайсенбергъ отмѣчаетъ далеко отстоящее ухо только у 16 изъ 64 изслѣдованныхъ имъ башкиръ, изъ 14 мещеряковъ—у 5; Эркертъ—у лезгинъ-кюринцевъ только 3 случая изъ 169, изъ другихъ 277 представителей лезгинскихъ племенъ — ни одного разу и т. д. Насоновъ, Гильченко, Зеландъ и др. авторы ставятъ отстояніе уха отъ черепа въ зависимость отъ способа ношенія головныхъ покрововъ. Karutz думаетъ, что далекое отстояніе уха не можетъ быть характернымъ для монголовъ уже по одному тому, что среди нихъ распространено повѣрье о счастьи обладателей отстоящаго уха, а такое повѣріе не могло бы возникнуть, если бы эта форма уха была слишкомъ распространенной. Азіатскимъ племенамъ часто приписывалась еще другая особенность въ строеніи уха, а именно приращенная мочка. Отдѣльныя цифровыя данныя показываютъ, однако, что и у азіатскихъ племенъ эта осо-

---

[1]) Въ невышедшей еще работѣ о наружномъ ухѣ великоруссовъ, доложенной въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн. 9 февраля 1899 г.

бенность распространена далеко не такъ сильно, да и среди многихъ европейскихъ группъ она отмѣчается въ 30—40% и выше. По А. Ивановскому характерна для «азіатскаго» уха особенная форма приращенной мочки (постепенно, подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ, переходящей въ кожу щеки), но Ивановскій не даетъ цифръ; вмѣстѣ съ тѣмъ среди европейцевъ эта форма не составляетъ исключенія: Gradenigo насчитываетъ ее для итальянцевъ у 5,2% м. и 2,6% ж., Vali для нѣмцевъ—5,6% у м. ее 8,8% у ж. и т. д. Hyrtl въ свое время указывалъ на недоразвитіе завитка у монголовъ и т. д.

Были также попытки опредѣлить нѣкоторыя особенности въ конфигураціи уха негровъ. Такъ, Fritsch приписываетъ имъ маленькую, слабо развитую мочку, Schwalbe, Schaeffer и др.—рѣдкость у нихъ рѣзко выраженныхъ формъ Дарвинова бугорка, другіе авторы—приращенную мочку и т. д. По новѣйшимъ данныымъ, Дарвиновъ бугорокъ встрѣчается, однако, не такъ уже рѣдко: Mense насчитываетъ его у 12 изъ 101 негровъ Конго. Равнымъ образомъ и приписываемое неграмъ хорошее развитіе helicis не составляетъ общаго правила; Döring видѣлъ 2 раза изъ 17 набл. у негровъ - того ухо съ незагнутымъ завиткомъ, Luschan изъ 76 негровъ отмѣчаетъ 6 случаевъ атипичныхъ формъ завитка и т. д. Нѣтъ, слѣдовательно, основаній ставить вопросъ—точно ли негры менѣе дегенерированы, чѣмъ мы—европейцы (дурное развитіе helicis, выраженный Дарвиновъ бугорокъ считаются многими авторами за признакъ дегенераціи). Несмотря на скудность и отрывочность данныхъ относительно описательныхъ признаковъ наружнаго уха, Karutz склоняется, однако, къ тому, что различія въ этомъ отношеніи между отдѣльными расами должны существовать, и вопросъ стóитъ того, чтобы къ нему относились съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Статья проф. Holl'я посвящена одной особенности уха, интересующей антропологовъ еще со времени работъ Hyrtl'я, Morton'а, а особенно Langer'а, а именно — высокому стоянію уха. На основаніи сохранившихся изображеній египетскихъ фараоновъ, нѣкоторые авторы считали этотъ признакъ характернымъ для древнихъ египтянъ, другіе изслѣдователи приписывали его евреямъ и т. д. Langer показалъ, однако, что высокое положеніе уха на изображеніи Рамзеса II имѣетъ вполнѣ условное значеніе могущества и власти, такъ какъ, съ одной стороны, далеко не всѣ египетскія изображенія отличаются тою же особенностью, съ другой же стороны—положеніе уха Рамзеса анатомически совершенно невозможно, и если стилизировать профиль лица Рамзеса и намѣтить соотвѣтственно мягкимъ частямъ абрисъ скелета лица, то восходящій отростокъ нижней челюсти получаетъ монструозные размѣры, равнымъ образомъ и скуловые отростки получаютъ совершенно не свойственный имъ наклонъ.

Holl начинаетъ свою статью съ общаго замѣчанія о необходимости судить о высотѣ постановки уха исключительно по положенію слухового отвер-

стія, а не по положенію верхняго и нижняго полюсовъ уха, какъ это дѣлаютъ иные авторы. Величина уха подвержена большимъ колебаніямъ, что даетъ поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Langer опредѣляетъ положеніе уха въ вертикальной плоскости такимъ образомъ: при установкѣ головы въ нѣмецкой горизонтали средина ушного отверстія должна приходиться на одномъ уровнѣ съ верхнимъ краемъ крыльевъ носа, другими словами—средина ушного отверстія, самая нижняя точка глазничнаго отверстія и верхній край крыльевъ носа лежатъ при всякихъ положеніяхъ головы на одной прямой линіи.

На изображеніи Рамзеса, какъ это видно изъ сдѣланнаго Langer'омъ рисунка, ушное отверстіе находится значительно выше уровня верхняго края крыльевъ носа (при положеніи въ нѣмецкой горизонтали), откуда Langer и дѣлаетъ выводъ объ аномально высокомъ положеніи уха на изображеніи Рамзеса. Соглашаясь съ аномальностью и условностью изображенія Рамзеса, Holl замѣчаетъ, однако, что, въ сущности говоря, положеніе уха Рамзеса правильно, но на изображеніи аномально высока верхняя часть лица въ ущербъ нижней его части, аномалія же въ положеніи уха только кажущаяся. Въ подтвержденіе своихъ словъ Holl приводитъ сравнительныя опредѣленія высотъ надъ уровнемъ пола — корня носа, носовой перегородки, щели губъ, подбородочной точки и ушного отверстія у изображенія Рамзеса, муміи изъ Ѳивъ (по Langer'у), у нѣкоторыхъ другихъ египетскихъ и греческихъ статуй и рисунковъ, у новорожденнаго ребенка, у старика и у представителей различныхъ типовъ лица (лепто-хамэпрозоповъ), изученныхъ авторомъ раньше (Holl—Ueber Gesichtsbildung. «Mittheil. der anthr. Gesellsch. in Wien», XXVIII, 1898). Положеніе ушного отверстія оказывается какъ у Рамзеса, такъ и у большинства изслѣдованныхъ лицъ и изображеній приблизительно однимъ и тѣмъ же, а именно—оно лежитъ приблизительно на уровнѣ границы между верхней и второй четвертью высоты всего лица (немного ниже этой границы у хамэпрозоповъ, немного выше у лептопрозоповъ и у Рамзеса). Исключеніе составляютъ новорожденный младенецъ и беззубый старикъ, у которыхъ (вслѣдствіе слабаго развитія челюстей) точка прикрѣпленія уха понижается приблизительно до средины второй четверти всей высоты лица. Приравнивая эту послѣднюю къ 1000 и выражая отдѣльныя части лица въ доляхъ послѣдней, можно видѣть рѣзкое различе въ отношеніяхъ верхнихъ и нижнихъ частей лица между нормальными субъектами съ одной и Рамзесомъ вмѣстѣ съ старикомъ и новорожденнымъ съ другой стороны. Такъ, величина носа у нормальныхъ субъектовъ съ различными типами строенія лица колеблется отъ 420 (лептопрозопы) и до 469 (гипер-хамэпрозопы), у Рамзеса же—558, у старика—594, у новорожденнаго—542. Высота же верхней губы, равно какъ и высота нижней челюсти представляютъ у Рамзеса, новорожденнаго и старика, наоборотъ, значительно меньшее развитіе, чѣмъ у нормальныхъ людей. Отсюда авторъ дѣлаетъ выводы: 1) ушное отверстіе занимаетъ у представителей различныхъ людскихъ типовъ

(и расъ), равно какъ и на большинствѣ художественныхъ античныхъ произведеній довольно опредѣленное положеніе, колеблющееся въ небольшихъ сравнительно границахъ; 2) на изображеніяхъ Рамзеса, Сети и нѣкоторыхъ другихъ фараоновъ, равно какъ и на нѣкоторыхъ изъ греческихъ статуй художники правильно уловили положеніе наружнаго уха; кажущееся же высокое его положеніе зависитъ отъ того, что художники полусознательно, полубезсознательно нарушали обычныя пропорціи лица, удлиняя верхнюю его часть въ ущербъ нижней и придавая тѣмъ изображаемымъ ими лицамъ характеръ старческихъ или дѣтскихъ лицъ; 3) при такихъ условіяхъ становится понятнымъ аллегорическое значеніе допускаемыхъ художниками диспропорцій: сильнымъ мужамъ придается характеръ дѣтской живости, смѣлости и чистоты, характеръ вѣчной юности; 4) въ измѣненіяхъ взаимоотношеній частей лица и въ связанныхъ съ ними кажущихся передвиженій уха то болѣе кверху, то болѣе книзу сказываются больше всего возрастныя отличія, расовое же ихъ значеніе можетъ быть признано постольку, поскольку отдѣльныя расы разнятся между собою по формѣ лица (по величинамъ лицевого указателя).

Извлекаемъ въ заключеніе главнѣйшія цифры проф. Holl'я, иллюстрирующія существующія отношенія.

Высоты въ вертикальной проэкціи при длинѣ лица = 1000.	Гипер-хамэпрозопы	Хамэпрозопы.	Гипо-хамэпрозопы	Ортопрозопы.	Гипо-лептопрозопы.	Лептопрозопы.	Гипер-лептопрозопы.	Черепъ муміи изъ Өивъ.	Рамзесъ II.	Беззубый старикъ.	Новорожд. младенецъ.
Высота всего лица	00	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
„ носа.	469	466	444	427	420	430	424	413	558	594	542
„ верхней губы . .	216	213	226	232	240	237	232	293	135	128	157
„ отъ нижней губы до конца подбородка . .	348	322	333	340	338	339	343	293	308	277	300

В. В. Воробьевъ.

Формы колыбелей и ихъ развитіе.

(Dr. R. Karutz—Ursprung und Formen der Wiege. „Globus“, 1899, № 15).

Дѣтская колыбель, еще такъ недавно являвшаяся принадлежностью всякой семьи безъ различія состояній, близка въ настоящее время къ окончательному исчезновенію. Любопытно прослѣдить постепенное совершенствованіе ея формъ, кончая современными дѣтскими колясками и корзинками.

Во время возникновенія общественной жизни безпокойныя условія перекочевокъ не могли, конечно, не отражаться и на судьбѣ новорожденнаго младенца; мать волей-неволей должна была всюду носить съ собою своего ребенка, совершая съ нимъ нерѣдко очень длинные и утомительные переходы. Ребенокъ при этомъ висѣлъ на шеѣ или на спинѣ матери, какъ это до сихъ поръ практикуется у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, а также у индѣйцевъ Гвіаны и ботукудовъ, либо сидѣлъ у нея на плечахъ, какъ это можно наблюдать теперь у туземцевъ Южн. Австраліи, у восточно-африканскихъ негровъ и у феллаховъ, или, наконецъ, онъ обхватывалъ ногами бедра матери,—способъ переноски, встрѣчающійся у кафровъ, у жителей Филиппинскихъ островов и Самоа. Такъ какъ при этихъ переходахъ женщинѣ приходилось нести на себѣ, кромѣ ребенка, еще и поклажу, то естественно должна была явиться мысль о какихъ-либо приспособленіяхъ для облегченія ноши. Отсюда ведутъ свое начало всевозможные виды дѣтскихъ носилокъ, матеріалъ, форма и конструкція которыхъ у различныхъ племенъ весьма различны. Австралійцамъ, напр., для этой цѣли служитъ древесная кора, кожа кенгуру или опоссума, а также тростниковыя плетушки; кожанные мѣшки и тростниковыя корзины употребляютъ и бедуины, калмыки, курды, которые при переѣздахъ кладутъ дѣтей передъ собою на лошади, и якуты, прикрѣпляющіе ихъ по бокамъ оленей. Чукчи, камчадалы и эскимосы, напротивъ, никогда не носятъ дѣтей въ открытыхъ колыбеляхъ, а помѣщаютъ ихъ въ теплый капюшонъ материнскаго мѣхового плаща. У остяковъ встрѣчаются два вида колыбели: одна, поменьше, дѣлается изъ березовой коры и носится матерью на шеѣ, другая, побольше, въ которой ребенокъ можетъ не только лежать, но и сидѣть, прикрѣпляется къ спинѣ. У кафровъ колыбель дѣлается изъ кожи антилопы, мѣхомъ внутрь, и достигаетъ въ длину до $^3/_4$ метра; сверху она можетъ быть стянута ремнемъ, а книзу всегда суживается, чѣмъ предупреждается возможность выпаденія изъ нея ребенка; четыре длинныхъ ремня прикрѣпляютъ ее къ спинѣ матери. Въ особенности разнообразны по формѣ и матеріалу дѣтскія носилки у сѣв.-американскихъ индѣйскихъ племенъ. Команчи, напр., свертываютъ въ видѣ конуса треугольный кусокъ медвѣжьей шкуры, старательно связываютъ свободные края накрестъ переплетающимися ремешками, а нижній конецъ наглухо зашиваютъ. Колыбель атапасковъ состоитъ изъ трехъ частей - крышки, дна и широкихъ боковыхъ стѣнокъ, скрѣпленныхъ между собою ивовыми прутьями; украшенная разноцвѣтными ракушками, верхняя часть для большей твердости и устойчивости дѣлается иногда изъ кусковъ березовой коры, сложенныхъ вдвое; такое приспособленіе для защиты головы ребенка вообще характерно для сѣв.-американскихъ индѣйцевъ и дѣлается обыкновенно либо изъ коры, либо изъ кожи, либо изъ древесныхъ или ивовыхъ прутьевъ, либо даже просто изъ тростника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта головная покрышка служитъ и другому назначенію—сплющивать черепъ ребенка. Часто при этомъ колыбель представляетъ простую доску, въ серединѣ выдолбленную, чтобы крѣпче можно было привязать къ ней

ребенка; въ головахъ прикрѣпляется твердая волосяная подушка, которая крѣпко придавливается къ доскѣ ремнями и плотно такимъ образомъ нажимаетъ на лобную часть черепа. Подобная операція продолжается отъ одного мѣсяца до цѣлаго года, смотря по степени желательнаго сплющиванія лба. Кромѣ такихъ головныхъ покрышекъ, у всѣхъ сѣв.-американскихъ носилокъ имѣются еще мягкія подстилки, приготовляемыя изъ шерсти, волоса, нарѣзанныхъ кусковъ коры или изъ перьевъ. Третьимъ ихъ отличительнымъ признакомъ служитъ положеніе ребенка, который помѣщается спиной къ спинѣ матери, и такимъ образомъ лицо его обращено назадъ, въ то время какъ у большей части другихъ народностей ребенокъ смотритъ всегда впередъ, черезъ плечи матери. У осѣдлыхъ племенъ главнымъ мотивомъ, вліяющимъ на развитіе и измѣненіе дѣтскихъ носилокъ, является необходимость для женщины работать внѣ дома и брать при этомъ ребенка съ собою. Въ Африкѣ, напр., женщины повсюду носятъ своихъ дѣтей на полевыя работы на спинѣ, либо привязывая ихъ кусками хлопчатобумажной ткани, либо помѣщая ихъ въ складкахъ плаща или кожанаго передника. Если въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ формы колыбели и ихъ видоизмѣненіе обусловливались необходимостью для матери брать ребенка съ собою всюду, даже на сравнительно большія разстоянія, то въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ при устройствѣ колыбели преслѣдовались противоположныя цѣли — сдѣлать ее болѣе удобной для дома (во время сна ночью) или для остановокъ въ пути. Въ тропическихъ странахъ, напр., ребенка кладутъ просто на голую землю, въ лучшемъ случаѣ употребляя при этомъ рогожную или даже травяную подстилку. Въ Малой Азіи и до сихъ поръ, какъ во времена Рождества Христова, ребенку служатъ постелью ясли домашнихъ животныхъ, ютящихся обыкновенно въ жилыхъ помѣщеніяхъ вмѣстѣ съ людьми. У нѣкоторыхъ сѣв.-американскихъ племенъ дѣтская колыбель съ крѣпко привязаннымъ къ ней младенцемъ стоймя прислоняется къ стѣнѣ. Иногда колыбели устраиваются такимъ образомъ, чтобы ихъ удобно было и держать въ рукахъ и, въ случаѣ надобности, можно было бы повѣсить на стропило хижины или на сукѣ дерева. Самый простой видъ такой колыбели встрѣчается у готтентотовъ, которые обыкновенно сдираютъ баранью шкуру такимъ образомъ, чтобы куски кожи, содранные съ ногъ, образовали нѣчто въ родѣ ремней, на которыхъ такая примитивная колыбель и подвѣшивается къ какому-нибудь суку дерева. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи это будутъ всевозможныхъ видовъ корзинки, мѣшки, сѣтки, а также и подвѣсныя койки южно-американскихъ индѣйцевъ. У лапландцевъ встрѣчаются колыбели двухъ родовъ: однѣ болѣе новаго происхожденія изъ оленьей шкуры, другія — болѣе древнія. Послѣднія состоятъ изъ выдолбленнаго, въ видѣ корыта, куска дерева, на обоихъ концахъ слегка заостреннаго и сверху затянутаго кожей; внутри такая колыбель обыкновенно набивается волосомъ, а съ боковъ для теплоты выстилается шкурой; сравнительно узкое отверстіе, черезъ которое кладутъ ребенка, затягивается какъ бы ременной рѣшоткой. Не менѣе примитивнымъ устройствомъ отличается колыбель и у норвежскихъ крестьянъ,

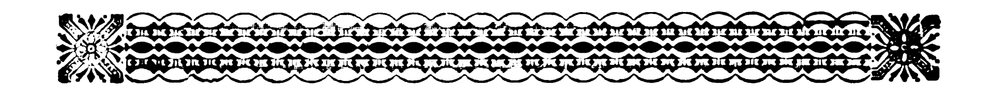
гдѣ она представляетъ собою просто кусокъ овечьей шкуры, крѣпкими ремнями подвѣшенный къ стропиламъ или балкамъ хижины. Точно также у шведовъ, по крайней мѣрѣ въ прежнія времена, просто-напросто къ концу балки привѣшивали подушку съ привязаннымъ къ ней ребенкомъ, что и служило импровизованной колыбелью. Въ настоящее время повсюду въ Европѣ и даже на Востокѣ въ употребленіи колыбели на гнутыхъ полозьяхъ, къ которымъ иногда еще и теперь, въ видѣ переживанія, ребенокъ на-крѣпко привязывается, какъ нѣкогда при переносныхъ носилкахъ.

И. Силиничъ.

Фамильные типы и фамильное сходство.

Графъ Th. Zichy, владѣлецъ богатаго собранія (болѣе 4.000) фамильныхъ портретовъ царствующихъ домовъ Европы, на основаніи изученія этой коллекціи, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно наслѣдственной передачи физическихъ признаковъ: 1) почти каждый человѣкъ имѣетъ тѣ или иныя черты кого-либо изъ своихъ не особенно отдаленныхъ предковъ; изъ массы портретовъ мы всегда въ состояніи выдѣлить по сходнымъ чертамъ портреты родственниковъ; 2) передача въ мужскомъ поколѣніи господствующаго фамильнаго типа у нѣкоторыхъ фамилій, безспорно, существуетъ (Габсбурги), но она не является общимъ правиломъ; 3) между братьями и сестрами сходство наблюдается очень часто, но, по большей части, только въ юности; 4) сходство между родителями и дѣтьми точно также рѣзче всего выражено на юношескихъ портретахъ; 5) часто у отдѣльныхъ лицъ можно встрѣтить рѣзко бросающееся въ глаза сходство съ отдаленными прародителями; 6) нельзя утвержать, что отцы передаютъ дѣтямъ больше физическихъ чертъ, нежели матери («Corr.-Blatt d. Deutsch. anthropol. Gesell»).

Критика и библіографія.

William Z. Ripley. The Races of Europe. A Sociological Study. London. 1900. IX+624+160 стр. (Вильямъ Риплей. Европейскія расы).

Сочиненіе Риплея было вызвано курсомъ лекцій по «физической географіи и антропологіи», читанныхъ имъ въ Школѣ политическихъ наукъ университета Колумбіи (School of political Science of Columbia University) въ Нью-Іоркѣ, передъ Лауэльскимъ институтомъ (Lowell Institute) въ 1896 г. «Первоначально,—говоритъ авторъ во введеніи,—курсъ этотъ имѣлъ въ виду изученіе примитивныхъ обществъ и культуръ, анализъ отношеній первобытнаго человѣка къ окружающей его природной средѣ. Но постепенно, по мѣрѣ того какъ возрастало сознаніе неподозрѣвавшагося ранѣе богатства накопившихся въ литературѣ данныхъ, онъ расширялся, особенно вдоль линій бóльшаго сопротивленія, сосредоточивавшихъ на себѣ усиленное вниманіе, т.-е. на Европѣ,—континентѣ, гдѣ соціальныя явленія достигли своего высшаго и наиболѣе сложнаго развитія. Заключая въ себѣ мало такого, что могло бы быть названо оригинальнымъ въ строгомъ смыслѣ слова, настоящій курсъ представляетъ собою только добросовѣстную попытку сводки, иллюстраціи и истолкованія обширной массы матеріала, собраннаго въ теченіе многихъ лѣтъ терпѣливыми наблюдателями во всѣхъ частяхъ Европы—относительно первичной фазы человѣческой ассоціаціи, именно расы или физическаго сродства». Авторомъ составлена обширная антропологическая библіографія (приложенная къ настоящему сочиненію), причемъ имъ приняты были мѣры къ полученію массы книгъ и брошюръ на иностранныхъ языкахъ (въ томъ числѣ и на славянскомъ, до 300 названій) для общественной библіотеки г. Бостона, гдѣ авторъ и воспользовался многими изъ нихъ при содѣйствіи знающихъ соотвѣтственные языки лицъ. Особое вниманіе автора было обращено на иллюстрацію текста книги картами (картограммами) и портретами. Карты (напр., распредѣленія роста, цвѣтности волосъ и глазъ, головного показателя и др.) воспроизводились по имѣющимся въ литературѣ, но съ нѣкоторыми ихъ измѣненіями, въ цѣляхъ сохраненія по возможности всюду одинаковаго принципа въ распредѣленіи оттѣнковъ тушовки, въ числѣ категорій и т. д. Типичные расовые портреты выбирались изъ многихъ коллекцій на основаніи указаній и совѣтовъ спеціально знакомыхъ съ различными народностями лицъ. Отдѣльныя главы сочиненія, по мѣрѣ ихъ обработки, помѣщались въ американскихъ журналахъ (особенно въ «Appleton Science Monthly») и теперь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ составили отдѣльную большую книгу.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ 21 главу. Изъ нихъ первыя двѣ посвящены общимъ вопросамъ о расѣ, средѣ, языкѣ, національности, а также о характерѣ имѣющихся для Европы антропометрическихъ данныхъ; III глава говоритъ о формахъ головы и о распредѣленіи ихъ въ Европѣ, IV—о цвѣтности волосъ и глазъ, V—о величинѣ роста. Въ VI главѣ характеризуются три главныхъ, принимаемыхъ авторомъ, европейскихъ расы, а въ VII—разсматривается ихъ распространеніе во Франціи и Бельгіи. Слѣдующія главы посвящены: VIII—баскамъ, IX—тевтонской расѣ, Скандинавіи и Германіи, X—средиземной расѣ (въ Италіи, Испаніи, Африкѣ), XI—расѣ альпійской (въ Швейцаріи, Тиролѣ и Нидерландахъ), XII—Великобританіи и иберійскимъ въ ней элементамъ, XIII глава озаглавлена «Россія и славяне»; въ ней говорится о типѣ современнаго и древняго (курганнаго) русскаго и славянскаго черепа и о типѣ финновъ. Въ XIV главѣ разбирается типъ евреевъ, а также и вообще семитовъ и армянъ; въ XV—разсматривается «Восточная Европа: греки, турки, славяне, венгерцы и румыны»; въ XVI—«Западная Азія: Кавказъ, Малая Азія, Персія и Индія». XVII и XVIII главы посвящены вопросамъ о происхожденіи европейскаго населенія, о расѣ и языкѣ, въ частности — объ арійцахъ. Авторъ объясняетъ образованіе бѣлокураго и длинноголоваго тевтонскаго типа—вліяніемъ климата и искусственнымъ отборомъ изъ примитивнаго длинноголоваго типа каменнаго вѣка. Эта тевтонская раса наслоилась на альпійскую, а та, въ свою очередь, на средиземную; послѣдняя была древнѣйшею, африканскаго происхожденія, а альпійская, повидимому, азіатскаго. Вопросъ о происхожденіи европейскаго населенія разбирается еще и съ точки зрѣнія доисторической археологіи. Носители Гальштаттской культуры начала желѣзнаго вѣка относились, по мнѣнію автора, вѣроятно, къ средиземной расѣ. Въ XIX и XX главахъ авторъ касается «соціальныхъ проблемъ», иллюстрируетъ нѣкоторые факты соціальной географіи во Франціи, Англіи, Италіи (самоубійство, распредѣленіе интеллектуальности, литературной производительности, политическихъ партій и т. д.), говоритъ о развитіи городскихъ центровъ на счетъ деревенскихъ и объ антропологическихъ особенностяхъ городского населенія и, наконецъ, въ XXI главѣ, касается вопросовъ объ акклиматизаціи и о будущности европейскихъ расъ.

Текстъ иллюстрированъ 222 портретами, заимствованными изъ разныхъ сочиненій или изъ частныхъ коллекцій фотографій, и 86 картами и діаграммами. Въ общемъ, трудъ В. Риплея заслуживаетъ, конечно, болѣе обстоятельнаго анализа и критики, но покуда мы позволяемъ себѣ только отмѣтить его появленіе рядомъ съ трудами Деникера и Серджи, какъ посвященнаго тому же вопросу о расовыхъ типахъ Европы.

Д. Анучинъ.

J. Deniker. The Races of Man. An Outline of Anthropology and Ethnography. With 176 ill. and 2 maps. L. 1900. (Деникеръ. Расы человѣка. Очеркъ антропологіи и этнологіи, съ 176 рис. и 2 картами, 610 стр.).

Д-ръ Деникеръ, библіотекарь Парижскаго музея Естественной Исторіи, давно уже получилъ извѣстность своими антропологическими работами. Ему приходилось не разъ изучать живыхъ представителей многихъ расъ; онъ производилъ также неоднократно изслѣдованія надъ мертвымъ матеріаломъ въ

музеяхъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ работалъ въ редакціи большого географическаго словаря, изд. подъ ред. Русслэ, Ашстомъ, а также въ редакціи журнала „L'Anthropologie“ и др. Въ компетентности г. Деникера къ составленію общаго обзора расъ нельзя было, конечно, сомнѣваться (имъ уже ранѣе была опубликована оригинальная детальная классификація человѣческихъ породъ); тѣмъ не менѣе, появившійся недавно въ англійскомъ изданіи (въ The Contemporary Science Series) очеркъ антропологіи и этнографіи выставляетъ автора выдающимся знатокомъ не только въ области физической антропологіи, но и общей этнологіи или исторіи первобытной культуры, а также и спеціальнаго народовѣдѣнія. Предназначенная для публики, „для всѣхъ, кто желаетъ по возможности скорѣе получить общія свѣдѣнія по этнографіи“, книга г. Деникера представляетъ интересъ и для спеціалистовъ умѣлымъ распредѣленіемъ фактовъ, оригинальностью нѣкоторыхъ объясненій, указаніемъ главнѣйшей литературы, сводками многочисленныхъ антропометрическихъ таблицъ, наконецъ, подборомъ рисунковъ, большей частью съ оригинальныхъ фотографій. Послѣ введенія („этническія группы и зоологическіе виды“) слѣдуютъ три главы, посвященныя разсмотрѣнію физическихъ признаковъ человѣка. Сперва поясняется тѣлесное отличіе человѣка отъ обезьянъ, затѣмъ разсматриваются морфологическіе признаки расъ (различія роста, накожные покровы, пигментація, варіаціи въ формѣ черепа и строеніи костяка, пропорціи тѣла живого человѣка, внутренніе органы) и, наконецъ, физіологическіе и патологическіе признаки. Весь этотъ отдѣлъ занимаетъ 122 страницы. Слѣдующія четыре главы посвящены этническимъ признакамъ,—лингвистическимъ и соціологическимъ. Въ главѣ о лингвистическихъ признакахъ разсматривается языкъ жестовъ, пиктографія и исторія эволюціи письма; въ главѣ о соціологическихъ—„матеріальная“, „психическая“, „семейная“ и „общественная“ жизнь. Въ „матеріальной жизни“ разсматриваются: питаніе (между прочимъ геофагія, антропофагія; различные способы добыванія огня; эволюція посуды и пр.); жилища (постоянныя и переносныя, селенія; освѣщеніе и топка); одежда (стыдъ наготы; украшенія ранѣе одежды; первичные элементы костюма; этническія самоуродованія и пр.); способы существованія (примитивныя орудія охоты, земледѣліе, прирученіе животныхъ). Въ главѣ о психической жизни удѣлено мѣсто: играмъ и забавамъ, представленіямъ и маскамъ; графическимъ искусствамъ и орнаменту; пляскѣ, музыкѣ, поэзіи; религіи—анимизму, фетишизму, политеизму, обрядамъ, миѳамъ и т. д Главы о семейной и общественной жизни даютъ понятіе о существующихъ теоріяхъ первобытнаго гетеризма, матріархата и т. д.,—о различныхъ формахъ брака и его обрядности; о положеніи дѣтей и стариковъ; о погребальныхъ обрядахъ и траурѣ; о примитивной экономической и соціальной организаціи; о взаимныхъ отношеніяхъ между народами, войнѣ, оружіи, торговлѣ; о способахъ передвиженія и т. д... Изложеніе, конечно, очень сжатое и краткое, всего на 157 стр., но оно сообщаетъ все-таки главныя данныя, а въ литературныхъ ссылкахъ—указываетъ и на способы къ пополненію этихъ данныхъ. Распредѣленіе содержанія нѣсколько своеобразно; такъ, напр., погребальные обряды мы бы отнесли скорѣе къ „религіи“, чѣмъ къ „общественной жизни“; „оружіе“ могло бы разсматриваться рядомъ съ „орудіемъ“—въ „матеріальной культурѣ“ и т. д. Большая половина книги посвящена „классификаціи расъ и народовъ“. Опредѣляя „расы“ по тѣлеснымъ признакамъ, авторъ доказываетъ, что для классификаціи народовъ необходимо пользоваться этническими признаками (лингвистическими и соціологическими), особенно же „географическимъ распредѣленіемъ“.

Авторъ принимаетъ 29 расъ и рядъ этническихъ группъ въ каждой части свѣта. Прежде всего разсматриваются расы и народы Европы, причемъ разбираются вопросы о до-историческихъ расахъ, типахъ Спи и Шанселадъ, вопросъ объ арійцахъ и т. д.; затѣмъ дается характеристика шести основнымъ и четыремъ второстепеннымъ расамъ, принимаемымъ для этой части свѣта г. Деникеромъ, и приводится обзоръ современныхъ народовъ—арійскихъ, неарійскихъ и кавказскихъ. Слѣдующая глава, посвященная расамъ и народамъ Азіи, начинается, съ до-исторической эпохи и съ ископаемой формы Pithecanthropus erectus. Затѣмъ разсматриваются современныя расы (смѣшиваемыя, впрочемъ, отчасти съ этническими группами, а отчасти и произвольно соединяемыя, напр., иранцы съ семитами, всѣ народы Индіи и т. п.); ихъ принимается шесть. Подобнымъ же образомъ разсматриваются этническія группы Африки (8), Океаніи (4 группы: 1) австралійцы, 2) народы Малайскаго архипелага, 3) меланезійцы; 4) полинезійцы) и Америки (3 группы въ сѣверной и 4 въ южной Америкѣ). Въ концѣ имѣются приложенія, именно списки антропометрическихъ измѣреній, распредѣленныхъ по этническимъ группамъ и съ указаніемъ числа особей въ каждой серіи и среднихъ величинъ; такихъ списковъ три: для величины роста (287 серій), для головного показателя (336 серій), для носового показателя у живыхъ субъектовъ (71 серія). Книга снабжена алфавитными указателями авторовъ и предметовъ, и, принимая особенно во вниманіе небольшую цѣну (6 шиллинговъ въ переплетѣ), можетъ быть смѣло рекомендуема всѣмъ интересующимся антропологіей и народовѣдѣніемъ. Было бы желательно видѣть ее и въ русскомъ переводѣ.

Д. Анучинъ.

G. Sergi. Specie e varietà umane. Saggio di una sistematica antropologica. Torino. 1900. (Серджи, Человѣческіе виды и разновидности; опытъ антропологической систематики).

Проф. Серджи еще въ 1891 г. выступилъ съ своимъ методомъ классификаціи череповъ по ихъ формамъ, преимущественно въ norma verticalis. Онъ примѣнилъ затѣмъ этотъ методъ къ варіаціямъ формы на черепахъ Меланезіи, африканскихъ и американскихъ, Сициліи и Сардиніи, Россіи (по наблюденіямъ въ 1892 г. въ Московскомъ Антропологическомъ музеѣ) и т. д., а въ 1893 г. напечаталъ статью объ общихъ принципахъ своего метода (Le varietà umane. Metodoe classificazione, съ рис.), которая была переведена и на нѣмецкій языкъ (въ XXI т. «Archiv für Anthropologie»). Методъ этотъ вызвалъ различное къ нему отношеніе; въ Италіи, особенно представители флорентійской школы, Мантегацца и Регалія, отнеслись къ нему съ ироніей и насмѣшкой; во Франціи его игнорируютъ; въ Германіи ученые проявили выжидательное къ нему отношеніе; Вирховъ призналъ, что новый методъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и провѣрки, а Швальбе замѣтилъ, что методъ этотъ только тогда можетъ получить значеніе, когда будутъ установлены точные способы пользованія имъ и числовыя величины съ ихъ колебаніями для различныхъ формъ. Мало-по-малу, однако, у Серджи явились и послѣдователи, сперва въ Италіи, а затѣмъ и въ Германіи; его брошюра была издана на англійскомъ языкѣ Смитсоніевскимъ институтомъ въ Вашингтонѣ. Въ Италіи появилось нѣсколько краніологическихъ работъ, исполненныхъ съ этимъ ме-

тодомъ. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія, конечно, работы самого Серджи. Самая интересная изъ нихъ—это: «Происхожденіе и распространеніе Средиземной расы» (точнѣе—«вѣтви», по-итальянски «Origine e diffusione della stirpe Mediterranea». Roma. 1895), въ нѣмецкомъ переводѣ: «Ursprung und Verbreitung des Mittelländischen Stammes», L. 1897. На основаніи просмотра многихъ сотенъ египетскихъ, греческихъ, итальянскихъ и другихъ южно-европейскихъ, сѣверно-европейскихъ и сиро-малоазійскихъ древнихъ и современныхъ череповъ, авторъ устанавливаетъ нѣкоторые преобладающіе въ нихъ типы, прослѣживаетъ ихъ распространеніе въ различныхъ областяхъ и приходитъ къ выводу, что эта раса образовалась въ тропической восточной Африкѣ, въ области великихъ озеръ и истоковъ Нила (можетъ-быть, прародичи ея перешли туда въ доисторическія времена изъ Аравіи) и распространилась затѣмъ въ Египетъ, сѣверную Африку, въ Сирію (хеттэи, пелазги), Малую Азію, отсюда и изъ Африки на Балканскій полуостровъ и на берега Чернаго моря (пелазги), изъ Африки же въ Сицилію, Сардинію, на Апеннинскій полуо-въ (пелазги, этруски), наконецъ, изъ сѣв. же Африки въ Испанію, зап. Францію, Англію и Ирландію (иберы). Эта долихоцефальная, темноволосая, средне- или низкорослая раса подверглась въ Европѣ послѣдующему наслоенію арійской расы, которую Серджи представляетъ себѣ въ видѣ высокорослыхъ и свѣтловолосыхъ брахицефаловъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ другими изслѣдователями, которые считаютъ арійцевъ, наоборотъ, долихоцефалами.

Въ новомъ своемъ сочиненіи Серджи излагаетъ исторію своего метода и устанавливаетъ подробно его основы, иллюстрируя ихъ многочисленными рисунками (изображеніями череповъ и портретами). По мнѣнію Серджи, главные признаки расъ должны устанавливаться на различіяхъ въ формѣ мозгового черепа; различія въ формѣ лица, въ цвѣтѣ кожи, въ формѣ и цвѣтѣ волосъ, въ размѣрахъ роста—должны служить для вторичныхъ подраздѣленій. Главныхъ формъ черепа авторъ принимаетъ теперь 9, придавая имъ значеніе какъ-бы видовъ или даже родовъ. Это именно формы: 1) Ellipsoides, 2) Ooides, 3) Pentagonoides, 4) Rhomboides, 5) Beloides, 6) Cuboides, 7) Sphenoides, 8) Sphaeroides и 9) Platycephalus. Первыя пять – формы по преимуществу долихоцефальныя; остальныя—брахицефальныя. Каждый видъ раздѣляется еще на подвиды, напр. Ooides byrsoides, O. latus, O. planus, O. longissimus, Ellipsoides depressus, embolicus, cuneatus и т. д. Въ населеніи Европы и хамитической Африки авторъ могъ различить покуда 6 формъ лица: 1) Ellipsoidale, 2) Ovoidale, 3) Triangolare, 4) Tetragonale, 5) Orbicolare и 6) Pentagonale. Далѣе Серджи разбираетъ элементы, изъ которыхъ составляется лицо: скулы, верхнюю челюсть, носовыя кости, грушевидное отверстіе, костное небо, нижнюю челюсть, и говоритъ о величинѣ и развитіи лицевого черепа, устанавливая разные термины для степеней развитія его въ ширину и въ вышину, напр. для развитія въ скулахъ: Ipereuriziphia, Euriziphia, Mesoziphia, Stenoziphia, Iperstenoziphia, и опредѣляя для нихъ числовыя величины, отдѣльно для двухъ половъ. Въ концѣ книги приложены статьи: 1) О нѣкоторыхъ аномаліяхъ челов. черепа, 2) О древнѣйшихъ обитателяхъ Европы. Примѣненіе метода, и 3) Нормы для антропологическихъ изслѣдованій (указаніе обычныхъ размѣровъ, показателей и т. п.). Книга иллюстрирована 188 политипажами въ текстѣ и представляетъ, во всякомъ случаѣ, большой интересъ, какъ продуктъ оригинальной мысли, развитой совершенно самостоятельно. Что во взглядахъ автора есть увлеченія, что методъ его далеко не такъ точенъ, какъ это ему кажется, что мнѣніе относительно этого метода проф. Швальбе

нельзя не признать справедливымъ,—во всемъ этомъ едва ли можно сомнѣваться, но все это не лишаетъ еще черепныхъ формъ Серджи ихъ значенія и интереса. Различныя формы, имъ установленныя, несомнѣнно, существуютъ; необходимо только установить точнѣе ихъ признаки и предѣлы, найти имъ подходящія числовыя выраженія, подвергнуть ихъ болѣе обстоятельному и детальному анализу, постараться придать большую точность самому способу ихъ опредѣленія. Но все это будетъ уже улучшеніемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же принциповъ.

Д. Анучинъ.

J. Deniker. Les races de l'Europe. I. L'indice cephalique en Europe. Paris. 1899.

Въ названной книжкѣ Deniker'а рѣчь идетъ объ одномъ только головномъ указателѣ; сводъ данныхъ о другихъ важнѣйшихъ антропологическихъ признакахъ обѣщанъ авторомъ въ будущемъ. Несмотря на небольшой объемъ, книжка представляетъ колоссальный трудъ, такъ какъ авторъ широко пользуется литературой, извлекая изъ нея все, что только можно было тамъ найти. Знаніе авторомъ русскаго языка дало ему возможность поставить наиболѣе полно вопросъ и о славянскихъ типахъ. Трудность предпринятой авторомъ работы увеличивалась еще и тѣмъ, что измѣренія діаметровъ головы, слѣдовательно, и величины головного указателя, берутся далеко не одинаково различными изслѣдователями, такъ что автору приходилось входить въ сравненіе методовъ, исправлять соотвѣтственнымъ образомъ цифры и т. д. Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось даже пользоваться подлинными цифровыми данными, провѣряя ихъ и подсчитывая въ томъ порядкѣ, какъ это необходимо было для цѣлей автора. Всѣ данныя приведены къ измѣреніямъ на живыхъ, но и краніологическій матеріалъ также использованъ авторомъ, причемъ для приведенія цифръ, полученныхъ на черепахъ, къ размѣрамъ на живыхъ, авторъ прибавляетъ къ величинамъ черепныхъ указателей двѣ единицы. Этимъ, равно какъ и нѣкоторыми другими исправленіями и приведеніями отдѣльныхъ датъ къ однообразному сравнимому виду, допускается, конечно, нѣкоторая неточность, не столь, однако, значительная, чтобы ради нея можно было жертвовать едва ли не большею половиною наличнаго матеріала. Въ концѣ книги приложена карта, на которой въ разныхъ цвѣтахъ отмѣчены области распространенія различныхъ формъ головы по округамъ, уѣздамъ и др. мелкимъ административнымъ единицамъ. Выводы автора сводятся къ слѣдующему: по всей Европѣ можно отмѣтить четыре главныхъ, достаточно ясно отграниченыхъ другъ отъ друга, области:

1) Сѣверная область умѣренной долихоцефаліи, мѣстами переходящей въ мезоцефалію (указатели въ среднемъ 76—79 на живыхъ), занимаетъ Британскіе острова, Скандинавію, берега Ламанша, Сѣвернаго моря, равно какъ и всю область, окаймляющую Балтійское море; 2) южная область долихоцефаліи, болѣе рѣзко выраженной (указатель 73—78), занимаетъ Иберійскій полуостровъ, югъ Италіи, западные острова Средиземнаго моря, продолжается далѣе изолированными пятнами по югу Франціи, по побережью Ліонскаго залива и Лигурійскаго моря, а въ другую сторону—по Греціи и низменности нижняго теченія Дуная; 3) область рѣзко выраженной брахицефаліи (84—88) представляется на картѣ въ видѣ огромнаго трехугольника, верхушка котораго упирается въ область басковъ, а основаніе лежитъ около 10^0 долготы между Тюрингенскими

горами (близъ Эрфурта) на сѣверѣ и точкой, гдѣ Апеннины наиболѣе близко подходятъ къ Адріатическому морю (у Анконы),—на югѣ; 4) область суббрахицефаліи (82—83)— Россія съ закарпатской Галиціей, за исключеніемъ области вокругъ Балтійскаго моря и Кавказа.

Общая картина распредѣленія формъ черепа обнаруживаетъ, такимъ образомъ, 4 главныя расы Европы; но изученіе другихъ признаковъ (предварительный отчетъ о которомъ опубликованъ Deniker'омъ впервые въ 1897 г. въ „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris") заставляетъ автора принять, что физическій типъ современнаго населенія Европы произошелъ изъ различныхъ комбинацій, по крайней мѣрѣ, шести главныхъ и четырехъ вторичныхъ расъ.

Появленіе работы J. Deniker'a мы отмѣчаемъ съ особымъ удовольствіемъ. Являясь сводной работой, какихъ еще не было до сихъ поръ, она интересна и какъ матеріалъ для выводовъ и обобщеній по вопросу о расахъ Европы, и какъ справочная книга, такъ какъ собранный въ ней матеріалъ охватываетъ, какъ мы уже замѣтили выше, все, что только можно найти въ современной литературѣ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго выхода остальныхъ частей труда почтеннаго автора, появленіе которыхъ значительно упроститъ и облегчитъ задачу собиранія литературнаго матеріала для антропологовъ, работающихъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ объ европейскихъ расахъ.

В. В. Воробьевъ.

Д. П. Никольскій. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе. Диссертація на степень д-ра медицины. С.-Пб. 1899 г. Стр. 377 in—8°.

Обширный трудъ д-ра Д. П. Никольскаго, суммирующій результаты многолѣтнихъ изслѣдованій автора среди башкиръ, распадается на два отдѣла: первый содержитъ сводку историко-этнографическихъ данныхъ, во второмъ анализируются антропометрическія измѣренія. Богатый матеріалъ, собранный лично авторомъ, и тщательное изученіе литературы предмета, охватывающее не только болѣе крупныя статьи и изслѣдованія, но и массу мелкихъ статей и замѣтокъ изъ провинціальныхъ изданій, выгодно выдѣляютъ этотъ трудъ, въ отношеніи полноты свѣдѣній, изъ ряда изслѣдованій другихъ авторовъ, а строго обдуманный планъ работы и умѣлый выборъ матеріала, наряду съ критической оцѣнкой его, придаютъ еще большую цѣнность книгѣ г. Никольскаго. Послѣ краткаго историческаго очерка и обзора топографическихъ и климатическихъ условій Башкиріи, авторъ подробно останавливается на вопросѣ о численности башкиръ и предѣлахъ разселенія ихъ,—вопросѣ, для удовлетворительнаго разрѣшенія котораго потребовался со стороны автора очень сложный и весьма кропотливый анализъ относящихся сюда данныхъ. Въ собственно этнографическомъ очеркѣ авторъ описываетъ жилища башкиръ, какъ постоянныя, такъ и передвижныя, выясняя разницу въ санитарныхъ условіяхъ тѣхъ и другихъ, говоритъ объ одеждѣ башкиръ, ихъ питаніи, подробно останавливаясь на описаніи пищевыхъ продуктовъ и способовъ приготовленія ихъ, характеризуетъ землевладѣніе и земледѣліе башкиръ, а также занятіе скотоводствомъ, охоту и различные ихъ промыслы; касается нѣкоторыхъ сторонъ религіи, обрядовъ, различныхъ празднествъ и увеселеній, произведеній народной словесности и пр. На вопросы о положеніи женщины, физическомъ воспитаніи дѣтей, народной медицинѣ, рождаемости, смертности и количествѣ

браковъ обращено авторомъ особенное вниманіе, причемъ въ самомъ характерѣ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ виденъ въ авторѣ вдумчивый наблюдатель, способный критически относиться къ наблюдаемымъ фактамъ и явленіямъ и выдѣлять изъ нихъ черты, наиболѣе типичныя и важныя. Въ общемъ этнографическая характеристика башкиръ, не будучи растянута, очень богата въ то же время содержаніемъ, создающимъ вполнѣ ясную картину быта разсматриваемаго инородческаго племени. Если первый отдѣлъ книги г. Никольскаго—этнографическій—представляетъ большой интересъ для этнографа и по сводкѣ разбросанныхъ литературныхъ данныхъ и по новизнѣ многихъ наблюденій самого автора, то не меньшаго интереса со стороны антрополога заслуживаетъ второй отдѣлъ книги, посвященный антропологіи и краніологіи башкиръ. Какъ извѣстно, изученіемъ физическихъ чертъ башкирскаго населенія занималось нѣсколько изслѣдователей. Изъ антропологическихъ трудовъ, относящихся къ башкирамъ, мы имѣемъ изслѣдованія проф. Маліева 40 особей, Уйфальви—12, Соммье—74, Вайсенберга—65 и Назарова—163. Незначительное сравнительно количество изученныхъ особей не позволило ни одному изъ названныхъ авторовъ дать обстоятельную характеристику физическаго типа башкиръ, и только г. Назаровъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи наибольшій антропометрическій матеріалъ, могъ дать болѣе подробное антропологическое ихъ описаніе и указать нѣкоторыя физическія черты, свидѣтельствующія о значительной метисаціи племени, особенно рѣзко подмѣченной имъ въ различіяхъ типа башкиръ лѣсныхъ и степныхъ. Д-ръ Никольскій, произведшій самъ 181 изслѣдованіе и присоединившій сюда еще измѣренія Ф. Д. Нефедова 38 особей, остававшіяся до сихъ поръ не опубликованными, а также и литературныя данныя, располагалъ антрометрическимъ матеріаломъ, полученнымъ изъ измѣреній въ общей сложности 573 особей, при этомъ антропометрическій матеріалъ дополненъ авторомъ еще краніологическими изслѣдованіями 71 башкирскаго черепа. Такимъ образомъ, при выясненіи физическаго типа башкиръ, авторъ оперировалъ надъ обширнымъ матеріаломъ, какого не имѣетъ литература ни для одной изъ населяющихъ Россію народностей. Прибавимъ къ этому, что собственныя изслѣдованія автора собраны по чрезвычайно подробной программѣ, включающей въ себѣ 35 вопросовъ объ описательныхъ признакахъ и 64—объ измѣрительныхъ. Вполнѣ научная и отвѣчающая всѣмъ требованіямъ современной антропометріи разработка этого обширнаго матеріала дала возможность автору очень тщательно и детально разобраться среди различныхъ элементовъ, слагающихъ физическій типъ башкиръ, и, съ одной стороны, указать на основныя, болѣе чистыя и доминирующія черты, а съ другой—выдѣлить признаки, явившіеся въ результатѣ смѣшенія племени съ окружающими его народностями. Широкое и въ то же время весьма осторожное примѣненіе сравнительнаго метода значительно облегчаетъ трудную задачу автора и придаетъ его выводамъ твердую обоснованность и достаточную убѣдительность. Благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ, трудъ д-ра Никольскаго составляетъ крупное пріобрѣтеніе нашей антропологической литературы. Сообщимъ нѣкоторые изъ главныхъ выводовъ автора. Среди изслѣдованныхъ башкиръ крѣпкаго тѣлосложенія—45,6%, средняго—44,7% и слабаго—8,8%. Цвѣтъ волосъ—черный (58,5%) или темнорусый (34,7%). Цвѣтъ глазъ преимущественно или карій (59,1%), или глаза съ радужной оболочкой, на которой штрихи то сѣрые, то каріе (34,2%); съ черными глазами незначительное количество особей. По росту башкиры являются очень смѣшанными; въ среднемъ онъ равенъ 1641 мм., при этомъ на малый ростъ (1400—1600) падаетъ 29,6%, на ростъ ниже средняго

(1600—1650)—27,5%, выше средняго (1650—1700)—24,9% и высокаго роста (1700—1850)—18,3%. Величина головы въ вертикальной проекціи равняется въ среднемъ 232 мм. (14,15% по отношенію къ росту), при min.—148? (9,71?) и max.—311 мм. (19,71% роста), причемъ большему росту всегда соотвѣтствуетъ и большая абсолютная величина головы. Средній головной указатель—82,5, min - 77,3, max.—95,3; по разрядамъ головного указателя имѣемъ: долихоцефаловъ (до 75)—3,6%, мезатицефаловъ (75,01—79,9) — 22,3%, брахицефаловъ (80 — 85) — 47%, гипербрахицефаловъ (85,01—90)—26,6% и ультрабрахицефаловъ (свыше 90)—7,8%. Средній лицевой указатель—79,06. По носовому указателю мезориновъ (52,1—58)—4,5%, платириновъ (58,1 и болѣе)—16,6% и гиперплатириновъ (предѣлы не указаны)—77,9%; въ среднемъ этотъ указатель равенъ 63,8, при min. 50 и max.—102,1. Окружность груди измѣрялась авторомъ на уровнѣ сосковъ и подъ мышками; въ первомъ случаѣ она равна 891 мм. (min.—709, max.—1060), во второмъ—896 мм.; по отношенію къ росту ея средняя величина—54,4 (min.—45,8, max.—62,8); у большинства размѣры окружности груди колеблются въ предѣлахъ 53—55% роста. Длина туловица (разстояніе между верхнимъ краемъ вырѣзки грудной кости и верхнимъ краемъ лобковаго соединенія) равна въ среднемъ 530 мм. (min.—709, max. 1060); размѣры въ 521—540 мм. являются доминирующими. Средняя ширина плечъ (разстояніе между вершинами верхне-плечевыхъ отростковъ)—363 мм. (22,7% роста) при min.—263 (16,3%) и max.—450 мм. (26,6%). Длина рукъ въ среднемъ равна 762 мм. (46,4% роста), min.—622 и max.—910 мм.; длина ногъ (отъ большого вертела)—862 мм. (52,5% роста), min.—679 (46,8%) и max.—970 мм. (58,7%). Единственнымъ, но очень важнымъ недостаткомъ книги г. Никольскаго является отсутствіе антропометрическихъ таблицъ. Оно лишаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможности провѣрки выводовъ автора и не позволяетъ утилизировать собранный имъ матеріалъ въ иныхъ сопоставленіяхъ и комбинаціяхъ, чѣмъ какія допущены въ самой книгѣ. Но, несмотря на это, за изслѣдованіемъ г. Никольскаго, вѣроятно, надолго сохранится значеніе такого труда, который содержитъ въ себѣ наиболѣе полную и обстоятельную антропологическую характеристику башкирскаго племени. Въ заключеніе добавимъ, что за разсматриваемый трудъ Д. П. Никольскій удостоенъ Императорской Военно-медицинской Академіей степени доктора медицины, а отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи награжденъ преміей по антропологіи имени почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова.

Ал. Ивановскій.

Ю. Д. Талько-Грынцевичъ. Замѣтки по антропологіи сѣверныхъ китайцевъ. Китайцы Кяхтинскаго и Ургинскаго Маймачена. „Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества“. Т. II, вып. 3. 1899.

Неутомимый работникъ въ области антропологіи, д-ръ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, выпустилъ недавно, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, новое антропологическое изслѣдованіе, посвященное сѣвернымъ китайцамъ. Авторъ имѣлъ возможность изслѣдовать послѣднихъ, въ количествѣ 54 особей, въ Кяхтинскомъ и Ургинскомъ Маймаченахъ, китайское населеніе которыхъ состоитъ изъ выходцевъ преимущественно изъ провинціи Шань-си-шенъ. Къ соб-

ственнымъ изслѣдованіямъ авторъ присоединилъ литературныя данныя по антропометріи китайцевъ (Girard, Weisbach, Deniker и Laloy, Breton, Mugnier, Hagen, Ten-Kate, Мацѣевскій и Поярковъ и др.), а для сравненія съ монголами и тюрками пользовался изслѣдованіями Ивановскаго, Уйфальви, Шендриковскаго, Поротова и др. Основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ и измѣреніяхъ и литературныхъ свѣдѣніяхъ, авторъ даетъ слѣдующую антропологическую характеристику китайцевъ. Цвѣтъ кожи у нихъ преимущественно желтый (90,6%) и весьма рѣдко бѣлый (9,3%). Волосы на головѣ густые, толстые, жесткіе и совершенно прямые; длина ихъ достигаетъ часто 1 метра; цвѣтъ волосъ черный, двухъ оттѣнковъ: блестяще-черный (87%) и матово-черный съ синимъ отливомъ (13%). Сѣдина появляется послѣ 40 лѣтъ. Волосы не отличаются особенною прочностью: изъ 54 изслѣдованныхъ китайцевъ отмѣчены 4 человѣка съ лысиной, приходящеюся на возрастъ 25, 36, 42 и 45 лѣтъ. Растительность на лицѣ вообще слабо развита и часто совершенно отсутствуетъ до 40 лѣтъ; до этого возраста китайцы уничтожаютъ ее бритьемъ и стрижкою; послѣ 40 лѣтъ обычай позволяетъ отпускать усы и бороду, которые отличаются рѣдкостью и толщиною волосъ. Тѣло китайцевъ совершенно лишено волосистости, кромѣ скудной подъ мышками и на лобкѣ. Глаза представляются косо стоящими. Они прикрыты сверху довольно длинными вѣками, образующими какъ бы складку, которая дѣлаетъ глазную щель очень узкою и длинною (?). Цвѣтъ глазъ карій, причемъ темнаго оттѣнка — 61%, свѣтлаго—26% и средняго—13%. Темно-каряя радужная оболочка глазъ послѣ 45 лѣтъ теряетъ свой прежній цвѣтъ и тускнѣетъ, вокругъ роговицы образуется валикъ (limbus corneae). Средній ростъ маймаченскихъ китайцевъ—1642 мм.; низкаго роста (до 159 с.)—14%, средняго (160—169)—76% и высокаго (170 и выше)—10%. Высота на колѣняхъ—1233 мм., въ сидячемъ положеніи—858 мм. Длина ногъ—785, бедра—375, голени—409 мм. Большой размахъ рукъ—1710 мм. (min.—1600, max.—1800), а по отношенію къ росту—104,1%. Периметръ груди не только не превышаетъ половины роста, но даже меньше его; въ среднемъ онъ равенъ 814 мм. (min.—700, max.—980), т.-е. составляетъ 49,6% роста (min.—42,8, max.—55). Горизонтальная окружность головы—554 мм., наибольшая длина ея—183, а ширина—154 мм. Замѣтимъ здѣсь, что за величину головы авторъ принимаетъ наибольшій передне-задній діаметръ и отношеніе его къ росту (10,98%) сравниваетъ съ нашими данными о величинѣ головы монголовъ-торгоутовъ, колеблющейся въ предѣлахъ 12,7—14%; но наши величины и автора совершенно не могутъ быть сравниваемы, такъ какъ подъ величиною головы мы (равно какъ и А. Г. Рождественскій, на изслѣдованіе котораго также ссылается авторъ) разумѣли не наибольшій передне-задній діаметръ, а разстояніе между макушкой и нижнимъ краемъ подбородка (въ вертикальной проекціи). По формѣ головы среди китайцевъ преобладаетъ короткоголовый типъ (75,9%); въ среднемъ головной указатель равняется 84,1%; на долихоцефаловъ и субдолихоцефаловъ падаетъ по 1,9%, мезотицефаловъ—20,3%, суббрахицефаловъ—33,3% и брахицефаловъ—42,6%. По лобному указателю преобладаютъ узколобые (до 59), ихъ 62,9%, съ умѣреннымъ лбомъ (60—69)—37%. Длина лица (отъ надпереносья до нижняго края подбородка)—132 мм., наибольшая ширина его—122, лицевой указатель—66,6%. Носовой указатель—52,27% (min.—40, max.—62); носы, по большей части, плоскіе (66,6%) и рѣже вздернутые или прямые (по 16,7%). Антропологическія изслѣдованія приводятъ автора къ выводу, что по своему физическому типу китайцы явля-

ются значительно смѣшанными, и смѣшенію этому они подверглись еще въ глубокой древности. Къ антропологическому очерку авторъ присоединяетъ краніологическія данныя о 8 китайскихъ черепахъ.

Ал. Ивановскій.

Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Вып. I. Ф. Я. Конъ. Физіологическія и біологическія данныя объ якутахъ. (Антропологическій очеркъ). Минусинскъ. 1899. Ц. 1 р.

Несмотря на довольно обширную литературу объ якутахъ, все же остается много сторонъ ихъ жизни, недостаточно выясненныхъ, и къ числу такихъ относится вопросъ о томъ, увеличивается ли число якутовъ или нѣтъ, т. е. предстоитъ ли якутамъ такъ же, какъ и другимъ инородцамъ, вымереть. Авторъ въ своемъ трудѣ и старается выяснить этотъ вопросъ, крайне важный и интересный въ антрополого-біологическомъ отношеніи. Нужно отдать справедливость, авторъ очень тщательно и осторожно подходитъ къ рѣшенію вопроса и если не высказывается категорически за или противъ, то имѣетъ для этого основательные доводы; но во всякомъ случаѣ онъ не принадлежитъ къ числу оптимистовъ, по мнѣнію которыхъ якуты быстро увеличиваются. Не входя пока въ детали названнаго труда (о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить впослѣдствіи), отмѣтимъ содержаніе его. Во вступленіи ясно выяснена цѣль настоящаго труда и программа его. Прежде всего авторъ останавливается на ростѣ якутовъ (измѣрено 69 м. и 43 женщ.) и окружности груди; затѣмъ подробно разсматриваетъ данныя о пульсѣ, температурѣ тѣла и дыханіи, сравнивая свои наблюденія съ таковыми же, имѣющимися о другихъ инородцахъ; изслѣдованы динамометрическія явленія якутъ. Съ особенною подробностью авторъ останавливается на такихъ вопросахъ, какъ продолжительность половой способности у женщинъ и у мужчинъ, плодовитость, роды и уходъ за ребенкомъ, вліяніе родителей на полъ ребенка, продолжительность жизни и болѣзненность. Уже изъ перечисленнаго видно, сколько интереса представляетъ названный трудъ не только для врача, но и для антрополога. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что «какъ бы тамъ ни было, пока есть еще приростъ населенія, пока, слѣдовательно, есть еще возможность предотвратить отъ якутовъ грозящую имъ гибель», говоря другими словами, оставлять якутъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, нельзя,— нужно позаботиться о поднятіи ихъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ сторонъ. Книжка издана хорошо и съ благой цѣлью, — весь сборъ отъ продажи ея поступаетъ на собираніе и изданіе новыхъ матеріаловъ о сибирскихъ инородцахъ. Отъ души желаемъ успѣха этому хорошему дѣлу.

Д. Никольскій.

А. К. Бауеръ. Къ вопросу о физическомъ развитіи подрастающаго женскаго организма. Ростъ и вѣсъ. Съ таблицами и діаграммами. Диссертація на степень д-ра медицины. Москва. 1900.

Объектами для изслѣдованій автора послужили воспитанницы московскихъ сиротскихъ заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, въ возрастѣ отъ 6 до 20 лѣтъ; всѣхъ наблюденій произведено авторомъ 4112 (изъ нихъ

много повторныхъ). Увеличеніе роста измѣренныхъ воспитанницъ идетъ отъ 6 до 20 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: 1111, 1170, 1223, 1270, 1324, 1380, 1429, 1476, 1514, 1535, 1547, 1554, 1556 и 1559 мм. До 10—11 л., слѣдовательно, ростъ прогрессируетъ въ среднемъ на 5 стм. ежегодно, съ замедленіемъ въ 9—10-лѣтнемъ возрастѣ; съ 10—11 до 14—15 л. замѣтенъ періодъ усиленнаго роста въ 5,15 стм. въ среднемъ ежегодно, съ максимумомъ прироста 5,6 стм. на 11—12-мъ году; послѣ 14—15 л. ростъ замедляется, и ежегодный его приростъ въ среднемъ равенъ 1,95 стм. При этомъ число институтокъ, имѣющихъ ростъ больше средняго, превосходитъ число лицъ съ ростомъ меньше средняго. Въ вѣсѣ же наблюдается обратное явленіе: число институтокъ съ вѣсомъ ниже средняго превышаетъ число лицъ, имѣющихъ вѣсъ больше средняго. Такимъ образомъ въ условіяхъ физическаго развитія изслѣдованныхъ особей замѣчается наклонность къ увеличенію роста и къ уменьшенію вѣса тѣла, что авторъ объясняетъ различными особенностями институтской жизни, отзывающимися неблагопріятно на здоровьѣ воспитанницъ. Данныя о національности и мѣстѣ родины изслѣдованныхъ воспитанницъ совершенно отсутствуютъ.

В. Васильевъ.

Prof. D-r L. Stieda. Aus der russischen Literatur. Anthropologie und Archäologie. „Archiv für Anthropologie“. B. XXVI. Braunschweig. 1899.

Проф. Л. Штида заслуживаетъ глубокой признательности со стороны русской антропологической науки за тотъ громадный и обстоятельный трудъ, который онъ взялъ на себя съ цѣлью ознакомить западно-европейскую антропологическую литературу съ работами русскихъ антропологовъ. «Aus der russischen Literatur»—это такой подробный отчетъ о нашей антропологической литературѣ, какого мы не имѣемъ и на русскомъ языкѣ. Въ отчетъ вошли всѣ антропологическія диссертаціи, представлявшіяся въ Военно-Медицинскую академію, «Труды» Антропологическаго Общества при этой академіи, «Протоколы засѣданій Русскаго Антропологическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ», «Извѣстія» Имп. Русскаго Географическаго Общества, и наибольшее мѣсто отведено «Трудамъ» Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, причемъ авторъ подробно реферируетъ не только болѣе или менѣе крупныя статьи, но нерѣдко и мелкія замѣтки. Вниманіе, оказанное почтеннымъ профессоромъ трудамъ русскихъ антропологовъ, должно вызвать со стороны послѣднихъ самую искреннюю благодарность.

Ал. Ивановскій.

William Z. Ripley. A selected bibliography of the anthropology and ethnology of Europe. Boston. 1899.

Очень полезный для справокъ библіографическій указатель, отмѣчающій всѣ наиболѣе важныя статьи и изслѣдованія по антропологіи и этнологіи Европы, включая и Россію. Свѣдѣнія о литературѣ послѣдней были сообщены составителю проф. Д. Н. Анучинымъ.

Ал. Ивановскій.

Извѣстія и замѣтки.

Преміи и золотая медаль по антропологіи при Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. При названномъ Обществѣ имѣются въ настоящее время двѣ преміи и золотая медаль, выдаваемыя за труды въ области антропологіи. Одна премія учреждена при Обществѣ организаціоннымъ комитетомъ международныхъ конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи и зоологическаго, собиравшихся въ Москвѣ въ 1892 г., «въ память Почетнаго Предсѣдательства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича на международномъ конгрессѣ антропологіи и доисторической археологіи». Премія составляется изъ процентовъ съ капитала въ 3.000 руб., въ размѣрѣ $^{3}/_{4}$ количества ихъ ($^{1}/_{4}$ процентовъ прибавляется къ неприкосновенному капиталу для увеличенія его) и выдается одинъ годъ за антропологическія изслѣдованія, а другой—за этнографическія. Въ настоящемъ году состоится присужденіе двухъ премій—за антропологическія и этнографическія изслѣдованія, такъ какъ очередная премія прошлаго года осталась не присужденною. Премія по антропологіи выдается: a) за самостоятельныя научныя монографіи и изслѣдованія по антропологіи племенныхъ группъ населенія Россіи; b) за научные труды по физической антропологіи руководящаго характера (учебники и руководства), за систематическіе обзоры антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій по отдѣльнымъ народностямъ Россіи, и c) за представленіе въ распоряженіе Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія значительной коллекціи: 1) череповъ одного какого-либо племени, 2) фотографическихъ портретовъ (большого размѣра) представителей какого-либо племени, 3) мумифицированныхъ головъ мужскихъ, женскихъ, дѣтскихъ какой-либо народности, 4) череповъ, костяковъ и предметовъ доисторической культуры, добытыхъ въ извѣстной мѣстности, 5) мужскихъ и женскихъ скелетовъ какого-либо инородческаго племени, 6) анатомическихъ препаратовъ, напр., мозга. Автентичность череповъ, скелетовъ, мозга и пр. должна быть удостовѣрена какими-либо несомнѣнными данными. Премію имѣютъ право получать всѣ русскіе подданные, за исключеніемъ членовъ Совѣта Общества Любителей Естествознанія и членовъ коммиссіи по присужденію преміи. Сочиненія и труды могутъ быть представляемы какъ рукописные, такъ и печатные, вышедшіе однако же не ранѣе, какъ за годъ до выдачи преміи и еще не получившіе награды въ той или иной формѣ. Труды и сочиненія должны быть

написаны на русскомъ языкѣ. Срокъ представленія сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи не позднѣе 15-го мая, а для представленія антропологическихъ коллекцій—не позднѣе 1-го сентября. Объявляется о присужденіи преміи въ годичномъ засѣданіи Общества 15-го октября.

Другая премія по антропологіи (въ размѣрѣ 200 руб.) и золотая медаль образуются изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Обществу его почетнымъ членомъ А. П. Разцвѣтовымъ, и присуждаются ежегодно. Денежная премія присуждается Обществомъ за выдающіеся изслѣдованія и труды по антропологіи, обогатившіе науку или доставившіе Обществу цѣнные антропологическіе матеріалы. Золотая медаль присуждается лицу, заявившему передъ Обществомъ о своей дѣятельности по антропологіи представленіемъ ему или изслѣдованія по этой наукѣ, или обстоятельнаго отчета о поѣздкѣ съ антропологическою цѣлью, или принесеніемъ ему въ даръ достаточно полной и интересной антропологической коллекціи. Подъ антропологическими изслѣдованіями и коллекціями разумѣются такія, которыя содѣйствуютъ разъясненію вопросовъ или обогащенію матеріала по естественной исторіи человѣка и по до-исторической археологіи и антропологіи. Поэтому чисто анатомическіе, физіологическіе, патологическіе, гигіеническіе, археологическіе и этнографическіе работы и матеріалы, равно какъ и изслѣдованія по психіатріи, психологіи и такъ назыв. «уголовной антропологіи» на премію и медаль конкурировать не могутъ. Денежная премія должна присуждаться русскимъ ученымъ, главнымъ образомъ, членамъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и, по преимуществу, начинающимъ свою научную дѣятельность и нуждающимся въ нравственной и матеріальной поддержкѣ на первыхъ порахъ своей трудовой жизни. Поэтому члены Совѣта Общества, академики, профессора, штатные преподаватели высшихъ учебныхъ заведеній не могутъ быть кандидатами на премію. Доктора медицины, если они не состоятъ преподавателями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ участвовать въ соисканіи преміи. Золотая медаль должна присуждаться по преимуществу студентамъ Московскаго университета, а также лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ. Денежная премія и медаль могутъ быть присуждаемы совмѣстно и одному лицу, въ случаѣ особо выдающихся заслугъ передъ наукою и Обществомъ. Въ виду пользы, которую могутъ приносить развитію антропологіи русскіе медики, среди которыхъ желательно вызвать большій интересъ къ антропологическимъ изслѣдованіямъ и къ собиранію антропологическаго матеріала, они пользуются, при равныхъ научныхъ условіяхъ, преимуществомъ при присужденіи преміи и медали. Объявляется о присужденіи преміи и медали въ годичномъ засѣданіи Общества 15-го октября.

Премія имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, со времени ея учрежденія, была присуждена по Антропологическому Отдѣлу: *Ф. Д. Нефедову* (1895 г.)—во вниманіе къ его многолѣтней дѣятельности на пользу Отдѣла, выразившейся въ доставленіи цѣнныхъ краніологическихъ коллекцій (около 300 чер.) изъ раскопокъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также во многихъ рефератахъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества, и *Ю. Д. Талько-Грынцевичу* (1896 г.)—за рядъ антропологическихъ изслѣдованій надъ народностями Литвы, Бѣлоруссіи и Южной Россіи.

Премію имени А. П. Разцвѣтова получили: *А. Н. Харузинъ* (1889 г.)—за изслѣдованіе «Киргизы Букеевской орды»; *Н. В. Гильченко* (1890 г.)—за трудъ: «Матеріалы для антропологіи Кавказа. Осетины»; въ 1891 г. премія была присуждена двумъ лицамъ, въ половинномъ размѣрѣ каждому: *П. С*

Алексѣеву—за доставленіе Обществу цѣнной серіи фотографій, характеризующихъ населеніе Забайкалья, и за доставленіе вообще коллекцій и свѣдѣній по антропологіи, и *Н. М. Мартьянову*—за обогащеніе коллекцій Общества цѣнными научными предметами, за многолѣтнюю энергичную дѣятельность по устройству Минусинскаго музея и за собраніе многочисленныхъ предметовъ по доисторической археологіи; въ 1893 г. премія была выдана *И. И. Пантюхову*—за его многочисленные труды по антропологіи Кавказа; въ 1894 г. полныя преміи были присуждены: *Н. П. Данилову* за печатный трудъ: «Къ характеристикѣ антропологическихъ и физіологическихъ чертъ современнаго населенія Персіи», и *А. Г. Рождественскому* за изслѣдованіе: «Величина головы человѣка въ зависимости отъ роста, пола, возраста и расы»; въ 1895 и 1896 гг. премія осталась не присужденною; въ 1897 г. она была выдана въ половинномъ размѣрѣ тремъ лицамъ: *Н. Г. Геккеру*—за его трудъ: «Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ», *И. К. Тварьяновичу*—за его «Матеріалы къ антропологіи армянъ» и *В. Э. Пайселю*—за «Матеріалы для антропологіи таранчей»; въ 1898 г. полная премія была присуждена *Н. В. Гильченко*—за его изслѣдованіе: «Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію», и половинная—*И. И. Майнову* за его книгу: «Нѣкоторыя данныя о тунгусахъ Якутскаго края»; въ 1899 г. премію получилъ *Д. П. Никольскій* за книгу: «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое изслѣдованіе». Н. В. Гильченко, Н. П. Даниловъ и А. Г. Рождественскій пожертвовали присужденныя имъ преміи Антропологическому Отдѣлу на изданіе его «Трудовъ».

Золотыя медали по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова были выданы: *Е. П. Вениаминовой* (1889 г.)—за рукописный трудъ: «Къ антропологіи женскаго населенія Кавказа», *П. Н. Тарновской* (1890 г.)—за книгу: «Etude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses», *Н. И. Лыжину* (1891 г.)—за «Антропологическій очеркъ татаръ Таврическаго полуострова», *П. С. Назарову* (1893 г.)—за труды по антропологіи башкиръ, *А. Д. Элькинду* (1894 г.)—за антропологическія изслѣдованія поляковъ, *И. И. Шендриковскому* (1895 г.)—за «Матеріалы къ антропологіи бурятъ-селенгинцевъ», *С. А. Вайсенбергу* (1896 г.)—за печатный трудъ: «Die südrussischen Juden», *М. Т. Поротову* (1896 г.)—за книгу: «Къ антропологіи бурятъ. Буряты-аларцы», *Е. И. Луценко* (1897 г.) за изслѣдованія физическаго типа алтайскихъ теленгетъ и собранную имъ коллекцію въ числѣ 95 теленгетскихъ череповъ, и *В. В. Воробьеву* (1898 г.)—за его трудъ: «Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ.».

Новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи. Въ настоящее время закончены или производятся въ Россіи слѣдующія, извѣстныя намъ, антропологическія изслѣдованія: *А. В. Варушкинъ*, авторъ обширнаго труда «Ueber die Profilirung des Gesichtsschädels» (въ «Archiv für Anthrop.», 1899), произвелъ прошлымъ лѣтомъ антропометрическія измѣренія татаръ Казанской губ., въ количествѣ 256 особей; къ сожалѣнію, преждевременная смерть молодого антрополога (30 іюля 1899 г. въ Казани) прервала его занятія, и весь собранный имъ матеріалъ переданъ женою покойнаго для обработки нашему Антропологическому Отдѣлу (богатое собраніе антропометрическихъ инструментовъ, оставшихся послѣ смерти А. В. Варушкина, пожертвовано его супругою Антропологическому музею Московскаго университета). Надъ татарами же Казанской губ. производятся въ настоящее время антропологическія изслѣ-

дованія казанскимъ земскимъ врачомъ *А. А. Сухаревымъ*, имѣющимъ въ виду обработать собранные матеріалы для докторской диссертаціи. *Е. И. Луценко* закончилъ обработку обширнаго антропометрическаго матеріала объ алтайскихъ теленгетахъ, изслѣдованныхъ имъ въ количествѣ 238 особей, и описаніе краніологической коллекціи 95-ти теленгетскихъ черепов, собранныхъ имъ на Алтаѣ, въ Улаганѣ и Чулышманѣ. *А. Д. Эллкиндъ* готовитъ къ печати антропологическій трудъ о польскихъ евреяхъ, изученныхъ имъ въ 1895 и 1896 гг. на варшавскихъ фабрикахъ; кромѣ того, въ «Рус. Антроп. Журналъ» имъ доставлена статья: «О черепныхъ типахъ проф. Серджи среди нѣкоторыхъ краніологическихъ коллекцій Мюнхенскаго антропологическаго института», явившаяся въ результатѣ изученія 454 черепов. *В. В. Воробьевъ* готовитъ изслѣдованіе о формахъ и размѣрахъ уха великоруссовъ и передалъ Антропологическому Отдѣлу для напечатанія статьи: «О соотношеніяхъ между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ» и «Къ вопросу о степени развитія лобной части черепа у вырождающихся душевно-больныхъ». *П. А. Минаковъ* продолжаетъ микроскопическія изслѣдованія волосъ изъ различныхъ мѣстностей Россіи. *А. А. Ивановскій* обработываетъ матеріалы о курдахъ (болѣе 300 измѣр.) и объ армянахъ (160 измѣр.), собранные имъ во время экспедицій въ Закавказье въ 1893, 1894 и 1896 гг. *В. И. Васильевъ* заканчиваетъ обработку матеріаловъ по физическому развитію учащихся дѣтей обоего пола въ Серпуховскомъ уѣздѣ, Московской губ. (по наблюденіямъ надъ $2^1/_2$ тыс. дѣтей). *М. С. Сапожниковъ* обѣщаетъ въ скоромъ времени доставить въ Антропологическій Отдѣлъ матеріалы, въ обработанномъ видѣ, объ ангинскихъ бурятахъ Верхоленскаго округа, Иркутской губ., изъ которыхъ измѣрены имъ 201 чел. (150 муж. и 51 жен.). *И. О. Баронасъ* заканчиваетъ свою работу по антропологіи литовцевъ Ковенской и Сувалкской губ., на основаніи измѣреній 100 особей. *К. М. Курдовъ* произвелъ въ прошломъ 1899 году антропологическія изслѣдованія кюринцевъ Дагестанской области (132 муж.). Проф. *А. Н. Красновъ* собралъ обширные матеріалы по антропологіи малоруссовъ, преимущественно Харьковской губ. *Н. В. Гильченко* готовитъ новый антропологическій трудъ о зырянахъ. *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ* имѣетъ въ виду въ скоромъ времени напечатать въ «Трудахъ» Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Географическаго Общества этнологическій очеркъ о древнихъ аборигенахъ Центральной Азіи. *Н. А. Аристовъ* заканчиваетъ этнико-историческое изслѣдованіе о народностяхъ, занимавшихъ Памиръ и его окраины съ древнѣйшихъ временъ по настоящее включительно. *И. И. Пантюховъ* приготовилъ новое изслѣдованіе о цвѣтѣ глазъ кавказскихъ народностей. *И. И. Майновъ*, продолжая обработку обширнаго, собраннаго имъ во время Якутской экспедиціи, антропологическаго матеріала о тунгусахъ, занятъ въ то же время изслѣдованіемъ о смѣшеніи русскихъ съ якутами и о типѣ помѣсей. По антропологіи Сибири готовятъ также изслѣдованія: г. *Виташевскій* объ якутахъ (100 измѣр.), *Н. Л. Геккеръ* также объ якутахъ, г. *Мадолинъ* о забайкальскихъ старообрядцахъ, бурятахъ и т. наз. «сибирякахъ», выказывающихъ черты монголизма, и *К. И. Горощенко*—о сойотахъ; г. Горощенко, кромѣ того, обработалъ измѣренія 40 езидовъ Эриванской губ., описалъ краніологическую коллекцію Минусинскаго музея (печатается) и составилъ новыя антропологическія таблицы для антропометрическихъ и краніологическихъ вычисленій (будутъ напечатаны въ «Трудахъ» Антропологическаго Отдѣла). *М. И. Лутохинъ* собираетъ антропологическіе матеріалы среди киргизовъ Акмолинской области. *Р. Л. Вейнбергъ*

приготовилъ къ печати обширную монографію о мозгѣ поляковъ. *А. Г. Рождественскій* доставилъ въ Антропологическій Отдѣлъ статью объ антропологіи японцевъ, изслѣдованныхъ имъ на островахъ Сахалинѣ и Кіу-Сіу. *К. Г. Прохоровъ* обработываетъ данныя о ростѣ, окружности груди, цвѣтѣ волосъ и глазъ призывныхъ (болѣе 1,000 наблюденій) Тамбовской губерніи.

Новыя крупныя преміи. Знаменитый зоологъ Эрнстъ Геккель, профессоръ Фрассъ въ Штутгартѣ и д-ръ Конрадъ въ Галле получили въ свое распоряженіе сумму въ тридцать тысячъ марокъ на организацію конкурса на премію за сочиненія на слѣдующую тему: «Чему учитъ насъ эволюціонная теорія по отношенію къ внутреннему политическому развитію и законодательству государствъ?» При обработкѣ этой темы должно быть принято во вниманіе слѣдующее: во-первыхъ, вліяніе наслѣдственности на естественныя свойства человѣка, на его душевный складъ и характеръ, на его эгоистическія побужденія, семейственныя и общественныя склонности и т. п.; во-вторыхъ, значеніе приспособляемости къ средѣ и традицій, причемъ надлежитъ выяснить вліяніе на людей воспитанія, примѣра родителей, обученія, личнаго опыта, обычаевъ и законовъ. Ученые, задающіе тему для преміи, обращаютъ вниманіе на то, что въ теченіе долгаго промежутка времени возможно измѣненіе естественныхъ свойствъ характера цѣлаго народа или путемъ естественнаго отбора, или путемъ наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ свойствъ (возможность послѣдняго оспаривается нѣкоторыми натуралистами). Указываютъ они и на то, что традиціи народа находятся въ непрерывномъ измѣненіи подъ вліяніемъ измѣняющихся условій существованія, измѣняющихся теоретическихъ ученій, политическихъ условій и т. п. Прослѣдить вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ на внутреннее развитіе государствъ и составляетъ задачу, на которую объявленъ конкурсъ. Сочиненіе должно быть написано вполнѣ научно, но въ то же время и общедоступно, причемъ должны быть ссылки на литературу разбираемыхъ вопросовъ. Сочиненія должны быть представляемы на нѣмецкомъ языкѣ, анонимно, подъ девизомъ. Судьями конкурса являются д-ръ Конрадъ (Галле), проф. Шеферъ (Гейдельбергъ) и проф. Циглеръ (Іена). Первая премія опредѣлена въ 10.000 марокъ, вторая и третья — по 5.000, а остальныя деньги пойдутъ на вознагражденіе слѣдующихъ по достоинству сочиненій. Срокъ представленія сочиненій—1-е декабря 1902 года. Рукописи направляются въ Іену на имя директора зоологическаго института Геккеля, откуда можно получить и подробную програму конкурса.

XII международный конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи имѣетъ быть въ Парижѣ 20—25 августа (н. ст.) текущаго года. Организаціоннымъ комитетомъ конгресса намѣчены слѣдующіе вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію на конгрессѣ: данныя сравнительной анатоміи и палеонтологіи въ вопросѣ о происхожденіи человѣка; начало палеолитической эпохи; сравненіе человѣческихъ издѣлій, найденныхъ въ четвертичныхъ отложеніяхъ Запад. Европы, съ аналогичными находками въ другихъ странахъ свѣта; переходъ отъ палеолитической эпохѣ къ неолитической; свайныя постройки, открытыя въ различныхъ частяхъ Европы и сходныя съ озерными жилищами въ Альпахъ; переходъ отъ неолитической эпохи къ металламъ; анатомическія особенности первобытнаго человѣка и до-историческихъ человѣческихъ расъ; этнографическіе пережитки, могущіе бросить нѣкоторый свѣтъ на нравы и соціальное устройство до-историческихъ народовъ, и др. Президентомъ органи-

заціоннаго комитета состоитъ **Александръ Бертранъ**, генеральнымъ секретаремъ д-ръ Верно. Членскій взносъ—15 франковъ. Адресъ: Paris, rue Broca, 148, à M. le D-r Verneau.

Собираніе образцовъ волосъ. П. А. Минаковъ, авторъ многихъ изслѣдованій о волосахъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Антропологическаго Отдѣла, указавъ на скудость имѣющихся въ антропологической литературѣ данныхъ по изслѣдованію волосъ представителей различныхъ расъ и на важность подобныхъ изслѣдованій, обратился къ Отдѣлу съ предложеніемъ — собрать достаточный для цѣлей уясненія расовыхъ отличій въ формѣ и строеніи волосъ матеріалъ, обѣщая обработать его для изданій Отдѣла. При этомъ П. А. Минаковъ представилъ слѣдующую программу для руководства тѣмъ лицамъ, которыя изъявили бы желаніе оказать свое содѣйствіе по собиранію образцовъ волосъ: 1) желательно имѣть волосы головы, бороды и половыхъ органовъ мужчинъ и женщинъ; 2) головные волосы брать съ темени и макушки; 3) подрѣзать волосы возможно ближе къ поверхности кожи; 4) желательно имѣть выпавшіе головные волосы, какіе получаются при расчесываніи головы гребнемъ, а также волосы съ головы новорожденныхъ младенцевъ (до двухъ недѣль послѣ рожденія); 5) описать вкратцѣ внѣшній видъ волосъ на головѣ, бородѣ и половыхъ органахъ у даннаго племени, а именно: длину (длинные, короткіе), форму (прямые, курчавые, волнистые, локоновидные, шерстистые), цвѣтъ (какой цвѣтъ чаще наблюдается и какой рѣже) и густоту (густые, рѣдкіе); 6) растутъ ли волосы (ясно бросающіеся въ глаза) на груди, спинѣ и конечностяхъ, или нѣтъ; 7) мѣняется ли цвѣтъ волосъ въ теченіе жизни (волосы дѣтей сравнительно со взрослыми); 8) въ какомъ приблизительно возрастѣ начинается посѣдѣніе волосъ и часто ли вообще приходится видѣть сѣдыхъ субъектовъ, или же, напротивъ, они очень рѣдки или вовсе отсутствуютъ; 9) желательно имѣть образцы различныхъ волосъ не менѣе какъ отъ 25-ти субъектовъ даннаго племени; 10) каждаго вида волосы (съ темени и макушки, бороды, половыхъ органовъ) отъ каждаго субъекта положить въ особую бумажку и сдѣлать соотвѣтствующую надпись, упомянувъ о полѣ и возрастѣ носителя этихъ волосъ. Обращаясь къ лицамъ, имѣющимъ возможность собрать подобнаго рода коллекціи, съ просьбою не отказать въ своемъ содѣйствіи, Антропологическій Отдѣлъ проситъ присылать коллекціи по адресу: Москва, Политехническій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія, А. А. Ивановскому.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Послѣднія три засѣданія Отдѣла было посвящены докладамъ: проф. *Д. Н. Анучина*— Изъ новѣйшей антропологической литературы (о книгѣ E. Selenka—Menschenaffen, о новомъ журналѣ G. Schwalbe—Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, о новыхъ трудахъ W. Ripley, G. Sergi и J. Deniker'a, о русскихъ антропологическихъ работахъ: Ю. Д. Талько-Грынцевича—о сѣверныхъ китайцахъ, Ф. Я. Кона—объ якутахъ, М. А. Яковенко—объ евреяхъ и др.), *В. И. Васильева* — о цвѣтѣ волосъ и глазъ дѣтей Серпуховского уѣзда, Московской губ. (на основаніи изслѣдованій 2.620 дѣтей), *В. В. Воробьева* — къ вопросу о степени развитія лобной части черепа у вырождающихся душевнобольныхъ, *И. И. Майнова* — о смѣшеніи русскихъ съ якутами и о типѣ помѣсей, *А. Г. Рождественскаго*—къ антропологіи японцевъ (собственныя изслѣдованія), *Ю. Д. Талько-Грынцевича*—древніе обитатели Центральной

Азіи и *А. Д. Элькинда* — новые матеріалы къ вопросу о черепныхъ типахъ проф. Серджи. Кромѣ того, на засѣданіяхъ обсуждались вопросы: 1) о составленіи программы для антропологическихъ изслѣдованій и обработки антропометрическихъ матеріаловъ, и 2) объ основаніи при Отдѣлѣ «Русскаго Антропологическаго Журнала». Должностными лицами Отдѣла вновь избранъ прежній составъ бюро: предсѣдателемъ—почетный членъ Общества Д. Н. Анучинъ, товарищемъ предсѣдателя — непремѣнный членъ Д. Н. Зерновъ и секретаремъ — непремѣнный членъ А. А. Ивановскій.

Антропологическое Общество при Военно-Медицинской академіи. Въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы три сообщенія: проф. *А. И. Таренецкимъ*—о бурахъ, *Д. П. Никольскимъ*—о чукчахъ Колымскаго округа и *И. Э. Шавловскимъ*—о керченскихъ черепахъ. Въ Обществѣ также поднятъ вопросъ о составленіи программы для антропологическихъ изслѣдованій и программы для собиранія свѣдѣній о половой зрѣлости женщинъ.

Годъ 1-й. Кн. II.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Древніе обитатели Центральной Азіи

ЭТНОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Забайкальская область, составляющая часть высокаго плоскогорья Центральной Азіи, изрѣзана кряжами горъ, орошается горными рѣками и рѣчками и на всемъ своемъ пространствѣ или покрыта дѣвственными лѣсами, или имѣетъ степной характеръ, съ суровымъ континентальнымъ климатомъ, разнящимся въ каждой полосѣ количествомъ выпадающихъ осадковъ. Благодаря разнымъ физіографическимъ вліяніямъ, со временемъ измѣнялись здѣсь не только условія климата, но вмѣстѣ съ нимъ фауны и флоры. Исчезли лѣса, осушились болота, измельчали рѣки и рѣчки, и какъ остатокъ древняго міра животнаго царства, являются находимыя во множествѣ въ песчаныхъ оврагахъ ископаемыя кости животныхъ: мамонта, носорога, быка и барана, а въ доисторическихъ могилахъ—кости кулана, сѣвернаго оленя, изюбра и другихъ животныхъ, которыя здѣсь нѣкогда водились, а теперь исчезли, исчезаютъ или подвинулись далѣе на сѣверъ или на югъ, находя тамъ для себя болѣе соотвѣтствующія условія жизни.

Обитателемъ этой возвышенной равнины, въ особенности западной половины области, человѣкъ былъ, вѣроятно, со временъ глубокой древности, переживая здѣсь всѣ степени культуры. Изслѣдованія послѣднихъ пяти лѣтъ со времени основанія Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Географическаго Общества освѣтили до нѣкоторой степени далекое прошлое страны. Еще въ доисторическія времена, какъ видно, человѣкъ каменной эпохи имѣлъ здѣсь многочисленныя стоянки,— неолитическія орудія въ большомъ количествѣ были находимы во многихъ выдувахъ песковъ, на берегахъ большихъ рѣкъ и рѣчекъ системы Байкала. Самое большое число стоянокъ найдено по р. Селенгѣ, по лѣвому ея берегу (находки П. С. Михно и изслѣдованія А. П. Мостица,

прошедшаго по теченію этой рѣки отъ ст. Наушинской до г. Верхнеудинска и насчитавшаго свыше 20-ти стоянокъ). Меньше, кажется, стоянокъ находится по р. Чикою, а еще меньше по р. Хилку и Джидѣ, особенно по верхнему ея теченію. Самыя находки представляютъ весьма мало разнообразія: большею частью повторяются одни и тѣ же нуклеусы, кельты, ножики, скребки, рѣже пилки, наконечники стрѣлъ и каменные молотки; иногда встрѣчаются въ выдувахъ костяныя орудія въ видѣ палочекъ съ нарѣзками на концахъ, сдѣланныя изъ мамонтовой кости. При каменныхъ орудіяхъ попадаются во многихъ мѣстахъ въ изобиліи глиняныя издѣлія въ видѣ толстыхъ осколковъ горшковъ весьма грубой отдѣлки, краснаго и темно-земляного цвѣта. По доставшимся въ мои руки нѣсколькимъ человѣческимъ черепамъ этой эпохи можно судить, что человѣкъ каменной эпохи, жившій здѣсь, принадлежалъ къ типу длинноголовому. Самымъ важнымъ изъ найденныхъ донынѣ центровъ мѣстной культуры каменнаго вѣка нужно считать сл. Усть-Кяхту, вѣроятно, благодаря ея положенію на берегу р. Селенги и лѣсистой мѣстности. При этомъ на большомъ пространствѣ все болѣе и болѣе обнажающіеся выдувы позволяютъ здѣсь легко открывать находки, которыя въ другихъ мѣстахъ покрыты наносною почвою и растительностью.

Французскіе ученые, особенно интересующіеся въ послѣднее время археологіею Сибири, часто обращаются къ намъ съ запросами: находятъ ли въ Сибири каменныя орудія въ могилахъ? Что касается, по крайней мѣрѣ, нашей мѣстности, то смѣло можно утверждать, что нѣтъ, ибо ни одна изъ раскопанныхъ могилъ не дала намъ при костякахъ кремневыхъ орудій; всѣ они, какъ я уже выше сказалъ, найдены въ выдувахъ, если къ могиламъ этой эпохи не причислять «керексуры»—высокія каменныя могилы, въ которыхъ, впрочемъ, ничего не находимъ, кромѣ осколковъ горшковъ, человѣческихъ и скотскихъ костяковъ, и то рѣдко хорошо сохранившихся. Черепа, добытые изъ этихъ могилъ въ цѣлости, позволяютъ заключить какъ объ ихъ глубокой древности, такъ и о томъ, что они принадлежали двумъ типамъ, жившимъ одновременно,—какъ крайне короткоголовому, такъ равно и крайне длинноголовому, изъ чего слѣдуетъ, что уже въ глубокой древности здѣсь имѣло мѣсто смѣшеніе человѣческихъ расъ, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается то мнѣніе, донынѣ принятое въ антропологіи, что длинноголовость была первоначально присуща западу, а короткоголовость шла съ востока.

Мѣдные предметы, которые случайно находятъ здѣсь, сдѣланы или изъ чистой мѣди, или изъ сплава мѣди съ оловомъ. Изъ семи мѣдныхъ предметовъ, посланныхъ въ обмѣнъ Парижской Антропологической Школѣ, по произведенному въ Парижѣ анализу, четыре оказались чисто мѣдными, а остальные три хотя и бронзовые, но съ весьма слабымъ содержаніемъ олова (отъ 8, 25 до 9,83%), такъ что ихъ можно отнести къ эпохѣ пере-

ходной отъ мѣдной къ бронзовой. Я позволю себѣ предположить, что мы имѣемъ здѣсь мѣдную эпоху, которая могла существовать послѣ каменной или одновременно съ нею и была затѣмъ вытѣснена пришедшей сюда изъ Китая еще въ глубокой древности эпохой бронзы и желѣза, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣднiй металлъ былъ въ употребленiи въ Азiи на 1000 лѣтъ раньше, нежели въ Европѣ. Нельзя также отрицать и того, что эпоха бронзы и желѣза могла здѣсь существовать рядомъ съ каменной и мѣдной.

Не только на густоту здѣсь населенiя, но и на разнородную культуру его указываютъ, кромѣ стоянокъ каменнаго вѣка, и другiе доисторическiе памятники: руническiя надписи на скалахъ, могилы разной формы и величины, древнiе валы и шанцы и, наконецъ, слѣды искусственнаго орошенiя, указывающiе на то, что нѣкогда существовало здѣсь болѣе экстензивное хлѣбопашество и что жители знакомы были съ поливкою полей. Такiя оросительныя канавы и понынѣ въ употребленiи въ такъ называемой «житницѣ Забайкалья», въ старообрядческихъ селахъ Верхнеудинскаго округа, по среднему теченiю р. Хилка: Бичурѣ, Сухомъ ручьѣ, Красномъ Яру и др. Развитiе земледѣлiя подтверждаютъ здѣсь не только находки первобытныхъ каменныхъ жернововъ разной формы и величины, но и другiя земледѣльческiя орудiя, какъ, напр., сошники, довольно большую коллекцiю которыхъ намъ удалось собрать для Троицкосавскаго музея. Въ коллекцiи этой мы имѣемъ сошники разной величины и формы и изъ разныхъ металловъ, начиная отъ бронзовыхъ, неуклюжихъ кованыхъ желѣзныхъ до малыхъ чугунныхъ литыхъ, а насколько они чужды бурятскому и монгольскому населенiю, видно изъ того, что послѣднее считаетъ эти сошники священными и называетъ ихъ небесными громовыми стрѣлами.

Безслѣдно исчезнувшiе или, быть можетъ, вошедшiе въ составъ другихъ народностей древнiе аборигены оставили между другими памятниками, изслѣдованными мною совмѣстно съ Я. С. Смолевымъ, еще могилы съ обрядомъ погребенiя въ лиственничныхъ срубахъ. Народъ этотъ, хотя и пастушескiй, хоронившiй своихъ покойниковъ иногда по нѣскольку въ одномъ гробу вмѣстѣ съ домашними животными: быками, баранами, собаками и т. д., зналъ, какъ видно изъ находокъ, употребленiе многихъ металловъ, бронзы, даже золота; желѣзо у нихъ примѣнялось въ большомъ количествѣ не только въ обиходѣ, но имъ прикрѣпляли даже костяныя и золотыя украшенiя; кромѣ того, встрѣчаются часто глиняные горшки и разныя костяныя издѣлiя. Этотъ обрядъ погребенiя мы нашли пока на довольно ограниченной территорiи. Было бы весьма важно прослѣдить направленiе этого погребенiя дальше на востокъ, а потомъ установить связь съ погребенiемъ того же рода, находимымъ въ Минусинскомъ краѣ; это тѣмъ важнѣе, что не только выяснилась бы территорiя, которую за-

нималъ этотъ народъ на огромномъ пространствѣ южной Сибири, но вмѣстѣ съ тѣмъ и путь, по которому онъ проходилъ.

Вотъ все, что намъ извѣстно о народахъ, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ нашей мѣстности; переходимъ къ извѣстіямъ о нихъ по историческимъ даннымъ.

Самыя давнія свѣдѣнія о жителяхъ Центр. Азіи мы находимъ въ древнихъ лѣтописяхъ китайцевъ, какъ ближайшихъ цивилизованныхъ сосѣдей сѣверныхъ кочевниковъ; свѣдѣнія эти были бы весьма цѣнными, если бы въ нихъ не были перепутаны и смѣшаны географическія и историческія имена народовъ и мѣстностей, въ которыхъ трудно разобраться. Самыя обильныя и цѣнныя, но болѣе позднія извѣстія о древнихъ номадахъ мы почерпаемъ изъ арабскихъ и персидскихъ источниковъ, въ особенности отъ персидскаго писателя Рашидъ-Эддина, описавшаго распредѣленіе номадовъ въ Татаріи въ эпоху Чингисъ-хана. Этотъ писатель описываетъ мѣста поселенія, а также даетъ свѣдѣнія о народностяхъ, подчинявшихся династіи Чингисхановъ до начала XIV в. Не менѣе цѣнныя свѣдѣнія даютъ намъ европейскіе путешественники, начиная съ папскихъ посланниковъ Іоанна Плано-Карпини съ товарищами, посланныхъ въ 1245 г. въ Татарію для умиротворенія грозныхъ завоевателей и обращенія ихъ въ христіанство. Св. Людовикъ, король французскій, въ 1249 г. посылаетъ съ этою же цѣлію тоже монаховъ. Въ 1252 г. опять снаряжаетъ папа религіозную миссію во главѣ съ монахомъ Рубруквисомъ, и наконецъ, имѣется описаніе знаменитаго путешественника XIII в., венеціанца Марко-Поло, величайшаго изъ путешественниковъ въ Азіи. Всѣ эти описанія, доставшіяся современникамъ, къ сожалѣнію, весьма скудны и касаются больше исторіи царствующихъ династій, нежели быта и культуры тогдашнихъ народовъ.

Номады, кочевавшіе нѣкогда въ Центр. Азіи и называемые китайцами сѣверными варварами, уже въ глубокой древности наводили ужасъ своими набѣгами и разореніями сосѣднихъ южныхъ странъ. Для огражденія отъ нихъ, еще за 2½ вѣка до Р. Х., во время царствованія Гіонъ-ну, была воздвигнута на сѣверѣ Китая стѣна. Между многочисленными племенами номадовъ разнаго происхожденія, смѣнявшихся одни другими и ведшихъ между собою безпрестанную борьбу въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, встрѣчались и болѣе культурные, принадлежавшіе къ нѣкоторымъ народамъ тюркскаго происхожденія. Въ V в. по Р. Х. геогены покоряютъ сѣверныхъ номадовъ, но ихъ господство падаетъ, низверженное тюрками, подчинившими себѣ народы, жившіе отъ Восточнаго океана до Каспійскаго моря и отъ Китая и Тибета до Ледовитаго океана. Съ того времени Центр. Азія, особенно восточная ея часть, стала извѣстна подъ именемъ Татаріи. Слово «татаринъ» обозначало въ смыслѣ, употребляемомъ китайцами, дикихъ варваровъ. Названіе это давалось въ странѣ, говоритъ Рашидъ, во времена царствованія въ ней татаръ, всѣмъ народностямъ, входившимъ

въ политическій составъ этого государства, помимо того, что былъ отдѣльный народъ татары; то же самое было впослѣдствіи съ распространеніемъ господства монголовъ, названіе которыхъ приписывали другимъ народамъ, входившимъ въ составъ Монгольской монархіи. Рубруквисъ говоритъ также, что именемъ татаръ китайцы называли въ разныя эпохи разные народы, какъ дикія орды наѣздниковъ, такъ и сѣверныхъ номадовъ; названіе «татаринъ», равнозначущее бранному слову «варваръ», перешло, вѣроятно, оттуда и къ европейцамъ. Государство татаръ было покорено въ 744 г. китайцами сообща съ уйгурами и другими сосѣдними народами. Надъ народами Центр. Азіи уйгуры распространяли свое господство до 848 г., т. е. до нашествія киргизовъ. Въ X в. киданцы завладѣваютъ Татаріей, а потомъ и сѣвернымъ Китаемъ. Господство киданцевъ въ 1125 г. низвергаютъ номады чурчи, завоевавшіе часть Китая, и династія эта утверждается тамъ подъ именемъ кинской, раздѣлившей власть надъ Китаемъ съ сунской династіею. Границы Кинской монархіи на сѣверѣ заходили далеко за Амуръ и Байкалъ, и номады Татаріи платили ей ясакъ.

По историческимъ даннымъ въ распредѣленіи древнихъ обитателей Центральной Азіи нужно принять двѣ эпохи: одну—до XIII в., до временъ Чингисъ-хана, а другую—послѣ него, такъ какъ извѣстно, что завоеванія Чингисъ-хана вызвали значительныя перекочевки и перемѣщенія народовъ изъ ихъ древнихъ стоянокъ. Свѣдѣнія о распредѣленіи народовъ въ VIII в. въ современной Монголіи, Манчжуріи и части Сибири мы имѣемъ, благодаря В. В. Радлову и Б. Томсену, прочитавшимъ древнія надгробныя надписи на орхонскихъ и енисейскихъ ханскихъ памятникахъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что первоначальною родиною турокъ и резиденціею хана является «Утукенъ-іышъ», т. е. горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Мѣстность эта, какъ полагаютъ, лежала въ бассейнѣ р. Орхона, къ сѣверу отъ великой пустыни, а В. В. Радловъ этимъ именемъ называетъ всю страну къ сѣверу отъ истоковъ Орхона до оз. Косогола. Утукенскую страну въ надписяхъ называютъ турецкою «Эль». Послѣднее слово означало по-турецки «союзъ», т. е. собраніе племенъ, имѣющихъ общую государственную организацію. Турки, хотя народъ кочевой, въ то время достигли уже, какъ это видно изъ письменности ихъ и орѳографіи, оставшейся на памятникахъ, извѣстной культуры, какой не достигъ ни одинъ изъ турецкихъ народовъ, и въ этомъ можетъ соперничать съ ними лишь современная османская письменность. Большее развитіе языка въ орхонскихъ надписяхъ въ сравненіи съ таковыми же на Енисеѣ, принадлежащими кыркызамъ, приводитъ ученыхъ къ заключенію, что алфавитъ и орѳографія турокъ постепенно усовершенствовались, что енисейскія надписи древнѣе орхонскихъ и что турецкая письменность подвигалась съ

запада на востокъ. Въ орхонскихъ надписяхъ перечисляются названія народовъ, жившихъ вокругъ турецкаго «эля».

Нѣсколько вѣковъ спустя, мы видимъ измѣненіе карты народовъ, населяющихъ Азію. Въ началѣ XIII в. теперешняя Зап. Сибирь была занята между р.р. Енисеемъ и Иртышемъ народами тюркскаго племени: кыркызами, уйгурами и др. На востокъ отъ Хинганскихъ горъ и истоковъ р. Сунгари земли принадлежали тунгусамъ, владѣвшимъ тогда частью сѣвернаго Китая, а потомъ и цѣлымъ этимъ государствомъ, серединныя же земли на сѣверъ отъ великой Гобійской пустыни занимали народы монгольскаго племени.

Разсмотримъ прежде данныя, оставленныя намъ древними писателями о тюркскихъ племенахъ.

Изъ платящихъ дань Кинскому государству самыми многочисленными были *найманы*. По Рашиду, они занимали цѣпи Большого Алтая и горы Каракорумъ. Найманы распадались на многіе мелкіе народы. Рашидъ упоминаетъ еще о сосѣднемъ съ найманами народѣ—*сикинъ-бики*. Ихъ царь носилъ титулъ Кадиръ-Баюрукъ-хана. Они были могущественнѣе самихъ наймановъ и кераитовъ, но въ эпоху Чингисъ-хана подчинялись князьямъ унгутскимъ. Дѣвицы этого народа, какъ и у наймановъ, славились красотою.

Уйгуры первоначально занимали земли между Орхономъ, Толомъ и Селенгой, а потомъ подчинили себѣ страну, простиравшуюся на западъ отъ Алтайскихъ горъ и доходившую на востокъ до большой пустыни. По китайскимъ источникамъ, одинъ изъ князей уйгурскихъ, пользуясь безпорядками въ Татаріи, отдѣлился въ 745 г. и принялъ вассальство китайскаго императора съ титуломъ Букунъ-хана. Онъ считается основателемъ Уйгурскаго царства, уничтоженнаго въ 847 г. кыркызами и китайцами. Съ того времени уйгуры сохранили изъ обширнаго царства лишь землю, лежащую на ю.-з. отъ Каракорумскихъ горъ, гдѣ поднимается цѣпь Небесныхъ. Уйгуры распадались на много мелкихъ народцевъ и исповѣдывали шаманство, какъ большинство азіатскихъ народовъ, но между ними распространялись и другія вѣроисповѣданія; въ XII в. и христіанство имѣло среди нихъ своихъ послѣдователей. Рядомъ съ уйгурами кочевниками жили и осѣдлые, занимавшіеся земледѣліемъ.

Кемъ-кемджуты жили первоначально на берегахъ р. Кемджика, потомъ они завладѣли страной, простиравшейся съ одной стороны до Монголіи и береговъ р. Селенги, съ другой — до р. Ангары, протекавшей на границѣ страны Аберъ-Сибирь. По Рашиду, кыркызы и кемъ-кемджуты составляли два отдѣльныхъ государства, имѣвшихъ особыхъ царей, признававшихъ надъ собою главенство монгольскихъ хановъ и посылавшихъ имъ въ подарокъ соколовъ.

Меркиты жили по р. Селенгѣ, на сѣверъ отъ кераитовъ; одинъ изъ родовъ ихъ племени, мудже, былъ покоренъ Чингисъ-ханомъ; родо-

начальникъ Тукта спасся бѣгствомъ въ чужія земли и велъ продолжительную войну съ монголами.

Кыркызы, которыхъ тоже причисляютъ къ тюркамъ, занимали обширную страну, граничившую на югѣ цѣпью Малаго Алтая (который отдѣлялъ ихъ отъ страны найдановъ) и простиравшуюся на ю.-в. до р. Селенги, а на с.-в. до р. Ангары. Рашидъ, причисляющій кыркызовъ преимущественно къ номадамъ, говоритъ, что у нихъ находились города и деревни. Въ половинѣ VII в. они подчинялись китайскому императору, въ 759 г. — уйгурамъ, господствовавшимъ тогда надъ Татаріей, но въ слѣдующемъ столѣтіи кыркызы низвергаютъ власть уйгуровъ и занимаютъ ихъ территорію. Властитель ихъ получилъ отъ китайскаго императора титулъ хана; однако, царство кыркызское просуществовало не долго.

Подъ частнымъ именемъ *татаръ* извѣстенъ народъ, жившій подлѣ границъ древней страны чурчей, на сѣверѣ Китая: они слыли за самыхъ богатыхъ изъ варваровъ. Особенно извѣстенъ одинъ изъ татарскихъ народцевъ, называвшійся *тутуколіотами*; по однимъ даннымъ этотъ народецъ былъ совершенно истребленъ Чингисъ-ханомъ, по другимъ — онъ исчезъ, слившись съ другими народами. Всѣхъ татаръ насчитывали тогда до 60 тыс. юртъ.

Чурчи (нючи) занимали территорію, граничившую на сѣверѣ р. Амуромъ, на востокѣ р. Сунгари, отдѣлявшую ихъ отъ киданцевъ; нѣкоторое время они владѣли какъ Китаемъ, такъ и всею Татаріей и утвердили тамъ кинскую династію, названную такъ по имени ихъ князя. Монархія ихъ была отброшена Чингисъ-ханомъ на южный берегъ Желтой рѣки, а потомъ и совсѣмъ уничтожена въ 1216 г.

Киданцы, соплеменные чурчамъ и манчжурамъ, съ незапамятныхъ временъ занимали сѣв.-восточную часть Китая. Они раньше подчинялись татарскимъ ханамъ и китайскимъ императорамъ и подраздѣлялись на 8 родовъ. Киданцы, какъ извѣстно, въ 1004 г. сдѣлали нашествіе на Китай, основавъ въ сѣверной его части свою династію, царствовавшую тамъ два столѣтія и низвергнутую чурчами.

Онгуты, маленькій народецъ, вѣроятно тюркскаго происхожденія, состоялъ на службѣ у императора чурчей и охранялъ часть великой стѣны отъ нападенія монголовъ и другихъ номадовъ.

Тангуты занимали часть обширной провинціи западнаго Китая Шанъси. Отъ нихъ произошла царствовавшая въ Китаѣ династія тангъ-гіанъ.

Страны, лежащія на сѣверъ отъ р. Селенги, называли общимъ именемъ «Ибиръ-Сибирь».

На востокъ отъ Байкала обитали народы, извѣстные подъ именемъ *баргутовъ*. Народы, жившіе далѣе отъ нихъ на сѣверъ, назывались *баргучинъ — тугрумъ*; на с.-в. кочевали тюркскіе народы. Къ ю.-в. отъ Байкала и по лѣвому берегу р. Аргуни расположились своими кочевьями

многочисленные народы монгольскаго племени. По древнимъ преданіямъ, монголы считаютъ первоначальною своею родиной нынѣшній Нижнеудинскій округъ Иркутской губ., граничащій съ юга Саянскимъ хребтомъ, а съ востока—Байкаломъ. Въ III и IV вв. часть ихъ переходитъ Саянскія горы, поселяясь въ сѣверной Монголіи между истоками рѣкъ: Селенги, Орхона, Кэрулена, Толы, Онона, и по Амуру. Древніе китайскіе источники упоминаютъ о монголахъ, подъ именемъ *монгу* или *мэнг-гу*, какъ о племени, распадающемся на много мелкихъ народцевъ, ведущихъ между собою безпрерывныя войны. Нѣкоторые изъ нихъ выдѣляются своею храбростью, достигаютъ большей силы и даже захватываютъ на нѣкоторое время власть надъ другими кочевниками. У нихъ существуетъ земледѣліе, встрѣчаются даже села и города. Изъ этихъ мелкихъ монгольскихъ народовъ наиболѣе выдѣлился въ XIII в. народъ, жившій въ современной сѣверной Монголіи. Изъ этой страны произошелъ и Темучинъ, прозванный впослѣдствіи Чингисъ-ханомъ и подчинившій себѣ всѣ мелкія монгольскія племена, а съ помощью ихъ и другіе народы тюркскаго происхожденія. Благодаря Темучину, монголы сдѣлались завоевателями почти всей Азіи и восточной Европы. То могущество, какого достигъ одинъ изъ народовъ монгольскихъ, соединившій подъ своею властью всѣ другіе, и дало, вѣроятно, поводъ считать страну, называемую Кентеемъ, первоначальною родиною всего монгольскаго племени.

Завоеванія Чингисъ-хана, покорившаго значительную часть свѣта и образовавшаго обширнѣйшее въ мірѣ государство, составили ему имя непобѣдимаго. Счастье въ сраженіяхъ, безпощадность въ отношеніи побѣжденныхъ и кровожадность послужили источникомъ легенды, которая говоритъ, что онъ родился съ кускомъ запекшейся крови въ правой рукѣ. Имя его наводило ужасъ на народы міра. Жестокости, убійства, пылающіе города, прекращеніе торговли, промышленности и уничтоженіе всякой жизни въ странахъ, пройденныхъ монголами, превращало ихъ въ пустыни, задерживая надолго культуру человѣчества. Рѣдко плѣнные заслуживали милости побѣдителей, большею же частью дѣлались ихъ жертвою, были обезглавлены или умирали мученическою смертью. Жены и дочери султановъ, князей и начальниковъ племенъ переходили въ собственность Чингисъ-хана и его приближенныхъ, вмѣстѣ съ драгоцѣнностями и предметами роскоши. Многія страны, по словамъ современныхъ лѣтописцевъ, превратились въ груды пепла, покрытыя человѣческими костями и орошенныя человѣческою кровью, ибо во многихъ странахъ только одинъ или двое на сто человѣкъ спасали жизнь, скрываясь въ горахъ и лѣсахъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что современники на появленіе Чингисъ-хана смотрѣли, какъ на катаклизмъ въ исторіи человѣчества, что имя его наводило страхъ на народы, и въ Европѣ представляли грозныхъ завоева-

телей въ образѣ людей съ собачьими головами, питающихся человѣческимъ мясомъ.

Большая часть образованной Чингисъ-ханомъ монархіи была занята номадами, другая разорена войсками. Ни одинъ изъ тогдашнихъ народовъ не былъ такъ бѣденъ, какъ монголы; во времена Чингисъ-хана награбленная при походахъ добыча стала ихъ обогащать, ибо всѣ способные носить оружіе въ древней Татаріи были солдатами. Смерть помѣшала Чингисъ-хану выполнить его начертанія и завоевать весь тогдашній міръ; онъ умеръ 66 лѣтъ отъ роду, послѣ болѣе 40-лѣтняго царствованія (1185—1227 г.). Побѣды его были огромны: насчитываютъ сто народовъ, признавшихъ надъ собою власть Чингисъ-хана. Не только благодаря силѣ воли, хитрости и вѣроломству, добился онъ столькихъ побѣдъ, но и благодаря своему военному генію. Маститый историкъ Чингисъ-хана, баронъ d'Ohsson, сравниваетъ его разрушительную дѣятельность съ огромнымъ потокомъ, своимъ внезапнымъ разлитіемъ наводящимъ уже издали страхъ и отнимающимъ у осажденныхъ народовъ мужество для защиты. Никогда, говоритъ этотъ историкъ, завоеватель не доводилъ такъ далеко своего презрѣнія къ человѣчеству и никогда не имѣлъ въ войскѣ такого слѣпого и безропотнаго исполнителя своихъ начертаній.

Появленіе въ исторіи Чингисъ-хана составляетъ важную эпоху въ жизни народовъ, а тѣмъ болѣе Центр. Азіи. Древніе народы перемѣняютъ мѣста своихъ поселеній: одни, тѣснимые другими, уходятъ дальше, иные истребляются или вымираютъ, какъ неспособные къ жизни при новыхъ условіяхъ. Народы эти вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняютъ и свой внутренній обликъ, воспринимая чуждый имъ языкъ, нравы и культуру, какъ и антропологическія черты вслѣдствіе смѣшенія расъ. Не говоря о постоянныхъ кровосмѣшеніяхъ у народовъ въ глубокой древности вслѣдствіе частыхъ войнъ, при грубыхъ и невѣжественныхъ нравахъ номадовъ, подобная метисація производилась еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ во время послѣдующаго господства тюрковъ, а еще больше монголовъ. Сами монголы во время своего господства не старались охранять чистоту своего антропологическаго типа. Во время войнъ Чингисъ-хановыхъ кераитскія и ойратскія дѣвушки славились своею красотою и были весьма цѣнимы, а при многоженствѣ монголы брали себѣ обыкновенно дочерей и женъ побѣжденныхъ народовъ. Самъ Чингисъ-ханъ имѣлъ до 500 женъ; пять изъ нихъ были на правахъ законныхъ, пользовавшихся почетомъ царствующихъ лицъ и происходившихъ изъ княжескаго рода. Женщины побѣжденныхъ народовъ были обыкновенно предоставляемы на усмотрѣніе хана, который самыхъ красивыхъ выбиралъ для себя, а остальныя переходили къ другимъ сановникамъ. Между женами простыхъ монголовъ находились многія, взятыя, какъ добыча, у покоренныхъ народовъ. Есть, кромѣ того, факты, указывающіе на сплошное смѣшеніе расъ у древнихъ

обитателей Азіи. Оготай, сынъ Чингисъ-хана, покоривши племя ойратъ, велѣлъ собрать 4 тысячи дѣвицъ этого племени, выбралъ изъ нихъ самыхъ красивыхъ для себя и для своего двора, другихъ же роздалъ офицерамъ и помѣстилъ въ публичные дома.

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что въ глубокой древности народы двухъ племенъ, тюркскаго и монгольскаго, населяли Центр. Азію. Изъ нихъ тюрки раньше достигли главенства и были, можетъ-быть, на пути къ высшей культурѣ; между кочевьями ихъ уже тогда появлялась и жизнь осѣдлая, развивалось земледѣліе, зарождались международныя торговыя сношенія, встрѣчались города и села. Кромѣ самой низшей формы религіозныхъ вѣрованій—шаманства, среди тюрковъ распространялось магометанство, рядомъ съ нимъ буддизмъ и даже христіанское ученіе. Грубая сила дикихъ монгольскихъ ордъ подчинила себѣ не только тюрковъ, но и другіе восточно-европейскіе народы, уничтоживъ начала культурной работы и на цѣлые вѣка задержавъ развитіе востока.

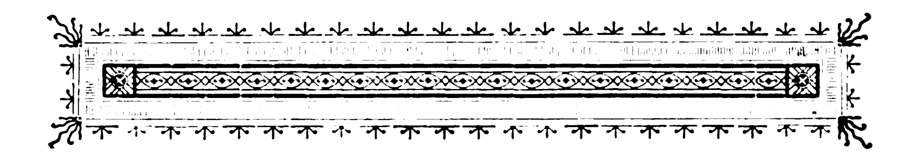
Татарія, послѣ паденія Чингисхановой монархіи въ 1412 г., распадается на много мелкихъ княжествъ, которыя ведутъ между собою безпрестанную войну за старшинство и по временамъ подпадаютъ подъ власть Китая, дѣлаютъ новыя перекочевки, а при случаѣ—нападенія на сосѣдей. Послѣ двух-вѣкой борьбы мелкія монгольскія княжества еще разъ соединяетъ подъ своею властью Даянъ-Сеценъ-ханъ въ 1543 г., но не надолго. Послѣ него Монголія раздѣляется между его сыновьями. По утвержденіи въ Китаѣ дайцинской династіи, южная Монголія подпала подъ власть Китая, тогда какъ сѣверная—Халка—боролась съ ойратами Чжунгаріи, а потомъ и она подверглась той же участи.

Благодаря всѣмъ этимъ историческимъ событіямъ, перемѣняется карта древняго міра. Тюркскія племена, тѣснимыя монгольскими кочевьями, съ юга подвигаются къ сѣверу, а многія изъ оставшихся воспринимаютъ монгольскую культуру или исчезаютъ. Такъ, напр., якуты, быть-можетъ, жившіе нѣкогда южнѣе, и тунгусы—звѣроловы опять уходятъ на далекій сѣверъ. Появившійся въ послѣдующихъ вѣкахъ за Байкаломъ одинъ изъ родовъ древняго племени баргучинъ, вѣроятно, тюркскаго происхожденія,—буряты, жившіе по восточной сторонѣ Байкала, разселились по обѣимъ сторонамъ этого озера, подверглись смѣшенію съ тюрками—тунгусами, а еще болѣе съ сѣверными монголами, т. наз. халхасцами, отъ которыхъ восприняли языкъ и культуру, изъ чего создалась особая этнографическая единица современныхъ монголо-бурятъ. На сѣверѣ пустыни Гоби расположились кочевья халхасцевъ или сѣверныхъ монголовъ, считающихъ себя нынѣ представителями чистой монгольской расы. Древнюю территорію наймановъ и уйгуровъ заняли джунгары; между пустынею Гоби и великою стѣною поселились чахары, ордосъ и т. д. И въ послѣдующихъ вѣкахъ какъ смѣшеніе, такъ и добровольныя перекочевки монголовъ къ

бурятамъ въ Сибирь не только не прекращаются, но сама дайцинская династія, царствующая нынѣ въ Китаѣ, создала искусственную метисацію, переселяя, съ цѣлью успокоенія монголовъ, много кочевниковъ съ сѣвера на югъ и обратно. Самая западная отрасль монголовъ—ойраты проникли до береговъ Дона и Волги, получивъ названіе калмыковъ.

На современныхъ народностяхъ Центр. Азіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, подтверждается мнѣніе антропологовъ, что нельзя смѣшивать языкъ и культуру народа съ его антропологическимъ происхожденіемъ. Есть народы тюркскаго происхожденія, что подтверждаетъ и ихъ особенный типъ, исповѣдующіе буддизмъ и говорящіе по-монгольски, много опять монгольскихъ народовъ перемѣшалось или не живетъ нынѣ въ своихъ древнихъ поселеніяхъ. Мы это видимъ на урянхахъ, именующихъ себя потомками уйгуровъ, на джунгарскихъ поколѣніяхъ дюрбэтовъ, именуемыхъ ойратами и заселяющихъ часть Кобдоскаго округа, джунгарскихъ переселенцахъ чоросъ въ Сайнъ-Нойонскомъ аймакѣ Халхи, на одной изъ вѣтвей халхасцевъ, живущихъ въ сѣверной Монголіи у истоковъ р. Онона, по имени баргу, вѣроятно, потомковъ выходцевъ племени, нѣкогда жившаго на восточной сторонѣ Байкала, наконецъ, на бурятахъ и тунгусахъ, представляющихъ такую же помѣсь. Нечего говорить, что, при свободныхъ нравахъ номадовъ, смѣшеніе могло происходить постоянно среди отдѣльныхъ группъ рядомъ жившихъ народностей. Достаточно присмотрѣться къ населенію южной Монголіи, какъ равно къ жителямъ, живущимъ подлѣ маймаченовъ Кяхтинскаго, Ургинскаго и другихъ китайскихъ торговыхъ слободъ и фанзъ (фермъ) Монголіи, чтобы узнать въ этомъ монгольскомъ населеніи антропологическую смѣсь китайско-монгольскую, которая создается даже на нашихъ глазахъ.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.

Въ 1890 г., желая ближе ознакомиться съ населеніемъ Харьковской губ., я, при помощи нѣсколькихъ студентовъ Харьковскаго университета, произвелъ рядъ антропологическихъ измѣреній во время рекрутскихъ наборовъ. Результаты этихъ измѣреній были мною напечатаны въ «Студенческомъ Географическомъ Сборникѣ», издававшемся тогда подъ моею редакціей. Эти данныя были затѣмъ мною провѣрены въ 1898 и 1899 гг. и дополнены измѣреніями въ тѣхъ селахъ и волостяхъ, которыя были по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ пропущены при первомъ изслѣдованіи. Такимъ образомъ, предлагаемыя здѣсь данныя основаны на измѣреніяхъ болѣе 1500 человѣкъ.

Изслѣдованія эти еще далеко не закончены. Каждое послѣдующее измѣреніе новобранцевъ наталкивало на новые и новые вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ указывало на неточности и неправильности, требующія поправокъ. Пользованіе временемъ призыва новобранцевъ для цѣлей антропологическаго изслѣдованія представляетъ тѣ удобства, что наблюдатель имѣетъ возможность измѣрить большія количества людей почти одного возраста, мѣсто происхожденія коихъ хорошо извѣстно, но оно имѣетъ и тотъ большой недостатокъ, что измѣренія должны производиться *быстро*; каждому человѣку можно посвящать всего нѣсколько минутъ, а потому можно взять только *главныя мѣры*, но нельзя производить полнаго измѣренія; кромѣ того, и что особенно неудобно, новобранцы сгруппированы не по селеніямъ или волостямъ, откуда они родомъ, а по №№ жеребья, почему, являясь вразбивку, они очень затрудняютъ полученіе правильнаго пред-

ставленія господствующаго въ томъ или другомъ селеніи типа. Когда сдѣлаешь выводъ изъ полученныхъ таблицъ, вновь собрать новобранцевъ уже нельзя и ихъ приходится провѣрять лишь на слѣдующій годъ. Потому, поневолѣ приходится *пока* ограничиваться приведеніемъ данныхъ о слѣдующихъ мѣрахъ: головного показателя по Брока, наибольшей длины и ширины лица, носового показателя, формы носа, цвѣта волосъ, глазъ, роста, объема груди и длины ногъ, откладывая общую характеристику господствующихъ типовъ до болѣе подробныхъ изслѣдованій, которыя предположено произвести осенью 1900 г.

Населеніе Харьковской губ. (и въ частности изслѣдуемаго района) по преимуществу *малороссійское.* По даннымъ историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, исключительно малорусское населеніе находится въ селеніяхъ: Хорошево, Ольшаны, Ивановка, Ольшанская, Пересѣчное, Песочинъ, Липцы, Циркуны, Черкасскіе Тишки, Черкасская Лозовая, Лопань, Должикъ; исключительно великорусское — въ селеніяхъ: Васищево Шубино, Большіе Проходы, Русская Лозовая, Русскіе Тишки; смѣшанное— въ Безлюдовкѣ, Бабаяхъ, Удахъ, Золочевѣ и др., хотя вездѣ преобладающимъ являются малороссы или черкасы. Другіе элементы встрѣчаются здѣсь, какъ исключеніе, и совершенно слились съ мѣстнымъ населеніемъ. Нѣкоторая примѣсь валаховъ есть въ Валковской группѣ поселковъ, но они мало выдѣляются отъ другихъ. Такимъ образомъ, главной задачей нашихъ измѣреній было выдѣлить антропологическія особенности русскаго и малороссійскаго населенія.

Волости, въ которыхъ производились рекрутскіе наборы, были расположены въ 5 пунктахъ: въ сел. *Липцахъ,* гдѣ были осматриваемы новобранцы окрестныхъ деревень и селъ, принадлежавшихъ къ волостямъ: Липецкой, Циркуновской, Дементѣевской и Непокрытянской; въ селеніи *Бабаяхъ* были сгруппированы крестьяне волостей: Безлюдовской, Бабаевской, Артемовской, Основянской и Мерефянской. Въ селѣ *Ольшаны* были созваны волости: Ольшанская, Коротечанская, Пересѣчанская, Рогозянская и Вертѣевская. Въ *Дергачахъ* были созваны волости: Дергачевская, выселки Харькова, волости Алексѣевская, Даниловская. Около *Валокъ* группируются волости: Люботинская, Валковская, Минковская, Болгарская, Мерчанская. Наконецъ, дважды измѣрялось населеніе Харькова. Наибольшей чистотой населенія обладаетъ Ольшанская группа, — и по историческимъ даннымъ, и по нашимъ записямъ, это—*чистые малороссы.* Конечно, и здѣсь должна быть сторонняя примѣсь, но прослѣдить и возстановить ее невозможно.

Общая таблица головныхъ показателей населенія г. Харькова и ближайшихъ селеній.

Показатель.	Харьковъ.	Дергачи.	Бабаи.	Ольшаны.	Липцы.
70 и ниже	—	—	—	—	6
71	2	—	—	—	2
72	—	—	—	—	2
73	1	—	–	—	2
74	4	—	—	1	5
75	4	—	—	2	13
76	2	—	—	4	21
77	13	—	6	7	9
78	23	—	1	11	21
79	23	2	1	15	23
80	38	7	9	37	33
81	49	1	3	20	26
82	58	41	30	72	33
83	49	6	5	40	42
84	56	6	6	47	37
85	41	9	5	47	10
86	29	2	—	29	47
87	21	10	3	30	8
88	41	48	4	60	22
89	20	1	—	9	12
90	9	4	4	18	4
91	11	—	—	4	5
92	2	—	—	3	3
93	1	—	1	2	3
94	1	—	—	2	—
95	—	—	—	1	—
96	2	—	—	1	—
97	—	—	—	1	—
98	—	—	—	1	—
99	—	—	—	—	—
100	—	—	—	1	—

Въ Ольшанской группѣ было измѣрено 465 человѣкъ. Подавляющее большинство ихъ имѣло головные показатели между 80 и 90 (409 чел.), причемъ господствующими показателями были *88* и 82 и средніе между ними 84 и 85. Не было отмѣчено субъектовъ съ индексомъ ниже 74. Съ этимъ послѣднимъ былъ только 1 человѣкъ и, вообще, лицъ съ показателями ниже 79 было всего 25, что составляетъ около $5^{1}/_{2}\%$. Лицъ съ показателями выше 90 было 15 или $3^{1}/_{2}\%$. Все населеніе этой группы было малороссійское по языку, костюмамъ и фамиліямъ.

Въ Липецкой группѣ было измѣрено 389 чел. Хотя и здѣсь большинство показателей колебалось между 80 и 90 (274 чел.), однако, на долю показателей болѣе низкихъ падаетъ гораздо большій %. Лицъ съ показателями ниже 79 было 81 или 20,8%, причемъ наименьшій показатель былъ 68, и лицъ съ показателемъ ниже 75 было 17, тогда какъ съ показателемъ выше 90 всего 11 или 2,8%.

Эти цифры получаютъ особый интересъ, если принять во вниманіе, что здѣсь населеніе *смѣшанное*, и въ группу входятъ какъ русскіе, такъ и малороссійскіе поселки. Правда, населеніе въ тѣхъ и другихъ не чистое и много смѣшанныхъ браковъ, но до сихъ поръ въ русскихъ селеніяхъ сохранился особый обликъ, языкъ, костюмъ и преобладаютъ русскія фамиліи, тогда какъ малороссійскія села и волости обликомъ населенія напоминаютъ предыдущую группу. При измѣреніяхъ 1898 г. были записываемы фамиліи измѣренныхъ, причемъ оказалось, что въ русскихъ и смѣшанныхъ селахъ замѣчено было преобладаніе долихоцефаловъ, а въ чисто малороссійскихъ — брахицефаловъ; такъ, изъ 12 лицъ съ индексами въ 75 и ниже было 10 изъ русскихъ селъ и изъ нихъ 5 съ чисто русскими фамиліями, и только 2 жителя малороссійскихъ селеній. Изъ 52 лицъ, показатели которыхъ колебались между 79 и 76, мы имѣли 7 малороссовъ, 16 русскихъ съ русскими фамиліями и 19 представителей смѣшанныхъ селъ. Между показателями 80—85 отношеніе между русскими и малороссами приблизительно одинаково; начиная же отсюда, наблюдается полное преобладаніе за малороссами; такъ, лишь съ показателями отъ 86—90 изъ 78 измѣренныхъ было чистыхъ малороссовъ 36, русскихъ-же всего 7, остальные были изъ смѣшанныхъ поселковъ. Наконецъ, ни одного русскаго не было съ показателями выше 90, и изъ 13 измѣренныхъ субъектовъ 8 были изъ чисто малороссійскихъ селеній. Такимъ образомъ, здѣсь рѣзко сказывается присутствіе среди малороссовъ нѣкотораго сильно брахицефальнаго элемента, котораго нѣтъ у русскихъ.

Къ группамъ, гдѣ отсутствуетъ великороссійскій элементъ, слѣдуетъ отнести и *Валковскую*. Здѣсь, подобно Ольшанской группѣ, преобладаютъ показатели 80 и выше; изъ 204 чел. только 28 имѣли показатель меньшій 80, причемъ изъ нихъ 14 имѣли 79 съ дробью, а изъ 7, имѣвшихъ 78,—6 были жителями *города* Валокъ и окрестностей, почему чистота крови ихъ могла внушить нѣкоторыя сомнѣнія. Замѣчательно великъ % лицъ съ показателемъ 88—89, именно 25 чел.; 8 чел. имѣли показатель большій, чѣмъ 90. Цифры эти очень близки къ тѣмъ, что даетъ группа Ольшанская и чисто малороссійскія селенія Липецкой группы.

Подобное же отношеніе давали и старыя измѣренія; всѣ лица, имѣвшія показатель выше 75 (10 чел.), были русскіе. Изъ 9 съ показателемъ въ 75 восемь были русскіе и, только начиная съ 76, встрѣчаются въ одина-

ковомъ числѣ лица съ русскими и малороссійскими фамиліями, большей частью изъ смѣшанныхъ селъ.

Въ Бабаяхъ крайніе изъ измѣренныхъ долихоцефаловъ были русскіе, но здѣсь значительный % выходцевъ изъ русскихъ селъ имѣлъ показатели 80 и 82, что прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что далеко не всѣ великороссы обязательно долихоцефалы, но что среди нихъ преобладаетъ этотъ элементъ, сказывающійся особенно сильно въ Липецкой группѣ и отсутствующій или представленный очень слабо тамъ, гдѣ великороссовъ нѣтъ. Мы уже видѣли отсутствіе его въ Ольшанской группѣ; его нѣтъ и въ Дергачевской, составленной большей частью изъ малороссовъ; здѣсь изъ 137 новобранцевъ только 2 имѣли указатели 79 и 63, колеблясь между 87 и 90. То-же можно сказать и о самомъ Харьковѣ съ его пригородами. Населеніе его, составленное преимущественно изъ малороссійскихъ выходцевъ, поражаетъ рѣзко выраженнымъ преобладаніемъ элементовъ съ показателями выше 80, особенно же 82 и 88.

Изслѣдованіе цвѣта глазъ показало полное преобладаніе оттѣнковъ свѣтлыхъ: сѣраго и голубого. Въ чисто-малороссійскихъ группахъ второе мѣсто послѣ сѣраго занимаетъ *зеленый* и, сравнительно, второстепенную роль занимаютъ глаза каріе. Прилагаемая таблица прекрасно это иллюстрируетъ.

Глаза:	Харьковъ.	Липцы.	Ольшаны.	Валки.	Бабаи.	Дергачи.	Всѣхъ.
Сѣрые и голубые	108	238	151	52	79	39	667
Зеленые и свѣтло-коричневые	53	79	141	40	27	45	385
Каріе	75	60	24	29	8	13	209
							1261

Такимъ образомъ, населеніе Харькова и его окрестностей имѣетъ 53,6% сѣрыхъ и голубыхъ глазъ и не болѣе 16,5% карихъ. Замѣчательно также преобладаніе зеленыхъ глазъ, особенно въ чисто *малороссійскихъ* селеніяхъ, равно какъ сравнительно большое распространеніе глазъ *голубыхъ*. Во многихъ группахъ голубоглазые субъекты встрѣчаются столь же часто, а въ Ольшанахъ даже чаще, чѣмъ сѣроглазые и, вообще, они чаще, чѣмъ каріе.

Возьмемъ теперь волосы:

	Липцы.	Дергачи.	Бабаи.	Ольшаны.	Харьковъ.
Волосы русые	45	28	61	54	106
„ коричневые	65	69	53	89	117
„ черные	10	—	—	2	13

Оказывается, что, подобно каримъ глазамъ, и черные волосы уже рѣдкость въ краѣ. Преобладаютъ различные оттѣнки *каштановаго* цвѣта и волосы чисто-русые. Такимъ образомъ, вопреки ожиданію, несмотря на преобладающій малороссійскій элементъ въ краѣ, сѣрые глаза и русые волосы господствуютъ повсюду, и темные элементы играютъ роль примѣси, растворившейся въ коренномъ населеніи блондиновъ, пропавъ въ немъ безслѣдно или давъ шатеновъ.

Для простоты счисленія я позволю себѣ разбить населеніе края на слѣдующія легко различимыя группы:

1) Лица съ глазами чисто-сѣрыми или чисто-голубыми, при русомъ цвѣтѣ волосъ, причемъ подъ словомъ «русый» я разумѣю всѣ оттѣнки отъ цвѣта соломы и льна до рыжевато-желтаго цвѣта.

2) Лица съ глазами чисто-карими и черными (по скалѣ Брока) волосами.

3) Глаза каріе, но волосы отъ свѣтло до темно-и черно-каштановаго или коричневаго цвѣта.

4) Глаза сѣрые, голубо-сѣрые или голубые при томъ же цвѣтѣ волосъ.

5) Глаза смѣшаннаго цвѣта, т.-е. сѣрые съ коричневыми крапинами, зеленовато-сѣрые, зеленовато-коричневые и т. п.—съ русыми волосами.

6) Такіе же глаза съ коричневыми или черными волосами.

Преобладаніе бѣлокураго элемента выступаетъ особенно отчетливо, если мы посмотримъ на комбинаціи цвѣта глазъ и волосъ, наблюдающіяся въ населеніи.

Такъ, *въ Липецкой группѣ* имѣемъ комбинаціи: № 1 — 41, № 2 – 4, № 3—13, № 4—47, № 5—4, № 6—16.

Въ Дергачевской: № 1 — 9, № 2 — 0, № 3 — 13, № 4 — 30, № 5 — 19, № 6—26.

Въ Бабаевской: № 1 — 51, № 2 — 0, № 3 — 8, № 4 — 118, № 5—10, № 6—17.

Въ Ольшанской: № 1—29, № 2—0, № 3—2, № 4—17, № 5 — 4, № 6—28.

Въ Харьковѣ: № 1 — 65, № 2 — 10, № 3 — 65, № 4 — 42, № 5 — 24, № 6—30.

Изъ этихъ таблицъ видно, что преобладающими комбинаціями являются сѣрые глаза съ русыми волосами или каштановые волосы съ сѣрыми или карими глазами. При всемъ желаніи найти связь между формою черепа и цвѣтомъ волосъ и глазъ, понятно, сопоставленія чиселъ не приводятъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Хотя большинство крайнихъ брахицефаловъ и были субъектами бѣлокурыми и сѣроглазыми, однако, были и полные брюнеты съ тѣми же показателями. Комбинаціи сѣрыхъ глазъ съ темно-коричневыми волосами чаще всего отвѣчали пока-

зателямъ 82; наконецъ, между чистыми брюнетами съ карими глазами въ Липецкой волости было нѣсколько долихоцефаловъ. Это были чуть ли не единственные долихоцефалы изъ малороссовъ, причемъ рѣдкій случай совпаденія черныхъ волосъ и глазъ падалъ именно на нихъ. Не входя пока въ разсмотрѣніе значенія этихъ фактовъ, укажу на результатъ другихъ измѣреній. Изъ нихъ, вопреки ожиданію, *ростъ* не далъ никакихъ опредѣленныхъ выводовъ.

Во всѣхъ безъ исключенія группахъ оказалось, что подавляющее большинство новобранцевъ имѣло ростъ около 2 арш. 5 верш. и 2 арш. 4 верш. Отъ этой средней въ ту и другую сторону число лицъ быстро убывало, и весьма немногіе достигали крайнихъ предѣловъ въ 2 арш. 9 верш. и 2 арш. Нижеслѣдующая таблица это показываетъ наглядно.

Ростъ новобранцевъ сельскаго сословія Харьковскаго уѣзда:

Ростъ.	Липцы.	Дергачи.	Бабаи.	Ольшаны.
2 ар. 10 вер.	1	—	—	—
2 „ 9 „	1	1	1	—
2 „ 8 „	3	8	4	2
2 „ 7 „	16	21	11	7
2 „ 6 „	20	43	30	17
2 „ 5 „	39	45	41	12
2 „ 4 „	22	40	35	23
2 „ 3 „	18	23	14	14
2 „ 2 „	6	4	6	5
2 „ 1 „	3	—	—	2
2 „ 0 „	2	—	—	—

Словомъ, выраженное кривою отношеніе роста дало бы гору объ одной вершинѣ, соотвѣтствующей среднему росту населенія 2 арш. $4^1/_2$ верш., причемъ, чѣмъ чище населеніе, тѣмъ ближе къ этой средней стоитъ ростъ большинства измѣренныхъ субъектовъ. [1])

Ту-же картину представляютъ и результаты измѣренія груди и ногъ. Даемъ здѣсь результатъ нашихъ измѣреній въ Липецкой группѣ, произведенныхъ съ цѣлью выяснить вопросъ, нѣтъ ли разницы въ пропорціи этихъ частей у русскихъ и малороссовъ.

---

[1]) Новобранцы измѣрены не нами, а въ воинскомъ присутствіи по принятымъ тамъ способамъ.

Обхвать груди.

		Русскіе.	Малороссы.
21	сант.	9,3%	5,6
20	„	39,3%	37,9
19	„	39,3%	32,1
18	„	9,3%	17,7
17	„	—	6
16	„	1	—

Отсюда видно, что у русскихъ въ среднемъ обхватъ груди нѣсколько больше, чѣмъ у малороссовъ, хотя разница эта не велика, а при сравненіи съ другими группами сводится прямо къ нулю.

Обхватъ груди у сельскаго населенія Харьковскаго уѣзда.

		Ольшаны.	Бабаи.	Дергачи.	Липцы.
21	сант.	11	5	17	7
20	„	56	17	75	41
19	„	49	37	79	46
18	„	20	24	49	18
17	„	7	5	5	6
16	„	—	2	2	1

Ноги измѣрялись въ воинскомъ присутствіи не по правиламъ антропометріи, почему нижеприведенныя числа научнаго значенія не имѣютъ. Бралась длина отъ полу и до паховъ.

		Ольшаны.	Дергачи.	Бабаи.	Липцы.
20—19	вер.	5	17	7	7
18		29	48	17	25
17		60	72	34	48
16		49	71	27	35
15		1	9	5	3

Въ сельскомъ населеніи наблюдается слѣдующее соотношеніе *формы носовъ*.

	Прямые.	Вогнутые.	Другія формы.
Липцы	82	35	5
Дергачи	54	20	12
Бабаи	81	24	—
Ольшаны	178	46	1
Харьковъ	112	52	72

Впрочемъ, въ рубрику прямыхъ носовъ включены и всѣ тѣ, которые имѣютъ столь слабыя выпуклости или вогнутости, что ихъ трудно отнести къ другимъ типамъ Брока [1]).

Намъ остается закончить нашъ обзоръ характеристикою типовъ, какъ

[1]) Я не даю здѣсь таблицъ носовыхъ и лицевыхъ показателей, такъ какъ они еще требуютъ провѣрки. Полученныя мною цифры довольно сильно отличаются отъ западно-европейскихъ въ смыслѣ большей ширины лица и носа, чѣмъ наблюдающіяся на западѣ.

эти послѣдніе представляются глазу наблюдателя. Къ сожалѣнію, внѣшнее описаніе типа—дѣло весьма трудное, почему нижеслѣдующіе діагнозы, хотя въ нихъ мы и старались включить все наиболѣе характерное, имѣютъ значеніе, лишь принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя. Несмотря на разнообразіе физіономій у жителей Харьковскаго уѣзда, если мы выбросимъ самый городъ съ его смѣшаннымъ населеніемъ, нельзя не видѣть, что большинство физіономій имѣютъ между собой много общаго и представляютъ какъ бы различныя сочетанія нѣсколькихъ, у нѣкоторыхъ субъектовъ съ особенной отчетливостью выраженныхъ, чертъ. Это — различная комбинація немногихъ опредѣленныхъ типовъ, группирующихся около извѣстныхъ волостей. Мы можемъ отличить слѣдующіе типы:

1) Бѣлокурый и сѣроглазый, съ блѣднымъ цвѣтомъ кожи, прямыми волосами, болѣе или менѣе круглою головою, сравнительно круглымъ, съ выдающимися скулами, лицомъ, рѣдкими волосами бороды, одиноко торчащими въ 21-лѣтнемъ возрастѣ на подбородкѣ, съ прямою или слегка вогнутою формою носа, широкою грудью, правильною формою ушной раковины и обозначенною (хотя слабо) таліею. Волосы хотя русые, но на основномъ соломенно-желтомъ тонѣ они отдаютъ слегка золотисто-рыжеватымъ. На груди отсутствіе волосъ. Типъ этотъ въ чистомъ видѣ и въ смѣшеніи развитъ особенно въ Ольшанахъ и Бабаяхъ, хотя попадается и во всѣхъ прочихъ группахъ.

2) Столь же бѣлокурый и сѣроглазый, съ такимъ же оттѣнкомъ волосъ, но лицо вытянутое, скулы развиты меньше, носъ съ легкою выпуклостью, рѣже прямой, талія ясно выражена, развитіе бороды слабое, неправильное, ростъ ея начинается съ подбородка. Типъ попадается въ группахъ: Липецкой, Ольшанской, рѣже въ Бабаевской и друг. При смѣшеніи легко можетъ быть соединенъ съ предыдущимъ, разновидность котораго, повидимому, онъ и составляетъ. Брахицефализмъ, сравнительно длинный, часто выпуклый носъ, бѣлокурость при сѣрыхъ глазахъ и прямыхъ волосахъ—его характерныя черты. Эти два чисто малороссійскимъ поселкамъ присущихъ типа въ чистомъ видѣ и въ смѣшеніи даютъ главный контингентъ блондиновъ Харьковскаго уѣзда, которые, какъ мы видѣли, составляютъ большую часть населенія. Индексы 88 и 90 между ними не рѣдкость.

3) Болѣе или менѣе круглое лицо съ очень сильнымъ развитіемъ скулъ. Глаза голубые, рѣже зеленовато-каріе, носъ прямой или слегка вогнутый. Волосы прямые каштановые, темно-каштановые, почти черные. Борода развита слабо, щетинисто или растетъ неправильно (въ 21 лѣтнемъ возрастѣ). Цвѣтъ кожи смуглѣе предыдущихъ. Ростъ средній, талія выражена. На груди къ 21 г. волосъ нѣтъ. Господствующій показатель головы—82. Несмотря на то, что типъ этотъ очень распространенъ въ краѣ, являясь господствующимъ въ Липцахъ, Ольшанахъ, а отчасти и въ

другихъ селеніяхъ малороссійскаго корня, я не думаю, чтобы это была чистая форма населенія. Вѣрнѣе предположить, что это продуктъ смѣшенія съ кореннымъ бѣлокурымъ элементомъ весьма рѣдкаго, спорадически, преимущественно въ Липецкой группѣ, попадающагося элемента съ болѣе длинною головою, карими глазами, черными волосами, хорошо выраженной таліей, смуглымъ цвѣтомъ кожи при томъ же обликѣ физіономіи. Этотъ черноволосый типъ, считающійся у многихъ типично малороссійскимъ, кромѣ Липецкой группы, попадается еще въ самомъ Харьковѣ, въ остальныхъ же пунктахъ, повидимому, совершенно слился съ другими типами. Описанный выше типъ при своей распространенности представляетъ всевозможные переходы и оттѣнки, не поддающіеся описанію, понятіе о которыхъ даетъ хранящаяся въ университетѣ собранная нами коллекція фотографій

4) Лицо овальное, мало скуластое. Волосы рыжевато-русые, волнистые или вьющіеся. Борода слабая, но сильнѣе, чѣмъ у предыдущихъ. Глаза голубые, грудь широкая. Талія отчетливая. На груди развитіе волосъ. Этотъ весьма красивый типъ въ чистомъ состояніи очень рѣдокъ, но продукты разнообразныхъ смѣшеній обильны въ Дергачевской группѣ. Они даютъ нерѣдко субъектовъ съ карими глазами, темно-каштановыми волосами, но они рѣзко отличаются отъ прочаго населенія края курчавыми или волнистыми волосами (во всѣхъ другихъ группахъ волнистые волосы—величайшая рѣдкость), легкой волосистостью груди и легкой вогнутостью посрединѣ въ контурѣ нижней челюсти, круглымъ, но мало скуластымъ, красивымъ, правильнымъ лицомъ.

Эти четыре типа, такъ сказать, основные для малороссійскихъ поселковъ.

Кромѣ нихъ можно отличить два русскихъ типа: одинъ въ Липецкой волости—рѣзкіе долихоцефалы, цвѣтъ волосъ которыхъ колеблется отъ коричневаго до соломенно-желтаго, сравнительно круглый овалъ лица, большая мясистость всѣхъ частей тѣла, ровная, мягкая, всю челюсть окаймляющая, пробивающаяся пушистая бородка, дурно или совсѣмъ не развитая талія, полное отсутствіе волосъ на груди, болѣе тупая нижняя окраина лица—характерныя особенности этого типа; другой русскій типъ преобладающій въ Бабаевской группѣ, отличается круглыми очертаніями лица, тѣми же признаками, какъ у предыдущихъ, но болѣе круглою головою. Онъ въ смѣси съ малороссійскими типами сильно запутываетъ наблюдателя и дѣлаетъ типъ населенія Бабаевской группы весьма неопредѣленнымъ.

За исключеніемъ гор. Харькова, слѣдовъ еврейскаго вліянія намъ удалось найти весьма немного—2—3 индивида. Точно также и цыгане весьма мало фигурируютъ въ населеніи. Такимъ образомъ, и по числу господствующая масса населенія Харьковскаго уѣзда *малороссійская*,

но малороссы эти представляютъ продуктъ смѣшенія племенъ, существенно другъ отъ друга отличающихся какъ по внѣшности, такъ и по формѣ черепа. Приближаясь по росту къ среднему, 2 ар. $4^1/_2$ верш., они сильно отличаются другъ отъ друга прочими чертами, причемъ значительнымъ преобладаніемъ пользуется сѣроглазый—бѣлокурый и сѣроглазый—коричневоволосый типы, рѣзко отличающіеся и по формѣ черепа, и по облику лицъ отъ настоящихъ великороссовъ, не говоря уже объ языкѣ и обычаяхъ. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, если принять во вниманіе, что изслѣдованія, хотя, къ сожалѣнію, отрывочныя, въ Полтавской и Кіевской губ. показали, что и тамъ малороссы не однородны и что между ними можно находить области съ бѣлокурымъ и съ темноволосымъ населеніемъ.

Г. Эмме различаетъ въ Кобелякскомъ уѣздѣ около 4 типовъ чистыхъ малороссовъ: темныхъ долихо- и брахицефаловъ и свѣтлыхъ брахи- и субдолихоцефаловъ. Въ Харьковской губ. первые два типа почти (кромѣ г. Харькова) отсутствуютъ. Населеніе Ольшанской волости, напротивъ, чрезвычайно подходитъ по облику къ даннымъ Diebold'a [1]) о малороссахъ Кіевской губ. (Уман. у.). Онъ нашелъ у населенія преобладающій цвѣтъ кожи бѣлый (21% разныхъ смуглыхъ оттѣнковъ), волосъ—темно-коричневый, всего 29% блондиновъ и только 10% брюнетовъ, лица овальныя, лишь у 31% удлиненныя; глазъ карихъ 43% и сѣрыхъ 41%, голубыхъ всего 10%; преобладающая форма носа прямая—71%, горбатыхъ всего 12 и сѣдлообразныхъ 17%; всѣ безъ исключенія были короткоголовые, причемъ въ среднемъ изъ показателей у него получилось $84_{,53}$. Наше населеніе отличается поэтому отъ Уманьскаго лишь большимъ % блондиновъ, между тѣмъ какъ отъ Кобелякскаго—отсутствіемъ длинноголовыхъ и черныхъ малороссійскихъ и внѣдреніемъ длинноголовыхъ русскихъ элементовъ.

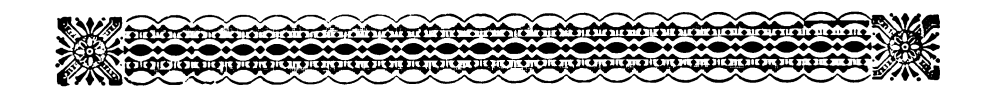
Таковы выводы, полученные изъ нашихъ измѣреній. Мы, въ ожиданіи окончательной обработки собранныхъ нами матеріаловъ, не рѣшаемся дѣлать какихъ-либо обобщеній. Однако, и теперь уже нельзя не видѣть, что исторія колонизаціи и господствующіе типы находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, что у насъ, какъ и вездѣ, аборигены страны не остались безъ вліянія на господствующій типъ, что великороссы и малороссы антропологически—не одно и то же и что въ мѣстномъ населеніи есть нѣсколько основныхъ типовъ, продукты смѣшенія которыхъ составляетъ остальная масса. Нельзя, поэтому, не пожелать продолженія этихъ наблюденій въ болѣе широкихъ размѣрахъ, равно какъ параллельныхъ наблюденій надъ повѣріями, бытомъ и обстановкой селеній, исторія которыхъ и типъ отличаются другъ отъ друга наиболѣе сильно.

А. Красновъ.

---

[1]) Diebold. Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat, 1888.

О чукчахъ Колымскаго округа.

Сибирь, можно сказать, область инородческая; здѣсь цѣлый конгломерать различныхъ инородческихъ группъ, разсѣянныхъ на громадномъ пространствѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ народностей постепенно уже сходятъ со сцены, т.-е. вымираютъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для нихъ условій; иныя, сливаясь съ другими народностями, мало-по-малу утрачиваютъ свои національныя черты и физическія свойства и въ концѣ концовъ также теряются въ массѣ. Среди всѣхъ этихъ народностей видное мѣсто, по занимаемому пространству, а также и сохранившимся нѣкоторымъ національнымъ чертамъ, принадлежитъ чукчамъ, подробнымъ изслѣдованіемъ которыхъ въ Якутской обл. занимались нѣкоторые изъ членовъ особой экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Такимъ изслѣдователемъ былъ В. Г. Богоразъ, представившій интересный отчетъ о чукчахъ Колымскаго округа. Хотя литература объ этомъ народѣ довольно обширна *), но тѣмъ не менѣе изслѣдованія автора даютъ много новаго и поучительнаго, затронувшаго такія стороны чукчей, которыя не были еще изслѣдованы.

Въ Колымскомъ округѣ чукчи являются недавними пришельцами. Изъ земель, искони занятыхъ чукчами, къ Колымскому округу можетъ быть причисленъ только островъ Айонъ у западнаго края Чаунской губы. Начиная съ 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, оленные чукчи, побуждаемые размноженіемъ своихъ стадъ, постепенно расселились отъ своей прежней границы по направленію къ западу и югу и заняли въ Колымскомъ округѣ всю полосу лѣсовъ, оттѣснивъ ламутовъ, исконныхъ жителей этой страны, внутрь лѣсной черты.

Общее число чукчей въ Колымскомъ округѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ (95—96 гг.), достигаетъ 3.000 чел. Главная часть чукотскихъ стойбищъ (стоянокъ) въ этомъ округѣ сосредоточена въ горной полосѣ. Жители этой страны обыкновенно проводятъ лѣто на берегу океана, но съ первымъ наступленіемъ холодовъ удаляются внутрь страны, гдѣ и остаются часть осени и всю зиму, а весною снова возвращаются назадъ. Другая часть чукчей, меньшая по количеству, т. наз. тойоновскіе чукчи живутъ также вдоль лѣсной границы по верховьямъ р. Олая. Наконецъ,

*) См. „Библіографическій указатель книгъ и статей о чукчахъ", составл. *А. А. Ивановскимъ*, въ „Этнографич. Обозрѣніи", кн. X (1891 г., № 3).

третья ихъ часть живетъ къ западу отъ Колыма. Приморскихъ чукчей въ Колымскомъ округѣ нѣтъ.

Собранный авторомъ матеріалъ можно раздѣлить на двѣ группы: первая относится къ языку и фольклору, вторая заключаетъ описаніе матеріальнаго и экономическаго быта, семейно-родового, общественныя отношенія, обычаи и т. п.; есть еще и третій отдѣлъ—антропометрическій, но онъ отличается меньшей полнотой, что зависѣло уже не отъ автора, а отъ различныхъ неблагопріятныхъ условій. Измѣренія сдѣланы надъ 40 чукчами, 31 ламутомъ и 35 русскими. Судя по этимъ даннымъ, чукчи отличаются хорошимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Лица ихъ представляютъ смѣшеніе различныхъ типовъ и съ трудомъ могутъ быть подведены подъ общіе характерные типы. Изъ сосѣднихъ племенъ въ предѣлахъ Колымскаго округа наибольшее сходство съ чукчами выказываютъ якуты. Ширина скулъ у чукчей меньшая, чѣмъ у тунгусовъ и даже ламутовъ. Форма носа, по большей части, рѣзко очерченная, съ высокой спинкой и даже горбинкой. Глаза съ косымъ разрѣзомъ наблюдаются рѣже, чѣмъ съ разрѣзомъ горизонтальнымъ. Цвѣтъ глазъ почти всегда карій, цвѣтъ волосъ—черный. Растительность на лицѣ встрѣчается довольно рѣдко, преимущественно въ видѣ усовъ, да притомъ только у лицъ пожилого возраста. Какъ исключеніе, авторъ встрѣчалъ и небольшія круглыя бороды. Волосы на головѣ попадались иногда волнистые и даже почти курчавые, чего у ламутовъ, напр., никогда не бываетъ. Брови иногда густыя, даже косматыя, послѣднія чаще у стариковъ. Густыя брови у женщинъ считаются признакомъ красоты. Цвѣтъ кожи на лицѣ различенъ—съ бронзовымъ оттѣнкомъ или буроватый. По отношенію къ общему очертанію лица можно сказать, что у многихъ чукчей замѣчается нѣкоторая топорность очертаній, выражающаяся низкимъ лбомъ, приплюснутымъ черепомъ и въ особенности массивностью челюстей и непропорціональной величиной нижней части лица.

У женщинъ монгольскій типъ выраженъ болѣе рѣзко; ихъ лица—съ широкими скулами, расплывшимся носомъ и вывороченными ноздрями. Но, тѣмъ не менѣе, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, попадаются лица красивыя даже съ европейской точки зрѣнія. Красивый мужской чукотскій типъ приближается нѣсколько къ типу нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ, напр. патагонцевъ. Онъ—высокъ, плечистъ, со статной, нѣсколько тяжелой фигурой; лицо съ крупными правильными чертами; лобъ—высокій и прямой, носъ крупный, прямой, рѣзко очерченный, глаза большіе.

Въ связи съ антропологическимъ описаніемъ авторъ говоритъ вкратцѣ о нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ среди чукчей. Изъ заразительныхъ болѣзней самою страшною является оспа, отъ которой въ 1884 г., напр., умерло около трети всѣхъ жителей Нижне-Колымскаго округа. Очень распространенъ, далѣе, сифилисъ, который чукчи признаютъ туземною болѣзнью.

Сифилитикъ въ старину считался отверженнымъ и домашній очагъ его оскверненнымъ. Время отъ времени среди чукчей свирѣпствуетъ еще одна заразительная болѣзнь, въ родѣ гриппа, уносящая каждый разъ нѣсколько десятковъ жертвъ. Изъ болѣзней не заразительныхъ слѣдуетъ указать на какое-то пятнистое пораженіе кожи, которое иногда доходитъ до настоящей пѣгости и встрѣчается чаще подъ старость.

Что касается характера и нравственныхъ качествъ чукчей Колымскаго округа, то авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, крайнюю неукротимость ихъ характера въ связи съ сварливостью. Чукчи нерѣдко изъ-за ничтожнаго повода приходятъ въ возбужденное состояніе и начинаютъ ссору и драку. Разозленный чукча рычитъ, гнѣвно скалитъ зубы; многіе отъ гнѣва даже плачутъ. Къ характернымъ чертамъ чукчей должно быть отнесено, далѣе, полное нежеланіе подчинять свою волю чужому авторитету. При столкновеніяхъ ихъ въ прежнее время съ русскими послѣдніе встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе; чукчи, попадавшіе въ плѣнъ, нерѣдко предпочитали покончить жизнь самоубійствомъ. Чукча готовъ разстаться съ жизнью изъ-за совершенно ничтожнаго повода. Автору извѣстны неоднократные случаи самоубійства изъ-за гнѣва, изъ-за нежеланія перенести обиду, изъ-за потери оленя и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ и убійства не составляютъ большой рѣдкости, хотя въ этомъ отношеніи оленные чукчи уступаютъ приморскимъ и колымскіе — заичунскимъ. Къ характернымъ чертамъ чукчей нужно отнести ихъ хвастливость, личное и племенное самодовольство и консерватизмъ въ сохраненіи своихъ народныхъ обычаевъ. Воровство среди чукчей довольно распространено,— воруютъ предметы движимости и оленей. Съ другой стороны, чукчи отличаются выносливостью и твердостью въ перенесеніи физическихъ страданій. Для родильницы, напр., считается въ высшей степени позорнымъ стонать или охать, даже если бы она умирала отъ родовъ. Чукчи очень склонны къ насмѣшкамъ, какъ надъ иноплеменниками, такъ и надъ своими сосѣдями, доказательствомъ чему служитъ множество насмѣшливыхъ прозвищъ, даваемыхъ ими другъ другу. Къ симпатичнымъ чертамъ характера оленныхъ чукчей нужно отнести ихъ трудолюбіе. Кромѣ того, чукчи гостепріимны, хотя ихъ гостепріимство отличается нѣкоторыми странными чертами. Гость имѣетъ право войти въ хозяйскій пологъ и раздѣлить трапезу, но только въ обычное для этого время; если же онъ пріѣхалъ, напр., въ серединѣ дня, то можетъ случиться, что ему придется ждать ѣды до поздняго вечера. Приморскіе чукчи считаются гостепріимнѣе оленныхъ.

Языкъ чукчей, хорошо изученный авторомъ, обладаетъ очень развитой системой суффиксовъ. Притяжательная форма именъ отсутствуетъ, но система вспомогательныхъ глаголовъ развита. Чукотскій лексиконъ крайне обширенъ. Рѣчь чукотская богата союзами и всякаго рода частицами; они любятъ повторенія и описательные обороты и часто отклоня-

ются въ сторону, касаясь сути дѣла двумя-тремя намеками, которые должны быть подхвачены на-лету. Вообще же сказать, что такое чукотскій языкъ, значитъ, по выраженію д-ра Слюнина, разгадать таинственную исторію происхожденія этого народа и все его прошлое. Къ сожалѣнію, вопросъ о происхожденіи чукчей до сихъ поръ остается открытымъ. Авторъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ (сказаній, преданій и т. п.), съ осторожностью говоритъ, что чукчи—племя смѣшанное; въ составъ его вошли и азіатскіе и американскіе племенные элементы, которые нѣсколько разъ наслаивались и сталкивались другъ съ другомъ. По словамъ д-ра Слюнина, чукчи Берингова пролива появились не раньше XIII в., пришли они изъ-за моря, т.-е. изъ Америки. Слово «чукча» происходитъ отъ слова «чувчу», что значитъ «богатый оленями». Такъ называютъ себя оленные чукчи въ противоположность приморскимъ, которые называются «аккалытъ»—«живущіе у моря». Приморскій элементъ чукотскаго племени, вѣроятно, находится въ той или иной связи съ эскимосскимъ племенемъ Америки (айвановъ и пээковъ). Многія имена чукотскихъ приморскихъ поселковъ, также многія собственныя имена приморскихъ чукчей имѣютъ чужеземное происхожденіе. Типъ собачьей упряжи у приморскихъ чукчей принадлежитъ Америкѣ. Въ настоящее время оленные и приморскіе чукчи перемѣшались между собою и слились въ одно племя.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія въ работѣ г. Богораза имѣются объ обрядахъ и вѣрованіяхъ чукчей, о семейно-родовыхъ отношеніяхъ, матеріальномъ и экономическомъ положеніи, объ отношеніи къ дѣтямъ и т. д. Не останавливаясь на детальномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ сторонъ чукчей, ограничимся нѣкоторыми изъ нихъ.

Религіозные обряды чукчей представляютъ болѣе связную систему, чѣмъ вѣрованія. Чукотскіе праздники составляютъ готовый циклъ, начиная съ осенняго праздника убойки неполношерстныхъ оленей и кончая весеннимъ праздникомъ роговъ. Всѣ праздники сопровождаются различными обрядами, приношеніями въ жертву оленей и собакъ, а также символическихъ фигурокъ изъ жира, тертаго мяса, тертыхъ съѣдобныхъ листьевъ и даже снѣга, которыя считаются замѣстителями жертвенныхъ животныхъ. Кромѣ сырого жира, мяса и крови, для жертвенныхъ цѣлей приготовляется похлебка изъ крови вмѣстѣ съ жиромъ и разными съѣдобными кореньями, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются однимъ изъ любимыхъ блюдъ чукотскаго меню. Кромѣ того, у чукчей существуетъ родъ жертвоприношеній. Нѣкоторыя изъ самыхъ жертвоприношеній имѣютъ цѣлью обезопасить благосостояніе семьи отъ враждебныхъ сверхъестественныхъ условій и устраиваются или вслѣдствіе обѣщанія, или по указанію предсказателей. При жертвоприношеніяхъ иногда устраиваются скачки, въ которыхъ участвуютъ какъ мужчины, такъ и женщины. Авторомъ составлено подробное описаніе цикла чукотскихъ праздниковъ и жертвоприношеній, опи-

саны виды гаданій, обряды погребенія, свадебъ, при рожденіи ребенка и т. п. Въ описаніяхъ этихъ есть много новаго. Укажемъ на обряды при похоронахъ. Чукчи хоронятъ своихъ покойниковъ по двумъ различнымъ способамъ: или сожигаютъ ихъ, или, обернувъ ихъ пластами сырого оленьяго мяса, покидаютъ въ полѣ. Тотъ и другой способы погребенія опредѣляются семейнымъ преданіемъ, переходящимъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Самый же обрядъ совершается такъ. Вскорѣ послѣ смерти покойника раздѣваютъ и кладутъ внутри полога, тщательно прикрывая его съ головой оленьими шкурами, такъ какъ вообще считается грѣхомъ показывать мертвое тѣло солнцу или чужому глазу. Въ такомъ видѣ мертвецъ проводитъ ночь, причемъ кто-нибудь обязательно долженъ ночевать съ нимъ рядомъ. На утро въ пологъ входятъ четыре ближайшихъ родственника, два мужчины и двѣ женщины, для того, чтобы одѣть покойника. Послѣ этого устраивается послѣдняя съ нимъ трапеза съ извѣстнымъ ритуаломъ, при которомъ дается пища и умершему. Послѣ окончанія трапезы присутствующіе совершенно раздѣваются, остаются только въ мѣховыхъ рубахахъ и, приподнявъ немного шкуру, которой закрытъ покойникъ, подсовываютъ голыя ноги подъ обнаженное тѣло покойника. Приподнявъ затѣмъ тѣло на вѣсу, они натягиваютъ на него подъ шкурами новое, нарочно приготовленное, смертное платье. Когда покойникъ совсѣмъ одѣтъ, его обвязываютъ новымъ ремнемъ, начиная съ головы, и потомъ выносятъ изъ полога, чтобы начать гадать. Погребальное гаданіе производится ближайшими родственниками. Цѣль гаданія—узнать, гдѣ покойникъ желалъ быть похороненнымъ, узнать о предводителѣ похороннаго кортежа, объ оленяхъ, на которыхъ его слѣдуетъ везти, и т. д. По окончаніи гаданія, покойника увязываютъ на саняхъ, запрягаютъ оленей и везутъ на указанное мѣсто, гдѣ закалываютъ оленей, кусками которыхъ окутываютъ покойника, снявъ съ него всю одежду. Когда трупъ совершенно окутанъ, ближайшій родственникъ перерѣзываетъ ему горло и потомъ вскрываетъ грудь, стараясь вытащить наружу или обнажить часть сердца и печени. Эта операція производится въ рукавицахъ и притомъ нужно стараться не прикасаться къ трупу руками. Послѣ этого трупъ покидается въ полѣ на добычу волкамъ и песцамъ. Если трупъ сжигается, то онъ не обкладывается мясомъ, а просто кладется на костеръ, въ одеждѣ, обвязанной ремнемъ. При сожиганіяхъ въ тундрѣ, иногда, если вблизи нѣтъ стоячаго лѣса, приходится для погребальнаго костра ломать сани и разрубать шатровыя жерди. Погребеніе сопровождается и въ томъ и въ другомъ случаѣ цѣлымъ рядомъ обрядовъ.

Въ связи съ системой обрядовъ является довольно выработанное представленіе о семейномъ очагѣ и о пенатахъ въ видѣ деревянныхъ огнивъ, обтесанныхъ въ формѣ небольшого и грубаго идола, и связокъ небольшихъ деревянныхъ амулетовъ. Есть у чукчей т. наз. священный

домашній огонь, добываемый при помощи деревяннаго огнива. Огонь чужой семьи считается оскверняющимъ, приносящимъ заразу и приводящимъ съ собою враждебныхъ духовъ. Среди чукчей сильно развито представленіе о злыхъ духахъ, странствующихъ по землѣ, и имъ приписываютъ всѣ несчастія, болѣзни и смерть. Защиту отъ нихъ могутъ дать только шаманы. Злой духъ, нападая на человѣка, прежде всего старается съѣсть его душу (увиритъ). По представленію чукчей, каждый человѣкъ имѣетъ отъ 5 до 6 душъ; онѣ—маленькія, не больше комара, но во всемъ подобны человѣку. Человѣкъ можетъ потерять одного или двухъ увиритовъ безъ особаго ущерба для своего здоровья, но если увиритовъ остается мало, человѣкъ начинаетъ хворать. Шаманство у чукчей отличается нѣкоторыми оригинальными чертами: довольно искусное чревовѣщаніе у шамановъ-мужчинъ и отсутствіе его у шаманокъ, полное превращеніе мужчины въ женщину, доходящее до вступленія въ бракъ съ мужчиной же, по повелѣнію духовъ, и т. д Шаманское вдохновеніе, большею частію, начинается съ появленіемъ половой зрѣлости. Юноша начинаетъ сначала задумываться, цѣлые дни проводитъ вдали отъ жилища, подъ открытымъ небомъ, или, напротивъ, стоитъ въ своемъ шалашѣ цѣлыя сутки; пищи онъ почти не принимаетъ, съ людьми не разговариваетъ и не отвѣчаетъ на вопросы. Такое критическое состояніе, обусловливаемое первымъ приступомъ духовъ къ человѣку, нерѣдко кончается тяжкою болѣзнью, а иногда даже смертью.

Что касается семейно-родовыхъ отношеній, то по этому вопросу авторомъ также собраны интересныя свѣдѣнія.

Въ семьѣ главенствуетъ отецъ, жена подчиняется мужу, система родства отличается простотой. Существуетъ у нихъ обычай т. наз перемѣннаго брака, который состоитъ въ томъ, что двое или болѣе мужчинъ вступаютъ въ такой союзъ, который даетъ другъ другу право на своихъ женъ, осуществляемое при каждой встрѣчѣ участниковъ, напр. при пріѣздѣ въ гости и т. п. Холостой и вдовый человѣкъ также можетъ вступать въ перемѣнный бракъ, если живетъ въ одномъ стойбищѣ съ женатымъ, и такой бракъ принимаетъ форму настоящаго многомужества. Женщины относятся къ этому обычаю довольно снисходительно. Даже всѣ русскія женщины, вышедшія замужъ за чукчей, безъ малѣйшаго ропота подчиняются этому обычаю. Съ другой стороны, бываютъ случаи, когда чукчанки, которымъ мужья навязываютъ неугодныхъ имъ сожителей, лишаютъ себя жизни въ видѣ протеста.

Одной изъ наиболѣе прочныхъ формъ брака является бракъ малолѣтнихъ, когда будущіе мужъ и жена выростаютъ вмѣстѣ и потомъ становятся супругами. Цѣломудріе дѣвушекъ у чукчей, какъ у всѣхъ колымскихъ народностей, цѣнится очень мало. Многоженство у чукчей не составляетъ рѣдкости. Большая часть многоженцевъ имѣетъ не болѣе двухъ

женъ, троеженцы довольно рѣдки. Поводы къ многоженству различны: иногда вторую жену берутъ для того, чтобы имѣть дѣтей, если первая бездѣтна, иногда берутъ въ качествѣ работницы, если первая стара. Иныя жены относятся очень неблагосклонно къ появленію соперницы. Зажиточные чукчи, имѣя двухъ женъ, обыкновенно дѣлаютъ для каждой особый шатеръ и нерѣдко раздѣляютъ стадо на части. Чукчи берутъ охотно чужеплеменныхъ женъ, какъ-то ламутскихъ, тунгусскихъ и русскихъ, уплачивая за нихъ дорогую плату. Якутки не идутъ замужъ за чукчей. Чѣмъ это объясняется,—неизвѣстно. Калыма у чукчей нѣтъ, и брачные дары даже отъ богатаго зятя бѣдному тестю не отличаются значительными размѣрами.

Женщины у чукчей являются существами довольно угнетенными и обременены работой. Всѣ домашнія работы—приготовленіе пищи и одежды, уборка и установка шатра, даже ношеніе дровъ изъ лѣса и т. д.—возлагаются на нее. Она же помогаетъ мужу стеречь стадо, подаетъ мужу ѣду, довольствуясь сама объѣдками. Весь вечеръ женщины возятся и хлопочутъ въ наружномъ шатрѣ, между тѣмъ какъ мужчины сидятъ въ шатрѣ и ждутъ ужина.

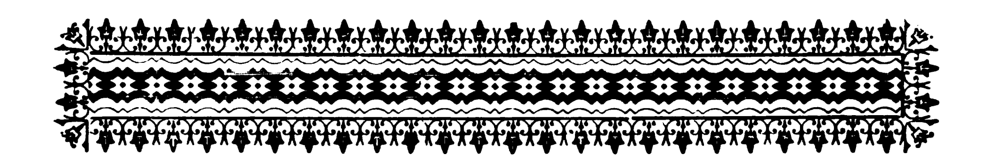
Чукотскія семьи имѣютъ много дѣтей, чѣмъ чукчи рѣзко отличаются отъ русскихъ порѣчанъ, у которыхъ вообще дѣтей мало. Маленькихъ дѣтей чукчи очень любятъ и дорожатъ ими; но съ 10-лѣтняго возраста для чукотскаго мальчика начинается трудовая жизнь при стадѣ. Подростковъ они держатъ очень сурово, плохо кормятъ, и они даже не всегда ночуютъ въ шатрѣ.

Въ числѣ обычаевъ, существующихъ у чукчей, есть обычай т. наз. добровольной смерти стариковъ и больныхъ отъ руки ближайшаго же родственника. Обусловливается это будто, во-первыхъ, тѣми тяжелыми условіями жизни среди полярной пустыни, которыя для больного или немощнаго человѣка превращаютъ каждый часъ въ страданія, и во-вторыхъ, вообще малою привязанностью чукчей къ жизни. Для стариковъ и больныхъ добровольная смерть есть не обязанность, а право, которое они нерѣдко осуществляютъ, несмотря на сопротивленія, слезы и просьбы близкихъ людей. Есть семьи, въ которыхъ обычай умирать добровольной смертью переходитъ по наслѣдству, хотя онъ никогда не является обязанностью, а скорѣе доблестнымъ примѣромъ.

Чукчи, будучи по природѣ мстительными, рѣшаются на кровавую месть только тогда, когда убійство совершено членомъ чужого рода, а если убійство совершено внутри рода или въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ семьи, остается безнаказаннымъ. Мщеніе за кровь можетъ замѣняться также выкупомъ или, въ иныхъ случаяхъ, отдачей во владѣніе семьѣ жертвы одного изъ членовъ семьи убійцы, обыкновенно женщины.

Д. Никольскій.

———

Nails of the Human Hand

Ногти человѣческой руки.

Въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, 7-го апрѣля 1899 г., я сообщилъ результаты своихъ изслѣдованій по вопросу о формѣ, ширинѣ и толщинѣ ногтей на правой и лѣвой рукѣ у человѣка. Сообщеніе это было напечатано полностью въ «Медицинскомъ Обозрѣніи» (1899 г., декабрь). Въ настоящей статьѣ я приведу общія цифровыя данныя и выводы, къ которымъ пришелъ на основаніи измѣренія ногтей [1]).

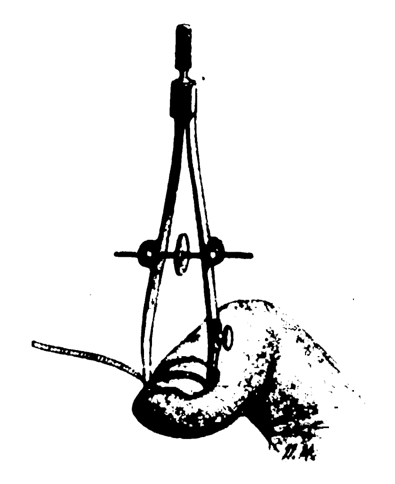
Ноготь представляетъ плотную роговую пластинку, приблизительно четыреугольной формы. Пластинка изогнута какъ въ направленіи слѣва направо, такъ и сзади напередъ, причемъ въ первомъ направленіи изогнутость гораздо значительнѣе, чѣмъ во второмъ. Наименѣе изогнутымъ въ передне-заднемъ направленіи является обыкновенно ноготь большого пальца, а наиболѣе—4-го и 5-го пальца. Въ виду такой формы ногтей, необходимо, при изученіи ихъ ширины и степени поперечной изогнутости, производить два измѣренія: во-первыхъ, нужно измѣрять разстояніе по прямой линіи между двумя симметричными точками боковыхъ краевъ, а во-вторыхъ,—дѣйствительную ширину ногтевой пластинки (если представить себѣ ноготь разогнутымъ, плоскимъ), т.-е. измѣрять дугу, образуемую пластинкой, въ томъ же направленіи и между тѣми же точками. Первый размѣръ ширины ногтя (по прямой линіи) я буду называть въ дальнѣйшемъ изложеніи этой статьи *кажущейся шириной ногтя*, а второй размѣръ (по дугѣ) — *дѣйствительной шириной ногтя*. Отношеніе кажущейся ширины ногтя къ дѣйствительной будетъ выражать его *уплощеніе*. Такъ, напр., если кажущаяся ширина ногтя=8 mm., а дѣйствительная—10 mm., то уплощеніе=80%.

---

[1]) Работа моя предпринята съ цѣлью провѣрить и пополнить изслѣдованія д-ра Regnault'а (докладъ въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ 3 февраля 1898 г.).

Для своихъ измѣреній я воспользовался циркулемъ (см. рисун.), ножки котораго вращеніемъ винта передвигаются и укрѣпляются неподвижно въ любомъ положеніи. Къ одной изъ ножекъ, сточенныхъ клинообразно, я прикрѣпилъ, посредствомъ металлической пластинки и винта, узкую (около 3 mm.) и раздѣленную на миллиметры полоску изъ тонкой пергаментной бумаги. Приспособленнымъ такимъ образомъ циркулемъ удобно смѣрить сразу, не передвигая его ножекъ, кажущуюся и дѣйствительную ширину ногтя. Шелковую и металлическую полоски я не нашелъ удобными для измѣренія, такъ какъ первая скоро растягивается, а вторая мнется и портится на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нее упираются ножки циркуля.

Такъ какъ ногтевая пластинка изогнута дугообразно въ переднезаднемъ и поперечномъ направленіяхъ, то понятно, что она, при параллельности и прямолинейности ея боковыхъ краевъ, достигаетъ наибольшей дѣйствительной ширины на срединѣ своего протяженія; поэтому измѣрять ширину ногтя слѣдуетъ на срединѣ его, какъ именно и дѣлалъ я при моихъ изслѣдованіяхъ.

Изучая ногти у труповъ младенцевъ, я измѣрялъ кажущуюся ширину обыкновеннымъ остроконечнымъ циркулемъ; для опредѣленія же дѣйствительной ширины я отдѣлялъ осторожно ногти отъ пальцевъ (послѣ непродолжительной мацераціи послѣднихъ въ водѣ), затѣмъ разгибалъ ногтевыя пластинки на гладкой поверхности и точно измѣрялъ при помощи лупы.

Мною изслѣдованы ногти у 278 человѣкъ, въ томъ числѣ: у 37 студентовъ и врачей, у 240 солдатъ 3-го Сумскаго драгунскаго полка, у 2-хъ лѣвшей московскихъ дворниковъ, у 26 новорожденныхъ и 3 неноворожденныхъ младенцевъ. Между 240 солдатами было 12 лѣвшей и между 37 студентами и врачами—2 лѣвши, такъ что среди студентовъ, врачей и солдатъ оказалось *5,7% лѣвшей.*

У 34 изъ 35 человѣкъ правшей врачей и студентовъ сумма ширины всѣхъ ногтей на правой рукѣ была больше, чѣмъ на лѣвой, а именно: дѣйствительная ширина—на $1\frac{1}{4}$—$5\frac{1}{4}$ mm., въ среднемъ на 2,6 mm., а кажущаяся—на $\frac{1}{2}$—4 mm., въ среднемъ на 2,2 mm. У одного же изъ правшей, врача, сумма кажущейся ширины ногтей на правой рукѣ на 1 mm. меньше, чѣмъ на лѣвой, а дѣйствительная ширина—на $\frac{3}{4}$ mm. больше, чѣмъ на лѣвой. Причиной подобнаго исключенія оказалось то

обстоятельство, что врачъ много упражняется въ игрѣ на скрипкѣ, причемъ, какъ извѣстно, больше всего работаютъ пальцы лѣвой руки.

Для опредѣленія средней ширины и степени изогнутости каждаго ногтя на лѣвой и правой рукахъ я взялъ изъ группы студентовъ и врачей только 26 человѣкъ, у которыхъ ногти были нормально развиты и никогда не болѣли. Средняя ширина ногтей (въ миллим.) у этихъ 26 чел. была слѣдующая:

	Больш. пал.		Указательн.		Средній.		Безыменный.		Мизинецъ.	
	— *)	⌒ *)	—	⌒	—	⌒	—	⌒	—	⌒
Лѣвая рука	15,3	19,2	11,9	14,6	12,7	16,3	11,5	15,5	9,5	12,5
Правая „	15,8	19,8	12,4	15,1	13,1	16,7	11,9	15,9	9,8	13,1

Слѣдовательно, самымъ широкимъ является ноготь большого пальца, за нимъ идетъ ноготь средняго, далѣе—безыменнаго; ноготь указательнаго занимаетъ четвертое мѣсто, а мизинца—пятое. Кажущаяся ширина на правой рукѣ у правшей больше кажущейся ширины одноименнаго пальца на лѣвой рукѣ, въ среднемъ на 0,3—0,5 mm., а дѣйствительная—на 0,4—06 mm. Средній % уплощенія ногтей у 26 чел. врачей и студентовъ правшей:

	Больш. пал.	Указательн.	Средній.	Безыменный.	Мизинецъ.
Лѣвая рука. . . .	79,7	81,1	78,1	74,4	75,6
Правая „ . . .	80,0	81,6	78,7	74,9	74,6

Наиболѣе уплощенными оказываются, такимъ образомъ, ногти указательнаго и большого пальцевъ; за ними идутъ болѣе изогнутые ногти средняго пальца, мизинца и, наконецъ, безыменнаго. На правой рукѣ всѣ ногти, за исключеніемъ мизинца, болѣе уплощены, чѣмъ на лѣвой. Ноготь праваго мизинца представляетъ такое исключеніе, очевидно, потому, что ногтевая фаланга этого пальца сравнительно рѣдко подвергается сдавленію во время работы рукой, а потому ноготь не измѣняетъ своей формы, не уплощается, но увеличивается только его дѣйствительная ширина одновременно съ относительнымъ увеличеніемъ всѣхъ вообще частей правой руки, которая болѣе, чѣмъ лѣвая, участвуетъ въ физической работѣ. Средній общій % уплощенія всѣхъ ногтей обѣихъ рукъ (т.-е. отношеніе суммы кажущейся ширины всѣхъ ногтей къ суммѣ ихъ дѣйствительной ширины) у 26 чел. врачей и студентовъ=78,2.

У одного изъ двухъ *студентовъ-львшей* ногти средняго пальца, безыменнаго и мизинца на лѣвой рукѣ имѣютъ одинаковую кажущуюся и дѣйствительную ширину съ ногтями одноименныхъ пальцевъ правой руки. Ноготь лѣваго указательнаго пальца шире праваго; у большихъ пальцевъ ногти имѣютъ дѣйствительную ширину, но правый болѣе уплощенъ. Въ общемъ же дѣйствительная ширина ногтей на лѣвой рукѣ на 1/2 mm.

*) Знакомъ — я обозначаю кажущуюся ширину ногтя, а знакомъ ⌒ дѣйствительную ширину.

больше, чѣмъ на правой. У другого лѣвши сумма ширины ногтей, какъ кажущейся, такъ и дѣйствительной,—на лѣвой рукѣ больше, чѣмъ на правой, а именно: дѣйствительная на 3 mm., а кажущаяся—на $^{3}/_{4}$ mm. Ногти указательныхъ пальцевъ и мизинцевъ—одинаковой ширины, а у остальныхъ пальцевъ на лѣвой рукѣ шире, чѣмъ на правой.

Между 198 *солдатами-правшами* оказалось 39 такихъ, у которыхъ сумма ширины ногтей (дѣйствительной или кажущейся, или обѣихъ вмѣстѣ) на правой рукѣ была меньше, чѣмъ на лѣвой, или же онѣ (суммы) были равны. Подобное уклоненіе отъ нормы наблюдалось всегда у тѣхъ лицъ, у которыхъ обыкновенно по нѣскольку ногтей болѣло въ различное время вслѣдствіе ушиба ногтевой фаланги пальца, порѣза, занозы, укуса лошадью, отмороженія и пр. Ногти же, никогда не болѣвшіе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ обнаруживали законную разницу въ ширинѣ, т.-е. на правой рукѣ они были шире, чѣмъ на лѣвой. У всѣхъ остальныхъ 159 правшей сумма кажущейся ширины ногтей на правой рукѣ на $^{1}/_{4}$—$5^{1}/_{2}$, въ среднемъ на 2,0 mm., больше, чѣмъ на лѣвой, а дѣйствительная—на $^{1}/_{4}$—5 mm., въ среднемъ—на 2,1 mm. Для опредѣленія средней ширины и уплощенія ногтей въ этой группѣ я воспользовался данными, полученными мною по измѣренію ногтей у 40 чел. солдатъ-правшей, у которыхъ, какъ это можно было выяснить изъ разспросовъ и осмотра, ногти никогда не болѣли. Всѣ эти 40 чел. до поступленія на службу были крестьянами-земледѣльцами.

	Большой палецъ.		Указательный.		Средній.		Безыменный.		Мизинецъ.	
	—	⌒	—	⌒	—	⌒	—	⌒	—	⌒
Лѣвая рука	15,4	19,6	11,9	15,2	13,3	17,3	12,3	16,4	10,4	13,9
Правая „	16,1	20,3	12,4	15,8	13,8	17,8	12,8	16,9	10,7	14,3

Самымъ широкимъ, слѣдовательно, является ноготь большого пальца, за нимъ идетъ ноготь средняго, потомъ безыменнаго, указательнаго и, наконецъ, мизинца. Однимъ словомъ, оказалось то же самое, что мы видѣли и въ группѣ врачей и студентовъ. Дѣйствительная и кажущаяся ширина у правыхъ ногтей больше, чѣмъ у лѣвыхъ,—первая на 0,3—0,7, а вторая на 0,4—0,7 mm. Числа эти, какъ видно, также очень близки къ тѣмъ, какія получены въ группѣ врачей и студентовъ. Средняя разница между суммами кажущейся ширины ногтей правой и лѣвой руки у 40 солдатъ-правшей=2,5 mm. (предѣлы $^{1}/_{4}$—$5^{1}/_{2}$ mm.), а между суммами дѣйствительной ширины—2,7 mm. (предѣлы $^{3}/_{4}$—$4^{3}/_{4}$ mm.). Средній процентъ уплощенія ногтей у 40 солдатъ-правшей:

	Большой пал.	Указательный.	Средній.	Безыменный.	Мизинецъ
Лѣвая рука	78,7	78,3	76,9	74,6	74,6
Правая „	79,5	78,9	77,6	75,5	74,5

Итакъ, наиболѣе уплощенными оказываются и здѣсь ногти большого и указательнаго пальцевъ, за ними идетъ болѣе изогнутый ноготь сред-

няго пальца, затѣмъ безыменнаго и мизинца. На правой рукѣ ногти, за исключеніемъ мизинца, нѣсколько болѣе уплощены, чѣмъ на лѣвой. Средній общій процентъ уплощенія ногтей на обѣихъ рукахъ =77,4.

У 11-ти изъ 12-ти *лѣвшей-солдатъ* сумма кажущейся ширины ногтей на лѣвой рукѣ оказалась въ среднемъ на 2,3 mm. (предѣлы колебанія 1—5 mm.), а дѣйствительная на 2,7 (предѣлы $1^1/_2$—$3^3/_4$ mm.) больше, чѣмъ на правой. Слѣдовательно, лѣвые ногти у лѣвшей почти настолько же шире правыхъ, насколько у правшей правые ногти шире лѣвыхъ. У 12-го же лѣвши, съ двумя болѣвшими въ дѣтствѣ и значительно деформированными ногтями на правой рукѣ, сумма кажущейся ширины ногтей на обѣихъ рукахъ одинакова, а дѣйствительная ширина на правой рукѣ на 2 mm. больше, чѣмъ на лѣвой. Здоровые ногти большого и безыменнаго пальцевъ на лѣвой рукѣ имѣютъ большую кажущуюся ширину и болѣе уплощены, чѣмъ на правой. Указательные ногти одинаковы по ширинѣ и уплощенію. Для опредѣленія средней ширины и уплощенія ногтей у лѣвшей я взялъ цифровыя данныя, полученныя по измѣренію у 6 чел. съ ногтями, никогда не болѣвшими.

	Большой палецъ.		Указательный.		Средній.		Безыменный.		Мизинецъ.	
	—	⌒	—	⌒	—	⌒	—	⌒	—	⌒
Правая рука	16,5	20,1	12,7	15,5	13,7	17,4	12,8	16,7	11,0	14,9
Лѣвая „	15,7	19,5	12,2	15,0	13,3	17,0	12,5	16,2	10,5	13,3

Какъ въ двухъ вышеописанныхъ группахъ правшей, такъ и у лѣвшей самымъ широкимъ является ноготь большого пальца, за нимъ идутъ ногти средняго, безыменнаго, указательнаго и, наконецъ, мизинца. Средній % уплощенія ногтей у 6 лѣвшей:

	Большой пал.	Указательный.	Средній.	Безыменный.	Мизинецъ.
Лѣвая рука	82,0	82,0	78,7	76,9	79,1
Правая „	80,7	81,2	78,2	76,9	78,4

Слѣдовательно, наиболѣе уплощенными оказываются ногти указательнаго и большого пальцевъ, а наименѣе—безыменнаго пальца. На лѣвой рукѣ ногти болѣе уплощены, чѣмъ на правой.

У одного изъ двухъ московскихъ дворниковъ, считающихъ себя за лѣвшей, я нашелъ одноименные ногти совершенно равными по ширинѣ и уплощенію. Этотъ субъектъ работаетъ, по его словамъ, безразлично и вполнѣ съ одинаковымъ удобствомъ тою и другою рукой. У второго же дворника, работающаго преимущественно лѣвою рукой, ногти на послѣдней шире (на 3 мм.) и болѣе уплощены, чѣмъ на правой: на лѣвой рукѣ уплощеніе=73,1%, а на правой=72,0%.

У каждаго изъ изслѣдованныхъ мною солдатъ 3-го Сумского драгунскаго полка имѣются данныя о его ростѣ и объемѣ груди. Данныя эти можно считать очень точными, такъ какъ каждый солдатъ былъ измѣренъ врачами два раза: одинъ разъ—на родинѣ, при пріемѣ его на

службу, а другой разъ—въ Москвѣ, для провѣрки, при поступленіи въ Сумской полкъ. Желая знать, въ какомъ отношеніи находится ширина ногтей къ росту и размѣру груди, я раздѣлилъ солдатъ на 9 группъ, стараясь, чтобы въ каждую группу попали лица близкаго другъ къ другу роста. Затѣмъ каждую группу я раздѣлилъ на двѣ подгруппы: въ одну изъ нихъ помѣщены лица съ относительно малымъ, а въ другую—съ относительно большимъ объемомъ груди. Далѣе, для каждой группы и для каждой подгруппы я опредѣлилъ средній объемъ груди, среднюю дѣйствительную и среднюю кажущуюся ширину обѣихъ рукъ вмѣстѣ.

Таблица отношенія ширины ногтей къ росту и размѣру груди.

№№ группъ.	Ростъ въ сантим.	Предѣлы колебанія объема груди въ сантим.	Средній объемъ груди въ стм.	Средняя кажущаяся ширина ногтей въ мм.	Предѣлы колебанія кажущейся ширины въ мм.	Средняя дѣйствительная ширина ногтей въ мм.	Предѣлы колебанія дѣйствительной ширины въ миллим.	Число наблюденій.
1.	154,5—158,9	80,6—86,7	84,6	128,5	117 1/4—134 1/2	156,5	136 —169	6
—	—	80,6—83,3	82,3	125,7	117 1/4—134 1/4	150,0	136 —161 3/4	3
—	—	86,1—86,7	86,5	131,2	128 1/4—134 1/2	163,0	158 —169	3
2.	160,0—162,8	79,4—91,7	85,9	124,9	112 —140 1/2	161,3	138 1/4—181 1/2	15
—	—	79,4—85,6	83,3	120,8	112 —135	157,5	138 1/4—175	8
—	—	86,7—91,7	89,0	129,6	124 - 140 1/2	166,6	155 3/4—181 1/2	7
3.	163,4—165,0	81,7—93,9	88,4	130,0	113 3/4—145 1/4	164,3	146 —178 1/4	32
—	—	81,7—86,7	85,2	127,4	113 3/4—'42 1/4	159,4	146 —173	11
—	—	87,8—93,9	90,0	139,4	119 1/4—145 1/4	166,9	160 —178 1/4	21
4.	165,6—166,7	83,9—95,6	88,4	129,4	112 3/4—141 1/2	167,7	153 1/4—187 1/4	33
—	—	83,9—89,5	87,2	126,9	112 3/4—138 1/2	164,5	153 1/4—181	20
—	—	90,0—95,6	90,2	134,0	121 3/4—141 1/2	172,6	163 1/2—187 1/4	13
5.	167,3—168,4	85,0—95,6	89,0	129,7	114 3/4—143 3/4	167,0	154 3/4—186 1/2	40
—	—	85,0—88,9	87,2	127,4	114 3/4—139 1/4	162,3	154 3/4—172 1/4	21
—	—	89,5—95,6	91,1	132,2	117 1/4—143 3/4	170,2	157 3/4—186 1/2	19
6.	168,9—171,1	84,5—95,6	89,0	130,5	119 1/2—151 1/4	163,3	148 —181 1/4	37
—	—	84,5—89,5	87,1	128,7	119 1/2—140 1/4	162,4	148 —177	24
—	—	90,0—95,6	91,9	134,5	122 1/2—150 1/5	169,2	162 —181 1/4	13
7.	171,7—172,8	84,5—98,7	90,1	130,5	119 —142 3/4	167,6	152 1/4—195 1/4	21
—	—	84,5—88,9	87,0	129,7	119 —138	162,2	152 1/4—173	11
—	—	90,6—97,8	93,4	131,4	123 1/4—142 3/4	173,6	164 1/4—195 1/4	10
8.	173,4—174,5	88,9—98,3	92,0	134,6	127 1/2—148 1/2	170,1	154 1/4—190 1/4	12
—	—	88,9—89,5	89,2	134,4	127 1/2—134 3/4	161,3	154 1/4—168	4
—	—	90,0—98,3	93,4	136,2	127 1/4—148 1/2	174,5	157 —190 1/4	8
9.	175,6—177,8	86,7—92,8	90,2	130,6	120 3/4—142	168,1	157 3/4—174 3/4	8
—	—	86,7—89,5	88,0	127,8	120 3/4 - 135	165,5	157 3/4—174 3/4	4
—	—	91,1—92,8	92,0	133,3	121 —142	170,8	166 3/4—174 3/4	4

Изъ этой таблицы видно, что *ширина ногтей увеличивается вообще съ увеличеніемъ роста, хотя незначительно и не вполнѣ пропорціонально*, и что *она находится въ прямой зависимости отъ объема груди*, а именно: *чѣмъ больше объемъ груди у человѣка, тѣмъ*

шире у него ногти. Законъ этотъ настолько вообще постояненъ, что при составленіи таблицы я устранилъ, на основаніи имѣвшихся данныхъ о ширинѣ ногтей, нѣсколько описокъ, которыя были сдѣланы при переписываніи съ солдатскихъ билетовъ цифръ роста и объема груди. Въ случаѣ такихъ описокъ ростъ и особенно объемъ груди совершенно не соотвѣтствовали ширинѣ ногтей. Исключеніе изъ этого общаго правила представляютъ тѣ случаи, когда субъектъ грызетъ свои ногти. У нѣкоторыхъ лицъ я видѣлъ ихъ настолько обкусанными, что ногтевое ложе было обнажено на $^1/_3$ и даже на $^1/_2$ своей поверхности. Вслѣдствіе обгрызанія ноготь становится не только короче, но и гораздо уже и очень значительно уплощается. Большую или меньшую степень обкусыванія ногтей я наблюдалъ приблизительно у 5—7% изслѣдованныхъ мною лицъ. Замѣчу кстати, что кусаютъ ногти преимущественно неврастеники, и гораздо рѣже это является только дурною привычкой. Вслѣдствіе очень короткой и частой стрижки ногтей послѣдніе также болѣе или менѣе уплощаются и уменьшаются въ ширинѣ.

Между 26 трупами новорожденныхъ *младенцевъ* были доношенные и недоношенные. Всѣхъ ихъ я раздѣлилъ по росту на три группы. Въ первую вошло 6 младенцевъ, длиною отъ $33^1/_2$ до 39 стм., прожившихъ около $6^1/_2$—8 мѣсяцевъ утробною жизнью; во вторую группу—9 младенцевъ, длиною въ 40—48 стм. и прожившихъ около 8—$9^1/_2$ лунныхъ мѣсяцевъ утробною жизнью. Въ третью группу я помѣстилъ хорошо развитыхъ и вполнѣ зрѣлыхъ младенцевъ, длиною въ 50—55 стм. Нѣкоторые изъ младенцевъ были мертворожденные (преимущественно изъ 1-й и 2-й группъ), другіе же прожили внѣутробною жизнью очень короткое время (не болѣе сутокъ). Кромѣ того, я измѣрилъ ногти у трехъ труповъ младенцевъ не новорожденныхъ; одинъ изъ нихъ прожилъ послѣ рожденія 6 недѣль, другой—5 мѣсяцевъ и третій—1 годъ 4 мѣсяца. Этихъ трехъ младенцевъ я помѣстилъ въ четвертую группу.

При самомъ тщательномъ измѣреніи младенческихъ ногтей я никогда не находилъ замѣтной разницы въ ширинѣ ихъ на правой и лѣвой рукѣ; поэтому въ слѣдующей таблицѣ будутъ приведены размѣры ногтей (въ десятыхъ миллиметра) на одной только рукѣ младенцевъ.

Средняя ширина ногтей у младенцевъ.

Въ миллимет.

	Средн. длина тѣла въ стм.	Предѣлы колебанія длины младенц.	Большой палецъ въ десятыхъ мм.		Указател. въ десят. мм.		Средній въ десят. мм.		Безымен. въ десят. мм.		Мизинецъ въ десят. мм.		Сумма кажущейся ширины ногтей.	Сумма дѣйствит. ширины ногтей.
			‾	⌒	‾	⌒	‾	⌒	‾	⌒	‾	⌒		
I группа. .	36	33_5—39	35_2	40_5	25_7	29_2	28_2	33	26_3	31	20_8	25_3	13_6	15_8
II „ . .	44_9	40—48_3	43_2	51_2	29_9	35_3	34	44_1	31_7	39	24_8	30	16_4	19_8
III „ . .	52	50—55	48_9	60_5	35_7	43_3	40_2	51_8	37_4	48_4	29_9	39_2	19_2	24_3
IV „ . .	63_3	55—68	59_7	79_3	46_7	61_3	52_3	70_3	47	65_7	37	51	24_3	32_8

Изъ этой таблицы видно, что по своей ширинѣ ногти младенцевъ идутъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и у взрослыхъ: ноготь большого пальца—самый широкій, за нимъ слѣдуютъ ногти средняго, безыменнаго, указательнаго пальцевъ и, наконецъ, мизинца.

У младенцевъ первыхъ трехъ группъ, т.-е. проживишхъ 6—10 мѣсяцевъ утробною жизнью, сумма кажущейся ширины всѣхъ ногтей одной руки близка къ $^1/_{25}$—$^1/_{27}$ части роста младенца. Число миллиметровъ, полученное отъ дѣленія этой суммы на 2, будетъ выражать приблизительно и число мѣсяцевъ, прожитыхъ младенцемъ въ утробѣ матери со времени его зачатія; напр., младенецъ имѣетъ въ длину 44 стм. и прожилъ, судя по длинѣ, 8 съ небольшимъ мѣсяцевъ утробною жизнью; сумма ширины его ногтей на одной рукѣ=$16,_4$ мм., дѣленная на 2=$8,_2$. *Подобныя приблизительныя опредѣленія возраста младенца по ширинѣ ногтей могутъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда для судебно-медицинскаго изслѣдованія представленъ не весь трупъ младенца, а нѣкоторыя отдѣльныя части его и въ томъ числѣ ручки.* При изслѣдованіи цѣльнаго трупа измѣреніе ногтей можетъ также имѣть значеніе на ряду съ другими данными, опредѣляющими возрастъ младенца. Средніе проценты уплощенія ногтей у младенцевъ четырехъ вышеописанныхъ группъ слѣдующіе:

	Большой палецъ.	Указательный.	Средній.	Безыменный.	Мизинецъ.	Общій средній % уплощен.
I. Группа . .	86_8	88_0	85_3	84_9	83_3	85_7
II. „ . .	84_4	84_6	82_8	81_2	79_9	82_7
III. „ . .	80_8	82_6	77_7	77_3	76_3	79_0
IV. „ . .	75_2	76_0	74_4	71_6	72_5	74_1

Наиболѣе уплощеннымъ у младенцевъ всѣхъ возрастовъ оказывается ноготь указательнаго пальца, немного менѣе его уплощенъ ноготь большого пальца, еще менѣе—средняго; наиболѣе изогнуты ногти безыменнаго пальца и мизинца. У младенцевъ 1-й группы ногти болѣе уплощены, чѣмъ у младенцевъ 2-й группы, у второй—больше, чѣмъ у третьей, и у третьей—больше, чѣмъ у четвертой, такъ что разница въ этомъ отношеніи между первою и четвертою группами достигаетъ болѣе 11%.

Сравнимъ теперь уплощеніе ногтей младенцевъ съ уплощеніемъ ногтей у взрослыхъ. У студентовъ и врачей среднее уплощеніе мы опредѣлили въ 78_2%, а у солдатъ —77_4%. Слѣдовательно, ногти у взрослыхъ болѣе изогнуты, чѣмъ у утробныхъ плодовъ и новорожденныхъ доношенныхъ младенцевъ, но менѣе изогнуты, чѣмъ у младенцевъ перваго и второго года жизни.

Что касается *толщины ногтевыхъ пластинокъ*, то она наиболѣе значительна у большого пальца, у указательнаго тоньше, чѣмъ у

большого, у средняго тоньше указательнаго и еще тоньше у безыменнаго и мизинца. У десяти взрослыхъ мужчинъ (студентовъ и врачей) я опредѣлилъ среднюю толщину ногтя большого пальца въ 0,60 мм., указательнаго—0,51 мм., средняго—0,46, безыменнаго—0,42 и мизинца—0,41 мм., такъ что *ноготь безыменнаго пальца и мизинца почти въ 1½ раза тоньше, чѣмъ ноготь большого пальца* *).

Рѣшеніе вопроса о томъ, есть ли данное живое лицо или трупъ—правша или лѣвша, можетъ имѣть большое научное и практическое значеніо, напр., при объясненіи зависимости и связи различныхъ прижизненныхъ симптомовъ болѣзни съ тѣми или другими патологическими процессами головного мозга и его оболочекъ и пр. Въ судебно-медицинской же практикѣ также важно бываетъ узнать, былъ ли изслѣдуемый субъектъ правша или лѣвша. Напр., на трупѣ находятся рѣзаная, колотая или огнестрѣльная раны, поведшія къ смерти; раны эти имѣютъ такое положеніе, направленіе и другія свойства, что могли быть произведены или постороннею рукой, или собственною лѣвою рукой покойнаго, но не правою его рукой. Тогда для выясненія, имѣло ли мѣсто въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство, необходимо, между прочимъ, узнать, не былъ ли покойный лѣвша и потому не могъ ли онъ самъ себѣ нанести раны? Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ съ большею или меньшею вѣроятностью и даже иногда съ положительностью на основаніи измѣренія ногтей. При этомъ, однако, нужно имѣть въ виду, что если у даннаго лица болѣло когда-либо нѣсколько ногтей и они измѣнили свою нормальную ширину, то возможно впасть въ ошибку; но болѣвшіе ногти обыкновенно легко узнаются по ихъ деформированному виду, а здоровые одноименные ногти всегда обнаружатъ законную разницу въ ширинѣ.

Съ цѣлью узнать, былъ ли покойный правша или лѣвша, примѣняется обыкновенно измѣреніе ширины и объема кистей рукъ; при такомъ измѣреніи почти неизбѣжны ошибки въ предѣлахъ нѣсколькихъ миллиметровъ, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ легко подвижными и легко сжимаемыми мягкими частями руки, а между тѣмъ разница въ ширинѣ кистей рукъ не превышаетъ именно немногихъ миллиметровъ. Кромѣ того, объемъ руки у трупа находится въ очень значительной зависимости отъ ея кровенаполненія и трупной имбибиціи и, слѣдовательно, отъ того положенія, въ какомъ находилась рука послѣ смерти. Такимъ образомъ, измѣреніе объема и ширины кистей рукъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ привести къ вѣрнымъ, безошибочнымъ заключеніямъ; въ виду этого слѣдуетъ въ указанныхъ цѣляхъ предпочтительно прибѣгать къ точному измѣренію ширины ногтей.

---

*) Я измѣрялъ толщину свободной части ногтя посредствомъ ручного микрометра.

Общіе выводы, полученные мною по измѣренію ногтей, будутъ вкратцѣ слѣдующіе:

1. У правшей ногти на правой рукѣ шире, чѣмъ на лѣвой; у лѣвшей наблюдается обратное явленіе. Существуютъ лица, которыя работаютъ безразлично и съ одинаковымъ удобствомъ обѣими руками; у нихъ одноименные ногти на правой и на лѣвой рукѣ одинаковой ширины. Такимъ образомъ, мои изслѣдованія подтверждаютъ въ общемъ данныя, полученныя д-ромъ *Regnault*.

2. Разница въ ширинѣ между одноименными ногтями колеблется обыкновенно въ предѣлахъ $^1/_4$—2 мм. и рѣдко бываетъ больше.

3. У нѣкоторыхъ правшей сумма ширины ногтей на правой рукѣ оказывается меньше, чѣмъ на лѣвой. Причиной такого уклоненія отъ нормы является обыкновенно бывшая болѣзнь одного или нѣсколькихъ ногтей съ послѣдующей деформаціей ихъ.

4. Самымъ широкимъ на рукѣ является, какъ у взрослыхъ лицъ, такъ и у утробнаго плода, ноготь большого пальца, остальные же ногти идутъ, по своей ширинѣ, въ такомъ порядкѣ: ноготь средняго пальца, безыменнаго, указательнаго и мизинца (1, 3, 4, 2, 5).

5. На правой рукѣ у правшей ногти въ общемъ нѣсколько болѣе плоски, чѣмъ на лѣвой. У лѣвшей наблюдается обратное.

6. Наиболѣе плоскими оказываются всегда ногти указательнаго и большого пальцевъ, а наименѣе — мизинца и безыменнаго (2 — 1, 3, 5—4).

7. Ногти у взрослаго человѣка болѣе изогнуты, чѣмъ у утробнаго плода, но нѣсколько менѣе, чѣмъ у младенца первыхъ лѣтъ жизни.

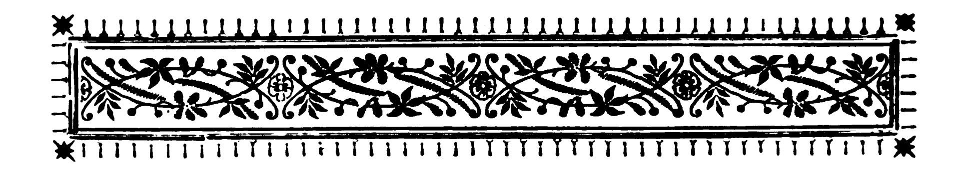
8. Уплощеніе ногтей обусловливается такою физическою работой, при которой преимущественно ногтевыя фаланги подвергаются болѣе или менѣе значительному сдавленію (напр. у скрипачей). Вслѣдствіе очень короткой и частой стрижки, а особенно вслѣдствіе обгрызыванія, ногти становятся болѣе узкими и очень значительно уплощаются.

9. Толщина ногтей на рукѣ уменьшается очень значительно по направленію отъ большого пальца къ мизинцу, приблизительно въ слѣдующемъ отношеніи: 60 : 51 : 46 : 42 : 41, такъ что ноготь мизинца почти въ полтора раза тоньше ногтя большого пальца.

10. Чѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, объемъ груди у человѣка, тѣмъ шире у него ногти.

П. Минаковъ.

Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

30-го марта 1900 г. происходило чествованіе проф. Д. Н. Анучина по случаю исполнившагося въ этотъ день 25-лѣтія его дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Къ 4 часамъ дня въ большой залѣ Политехническаго музея собрались члены какъ Общества Любителей Естествознанія, такъ и другихъ ученыхъ Обществъ и учрежденій Москвы, ректоръ Московскаго университета А. А. Тихомировъ, профессоры университета, предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова, Московскій городской голова князь В. М. Голицынъ и почитатели юбиляра. При входѣ въ залу юбиляръ былъ встрѣченъ продолжительными и единодушными рукоплесканіями. Вице-президентъ Общества Любителей Естествознанія, проф. Н. Е. Жуковскій прочиталъ слѣдующую телеграмму Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича:

«Въ день 25-лѣтія Вашей дѣятельности на пользу науки шлю Вамъ искреннія пожеланія еще многихъ лѣтъ здоровья и силъ.

КОНСТАНТИНЪ».

Затѣмъ проф. Н. Е. Жуковскій прочиталъ слѣдующій адресъ отъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи:

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Ваша выдающаяся ученая дѣятельность неразрывно связана съ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ Антропологическомъ Отдѣлѣ котораго Вы ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ впервые выступили съ научнымъ докладомъ и заняли должность секретаря, а затѣмъ были товарищемъ предсѣдателя и предсѣдателемъ Отдѣла, каковымъ состоите и по сіе время.

Посвятивъ себя въ первые годы своей дѣятельности въ Обществѣ, главнымъ образомъ, антропологіи, Вы украсили изданія Антропологическаго Отдѣла своими научными изслѣдованіями и являетесь въ настоящее время выдающимся представителемъ русской антропологіи. Десять лѣтъ тому назадъ Вы существенно расширили кругъ дѣятельности нашего Общества, основавъ новое отдѣленіе— Географическое, работа котораго всецѣло вдохновляется Вашей энергіей и любовью къ дѣлу. Издаваемый Отдѣленіемъ, подъ Вашей редакціей, журналъ „Землевѣдѣніе“ и Географическій музей Московскаго университета, основаніе которому положено устроенной Вами географической выставкой, особенно наглядно свидѣтельствуютъ о Вашей плодотворной дѣятельности въ области географіи.

Состоя предсѣдателемъ Антропологическаго Отдѣла и Географическаго Отдѣленія, Вы въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ стоите во главѣ всего Общества, какъ его президентъ. Разросшись въ девять самостоятельныхъ Отдѣленій, наше Общество представляетъ изъ себя обширное и разностороннее ученое учрежденіе, руководительство которымъ требуетъ много труда, умѣнія и такта. Спеціально знакомый съ разными отраслями естествознанія, будучи магистромъ зоологіи и докторомъ географіи, придавая одинаково важное значеніе какъ естественно-историческимъ наукамъ, такъ и этнографіи, Вы относитесь равно отзывчиво къ нуждамъ всѣхъ Отдѣленій и не жалѣете труда и времени на веденіе дѣлъ Общества. Въ теченіе четверти вѣка члены нашего Общества всегда цѣнили Ваши высокія качества и теперь приносятъ Вамъ свои дружныя привѣтствія и пожеланія на многіе годы здоровья и энергіи для работы на пользу русской науки и на процвѣтаніе сроднившагося съ Вами Общества".

Подписали: вице-президентъ Общества Н. Е. Жуковскій и 111 членовъ.

Д. Н. Анучинъ, выразивъ глубокую благодарность за оказанное ему вниманіе, замѣтилъ, что дѣятельность его въ Обществѣ, по сравненію съ дѣятельностью его предшественниковъ, основателей Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, является весьма скромной, и если ему удалось сдѣлать что-либо немногое на пользу Общества, то онъ уже поощренъ и вполнѣ вознагражденъ избраніемъ въ президенты и почетные члены Общества и присужденіемъ ему большой золотой медали; такимъ образомъ, нынѣшнее чествованіе является какъ бы дачей впередъ, поощреніемъ для будущаго, но если въ 25 лѣтъ сдѣлано не много, то въ будущемъ, съ ослабленіемъ силъ, чего же можно ожидать? Юбиляръ призналъ себя поэтому неоплатнымъ должникомъ передъ Обществомъ.

Секретарь Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскій прочиталъ адресъ отъ Антропологическаго Отдѣла.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Сегодня Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи чествуетъ Васъ, какъ своего достойнаго представителя, который въ теченіе 25-лѣтняго служенія Обществу сдѣлалъ столь многое для его развитія и процвѣтанія и такъ много поработалъ съ выдающимся успѣхомъ на пользу науки. Для Антропологическаго же Отдѣла день Вашего чествованія есть особенно знаменательный и торжественный день: въ немъ назадъ тому 25 лѣтъ началась Ваша научная дѣятельность по Обществу, въ его изданіяхъ появилась большая часть Вашихъ цѣнныхъ антропологическихъ изслѣдованій и именно въ немъ Вы принимали всегда ближайшее и особенно горячее участіе. Въ качествѣ секретаря, товарища предсѣдателя и предсѣдателя, Вы съ особенною любовью, преданностью дѣлу и никогда не покидавшею Васъ настойчивостью заботились о развитіи живой научной дѣятельности въ Отдѣлѣ и о привлеченіи возможно большаго числа молодыхъ силъ къ занятіямъ по антропологіи и къ разработкѣ антропологическихъ вопросовъ. Въ своей постоянной заботѣ о развитіи и успѣхахъ любимой Вами науки Вы не могли ограничиться занятіями въ тѣсномъ кружкѣ нашего Отдѣла, но и прилагали стараніе къ распространенію научныхъ антропологическихъ знаній въ средѣ цивилизованнаго общества. Вы принимали дѣятельное участіе въ устройствѣ Антропологической выставки въ Москвѣ, Вашими трудами былъ устроенъ на Парижской всемірной выставкѣ образцовый русскій антропологическій отдѣлъ, и этимъ путемъ Вы много поспособствовали ознакомленію, какъ русской, такъ и западно-европейской публики съ успѣхами антропологической науки въ Россіи. Почти 20 лѣтъ тому назадъ Вы начали преподавать физическую антропологію въ Московскомъ университетѣ и такимъ образомъ Вы явились первымъ учителемъ этого предмета въ Россіи. Въ цѣляхъ развитія науки и должной постановки ея преподаванія въ университетѣ, Вы положили много труда, силъ и заботъ на устройство Антропологическаго музея, который является въ настоящее время однимъ изъ лучшихъ не только русскихъ, но и многихъ западныхъ музеевъ по разнообразію и богатству своихъ коллекцій, особенно коллекцій по антропологіи Россіи. Вступивъ назадъ тому 25 лѣтъ въ Общество Любителей Естествознанія съ докладомъ на антропологическую тему — о племени айновъ,—

Вы обогатили съ того времени антропологическую науку цѣлымъ рядомъ Вашихъ выдающихся трудовъ, создавшихъ Вамъ почетную извѣстность не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея. Желая ознаменовать и достойнымъ образомъ отмѣтить юбилейный день Вашего 25-лѣтняго славнаго служенія наукѣ, Антропологическій Отдѣлъ постановилъ: основать первый въ Россіи Русскій Антропологическій Журналъ и связать это изданіе съ Вашимъ именемъ, выпустивъ первую книгу въ день Вашего юбилея. Отдѣлъ не могъ избрать лучшей формы чествованія и выраженія своей глубокой признательности Вамъ, всю свою жизнь отдавшему беззавѣтному служенію наукѣ, какъ положивъ начало такому предпріятію, которое преслѣдовало бы тѣ же научныя цѣли, которымъ посвящены Ваши многочисленные труды и изслѣдованія, которое такъ же, какъ и Вы, объединяло бы и сплачивало вокругъ себя въ дружной работѣ научныя силы и также по возможности содѣйствовало дальнѣйшему расширенію антропологическаго изученія Россіи и развитію въ ней антропологическихъ знаній. Примите, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, наши сердечныя поздравленія, искреннюю и глубокую благодарность за Вашу неутомимую, полезнѣйшую и по-истинѣ неоцѣнимую 25-лѣтнюю дѣятельность въ Антропологическомъ Отдѣлѣ“.

Слѣдуютъ 45 подписей.

Адресъ написанъ на длинномъ листѣ, старославянскимъ шрифтомъ и украшенъ художественными виньетками работы М. Ѳ. Шемякина, на сюжеты различныхъ научныхъ трудовъ Д. Н. Анучина, какъ-то: портретами айновъ, изображеніями антропоморфныхъ обезьянъ, мамонта, овцебыка, черепныхъ аномалій, деформированныхъ и трепанированныхъ череповъ, археологическихъ предметовъ, чудскихъ древностей и т. д. Вмѣстѣ съ адресомъ была поднесена юбиляру 1-ая книжка «Русскаго Антропологическаго Журнала».

Д. Н. Анучинъ, выразивъ глубокую благодарность Отдѣлу, замѣтилъ, что ему особенно пріятно видѣть въ этотъ день появленіе новаго русскаго антропологическаго журнала и что ему остается только пожелать, чтобы нашлось достаточно силъ и средствъ для продолженія и развитія этого полезнаго научнаго дѣла.

Товарищъ предсѣдателя Географическаго Отдѣленія В. М. Михайловскій прочиталъ адресъ отъ Географическаго Отдѣленія.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Назадъ тому десять лѣтъ, въ 1890 г., по Вашей иниціативѣ, при Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи основано Географическое Отдѣленіе, поставившее своею ближайшею цѣлью изученіе природы и населенія Россіи и распространеніе въ обществѣ географическихъ свѣдѣній. Создавая новое Отдѣленіе, Вы вложили въ дѣло такъ много любви, энергіи и знанія, личнымъ примѣромъ такъ увлекали другихъ, такъ умѣло сплачивали научныя силы, что съ самаго же начала образовалось прочное ядро Отдѣленія, дружно принявшееся за работу. Среди членовъ молодого научнаго кружка не только починъ, но и вся главная работа, какъ въ дѣлѣ изслѣдованія, такъ и популяризаціи знаній, всегда принадлежали Вамъ. Всего черезъ два года послѣ основанія Отдѣленія Вы устраиваете первую въ Россіи Географическую выставку, собравъ многочисленные и цѣнные экспонаты не только изъ разныхъ частей Россіи, но и изъ многихъ государствъ Европы, Азіи и Америки. Нуженъ былъ огромный трудъ и большая настойчивость, чтобы съ малыми матеріальными средствами такъ блестяще осуществить это сложное предпріятіе. Но Вы, не останавливаясь передъ еще большимъ трудомъ, изъ временной выставки создали постоянное учрежденіе — Географическій музей Московскаго университета, постепенно съ тѣхъ поръ разрастающійся. Еще черезъ два года, въ 1894 г., Вы основываете при Отдѣленіи географическій журналъ „Землевѣдѣніе“ и въ теченіе шести лѣтъ отдаете ему свои силы и знанія, являясь не только редакторомъ, но и авторомъ цѣлаго ряда цѣнныхъ статей. Въ 1895—96 гг. Вы, въ качествѣ члена экспедиціи по изслѣдованію истоковъ рѣкъ Европ. Россіи, обогащаете отечественную географическую литературу важными и выдающимися по полнотѣ изслѣдованіями верхневолжскихъ озеръ и верховьевъ нашихъ главнѣйшихъ рѣкъ. Увлеченные Вашимъ примѣромъ, многіе

изъ Вашихъ учениковъ, членовъ Географическаго Отдѣленія, занялись аналогичными изслѣдованіями въ различныхъ частяхъ какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Географическое Отдѣленіе, вотъ уже въ теченіе десяти лѣтъ съ справедливою гордостью видящее Васъ своимъ предсѣдателемъ и надѣющееся еще долго пользоваться Вашимъ руководствомъ, съ особымъ удовольствіемъ присоединяется въ сегодняшній день къ чествованію Вашей разносторонней и столь плодотворной дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія, глубоко благодаритъ Васъ за то безконечно многое, что дала ему Ваша беззавѣтная преданность наукѣ, и отъ всей души желаетъ Вамъ здоровья, крѣпости и силъ для продолженія Вашихъ трудовъ и занятій, по заслугамъ уже создавшимъ Вамъ въ научномъ мірѣ столь авторитетное имя". Слѣдуютъ 44 подписи.

Адресъ украшенъ изящной виньеткой.

Юбиляръ принесъ глубокую благодарность за вниманіе.

Адресъ отъ Топографо-Геодезической Коммиссіи при Географическомъ Отдѣленіи былъ прочитанъ предсѣдателемъ Коммиссіи Д. П. Рашковымъ.

„Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Топографо-Геодезическая Коммиссія считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ знаменательный день двадцатипятилѣтія плодотворнаго служенія Вашего Обществу Любителей Естествознанія. Обязанная своимъ основаніемъ личной инціативѣ Вашей, Топографо-Геодезическая Коммиссія съ 1892 г. продолжаетъ свою дѣятельность, встрѣчая въ Васъ прочную нравственную опору и сочувствіе ея задачамъ. Пользуясь случаемъ вмѣстѣ съ привѣтствіемъ выразить Вамъ и глубочайшую благодарность, Топографо-Геодезическая Коммиссія проситъ принять ея искреннія пожеланія и въ будущемъ съ тою же энергію содѣйствовать распространенію естествознанія въ отечествѣ нашемъ на многія лѣта". Предсѣдатель Д. Рашковъ и еще 8 подписей.

Д. Н. Анучинъ, принося глубокую благодарность, замѣтилъ, что имъ въ сущности ничего не сдѣлано для Коммиссіи, которая всѣмъ обязана своимъ собственнымъ трудамъ и усиліямъ и работаетъ въ своемъ тѣсномъ кружкѣ съ образцовой энергіей.

Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла Общества, проф. В. Ѳ. Миллеръ прочиталъ адресъ отъ Этнографическаго Отдѣла.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего выдающагося служенія нашему Обществу съ глубокой признательностью привѣтствуетъ Васъ, какъ президента, высоко цѣнимаго Отдѣломъ и близкаго ему по общимъ научнымъ интересамъ.

Соединяя въ своихъ научныхъ симпатіяхъ двѣ обширныя отрасли знанія—культурно-историческую и естественно-историческую,—Вы являетесь какъ въ Вашихъ изслѣдованіяхъ и университетскихъ лекціяхъ, такъ равно и въ ученой дѣятельности по Обществу Любителей Естествознанія однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей науки, широко освѣщающимъ бытовой и психическій складъ жизни человѣка фактами естественно-историческаго характера. Благодаря этому, всѣ Ваши ученыя работы, касаются ли онѣ антропологіи, археологіи, исторіи, географіи или непосредственно имѣютъ цѣлью вопросы этнографіи,—получаютъ глубокій смыслъ для этнографа Этотъ смыслъ выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что этнографъ все опредѣленнѣе представляетъ себѣ постепенно крѣпнущую связь этнографіи со смежными съ нею науками, все точнѣе уясняетъ себѣ значеніе сравнительнаго метода въ области фактовъ, относящихся къ этимъ наукамъ.

Работая въ этомъ направленіи сами, Вы готовили и работниковъ для русской этнографіи, какъ представитель двухъ каѳедръ въ Московскомъ университетѣ. Ваши лекціи по географіи, этнографіи и антропологіи давали и даютъ начинающимъ русскимъ этнографамъ плодотворныя познанія и научаютъ ихъ строгости научныхъ пріемовъ изслѣдованія. Касаясь непосредственно интересовъ Этнографическаго Отдѣла, въ болѣе тѣсной семьѣ этого научнаго кружка, нельзя не указать на Ваши постоянныя симпатіи къ Отдѣлу и на Ваше благотворное бодрящее вліяніе среди его членовъ. Многіе изъ послѣднихъ, благодаря Вамъ,

работаютъ не въ одномъ Отдѣлѣ или Отдѣленіи Общества, расширяя тѣмъ кругозоръ своихъ познаній и существенно укрѣпляясь въ сравнительномъ изученіи фактовъ изъ области этнографіи.

Этнографическій Отдѣлъ съ благодарностью вспоминаетъ, что Вашей статьей „О задачахъ русской этнографіи“ открылъ свои страницы въ 1889 г. его журналъ „Этнографическое Обозрѣніе“ и что руководящія мысли этой статьи остаются въ силѣ для сотрудниковъ журнала и по настоящее время.

Это прямое и косвенное служеніе цѣлямъ русской этнографіи представляетъ только часть Вашей многолѣтней, плодотворной научной дѣятельности, а между тѣмъ и эта часть рисуетъ намъ уже полный выдающагося значенія образъ глубокаго и разносторонняго ученаго, котораго заслуги могутъ быть справедливо оцѣнены лишь совмѣстно представителями многихъ спеціальностей. Высоко цѣня въ Вашихъ научныхъ трудахъ обширное образованіе, широту взглядовъ, соединенную съ глубиной спеціальныхъ свѣдѣній, Этнографическій Отдѣлъ желаетъ Вамъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, здоровья и силъ для дальнѣйшей научной работы. И пусть молодыя поколѣнія научныхъ дѣятелей, изучая Ваши многочисленные труды и работая подъ Вашимъ руководствомъ, убѣдятся на Вашемъ примѣрѣ, какъ плодотворна для движенія науки становится спеціализація, основанная на широкомъ научномъ образованіи“. Подписали: В. Ѳ. Миллеръ и еще 27 членовъ.

Юбиляръ, принося глубокую благодарность Отдѣлу, припомнилъ, что еще въ молодости, будучи на 1-мъ курсѣ историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, онъ сталъ интересоваться русской этнографіей и занимался изученіемъ появившихся тогда сборниковъ Рыбникова, Афанасьева и др. Позже занятія его сосредоточились въ другой области, но впослѣдствіи ему пришлось опять вернуться къ этнографическимъ вопросамъ, хотя нѣсколько иного рода; къ сожалѣнію, ему мало удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, и даже кое-что изъ задуманнаго и подготовлявшагося осталось невыполненнымъ.

Товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя Комитета Политехническаго музея, городской голова, князь В. М. Голицынъ привѣтствовалъ юбиляра отъ Комитета музея.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Сегодня въ торжественный день чествованія Вашей плодотворной двадцатипятилѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Высочайше учрежденный Комитетъ Московскаго Музея Прикладныхъ Знаній съ искреннимъ чувствомъ глубокаго къ Вамъ уваженія приноситъ Вамъ свое поздравленіе. Московскій Музей Прикладныхъ Знаній исторически связанъ съ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, представляя собою одно изъ учрежденій, основанныхъ двадцать семь лѣтъ тому назадъ дружными усиліями членовъ Общества. Съ тѣхъ поръ музей непрерывно поддерживаетъ тѣсную связь съ Обществомъ и постоянно пользуется его помощью для развитія своей дѣятельности. Поэтому настоящій праздникъ Общества, настоящее чествованіе Васъ, какъ выдающагося руководителя его дѣятельностью, представляетъ для Комитета музея отрадное событіе.

Въ Комитетѣ музея Вы, какъ президентъ Общества Любителей Естествознанія, принимали ближайшее участіе съ 1890 г., въ теченіе десяти лѣтъ. Эти годы Вы дѣлили съ Комитетомъ всѣ его радости, успѣхи и затрудненія и всегда относились къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ, содѣйствуя постоянно вашими силами, способностями и трудами развитію его дѣятельности. Для общественныхъ учрежденій безцѣнны усердные, безкорыстные труженики; благодаря имъ, учрежденія живутъ и развиваются. Комитетъ музея высоко цѣнитъ Ваше безкорыстное служеніе какъ на пользу отечественной науки, такъ и на пользу музея, поздравляя Васъ сегодня съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей учено-общественной дѣятельности, желаетъ Вамъ продолжать ее еще на многіе и многіе годы“. Подписали: князь В. М. Голицынъ и еще 21 лицъ.

Юбиляръ принесъ глубокую благодарность Комитету музея, навсегда дорогого для него тѣмъ, что въ стѣнахъ этого учрежденія (еще въ бывшемъ временномъ его помѣщеніи, въ д. Степанова на Пречистенкѣ) былъ сдѣланъ имъ первый

научный докладъ, а затѣмъ продолжалась и вся послѣдующая его дѣятельность по Обществу, и выразилъ сожалѣніе, что, искренно сочувствуя цѣлямъ музея, онъ не въ состояніи былъ посвятить ему больше времени и принести болѣе существенную непосредственную пользу.

Проф. Э. Е. Лейстъ прочиталъ адресъ отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Сегодня исполняется двадцатипятилѣтіе Вашей высокоплодотворной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, которое, конечно, полнѣе и лучше, чѣмъ всякое другое учрежденіе, оцѣнитъ Ваши заслуги по отношенію къ нему. Ваше столь продолжительное и дѣятельное общеніе съ нимъ, однако, не мѣшало Вамъ принимать живѣйшее участіе въ дѣятельности другихъ государственныхъ и общественныхъ научныхъ учрежденій. Съ 19-го октября 1872 г. Вы состоите членомъ и Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, которое въ настоящій знаменательный день съ особымъ удовольствіемъ позволяетъ себѣ выразить Вамъ свой горячій привѣтъ и искреннее пожеланіе еще долгіе годы стоять во главѣ учрежденія, столь успѣшно работающаго на поприщѣ русскаго естествознанія. Президентъ Н. Умовъ. Вице-президентъ И. Горожанкинъ. Секретари: В. Соколовъ, Э. Лейстъ“.

Юбиляръ принесъ искреннюю благодарность за цѣнное вниманіе и добрыя пожеланія.

Приватъ-доцентъ И. И. Ивановъ привѣтствовалъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Общество Любителей Россійской Словесности съ особеннымъ удовольствіемъ присоединяется къ Вашему сегодняшнему празднику. Съ 1876 г. оно считаетъ Васъ въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ и, слѣдовательно, сегодня оно могло бы также праздновать почти двадцатипятилѣтіе Вашей литературной дѣятельности въ его средѣ. Въ сущности вся Ваша многолѣтняя и многосторонняя ученая и просвѣтительная работа представляетъ тѣсное взаимодѣйствіе Вашихъ спеціально-научныхъ дарованій и Вашей глубокой любви къ литературѣ. Въ области естествознанія Вы выполняли то самое дѣло, какое лежитъ на обязанности критика-психолога въ области художественной литературы. Какъ антропологъ, Вы дали рядъ культурно-бытовыхъ характеристикъ различныхъ человѣческихъ расъ,—характеристикъ, по полнотѣ и яркости очертаній, по мѣткости и тонкости психологическаго анализа не уступающихъ типамъ, какіе критикъ рисуетъ на основаніи художественнаго творчества. О Васъ, какъ лекторѣ, я позволю себѣ привести свое личное воспоминаніе, какъ одинъ изъ Вашихъ бывшихъ слушателей. Когда намъ въ университетѣ, на историческомъ отдѣленіи, былъ объявленъ новый курсъ землевѣдѣнія, мы—по крайней мѣрѣ, многіе изъ насъ—не почувствовали особенной радости. Мы думали, намъ придется имѣть дѣло съ довольно томительной, извѣстной намъ по гимназическимъ воспоминаніямъ, наукой—географіей. И я помню, какъ мы были радостно поражены Вашими чтеніями, слушать ихъ было однимъ изъ привлекательнѣйшихъ нашихъ занятій. Вы умѣли глубоко заинтересовать насъ въ одинаковой степени точными, изящно-красочными картинами естественной жизни природы. Эти высшія достоинства всякой плодотворной научной популяризаціи украшаютъ всѣмъ извѣстныя Ваши статьи въ популярномъ энциклопедическомъ изданіи. Отличаясь рѣдкой разносторонностью культурныхъ интересовъ, Вы внесли богатую дань и въ исторію русской литературы. Къ вопросамъ этой области Вы примѣнили строгій методъ, выработанный многочисленными спеціальными изслѣдованіями естественно-научныхъ вопросовъ. Ваши статьи о Карамзинѣ, о Пушкинѣ навсегда останутся свидѣтельствами поразительной эрудиціи, образцоваго всесторонняго анализа историко-литературныхъ явленій и высшей убѣдительности выводовъ, какая только возможна для данныхъ вопросовъ. Эта убѣдительность достигается Вами исключительно фактической полнотой матеріала, подробнѣйшей оцѣнкой явленія въ его исторической обстановкѣ и спокойной логической группировкой выводовъ. Вы не прибѣгаете къ спеціально-словеснымъ способамъ доказывать и убѣждать. Ваше изложеніе чуждо нарочитыхъ украшеній, у Васъ гово-

рять не *фразы*, а *вещи*, но именно отсутствіе многоточій и восклицательныхъ знаковъ придаетъ особенно краснорѣчивый смыслъ Вашимъ кавычкамъ. Въ искусствѣ добыванія фактическаго матеріала Вы являетесь образцомъ для всякаго спеціалиста-словесника. Поставивъ вопросъ о происхожденіи Пушкина, Вы не удовлетворились болѣе или менѣе доступными источниками,—Вы обратились къ такимъ путямъ имѣть новыя данныя, какіе врядъ ли пришли бы въ голову какому-либо спеціальному историку литературы. Вы вступили въ сношенія не только съ соотечественными обладателями какихъ бы то ни было указаній,—Вы обратились съ запросами за границу- къ учрежденіямъ и лицамъ, имѣющимъ даже наиболѣе отдаленныя соприкосновенія съ интересовавшей Васъ задачей,—къ ученымъ путешественникамъ, къ военной французской школѣ, даже къ итальянскому генеральному штабу все за тѣмъ, чтобы добыть возможно многочисленныя и подлинныя представленія объ африканскихъ предкахъ русскаго поэта. Это—истинно-рыцарская любовь къ предмету, способность привязываться къ нему до послѣдней его мелочи, не щадить никакихъ трудовъ для обслѣдованія его общихъ и частныхъ сторонъ. Болѣе высокаго примѣра настоящей влюбленности въ науку и по-истинѣ творческой изобрѣтательности на путяхъ къ рѣшенію ея вопросовъ не можетъ и желать современное молодое поколѣніе ученыхъ историковъ литературы, и старѣйшее русское учено-литературное Общество, привѣтствуя Васъ на юбилейномъ праздникѣ, выражаетъ искреннее желаніе—долго и долго видѣть Васъ въ своей средѣ, какъ достойнаго представителя неослабной и научно безкорыстной культурной работы".

Д. Н. Анучинъ сердечно благодарилъ И. Н. Иванова и въ лицѣ его Общество Любителей Россійской Словесности за дорогое вниманіе.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества привѣтствовала депутація съ графиней П. С. Уваровой во главѣ, причемъ товарищъ секретаря Общества Ю. В. Готье прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый и дорогой Дмитрій Николаевичъ! Въ сегодняшній, многознаменательный для всѣхъ насъ, здѣсь собравшихся, день, когда Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи чествуетъ Васъ, своего глубокочтимаго президента, съ только-что исполнившейся четвертью вѣка Вашей столь обширной, разносторонней и плодотворной ученой дѣятельности, когда со всѣхъ концовъ не только нашей родины, но и всего міра науки несутся въ Москву радостныя привѣтствія Вамъ,—Императорскому Московскому Археологическому Обществу особенно дорого и отрадно отмѣтить, что почти 25 лѣтъ Вашей неустанной и неутомимой работы на широкомъ поприщѣ науки Вы отдавали ему, его цѣлямъ и задачамъ, его стремленіямъ и трудамъ свои силы, свои знанія, свою энергію, горячо относясь всегда ко всевозможнымъ сторонамъ и проявленіямъ его дѣятельности. 23 декабря 1875 г., по предложенію незабвеннаго основателя Общества, графа А. С. Уварова, Вы были единогласно избраны прямо дѣйствительнымъ членомъ Общества и съ тѣхъ поръ неизмѣнно и неуклонно принимаете самое дѣятельное участіе въ трудахъ и занятіяхъ его, то принимая на себя различныя должности по Обществу, то совершая по его порученію поѣздки для археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ, то беря на себя исполненіе особыхъ порученій, то редактируя его изданія, то оживляя собранія Общества Вашими всегда крайне интересными, истинно научными сообщеніями или доставляя для изданій Общества свои работы. Такъ, въ 1883 г. мы Васъ видимъ товарищемъ секретаря Общества, въ 1885 г. Вы уже секретаремъ Общества, а съ 1888 г., т.-е. въ теченіе уже 12 лѣтъ, половины всего срока Вашей ученой дѣятельности, Общество съ гордостью, безсмѣнно избираетъ Васъ своимъ товарищемъ предсѣдателя, широко пользуясь Вашей отзывчивостью ко всѣмъ возникающимъ въ средѣ его научнымъ запросамъ, и, наконецъ, состоявшееся мѣсяцъ тому назадъ, единогласное, безъ баллотировки, избраніе Ваше на 5-е трехлѣтіе въ эту должность служитъ яркимъ показателемъ того глубокаго уваженія и сердечной привязанности, которыя Московское Археологическое Общество питало, питаетъ и всегда будетъ питать къ Вамъ. Когда въ 1882 г. возникъ вопросъ объ изученіи Кавказа, Вы первый посѣтили Дагестанъ и затѣмъ выработали, вмѣстѣ съ проф. В. Ѳ. Миллеромъ, программу для изученія Кавказа; Вамъ принадлежитъ выработка легенды для составленія археологическихъ картъ губерній Россіи, — легенды, легшей въ основаніе всѣхъ нынѣ издаваемыхъ картъ.

Равнымъ образомъ Вы принимали такое же плодотворное и горячее участіе въ Археологическихъ съѣздахъ, являясь всегда однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе энергичныхъ участниковъ и въ подготовительныхъ работахъ и въ занятіяхъ самихъ съѣздовъ.

Перечислить всѣ стороны Вашего участія въ дѣятельности Общества, отмѣтить всѣ Ваши заслуги предъ археологической наукой вообще и въ частности передъ русской, указать всѣ Ваши ученые археологическіе труды — заняло бы такъ много времени и мѣста, что Императорское Московское Археологическое Общество, ограничиваясь слабымъ и краткимъ перечнемъ сдѣланнаго Вами для него за минувшую четверть вѣка, позволяетъ себѣ высказать, въ заключеніе, свое искреннее, сердечное и горячее пожеланіе, чтобы и оно и вся русская наука еще долго и неизмѣнно пользовались бы Вашими трудами, Вашимъ участіемъ въ его дѣяніяхъ, Вашими силами и знаніями и чтобы сегодняшній день былъ лишь началомъ второго такого же славнаго, такого же плодотворнаго періода". Подпись графини П. С. Уваровой и еще 15-ти лицъ.

Д. Н. Анучинъ принесъ глубокую благодарность и припомнилъ, какъ онъ много былъ обязанъ покойному графу А. С. Уварову, оказавшему лестное вниманіе его первымъ археологическимъ трудамъ избраніемъ его въ 1875 году въ дѣйствительные члены Московскаго Археологическаго Общества.

Директоръ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ М. А. Веневитиновъ, указавъ на научныя заслуги юбиляра, поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго члена музеевъ.

„Московскій Публичный и Румянцевскій музеи Дмитрія Николаевича Анучина, въ знакъ глубокаго почтенія къ его плодотворной и разносторонней научной дѣятельности и на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 28 день мая 1869 г. устава, избрали своимъ Почетнымъ Членомъ. Москва, марта 10 дня 1900 г.". Подписали: Министръ Народнаго Просвѣщенія Н. Боголѣповъ. Директоръ М. Веневитиновъ.

В. Н. Щепкинъ прочиталъ адресъ отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго музея.

„Высокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Императорскій Россійскій Историческій музей имени Императора Александра III почитаетъ пріятнѣйшимъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ славный день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашей многотрудной ученой дѣятельности, достославно ознаменованной многочисленными Вашими работами по вопросамъ антропологіи, зоологіи, археологіи, этнографіи, географіи.

Сіи обширные отдѣлы науки встрѣтили въ Васъ неутомимаго многосторонняго изыскателя, который каждый, повидимому, очень незначительный мелочной вопросъ этихъ наукъ обслѣдовалъ и разъяснилъ съ такою изумительно многостороннею полнотою и обстоятельностью, что вопросъ становился крайне любопытнымъ и важнымъ предметомъ науки, указывавшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшій ясный путь, какимъ должны идти научныя изслѣдованія. Привѣтствуя Ваши многостороннія и въ высокой степени цѣнныя ученыя заслуги, Императорскій Россійскій Историческій музей имени Александра III привѣтствуетъ Васъ и какъ своего чтимаго дѣйствительнаго члена и директора хранимаго въ музейскихъ же стѣнахъ Антропологическаго музея съ сердечными пожеланіями, да продлится Ваша плодотворная научная дѣятельность на многія и премногія лѣта". Подписали: И. Е. Забѣлинъ и еще 6 лицъ.

В. Г. Михайловскій принесъ привѣтствіе отъ статистическаго отдѣленія Московской Городской Управы и отъ лица статистиковъ вообще.

Отмѣтивъ значеніе для русской статистики работы юбиляра „О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія въ Россіи" (1889 г.), г. Михайловскій указалъ на тѣсную связь статистики съ географіей и этнографіей и на то, что, благодаря Д. Н. Анучину, бывшему завѣдующимъ секціей географіи на IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ, въ 1894 г., статистика впервые получила право гражданства на этихъ съѣздахъ, составивъ особую подсекцію отдѣленія геофафіи.

Управляющій Архивомъ Министерства Юстиціи, проф. Д. Я. Самоквасовъ передалъ привѣтствіе отъ Тамбовской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Кромѣ того, въ тотъ же день или нѣсколько позже были получены еще слѣдующіе адресы:

Отъ Императорской Археологической Коммиссіи.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Императорская Археологическая Коммиссія привѣтствуетъ исполнившееся 25-лѣтіе Вашей ученой дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Непрестанными трудами своими Вы стяжали себѣ громкое имя въ наукѣ. Для русскихъ же археологовъ Ваши изданія по антропологіи и археологіи служатъ блестящими примѣрами научныхъ изслѣдованій такого рода. Оставаясь постоянно вѣрнымъ усвоенному Вами методу изысканій, Вы во всѣхъ Вашихъ трудахъ блестяще умѣете сочетать всестороннее знаніе и глубокую научную критику съ обширнымъ знакомствомъ предметовъ и ихъ литературы. Въ нынѣшній знаменательный день Коммиссія высказываетъ Вамъ искреннее пожеланіе, дабы на многіе годы Вы пользовались здоровьемъ и силами на продолженіе Вашей плодотворной для науки дѣятельности“. Слѣдуютъ подписи: предсѣдателя графа А. А. Бобринскаго и 6 членовъ Коммиссіи.

Отъ Николаевской Главной Физической Обсерваторіи.

„Президенту Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Дмитрію Николаевичу Анучину. Высоко цѣня Ваши ученые труды въ избранной Вами отрасли знанія и не менѣе важныя заслуги Ваши по распространенію географическихъ познаній въ Россіи, Николаевская Главная Физическая Обсерваторія горячо привѣтствуетъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ, завершающимъ четверть вѣка Вашей плодотворной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Антропологія и этнографія лишь косвенно связаны съ метеорологіею, но и косвенные лучи большого свѣтила производятъ свое благотворное дѣйствіе. Достаточно упомянуть объ участіи Вашемъ въ учрежденіи Географическаго Отдѣла Общества, о созданіи такого важнаго географическаго изданія, какъ „Землевѣдѣніе“, объ устроенной Вами первой Русской Географической выставкѣ, о трудахъ Вашихъ по изслѣдованію озеръ и объ участіи Вашемъ въ трудахъ экспедиціи для изслѣдованія источниковъ главныхъ рѣкъ Европейской Россіи. Примите же наши искреннія пожеланія Вамъ здоровья и силъ на многіе годы, во славу русской науки и на пользу родины“. Слѣдуютъ подписи: директора обсерваторіи, академика Мих. Рыкачева и еще 9 лицъ.

Отъ Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Общество Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, имѣющее Васъ въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, считаетъ для себя пріятною обязанностью привѣтствовать Васъ въ день двадцатипятилѣтія Вашей плодотворной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропогогіи и Этнографіи.

Ваша дѣятельность далеко не исчерпывается сферой высокоуважаемаго Общества Любителей Естествознанія и другихъ ученыхъ Обществъ Москвы, во главѣ которыхъ и членомъ которыхъ Вы состоите. Она гораздо обширнѣе, разностороннѣе и глубоко отразилась на успѣхахъ науки и просвѣщенія въ Россіи. Уже одна Ваша чисто научная дѣятельность въ области антропологіи, этнографіи, географіи и доисторической археологіи доставила Вашему имени широкую и почетную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей и могла бы дать Вамъ полное нравственное удовлетвореніе. Но у Васъ есть другая, не менѣе крупная заслуга, которую не можетъ не цѣнить высоко Общество Естествоиспытателей, поставившее цѣлью своей дѣятельности, между прочимъ, распространеніе въ Россіи естественно-историческихъ свѣдѣній и привлеченіе возможно большаго числа лицъ къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ. Эта сторона Вашей дѣятельности, разнообразная, разносторонняя и въ высокой степени плодотворная, обнаружила въ Васъ ученаго съ замѣчательно широкой иниціативой,

крупнымъ организаторскимъ талантомъ, поразительной энергіей и неутомимой дѣятельностью. Начавшись рядомъ прекрасныхъ научно-популярныхъ статей по зоологіи и этнографіи въ сборникѣ „Природа“, эта дѣятельность съ теченіемъ времени все болѣе развивалась и проявилась не только въ многочисленныхъ статьяхъ, рефератахъ, обзорахъ, очеркахъ въ различныхъ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ, въ разнообразныхъ сообщеніяхъ на антропологическихъ, археологическихъ, географическихъ, естественно-историческихъ съѣздахъ и конгрессахъ, но и нашла себѣ болѣе широкое поле—въ устройствѣ и описаніи антропологической и географической выставокъ, въ основаніи и редактированіи нашего лучшаго географическаго журнала „Землевѣдѣніе“ и проч. Наконецъ, Ваша продолжительная дѣятельность въ Московскомъ университетѣ въ огромной степени способствовала болѣе широкому распространенію антропологическихъ и географическихъ знаній въ Россіи, а сформировавшійся около Васъ кружокъ болѣе молодыхъ работниковъ, руководимый и вдохновляемый Вами, еще болѣе усилилъ этотъ могучій потокъ серьезныхъ знаній, который Вы вызвали и направляли во время своей продолжительной и энергичной дѣятельности какъ въ интересахъ изслѣдованія нашего отечества, такъ и въ интересахъ пропаганды въ немъ научныхъ идей.

Казанское Общество Естествоиспытателей горячо желаетъ Вамъ, высокочтимый Дмитрій Николаевичъ, возможно долгаго сохраненія силъ и энергіи для продолженія Вашей плодотворной дѣятельности на славу и честь Россіи и предсѣдательствуемаго Вами Общества Любителей Естествознанія. Президентъ А. Штукенбергъ. Секретарь М. Янишевскій“.

Отъ Антропологическаго Общества при Императорской Военно-Медицинской Академіи.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Антропологическое Общество при Императорской Военно-Медицинской Академіи шлетъ Вамъ, какъ своему почетному члену, искренній привѣтъ въ день двадцатипятилѣтія Вашей дѣятельности въ одномъ изъ старѣйшихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Обществъ—въ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Начало Вашей ученой дѣятельности совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда отечественная антропологія только еще зарождалась, едва касаясь богатаго матеріала нашего обширнаго отечества. Своими могучими способностями и самоотверженнымъ трудолюбіемъ, выразившимся рядомъ блестящихъ изслѣдованій, Вы привлекли вниманіе образованнаго общества къ излюбленной Вами отрасли знанія и настолько возбудили интересъ въ своихъ слушателяхъ, что нашли въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдователей, труды которыхъ въ настоящее время занимаютъ видное мѣсто въ литературѣ по антропологіи.

Антропологическое Общество при Императорской Военно-Медицинской Академіи, съ живымъ интересомъ слѣдя за успѣхами отечественной науки, желаетъ Вамъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, еще много-много лѣтъ трудиться на избранномъ Вами поприщѣ, обогащая науку своими цѣнными работами и привлекая новыхъ работниковъ по вопросамъ науки о человѣкѣ. Пусть Ваше достойное имя навсегда останется въ памяти потомства. Предсѣдатель профессоръ А. Таренецкій. Секретарь М. Тихоновъ“.

Отъ студентовъ-слушателей юбиляра (былъ прочитанъ въ день юбилея, на обѣдѣ, явившеюся для привѣтствія депутаціей изъ четырехъ студентовъ).

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Привѣтствуя Васъ съ 25-лѣтіемъ Вашей научной и литературной дѣятельности, мы, Ваши слушатели, пользуемся случаемъ выразить Вамъ нашу искреннюю признательность, какъ за все, что Вы дали намъ въ Вашихъ лекціяхъ, такъ и за то неизмѣнное радушіе и вниманіе къ намъ, которое болѣе всего могли оцѣнить работавшіе подъ Вашимъ ближайшимъ руководствомъ. Мы желаемъ, чтобы еще много поколѣній студентовъ сами узнали Ваше сердечное отношеніе къ дѣлу и аудиторіи, для насъ же оно всегда останется лучшимъ воспоминаніемъ изъ нашей студенческой жизни“. Слѣдуютъ 100 подписей.

Адресъ украшенъ изящной заставкой и виньеткой изъ заглавій различныхъ трудовъ юбиляра и тѣхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ были помѣщены его статьи.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе юбиляръ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Не можетъ быть выше нравственнаго удовлетворенія для преподавателя, какъ если онъ убѣждается, что бросаемыя имъ сѣмена падаютъ не на безплодную каменистую почву, но на такую, въ которой они способны давать ростки, обѣщающіе обильный урожай. Великая награда для наставника, если въ средѣ его слушателей оказываются искренно интересующіеся преподаваемой имъ наукой, въ которыхъ является стремленіе работать въ ней самостоятельно, вести дальше ея дѣло и достигнуть въ немъ большихъ успѣховъ. Не всѣ, конечно, могутъ быть учеными; многимъ изъ васъ придется посвятить свои силы работѣ въ различныхъ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Но если вы навсегда сохраните интересъ къ знанію, не оставите заботы о своемъ развитіи, будете посильно стремиться къ самоусовершенствованію и къ распространенію просвѣщенія въ окружающей васъ средѣ,—вы тѣмъ самымъ оправдаете трудъ вашихъ наставниковъ и сохраните завѣты воспитавшаго васъ университета Сердечно благодарю васъ, господа, за ваше вниманіе ко мнѣ и отъ души желаю вамъ успѣховъ въ вашей будущей дѣятельности на пользу родины и просвѣщенія“.

Полученные юбиляромъ дипломы на званіе почетнаго члена:

Отъ Императорскаго Казанскаго университета.

„Подъ Высочайшимъ Покровительствомъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго, Великаго Государя Николая Александровича, Императора и Самодержца Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая, Императорскаго Казанскаго университета Совѣтъ свидѣтельствуетъ, что онъ, въ засѣданіи своемъ 6 марта 1900 года, единогласно избралъ ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета, Дмитрія Николаевича Анучина, во вниманіе къ его высокимъ научнымъ заслугамъ, Почетнымъ Членомъ Императорскаго Казанскаго университета.

Въ удостовѣреніе чего Совѣтъ Императорскаго Казанскаго университета выдалъ профессору Анучину настоящій дипломъ, за надлежащимъ подписомъ и съ приложеніемъ большой университетской печати. Казань. Апрѣля 29 дня 1900 года. Ректоръ университета Дубяга. Деканъ физико-математическаго факультета Ѳ. Суворовъ. Секретарь Совѣта М. Соловьевъ“.

Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей.

„Императорское Санктпетербургское Общество Естествоиспытателей, въ своемъ собраніи, состоявшемся 20 февраля 1900 года, избрало Почетнымъ Членомъ по отдѣленію Геологіи и Минералогіи Дмитрія Николаевича Анучина. Предсѣдатель А. Иностранцевъ. Секретарь В. Шимкевичъ“.

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Императорское Русское Географическое Общество, въ собраніи 29 марта 1900 года, избрало профессора Дмитрія Николаевича Анучина своимъ Почетнымъ Членомъ. № 169. 10-го мая 1900 года. С.-Петербургъ.

Предсѣдатель Великій Князь Николай Михайловичъ.

Вице-Предсѣдатель П. Семеновъ. Секретарь А. Григорьевъ“.

Дипломъ сопровождается слѣдующимъ рескриптомъ:

„Димитрій Николаевичъ, Императорское Русское Географическое Общество, памятуя заслуги Ваши передъ географической наукой, высоко цѣня все сдѣланное Вами по отчизновѣдѣнію, чтя труды Ваши по званію Президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Предсѣдателя Географическаго Отдѣленія этого почтеннаго Общества, а также редактора столь важнаго географическаго изданія, какъ, вызванное Вами къ жизни, „Землевѣдѣніе“, и желая выразить уваженіе ко всей Вашей плодотворной научной дѣятельности, единогласно избрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Препровождая при семъ дипломъ на это званіе, надѣюсь какъ Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, что Вы и впредь не отка-

жете Императорскому Русскому Географическому Обществу, какъ не отказывали ему до сихъ поръ, въ дорогомъ ему Вашемъ содѣйствіи. Тифлисъ. 1 мая 1900 г.“

Подписано собственною рукою Его Императорскаго Высочества:

„Глубокоуважающій Васъ Великій Князь Николай Михаиловичъ“.

Отъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

„Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, высоко цѣня плодотворную двадцатипятилѣтнюю дѣятельность Димитрія Николаевича Анучина въ области археологіи, этнографіи и антропологіи Россіи, единогласно избрало его въ засѣданіи 21 апрѣля 1900 г. своимъ Почетнымъ Членомъ. Предсѣдатель Общества Н. Катановъ. Товарищъ Предсѣдателя Общества И. Смирновъ. Члены Совѣта Общества: проф. А. Александровскій, проф. А. Штукенбергъ, прот. Ев. Маловъ. Секретарь Общества Н. Горталовъ. Казначей Общества Д. Васильевъ“.

Въ тотъ же день утромъ юбиляру принесены были въ его квартирѣ привѣтствія отъ издателей и сотрудниковъ „Русскихъ Вѣдомостей“. Редакторъ газеты В. М. Соболевскій прочиталъ привѣтственный адресъ отъ товарищей юбиляра по изданію газеты слѣдующаго содержанія:

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Сегодня исполнилось 25 лѣтъ Вашей неустанной дѣятельности на пользу русской науки. Въ этотъ знаменательный день Вамъ предстоитъ еще разъ убѣдиться въ глубокомъ уваженіи и сочувствіи, какія Ваша плодотворная научная работа снискала Вамъ со стороны отечественныхъ и иностранныхъ ученыхъ. Присоединяясь къ привѣтствіямъ многочисленныхъ Вашихъ почитателей, мы, товарищи Ваши по „Русскимъ Вѣдомостямъ“, съ удовольствіемъ вспоминаемъ Ваши не менѣе продолжительные и плодотворные труды въ другой области просвѣтительной дѣятельности — въ области журналистики. Свойственная Вамъ отзывчивость ко всѣмъ общественнымъ интересамъ, ко всему, что занимаетъ общество, не позволила Вамъ замкнуться въ сферѣ исключительно ученой и преподавательской дѣятельности. Вамъ, какъ человѣку, которому „ничто человѣческое не чуждо“, была нужна болѣе широкая арена. Вы нашли ее въ періодической печати. Черезъ ея посредство Вы не переставали входить въ общеніе съ широкими кругами читающей публики, проводить въ нихъ научныя знанія и, отзываясь на текущіе вопросы, будить общественное сознаніе. „Русскимъ Вѣдомостямъ“ посчастливилось въ теченіе почти цѣлаго двадцатипятилѣтія пользоваться Вашимъ постояннымъ участіемъ. Въ качествѣ сперва сторонняго сотрудника, затѣмъ постояннаго участника и, наконецъ, одного изъ руководителей дорогого намъ дѣла, Вы много содѣйствовали его успѣху. Примите же, дорогой Дмитрій Николаевичъ, наши сердечныя поздравленія, искреннюю благодарность и душевныя пожеланія еще много лѣтъ здоровья и силъ для бодраго и высокополезнаго труда. В. Соболевскій, В. Скалонъ, П. Бларамбергъ, А. Лукинъ, Гр. Джаншіевъ, М. Богдановъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ поднесенъ цѣнный письменный приборъ, а Г. А. Джаншіевымъ—экземпляръ только-что вышедшей его книги „Перлъ Кавказа“ (2-ое, иллюстрированное изданіе).

Въ 6 час. вечера, въ тотъ же день, въ колонной залѣ гостинницы „Эрмитажъ“ состоялся обѣдъ въ честь Д. Н. Анучина. На обѣдѣ участвовало болѣе 100 лицъ. При входѣ въ залу юбиляру поднесенъ былъ отъ членовъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи роскошный альбомъ (работы Фаберже) съ фотографическими карточками членовъ Общества. За обѣдомъ были прочитаны секретаремъ Общества Г. А. Кожевниковымъ и секретаремъ

Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскимъ многочисленныя телеграммы и письма отъ разныхъ учрежденій, Обществъ и отдѣльныхъ лицъ, русскихъ и иностранныхъ. Приводимъ главнѣйшія изъ нихъ:

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

„Императорская Академія Наукъ, привѣтствуя своего почетнаго члена Дмитрія Николаевича Анучина съ двадцатипятилѣтіемъ его полезной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, сердечно желаетъ здоровья и продолженія этой дѣятельности на многіе годы. Непремѣнный секретарь Н. Дубровинъ".

Отъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

„Глубокоуважаемый Димитрій Николаевичъ! Ваши работы нерѣдко и плодотворно касались задачъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, всегда встрѣчая въ немъ тоже сочувствіе. Исполнившееся нынѣ двадцатипятилѣтіе Вашего служенія въ званіи президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи даетъ Отдѣленію поводъ присоединиться къ общему чествованію Вашей дѣятельности, такъ много обогатившей русскую науку. 30 марта 1900. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Сухомлиновъ".

Отъ Ректора Императорскаго Казанскаго университета.

„Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Императорскій Казанскій университетъ, желая почтить Васъ, какъ ученаго дѣятеля, достойнымъ образомъ ко дню Вашего юбилея, избралъ Васъ въ засѣданіи 6 сего марта своимъ почетнымъ членомъ. Извѣщая Васъ объ этомъ и принося Вамъ отъ имени университета поздравленіе съ днемъ Вашего 25-лѣтняго юбилея, покорнѣйше прошу Васъ при этомъ принять и мое личное искреннее привѣтствіе. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою Ректоръ Дубяга".

Отъ Императорскаго Петербургскаго университета.

„Императорскій Петербургскій университетъ, высоко цѣня Ваши ученые труды въ области географіи и антропологіи, привѣтствуетъ Васъ по случаю двадцатипятилѣтія плодотворной дѣятельности Вашей въ Обществѣ Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Ректоръ Гольмстенъ".

Отъ Императорскаго Юрьевскаго университета.

„Императорскій Юрьевскій университетъ шлетъ глубокоуважаемому президенту Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Дмитрію Николаевичу Анучину свое поздравленіе съ 25-лѣтіемъ его плодотворной дѣятельности въ сферѣ Общества на пользу русской науки. За ректора деканъ Озе".

Отъ Совѣта Императорскаго Варшавскаго университета.

„Совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета привѣтствуетъ Васъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, по поводу двадцатипятилѣтія Вашей плодотворной дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія на пользу отечественнаго просвѣщенія и науки, на поприщѣ зоологіи, антропологіи, этнографіи, географіи и археологіи. Ректоръ университета Ульяновъ".

Отъ Совѣта Императорскаго Томскаго университета.

„Совѣтъ Императорскаго Томскаго университета считаетъ долгомъ выразить свое глубокое уваженіе выдающемуся русскому антропологу Дмитрію Николаевичу Анучину по случаю двадцатипятилѣтія его плодотворной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія. Дай Богъ, чтобы труды почтеннаго юбиляра продолжались еще многіе годы на пользу русской науки. Ректоръ Судаковъ".

Отъ физико-математическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Физико-математическій факультетъ Императорскаго Казанскаго университета, выражая живѣйшее удовольствіе

по случаю избранія Васъ Совѣтомъ Императорскаго Казанскаго университета, въ засѣданіи 6 сего марта, въ свои почетные члены, въ виду Вашихъ высокоцѣнныхъ научныхъ заслугъ, имѣетъ честь привѣтствовать Васъ въ день 25-лѣтія Вашей плодотворной научной дѣятельности и пожелать Вамъ на долгіе годы сохранить Ваши силы и энергію для продолженія служенія русской наукѣ и просвѣщенію. Деканъ физико-математическаго факультета Ѳ. Суворовъ. Секретарь П. Кротовъ".

Отъ физико-математическаго факультета Императорскаго университета Св. Владиміра.

„Физико-математическій факультетъ Императорскаго университета Св. Владиміра, высоко цѣня научныя заслуги Димитрія Николаевича, привѣтствуетъ глубокоуважаемаго президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его дѣятельности въ этомъ Обществѣ и шлетъ горячія пожеланія, да сохранитъ онъ на долгіе годы крѣпость духа и тѣла для дальнѣйшихъ плодотворныхъ трудовъ на пользу отечества и на славу русской науки. Деканъ Бобрецкій".

Отъ физико-математическаго факультета Императорскаго Новороссійскаго университета.

„Прошу передать профессору Димитрію Николаевичу Анучину слѣдующій привѣтъ. Физико-математическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета привѣтствуетъ въ лицѣ Вашемъ достославно исполненный долгъ. Вы убѣжденно несли знамя независимой науки, Вы были талантливымъ наставникомъ юношества, показывая, что наука можетъ наполнить жизнь и сберечь ея идеалы, Вы были піонеромъ русской географіи. Глубокій привѣтъ факультета въ день двадцатипятилѣтія Вашей плодотворной дѣятельности. Деканъ А. Кононовичъ".

Отъ физико-математическаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета.

„Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета, принося поздравленіе высокоуважаемому Дмитрію Николаевичу въ день двадцатипятилѣтія его служенія наукѣ, выражаетъ пожеланіе, чтобы полезная его дѣятельность продолжалась долгіе годы. Деканъ Бріо".

Отъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета.

„Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета шлетъ профессору Димитрію Николаевичу Анучину въ день двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности въ области естествознанія, антропологіи и этнографіи полный глубокаго уваженія привѣтъ. Деканъ Лебедевъ".

Отъ декана медицинскаго факультета Императорскаго Харьковскаго университета.

„Привѣтствую глубокоуважаемаго Дмитрія Николаевича въ день сегодняшняго юбилея съ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ желаній еще долгой и плодотворной дѣятельности юбиляра на пользу науки во славу нашей родины. Деканъ медицинскаго факультета Кульчицкій".

Отъ Археологическаго Института.

„Привѣтствуя Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей многополезной дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія, отмѣченной серьезными заслугами на пользу родной науки, Археологическій Институтъ шлетъ Вамъ искреннее пожеланіе еще много лѣтъ съ тѣмъ же блескомъ и успѣхомъ трудиться на поприщѣ отечественной археологіи. Директоръ Института проф. Покровскій. Секретарь Передольскій".

Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Въ только-что окончившемся собраніи Императорское Географическое Общество единогласно избрало высокоуважаемаго Дмитрія Николаевича Анучина своимъ почетнымъ членомъ. Вице-предсѣдатель Семеновъ. Секретарь Григорьевъ".

Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

„Императорское Археологическое Общество шлетъ Дмитрію Николаевичу Анучину свой привѣтъ и горячія пожеланія, чтобы его творческая и плодотворная дѣятельность на пользу русской науки продолжалась еще многіе годы. Баронъ В. Розенъ, В. Дружининъ“.

Отъ Петербургскаго Общества Естествоиспытателей.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Императорское Петербургское Общество Естествоиспытателей, избравъ Васъ своимъ почетнымъ членомъ, привѣтствуетъ Васъ, какъ одного изъ основателей русской антропологіи, даровитаго профессора и выдающагося общественнаго дѣятеля, живущаго интересами науки, и высказываетъ искреннее пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ. Иностранцевъ, Ковалевскій, Фаминцынъ, Шимкевичъ“.

Отъ Кіевскаго Общества Естествоиспытателей.

„Кіевское Общество Естествоиспытателей, имѣющее честь считать Дмитрія Николаевича въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія его дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи почитаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ присоединиться всѣмъ сердцемъ къ празднеству, устраиваемому Обществомъ въ честь своего высокоуважаемаго президента. Предсѣдатель Н. Бобрецкій“.

Отъ Юрьевскаго Общества Естествоиспытателей.

„Юрьевское Общество Естествоиспытателей избрало 30-го марта своимъ почетнымъ членомъ Дмитрія Николаевича, выражая этимъ свое участіе въ праздновапіи его юбилея. Секретарь Андрусовъ“.

Отъ того же Общества.

„Многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Общество Естествоиспытателей при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, желая участвовать въ праздновапіи 25-лѣтняго юбилея Вашей плодотворной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, избрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ, памятуя о Вашихъ важныхъ заслугахъ наукѣ. Сообщая Вамъ объ этомъ, я долженъ выразить мое глубокое сожалѣніе о томъ, что могъ извѣстить Васъ объ этомъ избраніи лишь на другой послѣ празднованія Вашего юбилея день. Избраніе Ваше въ почетные члены предполагалось въ засѣданіи Общества 28-го марта, но это засѣданіе, по внезапной болѣзни предсѣдателя, было отложено на 30-ое. Во всякомъ случаѣ утѣшаемъ себя тѣмъ, что мы могли нѣкоторымъ образомъ въ тотъ же день, когда Вы праздновали Вашъ юбилей въ Москвѣ, вѣроятно, въ кругу Вашего Общества, участвовать въ этомъ праздникѣ. Секретарь Общества проф. Н. Андрусовъ“.

Отъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей.

„Новороссійское Общество Естествоиспытателей съ глубокимъ уваженіемъ останавливается на многочисленныхъ трудахъ Вашихъ, посвященныхъ изученію природы въ высшемъ ея проявленіи—человѣкѣ, и съ удивленіемъ видитъ, какъ много можетъ сдѣлать даже отдѣльная человѣческая сила, безкорыстно приложенная къ работѣ. Да продлится и работа, и жизнь, и примѣръ Вашъ на многолѣтія! Президентъ Общества Клоссовскій. Секретарь Бучинскій“.

Отъ Совѣта Варшавскаго Общества Естествоиспытателей.

„Совѣтъ Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ привѣтствуетъ президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла его, профессора Дмитрія Николаевича Анучина въ день двадцатипятилѣтія его плодотворной дѣятельности на пользу Общества Любителей Естествознанія. Секретарь Вульфъ“.

Отъ Общества Испытателей Природы при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

„Милостивый Государь, Дмитрій Николаевичъ! Общество Испытателей Природы при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ считаетъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашей

дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ которомъ Вы оставили неизгладимую память Вашими многочисленными и разнообразными трудами на поприщѣ науки, и выразить искреннее свое пожеланіе, чтобы и въ дальнѣйшемъ будущемъ дѣятельность Ваша была столь же плодотворна, какъ и въ прошедшемъ. Предсѣдатель Общества Л. Рейнгордтъ. Секретарь Общества В. Ярошевскій".

Отъ Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи Животныхъ и Растеній.

„Признательно вспоминая труды Дмитрія Николаевича Анучина по должности секретаря и завѣдующаго садомъ Общества Акклиматизаціи, отъ души привѣтствуемъ почтеннаго президента Общества Любителей Естествознанія, искренно желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ научной и общественной дѣятельности. За предсѣдателя Тихомировъ. Секретарь Антушевичъ".

Отъ Русскаго Антропологическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ.

„Высокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Русское Антропологическое Общество, состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, имѣющее честь считать Васъ въ числѣ своихъ сочленовъ, поручило намъ въ знаменательный день закончившагося двадцатипятилѣтняго неустаннаго и плодотворнаго служенія Вашего русской наукѣ о человѣкѣ высказать Вамъ глубочайшее уваженіе за образцовые труды Ваши, стоявшіе въ теченіе четверти вѣка во главѣ нашей антропологической литературы, за просвѣщенное руководство Ваше въ работахъ молодыхъ представителей нашей науки, а также многочисленныхъ съѣздовъ, имѣвшихъ цѣлью споспѣшествовать развитію антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, и за множество неоцѣненныхъ услугъ, оказанныхъ антропологіи, какъ профессорской, такъ и научно-литературной дѣятельностью Вашей. Приносимъ Вамъ самыя искреннія поздравленія съ настоящимъ днемъ, счастливымъ для русской науки, и сердечныя пожеланія, чтобы силы позволили Вамъ продолжать Вашу работу на многіе годы Предсѣдатель Д. Коробчевскій. Товарищъ предсѣдателя М. Нижегородцевъ. Члены Совѣта: П. Томашевскій. Князь П. А. Путятинъ. А. Сутугинъ. Н. Маліевъ. В. Ольдероге. Секретарь Ив. Маляревскій".

Отъ Психологическаго Общества при Московскомъ университетѣ.

„Московское Психологическое Общество въ знаменательный для Васъ день приноситъ Вамъ свои сердечныя поздравленія и пожеланія долгихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности. Предсѣдатель Лопатинъ".

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

„Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей привѣтствуетъ знаменитаго археолога и антрополога, профессора Дмитрія Николаевича Анучина и желаетъ ему долго руководить занятіями Общества Любителей Естествознанія".

(Нѣсколько ранѣе, 9 марта 1900 г., юбиляръ былъ избранъ въ дѣйствительные члены этого Общества).

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

„Отъ имени Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества и лично отъ себя сердечно привѣтствуемъ дорогого Дмитрія Николаевича Анучина съ двадцатипятилѣтіемъ его высокополезной и поучительной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и желаемъ продленія ея на многіе и многіе годы. Предсѣдатель проф. Сумцовъ. Секретарь проф. Рѣдинъ".

Отъ Одесскаго Историко-Филологическаго Общества.

„Историко-Филологическое Общество, состоящее при Новороссійскомъ университетѣ, привѣтствуетъ Дмитрія Николаевича съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его высокополезной дѣятельности, какъ президента Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и предсѣдателя Антропологическаго и Географическаго его Отдѣловъ. Предсѣдатель Общества Н. Ланге".

От Общества Невропатологовъ и Психіатровъ при Московскомъ университетѣ.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Московское Общество Невропатологовъ и Психіатровъ, съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуя Васъ, неутомимаго ученаго, 25-лѣтнимъ трудомъ и высокимъ авторитетомъ содѣйствовавшаго процвѣтанію высокочтимаго Общества, во главѣ котораго Вы стоите, проситъ Васъ принять искреннія пожеланія, чтобы широкая и плодотворная дѣятельность Ваша продолжалась многіе и многіе годы. Товарищъ предсѣдателя Ротъ“.

От Русскаго Библіографическаго Общества при Московскомъ университетѣ.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Въ знаменательный день празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея Вашего безпрерывнаго и честнаго служенія русской наукѣ и Русское Библіографическое Общество при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, имѣющее счастіе съ недавняго времени считать Васъ въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ, шлетъ Вамъ свои самыя искреннія поздравленія и горячія пожеланія еще многіе и многіе годы неутомимо трудиться на пользу родного просвѣщенія, по-прежнему служа для всѣхъ примѣромъ беззавѣтной любви къ знанію въ самомъ широкомъ значеніи этого слова“.

От Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

„Уральское Общество Любителей Естествознанія поздравляетъ профессора Дмитрія Николаевича Анучина со днемъ юбилея двадцатипятилѣтней научной дѣятельности, душевно желаетъ продолжить ее многіе годы на пользу науки. Президентъ Миславскій. Секретарь Г. Миквицъ“.

От Кіевскаго Психіатрическаго Общества.

„Дмитрій Николаевичъ! Кіевское Психіатрическое Общество, высоко цѣня Вашу выдающуюся научную дѣятельность въ области отечественной антропологіи, считаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ знаменательный для Васъ и для русской науки день Вашей 25-лѣтней ученой дѣятельности и выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы эта дѣятельность продолжалась на многіе годы. Проф. Сикорскій“.

От Саратовскаго Общества Естествоиспытателей и Любителей Естествознанія.

„Саратовское Общество Естествоиспытателей и Любителей Естествознанія въ ближайшемъ засѣданіи своемъ третьяго апрѣля, при общихъ аплодисментахъ присутствовавшихъ, единогласно per acclamationem избрало Васъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, своимъ почетнымъ членомъ. Привѣтствуя Васъ со днемъ Вашего юбилея, Общество сердечно желаетъ многія лѣта Вашей выдающейся плодотворной научной дѣятельности. Совѣтъ“.

От Нижегородскаго Кружка Любителей Физики и Астрономіи.

„Нижегородскій Кружокъ Любителей Физики и Астрономіи, привѣтствуя Дмитрія Николаевича по случаю исполнившагося славнаго двадцатипятилѣтія дѣятельности его при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, выражаетъ искреннія пожеланія сохранить силы, чтобы многіе и многіе годы работать на пользу науки и русскаго просвѣщенія. Предсѣдатель Кружка Щербаковъ“.

От Костромского Кружка Любителей Естествознанія.

Костромской Кружокъ Любителей Естествознанія поздравляетъ глубокоуважаемаго профессора Дмитрія Николаевича Анучина въ день двадцатипятилѣтія его плодотворной дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія и желаетъ ему силъ и здоровья на многіе годы для полезнаго служенія наукѣ и родинѣ. Предсѣдатель правленія Рождественскій. Секретарь Соболевъ“.

От Финляндскаго Археологическаго Общества.

„Финляндское Археологическое Общество проситъ Васъ принять искреннее сердечное поздравленіе по поводу Вашей многолѣтней и плодотворной дѣятельности на службѣ Императорскому Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Предсѣдатель Аспелинъ. Секретарь Айліо“.

Отъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Отъ имени Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приношу Вамъ, Дмитрій Николаевичъ, поздравленія съ годовщиной двадцатипятилѣтней славной дѣятельности Вашей въ Обществѣ на поприщѣ антропологіи и географіи. Генералъ-лейтенантъ Фрезе“.

Отъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! 30 марта исполняется 25-лѣтіе Вашей обширной и плодотворной научной дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, принося Вамъ въ этотъ день свои сердечныя, лучшія пожеланія и поздравленія, считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить, что Ваша научная дѣятельность особенно близка Отдѣлу, такъ какъ Вы неустанно и внимательно слѣдили за научными изслѣдованіями на нашихъ далекихъ окраинахъ и не разъ посвящали имъ свое время и свой трудъ“.

Отъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Западно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приноситъ глубокоуважаемому Дмитрію Николаевичу искреннее поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ ученой дѣятельности, желаетъ Антропологическому и Географическому Отдѣленіямъ Общества дальнѣйшаго процвѣтанія подъ неутомимымъ руководствомъ ихъ президента и предсѣдателя. Распорядительный Комитетъ Отдѣла“.

Отъ Общества изученія Амурскаго края.

„Общество изученія Амурскаго края, работающее въ центрѣ 16 тунгузскихъ племенъ, изъ числа коихъ Айны составили славное изслѣдованіе Дмитрія Николаевича, шлетъ маститому юбиляру привѣтъ съ пожеланіемъ здоровья и силъ для познанія человѣка. Предсѣдатель Черемшанскій“.

Отъ Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Приамурскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ далекаго Востока привѣтствуя Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, проситъ принять самыя сердечныя поздравленія со столь знаменательнымъ днемъ и искреннія пожеланія Вамъ всякаго благополучія въ будущемъ на славу и процвѣтаніе русской науки. Предсѣдатель Отдѣла Ив. Надаровъ“.

Отъ Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Туркестанскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества единодушно присоединяется къ чествованію двадцатипятилѣтняго юбилея дѣятельности въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи предсѣдателя его, профессора Дмитрія Николаевича Анучина, и желаетъ высокоуважаемому ученому продолжать свою плодотворную дѣятельность еще многіе и многіе годы для пользы и славы русской науки. Замѣститель предсѣдательствующаго В. Ошанинъ. Правитель дѣлъ Н. Маллицкій“.

Отъ Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

„Чествуя неутомимаго труженика науки, глубокоуважаемаго Дмитрія Николаевича Анучина, съ далекой окраины шлемъ горячій привѣтъ, прося достойнаго юбиляра оказать честь Отдѣленію принятіемъ званія почетнаго члена. Предсѣдатель Отдѣленія, управитель дѣлъ Талько-Грынцевичъ“.

Отъ Общества Любителей изслѣдованія Алтая.

„Общество Любителей изслѣдованія Алтая, принося поздравленія въ день юбилея высокополезной дѣятельности Дмитрію Николаевичу, шлетъ свои искреннія пожеланія продолжать плодотворную дѣятельность на пользу науки еще многіе годы. Предсѣдатель Общества Билъ“.

Отъ Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго края.

„Петровское Общество Изслѣдователей Астраханскаго края сердечно привѣтствуетъ досточтимаго юбиляра, президента Общества Любителей Естествознанія, профессора Дмитрія Николаевича Анучина, подарившаго наукѣ не мало цѣнныхъ изслѣдованій по вопросамъ антропологіи, археологіи, географіи, этнографіи и зоологіи. За предсѣдателя Леонтьевъ“.

Отъ Общества Любителей изученія Кубанской области.

„Общество Любителей изученія Кубанской области, привѣтствуя многоуважаемаго Дмитрія Николаевича Анучина съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его плодотворной научной дѣятельности по этнографіи, антропологіи и археологіи, желаетъ продолженія этой дѣятельности еще на многіе годы. Предсѣдатель Сысоевъ“.

Отъ Музея антропологіи и этнографіи Императорской Академіи Наукъ.

„Музей антропологіи и этнографіи, привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ ученаго преподавателя и распространителя этнографическихъ знаній въ Россіи, желаетъ Вамъ свѣтлаго и спокойнаго будущаго на пользу и процвѣтаніе любимой науки. Радловъ, Клеменцъ, Могилянскій, Петри, Гильзенъ“.

Отъ состава каѳедры анатоміи Харьковскаго университета.

„Составъ каѳедры нормальной анатоміи Харьковскаго университета искренно поздравляетъ глубокоуважаемаго юбиляра съ исполненіемъ 25-лѣтія его плодотворной научной дѣятельности съ пожеланіемъ продолженія таковой еще на многіе годы на славу нашей родины“. Слѣдуютъ подписи: проф. М. Попова и еще 3-хъ лицъ.

Отъ Метеорологической Обсерваторіи Новороссійскаго университета.

„Метеорологическая Обсерваторія Императорскаго Новороссійскаго университета искреннѣйше присоединяется къ чествованію ученаго, которымъ по справедливости гордится вся Россія. Привѣтъ неутомимому и талантливому профессору, привѣтъ энергичному дѣятелю, создавшему въ Москвѣ блестящій центръ географической науки! Клоссовскій“.

Отъ Артиллерійскаго Историческаго музея.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Артиллерійскій Историческій музей, высоко цѣня многостороннюю научную дѣятельность Вашу, въ широкомъ объемѣ которой встрѣчается также и разработка спеціально интересующихъ музей вопросовъ по исторіи развитія оружія, шлетъ Вашему Превосходительству свой искренній привѣтъ въ день исполнившагося 25-лѣтія Вашего служенія наукѣ и сердечное пожеланіе продолженія послѣдняго еще на многіе и многіе годы. Генералъ-лейтенантъ Бранденбургъ“.

Отъ Минусинскаго музея.

„Минусинскій музей и его сотрудники, проникнутые чувствомъ глубочайшаго уваженія къ Вашей научной и общественной дѣятельности, приносятъ Вамъ, Дмитрій Николаевичъ, искреннія поздравленія въ знаменательный день Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея. Лыткинъ, Мартьяновъ, Конъ, Яковлевъ, Ордынскій, Тропинъ, Ковтуновъ“.

Отъ Тобольскаго губернскаго музея.

„М. Г., Дмитрій Николаевичъ! Высоко цѣня ученые труды Ваши въ области антропологіи, географіи, этнографіи, зоологіи и доисторической археологіи, не разъ затрогивавшіе и нашъ отдаленный край, Тобольскій губернскій музей отъ

лица своихъ членовъ считаетъ долгомъ привѣтствовать Васъ въ день юбилея двадцатипятилѣтней дѣятельности Вашей и пожелать Вамъ, чтобы научная Ваша дѣятельность продлилась на многіе, многіе годы и нашла возможно большее число послѣдователей. За предсѣдателя товарищъ его (подпись неразборчива). За секретаря библіотекарь А. Терновскій".

От Ростовскаго музея церковныхъ древностей.

„Ростовскій музей церковныхъ древностей привѣтствуетъ своего почетнаго члена со знаменательнымъ днемъ тридцатаго марта и шлетъ искреннѣйшія пожеланія юбиляру, такъ много сдѣлавшему для русской науки вообще и археологіи въ частности. Товарищъ предсѣдателя Титовъ. Члены: Шляковъ, Мансвѣтовъ".

Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„Правленіе Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства объ единодушномъ избраніи Васъ, по предложенію г. непремѣннаго попечителя Коммиссіи Б. В. Штюрмера, въ почетные члены, въ засѣданіи Коммиссіи 17-го сего марта. Товарищъ предсѣдателя Л. Трефолевъ. Правитель дѣлъ Ал. Лопухинъ".

Отъ той же Коммиссіи.

„Ярославская Ученая Архивная Коммиссія горячо привѣтствуетъ славнаго ученаго, желая ему долгихъ дней для блага науки. Товарищъ предсѣдателя Л. Трефолевъ".

Отъ Оренбургской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„Дмитрій Николаевичъ! Высоко цѣня Ваши многочисленные труды на поприщѣ науки и просвѣщенія и принося Вамъ искренній привѣтъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной ученой дѣятельности, Оренбургская Ученая Архивная Коммиссія честь имѣетъ покорнѣйше просить Васъ принять званіе почетнаго члена Коммиссіи".

Отъ Владимірской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„М. Г., Дмитрій Николаевичъ! Владимірская Губернская Ученая Архивная Коммиссія, имѣющая цѣлью всестороннее изученіе исторической жизни и памятниковъ древняго Владиміро-Суздальскаго края, въ засѣданіи своемъ, состоявшемся 7 мая сего 1900 г., по предложенію членовъ князя Н. П. Урусова, В. Т. Георгіевскаго и А. В. Смирнова, постановила избрать Васъ въ пожизненные члены Коммиссіи, въ надеждѣ, что Вы не откажете въ Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи, по мѣрѣ возможности, цѣлямъ и задачамъ этого учрежденія. Князь Н. Урусовъ".

Отъ Рязанской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„М. Г., Дмитрій Николаевичъ! Рязанская Ученая Архивная Коммиссія въ засѣданіи 29 марта постановила, по поводу истекающаго 30 марта сего года двадцатипятилѣтней дѣятельности Вашей въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, принести Вамъ, М. Г., свои поздравленія съ пожеланіемъ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на излюбленномъ Вами научномъ поприщѣ. За товарища предсѣдателя А. Черепнинъ. Правитель дѣлъ Д. А. Шефферлингъ".

Отъ Саратовской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„Саратовская Ученая Архивная Коммиссія въ засѣданіи своемъ 29 февраля сего года единогласно постановила выразить привѣтстіе отъ лица Коммиссіи профессору Дмитрію Николаевичу Анучину по случаю исполняющагося двадцатипятилѣтія неутомимой и весьма полезной для науки, славной дѣятельности его въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ должности президента и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла и Географическаго Отдѣленія Общества. Правитель дѣлъ Коммиссіи А. Прозоровскій".

Отъ Виленской Археографической Коммиссіи.

„Отъ имени Археографической Коммиссіи привѣтствую съ 25 лѣтіемъ дорогого Дмитрія Николаевича, оказавшаго громадныя услуги географіи, археологіи. Да сохранитъ Васъ Господь на дальнѣйшій научный подвигъ. Крачковскій".

Отъ Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„Костромская Ученая Архивная Коммиссія привѣтствуетъ юбиляра и шлетъ искреннія пожеланія плодотворной дѣятельности на многія лѣта. За предсѣдателя Бекаревичъ“.

Отъ Таврической Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„М. Г., Дмитрій Николаевичъ! Присоединяясь къ празднику всей русской науки по случаю истекающаго двадцатипятилѣтія неутомимой дѣятельности Вашего Превосходительства въ предсѣдательствуемомъ Вами Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія имѣетъ честь выразить Вамъ и свое горячее пожеланіе еще долгіе годы украшать своими трудами родную науку, которой Вы такъ блестяще и самоотверженно служите уже свыше тридцати лѣтъ. Предсѣдатель А. Ильинъ. Правитель дѣлъ А. Маркевичъ“.

Отъ предсѣдателя Калужской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Прошу Васъ принять мое искреннѣйшее поздравленіе съ окончаніемъ 25-лѣтія служенія Вашего наукѣ въ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Ваши ученые труды, въ которыхъ видна мощь анализирующаго и обобщающаго разума, всегда доставляли Вашимъ почитателямъ глубокое умственное наслажденіе. Отъ всей души желаю Вамъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, долголѣтней жизни для преуспѣянія науки въ родной намъ Россіи. Глубокоуважающій Васъ И. Четыркинъ, предсѣдатель Калужской Ученой Архивной Коммиссіи“.

Отъ Тульскаго Историко-Археологическаго Товарищества.

„Отъ имени Тульскаго Историко-Археологическаго Товарищества почтительнѣйше привѣтствую Васъ съ юбилеемъ, сердечно желаю премногихъ лѣтъ здравія, прежней энергической работы въ познаніи природы и быта человѣка, условій жизни прежнихъ ступеней культуры человѣчества и памятниковъ праотечественной исторіи. Троицкій“.

Отъ Совѣта училища Ордена Св. Екатерины.

„Совѣтъ училища Ордена Св. Екатерины, съ благодарностью вспоминая Ваши труды на пользу училища, шлетъ Вамъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, привѣтъ по случаю торжественнаго дня Вашей двадцатипятилѣтней ученой и общественной дѣятельности. Членъ Совѣта инженеръ-генералъ Ахшарумовъ“.

Отъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета.

„Комитетъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Московскаго университета шлетъ привѣтъ своему почетному члену по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его плодотворной научной и общественной дѣятельности и выражаетъ горячія пожеланія ему еще много лѣтъ столь же неустанно трудиться на пользу родной страны. Предсѣдатель Комитета С. Корсаковъ. Казначей П. Голубковъ. Секретарь С. Иванцовъ“.

Отъ Совѣта Общества вспомоществованія учащимся женщинамъ.

„Совѣтъ Общества вспомоществованія учащимся женщинамъ поручилъ мнѣ поздравить Васъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей ученой дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Несмотря на свои обширныя научныя работы, снискавшія Вамъ европейскую извѣстность, Вы находили возможность удѣлять время и на общественную дѣятельность; между прочимъ, Вы были однимъ изъ основателей нашего Общества, содѣйствующаго женскому образованію. Эта сторона Вашей дѣятельности является крайне цѣнной и вызывающей особенныя симпатіи. Сердечно желаемъ, чтобы еще долгіе годы продолжалась Ваша плодотворная ученая дѣятельность и чтобы она по-прежнему позволяла Вамъ удѣлять хоть крупицу Вашего ума, таланта и опытности и общественнымъ дѣламъ. Крайне сожалѣю, что болѣзнь не позволяетъ мнѣ принести Вамъ привѣтствіе лично. Христіановичъ“.

Отъ Московской Коммиссіи народныхъ чтеній.

„Московская Коммиссія народныхъ чтеній сердечно привѣтствуетъ Ваше Превосходительство съ двадцатипятилѣтіемъ полезной и плодотворной дѣятельности въ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и выражаетъ пожеланія дальнѣйшаго продолженія трудовъ Вашихъ, такъ полезныхъ для просвѣщенія народа. Предсѣдатель Коммиссіи Новицкій. Секретарь Семеновъ“.

Отъ Союза русскихъ писателей.

„Союзъ русскихъ писателей шлетъ Вамъ искреннѣйшее поздравленіе, желая, чтобы долго еще продолжалась Ваша дѣятельность, вызывающая глубокое уваженіе всѣхъ, кому дороги интересы науки и литературы. Предсѣдатель Вейнбергъ“.

Отъ редакціи «Русской Мысли».

„Редакція „Русской Мысли“ сердечно поздравляетъ Дмитрія Николаевича Анучина въ день юбилея его плодотворной научной публицистической дѣятельнести. Лавровъ. Гольцевъ“.

Отъ редакціи «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона.

„Редакція „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза и Ефрона, въ день юбилея научной дѣятельности глубокоуважаемаго Дмитрія Николаевича Анучина, статьи котораго по антропологіи занимаютъ въ словарѣ столь почетное мѣсто, шлетъ ему свои поздравленія и искреннія пожеланія многосторонней научной дѣятельности еще на долгіе годы. Арсеньевъ. Петрушевскій“.

Отъ редакціи журнала «Естествознаніе и Географія».

„Редакція журнала „Естествознаніе и Географія“ поздравляетъ Васъ, глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной научной дѣятельности, присоединяя свои наилучшія пожеланія Вамъ здоровья и силъ потрудиться съ полнымъ успѣхомъ еще долго-долго во славу науки и на благо родины. Редакторъ М. Варрава“.

Отъ редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе».

„Редакція „Дѣтскаго Чтенія“ привѣтствуетъ съ глубочайшимъ уваженіемъ талантливые труды славнаго ученаго и общественнаго дѣятеля на пользу просвѣщенія родной земли. Тихомировъ“.

Отъ академика Ф. В. Овсянникова.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Въ сегодняшній день, когда исполнилось 25 лѣтъ Вашей широкой плодотворной дѣятельности по столь разнообразнымъ отдѣламъ естествознанія, вспоминаетъ съ благодарностью всякій русскій натуралистъ тѣ цѣнные результаты, которые Вы внесли въ науку. Въ Вашей памяти воскресаетъ сегодня и проходитъ длинной вереницей все Вами сдѣланное для науки и для Вашихъ слушателей, которымъ Вы съ такою любовью посвятили Ваше время, трудъ и знаніе. Позвольте и мнѣ въ этотъ торжественный день принести сердечное поздравленіе и горячее пожеланіе Вамъ здоровья и силы для дальнѣйшей работы на пользу естествознанія, университетской молодежи и общества. Ф. Овсянниковъ“.

Отъ Архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта.

„М. Г., Дмитрій Николаевичъ! Въ знакъ моего глубокаго уваженія къ Вашей высокоплодотворной дѣятельности, позвольте принести Вамъ мой усердный привѣтъ и сердечное поздравленіе по случаю двадцатипятилѣтней неутомимой дѣятельности Вашей въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологія и Этнографіи. А. Энгельгардтъ“.

Отъ предсѣдателя Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ Н. Ѳ. Катанова.

„Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Высоко цѣня крупныя научныя заслуги Ваши въ области антропологіи, археологіи, географіи, исторіи и этнографіи и вполнѣ сознавая достойное занесеніе на страницы научной лѣтописи Вашего почтеннаго имени, сердечнѣйше поздравляю Васъ, высокочтимый Дмитрій Нико-

лаевичъ, съ исполняющимся 30-го числа сего мѣсяца двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной научной дѣятельности и посылаю Вамъ искреннѣйшее пожеланіе здравствовать и работать еще многіе-многіе годы какъ во славу Россіи, такъ и на пользу Общества, во главѣ котораго до сихъ поръ Вы съ честью состояли, въ органахъ котораго прекрасно трудились цѣлую четверть вѣка и которое, такимъ образомъ, Вамъ очень многимъ обязано, какъ и сама наука. Вашъ покорнѣйшій слуга и почитатель Николай Катановъ, дѣйствительный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, профессоръ Казанскаго университета и предсѣдатель Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ".

Отъ профессора Н. М. Маліева.

„30-го марта, въ день празднованія 25-лѣтней плодотворной дѣятельности глубокоуважаемаго Дмитрія Николаевича Анучина, покорнѣйше прошу Васъ (письмо на имя А. А. Ивановскаго) передать многоуважаемому юбиляру мое искреннее привѣтствіе и пожеланіе на многіе годы дальнѣйшей плодотворной дѣятельности. Съ давнихъ поръ среди русскихъ антропологовъ съ именемъ Дмитрія Николаевича Анучина соединяется воспоминаніе, какъ о талантливомъ представителѣ науки, о человѣкѣ, работы котораго много способствовали успѣшному развитію и процвѣтанію антропологіи. Его тщательныя и обширныя изысканія надъ движеніемъ и свойствами великорусскаго племени вызвали цѣлый рядъ послѣдующихъ работъ; имя Дмитрія Николаевича сдѣлалось извѣстнымъ на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ нашего обширнаго отечества, всюду возбуждая интересъ къ дальнѣйшей разработкѣ антропологическихъ вопросовъ. Какъ недавній житель далекой Сибири, я личнымъ опытомъ могу свидѣтельствовать объ этомъ предъ лицомъ всей Россіи. Да продлится же на многіе годы плодотворная дѣятельность Дмитрія Николаевича и да процвѣтаетъ вмѣстѣ съ нимъ русская антропологія! Н. Маліевъ".

Отъ проф. А. Ѳ. Фортунатова.

„Многоуважаемый Д. Н.!..... Вашъ трудъ „О географическомъ распредѣленіи роста" навсегда останется образцомъ научной разработки статистическихъ свѣдѣній о составѣ населенія по тѣлеснымъ свойствамъ (я съ удовольствіемъ ежегодно обращаю вниманіе студентовъ на эту работу). Отъ лица русскихъ статистиковъ имѣю смѣлость лишній разъ поблагодарить Васъ за то радушіе, съ которымъ Вы пріютили статистическій съѣздъ подъ общимъ кровомъ IX съѣзда естествоиспытателей. Желаю Вамъ здоровья и всего лучшаго. Съ искреннимъ уваженіемъ и признательностью Алексѣй Фортунатовъ".

Кромѣ того получены привѣтственныя письма и телеграммы:

Изъ Ачинска—отъ К. И. Горощенко; Варшавы—проф. П. И. Митрофанова; Владивостока—Н. Л. Гондатти; Владиміра Губ.—П. П. Кудрявцева; Екатеринодара—В. М. Сысоева; Елисаветграда—д-ра С. А. Вайсенберга; Иванова-Вознесенска—Д. Г. Бурылина; Иркутска—предсѣдателя Вост.-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. Иванова; Казани—профессоровъ А. В. Васильева, П. И. Кротова, Ѳ. Г. Мищенко, А. А. Штукенберга, А. М. Фортунатова и д-ра А. А. Сухарева; Казбека—д-ра В. В. Воробьева; Калачева Лѣса И. А. Лопатина; Качуги—М. С. Сапожникова; Кіева—профессоровъ В. С. Иконникова, М. А. Тихомирова, К. А. Ѳеофилактова и г. В. В. Хвойка; Красноярска—отъ гг. Головачева, Григорьева, Груднина, Духовича, Киборта, Крутовскаго, Проскурякова, Рачковскаго, Шатца, Шепетовскаго; Мещерскаго—д-ра В. И. Васильева; Москвы—В. Н. Ахшарумова, Ю. И. Базановой, М. Н. Бруна, К. М. Быковскаго, проф. П. Г. Виноградова, М. Я. Герценштейна, врача Ѳ. К. Гинкулова, И. Е. Забѣлина, проф. Д. Н. Зернова, Н. Ѳ. Золотницкаго, В. В. Каллаша, Н. В. Калужскаго, гг. Кисель-Загорянскихъ, проф. А. Я. Кожевникова, д-ра Н. И. Коротнева, проф. С. С. Корсакова, Н. А. Крестовникова (съ препровожденіемъ 100 руб. на усиленіе средствъ по изданію журнала „Землевѣдѣніе"), пр.-доц. д-ра А. П. Лангового, пр.-доц. д-ра Л. С. Минора, А. В. Орѣшникова, врача В. И. Семидалова, проф. Ѳ. И. Синицына, С. С. Слуцкаго, К. Т. Солдатенкова, проф. В. А. Тихомирова, Н. Л. Щабельской, И. О. Шнаубергъ, проф. В. С. Щегляева, В. Н. Щепкина; Новой Александріи—Н. І. Криштафовича; Одессы—Н. Л. Геккера, А. И. Маркевича, проф. И. Л. Яворскаго; Петербурга—профессоровъ П. И. Броунова, Н. Н. Веселовскаго, д-ра Н. В. Гильченко, секре-

таря Имп. Рус. Геогр. Общества А. В. Григорьева, В. Г. Короленко, С. А. Муромцева, проф. И. В. Мушкетова, Л. Ѳ. Пантелеева, проф. И. В. Помяловскаго, г. Пугини, акад. М. А. Рыкачева, ген. А. И. Савельева, д-ра Н. В. Слюнина, В. В. Стасова, В. Г. Тизенгаузена, О. А. и Б. А. Федченко, Ю. А. Шокальскаго; Порѣчья, Гродн. губ.—врача А. Г. Рождественскаго: Порѣчья, Моск. губ.—графа Ѳ. А. Уварова; Ростова (Яросл.)—А. Н. Титова; Тифлиса—гг. Горбачева и Сатунина, Н. К. Зейдлица, Е. И. Кондратенко, д-ра И. И. Пантюхова; Троицкосавска—д-ра Ю. Д. Талько-Грынцевича; Ундола, Владим. губ.—Ф. Д. Нефедова; Харькова—профессоровъ Д. И. Багалѣя и В. Я. Данилевскаго; Чернигова—А. М. Альбовой; Юрьева—проф. Н. И. Кузнецова.

Иностранныя привѣтствія:

Отъ директора Берлинскаго Этнографическаго музея, проф. А. Бастіана.

„Herrn Professor D-r Anutschin, Präsident der K. Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften, Anthropologie und Ethnologie in Moskau.

Unter den Begrüssungen, die bei diesem Ehrenfest sich vereinen, spricht es aus keines Mundes wärmer, als aus dem der Ethnologie, der unter ihren das Menschengeschlecht umgreifenden Museen eine Heimstätte bereitet ist im Russischen Reich,—eine Welt für sich: die buntgestaltige Welt der dortigen Völkerschaften: Herangewachsen zu dem stattlichen Gebäude, wie aus dessen weiter Unterlage sich bedingt, wird dadurch dem Begründer ein dauerndes Erinnerungszeichen eingeschrieben sein in der Geschichte der Menschheit; jener Wissenschaft der Zukunft, die dermaleinst zur friedlichen Einigung der Völker auf der Erde zu führen hat (in „Mensch- und Völkerkunde"). Und so die wärmsten Wünsche für gedeihlichen Vorangang den Glückwünschen diesjähriger Jubelfeier hinzufügend, zeichne A. Bastian".

Отъ проф. д-ра М. Бенедикта въ Вѣнѣ (на имя А. А. Ивановскаго).

„Geehrter Herr Collega! Ich bitte der verehrten Gesellschaft, deren Mitglied zu sein ich Stolz empfinde, bei Gelegenheit der Jubelfeier ihres Präsidenten meinen herzlichsten Glückwunsch zu übermitteln. Es gehört zu meinen freudigsten Erinnerungen, dass ich in den Sechzigen- und Siebzigen-Jahren eine grosse Generation russischer Gelehrter aufkeimen und bald zur vollen Blüthe gelangen sah, welche der Symbiose der internationalen Cultur-Seele einen neuen grossen Volks-Genius definitiv einfügte. Diese Thatsache ist für das künftige Geltendwerden der wissenschaftlichen Weltanschauung von grundlegendsten Bedeutung, da die russischen Gelehrten durch ihren opferwilligen und opferbereiten Enthusiasmus für die Ergebnisse und die letzten Erkenntnisse der Wissenschaft mächtige Motoren für die culturelle Entwickelung der Menschheit wurden. Der Jübilar Anutschin und die Mitglieder der Gesellschaft, deren 25-jähriger Praeses er ist, haben an dieser grossen Beweguug so grossen Antheil genommen, dass die Feier die höchste Beachtung und Würdigung in weitesten Kreisen verdient. Ich rufe Ihnen aus der Fremde sowie Ihrem Präsidenten ein kräftiges: Vivat, floreat, crescat! Zu Ihr ergebenster Prof. D-r Moriz Benedikt".

Отъ Берлинскаго Общества Антропологіи, Этнологіи и Первобытной Исторіи.

„Hochgeehrter Herr Professor! Zu Ihrem Ehrentage, an welchem Sie auf eine 25-jährige, an Erfolgen reiche, wissenschaftliche Thätigkeit zurückblicken können, bringt Ihnen die Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte die allerbesten Glückwünsche dar. Mögen Sie unserer Wissenschaft noch viele Jahre erhalten bleiben, und mögen die freundschaftlichen und gelehrten Beziehungen, welche Sie mit uns verbinden, nur immer festere und innigere werden. Der Vorstand der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. i. A. Max Bartels".

Отъ проф. В. Вальдейера въ Берлинѣ (изъ Генуи).

„Beste Glückwünsche an unseren hochverehrten Kollegen Professor Anutschin. Waldeyer".

Отъ проф. Рудольфа Вирхова въ Берлинѣ.

„Herrn Professor Anutschin sende ich zu seinem bevorstehenden Jubiläum die herzlichsten Glückwünsche. Nachdem es mir beschieden gewesen ist, Ihre unermüdete und höchst erfolgreiche wissenschaftliche Thätigkeit innerhalb 25 Jahre, sowohl in Deutschland, als in Russland verfolgen und mit eigenen Augen schauen und bewundern zu dürfen, empfinde ich eine innige Freude, auch jetzt noch unter Ihren Freunden und Verehrern erscheinen zu können. Möge Ihnen eine noch lange Dauer der Arbeitskraft beschieden sein. Ihr Sie hochverehrende Rudolf Virchow“.

Отъ библіотекаря Парижскаго Музея Естественной Исторіи I. Е. Деникера.

„Многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ! Позвольте мнѣ присоединиться къ пр здновaнію Вашего юбилея пожеланіемъ всѣхъ благъ и искреннимъ поздравленіемъ. Слѣдя внимательно за послѣднія 20 лѣтъ за успѣхами русской антропологіи, я смѣло могу сказать, что настоящее высокое положеніе этой науки въ дорогой намъ съ Вами странѣ настолько же обязано Вамъ, насколько покойному Анатолію Петровичу Богданову. Отъ души желаю Вамъ долгой жизни и плодотворной дѣятельности на пользу науки еще въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ. I. Deniker“.

Отъ редактора „Petermann's Geographische Mitteilungen“, проф. А. Зупана въ Готѣ.

„Sehr geehrter Herr Kollege. Ich komme spät, aber ich komme doch. Unglückfälle, die mich in den letzten Wochen betroffen haben, der Tod meiner Schwester und die schwere Erkrankung meiner Frau, liessen mich momentan an Ihren Ehrentag vergessen, und als ich mich gestern daran erinnerte, war es leider schon zu spät, um Ihnen telegraphisch meinen Glückwunsch zu senden. So muss ich es denn schriftlich thun, aber Sie werden hoffentlich überzeugt sein, dass mein Glückwunsch zu Ihrem 25-jährigen Jubiläum darum nicht minder herzlich gemeint ist. Ich verehre in Ihnen schon seit langer Zeit den Hauptvertreter der Geographie in Russland und ich wünsche nun, dass Sie noch recht lange der Wissenschaft und Ihrem Lande erhalten bleiben. Ihr treu ergebener Supan“.

Отъ проф. I. Колльмана въ Базелѣ.

„Hochgeehrter Herr College. Zur Feier der 25-jährigen wissenschaftichen Thätigkeit sende ich dem hochverdienten Präsidenten und Vorsitzenden der anthropologischen Abtheilung die herzlichsten Glückwünsche. Möge es Ihnen in diesem neuen Jahrhundert vergönnt sein, die anthropologische Wissenschaft Ihres unermesslichen Reiches in der nämlichen glänzenden Weise zu fördern, wie dies in dem verflossenen Jahrhundert der Fall war. Das Abendland verfolgt mit gespannter Aufmerksamkeit Alles, was von Ihnen und was unter Ihrer Führung von der anthropologischen Abtheilung der Kaiserlichen Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften, Anthropologie und Ethnographie in Moskau kommen wird, denn wir leben im Zeichen der Einheit der Wissenschaft; was immer die Forschungen in Ihrem Reiche entdecken, wird zur lehrreichen Gemeingut der ganzen gebildeten Welt. Mehr denn je interessirt sie sich für die Naturgeschichte der Menschheit, die Sie in so hervorragendem Grade gefördert haben. In dieser Ueberzeugung genehmigen Sie, hochverehrter Herr Präsident, die Glückwünsche von den Ufern des Rheines und die Versicherung ausgezeichneter Hochachtung Ihres ergebensten J. Kollmann“.

Отъ проф. Чезаре Ломброзо въ Туринѣ.

„Ill. Collega. Non ho mai scritto una parola in occasione de centenazi; ma non posso non fare un mesimo per uno degli ingegni più grandi, più liberi e più ampti che conti l'Europa del Nord: per Anutchine l'apostolo dell' Antropologia e il suo patriccia. Che possa la Russia festiggare un secondo suo anniversario,—e il mio augurio più caldo. Cesare Lombroso“.

Отъ проф. Ф. фонъ-Лушана въ Берлинѣ.

„Hochgeehrter Herr Professor, mit grossem Interesse und aufrichtiger Freude erfahre ich, dass die Kaiserliche Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften, Anthropologie und Ethnographie in Moskau, deren Mitglied zu sein ich die Ehre habe, in diesen Tagen Ihre fünfundzwanzigjährige wissenschaftliche Thätigkeit feiern

wird. Indem ich mich der langen Reihe der Fachgenossen anschliesse, die Ihnen aus diesem Anlasse ihre aufrichtigen Glückwünsche senden, erinnere ich mich mit ganz besonderer Freude der Zeit, zu der es mir vergönnt war, vor nunmehr gerade zweiundzwanzig Jahren Ihre Bekanntschaft zu machen, als wir uns gemeinsam der lehrreichen und anregenden Gesellschaft unserer Altmeisters Paul Broca erfreuen durften. Wir sind beide seither nicht mussig gewesen und haben viel vorwärts gebracht, aber noch bleibt viel zu thun übrig, sowohl an positiver Leistung, als auch in der Emancipation von jenem unfruchtbaren Dilettantismus, unter dem gerade die physische Anthropologie vielleicht noch mehr leidet, als irgend eine andere junge Wissenschaft. Möge es Ihnen vergönnt bleiben, noch viele Jahrzehnte in gleicher Thatkraft und Schaffensfreude unser Fach zu fördern wie bisher und der russischen anthropologischen Forschung dauernd den Charakter echter Wissenschaftlichkeit zu erhalten. Mit Gruss und Handschlag immer Ihr aufrichtig ergebener Felix von Luschan".

Отъ лабораторіи Брока (въ École des Hautes Etudes) и проф. Л. Мануврье въ Парижѣ.

„J'ai l'honneur s'adresser au professeur D. Anoutchine les compliments du Laboratoire de Broca, qu'il a honoré de ses visites et de son travail. Je désire y joindre mes félicitations personelles les plus sympathiques, très heureux de m'anoncer, en cette occasion, à mes savants collègues de la Société Impériale des Amis des Sciences Naturelles de Moscou. L. Manouvrier".

Отъ редакціи „Internationales Archiv für Ethnographie" въ Лейденѣ.

„Sehr geehrter Herr! In Veranlassung Ihres am 12 d. M. zu begehenden fünfundzwanzigjährigen Jubiläum, wurde in unserer Sitzung vom 5-en beschlossen Ihnen die herzlichsten Glückwünsche der Redactions Commission auszusprechen. Indem wir diesen Beschluss hiemit zur Ausführung bringen, sprechen wir zugleich die Hoffnung aus, dass Ihnen noch eine lange Dauer Ihrer seither so erspriesslichen wissenschaftlichen Thätigkeit beschieden sein möge. Unserer persönlichen Theilnahme an dem von Ihnen zu begehenden Fest bitten wir Sie versichert zu sein und zeichnen hochachtungsvoll J. Kern, Präsident. J. D. E. Schmeltz, Secretär".

Отъ проф. Фр. Нансена изъ Норвегіи.

„Godthaab, Lysaker. 30. März 1900. Herrn Professor Anutschin, Präsident der Kaiserlichen Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften. Anthropologie und Ethnographie in Moskau. Hoch geehrter Herr Präsident! Sei es mir als Ehrenmitglied der Gesellschaft gestattet, Ihnen meinen wärmsten Glückwunsch zum 25-jährigen Jubiläum Ihrer wissenschaftlichen Thätigkeit zu überbringen. Möchte eine lange und reiche Zukunft Ihnen gegönnt sein, worin Sie fortwährend zu Gunsten der Wissenschaft und der Gesellschaft wirken können. Mit vorzüglicher Hochachtung Ihr ganz ergebener Fritjof Nansen".

Отъ проф. Л. Нидерле въ Прагѣ.

„Vysocectěný Dmitriji Nicolaejviči! Devolte mi, abych ke dni jubilea Vaši 25-leté činnosti při společnosti přátel přírodovědy, anthropologie a ethnografie předložiti Vám směl i já několik blahopřejnych řádků. Ruská nauka ethnologická a vubec slovanská nemá jistě, meri soými pěstitely nikoho, kdo by úsilovněji a s větším úspěchem pracoval vedle Vás. Na širokém poli ethnologického studia, at še týkalo archaeologie, anthropologie nebo geografie byl Iste v posledních letech vždy proní mezi proními, a jméno Vaše se s úcton vyslovuje nejen v celém učenném světě slovanském ale i daleko ra jeho hranicí. Přeji Vám, vysocectěný Dmitriji Nikolajeviči, z hloubi srdce, abyste i v dalších 25 letech mohl se svěží silou ducha i sěla, pracovali ku cti nauky slovanské. Vám v hluboké úctě oddaný Dr. Lubor Niederle, professor České university".

Отъ проф. А. Норденшильда въ Стокгольмѣ.

„Herzliche Glückwünsche dem Präsident der berühmten Kaiserlichen Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften Professor Anutschin. Nordenskioeld".

Отъ Парижскаго Антропологическаго Общества.

„La Société d'Anthropologie de Paris me donne l'agréable mission d'adresser à son éminent membre associé, le professeur Dmitri Anoutchine ses meilleures félicitations, avec l'hommage de sa grande estime au président de la Société I. des Amis des Sciences Naturelles de Moscou. Nous sommes heureux de l'occasion qui nous est fournie par ce jubilé de manifester notre sympathie pour les savants naturalistes de Russie et pour la nation Russe. L. Manouvrier, Secrétaire général adjoint".

Отъ проф. А. Пенка въ Вѣнѣ.

„Hochverehrter und lieber Herr Kollege! Ihre Freunde und Kollegen feiern dieser Tage Ihre 25-jährige wissenchaftliche Thätigkeit. Von nah und fern bringen sie Ihnen den Ausdruck ihrer herzlichen Sympathie und aufrichtigen Wertschätzung dar. In diesem Kreise gleich Gesinnter und gleich Fühlender kann ich für Sie nur den einen Wunsch hegen, dass Ihnen noch ebenso viele Jahre voll reicher wissenschaftlicher Thätigkeit bescheert sein mögen, wie sie jetzt hinter Ihnen liegen. Für mich persönlich knüpfe ich daran noch den weiteren Wunsch, nämlich dass unsere beiderseitigen Beziehungen in Zukunft gleich herzlich und freundschaftlich sein möchten, wie sie es bisher waren. So führt mich der Blick auf die Vergangenheit zu Wünschen fur die Zukunft, und ich verbleibe mit einem herzlichen Glück auf. Ihr sehr ergebener Penck".

Отъ проф. I. Ранке и Мюнхенскаго Антропологическаго Общества.

„Staatsrath Anutschin, den hochverehrten Anthropologen, beglückwünscht zum Jubiläum herzlichst Ranke und Münchener Anthropologische Gesellschaft".

Отъ проф. Фр. Ратцеля въ Лейпцигѣ.

„Hochgeehrter Herr Kollege! Erst heute, bei der Rückkehr aus Italien, erfuhr ich von Ihren Feier, für die nun meine Glückwünsche leider zu spät kommen; sie sind aber darum nichts weniger herzlich. Möchten die folgenden Jahrzehnte Ihrer Wirksamkeit ebenso gesegnet sein, wie die verflossenen. Möchten Sie alle Anerkennung finden, die Sie verdienen. Möchte es mir noch lange vergönnt sein, Ihrer Thätigkeit zu folgen, nachdem ich endlich mein Plan ausgeführt haben werde, die russische Sprache zu erlernen. Ich hoffe es kommt endlich dazu. Nie empfand ich die Lücke meiner sprachlichen Bildung stärker, als bei dem Wunsche Ihre geographische und ethnologische Werke zu lesen. Als ich im verflossenen Winter meine Abhandlung über den Ursprung der Arier ausarbeitete, fasste ich den Entschluss, mich von dem sicherlich höchst unvollständigen Berichte von Stieda und anderen über die russische Litteratur zu emanzipieren. Hoffentlich gelingt es... Ich wiederhole meine herzliche Glückwünsche und drücke Ihnen im Geist die Hand als sehr aufrichtig ergebener Kollege F. Ratzel".

Отъ Римскаго Антропологическаго Общества.

La presidenza della Società Romana di Antropologia, venuta a conoscenza che al Signor Dr. Prof. D. Anucin, socio straniero di della Società, si preparano feste giubilari per il 25-o anno di sua attività scientifica. La l'onore di associarsi alle onoranze che avranno luogo il 12 aprile; ed invia, in tale occasione, auguri di felicitazione all'illustre Prof. Anucin. ed auguri di salute per il bene e per la fortuna della scienza. Per la presidenza prof. G. Sergi".

Отъ проф. А. Тöрöка въ Буда-Пештѣ.

„Его Высокородію, Господину Доктору Дмитрію Николаевичу Анучину, какъ Председателю Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ. Многоуважаемый Господинъ Председатель! По поводу 25-лѣтняго юбилея Вашей выдающейся научной дѣятельности, прошу, позвольте мнѣ въ имени венгерскихъ антропологовъ самыя искренныя благопожеланія выразить. Вмѣстѣ съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія желаю, чтобы Вы въ пользу науки и на славу Вашего обширнаго отечества, какъ и на радость Вашихъ многочисленныхъ отечественныхъ и заграничныхъ почитателей еще на многая лѣта Вашу неутомимую дѣятельность продолжать могли. Съ многоуваженіемъ Вашъ преданный D. Török Aurél".

Отъ проф. Эмиля Шмидта въ Лейпцигѣ.

„Hochverehrter Herr Professor! Am 30. März (12. April) feiern Sie das Jubiläum Ihrer fünfundzwanzigiährigen wissenschaftlichen Thätigkeit. Mit Stolz dürfen Sie auf das Vierteljahrhundert rastloser und fruchtbarer Arbeit zurückschauen: alle Zweige unserer Wissenchaft haben durch Sie wesentliche Förderung erfahren, und unter den Namen der anthropologischen Forscher glänzt der Ihrige mit in erster Reihe; alle, denen der Fortschritt der Anthropologie am Herzen liegt, gedenken an Ihrem Jubeltage in hoher Dankbarkeit und Verehrung Ihrer Verdienste. Möge es Ihnen beschieden sein, mit gleicher Kraft und gleichem Erfolge noch lange zu wirken, Ihnen zur Befriedigung und Ruhm, unserer Wissenschaft zur Förderung und zum Gedeihen. In aufrichtiger, hoher Verehrung bin ich Ihr ergebenster Emil Schmidt, Professor der Anthropologie an der Universität Leipzig".

Отъ проф. Г. Швальбе въ Страсбургѣ.

„Dem hochverdiensten Forscher, dem berühmten Anthropologen Professor Anutschin ergebenste Glückwünsche. Schwalbe".

Кромѣ того, получены привѣтствія: отъ Ѳ. К. Волкова (Парижъ), Г. Гофмана (Лейпцигъ), г. Жинганова (Лозанна), проф. Тестю (Ліонъ), д-ра Шмельтца (Лейденъ), проф. Л. Х. Штиды (Кёнигсбергъ) и проф. А. И. Чупрова (изъ Рима).

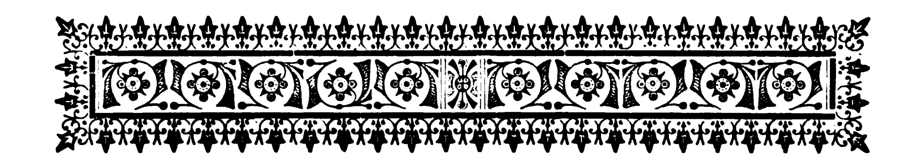
Въ продолженіе обѣда были сказаны привѣтствія и провозглашены тосты: вице-президентомъ Общества Любителей Естествознанія, проф. Н. Е. Жуковскимъ, предсѣдателемъ Этнограф. Отдѣла проф. В. Ѳ. Миллеромъ, деканомъ физико-математическаго факультета проф. Н. В. Бугаевымъ, ректоромъ университета проф. А. А. Тихомировымъ, товарищемъ предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла В. М. Михайловскимъ, секретаремъ Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскимъ, секретаремъ Московскаго Археологическаго Общества В. К. Трутовскимъ, М. С. Мостовскимъ, профессоромъ Сельско-хозяйственнаго института Н. Н. Худяковымъ, редакторомъ „Вѣстника Воспитанія" д-ромъ Н. Ѳ. Михайловымъ, редакторомъ „Русской Мысли" В. А. Гольцевымъ, президентомъ Общества Испытателей Природы проф. Н. А. Умовымъ, предсѣдателемъ Общества для пособія нуждающимся учащимся сибирякамъ Н. В. Баснинымъ и другими лицами.

Въ отвѣтъ на высказанныя привѣтствія юбиляръ произнесъ рѣчь приблизительно такого содержанія:

„Мм Гг. Послѣ всего, мною здѣсь выслушаннаго, я могу только еще разъ принести мою глубокую благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, почтившимъ меня своими привѣтствіями, и всѣмъ, оказавшимъ мнѣ честь участіемъ въ настоящемъ обѣдѣ. Глубоко тронутый всѣми этими знаками вниманія и сочувствія, я, конечно, сохраню до конца жизни благодарное воспоминаніе объ этомъ днѣ, въ который моя скромная дѣятельность удостоилась такой высокой и поистинѣ незаслуженной оцѣнки. По этому поводу я считаю умѣстнымъ, оглянувшись назадъ, свести мною сдѣланное къ болѣе скромнымъ размѣрамъ. Производительность всякаго дѣятеля опредѣляется, несомнѣнно, двумя факторами: съ одной стороны, личностью самого дѣятеля, съ другой—условіями, при которыхъ ему привелось дѣйствовать. Бываютъ личности геніальныя, выдающіеся таланты, быстро достигающіе высокаго развитія. Я не принадлежу къ ихъ числу и никогда не отличался особыми способностями. Въ гимназіи я шелъ 4-мъ—5-мъ; въ университетѣ я ничѣмъ особенно не выдѣлялся, и по окончаніи курса ни одинъ профессоръ не подумалъ меня оставить при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Я получилъ такое приглашеніе уже спустя 10 лѣтъ, да и то благодаря случайности, когда лицо, предназначавшееся для подготовки къ каѳедрѣ, занявъ другое мѣсто, отказалось отъ нея, и, кромѣ меня, не нашлось другого, болѣе подходящаго кандидата. Я напечаталъ первую статью, когда мнѣ было 30 лѣтъ, вступилъ на каѳедру уже въ возрастѣ 37 лѣтъ; все это свидѣтельствуетъ какъ объ отсутствіи во мнѣ выдающихся способностей, такъ и о медленности моего умственнаго развитія. Съ другой стороны, и условія моей

научной дѣятельности не были вполнѣ благопріятны. Въ молодости я вынужденъ былъ давать уроки, позже—добывать себѣ средства литературнымъ трудомъ, писать статьи въ журналахъ, работать въ газетахъ. Все это отвлекало отъ спеціально-научнаго труда, поглощало силы, мѣшало научной производительности. Самыя области знанія, которыми я интересовался и въ которыхъ работалъ, были несовсѣмъ благопріятны въ томъ смыслѣ, что это были области новыя, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Россіи, въ которыхъ приходилось пролагать себѣ дорогу самому, безъ надлежащаго руководства, самоучкою, а это всегда требуетъ болѣе усилій и рѣдко когда увѣнчивается полнымъ успѣхомъ. Къ тому же области эти весьма обширны, а я не былъ способенъ сосредоточиться на одномъ какомъ-либо отдѣлѣ, въ цѣляхъ болѣе глубокаго въ немъ усовершенствованія, и въ разное время интересовался разными вопросами, составляющими обыкновенно предметы изученія различныхъ спеціалистовъ, да вдобавокъ не оставлялъ и литературно-публицистической дѣятельности, принимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянное участіе и въ дѣятельности двухъ ученыхъ Обществъ. Уже одно это должно было обусловить не особенно высокій уровень моихъ трудовъ,—и вообще, окидывая взглядомъ всю мою научную и общественную дѣятельность, я долженъ признать себя не болѣе, какъ посредственностью, не имѣющею правъ не только на какое-либо выдающееся положеніе въ русской наукѣ, но даже и на признаніе за собою скромной заслуги достодолжнаго выполненія принятыхъ на себя обязанностей. Мнѣ недавно пришлось присутствовать на чествованіи одного научнаго дѣятеля, гораздо болѣе заслуженнаго, чѣмъ я; этотъ ученый, въ отвѣтъ на привѣтствія, сказалъ, что онъ выполнялъ своею дѣятельностью только долгъ, и никогда не дѣлалъ ничего сверхъ долга. Я не могу сказать про себя и этого; я сознаю, что далеко не выполнилъ того, что долженъ былъ считать своимъ долгомъ. Здѣсь, на обѣдѣ, я имѣю честь видѣть предъ собою многихъ коллегъ, гораздо болѣе меня сдѣлавшихъ для науки, отдавшихъ ей всю свою жизнь, составившихъ себѣ почетное имя въ своей спеціальности, пользующихся много бóльшимъ научнымъ авторитетомъ. Я на много уступаю высокоуважаемымъ коллегамъ, не только по результатамъ и значенію моихъ трудовъ, но и по моему отношенію къ избранной мною спеціальности, которой я никогда не въ состояніи былъ отдаться вполнѣ, а постоянно отвлекался и въ сосѣднія области, принимая также участіе и въ общественной дѣятельности. Такое, если хотите, разбрасываніе не могло не отразиться на научной производительности, въ количественномъ и особенно качественномъ отношеніи, не могло не обусловить извѣстной ограниченности ея уровня, который при другихъ условіяхъ могъ бы быть, несомнѣнно, значительно выше.

Но, господа, теперь уже поздно сожалѣть о томъ, что́ не было сдѣлано или что можно было бы сдѣлать. Жизнь уже на исходѣ и наверстать потерянное невозможно. Съ другой стороны, какой-то голосъ, можетъ-быть и лукавый, шепчетъ мнѣ, что въ свойствахъ личности и въ условіяхъ ея развитія и дѣятельности можетъ найтись и оправданіе ею сдѣланнаго или несдѣланнаго. Голосъ этотъ говоритъ, что овому дано два таланта, овому одинъ, а иному и того меньше и что силы каждаго человѣка ограничены; онъ напоминаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя слова художника: „дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ"; онъ говоритъ, наконецъ, что можно найти извѣстное оправданіе и для нѣсколько разбросанной дѣятельности, если она вызывается интересомъ къ знанію, отзывчивостью на человѣческое, стремленіемъ внести свою лепту въ дѣло просвѣщенія, исканіемъ удовлетворенія въ работѣ мысли. Можно, напримѣръ, раздѣлять мнѣніе, что нѣтъ еще вреда въ совмѣщеніи спеціальной научной работы съ дѣятельностью по распространенію знанія и просвѣщенія, особенно если уровень знаній въ странѣ не настолько высокъ, чтобы въ ней былъ избытокъ дѣятелей и возможна была строгая спеціализація въ видахъ общественнаго служенія. Сознавая, насколько мои силы оказались слабыми для болѣе интенсивной и плодотворной работы по избраннымъ мною путямъ, я могу все-таки, мнѣ думается, надѣяться на извѣстное снисхожденіе со стороны общества, и вы, Мм. Гг., были такъ добры, что не только оказали мнѣ такое снисхожденіе, но и нашли въ моей дѣятельности нѣчто, удостоившееся Вашего вниманія и привлекшее вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе къ моей посредственности многихъ выдающихся представителей знанія и просвѣщенія. Приношу глубокую благодарность за столь дорогое для меня снисхожденіе и сочувствіе и отъ души подымаю бокалъ за здоровье всѣхъ васъ съ пожеланіемъ вамъ на многіе годы всего лучшаго".

Изъ иностранной литературы.

Положеніе человѣка въ ряду животныхъ.

(Prof. Dr. H. Klaatsch—Die Stellung des Menschen in der Reihe der Säugetiere, speciell der Primaten, und der Modus seiner Hervorbildung aus einer niederen Form. „Globus“, 1899, Bd. XXXVI, № 21—22, и „Mittheilungen der anthropolog. Gesellschaft in Wien“, 1900, Bd. XXX, I. Heft).

Одинъ изъ основныхъ вопросовъ антропологіи, вопросъ о положеніи человѣка въ ряду животныхъ, пережившій нѣсколько фазисовъ въ своемъ развитіи, оставляетъ еще много темныхъ и спорныхъ пунктовъ и не можетъ считаться окончательно исчерпаннымъ. Недавняя находка Дюбуа на островѣ Явѣ ископаемыхъ остатковъ «Pithecanthropus erectus» снова оживила интересъ къ этому вопросу, вызвавъ обширную по данному поводу литературу, продолжающую и по настоящее время пополняться новыми изслѣдованіями. Къ числу ихъ принадлежитъ и вышеназванная статья гейдельбергскаго профессора H. Klaatsch'а, съ содержаніемъ которой мы и познакомимъ читателя въ настоящей замѣткѣ.

Благодаря трудамъ геніальнаго Дарвина и его послѣдователей, въ особенности Геккеля, вопросъ о происхожденіи человѣка получилъ совершенно новое направленіе, приведшее къ признанію эволюціонной теоріи. Постепенный ходъ развитія человѣка съ самаго начала даетъ рядъ поразительныхъ доказательствъ въ пользу сходства основныхъ чертъ человѣка съ животнымъ царствомъ, особенно съ высшими его представителями,—сходства, продолжающагося до мельчайшихъ частей организма, тканей и клѣточекъ, а равно и выражающагося въ однѣхъ и тѣхъ же физіологическихъ реакціяхъ противъ внѣшнихъ вліяній. Что же касается различій, то они, по большей части, даже незначительнѣе тѣхъ, которыя встрѣчаются въ животномъ царствѣ между сравнительно болѣе родственными формами. Съ другой стороны, и среди представителей вида «Homo» нѣтъ полнаго сходства, и наблюдаемыя здѣсь на каждомъ шагу варіаціи и ви-

доизмѣненія еще болѣе указываютъ намъ на животныхъ предшественниковъ человѣка. При отрицаніи животнаго происхожденія человѣка, для насъ оставались бы совершенно непонятными и необъяснимыми многія изъ тѣхъ ненормальностей въ строеніи, напр., его мускульной системы, сосудовъ и т. д., которыя ведутъ свое начало отъ извѣстныхъ животныхъ формъ. То же можно сказать и относительно тѣхъ образованій, которыя или не имѣютъ никакого значенія для человѣческаго тѣла, какъ, напр., мускулы внѣшней ушной раковины, или часто служатъ даже ко вреду его, какъ, напр., продолженіе слѣпой кишки. Эти образованія потеряли у человѣка то значеніе, какое они имѣли у животныхъ предковъ.

Ограничиваясь этими немногими указаніями, мы перейдемъ къ нашей главной задачѣ, именно къ вопросу: отъ какихъ животныхъ предковъ мы можемъ произвести человѣка и какое мѣсто онъ занимаетъ въ ряду млекопитающихъ, особенно же тѣхъ изъ приматовъ, которые считались до сихъ поръ наиболѣе родственными человѣку? Выясненіе этого вопроса не должно считаться въ научныхъ изслѣдованіяхъ выходящимъ изъ области возможнаго. Въ особенности для большой публики, вѣроятно, важно знать, какъ смотрятъ ученые на отношеніе человѣка къ животному царству. Ученіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны вызвало особенно горячіе протесты. Человѣческій умъ возмущается и не хочетъ допустить того, что наши предки должны были походить на тѣхъ, по большей части, некрасивыхъ и грубыхъ обезьянъ, которыя населяютъ клѣтки нашихъ зоологическихъ садовъ и звѣринцевъ. Если это отрицаніе и вытекаетъ изъ невѣрнаго толкованія понятія «обезьяна», то въ немъ есть все-таки и своя хорошая сторона, а именно требованіе отъ науки вполнѣ обоснованныхъ доказательствъ выставляемаго ею положенія.

Строго научный взглядъ видитъ въ человѣкѣ млекопитающее животное, мѣсто котораго надо изучать и опредѣлять наравнѣ съ другими животными, напр., лошадьми, собаками, кроликами, сумчатыми животными и пр. Для всѣхъ этихъ животныхъ мы можемъ возстановить ихъ родословныя, основываясь на изученіи строенія этихъ существъ. Сравнительная анатомія только тамъ оставляетъ вопросъ открытымъ, гдѣ просто не достаетъ фактическаго матеріала, гдѣ пробѣлы въ существующемъ нынѣ животномъ царствѣ такъ велики, что возстановленіе одной формы изъ другой естественно встрѣчаетъ большія затрудненія и можетъ быть только гадательнымъ. Среди нѣкоторыхъ животныхъ формъ это, къ сожалѣнію, встрѣчается, но къ человѣку, по счастью, не относится. Вопросъ о происхожденіи кита представляетъ собою гораздо болѣе трудную задачу, нежели производство человѣка отъ низшаго животнаго. Группа большихъ млекопитающихъ животныхъ, обитателей морей (Cetacea), стоитъ совершенно особнякомъ, и мы не можемъ отнести ее ни къ какой другой группѣ млекопитающихъ, но все-таки анатомія этихъ животныхъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что ихъ предки представляли собою типичныхъ земноводныхъ млекопитающихъ, которыя, будучи вынуждены къ тому борьбою за существованіе, приспособились къ жиз-

ни въ морѣ, причемъ вся ихъ организація подверглась значительнымъ измѣненіямъ.

Сравнительной анатоміи много помогаетъ палеонтологія. Тамъ, гдѣ исторія развитія сама по себѣ даетъ только неясныя указанія на исторію предковъ, на помощь ей являются находки вымершихъ формъ и нерѣдко даютъ блестящее подтвержденіе выводамъ, къ которымъ пришла морфологія на основаніи ученія Дарвина. Всего лучше мы можемъ наблюдать это въ группѣ копытныхъ животныхъ. Лошадь, конечное звено своего ряда, имѣетъ многокопытныхъ предковъ, и переходныя ступени этого ряда—Orohippus, Mesohippus, Hipparion и т. д.— были найдены въ отложеніяхъ третичнаго періода; и теперь еще иногда наблюдается возвратъ къ трехпалому Hipparion, какъ ненормальное образованіе лошади.

Этихъ указаній достаточно, чтобы видѣть, что мы понимаемъ подъ «односторонне» развитыми формами млекопитающихъ животныхъ. Въ борьбѣ за существованіе вырабатываются различныя средства, благодаря которымъ сохраняется цѣлая группа животныхъ; естественный подборъ является творцомъ всѣхъ тѣхъ образованій, которыя или служатъ орудіями борьбы, или способствуютъ самозащитѣ и бѣгству. Всѣ подобныя «пріобрѣтенія» совершаются на счетъ всего организма. Каждая спеціальная организація есть шагъ впередъ, и возвратъ назадъ допустимъ чрезвычайно рѣдко, чаще же онъ совершенно невозможенъ. Разъ животное пріобрѣло типичные зубы грызуна, оно врядъ-ли будетъ въ состояніи дойти до другого способа питанія. Если извѣстныя части, напр., клыки, исчезли, онѣ не появятся вновь и во всякомъ случаѣ не послужатъ къ усовершенствованію животной формы. Что потеряно, то потеряно невозвратно. Потомки лошади никогда не получатъ утерянныхъ пальцевъ и копытъ, и изъ копыта ихъ никогда не можетъ образоваться коготь. Съ подобными важными фактами необходимо считаться, — они дѣлаютъ понятнымъ вымираніе многихъ животныхъ. Если измѣняются условія, къ которымъ спеціально была приноровлена извѣстная животная форма, то это уже предсказываетъ ей гибель; на ея мѣсто придутъ другія формы, болѣе способныя къ перенесенію этихъ новыхъ условій, и одержатъ надъ ней побѣду.

Этому одностороннему развитію можетъ быть противопоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ индиферентное состояніе, болѣе низкая организація, которую мы находимъ у многихъ низшихъ млекопитающихъ. Зубы насѣкомоядныхъ могутъ еще превратиться въ зубы грызуновъ и плотоядныхъ, но не наоборотъ. Пятипалая конечность полуобезьянъ и сумчатыхъ возвращаетъ насъ къ предкамъ плотоядныхъ, грызуновъ и копытныхъ; связующимъ звеномъ являются ископаемыя группы, какъ, напр., Condylarthra. Тѣмъ, что подобныя низшія группы вообще еще существуютъ, что онѣ въ извѣстныхъ случаяхъ не принесли своей дани неумолимымъ требованіямъ естественнаго подбора, онѣ обязаны, по большей части, мѣстнымъ условіямъ существованія. Широко прежде распространенныя по землѣ, къ нашему времени онѣ сохранились только въ

немногихъ мѣстностяхъ. Лишь изолированность Австраліи въ ранній періодъ жизни земли гарантируетъ сумчатымъ животнымъ ихъ существованіе. Очевидно, въ этихъ низшихъ группахъ мы имѣемъ передъ собой вѣтви, отдалившіяся менѣе, нежели всѣ другія, отъ общаго первоначальнаго ствола млекопитающихъ.

Возвращаясь къ вопросу о мѣстѣ человѣка въ ряду животныхъ, напомнимъ, что строеніе человѣка самымъ наглядным образомъ указываетъ намъ на общность его со всѣми приматами, т.-е. обезьянами въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, и вопросъ о происхожденіи человѣка тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи и родословной обезьянъ.

Выше мимоходомъ замѣчено, какъ часто понятіе «обезьяна» ошибочно толкуется въ большой публикѣ. Какая это, въ общемъ, глупая вещь — такое названіе животнаго, которое изъ-за одного недостойнаго представителя обрекаетъ, такъ сказать, всю группу на худую славу, вовсе ею не заслуженную; лучше-бы установить терминъ «приматы», чѣмъ рѣзко была бы выражена господствующая роль этой группы.

Насколько разнообразенъ типъ обезьянъ, настолько же широко ихъ географическое распространеніе, которое въ прежніе періоды жизни земли было еще гораздо большее, чѣмъ въ настоящее время (въ средней Европѣ, напр., были найдены остатки обезьянъ высокой организаціи). Существующее въ настоящее время раздѣленіе обезьянъ на двѣ группы—Стараго и Новаго свѣта — чисто географическое. Обезьяны Америки вовсе не одинаковы: маленькія когтистыя обезьяны (Hapalidae) и цѣпкохвостыя (Cebus) — это одни типы, а обезьяны Mycetes должны быть выдѣлены въ особый типъ, такъ какъ онѣ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отличаются отъ первыхъ по строенію гораздо больше, чѣмъ это думали до сихъ поръ.

Между обезьянами Стараго свѣта антропоидовъ съ давнихъ поръ отдѣляли отъ другихъ. Эта группа состоитъ изъ гиббона (Hylobates), оранга (Pithecus satyrus), шимпанзе (Troglodytes niger) и гориллы (Troglodytes gorilla), но она вовсе не одинакова. Также потеря хвоста не имѣетъ особенно большого значенія. Американскія цѣпкохвостыя обезьяны во многихъ пунктахъ болѣе сходны съ гиббонами, нежели эти послѣдніе съ орангами. Точно также родословныя другихъ обезьянъ Стараго свѣта, такъ называемыхъ Catarrhini, установлены пока еще отнюдь неудовлетворительно. Только подробное сравнительно-анатомическое изученіе Cynocephalidae, Cercopithecidae, Semnopithecidae и т. д. можетъ внести свѣтъ въ эту область.

Для нашей цѣли достаточно того положенія, что существуетъ общій типъ обезьяны, изъ котораго развились отдѣльныя группы; возстановляя образъ подобной праобезьяны, мы найдемъ такую форму млекопитающаго животнаго, которую можно прямо причислить къ полуобезьянамъ (Prosimiae).

Отъ первоначальнаго типа обезьяны, типа, который представляется Klaatsch'у сходнымъ съ лемурами, ведутъ различные пути къ существующимъ теперь родамъ обезьянъ — и также къ человѣку. Сущность взгляда проф. Klaatsch'a

заключается въ томъ, что человѣкъ представляется ему, какъ самостоятельная вѣтвь приматовъ, которой, конечно, соотвѣтствуютъ нѣкоторыя другія, напр., вѣтвь антропоидовъ, но которая не должна быть понимаема, какъ первоначальная ступень этихъ другихъ вѣтвей.

Къ такому представленію о мѣстѣ, занимаемомъ человѣкомъ въ ряду приматовъ, приводитъ сравнительная анатомія человѣка и обезьяны. Хотя во всѣхъ основныхъ пунктахъ организація ихъ тождественна, однако, въ частностяхъ наблюдаются различія; эти послѣднія и позволяютъ намъ судить о степени родства, съ одной стороны, обезьянъ между собою, а съ другой — человѣка съ обезьяной. Конечно, человѣкъ несравненно болѣе изученъ, чѣмъ какой-либо другой видъ приматовъ; множество варіацій и атавистическихъ уклоненій, которыя онъ представляетъ, даютъ намъ возможность набросать лучшую картину его физическаго развитія, чѣмъ какого-либо другого изъ млекопитающихъ. Для каждой части тѣла, для каждой системы органовъ мы можемъ указать путь развитія изъ низшихъ состояній до тѣхъ, которыя приняты теперь за «норму». Подобная новая работа въ области анатоміи человѣка была представлена, какъ диссертація, Гегенбауромъ и сдѣлала его сразу реформаторомъ новѣйшей анатоміи; но, понятно, эта работа не могла захватить всѣхъ частей, и остается еще большое поле для работъ подобнаго рода. Тѣмъ не менѣе, и къ настоящему времени сдѣлано уже настолько много, что мы имѣемъ право установить слѣдующее положеніе: въ нѣкоторыхъ пунктахъ человѣкъ примыкаетъ къ одному виду обезьянъ, въ другихъ—къ другому; ни одинъ изъ существующихъ видовъ приматовъ не можетъ безусловно считаться наиболѣе родственнымъ человѣку. Антропоиды, конечно, наиболѣе сходны съ человѣкомъ, но это сходство основывается только на общемъ происхожденіи отъ одной первоначальной формы, образъ которой во многомъ лучше сохраненъ человѣкомъ, нежели какимъ-либо другимъ родственнымъ ему видомъ. Согласно съ другими изслѣдователями, ближе всего къ человѣку Klaatsch ставитъ гиббоновъ, Hylobates; дальше въ сторону отъ общаго ствола стоитъ орангъ, которому авторъ приписываетъ болѣе примитивный характеръ; шимпанзе и горилла идутъ собственнымъ путемъ развитія. Ихъ предки стояли ближе къ предкамъ человѣка, чего нельзя сказать относительно ихъ потомковъ. Не нужно также забывать, что борьба за существованіе досталась гораздо труднѣе родственнымъ видамъ человѣка, нежели ему самому. У гориллы былъ даже какъ бы обратный шагъ къ низшему состоянію, на что указываетъ сильное развитіе гребней въ мѣстахъ прикрѣпленія мускуловъ и сильное развитіе зубовъ.

Этихъ точекъ зрѣнія необходимо держаться и при разборѣ, такъ называемой, промежуточной формы между обезьяной и человѣкомъ, «missing link», на которую въ публикѣ часто и до настоящаго времени смотрятъ, какъ на главный доводъ животнаго происхожденія человѣка. Въ этомъ постулатѣ заключается недоразумѣніе, являющееся въ результатѣ недостаточнаго образованія въ области

зоологии. Кто хочетъ установить промежуточную форму, тотъ долженъ опредѣлить тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ заключены всѣ варіаціи данной промежуточной формы. Несвѣдующій человѣкъ считаетъ обыкновенно искомой промежуточной формой нѣчто среднее между гориллой и Homo europaeus. Въ *такихъ* формахъ, конечно, недостатка нѣтъ: молодыя формы антропоидовъ сходны гораздо болѣе съ таковыми же человѣка, нежели ихъ взрослые типы. Отсюда можно заключить только одно, что человѣкъ и антропоиды общаго происхожденія. Такой промежуточный типъ можетъ также хорошо принадлежать и обратному пути развитія, именно можетъ быть ступенью отъ человѣка къ представителямъ нынѣ живущихъ высшихъ обезьянъ. Подобный «missing link» не могъ бы выдержать строгой критики, и потому вполнѣ понятно, что даже знаменитый Pithecanthropus Дюбуа не пріобрѣлъ того значенія, какое ему многіе старались придать. Самъ Klaatsch смотритъ на него, какъ на антропоидную форму, родственную Hylobates, которая приближается къ человѣку болѣе, нежели какая-либо изъ живущихъ теперь формъ, но при этомъ онъ все-таки не считаетъ доказаннымъ его принадлежность къ непосредственному ряду предковъ человѣка. Но если Pithecanthropus и не есть прямой предокъ человѣка, то онъ все-таки является, несомнѣнно, важной формой,—формой, соединяющей человѣка и обезьяну потому, что она очень близко стоитъ къ общему корню. Будемъ надѣяться, что новыя раскопки доставятъ намъ формы, которыя будутъ еще болѣе приближаться къ прямой линіи, ведущей отъ низшихъ приматовъ къ человѣку. Но для нашего представленія о первоначальной исторіи человѣка мы, по словамъ Klaatsch'а, и не нуждаемся въ подобныхъ находкахъ. Сравнительная анатомія даетъ намъ достаточный матеріалъ, изъ котораго видно, что человѣкъ во многихъ пунктахъ сходенъ съ многими низшими обезьянами въ равной степени или даже болѣе, нежели съ антропоидами. Въ этомъ-то именно отношеніи на американскихъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ до сихъ поръ не обращалось должнаго вниманія. Даже и еще болѣе низшія формы указываютъ намъ на человѣка и заставляютъ насъ привлечь даже лемуровъ для выясненія нѣкоторыхъ частей въ строеніи человѣка и нѣкоторыхъ, такъ сказать, случайныхъ явленій въ этомъ строеніи.

Такимъ образомъ, нижнее конечное звено, по мнѣнію Klaatsch'а, до сихъ поръ опредѣлялось невѣрно. Ни между антропоидами и человѣкомъ, ни между какими-либо изъ теперь живущихъ обезьянъ и человѣкомъ надо искать связующее звено; мостъ къ «вѣнцу творенія» долженъ быть перекинутъ отъ самой низкой породы приматовъ, названной выше праобезьяною. Съ этой точки зрѣнія всѣ приматы оказываются связующими звеньями въ той или иной степени, смотря по ихъ строенію; съ другой стороны, все то разнообразіе особенностей, какое даетъ намъ физическая организація человѣка, служитъ богатымъ матеріаломъ для возстановленія исторіи его происхожденія и развитія.

Безъ такого взгляда и безъ точнаго знанія морфологіи полуобезьянъ и

обезьянъ всѣ описанія человѣческихъ варіацій и различій расъ остаются только мертвымъ матеріаломъ. Авторъ оговаривается, что онъ, конечно, далекъ отъ того, чтобы отрицать значеніе точныхъ измѣрительныхъ методовъ, но думаетъ, что достоинство ихъ значительно возросло бы, если бы всѣ подобныя антропометрическія изслѣдованія подчинялись точкѣ зрѣнія сравнительно-анатомической. Вѣдь есть факты, которые нельзя выразить цифрами, но которые въ то же время представляютъ собою драгоцѣнное свидѣтельство великихъ преобразовательныхъ процессовъ, продолжающихся въ человѣчествѣ и до сихъ поръ.

Противниками эволюціонной теоріи часто указывается на то, что изслѣдованіе низшихъ расъ человѣчества дало мало удовлетворительный результатъ и мало оправдало надежды послѣдователей Дарвина. Напрасно искали у самыхъ дикихъ народовъ признаковъ обезьяны,—громадная разница лежитъ даже между австралійцами и обезьяной, и такимъ образомъ на самой низкой ступени человѣчества мы находимъ нашихъ же сестеръ и братьевъ. Изученіе расъ, слѣдовательно, какъ бы не доставляетъ никакого матеріала для доказательства тѣмъ, которые вѣрятъ въ происхожденіе человѣка отъ обезьяны. Въ новѣйшее время нѣкоторые изслѣдователи пошли еще дальше и постоянство и неизмѣняемость человѣческихъ расъ признавали въ такой степени, что ихъ можно бы было счесть за совершенныхъ противниковъ эволюціонной теоріи, если бы другіе ихъ взгляды и работы, какъ, наприм., у Колльмана, не доказывали ошибочность такого мнѣнія. Въ этихъ отрицательныхъ взглядахъ заключается, по мнѣнію Klaatsch'a, столько же правильнаго, сколько и ошибочнаго. Ошибочно то, что сравнительное народовѣдѣніе обвиняется въ абсолютномъ неимѣніи матеріаловъ, обнаруживающихъ питекоидные характеры. Беря за масштабъ отличіе отъ антропоидовъ, тѣмъ самымъ встаютъ, какъ уже раньше было указано, на неправильную точку зрѣнія. Если тщательно проанализировать расовые отличительные признаки, то даже и тотъ сравнительно небольшой фактическій матеріалъ, который имѣется въ нашемъ распоряженіи, долженъ укрѣпить убѣжденіе въ томъ, что въ различныхъ расахъ удержались различные питекоидные отголоски. Своеобразное образованіе носа монголоидовъ указываетъ на низшую ступень развитія внѣшняго носа, который болѣе приближается къ питекоидному состоянію, нежели носъ другихъ расъ. Прогнатизмъ негровъ сохраняетъ питекоидный характеръ въ другомъ отношеніи. Точно также и тщательное изслѣдованіе скелета низшихъ народностей доставляетъ богатый матеріалъ. Можно указать на прекрасную работу братьевъ Саразиновъ о цейлонскихъ веддахъ. Въ позвоночномъ столбѣ и скелетѣ послѣднихъ наблюдаются уклоненія, которыя идутъ по прямой линіи отъ питекоидовъ. Сколько матеріала, далѣе, могло бы дать изслѣдованіе мягкихъ частей. До сихъ поръ еще ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи. Что знаемъ мы объ артеріальной и нервной системахъ у низшихъ расъ? И какъ много онѣ могли бы дать намъ, если даже разнообразіе ихъ въ нашихъ анатомическихъ театрахъ представляетъ такую

пеструю картину. Очень печальный фактъ, что объ этихъ вещахъ у низшихъ народовъ мы никогда не будемъ имѣть яснаго представленія. Уже и теперь смѣшеніе между собою низшихъ расъ зашло такъ далеко, что чистый типъ— рѣдкое явленіе.

Если человѣкъ и не представляетъ собою окончательно отлившуюся форму, остающуюся неподвижной и неизмѣняемой, какъ это думаютъ приверженцы «постоянства» видовъ, если человѣческія расы и обнаруживаютъ черты питекоиднаго прошлаго, то все-таки нельзя не признать справедливости возраженій Вирхова противъ слишкомъ горячихъ сужденій послѣдователей теоріи эволюціи,— дѣйствительно, человѣческій родъ и въ общемъ, и въ своихъ отдѣльныхъ расахъ представляетъ поразительное постоянство, и Колльманъ совершенно правъ, обозначая человѣка, какъ «Dauertypus», дѣйствительно, остается значительный пробѣлъ между низшими расами и всѣми теперь существующими приматами. Что же мы должны заключить изъ этого? Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и кромѣ человѣка существуютъ типы, которые въ теченіе долгаго періода времени удивительно мало измѣнились. Палеонтологія даетъ намъ въ этомъ отношеніи достаточно примѣровъ. Напомнимъ о плеченогихъ (Brachiopoda) и о наутилусѣ (Nautilus) среди головоногихъ моллюсковъ (Cephalopoda). Въ противоположность имъ можно указать на быстрое измѣненіе, наблюдаемое у нѣкоторыхъ животныхъ, наприм., у копытныхъ животныхъ третичнаго періода.

Относительно «Dauertypus» можно принять, что онъ представляетъ весьма древнюю форму, и относительное постоянство человѣческаго типа авторъ понимаетъ также въ томъ смыслѣ, что и онъ представляетъ собою очень древнюю форму примата. Это приводитъ насъ къ очень важному и трудному вопросу— о древности человѣческаго рода.

Основанія, которыя намъ даетъ для этого доисторическая археологія, довольно скудны. Какъ извѣстно, явные слѣды появленія на землѣ человѣка относятся къ послѣднему ледниковому періоду, но онъ касается только нашихъ широтъ; о другихъ же мѣстностяхъ, въ особенности о тѣхъ, гдѣ прежде всего появилась болѣе высокая культура, мы ровно ничего не знаемъ. Klaatsch находитъ недальновиднымъ, когда слѣды дилювіальнаго человѣка принимаются за доказательства перваго, низшаго по культурѣ, человѣка. Судить такъ, это, по его мнѣнію, все равно, какъ если бы историкъ, на основаніи нашего знанія первой, извѣстной намъ, болѣе высокой степени культуры, считалъ бы вопросъ о появленіи ея рѣшеннымъ. Опытъ учитъ, что границы нашихъ знаній должны безпрестанно раздвигаться все далѣе, по мѣрѣ того, какъ подвигаются впередъ изслѣдованія. По мнѣнію автора, возрастъ человѣка былъ опредѣленъ далеко не вѣрно. Анатомическія изслѣдованія приводятъ насъ къ заключенію, что типъ приматовъ является однимъ изъ древнѣйшихъ между млекопитающими. Мы видимъ, что уже въ ранній третичный періодъ совершается сильное расчлененіе въ средѣ ихъ главныхъ представителей, и весьма вѣроятно предположеніе, что

уже тогда предвѣстники человѣческаго рода (Proanthropos) начали выдѣляться изъ отряда приматовъ. Момента «появленія человѣка», конечно, не существовало; мы можемъ только приблизительно указать, когда путь, ведущій къ человѣку, пріобрѣлъ большую самостоятельность. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другими вопросами, — вопросами о тѣхъ факторахъ, которые играли главную роль въ процессѣ образованія человѣка, о модусѣ превращенія низшей формы примата въ человѣческій типъ. Въ этомъ пунктѣ Klaatsch вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ Дарвина относительно великаго значенія полового подбора и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что другой великій принципъ естественнаго подбора, борьба за существованіе, гораздо менѣе можетъ быть выдвинутъ у человѣка, нежели у остальныхъ млекопитающихъ. Въ то время, какъ у послѣднихъ вырабатывались въ различныхъ направленіяхъ способы борьбы и защиты, отрядъ приматовъ, большею частью, оставался освобожденнымъ отъ этого,—превосходство мозга взяло верхъ надъ всѣмъ. Еще въ большей степени можно то же сказать о человѣкѣ. Особенно насъ должны интересовать тѣ его пріобрѣтенія, которыя появились у него ранѣе, нежели у его ближайшихъ родственныхъ видовъ, и которые можно отчасти объяснить только половымъ подборомъ.

Потеря густого волосяного покрова остается вопросомъ, необъяснимымъ съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Это противорѣчитъ его принципамъ такъ же, какъ и блестящія перья птицъ. Выработка второстепенныхъ половыхъ особенностей, выработка болѣе сильнаго мужского типа указываетъ на борьбу, но именно на борьбу въ пользу полового подбора. Дарвинъ показалъ, что и многіе расовые признаки находятъ себѣ объясненіе съ этой же точки зрѣнія. Быть можетъ, и вертикальное положеніе при ходьбѣ, такъ распространенное среди обезьянъ, явилось въ результатѣ борьбы мужскихъ индивидуумовъ.

Мы не можемъ себѣ представить, чтобы теперь изъ породы обезьянъ выработалось существо, близкое къ человѣку. Условія климата и всеобщей конкуренціи дѣлаютъ это невозможнымъ. И человѣкъ въ началѣ своего преобразовательнаго процесса былъ бы, вѣроятно, побѣжденъ, если бы только не было необыкновенно благопріятныхъ условій, которыми отличалось его первое мѣсто жительства. Потеря волосяного покрова заставляетъ предполагать продолжительное господство ровнаго климата и отсутствіе страшныхъ враговъ животнаго царства.

«Proanthropos» долгое время былъ избавленъ отъ борьбы за существованіе. Нѣчто, слѣдовательно, въ родѣ «райской жизни» должно быть ему приписано и со стороны науки. Предположеніе широкаго распространенія «Proanthropos'a», а также борьбы, которая имѣла мѣсто *среди нихъ самихъ*, дѣлаетъ понятнымъ повышеніе человѣка въ половомъ смыслѣ и въ отношеніи развитія мозга. Если мы спросимъ, въ какой мѣрѣ палеонтологія придетъ на помощь къ этимъ воззрѣніямъ, то намъ будетъ указано на ранній третичный періодъ, когда обширные континенты сѣвернаго полушарія обладали ровнымъ

субтропическимъ климатомъ, когда прекратилось господство ужасныхъ пресмыкающихся и впервые началось процвѣтаніе млекопитающихъ. Когда же и изъ царства млекопитающихъ появились новые враги, человѣкъ уже достигъ извѣстной ступени, которая давала ему возможность одерживать побѣды—даже и безъ естественныхъ орудій.

Въ то время, изъ котораго мы имѣемъ первые достовѣрные человѣческіе остатки, человѣческій типъ уже настолько ясно выраженъ, что надежда найти въ немъ питекоидные признаки совершенно не оправдывается.

Ал. Ивановскій.

Евреи.

(Ripley über die Anthropologie der Juden. „Globus", Bd. LXXVI, № 2).

Соціальная солидарность, самымъ сильнымъ выраженіемъ которой является въ настоящее время національность, зависитъ отъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ условій; главнѣйшія изъ нихъ — единство языка, общее наслѣдіе преданій и

Южно - русскій еврей.

вѣры и продолжительное пребываніе на извѣстной территоріи. Два первыя условія—психологическія, третье же—матеріальное. Возможно, что главное значеніе послѣдняго условія состоитъ въ томъ, что оно обезпечиваетъ прочность вліянія

первыхъ двухъ; но и сама по себѣ привязанность къ родной землѣ можетъ служить основой патріотизма. Изъ европейскихъ народовъ только два сумѣли, несмотря на отсутствіе у нихъ отечества, удержать свою національность: цыгане и евреи. Евреи сохраняютъ свою солидарность во всѣхъ странахъ, держась особнякомъ отъ другихъ. Они не странствуютъ цѣлыми племенами или родами; подобно гонимымъ вѣтромъ сѣменамъ, одиноко пролетаютъ они тысячи миль, пока гдѣ-нибудь не пустятъ корней. Конечно, гдѣ возможно, они соединяются вмѣстѣ, хотя бы ради самосохраненія, но въ общемъ они все-таки

Евреи с. Варташенъ, Елисаветпольской губ.

остаются разъединенными. Безъ отечества, безъ общаго языка образуютъ они народъ. Въ Испаніи и на Балканскомъ полуостровѣ они говорятъ по-испански, въ Россіи и Польшѣ—испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, въ Марокко — по-арабски, и все-таки, гдѣ бы они ни встрѣтились, они тотчасъ же спѣшатъ примкнуть другъ къ другу.

Какъ могъ еврей, не имѣя двухъ главныхъ условій, гарантирующихъ существованіе національности, сохранить ее? Достаточно ли въ этомъ случаѣ одной общей религіи или же здѣсь сказывается вліяніе общаго расоваго происхожде-

нія? Только антропологъ можетъ рѣшить этотъ вопросъ. Раса, — понятіе, которымъ часто злоупотребляютъ, — можетъ быть выяснена только анализомъ физическихъ признаковъ; форма головы, цвѣтъ волосъ, окраска глазъ, ростъ и т. п. являются единственнымъ основаніемъ для опредѣленія расы; изслѣдованія въ области языка, археологіи и религіи, при вопросѣ о расѣ, почти не принимаются въ соображеніе, равно какъ и современное распредѣленіе въ Европѣ. Рѣшающими вопросъ факторами должны быть физическіе признаки.

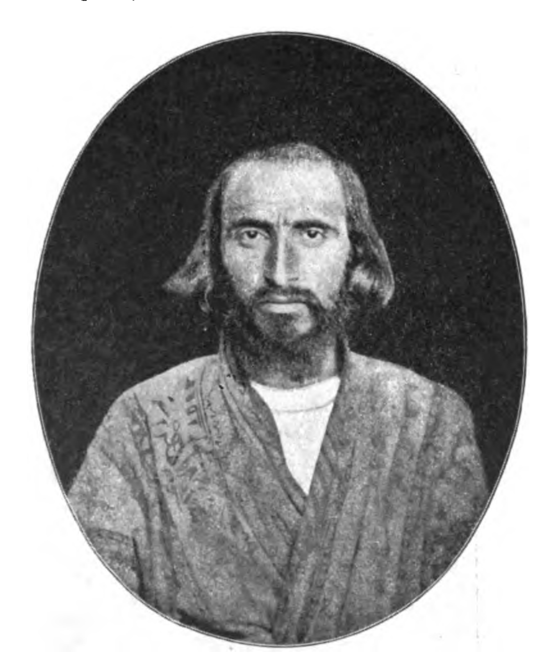
Общее число евреевъ, по мнѣнію Риплея, простирается отъ 8 до 9 милліоновъ. Въ Европѣ ихъ насчитывается больше половины общаго количества, а именно: въ Россіи — отъ 4 до 5 милл., въ Австро-Венгріи — 2 милл., въ Германіи и Румыніи — отъ 600 до 700 тыс. въ каждой, въ Англіи и Голландіи — по 100 тыс., во Франціи — приблизительно 80 тыс., въ Италіи — около 50 тыс.; евреи Скандинавіи и Испаніи едва ли могутъ идти въ счетъ. На югѣ отъ Средиземнаго моря евреевъ болѣе всего въ Марокко и затѣмъ въ Триполи; къ востоку количество ихъ уменьшается. Число евреевъ въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ можно считать около $^{1}/_{2}$ милл.; въ Британской Сѣверной Америкѣ евреевъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Горскій еврей Кавказа.

По густотѣ еврейскаго населенія первое мѣсто занимаетъ Польша, гдѣ евреи составляютъ 15% всего населенія. На востокъ и на западъ отъ Польши количество ихъ быстро уменьшается; даже прежняя польская Познань не имѣетъ особенно густого еврейскаго населенія. На югъ и юго-востокъ отъ Австріи убыль

идетъ гораздо медленнѣе, такъ какъ въ этихъ направленіяхъ происходитъ постоянное переселеніе евреевъ. Говоря о географическомъ распредѣленіи евреевъ, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что они сосредоточиваются исключительно въ городахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Польши и Россіи евреи составляютъ большинство населенія. Въ Пруссіи главнымъ образомъ Берлинъ принимаетъ многочисленныхъ еврейскихъ переселенцевъ съ востока. Изъ саксонскихъ евреевъ пять-шестыхъ живутъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Относительно евреевъ, живущихъ по среднему Рейну и въ особенности во Франкфуртѣ, слѣдуетъ указать, что они поселились здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ III стол. (придя сюда изъ средиземноморскихъ странъ) и были вначалѣ очень многочисленны до тѣхъ поръ,

Средне-азіатскій еврей.

пока ужасныя преслѣдованія во время Крестовыхъ походовъ, съ одной стороны, и обѣщанная польскими королями терпимость—съ другой, не вызвали массоваго переселенія ихъ на востокъ. Въ концѣ VI в. въ Германіи были открыты для евреевъ только три города: Франкфуртъ, Вормсъ и Фюртъ.

Вопросъ о томъ, отразились ли и въ какой степени еврейскія переселенія изъ Германіи на происхожденіи современныхъ польскихъ евреевъ, вызываетъ много споровъ. Бершадскій, Талько-Грынцевичъ и Вайсенбергъ держатся того мнѣнія, что путь изъ Палестины главной массы евреевъ лежалъ черезъ Германію; по мнѣнію же Гаркави, значительная часть евреевъ переселилась прямо восточнымъ путемъ. Въ южной Россіи евреи были уже извѣстны въ VIII стол.,

а на Кавказѣ и въ Арменіи они были многочисленны, по Икову, еще въ двухъ послѣднихъ столѣтіяхъ до нашего лѣтосчисленія. Подвигаясь оттуда вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, въ X—XI стол. они достигли Украйны и въ XIV—XV стол.—Польши. Необходимо также принять во вниманіе, что многіе евреи перешли въ то время въ христіанство. Вѣроятно, всѣ три источника внесли свою долю въ образованіе современныхъ польскихъ евреевъ.

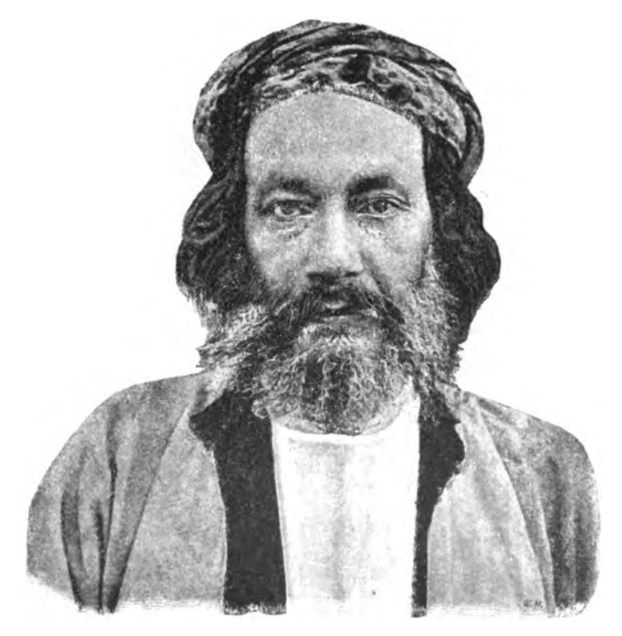
Обратимся къ физическимъ признакамъ евреевъ. Извѣстно, что европейскіе евреи въ массѣ ниже средняго роста, который у нихъ не превышаетъ 1630 мм. Библейскія указанія на разницу въ ростѣ между аморитами и израильтянами какъ бы служатъ доказательствомъ того, что уже и тогда евреи въ среднемъ были малорослы. Теперь они, во всякомъ случаѣ, являются таковыми почти

Бухарскій еврей - мальчикъ.

повсюду. Разница въ величинѣ роста по сравненію съ народностями, среди которыхъ евреи живутъ, конечно, очень различна. Въ Сѣв. Америкѣ и Босніи эта разница достигаетъ почти 3-хъ дюймовъ, въ Пьемонтѣ же она не превышаетъ и одного дюйма; даже въ Польшѣ, средній ростъ населенія которой (включая и евреевъ) достигаетъ лишь 1.620 мм., ростъ евреевъ все-таки менѣе, нежели у славянъ; и хотя величина роста, какъ извѣстно, стоитъ въ связи со степенью матеріальнаго благосостоянія, однако, самые зажиточные евреи имѣютъ меньшій ростъ, нежели самые бѣдные поляки. Но встрѣчаются и исключенія: въ Лондонѣ, наприм., богатые евреи не меньше ростомъ англичанъ; въ плодородной Украйнѣ ростъ ихъ также выше, чѣмъ въ бѣдной Литвѣ. Это указы-

ваетъ на то, что низкій ростъ евреевъ явился въ результатѣ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, и первоначально онъ могъ быть инымъ, болѣе высокимъ. Съ малымъ ростомъ рука объ руку идетъ и сравнительно малая окружность груди. Послѣдняя у вполнѣ здороваго человѣка, какъ извѣстно, должна или достигать половины роста, или же превышать ее. У евреевъ этого мы почти никогда не находимъ, что было указано сначала Майеромъ и Коперницкимъ и подтверждено затѣмъ многими другими изслѣдователями. Положеніе это справедливо и по отношенію къ англійскимъ евреямъ, какъ то показали измѣренія Jacobs'a и Spielman'a. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ продолжительнымъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ условій въ жизни евреевъ. Въ

Малабарскій еврей.

рѣзкомъ противорѣчія съ указанными фактами стоитъ высокій средній возрастъ, какого достигаютъ евреи. Изъ 100 американцевъ и половина не переживаетъ 47-лѣтняго возраста, изъ евреевъ же—71; изъ 1.000 дѣтей до 7-лѣтняго возраста у американцевъ умираютъ 453, у евреевъ—только 217; при этомъ необходимо имѣть въ виду, что евреи въ Нью-Іоркѣ въ общемъ крайне бѣдны, живутъ въ очень плохихъ санитарныхъ условіяхъ и занимаются, по большей части, далеко не здоровымъ портняжнымъ ремесломъ. Главную причину этого явленія Риплей видитъ въ предписаніяхъ Моисеева закона относительно употребленія мяса, но въ вопросѣ о смертности дѣтей этотъ факторъ нельзя принимать во вниманіе, да и вообще бѣдные евреи очень мало питаются мясомъ. Скорѣе здѣсь имѣетъ значеніе умѣренный образъ жизни и болѣе всего—воздер-

жаніе отъ алкоголя, а также и родъ занятій, болѣе другихъ застраховывающій ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Предположеніе о меньшей воспріимчивости евреями различныхъ инфекціонныхъ болѣзней не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями: холера, дифтеритъ, лихорадка и между ними производятъ сильныя опустошенія. Бросается въ глаза большое число случаевъ душевнаго разстройства среди евреевъ. По Ломброзо, въ Верхней Италіи душевно-больныхъ евреевъ въ четыре раза больше, чѣмъ христіанъ. Самоубійство же среди евреевъ поразительно рѣдко.

Современные евреи съ давняго времени дѣлятся на двѣ большія группы— сефардимъ и ашкеназимъ; средневѣковая легенда называетъ первыхъ потомками

Малабарскій еврей.

Іуды, а вторыхъ—потомками Веніамина. Сефардимы представляютъ собою южную вѣтвь, къ которой принадлежатъ всѣ евреи, говорящіе по-испански, затѣмъ сѣверо-африканскіе евреи, евреи Балканскаго полуострова и небольшія колоніи ихъ въ Лондонѣ и Амстердамѣ, гдѣ евреи считаютъ себя знатнѣе своихъ единоплеменниковъ и совершенно отдѣляютъ себя отъ нихъ. Сефардимы и ашкеназимы очень различны и по внѣшнему виду. Vogt считаетъ семитами только сефардимовъ. По Weisbach'y, они стройны, длинноголовы, съ лицомъ, имѣющимъ форму удлиненнаго овала, съ большимъ и загнутымъ, но тонкимъ и изящнымъ носомъ; волосы и глаза, по большей части, темные, но нерѣдки случаи и рыжевато-бѣлокурыхъ волосъ. Бѣлокураго сефардима Рембрандтъ взялъ для типа своего Христа. Ашкеназимъ, напротивъ, грубѣе по типу во всѣхъ от-

ношеніяхъ; его ротъ больше, носъ толще, особенно на концѣ, губы полныя и чувственныя, лицо шире, голова, по большей части, коротка и кругла.

Что говорятъ намъ современныя кефалометрическія измѣренія относительно этого традиціоннаго различія? Въ настоящее время число измѣренныхъ евреевъ простирается до 2.500. Только у турецкихъ сефардимовъ, измѣренныхъ Иковымъ, и у нѣкоторыхъ череповъ изъ Дагестана головной указатель спускается до 74, вообще же онъ вездѣ колеблется въ предѣлахъ между 80 и 83. Это очень существенное отличіе отъ всѣхъ семитическихъ племенъ, въ томъ числѣ и отъ арабовъ, которые болѣе или менѣе всѣ приближаются къ негрскому типу и особенно характеризуются выдающимся затылкомъ. Лишь сѣверо-американскіе евреи примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ арабамъ. Прочіе сефардимы и всѣ

Сирійская еврейка.

ашкеназимы—рѣзко выраженные брахицефалы. Измѣнилась ли у нихъ форма черепа или же и первоначально семиты были короткоголовы, а подверглись измѣненіямъ арабы? Риплей соглашается по данному вопросу съ мнѣніемъ Икова и высказывается за первую гипотезу. По ней болѣе девяти-десятыхъ всѣхъ евреевъ такъ отличны по строенію черепа отъ ихъ семитическихъ предковъ, что чистое семитическое происхожденіе евреевъ является вообще миѳомъ. Ренанъ правъ, сказавъ еще въ 1883 г., что названіе «еврей», по крайней мѣрѣ для ашкеназимовъ, имѣетъ не болѣе, какъ этнографическое значеніе. Точно также и Ломброзо считаетъ современныхъ евреевъ, по строенію ихъ черепа, скорѣе арійцами, нежели семитами [1]). Конечно, это много зависитъ отъ непо-

[1]) По мнѣнію берлинскаго профессора фонъ-Лушана, современные евреи образовались, во 1-хъ, изъ арійцевъ-аморитовъ, во 2-хъ, изъ настоящихъ семитовъ и, въ 3-хъ, главнымъ образомъ изъ потомковъ древнихъ хетитовъ.

средственнаго смѣшенія. Послѣ вторичнаго разрушенія Іерусалимскаго храма евреи не образовали вновь никакого государства, но они въ большомъ числѣ принимали христіанство, и ничто не стояло на пути браку обращеннаго въ христіанство язычника съ еврейкой. Въ то время о расовой враждѣ не было и рѣчи. Изданіе строгихъ запрещеній смѣшанныхъ браковъ, какъ то было, напр., въ 538 и 589 гг. въ Толедо и въ 743 г. въ Римѣ, показываетъ, что въ то время подобные смѣшанные браки были еще не рѣдки. Только позднѣйшіе годы среднихъ вѣковъ и заключеніе евреевъ въ «гетто» [1]) положили имъ конецъ. Въ Венгріи, какъ разсказываетъ одинъ епископъ, еще въ 1229 г. многіе евреи жили съ женами-христіанками, и случаи обращеній въ христіанство считались тысячами. Рабыни были, конечно, совершенно беззащитны, и ихъ дѣти становились евреями. Сохранились ли въ болѣе чистомъ видѣ носители имени «Конъ» (Cohn, Cohen, Cahn и т. п.) и дѣйствительно ли они потомки сыновей Аарона,—еще неизвѣстно.

Но и помимо строенія черепа вводятъ въ заблужденіе нѣкоторые признаки, принимаемые за еврейскіе. Далеко, напр., не всѣ евреи брюнеты. Среди польскихъ и русскихъ евреевъ они составляютъ двѣ трети; между сефардимами и именно между эльзасъ-лотарингскими евреями блондины встрѣчаются еще чаще; также и среди англійскихъ евреевъ многіе —блондины. Настоящіе семиты—темноволосы. Характеристично то, что еврейки въ общемъ темнѣе евреевъ - мужчинъ; въ женскомъ поколѣніи, слѣдовательно, типъ сохраняется гораздо лучше, нежели въ мужскомъ.

По общему мнѣнію, отличительный признакъ еврея—горбатый носъ. Однако, по точнымъ изслѣдованіямъ Майера и Коперницкаго, у польскихъ евреевъ подобный признакъ встрѣчается нисколько не чаще, нежели между поляками; тотъ же результатъ дали и изслѣдованія Вайсенберга среди южно-русскихъ евреевъ. Отличительную особенность еврейскаго носа, несомнѣнно существующую, нужно искать не въ профилѣ, а въ строеніи носовыхъ крыльевъ. Jacobs вполнѣ правильно сравниваетъ еврейскій носъ съ цифрою 6 (см. фиг. *a*); если стереть внутренній конецъ линіи (фиг. *b*), то уже многаго будетъ недоставать для характернаго еврейскаго типа; но окончательно послѣдній будетъ сглаженъ только тогда, когда нижняя линія будетъ проведена горизонтально (фиг. *c*). Темные волосы и указанная особенность въ строеніи носа особенно характерны для еврея.

Глаза у евреевъ также своеобразны. Густыя брови сходятся необыкновенно близко, глаза—большіе, темные и блестящіе; часто они производятъ впечатлѣніе какой-то затаенной печали и имѣютъ то мечтательное, меланхолическое,

[1]) Такъ назывались кварталы, назначенные для евреевъ, во многихъ городахъ Италіи, Германіи и Востока, напр., въ Римѣ, Мантуѣ, Прагѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Майнцѣ и др. *Ред.*

задумчивое, то просто какъ бы сонливое выраженіе; при полузакрытыхъ глазахъ выраженіе получается хитрое. Губы всегда полныя, нижняя губа нерѣдко отвисла.

Вообще фактъ существованія особой еврейской физіономіи стоитъ внѣ сомнѣнія. Обусловливается ли она лишь извѣстными чертами, или же отчасти и выраженіемъ? Въ первомъ случаѣ мы могли бы объяснить ее наслѣдственной передачей, во второмъ,—говоря словами Jacobs'a,—«выраженіемъ гетто». Если продолжительныя притѣсненія, преслѣдованія и отчаянная борьба за существованіе съ людьми и окружающими условіями, несомнѣнно, положили свой отпе-

Тунисскій еврей.

чатокъ на физическую организацію евреевъ, то почему же не допустить, что онъ также легъ и на выраженіе ихъ лица? Констатируя фактъ существованія особой еврейской физіономіи, нелишне указать и на слѣдующія соображенія. Всѣ народности намѣренно обособлялись, чтобы сохранить свою индивидуальность. Естественно, это должно было также имѣть вліяніе на ихъ представленіе о красотѣ; онѣ составляли себѣ свой собственный идеалъ красоты. Такой идеалъ составляется на основаніи чертъ, непосредственно бросающихся въ глаза; о головномъ указателѣ евреи, равно и христіане заботятся только тогда, когда они антропологи; вопросъ о красотѣ въ большинствѣ случаевъ рѣшаетъ лицо. Такъ какъ выборъ при бракѣ дѣлается мужчиною, то понятно, что еврейскій типъ, какъ упоминалось выше, выраженъ у женщинъ гораздо рѣзче, чѣмъ у муж-

чинъ. Подобное явленіе мы наблюдаемъ не только у евреевъ. Въ восточной Россіи, напр., монгольскій типъ также сохраняется яснѣе у женщинъ, нежели у мужчинъ; то же самое наблюдалъ у финновъ Майновъ; у нѣмцевъ, жителей Sette Communi, на южномъ склонѣ Альпъ, мужчины давно уже потеряли германскій типъ, между тѣмъ какъ у женщинъ, по Ранке, онъ отъ времени до времени прорывается и теперь. Точно также у кушитовъ Сѣв. Африки, отъ Абиссиніи до Марокко, негрскій типъ вездѣ у женщинъ гораздо болѣе выраженъ, чѣмъ у мужчинъ.

Для евреевъ дѣйствуетъ тотъ же законъ и тѣ же послѣдствія. Евреи не представляютъ собою расы, но народъ. Безспорная особенность ихъ антропологическаго типа не есть слѣдствіе чистоты расы, а продуктъ переходящаго изъ поколѣнія въ поколѣніе, болѣе или менѣе преднамѣреннаго, «полового подбора» [1]).

---

1) Антропологическая литература объ евреяхъ: *M. Alsberg* — Rassenmischung im Judenthum. „Samml. der gemeinverst. wiss. Vorträge“, Serie V, Heft 116; *R. Andrée* — Zur Volkskunde der Juden. Bielefeld und Leipzig, 1881; *И. Ш. Анисимовъ*—Кавказскіе евреи-горцы. „Сборн. матер. по этногр.“, изд. при Дашков. этногр. музеѣ, вып. III. Москва, 1888; *Д. Н. Анучинъ*—О географ. распредѣленіи роста муж. насел. Россіи. „Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. статист.“, т. VII, вып. 1. Спб., 1889; *Д. Н. Анучинъ* — Евреи. „Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона“, полут. 21; *J. Beddoe*—On the physical characteristics of the Jews. „Trans. Ethnol. Soc.“, Lond., 1861; *G. Bertin*—On the origin and primitive home of the Semites. „Journ. of the Anthrop. Instit.“, 1881—82; *G. Bertin*—The races of the Babylonian Empire. Ibid., 1888, XVIII, № 2; *B. Blechmann*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. Dorpat, 1882; *Н. Р. Ботвинникъ*—Матер. къ вопросу о близорукости у евреевъ. „Врачъ“, 1899, № 42; *D. Brinton and M. Jastrow*—The cradle of the Semites. Philad., 1890; *E. Chantre*—Recherches anthropol. dans le Caucase. Paris-Lyon, 1887, t. IV; *J. B. Davis*—Thesaurus craniorum. Lond., 1867; *J. Deniker* — Les races de l'Europe. I. L'indice céphalique en Europe. Paris, 1899; *J. Deniker*—The races of man. Lond., 1900; *A. Elisyeef* — Les habitants de l'Arabie Pétrée. „Revue d'Anthrop.“, 1883, sér. 3; *А. Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ. „Тр. Антр. Отд. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.“, т. XIX; *R. v. Erckert*—Kopfmessungen kaukas. Völker. „Arch. f. Anthr.“, XVIII—XIX; *C. Flieger*—Zur Anthrop. der Semiten. „Mitteil. der anthrop. Gesell. zu Wien“, Bd. IX, 1880; *E. A. Freeman*—The Jews in Europe. „Saturday Review“, 1877, Feb.; *E. Goldstein*—Introduction a l'étude anthrop. des Juifs. „Revue d'Anthrop.“, 1885, sér. 2; *I. Guidi*—Della sede primitiva dei popoli semitici. „Atti R. Accad. dei Lincei“, 1879; *C. Ikow* — Neue Beiträge zur Anthrop. der Juden. „Arch. f. Anthr.“, Bd. XV; *V. Jacques*—Types juifs. „Revue des études juives“, 1893, t. XXVI; *J. Jacobs*—On the racial characteristics of modern Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.“, Lond., XV, № 1: *J. Jacobs*—The comparative distribution of Jewish ability. Ibid., XV, № 3; *J. Jacobs*—Studies in Jewish statistics. Lond., 1891; *J. Jacobs and I. Spielman*—On the comparative anthropometry of English Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.“, XIX, № 1; *М. Г. Яковенко*—Матер. къ антроп. евр. насел. Рогачев. у., Могилевск. г. Дисс. на степ. д-ра мед. Спб., 1898; *С. Ячинскій*—Изслѣд. надъ развитіемъ роста, окружности груди и вѣса поляковъ и евреевъ въ школьн. возрастѣ. „Изв. Варшав. универс.“, 1889; *J. I. Kettler*—Die geograph. Vertheilung der

Juden in Niedersachsen. „Zeit. f. wissensch. Geogr.“, 1880; *Г. Коварскій*—Физич. развитіе древн. евреевъ сравнительно съ современными. „Будущность“, 1900 г.,№ 20—22; *J. Kollmann*—Schädel und Skeletreste aus einem Judenfriedhof des XIII. und XIV. Jahrhundert zu Basel. „Verhandl. der Naturforsch. Gesell.“, Basel, 1885, Bd. VII; *A. Leroy-Beaulieu*—Les Juifs et l'antisémitisme. Paris, 1893; *C. Lombroso*—L'antisemitismo e le scienze moderne. Torino, 1894; *F. v. Luschan*—Die anthrop. Stellung der Juden. „Corresp.-Blatt“, 1892, Bd. XXIII (см. также „Mitteil. der anthr. Gesell. zu Wien“, Bd. XII); *J. Majer*—Roczny przyrost ciała u zydów galicyjskich jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznéj. „Zbiór wiadomości do Antropologii krajowej“. Kraków, 1880; *J. Majer i J. Kopernicki*—Charakterystyka fizyczna ludności galicyjskiej. Kraków, 1877—85; *A. Neubauer*—Notes on the race-types of the Jews. „Journ. of the Anthr. Instit.“, XV; *G. Nicolucci*—I Semiti, quel che furono e quel che oggi sono. „Atti dell' Accad. pontaniana“, XX, Napoli, 1890; *J. G. Nott*—The physical history of the Jewish race. Charleston, 1850; *И. И. Пантюховъ*—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, кн. XV; *И. И. Пантюховъ*—О вырождающихся типахъ семитовъ. „Проток. засѣд. Русск. Антр. Общ.“, т. II, Спб., 1889; *Pruner-Bey*—Résultates de craniométrie. „Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris“, t. II, fasc. 4; *Quatrefages*—Cours d'Anthropologie. „Revue des cours scientif.“, 1868; *J. Ranke*—Zur Statist. und Physiol. der Körpergrösse der bayer. Militärpflichtigen. „Beiträge zur Anthrop. und Urgesch. Bayerns“, redig. von Joh. Ranke und N. Rüdinger, 1881, Bd. IV; *I. Ранке*—Человѣкъ (рус. пер.), т. II. Спб., 1900; *E. Renan*—Le Judaïsme comme race et comme religion. Paris, 1883; *W. Z. Ripley*—The racial geography of Europe. „Appletons Science Monthly“, New-Jork, LIV, № 2—3 (см. также „Globus“, 1899, № 12); *W. Z. Ripley*—The races of Europe. Lond., 1900; *Н. Закъ*—Физич. развитіе дѣтей въ ср.-учеб. завед. Москвы. Моск., 1892; *Scheiber*—Untersuchungen über den mittleren Wuchs des Menschen in Ungarn. „Arch. f. Anthr.“, Bd. XIII; *Л. Шейнисъ*—Псевдоантропологи. основы антисемитизма. „Русск. Богатство“, 1900, № 5; *G. Schulz*—Bericht über Messungen an Individuen von verschiedenen Nationen. „Bull. de la classe phys.-mathémat. def l'Acad. Impér. des Sciences de St.-Pétersb.“, 1845, t. IV, № 15—16; *Снигиревъ*—Мат. для медиц. статист. и геогр. Россіи. „Воен.-Медиц. Журн.“, 1878 и 1879; *L. Stieda*—Ein Beitrag zur Anthropologie der Juden. „Arch. f. Anthr.“, Bd. XIV; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Къ антроп. украин. и литов. евреевъ. „Проток. засѣд. Рус. Антроп. Общ. за 1890—91 г.“; *J. Talko-Hryncewicz*—Charakterystyka fizyczna ludności zydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrzeżeń. „Zbior wiad. do Antrop. kraj.“ Kraków, XVI, 1892; *R. Verneau*—Sur les Sémites aux îles Canaries. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris“, 1881; *Rud. Virchow*—Gesammtbericht über die von der deutschen anthrop. Gesellschaft veranlassten Erhebungen über die Farbe der Haut, der Haare und der Augen der Schulkinder in Deutschland. „Arch. f. Anthrop.“, Bd. XVI; *C. Vogt*—Vorlesungen über den Menschen. Giessen, 1863, Bd. II; *Wächter*—Bemerkungen über den Kopf der Juden. „Magazin der naturforsch. Freunde in Berlin“, 1812; *A. Weisbach*—Körpermessungen verschiedener Menschenrassen. „Zeit. f. Ethnol.“, 1877, Bd. IX; *S. Weissenberg*—Die südrussischen Juden. „Arch. f. Anthr.“, Bd. XXIII; *H. Welcker*—Craniol. Mitteilungen. „Arch. f. Anthr.“, Bd. I; *G. Wolf*—Die Juden. Wien, 1883; *A. Zakrzewski*—Wzrost w królestwie Polskiem. Przyczynek do charakterystyki fizycznej Polaków. „Zbiór wiad. do Antrop. kraj“. Kraków, 1891, XV; *A. Zakrzewski*—Ludność miasta Warszawy. Kraków, 1895; „Zeitschr. der deutsch. Palästinavereins“, VI. *Примѣч. А. А. Ивановскаго.*

Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи.

(Dr. Helm. Ueber die Bedeutung der chemischen Analyse bei vorgeschichtlichen Untersuchungen. „Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien“. XXX. Band. I. Heft.)

Чтобы показать то значеніе, какое можетъ имѣть примѣненіе точныхъ химическихъ анализовъ въ вопросахъ доисторической археологіи, авторъ останавливается на изслѣдованіяхъ янтаря и бронзовыхъ сплавахъ. Янтарь, какъ извѣстно, уже съ древнѣйшихъ временъ былъ предметомъ самой оживленной торговли, происходившей между берегами Балтійскаго и Средиземнаго морей. Золотистый, блестящій цвѣтъ этой ископаемой смолы, ея электрическія свойства, наконецъ, ея сравнительно легкая обработка,—все это сдѣлало ее весьма распространеннымъ въ древности матеріаломъ для всякихъ украшеній, амулетовъ и др. подѣлокъ. Въ наукѣ долго держалось мнѣніе, что этотъ ископаемый янтарь исключительно добывался на берегахъ Балтики и оттуда распространялся по всѣмъ странамъ древняго культурнаго міра, что и служило, между прочимъ, однимъ изъ главныхъ доказательствъ весьма рано начавшагося торговаго обмѣна между сѣверомъ и югомъ Европы. Но въ послѣднее время и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Стараго свѣта была найдена ископаемая смола, обладающая свойствами, очень близкими къ янтарю Балтійскаго моря. Сюда принадлежатъ Сицилія, Лигурія, Румынія, а также Сирія, Испанія, Верхняя Италія и Японія, гдѣ былъ найденъ янтарь, хотя нѣсколько и отличающійся отъ балтійскаго, но все же вполнѣ пригодный для обработки. Подобное открытіе, естественно, не могло не поколебать прежней увѣренности въ древности торговыхъ сношеній Балтійскаго и Средиземнаго морей, такъ какъ явилось предположеніе, что, напр., янтарныя украшенія, найденныя въ царскихъ могилахъ Микенъ, древность которыхъ опредѣляется не менѣе, чѣмъ 3 тысячами лѣтъ до нашего времени, а также подобныя же украшенія изъ могилъ этрусской и кельтской эпохъ въ Италіи могли быть продуктами мѣстнаго производства, а не привозились издалека.

Д-ръ Гельмъ, основываясь на химическихъ анализахъ янтаря изъ разныхъ мѣстностей и его физическихъ свойствахъ, является рѣшительнымъ противникомъ подобнаго мнѣнія. Въ то время, какъ балтійскій янтарь содержитъ сравнительно большее количество (около 8%) янтарной кислоты, образчики этой смолы изъ другихъ мѣстностей либо вовсе не обнаруживали ея присутствія, либо содержали лишь ничтожные ея слѣды. Именно, янтарныя украшенія изъ Греціи, Италіи и другихъ сосѣднихъ мѣстностей обнаружили въ своемъ химическомъ составѣ полнѣйшее сходство съ сѣвернымъ янтаремъ; слѣдовательно, должно предположить, что матеріаломъ для нихъ послужила ископаемая смола Балтійскаго побережья, такъ какъ только тамъ до сихъ поръ открыта столь харак-

терная ея разновидность, содержащая т. наз. янтарную кислоту. Такое же сходство съ сѣверными образчиками янтаря обнаружили находки изъ могильниковъ Испаніи, Румыніи и даже Сиріи. Единственнымъ исключеніемъ являются янтарныя украшенія изъ древне-египетскихъ гробницъ, которыя совсѣмъ не обнаруживаютъ въ своемъ химическомъ составѣ янтарной кислоты и вообще по всѣмъ своимъ свойствамъ весьма близки къ ископаемымъ образцамъ, находимымъ въ сыромъ видѣ въ Сиріи.

Не менѣе, если не болѣе, важное значеніе въ различныхъ вопросахъ доисторической археологіи имѣетъ химическій анализъ металлическихъ сплавовъ и смѣсей. Уже во второй половинѣ настоящаго столѣтія появился рядъ работъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ. Таковы были въ Германіи изслѣдованія Клапрота, Лиша, Фелленберга и въ особенности Бибра, который издалъ въ 1869 г. огромный трудъ: „Бронза и мѣдные сплавы древнихъ народовъ", гдѣ приведено почти 1200 химическихъ анализовъ. Въ настоящее время этими вопросами особенно заинтересовался проф. Рудольфъ Вирховъ. Но основаніи многочисленныхъ анализовъ древней бронзы, онъ устанавливаетъ слѣдующія двѣ главныя группы этихъ сплавовъ: 1) чистая оловянная бронза съ примѣсью послѣдняго металла до 20%; она относится преимущественно къ эпохѣ курганныхъ могильниковъ и, по всей вѣроятности, итальянскаго происхожденія; 2) весьма сложныя по составу бронзы съ различнымъ содержаніемъ олова и съ значительной примѣсью другихъ металловъ, какъ-то: свинца, никеля, сурьмы, мышьяка и проч. Въ 1891 г. Вирховымъ были сдѣланы анализы кавказской и ассирійской древней бронзы. Они вполнѣ подтвердили его предположеніе о значительномъ разнообразіи состава древнихъ бронзовыхъ сплавовъ, а также дали возможность установить цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ отъ почти чистой мѣди къ оловянному сплаву и даже съ примѣсью цинка, на основаніи чего можно судить о большей или меньшей древности ихъ.

Весьма важное значеніе имѣютъ въ этихъ вопросахъ также изслѣдованія вѣнскаго антрополога Муша, который прочно установилъ фактъ, предполагавшійся, впрочемъ, и раньше, что т. наз. бронзовому вѣку во многихъ странахъ, какъ, напр., въ Венгріи, Швейцаріи и др., предшествовалъ вѣкъ чистой мѣди. Его изслѣдованія показали, что чистыя мѣдныя издѣлія почти современны концу каменнаго періода, а нѣкоторыя изъ нихъ и совершенно могутъ быть отнесены къ нему. Разультатомъ этого было признаніе мѣднаго вѣка, какъ предшествующаго бронзовому, почти повсемѣстно въ Европѣ

Вообще досторическія бронзы весьма различны по своему составу, и не только въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе эпоха, къ которой онѣ относятся, но также и пригодность для извѣстныхъ опредѣленныхъ цѣлей отдѣльныхъ металловъ и самая народность, ихъ приготовлявшая; такъ, греки примѣшивали къ своей бронзѣ свинецъ, римляне — цинкъ, а сѣверные народы предпочитали чистую бронзу. Особенно интересно содержаніе въ доисторическихъ бронзахъ сурьмы, которая вообще является замѣной столь необходимаго олова. Примѣсь

сурьмы дѣлаетъ мѣдь тверже, крѣпче и сообщаетъ ей столь высоко цѣнимый золотистый оттѣнокъ. Особенно широко распространены такіе сурьмяные сплавы въ могильникахъ Венгріи, въ т. наз. Семиградской области, древней Дакіи, гдѣ они сплошь-да-рядомъ замѣняютъ настоящую оловянную бронзу, чему способствовало значительное богатство этой мѣстности сурьмяными рудами. Гельмъ дѣлаетъ предположеніе, что частыя находки сурьмяной бронзы въ Зап. Пруссіи объясняются издавна существовавшей мѣновой торговлей между этими областями и древней Дакіей.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ самыхъ бронзовыхъ сплавахъ, смотря по ихъ древности, содержаніе олова сильно колеблется. Самымъ чистымъ образчикомъ настоящей бронзы является т. наз. классическая бронза, содержащая отъ 10 до 20% олова. Затѣмъ слѣдуютъ бронзы съ среднимъ содержаніемъ этого металла и, наконецъ, такія, гдѣ содержаніе его не превышаетъ 3 или даже 1%. Незначительный процентъ олова въ сплавахъ указываетъ на эпоху, когда оно еще добывалось съ большимъ трудомъ и потому было въ особенной цѣнѣ. Обыкновенно наиболѣе бѣдныя по содержанію олова бронзы являются наиболѣе древними, нерѣдко даже непосредственно примыкая къ позднѣйшимъ эпохамъ каменнаго вѣка.

Весьма часто встрѣчаются бронзы, въ которыхъ химическій анализъ открываетъ столь малую примѣсь олова, что онѣ почти могутъ быть приняты за чистую мѣдь. Но какъ бы незначительна ни была эта примѣсь, она все-таки должна быть признана искусственной, чисто-механической, такъ какъ всѣ безъ исключенія европейскія мѣдныя руды не содержатъ ни слѣда этого металла, за исключеніемъ развѣ испанскихъ, гдѣ, впрочемъ, примѣсь его не превышаетъ ½%; точно также и другіе металлы, обыкновенно употребляемые для бронзовыхъ сплавовъ, какъ-то: цинкъ, свинецъ, сурьма и пр., вовсе не содержатъ олова.

О. Мерціусъ, изслѣдовавшій въ послѣднее время огромное количество доисторическихъ образчиковъ бронзы, преимущественно изъ древнѣйшихъ эпохъ бронзоваго вѣка, нашелъ, что содержаніе олова въ сплавѣ растетъ вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ формы приготовляемыхъ издѣлій. Точно также и въ древне-египетскихъ бронзовыхъ находкахъ съ несомнѣнностью можно установить, что наиболѣе древнія издѣлія, относящіяся, напр., къ XV столѣтію до Р. X., приготовлены изъ сплавовъ, наиболѣе бѣдныхъ оловомъ, гдѣ содержаніе этого металла часто не превышаетъ 2%, но этотъ % быстро возрастаетъ съ каждымъ столѣтіемъ, достигая въ позднѣйшія эпохи до 20% и болѣе. Крёнке, а за нимъ и нѣкоторые другіе высказывали мнѣніе, что бѣдныя оловомъ бронзы являются ни болѣе, ни менѣе, какъ производными болѣе богатыхъ оловомъ сплавовъ,—при всякомъ процессѣ переплавки и передѣлки, которымъ эти издѣлія со-временемъ подвергались, олово, какъ менѣе стойкій металлъ, постепенно окислялось и исчезало. Крёнке доказалъ это непосредственными химическими анализами, и весьма возможно, что во многихъ случаяхъ меньшее содержаніе

олова являлось въ результатѣ именно подобныхъ процессовъ; но, съ другой стороны, не подлежитъ также сомнѣнію и пониженіе % олова въ сплавахъ по мѣрѣ увеличенія древности его, что легко объясняется сравнительной трудностью добыванія этого металла.

Особенный интересъ представляютъ доисторическія находки изъ почти чистой сурьмы, природу которой можно установить только при помощи химическаго анализа, такъ какъ по внѣшнему виду она весьма похожа на олово или свинецъ. Вирховымъ описано нѣсколько такихъ находокъ, сдѣланныхъ изъ металлической сурьмы, изъ могилъ Кавказа и Закавказья; древность нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается до 3.000 лѣтъ до нашего времени. Подобныя же находки съ содержаніемъ въ сплавѣ сурьмы до 4 и болѣе % были найдены въ древнемъ Вавилонѣ и Ниневіи. Незначительное содержаніе металлической сурьмы было обнаружено химическимъ анализомъ Петри и Бертело въ древне-египетскихъ мѣдныхъ издѣліяхъ, иногда, впрочемъ, съ присоединеніемъ очень небольшаго количества металлическаго мышьяка; прибавленіе послѣдняго металла, по всей вѣроятности, придавало мѣди нѣсколько большую твердость. Бертело дѣлаетъ отсюда заключеніе, что уже древніе египтяне были до нѣкоторой степени знакомы со свойствами отдѣльныхъ металловъ.

Заслуживаетъ вниманія еще слѣдующій фактъ. Съ давнихъ поръ установилось мнѣніе, что древніе не были знакомы съ металлическимъ цинкомъ, т. е. съ цинкомъ въ чистомъ видѣ, и знали его только лишь въ видѣ руды, ибо, какъ извѣстно, впервые цинкъ былъ выдѣленъ знаменитымъ Парацельсомъ въ началѣ XVI-го столѣтія. Гельмъ, на основаніи своихъ долголѣтнихъ изслѣдованій по этому вопросу, приходитъ къ обратному заключенію. Онъ полагаетъ, что упоминаемый Страбономъ въ его географіи металлъ, похожій съ виду на серебро, ψευδάργυρος, есть не что иное , какъ сплавъ мѣди съ металлическимъ цинкомъ. Свою мысль онъ подкрѣпляетъ химическимъ анализомъ нѣкоторыхъ предметовъ культа, содержащихъ въ своемъ составѣ металлическій цинкъ въ видѣ сплава и относимыхъ археологами приблизительно ко временамъ Страбона. Точно также и въ „Естественной исторіи“ Плинія упоминается о металлѣ, похожемъ на серебро,—aes albidus; Гельмъ считаетъ и этотъ сплавъ цинковымъ. Хотя все это еще и не можетъ служить вполнѣ достовѣрнымъ доказательствомъ того, что древніе были уже знакомы съ металлическимъ цинкомъ, такъ какъ приводимые факты, съ одной стороны, малочисленны, а съ другой допускаютъ и иное толкованіе, особенно въ отношеніи древности найденныхъ предметовъ, но все же какъ эти послѣдніе, такъ и другіе выше приведенные примѣры указываютъ на то, что примѣненіе химическаго анализа къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ доисторической археологіи можетъ оказать весьма важныя услуги.

Н. Симинчъ.

Некрологи.

Проф. С. С. Корсаковъ. 1-го мая текущаго года Антропологическій Отдѣлъ лишился своего члена, профессора по каѳедрѣ психіатріи въ Московскомъ университетѣ, Сергѣя Сергѣевича Корсакова, скончавшагося 47 лѣтъ отъ роду. С. С., кончивъ въ 1875 г. курсъ медицинскаго факультета Московскаго университета, занимался съ этого времени нервными и душевными болѣзнями, подъ руководствомъ проф. А. Я. Кожевникова. Въ 1887 г. С. С. защитилъ докторскую диссертацію на тему «Объ алкогольныхъ параличахъ» и вскорѣ выступилъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ психіатріи. Въ дальнѣйшей своей научной дѣятельности С. С., исходя изъ положенныхъ въ основу его диссертаціи наблюденій, систематически и послѣдовательно выдѣлилъ среди дру-

гихъ психическихъ заболѣваній особую форму, названную имъ «полиневритическимъ психозомъ» (психозомъ, связаннымъ съ множественнымъ воспаленіемъ нервныхъ стволовъ). Въ цѣломъ рядѣ работъ, помѣщенныхъ какъ въ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ спеціальныхъ журналахъ, С. С., несмотря на многочисленныя возраженія, блестяще доказалъ самостоятельность выдѣленной имъ формы, получившей, наконецъ, общее признаніе, такъ что въ 1897 г., на XII-мъ международномъ съѣздѣ врачей въ Москвѣ, болѣзни этой было присвоено названіе «Корсаковской болѣзни». Въ 1893 г. С. С. получилъ въ Московскомъ университетѣ профессуру по каѳедрѣ психіатріи, которую и занималъ до самой смерти. Въ томъ же 1893 г. С. С. издалъ «Курсъ психіатріи»—руководство для студентовъ и врачей, представляющее трудъ выдающійся по оригинальности обработки, ясности изложенія и цѣльности основныхъ воззрѣній. Изъ другихъ трудовъ С. С—ча слѣдуетъ отмѣтить работу, подъ заглавіемъ «Къ психологіи микроцефаловъ», въ которой авторъ даетъ чрезвычайно полный и тонкій анализъ психической жизни идіотки-микроцефалки Маши, помѣщающейся и по настоящее время въ Московской психіатрической клиникѣ. Эта работа, помѣщенная въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи», послужила темой для докладовъ въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, а позднѣе (въ 1896 г.) и въ нашемъ Антропологическомъ Отдѣлѣ.

При многочисленныхъ и сложныхъ занятіяхъ по клиникѣ, личной амбулаторіи и посѣщеніямъ больныхъ на дому, при дѣятельномъ участіи въ нѣсколькихъ ученыхъ Обществахъ (С. С. состоялъ товарищемъ предсѣдателя въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ и товарищемъ же предсѣдателя въ Обществѣ Московскихъ невропатологовъ и психіатровъ), С. С. успѣвалъ удѣлять много времени Обществу вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ, для котораго онъ много потрудился, состоя въ должности его предсѣдателя.

Научно-общественная дѣятельность С. С—ча цѣнна сама по себѣ, но для всѣхъ, знавшихъ С. С—ча лично, едва ли не еще большую цѣну имѣла его обаятельная личность. Неутомимо дѣятельный, не умѣющій отказать никому изъ тѣхъ, кто обращался къ нему за помощью, какъ къ врачу и какъ къ человѣку, С. С. отличался необыкновенно правдивой и честной натурой, чрезвычайной строгостью къ самому себѣ и снисходительностью и терпѣніемъ по отношенію къ другимъ. Эти качества дѣлали покойнаго общимъ повѣреннымъ и совѣтчикомъ во всѣхъ наиболѣе запутанныхъ или наиболѣе щекотливыхъ вопросахъ жизни. Чуткая его совѣсть всегда подсказывала ему правильное рѣшеніе вопроса, а мягкая и деликатная натура помогала найти и наиболѣе безобидный или наиболѣе легкій для вопрошающаго путь исполненія этого рѣшенія. Свѣтлый умъ С. С—ча сохранилъ свою мощность до конца его дней, но отзывчивое сердце не выдерживало предъявляемыхъ къ нему требованій: покойный страдалъ около десяти лѣтъ тяжелою сердечною болѣзнью, продолжая, однако, попрежнему жить всецѣло для другихъ, не оставляя себѣ времени не только для отдыха, но нерѣдко даже и для сна, пока та же болѣзнь сердца не свела его

въ могилу. Широкій приливъ денежныхъ средствъ на благія начинанія, предназначенныя на увѣковѣченіе имени С. С—ча (посвященный его имени спеціальный научный журналъ, стипендіи для недостаточныхъ студентовъ, для лицъ, желающихъ посвятить себя наукѣ, капиталъ для пособія больнымъ, выходящимъ изъ психіатрической клиники, и т. д.), начавшійся сейчасъ же послѣ его смерти, показалъ, какъ высоко цѣнило московское общество научно-общественную дѣятельность С. С—ча. Представляя гармоническое сочетаніе интеллектуальной и нравственной силы, С. С. былъ *человѣкомъ* въ полномъ смыслѣ этого слова, и если задачи антропологіи, какъ науки о человѣкѣ, сводятся не къ одному анализу и дробленію человѣчества на различныя группы, но и къ синтезу самаго понятія о человѣкѣ, — появленіе такихъ личностей, какъ С. С., значительно упрощаетъ синтетическую работу антропологовъ.

В. В. Воробьевъ.

Питтъ-Риверсъ. Недавно скончался генералъ Питтъ-Риверсъ, извѣстный коллекціонеръ и изслѣдователь въ области археологіи и этнологіи. Лѣтъ 25 тому назадъ имъ былъ составленъ замѣчательный музей для нагляднаго представленія эволюціи культуры. Покойный былъ извѣстенъ тогда подъ фамиліей полковника Лэнъ-Фокса (Lane-Fox); онъ принялъ фамилію Питтъ-Риверсъ только въ 1880 г., послѣ смерти барона Риверса, отъ котораго онъ получилъ въ наслѣдство богатыя имѣнья въ Вольтширѣ и Дорсетширѣ. Въ 70-хъ годахъ составленный имъ музей былъ выставленъ въ Bethnal-Green-Museum, въ Лондонѣ, а затѣмъ былъ подаренъ Оксфордскому университету, гдѣ директоромъ его состоитъ теперь извѣстный проф. Б. Тэйлоръ, а хранителемъ — Бальфуръ. Особенность этого музея та, что предметы его расположены не въ географическомъ, этнографическомъ или археологическомъ порядкѣ, а по категоріямъ самихъ предметовъ и въ порядкѣ ихъ вѣроятнаго постепеннаго осложненія. Напримѣръ, здѣсь можно видѣть всевозможные переходы отъ палки и жерди къ палицамъ, метательнымъ палицамъ, бумерангамъ; къ дротикамъ и копьямъ; къ весламъ, къ щиту и т. д. То же — относительно ножей, топоровъ, украшеній, плетеній, жилищъ (моделей), лодокъ, узоровъ и т. д. Легко себѣ представить, что такое расположеніе представляетъ большой интересъ со сравнительно этнологической точки зрѣнія, и можно сказать, что Питтъ-Риверсъ былъ первымъ, приложившимъ эволюціонную теорію къ развитію формъ орудій, оружія, посуды, орнамента и т. д. Имъ составленъ былъ пояснительный каталогъ своего собранія, весьма поучительный по тому времени; кромѣ того, онъ помѣстилъ рядъ статей по эволюціи различныхъ категорій бытовыхъ предметовъ и по доисторической археологіи въ журналѣ Британскаго Антропологическаго Института и въ другихъ изданіяхъ. Собственно доисторической археологіей (раскопками) онъ сталъ заниматься въ болѣе обширныхъ размѣрахъ съ 80-хъ годовъ, по полученіи имъ значительнаго наслѣдства, начавъ свои изслѣдованія съ многочисленныхъ кургановъ и городищъ у Cranborne

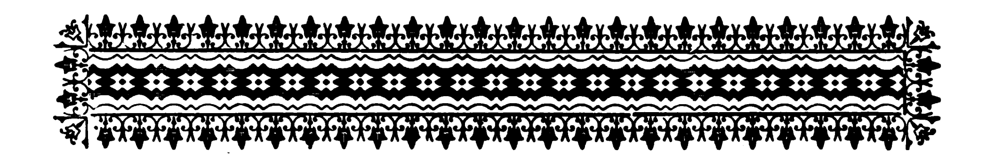
Chase, которые были изслѣдованы такъ систематически и обстоятельно, какъ никакія другія однородныя древности въ Англіи. Результаты раскопокъ были описаны имъ въ четырехъ роскошныхъ томахъ in 4⁰, а найденные предметы дали матеріалъ для новаго музея, устроеннаго Питтъ-Риверсомъ въ Farnham въ Дорсетширѣ. Страсть къ коллекторству снова разыгралась въ богатомъ любителѣ, и скоро рядомъ съ археологическими предметами появились для сравненія этнографическіе, также модели кургановъ и раскопокъ, богатыя собранія всевозможной посуды, замѣчательная коллекція земледѣльческихъ орудій, еще болѣе оригинальная—замковъ и ключей (давшая матеріалъ для спеціальнаго мемуара въ 1883 г.). Насколько богата этнографическая часть этого новаго музея, видно изъ того, что въ немъ имѣются и прекрасные образцы литейнаго искусства негровъ Бенина (любопытные горельефы людей и животныхъ, открытые нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ взятія и разоренія англичанами столицы этого негритянскаго владѣтеля, и разошедшіеся потомъ по всѣмъ главнымъ музеямъ Европы, гдѣ они цѣнятся теперь очень дорого). И всѣ эти рѣдкости сосредоточены въ глуши, въ частномъ имѣньи, вблизи котораго, въ Tollard Royal, генералъ реставрировалъ также съ большими затратами старинный домъ XIII вѣка, превративъ его тоже въ музей, имѣющій цѣлью демонстрировать развитіе живописи, начиная съ XX—XXV египетскихъ династій. Въ находящемся недалеко оттуда паркѣ Larmer Grounds генералъ построилъ рядъ лѣтнихъ домиковъ для экскурсантовъ и приглашалъ по воскресеньямъ туда оркестръ, радуясь, если музыка привлекала больше народа. Питтъ-Риверсъ былъ избираемъ неоднократно въ президенты Британскаго Антропологическаго Института и состоялъ вице-президентомъ Общества антикваріевъ. Скончался онъ въ возрастѣ 73 лѣтъ.

Д. Анучинъ.

Филиппъ Сальмонъ (Philippe Salmon). Скончавшійся $^5/_{17}$ февраля текущаго года въ Парижѣ, на 77-мъ году отъ роду, помощникъ директора „Association pour l'enseignement des sciences anthropologiques" и бывшій президентъ Парижскаго Антропологическаго Общества Фил. Сальмонъ составилъ себѣ извѣстность въ наукѣ своими изысканіями въ области доисторической археологіи. Изслѣдованія его были посвящены преимущественно неолитической эпохѣ. Рядъ относящихся къ этой эпохѣ работъ, напечатанныхъ сначала Ф. Сальмономъ въ „L'homme", въ „Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme" и въ „Revue mensuelle" (изд. Париж. Антропол. Школы), далъ ему впослѣдствіи возможность сдѣлать обзоръ неолитическихъ находокъ во всѣхъ департаментахъ Франціи въ его извѣстномъ трудѣ: „Age de la pierre ouvrée. Période néolithique, division en trois époques" (Paris, 1886). Трудъ этотъ обратилъ на себя вниманіе, между прочимъ, попыткой классифицировать различные остатки неолитической эпохи и намѣтить самые крупные этапы, которыми шла первобытная культура человѣчества въ данную эпоху. Послѣднюю

Сальмонъ дѣлитъ на три періода: 1) Кампиньенскій (Campigny въ департ. Ниж. Сены), самый древній, представляющій переходъ отъ палеолитическихъ издѣлій къ неолитическимъ; къ этому періоду относятся и „kjokkenmödding"— датскія кухонныя кучи (kjokken—кухня, mödding—сорная куча), въ которыхъ появляются полированныя орудія и гончарное искусство; 2) Шассео-Робенгаузенскій (отъ мѣстонахожденій въ Chassey, въ деп. Сены и Луары, и въ Robenhausen'ѣ, на Пфеффиконскомъ озерѣ, въ Цюрихскомъ кантонѣ Швейцаріи), къ которому относятся, главнымъ образомъ, свайныя постройки каменнаго періода, съ шлифованными и отточенными орудіями, съ довольно развитой керамикой, со слѣдами ткачества, земледѣлія, скотоводства и т. п., и 3) Карнакскій (Carnac въ Бретани), характеризующійся мегалитическими памятниками, появленіемъ обычая сожиганія мертвыхъ и пр. Въ 1889 и 1891 гг. появились труды Сальмона: „L'âge de la pierre à l'exposition universelle de Paris 1889. L'industrie, l'art et les races humaines préhistoriques" и „Division industrielle de la période paléolithique quaternaire et de la période néolithique" (въ болѣе краткомъ видѣ эти труды изложены въ X-мъ томѣ „Bull. de la Société d'Anthropologie de Bruxelles"), въ которыхъ авторъ значительно расширилъ область своихъ изысканій, включивъ въ нее и палеолитическій періодъ. Вообще труды Ф. Сальмона по изученію дометаллическаго періода занимаютъ видное мѣсто, и съ ними долженъ считаться всякій, желающій ближе ознакомиться съ первыми шагами культурной жизни человѣчества.

Ал. Ивановскій.

Критика и библіографія.

И. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. „Кавказскій календарь на 1900 г.“. Тифлисъ. 1900 г. 16 стр. in—8°.

Разобраться въ вопросѣ о расахъ Кавказа, при всей пестротѣ и смѣшанности его населенія, дѣло чрезвычайно трудное. Задача изслѣдователя осложняется еще и тѣмъ, что въ самомъ вопросѣ о расахъ вообще, даже объ европейскихъ расахъ въ частности, нѣтъ до сихъ поръ ничего твердо установленнаго, не подлежащаго спорамъ. Работа г. Пантюхова навѣяна, повидимому, появленіемъ изслѣдованій J. Deniker'a о расахъ Европы. И. И. Пантюховъ отмѣчаетъ на Кавказѣ существованіе четырехъ главныхъ расъ, изъ которыхъ двѣ—европейскаго происхожденія, а двѣ—азіатскаго; географическое распредѣленіе этихъ расъ указано на приложенной къ работѣ картѣ. Одну изъ европейскихъ расъ Кавказа г. Пантюховъ считаетъ близкой къ сѣверо-европейской расѣ Deniker'a (раса кимвровъ, германская раса, homo europeus другихъ авторовъ), т.-е. къ расѣ высокорослыхъ блондиновъ—долихоцефаловъ. Эта раса занимаетъ всю среднюю и западную часть Кавказскаго хребта и его западные склоны къ Черному морю. Къ ней принадлежатъ бжедухи, натухайцы, шапсуги и др. родственныя имъ племена. Позднѣйшими среди нихъ переселенцами съ сѣвера являются осетины, достаточно уже смѣшанные, такъ какъ они сохранили только 35% свѣтлыхъ («безпигментныхъ») глазъ и получили при своихъ предшествовавшихъ скитаніяхъ много нѣмецкихъ, рѣже славянскихъ корней, вошедшихъ въ ихъ языкъ. Другою, также пришедшею изъ Европы, расою являются представители т. наз. адріатической или динарской расы Deniker'a (высокорослые брюнеты, рѣзкіе брахицефалы). Къ этому типу принадлежатъ различныя лезгинскія племена, населяющія, главнымъ образомъ, восточную половину Кавказскаго хребта. Значительная примѣсь «смѣшаннаго» (средняго) цвѣта глазъ (отъ 32% до 42% по Эркерту) указываетъ на значительную метисацію этого типа. Области южнѣе главнаго хребта заселены преимущественно двумя расами: 1) иранской и 2) расой, въ основѣ своей семитической. Представителями болѣе чистыхъ типовъ первой расы являются персы, адербейджанскіе татары, курды и таты. Физическій типъ ихъ опредѣляется преобладаніемъ темной пигментаціи, высокорослости и долихоцефаліи (77—78); населяютъ они восточную, юго-восточную и южную части Закавказья. Вторая раса характеризуется малымъ ростомъ (163—164 сант.), рѣзкой брахицефаліей и темной пигментаціей. Къ ней принадлежатъ евреи, армяне, лазы, частью грузины и греки, занимающіе западную и юго-западныя части Закав-

казья. Кромѣ того, авторъ отмѣчаетъ существованіе нѣсколькихъ второстепенныхъ расъ: халдейской (айсоры) и различныхъ вѣтвей урало-алтайскихъ расъ (кумыки, аварцы, горскіе татары, кабардинцы и т. д.).

Отмѣчаемое на Сѣверномъ Кавказѣ общее преобладаніе брахицефаловъ на востокѣ и долихоцефаловъ на западѣ имѣло, повидимому, мѣсто еще съ эпохи бронзы, если не раньше. Въ Закавказьѣ древнѣйшимъ населеніемъ были долихоцефальныя племена, являющіяся здѣсь, какъ и повсюду, классомъ побѣдителей и господъ; на-ряду съ ними существовали съ древнѣйшихъ временъ и брахицефалы, особенно по долинамъ рѣкъ; но они всегда играли роль подчиненныхъ, порабощаемыхъ долихоцефалами племенъ. Вообще говоря, авторъ слишкомъ легко принимаетъ безъ дальнѣйшей критики мнѣніе De Lapouge'a, отчасти Ammon'a и др. авторовъ, желающихъ видѣть въ долихоцефалахъ людей иниціативы и завоевателей, въ брахицефалахъ же, какого бы происхожденія они ни были,—представителей настойчивости, трудолюбія и замкнутости,—качествъ, благодаря которымъ они могли противостоять, и иногда не *безъ* успѣха, энергичнымъ, но хищнымъ долихоцефаламъ. Попытка разобраться въ расахъ Кавказа и ихъ происхожденіи заслуживаетъ, конечно, вниманія; но надо сказать, что недостаточное число изслѣдованій (Эркерта, Шантра, Гильченко, Вырубова, Насонова, Тихомирова, Вышогрода, Ивановскаго, самого автора и нѣкоторыхъ другихъ), недостаточное однообразіе методовъ изслѣдованій различныхъ авторовъ и, наконецъ, увлеченіе самого автора нѣкоторыми, недостаточно еще провѣренными, гипотезами, равно какъ и методологическія его ошибки не позволяютъ принять выводы г. Пантюхова за достаточно обоснованные.

Прежде всего, мы не можемъ признать особенно удачной мысль г. Пантюхова опредѣлять принадлежность къ типу блондиновъ или брюнетовъ исключительно по пигментаціи райка. Г. Пантюховъ думаетъ, что опредѣленія цвѣта волосъ очень субъективны, произвольны и подаютъ поводъ къ многимъ ошибкамъ. Останавливаясь на цвѣтѣ райка, авторъ полагаетъ, что этотъ послѣдній опредѣляется гораздо точнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почти всегда совпадаетъ и съ цвѣтомъ волосъ. Поэтому г. Пантюховъ устанавливаетъ для массовыхъ изслѣдованій три главныхъ типа окраски райка: 1) расы безпигментной (свѣтлые—сѣрые и голубые—глаза), 2) пигментной (темные глаза) и 3) средній (сложный раекъ, гдѣ по свѣтлому фону расположены пятна или штрихи темнаго пигмента, или обратно). Опредѣленіе принадлежности племени къ типу блондиновъ или къ типу брюнетовъ г. Пантюховъ дѣлаетъ соотвѣтственно распространенію въ немъ пигментированныхъ глазъ, устанавливая слѣдующую скалу:

	% лицъ, имѣющихъ пигментированный раекъ.
Гиперблондины	10 и менѣе.
Блондины	14—30
Субблондины	31—40
Средніе	41—60
Суббрюнеты	61—70
Брюнеты	71—90
Гипербрюнеты	91—100.

Позволительно, прежде всего, усомниться въ точности опредѣленія средняго райка: плохое освѣщеніе, поверхностный взглядъ, наблюденіе издали, нѣкоторая слабость зрѣнія или цвѣтовоспріятія изслѣдователя дадутъ въ резуль-

татѣ изслѣдованія ничтожный процентъ средняго райка и значительный темнаго; обратно—острое зрѣніе, наблюденіе вблизи, при хорошемъ освѣщеніи и внимательномъ разглядываніи изслѣдуемыхъ, приведетъ къ значительному увеличенію группы среднихъ глазъ за счетъ группы пигментированнаго райка. Послѣднее же обстоятельство, при принятомъ авторомъ опредѣленіи общаго типа цвѣтности племени исключительно по проценту темно-пигментныхъ глазъ, заставитъ признать за племя блондиновъ такое даже племя, среди котораго не найдется, быть можетъ, ни одного свѣтловолосаго и лишь ничтожное количество свѣтлоглазыхъ субъектовъ. Здѣсь ошибки субъективизма изслѣдователя комбинируются съ методологической ошибкой, которую авторъ раздѣляетъ, впрочемъ, со многими изслѣдователями, въ числѣ ихъ и съ Deniker'омъ, а именно—съ признаніемъ принадлежности племени къ типу блондиновъ или брюнетовъ (независимо отъ того, опредѣляется ли послѣдній по одному райку или же по райку и по волосамъ въ совокупности) лишь по подсчету въ этомъ племени процента брюнетовъ. Въ смѣшанныхъ племенахъ, при давности метисаціи, всегда будутъ преобладать смѣшанные (средніе) типы, число же крайнихъ типовъ не велико; слѣдовательно, всѣ смѣшанныя племена, при этомъ методѣ опредѣленія ихъ пигментаціи, заранѣе зачисляются въ группу блондиновъ (вслѣдствіе недостаточно чистаго брюнетическаго типа). Если же мы вздумали-бы опредѣлять общую пигментацію племени по проценту блондиновъ, получилось бы обратное явленіе, т.-е. перенесеніе всѣхъ тѣсно смѣшанныхъ племенъ въ группу блондиновъ. Ошибка метода здѣсь очевидна, и избѣжать ее было бы возможно только путемъ разсмотрѣнія процентныхъ отношеній всѣхъ трехъ типовъ. Тогда процентъ смѣшаннаго типа указывалъ бы на степень смѣшенія; результирующее же всей смѣси, т.-е. принадлежность даннаго смѣшаннаго племени къ типу блондиновъ или къ типу брюнетовъ должна опредѣляться не по проценту блондиновъ или брюнетовъ, а по отношенію этихъ чиселъ другъ къ другу. Мы предложили бы въ этомъ случаѣ такое приблизительно общее опредѣленіе: тѣ племена, въ которыхъ остатки чистыхъ типовъ приблизительно равны, должны быть названы средними, равномѣрно смѣшанными, племенами; названіе же смѣшанныхъ племенъ, съ преобладаніемъ брюнетическаго типа, можетъ быть дано только такимъ, гдѣ сохранившіеся представители темнаго типа превосходятъ сохранившихся представителей свѣтлаго типа, по крайней мѣрѣ, въ два раза; обратно—племена съ вдвое большимъ числомъ блондиновъ получили бы тогда названіе сложныхъ племенъ съ преобладаніемъ типа блондиновъ. Такимъ путемъ избѣгались бы многія неточности и ошибки субъективизма, хотя бы уже по одному тому, что здѣсь для опредѣленія преобладающаго типа можно подсчитывать одни только крайнія выраженія пигментаціи, оставляя въ сторонѣ всѣ сомнительные и переходные случаи. Прибавимъ къ этому, что опредѣленіе типа лучше, конечно, дѣлать по совокупности цвѣта волосъ и глазъ, и если уже останавливаться почему-либо на одномъ изъ этихъ признаковъ, волосы, на нашъ взглядъ, въ этомъ случаѣ являются гораздо более надежнымъ опредѣлителемъ, чѣмъ раекъ, такъ какъ опредѣлить границу экcквизитно свѣтлыхъ волосъ (цвѣта льна, соломы и т. д.) и экcквизитно темныхъ (черныхъ и почти черныхъ) отъ среднихъ (русыхъ) цвѣтовъ волосъ гораздо легче и проще, чѣмъ отграничить безпигментные и пигментные райки отъ сложныхъ.

Г. Пантюховъ всѣхъ этихъ соображеній не принялъ во вниманіе, и оттого его опредѣленія типовъ (слѣдовательно, и господствующихъ расъ) носятъ въ значительной мѣрѣ характеръ произвольныхъ. Весьма позволительно, напр.,

сомнѣваться въ принадлежности горскихъ осетинъ, чеченцевъ, бжедуховъ (42% сплошь пигментированнаго райка), а также и мингрельцевъ (44%) къ среднимъ типамъ, граничащимъ съ субблондинами. Между тѣмъ, г. Пантюховъ, давая эти цифры, находитъ въ нихъ подтвержденіе принадлежности этихъ племенъ къ сѣверной европейской (германской) расѣ. Подсчетъ же числа истинныхъ блондиновъ (близъ поля) и истинныхъ брюнетовъ (15—20% и болѣе) позволяетъ скорѣе опредѣлить эти племена, какъ смѣшанныя, съ преобладаніемъ брюнетическаго типа. Мы не хотѣли, впрочемъ, поставить г. Пантюхову его ошибки и неточности въ его личную вину: наши знанія о расахъ, наши методы ихъ изслѣдованія и опредѣленій, въ особенности же наши знанія и методологія изслѣдованія метисацій такъ еще не совершенны, что всякая попытка опредѣленія расоваго состава населенія встрѣчаетъ еще, къ сожалѣнію, множество препятствій и заставляетъ впадать или въ ошибки, или въ утвержденія положеній, которыя не могутъ считаться въ достаточной мѣрѣ доказанными; и это относится въ равной мѣрѣ какъ къ опредѣленію расъ Кавказа, такъ и къ опредѣленію расъ Европы и къ опредѣленію, наконецъ, человѣческихъ расъ вообще.

В. В. Воробьевъ.

Prof. A. Tarenetzky. Beiträge zur Skelet-und Schädelkunde der Aleuten, Konaegen, Kenai und Koljuschen mit vergleichend anthropologischen Bemerkungen. «Записки Имп. Академіи Наукъ по физ.-матем. отдѣленію», т. IX, № 4. С.-Пб., 1900.

Новое изслѣдованіе проф. А. И. Таренецкаго посвящено подробной характеристикѣ остеологической коллекціи изъ сѣверо-западной Америки, находящейся въ музеѣ Императорской Академіи Наукъ и частью въ зоологическомъ музеѣ Военно-Медицинской Академіи. Въ распоряженіи автора были два почти полныхъ алеутскихъ скелета (мужской и женскій), 10 алеутскихъ череповъ, 9 череповъ, принадлежавшихъ различнымъ эскимосскимъ племенамъ, преимущественно конегамъ (иначе—коняги, кадьяки, каньягмуты), и 16 череповъ индѣйскихъ племенъ сѣверо-западной Америки (кенаи и колюши или колоши). Основываясь на изученіи этой коллекціи, авторъ считаетъ алеутовъ, конеговъ, кенаевъ и колюшей родственными между собою; всѣ они принадлежатъ къ индѣйцамъ Сѣв. Америки. Родство алеутовъ съ эскимосами авторъ отрицаетъ. Изъ всѣхъ племенъ алеуты, по мнѣнію проф. Таренецкаго, наиболѣе чисты въ антропологическомъ смыслѣ; конеги подверглись, повидимому, наибольшему смѣшенію. Между кенаями и колюшами нѣтъ замѣтной разницы въ физическихъ признакахъ, и ихъ можно считать за чистыхъ индѣйцевъ, извѣстныхъ подъ собирательнымъ именемъ «Юма». Относя алеутовъ и конеговъ къ индѣйцамъ, авторъ дѣлаетъ предположеніе, что эти племена въ то время, когда индѣйцы проникали съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ, перекочевывая извнутри материка черезъ Аляску, завладѣли послѣднимъ полуостровомъ и ближайшими къ нему островами. На своемъ пути оба племени встрѣтились съ прежними обитателями этихъ странъ, которыми были, вѣроятнѣе всего, эскимосы, причемъ на Аляскѣ эскимосы были отодвинуты въ болѣе сѣверную половину полуострова, а на Алеутскихъ островахъ первоначальное населеніе было совершенно истреблено.

Ал. Ивановскій.

W. Pfitzner. Der Einfluss des Lebensalters auf die anthropologischen Charaktere. „Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie“. Bd. I.

Настоящая рарота W. Pfitzner'а посвящена чрезвычайно интересному вопросу, именно выясненію вліянія, оказываемаго возрастомъ на различные антропологическіе признаки. Матеріаломъ послужили автору 3.400 труповъ, изслѣдованныхъ имъ въ Страсбургскомъ анатомическомъ институтѣ. Изслѣдованія дали слѣдующіе результаты. Цвѣтъ волосъ принимаетъ окончательную окраску только къ 40 годамъ. Въ первые два года жизни блондиновъ, по регистраціи автора, 87%; къ 20-ти годамъ число ихъ уменьшается до 40%, и въ 40 л. ихъ остается тольво 17%. Ростъ является очень надежнымъ антропологическимъ признакомъ; онъ становится стаціонарнымъ, по наблюденіямъ автора, въ 20 лѣтъ; измѣненія его въ слѣдующіе годы жизни очень незначительны, съ предѣлами колебаній не болѣе 50 мм. Изслѣдованія головного указателя дали очень интересный результатъ. Признакъ этотъ является чрезвычайно постояннымъ для обоихъ половъ, начиная съ перваго момента ихъ внѣутробной жизни и кончая самымъ преклоннымъ возрастомъ; у разсматриваемаго населенія его среднія цифры стойко держатся около 83. Подобный результатъ изслѣдованій оправдываетъ то важное значеніе, какое придается антропологами головному указателю. Указатели высотно-длиннотный и высотно-широтный прогрессивно понижаются приблизительно до 30-ти лѣтъ; высотно-широтный указатель падаетъ у мужчинъ съ 83 на 79 и у женщинъ съ 84,5 на 79. Только около 50-ти лѣтъ эти указатели становятся постоянными. Лицевой указатель испытываетъ обратное явленіе,—съ рожденія до 30-ти лѣтъ онъ безпрерывно увеличивается. Относительная длина различныхъ частей тѣла мало измѣняется послѣ 20 лѣтъ; она не можетъ имѣть большого антропологическаго значенія, такъ какъ отношенія этихъ размѣровъ между собою очень непостоянны; напр., отношеніе длины руки къ длинѣ ноги варіируетъ у взрослыхъ между 100 : 89 и 100 : 123. Еще меньшее значеніе слѣдуетъ придавать абсолютнымъ размѣрамъ; послѣдніе не даютъ возможности опредѣлять по нимъ величину роста; такъ, средней длинѣ ноги въ 680 мм. соотвѣтствовалъ ростъ между 1360 и 1650 мм.; при длинѣ ноги въ 760 мм. ростъ варіировалъ между 1410 и 1750 мм.; средняя длина ноги въ 810 мм. встрѣчалась у людей съ ростомъ отъ 1410 до 1800 мм. Вообще авторъ приходитъ къ заключенію, что безусловно постояннымъ и вѣрнымъ признакомъ слѣдуетъ считать только головной указатель. Второе мѣсто послѣ него должно быть отведено цвѣту радужной оболочки, который подвергается съ возрастомъ очень незначительнымъ измѣненіямъ. Признаки, которыми можно пользоваться съ извѣстнаго возраста,—ростъ, лицевой указатель и указатель высоты головы. Цвѣту волосъ можно придавать значеніе только съ возраста послѣ 40 лѣтъ.

Ал. Ивановскій.

В. П. Всеволожскій. Объ измѣненіяхъ формы черепа, зависящихъ отъ естественныхъ причинъ. Диссертація на степень д-ра медицины. С.-Пб., 1899 г.

Заглавіе работы гораздо шире ея содержанія, такъ какъ въ ней трактуется исключительно объ измѣненіи черепа подъ вліяніямъ преждевременнаго зарощенія тѣхъ или другихъ черепныхъ швовъ; другихъ же возможныхъ причинъ

конфигураціи черепа авторъ не касается совсѣмъ. Изъ коллекціи Военно-Медицинской Академіи въ 10.000 череповъ авторъ выбралъ 120 наиболѣе рѣзко конфигурированныхъ и подвергнулъ ихъ подробному измѣренію по схемѣ проф. А. И. Таренецкаго, причемъ для сравненія съ нормальными русскими черепами авторъ пользовался данными того же проф. Таренецкаго. Заключеніе автора сводится къ тому, давно извѣстному, положенію, что главнѣйшею причиною конфигураціи череповъ является преждевременное сращеніе швовъ, причинъ котораго онъ не касается совсѣмъ. Несмотря на рѣзкую конфигурацію, ни емкость череповъ, ни главнѣйшіе ихъ размѣры и основныя формы (долихо—или брахицефалія) въ среднемъ выводѣ, по мнѣнію автора существенно не мѣняются, такъ какъ черепа автора даютъ среднюю емкость въ 1.427 к. с., указатель ширины—въ $80,_4$, указатель высоты—$77,_1$, лицевой уголъ—$87,_5$, тогда какъ измѣренные проф. Таренецкимъ великорусскіе черепа дали емкость въ 1423, указатель ширины—$81,_1$, указатель высоты—76 и лицевой уголъ—$87,_0$. Но авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что такой методъ сравненія не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ, напр., нѣсколько микроцефалическихъ и нѣсколько макроцефалическихъ череповъ, замѣшавшись среди череповъ съ обычной емкостью, могутъ дать въ результатѣ и обычную среднюю емкость, и большую и меньшую, смотря по числу и степени развитія макро- и микроцефальныхъ формъ и т. д. Авторъ, хотя и дѣлаетъ группировку череповъ по отдѣльнымъ формамъ конфигураціи (оксицефальные, платицефальные и т. д.), но не дѣлаетъ подсчеты отдѣльныхъ измѣреній для каждой группы порознь; отсутствуетъ также распредѣленіе измѣренныхъ череповъ въ ряды по тѣмъ или другимъ величинамъ и сравненіе рядовъ цифръ автора съ рядами для нормальныхъ череповъ, т.-е., другими словами, отсутствуютъ какъ разъ тѣ элементы, сопоставленіе и сравненіе которыхъ одно только и могло бы имѣть какое-нибудь значеніе для выводовъ относительно вліянія характера конфигураціи на отдѣльныя измѣренія черепа. Кромѣ того, при сравненіи измѣненныхъ череповъ и нормальныхъ игнорируется вопросъ о происхожденіи первыхъ (по губерніямъ или областямъ), такъ что нѣтъ возможности исключить вліяніе областныхъ колебаній, которыя, какъ показываютъ, между прочимъ, и цифры того же проф. Таренецкаго, могутъ быть довольно значительны; такъ, указатель ширины черепа колеблется, по изслѣдованіямъ проф. Таренецкаго, для великорусскаго населенія сѣверныхъ губерній Россіи между $79,_5$ (Ярослав. губ.) и $82,_7$ (Тверская); не меньшія различія существуютъ и для другихъ измѣреній. Словомъ, сравненіе конфигурированныхъ и нормальныхъ череповъ проведено очень слабо, и работа г. Всеволожскаго имѣетъ въ этомъ отношеніи лишь значеніе сырого матеріала, которымъ, благодаря приведеннымъ авторомъ подлиннымъ цифрамъ, можно было бы при желаніи воспользоваться, продѣлавъ надъ ними всѣ необходимыя для того операціи, т.-е. сдѣлавъ то, что долженъ былъ бы сдѣлать самъ авторъ работы, разъ онъ выставляетъ положеніе о сохранности въ конфигурированныхъ черепахъ общаго характернаго типа нормальнаго великорусскаго черепа. Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ работѣ г. Всеволожскаго проскальзываетъ тенденція считать всегда долихоцефалію череповъ за результатъ сращенія нѣкоторыхъ швовъ, тогда какъ въ настоящее время трудно сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторая примѣсь долицефаліи является характерною расовою особенностью великоруссовъ. Вообще говоря, въ этомъ отношеніи у автора замѣчается сбивчивость и недостаточное разграниченіе между патологическими и расовыми причинами долихацефаліи.

В. В. Воробъевъ.

Н. Р. Ботвинникъ. Матеріалы къ вопросу о близорукости у евреевъ. „Врачъ“, 1899 г., № 42.

Вопросъ о физическомъ развитіи евреевъ издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе какъ антропологовъ, такъ и врачей; непрерывно появляются все новыя работы, освѣщающія этотъ вопросъ съ той или другой стороны. Въ настоящее время предъ нами статья Н. Р. Ботвинника: «Матеріалы къ вопросу о близорукости у евреевъ». Авторъ основываетъ свои заключенія на наблюденіяхъ, собранныхъ лѣтомъ 1899 г. въ Раменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., глазнымъ отрядомъ, въ которомъ ему пришлось работать. Всего было принято отрядомъ 3592 больныхъ, въ томъ числѣ христіанъ 2763 и евреевъ 829. Близорукихъ (на оба глаза) отмѣчено: христіанъ—61, евреевъ—82, что, по отношенію ко всему числу больныхъ, составляетъ 2,21% для первыхъ и 9,88% для послѣднихъ, т.-е. % близорукихъ среди евреевъ превышалъ такой же среди христіанъ почти въ $4\frac{1}{2}$ раза. По полу близорукіе глаза какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ преобладаютъ среди мужчинъ, причемъ у первыхъ разница эта (71,5%—28,5%=43%) гораздо больше, чѣмъ у послѣднихъ (53%—47%=6%). Число случаевъ слабой близорукости у христіанъ значительно (на 14,9%) превышаетъ таковое же у евреевъ; среднія и большія степени, наоборотъ, чаще встрѣчаются у евреевъ. Какъ у евреевъ, такъ и у христіанъ большія степени близорукости чаще наблюдаются среди женщинъ, чѣмъ среди мужчинъ. Средняя близорукость женщинъ у тѣхъ и другихъ выше таковой же мужчинъ. Что касается распредѣленія близорукости по возрасту, то въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе сравнительно большой % близорукихъ у евреевъ (21,2%) въ дѣтскомъ возрастѣ (отъ 10 до 15 л.),—гораздо большій, чѣмъ у дѣтей христіанъ (13,1%). Данныя, касающіяся остроты зрѣнія, указываютъ на то, что число близорукихъ глазъ съ нормальной остротой зрѣнія у евреевъ гораздо меньше, чѣмъ у христіанъ (почти на 15%); наоборотъ, число случаевъ съ сильнымъ пониженіемъ зрѣнія преобладаетъ среди евреевъ. Очень слабое зрѣніе встрѣчается приблизительно одинаково часто какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; нормальная острота—чаще у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ (и у евреевъ, и у христіанъ). Кромѣ сильнаго пониженія нормальной остроты зрѣнія, и различныя другія осложненія близорукости (измѣненія въ области желтаго пятна, разрѣженіе пигмента, разныя измѣненія въ сосудистой оболочкѣ) наблюдаются у евреевъ гораздо больше, чѣмъ у христіанъ (на 20,7%). Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, къ какой народности принадлежатъ изслѣдованные имъ христіане. Свои заключенія авторъ иллюстрируетъ сравнительными данными, взятыми изъ отчетовъ летучихъ глазныхъ отрядовъ за 5 лѣтъ (1893—1897), по которымъ видно, что въ указанный промежутокъ близорукіе въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ, сравнительно съ прочими губерніями, дали перевѣсъ на 8,4%; этотъ перевѣсъ авторъ всецѣло относитъ на долю еврейскаго населенія, которое весьма значительно въ первыхъ губерніяхъ, какъ относящихся къ чертѣ еврейской осѣдлости. Далѣе, авторъ снова переходитъ къ собственнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ петербургскихъ еврейскихъ училищахъ (мужскомъ и женскомъ) Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Изъ 276 изслѣдованныхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 18 л. (142 мал. и 134 дѣв) % близорукихъ равняется въ общемъ 16,7% (у мал.—16,5%; у дѣв.—16,8%); преобладаютъ слабыя степени близорукости, но встрѣчаются случаи средней и большой близорукости. Начиная съ 12-ти лѣтъ, количество близорукихъ (18,2%) сильно возрастаетъ, и къ 16—18 годамъ бли-

зорукіе глаза составляютъ уже половину всѣхъ подвергнутыхъ изслѣдованію дѣтей. Послѣднее обстоятельство становится особенно рѣзкимъ при сравненіи съ аналогичными данными другихъ авторовъ, которые изслѣдовали учащихся христіанъ и нашли среди нихъ только 2%—7,5% близорукихъ. Столь сильное преобладаніе близорукости среди евреевъ авторъ приписываетъ въ значительной степени наслѣдственному предрасположенію и слабости органа зрѣнія, отчего близорукость развивается у нихъ легче, быстрѣе и въ болѣе сильной степени, чѣмъ у другихъ народовъ.

А. Элькиндъ.

С. М. Чугуновъ. Матеріалы для антропологіи Сибири. X. Курганы Каинскаго округа, Томской губ. „Извѣстія Императорскаго Томскаго университета". Кн. XVI. Томскъ, 1900.

Авторъ описываетъ раскопки 15-ти кургановъ, произведенныя имъ въ 1895—96 гг., по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, въ Каинскомъ окр., Томской губ., на т.-наз. Устьтартасскомъ курганномъ полѣ. Курганныя находки (золотыя нашивныя бляжки римскаго издѣлія, золотая проволочная парча, бронзовая фибула, бронзовыя стрѣлки и серьги, глиняныя напрясла и пр.) представляютъ смѣсь образцовъ древней культуры съ типами позднихъ классическихъ издѣлій, и сооруженіе устьтартасскихъ кургановъ авторъ относитъ къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. Населеніе курганнаго періода, судя по 10-ти добытымъ черепамъ, является также очень сильно смѣшаннымъ,— напр., размѣры головного указателя варіируютъ въ предѣлахъ отъ 72,72 до 87,50. Среди череповъ найденъ одинъ макроцефалическій, подробно описанный авторомъ ранѣе въ «Трудахъ Общества Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ», 1898 г., т. XXXII, вып. 3.

Ал. Ивановскій.

В. И. Васильевъ. Къ вопросу о вліяніи сельской школы на физическое развитіе учащихся. Изданіе Медиц. Департ. Мин. Внутр. Дѣлъ. С.-Пб., 1900.

Большинство русскихъ авторовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ школьниковъ, приходили къ заключенію, что какъ гимназія, такъ и городская и сельская школа одинаково неблагопріятно вліяютъ на физическое развитіе учащихся, задерживая ихъ ростъ, прибыль въ вѣсѣ, развитіе грудной клѣтки. Другіе авторы отмѣчали по отношенію къ росту обратное явленіе, т.-е. усиленіе его, въ чемъ, впрочемъ, также видѣли неблагопріятное явленіе, такъ какъ развитіе грудной клѣтки обыкновенно отстаетъ отъ роста и отношеніе между объемомъ груди и полуростомъ (жизненный показатель) становится менѣе благопріятнымъ. Есть, однако, нѣсколько авторовъ, смотрящихъ на школьное вліяніе болѣе благосклонно и отрицающихъ вредное вліяніе школы и даже обратно—утверждающихъ, что школа (сельская по крайней мѣрѣ) вліяетъ на развитіе дѣтскихъ организмовъ благопріятно. Интересную попытку разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ представляетъ работа В. И. Васильева.

Авторъ изслѣдовалъ 2031 мальчика и 596 дѣвочекъ въ школахъ Серпуховского уѣзда, Московской губ.; откинувъ, во имя единства матеріала, городскія и фабричныя пригородныя школы, авторъ оперируетъ надъ 1637 мал. и 596 дѣв. Вопросъ о вліяніи школы г. Васильевъ освѣщаетъ, подобно нѣкоторымъ другимъ изслѣдователямъ, путемъ сравненія между собою учениковъ одно-

лѣтокъ, посѣщающихъ школу одинъ, два, три года. Въ общемъ, посѣщающіе школу второй годъ оказались и рослѣе, и тяжелѣе, и съ большимъ жизненнымъ показателемъ, чѣмъ ихъ сверстники, посѣщающіе школу первый годъ, и, въ свою очередь, уступали во всѣхъ отношеніяхъ своимъ однолѣткамъ, пребывающимъ въ школѣ третій годъ, и т. д. Д-ръ Михайловъ объясняетъ благопріятное вліяніе школы ея болѣе гигіенической, по сравненію съ крестьянской избой, обстановкой, Важновъ—деревенскимъ воздухомъ и совмѣстными играми на воздухѣ (сравнивалъ съ городскими училищами), Шверинъ—усиливающею энергію роста организма непривычною мозговою работой. Къ послѣднему объясненію склоняется и г. Васильевъ, протестующій, однако, противъ значенія «непривычной» мозговой работы,—по мнѣнію г. Васильева, всякая мозговая работа усиливаетъ жизненный тонусъ, повышая энергію питанія организма. Но мозговая работа сама-по-себѣ обусловливаетъ, по мнѣнію автора, главнымъ образомъ, усиленіе роста, гармоническое же развитіе организма (параллельное росту хорошее развитіе грудной клѣтки) наступаетъ лишь тогда, когда мозговая работа идетъ при хорошемъ настроеніи духа. Это чрезвычайно важное положеніе, которое слѣдовало бы имѣть въ виду какъ педагогамъ, такъ въ особенности составителямъ и учредителямъ различныхъ программъ и узаконеній для школъ, д-ръ Васильевъ выводитъ изъ слѣдующихъ данныхъ: сравнивая однолѣтокъ различныхъ отдѣленій (классовъ), авторъ нашелъ, что благопріятное вліяніе школы распространяется только на учащихся въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ, ученики же (и ученицы) третьяго отдѣленія оказываются, и при одинаковомъ числѣ лѣтъ пребыванія въ школѣ, нѣсколько болѣе рослыми, но съ худшимъ жизненнымъ показателемъ, чѣмъ ихъ однолѣтки изъ второго отдѣленія. Такъ 11-лѣтніе мальчики, пребывающіе въ школѣ третій годъ, дали слѣдующія среднія цифры:

II отд.	(50 уч.)	ростъ $127,_{33}$;	вѣсъ $27,_{36}$;	окр. груди $63,_{87}$;	жизн. показ. $+0,_{21}$
III »	(62 уч.)	» $130,_{65}$	» $28,_{58}$	» $64,_{28}$	» $-1,_{09}$

12-лѣтки при прочихъ равныхъ условіяхъ:

II отд.	(33 уч.)	ростъ $130,_{47}$;	вѣсъ $29,_{50}$;	окр. груди $65,_{44}$;	жизн. показ. $+0,_{20}$
III »	(40 уч.)	» $132,_{82}$	» $29,_{74}$	» $65,_{27}$	» $-1,_{14}$

Между тѣмъ, жизнь учениковъ II и III отдѣленій разнится лишь въ томъ отношеніи, что III отдѣленію предстоятъ выпускные экзамены (переводныхъ экзаменовъ въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ не существуетъ). Преподаватели съ самаго начала года принимаются готовить съ особымъ рвеніемъ III отдѣленіе къ экзаменамъ; классныя занятія теряютъ свою непринужденность, ученики начинаютъ испытывать тревогу, волненіе, прямо даже страхъ, и въ результатѣ школа теряетъ свое благотворное вліяніе на физическое развитіе дѣтей и начинаетъ создавать наклонность къ развитію слабогрудости.

Авторъ оперируетъ надъ большимъ и довольно однороднымъ матеріаломъ, съ которымъ онъ знакомъ къ тому же не со дня производства измѣреній; вмѣстѣ съ тѣмъ ему хорошо знакомъ и бытъ всего окружающаго крестьянства; всѣ измѣренія производились авторомъ лично,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ работу д-ра Васильева особенно цѣнною, а выводы его—заслуживающими самаго серьезнаго вниманія. Единственное, за что мы могли бы посѣтовать на автора,—это недостатокъ сравненія объема программъ занятій II-го и III-го отдѣленій и недостаточное, слѣдовательно, выясненіе вопроса, что собственно оказываетъ, главнымъ образомъ, дурное вліяніе на учениковъ III-го отдѣленія—

выставленное ли авторомъ на первый планъ дурное, тревожное настроеніе духа, или излишнее количество и интенсивность работы. Быть-можетъ, излишняя, непосильная для дѣтскаго организма умственная работа сама-по-себѣ, независимо отъ настроенія духа, не только не стимулируетъ развитія организма, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ болѣе сообразной съ силой ребенка умственной работѣ, но, обратно, вліяетъ на развивающійся организмъ подавляющимъ образомъ?

В. В. Воробьевъ.

Г. И. Ростовцевъ. О тѣлесномъ состояніи учащихся въ земскихъ школахъ Дмитровскаго уѣзда и опытъ выясненія зависимости его отъ школьнаго режима, экономическихъ и климатическихъ условій („Дневникъ VII съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова“). Казань, 1899.

Матеріалъ, обработанный авторомъ, собранъ въ 1897 г. земскими врачами въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губ., относительно 2461 учащихся (1940 мал. и 521 дѣв.). Разсматривая цифры роста и окружности груди учащихся, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: изъ однолѣтокъ тѣ выше, которые учатся дольше; ростъ учащихся увеличивается быстрѣе, чѣмъ у неучащихся; относительныя величины (къ полуросту) периметра груди почти у всѣхъ учащихся неблагопріятны; у дѣтей при поступленіи въ школу онѣ являются большими; изслѣдованныя дѣти уступаютъ въ ростѣ сверстникамъ другихъ раіоновъ, находящихся въ лучшихъ климатическихъ условіяхъ и лучше обезпеченныхъ. Свои выводы авторъ иллюстрируетъ таблицею среднихъ цифръ роста, окружности груди и ея отношенія къ полуросту, сравнивая эти цифры съ соотвѣтствующими данными другихъ авторовъ.

В. Васильевъ.

Н. Коншинъ. Замѣтка о происхожденіи родовъ Средней киргизской орды. «Памятная книжка Семипалатинской обл. на 1900 г.» Семипалатинскъ, 1900 г.

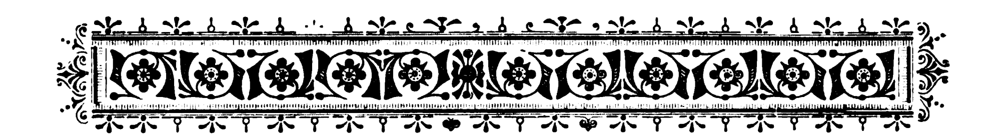
Настоящая замѣтка, по словамъ автора, «составлена исключительно на основаніи словъ одного очень извѣстнаго въ Семипалатинской области киргиза, не пожелавшаго, чтобы его фамилія была напечатана». Свѣдѣнія, сообщаемыя въ замѣткѣ о поколѣніяхъ и родахъ Средней киргизской орды, значительно разнятся отъ извѣстныхъ въ литературѣ и лишній разъ указываютъ на трудность возстановленія старой системы родового строя у киргизовъ Средней орды.

Ал. Ивановскій.

Dr. P. Rohrbach. Armenier und Kurden. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin». 1900, № 2—3.

Очень поверхностная статья, обнаруживающая въ авторѣ полное незнаніе литературы предмета и отсутствіе наблюдательности. Статья не содержитъ ни одного факта, могущаго имѣть какое-либо научное значеніе; странно ея появленіе въ изданіи такого солиднаго Общества.

Ал. Ивановскій.

Извѣстія и замѣтки.

Открытіе памятника на могилѣ проф. А. П. Богданова. 22-го апрѣля 1900 года состоялось въ Новодѣвичьемъ монастырѣ открытіе памятника на могилѣ бывшаго президента Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, заслуженнаго профессора Московскаго университета, Анатолія Петровича Богданова, скончавшагося 16-го марта 1896 г. На гранитномъ основаніи, имѣющемъ форму квадрата въ 2 арш., возвышается мраморный постаментъ, увѣнчанный большимъ крестомъ изъ чернаго полированнаго мрамора. Высота памятника — $5^1/_2$ аршинъ. Памятникъ, сооруженіе котораго обошлось около 3.000 рубл., исполненъ по рисунку проф. К. М. Быковскаго въ мастерской Кутырина и отличается строгой простотой и въ то же время изяществомъ. На лицевой сторонѣ постамента помѣщенъ мозаичный образъ Спасителя работы петербургской мастерской Фролова, ниже — изящная бронзовая вѣтвь работы скульпторовъ Пожильцова и Чернышева и надпись: «Анатолій Петровичъ Богдановъ. Родился 1-го октября 1834 г.—скончался 16-го марта 1896 г.». Съ задней стороны памятника на постаментѣ высѣчена золотыми буквами эпитафія, составленная самимъ покойнымъ: «Жилъ, вѣря въ Бога, ожидая Воскресенія и Страшнаго суда, любилъ Россію, университетъ, науку. Перешелъ въ тотъ міръ, надѣясь, что Богъ любви помилуетъ грѣшную душу, Ему всецѣло преданную и Его любившую, жившую для Его славы». Ниже, отдѣляясь чертой, вычеканена также золотыми буквами слѣдующая надпись: «Сей памятникъ заслуженному профессору Императорскаго Московскаго университета А. П. Богданову сооруженъ по почину Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи на средства названнаго Общества, а также Комитета Московскаго музея прикладныхъ знаній, Императорскаго Русскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній и Комитета шелководства Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, при участіи Обществъ: Императорскаго Московскаго Археологическаго, Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, Русскаго Энтомологическаго, Антропологическихъ—въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Флоренціи, Французскаго Зоологическаго, Императорскаго Вольнаго Экономическаго, Московскаго Общества птицеводства, Русскаго Общества птицеводства и многихъ частныхъ лицъ, товарищей, учениковъ и почитателей покойнаго».

Преподаваніе антропологіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Берлинскій профессоръ W. Waldeyer, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ расширенія преподаванія антропологіи въ университетахъ Германіи, въ своей рѣчи, произнесенной въ соединенномъ засѣданіи Нѣмецкаго и Вѣнскаго Антропологическихъ Обществъ, скомбинировалъ краткія данныя о каѳедрахъ антропологіи всего міра. Картина, получившаяся изъ бѣглаго про-

смотра этихъ данныхъ, по мнѣнію самого проф. Вальдейера, далеко не изъ утѣшительныхъ: во многихъ университетахъ совсѣмъ нѣтъ антропологическихъ чтеній, въ другихъ эти послѣднія не стоятъ на высотѣ, соотвѣтствующей первостепенной важности предмета; даже въ странахъ, гдѣ на преподаваніе антропологіи обращено большее вниманіе, и которыя мы привыкли считать образцовыми въ этомъ отношеніи, многое оставляетъ желать лучшаго и далеко отъ идеала. Данныя, приводимыя въ рѣчи проф. Вальдейера, несмотря на ихъ краткость и, можетъ-быть, нѣкоторую устарѣлость, настолько общеинтересны и поучительны, что мы рѣшаемся предложить ихъ вниманію русскихъ антропологовъ.

Въ Германіи въ 1898—99 академическомъ году въ 7 университетахъ (Эрлангенъ, Фрейбургъ, Гиссенъ, Грейфсвальдъ, Іена, Ростокъ и Вюрцбургъ) не было совсѣмъ антропологическихъ чтеній; изъ остальныхъ 13 въ 10 было только по одному курсу, большею частью одночасовому. Въ Геттингенѣ и Галле соотвѣтствующія чтенія носятъ названіе «Антропогеографіи» и, можетъ-быть, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ антропологіи; курсъ проф. Bezzenberger'а «Древности восточной Пруссіи», читаемый въ Кенигсбергѣ, едва ли можетъ служить замѣной общаго курса антропологіи. Въ Боннѣ проф. Ludwig читалъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1899 г. «Физическую антропологію», въ Бреславлѣ проф. Partsch—«Народовѣдѣніе Европы», въ Марбургѣ проф. Kretschmer — «Индогерманцы и доисторическое прошлое Европы», въ Тюбингенѣ проф. Sigwart—«Философію антропологіи», въ Лейпцигѣ проф. E. Schmidt—«Антропологическія упражненія» и въ Гейдельбергѣ проф. Klaatsch — курсъ «Антропологіи». Только въ Берлинѣ и Мюнхенѣ преподаваніе антропологіи поставлено на надлежащую высоту. Въ Мюнхенѣ единственный университетъ Германіи, который владѣетъ собственнымъ антропологическимъ институтомъ, состоящимъ подъ управленіемъ проф. І. Ранке. Институтъ снабженъ въ изобиліи инструментами и учебными пособіями, необходимыми для антропологическихъ упражненій, и имѣетъ свой вспомогательный персоналъ. Берлинъ занимаетъ первое мѣсто по числу и разнообразію антропологическихъ лекцій, читаемыхъ профессорами von-Luschan'омъ и W. Krause и прив.-доц. Rawitz'омъ; за-то онъ не имѣетъ своего самостоятельнаго института, подобнаго Мюнхенскому: часть чтеній и упражненій происходитъ въ Музеѣ Народовѣдѣнія, другая — въ анатомическомъ институтѣ.

Изъ программъ чтеній предыдущихъ годовъ можно извлечь еще слѣдующія данныя: проф. Emil Schmidt (Лейпцигъ) читалъ двухчасовой курсъ физической антропологіи, проф. Gerland (Страсбургъ) — этнологію, проф. Grosse (Фрейбургъ)—также этнологію и велъ этнографическій семинарій, проф. Bastian (Берлинъ)—этнологію.

Кромѣ того, въ высшей технической школѣ Дрездена была каѳедра географіи и этнографіи, и въ соотвѣтствующемъ учебномъ заведеніи Карлсруэ читались лекціи по антропологіи въ связи съ гигіеной.

Свѣдѣнія объ университетахъ другихъ странъ проф. Вальдейеръ заимствуетъ изъ академическаго ежегодника «Минерва», предупреждая, что они не отличаются желаемой полнотой; однако, и этихъ свѣдѣній совершенно достаточно, чтобы показать, что и въ другихъ странахъ дѣло преподаванія антропологіи поставлено не лучше, а во многихъ случаяхъ и хуже, чѣмъ въ Германіи.

Изъ 5 университетовъ Бельгіи только въ одномъ Брюссельскомъ «Université nouvelle» читается курсъ «Криминальной антропологіи».

Въ Софійскомъ университетѣ, въ Болгаріи, читается одинъ часъ въ недѣлю курсъ антропологіи.

Въ Даніи даже въ столь значительномъ университетѣ, какъ Копенгагенскій, совсѣмъ нѣтъ курса антропологіи.

Въ 12 университетахъ Франціи (Bordeau, Caën, Clermont-Ferrand, Dijon, Grenoble, Lille, Lyon, Montpellier, Nancy, Paris, Rouen, Toulouse) совсѣмъ не объявлено курсовъ по антропологіи. За-то Франція занимаетъ первое мѣсто послѣ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря своему большому и прекрасно поставленному Антропологическому Институту въ Парижѣ, основанному Брока (École et le Laboratoire d'Anthropologie). Личный составъ института состоитъ изъ директора Thulié и 10 профессоровъ; ежегодный бюджетъ—20,000 франковъ; прекрасная библіотека и лабораторія въ состояніи удовлетворить всѣмъ научнымъ требованіямъ. Въ институтѣ читаются слѣдующіе курсы: доисторическая археологія (Capitan), антропологія (M. Duval), этнологія (Hervé), біологическая антропологія (Laborde), этнографія (Lefèvre), соціологія (Letourneau). зоологическая антропологія (Mahoudeau), физическая антропологія (Manouvrier) и географическая антропологія (Schrader). Кромѣ того, въ Парижѣ, въ Музеѣ Естественной Исторіи, читаетъ лекціи антропологіи Hamy съ своимъ ассистентомъ Verneau и въ École libre des sciences politiques—лекціи географіи и этнографіи Gaidoz. Въ Ліонѣ читаютъ Chantre и Testut, въ Тулузѣ Cartailhac.

Великобританія и ея колоніи имѣютъ 18 университетовъ (12—въ Европѣ, 1—въ Индіи, 2—въ Канадѣ, 2—въ Австраліи); изъ нихъ въ Оксфордскомъ читаетъ лекціи изъ области антропологическихъ знаній Tylor, въ Кембриджскомъ—Duckworth, въ Дублинскомъ Trinity College—Cunningham и Brown. Въ Лондонѣ имѣется большое Антропологическое Общество. О колоніальныхъ университетахъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ Аѳинскомъ университетѣ Греціи антропологическихъ лекцій не читается.

Изъ 4-хъ голландскихъ университетовъ въ одномъ, Амстердамскомъ, преподается криминальная антропологія, въ другомъ, Лейденскомъ, — этнологія.

Въ Японскомъ университетѣ въ Токіо занятія по антропологіи ведутся проф. Shogoro Tsuboi.

Преподаваніе антропологіи въ Италіи находится приблизительно на той же высотѣ, что и въ Германіи. Въ 8 изъ 20-ти ея университетовъ обычно объявляются курсы антропологіи въ Неаполѣ—профессорами Nicolucci и Zuccarelli, въ Падуѣ — прив.-доц. Tedeschi; далѣе — въ Генуѣ, Моденѣ, Павіи, Римѣ, Туринѣ и Флоренціи; кромѣ того, въ высшей женской школѣ въ Римѣ проф. Levi читаетъ антропологію и гигіену. Въ трехъ университетахъ этой страны, въ Римѣ, Неаполѣ и Флоренціи, находятся самостоятельные антропологическіе институты, управляемые профессорами Sergi, Niccolucci и Montegazza. Во всѣхъ перечисленныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ профессоровъ, числится еще по 2—3 приватъ-доцента антропологіи.

Изъ 9 университетовъ Австро-Венгріи въ 3-хъ читаются лекціи по антропологическимъ наукамъ: въ Вѣнскомъ—докторомъ Hörnes'омъ (доисторическая археологія), Paulitschke (недавно скончался), Haberlandt'омъ (общая этнографія), проф. Tomaschek'омъ (этнографія), проф. M. Benedikt'омъ (краніологія); въ Будапештскомъ имѣется особый институтъ подъ управленіемъ Török'а; въ Пражскомъ читаютъ проф. L. Niederle и докторъ Matiegka.

Португальскій университетъ въ Коимбрѣ имѣетъ свой собственный антропологическій институтъ съ проф. Guimaraes во главѣ.

Испанскіе университеты не имѣютъ ни одного представителя антропологическихъ дисциплинъ.

Точно также нѣтъ антропологическихъ лекцій въ обоихъ университетахъ Румыніи.

Въ Россіи только Московскій университетъ имѣетъ свой антропологическій музей съ большими краніологическими и этнологическими коллекціями, собраніемъ инструментовъ и т. п. Во главѣ музея стоитъ проф. Д. Н. Анучинъ, занимающій въ университетѣ каѳедру географіи и антропологіи. Каждый осенній семестръ имъ читается курсъ «Антропологіи» (2 часа въ недѣлю) и непе
ріодически курсы «Этнологіи», «Этнографіи Россіи» и др. Практическія упражненія по антропометріи ведутся при содѣйствіи А. А. Ивановскаго. Въ связи съ антропологическимъ музеемъ стоитъ Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія, находящійся подъ предсѣдательствомъ проф. Анучина. Въ Петербургѣ послѣ смерти проф. Петри, читавшаго антропологію и этнографію, мѣсто лектора антропологіи занялъ прив.-доц. Д. А. Коропчевскій. При университетѣ также функціонируетъ Русское Антропологическое Общество; другое Антропологическое Общество въ Петербургѣ состоитъ при Военно-Медицинской Академіи подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Таренецкаго. Кромѣ того, имѣется большой этнографическій и антропологическій музей при Академіи Наукъ, во главѣ котораго стоятъ директоръ, акад. В. В. Радловъ и хранитель Д. А. Клеменцъ. Лекціи антропологіи читаются еще въ Харьковскомъ университетѣ проф. А. Н. Красновымъ и въ Новороссійскомъ — проф. И. Л. Яворскимъ.

Четыре университета Скандинавіи не имѣютъ особыхъ каѳедръ антропологіи. Только съ 1890 г. Nielson сталъ читать въ Христіаніи географію и этнографію. Въ Стокгольмѣ антропологія имѣетъ своихъ адептовъ въ лицѣ Montelius'a и другихъ профессоровъ большого антрополого-этнографическаго музея.

Изъ 5-ти швейцарскихъ университетовъ только въ Цюрихскомъ ведутся правильныя антропологическія чтенія: проф. Stoll въ зимнемъ семестрѣ читаетъ 2 — 3 часа этнологію; R. Martin, недавно назначенный экстраординарнымъ профессоромъ антропологіи, читаетъ общую и спеціальную физическую антропологію и ведетъ практическія занятія; кромѣ того, прив.-доц. Heierli читаетъ доисторическую археологію. Въ Лозаннѣ антропологію преподаетъ пр.-доц. Schenk.

Весьма многіе изъ 36 университетовъ Сѣв.-Америк. Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ каѳедры антропологіи: въ Нью-Іоркѣ ихъ двѣ— одна въ тамошнемъ Columbia-University, другая—въ патологическомъ институтѣ (Ira van Gieson); далѣе, антропологическія лекціи читаются въ Кембриджѣ (Harvard University), Нью-Гавенѣ (Yale-University), Чикаго, Рочестерѣ, Филадельфіи, Ворчестерѣ (Clark-University) и Вашингтонѣ; въ послѣднемъ находится большое антропологическое отдѣленіе знаменитаго Смитсоніанскаго института съ личнымъ составомъ изъ 10 человѣкъ.

Въ Южной Америкѣ только одинъ университетъ въ Лимѣ имѣетъ каѳедру антропологіи съ 2 профессорами; за-то имѣются довольно богатые антропологическіе музеи: въ Буэносъ-Айресѣ подъ управленіемъ Berg'a и въ Лаплатѣ подъ управленіемъ Moreno и Lehmann-Nietzsche.

Въ предлагаемомъ сухомъ и краткомъ перечнѣ университетовъ, давшихъ пріютъ антропологическимъ дисциплинамъ, не все, разумѣется, одинаково свѣжо и вѣрно, но во всякомъ случаѣ перемѣны не могутъ быть столь значительными, чтобы затемнить общую картину. Изъ этого перечня можно вывести только одно заключеніе, что университеты отводили до сихъ поръ слишкомъ мало мѣста антропологіи и что современное положеніе этой науки далеко не соотвѣтствуетъ тому, которое она должна занять по праву. Антропологическія, этнологическія и археологическія знанія имѣютъ важное значеніе и высокій научный интересъ не только для однихъ ученыхъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и для всѣхъ круговъ населенія, и потому они должны быть введены въ число учебныхъ предметовъ нашихъ общеобразовательныхъ школъ, какъ дисциплина, заслуживающая особаго вниманія въ виду расширяющихся торговыхъ и политическихъ сношеній народовъ Европы и внѣевропейскихъ странъ. Это особенно относится къ тѣмъ государствамъ, которыя имѣютъ колоніальныя владѣнія или мечтаютъ объ ихъ пріобрѣтеніи, которыя соперничаютъ съ другими могущественными колоніальными державами. Административные посты въ колоніяхъ могутъ быть поручаемы только лицамъ, хорошо знакомымъ съ антропологіей и этнологіей тѣхъ странъ, съ которыми имъ придется имѣть дѣло. Для достиженія этого идеала необходимо введеніе антропологическихъ наукъ, какъ обязательнаго предмета университетскаго преподаванія. Каждый университетъ долженъ имѣть свой антропологическій институтъ съ полнымъ ассортиментомъ учебныхъ матеріаловъ и научными коллекціями, съ профессоромъ—директоромъ института во главѣ и нѣсколькими ассистентами. Такой институтъ прежде всего долженъ заботиться объ антропологическомъ изученіи родины и ея колоній. Желательно также учрежденіе въ каждомъ государствѣ центральнаго научнаго учрежденія, подобнаго Сѣверо-Американскому Smithsonian Institution и французской École d'Anthropologie, соединеннаго также съ университетомъ для пользы самой науки, потому что ни одна область знаній не имѣетъ столькихъ точекъ соприкосновенія съ другими научными дисциплинами всѣхъ факультетовъ, какъ антропологія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ стѣнахъ университетовъ антропологія должна найти лучшій пріютъ и гарантіи дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія.

Сибирскій отдѣлъ Сѣверо-тихоокеанской экспедиціи, снаряженной Американскимъ музеемъ Натуральной Исторіи, при содѣйствіи Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Президентомъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и предсѣдателемъ Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Анучинымъ получено отъ членовъ названной экспедиціи В. Г. Богораза и В. И. Іохельсона письмо изъ С.-Франциско (отъ $^1/_{14}$ апрѣля 1900 г.) слѣдующаго содержанія: «Пользуемся промежуткомъ свободнаго времени, чтобы сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ и задачахъ Сибирскаго полярнаго отдѣла Сѣверо-тихоокеанской экспедиціи. Въ настоящее время отдѣлъ этотъ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ: В. И. Іохельсона, В. Г. Богораза, Нормана Бекстона и Александра Аксельрода. Американецъ Бекстонъ прикомандированъ къ намъ зоологическимъ департаментомъ Ньюіоркскаго музея Натуральной Исторіи въ качествѣ коллекціонера-зоолога. Онъ участвовалъ въ экспедиціи, снаряженной въ 1896 г. Филадельфійской Академіей Наукъ къ мысу Барро. Ал. Аксельродъ—швейцарецъ, студентъ Цюрихскаго политехникума, приглашенъ нами въ качествѣ помощника при производствѣ этнографическихъ и антропологическихъ работъ. Музей снабдилъ насъ также метеоро-

логическими и геологическими инструментами, и, насколько позволитъ намъ время, мы будемъ собирать матеріалы и по этимъ отдѣламъ. Г. Бекстону, кромѣ составленія зоологической коллекціи по Гижигинскому и Анадырскому округамъ, вмѣнено еще въ обязанность составить гербарій этихъ округовъ.

По общей инструкціи, данной намъ музеемъ, главною цѣлью экспедиціи является полное изслѣдованіе чукчей, коряковъ и юкагировъ съ точки зрѣнія этнологической, лингвистической и соматологической. Коллекціи экспедиціи должны охватить весь объемъ матеріальной и духовной жизни вышеупомянутыхъ племенъ. Кромѣ того, имѣется въ виду сдѣлать коллекцію антропологическихъ снимковъ и гипсовыхъ масокъ и произвести достаточное количество измѣреній. Для этой цѣли у насъ имѣется пять фотографическихъ аппаратовъ и 3.000 пластинокъ, два фонографа, два прибора антропометрическихъ инструментовъ системы проф. Боаза, матеріалы для масокъ и пр. По инструкціи музея является также желательнымъ изслѣдованіе сѣверо-восточныхъ тунгусовъ, камчадаловъ и азіатскихъ эскимосовъ, но составленіе подробныхъ плановъ предоставлено музеемъ на наше усмотрѣніе.

Въ Ньюіоркѣ мы провели три недѣли, занимаясь подготовленіемъ къ экспедиціи. За это время было организовано руководителемъ Сѣверо-тихоокеанской экспедиціи, проф. Боазомъ, рядъ собраній изъ находившихся въ Ньюіоркѣ членовъ экспедиціи и другихъ заинтересованныхъ лицъ для обмѣна мнѣній по вопросу объ изслѣдованіи племенъ обоихъ береговъ сѣверной части Тихаго океана. На этихъ собраніяхъ былъ прочитанъ рядъ рефератовъ, между прочимъ, проф. Боазомъ о нарѣчіяхъ западныхъ эскимосовъ, Іохельсономъ—объ юкагирскомъ языкѣ, Богоразомъ—о чукотскомъ и д-ромъ Лауферомъ—объ языкѣ айновъ. Д-ръ Лауферъ провелъ, въ качествѣ члена экспедиціи, два года на Сахалинѣ и въ устьѣ Амура, занимаясь изслѣдованіемъ гиляковъ, гольдовъ и айновъ. Теперь онъ вернулся въ Ньюіоркъ для обработки своихъ матеріаловъ и недавно прочелъ въ Ньюіорскомъ Этнологическомъ Обществѣ предварительный отчетъ о своихъ работахъ.

Въ матеріальномъ отношеніи нашъ отдѣлъ экспедиціи обставленъ весьма удовлетворительно. На однѣ полевыя работы отпущено около 15.000 долларовъ. Относительно коллекцій намъ поручено собрать по возможности больше дубликатовъ, которые президентъ Ньюіоркскаго музея, мистеръ Джезупъ намѣренъ послать въ даръ музею Императорской Академіи Наукъ.

Изъ С.-Франциско мы отправляемся 17-го апрѣля на Гонолулу, Іокогаму и Нагасаки и прибудемъ въ Владивостокъ въ первыхъ числахъ русскаго мая. Во Владивостокѣ мы закончимъ свои приготовленія къ экспедиціи. Наша кладь, состоящая изъ запасовъ, палатокъ, предметовъ для обмѣна и подарковъ, инструментовъ, пособій, аптеки, оружія и др. вещей, образуетъ грузъ въ 1.000 пудовъ. Изъ Владивостока нашъ отдѣлъ раздѣлится на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, подъ руководствомъ Богораза, отправится въ Анадырскій край и къ Берингову морю, другая, подъ руководствомъ Іохельсона,—въ Гижигинскій округъ. Обѣ партіи имѣютъ зимой 190⁰/₁ года съѣхаться, послѣ чего г. Богоразъ снова отправится на Чукотскій полуостровъ и закончитъ полевыя работы осенью 1901 года. Къ тому времени за нимъ придетъ спеціальный пароходъ. Г. Іохельсонъ имѣетъ окончить свои работы въ Гижигинскомъ округѣ лѣтомъ 1901 г., послѣ чего онъ долженъ черезъ Становой хребетъ перейти въ верховья р. Колымы для изслѣдованія или, скорѣе, для пополненія своихъ матеріаловъ объ юкагирахъ. Обратный путь въ Ньюіоркъ онъ совершитъ черезъ Якутскъ, Иркутскъ

и Петербургъ. По дорогѣ г. Іохельсону поручено составить якутскую коллекцію, для которой ассигнована спеціальная сумма.

Таковы въ общемъ планы нашего отдѣла Сѣверо-тихоокеанской экспедиціи. Передъ отъѣздомъ изъ Ньюіорка мы просили проф. Боаза посылать Вамъ копіи съ нашихъ подробныхъ дорожныхъ отчетовъ въ музей о ходѣ экспедиціонныхъ работъ».

Антропологія и медицина. Медицина, преслѣдуя съ первыхъ дней своего существованія по преимуществу практическія цѣли, долгое время изучала человѣческія болѣзни и средства противъ нихъ, не интересуясь вмѣстѣ съ тѣмъ вопросомъ о человѣкѣ вообще, его положеніи въ ряду другихъ существъ, его значеніи, происхожденіи, расовыхъ отличіяхъ и т. д. Въ настоящее время дѣло стоитъ, конечно, совершенно иначе: врачи начинаютъ все болѣе и болѣе интересоваться вопросами антропологіи; постепенно выдвигается впередъ и вопросъ о расовыхъ особенностяхъ въ физіологическихъ и психическихъ отправленіяхъ организма, о спеціальныхъ или преимущественныхъ болѣзняхъ расъ, объ особенностяхъ ихъ теченія и т. д. Наиболѣе широко заинтересованы вопросами антропологіи врачи—невропатологи и психіатры, создавшіе и разработавшіе вопросъ о психическомъ и физическомъ вырожденіи человѣчества, о значеніи наслѣдственности въ болѣзняхъ и т. д. Начавшееся въ Зап. Европѣ движеніе въ пользу изученія антропологіи врачами проникло и къ намъ, въ Россію. Помимо клиникъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, гдѣ отдѣльные вопросы антропологіи трактуются постоянно, изученіе вопросовъ о наслѣдственныхъ вліяніяхъ, о нѣкоторыхъ особенностяхъ строенія и функціи индивидуальныхъ и расовыхъ организмовъ и т. д. начинаетъ входить въ программу дѣятельности и другихъ клиникъ. У насъ, въ Москвѣ, можно въ этомъ отношеніи указать прежде всего на терапевтическую госпитальную клинику, ставящую задачу изслѣдованія индивидуальныхъ особенностей организмовъ очень широко.

Изъ періодическихъ изданій русской медицинской печати видное мѣсто антропологическимъ вопросамъ отводитъ журналъ «Вопросы нервно-психической медицины», издаваемый проф. И. А. Сикорскимъ въ Кіевѣ. Этотъ журналъ является пока единственнымъ изъ русскихъ медицинскихъ журналовъ, который болѣе или менѣе аккуратно слѣдитъ въ отдѣлѣ рефератовъ за новѣйшими работами по антропологіи. Нельзя не пожелать почтенному журналу дальнѣйшихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи, равно какъ и дальнѣйшихъ подражателей и продолжателей избраннаго имъ направленія. Такіе успѣхи являются въ настоящее время настоятельно необходимыми уже по одному тому, что чтеніе спеціальныхъ антропологическихъ работъ, по многимъ причинамъ, затруднительно для врачей, а о спеціальной каѳедрѣ антропологіи для студентовъ-медиковъ у насъ пока еще не слышно, и большинство русскихъ врачей до сихъ поръ выходитъ изъ университетовъ и проводитъ всю свою дальнѣйшую дѣятельность съ самыми смутными понятіями объ антропологіи, т.-е. о наукѣ, имѣющей прямой своей задачей познаніе и пониманіе какъ разъ тѣхъ сторонъ человѣческаго организма, съ которыми врачу приходится ежедневно сталкиваться въ его практической дѣятельности.

XII-й археологическій съѣздъ состоится въ Харьковѣ въ августѣ 1902 г. Предсѣдателемъ предварительнаго комитета съѣзда избранъ предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества, графиня П. С. Уварова, секретаремъ—секретарь того же Общества В. К. Трутовскій. Изъ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе съѣзда, отмѣтимъ слѣдующіе: Характеръ предметовъ бронзоваго вѣка, находимыхъ въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна

Днѣпра, и отношеніе ихъ къ бронзовой культурѣ Кавказа (В. Б. Антоновичъ); Слѣды печенѣговъ па Днѣстрѣ (Н. Е. Бранденбургъ); Мегалитическіе памятники въ Новороссійскомъ краѣ (Е. Н. Мельникъ); Скиѳскіе курганы и извѣстія древнихъ о скиѳахъ, преданіяхъ, повѣріяхъ и обрядахъ (Н. Ѳ. Сумцовъ); Вліяніе Византіи на Зап. Европу до Крестовыхъ походовъ (А. С. Вязигинъ); Обзоръ древне-греческихъ колоній на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей (В. М. Сысоевъ); Точное опредѣленіе района культурнаго вліянія греко-римскаго міра на народы юга Россіи по совокупности археологическихъ и историческихъ данныхъ (Э. Р. фонъ-Штернъ) и др.

Въ числѣ запросовъ, на которые желательно получить разъясненія на съѣздѣ, предлагаются слѣдующіе: Стоянки и мастерскія каменнаго вѣка въ бассейнѣ Дона и въ лѣвой половинѣ бассейна Днѣпра и ихъ характеристика; Что заключаютъ курганы съ каменными бабами, находящіеся въ придонскихъ степяхъ? (оба вопроса В. Б. Антоновича); Отношеніе днѣпровской культуры Трипольскаго типа къ дюнной неолитической культурѣ Евр. Россіи (В. А. Городцовъ); Типы славянскихъ кургановъ въ бассейнѣ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра: Сулы, Псла, Ворсклы и Орели, и типы кургановъ каменнаго вѣка въ южныхъ степяхъ отъ Днѣпра до Дона (Е. Н. Мельникъ); Формація румынъ Бессарабіи и Буковины (А. А. Кочубинскій); Кто были севрюки, упоминаемые въ актахъ XVII и начала XVIII вв., имѣющихъ въ виду Черниговскую область? Почему въ Москвѣ XVI — XVII вв. называли жителей южной Россіи черкасами, и нѣтъ ли связи между этими названіями и тождественнымъ съ нимъ названіемъ сѣверныхъ кавказскихъ горцевъ (оба запроса А. И. Соболевскаго); нѣсколько запросовъ о каменныхъ бабахъ и пр. Кромѣ археологической выставки предположено устроить во время съѣзда также этнографическую, долженствующую заключать въ себѣ матеріалы по исторіи культуры южно-русской народности, съ цѣлью отмѣтить видоизмѣненія культуры подъ вліяніемъ географическихъ перемѣнъ, пережитки старины и вліяніе сосѣднихъ народностей, а равно антропологическія данныя и памятники духовной культуры. Выставку предполагается затѣмъ превратить въ постоянное мѣстное учрежденіе—этнографическій музей Малороссіи.

Памятникъ Т. Гексли. Недавно въ Лондонѣ, въ музеѣ Естественной Исторіи, былъ торжественно открытъ памятникъ знаменитому натуралисту Т. Гексли въ присутствіи англійскихъ и иностранныхъ ученыхъ, родныхъ покойнаго и публики. Предсѣдательствовалъ на торжествѣ принцъ Уэльскій, который въ своей рѣчи напомнилъ, что ему 15 лѣтъ тому назадъ пришлось открыть въ этомъ же зданіи памятникъ Дарвину. Другіе ораторы, говорившіе на торжествѣ,—проф. Рэй-Ланкестеръ, Гукеръ, Фостеръ и др.,—также отмѣтили тѣсную связь между этими двумя именами—Гексли и Дарвина. Статуя Гексли—выше человѣческаго роста, сдѣлана изъ каррарскаго мрамора на пьедесталѣ изъ веронскаго мрамора. Гексли представленъ одѣтымъ въ академическую тогу и сидящимъ въ креслѣ; правой рукой онъ держится за ручку кресла, а лѣвая сжата въ кулакъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать при жизни во время дебатовъ.

Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи. 24-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Таренецкаго, состоялось послѣднее передъ лѣтними каникулами засѣданіе Общества, въ которомъ д-ръ *К. Е. Островскихъ* прочиталъ докладъ: «Къ этнографіи горныхъ кишлаковъ Самаркандской области. Кишлакъ Анзобъ послѣ чумной эпидеміи». Населеніе Анзоба и горныхъ кишлаковъ Самаркандской обл. составляютъ таджики—

очень миролюбивый народъ, занимающійся, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и лишь отчасти земледѣліемъ (воздѣлываютъ ячмень и пшеницу). Ячменныя и пшеничныя лепешки и молоко служатъ главными пищевыми средствами жителей. Несмотря на запрещеніе корана, крѣпкіе напитки распространены среди сартовъ, особенно въ кишлакахъ пригородныхъ. Сильно распространено куреніе опіума. Многоженство почти не встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ Анзобѣ. Докладчикъ видитъ немалое значеніе минувшей чумной эпидеміи для края въ томъ смыслѣ, что она заставила обратить серьезное вниманіе на санитарное состояніе кишлаковъ, которое до этого было крайне плачевно: на громадный Самаркандскій у., напр., имѣлся одинъ только врачъ; въ настоящее время предположено усилить это число до 5-ти на уѣздъ. Хотя охрана въ Туркестанскомъ краѣ къ 1-му іюля текущаго года и будетъ уничтожена, но афганская граница всегда будетъ грозить возможностью проникновенія заразы изъ Индіи. Свой докладъ д-ръ Островскихъ иллюстрировалъ многочисленными фотографическими снимками. Въ томъ же засѣданіи проф. *А. И. Таренецкій* демонстрировалъ различные предметы, поступившіе въ Общество.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ Отдѣла, происходившихъ 26-го апрѣля и 17-го мая, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. Н. Анучина, были доложены пять сообщеній: *К. И. Горощенко* — Антропологическій очеркъ езидовъ (содержаніе этого сообщенія будетъ напечатано въ слѣдующей книжкѣ журнала), *А. А. Ивановскаго*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по *Klaatsch*'у), *проф. А. Н. Краснова*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ, *Д. Н. Никольскаго*—О чукчахъ Колымскаго округа и *И. Н. Пантюхова*—О цвѣтѣ глазъ населенія Кавказа. Въ засѣданіи 26-го апрѣля произведены выборы членовъ Коммиссіи по присужденію преміи по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича и преміи и золотой медали имени почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова. Въ члены Коммиссіи, кромѣ президента Общества и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина, почетнаго члена проф. А. П. Разцвѣтова, секретаря Общества Г. А. Кожевникова и секретаря Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскаго, избраны: товарищъ предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Зерновъ, товарищъ предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла, Н. А. Янчукъ, П. А. Минаковъ, В. И. Васильевъ и А. Д. Элькиндъ. Въ томъ же засѣданіи 26-го апрѣля редакторомъ «Русскаго Антропологическаго Журнала» избранъ секретарь Отдѣла А. А. Ивановскій.

Денежныя средства, поступившія на изданіе „Русскаго Антропологическаго Журнала“. Въ засѣданіи Антропологическаго Отдѣла, 26-го апрѣля 1900 г., секретарь А. А. Ивановскій представилъ слѣдующій отчетъ о денежныхъ средствахъ, поступившихъ на изданіе «Русскаго Антропологическаго Журнала»: *1.000 руб.*—отъ П. А. Павлова; *по 100 руб.*—отъ Ю. И. Базановой, А. А. Ивановскаго, К. Т. Солдатенкова и графини П. С. Уваровой; *60 руб.*—отъ А. Д. Элькинда; *по 50 руб.*—отъ В. В. Воробьева, П. А. Минакова, проф. С. С. Корсакова и А. Л. Шанявскаго; *по 25 руб.*—отъ М. А. Веневитинова, Г. А. Джаншіева, А. А. Ильина, проф. А. Я. Кожевникова, С. Н. Лямина, Ѳ. А. Савей-Могилевича, В. М. Соболевскаго, NN (Казань) и А. А. Токарскаго; *20 руб.*—отъ Г. И. Россолимо; *по 15 руб.*—отъ Е. И. Кондратенко, В. Д. Коншина, И. Н. Пантюхова, проф. М. А. Попова и Ю. Д. Талько-Грынцевича; *по 10 руб.*—отъ А. И. Ахшарумова, І. И.

Баранова, графа А. А. Бобринскаго, М. П. Варравы, В. И. Васильева, проф. П. Г. Виноградова, Я. Д. Вышогрода, В. А. Гильченко, Н. В. Гильченко, князя В. М. Голицына, К. И. Горощенко, Г. Г. Дикгофа, проф. Н. Е. Жуковскаго, П. Г. Игнатова, Н. В. Калужскаго, проф. А. И. Кирпичникова, проф. И. Ф. Клейна, Г. А. Кожевникова, Н. А. Копьева, Н. И. Коротнева, проф. П. Н. Лебедева, Е. И. Луценко, Н. М. Мартьянова, проф. В. Ѳ. Миллера, Д. П. Рашкова, проф. Д. Я. Самоквасова, И. П. Силинича, А. А. Толстопятова, проф. Г. А. Халатьянца и Н. Л. Шабельской; *по 5 руб.*—отъ Г. Н. Габричевскаго, П. П. Кудрявцева, Н. Я. Никифоровскаго, В. А. Ряднова, Л. Д. Синицкаго, С. И. Сухоручкина, Ф. Ф. Шпейера и проф. В. С. Щегляева; *по 3 руб.*—отъ С. А. Вайсенберга, А. Э. Ворнса, Н. Я. Динника, А. Е. Крымскаго, Н. Н. Степаненко и И. В. Юркевича; *по 2 руб.*—отъ Н. К. Вальцова и С. П. Олферьева. *Всего—2.342 руб.*

Годъ 1-й. Кн. III.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

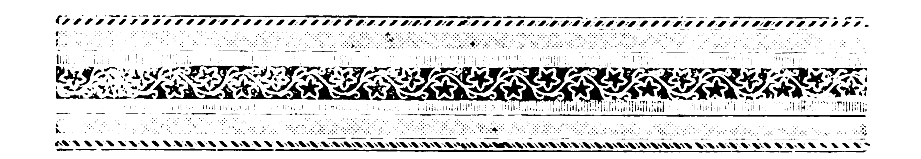
подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и Kº, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

I. О природныхъ условіяхъ и особенностяхъ Памира.

Согласно установившемуся въ два послѣднія десятилѣтія мнѣнію многихъ изслѣдователей этой страны, подъ Памиромъ разумѣю я ту часть бассейна Пянджа или верховій Аму-дарьи, долины и ущелья которой лежать около 12 т. фут. и выше надъ уровнемъ моря, а равно и бассейны примыкающихъ къ этой территоріи не имѣющихъ истоковъ озеръ не меньшей высоты. Границами Памира должны почитаться, въ общихъ чертахъ, на востокѣ, а также отчасти на сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ Сарыкольскій хребетъ (точнѣе водораздѣлы между аму-дарьинскимъ и таримскимъ бассейнами), на сѣверѣ—Заалайскій хребетъ, на западѣ же и отчасти на югѣ—линія, отдѣляющая Дарвазъ, Рошанъ, Шигнанъ и Ваханъ отъ Памира, по границѣ древесной растительности, около 12 т. фут. или немного ниже. При такомъ опредѣленіи [1]) и границахъ Памира, изъ предѣловъ его исключаются территоріи, принадлежащія таримскому бассейну, и сверхъ того лежащія ниже границы древесной растительности земли аму-дарьинскаго бассейна.

Въ намѣченныхъ такимъ образомъ границахъ, имѣя около 200 вер. протяженія съ востока на западъ и немного болѣе съ сѣвера на югъ, Памиръ является горнымъ поднятіемъ, поверхность котораго состоитъ главнымъ образомъ изъ почти вост.-западныхъ хребтовъ, соединяющихся между

[1]) Оно почти сходится съ „внутреннимъ Памиромъ“ Н. А. Сѣверцова, изъ состава котораго приходится исключить лишь его „нагорье Шигнанское“ („Орографическій очеркъ Памирской горной системы“, Спб., 1886 г. стр. 38—108), и съ „луговымъ Памиромъ“ Д. Л. Иванова („Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.“, 1884, стр. 250).

собою отрогами и раздѣляющихся долинами рѣкъ и озеръ. Такъ какъ долины не составляютъ десятой [1]), а по оцѣнкѣ нѣкоторыхъ хорошо знакомыхъ съ Памиромъ лицъ даже и тридцатой части [2]) общей поверхности страны, то называть Памиръ плоскогорьемъ съ нагроможденными хребтами и горными массивами было бы натяжкой и точнѣе причислять его къ переходнымъ между такимъ плоскогорьемъ и многохребетной горной страною типамъ рельефа [3]).

«Съ геологической точки зрѣнія» Памиръ «есть огромный массивъ, въ основѣ котораго лежатъ гранитныя и гнейсовыя породы. Развитіе послѣднихъ главнѣйше наблюдается въ южной половинѣ, гдѣ онѣ являются преобладающими. Сѣверная половина занята осадочными, часто сильно метаморфизованными породами, среди которыхъ лишь мѣстами обнажаются граниты». «Въ архитектоническомъ отношеніи памирскій массивъ представляетъ рядъ болѣе или менѣе параллельныхъ поднятій, образующихъ складки и сдвиги. Направленіе линій простиранія породъ главнѣйше западное; орографическія же линіи хребтовъ горныхъ цѣпей преимущественно совпадаютъ съ З.-Ю.-З. направленіемъ... т.-е. согласно общей линіи восточнаго Гиндукуша... Другое ясное направленіе... есть сѣв.-западное... главнымъ образомъ въ восточной половинѣ Памира... Это второе, сѣв.-западное поднятіе надо считать новѣйшимъ по отношенію къ первому... Оно проявилось не только въ линіяхъ простиранія палеозойскихъ и гнейсовыхъ породъ, но еще въ цѣломъ рядѣ гранитныхъ жилъ, прорѣзывающихъ основные граниты массива; оно же безъ сомнѣнія обусловило и образованіе восточно-окраинной цѣпи Кашгарскихъ горъ. Значеніе этого поднятія... было весьма важно въ исторіи дальнѣйшей геологической жизни Памира и окрестныхъ странъ. Памиръ оно замкнуло съ В. огромной линіей горъ, достигающихъ своими многочисленными вершинами до 20 слишкомъ тысячъ футовъ; продолженіе къ сѣверу послужило началомъ раздѣленія Алайскаго пролива отъ Восточнаго моря». «Слѣды, оставленные на Памирскомъ массивѣ бывшими ледниками, позволяютъ безошибочно утверждать, что явленія ледниковаго періода были здѣсь необыкновенно грандіозны и, безъ сомнѣнія, выражались въ видѣ сплошного ледяного покрова, изъ-подъ котораго выступали лишь линіи высочайшихъ гребней... Наступившій за ледниковымъ періодомъ озерный еще болѣе повліялъ» на произведенное ледниками разрушеніе верхнихъ горныхъ породъ и из-

---

1) The Pamirs and the Source of the Oxus, by George Curzon. London, 1896. p. 16.

2) „Очеркъ Памира“ инж.-капитана Серебренникова въ „Военномъ Сборникѣ“, 1899 г., іюль, стр. 219.

3) Н. А. Сѣверцовъ. „Орографич. очеркъ Памирской горной системы“, 1886 г., стр. 19.

мѣненіе поверхности Памира, «затянувши моренныя отложенія озерными осадками значительной мощности» [1]).

Таковы нѣкоторыя главныя черты изъ геологической исторіи Памира, которая обнимаетъ, вѣроятно, сотни тысячелѣтій. Исторія человѣческой жизни на Памирѣ, по имѣющимся пока для нея достовѣрнымъ извѣстіямъ, простирается лишь на два съ небольшимъ тысячелѣтія, въ продолженіе которыхъ природныя условія Памира не могли измѣниться сколько-нибудь значительно, такъ какъ для совершенія въ нихъ существенныхъ перемѣнъ требуются долгіе періоды времени. Такъ, «поднятіе Памира, начавшееся еще въ силурійскій періодъ, продолжается и въ настоящее время» [2]), но, конечно, совершается весьма медленно, какъ всѣ геологическія явленія. Величина поднятія юго-западныхъ береговъ Финляндіи опредѣлена, по 20-лѣтнимъ наблюденіямъ, въ 55,2 сант. на сто лѣтъ [3]), что даетъ 5,52 метра на тысячелѣтіе, 11,04 метр. въ 2 тыс. лѣтъ. Конечно, горы поднимаются скорѣе, чѣмъ берега Финляндіи. Можно допустить, что Памиры поднялись въ 2 т. лѣтъ въ 10 разъ больше, т.-е. на 110,4 м. или 362,22 фут., но едва ли было бы вѣроятнымъ предположить въ 100 разъ большее возвышеніе Памира, т.-е. 1.104 метра или 3.622,11 фут. [4]), потому что такой ростъ Памира вызвалъ бы значительное измѣненіе къ худшему природныхъ условій Памира, тогда какъ, по описаніямъ китайскихъ паломниковъ, ѣздившихъ чрезъ эту страну въ Индію 1.500—1.250 лѣтъ тому назадъ, условія эти почти не измѣнились или перемѣнились лишь въ малой степени. Во всякомъ случаѣ, ознакомленіе съ главными природными условіями Памира для растительной и животной жизни въ настоящее время дастъ болѣе или менѣе близкое представленіе объ условіяхъ существованія на Памирѣ и людей въ послѣднія два тысячелѣтія.

[1]) „Краткій отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ на Памирѣ“ (въ 1883 г.) Д. Л. Иванова въ „Зап. И. Р. Минер. Общ.“, часть 22, Спб., 1886 г., стр. 255—259, 263—265. По И. В. Мушкетову, „Памиръ, повидимому, представляетъ собою область, гдѣ сходятся и отчасти пересѣкаются двѣ громадныя системы хребтовъ Азіи: Тянь-шань и Гималаи, чѣмъ и объясняется двойственный характеръ хребтовъ, который наблюдается на всей Памирской выси: одни имѣютъ сѣв.-восточное направленіе, характерное для Тянь-шаня, другіе—сѣв.-западное, Гималайское. Перваго рода хребты рельефно выражаются на сѣверныхъ предѣлахъ Памира, вторые—на югѣ; точно также и всѣ большія долины имѣютъ двоякое направленіе“ („Памиръ и Алай“ въ „Живописной Россіи“, изд. Вольфа, томъ X, Спб., 1885 г., стр. 306). „Вся Памирская высь—эта т. наз. колыбель рода человѣческаго—сложена изъ осадковъ, сравнительно новыхъ въ геологическомъ отношеніи“ (тамъ же, стр. 330).

[2]) Н. А. Сѣверцовъ, „Орогр. очеркъ Пам. горн. сист.“, стр. 381.

[3]) „Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 373.

[4]) По свѣдѣніямъ Керзона (The Pamirs etc., p. 81), Н. А. Сѣверцовъ полагалъ, что Памиръ въ послѣднія 12 т. лѣтъ поднялся на 600 футовъ. Безъ сомнѣнія, это не болѣе, какъ предположеніе. Къ сожалѣнію, указанія Керзона на источники его свѣдѣній по этому предмету неопредѣленны и частію ошибочны, самому же мнѣ въ трудахъ Сѣверцова ничего подобнаго не встрѣчалось.

Условія растительной жизни на Памирѣ сводятся главнымъ образомъ къ температурѣ и количеству атмосферныхъ осадковъ, для животной же жизни, сверхъ того, къ количеству подножнаго корма и вліянію высокаго положенія надъ уровнемъ моря. О климатѣ Памира мы имѣемъ данныя устроенной въ 1893 г. въ Памирскомъ укрѣпленіи метеорологической станціи за полные четыре года, именно 1894, 1895 [1], 1897 и 1898, въ «Лѣтописяхъ Главной Физической Обсерваторіи» за эти года. Средняя температура оказалась за 1894 г.—1,9° Ц., 1895 г.—0,8°, за 1897 и 1898 г.г. по—1,5°; maximum температуры за эти четыре года замѣчался отъ 25° до 27,3°, а minimum отъ—41,8° до—46, 7° Ц. Температура Памира замѣчательна рѣзкими переходами: въ теченіе самаго теплаго мѣсяца короткаго лѣта, іюля, температура падаетъ ночами нерѣдко ниже 0° и замерзаетъ вода [2]). Еще неблагопріятнѣе условія Памира въ отношеніи атмосферныхъ осадковъ. Количество ихъ составило въ 1894 г. всего 51,0 мил., въ 1895 г. 37,4 мм., въ 1897 г. 81,4 мм. и въ 1898 г. 41,9 мм. [3]), въ среднемъ же за четыре года 52,9 милл., тогда какъ на ближайшей къ Памиру метеорологической станціи въ укр. Иркештамѣ, на верховьяхъ Кашгаръ-дарьи, на высотѣ въ 8.540 ф., количество осадковъ равнялось въ 1898 г. 172,8 милл. («Лѣтоп. Гл. Физ. Обсерв.» за 1898 г.) и даже въ одной изъ бѣднѣйшихъ атмосферными осадками мѣстностей Россіи, въ Петро-Александровскѣ, въ низовьяхъ Аму-дарьи, среднее количество годовыхъ осадковъ, по даннымъ за 16 лѣтъ, опредѣлилось въ 73,6 милл., колеблясь по годамъ отъ 19,3 мм. до 134,7 мм. [4]) Дней съ осадками отмѣчено на Памирскомъ посту въ указанные четыре года отъ 23 до 41 въ годъ, въ томъ числѣ со снѣгомъ отъ 13 до 32. Дней съ бурями показывалось отъ 61 до 97. Вѣтры преобладаютъ Ю.-З. и С.-В., а за ними Ю. и С.; такъ въ 1898 г. о Ю.-З. 190 отмѣтокъ, о С.-В. 157, о Ю. 157 и о С. 106; отмѣтокъ затишья сдѣлано отъ 160 до 513 въ годъ.

Памирскій постъ расположенъ почти въ географическомъ центрѣ Памира, но на западной его окраинѣ и близко къ наименьшей его высотѣ, около 12 т. ф.; сверхъ того, на климатъ его оказываютъ вліяніе топографическія условія, значительно, впрочемъ, разнообразныя во всѣхъ мѣстностяхъ Памира. Вслѣдствіе этого, хотя приведенныя точныя данныя

---

[1]) Въ 1896 г. наблюденія не производились въ теченіе одного мѣсяца, а потому годовыхъ выводовъ сдѣлать нельзя.

[2]) „Очеркъ Памира“ капит. Серебренникова въ „Воен. Сборн.“ 1899 г., авг., стр. 446. Въ іюлѣ нынѣшняго 1900 г., на оз. Зоркулѣ (Викторіи), проф. Станкевичъ констатировалъ ночами морозы въ—4° Ц.(„Туркест.Вѣдом.“,отъ 10 авг.).

[3]) По мѣсяцамъ выпало въ 1898 г. наиболѣе осадковъ въ январѣ—10,5 милл., апрѣлѣ 9,4 мм., маѣ 10,1 мм. и въ іюлѣ 7,6 мм.

[4]) „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьинской обл.“, т. 8, Ташкентъ, 1900 г., статья О. А. Шкапскаго: „Земледѣліе и пр. въ Шураханскомъ участкѣ“, стр. 20.

метеорологической станціи характеризуютъ въ среднемъ климатъ Памира вообще, но для разныхъ мѣстностей неизбѣжно существуютъ болѣе или менѣе значительныя отступленія. Наиболѣе извѣстны въ этомъ отношеніи отступленія въ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, особенно снѣга. Тогда какъ около Памирскаго укрѣпленія слой снѣга, покрывающаго зимою долину, не превышаетъ четверти аршина, случается, что въ другихъ долинахъ глубина снѣга доходитъ до двухъ аршинъ, а на склонахъ горъ даже до двухъ саженъ; особенно глубокій снѣгъ, какого не запомнятъ туземцы, выпалъ въ 1896 г. въ юго-восточной части Памира [1]). Причины накопленія снѣга въ извѣстныхъ мѣстностяхъ заключаются, впрочемъ, главнымъ образомъ не столько въ бо́льшемъ количествѣ атмосферныхъ осадковъ, сколько въ топографическихъ условіяхъ и въ направленіи вѣтровъ, причиняющихъ снѣжные наносы. Слишкомъ малое количество атмосферной влаги и осадковъ на Памирѣ зависитъ прежде всего отъ несомнѣннаго недостатка влажности въ Средней Азіи вообще, недостатка, медленно, но постоянно увеличивающагося. Исчезновеніе Восточнаго и Западнаго морей, занимавшихъ средину материка Азіи, какъ свидѣтельствуютъ геологическіе факты, показываетъ, что Средняя Азія получаетъ изъ океановъ менѣе влажности, чѣмъ отдаетъ. Однако и изъ имѣющагося остатка Памиръ получаетъ слишкомъ малую долю, такъ какъ съ сѣвера Алайскій и Заалайскій хребты, съ востока Кашгарскій и Сарыкольскій и съ юга Хиндукушъ осаждаютъ на своихъ высяхъ большую часть влажности, приносимой съ этихъ трехъ сторонъ; притокъ атмосферной влажности получается такимъ образомъ Памиромъ главнѣйше лишь съ запада, изъ Арало-каспійской низменности, куда текутъ его воды, но и съ этой стороны горы Бадахшана, Дарваза, Рошана и Шигнана перехватываютъ большую часть влажности.

Холодный климатъ и рѣзкія перемѣны температуры въ продолженіе слишкомъ короткаго лѣта ведутъ за собою невозможность успѣшнаго роста и созрѣванія хлѣбовъ, а равно и существованія на Памирѣ древесной растительности. Растительная жизнь на Памирѣ представляется только немногочисленными травянистыми растеніями, могущими переносить рѣзкіе переходы температуры и ночные заморозки даже въ іюлѣ. Памирская флора настолько скудна количествомъ видовъ, что ботаники англійской памирской разграничительной коммиссіи 1895 г., несмотря на всѣ свои старанія, могли собрать лишь 115 видовъ [2]). Существованіе травяной растительности дозволяетъ жизнь на Памирѣ травоядныхъ животныхъ, а съ ними и человѣка, но пространства пастбищъ, особенно

[1]) „Очеркъ Памира“ кап. Серебренникова въ „Воен. Сборн.“, 1899 г., авг., стр. 448.

[2]) Report on the proceedings of the Pamir boundary commission by Major-General M. G. Gerard etc., 1896, Calcutta, 1897, p. p. 1, 57 etc.

зимнихъ, значительно на Памирѣ ограничены вслѣдствіе недостатка атмосферныхъ осадковъ. По этой причинѣ растительный покровъ образуется только въ низменныхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ, а также у ключей, большая же часть поверхности Памира или совсѣмъ лишена растительности или имѣетъ крайне рѣдкую и лишь въ продолженіе краткаго теплаго времени года. «Лучшимъ доказательствомъ ограниченности мѣстъ подножнаго корма служитъ то обстоятельство, что киргизы кочуютъ зимою только въ слѣдующихъ мѣстахъ: у озера Б. Каракуля, въ Рангъ-кульской котловинѣ, въ устьѣ Акъ-Байтала, на Кошъ-агылѣ и Акташѣ, и вверхъ по Аксу, верстъ на 20 выше впаденія Беика» [1]). Однако не всѣ домашнія травоядныя животныя могутъ разводиться на Памирѣ. По произведенному въ октябрѣ 1892 г., при переписи памирскихъ киргизовъ, исчисленію скота оказалось у 227 кибитокъ (1.055 душъ об. пола) 1.703 яка, 20.580 барановъ и овецъ, 383 верблюда и 280 лошадей. «Коровы и лошади, благодаря тяжелымъ климатическимъ условіямъ, не родятся на Памирѣ; телята и жеребята не выживаютъ, вслѣдствіе чего первыхъ на Памирѣ совсѣмъ не имѣется, а вторые исключительно приводные изъ Ферганы и съ Алая» [2]).

Можно предполагать, что плохо переносящія обитаніе на Памирѣ животныя подвергаются отчасти слѣдствіямъ разрѣженности воздуха или горной болѣзни, отъ которой страдаютъ на Памирѣ люди. Явленія и причины горной болѣзни пока мало изслѣдованы. Обыкновенно полагаютъ, что причиною болѣзненныхъ явленій на большихъ высотахъ служитъ не уменьшеніе давленія воздуха, равное на уровнѣ моря 76 сант., а на вершинѣ Монблана (4.810 метр., выше Памирской метеорологической станціи, лежащей на высотѣ 3.658 м.), оказывающееся лишь въ 38 сант., т.-е. вдвое меньшимъ, а уменьшеніе въ томъ же объемѣ воздуха количества кислорода. Въ прошломъ году туринскій профессоръ А. Моссо [3]), на основаніи опытовъ, произведенныхъ въ разрѣженномъ воздухѣ пневматической камеры, пришелъ къ заключенію, что причина горной болѣзни состоитъ въ уменьшеніи въ крови углекислоты, происходящемъ, вѣроятно, отъ разлагающаго дѣйствія убавленія барометрическаго давленія на нѣкоторые бикарбонаты, содержащіеся въ крови; объясненіе это подтверждалось тѣмъ, что, по введеніи въ пневматическую камеру углекислоты, находящійся въ камерѣ этой субъектъ, ощущавшій головную

---

[1]) „Памиры“ ген. шт. капитана Кузнецова въ „Сборникѣ матеріаловъ по Азіи“, вып. 56, 1894 г., стр. 8 и 9. Къ лучшимъ же пастбищамъ принадлежатъ долины Аличура, а также Бол. и Мал. Памировъ, но въ продолженіе 4—6 мѣсяцевъ долины эти покрываются глубокимъ снѣгомъ (тамъ же, стр. 8).

[2]) „Памиръ и Памирскія ханства“ инж.-кап. Серебренникова въ „Инжен. Журн.“, 1894 г., стр. 1425.

[3]) Acapnie et le mal des montagnes, par Angelo Mosso, въ „Revue générale des sciences“, № 5, Mars, 1899.

боль и затрудненіе дыханія, сразу чувствовалъ облегченіе. Теорія Моссо встрѣтила возраженія [1]), опирающіяся, между прочимъ, на анализы, несомнѣнно показывавшіе сильное уменьшеніе въ крови на большихъ высотахъ кислорода и слабое убавленіе углекислоты, а также на тотъ извѣстный фактъ, что горная болѣзнь уступаетъ отдыху или, по крайней мѣрѣ, уменьшается подъ его вліяніемъ, тогда какъ, по завѣреніямъ Моссо, болѣзненныя явленія въ пневматической камерѣ усиливаются при абсолютномъ покоѣ. Во всякомъ случаѣ опыты и теорія Моссо напомнили, что причины горной болѣзни еще далеко не изучены и не выяснены. Китайцы приписываютъ горную болѣзнь «зловреднымъ испареніямъ» въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ [2]). Это казавшееся страннымъ объясненіе горной болѣзни, повидимому, встрѣчаетъ нѣкоторое подтвержденіе въ завѣреніяхъ нѣсколькихъ лицъ, участвовавшихъ въ движеніяхъ нашихъ отрядовъ чрезъ Памиры, о томъ, что горная болѣзнь обнаруживается съ большею силою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, значительно менѣе возвышенныхъ, чѣмъ на близ-лежащихъ перевалахъ и горахъ. Таковы, напр., долина озера Зоръ-куля или Викторіи, окрестности переваловъ Андеманынъ и Тетерь-су и пр. Проводники—киргизы хорошо знаютъ эти мѣста и часто заранѣе предупреждаютъ. По мнѣнію кап. Серебренникова, «имѣетъ большое значеніе присутствіе въ этихъ мѣстахъ болотъ, испаренія отъ которыхъ, наполняя собою и безъ того рѣдкій и бѣдный кислородомъ воздухъ, дѣлаютъ его вреднымъ для дыханія» [3]). Такое объясненіе загадочнаго явленія, можетъ быть отчасти и не лишенное основаній, слишкомъ однако неопредѣленно и неясно. Во всякомъ случаѣ и тутъ необходимы научныя изслѣдованія.

О вліяніи природныхъ условій Памира на временныхъ его обывателей могутъ дать понятіе наблюденія и свѣдѣнія доктора Н. Н. Третьякова, по заключеніямъ котораго люди всѣхъ выставлявшихся въ 1892—1894 гг. на Памиръ отрядовъ «страдали въ большей или меньшей степени отъ разрѣженности воздуха, но сильнѣе всего это отразилось на первомъ отрядѣ», который, не успѣвъ нисколько акклиматизироваться и утомленный непривычными движеніями въ горахъ, сильно страдалъ отъ горной болѣзни. Во всѣхъ отрядахъ сверхъ того появлялась цынга. По мнѣнію доктора Третьякова, движенія отрядовъ на Памирѣ могутъ быть совершаемы безъ развитія большой болѣзненности лишь при перевозкѣ

---

[1]) Le mal des montagnes, par A. Dastre, въ „Revue des deux mondes“, 1899, 1 Septembre, p. p. 217—228.

[2]) По изданной въ 1823 г., подъ заглавіемъ „Си-юй-шуй-дао-цзи“, гидрографіи Китайскаго Туркестана, Керійскія горы (т.-е. горы въ верховьяхъ Керія-дарьи) „издаютъ зловредныя испаренія, такъ что люди ни зимой, ни лѣтомъ не могутъ чрезъ нихъ переѣзжать“ (В. М. Успенскаго „О бассейнѣ Лобъ-нора“ въ „Запискахъ И. Р. Геогр. Общ., по отд. этнографіи“, томъ 6, Спб., 1880 г., стр. 129)

[3]) „Очеркъ Памира“ въ „Военн. Сборн.“, 1899 г., авг., стр. 445.

отстающихъ на лошадяхъ, при облегченіи носимыхъ людьми тяжестей, при сокращеніи нарядовъ въ караулы и при уменьшеніи величины переходовъ, съ частыми притомъ отдыхами [1]). Постоянный обитатель Памира, киргизъ, по словамъ того же д-ра Третьякова, на видъ «худощавъ, нерѣдко съ набухшими, легко кровоточащими деснами, зубною болью, разнаго рода невральгіями, особенно гастральгіей, катарральнымъ конъюктивомъ (повидимому, отъ ослѣпленія, благодаря снѣгу и сильнымъ вѣтрамъ съ пылью), съ потрескавшимися губами и т. п.» [2]). Природныя условія Памира столь же неблагопріятны для размноженія людей, какъ и для разведенія лошадей и рогатаго скота (кромѣ яковъ и барановъ): «новобрачныхъ на медовый мѣсяцъ, а также женщинъ для акта родовъ они (киргизы) посылаютъ въ менѣе высокія мѣста» [3]), внѣ предѣловъ Памира. Имѣвшія случаи много лѣтъ посѣщать Памиръ лица сомнѣваются въ существованіи естественнаго прироста населенія вслѣдствіе перевѣса рожденій надъ смертностью [4]).

2. Нѣсколько словъ о мотивахъ и задачахъ настоящаго изслѣдованія.

Итакъ, по природнымъ условіямъ Памира, вслѣдствіе невозможности земледѣлія и малаго количества пастбищъ, особенно зимнихъ, на немъ можетъ обитать лишь незначительное кочевое населеніе, занимающееся разведеніемъ яковъ, овецъ и козъ, страдающее отъ болѣзней, порождаемыхъ неблагопріятными свойствами страны, и, можетъ быть, неимѣющее перевѣса рожденій надъ смертностью. Такъ какъ природныя условія Памира вообще мало измѣнились въ послѣднія два тысячелѣтія, за которыя существуютъ о немъ историческія свѣдѣнія, то и во весь историческій періодъ населеніе Памира могло состоять лишь изъ небольшого числа скотоводовъ-кочевниковъ. Засимъ, раздѣляя востокъ Средней Азіи отъ запада, Памиръ являлся преимущественно преградой для сообщеній между ними, вслѣдствіе трудностей прохода чрезъ него, а потому великія народныя переселенія и завоевательныя движенія исключительно направлялись по сѣверной сторонѣ Тяньшаня, а не чрезъ Вост. Туркестанъ, торговыя же сообщенія производились преимущественно по долинамъ верховья Кашгаръ-дарьи и верхней Сыръ-дарьи, пересѣкая такимъ образомъ горную страну соединенія Памира съ Тяньшанемъ въ самомъ узкомъ ея про-

[1]) „Къ вопросу объ акклиматизаціи“. Дисс. на ст. д-ра мед. П. Н. Третьякова, Спб., 1897 г., стр. 109 и 111. Пробывшіе на Памирѣ 14½ мѣс. нижніе чины гарнизона первой смѣны потеряли въ вѣсѣ въ среднемъ каждый по 3,724 килогр. (стр. 92).

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) Тамъ же, стр. 94.

[4]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженер. Журн.“, 1894 г., стр. 1428.

странствѣ, если политическое состояніе прилегающихъ къ этой дорогѣ мѣстностей не побуждало предпочитать болѣе кружные и менѣе удобные пути чрезъ Тяньшань или чрезъ Каратегинъ. Чрезъ Памиръ, правда, лежали кратчайшіе пути для сообщеній между Вост. Туркестаномъ и Китаемъ, съ одной стороны, и Индіею, съ другой, но трудности этихъ путей были столь велики, что торговое движеніе по нимъ было ничтожно, и нужно было такое исключительное обстоятельство, какъ распространеніе въ Китаѣ индійскаго буддизма, чтобы по нимъ установилось на нѣкоторое время движеніе буддійскихъ паломниковъ, численно, впрочемъ, остававшееся незначительнымъ.

Однако самая труднодоступность Памира и неизвѣстность вслѣдствіе того истинныхъ природныхъ его условій, въ связи съ нахожденіемъ на немъ верховій Аму-дарьи, а въ прилегающихъ странахъ вершинъ главныхъ вѣтвей Тарима и истоковъ Инда, дали фантазіи обитавшихъ на западѣ отъ Памира иранцевъ и на югѣ индо-арійцевъ побужденіе окружить эту невѣдомую высь ореоломъ чудеснаго и таинственнаго и обратить, въ нѣкоторыхъ позднихъ легендахъ и толкованіяхъ или варіантахъ болѣе раннихъ миѳологій, въ жилище боговъ и прародину людей. Когда въ началѣ XIX стол. началось въ Европѣ изученіе уцѣлѣвшихъ памятниковъ санскритской и зендской литературы и возникло сравнительное языкознаніе, то въ числѣ другихъ увлеченій явилась теорія о первоначальной прародинѣ индо-европейскихъ народовъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, откуда и произошло разселеніе индо-зрійцевъ въ Индію, иранскихъ племенъ въ Иранъ и остальныхъ индо-европейскихъ племенъ въ Европу. По словамъ одного изъ главныхъ основателей и авторитетовъ этой теоріи или гипотезы Клапрота, «нѣкоторыя слабыя указанія историческія, сравненіе языковъ, древнія преданія, скрывавшіяся въ индусской миѳологіи, и наконецъ нѣкоторыя физіологическія свѣдѣнія о племенахъ восточной Азіи заставляютъ думать, что центръ этой части свѣта (Азіи) былъ, въ очень отдаленную эпоху, занятъ предками всѣхъ индо-германскихъ народовъ. Какое-то происшествіе, причинъ котораго мы не знаемъ, разсѣяло эту расу на югъ, на западъ и даже на сѣверъ и востокъ» и т. д. [1]). До какой степени были недостаточны, вслѣдствіе поверхностнаго или неудовлетворительнаго изученія, «слабыя указанія историческія», на которыя опиралась гипотеза, видно, для примѣра, изъ того, что на стр. 132—134 цитированной книги Клапротъ весьма положительно признавалъ юечжей народомъ тибетскимъ, въ концѣ же книги, на стр. 287—289, сталъ уже утверждать, что «вѣроятно» впалъ въ ошибку и что юечжи не тибетскаго происхожденія и принадлежатъ къ бѣлокурой, т. е. индо-европейской расѣ. Сравнитель-

---

[1]) Tableaux historiques de l'Asie etc., par J. Klaproth, Paris, 1826, p. p. 161 — 162.

ное языкознаніе сдѣлало послѣ временъ Клапрота большіе успѣхи, но не дало доказательствъ вѣрности его гипотезы; напротивъ, господствующія въ настоящее время гипотезы о прародинѣ индо-европейцевъ не въ Азіи, а въ Европѣ (на Волгѣ, на Дунаѣ, у Карпатовъ и пр.) зиждутся, между прочимъ, на лингвистическихъ основаніяхъ. Главнѣйшее изъ «преданій», которое имѣлъ въ виду Клапротъ, а еще болѣе его позднѣйшіе послѣдователи, заключается въ 1 фаргардѣ Вендидада (въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ Авесты), въ которомъ исчисляются 16 превосходныхъ странъ («мѣстъ благодати» по прежнимъ переводамъ), созданныхъ Аурамаздомъ. Первою изъ этихъ странъ названа Airyanem Vâejô, орошаемая (рѣкою) Vanuhi Dâitya, второю «долина, гдѣ обитаютъ Sughdha» (Согдъ), третьей Môuru (Мервъ), четвертой Bâkhdhi (Бактра, Балхъ), пятой Nisâya, которая расположена между Моуру и Бакхдхи» и т. д. [1]). Приверженцы гипотезы прародины индо-европейцевъ на верховьяхъ Амударьи помѣстили первую «страну благодати» на Памиръ, считая, что при разселеніи оттуда иранцы послѣдовательно занимали Согдъ, Бактрію, Мервъ и т. д. Въ настоящее время выяснено, что упомянутое исчисленіе есть не болѣе, какъ картина географіи Ирана въ эпоху составленія данной части Авесты, картина притомъ неполная, такъ какъ не упоминаются области, которыя, по неизвѣстнымъ причинамъ, были менѣе интересны для составителя: нѣтъ, напр., Персіи. Airyanem Vâejô тотъ же новѣйшій переводчикъ и изслѣдователь Авесты, которому принадлежитъ это мнѣніе, признаетъ за Карабагъ, древній Арранъ, а Vanuhi Dâitya считаетъ за р. Араксъ [2]). Наконецъ, «физіологическія свѣдѣнія» Клапрота, по которымъ всѣ народы, имѣющіе свѣтлую окраску кожи, волосъ и глазъ, непремѣнно индо-европейцы, оказались несостоятельными, потому что, помимо финновъ, принадлежащихъ, несмотря на свѣтлую окраску, къ урало-алтайской расѣ, въ восточной части Средней Азіи существовала особая, какъ признаютъ антропологи, длинноголовая раса со свѣтлою окраскою кожи и волосъ, съ зелеными или голубыми глазами (динлины, аины).

Окончательно несостоятельность гипотезы о прародинѣ индо-европейскихъ племенъ на Памирѣ была признана уже въ 70-хъ годахъ и съ того времени почти не имѣетъ послѣдователей, кромѣ, конечно, случайныхъ дилетантовъ, въ родѣ покойнаго В. М. Флоринскаго, незнакомыхъ съ движеніемъ науки по исторіи Средней Азіи позднѣе Клапрота и Риттера. Однако, и не будучи прародиной индо-европейцевъ или всего человѣчества, Памиръ имѣетъ немаловажный интересъ въ этническомъ отношеніи, какъ страна, на окраинахъ которой сходились и сталкивались въ продолженіи

---

[1]) Le Zend-Avesta, traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique, par James Darmesteter, Paris, 1892, vol. II, p. p. 1—15.

[2]) Тамъ же, p. p. 1, 2, 5, 6. Написана Авеста, по заключенію того же ученаго, между I вѣкомъ до Р. Х. и IV послѣ Р. Х. (тамъ же, vol. III, 1893, p. VI).

тысячелѣтій частицы четырехъ изъ числа великихъ отдѣловъ или семействъ народовъ, или расъ человѣчества, именно индо-арійской, иранской, тюркской и тибетской, оставивъ притомъ здѣсь къ настоящему времени своихъ представителей въ видѣ небольшихъ народцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые сохранили въ значительной степени свой коренной типъ и даже свои нарѣчія, притомъ въ архаической формѣ, другіе же являются помѣсями, утратившими свои прежніе языки въ пользу преобладающаго въ сосѣднихъ странахъ языка тюркскаго. Такими народцами являются на южной окраинѣ Памира, въ странахъ по южнымъ склонамъ Хиндукуша, принадлежащія индо-арійской народности племена Канджута, Балтистана, долины Инда, Гилгита, Ясина, Читрала и, вѣроятно, кафиры; на западѣ отъ Памира въ Ваханѣ, восточномъ Бадахшанѣ, въ Шигнанѣ, Дарвазѣ и Каратегинѣ, и, сверхъ того, въ Сарыколѣ племена восточныхъ иранцевъ; на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ и на самомъ Памирѣ племена тюркскія; наконецъ, на востокѣ, именно въ бассейнѣ р. Тизнафа и отчасти Яркендъ-дарьи, народецъ, говорящій нынѣ на тюркскомъ нарѣчіи, но представляющій собою, повидимому, отуреченныхъ тибетцевъ или тибетоидныхъ аборигеновъ. Изъ нихъ народцы группъ индо-арійской и иранской уже подвергнуты начальнымъ и неполнымъ лингвистическимъ и весьма еще слабымъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, для изученія же остальныхъ не сдѣлано пока почти ничего, равно какъ и для антропологическаго изслѣдованія всѣхъ этихъ народцевъ. Кромѣ лингвистическихъ, этнографическихъ и антропологическихъ изслѣдованій, для выполненія которыхъ потребуется много времени и силъ, такъ какъ фактическая сторона требуетъ собиранія данныхъ на мѣстахъ, необходимо и историческое изученіе этническихъ отношеній на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ. Это историческое изученіе встрѣчало до недавняго времени большія затрудненія въ неимѣніи о географіи, природѣ и этническомъ положеніи Памира почти никакихъ свѣдѣній, кромѣ китайскихъ, весьма скудныхъ и не отличавшихся ни ясностью, ни полнотою, ни даже отчасти достовѣрностью. Въ послѣднія три десятилѣтія географія Памира и прилегающихъ странъ сдѣлалась въ главныхъ чертахъ, а мѣстами и въ подробностяхъ, извѣстною, благодаря многочисленнымъ европейскимъ путешественникамъ, съемкамъ, астрономическимъ и гипсометрическимъ опредѣленіямъ и пр.

Въ настоящемъ трудѣ я именно и желаю сдѣлать опытъ изложенія и критическаго изученія и объясненія историческихъ извѣстій о Памирѣ и непосредственно прилегающихъ къ нему странахъ, главнымъ образомъ съ этнической ихъ стороны, притомъ преимущественно извѣстій, заключающихся въ китайской исторіи, насколько источники ея имѣются въ переводахъ на европейскіе языки. Извѣстія эти обнимаютъ время съ I стол. до Р. Х. по VIII в. послѣ Р. Х. включительно и являются, по большей части, единственными и никакими другими незамѣнимыми, потому что у

западныхъ писателей не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній по исторіи столь отдаленныхъ отъ Европы и запада Азіи странъ, извѣстія же мусульманскихъ писателей начинаются преимущественно лишь съ VII в. по Р. Х., т. е. со времеми завоеванія Персіи и Мавераннагра арабами. Хотя и китайскія извѣстія далеко не столь точны и полны, какъ это было бы желательно, тѣмъ не менѣе въ совокупности своей они даютъ настолько ясное представленіе объ этническихъ отношеніяхъ на Памирѣ и въ смежныхъ странахъ, что сильно облегчатъ составленіе очерка дальнѣйшей исторіи этническихъ отношеній до нашего времени на основаніи и тѣхъ рѣдкихъ, случайныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, которыя встрѣчаются по этому предмету въ разныхъ восточныхъ и западныхъ источникахъ.

Большая часть географическихъ и другихъ именъ, которыя встрѣтимъ мы въ древнихъ извѣстіяхъ, теперь не тѣ или неузнаваемы въ китайской транскрипціи. Вслѣдствіе этого для пріуроченія такихъ именъ къ нынѣшнимъ мѣстностямъ,—безъ чего правильное пониманіе и объясненіе древнихъ историческихъ извѣстій невозможно,—необходимо пользоваться всѣми, по возможности, указаніями историческихъ извѣстій о разныхъ природныхъ особенностяхъ упоминаемыхъ владѣній и мѣстностей, о разстояніяхъ между ними, о расположеніи относительно другъ друга и т. под. Поэтому, прежде изложенія и разсмотрѣнія историческихъ извѣстій, я нашелъ полезнымъ помѣстить краткія географическія свѣдѣнія о прилегающихъ къ Памиру земляхъ, а также о путяхъ чрезъ Памиръ и прилегающія страны и о разстояніяхъ. Свѣдѣнія эти приводятся лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требуются для предположенной цѣли. Нѣкоторыя дополнительныя подробности и данныя будутъ сообщаемы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется нужнымъ.

3. Нѣкоторыя краткія географическія свѣдѣнія о непосредственно прилегающихъ къ Памиру земляхъ. Пути чрезъ Памиръ и смежныя страны, разстоянія.

Орошаемая западною р. Кызылъ-су долина Алай имѣетъ протяженія около 150 в.; ширина ея въ верхнемъ концѣ у перевала Тау-Мурунъ (11,200 ф.), отдѣляющаго отъ восточной р. Кызылъ-су (вершина Кашгаръ-дарьи), опредѣляется около 8 вер., въ нижнемъ концѣ, у ур. Большой Карамукъ (7,740 ф.), съуживается до 1 вер., въ самыхъ же широкихъ мѣстахъ доходитъ до 16—17 вер. [1]). Продолженіе долины Кызылъ-су, получающей тутъ названіе Сурхаба, составляетъ, на протяженіи около

[1]) П. С. Назаровъ, „Поѣздка на Памиръ“ въ „Землевѣдѣніи“, 1896 г., кн. I, стр. 115. Не имѣя возможности приводить въ краткомъ очеркѣ всѣ источники, я ограничиваюсь указаніемъ важнѣйшихъ, иногда же лишь тѣхъ, въ которыхъ больше сконцентрированы нужныя данныя.

165 вер., **Каратегинъ**; долина эта на-много менѣе широка, чѣмъ Алайская, и мѣстами сильно съуживается, отчего, хотя существуютъ пути по обоимъ берегамъ рѣки, дорога мѣстами сильно затрудняется узкими тропинками и тяжелыми подъемами и спусками [1]). На Алаѣ и въ Каратегинѣ атмосферные осадки вообще обильны и снѣга выпадаютъ столь глубокіе, что сплошное сообщеніе крайне затруднительно или прекращается. По Алаю и Каратегину проходитъ «важный путь, соединяющій Вост. Туркестанъ,... Бухару, Мекку и Медину, и въ теплое время года по этому тракту проѣзжаетъ и проходитъ множество купцовъ и паломниковъ» [2]). Съ половины мая Алай служитъ прекраснымъ пастбищемъ для значительной части киргизовъ Ферганской обл., но зимуетъ здѣсь, притомъ лишь въ нижней части, вслѣдствіе глубины снѣговъ, лишь около 250 кибитокъ кара-киргизовъ, имѣющихъ тутъ и небольшія пашни [3]). Травы въ горахъ Каратегина «богаты и представляютъ отличныя пастбища» [4]) лѣтомъ, но хорошихъ зимовокъ мало. Населеніе Каратегина опредѣляется отъ 51 т. д. о. п. [5]) до 60 т. [6]), въ томъ числѣ 3 т. д. кара-киргизовъ въ восточной части страны. Послѣдніе, кромѣ скотоводства, имѣютъ и пашни, остальное же населеніе, называемое **галча**, какъ и прочіе осѣдлые горцы иранскаго корня, скота держитъ мало, все занимается земледѣліемъ. Урожай хлѣба самъ-5, вслѣдствіе истощенности почвы (Арендаренко). Часть хлѣба вывозится на верхній Зеравшанъ и въ Дарвазъ [7]). За неимѣніемъ значительныхъ предметовъ сбыта и промышленности населеніе бѣдно и большинство ходитъ лѣтомъ на заработки въ Фергану и Ходжентъ (Васильевъ, стр. 21).

Обитаемыя въ непосредственно прилегающихъ къ Памиру съ запада странахъ мѣста расположены: въ **Дарвазѣ** по Пянджу и притоку Вахшаба р. Хингъ-обу, въ **Шинганѣ** по Пянджу и его притокамъ Ванчу, Язгулему, Бартангу (долина этой рѣки и ея притоковъ именуется Рошa-

---

[1]) По словамъ автора „Тринадцатимѣсячнаго пребыванія русскаго отряда въ Каратегинѣ" П. Юхновскаго („Изборникъ Развѣдчика", т. 7, 1897 г., стр. 78), хотя два русскихъ полковника благополучно проѣхали лѣтомъ 1896 г. по Каратегину, но „для изобрѣтенія временныхъ тропинокъ трудились заблаговременно десятки сотенъ народа"; однако, „самыя услужливыя и заботливыя власти Бухары (Каратегинъ находится въ бухарскомъ управленіи) не въ состояніи ничего подѣлать противъ атмосферическихъ и природныхъ явленій, и... устранить опасности во время проѣзда по осыпямъ, подъемамъ, карнизамъ и балконамъ врядъ-ли кто, кромѣ Бога, въ состояніи". Глубина снѣговъ бываетъ до восьми аршинъ.

[2]) Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи" и пр., С.-Пб., 1899 г., т. I, стр. 128.

[3]) Н. С. Назаровъ, тамъ же, стр. 116, и стр. 139 дополненія ред.

[4]) „Краткое статист. описаніе Каратегина" капит. Васильева (1887 г.) въ „Сборн. матеріал. по Азіи", вып. 33, 1888 г., стр. 16.

[5]) Указанная статья кап. Васильева, стр. 15.

[6]) Г. А. Арендаренко, „Дарвазъ и Каратегинъ" (въ 1882 г.) въ „Военн. Сборн.", 1883 г., ноябрь, стр. 157.

[7]) В. Н. Ошанинъ, „Каратегинъ" (1878 г.) въ „Изв. И. Р. Географ. Общ.", 1881 г., стр. 46.

номъ) [1]), Гунту и Шахъ-дарѣ (короткое соединенное теченіе послѣднихъ называется Хорогомъ) и въ Ваханѣ по Пянджу и верховью его Ваханъ-дарьѣ. Все это скорѣе ущелья, чѣмъ долины, узкія и глубокія, съ слишкомъ незначительнымъ количествомъ удобной для какихъ-либо культуръ земли и съ недостаточными пастбищами. Ущелья эти раздѣлены притомъ высокими и трудно-проходимыми хребтами. «Количество атмосферныхъ осадковъ зимой и лѣтомъ весьма значительно» въ Дарвазѣ [2]), да не менѣе и въ остальныхъ перечисленныхъ странахъ въ Пянджу. По недостатку пастбищъ скотоводство во всѣхъ этихъ странахъ очень незначительно: хлѣба также производится мало, такъ что населеніе, особенно въ Дарвазѣ, питается главнымъ образомъ тутовыми ягодами, изъ которыхъ на зиму заготовляется мука. Болѣе пашенъ и пастбищъ въ Ваханѣ. Населеніе, состоящее исключительно изъ галча, всюду бѣдно. «Отсутствіе питательной пищи вредно отзывается на здоровьи жителей: они блѣдны, худы, малокровны и недолговѣчны» (Покотило, стр. 499). «Рушанъ—это страна нищихъ» [3]). На Язгулемѣ «жители очень бѣдны. Мясо ѣдятъ какъ рѣдкость, потому что мало скота, соли почти нѣтъ. Пшеницу, ячмень и просо сѣютъ въ незначительномъ количествѣ по недостатку земли... Болѣзненность развита сильно, особенно лихорадки и зобъ» [4]). Населеніе Дарваза оцѣняется отъ 30 т. д. (Покотило, 496) до 40 т. (Арендаренко, 157), Рошана въ 1,779 д. (Ванновскій, 86), Шигнана (1894 г.) безъ Рошана въ 3,779 д. [5]) и Вахана до 1,700 д. [6]).

Описанныя смежныя страны принадлежатъ къ аму-дарьинскому бассейну, какъ и самый Памиръ. Съ остальныхъ сторонъ Памиръ окруженъ Сарыколомъ, воды котораго направляются къ Тариму; именно сѣверная его часть входитъ въ составъ бассейна р. Гези или Ямань-яра, южная же обнимаетъ бассейнъ Тагдынбашской рѣки и нижняго теченія Раскема. Сарыколъ вообще значительно обильнѣе атмосферными осадками, чѣмъ Памиръ, хотя уступаетъ Алаю [7]), Дарвазу и пр. По высотѣ положенія (10,700 ф. около входа Гези въ ущелье, которымъ она вырывается изъ Сарыкола въ долину Кашгаріи) сѣверный Сарыколъ пригоденъ лишь для кочевыхъ скотоводовъ. Южный Сарыколъ или Ташкурганскій округъ состоитъ

---

[1]) Ген штаба капит. Ванновскій въ „Сборн. матер. по Азіи", вып. 56, стр. 73—125.

[2]) Н. Н. Покотило, „Путешествіе въ центральную и восточную Бухару въ 1886 г.", въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.", 1889 г., стр. 497.

[3]) „Извлеченіе изъ отчета ген. штаба капитана Ванновскаго о рекогносцировкѣ въ Рушанѣ и Дарвазѣ 1893 г." въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 56, 1894 г., стр. 86.

[4]) „Обзоръ работъ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ, исполненныхъ въ 1898 г." въ „Военн. Сборн.", 1900 г., апр., стр. 93.

[5]) „Очеркъ Памира" кап. Серебренникова въ „Военн. Сборн.", 1899 г., авг., стр. 466.

[6]) Капитанъ Путята, „Очеркъ экспедиціи" 1883 г. въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 10, 1884 г., стр. 64.

[7]) Свенъ Techинъ, „Въ сердцѣ Азіи" и пр., С.-Пб., 1899 г., т. I, стр. 136.

изъ долинъ Ташкургана, Тагармы, Вача или Уча, Туна и пр., лежащихъ на высотѣ около 10 т. фут. и ниже, на которыхъ существуютъ древесная растительность и земледѣліе; верховья Тагдынбаша являются лишь пастбищами вслѣдствіе высоты надъ уровнемъ моря, хотя атмосферные осадки обильны и ползучіе кустарники тала, по словамъ Б. Л. Громбчевскаго, попадаются уже съ 13.650 ф. [1]). О численности населенія Сарыкола сколько-нибудь полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ, но, вѣроятно, оно составляетъ около 10 т. душъ, въ томъ числѣ большая часть осѣдлые жители, и изъ нихъ большинство сарыкольцы, говорящіе нарѣчіемъ, близкимъ къ шинганскому.

Лежащая къ востоку отъ южнаго Сарыкола въ бассейнѣ р. Тизнафа горная страна населена особымъ народцемъ, который, повидимому, является отуреченнымъ потомствомъ древнихъ тибетоидныхъ аборигеновъ. Отличительныя природныя особенности страны этой заключаются, между прочимъ, въ томъ, что С.-В.—Ю.-З. простираніе хребтовъ восточной ея части измѣняется въ С.-З.—Ю.-В. въ западной. «Такой двойственный характеръ орографіи горъ выразился и въ крайнемъ расчлененіи отдѣльныхъ хребтовъ; часто невозможно опредѣлить простираніе орографическихъ гребней, такъ какъ горы въ иныхъ мѣстахъ представляютъ группы пиковъ и вершинъ, уловить между которыми орографическую связь невозможно... Въ связи съ характеромъ горъ находится и совершенное отсутствіе здѣсь продольныхъ долинъ при исключительномъ развитіи діагонально-поперечныхъ, постоянно переходящихъ въ непроходимыя ущелья, каковы, напр., низовья всѣхъ лѣвыхъ притоковъ Тизнафа» [2]). Атмосферные осадки, повидимому, рѣдки въ этой странѣ, за исключеніемъ іюля и августа мѣсяцевъ, когда, какъ въ Хотанскихъ и Керійскихъ горахъ, выпадаютъ обильные дожди [3]). По недостатку удобныхъ земель мѣстные горцы, всего около 1.500 дворовъ, хлѣбопашество имѣютъ небольшое, главное же занятіе ихъ состоитъ въ овцеводствѣ; остального скота, за неимѣніемъ подходящихъ пастбищъ, держатъ мало [4]).

Благодаря вообще малому или умѣренному паденію своихъ долинъ, соединяющихся притомъ между собою невысокими большею частію, а нерѣдко и пологими перевалами или водораздѣлами чрезъ отдѣляющіе ихъ хребты, высящіеся надъ долинами до 1 — 5 т. ф., Памиръ не пред-

[1]) „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 452.

[2]) К. И. Богдановичъ въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 474. Замѣчательно также отсутствіе всякихъ слѣдовъ древнихъ ледниковъ, но оказался существующій незначительный ледникъ на вершинѣ Малгымъ-Баша, на высотѣ около 16—17 т. ф. (тамъ же, стр. 475).

[3]) См. ненапечатанные еще дневники Б. Л. Громбчевскаго, іюль, 1890 г., когда дожди и ливни сильно задерживали его движеніе въ горахъ бассейна Тизнафа.

[4]) Тамъ же, и „Вѣсти изъ экспедиціи Б. Л. Громбчевскаго“ въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1890 г., стр. 94 и слѣд.

ставляетъ большихъ затрудненій для вьючныхъ путей на значительнѣйшей долѣ своего пространства. Но пути въ прилегающихъ къ Памиру съ запада горныхъ странахъ принадлежатъ преимущественно къ весьма труднымъ и опаснымъ, такъ какъ идутъ по болѣе или менѣе узкимъ тропамъ въ глубокихъ, тѣсныхъ и скалистыхъ ущельяхъ, съ крутыми подъемами и спусками, иногда по осыпямъ, во многихъ же мѣстахъ по искусственно устроеннымъ изъ дерева и камня карнизамъ и подвѣшеннымъ на прутяныхъ канатахъ или утвержденнымъ на деревянныхъ подпоркахъ и пр. балконамъ [1]). Значительную часть пути,—особенно по Пянджу, гдѣ всякія трудности и опасности значительнѣе и распространеннѣе,—приходится проходить пѣшкомъ; вьюки часто переносятся на рукахъ; крутизны и опасности подъемовъ и спусковъ иногда таковы, что безъ помощи привычныхъ и выносливыхъ мѣстныхъ жителей путники не въ состояніи преодолѣвать ихъ [2]). Главныя неудобства путей на югъ отъ Памира, по спускѣ съ переваловъ черезъ Хиндукушъ,—между которыми нѣкоторые сравнительно весьма удобопроходимы,—находятся въ ущельяхъ южныхъ склоновъ Хиндукуша, движеніе по которымъ сначала сильно затрудняется ледниками въ ихъ вершинахъ, а затѣмъ такими же условіями, которыя свойственны путямъ по ущельямъ рѣкъ на западѣ отъ Памира, только проявляются здѣсь, въ долинѣ Ярхуна, по которой идетъ кратчайшая дорога въ Пишаверъ и Индію, въ нѣсколько меньшей степени. Пути на сѣверъ и сѣв.-востокъ отъ Памира имѣютъ свои затрудненія, главнымъ образомъ, въ болѣе или менѣе высокихъ перевалахъ черезъ Заалайскій и Сарыкольскій хребты и въ рядахъ такихъ переваловъ чрезъ Кашгарскій хребетъ. Кратчайшій путь на востокъ отъ Памира (къ Хотану) по Тагдынбашу и Яркендъ-дарьѣ до выхода ея изъ горъ совершенно непроходимъ, такъ какъ Тагдынбашъ, по заворотѣ его изъ Ташкурганской долины на востокъ, а потомъ и Яркендъ-дарья текутъ въ узкомъ и скалистомъ ущельи, не дающемъ мѣста для дороги. Вслѣдствіе этого пути отъ Памира на востокъ весьма кружны и затрудняются многими перевалами, изъ которыхъ нѣкоторые на зимнее время заваливаются снѣгами.

---

[1]) Инж.-кап. Серебренниковъ такъ описываетъ карнизы, по мѣстному авринги: „Поверхъ жердей укладываются куски каменныхъ плитъ и такимъ образомъ получается искусственная тропа, ширина которой мѣстами едва превышаетъ три четверти аршина". „По несравненно больше трудностей и риска представляетъ движеніе по висячимъ балконамъ, устраиваемымъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится обходить совершенно вертикальную скалу. Балконы висятъ надъ самой водой, иногда на высотѣ 20—25 саж., и состоятъ изъ нѣсколькихъ бревенъ, частью упирающихся на колья, вбитыя въ расщелины скалы, а частью подвѣшенныхъ посредствомъ вицъ къ кольямъ, вбитымъ въ расщелины скалы на два съ половиною—три аршина выше балкона" („Очеркъ Памира" въ „Военн. Сборн.", 1899, ноябрь, стр. 231).

[2]) „Обзоръ работъ астрономическихъ, геодезическихъ и топографическихъ, исполненныхъ въ 1898 году", въ „Военн. Сборн.", 1900 г., апр., стр. 83.

Обращаясь къ направленіямъ главныхъ путей изъ смежныхъ странъ чрезъ Памиръ и къ разстояніямъ, начнемъ съ указанія, что главный и наиболѣе удобный путь изъ Ферганы идетъ изъ г. Оша чрезъ перевалъ Талдыкъ, долину Алая и перевалъ Кызылъ-аиртъ въ укр. Памирское, всего разстояніемъ въ 389 вер., въ томъ числѣ послѣдняя станція Сарыташъ, на спускѣ отъ пер. Талдыкъ въ долину Алая, отстоитъ отъ Оша на 177 в. [1]). «Дорога отъ Памирскаго поста до г. Ошъ, благодаря значительнымъ средствамъ, отпущеннымъ отъ казны, и трудамъ инженеровъ, настолько разработана на всемъ своемъ протяженіи въ 397 вер., что въ текущемъ (1898) году были случаи переѣзда по ней отъ Оша на Памирскій постъ не только на телѣгахъ, но и въ конныхъ арбахъ» [2]). Значитъ, протяженіе дороги (противъ 389 в. по маршруту 1894 г.) увеличилось на 8 в. Такъ какъ перевалъ Талдыкъ закрывается для движенія на 2—3 мѣсяца вслѣдствіе заноса снѣгами, то зимою на это время прекращается и сообщеніе, почты же, съ значительными прерывами, доставляются тогда джигитами, съ большими трудностями, чрезъ перевалъ Тенгизбай (съ низовьевъ Алая въ Маргеланъ) [3]). Удобнѣйшій путь отъ поста Памирскаго на югъ, къ Хиндукушу, легко могущій быть обращеннымъ въ колесный, лежитъ вверхъ по долинѣ р. Аксу и Мал. Памиру; тутъ отъ поста Памирскаго до Кызылъ-рабата на рѣкѣ Аксу, близъ границы между русскими и авганскими владѣніями (Михманъюлъ), 122 в. и отсюда по Мал. Памиру, чрезъ Бозай-гумбезъ (75 в.) и по Ваханъ-дарьѣ до селенія Сархада, противъ Барагылскаго перевала въ Читралъ 138 в., итого отъ укр. Памирскаго до Сархада 260 в., а всего отъ Оша до Сархада 649 [4]) или съ добавкою 8 верстъ 657 в.

Кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ на Памиръ изъ Кашгара является дорога чрезъ Ташмаликъ, ущелье р. Геза, китайское укрѣпленіе Булюнъ-куль, перевалъ Чонъ-Китай (въ Сарыкольскомъ хребтѣ, около 14 т. ф.), ур. Беляули и постъ Рангъ-кульскій, до котораго отъ Кашгара всего 214 в. [5]); отсюда до укр. Памирскаго около 45 в., такъ что отъ Кашга-

---

[1]) Капит. Серебренникова „Памиръ и Памирскія ханства“ въ „Инженерн. Журн.“ за 1894 г., стр. 1553.

[2]) „Обзоръ работъ“ и пр. въ „Военн. Сборн.“, 1900 г., апрѣль, стр. 84. Однако, проѣзжавшій въ іюнѣ—іюлѣ изъ Оша г. Н. Федоровъ нашелъ, что „выпавшій (предшествовавшей зимою) снѣгъ причинилъ массу вреда т. наз. алайской (она же памирская) дорогѣ, которая съ первыхъ вер тъ отъ Гульчи размыта и испорчена мѣстами до неузнаваемости“... „Экипажи придется переносить на рукахъ, въ особенности подъ Талдыкомъ и на Талдыкѣ“ („Туркест. Вѣд.“, 1900 г., 20 іюня).

[3]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженерн. Журн.“, 1894 г., стр. 1550 и 1551. Свенъ Гединъ, „Въ сердцѣ Азіи“, т. I, стр. 128.

[4]) Кап. Серебренниковъ, стр. 15'4, гдѣ разстояніе отъ Оша до Бозай-Гумбеза исчислено въ 586 в. Отъ Бозай-Гумбеза до Сархада 42 англ. мили (The Pamirs and the sourse of the Oxus, by George N. Curzon, London. 1896, p. 58), или 63 в., а потому отъ Оша до Сархада составится 649 в.

[5]) Шт.-кап. Бедряга, „Рекогносцировка путей“ и пр., въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 33, 1894, стр. 63—72.

ра до поста Памирскаго оказывается около 260 в. Прежде дорога по Гезу была доступна лишь въ маловодье, зимою, и сообщеніе производилось въ остальное время года черезъ перевалъ Улугъ-артъ [1]). Послѣ постройки китайцами на Гезѣ мостовъ въ ущельи, Кашгаръ ведетъ всю торговлю съ Канджутомъ, Ваханомъ, всѣмъ Памиромъ и нашимъ отрядомъ исключительно по дорогѣ чрезъ Гезъ [2]).

На востокъ отъ Памирскаго поста до рабата Акташъ 119 вер. и отсюда чрезъ перевалы Незаташъ и Стунъ (въ Сарыкольскомъ хребтѣ) до Ташкургана 50 в., итого 169 в. [3]). По другому маршруту, гдѣ отъ укр. Памирскаго до рабата Акъ-Таша 106 в. [4]), отъ укр. Памирскаго выйдетъ до Ташкургана 156 в.

По вѣрному замѣчанію одного китайскаго писателя (1823 г.), Ташкурганъ, который онъ называетъ Сэлэкулемъ (т.-е. Сарыколомъ), «составляетъ главный центръ сообщеній (Вост. Туркестана и Китая) съ югозападными странами» [5]). Вѣрно это особенно для древности, когда существовала южная дорога изъ Китая чрезъ Лобъ-норъ и Хотанъ, но и теперь въ Ташкурганѣ сходятся дороги со стороны Яркенда и Хотана за Хиндукушъ и въ Бадахшанъ.

Съ Кашгаромъ лучшее сообщеніе Ташкургана идетъ чрезъ Гезъ, именно чрезъ долину Тагармы, перевалъ Улугъ-рабатъ, мимо озера М. Каракуля, до Булунъ-куля 105 в. [6]) и отсюда чрезъ ущелье Геза до Кашгара 140 в. (по шт.-кап. Бедрягѣ), итого изъ Ташкургана до Кашгара 245 вер. По другому болѣе трудному пути чрезъ Кашгарскій хребетъ, именно отъ Ташкургана чрезъ Шинди, Чиль-Гумбезъ, Кинколъ, Янгихиссаръ въ Кашгаръ, разстояніе опредѣляется всего въ 287 вер. [7]).

Упомянемъ еще, что, кромѣ пути изъ Ташкургана въ Ошъ чрезъ постъ Памирскій (156 в. + 389 в.) въ 545 в., есть пройденный Д. В. Путятою путь чрезъ Булунъ-куль (105 в.), ур. Мужи (60 в.), мимо Б. Ка-

[1]) Д. Л. Ивановъ, „Памиръ" въ журн. „Новь", 1885 г., № 23, стр. 334. Перевалъ Улугъ-артъ найденъ Свеномъ Гединомъ въ іюлѣ 1895 г. очень крутымъ, а спускъ съ него головоломнымъ; тяжести переносили отчасти на рукахъ, хотя наняты были яки; спустился онъ къ ур. Мужи („Въ сердцѣ Азіи", т. 2, стр. 2 — 9).

[2]) Шт.-кап. Бедряга, указ. книга, стр. 39. Разстояніе отъ поста Памирскаго до Кашгара по дорогѣ чрезъ долину Марканъ-су опредѣлено въ 425 в. (тамъ же, стр. 40, 46—57). Отъ ур. Кокъ-куль, лежащаго въ 10 в. на югъ отъ Кызылъ-рабата на дорогѣ изъ Памирскаго поста въ Ошъ, до Кашгара 271 в. (тамъ же, стр. 57).

[3]) Маршрутное описаніе къ очерку экспедиціи Д. В. Путяты въ „Сборн. стат. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 10, 1884 г., стр. 252—262.

[4]) Кап. Серебренниковъ въ „Инженерн. Журн.", 1894, стр. 1554.

[5]) „Зап. И. Р. Геогр. Общ." по отд. этнографіи, т. 6, В. М. Успенскаго, „О бассейнѣ Лобъ-нора", стр. 116. По словамъ Д. В. Путяты, Ташкурганъ есть „узелъ путей, сходящихся изъ Вахана, Ферганы, Кунжута и Кашгара" („Сборн. по Азіи", вып. 10, стр. 56).

[6]) „Сборн. по Азіи", вып. 10, стр. 252 – 256.

[7]) Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth, Calcutta, 1875, p. p. 430 and 432.

ракуля чрезъ Кызылъ-артъ (158 в.) и отсюда до Оша (168 в.), всего 491 в. [1]).

Вслѣдствіе непроходимости направленія по Тагдынбашъ-дарьѣ и по Яркендъ-дарьѣ сообщеніе Ташкургана съ Яркендомъ производится сѣвернѣе этого направленія или восточнѣе. Извѣстнѣйшій сѣверный путь ведетъ чрезъ Шинди, Чиль-гумбезъ, долину рѣки Чарлына, перевалы Карадаванъ и Кызылъ-даванъ, ур. Арпалыкъ и селеніе Якка-арыкъ. Этимъ путемъ чрезъ Кашгарскій хребетъ отъ Ташкургана до Яркенда всего 188 англ. миль или 282 версты [2]). Огибающій Кашгарскія горы съ востока путь изъ Ташкургана въ Яркендъ извѣстенъ только по маршруту Свена Хедина, который, къ сожалѣнію, не даетъ свѣдѣній о разстояніяхъ. Выступивъ 16 сент. 1895 г. изъ Ташкургана, Свенъ Хединъ перевалилъ чрезъ хребетъ Сергекъ (такъ называетъ онъ горы между долинами Ташкурганской и Вача) и ночевалъ въ поселкѣ Мал. Бельдирѣ, состоявшемъ изъ одного двора. Высшую точку перевала опредѣляетъ онъ въ 4.032 метра. 17 сент. Хединъ шелъ по долинѣ Ичиза (такъ именуетъ онъ долину Вача или Учи всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ путешественниковъ и собирателей свѣдѣній), пока не открылась большая котловина Тенъ-абъ, гдѣ нѣсколько таджикскихъ поселковъ и посѣвы пшеницы, овса (?) и клевера. 18 сентября Хединъ продолжалъ идти той же долиной и затѣмъ долиной Шуйдунъ, и заночевалъ у подножья перевала Кандахоръ. 19 сентября путешественникъ перешелъ чрезъ этотъ перевалъ, имѣющій высоту въ 5.062 метра. По словамъ его, «когда перевалъ оказывается непроходимымъ (зимою обыкновенно заваливается снѣгомъ), въ Ташкурганъ можно попасть лишь кружнымъ путемъ чрезъ Яркендъ и Тагарму». 20 и 21 сентября Хединъ продолжалъ путь къ Тонгу. 22 числа, миновавъ на пути восемь селеній, изъ которыхъ самое красивое Тонгъ, ночевалъ въ сел. Кандалакшъ, находящемся лишь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ р. Яркендъ-дарьи (Раскема). Переправясь 23 сент. чрезъ Яркендъ-дарью, путешественникъ ночевалъ въ сел. Курукъ-Лянгаръ. 24 сентября онъ шелъ по долинѣ Арпаталя до сел. Сугетлыкъ. На слѣдующій день перешелъ чрезъ перевалъ Арпаталя (3.838 метр.) и прибылъ въ сел. Онгуртлыкъ. 26 числа дошелъ до плодородной и густо заселенной мѣстности Ичъ-Бельдиръ. 27 сентября Хединъ вышелъ изъ горъ и переправился чрезъ Яркендъ-дарью около сел. Хушерабъ. Отсюда чрезъ сел. Качунгъ (должно быть, Карчунъ картъ и другихъ свѣдѣній), оставивъ Яркендъ въ сторонѣ,

---

[1]) „Сборн. по Азіи“, вып. 10, стр. 242 — 256. Большая краткость второго маршрута въ 491 в. противъ перваго въ 545 в. есть слѣдствіе того, что въ маршрутѣ Путяты разстояніе отъ Оша до Кызылъ-арта показано по прежнему вьючному пути въ 168 вер., въ маршрутѣ же Серебренникова оно значится въ 222 в. до станціи Кокъ-сай около того же пер. Кызылъ-артъ по колесной дорогѣ.

[2]) Forsyth's Report etc., 1875, p. 435. Въ рукописныхъ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, 3 сентября 1890 г., замѣчено объ этомъ пути: „Это самая употребительная дорога изъ Сарыкола въ Яркендъ“.

Хединъ направился въ Кашгаръ. По его замѣчанію, перевалъ Арпаталя представляетъ демаркаціонную линію религій: къ востоку обитаютъ суниты, а къ западу шіиты [1]. Такъ какъ Свенъ Хединъ отъ Ташкургана до Хушераба шелъ 11 дней слишкомъ, то, полагая на каждый день въ среднемъ по 20 верстъ, найдемъ, что разстояніе отъ Ташкургана до Хушераба будетъ по пути Хедина около 220 в., съ добавленіемъ же около 80 в. отъ Хушераба до Яркенда [2] общее разстояніе по этому пути отъ Ташкургана до Яркенда оказывается около 300 в., т.-е. длиннѣе пути чрезъ Кашгарскія горы (282 в.), что происходитъ отъ значительныхъ зигзаговъ пути до Хушераба.

Пути отъ Ташкургана на востокъ къ Хотану имѣютъ особо важное значеніе для выясненія древней исторіи Памира и смежныхъ странъ, потому что здѣсь пролегала древняя «южная дорога» изъ Китая на юго-западъ въ сѣв.-западную Индію, и къ этой именно дорогѣ пріурочены древнѣйшія объ этихъ странахъ китайскія историческія извѣстія. Такъ какъ движеніе по древней южной дорогѣ прекратилось уже многія столѣтія, собственныя же небольшія торговыя потребности Хотана удовлетворяются путями въ Яркендъ, съ одной стороны, и въ Санджу-Ладакъ—съ другой, то хотя, можетъ-быть, прямыя мѣстныя сообщенія между Хотаномъ и Ташкурганомъ существуютъ, я не могъ найти ни одного маршрута такого сообщенія. По историческимъ даннымъ, какъ увидимъ, путь изъ Хотана шелъ сначала до Пишани, нынѣшняго селенія Пишна, чрезъ которое въ 1889 г. прослѣдовала въ Хотанъ экспедиція М. В. Пѣвцова, такъ что пунктъ этотъ нанесенъ на карты и можетъ быть по нимъ опредѣляемъ, хотя эта экспедиція, какъ, къ сожалѣнію, и многіе другіе путешественники, не дала подробнаго маршрута пройденныхъ ею разстояній, лишая тѣмъ возможности пользоваться однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ ея для науки. Между Пишанью и Ташкурганомъ древняя южная дорога должна была, по всей вѣроятности, совпадать съ частью маршрута Свена Хедина, пока онъ сохранялъ направленіе на востокъ, т.-е. до перевала Арпаталя, откуда онъ отклонился на сѣверъ. Отъ Арпаталя путь къ Пишани долженъ былъ, какъ видно по картамъ, лежать въ направленіи между селеніемъ Шихпу на Тизнафѣ и селеніемъ Кокъяръ, хорошо извѣстнымъ, какъ начальный пунктъ одной изъ трехъ дорогъ въ Ладакъ. Близъ направленія отъ Кокъяра въ Ташкурганъ прошли въ 1889 г. пробиравшіеся

---

[1] „Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина“, т. 2, Спб., 1899 г., стр. 25—38.

[2] По рукописнымъ дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго, 24—27 августа 1890 г., отъ Хушераба до г. Яркенда по правому берегу рѣки 82 в. Заключающееся въ тѣхъ же дневникахъ, 21 авг., свѣдѣніе о томъ, что отъ сел. Курукъ-лянгаръ противъ устья Туна до ур. Сугетликъ „приблизительно“ 18 в., подтверждаетъ, что я не ошибаюсь, предполагая день пути Хедина въ этихъ мѣстахъ около 20 в., такъ какъ Хединъ на проходъ отъ переправы до Сугетлика употребилъ одинъ день.

съ восточной ладакской дороги для охоты за архарами на Памиръ англичане маіоръ Cumberland и поручикъ Bower и проживающій въ Кашмирѣ французъ Dauvergne. Путь этихъ спортсменовъ лежалъ, по очень гористой странѣ, немного южнѣе Кокъяра на сел. Мому или Момукъ на р. Тизнафѣ, изъ котораго черезъ перевалъ Тахта-даванъ они добрались до р. Раскема, переправились чрезъ него противъ долины Тунъ (Toung у Доверня, Тунгъ у Б. Л. Громбчевскаго, Toung Мохаммедъ-Эмина и англичанъ, Тонгъ у Свена Хедина), и чрезъ долину Вача (Abi-Ouchi у Доверня, который часто путается между англійской и французской транскрипціей, Учи у Мохаммедъ-Эмина и англичанъ) и Тагдынбашъ прослѣдовали на Памиръ [1]). Къ сожалѣнію, описаніе пути у Доверня и особенно у Cumberland'а [2]) крайне поверхностно и не даетъ ни разстояній, ни иныхъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Мнѣ представилась однако возможность составить маршрутъ отъ Пишны до устья Туна чрезъ Кокъяръ при помощи рукописныхъ дневниковъ и маршрутовъ Б. Л. Громбчевскаго, по которому между этими пунктами оказалось около 235 в. [3]) Отъ Туна до Ташкургана приходится обратиться къ маршруту Свена Хедина, принявъ день его пути приблизительно въ 20 в., что въ семь дней пути отъ Ташкургана до Яркендъ-дарьи у Туна составитъ около 140 в. Съ прибавкой этой цифры къ 235 в. разстояніе отъ Пишны-Пишани до Ташкургана опредѣлится въ 375 в.

На югъ отъ Ташкургана, вверхъ по Тагдынбашской рѣкѣ и верховью ея р. Карачукуру, а затѣмъ по притоку послѣдней Минтеке ведетъ дорога въ Канджутъ. Отъ Ташкургана до перевала чрезъ Хиндукушъ Минтеке, по картѣ и рукописнымъ дневникамъ Б. Л. Громбчевскаго, около 135—140 в., Какъ Минтеке (15.740 ф.), такъ и лежащій далѣе на западъ, верстъ на 20, перевалъ Каликъ (16.100 ф.), удобопроходимы, но дальнѣйшій путь въ Канджутъ чрезвычайно труденъ, такъ что, напр., французскій путешественникъ виконтъ Edmond de Poncins, слѣдовавшій въ 1893 г. чрезъ Памиръ въ Индію, долженъ былъ совершить большую часть пути по спускѣ съ перевала до столицы Канджута Бальтита пѣшкомъ [4]): подобнымъ

[1]) Exploration dans l'Asie centrale, par Henri Dauvergne, въ „Bull. de la Société de Géographie", Paris, 1892, 1 trimestre, p. p. 14—21.

[2]) Sport on the Pamirs and Turkistan Steppes, by major C. S. Cumberland, London, 1895.

[3]) Отъ Пишны до сел. Хасанъ-Бугра-мазаръ-лянгаръ разстояніе приходится взять по картѣ, приблизительно въ 24 в. Отъ этого селенія до сел. Кингъ-сай, по дневн. Б. Л. Громбчевскаго, 10 іюля 1890 г., 30 в.; далѣе, 11 іюля, сел. Кокъяръ 23 в., сел. Услюшъ, на правомъ берегу р. Тизнафа, 4 авг., 19 в., сел. Дунгзоля на Тизнафѣ 8 в., ур. Куль въ верховьи ущелья Кургакъ, 7 авг., 42 в.; отсюда до ур. Тахтъ, принимая разстояніе равнымъ приблизительно, какъ представляется по картѣ, пройденному 22 авг. до сел. Таръ-аузны, 32 в.; далѣе до кургана Игизъ-арыкъ, 21 авг., 20 в. и до сел. Сугетликъ черезъ перевалъ Арпаталя, покрытый глубокимъ снѣгомъ, 21 авг., 19 в.; отсюда, по разспросамъ, до сел. Курукъ-лянгаръ противъ устья Туна 18 в. Итого отъ Пишны до Туна около 235 в.

[4]) Du Turkistan au Kashmir, въ „Bull. de la Société de Géogr." Paris, 1895, 4-me trim., p. p. 516—560.

образомъ въ 1895 г., во время разграниченія Памира англо-русскою коммиссіею, британскій агентъ въ Гильгитѣ лейтенантъ Майльсъ предпочелъ, по трудности дороги, пройти изъ Канджута въ мѣстопребываніе коммиссіи на Памирѣ пѣшкомъ, сдѣлавъ для того около 300 в. [1]).

По Тагдынбашу же и Карачукуру, затѣмъ чрезъ перевалъ Вахджиръ (16.150 ф.) и по Ваханъ-дарьѣ проходитъ самая восточная дорога отъ Ташкургана до сел. Сархада, съ разстояніемъ всего около 283 или 297½ в. [2]) По завѣренію Мохаммедъ-Эмина, перевалъ Карашункарскій (такъ названъ у него или редакторовъ его свѣдѣній Карачукурскій или Вахджирскій перевалъ) «заваливается снѣгомъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году»; однако, караваны, направляющіеся въ Яркендъ изъ Джелальабада (въ Авганистанѣ) и Бадахшана, черезъ Памиръ, сворачиваютъ иногда на этотъ перевалъ съ прямого ихъ пути, избѣгая встрѣчи съ шигнанскими разбойниками [3]). По свѣдѣніямъ Троттера, члена миссіи Форсайта (1874 г.), баджаурскіе купцы (Баджауръ находится въ земляхъ независимыхъ авганскихъ племенъ между р. Пенджкорою и р. Кунаромъ, она же Ярхунъ, а въ низовьяхъ Кама) въ прежніе годы ходили въ Яркендъ по Тагдынбашу и долинѣ Тунъ, держась какъ можно дальше отъ алайскихъ киргизъ, которыхъ боялись болѣе, чѣмъ канджутцевъ [4]).

Прямѣйшій и наиболѣе короткій путь изъ Ташкургана на юго-западъ къ Сархаду и оттуда чрезъ Барагылскій проходъ въ Читралъ и сѣв.-западную Индію идетъ чрезъ Мал. Памиръ. Именно отъ Ташкургана чрезъ Сырыкольскій хребетъ перевалами Стунъ (въ половодье, въ остальное же время ущельемъ Шинди) и Незаташъ до Акташа 52½ в. [5]) и отъ Акташа до Сархада 168½ в. [6]), всего отъ Ташкургана до Сархада 221 в

[1]) П. Е. Панафидинъ въ „Сборн. статист. и пр. матеріаловъ по Азіи", вып. 65, Спб., 1896 г., стр. 138.

[2]) Именно, отчасти по картѣ Б. Л. Громбчевскаго, отчасти по рукописнымъ его дневникамъ, отъ Ташкургана до перевала Вахджиръ около 160 или 170 в. и отъ этого перевала до ур. Бозай-гумбеза около 50 в.; съ добавленіемъ 63 в. отъ Бозай-гумбеза до Сархада (42 мили, по Керзону, The Pamirs etc., p. 58) все разстояніе доходитъ до 283 в., при добавкѣ же, вмѣсто 63 в., 77½ в. (по Путятѣ) до 297½ в.

[3]) В. В. Григорьева, „Восточный или Китайскій Туркестанъ", вып. 2, Спб., 1873 г. стр. 490.

[4]) Forsyth's Report etc., p. 269.

[5]) По маршруту, составленному членомъ миссіи Форсайта Биддельфомъ и пройденному частью миссіи, отъ Ташкургана до Кеншибера 25½ в. и затѣмъ до Акташа 27 в., итого 52½ в. (Forsyth's Report etc., p. p. 432—433). По маршруту Д. В. Путяты („Сборн. по Азіи", в. 10, стр. 257—259), отъ Ташкургана до Кеншибера 23 в., отсюда до рабата 21 в. и затѣмъ до долины Акташъ 7 в., итого 51 в.

[6]) По Биддельфу (тамъ же), отъ Акташа до Гезъ-куля 69 в., далѣе Лянгаръ 37½ в. и Сархадъ 36 в., итого 142½ в., а всего отъ Ташкургана до Сархада 195 в. По кап. Серебренникову („Инжен. Журн.", 1894 г., стр. 1554), отъ Акташа до Кызылъ-рабата 16 в., Кара-дюмеръ 26 в., Чакмактынъ-куль 27 в., Бозай-гумбезъ 22 в., итого 91 в., съ добавленіемъ же разстоянія отъ Бозай-гум-

От Сархада чрез Барагылскій перевалъ идетъ прямѣйшій и удобнѣйшій путь изъ Ташкургана въ Пишаверъ. Перевалъ Барагылъ имѣетъ высоту въ 12,460 ф. надъ уровнемъ моря, т. е. лежитъ ниже многихъ долинъ Памира, и удобенъ даже для колеснаго пути. По спускѣ къ р. Ярхунъ путь идетъ по ущелью этой рѣки, которую слѣдовавшій въ концѣ 1894 г. Керзонъ въ первый же день долженъ былъ переходить 12 разъ, дабы обойти шесть ледниковъ, спускающихся до самой рѣки то съ одной, то съ другой стороны. Эти переправы въ бродъ возможны лишь въ малую воду, осенью или зимою, въ другое же время крайне трудны и невозможны, и тогда путникамъ приходится пересѣкать съ большими трудностями и опасностями ледники. Достовѣрныхъ и обстоятельныхъ описаній дальнѣйшаго пути по Ярхуну для общаго пользованія не имѣется, такъ какъ англійскіе изслѣдователи не публикуютъ свои свѣдѣнія изъ опасенія облегчить русское нашествіе на Индію [1]). Несомнѣнно однако, что дорога по Читралу, хотя и представляетъ трудности, подобныя путямъ по Пянджу и его притокамъ, но не непроходима для вьюковъ. Возможна она и для движенія небольшихъ военныхъ силъ, такъ какъ Керзонъ, приведя отзывъ читральскаго мехтара о проходимости дороги съ осени до конца весны и признавая поэтому ее однимъ изъ главныхъ возможныхъ путей въ Индію, замѣчаетъ: «Къ счастію въ долинѣ есть, по крайней мѣрѣ, одно мѣсто, гдѣ небольшой отрядъ, пользуясь естественными условіями, можетъ противостоять силѣ, въ десять разъ большей по численности. Впрочемъ, невѣроятно, чтобы вторгающаяся съ сѣвера армія, имѣющая въ виду Читралъ, захотѣла пуститься дорогой, замкнутой въ одномъ ущельи длиною въ 140 миль, когда проходима много лучшая и короткая дорога чрезъ перевалъ Дора» [2]) изъ Бадахшана. Разстояніе отъ Сархада чрезъ Мастуджъ и Читралъ, затѣмъ чрезъ перевалъ Ловари и бассейны Пенджкоры и Свата въ долину низовьевъ Кабулъ-дарьи до Пишавера, по англійскимъ свѣдѣніямъ, составляетъ всего около 570 вер. [3]) Такимъ образомъ

беза до Сархада, по Керзону, 63 в. и отъ Ташкургана до Акташа 51 в.. по Путятѣ, выйдетъ отъ Ташкургана до Сархада 205 в.; если же считать, согласно Путятѣ (стр. 275—278), отъ Бозай-гумбеза не 63 в , а $77\frac{1}{2}$ в., и отъ Ташкургана до Акташа, по Биддельфу, $52\frac{1}{2}$ в., а не 51 в., то выйдетъ всего 221 в.

[1]) Въ 1887 г. французы G. Bonvalot, G. Capus и Pepin пробрались съ Памира въ Читралъ, были тамъ задержаны, но затѣмъ отпущены чрезъ Гилгитъ въ Индію. Къ сожалѣнію, данные двумя первыми очерки ихъ путешествія крайне поверхностны и не даютъ ни обстоятельнаго описанія пути по Читралу, ни разстояній (см. Voyage dans l'Asie centrale et au Pamir, par G. Bonvalot, и Pamir et Tchitral, par G. Capus, въ „Bull. de la Soc. de Géogr., Paris, 1890, p. p. 469—498, 499—537, а также книгу Du Caucase aux Indes à travers le Pamir, par G. Bonvalot, Paris, 1889).

[2]) The Pamirs and the Source of Oxus, p. 62.

[3]) Отъ Сархада до пер. Барагылъ 12 миль, отсюда до р. Ярхуна около 6 миль (по картѣ, потому что Керзонъ этого разстоянія не даетъ совсѣмъ), и отсюда до Мастуджа 72 мили (The Pamirs etc., p. p. 61, 62), итого отъ Сархада до Мастуджа 90 миль. Отъ Мастуджа до Читрала 70 миль и отсюда до желѣз-

отъ Пишани—Пишны чрезъ Ташкурганъ и Сархадъ оказывается до Пишавера всего 1.166 в.

Отъ Сархада до столицы Вахана по долинѣ Ваханъ-дарьи, по маршруту Д. В. Путяты, всего 74 в. [1]), а по Биддельфу $82^1/_2$ в., [2]), такъ что, принимая послѣднюю цифру, ибо Д. В. Путята лично до Калаи-Пянджа не доходилъ, отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа чрезъ Мал. Памиръ и Сархадъ оказывается $303^1/_2$ в.

Отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа существуетъ еще дорога чрезъ Б. Памиръ. Сначала путь отъ Ташкургана идетъ общій съ путемъ чрезъ Мал. Памиръ, т. е. до Акташа будутъ тѣ же $52^1/_2$ в.; отъ Акташа же до Калаи-Пянджа чрезъ Б. Памиръ и р. Памиръ до впаденія въ Пянджъ, по Гордону, $235^1/_2$ в. [3]), а всего, слѣдовательно, отъ Ташкургана до Калаи-Пянджа чрезъ Б. Памиръ 288 в. Хотя такимъ образомъ дорога чрезъ Б. Памиръ до Калаи-Пянджа короче противъ дороги чрезъ Малый, но зимою предпочитается дорога чрезъ послѣдній, такъ какъ Б. Памиръ покрывается глубокими снѣгами [4]).

Въ Шигнанъ съ Памира существуютъ два главныхъ пути: одинъ по р. Гунту, другой по р. Шахъ-дарѣ. Отъ поста Памирскаго начало обоихъ общее и идетъ на Аличуръ и далѣе до перевала Койтезекъ, всего на протяженіи 169 в.; тутъ происходитъ раздѣленіе, и одинъ путь направляется къ Калаи-Баръ-Пянджу по Гунту на разстояніи 155 в., другой же идетъ къ тому же пункту по Шахъ-дарѣ на протяженіи 176 в. Слѣдовательно, отъ поста Памирскаго до Калаи-Баръ-Пянджа по Гунту 324 в. и по Шахъ-дарѣ 345 в., но послѣднія 14 в. обоихъ путей идутъ по соединенному теченію обѣихъ рѣкъ Хорогу до впаденія въ Пянджъ [5]). Въ Рошанъ до Калаи-Вамара идетъ съ Памирскаго поста путь по Мургабу и Бартангу, о протяженіи котораго точныхъ данныхъ я не нашелъ, но разстояніе должно быть подобное длинѣ дороги по Гунту. Всѣ указанныя три дороги вьючныя и очень трудныя. Изъ нихъ Гунтская дорога съ лѣта 1897 г. «хорошо разработана и вьючное движеніе по ней не встрѣчаетъ затрудненій» [6]). Путь по Бартангу принадлежитъ къ труднѣйшимъ [7]). Долины

ной дороги въ Наушерѣ 192 мили („Сборникъ... по Азіи", вып. 64, 1896 г., стр. 300 и 114), да отъ Наушеры до Пишавера около 28 миль, а всего отъ Сархада до Пишавера 380 миль или 570 верстъ.

[1]) „Сборн. по Азіи", вып. 10, стр. 70.

[2]) Forsyth's Report etc., p. 433.

[3]) Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи", 1879 г., стр. 160.

[4]) По Троттеру, члену миссіи Форсайта, тамъ же, стр. 173.

[5]) „Очерки Шугнана" инж.-кап. Серебренникова въ „Сборн. по Азіи", вып. 70, 1896 г., стр. 2—23.

[6]) Серебренникова же „Очеркъ Памира" въ „Военн. Сборн.", 1899 г., ноябрь, стр. 233.

[7]) См. описаніе части пути по верхней части Бартанга въ статьѣ М. Гершулина. „Движеніе летучаго отряда полк. Іонова въ Рошанъ въ 1893 г." въ „Военн. Сборн.". 1900 г., апр., стр. 284 и 285. Въ нижней части „отъ кишлака

Язгулема и Ванча, а равно Дарвазъ не имѣютъ прямыхъ сообщеній съ Памиромъ, между собою же соединяются крайне трудными перевалами или путемъ по Пянджу.

По Пянджу отъ Калаи - Пянджа до Калаи-Баръ-Пянджа около 187 в. и отъ послѣдняго до Калаи-Вамара около 55 в., итого около 242 в. [1]). Отъ Калаи-Вамара до столицы Дарваза Калаи-Хума 85 в. [2]) По отчету подполк. Залѣскаго, проходившаго по правому берегу Пянджа въ 1898 г., дорога отъ впаденія въ Пянджъ р. Памира «въ общемъ проходима для вьюковъ почти до сел. Баршоръ» (за нимъ начинается округъ Гаранъ). «Не доходя 3 в. до Баршора, вьючный путь кончается и далѣе по всему Гаранскому и Дармаракскому округамъ ведетъ лишь пѣшеходная, въ высшей степени тяжелая для движенія тропа, на протяженіи почти 90 в. до самаго Хорогскаго поста. Здѣсь (т. е. отъ Баршора до Хорога) горы запираютъ Пянджъ въ узкую щель, и безконечное число отдѣльныхъ отроговъ, упираясь вплотную въ рѣку, оканчивается отвѣсными скалами. Дорога по Пянджу прекращается, а идетъ лишь тропа по горамъ съ безчисленными на каждой верстѣ, крайне крутыми, извивающимися между каменными массами подъемами и спусками... Крутизна многихъ **к у т а л е й** настолько значительна, что пѣшему человѣку не изъ туземцевъ безъ таджика нѣтъ возможности ни вкарабкаться на нихъ, ни спуститься. Самый тяжелый переходъ находится между сел. Андеръ-объ и Дармаракомъ и совершается кружнымъ путемъ черезъ перевалъ Андеръ-объ» (11,900 ф.). Дорога отъ поста Хорогскаго до Калаи-Вамара «въ настоящее время уже настолько разработана туземными властями, по требованію памирскаго начальства, что вьючное движеніе совершается по ней безпрепятственно и безъ особаго риска...; нести вьюки на рукахъ приходится лишь одинъ разъ..., не доходя до сел. Акъ-дзывъ» [4]).

Нмцъ до Суджана дороги не существуетъ, если не считать дорогою рядъ кольевъ, лѣстницъ и всевозможныхъ подпорокъ" („Обзоръ работъ астрономическихъ и пр., исполненныхъ въ 1898 г.", въ „Военн. Сборн.", 1900 г., апрѣль, стр. 95). „Калаи-Вамаръ въ продолженіе почти десяти мѣсяцевъ (года) отрѣзанъ бездорожицею отъ всего міра... Проложеніе дороги возможно по Пянджу..., но потребуетъ большихъ затратъ" (тамъ же, стр. 97). Въ іюлѣ 1900 г. путешествіе по Бартангу проф. Станкевича (для актинометрическихъ и магнитныхъ наблюденій) „было довольно затруднительно: дорога по руслу рѣки была совершенно залита и приходилось то пробираться по карнизамъ скалъ надъ рѣкою, то спускаться внизъ по теченію рѣки на турсукахъ, то дѣлать болѣе или менѣе утомительные обходы черезъ высокіе перевалы"; багажъ несли на себѣ таджики, а мѣстами сплавляли его по рѣкѣ на турсукахъ („Туркест. Вѣд.", 10 авг. 1900 г.).

[1]) Forsyth's Report etc., p. p. 435—6, 161½ миль, по свѣдѣніямъ одного развѣдчика.

[2]) По Д. В. Путятѣ („Сборн. по Азіи", вып. 10. стр. 82), отъ Баръ-Пянджа до Калаи-Хума 140 в. За вычетомъ до Калаи-Вамара 55 в. получится разстояніе отъ Калаи-Вамара до Калаи-Хума въ 85 в.

[3]) На картѣ при The Pamirs etc. Керзона, Barshahr означенъ ниже сел. Sumchan. На картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго Баршоръ не нанесенъ.

[4]) „Обзоръ работъ астрономическихъ и проч., исполненныхъ въ 1898 г." въ „Воен. Сборн.", 1900 г., апр., стр. 82—84.

«Могу сказать,—писалъ Н. Н. Покотило о дорогѣ по Дарвазу, куда онъ проникъ со стороны Куляба,—что Вальвалякскій перевалъ и побережная дорога до границы Рошана не пригодны для вьючнаго движенія... Шли почти все время пѣшкомъ, дѣлая 7 вер. въ день... Покидать карнизы или балконы приходилось рѣдко... Наконецъ, въ Курговакѣ предложили намъ... совершить подъемъ при помощи веревокъ на отвѣсную скалу саженъ въ 20—30 высотою, на что я уже не рѣшился... и возвратился въ Калан-Хумъ» [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческія извѣстія времени первой династіи Хань, относящіяся къ I столѣтію до Р. Х.

Желая пріобрѣсти союзниковъ для борьбы съ могущественными хуннами, Китай, въ ближайшей къ Р. Х. половинѣ II стол. до-христіанской эры, впервые вошелъ въ политическія сношенія съ странами Таримскаго и Арало-каспійскаго бассейновъ. Пристрастіе китайскаго двора къ произведеніямъ западныхъ странъ, дотолѣ неизвѣстнымъ, вызвало чрезвычайное умноженіе посольствъ на западъ съ цѣлію пріобрѣтенія особенно понравившихся рѣдкостей. «Китайскій дворъ въ иной годъ отправлялъ болѣе десяти, а въ иной отъ пяти до шести посольствъ. Посланники возвращались изъ отдаленныхъ государствъ по прошествіи восьми или девяти, а изъ ближнихъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ». «Изъ посольствъ, отправляемыхъ въ иностранныя государства, большія состояли изъ нѣсколькихъ сотъ, а малыя не менѣе, какъ изъ ста человѣкъ» [2]). Между тѣмъ успѣхи военныхъ дѣйствій противъ хунновъ дозволили раздвинуть владѣнія Китая до Дунь-Хуана (нынѣ Ша-чжеу), а двукратный походъ китайскихъ армій въ Давань (Фергана) въ 104—101 гг. до Р. Х. способствовалъ устраненію подчиненія Вост. Туркестана хуннамъ и замѣнѣ власти послѣднихъ китайскою.

Благодаря обмѣну посольствъ съ западными государствами и владычеству въ Вост. Туркестанѣ, управленіе которымъ съ 59 г. до Р. Х. поручалось особому намѣстнику, китайцы должны были обладать обстоятельными и вѣрными свѣдѣніями о западныхъ странахъ съ половины II стол. до Р. Х. Эти свѣдѣнія сохранились до насъ въ 96 книгѣ «Цянь-Хань-шу» [3]),

[1]) „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 494 и 495.

[2]) 123 книга „Шы-цзи“, т.-е. историческихъ записокъ, составленныхъ Сыма Цянемъ, по переводу о. Іакинфа Бичурина въ „Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“, СПб., 1851 г., ч. 3, стр. 17 и 16.

[3]) Эта 96 книга, состоящая изъ двухъ частей, переведена о. Іакинфомъ Бичуринымъ на стр. 33—100 „Собранія свѣдѣній“ и пр., часть 3, подъ заглавіемъ „Повѣствованія о западномъ краѣ. Извлечено изъ Исторіи Старшаго Дома Хань“.

т.-е. исторіи первыхъ или старшихъ Ханей, которая составлена ученымъ Бань Гу, во второй половинѣ I вѣка послѣ Р. X., такъ какъ онъ умеръ въ 92 г. [1]). Во вступленіи этой книги говорится: «Со времени государей Сюань-ди и Юань-ди (74—39 г.г. до Р. X.), когда шаньюи (государи хунновъ) признали себя вассалами Китая, западный край остался подъ китайскою державою, почему описано географическое положеніе тамошнихъ земель, изложено число владѣтелей и народонаселенія въ ихъ владѣніяхъ, опредѣлено разстояніе мѣстъ между собою» [2]). Отсюда о. Іакинфъ заключаетъ: «Итакъ, слѣдующее ниже описаніе владѣній въ Западномъ краѣ составлено китайскимъ правительствомъ въ продолженіе 74—39 до Р. X.» Приведенный текстъ не даетъ категорическаго основанія для такого заключенія. Такъ какъ въ описаніяхъ отдѣльныхъ владѣній приведены свѣдѣнія, относящіяся и къ датамъ позже 39 года, то правильнѣе полагать, что собранныя при названныхъ государяхъ свѣдѣнія находились въ числѣ источниковъ книги 96 «Исторіи династіи Хань», но, кромѣ нихъ, составители ея, безъ сомнѣнія, пользовались донесеніями китайскихъ посланниковъ въ западныя страны, показаніями посольствъ изъ иностранныхъ владѣній и другими свѣдѣніями архивовъ старшихъ Ханей, а также, быть-можетъ, не сохранившимися до насъ литературными источниками ханьскихъ временъ.

Изъ того же вступленія видно, что въ ханьское время существовали два пути для сообщеній Китая съ западомъ, южный и сѣверный. Сѣверная дорога шла возлѣ горъ, окружающихъ таримскую котловину съ сѣвера, нынѣ Тянь-шань, по южной ихъ сторонѣ, до Сулэ (Кашгаръ) и направлялась отсюда чрезъ Луковыя горы (Цунлинъ) въ Давань (Фергана) и далѣе на западъ. Южная дорога проходила у сѣверныхъ подножій Южныхъ горъ (нынѣ Алтынъ-тагъ) до Согюя (Яркендъ) и по переходѣ чрезъ Цунлинъ вела «въ Большой Юечжи и Аньси» [3]), т.-е. въ Бактріану и Парѳянское царство.

I. Владѣніе Пишань, округъ нынѣшняго селенія Пишны.

Самыя описанія западныхъ государствъ или владѣній размѣщены сначала по направленію упомянутой южной дороги, причемъ, кромѣ ле-

Англійскій переводъ той же 96 книги данъ извѣстнымъ, также уже умершимъ, синологомъ A. Wylie въ „Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain and Ireland“, 1881, vol. X, p.p. 20—73, подъ заглавіемъ „Notes of the Western Regions, from the „T'sëen Han Shoo“, Book 96, Part 1; переводъ 2 части помѣщенъ въ vol. XI того же Journal, 1882, p.p. 83—115. На эти два перевода я и буду преимущественно ссылаться, указывая страницы „Собранія свѣдѣній“, ч. 3, и p.p. перевода Wylie безъ означенія тома. Изъ различій въ переводахъ будутъ приводимы лишь имѣющія существенное, болѣе или менѣе, значеніе.

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. I, стр. XV.

[2]) Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 37. У Wylie, p. 23: The extent of the land, the hills and the rivers, the kings and marquises, the number of the people, and the distances by the roads were all carefully examined and noted.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 34. Wylie, p. 21.

жащихъ на ней, описываются попутно и владѣнія, лежащія въ сторонѣ отъ дороги, но послѣ Пишани (это владѣніе слѣдуетъ за Юйтянемъ, т.-е. Хотаномъ) вмѣсто Согюя описываются владѣнія, лежащія по дорогѣ въ Гибинь, Угэшаньли и Аньси (Парѳія). Отъ Аньси описанія размѣщены уже въ обратномъ направленіи: на востокъ чрезъ Сулэ и затѣмъ по сѣверной дорогѣ. При этомъ описаніе Согюя помѣщено передъ описаніемъ Сулэ въ качествѣ владѣнія, какъ бы лежащаго въ сторонѣ отъ дороги.

Изъ статьи, посвященной описанію отстоявшаго отъ Юйтяня (Хотана) къ западу на 380 ли владѣнія **Пишани**, видно, что столица его носила также названіе Пишани; населеніе состояло изъ 500 семействъ, 3.500 душъ; войска было 500 ч.; «[illegible] юго-западъ до Уто 1.340 (ли), на югѣ смежно съ Тяньду (у Wylie, T'ean—tuh); на сѣверъ до Гули (у Wylie, Koo-mih; у о. Іакинфа, очевидно, опечатка и вмѣсто Гули должно стоять Гумо) 1.450 ли. На юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли. На сѣв.-западъ до Согюя 380 ли» [1]). Древней Пишани въ настоящее время, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ сел. **Пишна**, находящееся къ З.-Ю.-З. отъ сел. Гума, верстахъ въ 25 [2]): какъ по тождественности имени, такъ и по достаточной соотвѣтственности разстояній и расположенія относительно указанныхъ въ «Хань-шу» пунктовъ. Такъ относительно Хотана Пишна находится почти на западѣ, немного уклоняясь на сѣверъ; Яркендъ также лежитъ почти на сѣв.-западѣ. Древнее владѣніе Гумо, дѣйствительно, расположено было отъ Пишна на сѣверѣ, съ нѣкоторымъ уклоненіемъ на востокъ и разстояніе дано не неподходящее [3]). Смежность Пишани съ Тяньду, т.-е. съ Индіей, слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Индія находилась отъ Пишани дѣйствительно на югѣ: болѣе этого китайцы ханьскихъ временъ не могли сказать, такъ какъ прямыхъ сношеній съ Индіею во время династіи Старшихъ Ханей Китай не имѣлъ

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 45, у Wylie—p. p. 30—31.

[2]) Въ сел. „*Пшна*, вытянувшемся узкой полосой верстъ на 10 по обоимъ берегамъ орошающей его рѣчки" Пшне-су, имѣла въ сент. 1889 г. ночлегъ экспедиція М. В. Пѣвцова („Труды Тибетской экспед. 1889—9 гг.", ч. I, С.-Пб., 1895 г., стр. 104). Съ того времени оно и показывается на картахъ съ полной точностью. При настоящей работѣ я пользовался самой лучшей изъ существующихъ картъ тѣхъ мѣстностей, которыхъ она касается, именно изданной въ 1895 г., но не имѣющейся еще въ продажѣ „Картой путешествій подполк. Громбчевскаго въ Дарвазѣ, на Памирѣ, въ Джитышарѣ, въ Канджутѣ, въ Раскемѣ и въ Сѣверо-западномъ Тибетѣ, въ 1885, 1888, 1889 и 1890 годахъ". Карта эта предназначена въ качествѣ приложенія къ описанію путешествій Б. Л. Громбчевскаго 1888—1890 гг., которое предпринимаетъ Имп. Русское Географ. Общество, но едва ли выполнитъ ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

[3]) Владѣніе Гумо лежало въ низовьяхъ рѣки Арбатъ или Ачакара, протекающей между г. Аксу и сел. Караюлгунъ и теряющейся потомъ въ пескахъ. Таково мнѣніе китайскихъ писателей нынѣшней династіи (см. Journal asiatique, 1846, t. VIII, p. 244, Nouvelles Annales des voyages, 1846, t. III, p. 31, и В. М. Успенскаго „О бассейнѣ Лобъ-нора" въ „Зап. И. Р. Геогр. Общ., по отдѣленію этнографіи", т. 6, 1880, стр. 128), которое должно быть признано вѣрнымъ, ибо подтверждается разными данными; приводить послѣднія здѣсь я не могу, потому что потребовалось бы много мѣста.

и свѣдѣнія его объ Индіи ограничивались лишь болѣе или менѣе вѣрными слухами.

При разсмотрѣніи разстояній, показываемыхъ въ китайскихъ извѣстіяхъ, необходимо имѣть въ виду, что величина ли, китайской мѣры разстояній, была въ разныя времена различна. Такъ, по мнѣнію д'Анвиля, въ древности ли были такой величины, что на одинъ географическій градусъ приходилось 455 ли, впослѣдствіи 338 ли, а въ правленіе Канъ-си манчжурской династіи установлена такая величина ли, чтобы въ градусѣ было 200 ли [1]). По Dutreuil de Rhins, который довольно подробно изучалъ этотъ предметъ, ли ханьской династіи полагалось равнымъ 460 метр., ли танской династіи—378 м. и ли нынѣшней манчжурской династіи—444 метр., но въ дѣйствительности въ разное время въ различныхъ мѣстностяхъ величина ли разнообразилась отъ 260 до 430 метр.; съ своей стороны для Тибета онъ предполагалъ ханьское ли равнявшимся 360 метр., а ли описаній путешествій извѣстнаго паломника Сюань Цзана опредѣлялъ въ 416 м. [2]). Сопутствовавшій этому ученому въ совершенномъ потомъ путешествіи по Кашгаріи и Тибету, во время котораго Дютрейль де Ренсъ 5 іюня 1894 г. былъ убитъ тибетцами, Ф. Гренаръ опредѣляетъ нынѣшнюю величину ли въ западной Кашгаріи въ 350 метр., утверждая, что въ сѣверномъ Китаѣ, между Донкыромъ и Пекиномъ, ли равняется 555 метр., т.-е. такихъ ли дѣйствительно приходится 200 на одинъ градусъ [3]). Причинъ различной величины ли, конечно, много и входить въ разсмотрѣніе ихъ я не буду, но не лишнимъ было бы имѣть въ виду, что на окраинахъ Китая, а тѣмъ болѣе внѣ его предѣловъ, разстоянія, безъ сомнѣнія, опредѣлялись обыкновенно не при помощи труднаго и хлопотливаго измѣренія ихъ, а вычислялись преимущественно сообразно времени, употребляемому на проѣздъ или проходъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ болѣе были затруднительны дороги и чѣмъ болѣе требовалось вслѣдствіе этого времени для совершенія пути, тѣмъ большее число ли насчитывалось на одинаковомъ въ дѣйствительности разстояніи. Поэтому въ китайскихъ свѣдѣніяхъ о разстояніяхъ слѣдуетъ ожидать особенно преувеличенныхъ показаній числа ли по путямъ въ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ для проѣзда какого-либо даннаго разстоянія требуется весьма часто во много разъ болѣе времени, чѣмъ для выполненія такой же длины пути въ равнинахъ. Такъ какъ пути чрезъ Памиръ и прилегающія страны все горные и трудные, то при разсмотрѣніи китайскихъ показаній о разстояніяхъ по нимъ необходимо имѣть въ виду

[1]) Mémoire sur le Li, mesure itinéraire, des Chinois, par M. d'Anville, въ „Mémoires de littérature, tirés de registres de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres“, 1755—1757, t. 28, Paris, 1759, p.p. 487—502.

[2]) L'Asie centrale etc., par J.—L. Dutreuil de Rhins, Paris, 1889, p. p. 90, 166 et 169.

[3]) Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, première partie, Paris, 1897, p. 41.

возможность и частую вѣроятность преувеличеній противъ дѣйствительности. Отсюда очевидна неизбѣжность тщательной повѣрки китайскихъ свѣдѣній о разстояніяхъ съ дѣйствительными разстояніями, которыя въ послѣдніе годы опредѣлены европейскими путешественниками и изслѣдователями по многимъ путямъ интересующихъ насъ здѣсь странъ съ достаточною, болѣе или менѣе, точностью. Нельзя также упускать изъ вида возможности ошибокъ въ тѣхъ текстахъ китайскихъ династійныхъ исторій, которыми мы въ настоящее время пользуемся, съ одной стороны вслѣдствіе опечатокъ и описокъ, неизбѣжныхъ при переписываніи и перепечатываніи ихъ въ продолженіе, для древнѣйшихъ, почти двухъ тысячелѣтій, съ другой же стороны вслѣдствіе недосмотровъ и упущеній въ первоначальныхъ текстахъ. Примѣры тѣхъ и другихъ мы увидимъ. Само собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, что критическое отношеніе къ нашимъ источникамъ должно имѣть фактическія и логическія основанія: китайскія историческія извѣстія большею частію почерпнуты изъ свѣдѣній современныхъ, изъ донесеній правителей пограничныхъ странъ и китайскихъ посланниковъ, изъ показаній иностранныхъ пословъ и торговцевъ и т. д.

При оцѣнкѣ ханьскаго показанія о разстояніи отъ Хотана до Пишани въ 380 ли можно, за неимѣніемъ маршрута европейскаго изслѣдователя между этими именно двумя пунктами, принять въ соображеніе новѣйшія опредѣленія разстояній между другими ближайшими мѣстами. Такъ по Гренару, отъ Кашгара до Хотана 485 килом. [1]), т.-е. 454 $^3/_4$ вер. За вычетомъ изъ послѣдней цифры опредѣленнаго посольствомъ Форсайта въ 171 $^3/_4$ в. разстоянія отъ Кашгара до Яркенда [2]), на разстояніе отъ Яркенда до Хотана останется 283 вер., въ томъ числѣ отъ Яркенда до Гума 133 в. и отъ Гума до Хотана 150 вер. [3]). Такъ какъ отъ Гума до

---

[1]) Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie etc., première partie, Paris, 1897, p. p. 40 et 94. Свенъ Хединъ опредѣляетъ разстояніе отъ Кашгара до Хотана ровно въ 500 в. („Въ сердцѣ Азіи. Памиръ, Тибетъ, Вост. Туркестанъ. Путешествіе Свена Гедина“, т. 2, С.-Пб., 1889, стр. 39), но свѣдѣнія Гренара, проѣхавшаго здѣсь четыре раза, кажутся болѣе надежными. По „Си-юй-вынь-цзянь-лу“, изданному въ 177$^2/_3$ г. сочиненію, содержащему описаніе Кит. Туркестана, отъ Кашгара до Яркенда 420 ли и отъ Яркенда до Хотана 670 ли, итого значитъ 1090 ли („Описаніе Чжуньгаріи и Вост. Туркестана“, перев. монаха Іакинфа, С.-Пб., 1829 г., стр. 240), но итогъ разстояній между станціями даетъ вмѣсто 1090 только 1065 ли, въ томъ числѣ между Хотаномъ и Гума 290 ли и между Гума и Яркендомъ 360 ли. По о. Іакинфу, „ли есть китайская мѣра поверхности земли, содержащая... россійскихъ саженъ 271 $^1/_{11}$“ (тамъ же, стр. XVI).

[2]) Report of a Mission to Yarkund in 1873 under command of Sir F. D. Forsyth, Calcutta, 1875, p. 430.

[3]) Два послѣднихъ разстоянія, за разногласіемъ маршрутовъ, взяты приблизительно по картѣ Громбчевскаго 1895 г., основанной на съемкахъ и астрономическихъ опредѣленіяхъ многихъ пунктовъ. Разногласіе маршрутовъ видно изъ слѣдующаго. По маршрутамъ, напечатаннымъ въ Forsyth's Report, p.p. 424 a. 442, выходитъ, что отъ Яркенда до Гума 153 в. и отъ Гума до Хотана 156$^3/_4$ в., т.-е. въ итогѣ 309$^3/_4$ в., но тутъ маршрутъ отъ Каргалыка чрезъ Гума до Хотана доставленъ агентомъ изъ азіатцевъ, а потому недостаточно достовѣренъ. По маршрутамъ, напечатаннымъ при „Отчетѣ о поѣздкѣ въ

Пишна около 25 в., то отъ Хотана до Пишани, лежавшей западнѣе Гума, слѣдуетъ считать около 170 вер., и такимъ образомъ 380 ханьскихъ ли оказываются соотвѣтствующими 170 в., т.-е. 1 в. равняется немного болѣе, чѣмъ $2^1/_5$ ханьскихъ равнинныхъ ли (2,235). Нѣтъ никакихъ причинъ считать показаніе Хань-шу о разстояніи въ 380 ли отъ Юйтяни до Пишани ошибочнымъ. Между тѣмъ оно находится въ явномъ несоотвѣтствіи съ ханьскими разстояніями отъ Пишани до Согюя (Яркенда) въ 380 же ли, ибо дѣйствительное разстояніе Пишна отъ Яркенда не 170 вер., какъ до Хотана, а только около 120 в. (вмѣсто вышеупомянутыхъ 133 в. до Гума, потому что Пишна западнѣе Гума и ближе къ Яркенду верстъ на 13). Еще болѣе несоотвѣтственно двукратное ханьское показаніе Согюя отъ Сулэ въ 560 ли [1]), когда въ дѣйствительности это разстояніе опредѣлилось нынѣ въ $171^3/_4$ вер. Искать объясненія указываемыхъ несоотвѣтственностей въ трудности или гористости путей изъ Согюя въ Пишань и Сулэ нельзя, потому что дороги эти, какъ и путь изъ Юйтяни въ Пишань, пролегали одинаково по равнинамъ. Не пригодно также объясненіе, что Юйтянь, Согюй и Сулэ занимали въ ханьское время не тѣ мѣста, какъ нынѣ, потому что перемѣщенія означенныхъ городовъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, не могли, однако, превышать десятка, самое большее двухъ десятковъ верстъ, дабы не отдаляться отъ тѣхъ естественныхъ выгодъ и условій, которыя созидали культурное и политическое значеніе означенныхъ городовъ, незначительное же измѣненіе разстояній не въ состояніи объяснить затрудняющія насъ въ данномъ случаѣ большія несообразности. Приходится во всякомъ случаѣ выбирать кажущееся наиболѣе вѣрнымъ

Кашгаръ и южную Кашгарію въ 1885 г. старшаго чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Ферганской области поручика Гронбчевскаго" (г. Новый Маргеланъ, безъ означенія года, стр. 160), отъ Кашгара до Янги-хиссара 66 в. и далѣе до Яркенда 126 в., итого отъ Кашгара до Яркенда 192 в.: отъ Яркенда до Каргалыка 64 в. и далѣе до Гума 87 в., итого 151 в. (въ томъ числѣ отъ Каргалыка до Чулакъ-лянгара 51 в. и отъ него до Гума 36 в.): отъ Гума до Хотана 172 в., итого отъ Яркенда до Хотана 323 в., а всего отъ Кашгара до Хотана 515 в. По маршрутамъ Гренара (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, troisième partie, Paris, 1898, p p. 216--217), отъ Кашгара до Янги-хиссара 70 километровъ и затѣмъ до Яркенда 113,5 к., итого отъ Кашгара до Яркенда 183,5 к (т.-е. около 172 в., какъ и по маршруту миссіи Форсайта); отъ Яркенда до Каргалыка 66,5 к., отъ Каргалыка до Чулакъ-лянгара 45,5 к. и отсюда до Гума 31,5 к., итого отъ Яркенда до Гума 143.5 к. (134,5 в.), отъ Гума до Хотана 158 к. (148,1 в.), итого отъ Яркенда до Хотана 301,5 к., а всего отъ Кашгара до Хотана 485 кил. По завѣренію Гренара (тамъ же, p.p. 249—250), начальникъ миссіи и самъ онъ тщательно принимали мѣры для точнаго опредѣленія разстояній, которыя получались при помощи счета шаговъ лошади, производимаго ими лично, а не довѣрявшагося прислугѣ. Такъ какъ въ 1885 г. Б. Л. Громбчевскій лишь начиналъ дѣятельность путешественника-изслѣдователя и не обладалъ еще тою подготовкою, какую имѣли члены французской экспедиціи, то маршрутъ Гренара долженъ быть признанъ болѣе достовѣрнымъ, тѣмъ болѣе, что его показанія близко сходятся съ картою, изданною въ 1895 г.

[1]) Въ статьѣ о Согюѣ и въ статьѣ о Сулэ. См. „Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 62 и 63, Wylie, p.p. 47, 48.

изъ этихъ трехъ показаній, дающихъ сравнительно съ дѣйствительными разстояніями разныя величины для ханьскаго ли въ смежныхъ и одинаково равнинныхъ мѣстностяхъ юго-западной Кашгаріи. Слѣдуетъ предпочесть показаніе о разстояніи между Юйтянью и Пишанью, какъ дающее величину ли, наиболѣе подходящую къ размѣрамъ ли на путяхъ въ Усунь и чрезъ Давань въ Большой Юечжы и въ Аньси [1]), ибо съ этими странами Китай имѣлъ всего болѣе частыя сношенія и по путямъ въ Усунь и въ Давань ходили китайскія арміи, почему разстоянія не могли не быть съ точностью установлены. Сверхъ того и разстояніе между Хотаномъ и Пишна должно было быть хорошо извѣстно, какъ лежащее на дорогѣ въ Гибинь и Угэшаньли. Хотя, какъ выше приведено, вступленіе къ описанію Западнаго края утверждаетъ, что южная дорога вела до Согюя и направлялась далѣе въ Б. Юечжы и Аньси, но въ самыхъ описаніяхъ западныхъ странъ нѣтъ о такомъ пути отъ Согюя никакого упоминанія и остается неизвѣстнымъ—гдѣ именно онъ проходилъ. Тогда какъ въ статьѣ о Сулэ (стр. 63) сказано, что чрезъ этотъ городъ „лежитъ большая дорога на западъ въ Давань, Кангюй и Б. Юечжы", описаніе Согюя (стр. 62) хранитъ о какихъ-либо путяхъ чрезъ него полное молчаніе. Изъ всего этого можно заключить, что хотя, можетъ-быть, и существовала чрезъ Согюй дорога на Аму-дарью, но она рѣдко употреблялась. Той же рѣдкостью сообщеній Китая съ Согюемъ объясняется отсутствіе свѣдѣній о разстояніи между Юйтянью и Согюемъ, а равно ошибочность показанія преувеличеннаго разстоянія въ 560 ли между Согюемъ и Сулэ. Въ виду всего этого представляется вѣроятнымъ, что разстояніе между Согюемъ и Сулэ показано въ 560 ли вмѣсто 360 ли по ошибкѣ или опискѣ и что подобнымъ же образомъ разстояніе между Согюемъ и Пишанью означено въ 380 ли вмѣсто 280 также по опискѣ или ошибкѣ; это тѣмъ болѣе допустимо, что предлагаемыя цифры 360 и 280 ли даютъ при дѣйствительныхъ нынѣшнихъ разстояніяхъ въ 172 вер. и въ 120 в. мѣру ли, близкую къ выводимой изъ разстоянія, показаннаго между Хотаномъ и Пишанью, именно 2,091 ли, 2,333 ли и 2,235 ли въ одной верстѣ.

Что касается до дѣлавшихся доселѣ въ научной литературѣ пріуроченій Пишани, то о. Іакинфъ, слѣдуя, какъ всегда, мнѣніямъ китайскихъ писателей XVIII и начала XIX стол., но не приводя ихъ основаній, помѣщалъ Пишань на мѣстѣ сел. Пишаная, лежащаго «въ 310 ли отъ Яркяна, на юго-западъ» [2]); на картѣ при «Собраніи свѣдѣній» и пр. Пи-

---

[1]) Недостатокъ мѣста не дозволяетъ мнѣ привести здѣсь фактическія по этому предмету данныя.

[2]) „Собраніе свѣдѣній". ч. 3, 1851 г., приложенный къ этой части „Топографическій указатель", стр. 55. Но въ „Описаніи Чжуньгаріи" и пр., 1829 г., стр. XXXI, Пишинай показанъ „въ 300 ли отъ Яркяна на юго-востокъ".

шань-Пишинай показанъ правильно на юго-востокѣ отъ Яркенда-Согюя. В. В. Григорьевъ пріурочивалъ Пишань къ станціи Пишнанъ, значащейся по дорогѣ изъ Хотана въ Яркендъ на Carte de l'Asie centrale Клапрота, 1833 г. [1]). По свѣдѣніямъ Wylie, «Se yih t'ung wan che» (кн. III, fol. 25), китайскій географическій словарь, считаетъ Duwa, Яркендской области, за мѣсто расположенія древняго Pe-shan. Shwuy king choo t'oo tseen kaou (кн. I, fol. 3) помѣщаетъ Пишань на юго-востокъ отъ Яркенда и на западъ отъ Хотана» [2]). Рѣчка Доа упоминалась рядомъ съ рѣчкою Санджу въ описаніи Китайскаго Туркестана, составленномъ при пенджабскомъ управленіи по свѣдѣніямъ яркендца Мохаммедъ-Эмина, въ началѣ 60-хъ годовъ [3]). По картѣ путешествій Б. Л. Громбчевскаго,—одинъ изъ маршрутовъ котораго пересѣкъ ее въ горной части ея теченія,—на р. Дуа лежитъ по дорогѣ изъ Хотана въ Яркендъ сел. Піяльма, а въ горахъ сел. Дуа; первое отстоитъ отъ Хотана верстъ на 70, а второе верстъ на 80 [4]), откуда слѣдуетъ, что бассейнъ р. Дуа совершенно не подходитъ для помѣщенія древней Пишани по несоотвѣтственности даннымъ въ «Хань-шу» разстояніямъ. Вѣроятно, составители шестиязычнаго словаря намѣтили Пишань въ Дуа единственно по нахожденію Дуа на юго-западѣ отъ Хотана, о разстояніи же этой рѣки отъ Хотана основательныхъ свѣдѣній не имѣли. По имени, тождественному съ Пишань, по расположенію именно на западъ отъ Юйтяня и на юго-востокъ отъ Согюя, наконецъ, по разстоянію отъ Юйтяня нынѣшнее селеніе Пшна или Пишна, несомнѣнно, было мѣстомъ нахожденія ханьской Пишани.

---

[1]) „Вост. или Кит. Туркестанъ“, С.-Пб., 1873, стр. 33

[2]) Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1880, vol. X, p. 30. „Си-юй-тунъ вынь-чжи“ есть географическій словарь на шести главныхъ языкахъ Китая, составленный особымъ офиціальнымъ комитетомъ и изданный въ 1763 г. (В. В. Григорьевъ, „Вост. или Кит. Туркестанъ“, 1873 г., стр. 407 и 356). Приводя списокъ мѣстъ, астрономически опредѣленныхъ миссіонерами около 1760 г., В. В. Григорьевъ призналъ Peicheniia за Пишань (тамъ же, стр. 403). Въ настоящее время выясняется, что это не Пишань,—которая, впрочемъ, и не могла отстоять отъ Хотана на западъ лишь на одну минуту, именно оказаться подъ 35°53′ зап. долг. отъ Пекина при нахожденіи Хотана (Ильчи) подъ тѣмъ же градусомъ и 52′,—а или селенія 300 дворовъ таглыковъ на правомъ притокѣ Каракаша рѣчкѣ Пшиніи, о которыхъ упоминаетъ Б. Л. Громбчевскій („Изв. И. Р. Геогр. Общ.“ за 1890 г., стр. 97), или означенныя на картѣ путешествій Громбчевскаго, почти на меридіанѣ Хотана, въ горахъ къ югу отъ него, въ бассейнѣ Юрункаша, два селенія Пише. Надо при этомъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что на картѣ этой праваго притока Каракаша съ именемъ Пшинія не оказывается, а есть только рѣчка Пишнія, именуемая въ низовьѣ Писа-дарьей и составляющая лѣвый притокъ Юрункаша. И Пише, и Пшнія не входили въ маршруты Громбчевскаго и нанесены по разспросамъ или на основаніи болѣе или менѣе разспросной карты или картъ.

[3]) В. В. Григорьевъ, „Вост. или Кит. Туркестанъ“, 1873, стр. 487.

[4]) Изъ рукописныхъ дневниковъ Б. Л. Громбчевскаго (подъ 21, 23 и 24 февр. 1890 г.) видно, что по его маршруту отъ сел. Дуа до г. Хотана 100 вер.; но онъ шелъ кружной дорогой, горами, прямымъ же путемъ, который, вѣроятно, существуетъ, отъ Дуа до Хотана не должно быть болѣе 80 вер.

2. Владѣніе Уча, нынѣшній Сарыколъ, и Висячій переходъ.

Какъ приведено уже, отъ Пишани до Уто показано, на юго-западъ, разстояніе въ 1.340 ли, и выяснено, что «на юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли». Въ описаніи Гибини значится: «на востокъ до Уто 2.250 ли» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 48). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Уто находилось отъ Пишани на юго-западѣ въ 1.340 ли, на дорогѣ въ Гибинь, отстоявшую отъ него на западъ въ 2.250 ли. Такъ какъ Гибинь была государствомъ, лежавшимъ, почти безспорно, въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, со столицею около Пишавера, то опредѣленное нами въ главѣ I по кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путямъ отъ Пишны до Пишавера разстояніе въ 1.166 в. должно равняться суммѣ разстояній отъ Пишани до Уто и отъ Уто до Гибини, т.-е. 3.590 ли. Хотя при сличеніи этихъ цифръ на одну версту приходится 3,078 ли, тогда какъ между Хотаномъ и Пишанью на версту причиталось лишь 2,235 ли, но это не должно насъ смущать, потому что вся мѣстность между Пишанью и Гибинью отличается особой гористостью и трудностью путей, а потому всѣ разстоянія показаны въ «Хань-шу» и ея источникахъ преувеличенными противъ дѣйствительныхъ, опредѣляющихся точными измѣреніями. При разстояніи отъ Пишани въ 1.340 ли, Ташъ-курганъ, отстоящій отъ Пишны въ 375 в., или ближайшія къ нему мѣста являются единственно подходящими для помѣщенія ханьскаго **Уто**.

Обращаясь къ имени этого владѣнія, тождественнаго съ именемъ его столицы, найдемъ, что въ переводѣ 96 книги «Хань-шу», напечатанномъ въ 1829 г. въ «Описаніи Чжунгаріи» и пр. (стр. 18), о. Іакинфъ читалъ это имя **Ячжа**. Всѣ остальные синологи читаютъ не Ячжа и не Уто, какъ сталъ писать Іакинфъ въ «Собраніи свѣдѣній» 1851 г., а **Уча**, такъ что правильнымъ чтеніемъ должно быть признано Уча [1]). Если такимъ образомъ истинное чтеніе есть Уча, то явнымъ пережиткомъ этого ханьскаго имени слѣдуетъ почитать селеніе и рѣку **Вача**, какъ зовутъ киргизы, или **Учи**, какъ произносятъ мѣстные жители, сарыкольцы [2]).

---

[1]) Даже французскій синологъ Эмбо Юаръ, слѣдующій сѣверно-мандаринскому произношенію (какъ о. Іакинфъ до „Собранія свѣдѣній", въ которомъ приблизился къ южно-мандаринскому произношенію, котораго держатся всѣ европейскіе синологи), читаетъ это имя Outcha (Recueil de documents sur l'Asie centrale, par Camille Imbault Huart, Paris, 1881, pp. 195, 199 etc). Однако Abel Rémusat придерживающійся южнаго произношенія, даетъ, переводя статью о Гибини, не Уча, а Яча: отъ Гибини на востокъ 2250 ли до владѣнія Yatcha (Nouveaux Mélanges asiatiques etc., t. 1, Paris, 1829. p. 205). Положимъ, Ремюза переводилъ не съ подлинника „Цянь-хань-шу", а съ извлеченій въ сборникѣ Матуаньлиня, но уклоненія послѣдняго отъ подлинныхъ текстовъ рѣдки и почти всегда имѣютъ основанія.

[2]) Exploration in Saricol. by Captain Deasy, въ Geograph. Journal, London. 1899, p. 628. То же имя Учи (Uchi) для селенія, долины и рѣки употреблялось въ свѣдѣніяхъ яркендца Мохаммедъ-Эмина, въ началѣ 60-хъ годовъ, о Сырыколь-

Что долина Учи или Уча была резиденціею правителя и давала свое имя совокупности смежныхъ долинъ, изъ которыхъ важнѣйшими были учійская, тунская и тагдынбашская,—это весьма вѣроятно, такъ какъ она занимала центральное положеніе. Въ описаніи «Хань-шу» говорится: «Народонаселеніе состоитъ изъ 490 сем., 2723 душъ; строевого войска 740 чел. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 4.892 (ли). Сіе владѣніе... лежитъ въ горахъ; хлѣбопашество между каменьями. Домы строятъ изъ камня. Простолюдины пьютъ пригоршнями. Отсюда получаются иноходцы. Находятся ослы, а крупнаго рогатаго скота нѣтъ» [1]). Въ нынѣшнихъ описаніяхъ осѣдлаго Сарыкола встрѣчаемъ почти то же самое или подходящее. Все населеніе, изъ деревень котораго упоминались, кромѣ Ташкургана, между прочимъ Wacha, Kichik Tung, Tung, опредѣлялось миссіею Форсайта (1874 г.) въ 2.500 домовъ, около 17.500 душъ; древесной растительности мало: тополь, ива, есть также можжевельникъ и пр., въ долинѣ Тунъ тутовыя и абрикосовыя деревья. У каждой деревни свои пашни. Сѣютъ пшеницу и ячмень, два сорта бобовъ и пр. Водятъ овецъ, козъ, лошадей, верблюдовъ, коровъ, кутасовъ [2]). Дома выстроены изъ камня и глины [3]). Капитанъ Путята, въ 1883 году, оцѣнялъ численность жителей долины Тагдынбаша и Тагармы въ 1420 душъ, населеніе же всего Сарыкола, считая и всѣхъ киргизъ по М. Каракулю, Рангъ-кулю и Мужи, въ 3.354 д. [4]), но сюда не было включено населеніе долинъ Вача, Туна и нѣкоторыхъ меньшихъ.

скомъ или Ташкурганскомъ владѣніи, помѣщенныхъ въ Davies' Report on the Trade Routes of the North-West Frontier, Appendix, Lahor, 1862 (см. переводъ у В. В. Григорьева „Вост. или Кит. Туркестанъ“, 1873 г., стр. 492 и слѣд.).

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, стр. 45 и 46. У Wylie, p. 31, встрѣчаются слѣдующія отличія въ переводѣ: The hills are surrounded by cultivated filds, and white grass grows among the rocks. The dwelling—houses are built of stone; and the people join hands in drinking. They have small trained horses and asses, but no oxen.

[2]) Forsyth's Report etc., 1875, Calcutta, pp. 55 и слѣд.

По завѣренію французскаго путешественника Доверня, бывшаго въ долинѣ Туна въ 1889 г., „снѣгъ тамъ зимою неизвѣстенъ и климатъ дозволяетъ культуры и плоды умѣренныхъ странъ“ („Bull. de la Société de Géographie“, 1890, p. 51). По Свену Хедину, въ садахъ долины р. Туна растутъ грецкіе орѣхи, абрикосы, яблони; яковъ и верблюдовъ здѣсь не держатъ, видны только коровы, ослы, лошади, овцы и козы; въ долинѣ Учи (Тенъ-абъ) упоминаются посѣвы пшеницы, овса (?) и клевера, а жилища не мало напоминаютъ Хедину персидскія („Въ сердцѣ Азіи“, т. 2, 1899 г., стр. 29 и 32). Въ ненапечатанныхъ еще дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго, подъ 12 окт. 1888 г., замѣчено, что пшеница не растетъ въ селеніи (селеніяхъ?) Вача, хотя поспѣваетъ въ Ташкурганѣ, Тагармѣ и Пчанъ-артѣ (10.800 ф.). „Думаю, что это отчасти надо приписать открытому для вѣтровъ положенію ущелья“. Въ дневникахъ неоднократно выяснено, что Вача произносятъ также Учу. Подъ 18 окт. 1888 г. приведены разспросныя свѣдѣнія о нефритовыхъ копяхъ близъ сел. Тунгъ, нѣсколько выше крѣпости, въ которой живетъ хакимъ всего Сарыкола Абласанъ-бекъ.

[3]) Гордонъ, членъ миссіи Форсайта, см. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ на верховьяхъ Аму-дарьи“, С.-Пб., 1879 г., стр. 150.

[4]) „Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 10, С.-Пб., 1884 г., стр. 51.

О. Іакинфъ въ «Описаніи Чжуньгаріи» и пр., 1829 г. (стр. XX). признавалъ Ячжа за Бадахшанъ, но въ «Собраніи свѣдѣній», 1851 г., отъ пріуроченія Уто уклонился.

Въ правленіе Цянь-Лунъ, по присоединеніи къ китайскимъ владѣніямъ Чжунгаріи и Восточ. Туркестана, въ началѣ второй половины XVIII в., тогдашній императоръ распорядился о составленіи описанія «Новой Границы», которое возложено было на особый комитетъ изъ 36 ученыхъ и нѣсколькихъ сановниковъ и генераловъ, въ числѣ которыхъ были участники завоеванія Кашгаріи. Труды этого комитета были изданы подъ заглавіемъ «Си-юй-ту-чжи», т.-е. «Описаніе западнаго края», съ введеніемъ, статьи котораго, въ стихахъ и прозѣ, составлены самимъ императоромъ или приписаны его кисти [1]). Излагая современныя событія и описывая западный край, комитетъ приводилъ и историческія свѣдѣнія, при чемъ пріурочивалъ древнія государства и пр. къ современнымъ мѣстностямъ. Пріуроченія эти во многомъ неудачны вслѣдствіе недостаточности и неудовлетворительности современныхъ географическихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе, несмотря на умноженіе и улучшеніе географическихъ свѣдѣній въ позднѣйшее время, мнѣнія «Си-юй-ту-чжи» и понынѣ считаются китайцами непреложными. Такъ, официальная географія Китая (Дай-цин-и-тун-чжи) въ описаніяхъ Центр. Азіи составляетъ лишь сокращеніе «Си-юй-ту-чжи» и новыя свѣдѣнія въ ней весьма рѣдки [2]). Уча составители «Си-юй-ту-чжи» пріурочиваютъ къ Бадахшану, разсуждая такимъ образомъ: «Мы видимъ, что отъ владѣнія Пишань, расположеннаго на западѣ отъ владѣнія Юйтянь, о которомъ говорится въ «Исторіи дин. Хань», до владѣнія Уча, въ направленіи къ Ю.-З., 1340 ли. Нынѣ отъ города Хотана, слѣдуя на западъ до столицы Бадахшана, тоже около 1300 ли: очевидно, разстояніе одинаково». Затѣмъ въ описаніи Уча сказано, что «жители обитаютъ въ горахъ, среди полей и скалъ», но и въ Бадахшанѣ то же самое: «очевидно, это владѣніе есть Бадахшанъ нашихъ дней» [3]). Горныхъ странъ на западъ или юго-западъ отъ Хотана или Пишани такъ много, что обитаніе въ горахъ съ пашнями между горъ, камней и скалъ само по себѣ и одно не можетъ опредѣлять мѣстонахожденія древняго Уча и оправдывать пріуроченіе непремѣнно къ Бадахшану. Что же касается разстояній, то очевидность одинаковости ихъ достигнута составителями «Си-юй-ту-чжи» сличеніемъ разстоянія отъ Хотана до Файзабада въ 1300 ли съ разстояніемъ отъ Пишани до Уча въ 1340 ли, а не отъ Хотана же до

[1]) В. В. Григорьевъ, „Вост или Кит. Туркестанъ", 1873 г., стр 404. Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes. Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, pp. 59—63 Въ послѣдней книгѣ авторъ ея, между прочимъ, помѣстилъ сдѣланные имъ переводы статей „Си-юй-ту-чжи" о Бадахшанѣ, Кокан̕ѣ, Авганистанѣ, странахъ киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ и пр.

[2]) Recueil de documents etc., p. 59.

[3]) Recueil de documents etc., p. 203.

Уча, какъ слѣдуетъ: съ прибавкою же 380 ли отъ Юйтяня до Пишани разстояніе отъ Юйтяня или Хотана, по ханьскимъ даннымъ, оказывается равнымъ 1720 ли противъ 1300 ли, которыя считаетъ «Си-юй-ту-чжи» для своего времени. Сверхъ того и разстояніе въ 1300 ли отъ Хотана до Файзабада слишкомъ уменьшено противъ дѣйствительности, ибо это разстояніе по одному изъ кратчайшихъ путей чрезъ Пишна (170 в.), Ташкурганъ (375 в.), Кала-и-Пянджъ (288 в.) до Файзабада (211 в.) равняется 1044 в. [1]), т.-е. около 2.100 ли, да притомъ ли не горныхъ, а равныхъ полуверстѣ, по крайней мѣрѣ, каждая.

По мнѣнію Wylie, указанія текста ханьскаго описанія помѣщаютъ территорію Уча (Woo-cha) гдѣ-нибудь около Сарыкола, можетъ-быть близъ нынѣшняго Kurgan-i-Ujadbai (p. 31). Какія именно указанія текста имѣлъ Wylie въ виду, имъ не выяснено, но, вѣроятно, онъ въ особенности разумѣлъ слѣдующее заключеніе описанія Уча, которое мы приведемъ по переводу о. Іакинфа: «Отъ сего владѣнія на западъ лежитъ висячій переходъ (по замѣчанію о. Іакинфа въ китайскомъ текстѣ хюань-ду), отъ кр. Янъ-гуань 5888, отъ мѣстопребыванія намѣстника въ 5020 ли. Висячій переходъ лежитъ чрезъ каменную гору, въ которой нѣтъ ущелій для прохода, а черезъ гору переправляются, взбираясь и спускаясь по веревкѣ» (стр. 46). Wylie, p. 31, переводитъ первую фразу такъ: To the west is the Hindu Cush. Слѣдующая фраза передана одинаково съ о. Іакинфомъ, а затѣмъ: The Hindu Cush is a rocky mountain range. There are gorges and valleys with no connecting road, but having ropes and chains thrown a cross, by means of wich the passage is effected. Такимъ образомъ Wylie вмѣсто хюань-ду прочелъ Хиндукушъ. Между тѣмъ еще Клапротъ и Абель Ремюза читали согласно или близко съ о. Іакинфомъ Hian-tou, а первый еще пояснялъ, что въ переводѣ съ китайскаго это значитъ «висячій переходъ» (passage suspendu) [2]). Эмбо Юаръ перевелъ цитированныя въ «Си-юй-ту-чжи» эти самыя мѣста «Хань-шу» такъ: «На западѣ этой страны il y a des passages suspendus... Ces passages sont des montagnes de rochers. Comme les montagnes sont séparées par des vallées profondes, on passe de l'une à l'autre à l'aide de cordes et de chaînes [3]). Въ виду всего этого чтеніе Хиндукушъ вмѣсто «висячій переходъ»,—

[1]) Источники первыхъ трехъ цифръ см. въ главѣ I, разстояніе же 211 в. до Файзабада взято изъ маршрута Мирзы, одного изъ англо-индійскихъ развѣдчиковъ (Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи", С.-Пб., 1879 г., стр. 135). По пути отъ Хотана чрезъ Пишань (170 в.), Ташкурганъ (375 в.), укр. Памирское (156 в.), Баръ-Пянджъ (324 в. по Гунту) до Файзабада (100 в.) всего 1125 в.; тутъ разстояніе въ 100 в. взято примѣнительно къ свѣдѣніямъ Н. Н. Покотило („Изв. И. Р. Геогр. Общ." за 1889 г., стр. 502), основанія же остальныхъ приведены въ главѣ I.

[2]) Magazin asiatique etc., publiée par Klaproth, t. 2, Paris, 1826, pp 93, 95. Nouveaux Mélanges asiatiques, par Ab. Rémusat, t. 1, p. 209.

[3]) „Это T'ie so tç'iao, мосты изъ желѣзныхъ цѣпей или висячіе мосты, какіе существуютъ еще въ Тибетѣ, особенно въ провинціяхъ Вей и Цзанъ. По-

какъ надлежитъ переводить китайскіе знаки хюань-ду или хіань-ту,—не можетъ-быть признано правильнымъ, тѣмъ болѣе, что имя Хиндукушъ, значащее «индоубійца», сколько извѣстно, встрѣчается впервые у арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты въ XIV в. и примѣнялось лишь къ западной части хребта, на восточную же распространено главнымъ образомъ европейскими писателями и мѣстному населенію неизвѣстно. За исключеніемъ обращенія «висячаго перехода» въ Хиндукушъ, переводъ Wylie, близкій къ переводу Эмбо Юара, приходится предпочесть переводу о. Іакинфа, придерживаясь, однако, и версіи французскаго синолога, который, повидимому, отчасти лучше понялъ трудный подлинникъ [1]). Именно „висячій переходъ“ есть мѣстность, гдѣ въ скалистыхъ горахъ и ущельяхъ нѣтъ дороги и путешественникамъ и, конечно, ихъ животнымъ и тяжестямъ приходится пробираться при помощи веревокъ и цѣпей. О „висячемъ переходѣ“ и вообще о пути отъ Пишани до этой мѣстности есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ докладѣ сановника Дунъ Киня (Too Kin), помѣщенномъ въ статьѣ «Хань-шу» о Гибини, по поводу извинительнаго посольства, присланнаго гибиньскимъ государемъ въ 32 г. до Р. Х. послѣ наложенія его предмѣстникомъ цѣпи на поссорившагося съ нимъ китайскаго посланника и убіенія его товарища и 70 человѣкъ свиты; это посольство было уже второе, такъ какъ первое, явившееся нѣсколько лѣтъ ранѣе, оставлено было безъ отвѣта. На этотъ разъ предположено назначить для обратнаго препровожденія посольства китайскаго посланца. Дунъ Кинь возражалъ противъ отправки китайскаго посланца на томъ основаніи, что прежній владѣтель Иньмофу, возведенный на престолъ при содѣйствіи одного изъ китайскихъ пословъ, злодѣяніями своими противъ другого посла и его свиты лишилъ Китай возможности имѣть съ Гибинью сношенія. Да и нѣтъ въ нихъ никакой надобности, потому что гибиньское войско „не въ состояніи проникнуть черезъ верхи Висячаго перехода“ („Собраніе свѣдѣній“, 3, стр. 50) или, скорѣе, чрезъ ущелья Висячаго перехода (the dangerous passes of Hindu Cush—у Wylie, p. 37, и les défilés des Hian-tou, по переводу Ab. Rémusat въ Nouveaux mélanges asiatiques etc., t.

тибетски ихъ называютъ ltchags zam, гдѣ zam-мостъ, а ltchags-желѣзо“ (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, p. 199).

[1]) Но съ догадкой его о существованіи въ Висячемъ переходѣ мостовъ изъ желѣзныхъ цѣпей, подобныхъ тибетскимъ, согласиться, на мой взглядъ, невозможно: изъ текста она ни малѣйше не вытекаетъ, предположеніе же объ устройствѣ желѣзныхъ мостовъ въ безлюдныхъ и отдаленныхъ отъ жилыхъ мѣстъ ущельяхъ на Памирѣ или его окраинахъ представляется совершенно невѣроятнымъ. Положимъ, желѣзо въ то время было извѣстно населенію Восточнаго Туркестана. Въ ханьскомъ описаніи владѣнія Жокянъ, о которомъ будетъ сказано ниже, говорится: „Въ горахъ находится желѣзо, изъ котораго (жители) сами для себя дѣлаютъ оружіе“ („Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 38). Но все же добыча желѣза и выдѣлка его, вѣроятно, были дороги и трудны, а потому постройка желѣзныхъ мостовъ крайне сомнительна, тѣмъ болѣе, что подобныхъ мостовъ нигдѣ въ предѣлахъ Вост. Туркестана не существуетъ и о существованіи ихъ въ прежнія времена никакихъ извѣстій не имѣется.

I, Paris, 1829, p. 208) въ подвластныя Китаю земли. Притомъ же и посольство состоитъ не изъ родственниковъ владѣтеля и сановниковъ его, а изъ купцовъ, которые подъ видомъ посольства явились торговать. Затѣмъ командированіе китайскаго посланца съ соотвѣтствующею свитою для сопровожденія этихъ торговцевъ было бы напраснымъ и тяжкимъ обремененіемъ для посланца и людей его свиты вслѣдствіе большихъ трудностей и опасностей пути въ Гибинь, не говоря уже объ оскорбленіяхъ или худшемъ, которыя возможны со стороны гибиньскаго владѣтеля, судя по бывшему примѣру. «Отъ Пишани на югъ находится до пяти («четыре-пять», по переводу Wylie, p. 37) государствъ, независимыхъ отъ Китая». Сотня людей китайскаго провожатаго должна будетъ днемъ и ночью содержать бдительный караулъ для самозащиты и для охраны ословъ и скота, везущаго съѣстные припасы, отъ похищенія со стороны разбойниковъ, дабы не стать въ полную зависимость относительно пищи отъ мѣстныхъ жителей, ибо если мѣстныя владѣнія слабы и бѣдны, то они не въ состояніи доставить съѣстные припасы, если же богаты и сильны, то отказываютъ доставлять ихъ по жестокосердію. При такихъ обстоятельствахъ китайскимъ посланцамъ и провожатымъ нерѣдко приходится умирать въ горахъ и ущельяхъ съ голоду, ибо не могутъ выпросить пищи, даже въ видѣ милостыни, для спасенія жизни. Часто въ какихъ-нибудь 10—20 дней люди и животныя умираютъ въ пустыняхъ безвѣстно [1]). На пути приходится ѣхать чрезъ двѣ горы головной боли («болиголовныя», у Іакинфа, «Céphalalgiques»—у Аб. Ремюза), большую и малую; земля тамъ красная, склоны же ихъ раскалепы до такой степени, что человѣческое тѣло теряетъ отъ жара свой естественный цвѣтъ, люди подвергаются головной боли и рвотѣ [2]). «Это заразительный воздухъ горныхъ долинъ» [3]). Затѣмъ тамъ есть два озера съ скалистыми берегами, вдоль которыхъ пролегаетъ узкая тропинка, шириною въ 16—17 дюйм., на протяженіи 30 ли, надъ пропастью ужасающей глубины; по ней всѣ путешественники,—какъ ѣдущіе на лошадяхъ, такъ и пѣшіе,—связываются

[1]) Я пользовался въ изложеніи досюда всѣми тремя переводами (Іакинфа, Ремюза и Wylie), не придерживаясь котораго-либо исключительно.

[2]) Такъ у A. Rémusat (p. 209): La terre y est rouge; les flancs en sont brulans, au point que les hommes dévorés par la chaleur y perdent leur teint naturel, et qu'on y éprouve un violent mal de tête accompagné de vomissemens. По переводу о. Іакинфа: „Еще надобно проѣзжать двѣ болиголовныя горы, большую и малую. Тамъ на раскаленныхъ услонахъ земля голая, и тѣло человѣческое отъ жара лишается цвѣта; зной производитъ головную боль и тошноту. То же самое дѣлается и со скотомъ“.

У Wylie вмѣсто этого слѣдующее: Again, on passing the Great Headache Mountain, the Little Headache Mountain, the Red Land, and the Fever Slope, men's bodies become feverish, they lose colour, and are attacked with headache and vomiting; the asses and cattle being all in like condition (p. 37).

[3]) Эта фраза только у о. Іакинфа (стр. 51).

другъ съ другомъ посредствомъ веревокъ [1]). Пройдя 2000 ли (откуда? надо полагать отъ Пишани, упомянутой въ качествѣ начальнаго пункта), достигаютъ Висячаго перехода, «гдѣ низвергшійся скотъ, не достигнувъ и до половины пропасти, раздробляется на части, людей же упавшихъ и отыскивать трудно. Невозможно изобразить опасностей въ утесистыхъ горахъ тамошнихъ». Послѣдняя фраза взята у о. Іакинфа (стр. 51 и 52); у Аб. Ремюза вмѣсто того находимъ: «Пройдя 2 т. ли, достигаютъ страны Хіань-ту, но препятствія для путешествія далеко и здѣсь не заканчиваются; блуждая въ ущельяхъ, отдѣлившіеся другъ отъ друга путники теряютъ свои послѣднія силы и не могутъ оказывать болѣе другъ другу помощи. Всѣхъ опасностей, которымъ они подвергаются среди страны, столь усѣянной недоступными горами и непроходимыми ущельями, невозможно описать" (p. 209). Переводъ Wylie (p p. 37—38): Afther more than 2000 le the Hindu Cush is reached; more than half the cattle having perished by falling down the chasms, their bodies beying scattered about and dashed to pieces. Men lose their grasp, and they are unable to save each other. In fact, viewing the dangers of these precipitous gorges, the difficulties are beyond description".

Приведенное извлеченіе изъ представленія Дунъ Киня, въ связи съ предшествовавшимъ, вызываетъ слѣдующія замѣчанія и заключенія:

1) Въ описаніяхъ почти всѣхъ владѣній означены разстоянія ихъ (т.-е. ихъ столицъ) отъ китайской столицы, а также отъ мѣстопребыванія намѣстника Западнаго края, находившагося въ 350 ли на востокъ отъ гор. Гуйцы [2]) (нынѣшній Куча). Къ сожалѣнію, значительная часть цифръ этихъ разстояній, въ особенности отъ мѣстопребыванія намѣстника, невѣрна, вслѣдствіе описокъ, опечатокъ, а, можетъ быть, иногда и ошибочныхъ свѣдѣній. Такъ, напр., отъ Согюя (Яркенда) до мѣстопребыванія намѣстника означено 4.746 ли, а отъ Сулэ (Кашгара) только 2.210 ли, тогда какъ разстояніе между Согюемъ и Сулэ опредѣлено лишь въ 560 ли [3]), изъ чего ясно, что та или другая цифра разстоянія до мѣстопребыванія намѣстника невѣрна. Такія невѣрности обыкновенно вынуждаютъ избѣгать пользованія цифрами разстояній до мѣстопребыванія намѣстника, но въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ иныхъ способовъ для опредѣленія мѣстности, нельзя отказываться отъ принятія въ соображеніе и этихъ цифръ, въ особенности ежели онѣ даны въ описаніи одного и того же владѣнія и когда, слѣдовательно, можно предполагать, что онѣ

[1]) Это по переводу Аб. Ремюза (p. 209) и Wylie (p. 37), съ тѣмъ различіемъ, что у послѣдняго вмѣсто deux lacs стоитъ three pools. У о. Іакинфа: „Еще есть высочайшая каменная гора, черезъ которую лежитъ узкая тропа шириною не болѣе $1^2/_3$ фута, длиною до 30 ли; подъ тропою пропасти ужасной глубины. На этой тропѣ путешественники и конные, и пѣшіе одинъ за другого держатся и по веревкѣ ведутъ другъ друга".

[2]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 77. Wylie, p. 95.

[3]) „Собраніе свѣдѣній", стр. 62 и 63. У Wylie, p. p. 47—48.

взяты изъ одного и того же источника и должны были вызывать между собою сличеніе, при несообразности же возможную повѣрку. Именно, какъ приводилось уже выше, въ описаніи Уча (Уто), гдѣ разстояніе этого владѣнія показано въ 4.892 ли отъ мѣстопребыванія намѣстника, значится вмѣстѣ съ тѣмъ, что Висячій переходъ, находящійся на западѣ отъ Уча, лежитъ въ 5.020 ли отъ мѣстопребыванія намѣстника, изъ чего слѣдовало бы заключить, что Висячій переходъ отстоитъ отъ Уча въ 128 ли на западъ, если бы путь отъ резиденціи намѣстника до Висячаго перехода проходилъ чрезъ Уча. Но разстояніе отъ мѣстопребыванія намѣстника до Висячаго перехода могло быть показано чрезъ Сулэ (Кашгаръ), а не чрезъ Уча. Въ описаніи же Уча показано разстояніе до Висячаго перехода въ 5.888 ли отъ китайской пограничной крѣпости Янъ-гуань, путь отъ которой почти несомнѣнно долженъ былъ лежать по южной дорогѣ, чрезъ Уча. Разстоянія Уча отъ Янъ-гуани не означено, но если мы возьмемъ разстояніе Уча отъ китайской столицы 9.950 ли и вычтемъ изъ него разстояніе отъ этой столицы до Янъ-гуань въ 4.500 ли [1]), то разстояніе отъ Янъ-гуани до Уча опредѣлится въ 5.450 ли; въ такомъ случаѣ разстояніе отъ Уча до Висячаго перехода окажется (5.888—5.450) въ 438 ли. Послѣдняя цифра болѣе подходитъ къ цифрѣ въ 2 т. ли, которую намѣчаетъ отъ Пишани до Висячаго перехода, видимо круглымъ счетомъ, Дунъ Кинь, потому что 1.340 ли отъ Пишани до Уча съ добавленіемъ этихъ 438 ли составятъ 1.778 ли.

2) Горы «Головной боли», т.-е. такія, гдѣ у людей и животныхъ обнаруживаются явленія горной болѣзни, находятся во многихъ мѣстностяхъ Памира и его окраинъ, а также въ прилегающихъ къ нему странахъ, такъ что сами по себѣ «Болиголовныя горы» не могутъ служить достаточнымъ указаніемъ на мѣстонахожденіе Висячаго перехода. Раскаленной почвы въ настоящее время на Памирѣ и окрестныхъ странахъ пока нигдѣ не обнаружено, но отвергать утвержденіе Дунъ Киня въ этомъ отношеніи едва ли возможно, такъ какъ и въ настоящее время во многихъ пунктахъ Памира существуютъ горячіе источники высокой температуры. Такъ, по Троттеру (1874 г.), въ горахъ долины Ваханъ-дарьи часты горячіе ключи; температура нѣкоторыхъ, около Сархада, достигаетъ 160° Фаренгейта [2]). Гордонъ, въ то же время, видѣлъ въ 35 миляхъ отъ Сархада сѣрнистый ключъ съ температурою въ 130° Фаренгейта. По его же свидѣтельству, у Ислика (р. Истыкъ), между озеромъ Б. Памира и

[1]) Прямого указанія разстоянія отъ Чанъ-ань до Янъ-гуани въ переводахъ 96 книги „Хань-шу“ не встрѣчается, но цифра можетъ быть выведена изъ описанія владѣнія Шаньшань (стр. 38, р. 24), гдѣ сказано, что оно отстоитъ отъ Чанъ-ани въ 6.100 ли, а отъ Янъ-гуани въ 1.600, откуда слѣдуетъ, что отъ Янъ-гуани до Чанъ-ани 4.500 ли.

[2]) И. Минаева „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, Спб., 1879 г., стр. 179.

долиной Акташа, находятся большіе горячіе ключи [1]. Близъ озера Яшиль-куль, при впаденіи въ него р. Аличуръ, на правомъ берегу послѣдней, имѣется источникъ съ температурой около 70—80° Р. и съ ясными признаками нахожденія въ немъ сѣры; на одной рѣчкѣ, впадающей въ Мургабъ западнѣе Шаджана, есть теплый ключъ съ температурою не менѣе 50° Р. [2]. Озеръ на Памирѣ и нынѣ много, двѣ же тысячи лѣтъ назадъ, когда количество влажности въ Средней Азіи было много значительнѣе, было еще больше, въ томъ числѣ и такихъ, около которыхъ пролегали дороги, по кручамъ и карнизамъ горъ. Вслѣдствіе всего этого ни «Болиголовныя горы», ни горячіе источники, ни озера не могутъ служить достаточными признаками для опредѣленія линіи дороги къ Висячему переходу, потому что даже соединеніе этихъ признаковъ можетъ встрѣтиться на многихъ путяхъ.

3) Въ извлеченіяхъ изъ представленія Дунъ Киня нѣтъ ничего, что устраняло бы или дополняло слишкомъ, къ сожалѣнію, краткое и мало опредѣленное описаніе Висячаго перехода въ статьѣ объ Уто-Уча, суть котораго состоитъ въ томъ, что это скалистыя горы и ущелья, въ которыхъ нѣтъ дороги и по которымъ приходится пробираться при помощи веревокъ и цѣпей. Въ «Бэй-шы» (исторія сѣвернаго Китая, обнимающая время съ 386 до 618 г.) есть описаніе владѣнія Агэуцянъ, лежавшаго на юго-западѣ отъ Яркенда, въ которомъ говорится слѣдующее: «Отъ резиденціи на западѣ есть горы съ висячимъ переходомъ. Черезъ горы есть дорога, простирающаяся на 400 ли. На семъ переходѣ часто встрѣчаются боковые мосты, подъ которыми лежатъ ужасныя пропасти. Путешественники идутъ по нимъ, поддерживая другъ друга веревкою, отъ чего и названіе ущелью. Родится всякій хлѣбъ и разные плоды. Въ торговлѣ употребляютъ деньги. Есть дворецъ, есть оружіе. Земля производитъ золото и жемчугъ» [3]. Основываясь на томъ, что Агэуцянъ показанъ въ 13.000 ли отъ Дай, тогдашней столицы сѣвернаго Китая, и что

[1]) Тамъ же, стр. 160.

[2]) Кап. Серебренникова „Очеркъ Памира“ въ „Военн. Сборн.“ 1899 г., авг., стр. 463 и 464. Съ ночлега въ рабатѣ Сюме на Аличурѣ, „мы побывали на бившемъ неподалеку горячемъ сѣрномъ источникѣ температуры 60, 6°“ (Свенъ Гединъ. „Въ сердцѣ Азіи“, Спб., 1899 г., т. 1, стр. 294).

[3]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 174. Есть нѣсколько сокращенный переводъ этого описанія, цитированнаго въ „Си-юй-ту-чжи“, сдѣланный Эмбо Юаромъ въ Recueil de documents sur l'Asie centrale. p. 200. Въ несовсѣмъ, повидимому, точномъ переводѣ Клапрота изъ 421 кн. „Дай-цин-и-тун-чжи“ говорится, что отъ владѣнія Акеукянъ (A keou khiang) „въ 400 ли на западъ была гора Hian tou, дорога чрезъ которую была почти сплошь устроена изъ бревенъ и тянулась надъ бездонными пропастями, черезъ которыя путешественники часто должны были переправляться при помощи веревокъ. Отсюда названіе Хіань-ту, значащее въ переводѣ съ китайскаго passage suspendu (Magazin asiatique, publ. par Klaproth, Paris, 1826, t. I, p. p. 94—95.

въ той же «Бэй-шы» есть описаніе владѣнія Цюаньюймо [1]), древняго Уча, въ 12.970 ли отъ Дай, составители «Си-юй-ту-чжи» нашли, что разница въ разстояніяхъ Агэуцяна и Цюаньюймо отъ Дай равняется лишь 30 ли, и заключили изъ этого, что владѣнія эти были смежны, въ объясненіе же того, что «висячій переходъ» оказывается не въ Цюаньгуймо, а въ Агэуцянѣ, предположили, что ханьское Уча раздѣлилось къ этому времени на двѣ части, образовавшія самостоятельныя владѣнія, изъ которыхъ Цюаньюймо составилось изъ восточной части Уча, а Агэуцянъ изъ западной и потому оказался ближе къ «висячимъ переходамъ» [2]). Такъ какъ древнее Уча пріурочено ими къ Бадахшану, то Агэуцянъ и Висячій переходъ попадаютъ въ западную часть Бадахшана. Неосновательность помѣщенія Уча въ Бадахшанѣ выяснена выше. Критическое обсужденіе статей «Бэй-шы» объ Агэуцянѣ и Цюаньюймо сдѣлано будетъ при разсмотрѣніи остальныхъ свѣдѣній V и VI вв. о Памирѣ. Здѣсь же умѣстно и не лишне задаться вопросомъ—дѣйствительно ли Висячій переходъ «Ханьшу» и висячій переходъ въ Агэуцянѣ одно и то же? Сообразно ханьскому описанію отвѣтъ приходится дать отрицательный, потому что въ описаніи этомъ нѣтъ и намека на «боковые мосты» или балконы, изъ дерева и камня, хотя бы и временные: вся висячесть въ ханьскомъ описаніи состоитъ лишь въ томъ, что спускъ и подъемъ людей, животныхъ и тяжестей производились при помощи веревокъ и цѣпей, и что переправу чрезъ непроходимыя ущелья совершали, быть-можетъ, посредствомъ устраиваемыхъ изъ веревокъ и цѣпей висячихъ мостовъ, подобныхъ тѣмъ, которые и понынѣ существуютъ въ Гилгитѣ, Читралѣ и отчасти въ Кафиристанѣ и дѣлаются изъ прутяныхъ (березовыхъ и иныхъ) канатовъ [3]). «Боковые мосты» и балконы могутъ быть возводимы и содержимы только въ мѣстахъ населенныхъ или близко къ нимъ прилегающихъ; напротивъ, ханьскій Висячій переходъ, судя по свѣдѣніямъ Дунъ Киня, долженъ былъ находиться въ мѣстности безлюдной. Если бы въ ханьскомъ Висячемъ переходѣ существовала сколько-нибудь значительная часть тѣхъ

---

[1]) Вотъ оно: „6. Цюаньюймо есть древнее владѣніе Уто: владѣтель живетъ въ городѣ Уто, отъ Сигюйбани на юго-западѣ, отъ Дай въ 12.970 ли“. Для соображенія привожу еще два описанія: „5. Сигюйбань есть древнее владѣніе Сиѣ; иначе оно называется Цзыхэ. Титулъ владѣтеля Цзычжи-хугянь. Сіе владѣніе лежитъ отъ Хотана на западъ, отъ Дай въ 12.970 ли. Въ началѣ правленія Да-янь, 436 (г.), оно отправило (къ Сѣверному Двору) посольство съ дарами и съ того времени отправленіе посольствъ не прекращалось“. „7. Кюйсо. Кюйсоскій владѣтель живетъ въ древнемъ городѣ Яркянѣ“ (въ подлинникѣ конечно стоитъ не въ Яркянѣ, а въ Согюѣ), „отъ Сигюйбани на юго-западѣ“ (!?), отъ Дай въ 12.980 ли“ („Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 147).

[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, Paris, 1881, p. p. 203—204.

[3]) См. объ этихъ висячихъ мостахъ „Народы, населяющіе Гиндукушъ“, Биддельфа, перев. П. Лессара, Асхабадъ, 1886 г., стр. 3—4, а также Kafiristan, by G. S. Robertson, въ Geographical Journal, 1894, September, p. 199.

трудностей, которыя вызываютъ устройство балконовъ и висячихъ мостовъ, то китайскія посольства, конечно, не въ состояніи были бы совершать по нему свое передвиженіе, такъ какъ съ однѣми веревками и цѣпями возможно перебираться лишь чрезъ очень неширокія ущелья и чрезъ очень недлинные карнизы, подъемы и спуски. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что ханьскій Висячій переходъ былъ въ сущности не болѣе, какъ худшей частью пути чрезъ какое-нибудь горное ущелье, гдѣ, на сравнительно небольшихъ пространствахъ, приходилось прибѣгать къ веревкамъ и цѣпямъ на крутыхъ или вертикальныхъ подъемахъ и спускахъ и для переправы чрезъ неширокія щели и рѣчки.

Подобныя трудныя мѣста встрѣчаются и въ настоящее время на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ съ Памира на западъ, еще до вступленія этихъ дорогъ въ предѣлы мѣстностей съ осѣдлымъ населеніемъ, гдѣ съ тѣмъ вмѣстѣ углубленіе водныхъ потоковъ и образуемыхъ ими долинъ и ущелій въ нѣдрахъ горъ и скалъ вызываетъ необходимость устройства длинныхъ и трудныхъ карнизовъ, балконовъ и мостовъ для перехода съ одной стороны рѣки или ущелья на другую. Такъ, на считающейся лучшею для большей части года дорогѣ изъ Ташкургана въ Ваханъ и Читралъ по Малому Памиру, послѣдняя ея часть ниже Башъ-гумбеза, гдѣ Ваханъ-дарья течетъ въ глубокой тѣснинѣ между крутыми съ обѣихъ сторонъ горами, представляетъ значительныя трудности. Между прочимъ, по описанію кап. Путяты (1883 г.), ниже развалинъ Лянгара (12.500 ф.) приходится слѣдовать по узкому и трудно-проходимому карнизу надъ текущей въ глубинѣ рѣкой; въ одномъ мѣстѣ, для подъема по крутой скалѣ, вьюки пришлось «переносить на рукахъ, что заняло времени около трехъ часовъ. Слѣдуя далѣе по карнизу, дорога... пересѣкаетъ глубокій оврагъ» и пр. Далѣе спускъ въ ущелье рѣчки Бачъ-гезъ «очень труденъ, каменистъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ ступеньками по выдающимся скаламъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось разработывать дорогу». Послѣ переѣзда чрезъ недоступную для переправы въ бродъ рѣку по жиденькому мосту «начинается длинный и крутой подъемъ вверхъ. Подъемъ ведетъ вначалѣ по гребню выдающагося въ сторону р. Ваханъ-дарьи хребта, а потомъ по карнизу ската, обращеннаго къ Бачъ-гезу. Подъемъ не безопасенъ, и одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей оборвалась внизъ. Путь далѣе пересѣкается очень глубокими оврагами и состоитъ изъ спусковъ и подъемовъ. Всего должно сдѣлать еще 4 спуска и 3 подъема, не уступающихъ по своимъ трудностямъ высокимъ переваламъ», чтобы достигнуть до Сархада [1]). Проѣзжавшій осенью 1894 г. лордъ Керзонъ потерялъ

[1]) „Сборникъ географ. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 10, 1884 г., стр. 275—278.

здѣсь одну киргизскую (слѣдовательно, привыкшую къ такимъ дорогамъ) лошадь, которая поскользнулась и моментально убилась [1]).

Подходящія къ ханьскому Висячему переходу мѣстности есть и на путяхъ изъ Тагдынбашской долины на Памиръ, пересѣкающихъ Сарыкольскій хребетъ. По описанію кап. Путяты, начинающійся въ 6 вер. отъ Ташкургана подъемъ на перевалъ Ступъ «очень крутъ, еле замѣтная тропинка вьется по карнизу»; «спускъ еще круче, ведетъ по карнизамъ стѣнъ пересѣкающихся овраговъ. Грунтъ рыхлый, обломки камней осыпаются подъ ногами лошади... Вершины горъ остроконечны и были покрыты спустившимися облаками. Внизу далеко въ пропасти слышенъ глухой шумъ Шиндинскаго ручья» и т. д. [2]).

Въ продолженіе 2 т. лѣтъ перемѣны температуры, вліяніе составныхъ частей воздуха, сила вѣтровъ и водъ и т. д. должны были произвести немалыя измѣненія въ поверхности Памира, преимущественно въ смыслѣ выравненія ея, уменьшенія крутизнъ, заполненія или расширенія ущелій и овраговъ и т. п. Многія мѣстности должны были получить другой видъ. Нѣкоторыя ущелья могутъ теперь оказаться долинами, недоступные обрывы—удобопроходимыми спусками и т. д. Вслѣдствіе этого безспорное опредѣленіе мѣстности ханьскаго Висячаго перехода едва ли въ настоящее время достижимо, особенно при неясности указаній на это мѣстонахожденіе и сомнительности разстояній. Однако, для разстоянія въ 128 ли (по разницѣ разстояній отъ мѣстопребыванія намѣстника) Стунскій перевалъ и вообще ущелье Шинди былъ бы подходящей для Висячаго перехода мѣстностью вслѣдствіе разстоянія отъ долины Вача болѣе 50 в. Для разстоянія же въ 438 ли (по разницѣ разстояній отъ Янъ-гуаня) годилась бы мѣстность около Бачъ-геза, находящаяся отъ долины Вача верстахъ въ 150—170 дорогою на перевалы Угру-артъ и Ханъ-юлы и чрезъ Мал. Памиръ.

Относительно Уджадбай-кургана, куда Wylie склоненъ былъ помѣщать столицу владѣнія Уча, вѣроятно, по нѣкоторому сходству имени, у нѣкоторыхъ новѣйшихъ путешественниковъ встрѣчаются слѣдующія свѣдѣ-

[1]) The Pamirs and the Source of the Oxus, p. 59. См. также о трудностяхъ пути между Сархадомъ и Лянгаромъ слишкомъ, впрочемъ, краткія свѣдѣнія д-ра Потагоса, который, отправившись изъ Сархада 5 іюля 1870 г., достигъ Лянгара 7 іюля. Лянгаръ обыкновенно считается брошеннымъ ваханскимъ кишлакомъ, по Потагосу же это киргизская деревня, разрушенная ваханцами и канжутцами за грабежи ея обитателей (Bull. de la Soc. de Géogr., Paris, 1886, p. p. 310—311).

[2]) „Сборникъ матеріаловъ по Азіи“, вып. 10. 1884 г, стр. 257. Кап. Путята ночевалъ въ этотъ день на ур. Кеншиберъ, въ 23 вер. отъ Ташкургана. По словамъ кап. Троттера, слѣдовавшаго здѣсь въ 1874 г, въ недалекомъ разстояніи отъ Кеншибера много горячихъ источниковъ, а съ находящагося далѣе перевала Пезаташъ (14.915 ф.) видны „длинные ряды невысокихъ красныхъ холмовъ въ разстояніи около десяти миль. Направо былъ Б. Памиръ, налѣво Малый; прямо къ сѣверу тянулась широкая долина Аксу“ (Минаевъ, „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, 1879 г., стр. 174).

нія. Высоту надъ уровнемъ моря кургана Goudjabaï Г. Е. Грумъ-Гржимайло опредѣлилъ въ 12 т. ф. [1]). Изъ рукописнаго дневника Б. Л. Громбчевскаго (между 19 сент. и 6 окт. 1888 г) можно заключить, что «мѣстность Ходжатъ-бай,—гдѣ стоятъ развалины небольшого укрѣпленія» и гдѣ соединяются рѣки Кара-чукуръ (она же Минтеке) и Мазаръ, образуя р. Тагдынбашъ,—отстоитъ отъ Ташкургана въ 65—70 вер.; отъ дороги г. Громбчевскаго означенныя развалины остались нѣсколько въ сторонѣ и осмотрѣны имъ, видимо, не были. Отъ этихъ развалинъ до перевала Минтеке, ведущаго въ Канджутъ, около 70 вер., а до перевала Вахджиръ, гдѣ водораздѣлъ между Кара-чукуромъ и Ваханъ-дарьею, около 90—100 в. Верстахъ въ 7 выше соединенія р. р. Кара-чукура и Мазара, тамъ, гдѣ Кара-чукуръ круто поворачиваетъ на сѣв.-востокъ, оставляя свое доселѣ восточное направленіе, на правомъ его берегу, противъ впадающей въ Кара-чукуръ съ лѣвой стороны рѣчки Кошъ-ункуръ, находится «нѣсколько разрушенныхъ построекъ, отъ которыхъ въ настоящее время остались только каменные фундаменты. Мѣсто это носитъ названіе Базаръ, и, по преданію, здѣсь, во времена Александра Македонскаго, были обширные караванъ-сараи, въ которыхъ останавливались караваны, слѣдующіе изъ Балха въ Яркендъ и Хотанъ» [2]) (дневникъ подъ 26 сент.). Б. Л. Громбчевскій не замѣтилъ никакихъ посѣвовъ въ долинахъ р. р. Кара-чукура и Мазара [3]), но кап. Юнгхесбандъ, который провелъ въ этихъ мѣстахъ болѣе значительное время, чѣмъ какой-либо другой европеецъ, завѣряетъ, что обитатели нижнихъ частей обѣихъ долинъ (киргизы, сарыкольцы, бѣглые ваханцы),—общую численность которыхъ, считая женщинъ и дѣтей, онъ полагаетъ не свыше 300 душъ [4]),—хотя занимаются скотоводствомъ, но тѣмъ не менѣе пытаются въ боковыхъ долинахъ сѣять хлѣбъ, несмотря на то, что имъ часто приходится выжинать жатву несозрѣвшею. По его же описанію, близъ соединенія названныхъ двухъ рѣкъ находится «древнее укрѣпленіе Kurgan-i-Ujadbai», а на одну или двѣ мили ниже—другое старое укрѣпленіе, построенное высоко на скалѣ лѣваго берега. Оба укрѣпленія никѣмъ не заняты [5]). Доверпь (1889 г.) называетъ Ghujabaï «канджутскимъ укрѣпленіемъ» [6]).

Въ виду нахожденія развалинъ Уджабай въ столь высокой мѣстности, что земледѣліе здѣсь невозможно или неуспѣшно, а также удален-

---

[1]) Le Pamir etc., St.-Petersbourg, 1890, p. 78.

[2]) Ни Ходжатъ-бай, ни Кошъ-ункуръ, ни Базаръ на карту путешествій Б. Л. Громбчевскаго не нанесены.

[3]) По свѣдѣніямъ Б. Л. Громбчевскаго, въ верховьяхъ Тагдынбашской рѣки снѣгъ выпадаетъ обильно, весна же и часть лѣта изобилуютъ дождями („Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1889 г., стр. 450). Высота мѣстности при устьѣ Беика въ Кара-чукуръ опредѣлена имъ въ 12.150 ф.; а ур. Мазаръ на р. Мазаръ въ 11.880 ф. (тамъ же, стр. 444).

[4]) The Heart of a Continent, London, 1896, p. 274.

[5]) Journey in the Pamirs, въ Proceedings of R. G. S., 1892, April, p. 221.

[6]) „Bull. de la Soc. de Géogr.“, Paris, 1892, p. 22.

ности отъ главныхъ долинъ, составлявшихъ владѣніе Уча, и положенія на границѣ съ болѣе или менѣе пустыннымъ Памиромъ, я считаю помѣщеніе столицы Уча въ мѣстности Уджабай-кургана весьма мало вѣроятнымъ [1]).

3. Цзыхэскія владѣнія и ихъ тибетоидный народъ на Памирѣ и въ прилегающей съ востока горной странѣ.

Послѣ Уча, 1 часть 96 книги «Цянь-Хань-шу» содержитъ описанія четырехъ небольшихъ (по количеству населенія) владѣній, которыя, или столицы ихъ, лежали, видимо, въ сторонѣ отъ дороги изъ Пишани въ Уча. Эти четыре владѣнія, именовавшіяся Сіѣ (у Wylie Se-yay), Пули (P'oo-le), Инай (Enae) и Улэй (Woo-luy), имѣли населеніе, принадлежав-

---

1) По мнѣнію Ф. Гренара, спутника Дютрёйль де Ренса и составителя описанія его путешествія, въ ханьскія времена путь изъ Китая въ „Пишани-Гума“ „дѣлился на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна направлялась на Гибинь, другая же на маленькое владѣньице Уто, расположенное среди очень крутыхъ горъ. Первая вѣтвь есть (нынѣшняя) дорога чрезъ Санджу, которая начинается отъ Гума или Муджи, или Зангуя и чрезъ Ле и Кашмиръ ведетъ въ Авганистанъ. Вторая вѣтвь должна быть отождествлена съ дорогою, которою нынѣ пользуются одни киргизы и которая идетъ отъ Гума въ Кокъяръ, чрезъ Ойтогракъ, и оттуда проходитъ или въ Канджутъ (Уто), Гилгитъ и Авганистанъ, или, обходя Канджутъ на сѣверѣ, въ Ваханъ, Бадахшанъ и Бактріану. Сверхъ того не подлежитъ сомнѣнію, что Памиръ (Цунлинъ) пересѣкали многія дороги, служившія для сообщеній страны Большихъ Юечжей (Бактріаны) съ Западнымъ краемъ (Си-юй). Янъ Юнь говоритъ, что южная дорога шла до Яркенда, откуда направлялась на Бактріану, вѣроятно чрезъ Ташкурганъ, Малый Памиръ и Ваханъ“ (Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895, partie II. Paris, 1898, p. 210). Мнѣніе о двухъ дорогахъ въ западныя страны изъ Пишани не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ ханьскія исторіи не только не даютъ основаній къ его подкрѣпленію, но содержатъ данныя, опровергающія подобныя предположенія. Такъ, въ содержащемся въ 96 книгѣ „Цянь-Хань-шу“ описаніи владѣнія Пишани сказано,—какъ приводилось уже выше,—что изъ Пишани „на юго-западъ лежитъ дорога въ Гибинь и Угэшаньли“, и ни о какой другой дорогѣ изъ Пишани не говорится. Такъ какъ въ той же самой статьѣ о Пишани объяснено, что отъ нея „на юго-западъ до Уто 1340 ли“, то это даетъ право заключить, что дорога въ Гибинь „на юго-западъ“ шла чрезъ Уто, лежавшее отъ той же Пишани тоже на юго-западѣ. Исторія Младшихъ Ханей устраняетъ въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе, потому что въ ней находимъ: „изъ Пишани на юго-западъ чрезъ Учжя, Висячій переходъ и Гибинь шестьдесятъ дней пути до владѣнія Угэшаньли“ (118 книга „Хэу-Хань-шу“ въ переводѣ Іакинфа, „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, стр. 114). Тутъ „Учжя“ есть, конечно, „Ячжа“ Іакинфа въ „Описаніи Чжуньгаріи“, 1829 г., „Уто“, „Собранія свѣдѣній“, „Уча“ большей части западно-европейскихъ синологовъ. Напротивъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы объ извѣстности китайцамъ и пользованіи ихъ посольствами или войсками до временъ династіи Танъ какими-либо дорогами въ Ладакъ. Трудности путей въ Канджутъ и изъ него въ Гибинь такъ велики, что уже по одному этому отождествленіе Уто съ Канджутомъ недопустимо, помимо множества другихъ препятствій къ тому. Бань Гу (а не Янь Юнь, оканчивавшій „Шы-цзи“, „Историческія записки“, составленныя его дѣдомъ Сыма-цянемъ) въ предисловіи къ 96 книгѣ „Цянь-Хань-шу“, дѣйствительно, говоритъ, что „южная“ дорога изъ Китая чрезъ Си-юй идетъ „на западъ“ до Согюя (Яркенда) и, „по переходѣ черезъ Луковыя горы на западъ, ведетъ въ Большой Юечжы и Аньси“ („Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 34, Wylie, p. 21), но къ сожалѣнію пункты, чрезъ которые про-

шее къ одному и тому же племени «не тюркскаго [1]) происхожденія», ближе подходящее «къ Кянамъ и Ди» [2]). Обычаи были одинаковые, по одеждѣ же лишь улэйцы отличались отъ соплеменниковъ, ибо ихъ «одѣяніе походитъ на усуньское». Населеніе всѣхъ четырехъ владѣній вело жизнь кочевую: «переходятъ со скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ водѣ и травѣ». Въ Сіѣ показано 350 семей, 4.000 д., войска 1.000 чел.; въ Пули—650 с., 5.000 д., войска 2.000; въ Инаѣ—125 с., 670 д., войска 350; въ Улэѣ—1.000 с., 7.000 д., войска 3.000. Всего, слѣдовательно, въ четырехъ владѣніяхъ насчитывалось 2.125 сем., 16.670 д. и 6.350 ч. войска. Сверхъ того, даны слѣдующія разстоянія отъ китайской столицы и отъ мѣстопребыванія намѣстника: Сіѣ—10.250 и 5.046 ли, Пули—9.950 и 5.396 ли, Инай—10.150 и 2.730 ли. Улэй—9.950 и 2.465 ли. Отъ Пули означено до Согюя 540 ли [3]), до Сулэ 550 ли, до Улэя 540 ли; отъ Иная до Согюя и Улэя по 540 ли и до Сулэ 650 ли; отъ Улэя до Пули 540 ли [4]).

Возможно точное опредѣленіе мѣстностей, которыя занимали четыре владѣнія, имѣвшія населеніе тибетскаго или близкаго къ нему племени, весьма важно для правильной оцѣнки и уясненія древнѣйшихъ историческихъ извѣстій объ этническихъ отношеніяхъ на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ, а равно и для установленія вѣрнаго представленія объ этнико-политической географіи этихъ странъ. Выше уже упомянуто, что въ началѣ второй половины XVIII в., послѣ возвращенія подъ власть Китая утраченнаго имъ на цѣлое тысячелѣтіе Вост. Туркестана, было особымъ офиціальнымъ комитетомъ составлено описаніе западнаго края, въ которомъ, кромѣ различныхъ другихъ свѣдѣній, были помѣщены и историко-географическія, при чемъ сдѣланы выясненія, какія именно современныя мѣстности занимали извѣстныя изъ китайской исторіи древнія

легаетъ она между Яркендомъ и Б. Юечжы, нигдѣ не указаны. Въ описаніи Согюя ничего не говорится о какой-либо дорогѣ изъ него въ Б. Юечжы, тогда какъ въ описаніи Сулэ читаемъ, что черезъ него „лежитъ большая дорога на западъ въ Давань, Кангюй и Б. Юечжы" („Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 62 и 63).

[1]) Такъ у о Іакинфа, у W. differ from the Tartar nations, но въ подлинникѣ, безъ сомнѣнія, стоитъ ху, терминъ, обозначающій западныхъ и сѣверныхъ „варваровъ", большая часть которыхъ стала относиться съ VI в., когда появилось имя тюркъ, къ племенамъ тюркскимъ.

[2]) У Wylie: being connected by affinity with the Keang and Te-hing. Терминъ ди также служилъ для означенія „варваровъ", цянъ же или кянъ, по южно-китайскому произношенію, есть, по словамъ Bushell'я, пишущаго его Ch'iang, „общее имя для племенъ тибетской расы, живущихъ на западѣ отъ Китая съ отдаленнѣйшихъ временъ"; знакъ, изображающій это имя, составленъ изъ знаковъ человѣкъ и овца для означенія, по утвержденію одного древняго словаря, занятія пастьбою овецъ (The Early History of Tibet, by S. W. Bushell, въ Journal of R. Asiatic Society, 1880, vol. 12, p. 527).

[3]) Это въ описаніи Пули (стр. 48), въ описаніи же Согюя (стр. 62) означено до Пули 740 ли.

[4]) „Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 46 и 47, и Wylie, p. p. 31—33.

государства или владѣнія. Офиціальное положеніе и авторитетность составителей «Си-юй-ту-чжи» повели къ тому, что ихъ пріуроченія не только перешли въ офиціальную географію Китая и вообще въ китайскую историко-географическую литературу, но по необходимости служили руководствомъ и для европейскихъ историко-географовъ, которые, за неимѣніемъ европейскихъ источниковъ по современной географіи Вост. Туркестана и Памира, вынуждены были пользоваться китайскими. Вслѣдствіе этого первый переводчикъ 96 кн. «Хань-шу» на одинъ изъ европейскихъ языковъ о. Іакинфъ Бичуринъ, какъ въ переводѣ 1829 г. (въ «Описаніи Чжуньгаріи» и пр.), такъ и въ переводѣ 1851 г. (въ «Собраніи свѣдѣній» и пр.), пріурочивалъ цзыхэ'скія [1]) владѣнія сообразно указаніямъ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», что имъ заявлено на стр. VI предисловія къ «Описанію Чжуньгаріи» и пр. относительно всѣхъ данныхъ имъ объясненій «топографическаго положенія древнихъ владѣній». Сіѣ пріурочивалъ онъ къ сел. Юлъарыку (Юлъ-эрекъ, «въ 300 ли отъ Яркяна на юго-западъ, подъ 99° долг., 39° сѣв. шир.», «Описаніе Чжуньгаріи» и пр., стр. XLIV), Цзыхэ къ Кукъяру („мѣстечко въ 300 ли отъ Яркяна на юго-западъ», тамъ же, стр. XXVII), Пули къ Сэрлыку (городокъ «въ Луковыхъ горахъ; сѣверный истокъ Яркянъ-Даріи протекаетъ чрезъ сіе мѣсто», см. «Топографическій указатель» при «Собр. свѣд.» и пр., стр. 64), Инай къ Ингассару (т.-е. Янги-хиссару, городу между Кашгаромъ и Яркендомъ) и Улэй къ Арачулу («мѣстечко... за юго-западной межою Кашгарскаго округа, на правомъ берегу Помира или Памира, въ 800 ли отъ Кашгара», «Топограф. указатель», стр. 5). На картѣ при «Собраніи свѣдѣній" и пр. (часть 3, 1851 г.) Юлъ-эрекъ (Сіѣ-Цзыхэ) означенъ на юго-западѣ отъ Яркяна-Согюя, на западѣ отъ р. Яркянъ; Сэрлыкъ-Пули на юго-западѣ отъ Юлъ-эрека и на сѣв.-востокѣ отъ вершины р. Яркянъ, на верховьи впадающей въ послѣднюю рѣчки; Арачулъ-Улэй помѣщенъ не на р. Памиръ, а на впадающей, подобно ей, въ Аму дарью рѣчкѣ, названной Кардіаною, при чемъ на лѣвомъ берегу Аму-дарьи, между устьями Кардіаны и Памира, означенъ гор. Терметъ; Ингасаръ показанъ на сѣверѣ отъ Юлъ-эрека. Хотя соотвѣтствующія мѣста „Си-юй-ту-чжи" и слѣдовавшихъ ему китайскихъ источниковъ не переведены еще ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ, но о сдѣланномъ въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи" пріуроченіи Цзыхэ къ Кукъяру говоритъ Клапротъ [2]); руководствующійся „Си-юй-ту-чжи" шестиязычный географическій словарь „Си-юй-

[1]) Такъ буду я, для краткости, именовать народъ четырехъ или пяти владѣній въ качествѣ особаго этническаго цѣлаго. Въ „Хань-шу" сказано, что правитель Сіѣ „носитъ титулъ цзыхэскаго владѣтеля; его правленіе въ городѣ Хугянь" (стр. 46), по „Исторіи же младшей династіи Хань", Сіѣ и Цзыхэ были особыми владѣніями, столицы Сіѣ не указано, столицею же Цзыхэ служила Хугянь (стр. 113 и 114).

[2]) Foe koue ki, trad. par Ab. Rémusat, Paris, 1836, p. 25.

тунъ-вынь-чжи“ помѣщаетъ Сіѣ въ Юлъарыкѣ, Пули въ Серлыкѣ, Улэй въ Арачулѣ, какъ сообщилъ Wylie, добавляя, что по китайскому же сочиненію Shwuy king choo t'oo shwô tseen kao Пули находилось между нынѣшнимъ Янги-хиссаромъ и Яркендомъ, Инай на южной границѣ янги-хиссарскаго округа около 39° сѣв. шир. и 76° вост. долг. (отъ Гринвича), а по одному китайскому географическому атласу Арачулъ показанъ около 39° шир. и 74° вост. долг. (р.р. 31—32).

Гор. Янги-хиссаръ и сел. Юлъарыкъ и Кокъяръ, дѣйствительно, существуютъ и значатся на нынѣшнихъ европейскихъ картахъ, но Сэрлыка [1]) съ Арачуломъ, а равно значащагося на китайскихъ картахъ и въ сочиненіяхъ гор. Карчу, не видалъ ни одинъ европеецъ въ назначенныхъ для нихъ китайцами мѣстностяхъ или гдѣ бы то ни было, а потому не нанесены они и на картахъ, основанныхъ на надлежащихъ источникахъ. Однако, мнѣ кажется, въ настоящее время уже возможнымъ разрѣшеніе загадокъ о Сэрлыкѣ, Арачулѣ и Карчу. Обратившись къ воспроизведенной во французскомъ переводѣ Эмбо Юаромъ изъ «Си-юй-ту-чжи» общей картѣ Вост. Туркестана (см. эту карту въ Recueil de documents sur l'Asie centrale, 1881), найдемъ, что Яркендъ-дарья, по представленію сочинителей карты, составлялась изъ двухъ вѣтвей; около вершины болѣе сѣверной вѣтви надписано Saïr koul (Liri koul), но сама рѣка ниже названа Кара-усу и образуетъ островъ, на которомъ помѣщенъ гор. Яркендъ; болѣе южная вѣтвь названа Ting tsa apou или Yu ho (нефритовая рѣка) и соединяется съ первою вѣтвью ниже г. Яркенда и острова. Позднѣйшія сочиненія и карты добавили разныя подробности, но образованіе Яркендъ-дарьи изъ двухъ вѣтвей сохранилось: второю продолжалъ считаться Тизнафъ, воды котораго на самомъ дѣлѣ соединялись съ Яркендъ-дарьею развѣ въ весьма отдаленной древности, первая же вѣтвь показывалась текущею съ запада, а такъ какъ Раскемъ-дарья, т.-е. дѣйствительная главная вѣтвь Яркендъ-дарьи, на самомъ дѣлѣ беретъ начало на юго-востокѣ, то очевидно, что китайцы о Раскемъ-дарьѣ или не имѣли понятія, или крайне смутное, главною же вѣтвью Яркендъ-дарьи считали Ташкурганскую или Тагдынбашскую рѣку. На основанной на китайскихъ источникахъ и вообще въ точности имъ соотвѣтствующей Carte de l'Asie centrale Клапрота, 1833 г., въ вершинѣ главной вѣтви Яркендъ-дарьи на правой сторонѣ означенъ городъ или селеніе Katchout или Kartchou [2]) и немного ниже нанесенъ

[1]) Wylie нашелъ Sajryk въ нѣсколькихъ миляхъ къ ю.-з. отъ Янгихиссара на русскихъ картахъ, которыхъ въ точности не указываетъ. Я не видѣлъ ничего подобнаго на множествѣ извѣстныхъ мнѣ русскихъ картъ, во всякомъ же случаѣ Седжрыкъ еще не Сэрлыкъ.

[2]) На картѣ о. Іакинфа, вмѣсто Карчу, означенный на лѣвомъ берегу главной вѣтви Яркендъ-дарьи, немного ниже ея вершины, городъ или селеніе наименованъ, вѣроятно по опискѣ, Тарчу, слѣдовало же написать Гарчу, какъ ясно изъ слѣдующаго мѣста „Топографическаго указателя“ при 3 ч. „Собранія свѣдѣній“ и пр. (стр. 20): „Гарчу, городокъ въ Вост. Туркестанѣ въ Луко-

небольшой сѣверо-западный притокъ, названный Sere koul, съ означеніемъ въ вершинѣ его города Sere koul; въ этотъ притокъ съ правой стороны впадаетъ рѣчка Serlek съ селеніемъ Serlek на ея верховьи; между двумя вѣтвями Яркендъ-дарьи изображена рѣчка Карасу и на ней означено сел. Кукъяръ, а ниже его Юлъарыкъ, тогда какъ въ дѣйствительности Кокъяръ и Юлъарыкъ находятся на востокѣ отъ р. Тизнафа; принадлежавшая нѣкогда къ системѣ Кашгаръ-дарьи, но нынѣ недоходящая до нея, рѣка Яманъяръ показана вытекающею изъ оз. Каракуль, на сѣв.-западѣ отъ котораго изображено оз. Riang koul.—Въ изданномъ въ 1821 г. бывшимъ главнокомандующимъ Сунъ-Цзюнемъ «Синь-цзянъ-чжи-ліо», т.-е. сокращенномъ историческомъ и географическомъ описаніи Новой границы, приведено слѣдующее мѣсто изъ комментарій къ «Книгѣ водъ» [1]): «Рѣка течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Wou-loui; потомъ она течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Инай; оттуда она течетъ на востокъ и проходитъ на сѣверѣ владѣнія Пули». «Эти именно страны,—поясняетъ «Синь-цзянъ-чжи-ліо»,—и суть тѣ, которыя проходитъ рѣка Товбуронъ». Этимъ послѣднимъ именемъ въ томъ же сочиненіи называется Яркендъ-дарья въ части ея теченія, которую опредѣлить по его даннымъ я не берусь, по неясности изложенія и употребленію мѣстныхъ названій, отсутствующихъ на европейскихъ картахъ. «Владѣніе Вулуй» (китайскіе знаки, входящіе въ составъ изображенія этого имени, буквально значатъ «безъ грома»)—продолжаетъ то же сочиненіе—«соотвѣтствуетъ нынѣшней территоріи К а р а к у р ъ, Пули—нынѣшнему С е л е к у р ъ, Инай— территоріи Ингашара. Но теперь рѣки проходятъ всѣ на югѣ отъ этихъ странъ. Это происходитъ или отъ того, что нѣкоторыя древнія рѣки перемѣнили свое ложе, или отъ того, что авторъ «Книги водъ» ограничился указаніемъ столицъ странъ, которыя онѣ пересѣкали. Отсюда и происходятъ небольшія несоотвѣтствія между древними и новыми мѣстностями» [2]). Въ томъ же со-

выхъ горохъ, въ 600 ли отъ Яркяна на западѣ. При дин. Хань сей городокъ принадлежалъ къ владѣнію Дэжо, а въ Троецарствіе составлялъ владѣніе Ижо".

[1]) По свѣдѣніямъ Эмбо Юара, „Шуй-цзинъ" или каноническая книга водъ есть древнѣйшій изъ существующихъ въ Китаѣ трактатовъ по гидрографіи Первоначальная его редакція приписывается Санъ Цзиню, жившему въ началѣ христіанской эры. Сочиненіе это уже упоминается въ каталогѣ книгъ, помѣщенномъ въ „Хань-шу". Однако, нынѣшній „Шуй-цзинъ", повидимому, новѣе и относится ко времени Трехъ царствъ (см. Wylie, Notes on the Chinese Litterature, p. 43). Ученый Ли Тао юань, жившій во время дин. Сѣв. Вэй (386—532 г.), написалъ къ этой книгѣ цѣнный комментарій (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., Paris, 1881, p. 81).

[2]) Такъ какъ свѣдѣнія самихъ составителей „Цянь-Хань-шу" (исторія Старшихъ Ханей) по гидрографіи западныхъ странъ были скудны (знали они только, что по Вост. Туркестану протекаетъ рѣка, впадающая въ Пху-чанъхай или Соленое озеро и имѣющая два истока—одинъ изъ Цунлина, другой изъ Хотанскихъ горъ, о существованіи же Кашгаръ-дарьи, повидимому, не вѣдали; (см. вступленіе къ 96 кн. въ „Собраніи свѣдѣній", ч. 3., стр. 33 и 34, у W., p. 20 и слѣд.), то трудно думать, чтобы и „Шуй-цзинъ" ханьскихъ временъ содержала по этому предмету о томъ же отдаленномъ краѣ подробныя и основа-

чиненіи сказано, что западная вѣтвь Яркендъ-дарьи „выходитъ изъ большой горы, расположенной на востокѣ отъ Katchouk“ [1]). По изданному въ 1823 г. описанію водъ Вост. Туркестана подъ заглавіемъ „Си-юй-шуй-дао-цзи“, западная вѣтвь Яркендской рѣки выходитъ „на югѣ отъ города Ка-чу-тэ изъ большихъ горъ“ и потомъ течетъ на востокѣ отъ Сэ-лэ-ку-лэ, находящагося въ 800 ли на западъ отъ Яркенда и составляющаго главный центръ сообщеній съ юго-западными странами [2]). Упомянутый Ка-чу-тэ не должно смѣшивать съ сел. Ка-чунъ, которое находится въ 220 ли отъ Яркенда [3]). Въ извлеченіи изъ того же сочиненія, сдѣланномъ Химли, вмѣсто Ка-чу-тэ значится Kotschut, который, по словамъ Химли, показанъ въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи“ находящимся подъ 37° сѣв. шир. и подъ 42°—43° долг. [4]).

Я полагаю, что приведенныхъ данныхъ, съ добавленіемъ немногихъ другихъ, достаточно для того, чтобы выяснить, что загадочные Арачулъ, Серлыкъ и Карчу суть Аличуръ, Сарыколъ и Кара-чукуръ, что дѣйствительное мѣстонахожденіе послѣднихъ соотвѣтствуетъ указаніямъ китайцевъ о положеніи первыхъ и что извращеніе именъ произошло вслѣдствіе трудностей и неправильностей китайской транскрипціи, случайно усилившихся во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вв., къ которымъ относится появленіе и утвержденіе въ китайской литературѣ упомянутыхъ извращенныхъ именъ.

Несовершенства и неправильности китайской транскрипціи иностранныхъ именъ происходятъ отъ неимѣнія въ китайскомъ языкѣ нѣкоторыхъ звуковъ другихъ языковъ, отъ естественнаго отсутствія письменныхъ знаковъ для сочетаній звуковъ, неупотребительныхъ въ китайскомъ языкѣ,

---

тельныя свѣдѣнія. Тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ дошедшаго до насъ „Шуй-цзина“, составленнаго въ эпоху Трехъ царствъ, когда Китай почти не имѣлъ политическихъ сношеній съ западомъ. Свѣдѣнія комментатора, V или VI в., Ли Тао юаня, можетъ быть и не лишены ин ереса для его времени, когда начались путешествія буддистскихъ монаховъ въ Индію, но значеніе ихъ относительно ханьскихъ временъ проблематично. Судя по цитированному отрывку о „рѣкѣ“, должно-быть яркендской, которая, можетъ быть, смѣшана съ кашгарской, можно подумать, что въ комментаріяхъ этихъ больше словъ, напыщенности, недоразумѣній и замаскированнаго невѣдѣнія, чѣмъ точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній. Что касается до пріуроченія составителями „Синь-цзянъ-чжи-ліо“ Вулуя или Улэя къ Каракуру, т. е. Каракулю, то надо имѣть въ виду, что, во-первыхъ, пріуроченіе это ни на чемъ ими не основано, и что, во-вторыхъ, китайскіе географы манчжурской династіи имѣли весьма сбивчивыя свѣдѣнія о Каракулѣ и смѣшивали Большой Каракуль съ Малымъ Каракулемъ: такъ р. Яманъяръ или Гезъ они выводили изъ оз. Каракуля, воображая, что это Б. Каракуль или Драконово озеро китайскихъ пилигримовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Яманъяръ вытекаетъ изъ Мал. Каракуля и съ Б. Каракулемъ не имѣетъ никакой связи.

[1]) Переводъ Ст. Жюльена въ „Nouvelles Annales des voyages et des sciences géographiques, 1846, t. III, pp. 27—28.

[2]) „О бассейнѣ Лобъ-нора“ В. М. Успенскаго, стр. 116, въ „Зап. И. Р. Геогр. Общ, по отд. этногр.“, т. 6.

[3]) Тамъ же, стр. 118.

[4]) „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“. 1882, B. 17, S. 406.

отъ разнообразія пріемовъ для передачи именъ подходящими китайскими звуками и знаками и отъ отбрасыванія слоговъ и звуковъ длинныхъ иностранныхъ именъ. Обративъ вниманіе на явную для него, какъ для манчжура, неправильность транскрипціи манчжурскихъ и другихъ иноязычныхъ именъ въ китайской письменности, императоръ, именуемый по названію его правленія Цянь-Луномъ, приказалъ составить правила для правильной транскрипціи иностранныхъ именъ, которыя, между прочимъ, помѣщены и въ изданномъ по его повелѣнію шестиязычномъ географическомъ лексиконѣ „Си-юй-тунъ-вынь-чжи“ [1]). Правила эти уже примѣнены въ „Си-юй-ту-чжи“ и позднѣйшихъ китайскихъ сочиненіяхъ, но въ первые, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ отчасти послужили къ еще большему извращенію транскрипціи иностранныхъ именъ, такъ какъ китайскіе писатели, иностранныхъ языковъ не знающіе, въ стараніи своемъ соблюдать предписанныя правила, весьма часто впадали въ ошибки, особенно относительно звуковъ л и р. Послѣдняго въ китайскомъ языкѣ въ сущности нѣтъ, а потому онъ передавался посредствомъ, всего чаще, звука л. Теперь, въ виду правила о непремѣнномъ изображеніи звука р, китайскіе писатели не только замѣняли л посредствомъ р, гдѣ этотъ звукъ имѣлся въ иностранномъ словѣ, но часто помѣщали р и тамъ, гдѣ въ чужомъ словѣ былъ звукъ л.

Аличуръ — рѣка, впадающая въ оз. Ѣшиль-куль, и долина ея — есть мѣстность, весьма памятная въ исторіи завоеванія Вост. Туркестана и укрѣпленія китайской въ немъ власти, такъ какъ здѣсь въ августѣ 1759 г. китайскія войска, подъ начальствомъ ген. Фудэ, догнали утекавшихъ изъ Кашгаріи ходжей, владѣвшихъ страною и боровшихся съ Китаемъ за ея независимость; Фудэ нанесъ тутъ бѣглецамъ окончательное пораженіе, послѣ котораго ходжи лишь съ немногими приверженцами успѣли добраться до Бадахшана. Фудэ, однако, преслѣдовалъ ихъ и тамъ, настоятельно требовалъ ихъ выдачи и не мало способствовалъ этимъ печальному концу обоихъ ходжей, которые были убиты, а тѣла ихъ въ разное время доставлены китайцамъ. Въ донесеніи императору о пораженіи ходжей на Аличурѣ мѣстность эта названа была Альчуръ (Altchour), какъ видно изъ современнаго миссіонерскаго сообщенія [2]). Позднѣе въ орографической части «Си-юй-ту-чжи» Аличуръ оказывается уже въ транскрипціи Арчуръ (Artchour) [3]), а въ «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», при пріуроченіи къ этой мѣ-

[1]) См. свѣдѣнія, сообщенныя Ст. Жюльеномъ въ „Journal asiatique“, 1846, t. VIII, p. 230.

[2]) Mémoires concernant l'histoire etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin, Paris, 1776, t. I, p. 393. У Mailla (Histoire générale de la Chine, Paris, 1780, t. XI, p. 572) имя это оказывается уже въ формѣ Ачуръ (Atchour).

[3]) „Гора Кошику-чукъ, прежде произносившаяся Куосъ Кулукъ, расположена въ срединѣ Цунлина, въ 100 ли на востокъ отъ Арчуръ“ (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., par C. Imbault Huart, 1881, p. 108).

Собственно это не гора, а перевалъ, судя по полному названію въ текстѣ

стности древняго владѣнія Улэй, уже въ формѣ Арачулъ. Хотя долина Аличуръ въ дѣйствительности, по новѣйшимъ картамъ, находится между 37°40′ и 37°50′ сѣв. шир., а не подъ 39°, какъ значится въ указанномъ Wylie китайскомъ атласѣ, и отстоитъ отъ Янги-хиссара на западъ не на два градуса долготы, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ Wylie китайскихъ показаній (p. 32), а по крайней мѣрѣ на два градуса съ половиною, однако такія неточности въ китайскихъ опредѣленіяхъ положенія Аличура-Арачула нисколько не удивительны, такъ какъ въ спискахъ опредѣленныхъ миссіонерами пунктовъ Аличура-Арачула не имѣется, собственныя же опредѣленія китайцевъ весьма часто ошибочны.

Засимъ значащійся въ спискѣ миссіонерскихъ опредѣленій конца 1750-хъ годовъ подъ 37°48′ сѣв. шир. и 42°24′ зап. долг. отъ Пекина Selekoueulh [1]), а также Селекуле, Селекуръ, Саиркуль вышеуказанныхъ китайскихъ сочиненій, есть, несомнѣнно, Сарыколъ или Ташкурганъ европейскихъ путешественниковъ и картъ, а равно, по всей вѣроятности, Сэрлыкъ китайскихъ пріуроченій владѣнія Пули, такъ какъ Сэрлыкъ-Пули помѣщаются именно на мѣстѣ Сарыкола-Ташкургана. Наконецъ Hatchoute миссіонерскихъ опредѣленій, показанный подъ 37°11′ шир. и 42°32′ долг. [2]), а также Качутъ, Качутэ, Кочутъ, Каршу, Карчу, Гарчу, Качукъ разныхъ китайскихъ источниковъ и переводовъ, признаю я вѣроятнѣйшимъ считать за китайскія транскрипціи имени р. Кара-чукуръ и относить къ тѣмъ остаткамъ старинныхъ построекъ, которыя Б. Л. Громбчевскій нашелъ на урочищѣ Базара. Если сличать іезуитскія опредѣленія для Selekoueulh подъ 37°48′ шир. и 42°24′ зап. долг. отъ Пекина и Hatchoute подъ 37°11′ шир. и 42°32′ зап. долг. отъ Пекина съ дѣйствительнымъ положеніемъ Ташкургана и Базара по новѣйшимъ картамъ, именно по «Картѣ путешествій

и на картѣ—„Куши-кучукъ-д а б а", такъ какъ монгольское д а б а, д а б а н ъ значитъ перевалъ. Дѣйствительное имя должно быть Кушъ или Кошъ-кучукъ. Подходящее имя и находится, верстахъ въ 30—40 отъ Чатыръ таша (въ восточномъ концѣ долины Аличуръ) на югѣ, отъ средины же долины Аличура на Ю. В. В., въ названіи перевала Кукъ-джигитъ (такъ на картѣ путешествій подп. Громбчевскаго) или Куджигитъ (у кап. Путяты и др.), въ которомъ можно видѣть позднѣйшую передѣлку прежняго Кушъ-кучукъ. Разумѣется, это съ моей стороны лишь догадка. „Си-юй-ту-чжи" цитируетъ изъ „Исторіи династіи Танъ" слѣдующее: „Идя на юго-западъ отъ Сулэ, входятъ въ долину Jenn mo и видятъ гору Pou jenn". Это приводится, вѣроятно, изъ географической части „Танъ-шу", переводовъ которой не имѣется. По поводу этой цитаты составители „Си-юй-ту-чжи" разсуждаютъ: „Древнее Сулэ есть Кашгаръ нашего времени. Если идти отъ Кашгара на юго-западъ, то встрѣчается рядъ горъ. Кошъ-кучукъ есть самая высокая изъ нихъ. Что касается долины Женьмо и горы Пужень, то онѣ должны быть отсюда близко". Очевидно, разыскать долину Женьмо и долину Пужень составители описанія западнаго края были не въ состояніи. О положеніи перевала Кушъ-кучука, однако, они должны были имѣть свѣдѣнія или могли имѣть, такъ какъ, по ихъ словамъ, въ этой мѣстности, въ 1759 г., ген. Минъ Жуй разбилъ какое-то непріятельское войско. За подробностями они отсылаютъ къ 17 книгѣ своего сочиненія, но перевода этой книги, сколько извѣстно, не имѣется

[1]) Histoire générale de la Chine etc., par Mailla, Paris, 1780, t. XI, p. 575.

[2]) Тамъ же.

подп. Громбчевскаго», изд. въ 1895 г., то приблизительно оказываются: Ташкурганъ подъ 37°48′ шир. и 44°50′ долг. отъ Пулкова и ур. Базаръ подъ 37°11′ шир. и 45°2′ долг. отъ Пулкова.

Слѣдовательно, широты сходятся въ точности, несоотвѣтствіе же долготъ, которыя, впрочемъ, у миссіонеровъ большею частью удаляются отъ точности, объясняется ошибочнымъ показаніемъ Сарыкола-Ташкургана на 8′ восточнѣе Хачутъ-Базара, тогда какъ онъ на дѣлѣ на 12′ западнѣе. Въ объясненіе опредѣленія пункта на Кара-чукурѣ можно допустить, что около 1759 г.,—когда миссіонеры, по желанію императора, производили астрономическія опредѣленія въ Кашгаріи, — на Кара-чукурѣ, въ нынѣшнемъ урочищѣ Базара, находилось небольшое селеніе, въ которомъ проживали сарыкольцы, занимавшіеся скотоводствомъ въ долинахъ Кара-чукура и Мазара, ведя и торговлю съ окрестными кочевниками, между прочимъ и съ памирскими, а потому собиратели свѣдѣній для описанія недавно покоренныхъ странъ и производители астрономическихъ опредѣленій, бывшіе въ Ташкурганѣ-Сарыколѣ, сочли нужнымъ опредѣлить точнымъ образомъ и географическое положеніе самаго западнаго и ближайшаго къ границѣ осѣдлаго пункта китайскихъ владѣній на Кара-чукурѣ, который въ китайской транскрипціи обратился въ Качукъ и Карчу.

Выяснивъ такимъ образомъ, что загадочные Сэрлыкъ и Арачулъ суть Ташкурганъ и Аличуръ, мы можемъ теперь обсудить правильность китайскихъ пріуроченій цзыхэскихъ владѣній. Основанія ихъ въ точности намъ неизвѣстны, но, по примѣру пріуроченія Уча къ Бадахшану, можно полагать, что пріуроченія эти вытекли изъ попытокъ примѣненія ханьскихъ данныхъ о положеніи и разстояніяхъ къ дѣйствительнымъ географическимъ даннымъ, которыми обладали китайцы манчжурской династіи о западной части Кашгаріи, Памирѣ и прилегающихъ странахъ. Пріуроченіе Сіѣ и Цзыхэ къ Юлъарыку и Кокъяру можетъ имѣть нѣкоторое основаніе въ указаніи „Хань-шу“ на то, что Сіѣ „на востокѣ смежно“ съ Пишанью (стр. 46, р. 31). Противъ помѣщенія Иная въ горы на западѣ отъ Янгихиссара и Улэя на Аличурѣ, вообще на Памирѣ, ханьскія данныя не представляютъ препятствій. Напротивъ, пріуроченіе Пули къ Ташкургану непримиримо съ ханьскими указаніями. Такъ по „Хань-шу“ Пули, находясь на западѣ отъ Согюя-Яркенда, было смежно съ Сіѣ и Цзыхэ на югѣ: между тѣмъ Ташкурганъ—Сарыколъ лежитъ не на сѣверѣ отъ Юлъарыка и Кокъяра, а на западѣ или юго-западѣ; если бы Пули находилось въ Ташкурганѣ, то разстояніе отъ него до Улэя-Аличура не могло составлять 540 ли, какъ значится въ „Хань-шу“, а было бы значительно меньшимъ и никакъ не равнялось бы съ разстояніемъ до Согюя-Яркенда, показаннымъ тоже въ 540 ли, и съ разстояніемъ до Сулэ-Кашгара, опредѣленнымъ въ 550 ли; при помѣщеніи Пули въ Ташкурганѣ жители его не могли бы получать хлѣбъ для своего продовольствія изъ Согюя-Яркенда

(стр. 47, р. 32) вслѣдствіе большой дальности и трудности горныхъ сообщеній, да не имѣли бы въ этомъ и надобности, ибо долины Ташкургана, Вача, Туна и др. могли доставить его населенію нужный хлѣбъ въ избыткѣ.

Помѣщеніе Пули въ Ташкурганъ было у китайскихъ географовъ слѣдствіемъ ошибочнаго пріуроченія ими Уча къ Бадахшану, при чемъ и пришлось посадить Пули въ Сарыколъ, дабы столь обширная и одаренная большими удобствами для человѣческой жизни страна не оставалась впустѣ. Такъ какъ въ дѣйствительности Уча находилось въ долинѣ Вача и сосѣднихъ, то ханьское Пули, лежавшее на сѣверѣ отъ Уча-Сарыкола, должно было занимать, приблизительно, бассейнъ верховьевъ р. Кинкола, а Инай— бассейнъ р Кара-таша. О смежности Пули съ Уча „Хань-шу" молчитъ и, напротивъ, указываетъ на смежность Иная и самого Пули на югѣ (стр. 46—47, р. 32) съ Цзыхэ: отсюда слѣдуетъ, что земли Цзыхэ протягивались на западъ къ сѣверу отъ Уча не только за Тизнафъ, но и за Яркендъ-дарью, дабы быть смежными на сѣверѣ съ Пули и затѣмъ съ Инаемъ. При этомъ было бы выполнено, между прочимъ, и указаніе „Хань-шу" относительно нефрита: „въ цзыхэской землѣ находится нефритъ" (стр. 46, у Wylie, p. 32, съ добавленіемъ „и другіе драгоцѣнные камни"); такъ какъ нефритовыя копи находятся въ бассейнѣ Тизнафа и притока Яркендъ-дарьи Азгансала [1]), то бассейны эти должны были входить въ составъ земель Сіѣ и Цзыхэ. При нахожденіи Пули въ бассейнѣ Кинкола и сосѣднихъ земляхъ, оно, вполнѣ согласно съ ханьскими указаніями, лежало на западѣ отъ Согюя-Яркенда, на югѣ отъ Сулэ-Кашгара, на востокѣ отъ Улэя-Аличура, на сѣверѣ отъ Уча-Сарыкола, и смежно было на югѣ съ Цзыхэ. Также въ полномъ согласіи съ ханьскими указаніями, Инай въ бассейнѣ Кара-таша имѣлъ на сѣверѣ Сулэ-Кашгаръ, на югѣ былъ смеженъ съ землями Цзыхэ, и удобно могъ получать хлѣбъ, по недостатку его на собственныхъ пашняхъ, изъ Сулэ и Согюя. Наконецъ, кочевники Улэя, численностью своею въ 1 т. сем. и 7 т. душъ въ нѣсколько разъ превышавшіе нынѣшнее киргизское населеніе Памира и верховьевъ Гези, несомнѣнно занимали весь Памиръ и доступныя съ него для пастьбы скота части Шигнана и Вахана. Долина Аличура, по центральности положенія на Памирѣ и по богатству пастбищъ, особенно при

[1]) О нефритовыхъ мѣсторожденіяхъ въ этихъ мѣстахъ см. „Труды Тибетской эксп. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова", часть 2. „Геологическія изслѣдованія въ Вост. Туркестанѣ" К. И. Богдановича, Спб., 1892 г., стр. 17, 18 и др. Есть также не лишенныя интереса свѣдѣнія въ дневникахъ Б. Л. Громбчевскаго. Въ описаніи владѣнія Согюй сказано: „Здѣсь есть желѣзная гора, производящая зеленоватый нефритъ" (стр. 62, у Wylie, p. 47, blue jade). Такъ какъ ни разстоянія этой горы отъ Яркенда, ни иныхъ указаній объ ея положеніи въ „Хань-шу" не дано, о нахожденіи же нефритовыхъ копей въ прилегающихъ непосредственно къ тогдашней яркендской территоріи горахъ свѣдѣній нѣтъ, то можно думать, что гора эта и нефритовыя залежи находились не на собственной территоріи Согюя, а въ цзыхэскихъ земляхъ.

большемъ въ то время количествѣ атмосферной влажности, была подходящимъ мѣстомъ для лѣтняго пребыванія старѣйшины улэйскихъ номадовъ. Занимая Памиръ съ частями Вахана и Шигнана, Улэй, согласно съ «Хань-шу», находился на югѣ отъ Пули и былъ смеженъ на югѣ съ Уча-Сарыколомъ, на сѣверѣ съ Гюаньду и на западѣ съ Б. Юечжы [1]).

Итакъ Памиръ и прилегающія къ нему на востокѣ горныя страны,—за исключеніемъ долинъ ташкурганской, учійской и тунской, составлявшихъ особое владѣніе Уча,—были въ предшествовавшемъ Р. Х. столѣтіи заняты кочевымъ народомъ цзыхэскимъ, не принадлежавшимъ къ тюркскому племени, а ближе стоявшимъ къ кянамъ или тибетцамъ. Этимъ, установленнымъ на основаніи свѣдѣній «Хань-шу», фактомъ я пока и ограничусь, отлагая обсужденіе всего остального относительно этого цзыхэскаго народа до изложенія извѣстій, касающихся его, изъ исторій позднѣйшихъ династій, совокупность которыхъ дастъ большую возможность къ обстоятельному разсмотрѣнію.

Теперь же обратимся къ свѣдѣніямъ «Хань-шу» о занимавшихъ непосредственно прилегающія къ Памиру страны съ сѣвера кочевникахъ сэйскаго племени.

[1]) Такъ въ переводѣ о. Іакинфа, „Собр. свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 47. У Wylie смежность Улэя съ Б. Юечжы отсутствуетъ, и съ Гюаньду Улэй сосѣдитъ не только на сѣверѣ, но и на западѣ. Но послѣдняго, какъ увидимъ ниже при выясненіи положенія Гюаньду, быть не могло, а потому въ переводъ англійскаго ученаго вкрались здѣсь недоразумѣніе или ошибка.

Наиболѣе удачно до сихъ поръ произвелъ пріуроченія цзыхэскихъ владѣній В. В. Григорьевъ, хотя онъ располагалъ лишь весьма еще въ его время неудовлетворительными картами. Именно, Цзыхэ и Сіѣ помѣщалъ онъ на Яркендъ-дарьѣ и Тызнафѣ около Якрыка и Кукъяра. Уто отождествлялъ съ Ташкурганомъ—Сарыколомъ, Пули намѣчалъ въ верховьи долины р. Чарлына около Кургани-Тагарма, Улэй—въ верховьи р. Япуара, и Инай въ долинѣ Чаганъ-усу—все по картѣ Walker'a („Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, Спб., 1873 г., стр. 36 и 37). На нынѣшнихъ картахъ рѣкъ Япуара и Чаганъ-усу не имѣется. Изъ нихъ Чаганъ-усу попала на прежнія карты, въ томъ числѣ и на карту Уокера, изъ Carte de l'Asie centrale Клапрота, взявшаго ее у китайскихъ географовъ; она должна соотвѣтствовать р. Кара-ташу или р. Кинколу нынѣшнихъ европейскихъ картъ. Что касается Япуара, то это имя, повидимому соотвѣтствующей Яманъяру китайцевъ рѣки, заимствовано вмѣстѣ съ другими вымыслами англійскими картографами, начиная, кажется, съ Арроусмита, изъ проданныхъ Клапротомъ за 1 т. гиней въ британское министерство иностранныхъ дѣлъ копій донесенія посланнаго будто бы въ 1801 г. императоромъ Павломъ изъ Семипалатинска на индійскую границу агента и приложенныхъ къ этому донесенію картъ и чертежей; копіи такихъ же документовъ оказались доставленными и русскому правительству въ качествѣ донесенія посылавшагося Остъ-индской компаніей въ Кашгаръ и другія мѣстности Средней Азіи агента. Находившіеся въ русскомъ военномъ министерствѣ документы для картографическихъ цѣлей, повидимому, не употреблялись, но изданіе ихъ М. И. Венюковымъ въ 1861 и 1862 гг., въ качествѣ освѣщающихъ географію Памира данныхъ, послужило въ Англіи поводомъ для обнаруженія подлога. См. по этому предмету „Зап. И. Р. Геогр. Общ.“, 1861 г., кн. 2, стр. 139—168, 1862 г., кн. 2, стр. 1—25 (статьи М. И. Венюкова), Proceedings of R. Geographical Society, vol. XIII, 1869, p. p. 20, 21, а также 1866, № VI, p. 301 и слѣд., Journal of the R. G. S., vol. 42, 1872, p. p. 473—481, 482—484 (статьи Юля и Роулинсона).

4. Владѣнія Гюаньду и Хюсюнь и тюркское племя сэ, сага или сака.

Въ статьяхъ Гюаньду и Хюсюнь [1]), помѣщенныхъ въ I части 96 книги послѣ описанія Давани (Ферганы), содержатся слѣдующія свѣдѣнія: «Отъ Сулэ (Кашгара) на югъ около Луковыхъ горъ (Цунлинъ) мѣста необитаемы, но при подъемѣ на упомянутыя горы съ западной стороны лежитъ Хюсюнь» («Собраніе свѣдѣній», стр. 62, у Wylie, p. 47: To the south is the inhabited region of the Tsung-ling mountains. Ascending the Tsung-ling mountains on the west is Heu-tun). «Правленіе хюсюньскаго владѣтеля въ долинѣ Уфэй (Meaou-fei), по западную сторону Луковыхъ горъ. отъ Чанъ-анъ въ 10.210 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 358 сем., изъ 1.030 д.; строевого войска 480 чел. На востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 3.121, до долины Яньдунь (Yen-tun) въ Гюаньду (у Wylie добавлено in the same direction) 260, на сѣв.-западъ до Давани 920, на западъ до Б. Юечжы 1.610 ли. Обыкновенія и одѣяніе сходны съ усуньскими. Хюсюньцы перекочевываютъ съ своимъ скотомъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ. Они составляютъ отрасль древнихъ Сэсцовъ» (They are originally one of the old Sae tribes). О Гюаньду (Keuen-tüh): «Правленіе... владѣтеля въ долинѣ Яньдунь, отъ Чанъ-ань въ 9.860 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 380 сем., 1.100 д.; строевого войска 500 чел. На востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 2.861 ли... На сѣв.-западъ до Давани 1.030 ли. На сѣверѣ смежно съ Усунемъ. Одѣяніе жителей походитъ на усуньское. Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по приволью въ травѣ и водѣ; держатся около Луковыхъ горъ. Составляютъ отрасль Сэсцовъ» (стр. 61. 62, Wylie, p. p. 46—7). Изъ этихъ свѣдѣній должно заключить, что владѣніе Хюсюнь находилось около Оша или скорѣе около Гульчи (4.880 ф. н. ур. м.), «при подъемѣ» на Цунлинъ «съ западной стороны», а Гюаньду занимало земли на востокѣ отъ Хюсюня, такимъ образомъ, что долина Яньдунь приходилась въ 260 ли или верстахъ въ 100 отъ долины Уфэй, слѣдовательно приблизительно около Улугчата (7.620 ф.) [2]). Разумѣется, номады Хюсюни и Гюаньду въ

[1]) Въ переводѣ тѣхъ же статей, цитированныхъ въ „Си-юй-ту-чжи“, у Эмбо Юара, Хюсюнь названа Chieou tounn, съ резиденціею въ долинѣ Niao fei (vol d'oiseau), а Гюаньду—Tçuann tou и въ одномъ мѣстѣ Sounn tou. съ резиденціею въ Yenn tounn (Recueil de documents etc., p. p 164, 165).

[2]) На сѣверѣ отъ Улугчата находится ущелье или долина р. Аркъ-турукъ (на картѣ путеш. Громбчевскаго Аркъ-туркъ): изъ имени Аркъ-турукъ, въ китайской транскрипціи ханьскихъ временъ, легко могло выйти Яньдунь. такъ какъ звукъ *р* часто передавался чрезъ *н*, окончанія же *къ* и *укъ* отбрасывались.—Нынѣ „около Гульчи главное становище киргизскихъ родовъ, кочующихъ на Алаѣ и Памирѣ“ (полк. Жолтановскій въ „Сборн. географ. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 57, 1894 г., стр. 416). Зимовки кочевниковъ Гюаньду могли частію находиться на Кугартѣ и Яссы, ибо, по тому же источнику, зимою „вся долина Кугарта и Яссы представляетъ рядъ сплошныхъ зимовокъ“ (тамъ же, стр. 420).

перекочевкахъ своихъ не ограничивались, особенно въ лѣтнее время, окрестностями Гульчи и Улугчата, а переходили: первые на Алай, спускаясь, можетъ быть, частію и въ Каратегинъ, вторые же въ долину Марканъ-су и на сосѣднее озеро Б. Каракуль. Признать это необходимо, потому что, по «Хань-шу», владѣніе Наньду (нынѣшній Читралъ) было смежно съ Хюсюнью на сѣверѣ [1]): конечно, перекочевки хюсюньцевъ съ Алая едва ли могли доходить до Хиндукуша, а потому вмѣсто смежности Наньду съ Хюсюнью надо предполагать лишь нахожденіе Хюсюни въ направленіи на сѣверъ отъ Наньду. Кочеваніе же гюаньдусцевъ на Марканъ-су и Каракулѣ удостовѣряется смежностью Улэя на сѣверѣ съ Гюаньду («Собр. свѣд.», стр. 47). Соотвѣтственно также предлагаемое пріуроченіе Гюанду съ смежностью этого владѣнія «съ Усунемъ»,—такъ какъ усуни занимали, между прочимъ, весь бассейнъ Нарына, стало быть въ сторонѣ Гюаньду до перевала Суокъ,—а равно и слѣдующему мѣсту ханьскаго описаніи владѣнія Юйту, занимавшаго бассейнъ нынѣшней учъ-турфанской рѣки: «На югѣ смежно съ Сулэ (Кашгаръ), но черезъ горы нѣтъ проѣзда» (у W., p. 48, but road being mountainous, renders intercourse difficult). «На западъ до Гюаньду 1.314 [2]) ли, но прямою дорогою (by a narrow path) два дня конной ѣзды». По переводу о. Іакинфа, кочевники Юйту были скотоводы, имѣвшіе одежду, сходную съ усуньскою (стр. 64); къ этому въ переводѣ Wylie добавлено, что кочевники Юйту имѣли и пашни (p. 48). Безспорно, добрый джигитъ безъ труда доѣдетъ съ Аксая (вершина Учъ-турфанской рѣки) до Улугчата въ два дня, на хорошихъ же лошадяхъ, о дву-конь, вѣроятно, возможно во столько же времени проѣхать до Улугчата и съ Тушканъ-дарьи (названіе той же рѣки по выходѣ Аксая изъ горныхъ тѣснинъ въ долину).

Составители «Си-юй-ту-чжи», на основаніи ханьскихъ свѣдѣній о нахожденіи Хюсюни и Гюаньду между Даванью и Сулэ въ Цунлинѣ, пришли къ заключенію, что владѣнія эти должны были помѣщаться въ земляхъ западныхъ бурутовъ, т.-е. кара-киргизовъ нынѣшней Ферганской обл., но опредѣленныхъ пріуроченій къ какимъ-либо мѣстностямъ не сдѣлали [3]). В. В. Григорьевъ помѣщалъ Гюаньду, «преимущественно по расположенію его на Ю.-В. отъ Давани и по сосѣдству на В. съ Юй-ту», «въ верховья р. Аратумена (текущей къ Кашгару), на В. отъ Алайской степи (по Уокеровой картѣ Туркестана)» [4]). Хюсюнь же отождествлялъ онъ съ нынѣшнимъ Каратегиномъ, не приводя основаній [5]). Съ послѣднимъ пріурочені-

[1]) Въ текстѣ о. Іакинфа (стр. 47) стоитъ: „на сѣверѣ съ Сюсюнію“, но у Wylie тутъ Heu-Seun (p. 33).

[2]) У о. Іакинфа 7.344 ли, но это опечатка, такъ какъ и у него въ переводѣ 1829 г., стр. 41, и у W. значится 1.344 ли.

[3]) Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., p. 165—167.

[4]) „Вост. или Кит. Туркестанъ“, вып. 2, 1873 г., стр. 36.

[5]) Тамъ же, стр. 47.

емъ согласиться, кажется мнѣ, невозможнымъ, такъ какъ разстояніе между резиденціями правителя Хюсюни въ Каратегинѣ и правителя Гюаньду на восточной Кызылъ-су (Аратуменъ) далеко превысило бы ханьскія 260 ли. Сверхъ того, произведенное въ 658 г. однимъ изъ императоровъ династіи Танъ, переименованіе ферганскаго города Гѣсай (вѣроятно, Ахсыкетъ) въ область Хюсюнь [1]) свидѣтельствуетъ, что древнее владѣніе Хюсюнь находилось въ Ферганѣ, а не въ Каратегинѣ; ошибку здѣсь предполагать трудно, потому что въ танское время еще не успѣли такъ основательно забыть мѣстонахожденія западныхъ владѣній ханьскаго времени, какъ это произошло въ послѣдующіе за потерею Вост. Туркестана десять столѣтій.

О народѣ сэ, къ которому принадлежало населеніе Хюсюни, Гюаньду, а можетъ быть и Юйту, въ «Хань-шу» встрѣчаются слѣдующія извѣстія: а) Въ описаніи Усуни: «Первоначально сія страна принадлежала народу Сэ. Б. Юечжы на западѣ разбилъ и выгналъ сэскаго владѣтеля. Сэскій владѣтель перешелъ на югъ за Висячій переходъ; Б. Юечжы удалился на западъ и покорилъ Дахя; Усуньскій Гуньмо остался на земляхъ его: посему-то между Усуньцами находятся отрасли племенъ сэскаго и юечжыскаго» (стр. 65. У Wylie, p. 84: The inhabitants were originally Sae; but the Ta Yuê-she on the west subdued and expelled the king of the Sae; when the latter moving south, crossed the Hindukush; and the Ta Yuê-she occupied the country. At a subsequent period the Kwân-mo of Woo-sun attacked and subdued the Ta Yuê-she, who then went westward, and reduced the Ta-hea to a state of vasselage, while the Kwân-mo of Woo-sun took possession of their country. In consequence of these revolutions, the population was of mixed character, containing, beside those of Woo-sun, Sae and Ta Yuê-she elements also) [2]). б) Въ описаніи Гибини: «Когда хунны разбили Б. Юечжы, то Б. Юечжы занялъ на западѣ государство Дахя, а Сэскій владѣтель занялъ на югѣ государство Гибинь» (у W. послѣднее предложеніе: Sae moved south, and ruled over Kophen). «Сэскія племена разсѣянно живутъ, и болѣе подъ зависимостью другихъ. Отъ Кашгара на сѣверо-западѣ Хюсюнь и Гюаньду суть потомки древнихъ Сэсцовъ» (стр. 48, у Wylie, p. 34: The Sae were scattered, and at times formed several kingdoms. North-west of Soo-lih the Heu-seun,

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., часть 3, 1851 г., стр. 252.

[2]) Imbault Huart далъ слѣдующій переводъ цитированныхъ въ „Си-юй-тучжи“ тѣхъ же мѣстъ „Хань-шу“: Les Ou sounn occupaient primitivement le territoire de Saï. Le roi de Saï, battu et refoulé à l'ouest par les grands Yué ti, traversa les Passages suspendus, tandis que les vainqueurs s'établissaient sur son territoire. Dans la suite le Kounn mi des Ou sounn battit les grands Yué ti qui, se retirant vers l'ouest, soumirent le Ta chia; le Kounn mi des Ou sounn s'établit sur le territoire des grands Yué ti (Recueil de documents sur l'Asie centrale etc., p. 159). Въ этомъ переводѣ или въ цитатѣ первая фраза передана ошибочно.

Keuen-tùh, and consanguineous nations are all descendan ots of the ancient Sae) [1]).

Приведенныя китайскія извѣстія, не столь, конечно, подробныя, какъ этого можно бы желать для выясненія происходившихъ въ Средней Азіи во II в. до Р. Х. событій, достаточно однако ясны, сообщая, что занимавшій западный Тяньшань народъ сэ, вслѣдствіе нашествія юечжей, изгнанныхъ хуннами изъ принадлежавшихъ имъ земель, вынужденъ былъ оставить свою страну и разсѣяться по разнымъ мѣстамъ, но при этомъ значительная его часть направилась чрезъ Висячій переходъ на югъ и овладѣла Гибинью. Къ сожалѣнію, первый синологъ-историкъ, воспользовавшійся извѣстіями китайской исторіи для освѣщенія прошлаго Средней Азіи, де-Гинь, вслѣдствіе недостаточности и смутности современныхъ ему свѣдѣній о географіи внутренней Азіи и подъ вліяніемъ извѣстій Страбона и другихъ классическихъ писателей о разрушеніи греко-бактрійскаго цар-

[1]) Abel Rémusat перевелъ это мѣсто описанія Гибини (не по подлиннику „Хань-шу", а по сборнику или энциклопедіи Матуаньлиня) такъ: Anciennement les Hioung-nou ayant défaits les grands Youei-chi, ceux-ci se portèrent à l'ouest pour habiter chez les Ta-hia (Dahae); et le roi des Sai vint au midi demeurer dans le Ki-pin; les tribus des Sai se divisèrent et se dispersèrent de manière à former çà et là différents royaumes. Depuis Sou-le (Kaschghar?) au nord-ouest, toutes les dépendances de Hieou-siun et Siun-tou (Sind) sont habitées par d'anciennes tribus Sai (Nouveaux mélanges asiatiques etc., par M. Ab. Rémusat, Paris, 1829, t. I, p. p. 205—206). Тутъ я остановлюсь на чтеніи Сюньту (Синдъ) вмѣсто Гюаньду. Еще де-Гинь замѣтилъ, что китайская транскрипція имени владѣнія Kuen-to (т. е. Гюаньду о. Іакинфа, Keuen-tùh у W.) имѣетъ большое сходство съ транскрипціей имени Индіи, почему китайскіе писатели ихъ часто путаютъ: il est important de ne pas les confondre (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. LXXXIII). Между тѣмъ Аб. Ремюза въ 1820 г. прочелъ у Матуаньлиня вмѣсто Гюаньду Yun-tou и нашелъ во владѣніи этомъ вмѣсто сэйцевъ индусовъ, тѣхъ самыхъ nomades Indiae, которыхъ поминаетъ Плиній (Recherches sur les langues tartares, par Ab. Rémusat, t. I, Paris, 1820, p. 288). Въ 1825 г. онъ заставлялъ сэйцевъ, побѣжденныхъ юечжійцами á se retirer dans le pays des Hian-tou, tribu d'Hindous, établie dans la Tartarie (Mémoires sur plusieurs questions relatives à la Géographie de l'Asie centrale, Paris, 1825, p. 115). Еще въ большее заблужденіе впалъ Карлъ Фридрихъ Нейманъ, прочитавшій вмѣсто Гюаньду Yentu и принявшій описаніе маленькой кучки сэйскихъ кочевниковъ, отставшихъ отъ своего народа въ Цунлинѣ, за описаніе Индіи (Zeitschrift für die historische Theologie, B. 3, zweites Stück, Leipzig, 1833, s. s. 134—135). Корень всѣхъ этихъ заблужденій заключается, повидимому, въ слѣдующемъ комментаріи китайскаго ученаго VII вѣка Яня Шыгу, приведенномъ у Матуаньлиня: „Youen-tou есть то же самое, что Chin-tou (Индія): выраженіе sai-tchong (у Іакинфа „отрасль сэйцевъ") есть то же самое, что chi-tchong (Сакьямуни, изъ рода сакія): тутъ небольшое измѣненіе звуковъ, имени chi въ saï" (переводъ St. Julien въ Journal asiatique, 1847, t. X, p. 93). Принадлежность Будды къ роду сакія давно извѣстна и подтвердилась надписью на одномъ сосудѣ, найденномъ въ 1898 г. въ мѣстѣ погребенія останковъ Будды (см. Journal of R. Asiatic Society, 1898, p. p. 388, 588), и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что сэйцы ханьской исторіи суть саки персовъ и индійцевъ, но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, что названіе земли части остатковъ сэйцевъ въ Цунлинѣ слѣдуетъ читать не Гюаньду, а Шеньду, Сюньду или Инду: сверхъ того хорошо извѣстно, что индійцы не признавали саковъ единоплеменниками своими, а причисляли ихъ къ млеча, инородцамъ.—Не менѣе неудачно А. Ремюза смѣшивалъ имя Хюсюни (Hieou-siun) съ именемъ народа усуньскаго (Ou-siun), увѣряя безъ всякихъ основаній, что китайцы давали усунямъ до Р. Х. имя Hieou-siun (Mémoires sur plusieurs questions etc., Paris, 1825, p. 96).

ства саками, имя которыхъ было сходно съ китайскими сэ, ошибочно пріурочилъ Гибинь къ Согдіанѣ и заставилъ этимъ способомъ саковъ-сэ (или su, какъ писалъ де-Гинь) разрушить греко-бактрійское царство [1]. Весьма много сдѣлавшій для этнологіи и исторіи Средней Азіи Клапротъ изобразилъ переселеніе сэйцевъ въ такомъ видѣ, что вытѣсненный «съ береговъ р. Или» юечжійцами «народъ szü» удалился въ Трансоксіану, гдѣ напалъ на бактрійскихъ грековъ и разрушилъ ихъ царство» [2]. Неправильность помѣщенія Гибини въ Согдіану указана была Абелемъ Ремюза, но съ этой поправкой, благодаря авторитету Дегиня и Клапрота, а также долгому отсутствію перевода 96 книги «Хань-шу» на зап.-европейскіе языки, ихъ теорія такъ утвердилась, что и теперь еще господствуетъ въ европейской наукѣ. Еще въ 1872 г. В. В. Григорьевъ [3] и нѣсколько лѣтъ позже Альфредъ фонъ-Гутшмидъ [4], основываясь на переводахъ о. Іакинфа [5], выяснили, что ханьскіе сэйцы прошли въ Гибинь чрезъ Памиры и Висячій переходъ [6], а не чрезъ Согдіану и Бактріану;

---

[1] Histoire de l'Académie royale des Inscriptions et Belles-Lettres avec les Mémoires de litterature, tirés de registres de cette Académie, t. XXV, Paris, 1759, p. p. 26, 27 etc., а также Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. p. 41, 42 etc.

[2] Tableaux historiques de l'Asie etc., par J. Klaptoth, Paris, 1826, p. p. 132, 133 etc.

[3] „Изслѣдованіе о скиѳскомъ народѣ Сакахъ" въ „Трудахъ Восточн. Отдѣл. И. Р. Археол. Общ.", С-Пб., 1872 г., ч. 16, стр. 234 и др.

[4] Geschichte Iran's und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tübingen, 1888, S. 59 и слѣд. Эта книга есть нѣмецкій оригиналъ статьи, напечатанной въ Encicloраedia Britannica въ концѣ 70-хъ годовъ.

[5] Переводы эти были извѣстны частію Гутшмиду изъ перевода съ русскаго на нѣмецкій языкъ, сдѣланнаго Шоттомъ изъ „Описанія Чжуньгаріи" и пр. для Риттера, который помѣстилъ его въ своемъ Erdkunde, VII. Th., 3. Buch., s. s. 613—628.

[6] За недостаткомъ въ его время обстоятельныхъ свѣдѣній о Памирѣ и путяхъ чрезъ него къ Кабулъ-дарьѣ и Индіи, Гутшмидъ пріурочилъ Висячій переходъ къ тому проходу около оз. Ѳшиль-куля, который упоминается въ донесеніи Фудэ о преслѣдованіи ходжей послѣ пораженія ихъ на Аличурѣ (у Mailla, Hist. génér. de la Chine, XI, p. 572). Вмѣстѣ съ тѣмъ Гутшмидъ полагалъ, что сэйцы шли изъ Тяньшаня на Памиръ чрезъ Учъ-Турфанъ и Кашгаръ, за Хиндукушемъ же держали путь чрезъ Читралъ. При отсутствіи по этому предмету историческихъ свѣдѣній и основываясь преимущественно на имѣющихся къ настоящему времени различныхъ свѣдѣніяхъ о природѣ и путяхъ по Тяньшаню и Памиру, я думаю, что слѣдовавшая съ своимъ „владѣтелемъ" часть сэйцевъ, въ числѣ 30—50 т. кибитокъ, уходила отъ юечжей съ Иссыкъ-куля чрезъ Нарынъ на Алай и Памиръ многими путями, но лежащими все западнѣе Учъ-Турфана и Кашгара. Многими же дорогами шли сэйцы и чрезъ Памиръ, но главная масса ихъ должна была болѣе или менѣе слѣдовать на Памирѣ легчайшимъ направленіемъ по долинѣ Аксу и затѣмъ Мал. Памиромъ и далѣе по Ваханъ-дарьѣ до прохода Барагыльскаго и за нимъ по долинѣ Ярхуна на Пенджкору, Сватъ и Пишаверъ. Таково должно бы быть направленіе дороги главной массы, но болѣе или менѣе значительныя части сэйцевъ, для удобствъ подножнаго корма ихъ стадъ, безъ сомнѣнія шли разными побочными путями, какъ по Памиру, такъ и далѣе, переваливая, быть-можетъ, въ Читралъ болѣе западными перевалами и пользуясь дорогою по долинѣ Турихо, соединяющеюся съ Ярхунской ниже Мастуджа.

однако, даже такіе извѣстные ученые, какъ баронъ Рихтхофенъ [1]) и нумизматъ Э. Друэнъ [2]) оказались, какъ многіе другіе, продолжающими повторять ошибочное представленіе де-Гиня и Клапрота, хотя Друэну надлежало бы уже быть знакомымъ съ переводомъ Wylie, 1880 и 1881 гг., и съ книгою Гутшмида.

Умолчаніе «Хань-шу» объ этнической группѣ, къ которой принадлежалъ сэйскій народъ, при указаніи, что сосѣдившіе съ сэйцами Гюаньду цзыхэсцы не были тюрками (ху), а близки были къ тибетцамъ, даютъ основаніе заключить, что сэйцы были народомъ тюркскимъ. Подтверждаютъ это не только сходство одежды и обычаевъ цунлинскихъ сэйцевъ съ усуньскими, отмѣченное въ «Хань-шу», но и самое нахожденіе сэйскаго народа, въ ханьское время, въ западномъ Тяньшанѣ, въ ряду тюркскихъ народовъ, занимавшихъ въ то время всю среднюю Азію отъ Байкала до Аральскаго моря, начиная съ хунновъ и кончая кангюйцами или канглы [3]). Юечжи, и во время пребыванія своего у Наньшаня, не разрывали этого ряда, такъ какъ были лишь выдавшеюся на сѣверъ частью тибетцевъ, значительно смѣшавшеюся съ тюрками и вынужденною ими удалиться сначала въ Тяньшань, а потомъ на Аму-дарью. Народъ, которому китайцы съ II в. до Р. Х. давали имя сай, сэ, su, ssé, szu, sz' (у Рихтхофена), былъ, по всей вѣроятности, однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, передвинувшихся отъ Алтая въ бассейнъ р. Или и Нарына за многія столѣтія до Р. Х., одновременно съ кангюйцами или канглами. Его остатки уцѣлѣли на востокѣ въ лицѣ племени с а г а й на Енисеѣ и якутовъ, именующихъ себя с а х а, на Ленѣ, остаткомъ же сайцевъ Тяньшаня до нашихъ дней можно почитать кара-киргизское поколѣніе с а я к ъ, которое, по всей вѣроятности, является одною изъ тѣхъ «отраслей» или родовъ, которые находились въ ханьское время «между усуньцами», безъ сомнѣнія на Нарынѣ, гдѣ саяки кочуютъ и теперь. Возможно также, что имя сай, первоначально саха, сага, было источникомъ имени саковъ, какъ персы звали всѣхъ кочевниковъ, обитавшихъ на сѣверныхъ границахъ Ирана, подобно тому, какъ греки называли скифами всѣхъ сѣверныхъ кочевниковъ, какому бы племени—ин-

---

[1]) China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeten Studien, von Ferdinand Freihern von Richthofen, Berlin, 1877, Erster B., S. 448.

[2]) „По современнымъ китайскимъ историкамъ, въ 168 г. до Р. Х., юечжи, выгнанные хуннами изъ Khan-si (?), перешли Яксартъ, проникли въ Согдіану, потомъ въ Бактріану, откуда прогнали ssé'йцевъ", и т. д. (Remarques sur les monnaies frappées dans les prémiers siècles de notre ère par les princes touraniens, par E. Drouin, въ Journal asiatique, 1891, t. XVI, p. 145), „Безполезно припоминать здѣсь извѣстную со времени де-Гиня исторію прибытія Юечжи въ Согдіану, откуда они прогнали ssé или саковъ" и т. д. (Mémoire sur les Huns—Ephthalites dans leurs rapports avec les rois perses sassanides, par E. Drouin, въ Le Muséon, 1895, t. XIV, p. 141).

[3]) Въ „Замѣткахъ объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей", Спб., 1897 г., мною сдѣланъ краткій очеркъ расположенія тюркскихъ народовъ ханьскаго времени на стр. 16—18.

до-европейскому, тюркскому или финскому—они ни принадлежали. Въ такомъ случаѣ персы распространили имя сэйцевъ, сага, на остальныхъ сѣверныхъ кочевниковъ потому, что именно съ ними, какъ занимавшими западный Тяньшань, всего болѣе и чаще должны были они имѣть столкновеній на границахъ Согдіаны, которая, безъ сомнѣнія, подвергалась иногда ихъ набѣгамъ. Именно сайцы были тѣмъ кочевымъ народомъ, съ которымъ долженъ былъ Александръ Великій воевать на Яксартѣ. Историки его походовъ, сохранившіе намъ лишь скудныя и смутныя этническія свѣдѣнія, называютъ этотъ народъ то скиѳами, то саками, по примѣру персовъ и въ томъ же смыслѣ, но у Квинта Курція (VII, 7, 1) приведено имя брата царя этихъ скиѳовъ или саковъ Carthasis, въ которомъ проф. Нёльдеке узналъ тюркское слово к а р д а ш, (сродный) братъ [1]). Во время похода Александра въ 327 г. до Р. Х. въ страны вверхъ по Оксу онъ сдѣлалъ, послѣ движенія въ страну Габаза, набѣгъ на саковъ (sagas petens, у Кв. Курція), у которыхъ при этомъ отнято было много скота, такъ какъ Александръ подарилъ изъ добычи Сисимитру 30 т. головъ. В. В. Григорьевъ узнавалъ въ Габазѣ Кобадіанъ, саковъ же предполагалъ обитавшими въ Каратегинѣ и на Алаѣ [2]). Въ Каратегинѣ «богатыя пастбища на сѣверныхъ склонахъ хребта Петра Великаго» [3]), а потому, если въ ханьское время сэйцы Хюсюни несомнѣнно имѣли кочевки на Алаѣ, то весьма возможно, что то же самое имѣли мѣсто и два столѣтія ранѣе и что нѣкоторые роды тѣхъ же сэйцевъ-саковъ, съ которыми Александръ имѣлъ столкновенія на Яксартѣ-Танаисѣ, кочевали въ его время въ Каратегинѣ и, быть-можетъ, даже ниже по Вахшу.

Безъ такихъ кочевокъ сэйскихъ родовъ съ давняго времени трудно и объяснить, какимъ образомъ сэйскій «владѣтель» и родоначальники могли предпринять завершившееся успѣхомъ, но рискованное переселеніе чрезъ столь неудобопроходимыя страны, какъ Памиръ и южные склоны Хиндукуша. Дѣйствительно ли описываемый Птолемеемъ древній торговый путь изъ Бактръ къ серамъ шелъ чрезъ Хиссаръ и Каратегинъ къ Кашгару, какъ полагалъ Н. А. Сѣверцовъ [4]), этотъ вопросъ я буду обсуждать въ другомъ мѣстѣ, но Сѣверцовъ совершенно правильно утверждалъ, что путь чрезъ Каратегинъ былъ для торговыхъ сношеній Балха съ Вост. Туркестаномъ и Китаемъ болѣе краткимъ и удобнымъ, чѣмъ пути чрезъ Памиръ. Правда, движеніе по этому пути совсѣмъ прекращалось на зиму вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ и бурановъ, да и лѣтомъ оно было удобно

1) Geschichte Iran's etc., von Gutschmid, 1888. s. 2.
2) „Походъ Александра Вел. въ Зап. Туркестанъ“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1881 г., окт., стр. 199
3) Б. Л. Громбчевскій въ „Изв. И. Р. Геогр. Общ.“, 1891 г., стр. 99.
4) Bulletin de la Société de Géographie, Paris, 1890, t. XI, p. p. 417—441.

лишь для небольшихъ каравановъ [1]), но это не могло мѣшать пользоваться имъ въ лѣтнее время. Проходъ по нему, между прочимъ, могъ быть особенно выгоденъ для купцовъ потому, что на немъ, по незначительности населенія, имъ достаточно было заручиться покровительствомъ трехъ-четырехъ владѣтелей или родоначальниковъ, которымъ принадлежала власть въ Каратегинѣ, на Алаѣ и на восточной Кызылъ-су, чтобы пользоваться полной безопасностью до прихода въ Кашгаръ или въ ту Statio mercatorum, гдѣ снаряжались большіе торговые караваны для дальнѣйшей безопасности и удобствъ въ пути до серовъ. Къ этому надо прибавить, что путемъ черезъ Каратегинъ могли ходить и торговцы изъ Индіи не только чрезъ Бактры, но и чрезъ Читралъ и Бадахшанъ. Имѣя отчасти кочевки на Памирѣ и связи съ цзыхэсцами Улэя, которые заимствовали отъ нихъ одежду, сэйскіе роды Гюаньду и Алая, конечно, хорошо знали пути по Памиру, отъ торговцевъ же, шедшихъ чрезъ ихъ земли въ Кашгаръ, не трудно имъ было имѣть свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ сѣверной Индіи и о путяхъ въ нее. Не невозможно также, что алайскіе сэйцы предпринимали грабительскіе набѣги въ Читралъ, а можетъ быть и далѣе, чрезъ Памиръ, и такимъ образомъ ознакомились съ путями за Хиндукушемъ личнымъ опытомъ. Численность сэйскаго народа, конечно, равнялась или лишь немного уступала численности юечжей (100 т. сем., стр. 54) и усуней (120 т. кибитокъ, стр. 64) ханьскихъ временъ. Если съ сэйскимъ владѣтелемъ ушло въ Гибинь 30—50 т. кибитокъ, то движеніе и такой массы кочевниковъ чрезъ Памиръ и Читралъ было, безъ сомнѣнія, сопряжено съ большими бѣдствіями. Вѣроятно, значительная часть дѣтей и женщинъ и болѣе слабые мужчины не выдержали голода, памирскаго холода, индійской жары и пр. и погибли въ пути со всѣмъ почти скотомъ, но противъ напора оставшихся тысячъ, положимъ, тридцати закаленныхъ въ бояхъ и бѣдствіяхъ воиновъ не могли устоять индійскіе раджи и греческіе базилевсы Читрала, Свата и низовьевъ Кабулъ-дарьи, а затѣмъ и Пенджаба, гдѣ главнымъ образомъ найдены монеты цѣлой династіи варварскихъ царей съ признаками, устанавливающими, что монеты эти чеканились, по всей вѣроятности, владыками царства, основаннаго ранѣе другихъ варваровъ вторгшимися въ Индію саками—скиѳами около половины II стол. до Р. Х. Властвованіе сэ'йцевъ въ Гибини и части Индіи продолжалось около 150 лѣтъ. По извѣстіямъ исторіи младшей династіи Хань, Гибинь была около Р. Х. покорена

---

[1]) По словамъ В. И. Ошанина, совершившаго въ 1878 г. поѣздку въ Каратегинъ, для сколько-нибудь значительнаго военнаго отряда или даже для большого каравана было бы тамъ трудно доставать потребное количество фуража. Подножнаго корма мало въ среднемъ Каратегинѣ. Для небольшихъ партій, человѣкъ въ 30—40, дорога здѣсь довольно хорошая („Изв. И. Р. Географ. Общ.", 1881 г., стр. 51).

юечжійцами, которые чрезъ нѣкоторое время завоевали и значительную часть Индіи. [1]) Не имѣя возможности излагать здѣсь исторію сэ'йцевъ на югѣ Хиндукуша [2]), я ограничусь замѣчаніемъ, что имена первыхъ царей сакской династіи Мауеса и Азеса могутъ быть почитаемы тюркскими (Май, Асъ) и что, по удостовѣренію Сильвэна Леви, китайскіе переводчики буддистскихъ книгъ Индіи встрѣчавшееся въ нихъ имя сака передавали посредствомъ знака, который служилъ изображеніемъ имени ханьскаго народа сэ: напр., upâsaka транскрибировалось по-китайски ou-po-se, Mahiçâçaka—Mi-cha-se и т. д. [3]).

5. Владѣніе Гибинь на Кабулъ-дарьи и въ сѣверо-западной Индіи и владѣніе Наньду, нынѣшній Читралъ.

Закончимъ теперь извѣстія «Хань-шу» о владѣніяхъ по дорогѣ въ Гибинь и Угэшаньли. Послѣ Улэя помѣщено описаніе владѣнія Наньду (у W. Nan-tow): «Правленіе наньдускаго владѣтеля находится отъ Чанъ-ань въ 10.150 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 5.000 сем., 31.000 д.: строевого войска 8.000 чел. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 2.850, на западъ до Улэя 340, на юго западъ до Гибини 330 ли. Сіе владѣніе на югѣ смежно съ Жокяномъ, на сѣверѣ съ Сюсюнію (Heu-seun), на западѣ съ Бол. Юечжы. Сѣютъ всякой хлѣбъ; есть виноградъ и другіе плоды; есть серебро, мѣдь и желѣзо. Жители сами дѣлаютъ оружіе. Наньду вмѣстѣ съ другими владѣніями состоитъ въ зависимости отъ Гибини» [4]). Изъ помѣщеннаго затѣмъ описанія Гибини приведемъ слѣдующее: «Правленіе гибиньскаго владѣтеля въ гор. Сюньсяни (у W. Sun-seen, по Аб. Ремюза Siun-sian), отъ Чань-ань въ 12.200 ли. Онъ не зависитъ отъ намѣстника, и по числу народа и войска считается сильнымъ государемъ. На сѣв.-востокъ до мѣстопребыванія намѣстника 6.840, на востокъ до Уча (Уто) 2.250 ли; на сѣв.-востокъ до Наньду девять дней пути. На сѣв.-западъ смежно съ Б. Юечжы, на юго-западѣ съ Угэшаньли... Гибиньскія земли ровны; климатъ умѣренный; растетъ му-су (люцерна) и другія травы; также разныя деревья, свойственныя теплымъ странамъ. Сѣютъ всякій хлѣбъ; разводятъ виноградъ и другіе плоды. Сады и поля удобряютъ наземомъ. По влажности подпочвенной земли родится са-

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 118—121.

[2]) См., между прочимъ, вышецитированную книгу Гутшмида, S. 107 etc.

[3]) Notes sur les Indo-Scythes, въ Journal asiatique, 1897, t. IX, p. 10. Индійскія преданія въ пуранахъ различаютъ двѣ индо-скиоскія династіи и расы, властвовавшія въ Индіи: сака (кит. сэ) и тухара или тусара (юечжи или кушаны, тохары); царей сака разныя пураны насчитывали отъ 10 до 18, царей же тухара всѣ считали 24 (тамъ же).

[4]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 47. У Wylie, p. 33, послѣднія двѣ фразы: „Жители сами дѣлаютъ оружіе, какъ другіе народы. Nan-tow is attached to Kepin".—Переводъ Іакинфа въ данномъ случаѣ, очевидно, вѣрнѣе.

рацинское пшено (у W., p. 35, вѣрнѣе: In the low and damp ground they grow rice). ...Жители искусны въ различной рѣзьбѣ, въ строеніи дворцовъ и зданій, въ тканьѣ шерстяныхъ матерій, въ вышиваніи шелками: хорошо готовятъ кушанья... Въ обращеніи золотая и серебряная монета; на лицевой сторонѣ монеты всадникъ, на задней—лицо человѣка. Гибинь производитъ ...слоновъ..., обезьянъ, ...павлиновъ, ...жемчугъ, кораллы... Сообщеніе между Китаемъ и Гибинью открыто со временъ Вуди» (140—87 г. до Р. Х.).

Изъ упоминаемыхъ въ описаніи Гибини владѣній территорія Большого Юечжы главнымъ образомъ состояла изъ Бактріаны, т.-е. земель по лѣвому берегу Аму-дарьи со включеніемъ Бадахшана, отъ Ишкашима до Мургаба. Территорія Угэшаньли, вѣроятно, обнимала Кандахарскую область, Сеистанъ, Керманъ и Фарсъ [1]). При такомъ положеніи Б. Юечжы

[1]) Угэшаньли (у W. Woo-yih-shan-le) находилось въ 60 дняхъ пути отъ мѣстопребыванія намѣстника, „на востокѣ смежно съ Гибинію, на сѣверѣ съ Бутао (Po-tao—Bactria, по Wylie), на западѣ съ Лиганію и Тяочжи". „Китайскіе посланники, по причинѣ отдаленности, рѣдко доходили туда. Здѣсь конецъ южной дороги... Отселѣ, поворотивъ на сѣверъ, а потомъ на востокъ, прибудешь въ Аньси" („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 52 и 53, W., p. p. 38, 39), т.-е. въ парѳянское царство. Такъ какъ Тяочжи и Лигань (какъ обстоятельно выяснено въ The China and the Roman Orient, by F. Hirth, 1885, Shangai, p.p. 144 и слѣд.) соотвѣтствуютъ Вавилоніи и Сиріи, а Бутао (какъ догадывался, между прочимъ, Parker въ Contemporary Review, 1897, December, p. 868, признавая Pukt'ao за Puktah, въ чемъ видѣлъ нынѣшнихъ патановъ) есть земля авгановъ въ Сулеймановыхъ горахъ и Сефидъ-кухѣ, то Угэшаньли оказывается, видимо, Арахозіей, Сеистаномъ, Керманомъ и Фарсомъ въ ихъ совокупности. Хотя во II и I стол. до Р. Х. названныя земли были болѣе или менѣе подвластны парѳянскому царю царей, но, по свѣдѣніямъ Страбона, писавшаго около Р. Х., Парсисъ (Персида, Фарсъ) имѣла собственнаго царя, что подтверждается и отсутствіемъ ея въ числѣ парѳянскихъ областей, описанныхъ Исидоромъ Харакскимъ въ Mansiones Parthicae. Драngіана, Сакастена и Арахозія значатся у Исидора, причемъ Арахозія названа предѣломъ парѳянскаго господства на востокъ. Если такимъ образомъ даже Фарсъ и Керманъ не находились въ I в. до Р. Х. въ прямой зависимости отъ парѳянъ, то, конечно, еще менѣе прочна и постоянна была власть ихъ надъ Арахозіею, сообщенія которой были въ это время отрѣзаны или затруднены саками (особыми отъ сэйцевъ Гибини, хотя въ составѣ ихъ могла находиться и часть разсѣявшихся изъ Тянь-шаня сэйскихъ родовъ), которые захватили часть Дрангіаны и усвоили ей имя Сакастана, подъ которымъ она является уже у Исидора. Сверхъ того весьма возможно, что имѣвшія своихъ царей или губернаторовъ, подвластныхъ парѳянамъ, Арахозія, Дрангіана, Керманъ и Фарсъ соединялись, во время смутъ у парѳянъ, въ одно цѣлое и что въ это-то время попадали въ Угэшаньли „рѣдко доходившія" сюда китайскія посольства. При династіи Младшихъ Ханей (25—221 гг. по Р. Х.) считалось, по ея исторіи („Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 114), отъ Пишани „на юго-западъ чрезъ Учжя, Висячій переходъ и Гибинь 60 дней пути до владѣнія Угэшаньли. Послѣднее владѣніе простирается на нѣсколько тысячъ ли, и въ это время переименовалось П а й ч и". Тутъ П а й ч и мнѣ кажется Ф а р с о м ъ. Показаніе Бутао, земли патановъ въ Сулеймановыхъ горахъ, на сѣверѣ отъ Угэшаньли, можетъ быть объяснено тѣмъ, что Арахозія (Кандахарская область) простиралась на востокъ къ Инду; при этомъ она встрѣчалась въ долинѣ Инда съ спускавшимися сюда гибиньскими владѣніями и оказывалась дѣйствительно „на востокѣ смежною съ Гибинію", какъ приведено выше изъ „Хань-шу", Сулеймановы же горы, Бутао, приходились на сѣверѣ. Наконецъ, имя Угэшаньли или Уешаньли представляется, на мой взглядъ, всего скорѣе китайской транскрипціей имени Хорасанъ или Хурасанъ, ибо Арахозія была восточной окраиной Ирана, страной восхода солнца (хора).

и Угэшаньли, Гибинь на юго-востокѣ (въ описаніи Б. Юечжы даже «на югѣ», стр. 54, у W. p. 40) отъ Дахи-Бактріаны-Б. Юечжы и на сѣв.-востокѣ и **востокѣ** (описаніе Угэшаньли) отъ Кандахарской области могла быть лишь государствомъ, занимавшимъ низовья Кабулъ-дарьи, бассейнъ Свата и Пенджкоры, часть Пенджаба и долины Инда по обоимъ его берегамъ, какъ ясно это и изъ высокаго развитія культуры и промышленности, существованія монеты и представителей животнаго царства, каковы слоны, павлины, жемчугъ, кораллы и пр., свойственныхъ Индіи. Къ тому же заключенію приводитъ и имя Гибинь, являющееся очевидною китайскою транскрипціею имени Кофенъ (Kubha въ Ведахъ), подъ которымъ нижняя Кабулъ-дарья значилась у историковъ походовъ Александра Великаго. Однако, правильное опредѣленіе положенія Гибини достигнуто не вдругъ и не безъ предварительныхъ ошибокъ. Начали эти ошибки ученые нынѣшней династіи, составлявшіе «Минъ-ши», утверждая въ ней, что «Самаркандъ (Sa-ma-rh-han) есть та самая страна, которая во время династіи Хань называлась Гибинь" [1]). За ними слѣдуя, вѣроятно, помѣщалъ Гибинь въ «Согдіану или страны, занятыя греками», де-Гинь, какъ уже было приведено. Составители «Си-юй-ту-чжи», основываясь на ханьскихъ данныхъ и на упоминаніи въ исторіи династіи Танъ о смежности Зап. Индіи съ Гибинью, признали послѣднюю за нынѣшній Индустанъ, подъ именемъ же послѣдняго разумѣли они прилегающую «къ границамъ Сѣв. Индіи» страну, находящуюся на юго-западѣ отъ Бадахшана и на востокѣ отъ Авганистана [2]): видимо, они не знали, что въ ихъ время территорія древней Гибини входила въ составъ земель, подвластныхъ шаху авганскому. «Дай-цинъ-и-тунъ-чжи», разумѣется, считаетъ Гибинь за Индустанъ, «владѣніе, лежащее на сѣверныхъ предѣлахъ Индіи» [3]). Абель Ремюза въ 1818 г. считалъ «довольно вѣроятнымъ, что въ ханьское время китайцы давали имя Гибини восточной части Хорасана и собственно т. наз. Бактріанѣ, но при династіяхъ Суй и Танъ то же имя примѣнялось къ области Кандахара» [4]); позже, послѣ бо̀льшаго изученія китайскихъ извѣстій по исторіи Средней Азіи, порицая де-Гиня за неосновательное пріуроченіе Гибини къ Согдіанѣ, Ремюза сталъ признавать Гибинь за Кофенъ [5]). Такъ какъ и Клапротъ почиталъ Гибинь за Кофенъ [6]),

---

[1]) Переводъ Э. В. Бретшнейдера въ Mediaeval Researches from Eastern Asiatic sources, by E. Bretschneider, London, 1888, vol. 2, p. 236.

[2]) Recueil de documents etc..., par Imbault-Huart, 188, p.p. 215—216. Резиденція владѣтеля Гибини въ цитатѣ изъ „Хань-шу" названа здѣсь Tounn sienn. Мѣстонахожденіе и истинное имя столицы до сихъ поръ не опредѣлены.

[3]) Іакинфа Бичурина „Описаніе Чжуньгаріи" и пр., Спб., 1829, стр. XLIII.

[4]) Remarques sur l'extension de l'empire chinois du côté de l'occident въ Mémoires de l'Institut royale de France, Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris, 1827, t. VIII, p.p. 98, 87.

[5]) Recherches sur les langues tartares, Paris, 1820, t. 1, p. XLVI. Nouveaux mélanges asiatiques, Paris, 1829, t. I, p.p. 188, 205.

[6]) Tableaux historiques de l'Asie, etc., Paris, 1826, p.p. 133 et IX.

то это пріуроченіе остается и по настоящее время общепринятымъ, за немногими исключеніями, изъ которыхъ я упомяну только о двухъ. В. В. Григорьевъ сначала считалъ Гибинь за юго-западный Авганистанъ, за Сакастену Исидора Хараксказо, на томъ основаніи, что, по «Хань-шу», Гибинь лежала на югѣ отъ Б. Юечжы и что въ составъ послѣдняго входило владѣніе Гаофу, соотвѣтствующее Кабулу, разстояніе же Гибини отъ мѣстопребыванія намѣстника показано въ 6.840 ли, а Гаофу въ 6.041 ли [1]). Такъ какъ по «Хань-шу» же Гибинь показана на юго-востокѣ отъ Б. Юечжы, а разстоянія отъ мѣстопребыванія намѣстника, во-первыхъ, вообще сомнительны вслѣдствіе слишкомъ частыхъ ошибокъ въ цифрахъ, во-вторыхъ же, могутъ быть правильно сравниваемы лишь при извѣстности направленій, по которымъ они исчислены, въ данномъ же случаѣ направленія эти неизвѣстны, то при существованіи вышеприведенныхъ другихъ причинъ признавать Гибинь соотвѣтствовавшею низовьямъ Кабулъ-дарьи и, напротивъ, при непримиримости помѣщенія Гибини въ Сеистанъ съ ханьскими данными, слѣдуетъ признать это пріуроченіе Григорьева несостоятельнымъ. Въ «Изслѣдованіи о скиѳскомъ народѣ Сакахъ» (1872 г., стр. 243 и 244) и самъ Григорьевъ находилъ уже, что «Гибинью скорѣе всего называли китайцы Вост. Кабулистанъ или долину р. Кофена (Кабулъ-дарью), какъ это и предполагалъ первоначально Абель-Ремюза (Nouveaux mélanges asiatiques, I, p. 205)... Самое имя Гибинь представляетъ транскрипцію имени Кофенъ. Но, по разнымъ соображеніямъ, самъ Абель-Ремюза призналъ потомъ, что Гибинь соотвѣтствуетъ скорѣе той части нынѣшняго Авганистана, гдѣ лежатъ города Газна и Кандагаръ (Foe-koue-ki, p. 23)... Принимая во вниманіе неопредѣленность географическихъ свѣдѣній китайцевъ о странахъ къ югу отъ Гиндукуша, позволительно думать, что Гибинь дѣйствительно могла означать какъ страну по теченію р. Кофена въ Кабулистанѣ, такъ и Арахосію съ Дрангіаною, ибо р. Арахотовъ (нынѣ Аргандабъ), составляющая одно изъ верховьевъ Гирменда,.. называлась, по свидѣтельству Плинія (H. N., VI, 25), тоже Кофин'омъ; а по Стефану Византійцу, Кофин'омъ же звался самый городъ Арахосіи (или «городъ Арахотовъ» по Страбону — кн. XI, гл. 2, § 9), почему и жители его именовались кофин'цами». Прежде всего, по поводу этого мнѣнія Григорьева, надо замѣтить, что въ переводѣ «Описанія буддійскихъ царствъ» Фа Сяня, изданномъ по смерти А. Ремюза съ примѣчаніями его, Клапрота и Ландреса, упоминается, что одинъ изъ китайскихъ монаховъ, находившійся съ Фа Сянемъ въ Хотанѣ, отправился отсюда въ Ki-pin. По этому поводу А. Ремюза, въ примѣчаніи своемъ, объяснилъ, что Гибинь есть Кофенъ или страна, орошаемая Кофес'омъ, и указалъ на Страбона, Плинія, Стефана и др., у которыхъ

[1]) „Кабулистанъ и Кафиристанъ“, СПб., 1867 г., стр. 782 и 783.

встрѣчается послѣднее или близкое имя, но не выяснилъ, что именно у указанныхъ писателей говорится (Foe-koue-ki ou Relation des royaumes bouddhiques, par Chy Fa Hian, traduit du chinois et commenté par M. Abel Rémusat, etc., Paris, 1836, p. 22). Засимъ, сказавъ, что Реннель считалъ Кофенъ древнихъ за нынѣшнюю рѣку Cowmull, а Сенъ-Круа думалъ, что это скорѣе Merham-hir (оба неизвѣстно на какихъ основаніяхъ), Абель Ремюза, не приводя съ своей стороны никакихъ доказательствъ и разъясненій, написалъ: «Kipin, которую нѣкоторые китайскіе писатели смѣшивали съ Кашмиромъ (Бянь-и-дянь, кн. LIII) и которую Дегинь принялъ за Самаркандъ, потому что онъ Самаркандъ считалъ за Кипчакъ (Histoire des Huns, t. II, p. LXXXIX), соотвѣтствовала странѣ, гдѣ находятся города Ghizneh и Кандахаръ» (Foe-koue-ki, p. 23). Послѣ этого ни въ переводѣ, ни въ примѣчаніяхъ Гибини (Ki-pin) во всей книгѣ болѣе не встрѣчается, какъ можно видѣть и изъ ея указателя. Такимъ образомъ не только «разныхъ», но совсѣмъ никакихъ соображеній А. Ремюза въ основаніе своего утвержденія о соотвѣтственности Гибини странѣ Газны и Кандахара не привелъ. Между тѣмъ указать эти основанія и выяснить, почему и какимъ образомъ Гибинь есть страна Газны и Кандахара, была настоятельная необходимость, потому что, встрѣтивъ у Фа Сяня упоминаніе о странѣ Kian-tho-wei, А. Ремюза призналъ ее одновременно за Kian-tho-lo китайскихъ писателей, за Гандару индійскихъ пуранъ и за Кандахаръ мусульманскихъ географовъ (p. 66). Эта путаница, имѣвшая своимъ корнемъ ошибочное отождествленіе Kian-tho-lo, Гандары, съ Кандахаромъ, повела къ тому, что Ремюза не въ состояніи былъ сдѣлать ни одного почти правильнаго пріуроченія пунктовъ Вост. Кабулистана, упоминаемыхъ Фа Сянемъ, и, воображая, что Кяньтовей есть Кандахаръ, вынужденъ былъ даже Фулеуша, т.-е. Пурушапуру, нынѣшній Пишаверъ, признать за белучжей (Beloutches, p. 76) и произвести другія несообразныя ни съ чѣмъ отождествленія. Авторитетъ А. Ремюза, при такихъ пріуроченіяхъ, которыя были оставлены въ «Кабулистанѣ и Кафиристанѣ» (стр. 813 и 814) безъ малѣйшаго вниманія, конечно, былъ для В. В. Григорьева очень не великъ и прибѣгнулъ онъ къ нему, повидимому, единственно вслѣдствіе того, что Ремюза, хотя и бездоказательно, пріурочивалъ Гибинь къ Газнѣ и Кандахару, значитъ къ Арахосіи, какъ дѣлалъ это Григорьевъ уже въ «Кабулистанѣ и Кафиристанѣ». За устраненіемъ авторитета А. Ремюза, у Григорьева остается «лишь неопредѣленность географическихъ свѣдѣній китайцевъ», которая, однако,—если бы и оказалась въ данномъ случаѣ, чего нѣтъ,—сама по себѣ не даетъ еще права дѣлать произвольныя пріуроченія, а затѣмъ именованіе Плиніемъ Аргандаба Кофен'омъ и Стефаномъ Византійцемъ города Арахосіи Кофин'омъ. Но вѣдь утвержденія Плинія и Стефана не значатъ еще, что приводимыя ими именованія существовали въ дѣйствительности, а не есть результатъ

какихъ-нибудь ошибокъ, недоразумѣній или путаницы со стороны этихъ писателей или ихъ неизвѣстныхъ, но, несомнѣнно, часто недостовѣрныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ помѣщеніе Гибини ханьскихъ временъ въ низовьяхъ Кабулъ-дарьи основано на достаточно опредѣлительныхъ, вопреки Григорьеву, свѣдѣніяхъ «Хань-шу», почерпнутыхъ изъ современныхъ свѣдѣній, доставленныхъ китайскими и гибиньскими посольствами. Если затѣмъ въ «Вост. или Кит. Туркестанѣ» (1873 г., вып. 2, стр. 47) В. В. Григорьевъ призналъ Гибинь уже только за Арахосію, выбросивъ за бортъ «страну, по теченію р. Кофена въ Кабулистанѣ» вмѣстѣ съ «Дрангіаною», то приходится объяснять это лишь тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ склоненъ сэ'йцевъ китайскихъ извѣстій отождествлять съ саками Исидора Харакскаго, а потому естественно тянулъ ихъ съ низовьевъ Кабулъ-дарьи въ Сакастену, въ Сеистанъ.

Въ 1895 г. французскіе синологи Шаваннъ и Сильвенъ Леви, въ комментаріяхъ къ переводу дорожника китайца Укона, сопровождавшаго посольство въ Гибинь въ 750 г., высказали мнѣніе, что ханьская Гибинь есть Кашмиръ. Мнѣніе это основано на томъ, что будто бы китайскіе знаки, служащіе для изображенія имени Гибинь могутъ читаться Касмира или Каспира и что китайскіе сборники «Бянь-и-дянь» и «Хай-го-ту-чжи» отождествляютъ Гибинь съ Кашмиромъ [1]). Но сравнительно новые китайскіе сборники, какъ указанные, никакого авторитета въ подобныхъ случаяхъ не имѣютъ, особенно при отсутствіи основаній къ ихъ отождествленіямъ, догадки же о возможныхъ чтеніяхъ тѣхъ или другихъ китайскихъ знаковъ, по своей произвольности, сами по себѣ ничего доказывать не могутъ.

Обращаясь въ заключеніе къ владѣнію Н а н ь д у, которое показано по ханьскимъ свѣдѣніямъ одновременно въ девяти дняхъ пути и въ 330 ли отъ Гибини, нельзя не замѣтить, что переѣздъ въ день 30 ли съ небольшимъ слишкомъ малъ, особенно если ли такія малыя, какъ въ ханьское время. Нормальный путь въ день вообще, за рѣдкими исключеніями, нельзя считать менѣе, чѣмъ въ 50—100 ли. Поэтому девять дней пути должны соотвѣтствовать 450—900 ли, и 330 ли въ «Хань-шу» есть, по всей вѣроятности, ошибка или описка. Такъ какъ 600—900 ли или около 300 верстъ на С.-С.-В. отъ Пишавера приводятъ въ Читралъ, то Наньду соотвѣтствуетъ нынѣшнему Читралу, столица котораго, быть можетъ, находилась тогда въ долинѣ Тури-хо, такъ какъ, повидимому, лежала въ сторонѣ отъ дороги изъ Уча въ Гибинь. Во всякомъ случаѣ верховья читральской рѣки, Ярхуна, должны были входить въ составъ Наньду. Указанія «Хань-шу» о посѣвѣ въ Наньду всякихъ хлѣбовъ, о винроградѣ и другихъ плодахъ, минеральныхъ богатствахъ, заключающихся въ сере-

[1]) L'Itinéraire d'Ou-k'ong (750—791), trad. et annoté par Sylvain Lévi et Ed. Chavannes, въ Journal asiatique, 1895, t. VI, p.p. 372—373.

брѣ, мѣди и желѣзѣ, вполнѣ примѣнимы къ Читралу съ Мастуджемъ [1]). Смежность Читрала на западѣ съ Бадахшаномъ соотвѣтствуетъ ханьскимъ даннымъ о смежности Наньду на западѣ съ Б. Юечжы. Я уже упоминалъ, что смежность Наньду «на сѣверѣ съ Сюсюнію» слѣдуетъ понимать въ смыслѣ нахожденія Хюсюни на сѣверѣ отъ Наньду. Что касается показаннаго въ «Хань-шу» разстоянія отъ Наньду до Улэя Арачула-Аличура въ 340 ли, при чемъ о смежности съ послѣднимъ умалчивается, то разстояніе въ 340 ли соотвѣтствуетъ $3^1/_2$ днямъ скораго пути; отъ Аличура можно проѣхать въ одинъ день чрезъ перевалъ Харгоши на р. Б. Памиръ, такъ какъ разстояніе здѣсь составляетъ 52 в. (Д. В. Путята въ «Сборникѣ по Азіи», вып. 10, стр. 269 и 270), откуда, быть можетъ, существуетъ или существовалъ проѣздъ до Барагыла чрезъ Сархадъ въ $2^1/_2$ дня; это приводитъ не къ столицѣ Наньду, имя которой «Хань-шу» не даетъ и мѣстонахожденіе которой неизвѣстно, а только до сѣверо-восточной границы Наньду. Неупоминаніе о смежности Наньду съ Улэемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что нынѣшній Ваханъ или восточная его часть были въ ханьскія времена безлюдны, а потому въ составъ какого-либо владѣнія не входили, по крайней мѣрѣ фактически. Относительно смежности Наньду—Читрала «на югѣ» съ Жокяномъ надо принять въ соображеніе, что подъ именемъ Жокянъ (Cho-keang) въ «Хань-шу» описывается ближайшее къ крайней пограничной китайской крѣпости Янъ-гуань (на юго-западѣ отъ нынѣшняго оазиса Ша-чжеу) кочевое владѣніе изъ 450 семей (стр. 37 и 38, W., p. 23), но упоминанія въ описаніяхъ лежащихъ далѣе на западъ владѣній по южной дорогѣ о сосѣдствѣ ихъ съ Жокяномъ «на востокѣ» (именно Сяовани, стр. 43, p. 28, Жунлу и Кюйлэ, стр. 44, p. 29) и «на югѣ» (Хотанъ, стр. 45, p. 30), выясняютъ, что Жокянъ есть собирательное названіе для родовъ тибетскихъ (кянъ) кочевниковъ, занимавшихъ крайнія на сѣв.-западъ окраины тибетскаго нагорья. Смежность Жокяна съ Наньду на югѣ послѣдняго показываетъ, что въ ханьское время, до Р. Х., тибетцы или подвергшіеся смѣшенію съ ними аборигены занимали долину Инда, по крайней мѣрѣ, до поворота теченія этой рѣки на югъ, если даже допустить,—что весьма вѣроятно,—нахожденіе нынѣшнихъ Ясина, Гилгита и Канджута въ составѣ Наньду. Помѣщая Уча въ Бадахшанѣ, китайскіе историки и географы нынѣшней династіи вынуждены были пріурочить Наньду къ восточнымъ землямъ Бухары XVIII в. на Аму-дарьѣ: территорія Бохары смежна на востокѣ съ Бадахшаномъ, Бадахшанъ же есть древнее владѣніе Уча; но, по «Хань-шу», владѣніе Уча было на западѣ смежно съ владѣніемъ Наньду, а потому нынѣш-

[1]) По свѣдѣніямъ одного изъ англо-индійскихъ развѣдчиковъ, въ Читралѣ есть „серебряные рудники, но не разработываются; страна богата также мѣдными рудниками“, а желѣзо добывается, между прочимъ, близъ деревни Ашретъ („Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи“, И. Минаева, СПб., 1879 года, стр. 143 и 144).

няя Бохара, очевидно, соотвѣтствуетъ древнему владѣнію Наньду [1]). Но гдѣ же въ такомъ случаѣ находилось государство Б. Юечжы? Въ «Исторіи Младшихъ Ханей» сказано, что Тяньчжу расположено на юго-востокѣ отъ Юечжы; но Тяньчжу есть нынѣшній Си-Цзанъ (Зап. Тибетъ), который находится на юго-восточной границѣ Авганистана: слѣдовательно, неопровержимо, что Авганистанъ соотвѣтствуетъ территоріи, которую занимали древніе Юечжы [2]). Обратившись по сдѣланной ссылкѣ къ «Исторіи младшей династіи Хань», найдемъ въ описаніи Тяньчжу, что владѣніе это «иначе называется Шеньду, лежитъ за нѣсколько тысячъ ли отъ Юечжы на юго-востокѣ... Земли низменны и влажны, климатъ жаркій... Заключаетъ въ себѣ... нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ владѣній... Въ это время (т.-е. время младшихъ Ханей, 25—221 гг. по Р. Х.) всѣ находились подъ зависимостью Юечжыскаго государя, который, убивъ индійскаго государя, управленіе Индіею ввѣрилъ своему полководцу. Въ Индіи находятся слоны, носороги...» [3]) Въ подлинникѣ, конечно, вмѣсто словъ «Индія» и «индійскій» стоитъ «Тяньчжу», но тѣмъ не менѣе ясно, что Тяньчжу есть не что иное, какъ Индія. Въ поясненіе приведемъ изъ той же исторіи, что чрезъ сто «съ небольшимъ» лѣтъ послѣ подчиненія юечжійцами Дахя-Бактріаны, слѣдовательно около Р. Х. или въ послѣдней четверти I в. предъ Р. Х., гуйшуаньскій (кушанскій) князь Кіоцзюкю покорилъ остальныхъ четырехъ князей, властвовавшихъ надъ юечжійцами, «началъ воевать съ Аньси (пареянами), покорилъ Гаофу (Кабулъ), уничтожилъ Пуду (вѣроятно, то же, что Бутао Старшихъ Ханей) и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ». Наслѣдовавшій ему сынъ Яньгаочжень «еще покорилъ Индію, управленіе которою вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ» [4]). Такъ какъ въ «Хань-шу» обо всемъ этомъ нѣтъ и помину, то надо полагать, что почти всѣ эти событія, особенно же позднѣйшія, т.-е. покореніе Гибини и Индіи, произошли уже при Младшихъ Ханяхъ, т.-е. позже 25 г. по Р. Х., и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Кіоцзюкю «жилъ болѣе 80 лѣтъ» [5]), и для выполненія совершеннаго имъ внутренняго переворота и внѣшнихъ предпріятій потребно было не мало времени. Во всякомъ случаѣ приведенныя событія времени Младшихъ Ханей и свѣдѣнія ихъ исторіи не даютъ никакихъ основаній считать Тяньчжу за нынѣшній Зап. Тибетъ и помѣщать Б. Юечжы времени Старшихъ Ханей вмѣсто бассейна Аму-дарьи на

---

[1]) „Си-юй-ту-чжи" въ Recueil de documents etc., 1881, p. 209. То же самое въ „Дай-цинъ-и-тунъ-чжи", согласно которому (Іакинфъ въ „Описаніи Чжуньгаріи" и пр., стр. XXXI) „Наньду... соотвѣтствуетъ Бухарѣ по южную сторону Чжейхуни. Ячжа на западѣ смежна была съ владѣніемъ Наньду. Ячжа есть нын. Бадахшанъ, слѣдовательно Наньду должна быть Бухара".
[2]) Recueil de documents sur l'Asie centrale, 1881, p. 213.
[3]) „Собраніе свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 119 и 120.
[4]) Тамъ же, стр. 118 и 119.
[5]) Id., стр. 119.

югъ отъ Хиндукуша въ Кабулистанъ или часть Авганистана, которою юечжійцы овладѣли лишь при Младшихъ Ханяхъ.

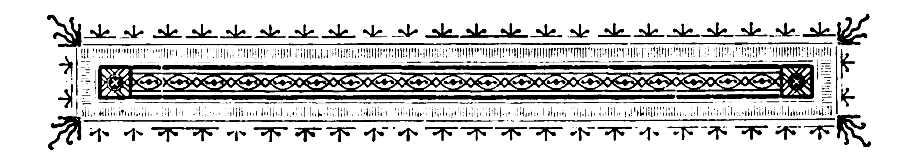
Wylie (p. 33) находилъ, что разстоянія и положеніе, повидимому, указываютъ на нахожденіе Наньду въ южной части Шигнана (?), гдѣ расположенъ Ишкашимъ; затрудненіе онъ видѣлъ лишь въ смежности Наньду съ Жокяномъ, но «Жокянъ представляется Тибетомъ или, по крайней мѣрѣ. сѣверной его частію, и мы можемъ протянуть границы его на западъ отъ Балтистана или Мал. Тибета, дабы онъ былъ смеженъ съ Наньду». Но трудно допустить, чтобы долина Ярхуна или Камы не была занята арійскими племенами при доступности ея съ обитаемыхъ ими ея низовьевъ. Въ Ишкашимѣ, на высотѣ 8.700 ф. (по картѣ при вышеупоминавшейся книгѣ Минаева), едва ли можетъ успѣшно расти виноградъ; нѣтъ никакихъ свѣдѣній о существованіи въ его округѣ серебряныхъ и другихъ рудниковъ. Наконецъ, отъ Пишавера до Читрала болѣе 300 в., да оттуда до Ишкашима по прямѣйшему пути чрезъ пер. Нуксанъ и с. Зебакъ 150—200 в., итого 450—500 в. отъ Гибини, т.-е. 15—25 дней пути вмѣсто означенныхъ въ «Хань-шу» 9 дней. Сверхъ того весьма мало вѣроятно, чтобы Гибинь имѣла вассальное владѣніе на сѣверѣ отъ Хиндукуша.

Приведенныя въ настоящей главѣ историческія извѣстія выяснили, что Памиръ и значительное пространство земель въ Кашгарскомъ хребтѣ, а также въ бассейнахъ Яркендъ-дарьи и Тизнафа, были въ I в. до Р. Х. и неизвѣстное время ранѣе заняты цзыхэскимъ, близкимъ къ тибетцамъ. народомъ и что долина Алая и бассейны верховьевъ восточной Кызылъ-су и Кара-дарьи принадлежали въ то же время сэ'йцамъ, племени, всего вѣроятнѣе, тюркскому. Въ историческихъ извѣстіяхъ слѣдующихъ китайскихъ династій, къ изложенію и обсужденію которыхъ вслѣдъ засимъ приступимъ, мы найдемъ дальнѣйшія свѣдѣнія о занятыхъ этими народами странахъ, а также нѣкоторыя данныя для выясненія предшествовавшихъ судебъ цзыхэсцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ новыя извѣстія дадутъ бо́льшій матеріалъ для опредѣленія этническихъ отношеній населенія осѣдлой области Уча-Сарыкола и для выясненія постепеннаго появленія у предѣловъ Памира иранскаго населенія, а также явится большая возможность и удобство опредѣлить предѣлы земель юечжійцевъ въ верховьяхъ Аму-дарьи и отношенія ихъ къ памирскому и при-памирскому населенію.

Спб., 30 августа 1900 г.

Н. А. Аристовъ.

Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина.

Настоящая статья имѣетъ цѣлью сообщить нѣкоторыя антропологическія данныя, касающіяся западно-сибирскаго крестьянина русскаго происхожденія. Матеріаломъ для изслѣдованія послужили мнѣ 241 человѣкъ западно-сибирскихъ солдатъ, входившихъ въ составъ войскъ, расположенныхъ въ гор. Вѣрномъ, Семирѣченской области, и кромѣ того 23 женщины изъ простонародья гор. Вѣрнаго. Эти 241 чел. происходили частью изъ настоящей Сибири, т.-е. изъ различныхъ уѣздовъ Тобольской и Томской губ., частью изъ Пермской губ., которую можно назвать полу-сибирской, частью изъ Семирѣченской области, составляющей посредствующее звено между Зап. Сибирью и Туркестаномъ, [1]) и, наконецъ, изъ губерній Уфимской, Самарской и Оренбургской [2]), часть которой вдается въ русскую Азію. Извѣстно, что большинство русскаго населенія живетъ въ Сибири уже нѣсколько столѣтій, но переселенческое теченіе продолжается до настоящаго времени, и нѣкоторая часть переселенцевъ относится къ невольнымъ, т.-е. ссыльнымъ. Что касается Семирѣчья, то русскіе переселенцы появились въ немъ лишь во второй половинѣ XIX столѣтія, причемъ большинство—крестьяне изъ Воронежской губерніи, которая богата малороссійскимъ элементомъ, вслѣдствіе чего и за семирѣченскимъ мужикомъ въ новомъ его отечествѣ осталось названіе „хохла“. Большинство тѣхъ семирѣченскихъ солдатъ, которыхъ я изслѣдовалъ, родились уже здѣсь, другіе пришли съ родителями въ младенческомъ возрастѣ.

При изслѣдованіяхъ я счелъ возможнымъ ограничиться слѣдующими измѣреніями: главные размѣры головы [3]), длина и ширина лица (всего)

---

[1]) Какъ извѣстно, послѣ присоединенія Семирѣченской области къ Россіи, она сначала вошла въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, затѣмъ въ 1882 году отошла къ Зап. Сибири, въ настоящее время снова принадлежитъ къ Туркестану.

[2]) Изъ этой группы болѣе $^3/_4$ изслѣдованныхъ были родомъ изъ Оренбургской губерніи.

[3]) Вмѣсто вертикальнаго ушного діаметра я предпочелъ высоту отъ макушки до бровной точки, по Топинару (Eléments d'anthrop. génér., 1885, p. 988); дѣло въ томъ, что бровная точка соотвѣтствуетъ линіи, раздѣляющей черепъ отъ лица.

и носа, ростъ, окружность груди (измѣрялась при опущенныхъ рукахъ) и сила давленія правой руки (при помощи динамометра Матье); у женщинъ вмѣсто окружности груди измѣрялось подмышечное разстояніе (при помощи большого толстотнаго циркуля). При опредѣленіи описательныхъ признаковъ головы, послѣдняя разсматривалась сбоку, спереди и сверху. Сбоку опредѣлялись наклоненіе лба, выстояніе бровныхъ дугъ, форма затылка и видъ профиля верхней части головы, о которомъ слѣдуетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ. Извѣстно, что уже описаны различныя ненормальныя формы головы, именно: a) oxycephalia, при которой задняя часть макушечной области болѣе или менѣе сильно возвышается; b) cymbocephalia (tête en bésace) [1]), гдѣ возвышеніе задней части соединяется съ сильно убѣгающимъ лбомъ; c) acrocephalia (bonnet de poils) [2]), гдѣ, при высокомъ, короткомъ и остроконечномъ черепѣ, верхняя точка его находится впереди, а не сзади, какъ при оксицефаліи, при которой и самое возвышеніе ея болѣе выражено. Но, кромѣ этихъ формъ, макушечная и верхне-лобная область представляютъ нѣкоторыя интересныя разновидности, остающіяся въ предѣлахъ нормальнаго. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: a) макушечная область представляется ровною и болѣе или менѣе горизонтальною; эта форма нерѣдко соединяется съ болѣе или менѣе отвѣснымъ лбомъ, и это есть красивая форма головы; b) задняя часть верхней (макушечной) области головы выше остальныхъ, не достигая, однако, степени оксицефаліи; здѣсь возвышается средне-внутренняя часть теменныхъ костей; c) средняя часть макушечной области выше остальныхъ, что придаетъ головѣ видъ шара, когда при этомъ и затылокъ короткій и лобъ выпуклый; d) передняя часть макушечной области выше остальныхъ, но безъ одновременнаго существованія прочихъ признаковъ акроцефаліи; въ этой формѣ возвышеніе приходится на долю верхней части лобной кости. Голова, разсматриваемая спереди, представляетъ три главныхъ разновидности: a) верхняя часть височныхъ и нижняя часть теменныхъ костей, составляя боковыя стѣнки черепа, остаются параллельными; b) боковыя стѣнки черепа уже внизу имѣютъ сходящееся направленіе; c) боковыя стѣнки расходятся иногда такъ значительно, что даютъ черепу видъ т. наз. „tête en toupie“ [3]). Кромѣ этого, осмотръ спереди открываетъ челнообразность [4]), различныя ассиметріи черепа и т. д. Что касается вида головы сверху, то я ограничился записываніемъ тѣхъ разновидностей лба, которыя замѣчаются въ горизонтальномъ направленіи (вогнутый, выпуклый и проч.); форма же затылочной части зависитъ

[1]) См. рисунокъ на 41 табл. въ „Identif. anthropom.“ Бертильона, 1893.

[2]) См. рисунки у Топинара („Elém. d'anthrop. génér.“, p. 735) и у Бертильона (loc. cit., табл. 41)

[3]) Bertillon, Identif. anthrop., p. 42.

[4]) Значительная степень схожденія боковыхъ стѣнокъ иногда вверху оканчивается челнообразностью.

отъ степени выстоянія ея, уже описываемой въ боковомъ профилѣ, и отъ ширины наибольшаго поперечнаго размѣра. Въ общемъ видъ черепа сверху (norma verticalis) у изслѣдованныхъ мною особей не похожъ на болѣе или менѣе овальную форму долихоцефаловъ, такъ какъ послѣдніе встрѣчаются рѣдко, и даже минимумъ всей серіи не спускается ниже 73,3. Наиболѣе распространенный видъ головы сверху есть тотъ, который соотвѣтствуетъ умѣренной брахицефаліи, но нерѣдко встрѣчается и та широкая и тупая сзади фигура, которая свойственна болѣе высокой короткоголовости.

Приводимъ таблицы описательныхъ и антропометрическихъ признаковъ, какъ они выяснились изъ нашихъ изслѣдованій.

Описательные признаки мужчинъ [1]).

	ГУБЕРНІИ. / Описательные признаки.	Тобольская (35 чел.).	Томская (60 чел.).	Пермская (49 чел.).	Семирѣчен. обл. (47 ч.).	Оренбург. и др. (50 ч.).
Голова въ профиль.	Верхъ головы горизонтальный	34,2	33,0	36,7	29,8	38,0
	Задняя часть верхушки выдается (не считая случаевъ оксицефаліи)	57,2	58,3	54,9	55,4	56,0
	Средняя часть верхушки выдается . . .	—	5,0	6,1	8,5	4,0
	Передняя часть верхушки выдается (не считая случаевъ акроцефаліи)	—	—	—	2,1	—
	Лобъ болѣе или менѣе вертикальный . . .	20,1	18,3	10,2	12,7	16,0
	„ убѣгающій	14.3	11,7	12,2	25,5	20,0
	„ выпуклый въ направл. сверху внизъ	2.9	1,7	—	2,1	—
	Затылокъ выдающійся	16,9	11,7	8,2	21,1	22,0
	Верхняя часть затылка представляетъ впадину или плоскость	2,9	5,0	—	4,2	—
	Oxycephalia	5,7	1,7	2,0	4,2	2,0
	Acrocephalia	2,9	1,7	—	—	—
	Cymbocephalia.	—	—	—	—	2,0
	Бровныя дуги выдаются	2.9	8,3	2.0	2,1	4,0
	Затылочный бугоръ выдается.	11,4	1,7	4,1	4,2	4,0
Голова спереди.	Боковыя стѣнки черепа параллельны . . .	82,8	60.0	71,4	68,1	60,0
	„ „ сходятся	17,1	26.6	14,1	8,5	16.0
	„ „ расходятся	—	16.5	14,1	23,4	24,0
	Scaphocephalia	—	3,2	—	—	—
	Ассиметрія теменныхъ костей и другія аномаліи.	2,9	6,7	2,0	2,1	6,0
Голова сверху	Лобъ выпуклый въ горизонт. направленіи .	5.5	1,7	2,0	2,1	4,0
	Лобъ вдавленный въ гориз. направленіи .	2,9	—	—	—	—

[1]) Цифры таблицы означаютъ % субъектовъ, имѣвшихъ данный признакъ.

	Глазницы косыя (монголовидныя)	—	1,7	—	—	—
	Прогнатизмъ	2,9	1,7	2,0	—	4.0
	Цѣлость всѣхъ зубовъ	74,3	75.0	79,6	68.1	74.0
	Цвѣтъ лица и губъ очень хорошій	54,3	75,0	53,1	61.7	50.0
	„ „ „ умѣренно-румяный	42,8	25,0	44,9	38,3	48.0
	Уши большія	14,3	8,3	12,2	10,6	10.0
	„ среднія	77,1	66,0	63,3	72.0	64.0
	„ малыя	8,9	25,0	24,5	17,0	26.0
	Ушки приросшія	11,4	20,0	12,2	2,1	2.0
	Уши заостренныя, косыя, торчащія и пр.	11,4	16,6	10,2	17.0	12.0
	Волосы черные	2,9	1,7	4,0	—	4.0
	„ темно-каріе	25,5	30,0	24,5	42.2	30.0
	„ каріе	40,0	41,7	36,7	38.2	34.0
	„ свѣтло-каріе	17,1	6,6	16,3	10,6	16.0
	„ бѣлокурые	14,3	20,0	18,3	8.5	16.0
	Глаза темно-каріе	11,4	1,7	—	4.2	—
	„ каріе	11,4	8,0	18,3	12.7	6.0
	„ свѣтло-каріе	8,4	3.3	6,1	2.1	10.0
	„ голубые	57,1	60,0	51,0	59,6	64.0
	„ сѣрые	11,4	26,7	24,5	21,3	20.0
	Темные волосы при свѣтлыхъ глазахъ	35,5	63,3	42,8	61,7	52.0
	Смуглый цвѣтъ кожи	—	1,7	2,0	2,1	2.0
	Профиль носа прямой	40,0	53,3	36,1	42.2	44.0
	„ „ вогнутый	48,5	26,7	55.1	27.6	38.0
	„ „ выпуклый	11,4	20,0	8,2	29.7	18.0
	Кончикъ носа, направленный горизонтально	68,6	61,7	51.0	80,8	54.0
	„ „ вверхъ	29,1	31,7	36,1	19,2	40.0
	„ „ внизъ	2,8	6,6	12.0	—	6.0
	Антропометрическіе признаки.					
	Ростъ	1683	1689	1667	1694	1636
	Объемъ груди	943	958	949	942	934
	Сила давленія правой руки	47.4	49,2	47,7	49,2	48.6
Голова.	Діаметръ передне-задній наибольшій	187	190	187	188	188
	„ поперечный наибольшій	151	151	153	154	152
	Высота отъ макушки до бровной точки	83	83	81	81	83
	Діаметръ лобный наименьшій	105	106	106	106	106
Лицо.	Длина (отъ начала волосъ до подбородочной точки)	183	184	186	183	183
	Ширина (разстояніе скуловыхъ дугъ)	140	141	141	141	141
Носъ.	Длина (высота)	46	45	46	46	46
	Ширина	34	35	36	36	35
Отношеніе къ росту.	Окружности груди	56.9	56,9	56,9	55.7	57,1
	Силы правой руки	28.1	29,1	28,6	29,0	29.6
	Наибол. передне-задняго діаметра головы	11,1	11,1	11,2	11,1	11,5
	Наибол. поперечнаго діаметра головы	8,9	9.0	9,2	9.1	9,3
	Высоты отъ макушки до бровной точки	5.0	4.9	4,9	4.8	5,1
	Наимен. лобнаго діаметра	6,3	6,0	6,4	6,3	6,4
Головной указатель	Minimum	71.9	73,3	76,4	74,2	76,2
	Maximum	88.8	91,1	88,6	90,1	87,7
	Среднее	80.7	80,1	81,8	81.9	80,8
	Лицевой указатель	76.5	76.5	75,2	76,5	77.0
	Носовой указатель	73,9	77,5	78,3	78,1	76,1

Типъ западнаго сибиряка, очевидно, славяно-русскій. Ни у одного изъ изслѣдованныхъ субъектовъ не было монголовидныхъ вѣкъ, ни сильно выстоящихъ скулъ, ни выдающихся впередъ губъ. Торчащія уши встрѣчались изрѣдка, но и то этотъ признакъ былъ менѣе выраженъ, чѣмъ это бываетъ у тюрко-монгольскихъ племенъ. Относительно случаевъ приращенія ушка слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ оно у семирѣченцевъ и оренбуржцевъ составляетъ всего 2%, у остальныхъ 11--20% (послѣднее у томичей). Со скошенными, монголовидными глазницами встрѣтился только одинъ субъектъ. Случаи прогнатизма, выраженнаго притомъ слабо, были очень рѣдки. Свѣтлые, т.-е. голубые и сѣрые глаза въ общемъ составляютъ свыше 75%; даже минимумъ (Тобольская губ.) не опускается ниже 68%. Такимъ образомъ на русскихъ обитателей Зап. Сибири и прилегающихъ къ ней губерній Евр. Россіи нельзя распространить положенія, выведеннаго г. Воробьевымъ для великоруссовъ, а именно, что у нихъ свѣтлые глаза составляютъ 40—50%, а темные волосы—51—59%; у насъ и первыхъ, и вторыхъ (свѣтло-каштановые волосы не въ счету) оказывается гораздо болѣе. Голубой цвѣтъ радужной оболочки глазъ нерѣдко бываетъ красивый, насыщенный. Носъ, ширина котораго довольно значительна, все же остается въ предѣлахъ среднихъ (мезориновъ). Горбатые и вообще выпуклые носы наименѣе распространенные; болѣе всего (29,7%) ихъ оказалось у семирѣченцевъ, и это, можетъ-быть, объясняется тѣмъ, что въ нихъ много малорусскаго элемента, а у «казаковъ» Украйны горбатые носы—не рѣдкое явленіе. Направленіе нижней части носа чаще всего горизонтальное; кончикъ, обращенный внизъ, наблюдается всего рѣже. Не встрѣчалось ни очень выдающихся, ни сильно отступающихъ подбородковъ. Смуглая кожа оказалась у немногихъ, а между тоболяками не было ни одного случая. Черные волосы рѣдки, больше всего (60—80%) темно-карихъ и карихъ (не считая свѣтло-карихъ). Въ общемъ можно допустить, что существуетъ нѣкоторая примѣсь тюрко-монгольской крови, но она, очевидно, слаба. По головному указателю, какъ мы уже видѣли, изслѣдованные субъекты относятся къ умѣреннымъ брахицефаламъ; тѣмъ не менѣе, у нѣкотораго числа (8,2—22%) затылочная часть болѣе или менѣе выдается, что, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ количествомъ убѣгающихъ лбовъ, максимумъ и минимумъ распространенія которыхъ приблизительно соотвѣтствуетъ максимуму и минимуму выдающихся затылковъ. Тѣ и другіе всего чаще встрѣчаются у оренбуржцевъ и семирѣченцевъ. Въ отношеніи высоты черепа сибирякъ не принадлежитъ къ высокоголовымъ, хотя, впрочемъ, и не къ плоскоголовымъ. Что касается бокового профиля верхушки головы, то ясно, что головы, у которыхъ наиболѣе возвышается задняя часть этой области, составляютъ значительное большинство (55—58%); послѣ нихъ идутъ горизонтальныя (30—38%), затѣмъ тѣ, гдѣ возвышеніе приходится въ

средней части (4—8%); наконецъ, самыя рѣдкія тѣ, у которыхъ передняя часть наиболѣе возвышенная; такихъ головъ оказалось у насъ только одна, не считая случаевъ акроцефаліи, которыхъ, впрочемъ, тоже было мало. Очертаніе головы, разсматриваемой спереди, показываетъ, что большинство череповъ (60—83%) относится къ категоріи параллельныхъ; сходящіеся и расходящіеся въ общемъ попадаются почти одинаково часто (между тоболяками не было ни одного расходящагося), но тѣ и другіе вмѣстѣ слишкомъ вдвое рѣже параллельныхъ. Лбы, оказывающіеся при разсматриваніи сверху выпуклыми въ горизонтальномъ направленіи, оказываются чаще выпуклыхъ въ противоположномъ направленіи. Впалый въ горизонтальномъ направленіи лобъ представляетъ рѣдкое явленіе,—на всѣ группы, вмѣстѣ взятыя, приходится 0,41%. Случаи задней остроголовости (oxycephalia) встрѣчаются чаще, чѣмъ остроголовость передняя (acrocephalia) и остальныя ненормальности. Слѣдуетъ отмѣтить, что ненормальныя формы головы (oxy,-acro,-scapho,-cymbocephalia и др.) встрѣчаются рѣже въ группѣ семирѣченцевъ и оренбуржцевъ, чѣмъ въ группѣ, составляемой представителями другихъ губерній, — въ первой ихъ 17,4%, во второй—24%. Относительно объема головы можно указать на тотъ фактъ, что вообще у пермцевъ и оренбуржцевъ отношеніе ея діаметровъ къ росту больше, чѣмъ у остальныхъ. Выдающіяся бровныя дуги встрѣчались чаще всего у томичей (8,3%), а выдающіеся затылочные бугры—у тоболяковъ (11,4). Фигура лица скорѣе приближается къ круглой, чѣмъ къ длинной. Наименьшій ростъ—у пермцевъ и въ особенности у оренбуржцевъ, наибольшій—у семирѣченцевъ [1]) и томичей. Относительное развитіе окружности груди во всѣхъ группахъ прекрасное; лучшія во всей серіи отношенія—у оренбуржцевъ. Въ общемъ можно допустить, что деревенское населеніе тѣхъ мѣстностей, изъ которыхъ были взяты изслѣдованные нами солдаты, довольно крѣпкое и здоровое.

Приводимъ цифровыя данныя о типѣ изслѣдованныхъ нами 23-хъ женщинъ.

Описательные признаки женщинъ [2]).

Голова въ профиль.	Верхъ головы горизонтальный	43,0
	Задняя часть верхушки выдается	52,2
	Средняя часть выдается	4,3
	Лобъ болѣе или менѣе вертикальный	60,8
	Затылокъ выдающійся	4,3
Голова сперед.	Боковыя стѣнки параллельны	91,3
	„ „ сходятся	4,3
	„ „ расходятся	4,3

[1]) Большинство переселенцевъ въ Семирѣченской обл., какъ было указано выше, изъ Воронежской губ., жители которой, по данымъ проф. Анучина, отличаются сравнительно большимъ ростомъ.

[2]) Цифры таблицы означаютъ % особей, имѣвшихъ данный признакъ.

Цѣлость всѣхъ зубовъ	85,1
Цвѣтъ щекъ и губъ очень хорошій	47,1
„ „ „ „ умѣренно-румяный	47,1
Уши большія	8,6
„ среднія	65,2
„ малыя	26,1
Волосы черные	—
„ темно-каріе	26,1
„ каріе	21,7
„ свѣтло-каріе	21,7
„ бѣлокурые	30,4
Глаза темно-каріе	4,3
„ каріе	17,3
„ свѣтло-каріе	—
„ голубые	43,4
„ сѣрые	34,7
Темные волосы при свѣтлыхъ глазахъ	34,7
Профиль носа прямой	18,1
„ „ вогнутый	71,4
„ „ выпуклый	9,5
Кончикъ носа, направленный горизонтально	76,2
„ „ „ вверхъ	23,8
„ „ „ внизъ	—

Антропометрическіе признаки.

	Ростъ	1581
	Ширина груди	237
	Сила давленія правой руки	32
	Наибольшій передне-задній діаметръ головы	181
	„ поперечный „ „	146
	Высота отъ макушки до бровной точки	84
	Наименьшій лобный діаметръ	101
	Длина лица (отъ начала волосъ до подбородочной точки)	174
	Ширина лица (разстояніе скуловыхъ дугъ)	129
	Длина носа	41
	Ширина носа	31
Отношеніе къ росту.	Ширины груди	14,9
	Силы давленія правой руки	20,2
	Наибол. передне-задняго діаметра головы	11,4
	„ поперечнаго „ „	9,2
	Высоты отъ макушки до бровной точки	5,3
	Наимен. лобнаго діаметра	6,4
Головной указатель	Minimum	74,2
	Maximum	88,7
	Среднее	80,9
	Лицевой указатель	74,1
	Носовой „	71,5

При сравненіи антропологическаго типа женщинъ скорѣе всего слѣдуетъ имѣть въ виду группу семирѣченскихъ солдатъ, какъ ближайшихъ ихъ соплеменниковъ. У женщинъ не оказалось ни одного признака, указывающаго на не-арійскую примѣсь. Свѣтлые и свѣтло-каріе волосы встрѣчаются чаще, чѣмъ у мужчинъ, свѣтлые глаза—почти одинаково часто, какъ у послѣднихъ, съ тою разницею, что сѣрые попадаются относительно чаще. Женская голова тоже умѣренно-брахицефалическая, причемъ ука-

затель ея нѣсколько менѣе мужского, что совпадаетъ съ нѣсколько меньшимъ лицевымъ указателемъ. У женщинъ не найдено тѣхъ неправильностей головы и лица, которыя у мужчинъ нерѣдки, и это не объясняется одною разностью числа тѣхъ и другихъ. Выдающіеся затылки найдены лишь у немногихъ женщинъ, убѣгающихъ лбовъ вовсе не было, напротивъ, вертикальные (или приближающіеся къ таковымъ) встрѣчаются въ 5 разъ чаще; вообще меньшій наклонъ женскаго лба можетъ считаться правиломъ. Головы съ горизонтальной макушкой встрѣчаются у женщинъ чаще, напротивъ, схожденіе и расхожденіе боковыхъ стѣнокъ черепа гораздо рѣже, а что касается такихъ формъ, какъ oxy,-acro,-cymbo,-scapho,-plagiocephalia, выстоянія бровныхъ дугъ и пр., то ихъ не было ни у одной женщины, что не лишено значенія, при всей малочисленности женскаго персонала, ибо у одинаковаго числа мужчинъ какая-нибудь изъ этихъ аномалій обыкновенно уже попадается, иногда неоднократно. Точно такъ же и лицо женщинъ показываетъ меньшее число неправильностей. Малыя уши встрѣчаются чаще, чѣмъ у мужчинъ, напротивъ, уши неправильной формы, а также приросшія ушки не оказались ни у одной. Носовой указатель меньше мужского, т.-е. ширина носа относительно меньшая, и не было странныхъ, неблагообразныхъ носовъ, которые иногда попадались между солдатами. Въ общемъ итогѣ голова и лицо женщины представляютъ менѣе контрастовъ и болѣе гармоніи. Что касается объема головы въ отношеніи къ росту, то онъ по всѣмъ размѣрамъ оказался болѣе, чѣмъ у мужчинъ. Мышечная сила оказалась не только абсолютно, но и относительно меньше, причемъ, впрочемъ, слѣдуетъ помнить, что мужчины были солдаты, т.-е. народъ, болѣе или менѣе отобранный, тогда какъ женщины изслѣдовались безъ всякаго отбора. Тѣмъ не менѣе средняя сила этихъ женщинъ значительнѣе силы тѣхъ женщинъ образованнаго класса, которыхъ я измѣрялъ въ 1892 году въ Ташкентѣ [1]). Отношеніе ртовъ, имѣвшихъ всѣ зубы здоровыми, у женщинъ найдено даже выше, чѣмъ у солдатъ; цвѣтъ же лица у послѣднихъ былъ болѣе живой.

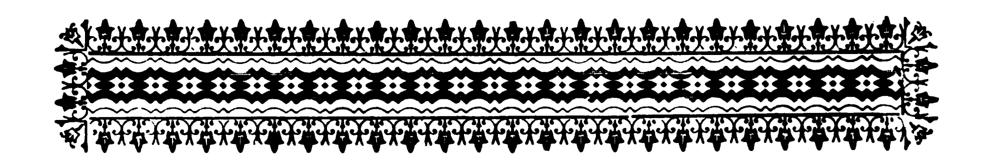
Гор. Вѣрный.

Н. Зеландъ.

---

[1]) См. XII-ую табл. въ моей статьѣ: „Le tempérament au point de vue psychologique et anthropologique“ въ „Congrès internat. d' archéol. préhistor. et d' anthrop. à Moscou“, t. II, p. 120.

О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ.

О пропорціяхъ человѣческаго тѣла говорилось очень давно и говорилось многое, но до сихъ поръ не сказано почти ничего точнаго и опредѣленнаго. Классическая древность повѣствуетъ уже о „divina proportia hominis", которая, впрочемъ, не вполнѣ оправдывается точными анатомическими изысканіями; художники установили извѣстные каноны, требующіе опредѣленнаго взаимоотношенія величинъ отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, но для различныхъ странъ и эпохъ эти каноны далеко не одинаковы, да и самими художниками они не исповѣдаются со всею строгостью, такъ что „артистическая анатомія" до сихъ поръ не можетъ быть написана съ той степенью опредѣленности и несомнѣнности ея положеній, какую мы привыкли требовать отъ анатоміи. Къ тому же почти всѣ существующія до сихъ поръ опредѣленія размѣровъ однихъ членовъ тѣла въ величинахъ другихъ (напр., стопы, ладони и т. д.) приноровлены къ „среднему" человѣку и какъ бы предполагаютъ, что съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ роста всѣ отдѣльные органы измѣняются въ соотвѣтственной съ измѣненіемъ роста пропорціи. Но такое предположеніе существенно невѣрно: такъ, если бы всѣ размѣры головы измѣнялись пропорціонально измѣненіямъ роста, тогда карлики обладали бы крошечными головками, а головы великановъ достигали бы чудовищныхъ размѣровъ. На самомъ же дѣлѣ головы карликовъ только немногимъ меньше головы человѣка средняго роста, великаны же производятъ впечатлѣніе скорѣе малоголовыхъ, чѣмъ большеголовыхъ людей. Фактъ непропорціональности измѣненій отдѣльныхъ частей тѣла съ измѣненіями роста въ настоящее время можетъ считаться твердо установленнымъ.

Трудами русскихъ авторовъ: проф. Д. Н. Анучина[1]), проф.

---

[1]) Д. Н. Анучинъ. О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи. С.-Пб., 1889.

Ѳ. Ѳ. Эрисмана[1]), Н. В. Зака[2]), И. И. Пантюхова[3]) и др. установлено, что меньшему росту соотвѣтствуетъ относительно большая окружность груди и наоборотъ; далѣе, въ русской же литературѣ можно найти указаніе А. И. Кельсіева[4]), что у изслѣдованныхъ имъ лопарей болѣе высокому росту соотвѣтствуютъ относительно болѣе короткія руки. Множество отдѣльныхъ отрывочныхъ замѣчаній подобнаго же рода разбросано и въ западно-европейской литературѣ, интересующейся даннымъ вопросомъ, главнымъ образомъ, со времени изслѣдованій Quetelet.

Больше всего посчастливилось въ этомъ отношеніи головѣ, на измѣненія отдѣльныхъ измѣреній которой съ измѣненіемъ роста было обращено вниманіе многихъ авторовъ. Такъ, еще Bischoff[5]) доказалъ уменьшеніе процентнаго отношенія вѣса мозга къ росту по мѣрѣ увеличенія этого послѣдняго. Подобное же отношеніе доказано P. Broca[6]) для роста и объема черепа, Quetelet[7]), Licharsik'омъ, Rochet и другими (цит. по Рождественскому) было также отмѣчено, что отдѣльные размѣры головы съ увеличеніемъ роста становятся относительно меньшими. А. А. Ивановскій[8]), изслѣдуя монголовъ-торгоутовъ, обратилъ вниманіе на то, что величина головы (въ вертикальной проекціи) съ увеличеніемъ роста увеличивается въ своихъ абсолютныхъ размѣрахъ, но отношеніе ея къ росту уменьшается; но А. А. Ивановскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи сравнительно небольшой матеріалъ. Нѣсколько позже появилась работа А. Г. Рождественскаго[9]), спеціально посвященная опросу о зависимости величины вертикальной проекціи головы отъ роста, пола, возраста и расы.

А. Г. Рождественскій, обладая значительнымъ матеріаломъ, собраннымъ среди великорусскаго населенія преимущественно Московской губ., изучилъ вопросъ съ возможной тщательностью и твердо установилъ, что

---

[1]) F. Erismann. Untersuchungen über die körperliche Entwickelung der Fabrikarbeiter in Zentr.-Russland. Tübingen, 1888.

[2]) Н. В. Закъ. Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Москва, 1892.

[3]) И. И. Пантюховъ. О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказскаго края. Тифлисъ, 1890.

[4]) А. И. Кельсіевъ. Антропологическій очеркъ лопарей, „Антропол. выставка", т IV, ч. I.

[5]) Bischoff. Das Hirngewicht des Menschen. Bonn, 1880.

[6]) P. Broca. „Bull. de la Soc. d' Anthr. de Paris", 1875.

[7]) Quetelet. Anthropométrie de l' homme. Brux., 1870.

[8]) А. А. Ивановскій. Монголы-торгоуты. „Труды Антропол. Отдѣла", т. XIII. Москва, 1893. См. также его статьи: „Zur Anthropologie der Mongolen" въ „Archiv für Anthrop.", Bd. XXV, и „Ueber gewisse Körperproportionen der Mongolen" въ „Comptes rendus du XII congrès internat. de médecine". Moscou, 1899. Vol. II.

[9]) А. Г. Рождественскій. Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы. „Труды Антропол. Отд.", т. XVIII.

по мѣрѣ увеличенія роста абсолютная величина вертикальной проекціи головы тоже, конечно, увеличивается, однако, не пропорціально росту, но въ болѣе слабой степени, такъ что, если ростъ увеличивается, напр., на 3% своей первоначальной величины, вертикальная проекція головы увеличится не на 3% своей первоначальной величины, а на нѣсколько меньшую величину (2,8—2,3%) и т. д. Тотъ же законъ становится особенно нагляднымъ въ томъ случаѣ, если мы выразимъ величину вертикальной проекціи не въ абсолютныхъ цифрахъ, а въ процентахъ роста; въ этомъ случаѣ съ увеличеніемъ роста величины вертикальной проекціи правильно убываютъ. Въ своемъ полномъ объемѣ указанныя А. Г. Рождественскимъ соотношенія между ростомъ и величиною вертикальной проекціи головы могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: съ увеличеніемъ роста величина вертикальной проекціи, будучи выраженной въ абсолютныхъ величинахъ, возрастаетъ, но, будучи выраженной въ процентахъ роста, она падаетъ, или, другими словами, темпъ возрастанія величины вертикальной проекціи головы съ увеличеніемъ роста идетъ медленнѣе темпа самого роста. Найденныя отношенія отмѣчаются одинаково для обоихъ половъ, а насколько можно судить по скуднымъ имѣющимся на этотъ счетъ литературнымъ указаніямъ, они остаются неизмѣнными и для различныхъ расъ. Дробя свой матеріалъ по возрастнымъ группамъ, авторъ изслѣдовалъ соотношеніе между ростомъ и величиною вертикальной проекціи для каждой возрастной группы отдѣльно, благодаря чему онъ долженъ былъ брать за мѣрило только очень крупныя группы роста. Установивъ же положеніе, что процентныя отношенія величины вертикальной проекціи къ росту измѣняются съ возрастомъ только до періода полнаго возрастанія, за которымъ они уже становятся болѣе или менѣе стаціонарными, авторъ могъ бы шире воспользоваться своимъ матеріаломъ, уничтоживъ группировку по возрастамъ для всѣхъ субъектовъ, достигшихъ полнаго своего роста, и прослѣдивъ тогда ходъ измѣненія абсолютныхъ и относительныхъ величинъ вертикальной проекціи по болѣе мелкимъ группамъ роста. При такомъ способѣ изслѣдованія выяснилась бы болѣе детально зависимость между ростомъ и величиною проекціи, степень параллелизма въ ходѣ нарастанія абсолютныхъ и убыванія относительныхъ величинъ и т. д. Впрочемъ, я далекъ отъ мысли ставитъ это въ упрекъ автору, тѣмъ болѣе, что приложенный въ концѣ работы подлинный, вошедшій въ обработку, матеріалъ даетъ возможность сдѣлать это всякому, кто только захочетъ получить дальнѣйшіе выводы изъ матеріала автора.

Указанія Bischoff'а на соотношеніе между величиною роста и вѣсомъ мозга, аналогичныя указанія Broca относительно емкости черепа, а также указанія другихъ авторовъ и рядъ соображеній, стоящихъ въ

связи съ работой А. Г. Рождественскаго, заставляютъ предполагать, что не одна вертикальная проекція головы, но и другія ея линейныя измѣренія, а, быть можетъ, также и измѣренія лица, должны подчиняться тому же закону относительнаго уменьшенія съ увеличеніемъ роста. Но точно, на цифровомъ матеріалѣ, такая зависимость отдѣльныхъ размѣровъ головы и лица отъ величины роста до сихъ поръ никѣмъ еще не показана. Вотъ почему, обладая и не особенно большимъ, собраннымъ мною для другихъ цѣлей, матеріаломъ [1]), я рѣшился воспользоваться имъ для провѣрки только-что высказанныхъ апріорныхъ соображеній.

Разработанный къ настоящему времени матеріалъ обнимаетъ 212 наблюденій надъ рязанцами и 232 набл. надъ рабочими, уроженцами Московской и смежныхъ съ ней губерній, а всего—444 наблюденія. Изъ размѣровъ, кромѣ роста, вошли въ разсмотрѣніе: 1) вертикальная проекція головы, 2) наибольшая горизонтальная окружность головы, 3) ея передне-задній и 4) поперечный наибольшіе діаметры, затѣмъ 5) длина полной лицевой линіи отъ края волосистой части головы до нижней подбородочной точки и, наконецъ, 6) поперечный наибольшій діаметръ лица между скуловыми дугами.

Собранный мною матеріалъ подобранъ нѣсколько искусственно въ томъ смыслѣ, что сдѣланъ извѣстный подборъ для усиленія числа представителей группъ высокаго роста, вслѣдствіе чего среднія величины изъ всего матеріала in toto какъ для роста, такъ и для другихъ размѣровъ не имѣютъ никакого значенія, а потому нигдѣ мною и не приводятся.

Разбивъ весь матеріалъ на двѣ почти равныя группы: 1) рязанцевъ (212 набл.) и 2) уроженцевъ Московской и смежныхъ губерній (232 набл.), я получалъ въ этихъ группахъ для отдѣльныхъ подгруппъ роста нѣсколько разныя абсолютныя и относительныя величины тѣхъ или другихъ размѣровъ, но общій характеръ соотношенія между ростомъ и отдѣльными размѣрами оставался совершенно одинаковымъ для обѣихъ группъ, такъ что, во избѣжаніе излишняго нагроможденія цифръ, я ограничусь только упоминаніемъ объ этомъ фактѣ и въ дальнѣйшемъ изложеніи результатовъ такого раздѣленія моего матеріала приводить уже не буду.

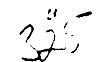
Главнѣйшія полученныя мною данныя могутъ быть выражены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

[1]) См. мои статьи: „Къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ." въ „Трудахъ Антропол. Отд.", т. XIX, и „Великоруссы" въ „Рус. Антропол. Журн.", 1900 г., № 1.

Таблица I. [1])

Группы роста по 3 сант.	Число наблюденій.	Вертикальная проекція.		Окружность головы.		Наиб. передне-задній діам. головы.		Наибол. поперечный діам. головы.		Лицевая линія.		Ширина лица.	
144—154	13 (13)	204.0	13.59	551.8	36.76	183.3	12.20	152.8	10.18	177.6	11.82	134.3	8.94
154—157	17 (16)	208.1	13.32	555.8	35.57	185.3	11.85	152.3	9.67	181.0	11.66	139.0	8.91
157—160	45 (37)	212.3	13.36	555.9	34.97	186.3	11.78	151.0	9.50	180.5	11.36	139.0	8.69
160—163	60 (50)	213.1	13.14	560.5	34.63	187.8	11.59	153.0	9.46	181.1	11.17	140.0	8.66
163—166	89 (67)	211.5	12.82	558.9	33.92	187.1	11.22	152.6	9.16	181.2	11.03	140.4	8.52
166—169	89 (61)	216.3	12.89	563.4	33.06	187.6	11.19	154.1	9.18	184.0	10.86	142.0	8.46
169—172	66 (48)	218.7	12.80	564.3	33.07	188.1	11.03	154.9	9.09	183.2	10.91	142.4	8.33
172—175	39 (19)	221.0	12.73	570.7	32.93	189.0	10.87	155.2	8.95	185.6	10.69	143.7	8.28
175—190	26 (14)	222.7	12.35	577.2	32.20	190.8	10.65	159.4	8.90	190.5	10.63	145.8	8.13

[1]) Для вертикальной проекціи и для окружности головы числа наблюд. нѣсколько меньшія; они вездѣ показаны въ скобкахъ.

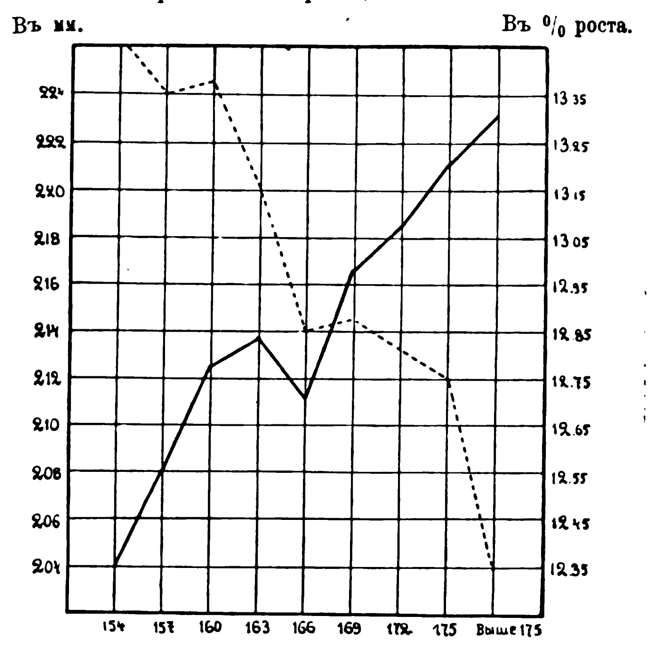
Въ этой таблицѣ горизонтальные столбцы соотвѣтствуютъ группамъ роста по 3 сант. вмѣстѣ, а въ вертикальныхъ столбцахъ—среднія величины отдѣльныхъ измѣреній, полученныя для каждой группы роста отдѣльно. Для каждаго измѣренія правой половины столбца соотвѣтствуютъ величины, выраженныя въ миллиметрахъ, а лѣвой—тѣ-же величины, выраженныя въ процентахъ роста. Разсматривая эту таблицу, нетрудно убѣдиться въ томъ, что меньшему росту соотвѣтствуютъ меньшія абсолютныя величины всѣхъ приведенныхъ въ таблицѣ измѣреній; будучи же выражены въ процентахъ роста, тѣ-же величины, обратно, въ группахъ большаго роста оказываются меньшими. Нарастаніе съ увеличеніемъ роста абсолютныхъ величинъ и убываніе относительныхъ идетъ въ общемъ довольно правильно, хотя мѣстами и встрѣчаются нѣкоторыя уклоненія; такъ, напр., для роста въ 160—163 сант. вертикальная проекція головы составляетъ въ среднемъ 213.1 мм., для слѣдующей же группы роста (163—166 сант.) она не больше, какъ слѣдовало бы ожидать, а меньше (211.5 мм.); равнымъ образомъ и относительная величина для группы меньшаго роста, т. е. въ 160—163 сант., больше, чѣмъ для группы большаго роста и т. д. Но такихъ исключеній сравнительно немного и общей закономѣрности они никоимъ образомъ не нарушаютъ, свидѣтельствуя лишь о случайностяхъ небольшихъ сравнительно чиселъ наблюденій.

Еще нагляднѣе видны соотношенія между измѣненіями роста и измѣненіями абсолютныхъ и относительныхъ величинъ главнѣйшихъ измѣреній черепа и лица на діаграммахъ I—VI, на которыхъ (для каждаго измѣренія отдѣльно) на абсциссахъ отмѣчены группы роста (по 3 сант. вмѣстѣ), на ординатахъ же соотвѣтствующія каждой группѣ роста среднія величины разсматриваемыхъ измѣреній какъ въ абсолютной ихъ мѣрѣ (сплошныя линіи), такъ и выраженныя въ процентахъ роста (прерывающіяся линіи).

Діаграмма I иллюстрируетъ измѣненія абсолютныхъ и относительныхъ величинъ вертикальной проекціи головы съ увеличеніемъ роста. Абсолютныя величины съ увеличеніемъ роста увеличиваются (кривыя поднимаются кверху); увеличеніе идетъ довольно правильно, и только группѣ роста отъ 163 до 166 сант. соотвѣтствуетъ, какъ это уже упоминалось выше, не увеличеніе вертикальной проекціи, но нѣкоторое ея уменьшеніе, что графически выражается нѣкоторымъ паденіемъ кривой вмѣсто ожидаемаго дальнѣйшаго ея подъема. Относительныя же величины вертикальной проекціи съ увеличеніемъ роста падаютъ (кривая идетъ внизъ) съ ничтожнымъ нарушеніемъ паденія для группы роста въ 157—160 сант. и съ нѣсколько большимъ для группы роста въ 163—166 сант. Равнымъ образомъ и на другихъ діаграммахъ можно видѣть возрастаніе съ увеличеніемъ роста абсолютныхъ и убываніе относительныхъ величинъ всѣхъ главнѣйшихъ измѣреній черепа и лица.

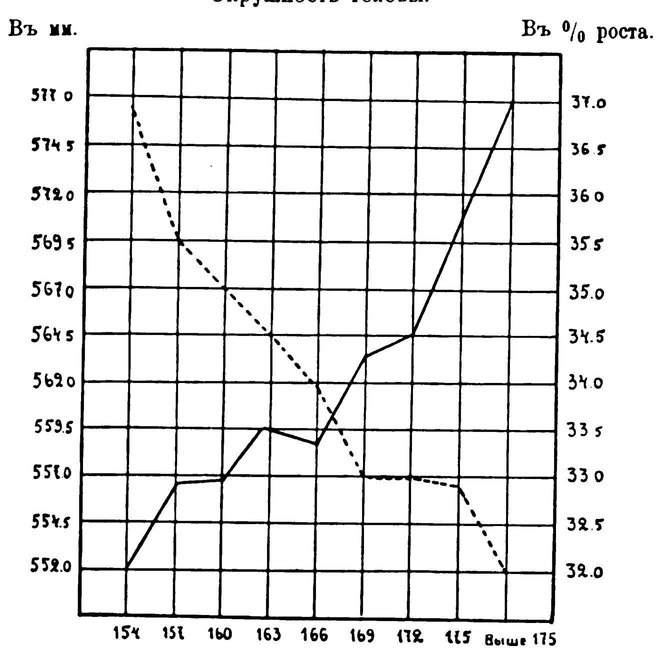
Діаграмма I.

Вертикальная проекція головы.

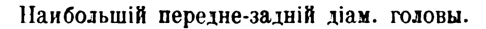
Діаграмма II.

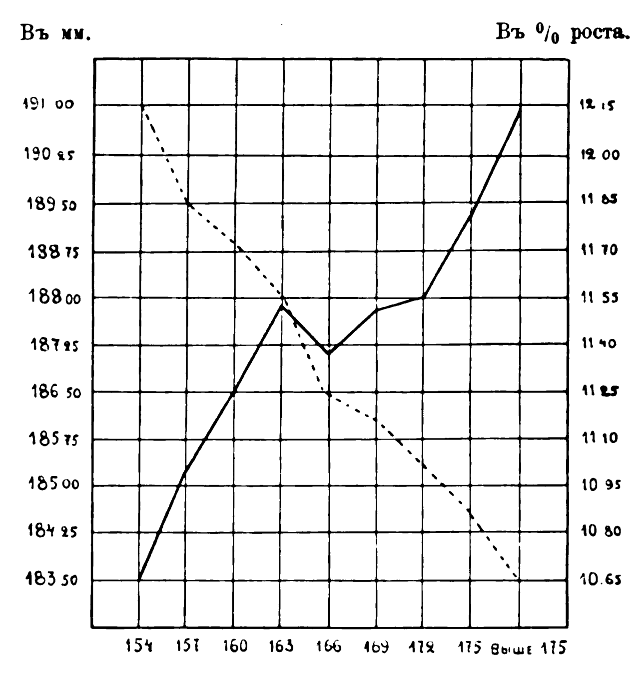
Окружность головы.

Въ каждой діаграммѣ отмѣчаются, правда, небольшія колебанія, уклоненія, но въ общемъ восходящій ходъ сплошныхъ и нисходящій ходъ прерывающихся линій выраженъ повсюду съ достаточной ясностью. Отсюда можно заключить, что отмѣченныя А. Г. Рождественскимъ для вертикальной проекціи головы отношенія между ростомъ и увеличеніемъ ея размѣ-

Діаграмма III.

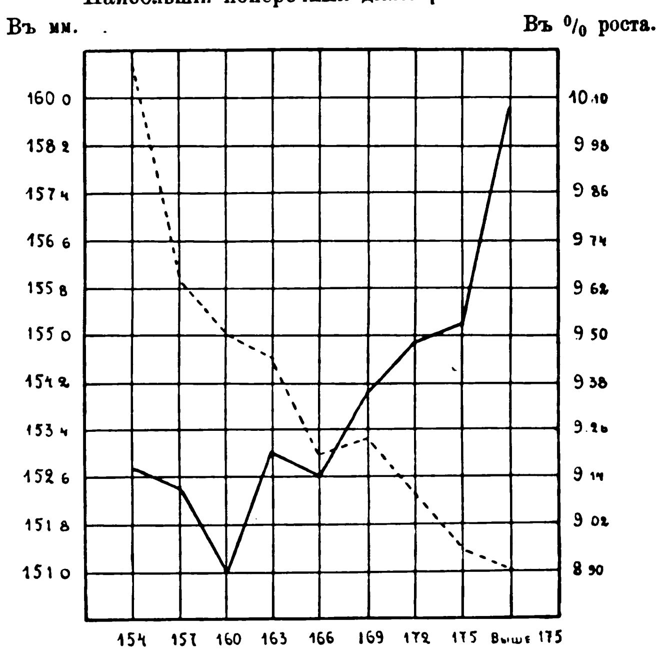

ровъ существуютъ также и для другихъ главнѣйшихъ размѣровъ черепа и лица; можно, слѣдовательно, сказать, что величина всей головы человѣка находится въ зависимости отъ роста, увеличиваясь съ нимъ, но въ болѣе медленномъ темпѣ, чѣмъ увеличивается самый ростъ, такъ что субъекты большого роста обладаютъ головой абсолютно большей, чѣмъ

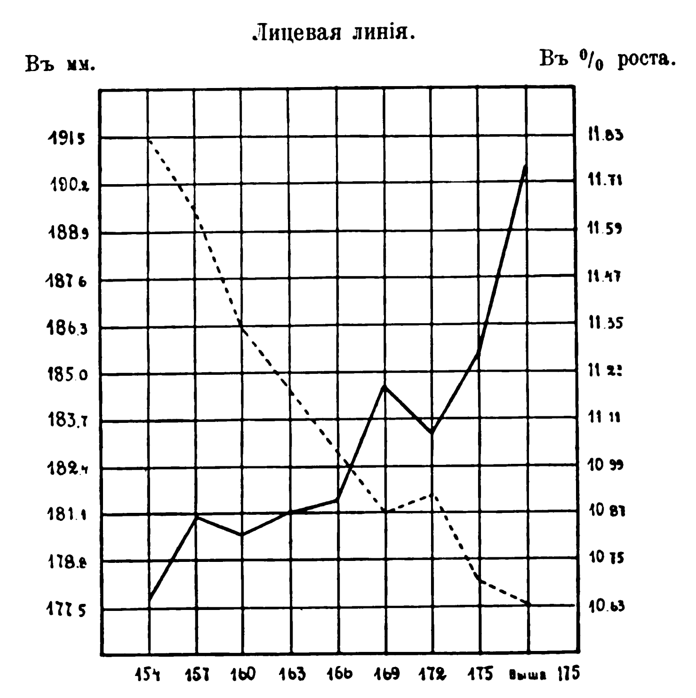
Діаграмма IV.

Наибольшій поперечный діаметръ головы.

Діаграмма V.

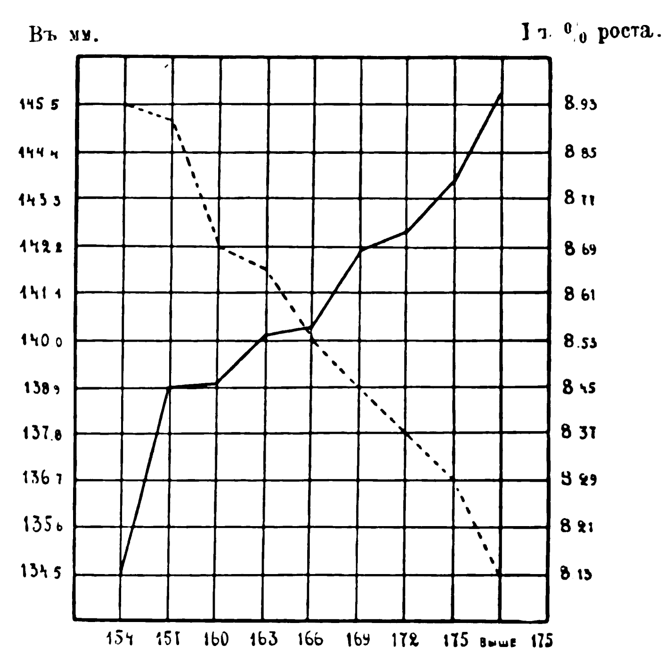
Лицевая линія.

малорослые субъекты, но, если мы будемъ сравнивать не абсолютныя цифры, а отношенія ихъ къ росту, тогда высокорослые субъекты оказываются относительно малоголовыми и, обратно, низкорослые — относительно большеголовыми.

Діаграмма VI.

Ширина лица.

Число нарушеній въ правильности хода нарастанія абсолютныхъ и уменьшенія относительныхъ величинъ въ общемъ не особенно велико; оно становится, конечно, больше при дробленіи на болѣе мелкія группы роста; однако, даже и при дѣленіи на группы по 1 сант. роста уклоненія эти не настолько велики, чтобы они могли затмить общій характеръ хода цифровыхъ данныхъ, какъ это можно видѣть изъ таблицы II.

Таблица II.

Абсолютныя и относительныя величины отдѣльныхъ размѣровъ при группировкѣ по одному сантиметру роста.

Группы роста въ сант.	Вертикальн. проекція головы.		Передне-задній діам. головы.		Поперечн. діаметръ головы.		Лицевая линія.		Поперечн. діаметръ лица.	
144—152	206.6	14.05	181.5	12.33	151.8	10.33	174.8	11.88	133.1	9.08
152—154	201.8	13.20	184.9	12.09	153.6	10.05	180.0	11.77	135.3	8.85
154—156	208.2	13.36	182.9	11.76	150.7	9.61	179.7	11.56	137.6	8.83
156—157	207.9	13.27	189.8	12.01	155.1	9.79	183.1	11.85	141.5	9.03
157—158	214.2	13.56	185.0	11.72	152.0	9.63	180.8	11.45	139.5	8.83
158—159	209.6	13.21	186.1	11.73	150.4	9.47	182.9	11.52	136.0	8.56
159—160	211.9	13.26	187.6	11.74	150.6	9.40	179.0	11.30	140.1	8.64
160—161	209.4	13.04	189.4	11.75	152.1	9.46	181.1	11.27	138.0	8.64
161—162	213.8	13.17	186.6	11.54	154.6	9.57	181.8	11.21	141.3	8.73
162—163	214.9	13.18	187.7	11.53	152.3	9.35	180.6	11.09	140.3	8.61
163—164	211.2	12.86	184.5	11.27	152.1	9.29	182.7	11.17	140.5	8.59
164—165	211.4	12.82	187.4	11.38	153.5	9.32	180.9	11.02	140.2	8.52
165—166	211.9	12.79	188.4	11.04	151.8	8.91	180.6	10.94	140.5	8.46
166—167	213.6	12.81	186.3	11.17	153.6	9.21	183.5	11.01	141.5	8.48
167—168	219.4	13.04	187.8	11.22	154.1	9.18	183.2	10.39	142.4	8.49
168—169	216.7	12.87	188.6	11.18	154.4	9.15	185.0	10.95	142.2	8.43
169—170	222.1	13.06	188.8	11.12	155.1	9.15	182.4	11.16	141.8	8.35
170—171	226.2	12.56	188.1	11.01	155.0	9.09	183.6	10.75	142.5	8.34
171—172	219.8	12.75	187.5	10.92	154.6	9.01	183.8	10.71	143.1	8.37
172—173	221.6	12.82	188.7	10.88	154.5	8.95	186.6	10.80	143.2	8.28
173—174	223.4	12.79	189.6	10.92	155.4	8.95	180.0	10.36	145.6	8.39
174—175			188.8	10.81	156.1	8.93	188.0	10.75	143.1	8.19
175—177	221.6	12.42	191.9	10.89	160.1	9.08	194.1	11.02	145.9	8.28
177—190			190.0	10.30	195.0	8.78	188.5	10.41	145.7	8.05

Увеличеніе группъ роста до 4 сант. на группу не вполнѣ еще уничтожаетъ неправильности въ ходѣ цифръ, и только при группировкѣ по 5 сант. роста уклоненій больше не получается. Не получается ихъ, конечно, и при близкомъ къ послѣдней группировкѣ раздѣленіи на 4 крупныхъ категоріи роста по нормамъ Топинара, т.-е. на низкій ростъ (до 160 сант.), ниже средняго ($160,_1$—$165,_0$), выше средняго ($165,_1$—$170,_0$) и высокій ростъ ($170,_1$ и выше).

Результаты такой группировки выражаются таблицею III, гдѣ вертикальные столбцы соотвѣтствуютъ четыремъ группамъ роста. Каждый столбецъ подраздѣленъ еще на двѣ половины: на лѣвой половинѣ—числа, означающія величины отдѣльныхъ измѣреній въ миллиметрахъ, на правой—тѣ же величины, выраженныя въ процентахъ роста.

Вглядываясь въ цифры, показывающія въ миллиметрахъ и въ процентахъ роста величины, на которыя возрастаютъ или убываютъ средніе размѣры для каждой соотвѣтствующей группы роста по сравненіи ихъ съ таковыми же величинами для сосѣдней группы меньшаго роста,—можно легко видѣть, что абсолютныя величины каждаго отдѣльнаго размѣра возрастаютъ, а относительныя убываютъ при переходѣ отъ одной группы роста къ другой не на одинаковую величину; но, тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить, что разница нарастанія и убыванія величинъ не такъ уже значительна, и для двухъ группъ средняго роста въ большинствѣ случаевъ прямо ничтожна, и только при переходѣ отъ группы выше средняго роста къ группѣ высокаго роста она возрастаетъ.

Отсутствіе при дѣленіи на 4 группы уклоненій отъ правильнаго возрастанія однѣхъ и уменьшенія другихъ величинъ, а также и относительная равномѣрность величинъ, на которыя разнятся отдѣльные размѣры при переходѣ отъ одной группы роста къ другой, позволяютъ сдѣлать изъ приведенной таблицы еще нѣкоторыя не безъинтересныя сопоставленія. Величина вертикальной проекціи головы, выраженная въ абсолютной мѣрѣ, даетъ для группы низкаго роста среднее въ $209._6$ мм.; возрастая съ ростомъ, она доходитъ въ группѣ высокаго роста до $219._3$ мм.; приростъ составляетъ, слѣдовательно, $9,_7$ мм., или 4,62% величины, соотвѣтствующей группѣ низкаго роста; выраженная же въ процентахъ роста величина вертикальной проекціи убываетъ отъ 13,39% до 12,62%, т.-е. на 0,77%, что составляетъ 5,75% той величины (13,39%), которая соотвѣтствуетъ группѣ низкаго роста. Сдѣлавъ аналогичныя вычисленія и для другихъ размѣровъ и пользуясь цифрами, показывающими, насколько процентовъ своей первоначальной величины, т.-е. величины, соотвѣтствующей группѣ низкаго роста, возрастаетъ или убываетъ отдѣльный размѣръ, можно составить слѣдующую таблицу (IV), въ которой абсолютныя и относительныя величины расположены въ порядкѣ постепеннаго возрастанія величинъ прироста и убыли.

Таблица III.

РАЗМѢРЫ.	Низкій ростъ (144.0—160.0 сант.).		Ростъ ниже средняго (160.1—165.0).				Ростъ выше средняго (165.1—170.0).				Высокій ростъ (170.1 и выше).			
	Въ мм.	Въ % роста.	Въ мм.	Разница съ предыд. столбц.	Въ % роста.	Разница съ предыд. столбц.	Въ мм.	Разница съ предыд. столбц.	Въ % роста.	Разница съ предыд. столбц.	Въ мм.	Разница съ предыд. столбц.	Въ % роста.	Разница съ предыд. столбц.
Вертикальная проекція	209.6	13.39	212.3	+2.7	13.00	—0.17	216.3	+4.0	12.90	—0.10	219.4	+3.0	12.62	—0.28
Окружность головы	555.1	35.47	559.6	+4.5	34.34	—0.38	563.0	+3.4	33.28	—0.06	568.4	+5.4	32.74	—0.54
Передне-задній діаметръ головы. . .	185.6	11.84	87.1	+1.9	11.47	—0.27	188.0	+0.9	11.15	0.32	189.0	+1.0	10.85	—0.30
Поперечный діаметръ головы	151.6	9.66	153.0	+1.4	9.39	—0.37	153.8	+0.8	9.11	—0.28	156.1	+2.3	8.97	—0.14
Лицевая линія	180.1	11.51	181.4	+1.3	11.13	—1.13	183.0	+1.6	10.93	—0.20	186.1	+3.1	10.69	—0.24
Поперечный діаметръ лица	138.2	8.78	140.1	+1.5	8.61	—0.39	141.7	+1.6	8.45	—0.16	144.0	+2.3	8.18	—0.27

Таблица IV.

Абсолютныя величины.		Относительныя величины.	
1. Передне-задній діаметръ головы	+1.82%	1. Вертикальная проекція головы	—5.75%
2. Окружность головы	+2.21%	2. Поперечникъ лица	—6.83%
3. Поперечникъ головы	+2.97%	3. Лицевая линія	—7.13%
4. Лицевая линія	+3.33%	4. Поперечникъ головы	—7.14%
5. Поперечникъ лица	+4.19%	5. Окружность головы	—7.69%
6. Вертикальная проекція головы	+4.62%	6. Передне - задній діаметръ головы	—8.36%

Прежде всего эта таблица свидѣтельствуетъ о томъ, что различные размѣры нарастаютъ съ увеличеніемъ роста далеко не въ одинаковой мѣрѣ; такъ, въ то время, какъ передне-задній діаметръ возрастаетъ въ группѣ высокаго роста на 1,82% величины, соотвѣтствующей группѣ низкаго роста, вертикальная проекція возрастаетъ на значительно большую величину, т.-е. на 4,62% величины, соотвѣтствующей группѣ низкаго роста, и т. д. То же мы видимъ и для относительныхъ величинъ, гдѣ въ то время, какъ вертикальная проекція убываетъ только на 5,75% своей первоначальной величины, передне-задній діаметръ убываетъ на 8,36% своей первоначальной величины. Обращая, далѣе, вниманіе на порядокъ, въ которомъ располагаются отдѣльные размѣры по величинѣ нарастанія абсолютныхъ и уменьшенія относительныхъ величинъ, можно видѣть изъ таблицы IV, что относительные размѣры занимаютъ по сравненію съ абсолютными діаметрально противоположныя мѣста; такъ, передне-задній діаметръ головы занимаетъ первое мѣсто въ ряду абсолютныхъ величинъ, т.-е. увеличивается слабѣе всѣхъ, въ ряду же относительныхъ величинъ онъ занимаетъ послѣднее мѣсто, т.-е. убываетъ сильнѣе всѣхъ; второе мѣсто въ ряду абсолютныхъ величинъ занимаетъ окружность головы, въ ряду же относительныхъ величинъ она помѣщается на второмъ отъ конца мѣстѣ и т. д. Такое расположеніе особенно рельефно подчеркиваетъ зависимость убыванія относительныхъ величинъ отъ степени возрастанія абсолютныхъ и показываетъ, что чѣмъ слабѣе возрастаніе абсолютной величины, чѣмъ, слѣдовательно, болѣе отстаетъ оно отъ той величины, на которую увеличивается ростъ, тѣмъ большимъ становится относительное къ росту уменьшеніе даннаго размѣра.

Сравнивая между собой степени возрастанія абсолютныхъ величинъ отдѣльныхъ размѣровъ, можно видѣть, что размѣры головы, за исключеніемъ вертикальной проекціи, возрастаютъ, вообще говоря, слабѣе, чѣмъ размѣры лица; вертикальная проекція составляетъ исключеніе уже по одному тому, что это размѣръ сложный, въ составъ котораго входитъ

часть величины черепа и часть лица, такъ что въ общемъ можно сказать, что *размѣры черепа возрастаютъ съ увеличеніемъ роста слабѣе, чѣмъ размѣры лица.* Степень увеличенія каждаго размѣра не стоитъ въ видимой зависимости отъ первоначальной абсолютной величины, т.-е. размѣры меньшіе возрастаютъ по сравненію съ размѣрами большими по абсолютной величинѣ то на бо́льшую, то на меньшую величину; такъ, передне-задній діаметръ головы меньше ея окружности и возрастаетъ на меньшую же величину, чѣмъ эта послѣдняя; но окружность головы больше поперечника головы, однако, возрастаетъ она на меньшую, чѣмъ поперечникъ, величину; наибольшіе по абсолютной величинѣ размѣры — окружность головы и вертикальная проекція—не стоятъ рядомъ, но занимаютъ въ таблицѣ діаметрально противоположныя мѣста и т. д.

Обращаетъ на себя вниманіе и тотъ фактъ, что съ увеличеніемъ роста передне-задній діаметръ головы возрастаетъ по сравненію съ поперечнымъ ея діаметромъ значительно слабѣе, откуда à priori можно ожидать, что величина головнаго указателя, caeteris paribus, должна съ ростомъ увеличиваться, т.-е. болѣе высокому росту должна соотвѣтствовать большая наклонность къ брахицефаліи. Такое отношеніе и на самомъ дѣлѣ было отмѣчено для изслѣдованныхъ мною рязанцевъ; при этомъ надо, впрочемъ, напомнить, что въ обработку вошла тогда какъ разъ часть того же матеріала, который эксплоатируется мною и теперь.

Отмѣченный мною фактъ противорѣчитъ тому, что находили Д. Н. Анучинъ, Н. В. Гильченко, И. И. Пантюховъ, R. Liwi и другіе авторы, склонные думать, что большій ростъ связанъ скорѣе съ долихо-, чѣмъ съ брахицефаліей. Въ своемъ изслѣдованіи о рязанцахъ я уже имѣлъ случай высказать предположеніе, что разногласіе между мною и другими изслѣдователями зависитъ прежде всего отъ чрезвычайной смѣшанности расъ, съ которыми приходится имѣть дѣло каждому современному изслѣдователю; смѣсь при этомъ далеко не равномѣрна,—всегда могутъ быть выдѣлены отдѣльныя болѣе или менѣе отличныя другъ отъ друга группы, встрѣчающіяся притомъ и въ предѣлахъ одной т. наз. расы въ видѣ весьма различной по количеству для разныхъ географическихъ районовъ примѣси; отсюда возможность вліянія на выводы авторовъ того или другаго процентнаго отношенія различныхъ элементовъ, входящихъ въ смѣсь. Такъ, допуская, напр., существованіе въ смѣси двухъ расовыхъ типовъ, а именно высокорослыхъ долихоцефаловъ и высокорослыхъ брахицефаловъ, очевидно, необходимо заключить, что и выводъ о связи высокорослости съ долихо- или брахицефаліей въ значительной степени будетъ зависѣть отъ количественнаго преобладанія представителей того или другого типа. Равнымъ образомъ и большая или меньшая по числу примѣсь низкорослыхъ брахицефаловъ можетъ подать поводъ къ заключенію о связи высокорослости съ долихо- или брахицефаліей и т. д.

Во всякомъ случаѣ въ вопросѣ о связи высокорослости съ тѣмъ или другимъ головнымъ указателемъ необходимо разсматривать отдѣльно два фактора: 1) вліяніе расоваго состава населенія и 2) вліяніе чисто конструкціоннаго закона, въ силу котораго и въ предѣлахъ одной расы тотъ или другой ростъ связывается съ наклонностью къ большей долихо- или брахицефаліи. За невозможностью оперировать надъ чистыми расами, конструкціонный законъ можетъ быть изолированъ до нѣкоторой степени отъ вліянія расовыхъ особенностей путемъ распредѣленія изслѣдуемаго матеріала въ группы субъектовъ, сходныхъ по тѣмъ или другимъ важнымъ антропологическимъ признакамъ, хотя бы, напр., по цвѣту волосъ и глазъ. Поступая подобнымъ образомъ съ изслѣдованнымъ мною населеніемъ Рязанской губ., я выдѣлилъ болѣе или менѣе обособленную группу субъектовъ темноволосыхъ и темноглазыхъ и мнѣ удалось показать (см. вышеупомянутую мою работу), что связь высокорослости съ большей наклонностью къ брахицефаліи, замѣченная на всемъ моемъ матеріалѣ in toto, дѣлается болѣе выраженною въ группѣ темноволосыхъ и темноглазыхъ субъектовъ. Если этотъ фактъ, равно какъ и указанный мною въ настоящей работѣ фактъ болѣе сильнаго увеличенія съ увеличеніемъ роста поперечника головы, по сравненію съ ея передне-заднимъ діаметромъ, подтвердится дальнѣйшими, произведенными на бо́льшемъ числѣ наблюденій изслѣдованіями, тогда можно будетъ съ положительностью сказать, что конструкціонный законъ, опредѣляющій взаимоотношеніе отдѣльныхъ частей человѣческой головы, независимо отъ расовыхъ ея особенностей, именно таковъ, что большему росту соотвѣтствуетъ бо́льшая наклонность къ брахицефаліи; всѣ же утвержденія обратнаго характера зависятъ отъ того, что другіе изслѣдователи, оперировавшіе, вообще, надъ небольшими числами наблюденій, отмѣчали въ сущности расовыя особенности, а не законъ конструкціи человѣческаго тѣла, законъ, съ расовыми вліяніями ничего общаго не имѣющій.

Въ настоящее же время этотъ вопросъ остается открытымъ, и мои изслѣдованія, какъ произведенныя надъ недостаточно большимъ числомъ наблюденій и въ предѣлахъ одной и той же расы, рѣшающаго значенія имѣть не могутъ. Все же, что представляется на основаніи моихъ изслѣдованій болѣе или менѣе вѣроятнымъ, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ немногимъ положеніямъ:

1) Отмѣченныя А. Г. Рождественскимъ отношенія между ростомъ и величиной вертикальной проекціи могутъ быть распространены на всю голову какъ въ черепной, такъ и лицевой ея части, такъ что большему росту соотвѣтствуетъ относительно меньшая *во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ размѣрахъ* голова.

2) Такое явленіе объясняется тѣмъ, что абсолютные размѣры головы возрастаютъ съ увеличеніемъ роста значительно слабѣе, чѣмъ этотъ послѣдній.

3) Степень увеличенія отдѣльныхъ размѣровъ съ увеличеніемъ роста далеко не одинакова,—одни размѣры увеличиваются сильнѣе, другіе—слабѣе.

4) Большая или меньшая степень увеличенія не стоитъ въ прямой зависимости отъ средней величины размѣровъ, и большіе по абсолютной величинѣ размѣры возрастаютъ съ увеличеніемъ роста одни сильнѣе, другіе слабѣе, чѣмъ размѣры, меньшіе ихъ по своей абсолютной величинѣ.

5) Отдѣльные размѣры черепа увеличиваются съ ростомъ, повидимому, слабѣе, чѣмъ отдѣльные размѣры лица.

В. В. Воробьевъ.

Езиды.

(*По изслѣдованіямъ К. И. Горощенко.*)

Происхожденіе езидовъ и сущность ихъ своеобразнаго вѣроученія до сихъ поръ остаются не выясненными. Одни изслѣдователи причисляютъ езидовъ къ несторіанамъ, другіе считаютъ ихъ магометанами, третьи видятъ въ нихъ послѣдователей Зороастрова ученія; по мнѣнію четвертыхъ, езиды — отпавшіе отъ григоріанской церкви армяне, потомки сектантовъ аревапаштовъ (почитателей солнца) и дивапаштовъ (поклонниковъ дьявола); пятые высказываютъ предположеніе о происхожденіи езидовъ отъ осужденной въ VI в. церковью секты оригенистовъ; наконецъ, по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей езидовъ, С. А. Егіазарова, въ ихъ «религію, напоминающую Зороастрово ученіе, проникли догматы какъ христіанства, такъ и ислама, и она представляетъ наслоеніе различныхъ вѣроученій» [1]). Магометане-шіиты считаютъ нынѣшнихъ езидовъ потомками Оммайяда Езида, убившаго, по ихъ преданіямъ, коварнымъ образомъ Гасана и Гусейна и захватившаго затѣмъ незаконно халифство [2]), чѣмъ шіиты и объясняютъ свои постоянныя враждебныя отношенія къ езидамъ. По преданіямъ самихъ езидовъ, они ведутъ свое происхожденіе отъ Езда или Ездана и, называя себя «эзди», а не езидами, производятъ это названіе отъ древне-персидскаго слова «Ezd» или «Ezda», означающаго «Богъ», откуда «эзди» (ezdi)—божескій, признающій Бога. Новѣйшіе изслѣдователи видятъ въ езидахъ курдовъ, указывая на общность ихъ языка (езиды говорятъ курманджійскимъ нарѣчіемъ курдскаго языка), типа, быта и всей вообще культуры, хотя и отмѣчаютъ большое различіе въ тѣхъ сторонахъ ихъ жизни, которыя находятся въ связи съ религіею: у езидовъ, напр., теократическая форма правленія и кастовое устройство, тогда какъ у курдовъ нѣтъ не только кастъ, но и сословій.

Антропологическія изслѣдованія езидовъ, которыя могли бы способствовать выясненію вопроса объ ихъ происхожденіи, до сихъ поръ совершенно отсутствовали, и только въ недавнее время К. И. Горощенко уда-

---

[1]) С. А. Егіазаровъ — Краткій этнограф.-юридическій очеркъ езидовъ Эриванской губ. въ „Зап. Кавказ. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, кн. XIII, вып. 2; онъ же — Извлеченіе изъ замѣтокъ г. Сіуффи объ езидахъ (тамъ же); Ю. С. Карцевъ—Замѣтки о турецкихъ езидахъ (тамъ же); N. Siouffi—Notice sur la secte des Jézidis въ „Journal Asiatique“, 1882, t. XX et 1885, t. V; Menant—Les Jézides, 1893; И. Шопенъ — Историч. памятникъ состоянія Армянской обл. въ эпоху ея присоединенія къ Россійской имп. С.-Пб., 1852; И. Н. Березинъ—Езиды въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“, 1854 г., т. III; Г. Ласкинъ—Два слова объ іезидахъ въ „Сообщеніяхъ Имп. Правосл. Палестин. Общ.“, 1900 г., янв. и февр. кн.; Н. Веселовскій—Езиды въ „Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона“, полут. 22.

[2]) А. А. Ивановскій—Въ Макинскомъ ханствѣ (изъ путешествія по Персіи) въ „Русск. Вѣдом.“, 1897 г., №№ 314, 323 и 335.

лось произвести нѣкоторыя антропометрическія измѣренія езидовъ, живущихъ въ сел. Джамушлы, Александропольскаго у., Эриванской губ. [1]). Свои измѣренія г. Горощенко доставилъ въ Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія и любезно разрѣшилъ намъ воспользоваться ими для настоящей статьи. Всѣхъ езидовъ изслѣдовано г. Горощенко 40 чел., изъ нихъ 33—въ возрастѣ отъ 16 до 65 лѣтъ и 7—въ возрастѣ 10—11 лѣтъ. Какъ ни незначителенъ этотъ матеріалъ, тѣмъ не менѣе и онъ пріобрѣтаетъ извѣстную научную цѣнность, такъ какъ является единственнымъ, содержащимъ въ себѣ точныя антропометрическія данныя и позволяющимъ, на основаніи ихъ, составить хотя нѣкоторое представленіе о физическихъ чертахъ езидовъ.

Главные результаты антропометрическихъ изслѣдованій езидовъ представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Измѣренія и соотношенія.	Взрослые (16—65 л.) 33 суб.			Мальчики (10—11 л.) 7 суб.		
	Minimum.	Maximum	Среднее	Minimum.	Maximum	Среднее.
Ростъ	1527	1736	1633	—	—	—
Высота слухового отверстія	1397	1596	1493	—	—	—
Высота нижняго края подбородка	1340	1533	1434	—	—	—
Величина головы	180	225	199		—	—
Высота черепа	122	160	141	—	—	—
Горизонтальная окружность	509	587	549	512	547	527
Вертикальная дуга	325	376	348	325	344	336
Поперечная дуга	303	367	334	295	330	318
Наибольшій продольный діаметръ	180	206	190	181	192	186
Наибольшій широтный діаметръ	140	164	148	138	145	142
Наименьшій лобный діаметръ	94	112	104	98	105	101
Ушной діаметръ	127	141	134	118	124	120
Длина лица (отъ корня носа до подбородка)	111	139	127	102	111	107
Верхняя ширина лица	91	112	99	88	98	92
Нижняя ширина лица	80	108	97	75	90	83
Наибольшая ширина лица	130	158	139	118	125	120
Длина носа	52	68	58	37	53	47
Ширина носа	29	45	36	27	31	30
Высота носа	16	28	22	14	20	16
Межглазничное пространство	27	43	34	26	32	29
Головной указатель	72,16	84,44	77,86	75,52	77,34	76,28
Лобный указатель	65,79	74,64	70,29	67,58	72,41	70,92
Ушной указатель	81,09	96,55	90,42	81,37	86,95	84,69
Отнош. длины лица къ наибол. ширинѣ его	81,82	103,75	90,80	83,61	93,21	89,08
Носовой указатель	48,33	68,85	61,59	50,94	83,78	62,35

[1]) Всѣхъ езидовъ въ Эриванской губ. насчитываютъ 8.000 душъ; кромѣ того, въ Карсской обл. ихъ числится до 2.000 душъ, а общее число езидовъ, живущихъ въ Турціи и Персіи, равно приблизительно 90.000 душъ.

Антропологическія данныя, собранныя К. И. Горощенко объ езидахъ, позволяютъ охарактеризовать физическій типъ послѣднихъ слѣдующимъ образомъ. Тѣлосложеніе езидовъ въ общемъ худощавое. Цвѣтъ волосъ на головѣ (бороду они бреютъ)—рѣзко черный, съ блестящимъ оттѣнкомъ: другіе цвѣта волосъ представляютъ рѣдкое исключеніе; волосы — гладки, жестки, густы. Цвѣтъ глазъ—исключительно сплошной карій; щели глазъ— широкія, прорѣзы — горизонтальные, третье вѣко наблюдалось только у одного субъекта и было выражено очень слабо. Носъ—съ высокой спинкой, въ 3 — 4 случаяхъ — съ горбомъ. Ростъ езидовъ — ниже средняго (1633 мм.). Величина головы (въ вертикальной проекціи отъ макушки до нижняго края подбородка) и абсолютно (199 мм.), и по отношенію къ росту (12,2%) сравнительно небольшая; невелика голова и по размѣрамъ горизонтальной окружности (549 мм.), при этомъ необходимо отмѣтить обычай деформировать голову младенцевъ при помощи повязокъ, накладываемыхъ по горизонтальной окружности. По головному указателю (77,86 у взрослыхъ, 76,28 у дѣтей) езиды должны быть отнесены къ мезоцефаламъ, приближающимся болѣе къ субдолихоцефаламъ, нежели къ суббрахицефаламъ; распредѣляя изслѣдованныхъ субъектовъ по различнымъ категоріямъ головного указателя, получаемъ:

Долихоцефаловъ (до 75)	5	или	15%	51%
Субдолихоцефаловъ (75,01—77,77) . .	12	»	36%	
Мезотицефаловъ (77,78 — 80,00) . . .	9	»	27%	
Суббрахицефаловъ (80,01 — 83,33) . .	5	»	15%	21%
Брахицефаловъ (83,34 и бол.)	2	»	6%	

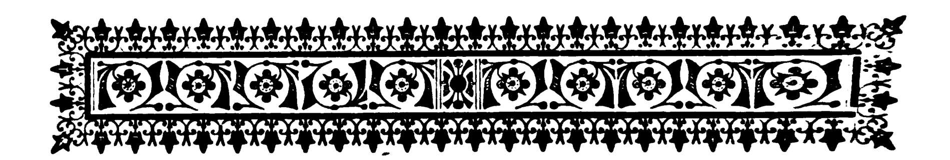
Лицо въ области наибольшаго поперечнаго діаметра расширяется умѣренно. Носъ не широкъ, и его указатель, равный въ среднемъ 61,59, не превышаетъ 68,85.

Сравненіе антропологическихъ данныхъ объ езидахъ съ таковыми же о курдахъ [1]) обнаруживаетъ почти полное сходство физическихъ чертъ тѣхъ и другихъ. Наблюдаемыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ незначительныя различія свидѣтельствуютъ только о томъ, что типъ езидовъ, благодаря,

[1]) Н. Н. Даниловъ—Къ характеристикѣ антрополог. и физіолог. чертъ современнаго населенія Персіи. „Труды Антропол. Отд.", т. XVII; E. Chantre—Rapport sur une mission scientifique en Arménie russe въ „Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires". Paris, 1892, t. III; онъ же—Recherches anthropol. dans le Caucase. Paris-Lyon, 1887, t. IV; И. И. Пантюховъ—Антропол. наблюденія на Кавказѣ. „Зап. Кавказ. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", кн. XV; Н. В. Насоновъ—Таблица измѣреній курдовъ. „Дневникъ Антропол. Отд." 1890 г., вып. 10; Houssay—Les peuples actuels de la Perse. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Lyon", 1887, t. VI; А. А. Ивановскій—рукописные матеріалы.

вѣроятно, тому отчужденію и презрѣнію, которое они испытывали въ теченіе многихъ столѣтій, сохранился болѣе чистымъ, чѣмъ типъ собственно курдовъ. Основываясь на имѣющихся антрологическихъ изслѣдованіяхъ курдовъ и езидовъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Горощенко, что езиды представляютъ собою не что иное, какъ выдѣлившуюся много вѣковъ тому назадъ, по религіознымъ причинамъ, изъ общей массы курдовъ группу, которая съ тѣхъ поръ существовала самостоятельно и изолированно, не вступая въ бракъ съ женщинами какого-либо другого племени и не подвергаясь такимъ образомъ метисаціи.

Ал. Ивановскій.

Изъ иностранной литературы.

Аномальные швы и кости мозговаго черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке.

(J. Ranke—Die überzähligen Hautknochen des menschlichen Schädeldachs. München. 1899. 190 стр. съ 132 рис. Изъ „Abhandlungen der K. Bayer. Akademie der Wiss. II Cl. XX. Band. II. Abth.)

Объемистое изслѣдованіе профессора I. Ранке о лишнихъ (т.-е. аномальныхъ), кожныхъ (т.-е. образующихся изъ перепончатой, а не хрящевой основы) костяхъ черепной крышки человѣка состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. I-ый носитъ заглавіе: «Присутствіе темяннаго шва и верхнія и нижнія темянныя кости приматовъ». Темяннымъ швомъ (sutura parietalis) называется аномальный шовъ, идущій по темянной кости параллельно стрѣльчатому шву (sutura sagittalis) и подраздѣляющій эту кость на верхнюю и нижнюю части. Встрѣчается этотъ шовъ очень рѣдко; Груберъ могъ подыскать въ литературѣ только 4 случая; Ранке встрѣтилъ его только на одномъ изъ 3000 череповъ южной Баваріи. Гиртль, видѣвшій также одинъ случай suturae parietalis, высказалъ мнѣніе, что шовъ этотъ проходитъ въ направленіи верхней височной полукружной линіи (linea semicircularis superior), но случай, изученный Ранке, совершенно не подтверждаетъ этого мнѣнія, такъ какъ на одной сторонѣ черепа шовъ (вполнѣ развитой и зубчатый) оказался выше верхней полукружной линіи, а на другой, гдѣ отъ шва сохранился только остатокъ, онъ шелъ отчасти по нижней полукружной линіи, отчасти еще ниже ея. Подобная sutura parietalis incompleta была найдена Ранке еще на трехъ черепахъ. Въ литературѣ онъ могъ подыскать всего 12 случаевъ удвоенія темянной кости, полнаго темяннаго шва, въ томъ числѣ 8 на европейскихъ черепахъ и 4 на черепахъ другихъ расъ (индѣйца, австралійца, жителя о-вовъ Адмиралтейства и маори); Тольдтъ ранѣе почему-то думалъ, что аномалія эта встрѣчается чаще у австралійцевъ. Кромѣ указанныхъ трехъ случаевъ неполнаго темяннаго шва, параллельнаго стрѣльчатому, Ранке встрѣтилъ еще нѣсколько случаевъ *косого* темяннаго шва, иду-

щаго отъ ламбдовиднаго къ чешуйчатому и отдѣляющаго въ особую кость задній нижній уголъ теменной кости. Иногда такая аномалія соединяется съ присутствіемъ os apicis, или os Incae въ затылочной области, или съ обиліемъ ворміевыхъ костей въ ламбдовидномъ швѣ. Типичный темянной шовъ былъ встрѣченъ Ранке также на одномъ черепѣ орангутанга (1 изъ 245), а 13 череповъ этого вида выказывали его остатокъ (напереди), причемъ можно было констатировать, что всегда въ этомъ мѣстѣ вѣнечный шовъ представлялъ выгибъ взадъ, явственный, впрочемъ, и на черепахъ, не выказывающихъ слѣдовъ темянного шва. Изъ другихъ обезьянъ Ранке встрѣтилъ неполный темянной шовъ на одномъ черепѣ (изъ 8) гориллы, одномъ (изъ 11 (11) молодыхъ) шимпанзе, ни на одномъ изъ 70 череповъ гиббоновъ (Hylobates concolor), на одномъ черепѣ макака и одномъ южно-американскаго ревуна (Mycetes). Всѣ эти случаи позволяютъ заключить, что темянной шовъ встрѣчается не у одного человѣка, но также и у обезьянъ, и притомъ у послѣднихъ, повидимому, значительно чаще.

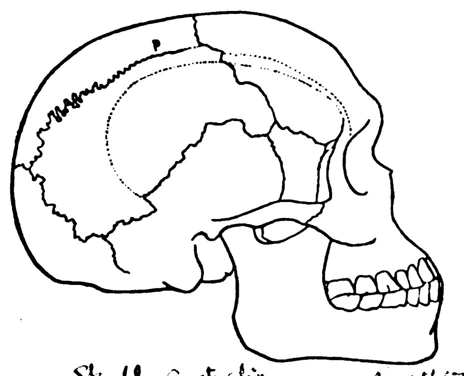

Рис. 1. Черепъ австралійца изъ южной Австраліи, описанный В. Тёрнеромъ (William Turner). *p*—темянной шовъ въ правой темянной кости.

Что касается объясненія этой аномаліи, то оно представляло затрудненіе при обычномъ допущеніи развитія темянной кости изъ одного центра окостенѣнія, соотвѣтствущаго позднѣйшему темянному бугру. Но въ 1882 г. Тольдтъ показалъ, что темянная кость образуется изъ двухъ центровъ окостенѣнія, сливающихся лишь позже въ одинъ бугоръ; выводъ этого былъ принятъ Turner'омъ, O. Schulze и проф. графомъ von Spee, а Ранке доказываетъ его новыми собственными наблюденіями (имъ приведены изображенія темянной кости зародыша на 3-мъ мѣсяцѣ). Такимъ образомъ, sutura parietalis и двойная темянная кость представляютъ остановку въ развитіи, когда отношенія, свойственныя темянной области черепа зародыша на 3-мъ мѣсяцѣ, сохраняются во внѣутробной жизни, видоизмѣняясь только сообразно общимъ законамъ роста черепа и его частей. Это подтверждается наблюденіями надъ черепами болѣе позднихъ плодовъ (4—10-го мѣсяцевъ) и новорожденныхъ, у которыхъ Ранке удалось въ 42 случаяхъ (изъ 162) встрѣтить слѣды suturae parietalis въ видѣ небольшихъ щелей, отходящихъ отъ ламбдовиднаго шва впередъ и отъ вѣнечнаго взадъ, или только отъ одного изъ нихъ, чаще ламбдовиднаго. Впрочемъ, на присутствіе нѣкогда темянного шва указываютъ почти всѣ черепа новорожденныхъ, на которыхъ передній край темянной кости предста-

вляетъ почти всегда угловатый выступъ взадъ, а заднiй край подобный же выступъ впередъ; оба эти выступа соотвѣтствуютъ переднему и заднему треугольнымъ зародышевымъ теменнымъ родничкамъ, которые постепенно заполняются соотвѣтственными треугольными выростами—напереди лобной кости, а назади—затылочной. Вслѣдствiе этого теменная кость новорожденнаго отличается по своей формѣ отъ соотвѣтственной кости взрослаго, напоминая нѣсколько своими очертанiями песочные часы.

Въ указанныхъ переднемъ и заднемъ теменныхъ родничкахъ могутъ развиваться отдѣльныя родничковыя косточки, которыя иногда трудно отличить отъ встрѣчающихся въ вѣнечномъ и особенно ламбдовидномъ швѣ—ворміевыхъ костей. Для объясненiя косого теменного шва или треугольной кости въ заднемъ нижнемъ углу теменной кости Ранке не согласенъ допустить, что это тоже нижняя теменная кость; онъ думаетъ, что происхожденiе этой угловой кости скорѣе можно объяснить отклоненiемъ книзу задняго остатка теменнаго шва (нѣчто подобное онъ видѣлъ на одномъ черепѣ орангутанга), или что она представляетъ собою разросшуюся родничковую кость (задняго теменного родничка).

По поводу щелей въ теменной кости Ранке говоритъ также о тѣхъ, которые идутъ у плодовъ и новорожденныхъ отъ стрѣльчатаго шва, поперекъ къ нему (примѣрно на границѣ задней его трети) и положенiе которыхъ соотвѣтствуетъ позднѣйшимъ теменнымъ отверстiямъ (foramina parietalia). Первоначально здѣсь у зародыша замѣчается одинъ общiй небольшой родничокъ ромбоидальной формы, соотвѣтствующiй, по мнѣнiю Ранке, настоящему foramen parietale, встрѣчающемуся у рыбъ (Stegocephali) и гадовъ; позже онъ зарастаетъ, ромбоидальная форма его превращается въ болѣе сплющенную (поперекъ) и наконецъ въ щель, которая впослѣдствiи или закрывается совершенно, или отъ нея остаются только небольшiя отверстiя, либо два (по одному на каждой теменной кости), либо одно (на стрѣльчатомъ швѣ), либо одно непарное (на одной изъ теменныхъ костей). Наблюденiя Грубера и Ранке показываютъ, что foramina parietalia отсутствуютъ у взрослыхъ приблизительно на трети череповъ, имѣются въ парномъ видѣ у 27—39%, а у остальныхъ только въ единичномъ числѣ. У новорожденныхъ отсутствiе теменныхъ щелей встрѣчается не болѣе, какъ у 10%; далѣе, у 30% онѣ высказываютъ видъ общаго ромбоидальнаго или округлаго отверстiя. У орангутанга foramina parietalia были найдены отсутствующими въ 62% случаевъ, одно общее отверстiе (въ стрѣльчатомъ швѣ)—въ 22%, и только у 16% они оказались парными или непарными, какъ обыкновенно у человѣка. У гиббона foramina parietalia встрѣчаются еще рѣже, но Ранке находилъ ихъ постоянно симметрично расположенными у оленя и овцы. Изъ наблюденiй надъ черепами различныхъ расъ (всего лишь на нѣсколькихъ десяткахъ череповъ) Ранке могъ убѣдиться, что у негровъ и папуасовъ отсутствiе foramina parietalia встрѣчается рѣже, чѣмъ у европейцевъ. Жаль, что Ранке остались, очевидно, не-

извѣстными болѣе раннія наблюденія въ этомъ отношеніи Брока надъ черепами негровъ. Что касается родничка въ области стрѣльчатаго шва (въ obelion), то различныя его формы и степени развитія у новорожденныхъ, равно какъ и встрѣчающіеся изрѣдка, какъ аномаліи, случаи очень большихъ foramina parietalia у взрослыхъ были предметомъ разсмотрѣнія въ монографіи пишущаго эти строки: „О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа“; проф. Ранке упоминаетъ объ этой работѣ, но не пользуется ея данными.

II отдѣлъ изслѣдованія Ранке посвященъ „индивидуальнымъ варіаціямъ затылочной чешуи у человѣка“. Авторъ начинаетъ съ „исторіи эмбріологическихъ изслѣдованій затылочной кости“, излагаетъ состояніе вопроса до Меккеля (Tarin, 1753; v. Kerckring, 1670 и др.), затѣмъ результаты наблюденій Меккеля (1809—1815) съ примѣненіемъ ихъ къ истолкованію аномалій затылочной чешуи (os Incae и ея различныя части, os apicis и др.). По отношенію къ этимъ аномаліямъ Ранке могъ просмотрѣть 2489 череповъ древне-баварскаго населенія и нашелъ изъ нихъ только 2 съ os Incae proprium, т.-е. 0,8 pro mille, тогда какъ Велькеръ вывелъ отношеніе 2—3 pro mille, Анучинъ 4—5, Stieda даже 10 pro mille; Ранке объясняетъ это тѣмъ, что всѣ эти изслѣдователи пользовались для своихъ наблюденій анатомическими музеями, гдѣ всякія черепныя аномаліи можно встрѣтить чаще, чѣмъ въ неподобранныхъ серіяхъ череповъ. Всего же череповъ съ образованіями группы os Incae (напр., os Incae dimidium, tripartitum, laterale и т. д.) въ коллекціи г. Ранке оказалось 20, т.-е. 8 pro mille, череповъ съ os apicis 14,5 pro mille и череповъ съ os fonticuli (ромбоидальной) 38,5 pro mille.—Далѣе, Ранке возвращается къ исторіи эмбріологическихъ изслѣдованій надъ затылочною костью, приводитъ результаты работъ Rambaud et Renault, R. Virchow, Bessel-Hagen, Toldt, Chiarugi, H. Stieda, Gr. von Spee, O. Schulze, и переходитъ къ собственнымъ наблюденіямъ надъ трехмѣсячными зародышами.

Изъ этихъ наблюденій онъ могъ установить иную схему центровъ окостенѣнія затылочной чешуи у человѣка, чѣмъ Меккель и большинство позднѣйшихъ анатомовъ, и иначе объяснить образованіе os Incae, чѣмъ Вирховъ и его послѣдователи. Схема Меккеля можетъ быть пояснена слѣдующей фигурой:

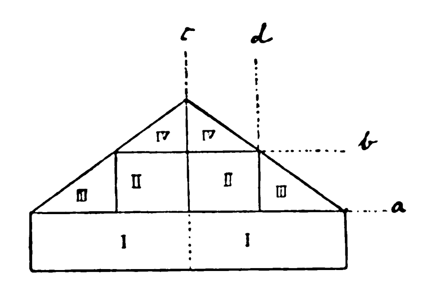

Рис. 2. Схема окостенѣнія или образованія затылочной чешуи по Меккелю (I. F. Meckel).

I—I. Первая пара центровъ окостенѣнія, возникающихъ въ хрящевой основѣ и образующихъ нижнюю часть чешуи (ниже затылочныхъ полукружныхъ линій). II—II. Вторая пара центровъ окостенѣнія. III—III. Третья пара центровъ окостенѣнія. IV—IV. Четвертая пара, изъ которой образуется os apicis; *a*—sutura transversa squamae occipitalis Р. Вирхова, сохраненіе ко-

тораго во внѣутробной жизни, по его мнѣнію, обусловливаетъ обособленность верхней части затылочной чешуи, какъ os Incae; *b*—sutura transversa superior squamae occipitalis, сохраненіе котораго обусловливаетъ обособленность os apicis; *c*—sutura sagittalis media squamae occipitalis, сохраненіе котораго въ верхней части обусловливаетъ двойную os apicis, а ниже (при поперечномъ затылочномъ швѣ)—os Incae dimidium; *d*—sutura sagittalis lateralis (dextra) squamae occipitalis; сохраненіе одного изъ этихъ швовъ (при соотвѣтственной части поперечнаго шва) обусловливаетъ os Incae lateralis, обоихъ (при полномъ поперечномъ швѣ) os Incae tripartitum, а при сохраненіи и сагиттальнаго шва—os Incae quadripartitum.

Схема же Ранке имѣетъ такой видъ:

I—I—первая пара центровъ окостенѣнія, образующаяся изъ хрящевой основы; съ ней срастаются нижнія, меньшія части II пары, образующейся (какъ и остальныя) изъ перепончатой основы. Эти части II пары отдѣляются у зародыша отъ верхнихъ щелью, которая обыкновенно зарастаетъ ко времени рожденія, но не вполнѣ, именно отъ нея остаются боковыя начала; иногда же и вся щель превращается въ поперечный шовъ (sutura mendosa Ranke), обусловливающій тогда обособленіе os Incae. III пара обособляется отъ II позже; она раздѣляется посрединѣ среднею сагиттальною щелью, а съ боковъ краевыми щелями, которыя всѣ сходятся къ нижнему концу средней сагиттальной щели, гдѣ имѣется центральное отверстіе, къ которому справа и слѣва подходятъ также suturae mendosae. Что касается IV пары, то Ранке не считаетъ ее типичною или нормальною, а добавочною, „полупатологическою“, образующеюся на мѣстѣ затылочнаго родничка, который нормально, окостенѣвая, срастается съ ниже его лежащими частями въ одну кость. Главное отличіе схемы Ранке заключается слѣд. въ томъ, что os Incae, по его объясненію, образуется не изъ всей верхней части затыл. чешуи, не насчетъ всей II пары, и что sutura mendosa, ограничивающая снизу os Incae, не соотвѣтствуетъ границѣ между I и II парами, а между верхними и нижними частями II пары. Этотъ выводъ, подтверждаемый нѣсколькими, приведенными Ранке, увеличенными изображеніями затылочной чешуи у зародышей на 3-мъ мѣсяцѣ (см. рис. 4), заслуживаетъ вниманія, и, повидимому, даетъ болѣе правильное объясненіе развитія этой части затылочной чешуи. Что касается III пары

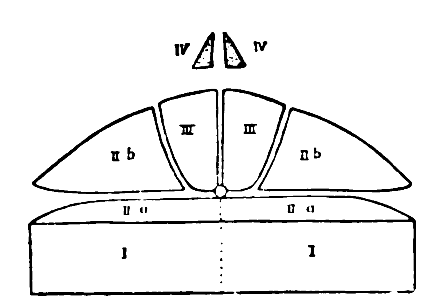

Рис. 3. Схема центровъ окостенѣнія затылочной чешуи человѣка по Ранке. I—I, первая пара центровъ окостенѣнія; II *a* + II *b*, II *a* + II *b* = II, II — вторая пара, изъ нихъ II *a*, II *a*—перепончатыя кости, образующія добавокъ къ нижней чешуѣ; III—III—третья пара; IV—IV—четвертая, добавочная пара.

Ранке (у Меккеля II пара), то появленіе ея послѣ II уже было указано ранѣе Bessel-Hagen'омъ. Впрочемъ, и по отношенію къ sutura mendosa можно замѣтить, что уже Рамбо и Рено, а тѣмъ болѣе Bessel-Hagen и Toldt, могли удостовѣриться, что шовъ этотъ образуется въ верхней чешуѣ, и что Вирховъ былъ неправъ, отождествляя его съ зародышевой щелью между I и II парою. Такъ какъ зародышевый бугоръ или protuberantia occipitalis externa образуется на нижней части чешуи (I пара), въ срединѣ ея и у верхняго ея края, то полоса кости между protuberantia и sutura mendosa должна разви-

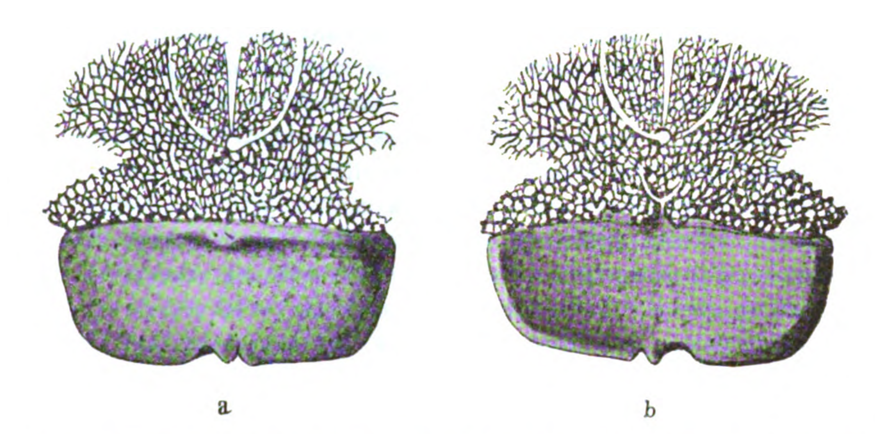

Рис. 4. Зачатокъ затылочной чешуи у зародыша 110 миллиметровъ длиною (по Ранке, увеличино въ 4 раза). I, II и III пары центровъ окостенѣнія. *a* — видъ снаружи, *b* — извнутри черепа. *a*. На верхнемъ краѣ нижней чешуи (I пара) видна protuberantia occipitalis externa, съ двумя маленькими отверстіями на концѣ, а съ каждой стороны ея torus occipitalis; на внутренней сторонѣ (*b*) затылочному бугру соотвѣтствуетъ ямка. Верхняя чешуя выказываетъ съ каждой стороны sutura mendosa и III пару центровъ окостенѣнія; послѣдняя совершенно обособлена съ центральнымъ отверстіемъ, сагиттальной и краевыми щелями.

ваться насчетъ нижнихъ частей II-й пары; эта полоса иногда обособляется у взрослыхъ, какъ такъ наз. torus occipitalis. Что касается „центральнаго отверстія верхней чешуи", то оно было найдено Ранке и у обезьянъ (Hylobates), даже на взрослыхъ черепахъ (въ формѣ питательнаго отверстія), близъ верхушки затылочной чешуи; у человѣка, однако, оно составляетъ всегда преходящее явленіе, свойственное только раннимъ зародышевымъ стадіямъ, и сохраняется позже крайне рѣдко.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ приведенныхъ схемахъ Меккеля и Ранке не показана Керкрингіева косточка, ossiculum Kerckringii или manubrium ossis occipitalis Вирхова, образующаяся въ срединѣ нижняго края чешуи, на нижнемъ концѣ сагиттальной зародышевой щели. Она имѣетъ здѣсь видъ небольшого выступа и бываетъ особенно замѣтна у 4—5 мѣсячныхъ зародышей, позже же обыкновенно теряетъ свою обособленность, хотя иногда ее можно отличить не только у новорожденныхъ, но даже у дѣтей и взрослыхъ.

Ранке встрѣчалъ ее и на черепахъ взрослыхъ орангутанговъ, одинъ разъ даже въ видѣ совершенно обособленной косточки, соединенной съ чешуей какъ бы хрящевымъ симфизисомъ.

Os apicis, какъ уже сказано, Ранке считаетъ придаточнымъ образованіемъ, родничковою костью, причемъ онъ находитъ невозможнымъ отдѣлять ее по происхожденію отъ встрѣчающейся иногда на томъ же мѣстѣ os rhomboideum. Вирховъ склоненъ былъ признавать послѣднюю за родничковую, а первую— за отдѣлившуюся часть затылочной чешуи, но Ранке, приведя рядъ изображеній затылочнаго родничка и вставныхъ въ немъ костей у плодовъ и новорожденныхъ, наглядно доказываетъ, что форма этого родничка и образующихся въ немъ косточекъ представляетъ всевозможные переходы отъ треугольной къ неправильно-округленной и ромбоидальной, и что слѣд. os apicis и os rhomboideum должны быть разсматриваемы, какъ однородныя образованія, связанныя между собою переходными формами. Подобныя кости могутъ образовываться во всѣхъ родничкахъ и во всѣхъ швахъ, какъ у человѣка, такъ и у обезьянъ, и Ранке приводитъ разные ихъ примѣры и формы. Что касается затылочно-родничковыхъ костей, то изъ 28 череповъ плодовъ на 6-мъ мѣсяцѣ онѣ оказались у 18%, изъ 94 череповъ на 7—10 мѣсяцѣ—у 13%, а изъ 2498 череповъ взрослыхъ у 5%, т.-е. съ возрастомъ эти вставныя косточки большей частью срастаются съ затылочной чешуей. Подобную же постепенность зарастанія выказываютъ и щели (suturae mendosae); боковые остатки ихъ были найдены у 19% череповъ на 7—8—9 мѣсяцахъ, и только у 7%—на 10 мѣсяцѣ.

Уже Меккель указалъ на то, что зародышевое состояніе затылочной чешуи у человѣка выказываетъ присутствіе «os interparietale», свойственной нормально, во взросломъ состояніи, многимъ млекопитающимъ. Ранке идетъ далѣе и задаетъ вопросъ, не встрѣчается ли слѣдовъ этой кости и у низшихъ позвоночныхъ. Вопросъ этотъ былъ поставленъ ранѣе Гегенбауромъ, который высказалъ предположеніе, что Interparietale появилась только у млекопитающихъ, соотвѣтственно увеличенію у нихъ полости черепа, и что, во всякомъ случаѣ, генетическую связь ея съ какой-либо самостоятельной костью на низшихъ стадіяхъ животной жизни еще требуется установить. Ранке полагаетъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ утвердительно, если исходитъ отъ положенія, что Interparietale у человѣка нормально образуется изъ двухъ паръ центровъ окостенѣнія и что, слѣдовательно, нормальный ея типъ—os Incae quadripartitum. Тогда соотвѣтствующія образованія можно найти у хрящевыхъ ганоидныхъ рыбъ (Accipenser, Spatularia), у Dipnoï (Polypterus, Lepidosteus) и у нѣкоторыхъ вымершихъ амфибій (Stegocephali), въ видѣ ряда четырехъ косточекъ или щитковъ, лежащихъ за теменными костями и образующихъ т. наз. Occipitale superius и Occipitalia externa, или Supraoccipitalia и Epiotica.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что Ранке не встрѣтилъ ни одного случая os Incae и сродныхъ ей образованій у антропоморфныхъ и низшихъ

обезьянъ и только на одномъ черепѣ гиббона оказалась въ ламбдѣ треугольная небольшая кость, похожая скорѣе на цѣльную (не двойную) os apicis, но въ которой Ранке склоненъ видѣть скорѣе os Incae, тѣмъ болѣе, что у верхняго конца ея имѣется отверстіе, которое, по его словамъ, «можетъ-быть поставлено въ параллель съ зародышевымъ центральнымъ отверстіемъ верхней чешуи черепа человѣка».

III отдѣлъ изслѣдованія Ранке (очень небольшой) имѣетъ своимъ предметомъ: «лишнія (вставныя) косточки въ области висковъ и корня носа». Ранѣе уже профессору Ранке удалось подтвердить собственными наблюденіями мнѣніе Hannover'а, что большое крыло основной кости (ala magna), относящееся въ большей своей части къ хрящевымъ костямъ, имѣетъ верхній свой кончикъ иного происхожденія, изъ перепончатой основы. Поэтому, какъ отъ затылочной чешуи можетъ иногда отдѣляться посредствомъ шва os Incae, такъ подобное же отдѣленіе швомъ можетъ представлять и os intertemporale, что̀ и доказывается наблюденіями надъ черепами зародышей позднѣйшихъ стадій, начиная съ 4-го мѣсяца. Ранке приводитъ изображеніе одного такого черепа на 4 мѣсяцѣ, съ явственною Intertemporale, отдѣленною зубчатымъ швомъ, но иногда слѣды такого обособленія верхняго конца alae magnae можно бываетъ замѣтить и на 10-мъ мѣсяцѣ. Эта «межвисочная кость», срастающаяся нормально съ ala magna, можетъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, срастаться съ переднимъ верхнимъ краемъ височной чешуи, образуя тогда лобный отростокъ височной чешуи (processus frontalis squamae temporis) или съ нижнимъ заднимъ угломъ лобной кости, образуя височный отростокъ лобной кости (processus temporalis ossis frontis). То же замѣчается и у обезьянъ, причемъ у гиббоновъ этого рода аномаліи встрѣчаются, повидимому, не чаще, чѣмъ у человѣка, тогда какъ у гориллы и шимпанзе болѣе нормальнымъ является присутствіе лобнаго отростка височной чешуи. У орангутанга Intertemporale часто сливается и съ ala, и съ нижнимъ переднимъ угломъ темянной кости, такъ что лобная и височная кости оказываются раздѣленными сплошнымъ костнымъ мостомъ (безъ поперечнаго шва).—Не отрицая того, что os intertemporale можетъ, срастаясь съ тѣми или иными сосѣдними костями, вызывать указанныя аномаліи, мы полагаемъ однако, что чаще возникновеніе послѣднихъ происходитъ насчетъ родничковой кости (os epiptericum), образованіе которой въ fonticulum temporale anterius представляетъ весьма обыкновенное явленіе у зародышей, и которая можетъ затѣмъ срастаться какъ съ ala magna или съ переднимъ нижнимъ угломъ темянной кости, такъ (рѣдко) и съ височной чешуей или лобной костью. Ossa epipterica составляютъ нерѣдкое явленіе и у взрослыхъ, но въ этомъ случаѣ уже труднѣе опредѣлить, представляютъ ли онѣ родничковыя кости или остатки os intertemporale.

Далѣе Ранке останавливается на случаяхъ дѣленія височной чешуи. Хотя кость эта развивается, повидимому, нормально изъ одного центра окостенѣнія, однако встрѣчаются случаи полнаго и неполнаго раздѣленія чешуи

горизонтальнымъ швомъ на двѣ части, верхнюю и нижнюю. Изъ 2437 череповъ взрослыхъ (южной Баваріи) Ранке встрѣтилъ 3 съ полнымъ и 2 съ неполнымъ такимъ раздѣленіемъ, т.-е. у 0,2%. Кромѣ того, онъ встрѣтилъ 3 случая съ вертикальной щелью (швомъ) въ чешуѣ, и нѣсколько съ отдѣленнымъ краемъ чешуи (съ ворміевыми здѣсь костями или съ двойнымъ чешуйчатымъ швомъ).

На границахъ лобной кости могутъ встрѣчаться вставныя, добавочныя кости у apophysis orbitaria externa (ихъ находили уже Serres и Rambaud et Renault; ей дано было даже названіе os frontale posterius), но, какъ показалъ Toldt, съ которымъ соглашается и Ранке, нормально у зародышей здѣсь нѣтъ особаго центра окостенѣнія. Нѣтъ такого отдѣльнаго центра и въ области корня носа, гдѣ тоже указывали os frontale anterius. Тѣмъ не менѣе, здѣсь могутъ встрѣчаться родничковыя косточки. Ранке приводитъ рѣдкій случай, когда на одномъ женскомъ черепѣ (въ Мюнхенѣ) оказались съ обѣихъ сторонъ по одной такой вставной косточкѣ между лобною, верхнечелюстною, носовою и слезною. Такія косточки можно было бы назвать Praefrontalia, но онѣ представляютъ изъ себя не что иное, какъ родничковыя косточки, образовавшіяся въ раннихъ зародышевыхъ родничкахъ.

Д. Анучинъ.

Географическая будущность европейскихъ расъ.

(William Z. Ripley—The geographical future of the European races. „The Races of Europe“. London, 1900).

Все тѣснѣе становится европейцамъ въ Европѣ, все болѣе принуждены они искать свободныхъ земель для поселенія въ другихъ частяхъ свѣта. Но если и есть еще такія свободныя земли (свободныя не въ смыслѣ полной незанятости кѣмъ бы то ни было, а, по крайней мѣрѣ, занятыя лишь „дикими“ и „варварскими“ племенами, „священныя права“ собственности которыхъ не особенно чтутся европейцами),—то могутъ ли эти свободныя земли, дѣйствительно, стать второй родиной, а не временнымъ только мѣстопребываніемъ переселенцевъ изъ Европы? Можетъ ли европеецъ настолько сжиться съ мѣстными условіями новой обстановки, чтобы обосноваться въ новыхъ мѣстахъ, со всѣми восходящими поколѣніями, безъ всякаго вреда какъ для нихъ, такъ и для своего физическаго и духовнаго здоровья? Когда-то этотъ вопросъ былъ только академическимъ, теперь же, сохраняя всю свою теоретическую важность, онъ пріобрѣтаетъ для европейскихъ расъ все въ большей и большей степени также жгучій жизненный интересъ.

Въ виду этого мы и позволяемъ себѣ познакомить читателя съ однимъ изъ интереснѣйшихъ сводовъ мнѣній по этому вопросу, именно тѣмъ, какой даетъ *Риплей* въ своей книгѣ „The Races of Europe“.

Вопросъ сводится, говоритъ Риплей, собственно къ слѣдующему. Во-первыхъ, можетъ ли выжить первое поколѣніе европейскихъ эмигрантовъ? Во-вторыхъ, если выживетъ оно, то мыслимо ли также для переселенцевъ и продолженіе рода въ экваторіальныхъ областяхъ земли? И, наконецъ, если возможно и такое непрерывное существованіе, то могутъ ли переселенцы сохранить свои спеціальныя европейскія черты, или они должны обратиться въ варварское состояніе тѣхъ народовъ, которые одни только и могутъ жить и работать въ жаркомъ климатѣ? Въ настоящее время къ услугамъ избытка европейскаго населенія находится площадь плодоносныхъ земель, въ шесть разъ превышающая культурное пространство Европы. Могутъ ли европейцы воспользоваться этими землями? Это вопросъ большого экономическаго значенія. Но, помимо того, онъ имѣетъ и большую политическую важность, такъ какъ, если нѣкоторыя изъ европейскихъ расъ одарены безконечно бо́льшею, чѣмъ другія, физіологическою приспособляемостью къ опасностямъ тропическаго климата, то равновѣсію политическихъ силъ европейскихъ державъ грозитъ серьезная опасность. А, быть-можетъ, дѣло идетъ даже не о побѣдѣ въ жизненной борьбѣ той или другой европейской расы, а о томъ, возможна ли эта побѣда для европейской цивилизаціи вообще? Быть-можетъ, наиболѣе приспособленными къ выживанію въ условіяхъ новаго климата являются не европейскія, а монгольскія расы, и въ будущемъ европейской цивилизаціи грозитъ опасность быть оттѣсненной натискомъ монголовъ?

Чтобы хотя съ приблизительной точностью опредѣлить вліянія перемѣны климата на человѣческое тѣло и его отправленія, нужно сперва элиминировать рядъ второстепенныхъ привходящихъ факторовъ. Прежде всего, уже самая перемѣна мѣстожительства сама по себѣ склонна привести къ нарушенію регулярности образа жизни солдата или колониста. Молодежь, довольно умѣренная въ потребленіи спиртныхъ напитковъ въ Англіи, начинаетъ пить запоемъ въ казармахъ Индіи. И если смертность отъ воспаленія печени—этой мѣстной болѣзни тропиковъ—для англійскихъ солдатъ въ Индіи въ шесть разъ выше смертности солдатъ, набираемыхъ изъ туземныхъ племенъ, то, быть-можетъ, это гораздо въ большей степени нужно приписать неумѣренному потребленію алкоголя, чѣмъ вліянію климата.

Алкоголизмъ и половая безнравственность идутъ рука объ руку. А порочныя привычки, сдерживавшіяся обстановкой домашней жизни и развернувшіяся въ новомъ мѣстѣ, поведутъ къ физическому истощенію въ любомъ климатѣ. Одинъ изъ алжирскихъ инженеровъ свидѣтельствуетъ, что одно воскресенье дѣлаетъ гораздо большее число людей паціентами госпиталя, чѣмъ три дня работы на сильнѣйшемъ солнцепекѣ. Одно изъ наиболѣе опасныхъ вліяній тропическаго климата состоитъ въ крайнемъ возбужденіи половой системы, часто ведущемъ къ эксцессамъ даже въ нѣжномъ возрастѣ. Исключеніе этого фактор а особенно необходимо при разсмотрѣніи вопроса о скрещеніи расъ и о вліяніи климата на плодовитость.

Третьимъ факторомъ, подлежащимъ исключенію, является вліяніе національныхъ предрасположеній къ тому или другому роду пищи. Одно изъ непосредственныхъ воздѣйствій тропическаго климата состоитъ въ усиленіи аппетита, что часто ведетъ къ чревоугодію, при тяжелой пищѣ очень вредно отзывающемуся на здоровьи. Это-то обстоятельство часто даетъ значительныя преимущества средиземноморскимъ расамъ предъ германскими. Англичане и нѣмцы придерживаются своего обычнаго стола, тогда какъ испанцы и итальянцы довольствуются растительной и другой легкой пищей. Китайцамъ особенно помогаетъ приспособиться къ новому тропическому климату ихъ скромное питаніе— почти однимъ рисомъ.

Но, говоря о поправкахъ, какія приходится вносить въ соображенія о вліяніи климата, необходимо имѣть въ виду вліяніе на физіологическіе процессы не только пищи, но еще въ большей степени повседневныхъ привычекъ и профессіи. Праздная жизнь всегда и вездѣ ведетъ къ разстройству здоровья.

Регулярныя физическія упражненія являются наиболѣе важной гигіенической предосторожностью, какую слѣдуетъ соблюдать въ тропическомъ климатѣ. Но еще хуже, чѣмъ недостатокъ упражненій, это—переутомленіе, особенно если работа ведется на солнечномъ припекѣ или среди міазматическихъ испареній. Это нужно имѣть въ виду, при сравненіи, напримѣръ, статистическихъ данныхъ для евреевъ, ограничивающихъ кругъ своей дѣятельности городскими лавками, и для германцевъ, каждодневно обрабатывающихъ землю въ качествѣ колонистовъ. Изъ всѣхъ профессій наиболѣе приспособляетъ къ климатическимъ измѣненіямъ, повидимому, мореходство. Относительно высокая продолжительность жизни итальянцевъ и мальтійцевъ въ Алжирѣ отчасти обусловливается тѣмъ, что всѣ они, главнымъ образомъ,—матросы и рыбаки. Напротивъ того, рабство сопровождается очень большой смертностью; это обстоятельство значительно мѣшаетъ сравненію статистическихъ данныхъ для бѣлыхъ и негровъ.

При всякомъ научномъ изученіи вопроса о вліяніи климата на человѣческое тѣло, должны быть приняты во вниманіе также и расовыя особенности.

Изъ заболѣваній, которымъ подвержена европейская раса, особенно важны три: чахотка, сифилисъ и алкоголизмъ. Варварскія племена предрасположены къ этимъ болѣзнямъ не въ одинаковой степени.

При равныхъ климатическихъ условіяхъ, по предрасположенію къ чахоткѣ, европейскія расы занимаютъ среднее положеніе между монголами и неграми. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи иммунитетъ урало-алтайцевъ. Киргизы степей, подвергаясь суровымъ колебаніямъ климата, рѣдко подвергаются этой болѣзни. Особенно же обезопашены отъ нея, по-видимому, чисто монгольскія племена. Быть-можетъ, это одна изъ причинъ, почему китайцы способны колонизовать многія мѣста даже подъ тропиками, гдѣ негры не въ состояніи жить: хорошо извѣстно, что тропическій климатъ гибеленъ для лицъ, предрасположенныхъ къ чахоткѣ. Китайцы преуспѣваютъ въ Гвіанѣ, гдѣ бѣлые не могутъ жить; вообще они могутъ благоденствовать отъ Сибири, гдѣ средняя

температура ниже точки замерзанія, и до Сингапура на экваторѣ. Предрасположеніе къ чахоткѣ, по-видимому, развивается параллельно со склонностью къ алкоголизму, отсутствующею у китайцевъ, такъ какъ ихъ національнымъ наркотикомъ является опіумъ.

Негры именно подъ тропиками особенно подвержены всѣмъ легочнымъ заболѣваніямъ,— фактъ, составляющій серьезное препятствіе для широкаго распространенія за предѣлы того пояса, который д-ръ Фуксъ назвалъ катарральнымъ въ отличіе отъ дизентерическаго пояса тропиковъ. У черныхъ расъ въ общемъ менѣе развита грудная полость и сила дыханія слабѣе, чѣмъ у европейцевъ. Процессы потѣнія идутъ у нихъ менѣе свободно, ихъ кожа толще или, по крайней мѣрѣ, плотнѣе. Они особенно поэтому чувствительны къ атмосфернымъ измѣненіямъ, почему переселенія во многія области для нихъ крайне затруднительны. Если, вмѣстѣ съ Бухнеромъ, различать эктогенныя (обязанныя мѣстнымъ причинамъ, напримѣръ, малярія) и эндогенныя болѣзни (туберкулезъ, напримѣръ), то оказывается, по мнѣнію того же ученаго, что европейскія расы особенно склонны къ заболѣванію первыми болѣзнями, негры же предрасположены преимущественно ко вторымъ. Интересно въ этомъ отношеніи наблюденіе надъ караваномъ въ Сенегамбіи, состоявшемъ изъ 95 негровъ и 90 европейцевъ. Смертность въ теченіе 2-хъ лѣтъ была одинакова; но, тогда какъ изъ европейцевъ за все это время легочному заболѣванію подвергся лишь одинъ, изъ 11 негровъ, умершихъ за эти два года, 5 умерло отъ легочныхъ болѣзней.

Какъ на причину особаго предрасположенія негровъ къ чахоткѣ, указывали на ихъ широкія, открытыя ноздри; вслѣдствіе такого устройства носа, воздухъ не нагрѣвается надлежащимъ образомъ предъ тѣмъ, какъ попасть въ легкія. Отчасти это, быть-можетъ, и вѣрно. Но почему же въ такомъ случаѣ обезопашены отъ этого заболѣванія монголы, обладающіе такими же широкими ноздрями? Или какъ объяснить по этой теоріи предрасположеніе къ чахоткѣ полинезійцевъ, отличающихся лепторинизмомъ?

Въ вопросѣ о географическомъ распространеніи болѣзней расовыя предрасположенія къ сифилису представляются особенно невыясненнымъ факторомъ, тѣмъ не менѣе считаться съ нимъ все-таки приходится. Болѣзнь эта, занесенная въ Америку и Новую Гвинею, вѣроятно, европейцами и ими же распространенная по Полинезіи, по-видимому, до сихъ поръ неизвѣстна въ нѣкоторыхъ областяхъ центральной Африки. Для американцевъ заболѣваніе сифилисомъ смертельно. Американскіе негры, какъ кажется, склонны къ заболѣванію наиболѣе тяжелыми формами этой болѣзни. Китайцы же наиболѣе свободны отъ нея; даже заразившись, они быстро выздоравливаютъ. Японцы представляютъ въ этомъ отношеніи значительную противоположность имъ, въ чемъ сказывается вліяніе примѣси малайской крови. Малайцевъ повсюду преслѣдуетъ эта болѣзнь, даже въ случаѣ скрещенія ихъ съ такою расою, какъ негроиды, неподверженные, по свидѣтельству наблюдателей, заболѣванію сифилисомъ. На Мадагаскарѣ, гдѣ было заражено $^5/_6$ извѣстнаго населенія, по даннымъ Гирша, малгаши

(негроиды) были свободны отъ этой болѣзни, тогда какъ гавасы (малайская помѣсь) болѣли самыми тяжелыми ея формами. Эти этническія особенности сифилиса важны потому, что, какъ оказывается, болѣзнь особенно свирѣпствуетъ именно среди тѣхъ частей колоніальнаго населенія, скрещеніе съ которыми европейцевъ особенно вѣроятно. Смѣшеніе расъ, какъ средство акклиматизаціи, гораздо менѣе примѣнимо такимъ образомъ въ Остъ-Индіи или Южной Америкѣ, чѣмъ въ Кохинхинѣ или долинѣ Конго, такъ какъ, если болѣзнь поражаетъ уже первое поколѣніе отъ скрещенія—мулатовъ и метисовъ,—дальнѣйшей ассимиляціи расъ положенъ предѣлъ.

Списокъ этническихъ заболѣваній могъ бы быть очень удлиненъ, но достаточно, быть-можетъ, простс указать на важность исключенія этого фактора, прежде чѣмъ перейти къ разбору вопроса объ акклиматизаціи *per se*.

Наконецъ, должно также посчитаться съ вліяніемъ скрещенія расъ. Какъ одинъ изъ элементовъ въ дѣлѣ колонизаціи и обходный путь для избавленія отъ акклиматизаціи, оно сильно усложняетъ вопросъ. Смѣшанные браки, какъ говоритъ Сильва Амада, являются секретомъ успѣха испанцевъ и португальцевъ, какъ въ Мексикѣ, такъ и на Филиппинскихъ островахъ. Бордье удостовѣряетъ, что отъ браковъ испанцевъ и южно-французовъ съ неграми получается гораздо болѣе многочисленное потомство, чѣмъ отъ браковъ другихъ европейцевъ, и полагаетъ единственную надежду на будущность французской колонизаціи въ Кохинхинѣ въ скрещеніи съ туземцами. Но, не говоря о томъ, что потомство смѣшанной крови очень часто наслѣдуетъ патологическія предрасположенія обоихъ родителей, можно указать на рядъ примѣровъ очень успѣшной акклиматизаціи въ случаяхъ даже полнаго отсутствія скрещенія: таковы, напримѣръ, боеры Южной Африки, населеніе Реюньона, населеніе нѣкоторыхъ частей Южной Америки и т. д. Особенно же замѣчательнымъ народомъ въ этомъ отношеніи являются евреи, акклиматизирующіеся и въ Южной Америкѣ, и въ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи. Фелькинъ высказываетъ даже предположеніе, что примѣсь семитической крови всегда облегчаетъ акклиматизацію. Во всякомъ случаѣ космополитическая приспособляемость семитовъ—внѣ сомнѣнія.

Физическіе элементы климата, по степени важности ихъ вліянія, идутъ въ такомъ порядкѣ: влажность, жара и постоянство климата. Жара, не сопровождаемая излишней влажностью, сама по себѣ не причиняетъ серьезнаго вреда здоровью человѣка, если только не доходитъ до крайней степени. Человѣческое тѣло легко приспособляется къ самымъ разнообразнымъ температурамъ, такъ что предѣлъ распространенію расъ скорѣе полагается невозможностью доставать пропитаніе, а не тою или другою степенью жары или холода. Совершенно иное приходится сказать по поводу влажности. Всѣ свидѣтельства сходятся на томъ, что акклиматизація особенно затруднительна въ очень влажныхъ областяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ выпадаетъ наибольшее количество дождя. Эти соображенія и нужно имѣть въ виду при разборѣ вопроса о возможности акклиматизаціи въ тропическомъ климатѣ. Одинъ путешественникъ по сѣверной Африкѣ замѣтилъ, что,

„когда тамъ есть вода и можетъ хоть что-нибудь расти, климатъ тамъ убійственный; когда же климатъ здоровъ,—нѣтъ воды и ничего не можетъ расти". Такимъ образомъ, прославленная акклиматизація французовъ въ Алжирѣ есть просто приспособленіе къ одному элементу климата. Но какъ бы то ни было, успѣхъ Франціи въ ея африканскихъ владѣніяхъ вдоль Средиземнаго моря, по общему свидѣтельству, обезпеченъ. Смертность солдатъ и матросовъ въ Алжирѣ въ 1837—1848 гг. составляла 77 на 1000, такъ что Boudin, Bertillon и Knox сомнѣвались, можетъ ли Франція когда-либо колонизовать этотъ край. Теперь же рождаемость здѣсь даже выше, чѣмъ во Франціи, а смертность нѣсколько ниже нормальной. Въ Тунисѣ также рождаемость составляла въ 1890—92 гг .35, 6 на тысячу, далеко превосходя процентъ смертности (25,27 на 1000). Въ Америкѣ наибольшаго успѣха испанцы достигли не въ дѣйствительно тропическомъ климатѣ Бразиліи, а на плоскогоріяхъ Мексики, Перу и Боливіи, т.-е вдоль сухого побережья Великаго океана. Такимъ образомъ, когда Равенштейнъ изъ успѣховъ французовъ въ Алжирѣ заключаетъ, что они также должны преуспѣть въ бассейнѣ Конго, въ Мадагаскарѣ и въ Кохинхинѣ, то въ этомъ сказывается совершенное непониманіе дѣйствительныхъ препятствій, полагаемыхъ тропическимъ климатомъ. О различіи условій въ Кохинхинѣ и Тунисѣ говоритъ уже смертность солдатъ: въ первой странѣ ихъ умираетъ вдвое больше, чѣмъ во второй. Жара тропическаго климата играетъ важную роль лишь косвенно, именно тѣмъ, что обусловливаетъ значительную влажность и обыкновенно сопровождается ею. Въ тропическихъ областяхъ такимъ образомъ жара особенно сильна именно тогда, когда охлажденіе тѣла посредствомъ испаренія особенно затруднено крайней влажностью воздуха. Въ соединеніи съ вынужденнымъ отсутствіемъ физической работы это вызываетъ рядъ физіологическихъ разстройствъ. Тамъ, гдѣ какія-либо причины нарушаютъ томительное однообразіе тропическаго климата, онъ становится болѣе пригоднымъ для жизни европейцевъ. Такъ, благодаря смѣнѣ береговыхъ вѣтровъ, дующихъ на островахъ то съ моря, то съ суши, жизнь здѣсь уже болѣе возможна для европейцевъ, особенно если это скалистые острова, гдѣ вѣтры дуютъ съ большей силой. Именно это обстоятельство сдѣлало для англичанъ выносимымъ пребываніе на Ямайкѣ. Благодаря ему же, Сингапуръ является единственнымъ мѣстомъ Остъ-Индіи, совершенно избавленнымъ отъ маляріи. Вообще вездѣ, гдѣ смѣняются періоды тепла и холода, тамъ возможность акклиматизаціи является гораздо болѣе вѣроятной. Преимущества климата плоскогорій надъ тропиками заключаются, между прочимъ, въ томъ, что какъ суточная, такъ и годовая амплитуда колебаній температуры тамъ значительна. Но, предоставляя временное облегченіе бѣлымъ расамъ, высоты, по-видимому, оказываютъ пагубное вліяніе на негровъ и на индійцевъ. По свидѣтельству Dr. Spruce, индійцы, работающіе на кофейныхъ плантаціяхъ Южной Америки (а онѣ расположены на высотѣ отъ 4 до 6 тысячъ футовъ), настолько страдаютъ отъ заболѣванія дыхательныхъ органовъ, что это обстоятельство сильно препятствуетъ развитію плантаторскаго хозяйства. Jousset указываетъ на то,

что жизнь на высотѣ 3—4$^{1}/_{2}$ тыс. футовъ въ Африкѣ губительна для негровъ. Отчасти это объясняется большою чувствительностью всѣхъ примитивныхъ народовъ къ климатическимъ примѣненіямъ, отчасти—несоблюденіемъ какихъ бы то ни было гигіеническихъ правилъ.

Каково непосредственное воздѣйствіе тропическаго климата на тѣло и его физіологическія отправленія? На время учащается дыханіе, хотя скоро оно снова приходитъ въ норму; пульсъ бьется быстро; аппетитъ усиливается; въ связи съ этимъ стоитъ чрезмѣрное возбужденіе почекъ и половыхъ органовъ; человѣкъ обыкновенно худѣетъ; печень увеличивается въ размѣрѣ, что, можетъ-быть, является причиной нѣкоторой желтизны кожи; въ мѣсячныхъ очищеніяхъ у женщинъ часто замѣчаются различныя нарушенія, возрастъ половой зрѣлости наступаетъ раньше. Интересной особенностью, до сихъ поръ не вполнѣ еще изслѣдованной, представляется временное повышеніе температуры, очень часто длящееся и послѣ того, какъ человѣкъ покинетъ тропики. По даннымъ Мореля, это повышеніе колеблется между 0,2 и 0,3° С. По наблюденіямъ надъ европейцами въ полосѣ между Хартумомъ и экваторомъ, у тѣхъ, кто прожилъ здѣсь менѣе двухъ лѣтъ, средняя температура была 37,5°,—на $^{1}/_{2}$° выше нормы, у пробывшихъ болѣе 4-хъ лѣтъ—37,2°,—на $^{1}/_{4}$° выше нормальной температуры европейцевъ. Но даже и нормальная температура европейца выше температуры тѣла мѣстныхъ жителей. Такъ, по наблюденіямъ д-ра Фелькина надъ 600 негровъ въ полосѣ между экваторомъ и 10° с. ш., средняя t° ихъ ротовой полости была 36,5, а нормальная t° ротовой полости для европейцевъ—37°.

Быть-можетъ, думаетъ Риплей,—не приводя, впрочемъ, вѣскихъ данныхъ въ пользу своей гипотезы (да и къ самымъ наблюденіямъ надъ отклоненіями отъ нормальной t°, выражающимся всего десятыми долями градуса, нельзя не относиться съ большою осторожностью),—европейцы лишь тогда достигли бы такого же полнаго приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, какое замѣчается у европейцевъ тропиковъ, если бы нормальная температура ихъ тѣла понизилась до уровня средней t° туземцевъ. Но разсчитывать на это трудно, такъ какъ постоянство физіологическихъ этническихъ чертъ—общеизвѣстный фактъ.

Акклиматизація въ физіологическомъ смыслѣ является постепеннымъ приближеніемъ къ нормальному типу туземца, и (исключая, конечно, измѣненій температуры тѣла) пребываніе подъ тропиками ведетъ къ нѣкоторымъ измѣненіямъ, приближающимъ европейца къ туземному типу. Такъ, увеличеніе размѣровъ печени указываетъ на воздѣйствіе тѣхъ причинъ, которыя, въ концѣ концовъ, сдѣлали нормальную печень негровъ большею, чѣмъ печень европейцевъ. Опасность этого процесса заключается въ необычайномъ напряженіи, испытываемомъ различными органами при этомъ постепенномъ приспобленіи. Конечно, и нельзя разсчитывать, что человѣкъ въ теченіе одного поколѣнія пріобрѣтетъ тѣ приспособленія, которыя создавались природою цѣлыми вѣками.

Въ виду отсутствія точныхъ изслѣдованій надъ характеромъ измѣненій, вызываемыхъ тропическимъ климатомъ, въ дальнѣйшемъ приходится указать

рядъ конкретныхъ фактовъ, на которыхъ и возможно построить извѣстныя заключенія.

Результаты выполненія гигіеническихъ предписаній. Выполненіе требованій гигіены и санитаріи удивительно помогаетъ приспособленію индивида къ непосредственному воздѣйствію перемѣны климата. Когда-то ежегодная убыль среди индійскихъ солдатъ составляла, по даннымъ Фелькина, 80 на 100, въ 1856 г. она понизилась до 69, въ періодъ 1870—79 гг. до 62 и въ 1888 г. даже до 50, считая и умершихъ, и инвалидовъ. Въ Кохинхинѣ на полкъ въ 1000 чел. потеря въ 1861 г. составляла 115 чел., теперь умираетъ въ годъ всего 22 человѣка, хотя цифра, выражающая ежегодную убыль, значительно повысится, если включить также и инвалидовъ. Въ Сенегамбіи въ періодъ 1832—1837 гг. выбывало въ годъ 148 на тысячу, теперь около 73. Можно надѣятся, что дальнѣйшіе успѣхи гигіены еще болѣе понизятъ смертность и инвалидность. Система продолжительныхъ отпусковъ черезъ опредѣленные промежутки времени, строгая регулярность діеты, устраненіе излишняго физическаго труда, особенно земледѣльческихъ работъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ системы горныхъ станцій, должны дать хорошіе результаты. Такъ что даже очень осторожные наблюдатели согласны относительно того, что, за немногими исключеніями, въ родѣ Кохинхины и Африканскаго побережья, крѣпкіе индивиды, при надлежащей осторожности, могутъ разсчитывать сохранить свое хорошее здоровье даже подъ тропиками. Но при всемъ томъ англичане нашихъ дней ни чуть не ближе къ истинной акклиматизаціи въ Индіи, чѣмъ въ 1840 г. Выносить климатъ—это одно, сдѣлаться нечувствительнымъ къ его особенностямъ—совершенно другое.

Плодовитость. Но если и возможно индивидуально приспособиться къ климату, то можетъ ли выжить раса? Другими словами, какъ измѣняется ея плодовитость въ новомъ климатѣ? Интересныя соображенія, высказанныя по этому поводу Уолессомъ и Катрфажемъ, основаны главнымъ образомъ на наблюденіяхъ надъ растеніями и животными, сперва теряющими подчасъ въ новомъ климатѣ способность воспроизведенія, но затѣмъ снова возстановляющими ее чрезъ нѣсколько поколѣній. Что же касается наблюденій собственно надъ человѣкомъ, то здѣсь обыкновенно забываютъ элиминировать вліяніе скрещенія расъ (да часто и очень трудно исключить вліяніе этого фактора, въ виду крайняго распространенія въ тропическихъ областяхъ смѣшанныхъ браковъ). Въ связи съ этимъ и взгляды на вліяніе климата на плодовитость довольно противорѣчивы. Брока (не посчитавшійся однако съ рядомъ привходящихъ условій) увѣряетъ, что мамелюки стали безплодными въ Египтѣ именно вслѣдствіе перемѣны климата. Jousset, наоборотъ, заявляетъ, что нельзя доказать прямого вліянія климата на плодовитость. Д-ръ Фритчъ думаетъ, что хотя, подъ вліяніемъ измѣненій климата, и можетъ появиться безплодность, но въ пользу этого положенія нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ.

Въ то время, какъ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ безплодности несмѣшанныхъ браковъ въ тропическихъ областяхъ, можно привести примѣры непрерывной плодовитости. Brace увѣряетъ, что евреи плодовиты даже въ Кохинхинѣ, а Joest говоритъ, что европейцы часто рожаютъ дѣтей въ Африкѣ. Въ Гваякилѣ, гдѣ t^0 рѣдко опускается ниже 22^0, несмѣшанные браки испанцевъ очень плодовиты. Плодовитыми являются также и браки французовъ въ Алжирѣ. Но, чтобы отвѣтить вполнѣ достовѣрно на вопросъ о зависимости плодовитости или безплодности браковъ отъ климата, нужно располагать гораздо большимъ количествомъ данныхъ, чѣмъ то, какое имѣется въ распоряженіи теперь.

Сравнительная приспособляемость европейскихъ націй. Будущія политическія судьбы Африки въ значительной степени, конечно, опредѣлятся сравнительной способностью къ акклиматизаціи европейскихъ народовъ, соперничающихъ за обладаніе темнымъ континентомъ. Латинскія націи обыкновенно особенно подчеркиваютъ меньшіе шансы въ этой борьбѣ германскихъ народовъ, т.-е. именно тѣхъ, кто особенно стѣсненъ въ земельномъ отношеніи дома. Нужно, впрочемъ, оговориться, что французы, считая себя болѣе приспособленными къ акклиматизаціи, чѣмъ нѣмцы, въ то же время признаютъ превосходство надъ собою въ этомъ отношеніи испанцевъ и итальянцевъ. Статистическія данныя для Алжира наглядно иллюстрируютъ это положеніе. Въ 1855—56 гг. (только съ 1854 г. замѣчается перевѣсъ рождаемости надъ смертностью) было слѣдующее количество рожденій и смертей на тысячу:

	Рожденій.	Смертей.
Испанцы	46	30.
Мальтійцы	44	30.
Итальянцы	39	28.
Французы	41	43.
Германцы	31	56.

По свѣдѣніямъ Ricoux, на тысячу дѣтей до 1 года умираетъ: испанцевъ—180, мальтійцевъ—178, итальянцевъ—194, французовъ—225 и германцевъ—273. Эта сравнительная неприспособленность германцевъ подтверждается всѣми наиболѣе объективными и авторитетными голосами. Изъ сѣверныхъ европейцевъ преуспѣли лишь голландцы—въ Южной Африкѣ и Остъ-Индіи. Наибольшею же приспособляемостью отличаются средиземноморскія націи; французы обладаютъ неодинаковою приспособляемостью: южные въ этомъ отношеніи стоятъ выше сѣверныхъ; основные кадры французской эмиграціи идутъ изъ долины Роны, изъ Корсики и Прованса. Что особенно интересно, это то, что во время нашествія Наполеона на Россію провансальцы гораздо лучше выносили холодъ, чѣмъ ихъ товарищи изъ Нормандіи и Шампани. Не можетъ ли это быть приписано примѣси семитической крови, какъ думаетъ Уоллесъ?

Неприспособленность англо-саксонцевъ вовсе не зависитъ отъ ихъ меньшей жизнеспособности,—наоборотъ. По увѣренію Bordier, Крымская война совершенно очевидно доказала, что, по сравненію съ французами, англичане гораздо быстрѣе и чаще выздоравливаютъ отъ тяжелыхъ ранъ. Смертный исходъ серьезныхъ операцій въ англійскихъ госпиталяхъ почти вдвое меньше, чѣмъ во французскихъ (Топинаръ). У англо-саксонцевъ нѣтъ только надлежащей эластичности для приспособленія къ тропическому климату. Отчасти это зависитъ отъ національныхъ привычекъ, но въ значительной степени коренится и въ самой расѣ. Такимъ образомъ тѣмъ именно націямъ, которыя всего энергичнѣе борются за обладаніе колоніями, приходится встрѣчать серьезнѣйшее противодѣйствіе въ своей собственной природѣ.

Если подвести мнѣнія авторовъ по этому вопросу, то окажется, что за невозможность для бѣлой расы дѣйствительной колонизаціи тропиковъ высказывается подавляющее большинство. Противоположныя мнѣнія являются, по большей части, устарѣлыми (Crawford, Armand и Rattray, Ливингстонъ и епископъ Hannington); изъ современниковъ за мнѣніе о возможности для бѣлыхъ акклиматизироваться въ тропическихъ странахъ высказался медицинскій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1890 г. (интересно, что именно нѣмцы доказали свою особенную неспособность къ акклиматизаціи) и Общество для развитія медицинскихъ знаній въ Голландской Индіи (выше указывалось, что сами голландцы хорошо приспособляются къ тропическому климату). Списокъ авторовъ, считающихъ невозможной для европейцевъ полную акклиматизацію подъ тропиками, можетъ быть продолженъ до безконечности. Изъ прежнихъ писателей можно указать мнѣнія Knox (1850), Prichard (1845) и Hunt (1861). Того же мнѣнія держатся авторитетные нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ Virchow, Fritsch, Joest, Fischer, Buchner, Hirsch. Французы, изучившіе этотъ вопросъ серьезнѣе, чѣмъ какая-либо другая нація, придерживаются этого мнѣнія всѣ безъ исключенія. За него же стоятъ и многіе голландцы, несмотря даже на сравнительное процвѣтаніе подъ тропиками ихъ соотечественниковъ. Такъ Van der Burg заявляетъ, что для того, чтобы поселеніе могло разсчитывать на здоровое существованіе, оно должно непрестанно поддерживаться новыми подкрѣпленіями изъ Европы. Скептически относятся къ возможности акклиматизаціи и англійскіе авторы, въ томъ числѣ Ravenstein, Sir William Moore и Tilt. Одинъ Dr. Felkin нѣсколько склоненъ высказаться болѣе благопріятно относительно шансовъ колонизаціи Африки: онъ находитъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что центральная Африка не хуже Индіи, соглашаясь однако съ тѣмъ, что въ этой послѣдней области англичане могутъ сохранить свое здоровье только въ горныхъ мѣстностяхъ. Прежде нѣсколько надѣялись на то, что внутреннее африканское плато можетъ еще годиться для европейской колонизаціи, въ виду своей довольно значительной высоты; но оказалось, что, за исключеніемъ страны Метабеловъ, и это плато непригодно для заселенія европейцами. И даже Стэнли заявляетъ, что осторожное піонерство—вотъ все, чего

можно ожидать въ будущемъ для бассейна Конго, о колонизаціи же его нечего и думать. Изъ всѣхъ этихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ можно вывести, говоритъ Рипдей, только одно заключеніе: поощреніе къ эмиграціи женщинъ и дѣтей,—за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто пользуется самымъ крѣпкимъ здоровьемъ,—должно считаться если не убійствомъ, то, по крайней мѣрѣ, подстрекательствомъ къ нему. Изъ этого, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы бѣлый человѣкъ совсѣмъ не могъ жить подъ тропиками. Соблюдая всѣ необходимыя гигіеническія предосторожности, можно прожить тамъ и безъ особеннаго вреда для здоровья. Но, какъ замѣтилъ Уоллесъ, англичанинъ, который можетъ безопасно провести лѣто въ Римѣ подъ тѣмъ лишь условіемъ, что никогда не будетъ выходить изъ дому по вечерамъ, не можетъ считаться акклиматизовавшимся. Колонія никогда не можетъ приблизиться къ европейской цивилизаціи, если она не вытѣснитъ или не ассимилируетъ туземнаго населенія. А она не можетъ сдѣлать этого уже потому, что колонистамъ, если они хотятъ выжить подъ тропиками, совершенно нельзя заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Основой страны всегда должно остаться мѣстное рабское населеніе, не приспособленное къ какимъ бы то ни было свободнымъ политическимъ учрежденіямъ.

Есть основанія предполагать, что весь человѣческій родъ единъ; онъ распространился по лицу земли путемъ миграціи, причемъ отдѣльныя части его постепенно акклиматизировались въ разныхъ поясахъ земли. Какъ же совершился этотъ процессъ акклиматизаціи и нельзя ли примѣнить того же способа для пріобрѣтенія соотвѣтственныхъ приспособленій и теперь? Въ этомъ отношеніи предлагается два прямо противоположныхъ пути, смотря потому, какой изъ двухъ противоположныхъ біологическихъ теорій придерживается тотъ или другой авторъ. А именно, приспособленіе къ климатическимъ условіямъ возможно или путемъ варіацій и естественнаго подбора, или путемъ усвоенія извѣстныхъ привычекъ, передаваемыхъ по наслѣдству. Вейсманъ, Уоллесъ, де-Катрфажъ разсчитываютъ на естественный подборъ, дѣйствующій слѣдующимъ образомъ: одновременно на мѣсто новаго обитанія переносится большое количество людей (или растеній и животныхъ), чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Путемъ исключенія изъ нихъ выживаютъ немногія счастливыя варіаціи. Такимъ образомъ, по истеченіи долгаго времени, цѣной огромныхъ пожертвованій жизнью неприспособленныхъ, вырабатывается новый типъ, въ значительной степени иммунизированный. Все, что требуется, это—пополненіе въ теченіе довольно долгаго времени кадровъ иммигрантовъ; все остальное сдѣлаетъ климатъ.

Вторая школа, къ которой принадлежитъ, между прочимъ, Вирховъ, полагаетъ, что необходимо подражать процессу естественныхъ этническихъ переселеній. Она разсчитываетъ на возможность воспользоваться, при движеніи народовъ къ экватору, природными приспособленіями различныхъ расъ (быть-можетъ, выработавшимися вѣковымъ пребываніемъ въ извѣстномъ климатѣ),—другими словами, народы средиземнаго бассейна, у которыхъ сложатся посте-

пенныя приспособленія къ жизни въ болѣе южныхъ областяхъ, быть-можетъ, двинутся въ Алжиръ, перемѣщая народы Судана и семитическія племена по направленію къ экватору. Чтобы захватить освободившіяся мѣста, народы сѣвера Франціи медленно, въ теченіе одного или двухъ поколѣній, перемѣстятся въ долину Роны и въ Провансъ, а ихъ мѣста займутъ нѣмцы и бельгійцы.

Все это вѣроятно. Каждое поколѣніе, приспособляя самого себя, рождаетъ потомство съ извѣстнымъ унаслѣдованнымъ уже иммунитетомъ. И если бы между націями не было никакого соперничества, если бы приходилось считаться только съ естественными условіями, то указанное перемѣщеніе народовъ представляло бы самое желательное разрѣшеніе вопроса. Но, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, политическія соображенія едва ли позволяютъ надѣяться на осуществимость этого естественнаго процесса миграціи. Едва ли теперь возможно допустить, что французы совершенно спокойно позволятъ вытѣснить себя германцамъ, или что германцы предоставятъ Африку своимъ галльскимъ сосѣдямъ. Но все-таки это единственная возможность создать новый типъ, приспособленный къ жизни подъ экваторомъ. Англія, конечно, осуждена пользоваться первымъ путемъ (вымираніе неприспособленныхъ). Франція—единственное европейское государство, занимающее области и съ умѣреннымъ, и подтропическимъ климатомъ, что̀ создаетъ возможность совершенно незамѣтнаго перехода къ югу и въ значительной степени облегчаетъ колоніальную политику Франціи.

Будущее можетъ внести различныя измѣненія въ тѣ предсказанія, какія можно сдѣлать теперь. Несомнѣнно одно: вопросъ о возможности заселенія европейцами тропическихъ областей, въ такомъ изобиліи доставшихся европейскимъ державамъ, принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ научныхъ вопросовъ, еще только ждущихъ своего разрѣшенія.

Л. Синицкій.

Критика и библіографія.

G. et A. de Mortillet. Le Préhistorique. Origine et antiquité de l'homme. 3-me edition, entièrement repondue. Paris, 1900 (Bibliothèque des sciences contemporaines).

Первое изданіе этой книги относится къ 1883 году. Она обратила на себя большое вниманіе и быстро разошлась. Въ 1885 г. вышло второе изданіе, которое къ 1895 г. сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Покойный Габріель де-Мортилле приступилъ тогда къ переработкѣ своего руководства для 3-го изданія, но за слабостью и потерей зрѣнія долженъ былъ оставить этотъ трудъ, а затѣмъ скоро скончался. Сынъ его, Адріанъ де-Мортилле, уже при жизни отца помогавшій ему въ археологическихъ занятіяхъ, рѣшился докончить начатую переработку труда, съ тѣмъ, чтобы привести его въ соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ знаній. Эта переработка настолько увеличила размѣры книги, что пришлось ее ограничить исключительно древнѣйшимъ или палеолитическимъ періодомъ каменнаго вѣка, отложивъ неолитическій періодъ и бронзовый вѣкъ для позднѣйшей обработки въ особомъ томѣ. При этомъ авторъ оставилъ, въ общемъ, прежній планъ сочиненія, прежнія дѣленія палеолитическаго періода, концентрируя по-прежнему главное вниманіе на находкахъ во Франціи и сосѣднихъ странахъ и игнорируя многія иностранныя области. Такимъ образомъ, въ новомъ своемъ видѣ книга сохранила прежнія свои слабыя стороны, но она получила значительныя дополненія по отношенію къ деталямъ и даетъ въ настоящемъ видѣ довольно полную картину современнаго состоянія соотвѣтственнаго отдѣла доисторической археологіи во Франціи. Какъ руководство для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ палеолетической эпохой Франціи, съ типами различныхъ орудій, отложеніями этой эпохи, фауной ея и т. д., книга эта можетъ считаться почти незамѣнимой; покойный Г. де-Мортилле былъ большимъ знатокомъ въ этой области, и его сынъ является достойнымъ наслѣдникомъ знаній своего отца.

Д. Анучинъ.

Dr. B. Hellich. Praehistorické lebky v Cechách. Praha. 1899. (Доисторическіе черепа въ Богеміи).

Эта работа одного изъ усерднѣйшихъ чешскихъ антропологовъ представляетъ двойной интересъ: во-первыхъ, потому, что въ ней впервые собранъ весь матеріалъ, извѣстный по настоящее время въ Богеміи, а во-вторыхъ, потому, что авторъ не довольствуется однимъ анализомъ этого матеріала, но въ видахъ сравненія пользуется также богатымъ матеріаломъ изъ всѣхъ средне-европейскихъ и славянскихъ странъ (поскольку послѣдній былъ доступенъ ему), и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, опираясь исключительно на естественно-научный методъ, пытается рѣшать нѣкоторые важные этнологическіе вопросы.

Первая часть работы заслуживаетъ безусловной похвалы. Не слѣдуетъ обращать вниманія на то, что авторъ, начавшій работать безъ предварительной систематической подготовки, когда-то стремился, подобно другимъ работающимъ въ этой области, итти новыми путями въ краніологіи и, пренебрегая трудами другихъ, отыскивалъ совершенно новыя измѣренія и работалъ собственнымъ, имъ самимъ придуманнымъ, инструментомъ. На данномъ изслѣдованіи все это почти не отразилось, такъ какъ авторъ, съ одной стороны, въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности значительно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ (хотя онъ и теперь еще беретъ на черепѣ 73 размѣра, въ томъ числѣ 23 угловыхъ, и опредѣляетъ отсюда 27 указателей, которые, вопреки другимъ изслѣдователямъ, разбиваетъ на 25 группъ одинаковаго значенія), а, съ другой, авторъ всюду приводитъ рядомъ съ своими собственными размѣрами и употребительныя измѣренія по системѣ Брока или же переводитъ ихъ на эти послѣднія, благодаря чему его работа, потребовавшая столько усидчиваго труда, становится доступною и для другихъ. Самыя измѣренія произведены съ большою точностью.

Въ число изслѣдованныхъ авторомъ доисторическихъ череповъ Богеміи вошли: 57 череповъ изъ древнѣйшаго періода, 33—изъ латенской эпохи, 2—изъ римской, 23—изъ гробницъ меровингскаго типа и 133 изъ славянскихъ могилъ X—XIII стол. (а вмѣстѣ съ данными Матейки—271 чер.). На древнѣйшемъ матеріалѣ авторъ различаетъ 4 типа: 1) высокая и узкая гипердолихоцефалія, 2) менѣе высокая долихомезоцефалія (самый многочисленный), 3) высокая и умѣренно-узкая гипербрахицефалія и 4) низкая, широкая гипердолихоцефалія. Среди латенскихъ череповъ выступаютъ на западѣ два новыхъ типа: 5) брахи-хамецефальный и 6) низкій долихоцефальный съ узкимъ лбомъ и пентагональными очертаніями черепа въ боковой нормѣ. О происхожденіи этихъ типовъ авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: 1-ый и 2-ой, вѣроятно, древнѣйшіе типы (скелеты въ согнутомъ положеніи), 3-ій пришелъ съ востока, изъ сѣверной области по ту сторону Карпатъ; 4-ый происходитъ изъ Франціи; 5-ый—изъ юго-западной Европы и 6-ой по своему происхожденію идентиченъ съ кроманьонскимъ типомъ. Такимъ образомъ, уже въ позднѣйшемъ каменномъ періодѣ встрѣчаются различные типы, хотя первый и второй преобладаютъ между ними; брахицефалія становится замѣтнѣе въ латенскую эпоху и значительно увеличивается въ славянскую. Въ этотъ періодъ, когда закончилась этнологическая ассимиляція различныхъ остатковъ болѣе древнихъ племенъ въ одинъ богемскій народъ, мы еще не видимъ никакой антропологической ассимиляціи. Однако, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе поглощаетъ брахицефалія длинные и узкіе типы. Ядро чистой брахицефаліи въ древне-христіанскую эпоху наблюдаютъ между Юнгбунцлау, Лейтмеритцемъ и Мельникомъ; но на-

ряду съ нею сохраняются еще первые два древнѣйшихъ типа. Наиболѣе частый типъ этого періода—высокая, умѣренно-узкая долихоцефалія.

Самымъ важнымъ указателемъ для этнологическаго анализа черепного матеріала д-ръ Геллихъ считаетъ указатель наименьшей ширины лба (по отношенію къ ширинѣ черепа). Древне-христіанскіе богемскіе черепа характеризуются среднею шириною лба. Что же касается продольно-широтнаго головного указателя, то д-ръ Геллихъ нашелъ среди череповъ X - XIII стол. 28% долихоцефальныхъ, 38,5% мезоцефальныхъ и 33,5% брахицефальныхъ; при этомъ мезоцефальные являются болѣе близкими къ долихоцефаліи.

Нѣсколько иначе долженъ референтъ отнестись къ той части работы, которая оставляетъ поле чистаго анализа и описанія богемскаго матеріала и вступаетъ въ область этнологическихъ проблемъ цѣлой Европы. Правда, въ вопросѣ объ антропологическомъ происхожденіи славянъ, авторъ приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ въ свое время пришелъ и референтъ на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій,—именно, что древнѣйшіе славяне [1]) отличались долихоиднымъ или, вѣрнѣе, по д-ру Геллиху, высокимъ долихомезоцефальнымъ типомъ, и что первоначально они составляли древнее наслоеніе высокихъ долихоцефаловъ, которое было распространено по значительной части средней Европы. Однако, авторъ, рядомъ съ этимъ заключеніемъ, поставилъ еще два положенія, съ которыми я не могу согласиться, не касаясь другихъ, болѣе мелкихъ, подробностей, о которыхъ я также иного мнѣнія: 1) Д-ръ Геллихъ полагаетъ, что типы человѣческихъ череповъ съ ростомъ культуры не измѣняютъ своей формы, что послѣдняя остается стабильною, постоянною, и 2) думаетъ, что ему удалось установить не только типъ и характеристику древне-славянскихъ череповъ, но и прототипы череповъ другихъ народовъ. Для различныхъ этнологическихъ понятій у автора имѣются соотвѣтственные краніологическіе термины, и мы постоянно читаемъ о древне-славянскомъ типѣ, о древне-германскомъ, кельтическомъ и т. д. Такая точка зрѣнія способна возбудить глубокое недоумѣніе въ настоящее время, когда антропологія стремится къ возможно большей точности и достовѣрности въ своихъ выводахъ. Помимо того, весь этотъ отдѣлъ книги неясенъ и трудно понятенъ. Но въ цѣломъ настоящая работа является цѣннымъ вкладомъ для познанія доисторической краніологіи Европы [2]).

Л. Нидерле.

G. Soularue. Recherches sur les dimensions des os et les proportions squelettiques de l'homme dans les différentes races. „Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris". T. XII (I V-e sér.), 1899, fasc 4.

Проф. Manouvrier еще въ 1892 г. издалъ большую работу, посвященную важному для антропологіи (особенно доисторической) вопросу о возстановленіи роста человѣка по имѣющимся на лицо отдѣльнымъ длиннымъ костямъ скелета. Въ этой работѣ приводятся таблицы съ указаніями средняго роста и предѣловъ maximum'a и minimum'a соотвѣтствующихъ различнымъ размѣрамъ отдѣльныхъ длинныхъ костей. При этомъ Manouvrier указалъ на существованіе какъ индивидуумовъ, такъ и расъ брахи-и макроскелетическихъ типовъ,

---

[1]) Долихоцефаловъ изъ русскихъ кургановъ авторъ считаетъ за древнѣйшихъ славянъ, а брахицефаловъ—за финновъ.

[2]) Оригиналъ настоящаго реферата былъ присланъ проф. Нидерле на нѣмецкомъ языкѣ.

для которыхъ выведенныя имъ среднія цифры должны быть соотвѣтственнымъ образомъ измѣнены. Макро- и брахискелія опредѣляются величиною отношенія длины нижнихъ конечностей къ длинѣ бюста (позвоночникъ + высота головы), и такъ какъ величины бюста варьируютъ по расамъ и индивидуально значительно слабѣе, чѣмъ длина конечностей, макроскелія, т.-е. сравнительно высокорослая конструкція опредѣляется главнымъ образомъ увеличеніемъ длины нижнихъ конечностей. Отсюда слѣдуетъ, что макроскелія характеризуется сравнительно большей величиной цифръ, выражающихъ отношеніе длины нижнихъ конечностей къ росту, а брахискелія, обратно,—меньшими величинами этого указателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Manouvrier указываетъ также и на необходимость принимать во вниманіе, при возстановленіи роста по отдѣльнымъ костямъ, не только ихъ длину, но также и толщину, такъ какъ между ростомъ и толщиной костей существуетъ, повидимому, извѣстное соотношеніе, выражающееся въ томъ, что бо́льшій ростъ какъ бы компенсируется сравнительной тонкостью длинныхъ костей. Такимъ образомъ, имѣя двѣ какихъ-либо длинныхъ кости одинаковой длины, но различной толщины, можно предположить, что онѣ принадлежатъ субъектамъ неодинаковаго роста, а именно болѣе тонкая кость принадлежитъ, вѣроятно, болѣе высокорослому субъекту.

Manouvrier отмѣтилъ такимъ образомъ болѣе существенные моменты, но далеко не исчерпалъ вопроса,—для многихъ его положеній у него не было достаточно обширнаго числового матеріала. G. Soularue сдѣлалъ вслѣдствіе этого (по совѣту и подъ руководствомъ того же Manouvrier) попытку провѣрить и продолжить изслѣдованія Manouvrier на 174 скелетахъ, хранящихся въ музеѣ Брока и въ антропологическомъ отдѣлѣ Парижскаго естественно-историческаго музея (Muséum d'Histoire Naturelle). Измѣренные скелеты распредѣлялись по расамъ и поламъ слѣдующимъ образомъ: бѣлыхъ: мужчинъ—27, женщинъ—7; черныхъ: муж.—49, жен.—16; смѣшанныхъ американскихъ расъ: муж.—22, жен.—10; желтыхъ: муж.—18, жен.—6; малайско-полинезійскихъ: муж.—18, жен.—3. Измѣрялись бюстъ (позвончикъ + высота черепа), отдѣльные сегменты позвоночника (поясничный, спинной и шейный), длина femoris, tibiae, humeri, radii, окружность femoris (на высотѣ верхней бифуркаціи lineae asperae femoris) и окружность humeri (тотчасъ подъ мѣстомъ прикрѣпленія m. deltoidei). Вмѣстѣ съ тѣмъ исчислялись отношенія измѣренныхъ костей къ росту и т. наз. указатели сѣченія костей, или указатели толщины костей, т.е. отношенія величины окружности кости къ ея длинѣ. Авторъ придерживался техники измѣреній, указанной Manouvrier. Нѣкоторую особенность представляютъ измѣренія позвоночника, которыя брались не только in toto на собранномъ скелетѣ, но получались также и изъ сложенія высотъ отдѣльныхъ позвонковъ. Послѣдняя величина меньше, конечно, истинной длины позвоночника, но она имѣетъ то преимущество, что въ нее не входятъ величины тѣхъ прослоекъ, которыя кладутся при сборкѣ скелетовъ между позвонками вмѣсто межпозвоночныхъ хрящей, но точность соотвѣтствія которыхъ толщинѣ межпозвоночныхъ хрящей проблематична.

Длинныя кости. Измѣренія Soularue показали, что у мужчинъ самая короткая femur (416 мм. въ среднемъ) принадлежитъ американскимъ индѣйцамъ, потомъ неграмъ (423), самая длинная—европейцамъ (443). Tibia—самая короткая у тѣхъ же американцевъ (352) и у желтыхъ (346), самая длинная—у полинезійцевъ (368), европейцы же и негры занимаютъ среднее мѣсто (358). Humerus—самая короткая у негровъ (296), самая длинная—у европейцевъ (320). Отмѣченное раньше соотвѣтствіе между длиною и толщи-

ною костей подтверждается и цифрами Soularue, показывающими, что меньшимъ среднимъ величинамъ длинныхъ костей соотвѣтствуетъ обыкновенно большій указатель толщины и обратно. Аналогичныя отношенія замѣчаются и у женщинъ различныхъ расъ, которыя распредѣляются по абсолютнымъ величинамъ отдѣльныхъ костей въ томъ же порядкѣ, что и мужчины. Вообще говоря, кости женщинъ короче и тоньше костей мужчинъ.

Позвоночникъ. Наименьшей абсолютной величиной позвоночника (безъ межпозвоночныхъ хрящей) обладаютъ негры (497), за ними слѣдуютъ американскіе индѣйцы (508), полинезійцы (524), желтыя расы (526) и, наконецъ, наибольшій позвоночникъ (546) у европейцевъ. Аналогичное расположеніе расъ по величинѣ позвоночника наблюдается и у женщинъ, позвоночникъ которыхъ нѣсколько короче мужскаго (разница колеблется отъ 14 до 35 мм. по расамъ), причемъ поясничные сегменты позвоночника оказываются у мужчинъ и женщинъ почти одинаковыми (у европейскихъ и полинезійскихъ женщинъ онъ короче, чѣмъ у мужчинъ, на 1 мм., у желтыхъ—на 3 мм., тогда какъ у американскихъ индіанокъ онъ на 3 мм. длиннѣе мужскаго). Вся же почти разница въ длинѣ позвоночника у мужчинъ и женщинъ падаетъ на дорзальный сегментъ. Относительно усиленное развитіе поясничной части позвоночника у женщинъ находитъ себѣ наиболѣе вѣроятное объясненіе въ необходимости вмѣщенія въ нижней части области живота у женщинъ болѣе емкихъ органовъ, чѣмъ у мужчинъ.

Брахи-и макроскелія. Soularue высчиталъ для каждаго отдѣльнаго скелета отношенія величины нижнихъ конечностей (femur + tibia) къ бюсту (позвоночникъ безъ хрящей + высота головы, взятая отъ средины задней дуги foraminis occipitalis magni до верхушки черепа). Индивидуальныя колебанія этого отношенія отмѣчены въ предѣлахъ отъ $1,_{03}$ (у одной женщины желтой расы) и до $1,_{45}$ (у одного мужчины—негра), расовая же въ предѣлахъ отъ $1,_{10}$ въ среднемъ (желтыя женщины) и до $1,_{24}$ (негритянки). Подѣливъ всѣ наблюденія по поламъ и расамъ, Soularue располагаетъ ихъ въ порядкѣ по величинамъ отношенія длины конечностей къ бюсту, дѣля каждую группу на двѣ приблизительно равно великія группы—брахискеліи и макроскеліи. Къ сожалѣнію, въ работѣ его не дано указаній на величины отношенія, послужившія предѣлами отграниченія брахискеліи отъ макроскеліи. Для каждой группы брахискеліи, равно какъ и для каждой группы макроскеліи Soularue высчиталъ отдѣльно среднія величины бюста, длины femoris + tibiae, отношенія femoris + tibiae къ бюсту, указатели толщины femoris, tibiae и humeri, и двѣ величины роста: a) безъ межпозвоночныхъ хрящей и b) съ поправкою на межпозвоночные хрящи. Для мужчинъ-европейцевъ полученныя среднія величины могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ:

	Длина бюста.	Fem. + tib.	Fem. + tibia / бюстъ	Указатель femoris.	Указатель tibiae.	Указатель humeri.	Ростъ безъ межпозвон. хрящей.	Ростъ съ межпозв. хрящами.
Брахискелы	695	856	$1,_{12}$	$20,_{4}$	$20,_{9}$	$57,_{2}$	1.477	1.639
Макроскелы	689	826	$1,_{20}$	$19,_{5}$	$20,_{5}$	$56,_{8}$	1.518	1.706
Разница	—6	+30	$+0,_{08}$	$-0,_{9}$	$-0,_{4}$	$-0,_{4}$	+41	+67

Макроскелы обладаютъ, слѣдовательно, нѣсколько болѣе короткимъ бюстомъ, за-то длина ихъ конечностей значительно больше, чѣмъ у брахискеловъ, откуда

и ростъ макроскеловъ даетъ большой перевѣсъ по сравненію съ брахискелами. Обращаетъ также на себя вниманіе тотъ фактъ, что указатели сѣченія всѣхъ длинныхъ костей (указатели толщины костей) у макроскеловъ нѣсколько меньше, чѣмъ у брахискеловъ, т.-е. и здѣсь сказывается законъ компенсаторнаго утонченія костей съ увеличеніемъ ихъ длины. Разница въ величинахъ указателей толщины костей для брахи- и макроскеловъ, правда, не велика, но она постоянна и встрѣчается у обоихъ половъ и по всѣмъ расамъ; наибольшей величины достигаетъ она у желтыхъ (наибольшихъ бракискеловъ), гдѣ (у мужчинъ) она достигаетъ для femur—$0_{,12}$, для tibia—$2_{,8}$, для humerus—$2_{,0}$.

По расамъ величины отношенія длины конечностей къ длинѣ бюста распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Для мужчинъ:	Max.	Min.	Среднее.
Негры	$1_{,45}$ —	$1_{,06}$ —	$1_{,19}$
Полинезійцы	$1_{,32}$ —	$1_{,11}$ —	$1_{,14}$
Американскіе индѣйцы . . .	$1_{,30}$ —	$1_{,08}$ —	$1_{,13}$
Европейцы	$1_{,25}$ —	$1_{,05}$ —	$1_{,12}$
Желтые	$1_{,30}$ —	$1_{,08}$ —	$1_{,11}$
Для женщинъ:			
Негритянки	$1_{,34}$ —	$1_{,12}$ —	$1_{,24}$
Полинезійки	„ —	„ —	$1_{,16}$
Американскія индіянки . . .	$1_{,32}$ —	$1_{,08}$ —	$1_{,15}$
Европейки	$1_{,21}$ —	$1_{,11}$ —	$1_{,14}$
Желтыя	$1_{,16}$ —	$1_{,03}$ —	$1_{,10}$

Наиболѣе, слѣдовательно, макроскеличны—негры, наиболѣе брахискеличны—желтые, къ которымъ примыкаютъ и европейцы.

Величины различій отдѣльныхъ измѣреній (въ среднемъ) у макроскеловъ по сравненію ихъ (по расамъ) съ брахискелами могутъ быть выражены въ слѣдующей таблицѣ:

	Длина бюста.	Fem.+tib.	Fem.+tib. — бюстъ.	Указ. femoris.	Указ. tibiae.	Указ. humeri.	Ростъ (безъ хрящей).
У негровъ	$0_{,21}$	$+0_{,70}$	$+0_{,13}$	$-0_{,3}$	$-0_{,1}$	$-0_{,8}$	$+0_{,136}$
» полинезійцевъ . . .	$0_{,40}$	$+0_{,05}$	$+0_{,12}$	$-0_{,4}$	$-1_{,4}$	$-0_{,0}$	$+0_{,054}$
» американ. индѣйцевъ	$0_{,31}$	$+0_{,08}$	$+0_{,10}$	$-1_{,0}$	$-0_{,9}$	$-0_{,5}$	$+0_{,053}$
» европейцевъ . . .	$0_{,06}$	$+0_{,36}$	$+0_{,08}$	$-0_{,9}$	$-0_{,5}$	$-0_{,4}$	$+0_{,041}$
» желтыхъ	$0_{,11}$	$+0_{,39}$	$+0_{,03}$	$-1_{,2}$	$-2_{,8}$	$-2_{,0}$	$+0_{,014}$

Въ общемъ длина бюста варіируетъ значительно слабѣе, чѣмъ длина femoris+tibiae; только у американскихъ индѣйцевъ и у полинезійцевъ замѣчается обратное отношеніе, т.-е. длина бюста представляетъ у брахи-и макроскеловъ значительную разницу, тогда какъ длина femoris+tibiae измѣняется у нихъ слабо. Случайность ли это, зависящая отъ небольшого числа наблюденій, или реальный біологическій фактъ,—авторъ не берется рѣшать. Указатели

толщины костей варіирують довольно слабо, достигая большей величины только у желтыхъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже величинъ и отношеній Soularue высчитывалъ также по расамъ величины длинныхъ костей, приведенныя къ росту. Составленная имъ таблица идентична по характеру съ таблицами, данными Topinard'омъ: негры обладаютъ наиболѣе длинной os radii, os же humeri у нихъ и у полинезійцевъ наиболѣе коротка; верхнія конечности негровъ и европейцевъ почти не разнятся по длинѣ, тогда какъ нижнія конечности у негровъ значительно длиннѣе, чѣмъ у европейцевъ. Изучая отношенія длины верхнихъ конечностей къ нижнимъ, Soularue отмѣчаетъ существованіе значительныхъ въ этомъ отношеніи различій даже между очень близкими между собой народностями. Въ общемъ у негровъ величина отношенія нижнихъ конечностей къ верхнимъ значительно бо́льшая, чѣмъ у европейцевъ; у желтыхъ расъ (китайцевъ, японцевъ, эскимосовъ), у малайцевъ и полинезійцевъ это отношеніе нѣсколько меньше, чѣмъ у европейцевъ. Отношенія длины femoris къ длинѣ tibiae и длины humeri къ длинѣ radii не представляютъ какихъ-либо новыхъ данныхъ, подтверждая въ общихъ чертахъ данныя, уже извѣстныя изъ работъ Topinard'a, Broca и др. изслѣдователей.

Въ концѣ своей обширной работы Soularue дѣлаетъ сводку главнѣйшихъ положеній:

1) Абсолютная длина трубчатыхъ костей, ихъ окружность и показатель толщины представляютъ по расамъ и поламъ довольно значительныя варіаціи.

2) Между длиной костей и ихъ толщиной существуетъ очевидное соотношеніе; чѣмъ длиннѣе кость, тѣмъ, caeteris paribus, она меньше. Такое соотношеніе замѣтно какъ при индивидуальныхъ, такъ и при расовыхъ варіаціяхъ.

3) Позвоночникъ варіируетъ въ своей длинѣ значительно слабѣе, чѣмъ конечности. Наибольшей величины онъ достигаетъ у европейцевъ. Вообще говоря, наибольшія его величины встрѣчаются у народовъ, обладающихъ наиболѣе короткими конечностями, и обратно. Варіаціи длины позвоночника по поламъ довольно значительны; у мужчины позвоночникъ длиннѣе, но различіе падаетъ на дорзальный отдѣлъ, поясничная же часть позвоночника у женщинъ по абсолютнымъ размѣрамъ не короче, чѣмъ у мужчины (относительно, слѣдовательно, длиннѣе).

4) Существуютъ расы эксквизитно макроскелетическія (негры) и эксквизитно брахискелетическія (желтыя расы). Чѣмъ выше указатель отношенія femur+tibia къ позвоночнику+высотѣ головы, тѣмъ макроскелетичнѣе раса. Изъ двухъ субъектовъ съ одинаковой величиной длинныхъ костей тотъ, указатель котораго больше, будетъ въ общемъ и болѣе высокорослымъ. Но это правило допускаетъ много индивидуальныхъ отклоненій, и при среднихъ величинахъ указателя разница получается настолько незначительная, что большого практическаго значенія (при возстановленіи роста) она не имѣетъ. Но въ случаяхъ, когда этотъ указатель, равно какъ и указатель толщины костей даетъ величины значительно большія или меньшія, чѣмъ среднія, онѣ должны быть обязательно принимаемы въ разсчетъ.

В. В. Воробьевъ.

Н. В. Алтуховъ. Анатомія зубовъ человѣка. Москва, 1900.

Трудъ этотъ, какъ поясняетъ краткое къ нему предисловіе профессора Д. Н. Зернова, приноровленъ къ потребностямъ воспитанниковъ зубоврачебныхъ школъ. «Существующія руководства анатоміи человѣка...—говоритъ проф. Зерновъ,— не могутъ удѣлять много мѣста спеціальной анатоміи зубовъ. Между тѣмъ свойства зубоврачебнаго искусства требуютъ совершенно спеціальныхъ и обширныхъ свѣдѣній по анатоміи, физіологіи и развитію зубовъ. Предлагаемая книга дополняетъ общія руководства въ этомъ направленіи, и (по мнѣнію проф. Зернова) какъ нельзя болѣе полно удовлетворяетъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ подобному труду». Такой отзывъ компетентнаго спеціалиста уже показываетъ, что мы имѣемъ предъ собою солидный трудъ, въ надлежащей степени исчерпывающій его задачу, и, дѣйствительно, въ немъ на 122 страницахъ, съ иллюстраціей 75 рисунками, подробно описываются зубы человѣка, постоянные и молочные, ихъ строеніе, развитіе, ихъ нормальное положеніе въ челюстяхъ, стираніе, различныя аномаліи (положенія, числа, формы, величины, строенія зубовъ и пр.), и въ заключеніе приводится соотвѣтственная литература (45 книгъ и статей). Единственное замѣчаніе, которое мы позволяемъ себѣ сдѣлать, это—по поводу отсутствія въ книгѣ антропологическихъ данныхъ, именно указаній на варіаціи формы, числа, величины, развитія зубовъ, констатированныя у различныхъ человѣческихъ расъ, на особенности зубовъ человѣка сравнительно съ соотвѣтственными зубами антропоморфныхъ приматовъ, на искусственныя деформаціи, которымъ подвергаются зубы у различныхъ народовъ, а также на измѣненія зубовъ, характерныя для нѣкоторыхъ профессій, соціальныхъ типовъ, уродство (напр. волосатыхъ людей) и т. д. Намъ кажется, что краткія указанія на такія особенности и варіаціи были бы не лишними въ подобномъ трудѣ, задающемся цѣлью изложить возможно полнѣе морфологію (анатомію) зубовъ человѣка, и это тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ такихъ особенностей приводятся въ настоящее время и въ анатомическихъ учебникахъ (напр. *Видерсгеймъ*, Строеніе человѣка), и въ одонтологическихъ монографіяхъ (Magitot, Dubois и др.). Въ новѣйшемъ судебно-медицинскомъ руководствѣ по зубамъ Амоедо (*O. Amoëdo*, Die Zahnheilkunde in der gerichtlichen Medizin; deutsche Uebersetzung v. D-r G. Port. L. 1900) имѣется, напр., цѣлая глава: «Die Zähne bei den verschiedenen Menschenrassen» (24 страницы), со ссылками на 40 источниковъ (книгъ и статей), хотя въ ряду послѣднихъ многія и пропущены (напр. нѣкоторыя наблюденія Миклухи-Маклая, Макса Бартельса, Топинара и др.). Вообще, нельзя не пожелать, чтобы наши анатомы не сторонились антропологическихъ данныхъ и не игнорировали бы ихъ, а, напротивъ, придавали бы имъ большее значеніе, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру проф. Швальбе, видящаго въ сравнительно-анатомическомъ и антропологическомъ направленіи анатоміи человѣка главный залогъ ея развитія, какъ науки.

Д. Анучинъ.

«Труды Антропологическаго Общества при Императорской Военно-Медицинской Академіи». Т. IV. Спб., 1899.

Кромѣ протоколовъ засѣданій Общества, въ настоящемъ томѣ помѣщены статьи: Д. П. Никольскаго—«По поводу истекшаго трехлѣтія Антропологиче-

скаго Общества», въ которой авторъ подводитъ итогъ научной дѣятельности Общества со времени его основанія; его же статья: «Четвертый съѣздъ по криминальной антропологіи, бывшій въ 1896 г.», передающая вкратцѣ содержаніе докладовъ, сдѣланныхъ на Женевскомъ конгрессѣ криминалистовъ; статья К. Кречунеско: «Черезъ Сомалійскую пустыню въ Абиссинію», въ которой авторъ, принимавшій участіе, въ качествѣ помощника врача, въ санитарномъ отрядѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста, снаряженномъ въ Абиссинію въ 1896 г., дѣлится своими путевыми впечатлѣніями; наблюденія автора очень поверхностны; статья не вноситъ никакихъ новыхъ данныхъ и къ антропологіи, если не считать краткихъ описаній типа сомалійцевъ, абиссинцевъ и отчасти галласовъ, не имѣетъ никакого отношенія. А. Л. Маршандъ въ статьѣ: «Нѣкоторыя наблюденія надъ дѣтьми преступниковъ», сообщаетъ главные результаты своихъ антропологическихъ изслѣдованій 91 дѣвочекъ изъ пріюта имени Ея Императорскаго Высочества Евгеніи Максимиліановны, Принцессы Ольденбургской, для дѣтей преступниковъ и приходитъ къ выводу, что «большое количество найденныхъ патологическихъ уклоненій отъ нормы въ тѣлесной сферѣ, указывающихъ на болѣзненную наслѣдственность въ связи съ ненормальными жизненными условіями ранняго дѣтскаго возраста (рахитизмъ и скрофулезъ со всѣми проявленіями), а также физическія уродства и значительное количество дефектовъ въ психической и моральной сферахъ, говорящія за порочную умственную и нравственную организацію этихъ дѣтей»,—заставляютъ «отнести большинство изслѣдованныхъ питомицъ къ разряду вырождающихся особей человѣчества». Дополненіемъ къ статьѣ г. Маршанда служитъ помѣщенная въ этомъ же томѣ статья Н. А. Козлова: «Сравненіе дѣтей преступныхъ и непреступныхъ родителей». Статья В. Н. Тонкова: «О примѣненіи X—лучей Röntgen'a къ изученію роста скелета», указываетъ на возможность примѣненія X—лучей Röntgen'a съ цѣлью прослѣдить ходъ окостенѣнія скелета у дѣтей, начиная съ первыхъ дней ихъ внѣутробной жизни. Э. А. Гизе въ статьѣ: «Случай микроцефаліи», подробно описываетъ 13-лѣтнюю микроцефалку Марусю, петербургскую мѣщанку, содержащуюся въ клиникѣ душевныхъ болѣзней профес. В. М. Бехтерева; старшая сестра Маруси, Надежда, 22-хъ лѣтъ, также микроцефалка (она описана проф. Щербакомъ). Д. П. Никольскій, указывая въ статьѣ: «Къ вопросу объ изученіи цыганъ", на необходимость антропологическаго изслѣдованія ихъ, сообщаетъ нѣкоторыя литературныя данныя о происхожденіи цыганъ, объ ихъ бытовыхъ условіяхъ и о физическомъ типѣ. Послѣдній характеризуется преимущественно по изслѣдованіямъ г. Лыжина крымскихъ цыганъ. Автору, повидимому, осталась неизвѣстной статья покойнаго А. П. Богданова: «Матеріалы для изученія цыганъ въ антропологическомъ отношеніи», помѣщенная въ I томѣ «Антропологической выставки» и рядъ другихъ статей о цыганахъ въ томъ же изданіи, а также изслѣдованія A. Weisbach'a (въ «Wiener medic. Jahrbücher» 1864 и 1866 гг. и въ «Mittheil. der Anthrop. Gesell. in Wien», B. XIX, гдѣ содержатся антропометрическія данныя о 52 цыганахъ), Steinberg'a («Programm des evangel. Gymnasiums in Schässburg». Hermannstadt, 1875), Hovelacque («Revue d'Anthrop.», III, p. 234), Schwicker'a (Die Zigeuner in Ungarn und Siebenbürgen. Wien, 1883), Petersen'a и von-Luschan'a (Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis. Wien, 1889) и друг.

Ал. Ивановскій.

Dr. J. Talko-Hryncewicz. Przyczynek do poznania swiata kurhanowego Ukrainy. „Materyaly antrop.-archeol. i etnograf. wydaw. staraniem Komisyi antropologicz. Akad. Umiej. w Krakowie“. T. IV. Краковъ. 1900, стр. 1—32.

Юго-западный край, эта классическая страна древнихъ памятниковъ Россіи, издавна притягивала къ своимъ могиламъ какъ любителей древности, такъ и мѣстныхъ хищниковъ, и насколько содержаніе могилъ дѣлалось добычею, настолько костяками никто не интересовался, даже изъ записныхъ археологовъ. Поэтому множество цѣннаго антропологическаго матеріала погибало безвозвратно, такъ какъ на него стали обращать вниманіе лишь въ послѣднее время. Авторъ сдѣлалъ попытку воспользоваться тѣми, по крайней мѣрѣ, антропологическими изслѣдованіями, какія въ послѣднее время сдѣланы на человѣческихъ курганныхъ остаткахъ, принимая при этомъ во вниманіе наружную форму кургановъ и обрядъ погребенія. Такимъ образомъ матеріалами автору служили измѣренія Коперницкаго, Гамченки, Никольскаго на костяхъ, добытыхъ изъ раскопокъ графа А. Бобринскаго, его личныя измѣренія изъ раскопокъ Оссовскаго, проф. В. Б. Антоновича, проф. Самоквасова и друг. Полученные результаты авторъ сопоставляетъ для сравненія въ своей работѣ съ результатами измѣренія древнихъ скелетовъ, находимыхъ въ Зап. Европѣ. Скелеты и черепа изъ украинскихъ могилъ авторъ раздѣлилъ по происхожденію на 4 группы: къ первой причислилъ кости изъ старѣйшихъ доисторическихъ могилъ разныхъ періодовъ, которыхъ насчиталъ 45; ко второй—изъ скиѳскихъ кургановъ, числомъ 15; къ болѣе позднимъ славянскимъ причислилъ третью группу полянскихъ кургановъ—21 и четвертую изъ древлянскихъ—76. Всего сдѣлано измѣреній 157, на основаніи которыхъ авторъ выводитъ слѣдующую ихъ характеристику:

1) Ростъ доисторическихъ людей былъ высокій (173,1 ст.) и незначительно превышалъ скиѳскій (172,7 ст.). Древляне уступали имъ ростомъ (167,2 ст.), хотя тоже отличались высокорослостью. Доисторическіе древніе скелеты отличаются болѣе длинными ногами (бедрами и голенями) отъ многихъ доисторическихъ людей Зап. Европы и болѣе короткими отъ ея современныхъ жителей при болѣе длинномъ туловищѣ. Костяки доисторическіе носятъ на себѣ всѣ признаки древней первобытной расы.

2) Доисторическіе черепа отличаются болѣе значительными размѣрами отъ древнихъ славянскихъ. По головному указателю всѣ длинноголовые. Средніе головные указатели: у доисторическихъ череповъ—76,7, у скиѳскихъ—77,3, у древлянъ—77,8 и у полянъ—75,9. Въ отдѣльныхъ краніологическихъ группахъ, въ черепахъ славянскихъ, въ особенности древлянскихъ, типъ длинноголовый выступаетъ постояннѣе, нежели въ доисторическихъ. У всѣхъ черепа очень высокіе.

3) Изъ другихъ частностей строенія черепа авторомъ отмѣчается у всѣхъ одинаковая верхняя ширина лба, кромѣ полянъ, у которыхъ она нѣсколько уже; нижняя же ширина лба и затылка въ черепахъ доисторическихъ и скиѳскихъ уже, нежели въ славянскихъ.

4) Лицомъ болѣе широкимъ доисторическіе и скиѳскіе черепа отличаются отъ болѣе узкихъ славянскихъ. Что же касается формы носа и глазницъ, то древлянскіе чаще узконосые (лепторины) и узко-глазничные (микроземы), доисторическіе же—узко- и средне-носые и узко-глазничные. Въ полянскихъ черепахъ всѣ 3 рода формъ носа появляются при узкихъ и рѣже умѣренныхъ глазницахъ.

Авторъ.

Проф. Ю. А. Кулаковскій. Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“, кн. XIII.

Очеркъ объ „Аланахъ“ былъ задуманъ проф. Ю. А. Кулаковскимъ въ видѣ предисловія къ переводу на русскій языкъ византійскаго произведенія XIII в. „Аланское посланіе епископа Ѳеодора“. Лишь по мѣрѣ обработки свидѣтельствъ объ аланахъ авторъ придалъ своей работѣ видъ самостоятельнаго изслѣдованія. „Очеркъ“ его заключаетъ сводъ показаній классическихъ и византійскихъ писателей объ аланахъ „въ надлежащей критической провѣркѣ“, чѣмъ устраняется необходимость пользованія устарѣвшимъ трудомъ Stritter'a „Memoriae populorum“. Въ разъясненіе собраннаго имъ матеріала у классическихъ и византійскихъ писателей приводятся свѣдѣнія о древнихъ судьбахъ аланъ изъ грузинскихъ, армянскихъ и арабскихъ историковъ. Съ вопросомъ о доказательствахъ принадлежности аланъ къ арійской расѣ и притомъ иранской ея вѣтви автору не пришлось уже считаться, такъ какъ онъ находитъ его окончательно рѣшеннымъ въ трудахъ языковѣдовъ и между ними въ „Осетинскихъ этюдахъ“ проф. Вс. Ѳ. Миллера. Авторъ слѣдитъ за аланами съ первыхъ упоминаній объ нихъ у Іосифа Флавія и появленія ихъ въ 133 г. въ Арменіи на помощь царю Иверіи Фарсману II въ столкновеніяхъ его съ паровянами. Свидѣтельства Флавія и Арріана даютъ основаніе пріурочить имя аланъ къ той части сарматскаго племени, которая занимала въ первые вѣка нашей эры сѣверныя предгорья средняго Кавказа и степныя пространства къ сѣверу до береговъ Мэотиды и теченія рѣки Танаиса. Аланы вмѣстѣ съ гуннами участвуютъ въ набѣгахъ на Римскую имперію; съ вандалами и свевами появляются въ 406 г. на Рейнѣ. Они пробираются въ Африку и Галлію. Аланы, увлеченные гуннами на дальній западъ, исчезли въ водоворотѣ V и VI вѣковъ. Послѣ Ам. Марцелина (IV в.) объ аланахъ на ихъ прикавказской родинѣ упоминаетъ Прокопій при Юстиніанѣ Вел. Въ IX в. они принимаютъ христіанство изъ Византіи, сношенія съ которой у нихъ усиливаются съ ослабленіемъ хозаръ. Въ число племенъ, покоренныхъ татарами, впослѣдствіи попали аланы или assi (оссы, или осетины). Аланы изъ предѣловъ своей родины „отъ Кавказскихъ горъ до Иверіи“ проникли въ Херсонъ въ XIII в., а въ XIV в. на Балканскій полуостровъ. Эта непрерывная скитальческая волна аланъ, сталкивающаяся и сливающаяся съ разнообразными народностями, разсмотрѣна авторомъ на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, хотя хронологическая ихъ группировка, напр., по даннымъ грузинскихъ лѣтописей, не всегда убѣдительна. *А. Хахановъ.*

Темнокожіе евреи. „Восходъ“, 1900 г., №№ 41, 42.

Статья принадлежитъ одному англійскому миссіонеру Вулмеру и въ подлинникѣ напечатана въ журналѣ „Quirer“, ноябрь, 1898 г. Авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ евреяхъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ Азіатскаго и Африканскаго материковъ. Въ Китаѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, уже въ IX в. жило много евреевъ; пришли они, какъ сами говорятъ, съ запада, и путь ихъ, вѣроятно, лежалъ изъ Персіи черезъ Хорассанъ и Самаркандъ. Въ самой Персіи евреи разсѣяны по всей странѣ. Въ Индіи, на основаніи послѣдней переписи, считается 17,180 евреевъ. На Малабарскомъ берегу евреи, согласно туземнымъ лѣтописцамъ и собственнымъ преданіямъ, появились послѣ разрушенія второго храма въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ и большею частью осѣли въ Махандрапатна, теперь извѣстномъ подъ именемъ Крангануръ. Вслѣдствіе возникшихъ междуусобій они вынуждены были бѣжать отсюда и нашли убѣжище

во владѣніяхъ раджи Кохинскаго, гдѣ въ настоящее время „живутъ ихъ потомки—два класса евреевъ, одни подъ названіемъ іерусалимскихъ или Бѣлыхъ евреевъ, а другіе извѣстны подъ именемъ Черныхъ. Бѣлые считаютъ себя прямыми потомками первыхъ поселенцевъ; въ теченіе вѣковъ они сохранили бѣлый цвѣтъ кожи, тонкія черты лица и широкій, высокій лобъ, обыкновенно встрѣчающійся у европейцевъ; среди блондиновъ и рыжеватыхъ преобладаютъ курчавыя бороды. Черные же евреи слишкомъ черны, чтобы быть похожими на индусовъ. Полагаютъ что они происходятъ отъ туземныхъ аборигеновъ, принявшихъ еврейство. Черные и Бѣлые евреи живутъ въ одной части города въ Кохинѣ; они слѣдуютъ тѣмъ же обычаямъ, употребляютъ тѣ же молитвы и обряды, но никогда не вступаютъ между собою въ бракъ».

Кромѣ кохинскихъ евреевъ, на сѣверѣ и западѣ Индіи живетъ другая группа евреевъ, т. наз. Beni Israel, которые считаютъ себя потомками выходцевъ изъ Персіи. Ихъ теперь болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Они живутъ въ Калькуттѣ, Алибагѣ, Карачи. Отъ Бѣлыхъ и Черныхъ евреевъ юга они отличаются смуглымъ цвѣтомъ кожи и вообще чертами лица очень напоминаютъ евреевъ изъ Аравіи.

Въ Африкѣ Абиссинія обладаетъ, вѣроятно, самой старой еврейской колоніей. „Евреи здѣсь извѣстны, какъ фалаши, что значитъ изгнанники или эмигранты, и претендуютъ на очень высокое происхожденіе. Они вѣрятъ, что царь Соломонъ присоединилъ царицу Савскую ко многимъ своимъ женамъ, и родившійся отъ нея сынъ Менелекъ воспитывался въ Іерусалимѣ. Когда онъ выросъ, знатные евреи, предвидя политическія замѣшательства, попросили царя отослать его къ матери. Царь Соломонъ согласился съ условіемъ, чтобы каждый изъ евреевъ послалъ вмѣстѣ съ Менелекомъ въ Абиссинію и своего первороднаго сына. Въ Абиссиніи Менелекъ сталъ царемъ, а его израильскіе товарищи поженились на туземкахъ, и такимъ образомъ возникла новая нація.“ Въ Сѣверной Африкѣ, въ Марокко, евреи усвоили много мѣстныхъ обычаевъ, напр., браки малолѣтнихъ, но въ то же время цѣломудренная чистота ихъ жизни представляетъ рѣзкій контрастъ съ жизнью ихъ соотечественниковъ. Въ Алжирѣ авторъ насчитываетъ до 5000 евреевъ. Въ заключеніе авторъ, указавъ на то, что тиранніи и изгнаніямъ не удалось истребить евреевъ, выражаетъ вѣру въ будущность еврейскаго народа. *А. Элькиндъ.*

I. Коварскій. Физическое развитіе древнихъ евреевъ въ сравненіи съ современными. „Будущность“, 1900 г., №№ 20, 21, 22.

Авторъ приводитъ рядъ библейскихъ свидѣтельствъ, указывающихъ на значительно развитый гигіеническій строй древнихъ евреевъ, благодаря чему дѣти воспитывались у нихъ въ атмосферѣ, весьма содѣйствовавшей физическому благосостоянію; далѣе онъ излагаетъ историческіе факты героизма древнихъ евреевъ и проявленія ими большой физической силы, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ дѣлаетъ заключеніе, что „физическое развитіе древнихъ евреевъ стояло, несомнѣнно, очень высоко; они были близки къ идеалу, рисовавшемуся всѣмъ народамъ въ эпоху преобладанія тѣла надъ духомъ. Но такъ какъ и духовная сторона еврея была развита въ достаточно сильной степени, то древній еврей вполнѣ оправдывалъ классическое изреченіе: „mens sana in corpore sano“. Упомянувъ затѣмъ о констатированномъ разными изслѣдователями фактѣ отсталости современныхъ евреевъ въ физическомъ развитіи, авторъ призываетъ къ необходимости бороться съ этимъ зломъ путемъ устройства физическихъ упражненій, распространенія разумныхъ свѣдѣній о физическомъ воспитаніи и пр. *А. Элькиндъ.*

Годъ 1-й. Кн. IV.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

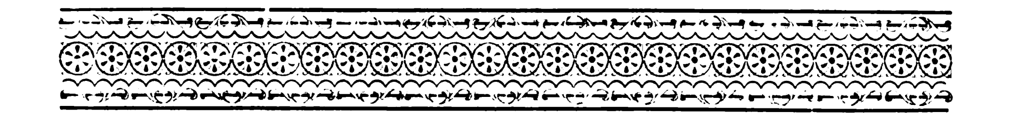
1900 г., №. 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К⁰, Москва, Петровка, домъ Обидиной.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

(Продолженіе).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Извѣстія временъ династіи Младшихъ Ханей и троецарствія, I, II и III вѣковъ по Р. Х. Краткія свѣдѣнія и необходимѣйшія замѣчанія объ источникахъ китайскихъ извѣстій позднѣйшаго времени до X вѣка.

Со времени двукратнаго похода китайцевъ въ Давань (104—101 г. до Р. Х.) оазисы Вост. Туркестана, составлявшіе ранѣе, почти каждый, особое владѣніе и признававшіе господство хунновъ, перешли постепенно подъ власть Китая. Внутреннее управленіе осталось прежнее. Китайское правительство ограничивалось утвержденіемъ владѣтелей и важнѣйшихъ въ каждомъ владѣніи должностныхъ лицъ, получавшихъ свои мѣста по существовавшимъ издавна порядкамъ, снабжая ихъ отъ себя печатями. Число должностныхъ лицъ Западнаго края, «получавшихъ отъ китайскаго двора печати съ кистями, простиралось (при Старшихъ Ханяхъ) до 376 человѣкъ» [1]). Въ помѣщенныхъ въ «Хань-шу» описаніяхъ подвластныхъ владѣній, съ большою видимо тщательностью, означены полагающіяся въ каждомъ должностныя лица. Въ Пишани показано пять должностныхъ лицъ, съ китайскими названіями, и переводчикъ, но за исключеніемъ Пули, [2])— гдѣ означены должностными лицами мѣстный владѣтель (х э у, т. е. князь, слово китайское) и д у-ю й (тоже китайское названіе, значащее «начальникъ отдѣльнаго гарнизоннаго отряда» [3]),—въ цзыхэскихъ владѣніяхъ и лежа-

[1]) 96-я книга „Хань-шу" въ „Собраніи свѣдѣній" и пр., часть 3, стр. 100 и 98.
[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тоже, стр. 102. W y l i e, p. 32, переводитъ хэу чрезъ a M a r q u i s, a ду-юй чрезъ a P r o t e c t o r G e n e r a l.

щихъ далѣе на западъ должностныхъ лицъ не означено, изъ чего слѣдуетъ заключить, что китайская власть надъ ними была только номинальная. Подтверждаетъ это и приведенное нами выше изъ доклада Дунъ Киня упоминаніе о томъ, что «отъ Пишани на югъ», или, точнѣе, на пути въ Гибинь, «находится до пяти государствъ, независимыхъ отъ Китая» [1]. Во время смутъ, сопровождавшихъ паденіе Старшихъ Ханей, въ началѣ I вѣка по Р. Х., Вост. Туркестанъ отложился и подчинился усилившимся хуннамъ [2]). Хотя уже въ 48 г. послѣ Р. Х. силы хунновъ ослабѣли, вслѣдствіе раздѣленія владѣтельнаго дома и народа на двѣ враждебныя орды, изъ которыхъ южная поддалась китайцамъ [3]), но первая при Младшихъ Ханяхъ попытка возстановленія китайской власти въ Западномъ краѣ была неуспѣшна: въ 75 г. владѣтели Куча и Карашара напали на возстановленнаго въ предшествовавшемъ году намѣстника Западнаго края, убили его и уничтожили состоявшій при немъ китайскій отрядъ [4]). Однако смуты у хунновъ въ 80-хъ годахъ и нанесенныя имъ въ 89 и 90 гг. китайцами пораженія привели къ окончательному паденію хунновъ, и китайское владычество надъ Вост. Туркестаномъ могло, наконецъ, возстановиться въ 91 году [5]). Въ этомъ году находившійся уже передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Юйтяни, «для успокоенія западныхъ владѣній», полководецъ Бань Чао назначенъ былъ правителемъ Западнаго края «въ должности ду-юй», съ пребываніемъ въ Кучѣ [6]). Въ 105 г. «владѣтели въ Западномъ краѣ отложились». Новое возстановленіе китайскаго господства послѣдовало около 123 г., съ назначеніемъ сына вышеупомянутаго Бань Чао Бань Юна управляющимъ Западнымъ краемъ въ должности **чжанъ-ши**, т.-е. «пограничнаго правителя». Въ 127 г. Бань Юнъ «опять покорилъ Харашаръ», послѣ чего остальныя владѣнія Вост. Туркестана «добровольно поддались, но Усунь и владѣнія, лежащія отъ Луковыхъ горъ на западъ, отторглись совершенно». Съ 133 г. постепенно отложились и владѣнія Вост. Туркестана и владычество въ немъ Китая прекратилось на многіе вѣка [7]).

Въ предисловіи или введеніи къ содержащемуся въ 118 книгѣ «Хэу-Хань-шу» [8]),—т.-е. исторіи второй или младшей династіи Хань,—описанію

[1]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3. стр. 51. По Li-taï-ni-sse-nian-pao, кн. 27, докладъ Дунъ-Киня относится къ 25 г. до Р. Х. (Ed. Specht, въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. 163).

[2]) Предисловіе къ описанію Западнаго края въ „Исторіи младшей династіи Хань“, по переводу о. Іакинфа, въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 3. стр. 101.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 1. стр. 116 и слѣд.

[4]) Тамъ же, ч. 3. стр. 102.

[5]) Тамъ же, ч. 1. стр. 128 и слѣд., и ч. 3. стр. 103.

[6]) Тамъ же, ч. 3, стр. 103.

[7]) Тамъ же, стр. 103, 104 и 112.

[8]) „Хэу-Хань-шу“ написана ученымъ династіи Лю-Сунъ (420—479 г.) по имени Фань-Хуа (Fan Yeh, по проф. Fr. Hirth, въ China and the Roman Orient, Shanghai, 1885, p. 3), сократившимъ разныхъ историковъ („Собраніе свѣдѣній“ и

Западнаго края, между прочимъ, значится: «Ниже слѣдуютъ записки о Западномъ краѣ, составленныя правителемъ Бань Юнъ» въ 125 г. [1]) Хотя въ помѣщенныхъ затѣмъ описаніяхъ отдѣльныхъ владѣній встрѣчаются свѣдѣнія и даты позднѣе 125 г., значитъ, есть и добавленія къ запискамъ Бань Юна, но такъ какъ Китай при Младшихъ Ханяхъ, повидимому, совсѣмъ не отправлялъ посольствъ въ западныя страны отъ двора и лишенъ былъ вслѣдствіе этого весьма важнаго источника достовѣрныхъ свѣдѣній, которымъ правительство и потомъ историки пользовались за время Старшихъ Ханей, то надо полагать, что записки Бань Юна дѣйствительно были почти единственнымъ матеріаломъ «Исторіи Младшихъ Ханей» для описанія западныхъ странъ. Изъ описанія этого, между прочимъ, видно, что во времена упадка китайскаго владычества между владѣніями Вост. Туркестана возникали войны, вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ владѣній подчинить себѣ сосѣднія. Первымъ усилился и подчинилъ себѣ почти всѣ остальныя Согюй (Яркендъ) при Хянѣ (33—61 гг.), получившемъ отъ подчиненныхъ владѣній титулъ шаньюя, который носилъ государь хунновъ; въ числѣ завоеваній его упоминается владѣніе Сиѣ, владѣльца котораго онъ убилъ, назначивъ на его мѣсто своего племянника; онъ заставилъ также платить себѣ дань владѣльца Давани (Ферганы); когда же тотъ сталъ уплачивать дань неисправно, то Хянь пошелъ съ нѣсколькими десятками тысячъ войска въ Давань, низложилъ явившагося къ нему даваньскаго владѣльца и назначилъ на его мѣсто одного изъ владѣльцевъ Вост. Туркестана, и лишь неоднократныя нападенія на Давань кангюйцевъ побудили его возвратить Давани прежняго владѣтеля, подъ условіемъ исправнаго платежа дани въ прежнемъ размѣрѣ [2]). Въ 60 г. возмутилось противъ Хяня владѣніе Юйтянь (Хотанъ); въ слѣдующемъ году Хянь былъ взятъ въ плѣнъ и черезъ годъ убитъ; Хотану подчинились 13 владѣній, въ томъ числѣ Согюй и Пишань [3]). Съ 120-хъ годовъ преобладаніе перешло къ Сулэ (Кашгаръ [4]).

По выше намѣченнымъ причинамъ, свѣдѣнія Младшихъ Ханей о западныхъ странахъ вообще были довольно скудны, а потому описаніе Западнаго края въ ихъ исторіи во многомъ уступаетъ цянь-ханьскому. Изъ при-памирскихъ владѣній описываются въ немъ только три цзыхэскихъ. Именно, послѣ упоминанія, въ описаніи владѣнія Юйтянь, что изъ него черезъ Пишань «идетъ дорога въ Сиѣ, Цзыхэ и Дэжо», помѣщено слѣдующее: «Сиѣ. Владѣніе Сиѣ иначе называется Піаоша; лежитъ отъ

пр., ч. I, стр. XVI), чрезъ два вѣка послѣ паденія Младшихъ Ханей. Отдѣлъ объ иностранныхъ государствахъ, гдѣ находится описаніе Западнаго края, составленъ ученымъ Chih (Hirth, тамъ же, p. 7).

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 108.

[2]) Тамъ же, стр. 122—125.

[3]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 126—128, 122 и 111.

[4]) Тамъ же, стр. 129 и 130.

Ло-янъ въ 14.400 ли. Народонаселеніе состоитъ изъ 2.500 семействъ, 10.000 д; строевого войска 3.000 человѣкъ. Тамъ растетъ ядовитая бѣлая трава; туземцы варятъ ее и составляютъ ядъ, которымъ намазанное копьецо стрѣлы смертельно уязвляетъ. Въ исторіи старшей династіи Хань ошибочно сказано, что Сиѣ и Цзыхэ суть одно и то же владѣніе. Нынѣ каждое изъ сихъ двухъ владѣній имѣетъ своего владѣтеля». Претензія составителей хэу-ханьскаго описанія Западнаго края находить ошибки въ цянь-ханьскомъ описаніи, при скудости свѣдѣній даже за собственное время, должна быть признана рѣшительно неосновательною: нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при Старшихъ Ханяхъ владѣтель Сиѣ былъ владѣтелемъ и Цзыхэ, и носилъ титулъ цзыхэскаго, при Младшихъ же Ханяхъ Сиѣ и Цзыхэ составляли отдѣльныя владѣнія. О «бѣлой травѣ», по китайски бай-цао, о. Іакинфъ замѣчаетъ, что это «неизвѣстное растеніе». Можетъ быть, это та же самая бѣлая трава, которая произрастала въ Уча (Уто) по ханьскому описанію [1]), безъ указанія на ея ядовитость и употребленіе. Далѣе: «Цзыхэ». «Мѣстопребываніе владѣтеля находится въ Хугяни, въ 1.000 ли отъ Сулэ. Народонаселеніе состоитъ изъ 350 семействъ, 4.000 душъ; строеваго войска 1.000 человѣкъ». Наконецъ «Дэжо. Дэжоское владѣніе имѣетъ около 100 семействъ, 670 душъ; строеваго войска 350 человѣкъ. На востокъ до мѣстопребыванія правителя 3.530, до Ло-янъ 12.150 ли. Земли смежны съ цзыхэскими, да и обыкновенія одинаковы. Изъ Пишиная на юго-западъ чрезъ Учжя. Висячій переходъ и Гибинь 60 дней пути до владѣнія Угэшаньли» [2]). Изъ приведенныхъ данныхъ ясно, что новое маленькое цзыхэское владѣніе Дэжо должно было примыкать къ влад. Цзыхэ съ запада или сѣверо-запада. Если ханьское Сиѣ соотвѣтствуетъ приблизительно нынѣшнему Юлъарыку, а Цзыхэ Кокъяру, то Дэжо должно было находиться гдѣ-нибудь на западѣ или сѣверо-западѣ отъ Кокъяра въ бассейнѣ Яркендъ-дарьи. Въ описаніи владѣнія Согюй (Яркендъ) той же «Хэу-Хань-шу» сказано, что это владѣніе «на западъ простирается черезъ Сэрлыкъ и Цитеръ до Б. Юечжы» [3]). Въ подлинникѣ, вмѣсто Сэрлыкъ и Цитеръ, мѣстностей новаго времени, къ которымъ о. Іакинфъ, слѣдуя составителямъ «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи», пріурочиваетъ ханьскія владѣнія Пули и Улэй [4]), должны стоять эти послѣднія имена, изъ чего оказывается, что цзыхэскія владѣнія Пули и Улэй

---

[1]) Хотя эта бѣлая трава пропущена въ переводѣ о. Іакинфа, но, кромѣ перевода Wylie, она значится и въ переводѣ отрывковъ изъ „Си-юй-ту-чжи“ Эмбо Юара, гдѣ цитировано это мѣсто „Хань-шу“ (Recueil de documents sur l'Asie centrale, etc., 1881, p. 199).

[2]) „Собраніе свѣдѣній“ и пр., ч. 3, стр. 113 и 114.

[3]) Тамъ же, стр. 121 и 122.

[4]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3. Топографическій указатель. стр. 65. 5 и 92. О. Іакинфъ смѣшалъ, между прочимъ, два Улэя: одинъ, цзыхэское кочевое владѣніе, находилось на Памирѣ, другой же, служившій резиденціею кит. намѣстника, расположенъ былъ около сѣверн. береговъ Тарима.

продолжали существовать и во время Младшихъ Ханей. Вмѣстѣ съ тѣмъ нахожденіе Пули и Улэя къ западу отъ Яркенда, въ направленіи къ землямъ юечжей, занимавшихъ оба берега Аму-дарьи, показываетъ, что наше пріуроченіе Пули къ Кинколу и Улэя къ Памиру правильно. Упомянутая смежность подвластныхъ Согюю земель съ владѣніями юечжей, — существовавшая, конечно, лишь во время наибольшаго могущества Согюя, при вышеупомянутомъ Хянѣ, властвовавшемъ и надъ Ферганой, — побуждаетъ выяснить предѣлы владѣній юечжей на востокъ, сколько это возможно, по имѣющимся китайскимъ извѣстіямъ.

Если сообразить съ приведеннымъ мѣстомъ хэу-ханьскаго описанія Согюя объясненіе введенія къ описанію Западнаго края той же «Исторіи Младшихъ Ханей» объ южной и сѣверной дорогахъ на западъ, то представляется вѣроятнымъ, что южная дорога, шедшая чрезъ Яркендъ, направлялась далѣе въ Б. Юечжы чрезъ Пули и Улэй. Именно, повторяя такія же свѣдѣнія «Цянь-Хань-шу», введеніе говоритъ, что дорога, «идущая по сѣверную сторону южныхъ горъ по направленію рѣки до Яркяна, называется южною дорогою, которая, по переходѣ за Луковыя горы, ведетъ въ государства Б. Юечжы и Аньси; идущая... подлѣ сѣверныхъ горъ по направленію рѣки на западъ до Кашгара называется сѣверною дорогою, которая, по переходѣ черезъ Луковыя горы, идетъ въ Давань, Кангюй, Яньцай и Харашаръ» («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 109 и 110). Невозможное помѣщеніе Харашара [1]) за Луковыя горы не мѣшаетъ пользоваться этими ханьскими извѣстіями въ остальномъ. Если сѣверная дорога вела изъ Кашгара въ Давань и т. д., то она должна была пролегать вверхъ по Кызылъ-су на Ошъ и далѣе по Ферганѣ. Южная же дорога изъ Яркенда, въ виду хэу-ханьскаго указанія на распространеніе яркендскаго владѣнія до Б. Юечжы чрезъ Пули и Улэй, должна была, повидимому, направляться черезъ Кинколъ, Малый Каракуль, Рангъ-куль, Кызылъ-

---

[1]) Полный переводъ хэу-хяньскаго описанія Западнаго края данъ до сихъ поръ лишь о. Іакинфомъ. Вмѣсто „Харашаръ" въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ „Цянь-Хань-шу" стоитъ Яньци („Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 34), въ переводѣ же Wylie (p. 21) Yen-ke, причемъ англійскій синологъ перенесъ это имя въ слѣдующее предложеніе: „Въ Янь-ки и другихъ государствахъ Западнаго края ведутъ осѣдлую жизнь" и т. д. Сдѣлать подобный переносъ въ переводѣ текста „Хэу-Хань-шу" невозможно, потому что послѣ слова „Харашаръ" у о. Іакинфа поставлена точка и затѣмъ слѣдующая фраза, къ которой прицѣпить Янь-ки рѣшительно не приходится: „Изъ Юй-мынь" (крѣпости на границѣ китайскихъ земель около нынѣшняго Ша-чжеу) „по дорогѣ черезъ Шаньшань" (около Лобъ-нора). „Гюймо и Цзиньгюе 3.000 ли до Гюйми" (стр. 110), т. е. до нынѣшней Керіи. „Отъ Гюйми на западъ до Хотана 390 ли" (стр. 111), по Гренару же,—Mission scientifique, partie 2, p. p. 217—218,—отъ Хотана до Керіи $162^1/_2$ килом., т. е. $152^1/_3$ в., такъ что, если Гюйми находилось на мѣстѣ Керіи, то 1 в. равняется 2,56 хэу-ханьскихъ равнинныхъ ли. Если бы Янь-ки находилось только въ текстѣ „Хэу-Хань-шу", то, быть можетъ, возможно было бы объяснять его появленіе ошибкою или опискою вмѣсто владѣнія Янь, которое описывается, какъ лежащее на сѣверѣ отъ Яньцая (стр. 121), но историкамъ Старшихъ Ханей это Янь было, повидимому, неизвѣстно, потому что совсѣмъ у нихъ не упоминается (см. стр. 58, у Wylie p. 44).

артъ, Алай и Каратегинъ на Аму-дарью. Направленіе изъ Княжа на Б. или Малый Памиръ, а затѣмъ черезъ Ваханъ и Бадахшанъ, мало вѣроятно, потому что тогда необъяснимъ напрасный крюкъ южной дороги на Яркендъ вмѣсто пути изъ Хотана на Пишань и Уча-Ташкурганъ по гибиньской дорогѣ до Сархада. Нѣкоторую связь съ направленіемъ дороги въ Б. Юечжы должно бы имѣть расположеніе восточныхъ юечжійскихъ княжествъ, а потому будетъ умѣстнымъ разсмотрѣть китайскія о нихъ свѣдѣнія.

Въ «Цянь-Хань-шу» юечжы [1]) описываются, какъ кочевой народъ изъ 100 т. семействъ съ 100 т. войска, покорившій Дахя. «Дахя собственно не имѣетъ верховнаго государя, а каждый городъ поставляетъ своего владѣтеля. Народъ слабъ и боится войны, почему и покоренъ пришедшими юечжыйцами. Находится пять Хи-хэу, которые доставляютъ китайскимъ посланникамъ съѣстные припасы». Таковъ переводъ о. Іакинфа, который перечисляетъ хи-хэу, поясняя, что это «китайскій титулъ княжескаго достоинства» и что «это удѣльные князья юечжыскаго дома», и заканчиваетъ переводъ статьи «Большой Юечжы» слѣдующимъ: «Сіи пять владѣтелей состоятъ въ зависимости отъ Б. Юечжы». По переводу Wylie, въ «Ta-hea изъ-начала (originally) не имѣлось верховнаго главы, а по обычаю поставлялись мелкіе начальники въ городахъ. Но народъ былъ слабъ и боялся войны. Поэтому, когда подступили къ нихъ странѣ юечжійцы, they all become their vassals, and they presented a united petition to Chinese envoy. They have five Heïh-hows». Послѣ перечисленія хи-хэу, въ заключеніе сказано: «These five Heïh-hows are all dependents of the Ta-Yuë-she». Переводъ Ed. Specht: «Первоначально Дахя не имѣла государя или общаго главы (un souverain ou un magistrat principal), каждый городъ, каждое мѣстечко (bourgade) управлялись своимъ (особымъ) начальникомъ (magistrat). Населеніе было слабое и боялось войны. Когда прибыли юечжи, оно покорилось. Есть (Il y a) пять княжествъ» (principautés). Далѣе слѣдуетъ перечисленіе хи-хэу, какъ у Іакинфа и Wylie, съ поясненіемъ, что «эти пять княжествъ зависятъ отъ Б. Юечжы».

Итакъ, въ переводѣ французскаго синолога совсѣмъ отсутствуетъ мѣсто, въ которомъ у русскаго и у англійскаго переводчиковъ упоминается о китайскихъ посланникахъ или послѣ. Нельзя однако допустить, чтобы два послѣднихъ вымыслили это мѣсто, притомъ независимо одинъ отъ другого. Приходится полагать, что оно существуетъ въ подлинникѣ «Цянь-Хань-шу», хотя одинъ изъ двухъ переводчиковъ перевелъ его ошибочно, третій же почему-то пропустилъ, если и имѣлъ предъ глазами подлинный текстъ. Ошибочнымъ представляется переводъ Wylie, такъ

---

[1]) Имѣются переводы статьи Б. Юечжы изъ I части 96 книги „Цянь-Хань-шу“ въ „Собраніи свѣдѣній“, ч. 3, стр. 54—56, у Wylie, p. p. 40—41, и Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. p. 322—323.

какъ ни о какомъ китайскомъ послѣ въ статьѣ о Б. Юечжы не упоминается ни ранѣе, ни послѣ приведенныхъ строкъ, и сверхъ того въ китайскихъ извѣстіяхъ о первомъ и единственномъ, сколько извѣстно, китайскомъ послѣ, который велъ съ юечжійцами политическіе переговоры, между прочимъ въ біографіи этого посла, именно Чжанъ Цяня, переведенной Wylie (The Journal of the Anthropological Institute of Gr. Britain, 1880, vol. X, pp. 66—73), нѣтъ ничего подобнаго. Трудно и допустить, чтобы подвластное юечжійскому государю населеніе Дахя обратилось съ какою-либо общею просьбою къ посланцу иностраннаго государства, безуспѣшно домогавшагося отъ юечжей союза противъ хунновъ и возвращенія въ прежнее мѣсто обитанія этого народа близъ границъ Китая. Напротивъ, разсматриваемое мѣсто въ переводѣ о. Іакинфа представляется въ вполнѣ понятномъ и естественномъ смыслѣ: многочисленные въ царствованіе императора Ву-ди китайскіе посланники, отправлявшіеся въ Аньси (Парфянское царство) и во владѣнія селевкидовъ и римлянъ за рѣдкостями запада, въ передній и обратный путь, вступая въ предѣлы земель юечжей, должны были неизбѣжно обращаться къ пограничнымъ начальникамъ съ просьбами относительно пріобрѣтенія съѣстныхъ припасовъ, проводниковъ и перевозочныхъ средствъ, а потому въ донесеніяхъ своихъ должны были часто упоминать объ этихъ начальникахъ по поводу различныхъ съ ними столкновеній. Этимъ путемъ китайскому правительству и составителямъ описанія западныхъ странъ и должны были сдѣлаться извѣстными пограничные юечжійскіе князья, съ которыми посланники имѣли дѣло.

Изъ текста «Цянь-Хань-шу», въ томъ видѣ, какъ содержаніе его представляется по переводамъ Іакинфа и Specht'а, нельзя основательно заключить, что хи-хэу Хю-ми (Hieou-mi, а у Wylie Heu-mih), имѣвшій пребываніе въ городѣ Хо-мо (Ho-me, у W. Ho-mih), въ 2.841 ли отъ мѣстопребыванія китайскаго намѣстника и 7.802 ли отъ китайской пограничной заставы Янъ-гуань по всѣмъ тремъ переводамъ, Шуанъ-ми (Chouang-mo, Chwang-me) съ резиденціею въ городѣ Шуанъ-ми (3.741 и 7.782 ли отъ названныхъ пунктовъ), Гуй-шуанъ (Kouei-chouang, Kwei-seang), съ резиденціею въ г. Хо-цзо (Hou-tsao, Hwo-tsaou), (въ 5.940 и 7.982 ли), Хэй-тунь (Hi-thun, Heih-tun) въ г. Бо-мо (Po-mao, Po-maou), (въ 5.962 и 8.202 ли) и Гао-фу (Kao-fou, Kaou-foo), съ резиденціею въ г. Гао-фу (6.041 и 9.283 ли), были единственными родоначальниками или князьями у юечжей или даже только то, что пять хи-хэу составляли собою всѣхъ пограничныхъ начальниковъ. Страннымъ образомъ, «Хэу-Хань-шу» не только оказывается въ явномъ противорѣчіи по этому предмету съ «Исторіею Старшихъ Ханей», но въ одномъ случаѣ прямо обвиняетъ послѣднюю въ невѣрности ея утвержденій: «Когда домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на

пять княжескихъ домовъ: Хюми, Шуанми, Гуйшуанъ, Хисѣ (Hi-thun) и Думи (Tou-mi). По прошествіи съ небольшимъ ста лѣтъ гуйшуанскій князь Кіоцзюкю покорилъ прочихъ четырехъ князей и объявилъ себя государемъ подъ названіемъ гуйшуанскаго. Онъ началъ воевать съ Аньси, покорилъ Гаофу, уничтожилъ Пуду и Гибинь и овладѣлъ землями ихъ. Кіоцзюкю жилъ болѣе 80 лѣтъ. По смерти его сынъ Яньгаочжень получилъ престолъ, и еще покорилъ Индію, управленіе которой вручилъ одному изъ своихъ полководцевъ». Въ статьѣ о Гаофу говорится между прочимъ: «Владѣніе Гаофу попеременно находилось подъ зависимостью другихъ. Его покоряли Индія, Гибинь и Аньси, когда усиливались; а когда ослабѣвали, то теряли, но никогда еще оно не было подъ зависимостью Б. Юечжы. Исторія Старшаго дома Хань увѣряетъ, что Гаофу находилось подъ зависимостью (одного изъ) пяти юечжискихъ князей. Это несправедливо. Оно было подъ зависимостью Аньси, а Юечжы пріобрѣлъ Гаофу съ покореніемъ Аньси» [1]). Такъ какъ составители «Хэу-Хань-шу» не дали никакихъ доказательствъ правильности своихъ утвержденій, то для возможнаго выясненія—чьи показанія ближе къ дѣйствительности — необходимо остановиться на слѣдующихъ обстоятельствахъ: составитель «Цянь-Хань-шу» Бань Гу и заканчивавшая, за смертію его въ 92 г. по Р. Х., нѣкоторые отдѣлы этой исторіи сестра его [2]), кромѣ собранныхъ въ 74—39 г. до Р. Х. китайскимъ правительствомъ спеціально матеріаловъ для описанія западныхъ странъ, могли пользоваться донесеніями столь многочисленныхъ при Старшихъ Ханяхъ посольствъ, а также, для сличенія архивныхъ данныхъ съ современными свѣдѣніями о Западномъ краѣ, прибѣгать къ словеснымъ и письменнымъ сообщеніямъ младшаго брата Бань Гу, правившаго Западнымъ краемъ съ 83 г. [3]), Бань Чао. Такимъ образомъ составители «Цянь-Хань-шу» обладали очень недурными средствами имѣть вѣрныя свѣдѣнія, и допустить ошибки съ ихъ стороны затруднительно. Напротивъ, весьма мало вѣроятно, чтобы редакторы «Хэу-Хань-шу», составлявшіе послѣднюю чрезъ четыре столѣтія послѣ паденія Старшихъ Ханей, имѣли, помимо «Цянь-Хань-шу» и источниковъ, извѣстныхъ составителямъ послѣдней, достовѣрныя свѣдѣнія за время Старшихъ Ханей, когда даже за время Младшихъ Ханей источники ихъ были скудны, ограничиваясь, главнымъ образомъ, о западныхъ странахъ,

---

[1]) Переводъ Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній", ч. 3, стр. 118 и 119, а также согласный съ нимъ во всемъ существенномъ переводъ Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p. p. 324—326.

[2]) Іакинфъ въ „Собраніи свѣдѣній", ч. 1, стр. XV, утверждаетъ, что по смерти Бань-Гу окончаніе его труда поручено было его зятю, но по свѣдѣніямъ Mailla (Histoire générale de la Chine, t. 1, p. XXVIII), Hirth'a (China and the Roman Orient, p. 3), Specht'a (Journal asiatique, 1897, t. X, p. 182) и многихъ другихъ окончаніе „Цянь-Хань-шу" возложено было на сестру Бань-Гу. По Specht'y (тамъ же), отдѣлъ о западныхъ странахъ былъ написанъ весь рукою самого Бань-Гу, сестрѣ же его привелось оканчивать нѣкоторые другіе отдѣлы.

[3]) Ed. Specht, тамъ же, p. 183.

записками Бань Юна, составленными въ 125 г. по Р. Х. Если затѣмъ принять во вниманіе обязательное у китайцевъ почтительное отношеніе къ старшимъ родственникамъ, то окажется сомнительнымъ, чтобы Бань Юнъ сталъ возводить противъ своего дяди или тетки обвиненія въ допущеніи невѣрностей въ ихъ историческомъ трудѣ, а потому приходится предполагать, что редакторы «Хэу-Хань-шу» сдѣлали свои поправки и опроверженія свѣдѣній «Исторіи Старшихъ Ханей» вслѣдствіе какихъ-нибудь собственныхъ недоразумѣній или полагаясь на какія-нибудь незаслуживающія довѣрія мнѣнія или извѣстія. Такого, надо думать, взгляда держались на разсматриваемыя поправки и опроверженія редакторовъ «Исторіи Младшихъ Ханей» составители «Исторіи династіи Юань-Вэй» (а также составители Бэй-шы, заимствовавшіе изъ «Вэй-шу» отождествленія, о которыхъ будетъ рѣчь сейчасъ), описывая пять современныхъ владѣній V или начала VI вѣка, бывшихъ, по ихъ завѣренію, землями пяти хи-хэу временъ Старшихъ Ханей, причемъ въ числѣ пяти оказывается Гаофу и отсутствуетъ Думи, которымъ Фань Хуа замѣнялъ Гаофу, должно быть для того, чтобы сохранилась цифра пяти. Разумѣется, составителямъ «Цянь-Хань-шу», по описанію которыхъ юечжійцы были народомъ кочевымъ и скотоводческимъ, сходнымъ по обычаямъ съ хуннами («Собр. свѣд.», стр. 54), было не менѣе, чѣмъ редакторамъ «Хэу-Хань-шу», извѣстно, что они дѣлились на роды съ родоначальниками во главѣ или князьями, но, за неимѣніемъ ли полныхъ свѣдѣній или не считая нужнымъ вносить въ исторію перечень многочисленныхъ всегда родовъ у кочевого народа, они ограничились указаніемъ тѣхъ пограничныхъ родоначальниковъ или князей, о которыхъ чаще упоминалось въ донесеніяхъ китайскихъ посланниковъ. Что это были именно пограничные князья, это явствуетъ, какъ изъ того, что они доставляли посланникамъ съѣстные припасы,—въ чемъ внутри страны едва ли была надобность, такъ какъ китайцы могли покупать все нужное на базарахъ городовъ и селеній,—такъ и изъ вѣроятнаго, какъ увидимъ, нахожденія всѣхъ или большей части владѣній пяти хи-хэу [1]) дѣйствительно на границахъ владѣній юечжей времени Старшихъ Ханей.

---

[1]) По догадкамъ проф. Ф. Хирта (Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, von D-r W. Radloff, zweite Folge, St.-Petersbourg, 1899. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, von Prof. Dr. Friedrich Hirth, S. 47—50), титулъ hi-hóu тождественъ съ титуломъ я б-г у древнихъ тюркскихъ народовъ, начиная съ хунновъ, лишь въ иной китайской транскрипціи. Появился этотъ титулъ у китайцевъ, по его мнѣнію, около 123 г. до Р. Х., когда онъ дарованъ былъ передавшемуся китайцамъ знатному хунну Чжао Синь, и могъ быть переводимъ Markgraf von Hi, гдѣ подъ Hi разумѣлась бы одна мѣстность этого имени на правомъ берегу Yang-tzi, къ югу отъ Chin kiang. Но на самомъ дѣлѣ, какъ полагаетъ Хиртъ, это была лишь передача въ китайской транскрипціи тюркскаго титула яб-гу китайскими знаками, имѣющими подходящіе звуки, а не дѣйствительный переводъ. Всѣ эти остроумныя догадки имѣютъ основанія, но могутъ встрѣтить и серьезныя затрудненія (напр., въ отсутствіи титула хи-хэу въ двухъ подробныхъ перечисленіяхъ титуловъ и высшихъ должностей у хунновъ, см. въ „Собр. свѣд.", ч. I, стр. 14,

Въ «Бэй-шы»,—по переводу о. Іакинфа въ «Собраніи свѣдѣній» и пр., ч. 3, стр. 171 и 172,—имѣются заимствованныя, видимо, по полной тождественности, изъ «Вэй-шу», составленной на-много ранѣе, описанія пяти владѣній (переводъ изъ 102 книги «Вэй-шу» данъ Ed. Specht'омъ въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p.p. 331 — 332), въ которыхъ однообразно сказано: «Жители обитаютъ въ горныхъ долинахъ» (у Specht'a: les habitants demeurent au milieu des montagnes et des vallées). Въ каждомъ описаніи показано разстояніе резиденціи отъ Дай, т.-е. столицы сѣвернаго Китая временъ династіи Юань-Вэй (386 — 534 г.). Остальное же содержаніе описаній слѣдующее:

Гапэй (у Sp. Kia-pei) есть древній владѣтельный домъ Сюми хи-хэу (по Specht'у principauté de Hieou-mi). Резиденція въ городѣ Хомо (Ho-mo), отъ Яркяна на западѣ, отъ Дай въ 13.000 ли.

Чжесѣмосунь (Tche-sei-mo-sun) есть др. влад. домъ Шуаньми хи-хэу (Chouang-mo). Резиденція въ городѣ Шуаньми, отъ Гапэя на западѣ, отъ Дай въ 13.500 ли.

Цяньдунь (Kien-tum) есть древній влад. домъ Гуйбо хи-хэу (у Sp., какъ и въ его же переводѣ изъ «Цянь-Хань-шу», Kouei-chouang). Резиденція въ городѣ Хоцзао (Hou-tsao), отъ Чжесѣмосуни на западѣ; отъ Дай въ 13.560 ли.

Фудиша (Fo-ti-cha) есть древній владѣт. домъ Ситунь (Hi-thun) хи-хэу. Резиденція въ Бомао (Po-mao), отъ Цяньдуни на западѣ, отъ Дай въ 13.660 ли.

Яньфогѣ (Yen-feou-ye) есть древній владѣт. домъ Гаофу (Kao-fou) хи-хэу. Резиденція въ городѣ Гаофу, отъ Фудиши на югѣ, отъ Дай въ 13.760 ли.

Къ этому надо еще прибавить, что, по введенію къ содержащемуся въ 97 книгѣ «Бэй-ши» описанію Западнаго края, одна изъ дорогъ, ведущихъ за Цунлинъ, «лежитъ отъ Яркяна на западъ до Луковыхъ горъ 100 ли, и отъ Луковыхъ горъ на западъ 1.300 ли до Габей», а другая дорога «идетъ отъ Яркяна на юго-западъ 500 и отъ Луковыхъ горъ на

---

15 и 119). Существованіе титула хи-хэу во всякомъ случаѣ недостаточно для убѣжденія въ принадлежности юечжей къ тюркскимъ народамъ, пока не будутъ представлены другія доказательства, потому что титулъ этотъ могъ быть заимствованъ юечжійцами у сосѣднихъ тюрковъ или и не существовалъ у юечжей, а явился у китайцевъ въ качествѣ перевода юечжійскаго титула на тюркскій языкъ тюркскими переводчиками, которыхъ, вѣроятно, употребляли китайцы въ сношеніяхъ съ юечжійцами. Въ пяти хи-хэу проф. Хиртъ видитъ „пять сатраповъ, правившихъ, въ зависимости отъ главы индо скиѳскаго царства, именовавшагося сыномъ неба (тянь-цзы), извѣстными пограничными областями, которыхъ положеніе точнѣе описано въ „Вэй-шу“ (S. 49). Ни въ одномъ изъ переводовъ и изложеній китайскихъ извѣстій объ Юечжы титула „сынъ неба“ для юечжійскаго государя доселѣ не встрѣчалось. Хи-хэу считаю я князьями пограничныхъ округовъ или областей на иныхъ, выше указанныхъ, основаніяхъ, но переводъ хэу чрезъ Markgraf (у Wylie—Marquis) это заключеніе подтверждаетъ.

юго-западъ же 1.300 ли до Болу»[1]). Такъ какъ подъ Болу китайцы разумѣли въ данное время и позднѣе горныя страны, лежащія на южныхъ склонахъ Хиндукуша, Мустага и Каракорума отъ Читрала по Ладакъ, то шедшая отъ Яркенда на юго-западъ дорога должна была вести въ Канджутъ и Гилгитъ или въ Ясинъ и Читралъ, т.-е. пролегать не западнѣе Б. Памира; западное же направленіе дороги на Габей показываетъ, что она должна была итти на Кинколъ, Рангъ-куль, Кызылъ-артъ и внизъ по Кызылъ-су на Аму-дарью, или отъ Рангъ-куля, болѣе западнымъ путемъ, на пер. Кокуй-бель и затѣмъ на Алтынъ-мазаръ и отсюда на Кызылъ-су или западнѣе чрезъ ущелье р. Мукъ-су на Сурхабъ. Такимъ образомъ юань-вэйская дорога на западъ отъ Яркенда совпадаетъ съ хэу-ханьскою дорогою отъ Яркенда въ Б. Юечжы и Аньси, пролегавшею чрезъ Пули и Улэй въ Каратегинъ. По новѣйшимъ картамъ, разстояніе по намѣченному пути отъ Яркенда до каратегинскаго города Гарма составляетъ около 600 в. или нѣсколько болѣе, что соотвѣтствовало бы юань-вэйскому разстоянію отъ Яркяна до гапэйской столицы Хомо въ 1.400 ли, если бы тогдашняя мѣра ли нормальнѣе приближалась къ нынѣшней, отъ которой въ иныхъ случаяхъ далеко отклоняется. Разстояніе Гапэя отъ столицы Дай должно бы равняться разстоянію отъ Дай до Яркяна [2]) съ добавленіемъ 1.400 ли отъ Яркяна до Гапэя, т.-е. 14.380 ли; между тѣмъ Гапэй означенъ отъ Дай въ 13.000 ли. Такъ какъ Юйтянь (Хотанъ) показанъ въ 9.800 ли отъ Дай («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 144) и Сулэ (Кашгаръ) въ 11.250 ли (стр. 162), то очевидна ошибка въ разстояніи Кюйсо — Яркяна отъ Дай, а потому разстояніе Гапэя отъ Дай можетъ быть показано не далекимъ отъ истиннаго. Если кромѣ направленія и разстоянія отъ Яркенда, указывающихъ на нахожденіе Хюми-Гапэя съ столицею Хомо около Каратегина и главнаго его пункта Гарма, принять въ соображеніе, что Хомо есть весьма возможная китайская транскрипція имени Гармъ и что имя Хюми ханьскихъ временъ очень близко къ имени владѣнія Гуйми танской династіи, тождественнаго съ Kiu-mi-tho Сюань Цзана и занимавшаго, какъ увидимъ впослѣдствіи, приблизительно мѣстность Каратегина, то представляется весьма вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ, что область юечжійскаго хи-хэу Хюми соотвѣтствовала Каратегину или западной его части со включеніемъ Гарма. Оказывающаяся вѣрность опредѣленія въ «Бэй-ши» мѣстонахожденія перваго юечжійскаго княжества ханьскихъ временъ даетъ основаніе полагать и остальныя опредѣленія въ «Бэй-шы» древнихъ юечжійскихъ пограничныхъ княжествъ болѣе или менѣе достовѣрными, хотя мы и не знаемъ — какими источниками и данными составители «Бэй-шы» или точнѣе «Вэй-шу» при этомъ руководствовались.

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 141.

[2]) Кюйсо, „древній городъ Яркянъ“, показанъ въ „Бэй-шы“ отъ Дай въ 12,980 ли („Собр. свѣдѣній“, ч. 3, стр. 147).

Имени Чжесѣмосунь, какъ и имени Гапэй [1]), не сохранилось, сколько извѣстно, въ употребленіи на мѣстахъ и не встрѣчается въ историческихъ извѣстіяхъ, но къ ханьскому имени Шуанми подходитъ имя Сумань (Souman) у Сюань Цзана и Суманъ или Шуманъ у арабскихъ историковъ и географовъ. По Сюань Цзану, на востокъ отъ владѣнія Тами находилось владѣніе Чигояньна, за нимъ владѣніе Холумо, далѣе Сумань и за нимъ, все на востокъ, Хуша [2]). По сходству именъ и расположенію, въ этихъ владѣніяхъ европейскими комментаторами узнаны встрѣчающіяся потомъ у мусульманскихъ писателей области Тармизъ, Саганіанъ, Ахарунъ, Суманъ или Шуманъ и Вашгирдъ [3]). Такъ какъ по Истахри и Ибнъ-Хаукалу, отъ Тармиза до Чаганіана 4 дня пути, отъ послѣдняго до Шумана 2 дня и отъ него до Вашгирда тоже 2 дня [4]), то,—въ виду нахожденія отъ развалинъ Тармиза въ 120 в. съ небольшимъ [5]) города Денау, отъ него въ 66 в. [6]) Каратага, далѣе въ 50½ в. [7]) Дюшамбе, потомъ въ 30 верстахъ [8]) Кафирнихана и, наконецъ, въ 25½ в. [9]) Файзабада,—слѣдуетъ принять съ В. В. Бартольдомъ, что городъ Саганіанъ находился около нынѣшняго Денау [10]), и съ Томашекомъ, что столицы древнихъ владѣній соотвѣтствовали приблизительно: Холумо—г. Каратагу, Шуманъ—г. Дюшамбе и Вашгирдъ—нынѣшнему г. Файзабаду. Разстояніе Шумана отъ Гарма, равняющееся приблизительно 160 в., не неподходяще къ разстоянію отъ Чжесѣмосуни до Хюми-Гапэя, если опредѣлить его разницею разстояній отъ Дай до Чжесѣмосуни-Шуанми въ 13.500 ли и Гапэя-Хомо въ 13.000 ли, т.-е. въ 500 ли. Для родовичей шуманскаго хи-хэу имѣлись бы хорошія

---

[1]) Имя нынѣшняго Кабадіана или Кобадіана, Kio-ho-yen-na Сюань Цзана-Кувадіана у арабскихъ географовъ и историковъ, могло бы считаться подходящимъ къ имени Гапэй, если бы допустить, что въ юаньвэйское время владѣтель Кобадіана обладалъ и Гармомъ, имѣя тамъ, напримѣръ, лѣтнюю резиденцію, но это не совсѣмъ мирится съ пріуроченіемъ Шуанми къ Шуману. Нынѣ отъ Кабадіана до Хиссара 115 в. („Извѣстія И. Р. Г. О“, 1884 г., стр. 597), отъ котораго до Гарма около 180 в

[2]) Mémoires sur les contrées occidentales, etc., trad. par St. Julien, Paris, 1857, t. I, p. p. 22 - 27.

[3]) W. Tomaschek, Centralasiatische Studien. I. Sogdiana, Wien, 1877, S. 41—44.

[4]) Die Post-und Reise-routen des Orients, von A. Sprenger, въ Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, herausgegeben von der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft, B. 3, № 3, Leipzig, 1864, S. 43.

[5]) „Сборникъ геогр. и пр. матеріаловъ по Азіи“, вып. 57, Спб., 1894, стр. 398.

[6]) Тамъ же, стр. 45.

[7]) Id., стр. 350 и 351. Это разстояніе дано по дорогѣ чрезъ Хиссаръ, но прямой путь короче. Равнымъ образомъ изъ Денау въ Дюшамбе существуетъ прямой и болѣе короткій путь, чѣмъ чрезъ Каратагъ. Вслѣдствіе этого отъ Денау до Дюшамбе по прямому пути должно быть не 116½ в., какъ выходитъ чрезъ Каратагъ и Хиссаръ, а только около 80—85 в.

[8]) Тамъ же, стр. 350.

[9]) Id., стр. 349.

[10]) „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, ч. 2, Спб., 1900 года, стр. 74.

зимовки въ хиссарской долинѣ, а равно въ долинѣ Кафирнихана, и отличныя лѣтовки въ горахъ вершинъ Кафирнихана и его притоковъ.

Въ пріуроченіи остальныхъ областей юечжійскихъ хи-хэу цянь-ханьскихъ временъ юань-вэйскія разстоянія отъ Дай помочь могутъ слишкомъ мало, потому что разницы между 13.500 ли, 13.560 ли, 13.660 ли и 13.760 ли такъ незначительны, что едва ли цифры эти сколько-нибудь вѣрны. Остается поэтому руководствоваться направленіями и именами. Не входя въ подробности, умѣстныя въ особомъ изслѣдованіи по исторіи юечжійцевъ или кушановъ, я ограничусь здѣсь тѣмъ, что имя города Хоцзао или Хоцзо близко къ имени нынѣшняго города Гузаръ [1]) и что, поэтому, цянь-ханьское княжество Гуйшуанъ, т.-е. Кушанъ, находилось, вѣроятно, въ бассейнѣ Гузаръ-дарьи и ея верховьевъ, дѣйствительно на западѣ отъ Шуанми-Шумана, какъ указано въ «Вэй-шу». Въ такомъ случаѣ это княжество приходилось на границѣ юечжійскихъ владѣній съ состоящими въ вассальномъ подчиненіи Кангюю владѣніями по Зеравшану (въ томъ числѣ Согдъ) [2]). Думи, которымъ «Хэу-Хань-шу» замѣнила Гаофу, вѣроятно, соотвѣтствуетъ области нынѣшней Кашка-дарьи (Думо, въ «Собр. свѣд.», 3, стр. 247). Что касается остальныхъ двухъ цяньханьскихъ хи-хэу, то имя резиденціи Бомо или Бомао указываетъ на Баміанъ, Гаофу же, на югѣ отъ Баміана, какъ гласятъ свѣдѣнія «Бэйшы» и «Вэй-шу», есть Кабулъ.

Такимъ образомъ области всѣхъ пяти хи-хэу оказываются лежащими на границахъ земель юечжей. Что это не всѣ пограничныя княжества, а только тѣ, съ которыми преимущественно имѣли дѣло китайскіе посланники по поводу потребностей для продолженія пути, это ясно изъ отсутствія упоминанія хи-хэу, которые, безъ сомнѣнія, были въ Бадахшанѣ и на западныхъ границахъ юечжей съ Пареянскимъ царствомъ. Отсутствіе хи-хэу въ сторонѣ Бадахшана свидѣтельствуетъ, что китайскіе послы не ѣздили въ Юечжы путями чрезъ Ваханъ и Шигнанъ. Надо думать, впрочемъ, что земли юечжей въ ханьскія времена не простирались на востокъ далѣе западной части Каратегина и Бадахшана, Ваханъ же, Шигнанъ, Рошанъ и Дарвазъ въ составъ ихъ не входили, ибо, по безлюдности или малолюдности, не представляли никакого интереса даже для юечжей-кочевниковъ, по малому количеству пастбищъ, суровости климата и трудности сообщеній. Путь черезъ Каратегинъ могъ китайскими посланцами предпочитаться дорогѣ чрезъ Фергану и Согдіану по той причинѣ, что страны эти, во время обѣихъ ханьскихъ династій, состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Кангюю, а потому китайцамъ было удобнѣе изъ подчиненныхъ владѣній Таримскаго бассейна слѣдовать въ Юечжы чрезъ

---

[1]) Правильнѣе была бы транскрипція Х у з а р ъ (В. В. Бартольдъ, „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія", Спб., 1900, ч. 2, стр. 135).
[2]) „Собраніе свѣдѣній", ч. 3, стр. 58, 59, 121, 243, 246 и др.

смежный съ ними Хюми Каратегинъ. Что Фергана находилась въ зависимости отъ Кангюя или, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ его вліянія и интересовъ, это видно изъ того, что, какъ уже упоминалось, кангюйцы воспрепятствовали силою оружія яркендскому владѣтелю Хяню (33—61 гг. по Р. Х.) поставлять владѣльцевъ Ферганы по своему усмотрѣнію. По исторіи же Младшихъ Ханей («Собраніе свѣдѣній», ч. 3, стр. 121) «владѣніе Суи» (цянь-ханьское Сусѣ, у Wylie, p. 44, Soo-heae) состояло «въ зависимости отъ Кангюя», который въ это время еще усилился, такъ какъ ему при Младшихъ Ханяхъ подчинилось владѣніе Янь, на сѣверо-западѣ отъ Яньцая (алановъ), вѣроятно угро-финны восточнаго Приуралья, ибо владѣніе Янь платило Кангюю дань мѣхами (тамъ же).

По всей вѣроятности, основанная гуйшуанскимъ Кіоцзюкю воинственная кушанская династія обратила свое оружіе на завоеваніе Гаофу, Гибини и Индіи вслѣдствіе богатства этихъ странъ и военной ихъ слабости, тогда какъ для овладѣнія сравнительно бѣдными Согдіаной и Ферганой пришлось бы вступить въ борьбу съ сильнымъ Кангюемъ, для подчиненія же рѣдкихъ и бѣдныхъ оазисовъ Таримскаго бассейна предстояло войти въ столкновеніе съ Китаемъ.

Въ «Хэу-Хань шу» есть извѣстіе объ одномъ вооруженномъ столкновеніи юечжей съ китайцами, вызванномъ не завоевательными замыслами, а нанесеннымъ государю юечжей оскорбленіемъ. По содержащейся въ 77 книгѣ «Исторіи Младшихъ Ханей» біографіи Бань Чао [1], этотъ китайскій правитель Западнаго края, въ 84 г. по Р. Х., съ войсками владѣній Юйтяни и Сулэ, выступилъ на Согюй (Яркендъ), но сулэскій владѣтель Чжунъ (Tchong) вошелъ въ тайное соглашеніе съ согюйцами и удалился съ своимъ войскомъ на западъ, къ мятежникамъ, «для обороны города Ou-tsi» [2]). Бань Чао объявилъ Чжуна лишеннымъ престола, возвелъ на его мѣсто другого знатнаго сулэсца и двинулся на мятежника. Чжунъ получилъ помощь отъ Кангюя, выславшаго къ нему войско изъ отборныхъ ратниковъ. Тогда Бань Чао отправилъ посланцевъ къ государю юечжей, вступившему въ это время въ брачную связь съ кангюйскимъ владѣтелемъ, поручивъ посламъ предложить юечжійскому монарху шелковыя матеріи, «давъ понять, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если увѣдомитъ государя Кангюя». Словомъ, Бань Чао просилъ склонить кангюйскаго владѣтеля отказаться отъ поддержки Чжуна. Просьба была уважена. Кангюйскія войска были отозваны и увели съ собою Чжуна [3]). «Тогда городъ

[1]) Переводъ относящихся къ столкновеніямъ съ юечжами мѣстъ этой біографіи данъ Ed. Specht въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. p. 184—187.

[2]) Что это за городъ и какіе это мятежники—переводчикъ не выяснилъ, вѣроятно, за недостаткомъ въ біографіи данныхъ.

[3]) Въ описаніи владѣнія Сулэ, содержащемся въ „Исторіи Младшихъ Ханей“, сказано, что Бань Чао въ 73 г. поставилъ въ тамошніе владѣтели Чжуна, „но Чжунъ послѣ поднялъ бунтъ и Бань Чао отсѣкъ ему голову“ („Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 128).

Ou-tsi покорился Бань Чао». Нѣсколько лѣтъ позже, по словамъ біографіи, «юечжи помогли Ханямъ (т.-е. Китаю) въ нападеніи на Гу-шы (Kiu-sse); это нападеніе увѣнчалось успѣхомъ». Переводчикъ справедливо признаетъ отправленіе юечжійскихъ войскъ къ Турфапу и Урумчи, гдѣ находились владѣнія Гушы или Чешы, невѣроятнымъ по дальности разстоянія; онъ предполагаетъ, что упоминаемое нападеніе при помощи юечжійцевъ было совершено не при Младшихъ Ханяхъ, а при Старшихъ, когда юечжы во II вѣкѣ до Р. Х. обитали еще на границахъ Китая. Послѣдняя догадка едва ли основательна, потому что по «Цянь-Хань шу» «первое» нападеніе китайцевъ на Гушы или Чешы произведено было въ 99 г. до Р. Х. («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 89), когда юечжы давно уже находились на Аму-дарьѣ. По описанію Западнаго края въ «Хэу-Хань-шу», «Чешы поддались Китаю» при Младшихъ Ханяхъ въ 73 г., когда китайцы заняли Ивулу (нынѣ Хами), «но когда хунны послали на нихъ войско, то они снова опять покорились сѣвернымъ хуннамъ» и возвратились въ китайское подданство лишь послѣ побѣдъ, одержанныхъ Китаемъ надъ хуннами въ 90 г. («Собр. свѣд.», стр. 133). Послѣ своего столь мало вѣроятнаго извѣстія о помощи юечжей противъ Гушы, біографія Бань Чао продолжаетъ: «Въ этомъ году» (какомъ—не сказано) «юечжы хотѣли представить (китайскому императору) драгоцѣнные предметы, фу-ба (единорога), льва, съ просьбою о бракѣ съ ханьской царевной». Бань Чао нашелъ домогательство юечжійскаго царя неосновательнымъ и роняющимъ достоинство китайскаго двора, задержалъ посла и отослалъ его обратно въ свое государство. Раздраженные этимъ поступкомъ юечжы, во второмъ году правленія Юнъ-юань (90 г. по Р. Х.), отправили противъ Бань Чао вице-короля Сѣ (vice-roi Sie) съ 70 т. войска. Численность войскъ Бань Чао была очень мала, а потому ратники его пришли въ страхъ, но Бань Чао ободрилъ ихъ: армія юечжей многочисленна, но, сдѣлавъ нѣсколько тысячъ ли и перейдя горы Цунлинъ, она окажется изнуренною и не въ силахъ будетъ сражаться; надо собрать весь хлѣбъ страны и охранять его; тогда голодъ доведетъ юечжей до крайности и они должны будутъ смириться. Дѣйствительно, юечжійское войско вскорѣ почувствовало недостатокъ продовольствія, когда же высланная китайцами засада уничтожила посланный юечжійскимъ главнокомандующимъ въ Куча отрядъ для пріобрѣтенія и доставки оттуда продовольствія, а на мѣстахъ добыча съѣстныхъ припасовъ оказалась невозможною, то Сѣ просилъ мира и снабженія арміи его съѣстными припасами на обратный путь. «Юечжы были сильно устрашены такой неудачей и съ того времени ежегодно доставляли дань» Китаю.

Объ этомъ столкновеніи съ юечжійцами и нашествіи большой ихъ арміи на Вост. Туркестанъ нѣтъ въ хэу-ханьскомъ описаніи Б. Юечжы и другихъ владѣній Западнаго края никакого упоминанія, а потому ска-

заніе біографіи Бань Чао легко можетъ быть вымысломъ или, по крайней мѣрѣ, большимъ преувеличеніемъ, хотя отвергать возможности подобнаго неудачнаго похода юечжей нельзя. Какъ бы то ни было, юечжійцы не отказывались отъ вмѣшательства въ дѣла таримскихъ владѣній, когда находили нужнымъ. Такъ, по описанію владѣнія Сулэ, по смерти тамошняго владѣтеля Аньго, не оставившаго дѣтей, вдова его и вельможи намѣревались возвести на престолъ ея племянника; услышавъ объ этомъ, высланный въ 116 г. покойнымъ Аньго за какую-то вину и проживавшій при дворѣ юечжійскаго государя, который къ нему благоволилъ, шуринъ Аньго, по имени Ченьпань, представилъ кушанскому царю, что онъ болѣе имѣетъ правъ на престолъ Сулэ, чѣмъ племянникъ его, и потому просилъ содѣйствія. Юечжійскій государь призналъ его претензію основательною и отправилъ его въ Сулэ съ своимъ войскомъ. «Кашгарскіе старѣйшины любили и уважали Ченьпаня, и притомъ боялись Юечжы, почему, по общему приговору, приняли Ченьпаня и объявили его государемъ [1])».

Во второй четверти II вѣка по Р. Х. фактическое господство Китая въ Таримскомъ бассейнѣ прекратилось. За отсутствіемъ политическихъ сношеній съ западомъ, естественно изсякъ главнѣйшій источникъ китайскихъ свѣдѣній о западныхъ странахъ, дошедшихъ до насъ въ исторіяхъ двухъ ханьскихъ династій. Враждующимъ между собою царствамъ, на которыя раздѣлился Китай послѣ паденія младшей династіи Хань, было не до запада. Тѣмъ не менѣе и въ исторіяхъ нѣкоторыхъ династій, царствовавшихъ надъ частями имперіи до возстановленія ея единства при династіи Суй (581—619 гг.), помѣщены кое-какія свѣдѣнія о западныхъ странахъ, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что династія Старшихъ Ханей сдѣлалась образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ династій, потому что при ней Китай достигъ высокой степени могущества, культуры и благосостоянія. Такъ какъ Хани обмѣнивались съ западными странами многочисленными посольствами, то наиболѣе честолюбивые императоры частей раздѣлившейся имперіи считали долгомъ, не отправляя своихъ пословъ на западъ, — что обходилось бы дорого, не вознаграждаясь никакими реальными выгодами,—принимать съ почетомъ посольства, прибывающія изъ западныхъ странъ. Если и при могущественныхъ Ханяхъ западныя посольства состояли часто изъ купцовъ, прибывавшихъ для торга подъ видомъ посольствъ, чтобы пользоваться льготами политическихъ миссій, то, конечно, при позднѣйшихъ малосильныхъ династіяхъ, не имѣвшихъ политическихъ сношеній съ западомъ, посольства изъ западныхъ странъ были исключительно купеческими предпріятіями. Ихъ однако принимали за дѣйствительныя посольства отъ западныхъ государей

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. 3, стр. 128 и 129. Переводъ Ed. Specht'a въ Journal asiatique, 1897, t. X, p. p. 187—188.

съ данью, такъ какъ купцы, разумѣется, охотно представляли часть своихъ товаровъ «въ дань», получая вознагражденіе въ видѣ отвѣтныхъ подарковъ и различныхъ льготъ для распродажи остальныхъ товаровъ. Благодаря отбираемымъ отъ этихъ посольствъ показаніямъ, и составители исторій мелкихъ династій имѣли иногда возможность помѣщать въ своихъ исторіяхъ отдѣлы о западныхъ странахъ, какъ ханьскіе историки. Таковы, вѣроятно, были источники, скудныхъ конечно, свѣдѣній о западныхъ странахъ Исторіи или Записокъ о трехъ царствахъ («Сань-го-чжи»), на которыя дѣлился Китай въ 221—264 гг. По этимъ свѣдѣніямъ, во время трехъ царствъ, «государь Сулэ», т.-е. Кашгара, «считалъ своими данниками слѣдующія владѣнія: Tching-tchoung, So-tchhe, Ko-chi, Kiu-cha, Si-ye, I-naï, Man-li, I-jo, Iu-ling, Siun-tou, Hieou-siun и Kin». Большая часть этихъ странъ, по мнѣнію заимствовавшаго вышеприведенное свѣдѣніе изъ сборника «Бянь-и-дянь» Аб. Ремюза, не указавшаго основаній этого утвержденія, были расположены «въ Бухаріи» [1]). Послѣднее едва ли вѣрно, потому что изъ 12 перечисленныхъ владѣній извѣстны намъ шесть, которыя находились въ Цунлинѣ или прилегали къ нему съ востока, слѣдовательно не въ Бухаріи, именно Сіѣ, Инай, Мань-ли, Ижо, Гюаньду (Siun-tou) и Хюсюнь (Hieou-siun). Изъ этихъ шести мѣстонахожденіе Сіѣ,

[1]) Recherches sur les langues tartares etc., par M. Abel Rémusat, Paris, 1820, p. 291. „Бянь-и-дянь“ есть отдѣлъ свѣдѣній объ иностранныхъ государствахъ одной огромной энциклопедіи, изданной при нынѣшней династіи. „Сань-го-чжи“ составлена ученымъ Ch'ên Shou, умершимъ въ 297 г. (China and the Roman Orient, by Hirth, 1885, p. 13). Свѣдѣнія о западныхъ странахъ берутся обыкновенно изъ содержащагося въ этой исторіи отрывка изъ „Вэй-ліо“, т.-е. сокращенной исторіи династіи Цаò-Вэй (220—264 гг.), составленной ученымъ Ю Хуанъ (Iu Houang) и до насъ не сохранившейся (тамъ же, p. 13—14, и Ed. Specht въ Journal asiatique, 1883, t. 2, p. 327). Странно, что въ томъ же, повидимому, „Бянь-и-дянь“ есть, со ссылкою на какую-то Histoire des Wei, извѣстіе о томъ, что во время троецарствія владѣніе Сулэ (которому платили дань, по вышеприведенному свѣдѣнію, 12 владѣній), Юйми, Жунлу и нѣкоторыя другія (имена не приведены) зависѣли отъ владѣнія Юйтянь (Histoire de la ville de Khotan, trad. par M. Abel Rémusat, Paris, 1820, p. 10). Въ 222 г., по поводу прибытія посольствъ отъ Юйтяня, Гуйцы и Шань-шаня, цао-вэйскій императоръ Вэнь-ди издалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Нынѣ всѣ иностранцы западныхъ странъ прибываютъ съ искренними просьбами о присоединеніи ихъ къ имперіи. Будемъ принимать и поддерживать посланниковъ, которыхъ они къ намъ присылаютъ“ (тамъ же, p. 11). Эта „поддержка“, при минской, напр., династіи, заключалась, между прочимъ, въ томъ, что, по вступленіи посольствъ въ предѣлы имперіи, имъ, конечно безвозмездно, „доставлялись въ изобиліи всякаго рода съѣстные припасы; для перевозки по сухому пути поставлялись экипажи, перемѣщеніе же по воднымъ путямъ производилось на судахъ; для проживанія ихъ устроены были станціи и гостинницы; заботились объ удовлетвореніи ихъ самомалѣйшихъ нуждъ. Народъ и войска изнурялись доставкою „даней“, когда же дѣло доходило до отправленія въ обратный путь, то всегда оказывались отсталые, которые задерживались въ торговыхъ городахъ съ товарами, которыхъ не успѣли распродать“ (тамъ же, p. p. 104—105). По свидѣтельству Гоеса, прибывшаго въ Китай въ началѣ XVII вѣка съ посольствами изъ Кашгаріи, „что посольства эти фальшивыя, сами китайцы знаютъ какъ нельзя лучше; но они допускаютъ обманъ изъ лести къ своимъ государямъ, чтобы думали, будто вся вселенная несетъ имъ дань“ (В. В. Григорьевъ, „Восточный или Китайскій Туркестанъ“, вып. 2, 1873 г., стр. 340).

Иная, Гюаньду и Хюсюни опредѣлено нами выше, относительно же Маньли и Ижо приходится имѣть въ виду, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, что составители оффиціальной географіи нынѣшней династіи «Дай-Цинъ-и-тунъ-чжи» пріурочиваютъ Дэжо и Маньли къ территоріи ханьскаго Пули, а Ижо помѣщаютъ въ верховьяхъ Тагдынбашъ-дарьи, какъ можно заключить изъ «Топографическаго указателя» при «Собраніи свѣдѣній» о. Іакинфа (часть 3, стр. 20 и 64) и приложенной къ послѣднему труду карты.

Отъ эпохи троецарствія сохранились, по крайней мѣрѣ, свѣдѣнія о продолжавшемся существованіи сэйскихъ владѣній Хюсюня и Гюаньду и нѣсколькихъ цзыхэскихъ, но за слѣдующіе полтора вѣка у китайцевъ почти совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было свѣдѣнія о западныхъ странахъ. Въ это время южный Китай, гдѣ существовала національная династія Цзинь (265—420 г.г.), былъ отрѣзанъ отъ западныхъ странъ Тибетомъ и сѣвернымъ Китаемъ, въ которомъ происходили непрерывныя смуты и войны между захватывавшими власть надъ частями его хуннскими и сяньбійскими династіями. Два первые государя династіи Юань-Вэй (386 — 534), подчинившей, наконецъ, своей власти сѣверъ Китая, «не приглашали и не принимали (посольствъ) заграничныхъ владѣтелей», когда же при третьемъ прибыло нѣсколько посольствъ съ запада, то императоръ Тай-ву (424—452 г.г.) не хотѣлъ сначала отвѣчать, не видя въ томъ «ни малой пользы», но уступилъ настояніямъ своихъ министровъ, ссылавшихся на «примѣръ династіи Хань». Но отправленные вслѣдствіе этого юань-вэйскіе послы были задерживаемы въ нынѣшней провинціи Гань-су, гдѣ властвовала хуннуская династія Цзюйкюй. Тай-ву завоевалъ владѣнія Цзюйкюй и посылалъ успѣшную экспедицію для наказанія владѣтеля Яньки (Карашаръ), который грабилъ и притѣснялъ китайскихъ пословъ. На нѣкоторое время сношенія съ западными странами вслѣдствіе этого облегчились, но такъ какъ юань-вэйская династія не искала утвержденія своей власти въ Вост. Туркестанѣ, то сношенія съ западомъ вскорѣ ограничились пріемомъ прибывавшихъ оттуда посольствъ. Притомъ, «со времени Юань-Вэй никто не составлялъ записокъ; записывали одни названія пріѣзжавшихъ къ сѣверному двору, а описывать народные обычаи не могли. Срединное государство волновалось при раздѣленіи дома Юань-Вэй на восточный и западный (534 г.), а когда образовались династіи Ци и Чжеу» (первая 550—578 г.г. и вторая 557—582 г.г.), «то уже не имѣли сношеній съ Западнымъ краемъ»[1]).

При династіи Суй (581—618 г.г.), объединившей весь Китай подъ своею властью, только императоръ Янь-ди (605—616 г.г.) отправилъ одно посольство на западъ и привлекалъ посольства изъ-за границы: «впрочемъ, большая часть дѣлъ по сей части пропала», замѣчаютъ со-

[1]) Введеніе къ описанію Западнаго края въ „Бэй шы", по переводу Іакинфа въ „Собраніи свѣдѣній" и пр., ч. 3, стр. 136—141.

ставители «Исторіи династіи Суй» во введеніи къ своему описанію Западнаго края [1]).

Танская династія (618–907 г.г.) возстановила владычество Китая надъ Вост. Туркестаномъ, стремилась къ подчиненію земель западныхъ тюрковъ и достигла этого на нѣкоторое время, воевала за господство въ Таримскомъ бассейнѣ и надъ тюрками съ тибетцами и арабами, посылала свои войска въ Фергану, Ташкентъ и Балтистанъ и вела политическія сношенія со многими государствами запада. Поэтому китайскія свѣдѣнія о западныхъ странахъ вообще и о при-памирскихъ въ частности, за танское время обильнѣе, чѣмъ за времена предшествующихъ и послѣдующихъ династій.

Кромѣ оффиціальныхъ свѣдѣній, весьма важнымъ источникомъ за время съ конца IV до IX вѣка являлись путешествія китайскихъ буддистовъ въ Индію, совершавшіяся большею частію чрезъ Памиръ или прилегающія къ нему страны. Описанія путешествій знаменитѣйшихъ изъ такихъ паломниковъ сохранились и до нашего времени. Сверхъ того, цѣнныя свѣдѣнія должны были содержаться въ довольно многочисленныхъ, особенно въ танское время, сочиненіяхъ, описывавшихъ западныя страны въ географическомъ, этнографическомъ и пр. отношеніяхъ [2]); эти сочиненія до насъ большею частію не сохранились, но конечно, какъ и описанія путешествій буддійскихъ паломниковъ, употреблялись составителями династійныхъ исторій въ числѣ матеріаловъ для описаній Западнаго края.

Основнымъ источникомъ, изъ котораго могутъ быть нынѣ почерпаемы китайскія свѣдѣнія о западныхъ странахъ, служатъ во всякомъ случаѣ династійныя исторіи, для оцѣнки же качества этихъ свѣдѣній необходимо, между прочимъ, имѣть въ виду время составленія этихъ династійныхъ исторій, такъ какъ, чѣмъ позднѣе послѣ паденія данной династіи составлена ея исторія, тѣмъ менѣе шансовъ составители ея имѣли воспользоваться надлежащими матеріалами въ наибольшей ихъ полнотѣ, такъ какъ архивы павшей династіи съ теченіемъ времени исчезали, сочиненія ея времени утрачивались и т. д.

Исторія династіи Юань-Вэй, «Вэй-шу», была первоначально составлена ученымъ Вэй Шеу во время династіи Ци (550 — 577 г.г.), но до насъ сохранилась лишь ея передѣлка, относящаяся ко времени суйской династіи [3]). Впрочемъ, трудъ Вэй Шеу, вѣроятно, служилъ въ относящемся

1) Тамъ же. стр. 141. 142 и 191.

2) Renseignements bibliographiques sur les relations des voyages dans l'Inde et les descriptions de Si-yu, qui ont été composées en chinois entre le V-e et le XVIII-e siècle de notre ère, par St. Julien, въ Journal asiatique, 1847, t. X, p. p. 265—295.

3) „Собраніе свѣдѣній“, ч. I, стр. XVI. Histoire générale de la Chine etc., par de Mailla, Paris, 1777, t. I, Préface, p. XXXIV и слѣд. Ueber die chinesischen Quellen zur Kentniss Central-Asiens unter der Herrschaft der Sassaniden etwa in der Zeit 500 bis 650. von Friedrich Hirth, въ „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“, X. Band, 1896, S. 230.

о исторіи юань-вэйской династіи матеріаломъ для «Бэй-шы», исторіи сѣверныхъ дворовъ или династій Юань-Вэй, Чжеу, Ци и Суй, написанной ученымъ танской династіи Ли Яньшеу въ срединѣ VII в. и являющейся компиляціею изъ написанныхъ ранѣе исторій этихъ династій.

«Суй-шу», исторія суйской династіи, составлена во второй четверти VII в. двумя танскими учеными подъ руководствомъ ученаго Вэй Чжена.

Первая редакція исторіи дин. Танъ (Kiu-tang-schu) принадлежитъ ученому младшей династіи Танъ (926—939 г.г.) Лю Хэй. Новая «Танъ-шу» написана ученымъ династіи Сунъ Эу Янъ-хю въ срединѣ XI в. и отличается отъ старой нѣкоторыми дополненіями [1]).

Какъ и слѣдовало, въ виду неподчиненности Таримскаго бассейна и отсутствія политическихъ сношеній, ожидать, описанія Западнаго края вообще и при-памирскихъ странъ въ частности въ «Вэй-шу» и «Суй-шу», а также и въ повторяющей ихъ извѣстія «Бэй-шу», скудны и отрывочны. Описаніе западныхъ странъ въ «Тань-шу» значительно болѣе богато, но также страдаетъ отрывочностью. Стремясь изложить свой огромный матеріалъ въ самомъ сжатомъ видѣ, составители «Танъ-шу» упускали весьма важныя и интересныя свѣдѣнія и давали своимъ сокращеніямъ нерѣдко очень неудачную, даже непонятную и невѣрную редакцію, какъ все это обнаруживается при сличеніи, напр., сохранившихся описаній путешествія Сюань Цзана съ сдѣланными изъ нихъ въ «Танъ-шу» извлеченіями. Есть значительные пробѣлы, объяснимые, быть-можетъ, утратой части государственныхъ архивовъ во время смутъ, обнимавшихъ почти всю вторую половину періода танской династіи. Несмотря на все это, династійныя исторіи и описанія путешествій буддійскихъ паломниковъ содержатъ за V—VIII вѣка довольно значительное количество географическихъ, историческихъ и этническихъ данныхъ о при-памирскихъ странахъ, изложеніе которыхъ и будетъ сдѣлано въ слѣдующихъ главахъ.

Н. А. Аристовъ.

Спб., 8 ноября 1900 г.

---

[1]) „Собраніе свѣдѣній“, ч. I, стр. XVII—XIX. Hirth, тамъ же, p. 230—231.

ГИНЕКОМАСТІЯ.

Молочная железа, какъ органъ, являющійся свойственнымъ только женщинамъ, представляетъ въ своемъ развитіи рѣзкія отличія отъ другихъ половыхъ признаковъ. Всѣ органы, характеризующіе полъ, ко дню рожденія ребенка уже сформированы, между тѣмъ молочная железа, играющая такую громадную роль въ жизни женщины, какъ матери, формируется значительно позднѣе. Только ко времени наступленія половой зрѣлости железа эта развивается настолько, что можетъ считаться за половой признакъ.

Еще Ч. Дарвинъ указалъ на то, что мужскія грудныя железы не рудиментарное образованіе, а только не сформировавшійся вполнѣ, не функціонирующій органъ. Анатомо-гистологическія изслѣдованія вполнѣ подтвердили это положеніе. При рожденіи ребенка молочная железа представляется одинаково мало развитой какъ у мальчика, такъ и у дѣвочки; въ дальнѣйшемъ развитіе железы идетъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи ея объема, что совершается пропорціонально росту ребенка [1]), причемъ у дѣвочекъ это увеличеніе объема нѣсколько больше, чѣмъ у мальчиковъ. Наступленіе половой зрѣлости рѣзко мѣняетъ картину: у дѣвушки, у которой за время дѣтства прибавились лишь немногія железистыя дольки, теперь железистые элементы начинаютъ быстро увеличиваться; прежде были только выводные протоки съ немногими, большею частью конечными, слѣпыми мѣшечками, теперь железа получаетъ типичный характеръ ацинозной железы: образуются гроздья конечныхъ пузырьковъ. Толчокъ къ развитію данъ, железа развивается быстро, достигая своего полнаго развитія къ концу беременности, когда она уже начинаетъ продуцировать молоко. Не то происходитъ съ грудной железой юноши: въ періодъ зрѣлости дальнѣйшее развитіе железистой ткани, которое и такъ-то выражалось не рѣзко, совершенно прекращается, обнаруживается тенденція къ обратному развитію этой ткани, молочные протоки запустѣваютъ; вѣтвленіе у мужчинъ меньше, чѣмъ у мальчиковъ. По Luschka [2]), паренхима

мужской грудной железы скрыта въ подкожной клѣтчаткѣ; ее окружаютъ и проникаютъ въ нее жировыя дольки. Это—бѣловатая, густоволокнистая масса, въ которой нельзя найти опредѣленнаго дѣленія на дольки. Billroth [3]) опредѣляетъ вѣсъ такой железы въ 8 гранъ, Luschka въ 8—10 гранъ. Форма железы самая разнообразная: круглая, овальная. вытянутая, хотя Gruber [4]) даетъ цифровыя данныя, изъ которыхъ видно, что круглая форма является преобладающей (83:77).

Въ жизни этой железы есть еще одно обстоятельство, которое и безъ тонкаго микроскопическаго изслѣдованія ясно показываетъ, что въ крайнемъ дѣтствѣ железа эта представляется одинаковой по своему строенію и функціи для того и для другого пола. У новорожденныхъ въ первыя недѣли внѣутробной жизни молочныя железы содержатъ въ себѣ жидкость, по наружному виду и микроскопическому строенію совершенно сходную съ молокомъ матери. Д-ръ Н. Яблоковъ [5]), подробно разобравшій этотъ вопросъ объ отдѣленіи «дѣтскаго молочка» въ своей диссертаціи по данному вопросу, указываетъ, что это явленіе было подмѣчено въ глубокой древности, когда, должно-быть, и было дано такое странное названіе этому молочку, какъ «Hexenmilch». Не менѣе страннымъ было объясненіе этого явленія: думали, что отдѣляемое грудныхъ железъ служитъ для самопитанія ребенка во время утробной жизни,—ребенокъ, наклоняя головку къ груди, сосетъ свое молочко. До настоящаго времени нѣтъ строго научнаго объясненія этому явленію, есть только нѣсколько гипотезъ. Одни авторы, какъ Epstein [6]), связываютъ это отдѣленіе съ десквамотознымъ процессомъ, происходящимъ въ различныхъ органахъ ребенка,—въ сальныхъ железахъ, почкахъ и т. д.; другіе, какъ Миллеръ [7]) и de Sinéty [8]), ставятъ въ зависимость отъ тѣхъ процессовъ, которые совершаются въ половой сферѣ ребенка: первый—отъ усиленной образовательной дѣятельности клѣтокъ въ яичникахъ, а второй, de Sinéty,—отъ процесса опусканія яичекъ. Насколько близко приближаются эти гипотезы къ истинѣ, — сказать трудно, но надо думать, что это сближеніе съ половой сферой имѣетъ свое raison d'être, если вспомнить связь развитой женской грудной железы съ половыми отправленіями: раздраженіе сосковъ передается на половые органы, во время менструацій груди нерѣдко набухаютъ, становятся болѣзненными. Этимъ кратковременнымъ, довольно темнымъ еще въ физіологическомъ смыслѣ, дѣйствіемъ исчерпывается для лицъ мужского пола вся функція молочной железы, и она атрофируется. Такъ бываетъ въ нормѣ. Но есть уродства, есть пороки развитія грудныхъ железъ, и среди этихъ уродствъ встрѣчается такъ называемая gynecomastia.

Пороки развитія грудныхъ железъ у мужчинъ сводятся: къ amazia—полное отсутствіе грудей, къ polymastia—увеличеніе числа грудныхъ железъ, polythelia—увеличеніе числа сосковъ и, наконецъ, gyneco-

mastia—настолько значительное разрастаніе молочной железы, что она, по своему наружному виду, дѣлается совершенно похожей на женскую грудь. Относительная рѣдкость, судя по литературнымъ даннымъ, послѣдней аномаліи, а особенно въ ея типической формѣ, даютъ мнѣ право сообщить тотъ случай гинекомастіи, который мнѣ пришлось наблюдать и оперировать лѣтомъ этого 1900 года.

Что касается до цифровыхъ данныхъ, характеризующихъ эту рѣдкость гинекомастіи, то у Видерсгейма [9]) въ его «Строеніи человѣка съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія» для polymastia находимъ отношеніе 1 : 500; затѣмъ Видерсгеймъ сообщаетъ наблюденія Отто Аммона, которыя были произведены этимъ послѣднимъ при наборѣ рекрутовъ въ 1890 г. Наблюденія были сдѣланы надъ 2189 субъектами. Выяснилось, что у 66 изъ нихъ были сверхкомплектные соски, да, кромѣ того, у 48 человѣкъ были найдены слѣды сверхкомплектныхъ сосковъ въ видѣ пигментированныхъ полей. Такимъ образомъ аномальное развитіе сосковъ было найдено всего у 114 человѣкъ. На основаніи этихъ изслѣдованій Видерсгеймъ говоритъ, что «уже 1 изъ 19-ти мужчинъ обнаруживаетъ атавизмъ въ развитіи сверхкомплектныхъ сосковъ». Для гинекомастіи Puech [10]) даетъ отношеніе 1 : 13000. Но, если принять во вниманіе, что встрѣчается еще такъ называемая ложная гинекомастія, то надо думать, что это отношеніе будетъ еще больше. Говоря о гинекомастіи, приходится исключать то нерѣдко значительное развитіе грудей у полныхъ субъектовъ, которое легко можетъ симулировать гинекомастію, приходится исключать опухоли грудныхъ железъ, такія опухоли, какъ напримѣръ, ракъ, жировики, аденомы и др. Такъ что, если съ внѣшней стороны увеличеніе грудей и встрѣчается довольно часто, то со стороны патолого-анатомической—это явленіе рѣдкое. Schuchardt [11]) въ двухъ статистикахъ насчитываетъ случаевъ опухолей мужскихъ грудныхъ железъ 406, тогда какъ H. Schaumann [12]) случаевъ истинной гинекомастіи насчитываетъ только 54. Такимъ образомъ подъ gynecomastia нужно подразумѣвать исключительно только ненормальное увеличеніе грудной железы, какъ таковой.

Самое слово gynecomastia было введено въ употребленіе Павломъ Эгинскимъ (VII в.), который назвалъ такъ случай гипертрофіи грудной железы у мужчины. Но аномалія эта была подмѣчена и болѣе древними наблюдателями; на это мы имѣемъ указанія у такихъ авторовъ, какъ Andr. Vesal и даже у Аристотеля [13]), который говоритъ: «etiam in maribus aliquando lac gignitur».

Gruber дѣлитъ всѣ случаи истинной гинекомастіи на двѣ группы, кладя въ основу дѣленія то или другое состояніе половыхъ органовъ даннаго субъекта: 1) гинекомасты съ правильно развитыми половыми органами и 2) гинекомасты съ тѣмъ или инымъ порокомъ развитія или бо-

лѣзненнымъ состояніемъ половыхъ органовъ. Кромѣ того, Gruber различаетъ случаи гинекомастіи, въ которыхъ не наблюдается выдѣленія молока, и случаи, въ которыхъ это выдѣленіе отмѣчается. Изъ всѣхъ этихъ группъ гинекомастіи послѣдняя представляется наиболѣе интересной: здѣсь развитіе груди уже вполнѣ должно соотвѣтствовать развитію женской груди,—груди функціонирующей, достигшей maximum'а въ смыслѣ архитектурной законченности своего строенія. Такіе случаи описаны, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не представилось возможности произвести подробнаго обслѣдованія, которое бы подтвердило, съ одной стороны, аналогичность выдѣляемаго секрета съ молокомъ женщины, а съ другой—обнаружило бы намъ тождество строенія груди гинекомаста съ женской грудью,—тождество, a posteriori уже необходимое, разъ секреція одна и та же. Это отсутствіе строгой фактичности заставляетъ такихъ авторовъ, какъ Gruber, относиться скептически къ тѣмъ сообщеніямъ, которыя извѣстны въ наукѣ о такихъ субъектахъ. Онъ, признавая отдѣленіе секрета у мужчинъ (у первичныхъ гинекомастовъ), критикуетъ эти факты и говоритъ, что всѣ они, основанные на слухахъ, могутъ быть невѣрны. Мнѣніе слишкомъ исключительное, хотя, дѣйствительно, приходится все-таки согласиться, что въ нѣкоторыхъ сообщеніяхъ есть что-то сказочное.

Я позволю себѣ привести нѣсколько крайне любопытныхъ разсказовъ о такихъ гинекомастахъ. У Petrequin [14]) описанъ одинъ субъектъ изъ Павіи, который имѣлъ такія отвисшія груди, что рѣшился ихъ ампутировать. Плоссъ [15]) собралъ довольно значительный матеріалъ по данному вопросу, и у него мы находимъ нѣкоторые изъ приводимыхъ ниже случаевъ. Шенкъ зналъ одного мужчину, у котораго до 50-лѣтняго возраста съ юношества наблюдалось отдѣленіе молока. Карданъ разсказываетъ подобный же случай. Абензина видѣлъ мужчину, изъ грудей котораго выдѣлялось такое количество молока, что изъ него приготовляли сыръ. Въ Талмудѣ (Sabbat 53), по словамъ Вейнберга [16]), упоминается объ одномъ мужчинѣ, который, потерявъ во время родовъ свою жену, самъ кормилъ ребенка своею грудью. У старыхъ авторовъ (Аристотель, Sinibaldus, Галлеръ, Везалій, Фабриції Аквапенданте,—см. у Gruber'а и Плосса) описано еще нѣсколько подобныхъ случаевъ. Изъ болѣе новѣйшихъ сообщеній особенною извѣстностью пользуется случай, описанный Александромъ Гумбольдтомъ [17]). Одинъ поселянинъ, Лозано, изъ деревни Аренасъ въ Новой Андалузіи, кормилъ своего сына собственнымъ молокомъ. Лозано былъ 32-хъ лѣтъ, раньше никогда не замѣчалъ никакого отдѣленія изъ своихъ грудей; во время болѣзни своей жены онъ, чтобы успокоить сына, прижалъ его къ груди. Ребенокъ началъ сосать. Отъ раздраженія соска полилось молоко, густое и очень сладкое. Ребенокъ въ продолженіе пяти

мѣсяцевъ сосалъ грудь своего отца 2—3 раза въ день. А. Гумбольдтъ видѣлъ этого Лозано, а самый описанный фактъ былъ подтвержденъ живыми очевидцами. Груди Лозано были изслѣдованы и были найдены сморщенными, какъ у кормившихъ женщинъ, причемъ лѣвая грудь была вытянута болѣе правой. По словамъ самого Лозано, во время кормленія онъ тоже замѣчалъ, что количество молока было неодинаковое въ обѣихъ грудяхъ. Описывая этотъ случай, Плоссъ такъ же, какъ и Gruber, относясь немного скептически къ факту, очевидцемъ котораго А. Гумбольдтъ не былъ, говоритъ, что, хотя онъ и не сомнѣвается въ достовѣрности показаній почтенныхъ жителей Аренаса, но для насъ болѣе важнымъ является сообщеніе, данное Орнштейномъ Берлинскому Антропологическому Обществу. Орнштейнъ сообщилъ, что въ 1846 г. въ одномъ изъ приморскихъ городковъ Греціи, Галихидѣ, онъ жилъ у одного грека, Эліса-Канада, человѣка колоссальнаго роста, который давалъ сосать грудь своему почти двухлѣтнему ребенку. Орнштейнъ добавляетъ, что онъ довольно часто видалъ, «какъ этотъ мужчина обтиралъ потомъ смоченную молокомъ грудь». Schmetzer [18]) описываетъ случай: 22-лѣтній здоровый солдатъ выдѣлялъ отъ двухъ драхмъ до двухъ унцій молока за сутки. Выдѣленіе было особенно обильно ночью. За двѣ недѣли получили 10—11 унцій. Груди этого солдата не представлялись увеличенными сравнительно съ нормальными грудями, но иногда онѣ распухали, при этомъ часто появлялась боль въ нихъ, и наступало выдѣленіе молока. Случай этотъ представляется единственнымъ въ литературѣ, когда произведенное химическое изслѣдованіе отдѣляемаго секрета показало, что этотъ секретъ есть дѣйствительно молоко. Въ 1892 г. на съѣздѣ французскихъ хирурговъ Schmitt [19]) сообщилъ случай односторонней гинекомастіи съ отдѣленіемъ секрета черезъ сосокъ. Это былъ солдатъ хорошаго сложенія; у него послѣ заушницы сдѣлалось двухстороннее воспаленіе яичекъ, особенно рѣзко выраженное въ правомъ; черезъ 6 недѣль послѣ этого—измѣненіе голоса и припуханіе правой сосковой области: образовалась опухоль величиной съ куриное яйцо, изъ соска стала выдѣляться бѣловатая жидкость. Произведеннымъ химическимъ и микроскопическимъ анализомъ было выяснено, что жидкость эта состоитъ изъ эпителіальныхъ клѣтокъ; однѣ изъ нихъ находятся въ стадіи развитія, другія содержатъ въ себѣ частицы жира; кромѣ того, были найдены: муцинъ, альбуминъ, пептонъ, хлористый натръ, фосфорныя и углекислыя щелочи. Въ виду указанной единичности наблюденія Schmetzer'а дѣлать какія-либо заключенія относительно строенія грудной железы у такихъ гинекомастовъ не приходится. Можетъ быть, дѣйствительно, у нихъ груди развивались вполнѣ, какъ у кормящей женщины, можетъ-быть, это было молоко, но возможно, что это была жидкость безъ составныхъ элементовъ молока, смѣсь изъ эпителіальныхъ массъ и содержимаго сальныхъ

железокъ, находящихся подъ кожей соска,—все это еще область предположеній. Въ случаѣ Schmitt'a не было доказано присутствія сахара и казеина, характерныхъ составныхъ элементовъ молока.

Другая группа гинекомастіи, именно та, при которой не отмѣчается выдѣленія секрета, представляется болѣе разработанной въ гистологическомъ смыслѣ. Фактовъ понакопилось достаточно, такъ что позволительно сдѣлать нѣкоторые выводы. Гистологическія изслѣдованія дѣлались какъ post mortem, такъ и post operationem. Случаи гинекомастіи этой группы могутъ быть раздѣлены на двѣ подгруппы: гинекомастія полная, двухсторонняя, и гинекомастія неполная, односторонняя. Послѣдняя форма встрѣчается, повидимому, рѣже первой.

Въ большинствѣ случаевъ гинекомастія начинаетъ развиваться со времени наступленія половой зрѣлости, но описаны случаи, когда появленіе гинекомастіи было замѣчено какъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, такъ и въ болѣе позднемъ. Въ случаѣ Labbé она была отмѣчена при рожденіи, въ случаѣ Olphan'a въ 4 года, Krieger'a [20]) въ 7 лѣтъ. Василій Вицковскій, 78-милѣтній гинекомастъ, описанный Gruber'омъ, замѣтилъ

Рис. 1. Василій Вицковскій, 78-лѣтній гинекомастъ, описанный Gruber'омъ.

увеличеніе своихъ грудей на 63-мъ году жизни. Есть нѣсколько случаевъ гинекомастіи, которые отмѣчены какъ наслѣдственные. У Schaumann'a описаны случаи, когда въ одной семьѣ три брата были гинекомастами, а въ другой—два. Hiller [21]) описываетъ сына и отца, которые были гинеко-

мастами. Въ общемъ, всѣ авторы, у которыхъ мы находимъ описаніе микроскопическихъ изслѣдованій такихъ ненормально увеличенныхъ грудныхъ железъ, даютъ описанія, сходныя между собой (Gruber, Schuchardt, Sreiber, Jsrael, [22]) H. Stieda[23]) и др.). Строма железы состоитъ изъ довольно плотной соединительной ткани; всѣ ткани, входящія въ составъ нормальной мужской железы, гиперплазированы; рѣзкое преобладаніе соединительной ткани. Развитіе железистой ткани идетъ только до образованія пузырьковъ: молочные ходы доходятъ до конца железистаго тѣла, въ числѣ 15—20, и оканчиваются двумя-тремя слѣпыми мѣшками. Такая картина получается на препаратахъ, приготовленныхъ изъ грудей молодыхъ субъектовъ, у стариковъ же преобладаетъ фиброзная и жировая ткань. До развитія пузырьковъ, acini, дѣло не доходитъ. Только у Israel'я [24]) есть указаніе, что въ одномъ препаратѣ, приготовленномъ изъ груди 28-милѣтняго гинекомаста, оперированнаго изъ-за сильныхъ болей, было отмѣчено образованіе acini. Микроскопическія изслѣдованія, произведенныя въ приводимомъ ниже моемъ случаѣ, вполнѣ сходны съ нарисованной гистологической картиной. Итакъ, образованія acini въ увеличенныхъ грудяхъ мужчины не доказано, нѣтъ того образованія, которое встрѣчается всегда, не говорю уже, въ груди женщины кормящей, а въ развившейся груди дѣвушки. На основаніи этого, на основаніи отсутствія элементовъ, характерныхъ для женской груди, приходится прійти къ заключенію, что слово gynecomastia даетъ понятіе только о внѣшней формѣ аномаліи мужскихъ грудныхъ железъ, нисколько не соотвѣтствуя анатомическому строенію. Относительно другого наименованія этой аномаліи, hypertrophia mammae, приходится согласиться со Stieda, что и это слово примѣнено неточно къ такой гистологической картинѣ, которая выражается главнымъ образомъ въ усиленномъ разрастаніи соединительной ткани, въ гиперплазіи этой ткани.

Приступая къ описанію собственнаго наблюденія, я долженъ указать на то, что, благодаря любезности А. А. Ивановскаго, случай этотъ могъ быть обслѣдованъ и со стороны требованій антропологіи, за что и приношу ему искреннюю благодарность.

18-го іюля сего 1900 года въ хирургическое отдѣленіе Старо-Екатерининской больницы обратился крестьянинъ Александръ Петровъ съ просьбой вырѣзать ему увеличенныя грудныя железы. Онъ былъ положенъ въ больницу. № пріемнаго журнала 5930.

Anamnesis. Изъ разспросовъ выяснилось, что Александръ Петровичъ Петровъ—крестьянинъ, 17 лѣтъ, родился въ Галицкомъ уѣздѣ, въ селѣ Вознесенскомъ (Вознесенской волости); по занятіямъ—маляръ. Отцу его въ настоящее время 37 лѣтъ, матери 35. Въ семьѣ было 6 человѣкъ дѣтей (4 сына и 2 дочери). Двое изъ братьевъ Александра умерли: одинъ пяти лѣтъ, а другой вскорѣ послѣ рожденія (причина смерти неизвѣстна).

Александръ—старшій ребенокъ. По его словамъ, въ семьѣ ихъ ни у кого никакихъ уродствъ или аномалій не было,—всѣ люди здоровые и нормально развитые. Кромѣ довольно частыхъ носовыхъ кровотеченій и приступовъ сухого кашля, никакихъ другихъ болѣзненныхъ явленій у себя Александръ не отмѣчаетъ. Лѣтъ съ одиннадцати предается онанизму. За исключеніемъ послѣдняго года, онанизмъ проявлялся очень рѣзко, разъ до пяти въ день и почти ежедневно; теперь мастурбируетъ значительно рѣже. Съ 12 лѣтъ. безъ всякой видимой причины, стала увеличиваться правая грудь, а съ 13—лѣвая. Въ первое время ростъ ихъ увеличивался довольно быстро, но за послѣдній годъ замѣтнаго увеличенія Александръ не отмѣчаетъ. Порой въ грудяхъ появлялось болѣзненное ощущеніе. Въ настоящее время это ощущеніе бываетъ только при давленіи. Никогда никакого секрета изъ грудей не отдѣлялось.

Рис. 2. Крестьянинъ А. П. Петровъ, 17-лѣтній гинекомастъ.

S t a t u s p r a e s e n s. Роста Петровъ нѣсколько выше средняго (1654 мм). Волосы темнорусаго цвѣта, гладко острижены; усовъ и бороды нѣтъ, да и вообще растительность на тѣлѣ развита очень слабо. Глаза — каріе; прорѣзы глазъ — довольно широко открытые и совершенно горизонтальные. Лобъ—прямой, съ слабо выраженными надбровными дугами. Темя—плоское, затылокъ нѣсколько выдается взадъ. Лицо имѣетъ форму замѣтно суживающуюся книзу. Носъ — прямой, переносье—выпуклое. Губы — средней величины. Зубы — средніе, вполнѣ здоровые; никакихъ неправильностей въ ихъ расположеніи или формѣ нѣтъ. Подбородокъ идетъ прямо. Уши нѣсколько оттопырены, раковина ихъ загнута по краю равномѣрно. Суммированіе данныхъ, полученныхъ антропометрическими изслѣдованіями, позволяетъ охарактеризовать физическій типъ Петрова слѣдующимъ образомъ. Голова въ направленіи горизонтальной окружности представляется малой (555 мм.), небольшихъ размѣровъ она и по продольной дугѣ (345). Высота черепа очень низкая, всего 106 мм.; по головному указателю онъ настоящій брахицефалъ (84,36). Въ области наименьшаго лобнаго діаметра черепъ суживается не особенно сильно, и отношеніе этого діаметра къ наибольшему поперечному можно назвать среднимъ (46,10), но въ направленіи къ ушному діаметру суженіе черепа выражено очень рѣзко (отношеніе ушного діаметра къ наибольшему поперечному составляетъ 83,64). Длина лица и абсолютно (180 мм.), и по отношенію

къ росту (10,88)—небольшая; ширина лица также не велика (140 мм.), и по лицевому указателю (77,77) его можно отнести къ узколицымъ. По формѣ носа—лепторинъ (узконосый—56,36). Туловище не велико (560 мм.) и составляетъ 33,85% роста. Положеніе пупка вполнѣ нормальное,—онъ лежитъ на высотѣ, составляющей 60,58% роста. Симфизисъ на 27 мм. превышаетъ половину роста. Окружность груди развита сравнительно слабо и равняется 48, 37% полнаго роста. Руки очень длинныя (770 мм.), достигающія 46, 55% роста; изъ отдѣльныхъ частей ихъ особенно велики кисти (210 мм.), составляющія 12, 69% роста. Очень длинны также и ноги, считая длину ихъ отъ trochanter major; абсолютная длина ихъ 894 мм., а по отношенію къ росту — 54, 05; причемъ, какъ на особенность строенія ногъ, слѣдуетъ указать на то, что голень (410 мм.) на 6 мм. болѣе бедра (404 мм.); бо́льшая величина голени сравнительно съ длиною бедра у всѣхъ изъ изслѣдованныхъ въ антропологическомъ отношеніи народностей констатирована только у однихъ айновъ (данныя проф. Д. Н. Анучина; см. сравнительную таблицу на 255—260 стр. «Монголовъ — торгоутовъ» А. А. Ивановскаго). Окраска кожи и видимыхъ слизистыхъ оболочекъ блѣдная. Органы дыханія: въ правомъ легкомъ уклоненій отъ нормы нѣтъ, въ лѣвой же верхушкѣ при выслушиваніи немного субкрепитирующихъ хриповъ, по перкуссіи—звукъ здѣсь немного приглушенъ. Органы кровообращенія: размѣры сердца нормальны, тоны его чисты. Артеріи легко сжимаемы, пульсъ 76, правильный по ритму, средняго напряженія. Со стороны желудочно-кишечнаго канала никакихъ уклоненій отъ нормы нѣтъ. Мочеполовые органы: моча въ достаточномъ количествѣ, безъ бѣлка. Penis развитъ нормально, яички въ мошонкѣ, величина ихъ средняя. Немного необычнымъ представляется только расположеніе волосъ на лобкѣ, которое скорѣе женскаго типа. По Плоссу, граница волосистой части лобка не выходитъ за нижнюю дугообразную борозду живота. Эта дугообразная линія начинается немного ниже spinae ossis ilei ant. sup., тянется по направленію Пупартовой связки и надъ верхнимъ краемъ лоннаго сочлененія сливается съ другой половиной дуги, идущей съ противоположной стороны. У мужчинъ, обыкновенно, волосы широко распространяются за эту линію; кромѣ того, у мужчинъ есть волосы, которые располагаются по направленію бѣлой линіи тѣла: эти волосы, спускаясь книзу, сливаются съ волосистымъ покровомъ лобка. Тѣ или другія отклоненія отъ этихъ данныхъ Плоссъ считаетъ уже явленіями гетерогеніи. Съ этой точки зрѣнія въ нашемъ случаѣ явленія гетерогеніи на-лицо: граница волосистой части лобка не распространяется за нижнюю дугообразную линію, волосы же на животѣ совершенно отсутствуютъ. При осмотрѣ грудей Петрова оказалось, что онѣ развиты какъ у дѣвушки нашихъ мѣстностей лѣтъ въ 16 — 17. Правая грудь нѣсколько больше лѣвой. Форма ихъ почти круглая (для правой груди высотный

діаметръ=115 мм., поперечный=120 мм., для лѣвой = 103 и 105 мм.). Расположены груди между третьими и пятыми ребрами. Сосокъ развитъ мало и лежитъ въ четвертомъ межреберьи, поле же соска развито значительно, форма его круглая, діаметръ для той и другой одинаковъ=39 мм. Поле соска нѣсколько выдается надъ полусферой груди. При давленіи груди болѣзненны, хотя и не сильно. Никакого секрета выдавить не удается. Со стороны нервной системы: вялость, апатичность, колѣнные рефлексы немного повышены. Вѣсъ Петрова = 47 kilo. Петровъ настоятельно проситъ сдѣлать ему операцію, удалить эти груди, которыя вызываютъ постоянныя шутки, насмѣшки и грубыя выходки со стороны его товарищей.

11/VIII подъ морфійно-хлороформнымъ наркозомъ обѣ грудныя железы были удалены. Разрѣзы—полукруглые, по нижненаружной сторонѣ грудей. Железы вылущались легко, тупымъ путемъ, до того мѣста, гдѣ онѣ тѣсно соединены съ соскомъ,—здѣсь железы были ампутированы. Такимъ образомъ, былъ оставленъ только небольшой кусочекъ железы вмѣстѣ съ соскомъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Цѣль такого пріема въ операціи исключительно косметическая: иначе пришлось бы вырѣзать и соски, и Петровъ, лишившись одного уродства, пріобрѣлъ бы другое — amaziam. Оставляя же съ соскомъ небольшой кусочекъ железы, мы давали для соска подкладку и тѣмъ самымъ предупреждали втягиваніе соска впослѣдствіи. На рану былъ наложенъ непрерывный шовъ, въ наружные углы ранъ—небольшіе тампоны. Операція длилась отъ начала наркоза 45 минутъ. Послѣопераціонный періодъ протекъ совершенно гладко. Повышенія температуры не было. Черезъ двое сутокъ тампоны были удалены. На девятый день всѣ швы были сняты, — полная спайка per primam intentionem. 14/IX Александръ Петровъ выписался изъ больницы съ гладкимъ, тонкимъ рубцомъ. За время пребыванія его въ больницѣ можно было только отмѣтить: одинъ разъ — носовое кровотеченіе да сухой кашель, появившійся недѣли черезъ двѣ послѣ операціи.

При обслѣдованіи удаленныхъ железъ оказалось: это—два сплющенныхъ, неправильно-овоидной формы, тѣла, равномѣрно плотной консистенціи по всѣмъ направленіямъ. По периферіи—очень скудное отложеніе жира (незначительное развитіе жировой подкожной клѣтчатки было отмѣчено и во время операціи). Для правой железы наибольшій діаметръ=110 мм., толщина=30 мм., для лѣвой длинный діаметръ=90 мм., толщина=30 мм. Вѣсъ правой железы=160 grm., вѣсъ лѣвой=100 grm. На разрѣзахъ никакой дольчатости не замѣтно. При изслѣдованіи микроскопическихъ препаратовъ, сдѣланныхъ изъ той и другой железы, рѣзко бросается въ глаза усиленное разрастаніе соединительной ткани, немного железистыхъ элементовъ, трубчатыхъ, выстланныхъ эпителіемъ неправильной формы. Образованій acini нигдѣ не найдено.

Относительно нѣкоторыхъ подробностей даннаго случая укажу, во-первыхъ, на тѣ мотивы, которые заставили Петрова такъ настоятельно просить операціи, — это насмѣшки и грубыя шутки товарищей, что, конечно, объясняется его соціальнымъ положеніемъ: онъ маляръ, простой рабочій. Еще Павелъ Эгинскій [25]) совѣтовалъ оперировать при гинекомастіи, которая придаетъ мужчинѣ женственный видъ. Обыкновенно, операція предпринимается изъ-за сильныхъ болей въ грудяхъ. Во-вторыхъ, нашъ случай изъ всѣхъ подробно описанныхъ случаевъ долженъ считаться первымъ по величинѣ (160 grm. и 100). Вторымъ по величинѣ будетъ случай Gruber'а, гдѣ железа вѣсила 103 grm. (3 унц. 3 драх. 2 скруп.); это была лѣвая, бóльшая железа (вѣсъ же всей груди, включая железу и окружающія ткани, опредѣлился для правой въ 778 grm., а для лѣвой—669 grm.). Этотъ случай приведенъ мною выше—Василій Вицковскій. Слѣдующее мѣсто по величинѣ занимаютъ случаи, описанные Stieda [26]): первый случай — правосторонняя гинекомастія; вѣсъ удаленной железы равнялся 95 grm.; второй случай — двухсторонняя гинекомастія; вѣсъ удаленныхъ железъ равнялся 70 и 80 grm. Очень развитыми представляются mammae на фотографіи 22-лѣтняго гинекомаста (см. рис. 5), переданной мнѣ П. А. Минаковымъ (изъ коллекціи проф. А. И. Поспѣлова); данныхъ объ этомъ гинекомастѣ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось добыть.

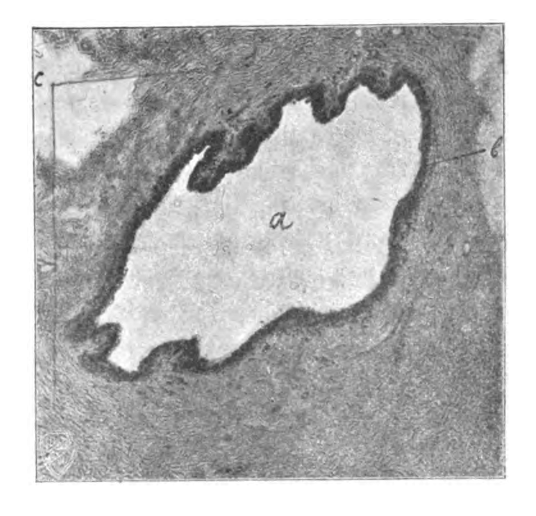

Рис. 3. Микрофотографическій снимокъ съ разрѣза ткани железы А. Петрова (*a* — протокъ, *b*—эпителій протока, *c*—соединительная ткань).

23

Рис. 4. Ioseph F., 23-лѣтній гинекомастъ, описанный H. Stieda.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться на тѣхъ гипотезахъ, которыми пытаются объяснить причину аномальнаго увеличенія грудей у

мужчины. Ч. Дарвиномъ было высказано, что прежде груди были одинаково развиты у женщины и у мужчины, и оба пола кормили дѣтей. У животныхъ извѣстны случаи, когда самцы давали молоко, напр., козлы и бараны (послѣдніе въ кастрированномъ состояніи), причемъ молоко ихъ было даже богаче казеиномъ, чѣмъ молоко самокъ [27]). Но вѣдь это указаніе на атавизмъ, являясь, такъ сказать, только приведеніемъ къ одному знаменателю, причину-то появленія увеличенныхъ грудей у того или другого субъекта нисколько не объясняетъ, такъ что однимъ атавизмомъ удовлетвориться нельзя. При изслѣдованіи гинекомастовъ были подмѣчены нѣкоторые факты, съ которыми приходится считаться. Факты эти сводятся къ тому, что и у лицъ мужского пола надо допустить извѣстнаго рода соотношеніе между грудными железами и половымъ аппаратомъ. Mastitis pubescentium virilis — явленіе, давно уже извѣстное врачамъ. Это страданіе совпадаетъ съ періодомъ pubertatis и выражается въ томъ, что грудныя железы припухаютъ. По описанію Leisrink'a [28]), припуханіе это появляется у вполнѣ здороваго юноши, часто очень остро, сопровождаясь сильными болями, лихорадочнымъ состояніемъ, увеличеніемъ подмышечныхъ железъ. Чаще всего дѣло быстро оканчивается выздоровленіемъ, но иногда болѣзнь затягивается, — припухлыя железы становятся плотными, появляется даже нагноеніе. Все это совпадаетъ у юноши съ тѣмъ періодомъ, когда его половыя железы становятся дѣятельными въ смыслѣ продукціи сѣмени, уже способнаго къ оплодотворенію. Грудныя железы реагируютъ на тѣ процессы, которые совершаются въ яичкахъ. У гинекомастовъ нерѣдко отмѣчаются тѣ или другія ненормальности къ половой сферѣ. Ненормальностями этими будутъ тѣ или другія заболѣванія яичекъ или разные пороки развитія половыхъ органовъ. Gruber, раздѣливши гинекомастію на первичную и вторичную, къ послѣдней группѣ относитъ именно такіе случаи, въ которыхъ отмѣчаются эти ненормальности. Но, подразумѣвая подъ пороками развитія только такія рѣзкія формы, какъ hermaphroditismus, hypospadia, epispadia, Gruber сильно суживаетъ это понятіе о ненормальномъ развитіи. Такіе субъекты, у которыхъ отмѣчается мало волосъ на тѣлѣ, отсутствіе усовъ и бороды, женское расположеніе волосъ на лобкѣ, женскій голосъ и т. п., очевидно, не могутъ

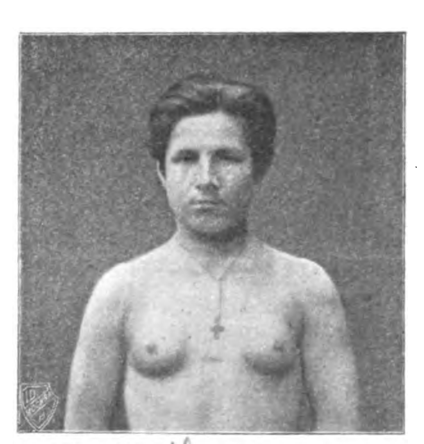

Рис. 5. 22-лѣтній крестьянинъ-гинекомастъ (изъ коллекціи проф. А. И. Поспѣлова).

считаться нормально развитыми мужчинами: здѣсь уже сказывается женственный типъ. Если принять во вниманіе эти указанныя особенности, то группа первичныхъ гинекомастовъ значительно уменьшится. Произошла нѣкоторая остановка развитія, полъ опредѣлился не совсѣмъ отчетливо, и вотъ во время pubertatis, когда наичаще и отмѣчается гинекомастія, дается толчокъ къ ненормальному увеличенію железъ. Заболѣванія яичекъ, которыя связываются съ гинекомастіей, выражаются, главнымъ образомъ, въ воспаленіи яичка (сифилитическое) и въ атрофіи [29]). Отмѣчены также такіе факты, что пораженіе того или другого яичка вызывало увеличеніе груди на одноименной сторонѣ. Извѣстны случаи, гдѣ внѣшнее повреждепіе яичекъ давало импульсъ къ развитію гинекомастіи. Martin разсказываетъ случай, какъ два солдата, вполнѣ нормально развитые, замѣтили у себя увеличеніе грудей послѣ того, какъ имъ оторвало яички. Но раны яичекъ и кастрація, по указаніямъ многихъ авторовъ, оказываютъ вліяніе на груди только въ періодѣ отъ 14 до 30 лѣтъ. До 14 лѣтъ половая зрѣлость еще не наступала, въ 30 лѣтъ организмъ находится въ полномъ развитіи. У восточныхъ евнуховъ гинекомастіи не наблюдается: они кастрируются, обыкновенно, въ раннемъ дѣтствѣ. У женщинъ отмѣчено обратное явленіе: при удаленіи яичниковъ нерѣдко наблюдается атрофія грудей. Комбинируя всѣ указанные факты, невольно приходится прійти къ заключенію, что причина появленія гинекомастіи находится въ тѣсной связи съ половой сферой. Но каково это взаимоотношеніе, какимъ образомъ и въ силу чего происходитъ это увеличеніе элементовъ груди при ненормальностяхъ въ половыхъ органахъ—вопросъ открытый. Williams [30]) говоритъ, что всякій человѣкъ гермафродитъ: у каждаго мужчины есть и женскіе органы, у каждой женщины—мужскіе. Эти скрытые органы спятъ, но могутъ проснуться. Но вѣдь это объясненіе, конечно, не можетъ казаться удовлетворительнымъ. Законъ J. Geoffroy Saint-Hilaire'а, законъ равновѣсія органовъ въ организмѣ, не объясняетъ, онъ только констатируетъ фактъ. Возможнымъ, кажется, представляется высказать съ увѣренностью только одно положеніе, что это взаимодѣйствіе совершается путемъ нервной системы. Иначе трудно объяснить наблюдаемую одноименность гинекомастіи съ пораженіями яичекъ: при атрофіи одного грудь увеличивается на той же сторонѣ.

Насколько часто гинекомастія наблюдается у той или у другой расы, зависитъ ли она отъ извѣстныхъ условій образа жизни той или иной народности,—въ этомъ направленіи наблюденій не имѣется. Только въ недавнее время появилось сообщеніе G. Quattrociocchi [31]) о трехъ случаяхъ гинекомастіи: одинъ изъ этихъ гинекомастовъ былъ итальянецъ, а остальные два—абиссинцы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ былъ тоже отмѣченъ женственный типъ.

Въ заключеніе приношу искреннюю благодарность многоуважаемому товарищу В. А. Колли за изготовленіе фото- и микрофотографическихъ снимковъ.

Антропометрическія измѣренія.

	м.м
Ростъ	1654
Высота слухового отверстія	1548
Высота черепа	108
Горизонтальная окружность головы	557
Продольная дуга	345
Поперечная дуга	340
Наибольшій продольный діаметръ	182
Наибольшій поперечный діаметръ	159
Головной указатель	87.36
Наименьшій лобный діаметръ	121
Отношеніе его къ наибольшему поперечному	76.10
Ушной діаметръ	133
Отношеніе его къ наибольшему поперечному	83.64
Полная длина лица	180
Отношеніе ея къ росту	10.88
Наибольшая ширина лица	140
Лицевой указатель	77,77
Разстояніе отъ переносья до альвеолярнаго края	70
Разстояніе переносья до подносовой точки (длина носа)	55
Разстояніе отъ подносовой точки до середины подбородка	68
Наибольшая ширина носа	31
Носовой указатель	56,36
Ширина переносья между внутренними углами глазъ	34
Наибольшая длина уха	55
Наибольшая ширина уха	31
Ушной указатель	56.36
Высота надъ поломъ остистаго отростка 7 шейнаго позвонка	1429
„ „ „ верхнеплечевого отростка	1370
„ „ „ epicondylus'a	1059
„ „ „ шиловиднаго отростка лучевой кости	810
„ „ „ нижняго конца вытянутаго средняго пальца руки	600
„ „ „ вырѣзки грудины	1349
„ „ „ сосковъ	1203
„ „ „ пупка	1002
„ „ „ symphisis pubis	854
„ „ „ большого вертела	894
„ „ „ шва заднепроходной промежности	810
„ „ „ линіи колѣннаго сустава	490
„ „ „ внутренней лодыжки	80
Большой размахъ рукъ	1668
Туловище	560
Отношеніе его къ росту	33,85

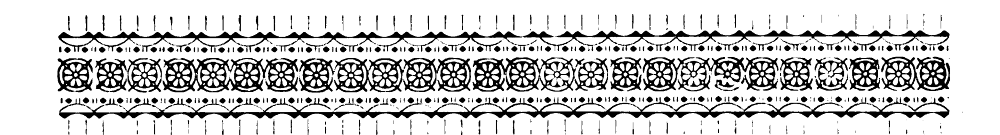
Окружность груди	800
Отношеніе ея къ росту	48,37
„ высоты пупка къ росту	60,58
„ „ symphisis къ росту	51,03
Длина руки	770
Отношеніе ея къ росту	46,55
Плечо	320
Отношеніе его къ росту	19,34
Предплечье	240
Отношеніе его къ росту	14,51
Кисть	210
Отношеніе ея къ росту	12,69
Длина ноги	894
Отношеніе ея къ росту	54,05
Длина бедра	404
Отношеніе ея къ росту	24,42
Длина голени	410
Отношеніе ея къ росту	24,78

Литература:

1. Питта и Бильротъ. Частная и общая хирургія. Т. II, ч. III. С.-Пб., 1868.
2. Luschka. Die Anatomie der männlichen Brustdrüsen. „Arch. f. Anatomie von J. Müller". 1852.
3. Billroth Th. Untersuchungen über den feineren Bau und die Entwicklung der Brustdrüsengeschwülste. „Arch. f. patolog. Anatomie". Bd. XVIII.
4. W. Gruber. Ueber die männliche Brustdrüse und über die gynecomastie. „Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg". VII série. Tome X. № 10.
5. Н. Яблоковъ. О молочной железѣ въ періодъ отдѣленія „дѣтскаго молочка". Дисс. Москва. 1892.
6. Epstein. „Centralzeitung f. Kinderheilkunde". 2. Jahrg. 1879. Cit. по Яблокову.
7. Миллеръ. Анатомическія и физіологическія особенности дѣтскаго организма. Москва. 1885.
8. De Sinéty. Sur la mamelle des enfants nouveau-nés. „Archiv. de tocologie". 1875. T. VI. Cit. по Яблокову.
9. Видерсгеймъ. Строеніе человѣка съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія. Переводъ проф. Мензбира. Москва. 1900.
10. „Traité de Chirurgie". S. Duplay et P. Reclus. 1892a. T. VI, p. 139.
11. B. Schuchardt. Zur Kasuistik und Statistik der Neubildung in männlichen Brust. „Archiv f. klin. Chir". Bd. 31 и 32.
12. H. Schaumann. Beitrag zur Kenntnis der Gynäkomastie. „Verhandl. der physikal.-med. Gesellschaft zu Würzburg", N. F. Bd. 28. 1894.
13. Gruber. L. c.
14. Duplay et Reclus. L. c.
15. Д-ръ Г. Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Т. II, стр. 317 (русск. пер.). С.-Пб. 1899.
16. Плоссъ. L. c.
17. A. v. Humboldt. Reise in die Aequinoctialgegenden des neuen Continents 1799—1804. Th. 2. Stuttgart u. Tübingen. 1818. S. 42. См. у Gruber'a стр. 19.

18. Schmetzer. Milchabsonderung in männlichen Brüsten. „Württemb. Korrespondenzbl.“. Bd. VI, № 33. Cit. n. Schmidt's Jahrb. d. g. Medic. Bd. 15. 1837.
19. Schmitt. „Хирург. Лѣтопись“. 1892. Т. II, кн. 6. Съѣздъ французскихъ хирурговъ 18—23 апр. 1892 г.
20. „Traité de Chirurgie“. A. le Dentu et P. Delbet. T. VII, p. 21. Paris. 1899.
21. Cit. по Dentu et Delbet.
22. Cit. по Stieda. См. № 23.
23. H. Stieda. Beitrag z. histologischen Kenntnis der sogenannten Gynäkomastie. „Beitr. z. klin. Chirurgie“. Bd. XIV, H. I.
24. E. Israel. Zwei Fälle von Hypertrophie der männlichen Brustdrüse. Inaug.-Disser. Berlin. 1894. Cit. по Stieda.
25. Cit. по Duplay et Reclus.
26. L. c.
27. См. у Видерсгейма l. c., стр. 19.
28. Leisrink. Bemerkungen über die Entzündung der Mamma bei jungen Männern. „Deut. Zeitschr. f. Chir.“. Bd. IV.
29. См. у Duplay et Reclus.
30. Ibidem.
31. G. Quattrociocchi. Tre casi di feminismo ginecomastia. „Bull. Lancis.“. p. 177. Cit. „Virch. Jahrber“. 1899.
Маневскій. Случай неестественнаго развитія лѣвой грудной железы у мужчины. „Врачъ“. 1900. № 28.

В. Розановъ.

Russian-Yakut Hybrids.

Помѣсь русскихъ съ якутами.

Русскіе появились въ Якутскомъ краѣ въ началѣ XVII в. и долгое время составляли малочисленную группу пришельцевъ, державшихся насторожѣ противъ мѣстнаго населенія, окончательно подчиненнаго лишь лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ перваго погрома. Служилые люди и вольные искатели соболя шли въ край не съ цѣлью колонизаціи, а потому не заживались надолго и не привозили съ собою семействъ, которыя являлись бы для нихъ тяжкой обузой при набѣгахъ на инородческія стайбища или при отсиживаньи въ крѣпости отъ мятежныхъ полчищъ. Въ антропологическомъ отношеніи пребываніе въ краѣ русскихъ въ этотъ первоначальный періодъ не могло не отразиться весьма существеннымъ образомъ на ближайшихъ поколѣніяхъ инородцевъ, такъ какъ завоеватели широко пользовались инородческими женщинами, причемъ дѣти отъ подобныхъ союзовъ, какъ общее правило, выростали въ якутской средѣ, не зная своихъ отцовъ. Обратное воздѣйствіе—якутовъ на русскихъ—при такихъ условіяхъ не могло проявиться сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Иначе дѣло стояло только для ссыльныхъ — разнаго рода бунтовщиковъ и сектантовъ, составлявшихъ уже въ концѣ XVII в. довольно многочисленный классъ среди русскаго населенія города Якутска. Вынуждаемые оставаться въ краѣ навсегда, ссыльные за отсутствіемъ русскихъ женщинъ, нерѣдко женились на крещеныхъ якуткахъ, и ихъ потомство явилось ядромъ позднѣйшаго городского мѣщанства. Случаи поселенія въ Якутской области чиновниковъ, купцовъ и священниковъ съ ихъ семьями стали менѣе рѣдкими послѣ окончательнаго замиренія края, но даже и теперь значительный процентъ мѣстныхъ торговцевъ и чиновниковъ состоитъ изъ пришлаго люда. Постоянно обновляясь притокомъ свѣжей русской крови, высшій, болѣе или менѣе культурный, классъ городского населенія подвергся объякучиванью лишь въ слабой степени, такъ какъ состоятельный русскій, если и женится на якуткѣ, то развѣ на дочери «тойона», т.-е. мѣстнаго богача-аристократа.

Прямые потомки завоевателей—якутскіе казаки—поставлены въ менѣе благопріятныя бытовыя условія. Хотя легкій доступъ въ казачье сословіе содѣйствуетъ пополненію этой группы новыми русскими элементами, но за-то непригладное соціальное положеніе якутскихъ казаковъ (исполняющихъ въ краѣ обязанности полицейскихъ, денщиковъ и почтальоновъ), бѣдность и отсутствіе образованія уже съ давнихъ поръ сглаживали различіе между ними и якутами въ образѣ жизни, въ привычкахъ и въ языкѣ, а вслѣдствіе этого облегчалась возможность смѣшанныхъ браковъ и появленія въ казачьей средѣ довольно значительнаго числа метисовъ.

Еще въ большей степени смѣшались съ якутами приленскіе крестьяне, проживающіе въ числѣ около 5.000 человѣкъ въ небольшихъ деревняхъ (дворовъ 10—30), разсѣянныхъ по берегу Лены въ 20—30 верстахъ одна отъ другой. Предки этихъ крестьянъ были выселены изъ Россіи въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка для отбыванія почтовой гоньбы, къ которой тогдашніе якуты были непривычны. Матеріальное положеніе ямщиковъ долгое время оставалось очень жалкимъ; сношенія ихъ съ русскимъ міромъ были рѣдки и случайны; браки на якуткахъ, по малочисленности своихъ женщинъ, съ самаго начала стали среди нихъ дѣломъ обычнымъ. Заброшенные горсточками въ двѣ-три семьи въ совершенно чуждый міръ, количественно подавленные сплошною массой упорныхъ въ охраненіи своей національности якутовъ, приниженные, безправные и безграмотные, колонисты-ямщики не могли сохранить въ чистотѣ не только свой физическій типъ, но даже и свою культуру, вскорѣ же значительно видоизмѣнившуюся подъ якутскимъ вліяніемъ. Русскій языкъ полузабытъ приленскимъ крестьяниномъ; около трети мужчинъ и добрая половина женщинъ совсѣмъ не умѣетъ говорить по-русски; большинство остальныхъ говоритъ по-русски хуже, чѣмъ по-якутски, затрудняясь въ прінсканіи словъ и конструируя фразы на якутскій ладъ. Въ самое послѣднее время ежегодный уходъ многихъ крестьянъ на золотые промыслы, болѣе оживленное судовое движеніе по Ленѣ и появленіе кое-гдѣ маленькихъ и плохенькихъ школъ создало условія, пріостанавливающія дальнѣйшій ходъ объякучиванья, но на первый взглядъ пріѣзжему изъ Россіи можетъ показаться, что крестьяне Якутскаго и Олекминскаго округовъ усвоили гораздо болѣе отъ своихъ матерей и бабушекъ-якутокъ, чѣмъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ-русскихъ.

Однако же, при ближайшемъ изслѣдованіи, первое впечатлѣніе оказывается нѣсколько преувеличеннымъ. Въ 1894 г., производя, по порученію якутскаго губернатора В. Н. Скрипицына, подворную перепись крестьянскаго населенія области, я условился со своимъ сотрудникомъ по этой работѣ, чиновникомъ особыхъ порученій Г. Л. Кондаковымъ отмѣчать въ нашихъ спискахъ такихъ домохозяевъ, въ наружности которыхъ явственно проступали якутскія черты (т.-е. чрезмѣрная для русскаго смуглость, косое положеніе глазъ, плоская переносица, большія, оттопыренныя уши и очень

широкія скулы). Въ 29 селеніяхъ, расположенныхъ между городами Якутскомъ и Олекминскомъ, нами отмѣчено по этимъ признакамъ 421 человѣкъ; изъ нихъ несомнѣнно якутоватыхъ оказалось лишь 157 чел., т.-е. $37,_{29}\%$ общаго числа, причемъ по отдѣльнымъ районамъ (каждый районъ — пять селеній) процентъ якутоватыхъ былъ очень неодинаковъ: minimum — $17,_{07}\%$ и maximum—$64,_{60}\%$.

Въ сторонѣ отъ только-что упомянутыхъ селеній, на восточномъ берегу Лены, въ 178 вер. отъ г. Якутска, лежитъ слобода Амгинская, основанная правительствомъ еще въ 1731 г. (т.-е. лѣтъ на 50 раньше приленскихъ станцій), именно съ цѣлью русской колонизаціи и введенія въ Якутскомъ краѣ хлѣбопашества. Первоначальное населеніе Амги составилось изъ крестьянъ, переведенныхъ туда изъ Илима, Иркутской губ.; первоначальное населеніе Илима, въ свою очередь, состояло изъ бунтовщиковъ, высланныхъ на востокъ изъ Тюмени, Тобольской губ.; и, наконецъ, древнѣйшее населеніе Тюмени въ большинствѣ состояло изъ сѣверянъ-вологодцевъ, архангельцевъ и жителей Устюга, высланныхъ въ Сибирь еще въ смутное время. Такимъ образомъ великорусскій корень амгинцевъ слѣдуетъ искать на Двинѣ и вообще на сѣверо-востокѣ Евр. Россіи. Черезъ 56 лѣтъ послѣ основанія этого селенія спутникъ Биллингса, лейтенантъ Сарычевъ, посѣтивъ Амгу, нашелъ, что всѣ ея жители по языку и по образу жизни совершенно объякутились, хотя земледѣліемъ они все-таки понемногу занимались. Въ 1895 г., т.-е. черезъ 164 года послѣ основанія слободы, при производствѣ подворной переписи, а затѣмъ при измѣреніи амгинцевъ, оказалось, что изъ 86 коренныхъ старожиловъ, дававшихъ отвѣты въ качествѣ домохозяевъ, 56 совсѣмъ не понимали русскаго языка, 19 человѣкъ объяснялись съ трудомъ и понимали кое-что, 7 были малограмотны и только 4 умѣли читать и писать. Изъ 31 измѣренныхъ амгинцевъ у одного мать оказалась тунгуска, у 21—якутки, и у многихъ бабушки—якутки или тунгуски. О болѣе отдаленныхъ предкахъ крестьяне имѣютъ лишь смутныя свѣдѣнія; но, основываясь на приведенномъ выше свидѣтельствѣ Сарычева, можно съ увѣренностью сказать, что и прабабушки значительной части амгинцевъ также принадлежали къ числу тунгусокъ и якутокъ смежныхъ инородческихъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, благодаря повторнымъ бракамъ амгинцевъ на инородческихъ

Рис. 1. Е. Кузьминъ, крестьянинъ Якутскаго округа, 23-хъ лѣтъ (ростъ—1590 мм.; цвѣтъ кожи—смуглый; волоса—почти черные; глаза—каріе; головн. указ.—$86,_{21}$; лиц. указ.—$85,_{09}$).

женщинахъ, теперешние крестьяне являются на $^3/_4$, на $^7/_8$ и болѣе тюрками или тунгусами, и физический ихъ типъ у многихъ утратилъ что бы то ни было русское, а у большинства своеобразно измѣнился съ явнымъ преобладаніемъ инородческихъ признаковъ надъ русскими.

Задумавъ, при организаціи Сибиряковской экспедиціи, изслѣдовать русскихъ якутянъ въ антропологическомъ и въ бытовомъ отношеніи, я рѣшилъ положить въ основу своей работы указанное выше различіе отдѣльныхъ общественныхъ группъ по степени ихъ объякучиванья и не смѣшивать при выводѣ среднихъ всѣ данныя въ одну общую массу, а разсматривать каждую группу обособленно. При помощи подобнаго метода мнѣ казалось возможнымъ установить рядъ ступеней метисаціи, а такимъ образомъ составить представленіе и о самомъ ходѣ этого процесса.

Къ сожалѣнію, недостаточная установленность основныхъ типовъ,—русскаго съ одной стороны и якутскаго съ другой,—служитъ крупнымъ препятствіемъ для правильнаго освѣщенія какихъ бы то ни было данныхъ о метисахъ. Малочисленность измѣренныхъ якутянъ —127 взрослыхъ и 30 подростковъ — является другимъ обстоятельствомъ, набрасывающимъ тѣнь сомнѣнія на примѣнимость моихъ выводовъ къ болѣе обширнымъ группамъ метисовъ. Однако, если бы даже эти выводы впослѣдствіи пришлось измѣнить, то все-таки, сами по себѣ, собранные въ Якутской области факты сохранятъ свое значеніе, хотя бы въ качествѣ сырого матеріала, который рано или поздно, на—ряду съ болѣе обширными работами этого рода, пригодится для вывода правильныхъ заключеній.

Въ настоящее время, сравнивая моихъ якутянъ съ другими русскими славянами, я руководствуюсь работами Д. Н. Анучина, В. В. Воробьева, Ю. Д. Талько-Грынцевича — о великоруссахъ, Н. В. Гильченко—о малороссахъ и А. Д. Элькинда—о полякахъ [1]). Цифровыя данныя объ якутахъ я извлекаю частію изъ книжки Н. Л. Геккера: «Къ характеристикѣ физическаго типа якутовъ», и частью изъ предоставленнаго г. Геккеромъ въ мое пользованіе и разработаннаго мною чернового листа, заключающаго въ себѣ цифры измѣреній 28 якутовъ 1-го Игидейскаго наслега Баягантайскаго улуса. При сравненіи русскихъ якутянъ съ игидейцами необходимо, однако, имѣть въ виду, что жители Игидейскаго наслега оказываются гораздо болѣе рослыми, чѣмъ якуты трехъ другихъ наслеговъ, характеризуемые г. Геккеромъ въ его печатной работѣ: въ то время, какъ средняя роста 139 якутовъ разныхъ наслеговъ состав-

---

[1]) Д. Н. Анучинъ. О геогр. распр. роста муж. нас. Россіи; В. В. Воробьевъ, Великоруссы. „Рус. Антр. Журн." 1900 г., № 1; онъ же, Матер. къ антроп. великорус. нас. нѣкот. уѣздовъ Рязан. губ. „Труды Антр. Отд.", т. XIX; Ю. Талько-Грынцевичъ, Къ антроп. великороссовъ (семейские забайкальскіе); Н. В. Гильченко, Кубанскіе казаки. „Труды Антр. Отд.", т. XVIII; А. Д. Элькиндъ, Привислянскіе поляки. „Труды Антр. Отд.", т. XVIII.

ляетъ 161,$_{39}$ сант., средняя игидейцевъ—163,$_{47}$ [1]), и среднія остальныхъ трехъ наслеговъ: 161,$_{6}$ сант., 159,$_{7}$ сант. и 159,$_{6}$ сант. Принимая во вниманіе, что въ предѣлахъ Игидейскаго наслега нѣкогда существовалъ казачій постъ, относительную высокорослость игидейцевъ можно приписать продолжительному воздѣйствію русскаго элемента, откуда становится вѣроятнымъ, что различіе русскихъ якутянъ отъ якутовъ выступило бы рельефнѣе, если бы можно было сравнивать мои данныя съ данными объ якутахъ другихъ мѣстностей.

Подробная, индивидуальная разработка всѣхъ имѣющихся у меня данныхъ составитъ содержаніе особаго труда, въ настоящемъ же очеркѣ приводятся лишь общія характеристики помѣсей, возникающихъ въ приленскомъ краѣ при сочетаніи русскаго мужскаго элемента съ женскимъ элементомъ якутскимъ и частью тунгузскимъ.

Рис. 2. А. Горсховъ, крестьянинъ Олекминскаго округа, 21 года (ростъ — 1672 мм.; цвѣтъ кожи—бѣлый; волоса—свѣтло-русые; глаза—сѣро-голубые; головн. указ. — 79,$_{0}$; лицев. указ.—82,$_{91}$).

Цвѣтъ волосъ и глазъ. По цвѣту волосъ и глазъ въ Якутскомъ и Олекминскомъ округѣ отмѣчено 631 чел.; все это мужчины, изъ которыхъ 30 чел. моложе 21 года, а всѣ остальные старше. Такъ какъ и я, и другія лица, производившія наблюденія (Г. Л. Кондаковъ и Н. Л. Геккеръ), прожили въ Якутской области нѣсколько лѣтъ и привыкли видѣть вокругъ себя сплошь темное инородческое населеніе, то весьма вѣроятно, что многіе русые субъекты, отнесенные нами къ числу блондиновъ, другими наблюдателями были бы отмѣчены въ качествѣ шатеновъ. Точно также и относительно цвѣта глазъ: весьма распространенный у русскихъ якутянъ свѣтло-зеленый цвѣтъ мы причисляли къ свѣтлымъ оттѣнкамъ, тогда какъ чаще (и притомъ правильнѣе) этотъ цвѣтъ причисляется къ темнымъ. Въ силу этого процентъ русыхъ и свѣтлоглазыхъ особей, найденный мною для якутянъ, ни въ какомъ случаѣ не меньше, а почти навѣрно нѣсколько больше того же процента по опредѣленію какого-нибудь наблюдателя, не успѣвшаго обжиться въ краю. Однако, несмотря на эту субъективную особенность моихъ наблюденій, цифры показываютъ, что темная окраска волосъ, и въ особенности глазъ, среди якутянъ встрѣчается чаще, чѣмъ у чистокровныхъ великоруссовъ. У послѣднихъ процентъ темноволосыхъ составляетъ отъ 51,$_{4}$ до 57,$_{0}$; у

[1]) Съ присоединеніемъ двухъ рослыхъ метисовъ г. Геккеръ получилъ для игидейцевъ среднее 164,$_{6}$ сант.

забайкальскихъ старообрядцевъ, изслѣдованныхъ г. Талько-Грынцевичемъ, темноволосыхъ только $40,_{9}$%, у якутянъ же — $60,_{54}$%, причемъ въ группѣ темноволосыхъ преобладаютъ очень темные оттѣнки. Крестьяне приленскихъ станцій (471 наблюденіе) оказываются наименѣе темными: среди нихъ брюнеты составляютъ только $54,_{12}$%; среди казаковъ и горожанъ (63 набл.) процентъ брюнетовъ возрастаетъ до $65,_{85}$ и среди амгинцевъ (97 набл.) доходитъ до своего maximum'а—$88,_{6}$[illegible].

Процентъ темноглазыхъ для великоруссовъ и для малороссовъ опредѣляется разными авторами въ 41—48 (а для семейскихъ г. Талько-Грынцевича и того меньше—$20,_{7}$ или, при исключеніи зеленоглазыхъ—15%), тогда какъ у якутянъ темноглазые составляютъ $53,_{72}$%, а по отдѣльнымъ группамъ: у приленскихъ крестьянъ—$47,_{56}$%, у казаковъ—$53,_{66}$% и у крестьянъ Амгинской слободы—$82,_{48}$%.

Всего рѣзче проявляется различіе въ окраскѣ якутянъ и великоруссовъ въ числѣ особей темнаго типа (темноволосыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ темноглазыхъ) сравнительно съ особями смѣшаннаго и темнаго типа. Въ то время, какъ у другихъ русскихъ славянъ темный типъ нигдѣ не доходитъ до 40% всего населенія и почти всюду даетъ гораздо меньшую цифру, у якутянъ особи темнаго типа составляютъ $46,_{75}$% общей массы (631 набл.), а въ частности: у приленцевъ—$41,_{19}$%, у казаковъ и горожанъ—$48,_{78}$% и среди амгинцевъ—$73,_{20}$%.

Доказательствомъ того, что потемнѣніе окраски происходитъ у русскихъ уроженцевъ Якутской обл. именно подъ вліяніемъ смѣшенія съ якутами, можетъ служить слѣдующій подсчетъ: у подвергавшихся наблюденіямъ приленскихъ крестьянъ (421 чел.), какъ упоминалось выше, оказалось усвоившихъ якутское обличье $37,_{29}$% (157 чел.) и сохранившихъ русскій типъ 264 чел. Разсматривая обѣ эти группы отдѣльно, мы находимъ между ними такое различіе:

	темноволосыхъ	русыхъ	темноглазыхъ	свѣтлоглазыхъ
у руссовидныхъ	$48,_{5}$%	$51,_{5}$%	$33,_{71}$%	$66,_{29}$%
у якутоватыхъ.	$65,_{0}$%	$35,_{0}$%	$68,_{79}$%	$31,_{21}$%

Въ согласіи съ только-что приведенными данными о цвѣтѣ волосъ и глазъ находятся данныя о цвѣтѣ кожи на открытыхъ мѣстахъ. Изъ 119 русскихъ горожанъ, казаковъ и приленскихъ крестьянъ 79 (т.-е. $66,_{39}$%) оказались болѣе или менѣе смуглыми и только 40 чел. вполнѣ бѣлыми. У амгинцевъ смуглые составляютъ $80,_{65}$%.

Ростъ. Для опредѣленія роста я располагаю матеріалами двоякаго рода: извлеченіями изъ призывныхъ списковъ Якутскаго и Олекминскаго воинскихъ присутствій за 22 года (1874—1895) и измѣреніями 127 взрослыхъ крестьянъ, казаковъ и горожанъ и 30 подростковъ. Интересуясь только коренными якутянами, я исключилъ въ своихъ выборкахъ всѣхъ

призывавшихся, не принадлежавшихъ къ числу уроженцевъ Якутской обл., а изъ числа уроженцевъ области исключилъ всѣхъ евреевъ и татаръ (сыновей ссыльныхъ) [1]). Такимъ образомъ извлеченныя мною данныя характеризуютъ только природныхъ якутянъ въ возрастѣ въ 21 годъ. Общее число ихъ за весь указанный періодъ составляло лишь 860 чел.

Распредѣляя ихъ по намѣченнымъ выше группамъ, я получилъ для призывныхъ такія среднія:

горожане (239 чел.).	166.48 сант.	maxim.	186.69	minim.	126.68
прилен. крест. Якут. окр. (200 ч.). .	164.39	„	180.58	„	137,79 [2])
прилен. крест. Олекм. окр. (365 ч.) .	163.44	„	183.36	„	140.02
крест. Амгинской слободы (55 ч.). .	160.25	„	175.58	„	133.35

Общая средняя составила для всѣхъ 860 чел. 164,20 сант. [3]).

Значительной разницѣ въ среднихъ роста вполнѣ соотвѣтствуютъ различія въ распредѣленіи внутри каждой группы особей по ихъ росту:

Въ %% къ общей численности каждой группы:

Группы	186.69—185.1	185.0—180.1	180.0—175.1	175.0—170.0	Всего высокихъ.	169.9—165.1	165.0—160.0	Всего средняго роста.	159.9—155.1	155.0—150.1	150.0—145.1	145.0—140.0	139.9—135.1	135.0—130.1	130.0—125.0	125.0....	Всего низкихъ.
Горожане (239 чел.)	0.42	2.09	10.04	19.25	31.80	29.29	25.10	54.39	10.04	1.25	1.25	0.42	0.42	—	0.42	0,	13.80
Кр. Якут. ок. (201 ч.)	—	0.5	6.0	18.0	24.5	30.5	20.0	50.5	16.5	3.5	1.0	3.0	1.0	—	—	0.50	25.50
Кр. Олекм. ок. (365 ч.)	—	0.55	3.83	12.05	16.43	24.38	35.34	59.72	13.97	7.67	1.97	0.82	—	—	—	—	23.83
Амгинцы (55 чел.)	—	—	1.82	7.27	9.09	23.63	21.82	45.45	27.27	7.27	5.45	3.13	—	1.82	—	—	44.94
Всѣ вмѣстѣ.	0.12	0.99	5.93	15.11	22.09	27.09	28.02	55.11	14.30	4.88	1.51	1.39	0.33	0.12	0.12	0.12	22.79

Взрослое населеніе по нашимъ измѣреніямъ оказывается болѣе, чѣмъ на 2 сант., выше призывного, причемъ казаки обнаруживаютъ болѣе высокій ростъ, чѣмъ крестьяне. Вотъ среднія по группамъ:

Горожане (12 чел.).	ср.	169.30 [4])	maxim.	187.5	minim.	157.3
Казаки (29 чел.)	„	168.25	„	184.6	„	154.1

---

[1]) Якуты и тунгусы не подлежатъ воинской повинности, но число призывныхъ изъ евреевъ и татаръ въ Якутской обл. довольно велико.

[2]) Кромѣ того, въ этой группѣ оказался одинъ карликъ, имѣвшій только 74.53 сант.

[3]) Д. Н. Анучинъ, на основаніи тѣхъ же списковъ, но лишь за 10 лѣтъ (1874—83), безъ исключенія иногороднихъ, татаръ и евреевъ, нашелъ для Якутскаго округа 165.8 и для Олекминскаго—165.2 сант.

[4]) Миддендорфъ опредѣлилъ ростъ русскихъ изъ Якутска цифрой еще болѣе высокой—170,18.

Крест. Якут. ок. (24 чел.) .	ср.	$166._{55}$	maxim.	$173,_{9}$	minim.	$153._{8}$
Крест. Олекм. ок. (30 ч.) .	„	$165,_{81}$	„	$178,_{1}$	„	$153,_{7}$
Амгинцы (32 чел.).	„	$163._{75}$	„	$174._{0}$	„	$154._{6}$
Средняя для всѣхъ 127 русскихъ		$166._{32}$				

Общая рослость измѣренныхъ выражается такими цифрами

въ $^0/_0{}^0/_0$ къ общей численности группы:

	выше $170._{0}$ сант.		$170—165._{0}$ сант.		$165—160,_{0}$ сант.		$160._{0}$....
Горожане (12 ч.).	$41._{67}$	„	$33._{39}$	„	$8._{33}$	„	$16._{67}$
Казаки (29 ч.)	$44._{83}$	„	$20._{69}$	„	$24._{11}$	„	$10._{34}$
Прилен. кр. (54 ч.) . . .	$29._{63}$	„	$29._{63}$	„	$29._{63}$	„	$11._{11}$
Амгинцы (32 ч.).	$12._{50}$	„	$31._{25}$	„	$25._{00}$	„	$31._{25}$
Всѣ вмѣстѣ	$29._{92}$	„	$28._{35}$	„	$25,_{19}$	„	$16._{54}$

Разсматривая эти цифры, мы видимъ, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ выводамъ, получившимся при разработкѣ данныхъ воинскихъ присутствій. Тѣ же группы, которыя даютъ болѣе высокія среднія для роста призывныхъ, оказываются болѣе высокими и по даннымъ измѣренія взрослыхъ, но абсолютныя величины среднихъ роста каждой группы для возмужалаго населенія повышаются на $1,_{18}—3,_{08}$ сант. сравнительно съ ростомъ призывныхъ. Такъ какъ по наблюденіямъ, производившимся въ Евр. Россіи, взрослое населеніе въ общемъ лишь на 2 сант. выше призывного, то въ объясненіе получившейся у меня разницы, я могу привести два соображенія: во-первыхъ, большинство измѣренныхъ мною крестьянъ состояло изъ солдатъ Якутской команды, т.-е. изъ лицъ не ниже извѣстнаго роста, вслѣдствіе чего процентъ малорослыхъ, опредѣленный по этому матеріалу, долженъ оказаться ниже того же процента въ общей массѣ населенія; и во-вторыхъ, весьма вѣроятно, что сѣверный климатъ замедляетъ развитіе русскихъ, почему въ призывномъ возрастѣ многія особи дальше отстоятъ отъ своего полнаго роста, чѣмъ это бываетъ въ умѣренномъ климатѣ.

Принимая средній ростъ великоруссовъ въ 165—166 сант. и сопоставляя съ этой нормой среднія якутянъ, мы найдемъ, что якутскіе казаки и горожане сравнительно съ прочими великоруссами высокорослы (что объясняется, по всей вѣроятности, первоначальнымъ подборомъ предковъ), приленскіе крестьяне, несмотря на 120-лѣтній періодъ смѣшенія съ якутами, сохранили нормальный ростъ предковъ—славянъ, и лишь амгинцы оказываются ниже большинства русскихъ, хотя даже ихъ ростъ отнюдь не представляетъ чего-либо исключительнаго и необычнаго въ Европ. Россіи.

Съ другой стороны, относительно роста якутовъ въ литературѣ имѣются такія данныя: по измѣреніямъ **Миддендорфа**, средній ростъ

якутовъ—160—162,$_{56}$ сант., по измѣреніямъ Маака—147,$_{92}$—165,$_{10}$, по измѣреніямъ Ф. Я. Кона—162,$_{3}$ [1]), и, наконецъ, по измѣреніямъ Н. Л. Геккера — 161,$_{39}$, причемъ всѣ эти авторы не выдѣляли изъ числа измѣренныхъ завѣдомыхъ метисовъ. Какое значеніе имѣетъ это послѣднее обстоятельство, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: Н. Л. Геккеръ на стр. 26-ой своей работы объ якутахъ приводитъ среднія и предѣльныя цифры для населенія 4-хъ наслеговъ съ такими примѣчаніями: «1-й Игидейскій наслегъ—средн. 164,$_{6}$, max. — 187,$_{5}$ (русскій метисъ 28 лѣтъ); 3-й Бологурскій насл.—средн. 161,$_{6}$, max.—173,$_{7}$ (метисъ—тунгусъ 30 л.); Тарагайскій насл. — средн. 159,$_{6}$, max. — 177,$_{4}$ (метисъ — русскій 42 л.)»; только въ Хатырыцкомъ наслегѣ, при средней 159,$_{7}$, наиболѣе рослый субъектъ (172,$_{5}$) не имѣетъ отмѣтки о метисаціи. Еще многозначительнѣе данныя, сообщаемыя Ф. Я. Кономъ, измѣрившимъ 65 человѣкъ изъ Намскаго улуса: въ ихъ числѣ оказалось высокорослыхъ 8 (изъ нихъ завѣдомыхъ метисовъ 5), выше средняго — 13 (метисовъ 3), ниже средняго — 22 (метисовъ 4) и низкаго роста—22 (метисъ 1). Если сопоставить съ этимъ тотъ фактъ, что 25 якутовъ изъ весьма руссифицированной мѣстности, измѣренныхъ А. А. Сиповичемъ, дали среднюю 165,$_{6}$, то, кажется, можно будетъ съ полной увѣренностью принять средній ростъ чистокровныхъ якутовъ въ 161 сант. и значительное превышеніе этой средней въ какой-либо группѣ якутовъ относить на счетъ метисаціи съ русскими.

Рис. 3. Ин. Шараборинъ, крестьянинъ Олекминскаго округа, 24-хъ лѣтъ (ростъ—1614 мм.; цвѣтъ кожи—смуглый; волоса — почти черные; глаза—зеленые; головн. указ.—77,$_{37}$; лицев. указ.—75,$_{23}$).

Что касается до общей рослости якутскаго населенія, то по этому вопросу можно найти указанія лишь въ двухъ работахъ: Н. Л. Геккера и Ф. Я. Кона, не выдѣлявшихъ однако завѣдомыхъ метисовъ. По даннымъ указанныхъ наблюдателей можно составить такую таблицу

---

[1]) Ф. Я. Конъ, Физіологич. и біологич. данныя объ якутахъ; Р. Маакъ, Вилюйскій округъ, Якут. обл.; Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверо-востокъ Сибири.

въ $^0/_0{}^0/_0$ къ общей численности группы:

139 якутовъ Н. Л. Геккера.	Выше $170_{.0}$	$170_{.0}-165_{.0}$	$165_{.0}-160_{.0}$	$160_{.0}$...
Игидейск. насл.	$26_{.47}$	$26_{.47}$	$20_{.59}$	$26_{.47}$
Бологурс. насл.	$8_{.82}$	$29_{.41}$	$23_{.53}$	$38_{.23}$
Тарагайск. насл	$9_{.99}$	$20_{.00}$	$23_{.33}$	$46_{.63}$
Хатырыцк. насл.	$7_{.32}$	$19_{.52}$	$31_{.71}$	$43_{.41}$
Всѣ вмѣстѣ	$12_{.23}$	$23_{.74}$	$25_{.18}$	$38_{.85}$
65 якутовъ Ф. Я. Кона	$12_{.31}$	$20_{.00}$	$33_{.83}$	$33_{.85}$

Изъ этой таблицы видно, во-первыхъ, что выводы Ф. Я. *Кона* весьма близки къ общимъ выводамъ Н. Л. *Геккера*, и, во-вторыхъ, что среди якутовъ лишь игидейцы рѣзко выдѣляются въ особую группу, близкую по своей рослости къ приленскимъ крестьянамъ (но все-таки уступающую имъ), тогда какъ четыре остальныя группы якутовъ весьма сходны одна съ другой и приближаются къ амгинцамъ, отставая, однако, и отъ нихъ по своей рослости.

Все предыдущее позволяетъ сдѣлать такія заключенія: 1) разница роста между якутами и русскими составляетъ около 5 сант. въ пользу русскихъ; 2) *ростъ русскихъ производителей оказывается весьма устойчивымъ признакомъ*, сохраняющимся долгое время, *даже при повторныхъ скрещиваніяхъ метисовъ съ якутками*.

Сопоставляя данныя о ростѣ измѣренныхъ *и о цвѣтѣ ихъ волосъ и глазъ*, мы не встрѣтили какой-либо правильности въ соотношеніи этихъ признаковъ: если наиболѣе темное и объякутившееся населеніе—амгинцы—оказывается въ то же время и наименѣе рослымъ, то съ другой стороны, наиболѣе рослые изъ русскихъ—казаки и горожане—темнѣе средне-рослыхъ приленскихъ крестьянъ. Въ общемъ, однако, 41 блондинъ даютъ средняго роста $167,_{24}$, а 47 свѣтлоглазыхъ—$168,_{24}$, т.-е. цифры болѣе высокія, чѣмъ всѣ русскіе безъ различія окраски. Изъ этого факта можно заключить, что *весьма малый ростъ* чаще встрѣчается въ соединеніи съ *темной окраской*, и въ особенности съ темными глазами, чѣмъ въ соединеніи со свѣтлыми: 2) что среди *брюнетовъ*, рядомъ съ элементомъ *очень малорослымъ*, существуетъ другой элементъ—*очень рослый*, и 3) что *блондинамъ* свойственъ преимущественно *средній ростъ*, въ меньшей степени—высокій и въ еще меньшей - малый.

Длина ногъ. Въ ближайшемъ отношеніи къ росту находится длина ноги, при измѣреніи которой я принималъ за исходную точку высоту верхне-передней подвздошной ости. Такъ какъ многіе изслѣдователи измѣряютъ эту величину иначе, то сравненіе моихъ цифръ съ соотвѣтственными данными о другихъ славянахъ возможно лишь въ рѣдкихъ

случаяхъ, причемъ необходимо имѣть въ виду и различіе роста сравниваемыхъ населеній. По моимъ наблюденіямъ, ноги русскихъ якутянъ во всѣхъ группахъ, не исключая амгинцевъ, и абсолютно, и относительно длиннѣе, чѣмъ ноги игидейцевъ, но относительно короче, чѣмъ ноги поляковъ (по А. Д. Элькинду).

Изъ отдѣльныхъ частей ноги явственное отличіе отъ якутской представляетъ у русскихъ ступня, съ тою особенностью, что ступня амгинцевъ совершенно равна ступнѣ игидейцевъ.

	Высота верх.-подвзд. ости.	Ея отнош. къ росту.	Длина ступн.	Ея отнош. къ росту.
Игидейцы	$87_{,19}$	$53_{.34}$%	$24_{.32}$	$14_{.88}$%
Горожане	$92_{.85}$	$54_{.84}$%	$25_{.33}$	$14_{.97}$%
Казаки	$92_{.38}$	$54_{.91}$%	$26_{.46}$	$15_{.73}$%
Прилен. крест. Якутск. окр.	$92_{.32}$	$55_{.43}$%	$26_{.32}$	$15_{.80}$%
„ Олекм. окр.	$91_{.41}$	$55_{.13}$%	$25_{.10}$	$15_{.14}$%
Амгинцы	$90_{.30}$	$55_{.14}$%	$24_{.28}$	$14_{.83}$%
Всѣ русскіе	$91_{.65}$	$55_{.10}$%	„	„
Поляки (средн. ростъ $163_{.4}$)	$91_{.5}$	$55_{.99}$%	$26_{.2}$	$16_{.06}$%

При раздѣленіи всѣхъ измѣренныхъ на три группы: высокорослыхъ, среднерослыхъ и малорослыхъ, относительная длина ноги представляетъ такія измѣненія: для 1-й группы—$55_{,59}$%, для 2-й—$55_{,09}$% и для 3-й—$54_{,47}$%, а длина ступни для тѣхъ же группъ—$15_{,08}$%, $15_{,13}$% и $14_{,89}$%.

Длина рукъ. Длина руки во всѣхъ группахъ русскаго населенія, кромѣ амгинцевъ, оказывается относительно одинаковой; абсолютныя цифры колеблются въ предѣлахъ $73_{,73}$ (крест. Олекм. окр.)—$75_{,66}$ (казаки Олекм. окр.), тогда какъ относительныя не выходятъ изъ предѣловъ $44_{,49}$% (крест. Олекм. окр.) — $44_{,81}$%, (крест. Якут. окр.). У высокорослыхъ отношеніе руки къ росту составляетъ $44_{,89}$%, у среднерослыхъ—$45_{,05}$% и у малорослыхъ—$45_{,28}$%.

Н. В. Гильченко для 61 кубанскихъ казаковъ (средн. ростъ 170, сан.) опредѣлилъ это отношеніе въ $44_{,63}$% роста. Разнообразіе этихъ цифръ не позволяетъ установить какую-либо норму, типическую для русской или славянской руки вообще, но для опредѣленія длины руки европейцевъ вообще мы находимъ у Топинара таблицу, охватывающую болѣе 12 тысячъ особей разныхъ національностей и общественныхъ положеній [1]); изъ 11 группъ европейцевъ, включенныхъ въ эту таблицу, лишь одна небольшая группа (170 чел.) даетъ отношеніе руки къ росту

[1]) P. Topinard. Éléments d'anthropologie générale, p. 1076.

$46,_4\%$; для остальныхъ 10 группъ отношеніе это колеблется въ предѣлахъ $43,_2$—$45,_5$. Если припомнить затѣмъ, что по греческому канону, возстановленному Кетле, интересующее насъ отношеніе составляетъ $45,_5\%$, то можно будетъ признать съ нѣкоторой возможностью типическимъ для арійцевъ отношеніе $44,_5$—$45,_5$. Съ другой стороны, въ работѣ Д. П. Никольскаго о башкирахъ [1]) сведены данныя о нѣсколькихъ восточныхъ народностяхъ; въ числѣ ихъ мы находимъ 14 группъ тюрковъ, изъ которыхъ отношеніе руки къ росту ниже 44% имѣетъ лишь одна группа, 44—46%% - 5 группъ и выше 46%—8 группъ, а съ прибавленіемъ башкиръ, измѣренныхъ самимъ авторомъ,—9 группъ (среднее отношеніе руки къ росту у башкиръ по Д. П. Никольскому—$46,_4\%$).

У игидейскихъ якутовъ средняя длина руки составляетъ $75,_{28}$ сант., что въ отношеніи къ росту даетъ $46,_{05}\%$; у амгинскихъ крестьянъ абсолютная длина руки $75,_{42}$ сант. и относительная—$46,_{06}\%$, т.-е. насколько длина ноги сближаетъ амгинцевъ съ русскими, настолько длина руки отличаетъ ихъ отъ русскихъ и сближаетъ съ якутами.

Несмотря на указанное выше сходство амгинцевъ съ русскими по относительной длинѣ ноги, ступня ихъ, какъ мы видѣли раньше, уступаетъ по величинѣ ступнѣ другихъ русскихъ и совершенно одинакова со ступней игидейцевъ. Любопытно, что такую же обратность соотвѣтствія мы видимъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей руки: въ то время, какъ по общей длинѣ верхней конечности амгинцы подходятъ къ якутамъ, по абсолютной длинѣ кисти они вполнѣ сходны съ русскими, у которыхъ кисть оказывается больше, чѣмъ у якутовъ: кисть 127 русскихъ—$19,_{17}$ сан. (колебанія по группамъ $18,_{72}$—$19,_{61}$), кисть амгинцевъ—$19,_{48}$ сант., кисть игидейцевъ —$18,_{85}$ сант. Отношеніе длины кисти къ росту у русскихъ и у якутовъ оказывается совершенно одинаковымъ: у тѣхъ и у другихъ—$11,_{53}\%$ (у амгинцевъ—$11,_{89}\%$).

Туловище. Прямыхъ измѣреній длины туловища я не производилъ, но косвеннымъ показаніемъ этой величины можетъ служить отношеніе къ росту высоты темени при сидячемъ положеніи. Послѣдовательность цифръ при этомъ измѣреніи получилась, какъ и слѣдовало ожидать, обратная той, какая была найдена для длины ногъ. Всѣ русскіе якутяне обнаружили отношеніе высоты темени къ росту отъ $51,_{35}\%$ (казаки Якут. окр., абсолютн.—$87,_{80}$ сант.), до $52,_{88}\%$ (казаки Олекм. окр., абсолютн.—$89,_{06}$), а въ среднемъ для всѣхъ - $52,_{40}\%$ (абсолютн.—$87,_{15}$); амгинцы не отличаются отъ прочихъ: ихъ средняя—$52,_{23}\%$ (абсолютн.—$85,_{46}$), тогда какъ у игидейцевъ мы находимъ абсолютную величину $86,_{70}$ сант. и относительную—$53,_{04}\%$. По г. Талько-Грынцевичу, у забайкальскихъ старообрядцевъ это отношеніе составляетъ $52,_7\%$, у ма-

---

[1]) Д. П. Никольскій. Башкиры, стр. 243.

лороссовъ — $51_{,9}\%$ и у бѣлоруссовъ — $52_{,2}\%$. Слѣдовательно, туловище якутянъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у малороссовъ, но почти совпадаетъ съ туловищемъ бѣлоруссовъ и чистокровныхъ великоруссовъ.

Объемъ груди измѣрялся мною и Н. Л. Геккеромъ не одинаковымъ способомъ: мною—при поднятыхъ рукахъ и г. Геккеромъ — при опущенныхъ; вслѣдствіе этого цифры г. Геккера для сравненія съ моими должны быть редуцированы приблизительно на 2 сант.; при такой редукціи окажется, что грудной указатель якутовъ и амгинцевъ приблизительно на $0_{,50}\%$ выше, чѣмъ у русскихъ. Безъ редукціи цифры нашихъ измѣреній таковы: у игидейцевъ—$91_{,79}$ сант., отношеніе къ росту—$56_{,15}$; у амгинцевъ—$91_{,94}$, отношеніе къ росту—$56_{,14}$; у остальныхъ русскихъ—отъ $86_{,49}$ сант. (казаки сѣверныхъ округовъ) до $90_{,97}$ (крестьяне Якут. окр.) и относительно отъ $51_{,94}\%$ (казаки сѣверныхъ округовъ) до $54_{,62}$ (крест. Якут. окр.), а въ общемъ (съ амгинцами)—$90_{,78}$ сант., или $54_{,58}\%$ роста.

Рис. 4. В. Жирковъ, крестьянинъ Амгинской слободы, 25-ти лѣтъ (ростъ—1655 мм.; цвѣтъ кожи—коричн.-смуглый; волоса—почти черные; глаза — темно-каріе; головн. указ.—$77_{,16}$; лицев. указ.—$74_{,61}$).

Ширина плечъ во всѣхъ группахъ русскаго населенія, кромѣ амгинцевъ, абсолютно и относительно выше, чѣмъ у якутовъ, причемъ по отношенію къ росту процентъ ея увеличивается съ пониженіемъ роста; послѣдовательность цифръ такова: горожане — $36_{,51}$ стм. ($21_{,57}\%$), казаки — $37_{,12}$ стм. ($22_{,06}\%$), крестьяне Якутскаго окр. — $36_{,93}$ стм. ($22_{,17}\%$), крестьяне Олекминскаго окр. — $37_{,15}$ стм. ($22_{,40}\%$), у игидейцевъ — $35_{,38}$ стм. ($21_{,64}\%$), у амгинцевъ — только $34_{,15}$ стм. ($20_{,86}\%$).

Ширина таза, какъ и предыдущая величина, оказалась у амгинцевъ болѣе сходной съ якутской, чѣмъ съ русской. Во всѣхъ группахъ якутянъ измѣреніе обнаружило почти одинаковое разстояніе подвздошныхъ гребней съ весьма незначительными колебаніями по группамъ: $27_{,68}$ стм. у крестьянъ Якутскаго окр., $28_{,78}$ стм. у горожанъ и въ % отношеніи къ росту: $16_{,49}\%$ у казаковъ Якутскаго окр. и $17_{,05}\%$ у крестьянъ Олекминскаго окр. У игидейцевъ абсолютная величина—$27_{,98}$ стм. и относительная — $17_{,12}\%$; у амгинцевъ абсолютн. — $28_{,18}$ стм. и относит.— $17_{,21}\%$.

Если допустить, что игидейцы являются типическими представителями якутской расы, то надо будетъ признать, что въ строеніи туловища

якуты представляютъ довольно существенныя отличія отъ русскихъ, а именно: по отношенію къ росту туловище ихъ длинное, грудь немного шире, плечи уже и тазъ шире, чѣмъ у русскихъ.

Амгинцы, приближаясь къ русскимъ относительною длиною туловища, по всѣмъ прочимъ измѣреніямъ этой части тѣла повторяютъ или даже усиливаютъ признаки якутскаго типа.

Голова. Въ величинѣ головы (разница высотъ роста и подбородка) ни между отдѣльными группами якутянъ, ни между русскими и якутами не обнаруживается сколько-нибудь характерныхъ отличій. Тѣ и другіе обладаютъ не особенно большой головой, причемъ у обѣихъ народностей малорослыя особи имѣютъ голову относительно бо́льшаго размѣра. У русскихъ среднія по группамъ не выходятъ изъ предѣловъ $20_{,14}$ стм. (амгинцы)—$21_{,83}$ стм. (казаки Олекм. окр.), а относительныя: $12_{,29}$% (амгинцы) — $12_{,91}$% (казаки Олекм. окр.). У игидейцевъ величина головы — $20_{,33}$ стм. или $12_{,44}$% роста. Въ порядкѣ нисходящей рослости мы находимъ у русскихъ: $12_{,20}$%, $12_{,64}$% и $12_{,63}$%; у якутовъ: $12_{,15}$%, $12_{,32}$% и $12_{,92}$%.

Горизонтальная окружность головы, въ противоположность предыдущей величинѣ, повидимому, не одинакова у русскихъ и у тюрокъ. По даннымъ, извлеченнымъ изъ разныхъ источниковъ В. В. Воробьевымъ, горизонтальная окружность головы великоруссовъ для разныхъ группъ даетъ среднія величины $55_{,8}$—$56_{,8}$ стм. У кубанскихъ казаковъ Н. В. Гильченко опредѣлилъ среднюю этой величины въ $55_{,05}$ стм. или въ % отношеніи къ росту $32_{,3}$%; у кіевлянъ В. Дибольдъ нашелъ среднюю $56_{,3}$ с. или въ % отношеніи $33_{,7}$%; по г. Талько-Грынцевичу, у кіевлянъ средняя $54_{,6}$ стм. или $32_{,7}$%, у семейскихъ Забайкалья — $55_{,8}$ стм., въ 9-ти группахъ малороссовъ и бѣлоруссовъ ниже $55_{,01}$ стм.; горизонтальная окружность поляковъ, по Элькинду, — $56_{,0}$ с. или $34_{,35}$% роста. Съ другой стороны, въ 55 группахъ различныхъ тюрко-монгольскихъ народностей (А. Харузинъ, Киргизы Букеевской орды, в. II-й, стр. 235) мы встрѣчаемъ среднюю величину, превышающую максимальную среднюю великоруссовъ, въ 12 группахъ. Игидейскіе якуты дали среднюю, соотвѣтствующую максимальной средней великоруссовъ — $56_{,86}$ стм. или въ % отношеніи къ росту $34_{,78}$%. Еще большія величины получились при измѣреніи амгинцевъ—$57_{,36}$ стм. или $35_{,03}$% роста, тогда какъ у всѣхъ остальныхъ якутянъ размѣры горизонтальной окружности только $55_{,01}$ стм. (крест. Якут. окр.) и $56_{,21}$ стм. (горожане), а въ % отношеніи $32_{,69}$% (казаки Якутск. окр.) и $33_{,80}$% (крест. Олекм. окр.) Не исключая изъ нашего ряда амгинцевъ, мы найдемъ, что у высокорослыхъ якутянъ отношеніе горизонтальной окружности къ росту составляетъ $32_{,33}$%, у среднерослыхъ—$34_{,01}$% и у малорослыхъ—$35_{,49}$%. У игидей-

скихъ якутовъ мы находимъ такое же возрастаніе относительной величины съ пониженіемъ роста: 33,61% — у высокихъ, 34,67% — у среднерослыхъ и 36,09%—у малорослыхъ.

Головной указатель. У всѣхъ русскихъ якутянъ, не исключая амгинцевъ, черепъ сохраняетъ типичную для великоруссовъ форму, близкую къ мезоцефальной, съ нѣкоторой наклонностью къ брахицефаліи. В. В. Воробьевъ для 325 рязанцевъ нашелъ средній головной указатель—81,48; другіе авторы, по большей части, находятъ величину, близкую къ 82,00, мои-же 127 взрослыхъ якутянъ даютъ въ среднемъ 81,06, съ весьма незначительными колебаніями по группамъ. Сравнивая ихъ указатели съ указателями якутовъ, измѣренныхъ Н. Л. Геккеромъ, мы находимъ между тѣми и другими большое различіе:

Русскіе.	Средн.	Колебан.		Якуты.	Средн.	Колебан.	
Горожане.	80.90	74.36	84.41	Игидейск. наслега.	83.79*	75,88	90,76
Казаки сѣвер. окр.	80.16	77.66	83.94	Бологурск. насл. .	83.68	76.53	94,80
Казаки Якут. окр.	80.90	74.48	88.42	Хатырыцк. насл. .	82,64	71,72	91.57
Казак. Олекм. окр.	81.06	76.14	85.95	Тарагайск. насл. .	81.70	75.38	88.07
Крест. Як. окр. .	82.50	76.14	90.76				
Крест. Олекм. окр.	81.55	75.88	86.34				
Амгинцы.	79.99	72.68	89.13				

Присоединяя къ 127 взрослымъ 30 воспитанниковъ старшихъ классовъ Якутской духовной семинаріи и сравнивая затѣмъ русскихъ якутянъ по распространенности среди нихъ разныхъ головныхъ типовъ съ другими великоруссами, мы найдемъ, что якутяне и тутъ сохраняютъ свое сходство съ великоруссами, проявляя, вопреки всякимъ ожиданіямъ, нѣсколько бо́льшую наклонность къ длинноголовости, чѣмъ менѣе ихъ метисированные забайкальцы и рязанцы:

Указ.	75 и ниже.	75.01—77.77.	77.78—80.00.	80.01—83.33.	83.33...
Якуты (139 чел.)	0.72	8.63	13.53	30.22	46,76
Горожане.	0	16.66	16.66	50.00	16.66
Казаки.	6.66	10.00	26.66	36.66	20.00
Приленск. крест.	0	11.11	20.37	33.33	35.18
Амгинцы.	6.25	21.88	18.75	40.63	12.50
Семинаристы.	0	13.33	10.00	36.66	40,00
Всѣ якутяне (157 чел.). . .	2.35	14.01	19.11	37.58	26,75
Рязанцы (325 чел.).	0.6	8.9	25.8	39,3	25,4
Забайкальцы (232 чел.) . .	2.66	3.68	21.59	33.48	39.25
Великоруссы Икова (126 чел.).	„	19.06	„ 17.46	„	63,48

Полные брахицефалы (болѣе 83,33) среди якутовъ составляютъ почти половину населенія — 46,76%, у забайкальскихъ староверовъ ихъ

*) По Н. Л. Геккеру, безъ выдѣленія двоихъ высокорослыхъ метисовъ, 84.36; наибольшій указатель полученъ имъ на одномъ изъ метисовъ—93.99.

около 39%, у рязанцевъ и у русскихъ якутянъ—немного болѣе четверти ($25,_4$% и $26,_{75}$%); особей съ указателемъ ниже $80,_{00}$ у якутовъ—$22,_{88}$%, у забайкальцевъ—$27,_{33}$%, у рязанцевъ—$35,_3$% и у русскихъ якутянъ—$35,_{67}$%. Различіе между рязанцами и якутянами состоитъ исключительно въ томъ, что особей съ указателемъ ниже $77,_{78}$ у рязанцевъ $9,_5$%, а у якутянъ—$16,_{56}$%. Еще болѣе полное сходство съ якутянами представляютъ великоруссы, измѣренные Иковымъ: среди нихъ подлинноголовыхъ и длинноголовыхъ $19,_{06}$% и среднеголовыхъ—$17,_{46}$%.

Обнаруживаемое этими цифрами распредѣленіе головныхъ типовъ тѣмъ болѣе удивительно, что менѣе всего короткоголовыми оказываются именно наиболѣе смѣшанные съ брахицефалами-якутами амгинцы, а наиболѣе короткоголовы—старообрядцы Забайкалья, извѣстные чистотою своей русской крови.

Выдѣляя въ особую группу блондиновъ, мы найдемъ, что они менѣе брахицефальны, чѣмъ брюнеты: средній головной указатель блондиновъ (51 чел.)—$80,_{92}$—ниже указателя всѣхъ вообще якутянъ—$81,_{06}$.

Головной указатель малорослыхъ—$89,_{92}$ и среднерослыхъ—$80,_{43}$, ниже указателя высокорослыхъ—$82,_{15}$.

Изслѣдуя каждый изъ головныхъ діаметровъ въ отдѣльности, мы находимъ, что поперечный наибольшій діаметръ якутянъ соотвѣтствуетъ типичному діаметру великоруссовъ (по В. В. Воробьеву $15,_{29}$—$15,_{62}$ стм.), приближаясь къ низшимъ предѣламъ этой нормы: у 127 взрослыхъ якутянъ въ среднемъ—$15,_{36}$ стм. По отдѣльнымъ группамъ колебанія ничтожны: $15,_{02}$—у казаковъ Якут. окр. и $15,_{43}$ у крестьянъ Олекм. окр.; у амгинцевъ—$15,_{31}$. У якутовъ, по Геккеру, этотъ діаметръ—$15,_{79}$; у южныхъ тунгусовъ, по моимъ измѣреніямъ,—$15,_9$ и у малорослыхъ сѣверныхъ тунгусовъ—$15,_3$. Значитъ, величина поперечника у якутянъ не обнаруживаетъ слѣдовъ инородческаго вліянія.

Иной характиръ носитъ величина длинника головы. В. В. Воробьевъ опредѣляетъ его для великоруссовъ въ $18,_{55}$—$18,_{86}$ стм.; средняя всѣхъ 127 якутянъ превосходитъ эту норму немного—$18,_{95}$ стм., но въ отдѣльныхъ группахъ величина эта представляетъ такой рядъ: $18,_{52}$ (крест. Якут. окр.), $18,_{57}$, $18,_{81}$, $18,_{87}$, $18,_{92}$, $19,_{01}$ и $19,_{47}$ (амгинцы). Сходныя цифры этого размѣра встрѣчаются, какъ среднія, у нѣкоторыхъ финновъ, тюрокъ и монголовъ, но не у славянъ. Якуты Н. Л. Геккера дали въ среднемъ величину длинника $19,_{00}$ стм., съ колебаніями по наслегамъ $18,_9$—$19,_2$ стм.; измѣренные мною южные тунгусы—$19,_2$, съ колебаніями по родамъ (6 родовъ) $18,_8$ - $19,_6$, и сѣверные—$18,_9$ стм. Слѣдовательно, размѣръ передне-задняго діаметра у русскихъ якутянъ носитъ особый характеръ, причемъ эта особенность всего сильнѣе выступаетъ именно у амгинцевъ, обусловливая собой ихъ относительную длинноголовость. Устанавливая этотъ фактъ, я, однако же, далекъ отъ того, чтобы

видѣть его причину только въ помѣси амгинцевъ и другихъ якутянъ съ якутами и тунгусами. Нельзя упускать изъ вида, что предки амгинцевъ происходили изъ сѣверо-восточной Россіи, т.-е. принадлежали къ населенію, до настоящаго времени совершенно неизслѣдованному въ антропологическомъ отношеніи и притомъ сильно смѣшанному съ болѣе древнимъ въ этомъ краѣ финскимъ элементомъ. Быть можетъ, продолговатый черепъ былъ свойственъ и первоначальнымъ выходцамъ изъ Устюга, какъ признакъ, заимствованный ими у финновъ.

Лобный наименьшій діаметръ якутянъ обнаруживаетъ такое же возрастаніе отъ группы горожанъ и казаковъ къ группѣ приленскихъ крестьянъ и амгинцевъ, какъ и поперечный наибольшій діаметръ, и, подобно послѣднему, не особенно великъ по абсолютнымъ размѣрамъ. Среднія этого діаметра таковы: казаки—$10_{,04}$ стм., $10_{,44}$ и $10_{,48}$; приленскіе крестьяне—$10_{,54}$ и $10_{,56}$; амгинцы—$10_{,74}$; игидейцы—$10_{,75}$. Кубанскіе казаки—$10_{,6}$; поляки—$10_{,75}$ сант.

Лицо. По длинѣ лица (отъ волосной линіи до подбородка) якутяне весьма близки къ малороссамъ и полякамъ ($17_{,49}$—$17_{,9}$ стм.) и уступаютъ рязанцамъ ($18_{,26}$ стм.); средняя всѣхъ взрослыхъ якутянъ—$17_{,98}$ стм., съ колебаніями по группамъ $17_{,07}$ (крест. Якут. окр.) и $18_{,10}$ (казаки Якут. окр.) и по группамъ рослости: высок.—$18_{,15}$, средн.—$17_{,86}$ и низк.—$18_{,02}$. У якутовъ эта величина выше, чѣмъ у русскихъ—$18_{,61}$, у южныхъ тунгусовъ также выше—$18_{,5}$. Амгинцы по длинѣ лица приближаются къ якутамъ и тунгусамъ: ихъ средняя—$18_{,52}$.

Абсолютная ширина лица якутянъ превосходитъ наибольшія величины этого размѣра, найденныя разными наблюдателями для другихъ русскихъ славянъ: $14_{,14}$ стм.—харьковцы (Эркерта), $14_{,09}$—кубанцы (Гильченко), $14_{,05}$—рязанцы (Воробьева), $14_{,09}$—бѣлоруссы (Эйхгольца). Мои якуты дали въ среднемъ $14_{,18}$, съ колебаніями по группамъ $13_{,82}$ (казаки Олекм. окр.)—$14_{,38}$ (крест. Олекм. окр.); амгинцы—$14_{,61}$. У якутовъ эта величина—$15_{,01}$, у южныхъ тунгусовъ—15,1. У другихъ тюрко-монгольскихъ народностей, какъ извѣстно, разстояніе скуловыхъ дугъ вообще очень широко, и потому значительную ширину этого размѣра, найденную мною у якутянъ и въ особенности у амгинцевъ, съ увѣренностью можно приписать воздѣйствію инородческаго элемента. Признавая ширину лица весьма характеристичною особенностью метисовъ, я считаю необходимымъ остановиться на этомъ признакѣ подробнѣе. Такъ какъ среднее разстояніе скуловыхъ дугъ, опредѣленное Н. Л. Геккеромъ для якутовъ въ $15_{,01}$ стм., значительно выше соотвѣтственнаго діаметра великоруссовъ, то я первоначально подсчиталъ среди своихъ якутянъ число особей съ діаметромъ $15_{,0}$ сант. и выше; ихъ оказалось всего 14 чел., т.-е. $11_{,02}$% всѣхъ измѣренныхъ, причемъ 8 изъ нихъ—амгинцы. Средній ростъ этихъ особей—$168_{,3}$ стм., средній головной указа-

тель—$82_{,44}$. По цвѣту волосъ 11 особей этой группы, т.-е. $78_{,57}$%, отмѣчены черными или почти черными и только 3—темно-русыми; по цвѣту глазъ къ брюнетическому типу принадлежитъ такой-же процентъ скуластыхъ, такъ какъ у 9 особей этой группы глаза оказались карими, у 2—зелеными и лишь у 3—сѣрыми. По формѣ глазъ 5 человѣкъ оказались якутоватыми. Отсюда видно, что весьма широкія скулы, по большей части, встрѣчаются въ соединеніи съ весьма темной окраской и находятся въ нѣкоторой связи съ брахицефаліей (хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ), тогда какъ отъ малорослости этотъ признакъ, повидимому, вполнѣ независимъ, такъ какъ большинство скуластыхъ принадлежитъ къ числу высокорослыхъ, а не малорослыхъ, какъ можно было-бы ожидать a priori. Среднія по группамъ рослости: $14_{,37}$, $14_{,26}$ и $13_{,80}$ стм.

Разсматривая распредѣленіе особей по ширинѣ ихъ лицъ, мы увидимъ, что ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе признаковъ не обнаруживаетъ такой же строгой зависимости отъ степени метисаціи. Такъ какъ изъ только-что приведенныхъ подсчетовъ очевидно, что величина $15_{,00}$ стм. черезчуръ высока для русскихъ, хотя-бы и смѣшанныхъ по крови съ якутами, то я выбираю за низшій предѣлъ широкоскулости $14_{,5}$ стм. и затѣмъ распредѣляю всѣхъ измѣренныхъ на три группы: нормальной скуластости—ниже $14_{,5}$ стм., широкоскулости—14_{5}—$15_{,4}$ и чрезвычайной скуластости—$15_{,5}$ и выше. При сравненіи якутянъ съ кубанцами, поляками и якутами получаются слѣдующіе ряды

въ %% къ общей численности группы:

	Ниже 145 мм.	145—154 мм.	155 мм....
Якуты	$27_{,31}$	$56_{,11}$	$16_{,55}$
Горожане	$50_{,00}$	$50_{,00}$	0
Казаки Олекм. окр.	$77_{,77}$	$22_{,22}$	0
Казаки Якут. окр.	$76_{,92}$	$23_{,04}$	0
Казаки сѣверн. окр.	$57_{,14}$	$42_{,86}$	0
Крест. Якут. окр.	$62_{,50}$	$37_{,50}$	0
Крест. Олекм. окр.	$50_{,00}$	$50_{,00}$	0
Амгинцы	$34_{,37}$	$62_{,50}$	$3_{,12}$
Всѣ якутяне	$53_{,54}$	$45_{,67}$	$0_{,79}$
Кубанцы	$83_{,61}$	$16_{,39}$	0
Поляки	$84_{,52}$	$15_{,48}$	0

Благодаря присутствію среди якутянъ, на-ряду съ крайними хамэпрозопами, извѣстнаго числа умѣренныхъ лептопрозоповъ, средній лицевой указатель не даетъ никакого представленія о дѣйствительныхъ особенностяхъ лица изслѣдуемой мною части русскихъ сибиряковъ. Въ самомъ дѣлѣ, средній лицевой указатель великоруссовъ и поляковъ нѣ-

сколько меньше указателя якутянъ, но въ нѣкоторыхъ группахъ малороссовъ и бѣлоруссовъ указатель этотъ превосходитъ 80 единицъ, т.-е. оказывается выше, чѣмъ у моихъ якутянъ—$78_{,87}$, такъ что малороссы оказались бы по такому опредѣленію болѣе плосколицыми, чѣмъ метисы Якутской области. Невѣрность такого заключенія выяснится для насъ изъ сопоставленія относительнаго числа скуластыхъ у якутянъ и кубанцевъ (Н. В. Гильченко):

Въ %% къ общей численности группы:

Лиц. указ.	ниже 70	70—75	75–80	80—85	85 и болѣе.
Рязанцы (сред. $77_{,11}$) . .	$3_{,40}$	—	$65_{,91}$ [1]) —	—	$30_{,65}$ [2]) —
Поляки (сред. $76_{,82}$) . . .	$3_{,38}$	$30_{,92}$	$43_{,95}$	$19_{,33}$	$2_{,42}$
Кубанцы (сред. $79_{,6}$) . . .	0	$9_{,81}$	$34_{,43}$	$45_{,90}$	$9_{,81}$
Якутяне (сред. $78_{,87}$) . .	$0_{,90}$	$19_{,82}$	$34_{,23}$	$26_{,13}$	$18_{,92}$

Крайніе хамэпрозопы (указ. выше 85) среди якутянъ встрѣчаются вдвое чаще, нежели среди кубанцевъ, и почти въ восемь разъ чаще, чѣмъ у поляковъ, хотя средніе указатели всѣхъ этихъ группъ не особенно отличаются одинъ отъ другаго.

Любопытно, пожалуй, отмѣтить и то, что процентъ относительно длиннолицыхъ особей среди якутянъ (указ. ниже 75)—$20_{,72}$—довольно близокъ къ проценту субдолихо-и долихоцефаловъ—$16_{,56}$.

Средній лицевой указатель якутовъ значительно выше указателя русскихъ якутянъ: въ четырехъ наслегахъ онъ оказался—$79_{,55}$ (игидейцы), $80_{,25}$, $80_{,53}$ и $82_{,45}$ (бологурцы). У южныхъ тунгусовъ сред. лиц. указ.— $81_{,62}$.

Въ одинаковой мѣрѣ съ верхнею шириною лица увеличилась у метисовъ и его нижняя ширина, т.-е. разстояніе между углами нижней челюсти, причемъ, подобно разстоянію скуловыхъ дугъ, размѣръ этотъ у приленскихъ крестьянъ выше, чѣмъ у казаковъ и горожанъ, и ниже, чѣмъ у амгинцевъ. Среднія по группамъ таковы: казаки—$10_{,80}$ сант., $10_{,84}$ и $10_{,88}$; горожане—$11_{,06}$; прилен. крестьяне—$11_{,08}$ и $11_{,28}$; амгинцы—$11_{,35}$; игидейскіе якуты—$11_{,66}$; южные тунгусы—$11_{,69}$—$12_{,27}$ сант. Въ 55 группахъ тюрко-монгольскихъ народностей (А. Харузинъ, Киргизы, в. II, стр. 619) среднія этого діаметра ниже $11_{,0}$ сант. оказываются лишь въ 11-ти группахъ. Съ другой стороны, у поляковъ и у кубанцевъ среднія челюстнаго діаметра почти совпадаютъ съ найденною мною среднею якутянъ (хотя у харьковцевъ, по Эркерту, и у кіевлянъ, по Дибольду, эти среднія выше: $11_{,02}$ и $11_{,50}$).

---

[1]) У В. В. Воробьева эта рубрика ограничена указателемъ 79, такъ что приведенное число $65_{,91}$ слѣдовало бы нѣсколько увеличить.

[2]) По причинѣ, указанной въ примѣчаніи 1-мъ, это число слѣдовало бы нѣсколько уменьшить. Особей съ указателемъ выше 82 среди рязанцевъ только $11_{,18}$.

Межглазничное разстояніе якутянъ неожиданно оказывается очень узкимъ. Только у амгинцевъ оно достигаетъ величины 3,27 сант., при индивидуальныхъ колебаніяхъ 2,6—4,2 сант., во всѣхъ же остальныхъ группахъ величина его незначительна: 2,83—3,0 сант., съ индивидуальными колебаніями 2,3—3,6 сант.

Въ ряду разсмотрѣнныхъ нами поперечныхъ размѣровъ головы и лица этотъ послѣдній размѣръ составляетъ исключеніе изъ общаго правила, по которому всѣ поперечники крестьянъ Олекминскаго окр. и амгинцевъ относительно шире, чѣмъ у якутскихъ казаковъ и у славянъ Евр. Россіи. Характерное для изслѣдуемыхъ мною группъ возрастаніе поперечниковъ выступитъ очень ясно при сведеніи разсмотрѣнныхъ выше величинъ къ долямъ роста:

		Попер. наиб. діам.	Наим. лобн. діам.	Межглазн. разст.	Скулов. діам.	Челюстн. діам.
	Кубанцы	8.09	6.2	1.93	8,29	6.41
	Поляки	9,15	6,58	2.02	8.45	6.24
	Рязанцы	9,27	?	?	8,51	?
Русскіе якутяне.	Горожане	9.01	6,24	1.71	8,40	6,53
	Казаки Олекм. окр.	9,04	5.94	1,72	8,18	6.51
	Казаки Якут. окр.	8,89	6,25	1.78	8.32	6,42
	Казаки сѣвер. окр.	9,08	6,27	1,66	8,42	6.53
	Прилен. кр. Якут. окр.	9,16	6,33	1.71	8,10	6,65
	Прил. кр. Олекм. окр.	9.31	6.37	1.71	8.67	6.80
	Амгинцы	9,35	6.56	1.99	8.92	6.93
Якуты.	Игидейцы	9,75	6,58	2.15	9,17	7.13
	Бологурцы	9.78	?	?	9,65	?
	Хатырыкцы	9.77	?	2.23	9,27	?
	Тарагайцы	9,83	?	?	9.27	?

Задаваясь цѣлью дать въ настоящемъ очеркѣ лишь самую сжатую характеристику русско-якутскихъ помѣсей, я ограничусь бѣглымъ замѣчаніемъ еще о двухъ особенностяхъ метисовъ. Одна изъ нихъ — форма глазъ. Своеобразность монгольскаго глаза слишкомъ извѣстна, чтобы о ней распространяться. Якутоватость глаза состоитъ въ нѣкоторомъ приближеніи къ монгольской формѣ по косинѣ разрѣза и по толщинѣ вѣкъ. Болѣе или менѣе якутоватыми по этому признаку отмѣчено: среди казаковъ и горожанъ—31,22%, среди приленскихъ крестьянъ—38,88% и среди амгинцевъ—53,13%. Другая особенность многихъ метисовъ, не свойственная чистымъ великоруссамъ, это—величина, мясистость и оттопыренность уха. По этому признаку отмѣчено якутоватыхъ: среди казаковъ и горожанъ—31,22%, среди приленскихъ крестьянъ—48,14% и среди амгинцевъ—25,0%.

Все предыдущее ведетъ къ установленію слѣдующихъ положеній:

1) Русскіе превосходятъ якутовъ: высотою роста, длиною ногъ, величиной ступни и кисти и шириною плечъ.

2) Всѣ эти признаки усвоены метисами въ размѣрахъ, свойственныхъ русскимъ; исключеніе составляютъ амгинцы, у которыхъ ширина плечъ и длина ступни уступаютъ по величинѣ даже якутскимъ.

3) Якуты превосходятъ русскихъ: длиною туловища, длиною рукъ, шириною таза, длиной и шириной черепа, длиной и шириной лица.

4) Амгинцы приближаются къ якутамъ по всѣмъ этимъ признакамъ, кромѣ длины туловища и отчасти ширины черепа [1]); приленскіе крестьяне, по сравненію со славянами Россіи, обнаруживаютъ увеличеніе скулового и челюстнаго поперечниковъ; по всѣмъ остальнымъ признакамъ они весьма близки къ прочимъ славянамъ; казаки и горожане превосходятъ прочихъ славянъ только шириною нижней челюсти.

5) На формѣ головы метисовъ якутское вліяніе, повидимому, ничѣмъ не отразилось.

6) Свойственная якутамъ величина и форма ушей составляетъ признакъ, легко передающійся метисамъ.

7) Метисація отражается нѣсколько и на формѣ глазъ, хотя полное воспроизведеніе монгольскаго глаза встрѣчается у метисовъ лишь въ видѣ исключенія.

8) Свойственная якутамъ темная окраска волосъ и глазъ замѣтно повліяла на окраску метисовъ, увеличивъ среди нихъ брюнетическій элементъ, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ передаваясь метисамъ безъ ослабленія въ оттѣнкѣ.

Установленные въ этихъ положеніяхъ факты можно свести къ двумъ обобщеніямъ:

1) **Мужскіе представители русско-якутской помѣси усвоили цѣликомъ отъ русскихъ производителей продольные размѣры тѣла и форму головы.**

2) **Окраска и черты лица въ значительной мѣрѣ усвоены ими отъ производительницъ — якутокъ.**

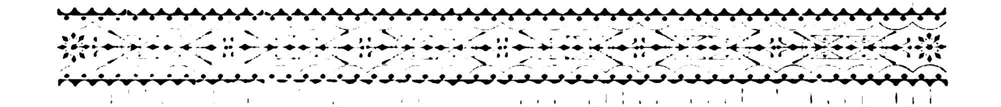
Выводы эти относятся **только** къ мужскому потомству русскихъ и якутокъ; каковы особенности женскаго потомства такихъ паръ, а равно каковы особенности мужскаго и женскаго потомства якутовъ-производителей и русскихъ женщинъ, — эти вопросы остаются совершенно открытыми.

П. И. Майновъ.

---

[1]) По отношенію къ росту размѣръ этотъ у амгинцевъ болѣе, чѣмъ у русскихъ, но абсолютно онъ не особенно великъ.

Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ *).

Вопросъ о продолжительности беременности вообще и о разницѣ въ продолжительности беременности мальчикомъ и дѣвочкой, сравнительно недавно выдвинутый учеными, относительно качинокъ долженъ считаться открытымъ и, что хуже, неразрѣшимымъ. Качинка считаетъ въ высшей степени для себя зазорнымъ разсказывать что-либо кому бы то ни было о менструаціяхъ. Дѣвушка, у которой появились крови, тщательно скрываетъ это передъ всѣми, не исключая матери, которая, если случайно и узнаетъ о нихъ, должна, по обычаю, притворяться незнающей. Пожилыя, многорожавшія женщины, и тѣ даже между собою считаютъ неприличнымъ говорить о регулахъ. Благодаря этому, время появленія зрѣлости и менопаузы у качинокъ, а также моментъ послѣдней передъ беременностью менструаціи не могутъ быть установлены, вслѣдствіе чего нельзя установить и продолжительности беременности. Качинки сами опредѣляютъ ее въ восемь солнечныхъ мѣсяцевъ какъ при беременности мальчикомъ, такъ и дѣвочкой.

Полъ ребенка можно опредѣлить еще во время беременности: у беременныхъ мальчикомъ животъ острый, у беременныхъ дѣвочкой—плоскій. Мальчикъ лежитъ въ правомъ боку, дѣвочка — въ лѣвомъ. Для опредѣленія пола ребенка существуетъ еще одинъ способъ: беременная садится на полъ съ ногами одна на-крестъ другой, послѣ чего, по приказанію опредѣляющей полъ опытной женщины, встаетъ. Если при вставаніи обопрется объ полъ правой рукой, родится дѣвочка, если лѣвой—мальчикъ.

Образъ жизни беременной ничѣмъ не отличается отъ обычнаго.

При нормальныхъ родахъ въ юрту, гдѣ рожаетъ качинка, не пускаютъ никого до перевязанія пуповины, кромѣ повитухи, каковой не

*) Качинцы живутъ въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ , въ Качинской степи, между р.р. Абаканомъ и обѣими Іюсами. Число ихъ—отъ 10 до 12.000 душъ. *Ред.*

можетъ быть женщина, у которой умерли дѣти. Даже мужъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Положеніе при родахъ—то же, что у сартянокъ, калмычекъ, киргизокъ и якутокъ: рожаютъ, либо сидя на корточкахъ на низенькой скамейкѣ, либо стоя на колѣняхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ держатся во время схватокъ за туго и горизонтально протянутую веревку.

Роды у качинокъ въ большинствѣ случаевъ отличаются сравнительной легкостью, чему, должно быть, не мало способствуетъ то, что качинки начинаютъ рано ѣздить верхомъ, вслѣдствіе чего конфигурація таза измѣняется и онъ становится выгоднымъ для родового акта. На легкость родовъ вліяетъ и возрастъ роженицы. Качинки, подобно якуткамъ, вступаютъ въ фактическое сожительство съ мужемъ чуть ли не въ дѣтскомъ возрастѣ. Конечно, это правило, отъ котораго бываетъ не мало отступленій. Такъ, въ бѣдныхъ семьяхъ, въ особенности же тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ сыновей, а есть однѣ дѣвушки, послѣднія долго не выходятъ замужъ, лѣтъ до 20—25, причемъ нерѣдко, въ концѣ продолжительнаго ожиданія, ихъ выдаютъ замужъ за мальчика лѣтъ 8—10. При такихъ условіяхъ проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, пока женщина не забеременѣетъ. Самый большой процентъ трудныхъ родовъ приходится именно на этихъ обездоленныхъ.

При трудныхъ родахъ, въ противоположность легкимъ, присутствіе мужа необходимо. Если обычные пріемы—горячія припарки къ животу, натираніе масломъ или мыломъ, подвѣшиваніе—не помогаютъ, повитуха вводитъ мужа; онъ снимаетъ съ себя поясъ и бросаетъ на роженицу; послѣ этого отпираются всѣ замки въ многочисленныхъ сундукахъ и шкатулкахъ, обиліемъ которыхъ гордится качинецъ; снимается береста, служащая для закрыванія трубы въ печкѣ; подъ юртой, неожиданно для роженицы, раздаются выстрѣлы, наконецъ, въ юрту вбѣгаетъ посторонній или, что лучше, совершенно незнакомый человѣкъ, который долженъ перешагнуть черезъ роженицу. «Ниг идегты кызи» (чужой для родовъ легокъ), говорятъ качинцы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ во время трудныхъ родовъ, когда всѣ средства исчерпаны, мужъ внезапно выбѣгаетъ изъ юрты, хватаетъ первую попавшуюся дѣвушку или даже дѣвочку за подолъ юбки съ боку и разрываетъ его снизу вверхъ. Чѣмъ болѣе жалко дѣвушкѣ разорванной юбки, тѣмъ лучше для роженицы, тѣмъ скорѣе она разрѣшится отъ бремени.

При родахъ качинки въ высшей степени выносливы. Намъ разсказывали про дѣвушку, скрывавшую беременность отъ родныхъ и окружавшихъ ее до послѣдняго момента. Тѣ узнали о ней только тогда, когда дѣвушка съ крикомъ упала на полъ и возлѣ нея очутился съ порванной пуповиной ребенокъ.

По появленіи ребенка перевязываютъ пуповину, но не ранѣе выхода послѣда. Пуповина перевязывается въ двухъ мѣстахъ, не ближе, чѣмъ на

2 пальца отъ пупка, жилой или сырой ниткой, послѣ чего перерѣзывается ножомъ или ножницами, но не иначе, какъ на дощечкѣ или щепочкѣ, такъ что при употребленіи для этого ножницъ онѣ функціонируютъ только какъ ножъ: пуповина, слѣдовательно, фактически не перерѣзывается, а перепиливается.

При задержаніи послѣда, его отдѣляютъ, вкладывая руку во влагалище и слегка подергивая за пуповину. Послѣдъ закапывается гдѣ-либо во дворѣ или въ стайкѣ. Послѣ перевязанія пуповины роды считаются оконченными; въ юртѣ появляются родственники-мужчины и женщины, начинается попойка, немалое количество айрана выпиваетъ и родильница. Въ это-то время предсказывается и судьба новорожденнаго, которую нетрудно опредѣлить заранѣе. Если ребенокъ родился въ полнолуніе, онъ будетъ счастливъ и долговѣченъ; если подъ молодой мѣсяцъ—долговѣченъ, но врядъ ли счастливъ; наконецъ, подъ старый мѣсяцъ — скоро помретъ или же будетъ несчастный, хворый. Конечно, это можетъ быть предотвращено шаманомъ. Особенно счастливъ ребенокъ, родившійся въ рубашкѣ, но только до тѣхъ поръ, пока она, высушенная родными, держится въ сохранности. Рубашка эта имѣетъ у качинцевъ значеніе предохраняющаго амулета. Судится ли качинецъ, идетъ ли на охоту, играетъ ли въ карты, разъ такая рубашка прикрѣплена къ кресту на груди его,—удача обезпечена.

Само собою разумѣется, что попойка, о которой мы говорили, имѣетъ мѣсто только въ случаѣ удачнаго исхода родовъ, какъ для матери, такъ и для ребенка.

Мертворожденныхъ младенцевъ качинцы, въ противоположность якутамъ, стараются оживить. Для этого мертворожденнаго кладутъ животикомъ на ладонь, лицомъ внизъ, и слегка покачиваютъ. Въ другихъ мѣстахъ брызгаютъ въ личико мертворожденнаго тепленькой водой.

Послѣ рожденія ребенка обмываютъ теплой водой, заворачиваютъ въ тряпку или въ зайчину и укладываютъ въ колыбель, устройства которой я не описываю, такъ какъ оно уже подробно описано у Островскихъ. Передъ тѣмъ, какъ положить въ первый разъ ребенка въ колыбель, въ нее кладутъ ножницы, нанизанныя на веревку металлическія пуговицы и другія брящающіе предметы, послѣ чего ее усиленно качаютъ для того, чтобы произведеннымъ шумомъ напугать и отогнать чорта. Это единственный случай, когда разрѣшается качать пустую колыбель. Процедура эта, несмотря на то, что колыбель въ семьѣ переходитъ отъ ребенка къ ребенку, продѣлывается передъ каждымъ появленіемъ новаго ребенка. Переходъ колыбели отъ ребенка къ ребенку имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если ранѣе родившіяся дѣти — живы; въ противомъ случаѣ для новорожденнаго сооружается новая колыбель. Въ семьяхъ, въ которыхъ умерло

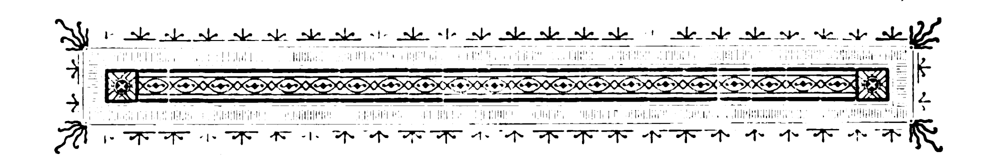
подъ-рядъ нѣсколько дѣтей, прибѣгаютъ, подобно якутамъ, къ фиктивной передачѣ ребенка въ другую семью.

Къ дѣтямъ отношеніе мягкое, нѣжное. Мать заботливо слѣдитъ за каждымъ движеніемъ ребенка, радуется, если онъ улыбается во снѣ, огорчается и прибѣгаетъ къ помощи шамана, если ангелъ—«умый» его обижаетъ и онъ во снѣ плачетъ. Грудью младенецъ пользуется до новой беременности матери; но какъ только мать вновь забеременѣла, ребенокъ тотчасъ же отставляется отъ груди, такъ какъ, по мнѣнію качинцевъ, «сосущій засасываетъ плодъ». Если новорожденный младенецъ вскорѣ послѣ рожденія умретъ, ранѣе отставленнаго ребенка вновь пріучаютъ къ груди.

Женщина во время родовъ и долгое время послѣ считается нечистой. Если роды застигнутъ ее внѣ ея домашняго очага, ее въ юрту къ себѣ никто не пуститъ. У себя въ юртѣ она, правда, не нуждается ни въ какихъ очистительныхъ жертвахъ, но, при входѣ въ другую юрту, она получаетъ отъ хозяевъ крошки сала, которыя должна бросить въ огонь на очагѣ. Если съ ней ребенокъ, то и онъ подвергается «очищенію», для чего ему намазываютъ переносицу сажей. Эти очищенія происходятъ въ каждой юртѣ, въ которой появляется въ первый разъ послѣ родовъ роженица съ ребенкомъ, хотя бы со времени родовъ прошло два, три мѣсяца и даже болѣе.

Имя ребенку дается на второй, третій день послѣ рожденія, иной разъ даже по истеченіи недѣли, въ зависимости отъ того, когда мать встанетъ съ постели, во время спеціально для этого устроеннаго пиршества—«бала-той». Рѣшающій голосъ въ избраніи имени принадлежитъ самому старому изъ присутствующихъ на пиршествѣ. Онъ, по своему усмотрѣнію, можетъ назвать ребенка то именемъ мѣсяца, въ которомъ онъ родился, то какъ-нибудь иначе. Дѣти могутъ носить имена родителей, но двухъ братьевъ или сестеръ назвать одинаково нельзя. Моими опросами не подтвердилось сообщеніе другихъ изслѣдователей качинцевъ, что будто бы, въ случаѣ болѣзни ребенка, ему мѣняютъ имя.

Феликсъ Конъ.

Изъ иностранной литературы.

О мозгѣ Германа Гельмгольца.

(Prof. David Hansemann—Ueber das Gehirn von Hermann v. Helmholtz. „Zeitschr. f. Psychol. u. Physiol. der Sinnesorgane". 20. Band. 1899).

Желаніе отыскать анатомическія основы и причины геніальности и выдающейся талантливости нѣкоторыхъ людей всегда побуждало анатомовъ, антропологовъ и психіатровъ изучать съ особенной тщательностью головной мозгъ почившихъ геніевъ и великихъ ученыхъ. Такъ, мозгъ Hermann'a v. Helmholtz'a, одного изъ величайшихъ естествоиспытателей послѣдняго времени, умершаго 8 сентября 1894 года, былъ обстоятельно изслѣдованъ проф. D. Hansemann'омъ. Тѣ соображенія и выводы, къ которымъ пришелъ Hansemann на основаніи своего изслѣдованія, представляютъ во многихъ отношеніяхъ очень значительный интересъ.

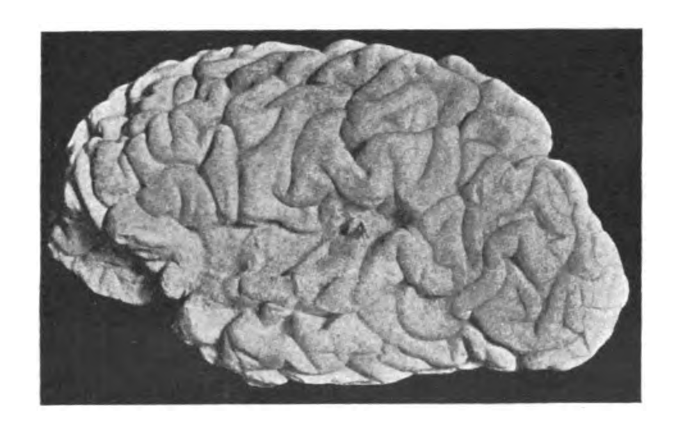
H. v. Helmholtz умеръ 73 лѣтъ отъ рожденія. Смерть его послѣдовала отъ апоплексіи. Кровоизліяніе въ головной мозгъ произошло въ первый разъ за 6 недѣль и во второй—за два дня до смерти. При вскрытіи трупа Helmholtz'a оказалось, что кости свода черепа очень плотно сращены съ твердой мозговой оболочкой. Внутренняя поверхность костей свода черепа нѣсколько шероховата. Lamina externa и interna очень тонки. Lamina externa также шероховата и порозна. Diploë широко и полнокровно. Черепные швы изглажены. Impressiones digitatae на основаніи черепа рѣзко выражены. Пахіоновы грануляціи необыкновенно сильно развиты по обѣимъ сторонамъ средней линіи.

Длина тѣла Helmholtz'a—169,5 ст.; окружность головы, при измѣреніи вмѣстѣ съ мягкими покровами черепа, = 59 ст., а безъ мягкихъ покрововъ—55 ст. Наибольшая ширина черепа (на костяхъ) 15,5 ст., а наибольшая длина—18,3 ст., такъ что головной указатель достигаетъ 85,25, и, слѣдовательно, черепъ принадлежитъ къ гипербрахицефалическимъ. Вѣсъ мозга вмѣстѣ съ находящимися въ немъ кровяными свертками = 1700 gr., причемъ 160 gr. крови можно было легко удалить изъ мозга; но въ остальныхъ 1540 грам-

махъ оставалось еще значительное количество излившейся крови, которую нельзя было извлечь безъ потери мозговой субстанціи. Этотъ остатокъ крови проф. Hansemann опредѣляетъ приблизительно въ 100—120 граммовъ, такъ что вѣсъ мозга Helmholtz'a=1420—1440 граммамъ.

Въ правомъ полушаріи находится очень большое количество излившейся крови, которою разрушена значительная часть этого полушарія. Въ правомъ желудочкѣ, за исключеніемъ его задняго рога, также содержится кровь. Сосуды основанія мозга значительно склерозированы, причемъ на правой сторонѣ сильнѣе, чѣмъ на лѣвой.

Въ правомъ заднемъ рогѣ находится киста сосудистаго сплетенія, величиною съ орѣхъ; своей верхушкой она сращена съ эпендимой желудочка. Лѣвый

же желудочекъ видимо слегка расширенъ, преимущественно его задній и нижній рога. Здѣсь сосудистое сплетеніе также перерождено кистозно и приращено своимъ наружнымъ концомъ къ эпендимѣ желудочка. Авторъ особенно отмѣчаетъ то обстоятельство, что, несмотря на преклонный возрастъ Helmholtz'a и существованіе атрофіи черепныхъ костей, головной мозгъ не представляетъ никакихъ измѣненій, свойственныхъ старческому возрасту. Изъ болѣзненныхъ измѣненій въ другихъ органахъ Hansemann отмѣчаетъ, что сердце было слегка гипертрофировано, noduli Arantii нѣсколько утолщены; лѣвая почка значительно сморщена и въ ея тазу мочевой камень, величиною съ бобъ. Въ нижней долѣ лѣваго легкаго гипостазъ и маленькій фокусъ аспираторной гепатизаціи. Небезынтересно также, что у покойнаго существовала двусторонняя полителія, а именно: маленькіе, но хорошо развитые грудные соски съ околососковыми кружками лежали на 7 и 7,5 ст. книзу отъ нормальныхъ.

По извлеченіи мозга, онъ былъ разрѣзанъ на двѣ половины—здоровую и пораженную апоплексіей; съ первой былъ снятъ гипсовый слѣпокъ, и она послужила объектомъ тщательнаго изслѣдованія (см. рис. 1 и 2).

Съ давнихъ поръ многіе ученые (напр., Welcker) пытались доказать, что вѣсъ мозга можетъ служить мѣриломъ умственныхъ способностей человѣка; но такое воззрѣніе было опровергнуто впослѣдствіи многочисленными наблюденіями. Самый тяжелый мозгъ, вѣсомъ въ 2222 грамма, видѣлъ Rudolphi, и этотъ мозгъ принадлежалъ обыкновенному смертному, ничѣмъ особеннымъ не отличающемуся отъ людей средняго ума. Virchow изслѣдовалъ мозгъ, принадлежавшій трехлѣтнему ребенку и вѣсившій 1911 грам. Такой колоссальный вѣсъ былъ обусловленъ сильнымъ развитіемъ (гиперплазія) нейрогліи, но не обиліемъ нервныхъ клѣтокъ. Хотя у многихъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и др. были, дѣйствительно, находимы мозги, значительно превышающіе средній вѣсъ,—который, по Bischoff'у, равенъ 1358 гр. для мужчинъ и 1220 для женщинъ *),—но, съ другой стороны, у несомнѣнно талантливыхъ и съ высокими умственными способностями людей оказывались очень небольшіе, по вѣсу, мозги. Тяжелый мозгъ имѣли: Cuvier—1830 гр., Abercrombie—1780, Werner v. Siemens—1600 (очень отеченъ), Dirichlet—1520, Gauss—1492 и др. **). Мозги же вѣса ниже средняго были, напр., у слѣдующихъ лицъ: Ignaz'a Dollinger'a—въ 1207 гр., у минералога Hausmann'a—1226 гр., у физіолога Harley'я—1238 гр. и др. *).

Вѣсъ мозга у Helmholtz'a (1420—1440 гр.) незначительно превышаетъ средній, и такимъ образомъ является еще новое доказательство того, что и геніальные люди могутъ обладать далеко не тяжеловѣсными мозгами.

Perls и Edinger полагають, что существовавшая въ дѣтствѣ водянка черепа (hydrocephalus) можетъ способствовать необыкновенному развитію головного мозга, и въ этомъ отношеніи приводятся въ примѣръ Рубинштейнъ и Cuvier, которые оба были гидроцефаликами. Водянка, существующая въ дѣтствѣ, сильно расширяетъ черепъ, и въ томъ случаѣ, если она исчезаетъ еще въ юномъ возрастѣ, а полость черепа остается расширенной, то такимъ образомъ создаются, по мнѣнію Perls'a и Edinger'a, очень благопріятныя условія для мощнаго развитія мозга. Prof. Hansemann не соглашается съ подобнымъ мнѣніемъ, указывая на то обстоятельство, что ко времени исчезновенія водянки у ребенка его мозгъ является уже окончательно сформированнымъ, и у бывшихъ гидроцефаликовъ находятъ обыкновенно не увеличеніе количества мозговой субстанціи, а только лишь слегка расширенные желудочки, сращенія въ plexus choroideus и глубокія impressiones digitatae въ костяхъ черепа. Hansemann признаетъ, что бывшая и исчезнувшая въ раннемъ дѣтствѣ водянка, дѣйствительно, можетъ оказать благопріятное вліяніе на развитіе душевной дѣятельности, однако, не въ томъ смыслѣ, какъ предполагаетъ Perls, а совсѣмъ инымъ путемъ.

На основаніи современныхъ научныхъ данныхъ можно признать, что

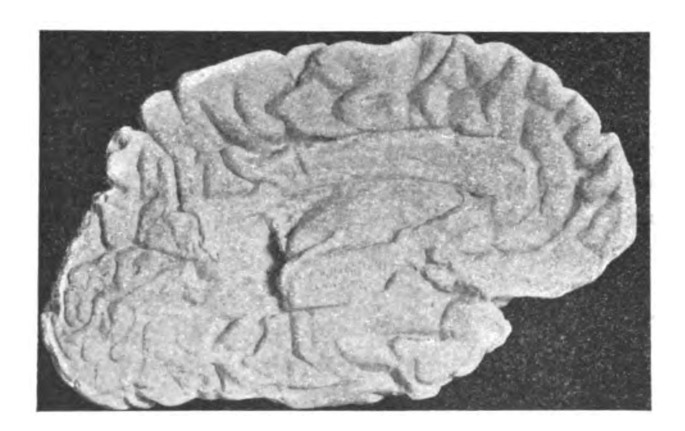
---

*) По Зернову, средній вѣсъ головного мозга = 1412 гр. *Рефер.*

**) Мозгъ Тургенева вѣсилъ 2012 гр., Байрона—1807, Скобелева—1451 гр. *Рефер.*

***) У Гамбетты—1160 гр. *Рефер.*

богатство интеллектуальной жизни зависитъ отъ количества нервныхъ элементовъ, и что грубо анатомическимъ выраженіемъ послѣдняго можетъ служить,—насколько это извѣстно въ настоящее время,—внѣшній видъ мозговыхъ извилинъ. Но если, съ одной стороны, послѣднія уже довольно хорошо изучены, то, съ другой стороны, почти вовсе отсутствуютъ спеціальныя изслѣдованія мозговъ у выдающихся людей, богато одаренныхъ въ умственномъ отношеніи, такъ что мы располагаемъ въ данное время еще очень ничтожнымъ сравнительнымъ матеріаломъ. Съ достоточной тщательностью изслѣдованы мозги C. F. Hermann'a, v. Gauss'a, Dirichlet и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, но все-таки выдающихся людей. Всѣ же другія данныя,—напр., о мозгѣ Гамбетты, Наполенна III и др.,—большей частью не заходятъ за предѣлы мало достовѣрныхъ слуховъ.

При изслѣдованіи мозга Helmholtz'a бросается въ глаза необыкновенно рѣзкое расчлененіе извилинъ. Послѣднія въ области лобныхъ долей до такой степени изрѣзаны поперечными бороздками и извилисты, что съ трудомъ распознаются извѣстныя основныя формы бороздъ. У центральныхъ извилинъ расчлененіе хотя и богатое, но не чрезмѣрное, такъ что онѣ представляются на видъ такими же, какъ и у очень многихъ обыкновенныхъ мозговъ; напротивъ того, необыкновенно сильно развитыми оказываются: задній отдѣлъ первой височной извилины, который считается центромъ слуха, а также участокъ между gyrus supramarginalis и третьей затылочной извилиной. Съ особенно рѣдкой ясностью выступаетъ gyrus angularis. Затылочныя и парацентральныя извилины хорошо развиты; рѣзко выдѣляется и praecuneus по своей ширинѣ и расчлененію.

Ученіе о локализаціяхъ въ головномъ мозгу сдѣлало въ послѣднее время очень значительные успѣхи и преимущественно благодаря трудамъ Flechsig'a. Дѣйствительно, о локализаціи психической дѣятельности возможно стало вести

рѣчь только съ тѣхъ поръ, какъ Flechsig сталъ опредѣленно различать сферу тѣлеснаго ощущенія и сферу чувствъ, съ одной стороны, отъ сферъ ассоціаціонныхъ, съ другой. Первыя содержатъ собственно проекціонные пути, ведущіе отъ тѣла къ мозгу и обратно; въ ассоціаціонныхъ же сферахъ содержатся волокна, служащія для соединенія первыхъ двухъ сферъ другъ съ другомъ. Ассоціаціонныя сферы занимаютъ значительную часть поверхности мозга, а именно: почти цѣликомъ лобныя доли до заднихъ ихъ отдѣловъ, височныя доли—до задняго отдѣла первой извилины; далѣе—затылочныя извилины, за исключеніемъ большей части третьей, затѣмъ gyrus lingualis, cuneus, praecuneus и прилежащія части темянныхъ извилинъ. Всѣ же остальныя части поверхности полушарій соотвѣтствуютъ сферѣ тѣлеснаго ощущенія, въ широкомъ смыслѣ слова, въ особенности же извилины центральныя, парацентральныя, задній отдѣлъ наружныхъ лобныхъ, часть извилины fornicatus'а, cuneus'а, lingualis'а, часть третьей лобной, затѣмъ—gyrus limbicus и задній отдѣлъ первой височной. Сферы тѣлесныхъ ощущеній и чувствующія должны быть развиты до извѣстной степени у каждаго человѣка, за исключеніемъ, конечно, патологическихъ случаевъ. Что же касается до ассоціаціонныхъ сферъ, какъ носителей высшей психической дѣятельности, то у лицъ, богато одаренныхъ въ умственномъ отношеніи, онѣ должны находиться въ высокой степени развитія; умѣренное развитіе ихъ обусловливаетъ лишь только нормальную или даже, пожалуй, недостаточную психическую дѣятельность. Въ мозгѣ Helmholtz'а оказываются особенно хорошо развитыми именно ассоціаціонныя сферы. Должно, однако, замѣтить, что мозги съ хорошо организованной ассоціаціонной сферой, подобно тому, какъ у Helmholtz'а, можно очень нерѣдко встрѣтить у лицъ, которыя при жизни ничѣмъ не отличались въ умственномъ отношеніи отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что у людей, имѣвшихъ необыкновенныя умственныя способности, можно надѣяться найти при вскрытіи рѣзко выраженное расчлененіе мозга и особенно ассоціаціонныхъ сферъ; но нельзя никогда дѣлать обратныхъ выводовъ, т.-е., если мы при вскрытіи находимъ подобное расчлененіе, то не имѣемъ никакого основанія предполагать, что обладатель изслѣдуемаго мозга былъ человѣкъ выдающійся по своему уму. Психическая дѣятельность обусловливается не однимъ только существованіемъ ассоціаціонныхъ сферъ; для этого необходимъ какой-нибудь возбудитель, въ широкомъ смыслѣ слова, который побуждалъ бы къ функціонированію хорошо организованные отдѣлы мозга. Возбудители психической функціи вообще очень разнообразны, и по отношенію къ нимъ умственная дѣятельность можетъ быть раздѣлена, по Hansemann'у, на 4 группы.

Къ первой группѣ относятся случаи остро возникающаго повышенія психической дѣятельности подъ вліяніемъ химическихъ веществъ и психическихъ возбужденій. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ алкоголѣ. У F. Reuter'а и V. Scheffel'я имѣются два классическихъ примѣра очень значительнаго повышенія психической дѣятельности подъ вліяніемъ спирта. Далѣе, слѣдуетъ назвать кофе, чай, табакъ, камфору, мышьякъ, дѣйствіе которыхъ на нервную

систему хорошо извѣстно. Психическіе же возбудители крайне разнообразны и индивидуально различны; они могутъ дѣйствовать на мозгъ чрезъ посредство зрѣнія или слуха, въ формѣ, напр., красивыхъ ландшафтовъ, освѣщенія, художественныхъ произведеній и пр. О Шиллерѣ разсказываютъ, что его фантазія возбуждалась дѣйствіемъ запаха яблокъ. Иногда же возбудитель бываетъ очень сложной натуры, напр., вліяніе большого общества на способность произносить рѣчи; у нѣкоторыхъ возбудителемъ является суммированіе различныхъ впечатлѣній, полученныхъ въ теченіе дня, такъ что ихъ умственная дѣятельность оказывается гораздо интенсивнѣе вечеромъ, чѣмъ утромъ. У иныхъ имѣетъ большое значеніе въ этомъ отношеніи собственная фантазія, напр., въ видѣ ожидаемой награды, большого успѣха и пр. Наконецъ, большую роль въ качествѣ возбудителя можетъ играть, какъ извѣстно, половое влеченіе.

Вторая группа обнимаетъ тѣ случаи, когда умственная дѣятельность ослабѣваетъ уже въ среднемъ возрастѣ жизни, при отсутствіи патологической причины. Подобное явленіе наблюдается чаще всего, кажется, у тѣхъ лицъ, которыя въ дѣтствѣ отличаются выдающимися способностями, а затѣмъ снисходятъ постепенно до уровня обыкновенныхъ посредственностей, т.-е., выражаясь вульгарнымъ языкомъ, «израсходуются». Сюда относится не только большинство т. наз. чудо-дѣтей, изъ которыхъ Моцартъ и Гауссъ представляютъ счастливое исключеніе, но и большое число интеллигентныхъ людей всѣхъ сословій. У нѣкоторыхъ лицъ умственныя способности ослабѣваютъ уже въ двадцатыхъ, а у иныхъ—въ сороковыхъ годахъ жизни. Въ подобныхъ случаяхъ причина ослабленія энергіи ума лежитъ не въ перерожденіи нервныхъ элементовъ, но въ томъ, что послѣдніе стали нечувствительны къ возбужденію, т.-е. ихъ возбудимость ослабла.

Въ третью группу можно отнести патологическую умственную дѣятельность. Она наичаще всего была объектомъ психологическихъ изслѣдованій, результатомъ которыхъ явилось извѣстное положеніе, чтой геній и помѣшательство лежатъ рядомъ другъ съ другомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣзненнымъ усиленіемъ умственной дѣятельности, которая очень рѣдко приводитъ къ дѣйствительному успѣху, а большей частью лишь къ сенсаціонной популярности, какъ, напр., у Nitsche. Патологическій интеллектъ всегда ведетъ къ помѣшательству. Возбудителемъ въ подобныхъ случаяхъ является прогрессирующая болѣзнь головного мозга (воспалительнаго или дегенеративнаго характера), имѣющая незамѣтное начало и очень медленное теченіе. Въ такой прогрессивности и заключается именно характерная черта этой группы, отличающая се отъ слѣдующей, четвертой.

Къ четвертой группѣ можно отнести такую умственную дѣятельность, которая сохраняется въ теченіе всей жизни и ослабѣваетъ иногда только лишь въ очень преклонномъ возрастѣ вслѣдствіе старческихъ измѣненій въ нервной системѣ. Сюда принадлежатъ истинные геніи, имѣвшіе неизмѣримо огромное значеніе въ мировой культурѣ,—геніи, подобные Ньютону, Кювье, Гёте, Бетхо-

вену, Бисмарку, и къ нимъ долженъ быть причисленъ Гельмгольцъ. Для этой группы нельзя указать одного какого-либо, одинаковаго для всѣхъ, возбудителя дѣятельности головного мозга. Быть-можетъ, нѣкоторую роль въ этомъ отношеніи играютъ ассиметріи черепа, обусловленныя преждевременнымъ сращеніемъ черепныхъ швовъ и наблюдавшіяся у многихъ изъ выдающихся людей. По даннымъ Welcker'a, Paracelsus, W. v. Humboldt и Philipp Merckel были платицефалы съ широкими и мало углубленными глазными впадинами. Шиллеръ и Кантъ были брахицефалы съ сильной ассиметріей черепа. Черепъ у Данте былъ также неправильный, съ одностороннимъ окостенѣніемъ швовъ. Являются ли на самомъ дѣлѣ подобная аномаліи возбудителями головного мозга, — это сомнительно, хотя и не можетъ быть отрицаемо.

Касаясь, наконецъ, въ частности мозга Гельмгольца, проф. Hansemann думаетъ, что въ данномъ случаѣ возбудитель выраженъ очень ясно анатомически, а именно въ остаткахъ небольшой гидроцефаліи, которая и обусловливала въ извѣстной степени давленіе на головной мозгъ. Такое давленіе производило иногда у Гельмгольца легкіе обмороки, которые самъ покойный называлъ эпилептоидными. Предположеніе, что подобное увеличеніе внутри-мозгового давленія, при условіи существованія его въ умѣренныхъ предѣлахъ, можетъ играть роль возбудителя головного мозга, не требуетъ, по мнѣнію Hansemann'a, особаго доказательства. Частое совпаденіе легкой гидроцефаціи и выдающейся умственной дѣятельности не есть явленіе случайное; но послѣдняя,—въ связи съ особеннымъ развитіемъ ассоціаціонныхъ сферъ мозга,—является прямымъ послѣдствіемъ первой.

Итакъ Hansemann видитъ анатомическія основы геніальности Гельмгольца, во-первыхъ, въ богатомъ развитіи ассоціаціонныхъ сферъ и, во-вторыхъ, въ существованіи гидроцефаліи, какъ возбудителя психической дѣятельности. Но этими особенностями мозга едва ли всецѣло исчерпывались причины геніальности великаго естествоиспытателя. Вѣдь нельзя отрицать, что геніальная психическая дѣятельность могла обусловливаться, быть-можетъ, особеннымъ к а ч е с т в о м ъ нервныхъ элементовъ мозга, а не количествомъ ихъ въ связи съ существованіемъ предполагаемаго возбудителя, какъ думаетъ Hansemann. Едва ли можно сомнѣваться, а priori, въ томъ, что найдутся мозги, вполнѣ сходные въ анатомическомъ и патологическомъ отношеніи съ мозгомъ Гельмгольца, но принадлежащіе людямъ средняго или даже малаго ума, у которыхъ нервные элементы мозга к а ч е с т в е н н о отличаются отъ мозговыхъ элементовъ у Гельмгольца. Но въ этомъ отношеніи, въ отношеніи знанія качественныхъ особенностей нервныхъ элементовъ, намъ извѣстно въ настоящее время очень немногое. Остается лишь пожелать вмѣстѣ съ Hansemann'омъ, чтобы почаще изслѣдовались мозги лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ по своей умственной дѣятельности, и такимъ образомъ былъ бы пролитъ свѣтъ въ ту область, къ которой наши знанія еще безконечно малы и даже примитивны.

П. Минаковъ.

Объ останкахъ германцевъ III—IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ.

Въ концѣ мая 1900 года, въ прусской провинціи Шлезвигъ, близь Дамендорфа, рабочіе, копавшіе торфъ въ такъ называемомъ Seemoor, наткнулись на остатки шерстяной одежды, а затѣмъ и на человѣческій трупъ. Послѣдній лежалъ, совершенно нагой, на лѣвомъ боку, съ нѣсколько согнутыми колѣнями; голова покоилась на вытянутой лѣвой рукѣ; правая рука была согнута въ локтѣ и кисть ея приходилась передъ лицомъ въ разстояніи 4—5 вершковъ. По словамъ рабочихъ, выше трупа (надъ нимъ) лежалъ распростертый плащъ (или большой платокъ, въ родѣ пледа), а въ ногахъ у него—завернутые въ панталоны кожаные башмаки (изъ бычачьей кожи, волосомъ внутрь), кожаный поясъ (узкій кушакъ) и два шерстяныхъ длинныхъ лоскута (для обвертки ногъ?). О находкѣ было сообщено мѣстному ландрату, который, въ свою очередь, извѣстилъ о томъ телеграммой хранителя музея отечественныхъ древностей въ Килѣ, д-ра Шплита. Благодаря немедленно принятымъ мѣрамъ, находка была пріобрѣтена путемъ покупки у владѣльца торфяника, трактирщика Хаге, и доставлена въ Киль, гдѣ трупъ былъ осторожно очищенъ отъ торфа (соскребываніемъ помощью жесткой картонной бумаги), обмытъ растворомъ сулемы (1:1000) и алкоголя и (для предотвращенія значительнаго сморщиванія) пропитанъ глицериномъ и терпентиномъ. Подвергнутый затѣмъ вліянію постояннаго тока воздуха трупъ въ нѣсколько недѣль совершенно высохъ.

Долгое пребываніе въ торфѣ оказало на трупъ своеобразное вліяніе. Онъ подвергся не обычному гніенію, а характерному химическому измѣненію и выщелачиванію. Растенія, образовавшія торфъ, проросли сверху, чрезъ кожу, внутрь трупа и использовали его содержимое для собственнаго питанія и роста; такимъ образомъ были разрушены внутренности и мускулы, мѣсто коихъ заняла просочившаяся вода торфяника, повліявшая, посредствомъ содержащейся въ ней гумусовой кислоты, на кости, именно отнявшая у нихъ известковыя соли. Кости отъ этого утратили свою твердость и, сохранивъ только свою основу изъ соединительной ткани, сдѣлались (въ сыромъ состояніи) эластичными, какъ резина. При этомъ торфяная вода дѣйствовала консервирующимъ образомъ на соединительныя ткани трупа и превратила ихъ (и кожу) въ состояніе, сходное съ получаемымъ для кожъ животныхъ помощью дубленія. Такимъ образомъ отъ трупа сохранились только части, состоящія изъ соединительной ткани и эластическихъ волоконъ, именно соотвѣтственныя части кожи, мускуловъ, связокъ, костей (и зубы), причемъ онѣ представляются какъ бы дублеными и выказываютъ кофейно-бурый или черный цвѣтъ. Ногти на пальцахъ рукъ и ногъ отсутствуютъ; д-ръ Гротріанъ (описавшій трупъ) полагаетъ, что они, вѣроятно, отвалились и потерялись при выниманіи

трупа изъ торфа; но волоса сохранились вполнѣ. Они покрываютъ довольно густо голову и выказываютъ свѣтло-русый, рыжеватый оттѣнокъ; сзади и по бокамъ головы они достигаютъ 15 сант. длины; отъ макушки они зачесаны впередъ, а напереди коротко острижены (до 2 сант. длины), такъ что оставляютъ лобъ открытымъ.

Рис. 1.

Кости, какъ сказано, сдѣлались мягкими; въ сыромъ состояніи ихъ можно рѣзать ножомъ, и плоскости разрѣзовъ представляются блестяще-черными. Продольные и поперечные разрѣзы выказываютъ подъ микроскопомъ тотъ же видъ, что и тонкіе шлифы свѣжихъ костей: явственно видны Гаверзовы каналы, окружающіе ихъ концентрическіе слои, основныя пластинки, Фолькмановы каналы и костныя полости (тѣльца) съ ихъ отростками. Мускульные волокна замѣщены проникнувшими въ нихъ корешками торфяныхъ растеній, но оболочки ихъ, сарколемма — сохранилась; тоже представляютъ сухожилія и кожа. Кромѣ химическаго вліянія трупъ подвергся постепенно усиливавшемуся давленію разроставшихся надъ нимъ слоевъ торфа. Это давленіе должно было, конечно, оказать вліяніе на постепенно лишавшійся большей части своего содержимаго трупъ, и онъ могъ бы отъ того совершенно сплюснуться, если бы тому не препятствовалъ самъ торфъ. Милліоны твердыхъ, тѣсно скученныхъ и переплетшихся корешковъ торфяныхъ растеній, проросшихъ подъ трупомъ и вокругъ него, не позволили ему раздаться въ стороны и такимъ образомъ сохранили его очертанія. Но, вслѣдствіе та-

кого давленія, трупъ претерпѣлъ значительное сморщеніе кожи и съежился мѣстами до толщины въ 1—4 сантиметра. Такимъ образомъ, отъ трупа остался собственно его абрисъ или силуэтъ, но дающій довольно точное представленіе объ его видѣ.

На трупѣ не было найдено явственныхъ знаковъ насилія (ранъ); только влѣво отъ грудной кости, въ области сердца, имѣется узкое отверстіе длиною въ 2 сантиметра, указывающее, можетъ быть, на колющую рану.

Выраженіе лица трупа описывается какъ болѣзненное или «глупое», съ полуоткрытымъ ртомъ и нѣсколько приподнятой верхней губой. На губѣ короткіе стоячіе усы; бороды и бакъ нѣтъ. Высота лба — 6 сант., длина прямого и правильнаго носа—тоже 6 сант.; подбородокъ развитъ хорошо, зубы мало стерты; длина ротовой щели — 6,5 сант. Уши небольшіе, правильные. Ростъ субъекта 174 сант. Сложеніе его было, повидимому, стройное, крѣпкое и очень мускулистое (судя по отпечаткамъ грудныхъ, спинныхъ и ножныхъ мускуловъ). Что касается волосъ, то о видѣ ихъ было сказано выше. Благодаря любезности директора Кильскаго музея, г-жи Месторфъ, я могъ получить образчикъ этихъ волосъ, которые и были изслѣдованы, по моей просьбѣ, микроскопически д-ромъ П. А. Минаковымъ. Оказалось, что волоса подверглись значительному измѣненію вслѣдствіе долгаго пребыванія въ торфѣ, отъ чего они утратили свой первоначальный цвѣтъ, пріобрѣтя красновато-рыжеватый оттѣнокъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ они выказываютъ овальную форму и, судя по слабому развитію пигмента (малой величинѣ кучекъ пигментовыхъ зеренъ), были при жизни, во всякомъ случаѣ, не темными, а, вѣроятно, свѣтло-русыми или бѣлокурыми.

Дамендорфская находка является не единственною въ своемъ родѣ. Въ торфяникахъ Шлезвига, Гольштейна, Даніи находили и ранѣе останки труповъ, съ частями одежды и обуви, а также предметы быта различныхъ эпохъ. Вообще, торфяники этихъ странъ доставили много данныхъ для разъясненія какъ геологической исторіи сѣверныхъ странъ Европы (послѣдовательныхъ измѣненій въ нихъ климата и растительности), такъ и исторіи ихъ культуры, смѣны каменнаго вѣка бронзовымъ и желѣзнымъ. Въ Даніи торфяники заключены въ болѣе или менѣе обширныхъ и глубокихъ бассейнахъ, дномъ которыхъ служатъ моренныя или моренно-рѣчныя отложенія — валунныя глины, суглинки и пески. На днѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ бассейновъ, въ слояхъ глины, Стенструпъ и Натхорстъ нашли остатки арктической флоры, между прочимъ такихъ видовъ, какъ полярныя ивы (Salix polaris, S. herbacea, S. reticulata), карликовая береза (Betula nana), Dryas octopetala. Выше въ нѣкоторыхъ торфяникахъ оказывается слой съ водными растеніями (Potamogeton, Chara, Myriophyllum), съ листьями осины (Populus tremula), а еще выше слой съ Hypnum cordifolinm и съ стволами сосны (Pinus sylvestris). Деревья эти, очевидно, росли по окраинамъ озерныхъ бассейновъ. Далѣе кверху попадаются уже стволы дуба (Quercus sessiliflora), также, повидимому,

упавшіе въ бывшія озера съ ихъ береговъ, и, наконецъ, остатки ольхи. Въ центральныхъ частяхъ торфяныхъ бассейновъ остатки деревьевъ встрѣчаются рѣже; глубокіе слои состоятъ здѣсь исключительно изъ мховъ, но выше попадаются также корни и стволы сосенъ, а мѣстами можно различить даже два—три слоя этихъ лѣсныхъ отложеній. Еще выше сосна исчезаетъ и замѣняется березой, а потомъ ольхой и орѣшникомъ. Сосны и дубы лѣснаго слоя отличались, судя по ихъ остаткамъ, высокимъ ростомъ и толщиною до 3—4 футовъ, а прямизна стволовъ и ихъ тѣсное расположеніе указываетъ на густоту бывшихъ лѣсовъ. Всѣ эти находки свидѣтельствуютъ, что ранѣе, чѣмъ стали образовываться болота, Данія была страною безлѣсною, покрытою многочисленными большими и малыми озерами, вокругъ которыхъ росли представители арктической флоры, указывающіе на климатъ, близкій къ современному лапландскому. Мало-по-малу климатъ становился умѣреннѣе, появились рощи осинъ и сосенъ, причемъ толстая кора послѣднихъ свидѣтельствуетъ о болѣе холодныхъ тогда зимахъ, чѣмъ бывающія теперь въ Даніи. Деревья росли, повидимому, густо вокругъ озеръ, которыя постепенно зарастали водяными растеніями и мхами и превращались въ болота. По-временамъ, отъ вѣтра, дряхлости, тяжести снѣга — древесные стволы сваливались въ озера и болота и погребались въ слояхъ ила и торфа. Дальнѣйшее измѣненіе климата указывается высыханіемъ многихъ бассейновъ и появленіемъ сосны, которая росла на самой срединѣ бывшихъ болотъ, а еще болѣе — появленіемъ дуба, который мало-по-малу вытѣснилъ сосну и сталъ преобладающимъ деревомъ датскихъ лѣсовъ. Наконецъ, и дубы исчезли съ окраинъ болотъ, и поваленные стволы ихъ покрылись толстымъ слоемъ торфа, на поверхности котораго появились кое-гдѣ бородавчатая береза (Betula verrucosa) и ольха (Alnus glutinosa). Сосны теперь нѣтъ въ датскихъ лѣсахъ, и о ней не сохранилось ни историческихъ, ни легендарныхъ свидѣтельствъ. Дубъ тоже сталъ рѣдокъ и, повидимому, находится на пути къ вымиранію; преобладающимъ деревомъ Даніи является теперь букъ, остатки котораго не были вовсе встрѣчаемы въ торфяникахъ.

Въ Норвегіи удалось констатировать подобную же смѣну древесной растительности, но въ иной послѣдовательности. Нижній лѣсной слой торфяниковъ состоитъ здѣсь изъ дуба, орѣшника, ясеня, съ корнями и стволами in situ, и мѣстами слой этотъ подстилается мощной, въ нѣсколько футовъ, толщей торфа. Выше этого лѣсного слоя идетъ также торфъ, отъ 2—3 до 6 футовъ толщиною, а за нимъ слѣдуетъ второй лѣсной слой изъ стоячихъ корней и стволовъ сосенъ и березъ, покрытый опять приблизительно такимъ же слоемъ торфа. Здѣсь, слѣдовательно, дубъ предшествовалъ соснѣ, и то же было, повидимому, въ Швеціи, судя по даннымъ Линденберга и Ольберса. Блиттъ обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что морскіе берега Норвегіи, нынѣ только мѣстами поросшіе деревьями, были нѣкогда покрыты густыми сосновыми лѣсами, которые подымались притомъ выше и въ горахъ, куда теперь даже не

проникаетъ береза. Блиттъ принимаетъ для Норвегіи смѣну нѣсколькихъ последовательныхъ климатическихъ періодовъ, то болѣе влажныхъ, когда болота получали большее развитіе, а лѣса гибли, то болѣе сухихъ, когда многія болота осушались и заростали на своей поверхности лѣсомъ.

Человѣкъ появился въ Скандинавіи въ лѣсной періодъ. Древнѣйшіе остатки его культуры, именно предметы каменнаго (неолитическаго) вѣка, были находимы неоднократно въ Даніи, въ слоѣ съ сосновыми стволами, отчасти и въ слоѣ съ дубовыми, но въ періодъ господства дуба въ страну уже проникло знакомство съ бронзою, и каменный вѣкъ смѣнился металлическимъ. Позже бронза уступила мѣсто желѣзу, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, стало преобладающимъ металломъ ко времени появленія и распространенія бука. Въ Норвегіи остатки человѣческой культуры встрѣчаются только въ верхнихъ слояхъ торфа, не глубже 2—3 футовъ, что, по мнѣнію Блитта, указываетъ на незначительный ростъ торфяниковъ въ теченіе историческаго періода.

Наиболѣе многочисленныя археологическія находки, сдѣланныя въ сѣверныхъ торфяникахъ, относятся къ позднѣйшему желѣзному вѣку. Въ Нидамскомъ торфяникѣ, въ Шлезвигѣ, лѣтъ сорокъ и болѣе тому назадъ было найдено большое количество желѣзнаго оружія (мечей, копій, топоровъ, стрѣлъ, щитовъ, шлемовъ и т. д.), частей обуви и одежды, украшеній и т. д. и до 50 римскихъ монетъ 67—217 гг. Тамъ же была найдена большая дубовая лодка, въ 70 футовъ длиною, нагруженная желѣзнымъ оружіемъ, посудой и т. д., относящимися къ III вѣку нашей эры. Въ торфяникахъ Фламандскаго побережья Бельгіи тоже находили неоднократно въ поверхностныхъ слояхъ римскія монеты и черепки посуды галло-римскаго періода.

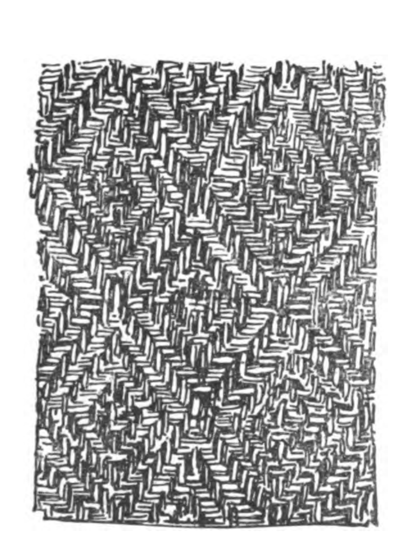
Что касается до находокъ труповъ и ихъ частей, то по сопоставленію, сдѣланному г-жой Месторфъ, ихъ извѣстно по настоящее время изъ торфяниковъ Шлезвигъ-Гольштейна и сосѣднихъ странъ—21. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находили только немногія кости, въ другихъ—также остатки волосъ и кожи, въ иныхъ, наконецъ, оказывался цѣлый трупъ, большей или меньшей степени сохранности, но почти всѣ такіе трупы подвергались снова погребенію, и послѣдняя Дамендорфская находка является единственною, не погибшею безслѣдно и дошедшею до музея. Находокъ волосъ извѣстно шесть, и относительно четырехъ изъ нихъ сохранились извѣстія, что волоса были свѣтлорусые или бѣлокурые, относительно одной—что волоса были длинные (цвѣтъ не отмѣченъ), и наконецъ, въ одномъ случаѣ, волоса названы шатеновыми (bräunlich). Въ четырехъ случаяхъ полъ особей не былъ опредѣленъ; изъ остальныхъ 9 было женскихъ и 8 мужскихъ труповъ. При трупахъ находили большей частью остатки одежды, а именно: родъ шерстяной куртки (безъ рукавовъ), шерстяные панталоны, шерстяной плащъ или большой платокъ, шерстяныя обвертки для ногъ (въ одномъ случаѣ шерстяную шапку), короткую шубу (изъ бараньяго или иного мѣха), кожаный кушакъ, башмаки изъ бычачьей кожи, во-

лосомъ внутрь. Шерстяныя ткани выказываютъ иногда тщательную ручную работу и красивые узоры. Были также случаи нахожденія остатковъ льняной

Рис. 2. Башмаки изъ бычачьей кожи, волосомъ внутрь, съ прорѣзами и ремешками сверху.

ткани (холста). Изъ украшеній находили: бусы, бронзовыя фигуры, серебряныя капсюлы (20 мм. вышиною, 13 мм. ширины). Всѣ эти принадлежности одежды соотвѣтствуютъ тѣмъ, какія извѣстны для древнихъ германцевъ. Помпоній

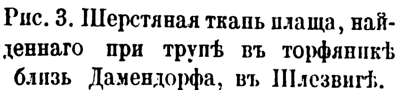

Рис. 3. Шерстяная ткань плаща, найденнаго при трупѣ въ торфяникѣ близь Дамендорфа, въ Шлезвигѣ.

Рис. 4. Болѣе грубая шерстяная ткань, найденная при трупѣ въ торфяникѣ близь Rendswühren, въ Гольштейнѣ.

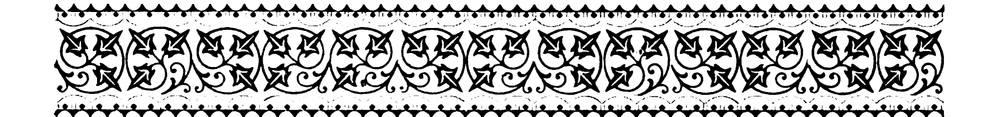
Мела и Тацитъ упоминаютъ о шерстяномъ четырехугольномъ плащѣ (sagum), который закалывался на правомъ плечѣ фибулой или булавкой. Болѣе состоятельные носили еще узкоприлегающій камзолъ; распространено было также

ношеніе шубъ; костюмъ женщинъ отличался тѣмъ, что онъ чаще былъ изъ холста, украшавшагося красными полосками, и что ихъ платье было безъ рукавовъ. По Тациту, Цецина въ битвѣ за Вителлія, гдѣ подъ его начальствомъ сражались германскіе наемники, самъ былъ одѣтъ по-германски, въ шерстяной плащъ и панталоны. На Траяновой колоннѣ германскіе воины представлены въ длинныхъ штанахъ и башмакахъ и въ короткихъ безрукавкахъ или фуфайкахъ.

Въ виду того, что между всѣми этими находками частей одежды и украшеній замѣчается очевидное сходство и что нѣкоторые предметы указываютъ, несомнѣнно, на III—IV вѣка, есть основаніе полагать, что и всѣ эти находки труповъ въ сѣверныхъ торфяникахъ съ соотвѣтственными частями костюма могутъ быть отнесены къ той же эпохѣ. А такъ какъ находки эти извѣстны изъ области, простирающейся отъ восточной Фрисландіи до Эльбы и далѣе въ Гольштейнѣ, Шлезвигѣ, Ютландіи и на западныхъ островахъ Даніи, т.-е. на территоріи древнихъ фризовъ, хауковъ, саксовъ, англовъ и дановъ, то имѣется полное основаніе видѣть въ этихъ находкахъ остатки древнихъ германцевъ и ихъ культуры. Въ антропологическомъ отношеніи остатки эти подтверждаютъ свидѣтельство историковъ о высокомъ ростѣ и свѣтловолосости германскихъ народностей.

Нахожденіе труповъ въ торфяникахъ можетъ вызвать вопросъ: какъ попали туда эти люди? Возможны три объясненія: или что они утонули тамъ случайно, или были убиты и затѣмъ брошены въ болото, или, наконецъ, что они были жертвами суда, подверглись особому виду казни, о существованіи которой у германцевъ упоминаетъ Тацитъ (Germania, XII), а для нѣкоторыхъ мѣстностей говорятъ и позднѣйшія свидѣтельства, до XVII—XVIII вѣковъ включительно. Въ особенности трудно объяснить, какъ могли попасть въ болото по собственной неосторожности женщины; нельзя предполагать также, чтобы онѣ могли быть жертвой насилія въ глухихъ, отдаленныхъ отъ жилья мѣстностяхъ. Необходимо принять во вниманіе, что изъ 21 трупа — четыре несомнѣнно, а еще четыре—съ большей или меньшей вѣроятностью — были погружены въ болото насильственно, путемъ наложенія на нихъ полѣньевъ, кольевъ, сучьевъ; въ одномъ случаѣ, въ колѣнѣ торчалъ желѣзный крюкъ, въ другомъ — на шеѣ была замѣчена веревка; у третьяго на головѣ оказалась рана и платье было завернуто на голову. Относительно находки близъ Дамендорфа трудно, однако, допустить такое предположеніе. Спокойное положеніе трупа, голова, положенная на руку, полуоткрытый ротъ, слегка согнутыя колѣни — не указываютъ на борьбу или насиліе. Г-жа Месдорфъ высказываетъ, впрочемъ, и по отношенію къ этому субъекту догадку, что онъ могъ быть, по чувству гуманности, оглушенъ во снѣ, и затѣмъ уже опущенъ въ болото, сюда были погружены затѣмъ и части его одежды (башмаки, завернутые въ панталоны, кушакъ и распростертый плащъ).

Д. Анучинъ.

Критика и библіографія.

Польская антропологическая литература.

Польская антропологическая литература уступаетъ значительно русской, какъ въ количествѣ и разнообразіи самыхъ работъ, такъ и въ числѣ работниковъ. И это вполнѣ понятно. Русской антропологической наукѣ сама судьба предоставила широкое поле дѣятельности. Россіи, раскинутой на огромномъ пространствѣ значительной половины восточной Европы и сѣверной Азіи, подчинившей своей государственности многоязычное и разнокультурное населеніе, разнящееся значительно и съ антропологической точки зрѣнія, суждено занять первостепенную роль въ мірѣ въ изслѣдованіяхъ послѣдняго рода. Не то— Польша, съ ея тѣсными этнографическими границами, уменьшенными значительно на западѣ вліяніемъ нѣмецкой культуры, и лишь съ нѣкоторыми давними культурными вліяніями на земли востока, которыя на-ряду съ чисто польскими мѣстностями были отчасти и предметомъ изученія въ польской антропологической литературѣ; но и въ этихъ краяхъ она должна была дѣлиться своею добычею какъ съ русской, такъ и съ нѣмецкой антропологическими литературами. Такимъ ограниченнымъ полемъ дѣятельности объясняется и малочисленность польскихъ изслѣдователей въ области антропологіи, помимо того, что наука эта, хотя и получила довольно рано право гражданства въ одномъ изъ польскихъ университетовъ, въ Краковѣ, какъ это увидимъ ниже, однако не нашла тамъ послѣдователей.

Дѣятельность польской антропологіи сосредоточивалась главнымъ образомъ до сихъ поръ въ изданіяхъ Краковской Академіи Наукъ, заключающихъ не мало цѣнныхъ работъ, въ особенности по антропологіи какъ Польши, такъ и сосѣднихъ съ ней народностей. Съ этими-то работами я и намѣренъ познакомить читателя. Золотой вѣкъ развитія въ Польшѣ наукъ и искусствъ не остался безъ вліянія на развитіе и нашей науки [1]).

---

[1]) Еще знаменитый Янъ изъ Глогова, жившій въ XV в., профессоръ Ягеллоновой академіи, занимавшійся преимущественно астрологіей, но изучавшій также и физіологію, кладетъ начало краніоскопіи; по внѣшней формѣ череповъ онъ пытался угадывать способности и указывать на локализацію физіологическихъ душевныхъ процессовъ. Хотя краніоскопія, основанная на одних лишь произвольныхъ предположеніяхъ, не можетъ составлять научнаго знанія, однако многіе выводы Глоговчика, отличающіеся глубиной мысли, прославили въ свое время

Первымъ, высказавшимся въ польской литературѣ о необходимости физическаго изученія человѣка, былъ извѣстный врачъ и физіологъ, профессоръ Виленскаго университета Андрей Спядецкій. Въ книгѣ „Теорія органическихъ существъ“ („Teorya jestestw organicznych“. Wilno, 1811) имъ высказаны нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, которыя впослѣдствіи легли въ основу естествознанія и создали въ наукѣ теорію эволюціи Ламарка и Дарвина [1]). Но собственно первымъ, кто взялся самъ за изученіе человѣка и выступилъ съ каѳедры, какъ первый польскій антропологъ, былъ Іосифъ Майеръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ польскихъ ученыхъ, умершій на 92-мъ году жизни въ Краковѣ (3 іюля 1899 г.). Покойный родился 12 марта 1808 г. въ Краковѣ, гдѣ, послѣ окончанія въ 1831 г. курса въ университетѣ, сначала служилъ военнымъ врачемъ польской арміи, а потомъ, занявшись физіологіей, получилъ въ 1850 г. каѳедру физіологіи въ Ягеллоновомъ университетѣ. Во время самой сильной германизаціи, когда былъ введенъ въ университетъ нѣмецкій языкъ, какъ преподавательскій, Майеръ въ 1854 г. отказался читать курсъ физіологіи на нѣмецкомъ языкѣ и добровольно выбралъ преподаваніе необязательнаго предмета антропологіи на польскомъ языкѣ съ меньшимъ окладомъ содержанія. Лекціи антропологіи, читанныя Майеромъ, привлекали множество слушателей. Въ 1860 г. Майеръ снова возвратился къ чтенію курса физіологіи на

его имя; такимъ образомъ онъ за 3 столѣтія опередилъ ученіе Галля. Онъ первый изложилъ основы физіогноміи, созданіе которой въ общемъ приписываютъ Лафатеру. Въ своемъ сочиненіи о физіогноміи онъ опредѣляетъ основу этого ученія, которое изъ выраженія лица, цвѣта кожи, свободы движенія, голоса, мышцъ и другихъ частей тѣла позволяетъ заключать о качествахъ души, умственномъ состояніи и предрасположеніи человѣка къ болѣзнямъ. Глоговчикъ былъ горячимъ приверженцемъ хиромантіи, но еще болѣе извѣстенъ въ Польшѣ и въ западно-европейской литературѣ, какъ авторъ схоластической философіи.

[1]) Свой взглядъ на науку о человѣкѣ Спядецкій нѣкогда выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Помимо вопроса о томъ, какое мѣсто занимаетъ человѣкъ въ ряду другихъ существъ, онъ долженъ быть изучаемъ еще во многихъ отношеніяхъ. Наука, занимающаяся изученіемъ человѣка, должна обнимать все, что относится къ его физическому и нравственному облику: силы, дѣйствующія какъ въ немъ самомъ, такъ и на него или черезъ него на другихъ; его отношенія къ окружающей природѣ; начало, ростъ, теченіе и закатъ его жизни; процессъ и силу всего его организма и отдѣльныхъ его частей; наконецъ, его соціальныя отношенія къ существамъ ему подобнымъ. Наука о человѣкѣ не будетъ полною, если ее не разсматривать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и частностяхъ, а при своей обширности она должна дѣлиться на много отраслей и отдѣльныхъ знаній“ (Teorya jestestw organicznych. T. II, стр. 35).

польскомъ языкѣ, а въ 1877 г., послѣ 44-лѣтней профессуры, 70-ти лѣтъ отъ роду, согласно австрійскому университетскому уставу, долженъ былъ выйти въ отставку; тѣмъ не менѣе онъ попрежнему продолжалъ заниматься какъ научными, такъ и общественными дѣлами. Во время пребыванія въ университетѣ Майеръ былъ нѣсколько разъ избираемъ деканомъ медицинскаго факультета, секретаремъ университетскаго сената, ректоромъ, правительственнымъ коммиссаромъ учебныхъ заведеній, получалъ разныя ученыя порученія и т. д. Съ 1833 г., со времени учрежденія Краковскаго Ученаго Общества, Майеръ былъ дѣятельнымъ его членомъ и предсѣдателемъ. Послѣ преобразованія этого Общества въ 1872 г. въ Академію наукъ, вмѣстѣ съ другими двумя учеными, Майеръ былъ приглашенъ Императоромъ Францемъ Іосифомъ составить уставъ Академіи, а потомъ былъ назначенъ первымъ ея президентомъ; съ тѣхъ поръ, въ теченіе 20 лѣтъ, онъ безпрерывно былъ избираемъ на эту почетную должность. Кромѣ того, Майеръ не разъ предсѣдательствовалъ въ ученыхъ съѣздахъ, какъ польскихъ естествоиспытателей и врачей, такъ и другихъ. Въ общественной жизни Майеръ занялъ также выдающееся положеніе,—былъ нѣкогда сенаторомъ Краковской республики, городскимъ гласнымъ, посломъ Галицкаго сейма и, наконецъ, пожизненнымъ членомъ австрійской палаты господъ. Не касаясь многочисленныхъ работъ Майера, относящихся къ области физіологіи, гигіены и въ частности гигіены воспитанія, исторіи медицины, въ особенности Краковскаго университета, и, наконецъ, заслугъ его по составленію словаря польской медицинской терминологіи, мы остановимся на дѣятельности его, какъ антрополога. Еще въ изданіяхъ Краковскаго Ученаго Общества онъ помѣстилъ работы: „Сравнительное гистологическое изслѣдованіе зубовъ ежа“ (Roczn. Tow. Nauk. Krak., вып. 2, V, VI, 1862, стр. 345—368), „Физическій обликъ Казиміра Великаго по измѣреніямъ его остатковъ 7 іюня 1869“ (тамъ же, вып. 3, т. XVI, 1870, стр. 223 — 243), но главнымъ образомъ онъ развиваетъ свою дѣятельность по мѣстной антропологіи съ учрежденіемъ въ Краковѣ Академіи наукъ. Благодаря Майеру, въ 1874 г. учреждена при Академіи особая антропологическая коммиссія, дѣятельность которой по настоящее время состоитъ въ работахъ по антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, археологіи и этнографіи. Первымъ предсѣдателемъ вновь учрежденной коммиссіи, въ теченіе 20 лѣтъ, былъ самъ президентъ Академіи Майеръ, а секретаремъ—талантливый Исидоръ Коперницкій.

Коперницкій родился 16-го апрѣля 1825 г. въ Кіевской губ. Послѣ окончанія гимназіи поступилъ на медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, который окончилъ въ 1849 г. и, какъ стипендіатъ, долженъ былъ 8 лѣтъ прослужить военнымъ врачемъ. Во время этой службы Коперницкій принималъ дѣятельное участіе въ Крымской войнѣ, какъ хирургъ, подъ Ольтеницей, Силистріей, Инкерманомъ и въ Севастополѣ во время его осады. Въ 1857 г., за выходомъ въ отставку, онъ принялъ предложенную ему должность прозектора анатоміи въ университетѣ св. Владиміра и пробылъ здѣсь 6 лѣтъ, оставивъ анатомическому кабинету собранную имъ антропологическую коллекцію великорусскихъ и малороссійскихъ череповъ. Къ этому времени относится первая работа Коперницкаго по антропологіи, а именно: „Временное сообщеніе о строеніи славянскихъ череповъ“ („Научн. Изв. о съѣздѣ русск. естеств. въ Кіевѣ“, 1861, стр. 81—103). Послѣ смутъ 1863 года Коперницкій, покинувъ навсегда родину, поселился сначала въ Парижѣ, гдѣ занимался изученіемъ антропологіи; затѣмъ онъ переѣхалъ въ Сербію, а отсюда вскорѣ въ Бухарестъ, куда онъ былъ приглашенъ румынскимъ правительствомъ для устройства во вновь учреждаемомъ университетѣ анатомическаго кабинета. За блестящее исполненіе этого

порученія Коперницкій былъ награжденъ медалью I класса—„bene merenti". Въ 1871 году Коперницкій переселяется изъ Румыніи въ Краковъ, выдерживаетъ здѣсь экзаменъ на доктора медицины и въ 1876 г. начинаетъ чтеніе лекцій по антропологіи, какъ доцентъ, а въ 1886 г. получаетъ званіе экстраординарнаго профессора. Своими работами по этнографіи, а въ особенности по антропологіи, Коперницкій составилъ себѣ широкую извѣстность. Болѣе важныя изъ этихъ работъ слѣдующія: „Description d'un nouveau craniographe. Étude craniographique des races" („Bullet. de la Soc. d'Anthrop. de Paris", t. II, 2 sér., 1867, стр. 559—571); „Quelques observations céphalométriques sur les ruthéniens, les russes et les finnois (тамъ же, т. IV, 2 сер., 1869, стр. 622—631); „Anatomiczno-antropologiczne spostrzeżenia nad murzynem" („Анатомическо - антропологическія наблюденія надъ негромъ",—сообщеніе, сдѣланное на I съѣздѣ польскихъ врачей и естествоиспытателей въ Краковѣ, въ 1869 г., и напечатанное въ „Roczn. Tow. Nauk. Krak.", т. XIX, вып. 3, 1871, стр. 75 — 100, а также на англійскомъ языкѣ въ „Anthropol. Review", 1871, январь, стр. 246—258, и по-французски въ „Revue d'Anthrop.", т. I); „O dziełach Jana z Głogowa, mających związek z antropologiją; studjum krytyczne („О сочиненіяхъ Яна изъ Глогова, имѣющихъ связь съ антропологіей,—критическій разборъ,—въ „Roczn. Tow. Nauk. Krak.," т. XVIII, вып. 3, 1870); „On the strange peculiarities observed by a religions sect of Moscovites, called Scoptsi" („Journal of the Anthropol. Society", 1870, вып. VIII, стр. CXXI — CXXXI; работа эта написана совмѣстно съ J. B. Davis'омъ; Hellwald реферировалъ ее въ журналѣ „Ausland", 1871); „The Kalmucks" („Journal of the Anthrop. Jnst. of the Great Brit. and Jreland," 1872, январь, т. I, № 3, стр. 401—418); „Ueber den Bau der Zigeunerschaedel. Vergleichend-craniologische Untersuchung" („Arch. f. Anthrop.," т. V, вып. 3, стр. 267—324; работа эта была награждена въ 1874 г. Парижскимъ Антропологическимъ Обществомъ преміей „prix Gotard"); „Sprawozdanie o starożytnych kościach i czaszkach ludzkich, pochodzących z kurhanów na Pokuciu" („О древнихъ костяхахъ и черепахъ человѣческихъ, находимыхъ въ курганахъ на Покутьѣ," въ „Rozp. i spr. z pos. wyd. mat. przyr. Akad. Um.," 1875, т. II, стр. 30—41); „Sur la conformation des crânes bulgares" („Revue d'Anthrop.," 1875, т. IV); „Czaszki z kurhanów pokuckich, jako materiał do antropologii przedhistorycznéj ziem polskich" („Черепа изъ кургановъ на Покутьѣ, какъ матеріалъ для доисторической антропологіи поль-

скихъ земель," въ „Pamiętnik wydz. mat. przyrod. Akad. Umiej. w Krakowie," 1875); „On the scaphoid skull of a Pole" („Journal of the Anthropol. Jnstit. of the Great Brit"., 1876, т. VI, стр. 1881—1900); „O rzadkich zboczeniach w budowie kości ludzkich w epoce przedhistorycznej w kraju naszym" („Объ аномаліяхъ въ строеніи человѣческихъ скелетовъ доисторической эпохи въ нашемъ краѣ," въ „Korp. i spr. z pos. wyd. mat. przyr. Akad. Umiej." 1877, т. IV, стр. LVII); „O kościach i czaszkach Ainosów, poświęcone D-r. J. Majerowi na uczczenie 50-letniego jubileuszu jego doktorstwa" („О костякахъ и черепахъ айновъ." Посвящено д-ру I. Майеру по поводу 50-лѣтняго юбилея со времени полученія имъ докторскаго званія, въ „Pamiętnik wyd. mat. przyr. Akad. Umiej.," т. VII, стр. 27—68); „O przedhistorycznych czaszkach treponowanych znalezionych w Czechach." („О доисторическихъ трепанированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Чехіи",—сообщеніе, сдѣланное на II съѣздѣ чешскихъ врачей и естествоиспытателей въ Прагѣ, 1882 г.).

Въ лицѣ Коперницкаго, полнаго еще жизненныхъ силъ и энергіи, Майеръ нашелъ достойнаго сотрудника. При ограниченномъ содержаніи экстра-ординарнаго профессора, обремененный семьей, нашъ ученый долженъ былъ дѣлить время между научными занятіями и заработками на жизнь частною медицинскою практикою. Чрезмѣрные труды преждевременно подорвали силы и жизнь нашего антрополога. Онъ умеръ въ сентябрѣ 1891 года [1]). За два года до смерти покойный, чувствуя постепенный упадокъ жизненныхъ силъ, особенно безпокоился за участь своей богатой антропологической коллекціи и библіотеки, единственнаго имущества, собраннаго имъ съ такимъ трудомъ, и предлагалъ таковое принести въ даръ Краковскому университету, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы былъ учрежденъ особый антропологическій институтъ при университетѣ, на нужды котораго отпускалось бы ежегодно особое опредѣленное содержаніе и директоромъ котораго состоялъ бы ординарный профессоръ антропологіи. Сенатъ университета принялъ даръ Коперницкаго съ глубокою признательностью, но когда условіе пожертвованія было представлено въ Вѣну, въ министерствѣ дѣло надолго застряло, а потомъ пришелъ отказъ, мотивированный недостаткомъ средствъ; въ Вѣнѣ не хотѣли затрачивать средствъ на учрежденіе института и каѳедры по антропологіи и дать то, чего еще не имѣетъ ни одинъ изъ австрійскихъ университетовъ. Не знаю, какая была дальнѣйшая судьба коллекціи Коперницкаго. Послѣ его смерти осталось много цѣнныхъ рукописей, а въ ихъ числѣ матеріалы по фольклору и антропологіи цыганъ, такъ какъ покойный былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Обще-

[1]) Я имѣлъ счастіе сблизиться съ Коперницкимъ въ послѣдніе годы его жизни и отчасти обязанъ ему тѣмъ, что свои досуги отъ практическихъ медицинскихъ занятій сталъ посвящать антропологіи, получая отъ него первыя указанія и совѣты. Сохраняю у себя обширную переписку съ Коперницкимъ, достаточно характеризующую его, какъ ученаго и человѣка. Высоко ставя антропологическую науку, онъ хотѣлъ видѣть и въ людяхъ, посвящающихъ себя ей, широкій взглядъ на предметъ и разностороннее образованіе. Онъ самъ былъ какъ бы осуществленіемъ своихъ мечтаній. Умъ критическій, требовательный къ другимъ, былъ еще болѣе строгимъ судьей самого себя; научно-образованный практическій врачъ, хирургъ и анатомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ познанія по естествознанію, палеонтологіи и исторіи, слылъ между краковскими академиками, какъ лучшій знатокъ западно-европейскихъ языковъ, зналъ основательно и славянскіе языки, далъ польской литературѣ нѣсколько переводовъ съ болгарскаго и сербскаго, а въ 500-лѣтіе Видовъ-дана (1389 - 1889) посвятилъ сербскому народу въ стихахъ его безсмертныя пѣсни, воспѣвающія роковую судьбу Коссовскаго сраженія, въ благодарность за гостепріимство, нѣкогда ему оказанное.

ства, основаннаго въ Лондонѣ съ цѣлью изученія цыганъ. Краковская Академія намѣрена приступить скоро къ изданію этихъ матеріаловъ. Смерть Коперницкаго, этого неутомимаго труженика антропологической коммиссіи, явилась громадной, незамѣнимой потерей для Академіи,—каѳедра антропологіи послѣ его смерти по настоящее время остается незамѣщенною.

Душою основанной антропологической коммиссіи при Академіи наукъ въ Краковѣ были многіе годы Майеръ и Коперницкій. Органомъ трудовъ коммиссіи, кромѣ отдѣльно печатавшихся сочиненій, служилъ издававшійся Академіей «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej» («Сборникъ свѣдѣній по мѣстной антропологіи»), котораго вышло съ 1877 по 1894 г. XVIII томовъ; съ 1895 г. изданіе это переименовано въ «Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne» („Матеріалы антропологическо-археологическіе и этнографическіе»); ихъ вышло съ 1895 по 1900 г. IV тома. Каждый томъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: антропологіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, археологіи и этнографіи. Начиная свою дѣятельность, коммиссія признала необходимымъ прежде всего приступить къ антропологическому изученію мѣстнаго населенія Галиціи. Съ этою цѣлью была составлена въ 1874 г. І. Майеромъ особая инструкція (по Broca, но съ нѣкоторыми измѣненіями) для физическаго изслѣдованія живыхъ людей. По этой инструкціи произведены многія работы, напечатанныя въ изданіяхъ коммиссіи; она была разсылаема всѣмъ желающимъ заняться изслѣдованіемъ галицкаго населенія (поляковъ, русиновъ и евреевъ); таковыхъ нашлось 58 лицъ, преимущественно врачей. Всѣхъ изслѣдованныхъ особей было 7.202; изъ нихъ 5.052 были призывные, въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, а остальныя 2.150 наблюденій относились какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ, въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ. Всѣ эти матеріалы были обработаны совмѣстно Майеромъ и Коперницкимъ въ двухъ серіяхъ, подъ заглавіемъ: «Физическая характеристика галицкаго населенія» («Charakt. fizyczna ludn. Galicyjskiej», Ser. I. «Zbiór wiad. do antr. kraj.» 1877, t. I; ser. 2—тамъ же, 1885, t. IX). Въ обѣихъ работахъ авторы раздѣлили трудъ между собою слѣдующимъ образомъ: Майеръ обработалъ собранные матеріалы для 3 галиційскихъ народностей, относящіеся къ росту, объему груди, цвѣту кожи, глазъ и волосъ, и измѣренія поперечниковъ послѣднихъ, а Коперницкій принялъ на себя обработку матеріаловъ по измѣреніямъ черепа, лица, носа и наглядныя отмѣтки наблюдателей. Результаты въ 1 и 2 серіяхъ работъ нѣсколько разнятся между собою, что зависитъ отъ возраста изслѣдуемыхъ. Мы познакомимъ съ главными результатами обѣихъ работъ по физической характеристикѣ галицкаго населенія, сопоставляя рядомъ двойныя наблюденія. У поляковъ средній ростъ отъ 20—25 лѣтъ по этимъ даннымъ былъ 162,2 сант., а отъ 25 лѣтъ и больше—164,3 сант.; при этомъ у жителей равнинъ онъ былъ 164 сант., а у горцевъ—165 сант. У поляковъ послѣ 25 лѣтъ ростъ увеличивается незначительно, а послѣ 30 совершенно прекращается. Наибольшее число наблюденій приходится на ростъ умѣренный, отъ 160 до 169 сант. У русиновъ средній ростъ 164 сант., а отъ 20—25 лѣтъ 164,5 сант., такъ что разница представляется на $^1/_2$ сант., тогда какъ у поляковъ на 2,1 сант. Изъ этого видно, что у русиновъ ростъ прекращается раньше, а у поляковъ, напротивъ, продолжается въ старшихъ лѣтахъ. Наибольшее число людей приходится на ростъ отъ 160 до 164 сант., а потомъ отъ 165 до 169 сант. У евреевъ средній ростъ равняется 162,3 сант. Окружность груди у поляковъ отъ 20—25 лѣтъ равна 831 мм., а по отношенію къ росту едва превышаетъ половину его—50,6; у русиновъ—843 мм. и

51,1, а у евреевъ—793 мм. и не достигаетъ даже половины роста—49,2. Въ виду того, что у поляковъ ростъ продолжается дольше, нежели у русиновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и періодъ возмужалости наступаетъ позднѣе, объемъ груди послѣ 25 лѣтъ, вѣроятно, увеличивается. У поляковъ кожа темная въ 57,7% и бѣлая—42,2%; при этомъ, начиная съ равнинъ и поднимаясь къ мѣстамъ болѣе высокимъ, процентъ людей съ свѣтлою кожею все увеличивается. У русиновъ съ темной кожей 77,3%, а свѣтлой—22,7%, у евреевъ съ темной лишь 25%, и, напротивъ, со свѣтлой—75%. Цвѣтъ глазъ у поляковъ очень разнится въ обоихъ наблюденіяхъ,—такъ, въ первомъ было сѣрыхъ 46,9%, зеленоватыхъ—12,5%, голубыхъ—11,5% и карихъ—29,1%, во второмъ же сѣрыхъ—19,30%, зеленоватыхъ—16,78%, голубыхъ—39,18% и карихъ—24,74%. Но, при распредѣленіи глазъ на свѣтлые и темные, получались въ обоихъ случаяхъ одинаковыя отношенія: свѣтлыхъ—71,10% и темныхъ—28,90%; при этомъ у жителей равнинъ свѣтлыхъ—70,2% и темныхъ—29,8%, у горцевъ больше свѣтлыхъ—76% и темныхъ—24%. У русиновъ въ первой серіи наблюденій сѣрыхъ глазъ—19,6%, зеленоватыхъ—22,6%, голубыхъ—18,9% и карихъ—38,9%, а во второй: сѣрыхъ—36%, зеленоватыхъ—14,8%, голубыхъ—17,2% и карихъ—32%; при этомъ свѣтлыхъ въ обоихъ случаяхъ—75,1% и темныхъ—24,9%, изъ чего видно, что у русиновъ нѣсколько чаще встрѣчаются темные глаза, нежели у поляковъ. У евреевъ въ первомъ наблюденіи сѣрыхъ—24,1%, зеленоватыхъ—15,5%, голубыхъ—7,5% и карихъ—52,9%, а во второмъ: сѣрыхъ—16,9%, зеленоватыхъ—11,9%, голубыхъ—12,7% и карихъ—58,5%. По отношенію же свѣтлыхъ глазъ къ темнымъ, въ первомъ наблюденіи свѣтлыхъ—29%, а темныхъ—71%, а во второмъ: свѣтлыхъ—17%, а темныхъ—83%, такъ что оба раза отношенія получились очень сходныя. Волосы у поляковъ: блондиновъ—38,7%, шатеновъ—40,9%, брюнетовъ—11,1%, черныхъ—8,4% и рыжихъ—0,9%, мало разнятся съ первыми наблюденіями, въ которыхъ число блондиновъ нѣсколько преобладаетъ, 45%, при меньшемъ числѣ шатеновъ—36,4%. При подраздѣленіи волосъ на свѣтлые и темные, пришлось на первые 59,64%, а на вторые—40,36%, при этомъ

у жителей	низменностей	54,67%	свѣтл.	45,33%	темныхъ
„ „	равнинъ	64,50%	„	35,50%	„
„ „	гористыхъ склоновъ, (возвышен. вост. и западн., какъ и вост. и западн. Бескидовъ) .	60,64%	„	39,36%	„
у горцевъ		44%	„	56	„

Изъ приведенной таблицы видно, что наименьшею свѣтловолосостью отличаются горцы, а потомъ жители низменностей, наибольшею—жители равнинъ и гористыхъ склоновъ. У русиновъ по второму наблюденію было блондиновъ 29,3%, шатеновъ—45%, брюнетовъ—6,4% и черныхъ—19,3%, тогда какъ въ первомъ число шатеновъ меньше—34%, съ увеличеніемъ брюнетовъ—20,2%. У евреевъ цвѣта волосъ размѣщались такъ: блондиновъ—13,7%, шатеновъ—32,5%, брюнетовъ—19,6%, черныхъ—30,8 и рыжихъ—3,4%. На томъ основаніи, что въ сравненіи съ поляками и русинами у евреевъ оказалось болѣе значительное число рыжихъ волосъ, которыхъ въ первой серіи наблюденій было 4,5%, авторъ предполагаетъ, что рыжіе волосы составляютъ одинъ изъ характерныхъ признаковъ евреевъ, при болѣе значителеномъ пре-

обладаніи темныхъ волосъ (68,8%) надъ свѣтлыми (31,2%), нежели у русиновъ, а въ особенности, нежели у поляковъ. Разсматривая въ совокупности цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ и причисляя къ свѣтлому типу кожу, глаза и волосы свѣтлые, къ темному—темные, а къ смѣшанному—разные цвѣта, у поляковъ окажется свѣтлаго 57,3%, темнаго—15,7% и смѣшаннаго—27%. Въ послѣднемъ встрѣчаются чаще всего свѣтлые элементы, указывающіе на то, что первобытной чертой поляковъ былъ свѣтлый типъ, который, вслѣдствіе посторонней примѣси, постепенно измѣнялся, что выразилось въ потемнѣніи волосъ, а свѣтлому цвѣту остались вѣрны лишь глаза и кожа. Если изъ изслѣдованнаго польскаго населенія выдѣлить горцевъ, то типы распредѣлятся:

у горцевъ	52,2%	свѣтлаго	8,0%	темнаго	39,8%	смѣшан.
„ остальныхъ . .	58,9%	„	18%	„	23,1%	„ .

Принимая абсолютно, типъ свѣтлый былъ бы болѣе частымъ у остального населенія, нежели у горцевъ. Однако это представится иначе, если свѣтлый типъ сравнить съ темнымъ. Принимая этотъ послѣдній за 100, свѣтлый типъ будетъ относиться къ темному:

у горцевъ = 653 : 100
„ остальныхъ = 327 : 100

Въ приведенномъ сравненіи свѣтлый типъ у горцевъ выступаетъ въ два раза чаще, нежели у остальныхъ жителей. Поэтому, много свѣтлыхъ элементовъ сложилось на увеличеніе смѣшаннаго типа, который здѣсь почти вдвое численнѣе, нежели у остальныхъ: тамъ онъ составляетъ 398, здѣсь—всего 231 на 1000. Если допустить, что горцы составляли первобытно свѣтлую расу,—говоритъ Майеръ,—на что указываетъ довольно ясно шестикратное преобладаніе свѣтлаго типа надъ темнымъ, то, вѣроятно, посторонняя примѣсь темной расы должна была повліять здѣсь сильнѣе, нежели на остальное польское населеніе. У русиновъ свѣтлаго типа—46,5%, темнаго—25,4% и смѣшаннаго—28,1%. (Въ послѣднемъ типѣ такое же преобладаніе свѣтлыхъ глазъ, какъ и у поляковъ, но не является такъ часто встрѣчающаяся свѣтлая кожа, какъ у первыхъ, а являются темные волосы). У русиновъ такъ же, какъ и у поляковъ, сильнѣе противостояла отъ посторонней примѣси кожа, а еще болѣе глаза, волосы же болѣе подверглись измѣненію у русиновъ въ сравненіи съ поляками. У евреевъ свѣтлаго типа—25,4%, темнаго—27,9% и смѣшаннаго—46,7%; въ противоположность полякамъ и русинамъ волосы у евреевъ оказались наиболѣе постоянными и менѣе подвергшимися измѣненіямъ признаками. Авторъ, принимая темный типъ за 100, къ которому свѣтлый будетъ относиться у поляковъ=365 : 100, а у русиновъ=183 : 100, говоритъ, что преобладаніе свѣтлаго типа надъ темнымъ у поляковъ въ 2 раза больше, нежели у русиновъ, у евреевъ, напротивъ, отношеніе свѣтлаго къ темному=91 : 100.

Величина головы у галиційскаго населенія послѣ 25 лѣтъ, т.-е. по окончаніи роста, нѣсколько разнится съ наблюденіями отъ 20 до 25 лѣтъ, т.-е. между первой и второй серіями наблюденій, въ размѣрахъ длины отъ 2 до 3 мм., ширины—на 1 мм. и по горизонтальной окружности—отъ 1 до 8 мм. Приводимъ по Коперницкому среднія величины черепа въ обоихъ наблюденіяхъ:

	Длина. I.	Длина. II.	Ширина. I.	Ширина. II.	Горизон. окружн. I.	Горизон. окружн. II.
У поляковъ . .	180,5 мм.	183,9 **мм.**	152,2 **мм.**	153,7 **мм.**	543,3 **мм.**	548 **мм.**
„ русиновъ . .	182,3 „	183,4 „	152 „	153,2 „	546,6 „	547,6 „
„ евреевъ . . .	183,5 „	186,4 „	153,5 „	152,2 „	543,3 „	551 „

Послѣдняя серія наблюденій не подтвердила первую, что русинскіе черепа нѣсколько больше польскихъ, еврейскіе же оба раза оказались больше первыхъ.

По среднимъ головнымъ указателямъ черепа распредѣлялись:

	I.	II.
У поляковъ	84,4	83,5
„ русиновъ	83,3	83,5
„ евреевъ	83,5	81,7

По головному указателю, при вторичномъ наблюденіи, черепа оказались нѣсколько уже у поляковъ, а въ особенности у евреевъ; разница эта, однако, не измѣнила первоначальнаго факта, что всѣ черепа принадлежатъ къ типу короткоголовому.

По главнымъ краніологическимъ типамъ въ процентномъ отношеніи въ I и II наблюденіяхъ черепа располагались:

	Всего долихоцефаловъ. I.	Всего долихоцефаловъ. II.	Долихоцефалы. I.	Долихоцефалы. II.	Субдолихоцефалы. I.	Субдолихоцефалы. II.	Мезоцефалы. I.	Мезоцефалы. II.	Суббрахицефалы. I.	Суббрахицефалы. II.	Брахицефалы. I.	Брахицефалы. II.	Всего брахицефаловъ. I.	Всего брахицефаловъ. II.
Поляки	5	7,6	1,4	1,6	3,6	6	11.4	20	34,6	39.1	48,6	32,3	83,4	71,4
Русины	8,2	7	3,4	1,4	4,8	5,1	15,8	16	37,2	40	38,7	36	75.9	76
Евреи	4,6	16	1,5	10	3,1	6	10,8	23	51.7	42	32.5	19	84.2	61

Изъ приведеннаго оказалось, что наибольшій % короткоголовыхъ—у русиновъ, потомъ—у поляковъ, а наименьшій—у евреевъ.

Наибольшая ширина черепа, лба и затылка, какъ абсолютная, такъ и въ указателяхъ, въ I и II серіи наблюденій была:

	Ширина лба, въ мм. I.	II.	Ширина наибольш., въ мм. I.	II.	Ширина затылка, въ мм. I.	II.	Ширина лба, въ указателяхъ. I.	II.	Ширина наибольш., въ указателяхъ. I.	II.	Ширина затылка, въ указателяхъ. I.	II.
Поляки	121.3	114.8	152	153.7	126	136,9	67,2	62,2	84,4	83,5	75,5	74.3
Русины	120.5	117	152	153.2	138,2	139,1	65,4	63.9	83,5	83,5	75	75,4
Евреи	119	116,1	153.1	152.2	137.1	136	65	61,8	83,6	81,7	74,8	73,1

Польскіе черепа, при одинаковой ширинѣ черепа, имѣютъ лобъ и затылокъ нѣсколько уже русинскихъ (по второй серіи наблюденій), тогда какъ при первой серіи наблюденій результаты были противоположные. Еврейскіе

черепа уже, какъ сами, такъ и по отношенію лба и затылка сравнительно съ первыми. По указателямъ самымъ частымъ у поляковъ былъ лобъ умѣренный (67% и 74%) и такой же затылокъ (75% и 66,6%), у русиновъ какъ лобъ (70,3% и 80,5%), такъ и затылокъ также умѣренные (60,1% и 66,2%); у евреевъ лобъ умѣренный составляетъ 79% и 73%, умѣренный затылокъ—76% и 47,6%, а узкій—21% и 36,4%.

Длина лица, измѣренная отъ середины между бровями до конца подбородка, въ обоихъ наблюденіяхъ представила слѣдующія числа:

	I.	II.
У поляковъ	123,2 мм.	128,4 мм.
„ русиновъ	124,6 „	126,5 „
„ евреевъ	124 „	125,3 „

Въ первыхъ наблюденіяхъ наименьшая абсолютная длина лица была у поляковъ; а во вторыхъ же наименьшая—у евреевъ, средняя—у русиновъ, а наибольшая—у поляковъ. Разница эта, однако, совсѣмъ исчезаетъ у всѣхъ народностей при разсмотрѣніи размѣровъ лица по отношенію къ длинѣ черепа, которая:

	I.	II.
У поляковъ	68,3	69,8
„ русиновъ	68,1	68,4
„ евреевъ	67,1	67,1

Ширина лица (измѣренная на скулахъ) въ средней мѣрѣ:

	I.	II.
У поляковъ	121,6 мм.	138 мм.
„ русиновъ	123 „	129,6 „
„ евреевъ	120 „	133,1 „

Между двумя наблюденіями оказалась разница отъ 6 до 7 мм. у каждой народности. Въ первомъ нѣсколько наибольшею шириною лица отличаются русины, а во второмъ—поляки, а отчасти и русины превосходятъ евреевъ.

То же самое оказалось при сравненіи средняго % отношенія ширины лица къ наибольшей ширинѣ черепа, а именно:

	I.	II.
У поляковъ	79,6	90,1
„ русиновъ	80,9	84,3
„ евреевъ	79,7	87,5

Въ первомъ наблюденіи относительной шириной лица русины на 1% преобладаютъ надъ поляками и евреями, во второмъ—поляки отъ 3% до 6% надъ русинами и евреями.

Лицевой указатель, т.-е. отношеніе длины лица къ наибольшей его ширинѣ, оказался:

	I.	II.
У поляковъ	101,6	91,6
„ русиновъ	100,8	97
„ евреевъ	101,6	93,9

Лицевой указатель совершенно соотвѣтствуетъ абсолютнымъ и относительнымъ размѣрамъ длины и ширины лица. По второму наблюденію лицо самое длинное у русиновъ, потому что оно у нихъ менѣе широкое; у поляковъ, имѣющихъ лицо болѣе широкое въ скулахъ, въ сравненіи съ русинами и даже евреями, при незначительно большей длинѣ, форма лица является менѣе удлиненной. По результатамъ перваго же наблюденія лица, превышая указатель 100, представлялись болѣе круглыми, нежели при второмъ наблюденіи; при этомъ у русиновъ форма ихъ была болѣе короткою, нежели у поляковъ и евреевъ, у которыхъ получились одинаковые указатели.

Форма носа у поляковъ самая обыкновенная, прямая (60,8% и 67,3%), а потомъ вздернутая (18,6% и 19%); у русиновъ—прямая (68% и 76%) и рѣже вздернутая (14,5% и 12,4%) и плоская (11,1% и 3,1%), а у евреевъ—прямая (59,5% и 64%), часто горбатая (30,9% и 9%) и рѣже плоская (20% и 2,8%). У всѣхъ, слѣдовательно, преобладаютъ носы прямые, при которыхъ у поляковъ встрѣчаются вздернутые; у русиновъ также вздернутые, а по первому наблюденію и плоскіе; у евреевъ по первому наблюденію часто горбатые и плоскіе.

Коперницкій изъ среды польскаго населенія выдѣляетъ горцевъ (gorali), и разсматриваетъ ихъ отдѣльно отъ жителей равнинъ, привислянскихъ низменностей и склоновъ Карпатъ, прозываемыхъ горцами-ляхами, и находитъ между ними разницу въ строеніи черепа и лица. У горцевъ болѣе значительная величина головы въ наибольшей ширинѣ и горизонтальной окружности, у ляховъ же выступаетъ болѣе значительная длина, вслѣдствіе чего въ обоихъ наблюденіяхъ по среднимъ черепнымъ указателямъ болѣе зеачительная короткоголовость выступаетъ у горцевъ (86,4 и 84,2), нежели у ляховъ (83,8 и 83). То же самое замѣчается при распредѣленіи отдѣльныхъ черепныхъ типовъ. У горцевъ типъ брахицефалическій постояннѣе ((85,7% и 87%), нежели у ляховъ (82,2% и 66,6%), зато долихоцефалическій отъ 2 до 4 разъ рѣже у горцевъ (3,7% и 2,7%), нежели у ляховъ (5,7% и 9,5%), а мезотицефалическій у горцевъ во второмъ наблюденіи въ 2 раза рѣже (10,5% и 9%), нежели у вторыхъ (11,8% и 23,7%). Горцы отличаются болѣе узкимъ лбомъ—113,1 мм. (указ. 61,7), нежели ляхи—115,3 мм. (указ. 62,5). Среди горцевъ наибольшею узкостью лба отличаются т. н. подгаляне—108,5 мм. (указ. 59). Длина лица у горцевъ—127,2 мм., у ляховъ—128,8 мм. (при одинакомъ указателѣ—92,7). Ширина лица у горцевъ—137,8 мм., а у ляховъ—138,1 мм., а по отношенію къ наибольшей ширинѣ черепа нѣсколько меньшая у горцевъ (88,3), нежели у ляховъ (90,7).

У русиновъ Коперницкій тоже отдѣлилъ горцевъ отъ населенія равнинъ. При первыхъ наблюденіяхъ разницы не было замѣчено, а при вторыхъ размѣры черепа у горцевъ оказались нѣсколько большими, какъ въ длинѣ (185,9 мм.), ширинѣ (157,6 мм.), такъ и въ горизонтальной окружности (555 мм.), нежели у населенія равнинъ, у которыхъ длина черепа—182 мм., ширина—151 мм.

и горизонтальная окружность—543 мм. Что же касается головного указателя, то горцы въ обоихъ наблюденіяхъ оказались большими брахицефалами (85 и 84,8), нежели поселяне равнинъ (82,9 и 82,9). По распредѣленію черепныхъ типовъ у горцевъ было брахицефаловъ 86% и 85%; долихоцефаловъ—2% и 2% и мезотицефаловъ—10,4% и 10%, тогда какъ у населенія равнинъ типъ брахицефалическій выступалъ только въ 73% и 71,8%, зато долихоцефалическій въ 5,7% и 6,5%, а мезотицефалическій въ 17% и 19,6%. По размѣрамъ ширины лба и его отношеніямъ они мало отличаются: у горцевъ ширина лба—120,7 мм. (указ. 63 и 64,8), а у населенія равнинъ—115,3 мм. (указ. 66 и 63,1). Затылокъ у горцевъ шире—143,6 мм. (указ. 77 и 77), нежели у жителей равнинъ—136 мм. (указ. 74 и 74,7). Длиною лица—127,8 мм. (указ. 100 и 95,3)—горцы нѣсколько уступаютъ жителямъ равнинъ (указ. 103,3 и 98,4).

Какъ бы дополненіемъ къ вышеописаннымъ работамъ по антропологіи галиційскаго населенія являются три другихъ работы проф. Майера, основанныхъ на призывныхъ данныхъ воинскихъ коммиссій и касающихся годичнаго увеличенія роста, причемъ для каждаго уѣзда вычисленъ среднiй ростъ и годичный приростъ. Въ первой изъ нихъ вычислено приращеніе роста у русиновъ между 20—23 годами на основаніи 8526 наблюденій („Roczny przyrost ciała u ludności galicyjskiej, między 20 a 23 rokiem życia, jak przyczynek do jej charakterystyki fizycznej, oznaczony co do Rusinów“, 1878, t II). Авторъ въ своей работѣ приходитъ къ выводу, что остановка въ увеличеніи роста въ 22 году жизни чаще наступаетъ у жителей равнинъ, нежели у горцевъ, что подтверждаетъ первыя, изложенныя нами выше, наблюденія. Вначалѣ увеличеніе роста замѣтнѣе у жителей равнинъ, въ послѣдующіе годы оно уменьшается до того, что въ концѣ равняется болѣе быстрому росту горцевъ, которые лишь немногимъ ихъ превосходятъ.

Вторая работа—это годичный приростъ роста у галицкихъ поляковъ между 20—23 годами („Roczny pzyrost ciała u polaków galicyjskich, jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznej, 1879, t. III). Работа эта основана на 7544 наблюденіяхъ. Авторъ сопоставляетъ увеличеніе роста у поляковъ и русиновъ въ % роста въ 21 и 22 году.

	Въ 21 г.	Въ 22 г.	Двухгодичн. приростъ.
У поляковъ	1,86	1,24	3,10 cm.
„ русиновъ	2,22	1,24	3,46 „

Вычисляя изъ этихъ % отношеній приростъ по среднему абсолютному росту, за каковой авторъ принимаетъ для поляковъ 162,2 cm., а для русиновъ 164 cт. (по даннымъ „Физической характеристики галиційскаго населенія“), имѣемъ средній приростъ:

	Въ 21 г.	Въ 22 г.	Двухлѣтн. приростъ.
У поляковъ	3,00	2,00	5,00 сант.
„ русиновъ	3,63	2,03	5,66 „

Изъ чего видно, что въ 21 году ростъ большій у русиновъ, а въ слѣдующемъ году равняется съ поляками. У большинства поляковъ и русиновъ при-

ростъ чаще всего характеризуется 1,6—2,0 сант. и 2,1—2,5 сант. или, въ средней мѣрѣ, около 2,1 сант. на 100 сант. первоначальнаго роста. Вычисляя %-ый приростъ по среднему дѣйствительному росту, получимъ самый обыкновенный двухлѣтній приростъ для поляковъ—3,50 сант., а для русиновъ—3,54 с., т.-е. почти одинаковый для обѣихъ народностей.

Третья работа Майера относится къ годичному приращенію роста у галицкихъ евреевъ между 21—22 годомъ („Roczny przyrost ciała u żydów galicyjskich, jako przyczynek do ich charakterystyki fizycznej", 1880, t. IV). Евреи, по 1677 наблюденіямъ, отличаются отъ поляковъ и русиновъ тѣмъ, что у нихъ во многихъ наблюденіяхъ недостаетъ прироста, въ особенности въ 21 году, хотя въ общемъ онъ въ этомъ году значительнѣе, нежели въ 22 г.; рѣже прироста недостаетъ въ этихъ обоихъ годахъ. Недостатокъ прироста значительнѣе среди евреевъ въ восточной, нежели въ западной части Галиціи и болѣе въ сѣверной, нежели въ южной; при этомъ, какъ видно, выступаетъ тождество между югомъ и западомъ, сѣверомъ и востокомъ. Недостатокъ прироста часто находится въ обратно-пропорціональномъ отношеніи съ величиною общаго средняго прироста роста, а именно, гдѣ чаще случаи недостатка прироста, какъ въ восточной и сѣверной Галиціи, тамъ и послѣдній меньше; напротивъ, въ южной и западной, гдѣ рѣдко встрѣчается недостатокъ прироста, тамъ и годовое среднее приращеніе больше. Такія отношенія подтверждаютъ наблюденія въ 21 и 22 году у евреевъ.

Въ III томѣ этого изданія находимъ еще работу Майера, въ которой сопоставлены при-днѣпровскіе малороссы Чубинскаго съ результатами антропологическихъ наблюденій галицкихъ русиновъ („Charakterystyka typiczna Rusinów naddnieprzańskich podana przez p. Czubińskiego, porównana z charakterystyka Rusinów galicyjskich", 1879, t. III).

По примѣру первыхъ работъ по антропологіи галицкаго населенія, стали появляться въ изданіяхъ антропологической коммиссіи изслѣдованія какъ родственныхъ, такъ и сосѣднихъ галицкому населенію народностей. Д-ръ А. Дудревичъ опубликовалъ антропологическое изслѣдованіе варшавскихъ дѣтей, основываясь на 3138 измѣреніяхъ дѣтей, отъ 2 до 15 лѣтъ, изъ которыхъ 2934 христіанъ и 204 евреевъ. Измѣренія эти авторъ дѣлалъ по иниціативѣ Брока и по его схемѣ. Собранные матеріалы были первоначально предназначены для сопоставленія дѣтей въ цѣлой Европѣ для сравненія увеличенія роста въ разныхъ странахъ, развитія отдѣльныхъ частей скелета и т. д., но смерть Брока помѣшала осуществленію этой коллективной работы („Pomiary antropologiczne dzieci warszawskichu", 1882, t. VI).

Проф. Коперницкій въ «Физической характеристикѣ русскихъ горцевъ», основываясь на 187 личныхъ измѣреніяхъ, представилъ антропологическій обликъ нѣсколькихъ родовъ этого храбраго племени. Помимо своего этнологическаго значенія, какое имѣетъ эта работа, знакомящая подробнѣе съ особенностями горцевъ, которые отчасти были изучаемы раньше въ двухъ серіяхъ изслѣдованія галицкаго населенія, эта работа пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что посвящена спеціально той части червонорусскаго народа, которая съ незапамятныхъ временъ, поселившись по обоимъ склонамъ Карпатскихъ горъ, сохранила свои особенности; но многовѣковыя столкновенія съ чуждыми имъ расами, какими были венгерская и румынская, какъ равно съ родственными племенами польскими и словацкими, образовали среди горскаго населенія нѣкоторыя этническія группы, отличающіяся значительно одна отъ другой, какъ равно и отъ сосѣдняго русскаго населенія Галиціи. Авторъ отдѣльно

разсматриваетъ пять отдѣльныхъ родовъ горцевъ, разнящихся въ этнографическомъ отношеніи: лемковъ (46), полонинцевъ (25), бойковъ (33), тухолцевъ (36) и гуцулъ (48). Мы ограничимся лишь общими выводами по отношенію ко всѣмъ горцамъ, оставляя частности для каждаго ихъ отдѣльнаго рода, тѣмъ болѣе, что они не имѣютъ отличительныхъ характерныхъ признаковъ. Средній ростъ у горцевъ—166,6 сант., при этомъ на отдѣльные размѣры роста приходится наибольшій процентъ на ростъ умѣренный—отъ 160 до 169 с. (59%); затѣмъ слѣдуетъ высокій—отъ 170 до 179 сант. (23,5%) и низкій—отъ 150 до 159 сант. (15%), очень низкій—отъ 140 до 149 сант.—имѣютъ только 2% и очень высокій—отъ 180 до 189 сант.—едва 0,5%. Туловище, измѣренное съ головой въ сидячемъ положеніи, въ среднемъ имѣетъ 87,9 сант. высоты, а по отношенію къ росту—52,2%. Длина ногъ, полученная вычитаніемъ длины туловища вмѣстѣ съ головой отъ мѣры роста, у горцевъ—79 сант., а по отношенію къ росту—47,2%. Измѣреніе въ положеніи на колѣняхъ позволяетъ намъ вычислить длину бедра, составляющую 21% роста и голени—25,9% роста; болѣе длинное бедро, при болѣе короткой голени, отличаетъ горцевъ отъ европейцевъ вообще и есть общій признакъ всѣхъ горскихъ родовъ. Цвѣтъ кожи у горцевъ преимущественно темный-желтоватый (płowy), встрѣчается въ 2 раза чаще, нежели бѣлый (36%). По цвѣту волосъ преимущественно шатены разныхъ оттѣнковъ (64,1%) и рѣже брюнеты (29,6%): вообще темные волосы у горцевъ въ 8 разъ чаще (88,3%), нежели свѣтлые (11,7%). Глаза самые частые—каріе (48%), а послѣ нихъ—зеленоватые (25%) и рѣдко—сѣрые (7,5%) и голубые (2%). Гораздо чаще глаза выступаютъ смѣшаннаго цвѣта съ сѣрымъ (15%) или въ соединеніи съ зеленымъ (9%) и рѣже съ каримъ (4%), и еще рѣже съ голубымъ (2,3%). При подраздѣленіи глазъ на двѣ группы, свѣтлыхъ было 54,2% и темныхъ—45,7%. Сопоставляя рядомъ цвѣтъ глазъ и волосъ, оказывается, что самыми частыми являются брюнеты съ карими глазами разныхъ оттѣнковъ (38%), потомъ полубрюнеты, у которыхъ цвѣтъ глазъ свѣтлый въ соединеніи съ темными волосами и, наоборотъ, волосы свѣтлые съ карими глазами (36,5%), и менѣе численная группа блондиновъ съ свѣтлыми глазами и волосами (25,5%). Величина черепа по даннымъ главныхъ размѣровъ: длины—183,1 мм., ширины—153,2 мм. и горизонтальной окружности—548 мм., а величина головы въ % роста —11%. По среднему черепному указателю онъ короткоголовый (83,6), а у отдѣльныхъ родовъ онъ колеблется отъ 82,6 до 84,6. По распредѣленію главныхъ черепныхъ типовъ наибольшее число у горцевъ короткоголовыхъ (74%) при незначительномъ числѣ длинноголовыхъ (8%) и въ 2 раза большемъ среднеголовыхъ (17%). Лобъ—узкій, ширина его—108,8 мм. (при указ. 59). По частотѣ встрѣчающихся формъ лба они—узкіе (59%) и нѣсколько рѣже—умѣренные (41%). Ширина затылка—135,4 мм. (указат. 73,7); самые частые—умѣренные затылки (81%), рѣдко—узкіе (13%) и на половину ихъ еще рѣже—широкіе (6%). Лицо: длина—127,4 мм., ширина—139,3 мм. Лицевой указатель, т.-е. отношеніе длины лица къ его ширинѣ, равенъ 91, а указатель черепа лицевой—76,3. При наглядныхъ наблюденіяхъ самою частою формою лица оказалась овальная (44,6%), менѣе частою—продолговатая (25%) и рѣже—круглая (18%) и длинная (12,2%). По дѣленію проф. Колльмана, лица встрѣчаются одинаково часто, какъ хамэпрозопныя, такъ и лептопрозопныя (50%). По щечному указателю, т.-е. по отношенію ширины щекъ къ длинѣ лица, приходилось на хамэпрозопныхъ 45% и лептопрозопныхъ 55%, а по отношенію ширины между углами нижней челю-

сти къ длинѣ лица рѣже хамэпрозопныя ($26^0/_0$) и чаще всего лептопрозопныя ($74^0/_0$). Форма носа чаще всего прямая ($71^0/_0$), очень рѣдко—вздернутая ($17^0/_0$) и горбатая ($11,5^0/_0$) и, какъ исключеніе, плоская ($0,5^0/_0$). („Charakrystyka fizyczna gorali ruskich“, 1889, t. XIII).

Д-ръ Ю. Талько-Грынцевичъ [1]) въ физической характеристикѣ украинскаго народа, основанной на 3266 наблюденіяхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, хотѣлъ воспроизвести современный типъ украинца и его особенности, свойственныя каждой мѣстности. Въ виду этого автору для своего изслѣдованія желательно было захватить большую территорію, и съ этой цѣлью вначалѣ своихъ изслѣдованій онъ искалъ сотрудниковъ, надѣясь найти таковыхъ преимущественно среди товарищей, практикующихъ на Украйнѣ врачей, и разсылалъ имъ инструменты и инструкціи. Но, къ сожалѣнію, на просьбы автора отозвались только 3—4 лица, сдѣлавшихъ по нѣскольку лишь измѣреній, и автору пришлось ограничиться исключительно своими личными изслѣдованіями и общими выводами, не касаясь антропологическихъ частностей изслѣдуемой народности, но зато самыя изслѣдованія пріобрѣли больше достовѣрности, такъ какъ огромное большинство ихъ было произведено однимъ лицомъ („Charakterystyka fizyczna ludu Ukraińskiego“, 1890, t. XIV).

А. Закржевскій опубликовалъ цѣнную антропологическую монографію о ростѣ населенія царства Польскаго, какъ одномъ изъ характерныхъ признаковъ физическаго строенія, основанную на данныхъ воинскихъ присутствій отъ 1874 по 1883 г. Работа эта напоминаетъ по своему значенію важную работу проф. Д. Н. Анучина: „О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи“, и какъ бы служитъ ея дополненіемъ по отношенію населенія царства Польскаго („Wzrost w Królestwie Polskiem, przycz. do charakt. fizycz. polaków“, съ 2 географическими картами и 1 графической таблицей, 1891, t. XV).

Далѣе, д-ръ Ю. Талько-Грынцевичъ опубликовалъ свои изслѣдованія объ украинскихъ и литовскихъ евреяхъ. Матеріаломъ послужили 1668 наблюденій какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Работа эта объ евреяхъ была первою болѣе или менѣе полною и первою для этихъ мѣстностей, основанною на большомъ количествѣ наблюденій; въ ней было собрано все, что до тѣхъ поръ было извѣстно въ литературѣ по антропологіи евреевъ („Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi“. 1892, t. XVI).

Въ слѣдующемъ году появилась интересная работа д-ра В. Олехновича, впервые выступившаго на поприщѣ антропологіи и положившаго своей работой начало антропологическому изслѣдованію отдѣльныхъ частей царства Польскаго, а именно населенія Люблинской губ.; матеріаломъ для этой работы служили ему 384 измѣренія мужчинъ и женщинъ („Charakt. antropol. ludności gubernii Lubelskiej“, 1893, t. XVII).

Работа д-ра Ю. Талько-Грынцевича по антропологіи народностей Литвы и Руси (съ приложенной этнологической картой изслѣдованныхъ народностей) основана на личныхъ наблюденіяхъ автора, произведшаго таковыя въ 1891 году въ разныхъ мѣстностяхъ (извѣстныхъ тѣмъ, что населеніе тамъ меньше всего подвергалось смѣшенію) 6 западныхъ и 2 восточныхъ губерній царства Польскаго, въ которыхъ изслѣдовано имъ 1732 человѣка—мужчинъ и женщинъ,

[1]) Настоящая работа, какъ и большинство работъ автора были печатаны по-русски, или въ видѣ предварительныхъ сообщеній, или были реферированы самимъ авторомъ.

въ томъ числѣ 583 литвино-латышей (176 наст. литовцевъ, 326 жмудяковъ и 81 латышъ), 1102 бѣлоруссовъ (429 западныхъ, 426 восточныхъ и 247 полѣшуковъ) и 47 поляковъ-подляшанъ („Charakt. fizyczna ludów Litwy i Rusi", тамъ же).

Въ послѣднемъ томѣ „Zbiór wiad. do antr. kraj." встрѣчаемъ два изслѣдованія того же д-ра Олехновича шляхты гмины Грабово-Щуцинскаго уѣзда, Ломжинской губерніи, по измѣреніямъ 145 мужч. и женщинъ („Charakt. antrop. szlachty drobnej gminy Grabowo w pow. Szczucińskim guber. Łomżyńskiej", t. XVIII) и литовцевъ изъ окрестностей Олиты, гдѣ измѣрено имъ 253 мужчинъ и женщинъ („Charakt. antrop. Litwinów z okolic m. Olity", тамъ же).

Въ указанномъ уже „Zbiór wiad. do antr. krajow.", въ томѣ I, мы находимъ работу А. Закржевскаго о населеніи города Варшавы. Она служитъ собственно дополненіемъ къ его работѣ о ростѣ населенія царства Польскаго. Но здѣсь авторъ разсматриваетъ призываемыхъ на военную службу отдѣльно, какъ-то: поляковъ, русскихъ, евреевъ и протестантовъ, понимая подъ именемъ послѣднихъ лицъ нѣмецкаго происхожденія. Для каждой изъ народностей авторъ опредѣляетъ средній ростъ, какъ равно % неспособности быть принятыми на военную службу какъ по низкорослости, такъ и по другимъ тѣлеснымъ недостаткамъ. Для обозначенія какъ однихъ, такъ и другихъ по городскимъ участкамъ къ работѣ приложены особыя карты и графическія таблицы. Работа эта, основанная на болѣе обильномъ матеріалѣ, хотя пока лишь исключительно по отношенію городского населенія г. Варшавы, окончательно опровергаетъ, не только на основаніи теоретическихъ разсужденій, но и фактическихъ данныхъ, ошибочную статистику, а съ ней и преждевременныя заключенія о вырожденіи польскаго племени („Ludności miasta Warszawy. Przyczynek do charakt. fizycznej. Mater. antrop., archeol. i etnograf.", t. I).

Работа д-ра Ю. Талько-Грынцевича: „Физическая характеристика населенія Подоліи", является какъ бы дополненіемъ работы Майера и Коперницкаго по антропологіи галицкаго Подолья, такъ какъ разсматриваетъ населеніе россійскаго Подолья (Подольской губ.). Авторъ, располагая 251 наблюденіемъ, которыя дѣлалъ какъ надъ настоящими подолянами, такъ и надъ т. наз. побережанами, живущими на восточномъ рубежѣ губерніи, разсматриваетъ отдѣльно эти двѣ антропологическія группы („Charakt. fizyczn. ludności Podola").

Изъ другихъ работъ находятся въ послѣднихъ томахъ „Матеріаловъ": д-ра Олехновича: «Польское населеніе Опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи», гдѣ авторъ изслѣдовалъ 190 мужчинъ и женщинъ («Charakt. antrop. ludności powiatu Opatowskiego, guberniі Radomskiej», t. II); д-ра Ю. Талько-Грынцевича: «Шляхта украинская», основанная на 132 измѣреніяхъ („Szlachta ukraińska, studjum antrop"., t. III.), и, наконецъ, А. Магеровскій на данныхъ о 902 призывныхъ на военную службу основалъ свою работу о ростѣ поляковъ, русиновъ и евреевъ въ Саноцкомъ уѣздѣ (въ южной Галиціи) („Wzrost ludności w powiecie Sanockim", t. IV).

Въ работахъ физіолого-антропологическаго характера болѣе всего матеріаловъ по наблюденіямъ продолжительности жизни польскаго и русинскаго населенія въ разныхъ мѣстностяхъ (матеріалы заимствованы изъ церковныхъ записей, а для евреевъ изъ метрическихъ книгъ). Всѣ почти работы составлены по одному методу, что придаетъ имъ особую цѣнность. Перечисляя эти работы, я ограничусь лишь указаніемъ фамиліи изслѣдователя, мѣстности и количества лѣтъ, за которое сдѣлано вычисленіе: проф. I. Майера.: «Продолжительность

жизни христіанскаго населенія въ Краковѣ» (1859—1868). („Zbiór wiad. do antr. kraj"., 1881, t. V); д-ра Бушека: „Сравненіе продолжительности жизни христіанскаго и еврейскаго населенія въ Краковѣ" (1859—1880) (тамъ же, 1882, t. VI); д-ра Янишевскаго: „О смертности въ Глинянахъ", вычислено д-мъ Майеромъ (тамъ же, 1883, t. VII); д-ра Сциборовскаго: „Смертность въ Кржешовицахъ и окрестностяхъ" (за 1834—1883 гг.) (тамъ же, 1884, t. VIII); д-ра Богданика: „Смертность въ Бялой христіанскаго населенія въ 1875—1884 гг." (тамъ же, 1886, t. X); д-ра Талько-Грынцевича—въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., за 1860—1885 гг. (тамъ же, 1888, t. XII); А. Магеровскаго—въ Яцмѣржѣ („Mater. antr., arch. i etnograf"., t. II, 1897); его же—въ Яцмѣржѣ и окрестностяхъ за 50 лѣтъ—1845—1895 (тамъ же, 1898, t. III), и М. Удзѣля—въ Яновѣ за 110 лѣтъ—1785—1894 (тамъ же, 1900, t. IV).

Особнякомъ стоитъ работа д-ра Ю. Талько-Грынцевича: „Наблюденіе физіологическихъ процессовъ половой жизни у женщинъ Звенигородскаго уѣзда и его окрестностей, въ Кіевской губерніи" («Zbiór wiad.», t. X).

Отмѣтимъ еще работы, относящіяся къ отдѣлу антрополого-археологическому или къ доисторической археологіи: проф. Копернидкаго: 1) „Черепъ изъ Слабошева, Могильницкаго уѣзда, въ В. К. Познанскомъ"; 2) „Черепъ изъ Тчева въ Королевской Пруссіи"; 3) „Черепа изъ Острогскаго уѣзда на Волыни"; 4) „Предварительныя замѣтки о древнихъ костякахъ и черепахъ изъ Галицкаго Подолья" (1. Czaszka ze Słaboszewa w pow. Mogilnickim w W. Ks. Poznańskiem.; 2) Czaszki z grobów rzędowych w Tczewie, w Prusach Królewskich; 3) Czaszki z powiatu Ostrogskiego na Wołyniu; 4) Uwagi tymczasowe o starożytnych kościach i czaszkach z Podola Galicyjskiego въ „Zbiór wiad. do antr. kraj"., 1879, t, III); его же: 1) „О могилѣ безъ сожженія на доисторическомъ кладбищѣ въ Квачалѣ"; 2) „О костякахъ и черепахъ, происходящихъ изъ кургановъ въ Радиминѣ на Волыни"; 3) „О костякахъ и черепахъ человѣческихъ изъ доисторическихъ раскопокъ на Галицкомъ Подоліи" (1. O grobie niecałopalnym na cmentarzysku przedhistorycznem w Kwaczale; 2) O kościach i czaszkach z kurhanów w Radziminie na Wołyniu; 3) O kościach i czaszkach ludzkich z wykopalisk przedhistorycznych na Podolu Galicyjskiem; тамъ же, 1877, t. I); его же: „Черепа и скелеты изъ 3 древнихъ кладбищъ, украшенные кольцами (Hackenringe)" („Czaszki i kości z trzech starożytnych cmentarzysk zdobione kółkami kabłączkowémi"; тамъ же, 1883, t. VII); его же: „Черепа краковскихъ мѣщанъ съ кладбищъ XVII и XVIII вѣковъ". Въ значительномъ % длинноголовости среди преобладающей короткоголовости авторъ видитъ вліяніе нѣмецкаго элемента, который уменьшался съ XVII по XVIII столѣтіе, что подтверждаютъ и метрическія церковныя записи („Czaszki przedmieszczan Krakowskich z XVII и XVIII wieku"; тамъ же, 1887, t. XI).

Д-ръ Ю. Талько-Грынцевичъ производилъ измѣреніе череповъ и костей, добытыхъ изъ кургановъ Кіевской губерніи, въ уѣздахъ: Звенигородскомъ, Уманскомъ и Васильковскомъ, при раскопкахъ Г. О. Оссовскаго; см. его „Матеріалы къ палеоэтнологіи украинскихъ кургановъ" (тамъ же, 1888, t. XII и 1889, t. XIII); его же: „Матеріалы къ палеоэтнологіи могилъ Восточной Азіи", въ которыхъ авторъ посвящаетъ главное мѣсто найденнымъ имъ черепамъ и скелетамъ („Materyały do paleoetnologii mogił Azyi wschodniej" въ „Mater. antr. arch. i etnograf"., t. III и IV).

Д-ра В. О. Олехновича: „Crania polonica"; матеріалами для этой работы служили автору черепа его коллекціи: 16—начала XIX в., 26—XVI в., добытые изъ монастырей г. Люрлина, и 28—сельскаго населенія Пулавскаго

уѣзда, Люблинской губ., конца XVI и первой половины XVII в.; четвертую группу, которую авторъ разсматриваетъ отдѣльно въ своей работѣ, составляютъ черепа современныхъ поляковъ изъ окрестныхъ Кракову деревень, числомъ 51, составляющіе собственность анатомическаго кабинета Ягеллоноваго университета (тамъ же, t. III).

Въ послѣднемъ томѣ „Матеріаловъ" находимъ еще работу д-ра Ю. Талько-Грынцевича, относящуюся къ изученію курганнаго населенія Украйны. Она основана на подведеніи итоговъ сдѣланныхъ до сихъ поръ измѣреній человѣческихъ остатковъ, найденныхъ въ могилахъ Юго-западнаго края.

Нѣкоторыя изъ работъ, входящихъ въ предѣлы этого отдѣла антропологіи, были отъ времени до времени печатаемы въ варшавскихъ польскихъ изданіяхъ. Къ нимъ относятся—д-ра Дудревича: „Wstęp do antropologii" („Предисловіе къ антропологіи,"—лекціи, читанныя въ засѣданіяхъ Біологическаго Отдѣленія Варшавскаго Медицинскаго Общества.; см. журн. „Zdrowie," 1879, t. II, №№ 10, 11, 15—21); „O czaszkach ludskich z cmentarzyska w Marienhauzie" („О человѣческихъ черепахъ изъ кладбища въ Маріенгаузѣ;" „Pamiętn. fizyograficzny", 1881, t. I.); „Czaszka z torfowiska wsi Salmonki" („Черепъ изъ торфяниковъ деревни Сальмонки," тамъ же, 1881, t. I,); „Czaszka z kurhanu pod Wiszową" („Черепъ изъ кургана подъ Вишовой," тамъ же, 1882, t. II); д-ра Талько-Грынцевича: „O antropologii wogóle i w stosunku do naszego kraju" („Объ антропологіи вообще и по отношенію къ Польшѣ;" „Wisła," 1888, II). Въ томъ же журн. „Wisła" находимъ рядъ другихъ работъ, относящихся къ антропологіи: д-ра К. Стржельбицкаго: „Wskazówki do badań antropometrycznych nad ludem" („Указанія для антропометрическихъ изслѣдованій," 1892 г.); его же: „Notatki antropologiczne" („Антропологическія замѣтки," 1895); его же: „Materiały do bibliografji antropologicznej polskiej" 1895); А. Закржевскаго: „Z puszczy zielonej" („Изъ зеленой пущи," 1887); его же: „Nasz obszar etnograficzny," 1889); его же: „Podlasie" („Подлясье," 1889); его же: „Najbliższe zadania antropologii i etnografii polskiej." („Ближайшія задачи польской антропологіи и этнографіи," 1892). Къ работамъ, имѣющимъ нѣкоторое отношеніе къ антропологіи, но болѣе обнимающимъ соціологическое изученіе народовъ, принадлежатъ работы Л. Крживицкаго: „Ludy. Zarys antropologii etnicznej" („Народы. Очерки этнической антропологіи." Варшава, 1893) и „Kurs elementarny antropologii." („Начальный курсъ антропологіи." Варшава, 1897). Л. Крживицкій состоитъ сотрудникомъ въ варшавской газетѣ „Prawda" и помѣщаетъ здѣсь статьи и отзывы о трудахъ по антропологіи и соціологіи. Изъ молодыхъ работниковъ по антропологіи выступаетъ, пока какъ рецензентъ, въ той же газетѣ „Prawda" д-ръ Рутковскій.

Оканчивая нашу статью, мы не можемъ не вспомнить еще объ антропологическихъ работахъ по сравнительной анатоміи, доставившихъ ихъ автору широкую извѣстность, это—работы д-ра Ѳеофила Худзинскаго, лаборанта Парижскаго Антропологическаго Общества, окончившаго жизнь въ Парижѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1897 г. Покойный родился въ Минской губ. и, послѣ окончанія гимназіи, поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ. Послѣ событій 1863 г. онъ уѣхалъ за границу и, побывавъ въ Австріи и Бельгіи, поселился во Франціи, которую ему суждено было не покидать до смерти. Окончивши въ Парижѣ медицинскую школу и получивъ степень доктора медицины, онъ посвятилъ себя анатоміи. Тогдашній основатель и предсѣдатель Парижскаго Антропологическаго Общества, проф. P. Broca, предложилъ Худзин-

скому мѣсто лаборанта при антропологической школѣ. Мы прекрасно помнимъ какъ бы сегодня, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, молодую, исхудалую и согнутую надъ препаратами, приготовляемыми для лекціи Broca, фигуру Худзинскаго. 30 слишкомъ лѣтъ такого труда не могли не подорвать и безъ того слабаго здоровья лаборанта. Кромѣ того, что при жизни Broca онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ трудахъ своего учителя, своими личными самостоятельными работами онъ занялъ почетное мѣсто между современными антропологами. Больше всего извѣстны его изслѣдованія аномалій человѣческихъ мышцъ, анатоміи низшихъ человѣческихъ расъ и приматовъ. Самыми замѣчательными являются его работы по анатоміи мозга человѣка и млекопитающихъ, какъ и краніологическія изслѣдованія. Въ области сравнительной анатоміи Худзинскій считался авторитетомъ. До Худзинскаго знали лишь анатомическую разницу между строеніемъ человѣка и антропоидами, но не знали разницы въ строеніи ихъ мозга, на что первый указалъ нашъ ученый. Коллекція препаратовъ мозга, собранная покойнымъ, составляетъ самый цѣнный отдѣлъ Парижской антропологической лабораторіи. Кромѣ анатомическаго изслѣдованія мозга разныхъ животныхъ, Худзинскимъ описано большое число мозговъ знаменитыхъ французовъ. Ученыя работы Худзинскаго разбросаны въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ, какъ французскихъ, такъ и польскихъ. Мы упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Nouvelles observations sur le système musculaire du nègre“ („Revue d'Anthrop.“, 1873, t. III, стр. 21); „Anatomia porównawcza zwojów mozgowych“ („Сравнительная анатомія мозговыхъ извилинъ.“ „Pamiętn. Towarz. nauk scisłych w Paryżu,“ t. X, издан. библіотеки Курницкой въ Познани, 1875, стр. 95); „Intersection du petit oblique de l'abdomen“ („Bull. de la Soc. d'Anthr. de Paris,“ 1881, апрѣль и іюль); „Durch Atavismus verständliche Anomalien der tiefen Handbengemuskeln bei einem microcephalen Mädchen“ („Kosmos“ von E. Krause, 1881, X. Bd., 9. Heft, стр. 234—235); „Cervello di Menescloud“ („Revue Philosophique,“ 1881, II, стр. 268); „Anatomie de la colonne vertebrale chèz les primates“ („Congrès de l'assoc. scient. française,“ Nantes, 1877); „Variations musculaires dans les races humaines“ („Revue d'Anthr.,“1882) и друг. Всѣ свои лучшія работы, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, Худзинскій издалъ на польскомъ языкѣ въ отдѣльной книгѣ, прекрасно напечатанной и украшенной художественными рисунками на средства Польской Парижской библіотеки, которая этимъ изданіемъ оказала большую услугу польской антропологической литературѣ. Преданный исключительно наукѣ, Худзинскій жилъ много лѣтъ въ уединеніи, избѣгая людей, и, не испытавъ въ жизни личнаго счастія, искалъ таковаго въ умственномъ трудѣ. Жилъ онъ скромно, часто лишая себя насущныхъ средствъ, дѣлясь ими съ друзьями или земляками. Отъ совершеннаго одиночества спасала Худзинскаго семья покойнаго Broca, съ которой онъ сжился и сталъ какъ бы ея членомъ. Послѣ смерти знаменитаго антрополога въ 1880 году, сынъ Broca въ отношеніи къ Худзинскому заступилъ мѣсто отца, ухаживалъ за больнымъ, который на его рукахъ и скончался. При жизни Худзинскій пользовался признаніемъ французскихъ ученыхъ Обществъ: Парижская Медицинская Академія, Антропологическое и Анатомическое Общества и Французская Ассоціація Наукъ избрали его своимъ сочленомъ. Признательность покойному,—говоритъ г. Verneau, главный редакторъ „L'Anthropologie“ (1898), въ тепломъ некрологѣ, посвященномъ Худзинскому,—есть лишь ничтожное вознагражденіе за его заслуги, которыя во сто разъ превышаютъ то, о чемъ сегодня о покойномъ пишутъ.

Вотъ въ общемъ перечень болѣе или менѣе извѣстныхъ работъ, по антропологіи, появившихся въ польской литературѣ [1]). Хотя ихъ и весьма немного, но все-таки онѣ внесли свою скромную лепту въ общую сокровищницу науки. Со смертью главныхъ дѣятелей въ области польской антропологіи, Майера и въ особенности преждевременно скончавшагося для науки Коперницкаго, не осталось руководителей, и недостатокъ мѣстныхъ работниковъ въ этой области ощущается чрезвычайно живо. Можетъ быть, хотя отчасти, сдѣлаетъ это Варшавское Медицинское Общество (Warszawskie Lekarskie Towarzystwo), основавшее при Обществѣ антропологическое отдѣленіе; быть можетъ, Обществу, при посредствѣ своихъ членовъ-врачей, удастся организовать антропологическое изслѣдованіе населенія края по одной общей программѣ. Работа эта была бы легко исполнимой, какъ знаемъ это по личнымъ опытамъ изслѣдованія, и принесла бы богатую добычу наукѣ; не сомнѣваемся въ томъ, что изъ числа изслѣдователей-собирателей нѣкоторые пристрастились бы къ антропологіи, со временемъ народились бы новые работники, которые взялись бы потомъ и за обработку собраннаго матеріала.

Ю. Талько-Грынцевичъ.

Троицкосавскъ, Забайкальской обл.

Л. Крживицкій. Физическая антропологія. Переводъ съ польскаго (при содѣйствіи автора) С. Д. Романько-Романовскаго. Съ 70 рис. въ текстѣ. „Образовательная библіотека“, сер. III, № 6. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1900. Цѣна 80 к.

Сочиненія г. Кржнвицкаго съ большою настойчивостью пропагандируются среди русской публики. Въ 1896 г. вышелъ переводъ его «Антропологіи», теперь переведена «Физическая антропологія», а въ будущемъ обѣщанъ еще «цѣлый рядъ книжекъ», въ которыхъ авторъ «имѣетъ въ виду представить сжатый систематическій курсъ антропологіи». Такое рѣдкое вниманіе, оказываемое нашей переводной литературой антропологическимъ трудамъ г. Кржнвицкаго, невольно можетъ вызвать предположеніе, что эти труды обладаютъ настолько крупными достоинствами, что заставляютъ предпочесть переводъ ихъ переводу многихъ другихъ иностранныхъ изданій по антропологіи и особенно желать именно ихъ распространенія среди русскихъ читателей. Но подобное предположеніе, вполнѣ естественное *до* ознакомленія съ антропологическими сочиненіями г. Кржнвицкаго, *послѣ* знакомства съ ними должно смѣниться полнѣйшимъ недоумѣніемъ по поводу тѣхъ мотивовъ, которыми вызвано появленіе ихъ въ русскомъ переводѣ. Достаточно разсмотрѣть «Физическую антропологію» г. Кржнвицкаго, чтобы составить себѣ представленіе и о вышедшей въ 1896 г. его «Антропологіи», такъ какъ первое сочиненіе является ничѣмъ инымъ, какъ сокращеніемъ и небольшой переработкой послѣдней изъ названныхъ книгъ.

«Физическая антропологія» открывается предисловіемъ, смыслъ и назначеніе котораго понять довольно трудно. Сущность его заключается въ заявленіи автора, что «антропологія—наука вполнѣ современная» (а далѣе, на 37-й

---

[1]) Болѣе подробный разборъ многихъ изъ нихъ, которыя касаются спеціально польской народности, я намѣренъ дать въ антропологическомъ очеркѣ поляковъ, подготовляемомъ мною въ настоящее время для „Русскаго Антропологич. Журнала“.

стр., «антропологія—скорѣе наука будущаго, чѣмъ настоящаго времени», къ чему, безъ всякихъ оговорокъ и поясненій, прибавлено: «она имѣетъ очень честолюбивые (?) замыслы»), что она послѣ движенія въ Соедин. Штатахъ въ пользу отмѣны рабства «стала наукой, наукой, если можно выразиться, модной», что въ «тотъ періодъ, когда Дарвинъ окончательно сформулировалъ (?) свой взглядъ на происхожденіе человѣческаго рода, антропологія пріобрѣтаетъ славу неблагонадежной», что «впослѣдствіи увлеченіе антропологическими проблемами, охватившее ученый міръ, значительно остыло», и въ результатѣ— «антропологія сдѣлалась серьезной наукой»; «наконецъ, явилось такое положеніе, что изъ-за массы собранныхъ фактовъ трудно въ настоящее время обозрѣть всю антропологію». Это «положеніе» явилось для автора, по-видимому, особенно серьезнымъ и важнымъ, и читателю безпрестанно приходится убѣждаться, какую непосильную задачу взялъ на себя авторъ, какъ ему, дѣйствительно, «изъ-за массы собранныхъ фактовъ трудно обозрѣть всю антропологію».

Тѣмъ не менѣе г. Кржививцкій считаетъ себя почему-то вынужденнымъ «обозрѣвать антропологію» и начинаетъ это обозрѣніе съ «общихъ понятій». Подъ «общими понятіями» авторъ разумѣетъ вопросъ о чистыхъ и смѣшанныхъ расахъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ чрезвычайно просто. «Учебники,—говоритъ онъ (10 стр.),—обыкновенно указываютъ на существованіе кавказской, негрской и монгольской расъ, нѣкоторые присоединяютъ къ нимъ еще малайскую расу»; «но,— возражаетъ авторъ,—достаточно (?) ограничиться наблюденіемъ населенія одной нашей страны, чтобы среди него отмѣтить различные типы». Вполнѣ естественно, что авторъ, пользуясь, съ одной стороны, плохими учебниками, а съ другой—наблюденіями въ одной только Польшѣ, не былъ въ состояніи хотя сколько-нибудь уяснить современное состояніе вопроса о расахъ чистыхъ и смѣшанныхъ; при этомъ нужно имѣть еще въ виду справедливое заявленіе автора, что онъ «выражается не достаточно точно» (стр. 9). Такъ же просто авторъ разрѣшаетъ сложный и спорный вопросъ о происхожденіи долихоцефаловъ и брахицефаловъ въ Европѣ: «Долихоцефалы-блондины, по всей вѣроятности, первоначально жили въ сѣверной Европѣ и отсюда мало-по-малу распространялись по всему материку, родиной долихоцефаловъ-брюнетовъ является зоогеографическое пространство, окружающее Средиземное море, брахицефалы пришли въ Европу изъ Ирана или Туркестана» (10 стр.). Про «черныхъ», по мнѣнію автора, «можно лишь сказать одно, что черные типы имѣютъ нѣсколько общихъ признаковъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые приближаются къ одной общей нормѣ - ничего болѣе» (11 стр).

Въ главѣ «Примѣры анализа расовыхъ элементовъ» авторъ избралъ для сопоставленія нѣкоторыхъ антропологическихъ признаковъ почему-то только горцевъ польскихъ Карпатъ, киргизовъ и евреевъ, причемъ оговоренная авторомъ невозможность пользоваться «массою собранныхъ фактовъ» дѣлаетъ то, что для киргизовъ онъ пользуется только немногочисленными данными (40 чел.) д-ра Н. Л. Зеланда, совершенно игнорируя изслѣдованія Харузина, Мацѣевскаго, Пояркова, Тронова, Уйфальви и др., а такъ какъ антропологическая литература объ евреяхъ еще болѣе обширна (см. «Русск. Антропол. Журн.», 1900 г., кн. II, стр. 88—89), то авторъ, устрашившись «массы собранныхъ фактовъ», предпочелъ совсѣмъ ими не воспользоваться, а ограничился какими-то, никому неизвѣстными, собственными наблюденіями. И на основаніи «схемъ», построенныхъ на такихъ данныхъ, авторъ не затрудняется дѣлать очень серьезные и безапелляціонные выводы, заявляя вдобавокъ, что «антропологія стре-

мится къ составленію *подобныхъ* (?) схемъ для всѣхъ племенъ и народовъ земного шара» (стр. 22). Будемъ надѣяться, что такая бѣда не постигнетъ антропологію, и *подобныхъ* схемъ, кромѣ какъ въ сочиненіяхъ г. Крживицкаго, мы болѣе ни у кого не встрѣтимъ.

Слѣдующая глава посвящена антропометрическимъ измѣреніямъ. «Детальныя измѣренія,—говоритъ авторъ,—возможны только въ антропологическихъ лабораторіяхъ... поэтому, когда встрѣчается надобность въ измѣреніи и описаніи большой группы, изслѣдователь *долженъ* ограничиться наиболѣе важными признаками, а именно: окраска глазъ и волосъ; длина и ширина черепа; высота носа и ширина его при основаніи, кромѣ того нѣкоторыя другія (?) измѣренія, опредѣляющія разстояніе между извѣстными (?) точками на лицевой части черепа; ростъ и отношеніе его къ высотѣ черепа и конечностей» (стр. 24—25). Очевидно, г. Крживицкаго пугаетъ всякая «масса собранныхъ фактовъ».

Въ главѣ «Современное положеніе антропологіи» авторъ рѣзко обрушивается на послѣднюю. «Современное положеніе антропологіи,—пишетъ онъ,—мы можемъ иллюстрировать слѣдующимъ сравненіемъ: нѣкто, рѣшивъ построить огромное зданіе, воздвигъ лицевую сторону его, выстроилъ часть задней стѣны, а для другихъ частей этого зданія онъ приготовилъ лишь матеріалъ, но въ недостаточномъ количествѣ, который пока является совершенно безполезнымъ, такъ какъ для нихъ не заложено даже фундамента; словомъ, онъ принялся за работу, не подумавъ о структурѣ будущаго зданія, и трудится надъ этой работой безъ всякаго плана» (35—36 стр.). Чтобы сдѣлать свое сравненіе болѣе убѣдительнымъ, автору не мѣшало-бы указать, какія части антропологіи представляютъ собою лицевую сторону, какія—заднюю и для какихъ «не заложено даже фундамента». Едва-ли видъ этого зданія когда-нибудь измѣнится для автора, если онъ и въ будущемъ будетъ оставаться при убѣжденіи (стр. 41), что, напр., изслѣдованныхъ въ антропологическомъ отношеніи «мѣстностей въ имперіи (Россіи) меньше, чѣмъ у насъ» (въ Польшѣ). Намъ въ этомъ сравненіи особенно нравятся послѣднія слова: въ примѣненіи къ автору они, какъ нельзя болѣе, вѣрны и справедливы.

Говоря о «расовыхъ типахъ, существующихъ въ настоящее время», авторъ смѣло разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ антропологіи—вопросъ о единствѣ или множественности человѣческаго рода. «Въ сущности,—заявляетъ онъ,—весь этотъ вопросъ имѣетъ словесное (?) значеніе; на самомъ дѣлѣ онъ не особенно (?) важенъ для науки» (стр. 44). Приходится пожалѣть антропологовъ, потратившихъ столько труда и эрудиціи въ стремленіи къ разрѣшенію столь «не важнаго вопроса», а, быть можетъ, еще больше г. Крживицкаго, пришедшаго къ подобному печальному заключенію. Далѣе г. Крживицкій сообщаетъ, что русинскіе горцы «распадаются на пять родовъ... и каждый изъ этихъ родовъ представляетъ мѣстную расу» (45 стр.). Мы въ первый разъ встрѣчаемъ отождествленіе расы съ родомъ, и, вѣроятно, болѣе, какъ въ трудахъ г. Крживицкаго, нигдѣ его не встрѣтимъ. Переходя къ характеристикѣ «желтыхъ типовъ», авторъ говоритъ, что, «если при обзорѣ желтой группы человѣчества мы примемъ за исходную точку физическій типъ, встрѣчаемый у *киргизовъ* (на основаніи изслѣдованій 40 особей д-ра Зеланда), то тогда *мы легко уяснимъ себѣ всѣ колебанія расоваго типа среди монголоиднаго населенія*» (стр. 61). Можно только позавидовать автору, съ такимъ скромнымъ научнымъ багажомъ такъ просто и легко разрѣшающему самые сложные вопросы. Не думаемъ однако, что достаточно «графически изобразить распространенность различныхъ

черепныхъ формъ у измѣренныхъ эскимосовъ и киргизовъ» (стр. 75), и вопросъ о «желтыхъ типахъ» можно считать оконченнымъ. Значеніе роста, какъ антропологическаго признака, авторъ, повидимому, не успѣлъ еще выяснить для себя: на 104 стр. ростъ «имѣетъ относительное значеніе, т. е. онъ можетъ считаться расовымъ признакомъ лишь съ извѣстными ограниченіями»; на 117 стр. ростъ представляетъ «наиболѣе достовѣрный матеріалъ», а на 124 стр. ростъ снова — «весьма сомнительный расовый признакъ». Вообще нѣкоторыми противорѣчіями авторъ стѣсняется мало; такъ, напр. на 126 стр., читаемъ: «Антропологъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи черепъ, еще лучше (?), серію череповъ, взятыхъ изъ одной и той-же мѣстности, сумѣетъ, на основаніи этого матеріала, опредѣлить, *къ какой расѣ принадлежитъ обладатель его*», а нѣсколько далѣе, на стр. 130-й, «черепа и другія части скелета представляютъ очень непрочное основаніе для поспѣшныхъ и въ категорической формѣ (излюбленная, замѣтимъ, форма самого г. Крживицкаго) высказанныхъ обобщеній», а еще далѣе, на той-же страницѣ, основываясь на изученіи ископаемыхъ череповъ, «мы можемъ сказать лишь одно, что *нѣкоторые* (курсивъ автора) изъ тогдашнихъ типовъ, быть можетъ, даже всѣ сохранились до настоящаго времени». На стр. 131-й авторъ заявляетъ, что «антропологія примыкаетъ (?) къ воззрѣнію, что все человѣчество произошло отъ одного и того же ствола». Автору не мѣшало-бы въ данномъ случаѣ поступиться своею «категорическою формою обобщеній» и указать на существованіе противоположныхъ, очень не малочисленныхъ, воззрѣній. Не мѣшало-бы также автору хоть какими-либо данными подтвердить свое заявленіе, что «въ ущельяхъ Памира живутъ типы, одинаковые съ овернцами» (132 стр.). Не знаемъ, какъ согласовать слѣдующія два мѣста въ книгѣ г. Крживицкаго: во-первыхъ, «степень вліянія скрещиванія на образованіе новыхъ расъ неодинакова въ различныя эпохи человѣческой жизни; *она больше въ періодъ первобытной дикости, когда человѣческій родъ распадался на мелкія и на далекомъ разстояніи другъ отъ друга живущія племена;* это былъ періодъ весьма энергичнаго образованія новыхъ расъ и исчезновенія старыхъ; съ постепеннымъ развитіемъ культуры расовая дифференціація, находящаяся въ зависимости отъ скрещиванія, должна была происходить все медленнѣе и медленнѣе» (137 стр.); и во-вторыхъ: «*въ наше время скрещиваніе расъ приняло небывалые размѣры*» (163 стр.). Незнакомство съ существующей антропологической литературой заставляетъ автора высказывать устарѣвшее заключеніе, «что населеніе, погребенное въ курганахъ, обладало свѣтлой окраской кожи, *волосъ* и глазъ». По обстоятельнымъ изслѣдованіямъ курганныхъ волосъ П. А. Минакова, наоборотъ, господствующимъ типомъ былъ темноволосый, а «свѣтловолосость или вовсе отсутствовала, или представляла сравнительно болѣе рѣдкое явленіе» («Труды Антропол. Отд.», т. XIX, стр. 225). Странно, далѣе, въ антропологическомъ трудѣ встрѣчать подобныя характеристики: «Кафузы имѣютъ огромную шевелюру въ видѣ *метлы*, которая очень напоминаетъ такую же *метлу* у папуасцевъ» (161 стр.). Хотя вопросъ о метисаціи еще мало разработанъ въ литературѣ, тѣмъ не менѣе не думаемъ, чтобы авторъ былъ близокъ къ дѣйствительнымъ фактамъ, утверждая, что «ассиметрія встрѣчается у метисовъ *во всѣхъ частяхъ тѣла*, не исключая половыхъ органовъ» (стр. 164). По поводу вопроса, «можно-ли питать надежду, что блондины со временемъ акклиматизируются въ тропическихъ, а негры въ сѣверныхъ странахъ», авторъ говоритъ, что «отвѣтъ долженъ послѣдовать утвердительный, выраженный въ самой категорической формѣ» (165

стр.). Вѣроятнѣе всего, что и здѣсь «категорическая форма представляетъ непрочное основаніе для поспѣшныхъ обобщеній».

Полагаемъ, что и приведенныхъ нами выдержекъ достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о «Физической антропологіи» г. Крживицкаго. При желаніи число выдержекъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, можно-бы было увеличить до размѣровъ, равныхъ чуть не всей книжкѣ. Мы, съ своей стороны, и такъ удѣлили антропологическому труду г. Крживицкаго больше мѣста, чѣмъ онъ заслуживаетъ по своему значенію, и сдѣлали это только изъ желанія показать, что книжка г. Крживицкаго «образовательнымъ» цѣлямъ, для которыхъ она предназначается, ни въ какомъ случаѣ служить не можетъ.

Ал. Ивановскій.

D-r Y. Koganei und D-r G. Osawa. Das Becken der Aïno und der Japaner. Mit 10 Tabellen und 10 Tafeln. Aus dem IV. Bande der Mittheilungen der medicin. Facultät der K. Japan. Universität zu Tokio. Tokio, 1900.

Уже въ 1893—1894 гг. проф. Коганеи опубликовалъ «Beiträge zur physischen Anthropologie der Aino. I. Untersuchungen am Skelet; II. Untersuchungen am Lebenden», которыя явились крупнымъ вкладомъ въ антропологію Восточной Азіи и въ частности въ литературу объ айнахъ, — этомъ замѣчательномъ, волосатомъ и бородатомъ племени, населяющемъ японскій островъ Іезо и южную часть русскаго Сахалина. Въ то время, какъ ранѣе изслѣдователи этого племени ограничивались общими описаніями наружности или измѣреніями немногихъ череповъ, Коганеи располагалъ огромнымъ, сравнительно, матеріаломъ, изъ 166 череповъ разнаго пола и возраста, причемъ 89 этихъ череповъ сопровождались болѣе или менѣе полными скелетами. Что касается измѣреній на живыхъ особяхъ, то они были произведены па 166 особяхъ (95 мужч. и 71 женщ.), изъ коихъ большинство были уроженцы Іезо, 8 съ Сахалина и 7 съ о—ва Шикотана, ближайшаго изъ Курильскихъ, куда японское правительство, изъ-за административныхъ удобствъ, переселило въ 1884 г. всѣхъ айновъ съ прочихъ Курильскихъ островoвъ (оставшихся съ тѣхъ поръ необитаемыми).

Новый трудъ проф. Коганеи, исполненный имъ въ сообществѣ съ проф. Осава, заключаетъ въ себѣ результаты измѣреній 64 аинскихъ тазовъ (42 мужч., 22 женщ.), а также, для сравненія, 75 японскихъ (38 мужч., 37 женщ.). Для измѣреній были придуманы особый приборъ и циркуль, и результаты измѣреній подверглись обстоятельному сравненію, какъ по отношенію къ двумъ племенамъ (японцамъ и айнамъ), такъ и по отношенію къ тазамъ другихъ племенъ, изученнымъ Верно́, Краузе, Тёрнеромъ, Флауеромъ, Геннигомъ, Гарсономъ, Проховникомъ и др. Къ сожалѣнію, авторы не свели своихъ изысканій къ опредѣленнымъ положеніямъ и ограничились сопоставленіемъ промѣровъ и нѣкоторыми замѣчаніями. По величинѣ таза, взятаго въ цѣломъ, между айнами и японцами разницы не замѣчается, только у аинокъ тазъ нѣсколько больше, т.-е. разница въ этомъ отношеніи между полами у японцевъ выражена болѣе, чѣмъ у айновъ. Тазъ у айновъ относительно выше и уже, чѣмъ у японцевъ. Отношеніе ширины большого таза (наибольшаго разстоянія между Cristae iliacae) къ его высотѣ (разстояніе отъ высшей точки Crista iliaca къ срединѣ tuber ischiadicum) (высота=100) у японцевъ больше, тогда какъ

отношеніе глубины (отъ мѣста наибольшаго выступанія Symphysis pubis къ выдающемуся наиболѣе взадъ остистому отростку крестца) къ высотѣ (высота=100) и отношеніе глубины къ ширинѣ (ширина=100) больше у айновъ. Половыя различія въ тазѣ выражены явственно у обоихъ племенъ. Европейскій тазъ, повидимому, нѣсколько выше, чѣмъ у айновъ и японцевъ, у обоихъ половъ. По отношенію къ широтнымъ размѣрамъ (между spinae ant. sup. и inf., между spinae post. sup., между acetabula и между troch. maj.) японскій тазъ превосходитъ аинскій, и въ свою очередь уступаетъ европейскому, хотя и немного, настолько, что возникаетъ даже сомнѣніе, не зависитъ ли эта разница отъ способовъ измѣренія. Уголъ расхожденія подвздошныхъ костей (Divergenzwinkel; для измѣренія его авторами придуманъ особый циркуль) у айновъ и японцевъ нѣсколько больше на мужскомъ тазу, чѣмъ на женскомъ, тогда какъ у европейцевъ, повидимому, чаще замѣчается обратное. Наклонъ подвздошныхъ костей у европейцевъ нѣсколько больше, чѣмъ у айновъ и японцевъ.

Переходя къ малому тазу и останавливаясь на формѣ тазоваго входа, авторъ отмѣчаетъ нѣсколько бо́льшую ширину его у айновъ, чему противорѣчитъ меньшая ширина таза въ цѣломъ, — фактъ, указывающій на болѣе вертикальное положеніе тазовыхъ костей или на меньшій уголъ ихъ расхожденія у аинскаго племени. Различіе между полами, выражающееся въ преобладаніи у женскаго пола бо́льшихъ размѣровъ ширины (всего таза и входа), какъ у айновъ, такъ и у японцевъ, незначительно, и по ширинѣ всего таза женщины этихъ племенъ даже уступаютъ мужчинамъ. По отношенію между размѣрами Conjugata vera и ширины тазоваго входа, т.-е. по тазовому показателю (у айновъ—муж. 71 — 101, жен. 70 — 96; у японцевъ-муж.— 60—114, жен. 74 — 105), оба племени относятся къ платипеламъ (Platypelie, по Turner'у, index менѣе 90), но значительное число особей входитъ въ группы мезатипеловъ (index 90—95) и долихопеловъ (свыше 95). Проф. Сакаки вывелъ для японскихъ женскихъ тазовъ (на 84 экз.) средній index= 91,5, т.-е. относящій ихъ въ группу мезатипеліи. По формѣ тазоваго входа айны однако замѣтно отличаются отъ японцевъ. У первыхъ входъ имѣетъ сердцевидное очертаніе, съуживающееся кпереди, у вторыхъ — болѣе округленное и тупое напереди; различіе это особенно выражено на мужскихъ тазахъ. Сравненіе съ данными для европейскихъ тазовъ показываетъ, что index послѣднихъ меньше, и поперечный діаметръ входа превышаетъ діагональный, тогда какъ у айновъ и японцевъ эти діаметры почти равны между собою. Крестецъ у айновъ нѣсколько шире, особенно у женщинъ, и менѣе изогнутъ, такъ что конецъ его приходится далѣе взадъ. Разстояніе между spinae ischiadicae у европейцевъ, повидимому, нѣсколько больше, чѣмъ у айновъ и японцевъ; angulus pubis, можетъ быть, также, хотя данныя европейскихъ анатомовъ въ этомъ отношеніи расходятся. Уголъ наклона таза (наклонъ Conj. vera и Conj. externa по отношенію къ горизонту; для измѣренія его авторами придуманъ также особый приборъ) не выказываетъ замѣтныхъ различій ни между айнами и японцами, ни между ними и другими племенами, хотя у нѣмцевъ уголъ этотъ, повидимому, больше.

Мы ограничимся только этими замѣчаніями и не считаемъ умѣстнымъ передавать другія подробности, а равно результаты измѣреній таза у живыхъ особей. Послѣдніе въ общемъ оказались аналогичными съ соотвѣтствующими имъ на костныхъ тазахъ.

Д. Анучинъ.

Q. Asmus. Die Schädelform der altwendischen Bevölkerung Mecklenburgs („Archiv für Anthropologie“. Bd. XXVI. 1. 1900). Съ 2 таблицами изображеній и 2 таблицами кривыхъ.

Г. Асмусъ имѣлъ возможность измѣрить въ анатомическомъ институтѣ Ростовскаго университета 54 болѣе или менѣе цѣлыхъ черепа изъ древнихъ могилъ, относящихся ко времени съ IX до конца XII вѣка и, слѣдовательно, почти несомнѣнно, вендскихъ или славянскихъ. Результаты его изслѣдованій сводятся къ слѣдующему:

1. Преобладающій типъ черепа у древне-вендскаго населенія Мекленбурга былъ орто-долихоцефалическій до орто-субмезоцефалическаго, но съ замѣтною примѣсью брахи- и платицефалической расы.

2. Этотъ долихоцефалическій типъ, переходящій въ мезоцефалическій, есть исконный славянскій; онъ сходенъ съ преобладавшимъ въ Помераніи, Западной Пруссіи, Познани и древней Богеміи. Плати-брахицефалическіе элементы принадлежали болѣе древнему населенію (не-арійскому?) средней Европы. Чѣмъ далѣе къ сѣверу и востоку, тѣмъ этотъ древній долихоцефалическій славянскій типъ былъ чище, чѣмъ южнѣе и западнѣе, тѣмъ болѣе и скорѣе онъ смѣшался съ брахицефалами. Мекленбургская вѣтвь и чешская, повидимому, наиболѣе отклонились отъ чистаго типа.

3. У чисто-славянскихъ череповъ съ увеличеніемъ показателя ширины черепа увеличивается и показатель вышины; обратное отношеніе указываетъ, повидимому, на постороннюю примѣсь.

4. Лицевой черепъ мекленбургскихъ вендовъ долженъ быть отнесенъ къ мезопрозонамъ по Колльману, къ лептопрозонамъ по Вирхову; онъ—мезоринъ, съ явственной наклонностью къ лепторинія, гипсиконхъ и брахистафилинъ. Съ расширеніемъ носа совпадаетъ расширеніе всего лица, верхняго лица и верхней челюсти, пониженіе глазницъ и суженіе нёба.

5. Главнѣйшіе признаки мозгового черепа: широкій, низкій, прямой лобъ, частое присутствіе сагиттальнаго лобнаго возвышенія; поразительно высокій процентъ метопизма (около 50% съ лобнымъ швомъ); вдавленіе въ области брегмы; сильное развитіе въ ширину задней части черепа; сильная округлость верхней части затылочной чешуи; маленькія, узкія, вертикально стоящія и сильно вогнутыя крылья основной кости, съ присутствіемъ нерѣдко другихъ аномалій въ области птеріона (стенокротафія, ossa epipteryca); частое присутствіе ворміевыхъ костей, особенно въ ламбдовидномъ швѣ, и сильная зубчатость большей части черепныхъ швовъ.

6. Лицевой черепъ характеризуется рѣзко крышеобразной вверху, высокой внизу и нѣсколько вдавленной въ срединѣ спинкой носа, вырѣзанными съ боковъ (seitlich ausgebuchtete) краями носового отверстія и сильнымъ вообще выступаніемъ всей носовой области (орлиный носъ); далѣе—прилегающими скуловыми дугами, выступаніемъ сильно развитой верхней челюсти, выраженной прогнатіей альвеолярнаго отростка, въ которой принимаютъ участіе и передніе зубы, и сильнымъ выступаніемъ подбородка.

7. Женскій черепъ отличается отъ мужского, помимо извѣстныхъ половыхъ признаковъ, значительно меньшей величиной, онъ относительно ниже, шире, съ нѣсколько болѣе высокимъ лицомъ и особенно высокими глазницами.

Д. Анучинъ.

V. Giuffrida-Ruggeri. Die grösste Höhe des Schädels vom morphologischen Gesichtspunkte aus betrachtet. „Centralblatt für Anthropologie“, 1900, вып. 4, стр. 193.

Изслѣдованія автора касаются вопроса объ отношеніяхъ высоты черепа къ другимъ его діаметрамъ, а также вопроса о зависимости формы и размѣровъ черепа отъ пола и отъ величины роста. Основываясь на многочисленныхъ измѣреніяхъ, Giuffrida утверждаетъ, что половыя особенности черепа выражаются не столько въ размѣрахъ ширины, сколько въ величинѣ высотнаго діаметра. Этотъ послѣдній, по заявленію автора, у женщинъ «не только абсолютно, но и относительно меньше», чѣмъ у мужчинъ. Къ сожалѣнію, изложеніе автора по поводу этого вопроса не отличается удобопонятностью. Но изъ всего видно, что онъ склоняется въ пользу извѣстнаго положенія о младенческомъ или дѣтскомъ типѣ развитія женскаго черепа и мозга. Положеніе это выражается здѣсь въ очень мягкой формѣ, хотя въ то же время не умалчивается о томъ, что «если прекращается ростъ мозга (т.-е. преждевременно), то и не происходитъ дальнѣйшаго развитія черепа въ направленіи высоты». Главнѣйшая особенность женскаго черепа, по мнѣнію автора, заключается въ меньшихъ размѣрахъ его *лобной* части или собственно величины разстоянія между basion и bregma, служившаго, между прочимъ, предметомъ измѣреній автора, и этотъ фактъ находится, какъ онъ выражается, въ согласіи со степенью развитія у женщинъ черепной чувство-двигательной области мозговой коры. Разсужденія эти, какъ нетрудно убѣдиться, весьма рискованны, прежде всего въ виду нашего полнаго незнанія законовъ тѣхъ взаимоотношеній, которыя существуютъ между ростомъ костнаго черепа и развитіемъ его содержимаго—мозговыхъ полушарій. Наше личное по настоящему, весьма сложному, вопросу убѣжденіе, основанное на законахъ исторіи развитія, расовой морфологіи и сравнительной анатоміи, таково, что ростъ и направленіе развитія мозга служатъ *первичными* и въ то же время самыми могущественными факторами, обусловливающими будущую форму развивающейся и податливой черепной капсулы. Подобнаго убѣжденія, какъ извѣстно, придерживаются и другіе авторы, между прочимъ также Papillault, на котораго авторъ ссылается, упоминая о меньшей оссификаціонной силѣ черепныхъ костей у женщины по сравненію съ мужчиною. Мы не имѣемъ основанія усомниться въ вѣрности *фактическихъ* выводовъ автора, но намъ кажется, что, разсуждая о тѣхъ или иныхъ особенностяхъ женской организаціи, не слѣдуетъ выпускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что *среди одной и той же расы* физическій типъ женщины отличается въ весьма замѣтной степени отъ типа мужчины во многихъ такихъ отношеніяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ т. наз. вторичными половыми особенностями организма. Намъ, напр., хорошо извѣстенъ по собственному опыту тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ расъ брахицефалическая форма черепа встрѣчается у женщинъ замѣтно чаще, чѣмъ у мужчинъ, но не потому, чтобы это служило отличительнымъ половымъ признакомъ, а просто въ силу извѣстнаго закона наслѣдственности, благодаря которому женскій организмъ весьма трудно поддается вліяніямъ скрещиванія и необычайно стойко сохраняетъ за собою самые мельчайшіе *признаки своей расы.* На это обстоятельство, къ слову сказать, въ монографіяхъ, посвященныхъ антропологіи отдѣльныхъ расъ и племенъ, обращается еще слишкомъ мало вниманія, доказательствомъ чего можетъ служить, между прочимъ, и то,

что антропометрическія и краніологическія изслѣдованія многихъ народностей даже ограничиваются наблюденіями надъ однимъ мужскимъ организмомъ.

При всемъ томъ мы, конечно, не имѣемъ въ виду отрицать вообще существованія постоянныхъ и болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ такихъ признаковъ формы женскаго черепа, которые такъ или иначе находятся въ зависимости отъ половыхъ особенностей организма. Но преобладаніе относительной высоты черепа у мужчинъ надъ тѣмъ же размѣромъ у женщинъ, какъ показываютъ намъ среднія цифры, приводимыя авторомъ, слишкомъ, по нашему мнѣнію, незначительно, чтобы на основаніи получающейся разницы соотвѣтствующихъ цифръ можно было вывести какое-либо опредѣленное заключеніе. Изъ таблицы цифръ, помѣщенной въ разбираемой статьѣ (стр. 195), съ ясностью вытекаетъ лишь то, что у мужчинъ величина роста не оказываетъ почти никакого вліянія на средній размѣръ высотнаго діаметра черепа, въ то время какъ у женщинъ это вліяніе выступаетъ съ полною очевидностью и притомъ не только по отношенію къ высотѣ, но и по отношенію къ ширинѣ, въ особенности же къ длинѣ черепной чаши.

Что касается методовъ изслѣдованія, примѣненныхъ авторомъ, то онъ особенно энергично указываетъ на необходимость совершеннаго оставленія линіи, мысленно проведенной отъ basion къ bregma, какъ выраженія высоты мозговой части черепа. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ сагиттальная кривая черепа не достигаетъ maximum'а своей выпуклости въ области соединенія вѣнечнаго и стрѣловиднаго черепныхъ швовъ, а лишь нѣсколько позади указанной точки, но мы могли неоднократно убѣдиться, что разница цифръ въ обоихъ случаяхъ рѣдко превышаетъ 1—2 мм. Если авторъ ради полной точности, тѣмъ не менѣе, прибѣгаетъ къ другому методу измѣренія (отъ basion до точки наибольшей выпуклости черепа, независимо отъ нѣмецкой горизонтальной плоскости черепа), то это, можетъ быть, и раціонально и во всякомъ случаѣ только дѣлаетъ честь предусмотрительности автора, но нельзя не замѣтить по этому поводу, что предложенный авторомъ способъ не только не представляетъ собою научной новинки, а, напротивъ, практиковался уже въ старое время и притомъ даже такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ A. Retzius'омъ, извѣстнымъ Несторомъ нашей научной краніологіи.

Р. Вейнбергъ.

В. К. Важновъ. Къ вопросу о вліяніи народной школы на физическое развитіе учащихся. «Врачъ», 1899 г., № 4 и 5.

Производя антропометрическія изслѣдованія въ народныхъ школахъ, съ цѣлью выяснить вліяніе школы на физическое развитіе учащихся, авторъ разсмотрѣлъ разбросанныя въ разныхъ медицинскихъ журналахъ данныя по интересующему его вопросу и убѣдился, что, несмотря на значительность имѣющихся подобнаго рода изслѣдованій, вопросъ о вліяніи школы на физическую организацію по настоящее время представляется открытымъ вслѣдствіе отсутствія, главнымъ образомъ, опредѣленнаго метода изслѣдованія. Одни авторы, какъ Жбанковъ, Нагорскій, Михайловъ, Матвѣева и самъ изслѣдователь, отрицаютъ вредное вліяніе школы на физическое развитіе учащихся, другіе (Василевскій, Эккертъ, Альбицкій, Щербаковъ), напротивъ, склонны признавать задерживающее вліяніе школы. Въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ по данному вопросу (В. Васильевъ и Г. Ростовцевъ) встрѣчаются тѣ же противорѣчивыя мнѣнія, хотя авторы этихъ изслѣдованій согласны въ томъ, что продолжи-

тельное пребываніе въ школѣ вліяетъ на интенсивное увеличеніе роста, но въ то же время вызываетъ уменьшеніе жизненнаго индекса. Такія противорѣчивыя мнѣнія о вліяніи школы, по словамъ г. Важнова, исключительно зависятъ отъ неудовлетворительной обработки матеріала и способовъ изслѣдованія: наблюденія производятся авторами (за исключеніемъ Альбицкаго, Матвѣевой и г. Важнова) *одинъ разъ* надъ полнымъ составомъ школы, и полученный матеріалъ группируется по возрасту и количеству лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ. Путемъ сравненія *среднихъ* величинъ роста и обхвата груди въ этихъ группахъ устанавливался фактъ благопріятнаго или неблагопріятнаго вліянія школы. При такомъ способѣ изслѣдованія, какъ справедливо замѣчаетъ г. Важновъ, понятно, случайность подбора особей, напр. девятилѣтокъ, можетъ благопріятно или неблагопріятно отозваться въ мнѣніяхъ о восьмилѣткахъ, къ тому же и сама *средняя* величина, на которой собственно и основывается заключеніе, находится въ зависимости отъ предѣловъ, въ которыхъ она заключается. «Для того, чтобы послѣдующіе наблюдатели,—говоритъ г. Важновъ, — не повторяли ошибокъ своихъ предшественниковъ и не подтверждали невѣрныхъ выводовъ, необходимо, чтобы была указана правильная форма для разработки собираемаго матеріала, а это, конечно, возможно только въ томъ случаѣ, если существующая подвергнется обсужденію товарищей». Въ своемъ изслѣдованіи г. Важновъ дѣлаетъ попытку исправить неточность своихъ предшественниковъ, а именно: онъ изслѣдуетъ однѣхъ и тѣхъ же особей, какъ при поступленіи въ школу, такъ и чрезъ годъ и два; кромѣ того, авторъ, не довѣряя средней величинѣ, группируетъ своихъ однолѣтокъ по разрядамъ роста, съ разницей въ 2 сант., а периметръ груди распредѣляетъ въ группы часто повторяющихся случаевъ 45, 57, 59, 60 и т. д. Всего авторомъ изслѣдовано 161 уч., для которыхъ повторено изслѣдованіе черезъ годъ; черезъ 2 же года изслѣдовано только 52 уч., оставшихся въ школѣ изъ всего бывшаго количества при первомъ изслѣдованіи. Разсматривая подобнымъ образомъ свой матеріалъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что увеличеніе роста за годъ—величина очень постоянная для всѣхъ возрастовъ (?); она равно относится къ мальчикамъ, поступившимъ въ школу 8, 9 и 10 лѣтъ и пробывшимъ въ ней годъ и два; въ общемъ, этотъ приростъ составляетъ 4—5—6 сант. Сравнивъ полученныя данныя съ данными Quetelet'a, Liharzik'a, проф. Филатова и найдя въ нихъ полное подтвержденіе, авторъ высказываетъ мнѣніе, что пребываніе въ школѣ не отражается задерживающимъ образомъ на развитіи дѣтей. Окружность груди у большинства дѣтей увеличилась за годъ равномѣрно на 1—2—3 сант., другими словами, и на приростѣ груди у разбираемыхъ дѣтей школа не оказываетъ задерживающаго вліянія. Изъ 161 изслѣдованныхъ дѣтей у 14% окружность груди отстаетъ отъ полуроста, у 15% равна половинѣ роста, а у остальныхъ 71% превышаетъ. Конечные выводы автора таковы: 1) физическое развитіе дѣтей, бывшихъ 2—3 года въ народной школѣ, «можно назвать очень удовлетворительнымъ, если сравнить его съ тѣми данными, которыя представляютъ намъ такіе авторитеты, какъ Quetelet, Liharzik и Филатовъ»; 2) ежегодное прибавленіе въ ростѣ и окружности груди совершалось правильно и никакихъ вредныхъ вліяній школы на это прибавленіе обнаружить не удалось; 3) чтобы судить о вліяніи школы на физическое развитіе дѣтей, необходимо дѣлать наблюденія *непремѣнно надъ одними и тѣми же дѣтьми*, въ продолженіе всего курса народной школы, потому что наблюденія одного года даютъ неправильныя цифры. Такимъ образомъ, уже перечисленные выводы автора свидѣтельствуютъ о томъ интересѣ, который пред-

ставляетъ его изслѣдованіе, но еще большаго вниманія заслуживаетъ оно потому, что авторъ въ этомъ изслѣдованіи сдѣлалъ поправку той ошибки, которая прошла въ работахъ цѣлаго ряда изслѣдователей-предшественниковъ. Конечно, если бы авторъ былъ знакомъ съ антропологическою литературой, онъ не назвалъ бы своего метода изслѣдованія новымъ и увидѣлъ бы, что значеніе *средней* величины, безъ предварительной провѣрки ея, давнымъ-давно признано ничтожнымъ всѣми антропологами. А какимъ образомъ производится провѣрка *средней*, авторъ могъ бы ознакомиться въ любомъ антропологическомъ изслѣдованіи; укажу, для примѣра, на книгу проф. Д. Н. Анучина: «О географическомъ распредѣленіи роста», на изслѣдованіе проф. Эрисмана фабричныхъ Московской губ. и д-ра Зака: «Физическое развитіе дѣтей въ среднеучебныхъ заведеніяхъ г. Москвы». Знакомство съ перечисленными трудами дало бы возможность автору произвести сравненіе полученнаго имъ матеріала съ болѣе однороднымъ матеріаломъ проф. Эрисмана и д-ра Зака, чѣмъ то представляетъ матеріалъ Quetelet и Liharzik'а. Въ данныхъ обоихъ изслѣдователей авторъ нашелъ бы полное подтвержденіе своихъ выводовъ, хотя проф. Филатовъ, книгой котораго пользовался авторъ, насколько помнится, высказалъ мнѣніе, что вообще ростъ дѣтей идетъ неравномѣрно и не подчиняется тѣмъ законамъ, которые установлены Quetelet и Liharzik'омъ. Кстати сказать, работа проф. Эрисмана не была безызвѣстна и автору разбираемой книги, такъ какъ г. Матвѣева, трудами которой онъ пользовался, часто цитируетъ послѣдняго. Въ указанныхъ трудахъ авторъ нашелъ бы и свой новый способъ, который давно извѣстенъ подъ названіемъ рядового расположенія чиселъ; тамъ указаны также среднія величины роста, соотвѣтствующія различнымъ возрастамъ, годовое приращеніе роста съ его періодами замедленія и усиленнаго нарастанія (pubertatis).

А. Рождественскій.

К. Горощенко. Курганные черепа Минусинскаго округа. „Описаніе Минусинскаго музея“. Вып. II. Минусинскъ, 1900 г.

Минусинскій музей пріобрѣлъ выдающееся положеніе среди другихъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ. Цѣнныя коллекціи музея, собранныя благодаря исключительно трудамъ и энергіи одного лица, неразрывно связавшаго свое имя съ музеемъ, Н. М. Мартьянова, не разъ служили предметомъ изслѣдованій со стороны какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Нельзя не поблагодарить комитетъ музея, предпринявшій въ послѣднее время систематическое описаніе всѣхъ, имѣющихся въ музеѣ, коллекцій. 2-й выпускъ этого «Описанія» представляетъ для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ посвященъ характеристикѣ краніологическаго собранія музея. Послѣднее, впрочемъ, не все описано въ настоящемъ выпускѣ; изслѣдованы только курганные черепа, въ количествѣ 115-ти (не считая фрагментовъ), добытые при раскопкахъ А. В. Адріанова въ различныхъ мѣстностяхъ Минусинскаго округа. Изслѣдованія, произведенныя К. И. Горощенко, исполнены очень тщательно и подробно: указаны описательные признаки изученныхъ череповъ, приведены сводныя цифровыя таблицы краніометрическихъ величинъ и, кромѣ того, главнѣйшія изъ послѣднихъ разсмотрѣны каждая въ отдѣльности. Выводы, къ которымъ привело автора изученіе краніологическаго матеріала, суммируются имъ въ 3-хъ положеніяхъ: 1) главная масса курганнаго населенія бронзоваго вѣка

въ Минусинскомъ краѣ представляла собою народность, относительно не смѣшанную; антропологическій типъ его оказывается чистымъ и выдержаннымъ не менѣе, но даже болѣе, чѣмъ у калмыковъ-торгоутовъ и у нѣкоторыхъ другихъ современныхъ народностей; 2) курганные черепа Минусинскаго края обнаруживаютъ очень близкое сходство съ курганными черепами Московской губ.; 3) между калмыками, киргизами и вообще между монголами и брахицефальными тюрками мы едва-ли найдемъ потомковъ Минусинскаго курганнаго народа. Можно было-бы упрекнуть автора въ отсутствіи въ его изслѣдованіи хронологической группировки череповъ и болѣе точнаго анализа признаковъ, указывающихъ, по его мнѣнію, на примѣсь чуждыхъ элементовъ, а также въ недостаточномъ использованіи сравнительнаго литературнаго матеріала, если бы авторъ самъ не сдѣлалъ оговорки, что условія жизни въ провинціальномъ городѣ не всегда давали ему возможность вести свою работу въ желательномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Горощенко, впервые такъ подробно характеризующій краніологическій типъ курганнаго населенія Сибири, является важнымъ пріобрѣтеніемъ нашей антропологической литературы.

Ал. Ивановскій.

Проф. И. А. Сикорскій. Сборникъ научно-литературныхъ статей по вопросомъ общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической гигіены. 5 томовъ. Кіевъ, 1900 г.

Въ пять небольшихъ томиковъ сборника проф. И. А. Сикорскаго (психіатра по спеціальности) вошли тѣ изъ научныхъ его работъ, которыя, отвѣчая на многіе запросы общественной жизни, отличаются популярностью и доступностью изложенія для большой публики. Каждый образованный читатель почерпнетъ въ сборникѣ много поучительнаго; для лицъ же, интересующихся антропологіей, нѣкоторыя статьи сборника представляются вдвойнѣ интересными. Въ этомъ отношеніи можно указать на «Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства» (II томъ), затѣмъ на спеціальныя изслѣдованія, произведенныя авторомъ по поводу прогремѣвшаго въ свое время (въ 1897 г.) дѣла о 25 заживо погребенныхъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ (подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма) и на изслѣдованіе развившейся въ 1892 г. въ Кіевской губ. психопатической эпидеміи, выразившейся въ основаніи религіозной секты «малеванцевъ», прекратившихъ всякія работы и ожидавшихъ въ молитвѣ и порывахъ экстаза конца міра. Проф. Сикорскій, побывавшій на мѣстѣ, убѣдился, что основатель секты Кондратій Малеванный, считавшій себя за Христа,—типичный душевно-больной, въ средѣ же увѣровавшихъ въ его миссію нѣсколько человѣкъ отличались также выразительными признаками душевныхъ болѣзней, остальные же малеванцы представлялись толпой субъектовъ, нервная система которыхъ была потрясена рядомъ голодовокъ и другихъ неурядицъ,— толпой, давшей особенно удобную почву для развитія настоящей психопатической эпидеміи, которая и выразилась въ усвоеніи дикой проповѣди Малеваннаго, Извлеченіе изъ этой толпы Малеваннаго и другихъ больныхъ очень быстро-безъ всякихъ репрессій, привело къ полному прекращенію эпидеміи (т.-е. распаденію секты) и отрезвленію полубольныхъ сектантовъ. Наибольшій же, чист-антропологическій интересъ имѣетъ для насъ рѣчь проф. Сикорскаго, произнесенная имъ въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества, на тему:

«Черты изъ психологіи славянъ» (I томъ). Психологическія особенности расъ удерживаются не съ меньшей, если не съ большей стойкостью, чѣмъ физическія. Въ характеристикѣ галловъ у Юлія Цезаря нельзя не видѣть чертъ современныхъ французовъ; греческій писатель Прокопій отмѣчаетъ у славянъ незлобіе и гуманное обращеніе съ плѣнными, т.-е. тѣ же черты характера, какія и понынѣ отличаютъ русскаго солдата. Отмѣчая, согласно съ большинствомъ не только русскихъ, но и иностранныхъ авторовъ (между прочими и Ренанъ), какъ основныя черты славянъ, миролюбіе, незлобіе, гостепріимство, терпимость къ иностранцамъ, величіе духа въ несчастіи и философское отношеніе къ смерти, особый идеализмъ, выражающійся въ жаждѣ подвиговъ и мученичества и т. д., а въ качествѣ отрицательныхъ чертъ — рознь, неумѣніе сплочиваться и нерѣшительность характера, — проф. Сикорскій пытается дать объясненіе возникновенія этихъ чертъ. По его мнѣнію, психологическія особенности народа складываются изъ двухъ элементовъ, именно изъ специфическихъ расовыхъ особенностей склада, тѣсно связанныхъ, быть можетъ, и съ физическими особенностями строенія, и изъ вліяній условій жизни, особенно же — окружающей природы. Суровый и не щедрый дарами природы климатъ обширной славянской равнины развилъ въ славянахъ трудолюбіе и особую стойкость и выдержку, умѣніе твердо смотрѣть въ глаза всякимъ бѣдамъ и несчастіямъ. Однообразіе природы, скудной внѣшними красотами, заставило славянина замкнуться, уйти въ себя, откуда ведетъ начало высокая культура духа и созерцательность (а, можетъ быть, и славянская рознь). Терпимость, мягкость и кротость славянъ связаны, быть можетъ, съ ихъ высокой любовью къ жизни, съ особымъ душевнымъ равновѣсіемъ, выразившимся въ наименьшей изъ всѣхъ европейскихъ племенъ наклонности славянъ къ самоубійству. Статистика въ этомъ отношеніи даетъ поразительныя цифры: на 1.000.000 жителей приходится ежегодно самоубійствъ: въ Саксоніи—311, во Франціи—210, Пруссіи—133, Австріи—130, Баваріи—90, Англіи—66 и въ Россіи—30. Нельзя говорить, что число самоубійствъ повышается съ культурой. Англія стоитъ въ этомъ случаѣ рядомъ съ Россіей, къ тому же въ Австріи, при приблизительно равныхъ условіяхъ культурной жизни, полуславянскіе округа даютъ цифру самоубійствъ гораздо ниже, чѣмъ сосѣдніе, более германизированные округа и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ у славянъ (собственно у русскихъ), какъ свидѣтельствуютъ приводимыя проф. Сикорскимъ цифры, значительно ниже, чѣмъ у многихъ другихъ европейскихъ племенъ, процентъ преступленій противъ жизни, имущества ближнихъ и особенно преступленій противъ нравственности (въ этихъ статистикахъ, однако, авторъ не иллюминируетъ вліяніе соціальныхъ и культурныхъ условій). Нерѣшительность славянъ (Рудинъ, другіе литературные типы людей, изъѣденныхъ рефлексіей, весь ходъ нашей исторіи и т. д.), будучи отмѣчена авторомъ, оставлена имъ безъ соотвѣтствующаго объясненія, хотя намъ кажется, что, стоя на почвѣ признанія воздѣйствій природы на характеръ, можно вывести послѣднюю особенность славянъ изъ условій природы, требующей, правда, постоянной суровой борьбы, но мало дающей моментовъ, когда борьба доходитъ до высшаго напряженія силъ и требуетъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій (полное отсутствіе высокихъ горъ съ ихъ скалами, пропастями, обвалами, лавинами, потопами и пр., малая доступность морей съ ихъ опасностями и т. д.).

В. В. Воробьевъ.

Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. Вып. 1. Спб., 1900 г.

Матеріалы, вошедшіе въ I-й выпускъ этого новаго изданія Академіи Наукъ, первоначально предназначались, по объясненію автора предисловія, Д. А. Клеменца, для издававшихся въ прежнее время, подъ редакціей академиковъ Шренка и Максимовича, „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches", но, вслѣдствіе прекращенія послѣдняго изданія, они появляются въ свѣтъ только теперь, въ видѣ особаго сборника. Всѣ матеріалы напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ. Первая, этнографическая, часть сборника содержитъ въ себѣ историческій обзоръ различныхъ этнографическихъ собраній, вошедшихъ въ составъ нынѣшняго музея академіи по антропологіи и этнографіи, и обширную инструкцію, данную въ 1740 г. академикомъ Іоганномъ Готфридомъ Миллеромъ адъюнкту Іоганну Эбергарду Фишеру, отправлявшемуся въ путешествіе въ Сибирь. Содержаніемъ второй, антропологической, части является «Записка» акад. К. фонъ-Бэра о современномъ состояніи (1850 г.) и исторіи анатомическаго кабинета академіи. Знаменитый академикъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія объ имѣвшихся въ его время въ академіи коллекціяхъ по сравнительной антропологіи, состоявшихъ преимущественно изъ череповъ, о коллекціи уродовъ и болѣе подробно останавливается на коллекціи Ruysch'a, выясняя исторію пріобрѣтенія ея. «Записка» заканчивается свѣдѣніями о великанѣ, гайдукѣ Петра Великаго, Буржуа и о карликѣ Ѳомѣ.

Ал. Ивановскій.

Ф. I. Дебеле. О длинѣ кишечника въ дѣтскомъ возрастѣ. Дисс. на степень д-ра мед. Спб., 1900 г.

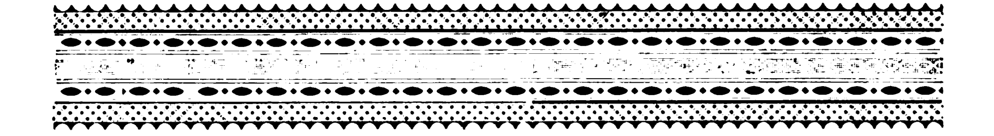
Разсматриваемый авторомъ вопросъ имѣетъ существенное значеніе не только съ физіологической точки зрѣнія, но и антропологической. Антропологическихъ работъ по данному вопросу въ дѣтскомъ возрастѣ почти нѣтъ, и разработка его составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Матеріаломъ для изслѣдованія служили автору дѣтскіе трупы изъ секціонныхъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома, трехъ дѣтскихъ больницъ, а также зародыши Надеждинскаго вспомогательнаго заведенія. Изслѣдованъ кишечникъ по отдѣламъ у 138 дѣтей въ возрастѣ отъ 17 часовъ до 13 лѣтъ включительно и у 6 плодовъ. На основаніи этихъ изслѣдованій авторъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: у дѣтей истощенныхъ кишечникъ короче, чѣмъ у дѣтей, питаніе которыхъ пострадало сравнительно мало; хроническое пораженіе кишечнаго канала вліяетъ на его длину, увеличивая послѣднюю; processus vermic. растетъ быстрѣе всего въ утробной жизни и на первомъ году; до 8 лѣтъ онъ не отстаетъ въ ростѣ отъ всего кишечника, а послѣ 8 лѣтъ ростъ его замедляется; восходящая ободочная кишка у плодовъ длиннѣе нисходящей, у дѣтей же она короче послѣдней; поперечная часть кишекъ во всѣхъ дѣтскихъ возрастахъ составляетъ самую длинную часть толстыхъ кишекъ.

Д. Никольскій.

Всев. Миллеръ. Очеркъ фонетики еврейско-татскаго нарѣчія («Труды по востоковѣдѣнію», издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ восточныхъ языковъ, вып. III). М. 1900 г.

Вс. Ѳ. Миллеръ еще въ 1892 г. напечаталъ въ изданіи Императорской Академіи Наукъ «Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка» съ обширнымъ введеніемъ, въ которомъ были разсмотрѣны вопросы, касающіеся мѣста поселенія и численности кавказско-горскихъ евреевъ, вытѣсненія у нихъ религіи Моисея исламомъ, происхожденія кавказскихъ евреевъ, вліянія ихъ на хазаръ и пр. Горскими евреями (по-татарски Дагъ-Чуфутъ) называются кавказскіе евреи, живущіе въ аулахъ и нѣкоторыхъ городахъ Дагестанской, Терской, Кубанской областей и губерній: Бакинской и Елизаветпольской и говорящіе нарѣчіемъ татскаго языка, одного изъ новоиранскихъ. Общее число горскихъ евреевъ въ 1886 г. доходило до 21.000 душъ обоего пола, но есть археологическія указанія на то, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, число еврейскихъ поселеній на восточномъ Кавказѣ было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Изъ свидѣтельства арабскихъ писателей можно вывести, что, при завоеваніи Дагестана въ 1-й половинѣ VIII в., уже застали тамъ евреевъ въ значительномъ количествѣ. О времени прихода на Кавказъ евреевъ потомки ихъ не сохранили письменныхъ показаній, но они увѣрены, что происходятъ отъ евреевъ, которые были выведены изъ Палестины ассирійскими царями и поселены въ горахъ Мидійскихъ. Присутствіе еврейскаго элемента въ населеніи Мидіи, именно той части, которая впослѣдствіи называлась Атурпатаканъ (нынѣ Адербейджанъ), не подлежитъ сомнѣнію. Указанія на существованіе еврейскаго племени на границѣ Мидіи и Персіи сохранились въ еврейскихъ источникахъ IX в. Выселившись изъ Адербейджана на Кавказъ, они принесли съ собою иранское нарѣчіе, которое усвоили въ Адербейджанѣ, именно діалектъ татскаго языка, изобилующаго въ словарѣ и отчасти словообразованіи тюркскими элементами. Въ виду того, что поселеніе евреевъ на Кавказѣ предшествовало завоеванію Дагестана арабами (въ VIII в.), можно предположить, что оно вызвано было гоненіями на евреевъ въ Персіи отъ сассаидскихъ царей, фанатиковъ религіи Заратуштры (особенно въ V в.). Среди языческаго населенія восточнаго Кавказа евреи, вѣроятно, не испытывали стѣсненія въ своихъ вѣрованіяхъ, могли пропагандировать свою религію за предѣлами своего поселенія, заходя въ Хазарію, и, быть-можетъ, явились виновниками принятія Хаканомъ іудейства. Языкъ ихъ проф. Миллеръ характеризуетъ слѣдующими словами: это—иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически на тюркскій ладъ. Такое нарѣчіе могло выработаться лишь въ странѣ, гдѣ рядомъ живутъ этническіе элементы—иранскій, семитскій и тюркскій, а такой территоріей былъ, дѣйствительно, Адербейджанъ.

А. Хахановъ.

Извѣстія и замѣтки.

Премія по антропологіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича присуждена въ настоящемъ году Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, по представленію Антропологическаго Отдѣла и на основаніи отзыва проф. Д. Н. Анучина, прозектору анатоміи Юрьевскаго университета Р. Л. Вейнбергу за его рукописный трудъ: «Мозгъ поляковъ. Расово-анатомическое изслѣдованіе». Премія и двѣ золотыя медали по антропологіи имени А. П. Разцвѣтова остались въ этомъ году не присужденными. Желающіе ознакомиться съ правилами премій благоволятъ обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, секретарю Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Лекціи въ «École d'Anthropologie». Въ текущемъ 1900/1 году объявлены въ «Ecole d'Anthropologie» (въ Парижѣ) слѣдующіе курсы по антропологіи: Papillault—Анатомическая антропологія (внѣшнія формы и пропорціи человѣческаго тѣла; варіаціи нормальныя и патологическія); Capitan—Доисторическая антропологія (основы изученія доисторическаго періода: стратиграфія, петрографія, палеонтологія, индустрія); André Lefèvre—Этнографія и лингвистика (Франція въ XIV в.; Столѣтняя война; Филиппъ VI; Іоаннъ Добрый; Карлъ V); Georges Hervé—Этнологія (этнологія Европы: Эльзасъ); Adrien de Mortillet—Этнографическая технологія (первобытныя постройки и мегалитическіе памятники); J.-V. Laborde—Біологическая антропологія (біологическое введеніе въ криминальную антропологію); Franz Schrader—Антропологическая географія (географическіе факторы доисторическаго времени и историческаго); L. Manouvrier—Физіологическая антропологія (антропологія половъ—біологическая и соціологическая); Ch. Letourneau—Соціологія (исторія цивилизацій; первичныя общества: кланы и трибы); P.-G. Mahoudeau—Зоологическая антропологія (происхожденіе человѣка). Всѣ курсы публичны и безплатны. Школа вступила въ 25-ый годъ своего существованія.

XI-ый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей состоится въ Петербургѣ съ 28-го декабря будущаго 1901 года и продолжится 10 дней. Предсѣдателемъ распорядительнаго комитета съѣзда избранъ проф. Н. А. Меншуткинъ, товарищемъ предсѣдателя - проф. А. А. Иностранцевъ и дѣлопроизводителями—профессоры И. И. Боргманъ и Шевяковъ.

XIII-ая сессія международнаго конгресса по доисторической археологіи и антропологіи имѣетъ быть въ 1903 г. въ Вѣнѣ. Членами организа-

ціоннаго комитета на бывшемъ въ августѣ 1900 г. въ Парижѣ XII-мъ международномъ конгрессѣ избраны: президентъ Вѣнскаго Антропологическаго Общества проф. Moriz Hoernes, хранитель Антропологическаго музея Jozef Szombathy, Baron Andrian, Franz Heger и M. Much.

Итальянское Антропологическое Общество во Флоренціи (Societá Italiana d'Antropologia, Firenze, Via Gino Capponi, 3) будетъ праздновать 30-го апрѣля (нов. ст.) 1901 года 30-ую годовщину своего существованія. Президентомъ Общества въ настоящее время состоитъ P. Mantegazza, секретарями: E. Regàlia и S. Sommier.

Новый англійскій антропологическій журналъ. Лондонскій Антропологическій Институтъ съ января будущаго 1901 г. приступаетъ къ изданію новаго ежемѣсячнаго журнала «Man» («Человѣкъ»). Журналъ будетъ посвященъ физической антропологіи, этнографіи, психологіи, древнѣйшимъ эпохамъ культуры и исторіи соціальныхъ учрежденій, нравственныхъ и религіозныхъ идей. Кромѣ самостоятельныхъ статей, въ журналѣ будутъ помѣщаться обзоры соотвѣтственной литературы, извѣстія о дѣятельности Обществъ, музеевъ и т. д. Цѣна журнала—10 шиллинговъ въ годъ.

Берлинскій профессоръ В. Вальдейеръ и мюнхенскій профессоръ I. Ранке, во вниманіе къ ихъ крупнымъ научнымъ заслугамъ, избраны, по предложенію Антропологическаго Отдѣла, въ почетные члены Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Императорское Русское Географическое Общество. Въ засѣданіи Общества 1-го декабря *Л. Я. Штернбергъ* сдѣлалъ сообщеніе «О гилякахъ о-ва Сахалина и сосѣдняго материковаго побережья». Небольшое племя гиляковъ, численностью менѣе 5 тыс. душъ, разбросано по огромной территоріи сѣверной половины о. Сахалина и противолежащаго побережья Сибири. Желѣзнымъ кольцомъ окружаютъ его другія, совершенно чуждыя ему, племена: айны, тунгузы и мн. др. Среди нихъ гилякъ является совершенно изолированнымъ, благодаря особенностямъ соціальнаго своего быта и своему языку. Послѣдній, распадающійся на два большихъ и нѣсколько малыхъ діалектовъ,—признакъ прежней многочисленности этого племени,—не имѣетъ ничего общаго не только съ нарѣчіями сосѣднихъ народовъ, но и съ языкомъ всѣхъ остальныхъ народностей обширной Азіи. Лингвистическія изысканія даютъ право остановиться на гипотезѣ о родствѣ гиляковъ съ аборигенами С. Америки; ее поддерживаютъ также наличность общихъ обрядовъ и обычаевъ у гиляковъ и алеутовъ; такого рода воззрѣнія можно встрѣтить и среди самихъ гиляковъ. Нѣкоторыя переживанія въ бытѣ и языкѣ, а также и кое-какія преданія указываютъ, что первоначальная родина гиляковъ—арктическія страны. На Сахалинѣ они—пришельцы, вытѣснившіе племя айновъ. Но переселеніе произошло, безъ сомнѣнія, много вѣковъ тому назадъ; иначе сахалинскіе гиляки не успѣли бы въ такой степени сродниться съ мѣстными условіями и приноровить къ нимъ свой бытъ, какъ это наблюдается теперь. По заявленію докладчика, антропологическаго специфическаго типа гиляка не существуетъ, хотя для подтвержденія этого авторъ не привелъ никакихъ данныхъ. По его словамъ, какъ раса, гиляки давно вымерли, но племя осталось лишь въ языкѣ и своеобразномъ соціальномъ строѣ. Гиляки имѣютъ въ физическомъ отношеніи сходство съ монгольской расой, такъ какъ основатели всѣхъ современныхъ гилякскихъ родовъ были выходцы другихъ племенъ. Бытъ гиляковъ крайне своеобразенъ. Бракъ ихъ, индивидуальный по внѣшнему виду, является въ сущности групповымъ. Среди извѣстной группы, составъ которой опредѣляется родовыми

связями, всѣ женщины считаются общими, хотя и имѣютъ въ большинствѣ случаевъ законнаго супруга, съ которымъ живутъ въ мирѣ и согласіи. Браку предшествуютъ обычныя формальности; за невѣсту платится ея будущимъ мужемъ калымъ. Невѣста берется изъ опредѣленнаго рода, связаннаго съ даннымъ кровнымъ родствомъ. Женитьба на женщинѣ-чужеродкѣ считается тяжкимъ религіознымъ проступкомъ. Этотъ взглядъ на бракъ съ чужеродцами можетъ служить къ объясненію нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ первобытнаго брака, каковы, напр., похищеніе женщинъ, избіеніе дѣвочекъ. Послѣднее, очевидно, легко можетъ найти себѣ примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ связанныхъ родственными узами группъ вымерла или сильно уменьшилась: для женщинъ болѣе многочисленной группы, очевидно, не хватаетъ тогда мужей. Докладъ былъ богато иллюстрированъ туманными картинами, изображавшими природу, типы и внѣшній бытъ гиляковъ.

Русское Антропологическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ возобновило свою дѣятельность послѣ лѣтнихъ каникулъ 29-го сентября. Въ этотъ день состоялось засѣданіе Общества, въ которомъ предсѣдатель *Д. А. Коропчевскій* помянулъ добрымъ словомъ память покойнаго проф. Э. Ю. Петри, а затѣмъ секретарь Общества *Е. М. Чепурковскій* прочелъ докладъ на тему: «Значеніе измѣреній для характеристики типа». Основныя положенія доклада сводились къ слѣдующему: 1) Современныя антропо-соціологическія теоріи—Гобино, Лапужа, Гумпловича, Вильсера,—сводя весь историческій процессъ къ одному фактору—расѣ, не выдерживаютъ критики, и даже такія обширныя изслѣдованія, какъ измѣреніе населенія Бадена Аммономъ, имѣютъ не то значеніе, какое имъ приписываетъ авторъ. Всѣ данныя, добытыя этими изслѣдованіями: преобладаніе длинноголоваго элемента въ населеніи городовъ, переселеніе въ города по преимуществу длинноголовыхъ и т. д., объясняются гораздо проще—исторіей заселенія Бадена и особенностями развитія средне-вѣковыхъ западно-европейскихъ городовъ. Совершенно поэтому правъ Манувріе, называя антропо-соціологію искусственной наукой. 2) И работы Аммона, и всякія другія антропометрическія изслѣдованія имѣютъ громадное значеніе для характеристики типа и группъ человѣчества и поведутъ къ разгадкѣ физіологическаго значенія тѣхъ признаковъ, которые его имѣютъ. Но при этомъ необходимо подвергать ихъ математической обработкѣ. Вопросомъ этимъ занимались Штида, Тёрёкъ, Гальтонъ и др.; наиболѣе полны изысканія проф. Лондонскаго университета К. Пирсона. Въ своихъ многочисленныхъ монографіяхъ онъ даетъ весьма удобные способы нахожденія математическихъ выраженій для измѣнчивости типа, а также соотношеній его органовъ, выражая первую при помощи средней квадратической ошибки, а вторыя—при помощи коэффиціента корреляціи. Имъ изслѣдована, напр., измѣнчивость различныхъ органовъ мужчинъ и женщинъ у различныхъ народовъ, и въ противоположность утвержденію нѣкоторыхъ популяризаторовъ, что женскій типъ болѣе консервативенъ, онъ доказалъ, что въ общемъ у женщины измѣнчивость больше. Имъ найденъ также цѣлый рядъ математическихъ выраженій для степени соотношенія различныхъ органовъ одного и того же индивидуума, вычислены коэффиціенты наслѣдственности между различными сородичами и изслѣдованъ при помощи того же метода рядъ явленій общественной жизни, половой подборъ среди человѣчества и т. д. 3) Тотъ же математическій методъ, по мнѣнію докладчика, можетъ быть примѣненъ и къ изученію соотношеній отдѣльныхъ частей черепа. Докладчикъ представилъ собственныя, пока еще не многочисленныя, данныя по этому послѣднему вопросу, при дальнѣйшей обработкѣ

которыхъ онъ надѣется подойти къ рѣшенію вопроса о значеніи головнаго показателя, которому цѣлый рядъ ученыхъ и среди нихъ даже Пирсонъ и Риплей приписываютъ значеніе, котораго онъ не имѣетъ. Второе засѣданіе Общества состоялось 27-го октября. *Князь П. А. Путятинъ* прочелъ докладъ: «Научныя сообщенія на международныхъ конгрессахъ: 1) Антропологіи и доисторической археологіи и 2) Французской Ассоціаціи по движенію наукъ (секція антропологіи»). Докладчикъ присутствовалъ на конгрессахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Парижѣ, и подробно ознакомилъ слушателей съ главнѣйшими сообщеніями и экскурсіями. Въ третьемъ засѣданіи Общества, 1-го декабря, *С. Д. Масловскій* сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Горные таджики (остатки первобытнаго населенія Туркестана)». Въ теченіи 5-ти командировокъ отъ Общества онъ изслѣдовалъ въ этнографическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ Самаркандскую область, горную Бухару верховья Аму-Дарьи, часть Памировъ и проникъ въ Язгулонъ, не посѣщенный еще ни однимъ европейцемъ. Обширный антропологическій матеріалъ, уже отчасти разработанный докладчикомъ, привелъ его къ тому заключенію, что первобытными обитателями этой мѣстности надо считать горныхъ таджиковъ, обладающихъ характерными признаками той «альпійской расы», которая распространена теперь въ горахъ Европы; но кромѣ этихъ и нынѣ существующихъ остатковъ старины, докладчику удалось открыть и слѣды еще болѣе древняго населенія—длинноголоваго, черепа котораго найдены въ пещерахъ Памировъ. Это—длинноголовые авганскіе люли, кочующее племя съ негроидными признаками. Въ своихъ экскурсіяхъ докладчику приходилось встрѣчать и изслѣдовать киргизовъ, узбековъ, таджиковъ, сартовъ, евреевъ, цыганъ (люли и мазанги), авганцевъ и врановъ.

Антропологическое Общество при Военно-Медицинской Академіи. Въ истекшемъ 1899—900 году Общество состояло изъ 15 почетныхъ членовъ, 19 членовъ-учредителей и 72 дѣйствительныхъ членовъ. Вслѣдствіе истеченія 3-лѣтняго срока, въ октябрѣ 1899 г. были произведены выборы должностныхъ лицъ на слѣдующее трехлѣтіе; предсѣдателемъ снова избранъ проф. А. И. Таренецкій, товарищемъ предсѣдателя—д-ръ мед. Д. П. Никольскій и секретаремъ, вслѣдствіе отказа д-ра мед. С. Н. Делицина, избранъ д-ръ мед. М. Т. Тихановъ. Общество имѣло въ истекшемъ году 6 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 7 сообщеній: 1) *Г. Буховецкій* сообщилъ интересныя наблюденія надъ японцами; 2) *Д. П. Никольскій* произнесъ рѣчь памяти проф. Э. Ю. Петри; 3) *онъ же* сдѣлалъ докладъ о чукчахъ Колымскаго округа по изслѣдованіямъ г. Богораза; 4) *В. И. Томашевскій* доложилъ свое изслѣдованіе мозговъ извѣстныхъ современниковъ, съ демонстраціей самихъ мозговъ; 5) *проф. А. И. Таренецкій* сдѣлалъ докладъ о бурахъ Южной Африки; 6) *И. Э. Шабловскій*—о керченскихъ черепахъ (съ демонстраціей череповъ); 7) *К. Н. Островскихъ* сообщилъ свои этнографическія наблюденія въ горныхъ кишлакахъ Самаркандской области.

Въ настоящее время печатается V-ый томъ «Трудовъ» Общества, обнимающій собою его дѣятельность за два учебныхъ года: 1897—98 и 1898—99.

Въ засѣданіи Общества 4-го декабря были сдѣланы доклады: *Д. П. Никольскимъ*—Новый антропологическій журналъ, *проф. А. И. Таренецкимъ*.—По поводу нѣкоторыхъ полученныхъ изъ Парижа слѣпковъ череповъ, и д-ромъ *Габеркрономъ*—Демонстрація новаго аппарата для измѣренія черепа.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія. Въ трехъ засѣданіяхъ Отдѣла, бывшихъ послѣ лѣтнихъ каникулъ (15-го сентября, 7-го октября и 13-го ноября), доложены 11 сообщеній: 1) *Д. Н. Ану-*

чина—Аномальные швы и кости мозговаго черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке; 2) *его же*—Объ останкахъ древнихъ германцевъ изъ торфяниковъ Шлезвигъ-Гольштейна; 3) *В. В. Воробьева*—Пропорціи человѣческаго скелета по изслѣдованіямъ G. Soularue; 4) *его же*—Астраханскіе калмыки и тарбагатайскіе торгоуты (сравнительно-антропологическій очеркъ); 5) *Н. Л. Зеланда* — Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина; 6) *Ф. Я. Кона*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ; 7) *П. А. Минакова*—Мозгъ Германа Гельмгольца; 8) *Л. Г. Нидерле*—Изслѣдованія д-ра Hellich'а доисторическихъ череповъ Богеміи; 9) *В. Н. Розанова*—Гинекомастія; 10) *Л. Д. Синицкаго*—Географическая будущность европейскихъ расъ по W. Ripley, и 11) *А. Д. Элькинда*—Антропологическія наблюденія надъ произведеніями античнаго искусства.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ"

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
Географическаго Отдѣленія
ИМПЕРАТОРСКАГО
Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Выходитъ въ Москвѣ съ 1894 года 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, картъ, фототипіи и рисунковъ въ текстѣ. Подписка на **1901** годъ продолжается.

Цѣна въ годъ, съ доставкою, 6 руб.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться по адресу: Географическое Отдѣленіе Общества Любителей Естествознанія, Политехническій Музей, Москва. Прежніе годы, 1894—1899, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894-ый годъ безъ 1-ой книжки за 3 р. (1-ая книжка 1894 г. осталась лишь въ немногихъ экземплярахъ; цѣна ей 10 р.). Всѣ прежніе года (1894 — 1900), безъ 1-ой книжки 1894 г., со всѣми приложеніями, могутъ быть получены за 30 р., съ 1-й книжкой 1894 г. за 38 р., а съ подпиской на 1901 г. за 43 р.

Въ „Землевѣдѣніи" были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Н. М. Альбовъ:** Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа,—Очерки растительности Колхиды,—Природа Огненной Земли; проф. **Д. Н. Анучинъ:** Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій,—Суша (краткія свѣдѣнія по орографіи),—Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины;—О судьбѣ Колумба; **В. В. Богдановъ:** Мурманъ; **А. С. Бергъ:** Поѣздка на Аральское море; **А. М. Беркенгеймъ:** Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины;—Современное эконом. положеніе Сиріи и Палестины; проф. **А. И. Воейковъ:** Воздѣйствіе человѣка на природу; **М. М. Воскобойниковъ:** Изъ наблюденій на Памирѣ; **А. А. Ивановскій:** Истоки рѣки Москвы,—Озеро Гокча,—Араратъ; **П. Г. Игнатовъ:** По южному Алтаю; проф. **А. Н. Красновъ:** Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина; проф. **П. И. Кротовъ:** Вятскій увалъ,—О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учеб. заведеніяхъ; **А. А. Круберъ:** О болотахъ Моск. и Рязан. губ.; — Опыты раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы; **Г. И. Куликовскій:** Заростающія и періодически исчезающія озера Обонежкаго края; **М. Л. Леваневскій:** Очерки Киргизскихъ степей; **Е. И. Луценко:** Поѣздка къ алтайскимъ теленгетамъ; **В. Г. Михайловскій:** Горныя группы и ледники Центральнаго Кавказа; **М. В. Никольскій:** Слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ; **В. А. Обручевъ:** Природа и жители Центральной Азіи; проф. **А. П. Павловъ:** О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ; **С. К. Паткановъ:** По Юкатану; **М. Н. Соболевъ:** Русскій Алтай; **Г. И. Танфильевъ:** Доисторическія степи Евр. Россіи,—О торфяникахъ Моск. губ.; **Б. А. Федченко:** Задачи ботанической географіи; **А. Ѳ. Флеровъ:** Ботанико-географическіе очерки и друг. Приложеніями къ журналу вышли: **Ф. Нансенъ.** Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **Г. Н. Потанинъ.** Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ, 894 стр. (въ отдѣльной продажѣ 4 р.); **А. Гейки.** О преподаваніи географіи, 170 стр.

Труды Антропологическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами). —*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. *А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.—*Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.—*А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.—*Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Икѳвъ и А. М. Раевская (некрологи.)—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховского у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—*А. Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилье.—*А. А. Ивановскій*.—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Годъ 1-й. Кн. I.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

1900 г., №. 1.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

ТРУДЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ). *А. Г. Рождественскій* — Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ью графич. таблицами). — *Н. В. Гильченко* — Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки. — *А. Д. Элькиндъ* — Привислянскіе поляки. — *Н. А. Янчукъ* — Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ. — *А. А. Арутиновъ* — Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ. — *Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ. — *Д. Н. Анучинъ* — Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи). — Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла. — Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ* — О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.). — *М. И. Лутохинъ* — Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза. — *П. А. Минаковъ* — Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскр. табл.). — *П. А. Минаковъ* — Ненормальная волосатость (съ 3 рис.). — *В. В. Воробьевъ* — Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.). — *В. И. Васильевъ* — Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховского у., Московской г. (съ 4 діаграм.). — *Н. В. Гильченко* — Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію. — *А. А. Ивановскій* — Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. — *П. А. Минаковъ* — О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ средней Россіи. — *А. Д. Элькиндъ* — О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.). — *А. Д. Элькиндъ* — Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.). — *Д. Н. Анучинъ* — Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье. — *А. А. Ивановскій* — Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.). — Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла. — Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Годъ 1-й. **Кн. II.**

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 2.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва. 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислянскіе поляки.—*Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ.—*А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ*—Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ.—*Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховского у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—*А. Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилье.—*А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Съ требованіями обращаться по адресу: Москва, Политехническій музей, въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. В. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, А. С. Хахановъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Содержаніе I кн.: Отъ Антропологическаго Отдѣла.—*А. А. Ивановскій*—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.—*В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.).—*П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.).—Изъ иностранной литературы: *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица (по Papillault).—*В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karutz'у и Holl'ю).—*И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе (по Karutz'у).—Фамильные типы и фамильное сходство.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Цѣна годовому изданію **5** руб. съ доставкой и пересылкой, за границу **6** руб. Цѣна отдѣльной книжки **1** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Годъ 1-й. Кн. III.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 3.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К⁰, Петровка, д. Обидиной.
1900.

Русскій Антропологическій журналъ

1900 года, книги I и II.

Содержаніе I кн.: Отъ Антропологическаго Отдѣла.—*А. А. Ивановскій*—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.—*В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.).—*П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.).—Изъ иностранной литературы: *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица (по Papillault).—*В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karutz'у и Holl'ю).—*И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе (по Karutz'у).—Фамильные типы и фамильное сходство.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе II кн.: *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи.—*А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.—*Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа.—*П. А. Минаковъ*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.).—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.—Изъ иностранной литературы: *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по Klaatsch'у).—*А. А. Ивановскій*—Евреи (по) (Ripley, съ 10 рис.).—*И. П. Силиничъ*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи (по Helm'у).—Некрологи: *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ.—*А. А. Ивановскій*—Филиппъ Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Труды Антропологическаго Отдѣла, т. XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (20 рис.).—*М. И. Лутолинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.).—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховского у., Московской губ. (съ 4 діагр.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій*—Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели.—*П. А. Минаковъ*—О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.).—*А. Д. Элькиндъ*—Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортилье.—*А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.).—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. В. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, А. С. Хахановъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

Годъ 1-й. Кн. IV.

Русскій Антропологическій Журналъ.

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

1900 г., №. 4.

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°. Москва, Петровка, домъ Обидиной.
1900.

Русскій Антропологическій Журналъ

1900 года, книги I—IV.

Содержаніе I кн.: Отъ Антропологическаго Отдѣла.—*А. А. Ивановскій*—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи.—*В. В. Воробьевъ*—Великоруссы (съ 6 рис.).—*П. А. Минаковъ*—Волосы въ антропологическомъ отношеніи (съ 4 рис.).—Изъ иностранной литературы: *Е. И. Луценко*—Общественная среда, какъ факторъ развитія и красоты человѣческаго лица (по Papillault).—*В. В. Воробьевъ*—Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи (по Karutz'у и Holl'ю).—*И. П. Силиничъ*—Формы колыбелей и ихъ развитіе (по Karutz'у).—Фамильные типы и фамильное сходство.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе II кн.: *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Древніе обитатели Центр. Азіи.—*А. Н. Красновъ*—Объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ и измѣреніяхъ въ Харьковскомъ и Валковскомъ уѣздахъ.—*Д. П. Никольскій*—О чукчахъ Колымскаго округа.—*П. А. Минаковъ*—Ногти человѣческой руки (съ 1 рис.).—Чествованіе проф. Д. Н. Анучина по поводу его 25-лѣтней дѣятельности въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.—Изъ иностранной литературы: *А. А. Ивановскій*—Положеніе человѣка въ ряду животныхъ (по Klaatsch'у).—*А. А. Ивановскій*—Евреи (по Ripley, съ 10 рис.).—*И. П. Силиничъ*—Роль химическаго анализа въ вопросахъ доисторической археологіи (по Helm'у).—Некрологи: *В. В. Воробьевъ*—Проф. С. С. Корсаковъ (съ портретомъ).—*Д. Н. Анучинъ*—Питтъ-Риверсъ.—*А. А. Ивановскій*—Филиппъ Сальмонъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Содержаніе III кн.: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.—*Н. Л. Зеландъ*—Къ антропологіи западно-сибирскаго крестьянина.—*В. В. Воробьевъ*—О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (съ 6 діагр.).—*А. А. Ивановскій*—Езиды (по изслѣдованіямъ К. И. Горощенко).—Изъ иностранной литературы: *Д. Н. Анучинъ*—Аномальные швы и кости мозгового черепа человѣка по изслѣдованіямъ проф. I. Ранке (съ 4 рис.).—*Л. Д. Синицкій*—Географическая будущность европейскихъ расъ (по W. Ripley).—Критика и библіографія.

Содержаніе IV книжки: *Н. А. Аристовъ*—Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ (продолж.).—*В. Н. Розановъ*—Гинекомастія (съ 5 рисунками).—*П. И. Майновъ*—Помѣсь русскихъ съ якутами (съ 4 рис.).—*Ф. Я. Конъ*—Беременность, роды и уходъ за ребенкомъ у качинокъ.—*Ю. Д. Талько-Грынцевичъ*—Польская антропологическая литература (съ портретами Майера и Коперницкаго).—Изъ иностранной литературы: *П. А. Минаковъ*—Мозгъ Герм. Гельмгольца (съ 2 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Объ останкахъ германцевъ III-IV вв. въ торфяникахъ Шлезвига и сосѣднихъ съ нимъ странъ (съ 4 рис.).—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ, съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, проф. В. Вальдейеръ (Берлинъ), В. И. Васильевъ, Р. Л. Вейнбергъ, В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), Н. Л. Зеландъ, А. А. Ивановскій, проф. І. Колльманъ (Базель), Ф. Я. Конъ, Д. А. Коропчевскій, проф. А. Н. Красновъ, Е. И. Луценко, проф. Ф. фонъ-Лушанъ (Берлинъ), И. И. Майновъ, проф. Н. М. Маліевъ, П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. И. Пантюховъ, проф. М. А. Поповъ, проф. Фр. Ратцель (Лейпцигъ), А. Г. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. Ж. Серджи (Римъ), проф. И. А. Сикорскій, И. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. И. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, А. С. Хахановъ, проф. Г. Швальбе (Страсбургъ), проф. Э. Шмидтъ (Лейпцигъ), проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к.

Принимается подписка на 1901 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

